

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P. S. Law 176.25

Bound

AUG 8 1908

Harvard College Library

FROM THE

PRICE GREENLEAF FUND

Residuary legacy of \$711,563 from E. Price Greenleaf,
of Boston, nearly one half of the income from
which is applied to the expenses of the
College Library.

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

СОРОКЪ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ LXXXIII. — ТОМЪ CDXXXV. — 1/14 МАЯ 1908.

1329-38/3

Р S (ar 176. 25

~~Стар 302~~

8740

ВЪСТАНЪКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ИСКУССТВА

СОРОКЪ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 5.

МАЙ, 1908.

ПЕТЕРБУРГЪ

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1908.

I.—ОТКРЫТИИ ИЛИ ВОСПОМИНАНИЯ.—I—У.—А. О. Ковин.	5
II.—БРЕТОНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ.—I. Соловь.—II. Подольный.—K. Вальмонда.	68
III.—ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СТАСОВЪ.—Очеркъ жизни его и деятельности.—XIX—XXII.—Означеніе.—Григорій Тимофеева.	64
IV.—ИЗЪ ЖИЗНИ МАКАРИ.—Поэма.—Сергій Семеновъ.	101
V.—ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЙ СЮДЛИ-ПРЮДОМА.—10. И теперь.—11. Идеалъ.—12. Козибезы.—13. Когда бы я Боговъ былъ.—14. Вилло.—15. Встрѣча.—Съ франц. С. Пинусъ.	158
VI.—ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ВЕРЕЩАГИНЪ.—По жизни воспоминанія.—II.—Означеніе.—А. В. Жиряевича.	167
VII.—„ОНА ЛЮБИЛА“—Всплкъ по подлинному роману Стеф. Зверовскаго: „Dzielo kochalo“.—Л. А.—въ.	191
VIII.—ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ НѢМЕЦКИХЪ ПОЭТОВЪ.—I. Г. Дольбе: Молитва.—II. В. Ваггера: 1. Козибезы. 2. Смерть дворян.—Съ нѣм. О. Чамма.	241
IX.—ПОЛИТИКА РАЗРУШЕНІЯ ВЪ АГРАРНОМЪ ВОПРОСѢ.—Заповѣ 9 января 1908 г.—А. С. Посинько.	248
X.—МИНИИ.—Поэма Анри Лихтенберга.—„Minie“, par André Lichtenberg.—IV—VI.—Означеніе.—Съ франц. О. Ч.	268
XI.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Юшманъ.—II. Въ дѣлѣ.—II. Лихтенъ.	302
XII.—ТАИЦЫЙ АГЕНТЪ.—Романъ.—Joseph Conrad, The Secret Agent.—IV—VI.—Съ англ. Э. В.	304
XIII.—АЛЕГОРИИ МИХАЙЛОВИЧЪ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.—Новое „дѣтское искусство“.—К. К. Арбузова.	358
XIV.—ПАМЯТИ А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА.—Стих. II. А. Тугуба.	369
XV.—ХРОНИКА.—Россійскіе государственныя доходы на 1908 г.—В. В.	371
XVI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Характерный эпизодъ бюджетныхъ вреній.—Историческая справка.—Внѣ-думскія вліянія.—Конституціонная форма и анти-конституціонное содержаніе.—Степень авторитарной силы, обнаруженной Государственною Думою.—Сокръ 17-го октября, „свобода“ и избирательное право.—„Привлечи вреніе“ въ центрѣ и въ окраинахъ.	380
XVII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Наборскій процессъ. Иллюстрированное изданіе.—Л. С.—II. Промышленный капитализмъ въ Россіи, С. А. Зва.—III. Иванъ Лидухъ, Бахъ англичане критикуютъ свои государственныя доходы.—IV. Я. В. Грозный, Организация работодателей въ Германіи.—V. К. А. Пажитновъ, Положеніе рабочаго класса въ Россіи.—В. В.—Планъ книги в бризжирѣ.	409
XVIII.—ЗАМѢТКА.—Новая отгачивка изъ воспоминаній А. О. Ковин.—Исторія Котларевскаго.	421
XIX.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Политическія перевѣи въ Англіи.—Новый премьеръ Аскитъ и его министерство.—Жизнь и деятельность Кезибелла-Ваннермана.—Геральдъ Девонширскій.—Иностранная политика въ Государственной Думѣ.—Новыя международныя соглашенія.	427
XX.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—Emile Zola, Contrebande (Les lettres et les arts).—Э. В.	440
XXI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Свѣтлый праздникъ.—Психически большое село.—Два прихра въ административной практикѣ.—Д. И. Суботинъ о доходахъ въ связи востройки аграрной драмы.—Надворность о контингентѣ ковораннскъ.—Пехобери.—Вопросъ о важности и природѣ: освобожденіе отъ нея парезъ и привлеченіе фискальных.—II. П. Леневъ †.	458
XXII.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, Томъ 125-ый.—Критическая литература о произведеніяхъ П. Г. Чернышевскаго. Составилъ Н. Девисахъ. Вып. 1-8.—Русскія народныя вѣсти объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, Петра Пейнберга. 2-е изд.—Сидней Луу, Государственный строй Англіи. Перев. съ англ. П. Браудо, в. р. проф. бар. В. Нольде, съ предисловіемъ проф. М. М. Ковалевскаго.—Русскій біографическій Словарь: Нетандуръ-Виксторъ. Изд. подъ наблюденіемъ председателя Имп. Русскаго Историческаго Общества, А. А. Половцова.	

ОТРЫВКИ

ИЗЪ

ВОСПОМИНАНІЙ

I.

Въ первый разъ я близко встрѣтился съ Тургеневымъ въ 1874 году, въ одинъ изъ его кратковременныхъ прїѣздовъ въ Петербургъ. Его вообще интересовали наши новые суды, а затѣмъ особое его вниманіе остановилъ на себѣ разбиравшійся въ этомъ году при моемъ участіи, въ качествѣ прокурора, громкій, по личности участниковъ, процессъ объ убійствѣ псковскаго помѣщика Чихачева. Этотъ Чихачевъ, брачная жизнь котораго сложилась неудачно, былъ дружески принятъ въ семьѣ одного мѣстнаго помѣщика и изливалъ скорбь по поводу своихъ житейскихъ невзгодъ предъ сестрой этого помѣщика, молодой впечатлительной дѣвушкой, только-что окончившей воспитаніе въ институтѣ. Она стала его жалѣть, и эта жалость, какъ часто бываетъ у русской женщины, вскорѣ перешла въ любовь, которою и воспользовался сладеорѣчивый неудачникъ. Черезъ нѣкоторое время, замѣтивъ, что она нравится мѣстному энергическому земскому дѣятелю, занимавшему должность мирового судьи, онъ, пустивъ въ ходъ свое неотразимое на нее вліяніе, уговорилъ ее выйти за этого мирового судью, предложивъ себя, съ цинической брѣвностью, въ ея посаженные отцы. Бѣдная дѣвушка, на его настойчивымъ совѣтамъ, вскорѣ убѣдилась, что въ мужѣ довѣрчиваго, благороднаго и горячо-любящаго ея, видащаго въ ней утѣшеніе и поддержку въ своей

тревожной, полной борьбы, общественной дѣятельности. Такъ прошло семь лѣтъ, и однажды, когда, вернувшись въ свою усадьбу изъ уѣзднаго города, мужъ сталъ разсказывать про происки и вражду своихъ противниковъ и высказалъ женѣ, какое огромное нравственное значеніе имѣетъ для него непоколебимая вѣра въ ея любовь и чистоту, она почувствовала, что не можетъ и не должна скрывать отъ него истину о своемъ прошломъ и разсказала ему „все“. Это запоздалое признаніе ошеломило несчастнаго человѣка, разрушило и осквернило въ его глазахъ счастье его многихъ лѣтъ и возбудило въ немъ, на почвѣ оскорбленнаго самолюбія, ревность, которая стала питать сама себя болѣзненными представленіями и приводившими его въ ярость подозрѣніями. Заставляя жену почти ежедневно терзать себя и терзаться самой подробнымъ разсказомъ о своемъ „паденіи“, онъ наконецъ потребовалъ, чтобы она повторила въ лицо своему соблазнителю все то, что разсказала мужу,—и затѣмъ сталъ его преслѣдовать настойчивыми требованіями „сойти со сцены“. Чихачевъ бѣжалъ за-границу, но оскорбленный мужъ, въ сопровожденіи почти обезумѣвшей отъ страданій жены, бросился за нимъ въ погоню, искалъ его по всей Европѣ и наконецъ настигъ, вернувшись вслѣдъ за нимъ въ Петербургъ, гдѣ ворвался въ его квартиру и убилъ его ударами кинжала, приказавъ при этомъ женѣ стрѣлять въ него изъ револьвера.

Переписка участниковъ этой драмы, дневникъ жены и личность убійцы, обладавшаго въ частной и общественной жизни многими симпатичными и даже трогательными свойствами, представляли чрезвычайно интересный матеріалъ для глубокаго и тонкаго наблюдателя и изобразителя жизни, какимъ былъ Тургеневъ. Онъ хотѣлъ познакомиться съ нѣкоторыми подробностями дѣла и со взглядомъ на него человѣка, которому выпало на долю разбирать эту житейскую драму предъ судомъ. Покойный Викторъ Павловичъ Гаевскій привелъ Тургенева ко мнѣ въ окружный судъ и познакомилъ насъ. Какъ сейчасъ — вижу крупную фигуру писателя, сыгравшаго такую вліятельную роль въ умственномъ и нравственномъ развитіи людей моего поколѣнія, познакомившаго ихъ съ несравненной красотой русскаго слова и давшаго имъ много незабвенныхъ минутъ душевнаго умиленія;—вижу его сѣдины съ прядью, спускавшеюся на лобъ, его милое, русское мужичье, какъ у Л. Н. Толстого, лицо, съ которымъ мало гармонировало шелковое кашне, обмотанное по французскому обычаю вокругъ шеи; слышу его мягкій „бабій“ голосъ, тоже мало соответствовавшій его боль-

шому росту и крупному сложенію. Я объяснилъ ему все, что его интересовало въ этомъ дѣлѣ, пренія по которому онъ признавалъ заслуживавшими перевода на французскій языкъ, а затѣмъ, уже не помню по какому поводу, разговоръ перешелъ на другія темы. Коснулся онъ, между прочимъ, Герцена, о которомъ Тургеневъ говорилъ съ особой теплотой, и въ заключеніе разсказалъ слѣдующее: „Однажды, въ Парижѣ, въ половинѣ шестидесятихъ годовъ, мы отправились вмѣстѣ съ Герценомъ къ старику Литтре. Онъ былъ искренно обрадованъ нашимъ посѣщеніемъ и сказалъ намъ: „Je vais vous régaler de bon vieux vin“. Затѣмъ позвалъ свою bonne à tout faire и далъ ей подробныя указанія о томъ, какъ найти въ погребѣ завѣтную бутылку. Но когда она принесла покрытую пылью и какою-то плѣсенью бутылку съ краснымъ виномъ, у Герцена съ оника загорѣлся съ хозяиномъ горячій споръ по поводу какого-то изъ словъ въ его знаменитомъ словарѣ. Герценъ очень горячился, нервно ходилъ по комнатѣ и залпомъ выпилъ два стакана бережно разлитого хозяиномъ вина. Наконецъ, споръ утихъ, и мы стали собираться уходить. — „А какъ вамъ понравилось мое вино?“ спросилъ Литтре. — „Да, недурное petit vin“, — отвѣтилъ Герценъ, очевидно, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ пилъ. — „Какъ petit vin?! — воскликнулъ съ горестнымъ изумленіемъ Литтре — да, вѣдь, это Chambertin 37-го года! Вѣдь, это — драгоценность, которую я много, много лѣтъ не рѣшался раскупорить!..“ — Лицо его омрачилось, губы сложились въ саркастическую усмѣшку, и онъ холодно простился съ нами. Когда мы вышли отъ Литтре и проходили по улицѣ, я сказалъ Герцену: „А, вѣдь, старикъ-то очень обидѣлся!“ — „А, чертъ его возьми!“ — отвѣтилъ Герценъ — затѣмъ же онъ не сказалъ, какое это вино и какого года: я бы его со всѣмъ по другому пилъ!..“

Когда Гаевскій напомнилъ, что Иванъ Сергѣевичъ хотѣлъ бы посмотрѣть самое производство суда съ присяжными, я послалъ узнать, какія дѣла слушаются въ этотъ день въ обоихъ уголовныхъ отдѣленіяхъ суда. Оказалось, что тамъ, какъ будто нарочно, разбирательство шло при закрытыхъ дверяхъ и что въ одномъ разсмотрѣніи дѣла уже кончилось, а въ другомъ еще продолжалось судебное слѣдствіе. Я повелъ Тургенева въ это послѣднее отдѣленіе и, оставивъ его на минуту съ Гаевскимъ, вошелъ въ залу засѣданія, чтобы попросить товарища предсѣдателя разрѣшить ему присутствовать при разборѣ дѣла. Но этотъ тупой формалистъ заявилъ мнѣ, что это невозможно, такъ какъ Тургеневъ не чинъ судебного вѣдомства и что онъ можетъ дозволить ему присутство-

вать лишь въ томъ случаѣ, если подсудимый—отставной солдатъ, обвинявшійся въ растлѣніи восьмилѣтней дѣвочки,—заявить, что просить его допустить въ залу, какъ своего родственника. Въ надеждѣ, что Тургеневъ, вѣроятно, почетный мировой судья у себя въ Орловской губерніи, я обратился къ нему съ вопросомъ объ этомъ, но получилъ отрицательный отвѣтъ. Мнѣ однако трудно было этому повѣрить, и я послалъ въ свой кабинетъ за спискомъ чиновъ министерства юстиціи, въ которомъ, къ великой моей радости и къ неменьшему удивленію самого Тургенева, оказалось, что онъ давно уже почетный мировой судья и даже по двумъ уѣздамъ. Онъ добродушно разсмѣялся, замѣтивъ, что это съ нимъ случается не въ первый разъ и что точно также онъ совершенно случайно узналъ о томъ, что состоитъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Я увидѣлъ въ этомъ нашу обычную халатность: даже желая почтить человѣка, мы обыкновенно не умѣемъ этого додѣлать до конца...

Введенный мною въ мѣста за судьями залы засѣданія, Тургеневъ чрезвычайно внимательно слѣдилъ за всѣми подробностями процесса. Когда былъ объявленъ перерывъ и судья ушелъ въ свою совѣщательную комнату, я привелъ туда Тургенева (Гаевскій уѣхалъ раньше) и познакомилъ его съ товарищемъ предсѣдателя и членами суда. Въ составѣ судей былъ старѣйшій членъ суда, почтенный старикъ-труженикъ, горячо преданный своему дѣлу, но кромѣ этого дѣла ничѣмъ не интересовавшійся. Онъ имѣлъ привычку брюзжать, говорить въ засѣданіяхъ самъ съ собою и обращаться къ свидѣтелямъ и участвующимъ въ дѣлѣ съ вопросами, поражающими своей неожиданной наивностью, причѣмъ вѣчно куда-то торопился, прерывая иногда на полусловѣ свою отрывистую рѣчь. „Позвольте васъ познакомиться съ Иваномъ Сергѣевичемъ Тргеневымъ, — сказалъ я ему и прибавилъ, обращаясь къ нашему гостю: — а это одинъ изъ старѣйшихъ членовъ нашего суда NN“. — Тургеневъ любезно протянулъ руку, мой „старѣйшій“ небрежно подаль свою и сказалъ, мелькомъ взглянувъ на Тургенева: „Гм! Тургеневъ? Гм! Тургеневъ? Это вы были предсѣдателемъ казенной палаты въ—?“ — и онъ назвалъ какой-то губернской городъ — „Нѣтъ, не былъ“, — удивленно отвѣтилъ Тургеневъ. — „Гм! а я слышалъ объ одномъ Тургеневѣ, который былъ предсѣдателемъ казенной палаты“. — Это нашъ извѣстный писатель, — сказалъ я вполголоса. — „Гм! писатель? Не знаю...“ — и онъ обратился къ проходившему помощнику секретаря съ какимъ-то порученіемъ.

Въ слѣдующій прїѣздъ Тургенева я встрѣчалъ его у М. М. Стасюлевича и не могъ достаточно налюбоваться его манерой разсказывать съ изящной простотой и выпуклостью, причемъ онъ иногда чрезвычайно оживлялся. Такъ, помню я необыкновенное одушевленіе и силу слова, съ которыми онъ повѣствовалъ намъ о пергамскихъ раскопкахъ. Иногда онъ очень подробно описывалъ свои сновидѣнія, и тогда въ его блестящую фантазію довольно явственно вполеталось чувство ужаса предъ неизбѣжностью смерти, чувство, которое такъ сильно звучитъ въ его послѣднихъ произведеніяхъ. Тутъ же однажды за столомъ, въ послѣдній его прїѣздъ въ Россію, произошелъ горячій споръ его съ Кавелинымъ о любимыхъ поэтахъ. Тургеневъ преклонялся предъ Пушкинымъ, какъ Кавелинъ предъ Петромъ, и говорилъ о немъ съ увлеченіемъ, съ гордымъ одушевленіемъ, ревниво ограждая его отъ сопоставленія съ Лермонтовымъ, котораго, въ свою очередь, чрезвычайно любилъ и ставилъ выше Кавелинъ. Давно ожидаемый и отчасти даже подготовленный споръ возгорѣлся и доставилъ слушателямъ высокое, неповторяемое наслажденіе. Оба противника остались при своемъ — и разошлись, усталые, взволнованные, пожавъ другъ другу руку въ послѣдній разъ... Помнится, что въ этотъ же вечеръ Тургеневъ восхищался тѣмъ, какъ Пушкинъ въ нѣсколькихъ словахъ умѣлъ изобразить душевное настроеніе поэта, когда имъ овладѣваетъ вдохновеніе и, оставивъ дѣтей ничтожныхъ міра, онъ бѣжитъ въ широкошумныя дубровы — „смятенія и звуковъ полнѣ“. — „Тотъ, кто испыталъ на себѣ приливъ такого вдохновенія — говорилъ Тургеневъ — тотъ знаетъ, что ярче и сильнѣе нельзя изобразить вызываемое имъ состояніе души, какъ то сдѣлалъ великій русскій поэтъ. *Смятеніе, именно смятеніе!*“

Зимою 1879 года, Тургеневъ былъ проездомъ въ Петербургъ и жилъ довольно долго въ меблированныхъ комнатахъ на углу тогдашней Малой Морской и Невскаго. Старья, односторонняя, предвзятая и подчасъ продиктованная личнымъ нерасположеніемъ и завистью, нападки на автора „Отцовъ и Дѣтей“, вызвавшія у него крикъ души въ его „Довольно“, давно преградились, и снова симпатія всего, что было лучшаго въ русскомъ мыслящемъ обществѣ, обратились къ нему. Особенно восторженно относилась къ нему молодежь. Ему приходилось убѣждаться въ заслуженномъ вниманіи и тепломъ отношеніи общества почти на каждомъ шагѣ, и онъ самъ съ милой улыбкой внутренняго удовлетворенія говорилъ, что русское общество *его простило*. Въ этотъ свой прїѣздъ онъ очень мучился припадками подагры и

однажды просидѣлъ нѣсколько дней безвыходно въ тяжелыхъ страданіяхъ, въ которыхъ относился, впрочемъ, съ большимъ юморомъ, выгодно отличаясь въ этомъ отношеніи отъ многихъ весьма развитыхъ людей, которые не могутъ удержаться, чтобы прежде всего не нагрузить своего собесѣдника или посѣтителя цѣлой массой свѣдѣній о своихъ болѣзненныхъ ощущеніяхъ, достоинствахъ врачей и качествахъ прописанныхъ медикаментовъ. Придя въ нему вмѣстѣ съ покойнымъ А. И. Урусовымъ, мы встрѣтили у него Салтыкова-Щедрина и присутствовали при поразившей насъ своей дипломатичностью ихъ бесѣдѣ, что такъ мало вязалось съ бранчивой повадкой знаменитаго сатирика. Было очевидно, что есть много литературныхъ, а можетъ быть и житейскихъ вопросовъ, по которымъ они рѣзко расходились во мнѣніяхъ. Но было интересно слышать, какъ они оба тщательно обходили эти вопросы не только сами, но даже и тогда, когда ихъ возбуждалъ Урусовъ.

Въ концѣ января этого года скончался мой отецъ—старый литераторъ 30-хъ и 40-хъ годовъ и редакторъ-издатель журнала „Пантеонъ“, главнымъ образомъ посвященнаго искусству и преимущественно театру, вслѣдствіе чего повойный былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со многими выдающимися артистами того времени. Въ бумагахъ его, среди писемъ Мочалова, Щепкина, Мартынова и Каратыгина, оказался большой дагерротипный портретъ Полины Віардо-Гарсія съ любовною надписью. Она изображена на немъ въ костюмѣ начала 50-хъ годовъ, въ гладкой прическѣ съ проборомъ по срединѣ, закрывающей на половину, уши, и съ „височками“. Крупныя черты ея некрасиваго лица, съ толстыми губами и энергическимъ подбородкомъ, тѣмъ не менѣе привлекательны, благодаря прекраснымъ, большимъ, темнымъ глазамъ съ глубокимъ выраженіемъ. Среди этихъ же бумагъ я нашелъ стихотвореніе забытаго теперь поэта Мятлева, автора „сенсацийъ госпожи Курдюковой данъ летранжѣ“, пользовавшихся въ свое непритязательное время нѣкоторой славой и представляющихъ скучную, въ концѣ концовъ, смѣсь „французскаго съ нижегородскимъ“. Въ такомъ же родѣ было и это его стихотвореніе, помѣченное 1843 годомъ. Вотъ оно:

Что за верь-до, что за верь-до,—
Напрасно такъ пѣвцу называютъ!
Неужели не понимаютъ,
Какой небесный въ ней кадо?
Скорѣе слушая сирену,
Шампанскаго игру и пѣну,

Припомнимъ мы, такъ высоко
И самый лучшій вѣвъ Кливо
Не залетить, не унесется,
Какъ пѣснь ея, когда залется
Соловухкою.—Э, времятъ,
Предъ ней водица и Креманъ!
Она въ Сонамбулъ, въ Отелло—
Заткнетъ за поясъ Монтебелло,
А про Моеть и Силлера
То даже и не говори!

(10 декабря 1843 г.)

По времени оно относилось къ тѣмъ годамъ, когда впервые появилась на петербургской оперной сценѣ Віардо и когда съ нею познакомился Тургеневъ, сразу подпавшій подъ обаяніе ея чуднаго голоса и всей ея властной личности. Восторгъ, ею возбуждаемый въ слушателяхъ, нашель себѣ выраженіе въ приведенныхъ стихахъ Мятлева, но для массы слушателей Віардо онъ былъ, конечно, переходящимъ, тогда какъ въ душу Тургенева этотъ восторгъ вошелъ до самой сокровенной ея глубины и остался тамъ навсегда, повлиявъ на всю личную жизнь этого „однолюба“ и, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ исказивъ то, чѣмъ эта жизнь могла бы быть. Несомнѣнно, что описаніе Тургеневымъ внезапно налетѣвшей на нѣкоторыхъ изъ его героевъ любви, вырвавшей подобно бурѣ изъ сердца ихъ слабые ростки другихъ чувствъ,—и тѣ скорбныя, меланхолическія ноты, которыя звучатъ въ описаніяхъ душевнаго состоявія этихъ героевъ въ „Вешнихъ Водахъ“, „Дымъ“ и „Перепискѣ“, имѣютъ автобіографическій источникъ. Не даромъ онъ писалъ, въ 1873 г., г-жѣ Комманвилъ: „Votre jugement sur les Eaux du Printemps est parfaitement juste; quant à la seconde partie, qui n'est ni bien motivée, ni bien nécessaire, je me suis laissé *entraîner* par des souvenirs“. Замѣчательно, что болѣе чѣмъ черезъ 35 лѣтъ послѣ первыхъ встрѣчъ съ Віардо,—въ сентябрѣ 1879 года,—Тургеневъ началъ одно изъ своихъ чудныхъ „стихотвореній въ прозѣ“ словами: „гдѣ-то, когда-то давно-давно тому назадъ я прочелъ одно стихотвореніе. Оно скоро позабылось мною; но первый стихъ остался у меня въ памяти: „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы“. Теперь зима; морозъ запушилъ стекла оконъ; въ темной комнатѣ горитъ одна свѣча; я сижу забившись въ уголь, а въ головѣ все звенить да звенить: „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы“.—Оказывается, что забытое Тургеневымъ и слышанное имъ *идь-то* и *когда-то* стихотвореніе принадлежало Мятлеву и было напечатано въ 1843 году подъ названіемъ

„Розы“. Вотъ начальная строфа этого произведенія, звучавшая чрезъ три съ половиной десятилѣтїя своимъ первымъ стихомъ въ памяти незабвеннаго художника, вмѣстѣ съ Мятлевымъ восхищавшагося Віардо-Гарсіей:

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы
Въ моемъ саду! Какъ взоръ прельщали мой,
Какъ я молилъ весенніе морозы
Не трогать ихъ холодною рукой!“

Въ этотъ свой прїѣздъ Тургеневъ снова часто бывалъ у М. М. Стасюлевича и много рассказывалъ съ большимъ оживленіемъ и жизненной бодростью въ голосѣ и взорѣ. Однажды, какъ я уже говорилъ, онъ необыкновенно красиво и образно описалъ выставленные въ Берлинѣ скульптурныя находки, добытыя при производствѣ пергамскихъ раскопокъ, причемъ, желая дать наглядное представленіе о несравненныхъ остаткахъ древняго искусства, всталъ съ кресла и представлялъ позы богинь и боговъ на пергамскихъ фризахъ и барельефахъ. Его рассказъ былъ такъ блестящъ, что хозяинъ въ интересахъ своего журнала рѣшился на энергическую мѣру. Онъ отвелъ Тургенева въ свой кабинетъ и заперъ его тамъ, заявивъ ему, что не выпуститъ его, покуда онъ не напишетъ всего, что рассказалъ.

Почти всегда въ бодромъ настроеніи духа, онъ бывалъ въ это время неистощимъ въ разсказахъ изъ своей жизни и своихъ наблюдений. Такъ, напримѣръ, онъ разсказалъ намъ, какъ однажды, иди по улицѣ уѣзднаго города—кажется, Обояни или Мценска—вмѣстѣ съ извѣстнымъ по „Запискамъ Охотника“ Ермолаемъ, онъ встрѣтилъ одного изъ мѣстныхъ мѣщанъ, которому Ермолай поклонился, какъ знакомому. „Что это?—спросилъ Тургеневъ, когда тотъ прошелъ мимо—лицо-то у него какъ расцарапано, даже кровь сочится!—И впрямь!—отвѣтилъ Ермолай—спросить надо. Эй! Семенычъ, подожди малость!“ И когда они оба подошли къ остановившемуся, то Ермолай сказалъ ему: „что это у тебя ливъ-то какой: весь въ царапинахъ!“—Мѣщанинъ провелъ рукой по лицу, посмотрѣлъ на слѣды крови на ладони, вздохнулъ, вытеръ руку объ изнанку полы своей чуйки и, мрачно посмотрѣвъ на Тургенева, вразумительнымъ тономъ сказалъ: „Жена встрѣтила!“ Въ другой разъ, описывая свое студенческое житье въ Петербургѣ, онъ, съ удивительной живостью подражая голосу своей квартирной хозяйки-вѣмки, передавалъ, какъ она, слушая его ропотъ на судьбу, не баловавшую его полученіемъ денегъ изъ отчаго дома, говаривала ему: „Эхъ, Иванъ Сергѣевичъ, не надо быть грустнымъ, man soll nicht traurig sein; жистъ это

какъ мухъ: пренепріятный нахѣткомъ! Что дѣлать! Тѣрпѣть надо!“

Когда насталъ день отъѣзда Тургенева, то, желая доставить ему удовольствіе и въ то же время избавить его отъ какихъ-либо личныхъ объясненій, я послалъ ему портретъ Віардо, принадлежавшій моему отцу. Но онъ успѣлъ мнѣ отвѣтить. — „Любезнѣйшій Анатолій Ѳедоровичъ!—писалъ онъ мнѣ 18-го марта 1879 года — я не хочу уѣхать изъ Россіи, не поблагодаривъ васъ за вашъ для меня весьма драгоценный подарокъ. Дагерротипъ моей старинной пріятельницы, перенося меня за тридцать лѣтъ назадъ, оживляетъ для меня то *незабвенное* время. Примите еще разъ мое искреннее спасибо. Позвольте дружески пожать вашу руку и увѣрить васъ въ чувствахъ неизмѣннаго уваженія преданнаго вамъ Ив. Тургенева“.

Лѣтомъ того же года мнѣ пришлось быть въ Парижѣ одновременно съ М. М. Стасюлевичемъ и его супругой. Тургеневъ жилъ въ это время тамъ (Rue de Douet, № 4), и Стасюлевичи пригласили насъ обоихъ завтракать къ Вуазену, гдѣ готовили какихъ-то особенныхъ курпатовъ, очень расхваливаемыхъ Иваномъ Сергѣевичемъ. Было условлено, что я забѣду за Тургеневымъ и мы вмѣстѣ въ назначенный часъ пріѣдемъ къ Вуазену. На мой звонокъ мнѣ отворилъ весьма непривѣтливый concierge и, узнавъ мою фамилію, указалъ мнѣ на верхній этажъ, куда вела лѣстница темнаго дерева съ широкимъ пролетомъ въ серединѣ, и отрывисто сказалъ мнѣ: „Vous êtes admis“. Проходя мимо дверей того этажа, который у насъ называется бель-этажемъ, я услышалъ за ними чей-то довольно рѣзкій голосъ, выдѣлывавшій вокальныя упражненія, прерываемыя по временамъ чьими-то замѣчаніями. Наверху меня встрѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ и ввелъ въ свое помѣщеніе, состоявшее изъ двухъ комнатъ. На немъ была старая, довольно потертая бархатная куртка. Царившая въ комнатахъ „оброшенность“ непріятно поразила меня. На маленькомъ закрытомъ роялѣ и положенныхъ на него нотахъ лежалъ густой слой пыли. Штора стариннаго прямого образца однимъ изъ своихъ верхнихъ угловъ оторвалась отъ палки, къ которой была прикрѣплена, и висѣла поперекъ окна, загораживая отчасти свѣтъ, очевидно уже давно, такъ какъ и на ея складкахъ замѣчался такой же слой пыли. Расхаживая, во время разговора съ хозяиномъ, по комнатѣ, я не могъ не замѣтить, что и въ сосѣдней небольшой спальной все было въ беспорядкѣ и неубрано, несмотря на то, что былъ уже второй часъ дня. Мнѣ невольно вспомнился стихъ Некрасова: „Но тотъ, кто лю-

блещей рукой не охраненъ, не обезпеченъ"... Видя, что оживленная бесѣда съ Тургеневымъ, очень интересовавшимся событіями и ходомъ дѣлъ на родинѣ, можетъ насъ задержать, я напомнилъ ему, что насъ ждутъ. — „Да, да, — заторопился онъ, — сейчасъ я одѣнусь!“ — и черезъ минуту вошелъ въ темно-сѣромъ пальто изъ какой-то матеріи, напоминавшей толстую парусину. Продолжая говорить, онъ хотѣлъ застегнуться и машинально искалъ пуговицы, которой уже давно на этомъ мѣстѣ не было. — Вы напрасно ищете пуговицу — замѣтилъ я, смѣясь, — ея нѣтъ! — „Ахъ! — воскликнулъ онъ — и въ самомъ дѣлѣ! Ну, такъ мы застегнемся на другую“ — и онъ перевелъ руку на одну петлю ниже, но соответствующая ей пуговица болталась на ниточкахъ, за которыми тянулась выступившая наружу подкладка. Онъ добродушно улыбнулся и, махнувъ рукою, просто запахнулъ пальто, продолжая разговаривать. Когда, спускаясь съ лѣстницы, мы стали приближаться къ дверямъ бель-этажа, за ними раздались звуки сильнаго контральта, тоже, какъ казалось, передававшіе какое-то вокальное упражненіе. Тургеневъ вдругъ замолеъ, шепнулъ мнѣ: „Ш-ш-ш!“ и смѣнилъ свои тяжелые шаги тихой поступью, а затѣмъ остановился противъ дверей, быстрымъ движеніемъ взялъ меня ниже локтя своей большою, покрытой рѣдкими черными волосами рукою и сказалъ мнѣ, показывая глазами на дверь: „Какой голосъ! До сихъ поръ!“ Я не могу забыть ни выраженія его лица, ни звука его словъ въ эту минуту: такой восторгъ и умиленіе, такая нѣжность и глубина чувства выражались въ нихъ... За завтракомъ онъ былъ очень веселъ, много рассказывалъ о Zola и о Daudet и ядовито подсмѣивался надъ первымъ изъ нихъ, когда я обратилъ его вниманіе на то, что одна изъ послѣднихъ корреспонденцій Зола въ „Вѣстникъ Европы“ о наводненіяхъ въ долинѣ Луары есть въ сущности повтореніе того, что рассказано авторомъ въ одномъ изъ раннихъ его произведеній, въ „Contes à Ninon“, подъ названіемъ Histoire du grand Mederic. — „Да, да, — сказалъ онъ — Зола не прочь быть именинникомъ и на Онуфрія и на Антона!“ Подъ конецъ наша собесѣдница какъ-то затронула вопросъ о бракѣ и шуточно просила Тургенева убѣдить меня наложить на себя брачныя узы. Тургеневъ заговорилъ не тотчасъ и какъ бы задумался, а потомъ поднялъ на меня глаза и сказалъ серьезнымъ и горячимъ тономъ: „Да, да, женитесь, непременно женитесь! Вы себѣ представить не можете, какъ тяжела одинокая старость, когда поневолѣ приходится пріютиться на краешкѣ чужого гнѣзда, получать ласковое отношеніе къ

себѣ какъ милостыню и быть въ положеніи стараго пса, котораго не прогоняютъ только по привычкѣ и изъ жалости къ нему. Послушайте моего совѣта! Не обрекайте себя на такое безотрадное будущее!“ Все это было сказано съ такимъ плохо затаеннымъ страданіемъ, что мы невольно переглянулись. Тургеневъ это замѣтилъ и вдругъ сталъ собираться уходить, по-видимому, недовольный вырвавшимся у него заявленіемъ. Мы стали его удерживать, но онъ сказалъ: „Нѣтъ, я и такъ засидѣлся. Мнѣ надо домой. Дочь m-me Viardot больна и въ постели. Можетъ оказаться нужнымъ, чтобы я съѣздилъ къ доктору или сходилъ въ аптеку“. И запахнувъ свое пальто, онъ торопливо распростился съ нами и ушелъ. Впослѣдствіи, просматривая его письма къ Флоберу и прочитавъ письмо отъ 17 августа 1877 года, гдѣ говорится: „Caen? pourquoi Caen? ditez-vous, mon cher vieux. Que diable veut dire Caen! Ah, voilà! Les dames de la famille Viardot doivent passer quinze jours au bord de la mer, soit à Luc, soit à St.-Aubin, et l'on m'a envoyé en avant pour trouver quelque chose“, — я вспомнилъ слова Тургенева за нашимъ завтракомъ.

Лѣтъ шесть тому назадъ я передалъ свои впечатлѣнія отъ этой встрѣчи съ Тургеневымъ покойному Борису Николаевичу Чичерину, и онъ вспомнилъ, что однажды при немъ и при Тургеневѣ, въ первой половинѣ 60-хъ годовъ, зашелъ разговоръ о необходимости выходить изъ фальшивыхъ положеній, оправдывая тѣмъ изреченіе Александра Дюма-сына: „on traverse une position équivoque, on ne reste pas dedans“. — „Вы думаете?! — съ грустной ироніей воскликнулъ Тургеневъ — изъ фальшивыхъ положеній не выходятъ! Нѣтъ-съ, не выходятъ! Изъ нихъ выйти нельзя!“ ...

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ Москвѣ, въ іюнѣ 1880 года, на открытіи памятника Пушкина. Это открытіе было однимъ изъ незабвенныхъ событій русской общественной жизни послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Тотъ, кто въ немъ участвовалъ, конечно, навсегда сохранилъ о немъ самое свѣтлое воспоминаніе. Послѣ ряда удушливыхъ въ нравственномъ и политическомъ смыслѣ лѣтъ, съ начала 1880 года стало легче дышать, и общественная мысль и чувство стали принимать хотя и не вполне опредѣленные, но во всякомъ случаѣ болѣе свободныя формы. Въ затхлой атмосферѣ застоя, гдѣ все начало покрываться ржавчиной отсталости, вдругъ пронеслись свѣжія струи чистаго воздуха — и все постепенно стало оживать. Блестящимъ проявленіемъ такого оживленія былъ и Пушкинскій праздникъ въ Мо-

сквѣ. Мнѣ пришлось въ немъ участвовать въ качествѣ представителя петербургскаго юридическаго общества и начать испытывать прекрасныя впечатлѣнія, имъ вызванныя, съ самаго момента выѣзда въ Москву. Дѣло въ томъ, что открытіе памятника было первоначально назначено на 26-ое мая, но смерть императрицы Маріи Александровны заставила отнестн это открытіе на 2-ое іюня, а какое-то недоразумѣніе при вторичномъ докладѣ о томъ председателя комиссіи по сооруженію памятника, принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, вызвало новую отсрочку до 6-го іюня. Между тѣмъ, управленіе николаевской желѣзной дороги объявило объ устройствѣ экстреннаго удешевленнаго поѣзда въ Москву и обратно для желающихъ присутствовать при открытіи памятника. Къ 24-му мая на поѣздъ записалась масса народу. Когда послѣдовала отсрочка, большинство тѣхъ, кого поѣздка интересовала исключительно своею дешевизной, а въ Москву привлекали личныя дѣла, отказалось отъ взятія записанныхъ на себя билетовъ, хотя все-таки осталось довольно много желавшихъ ѣхать. Но, послѣ второй отсрочки, записавшимися на поѣздъ оказались исключительно ѣхавшіе для участія въ открытіи памятника. Поэтому поѣздъ, отправившійся изъ Петербурга 4-го іюня въ четыре часа, носилъ совершенно своеобразный характеръ. Въ его вагонахъ сошлись очень многіе видные представители литературы и искусства и депутаты отъ различныхъ обществъ и учреждений. Общность цѣли скоро сблизила всѣхъ въ одномъ радостномъ ощущеніи того, что вполнѣствіи А. Н. Островскій назвалъ въ своей рѣчи „праздникомъ на нашей улицѣ“. Хорошему настроенію соответствовалъ прекрасный лѣтній день, смѣнившійся теплымъ и яснымъ луннымъ вечеромъ. Въ поѣздѣ оказался нѣкто Мюнстеръ, знавшій наизусть почти всѣ стихотворенія Пушкина и прекрасно ихъ декламировавшій. Когда смерлось, онъ согласился прочесть нѣкоторыя изъ нихъ. Вѣсть объ этомъ облетѣла поѣздъ, и вскорѣ въ длинномъ вагонѣ перваго класса на откинутыхъ креслахъ и на полу размѣстились чуть не всѣ ѣхавшіе, и короткая лѣтняя ночь прошла въ благоговѣйномъ слушаніи „Фауста“, „Скупого рыцаря“, отрывковъ изъ „Мѣдвѣга всадника“, писемъ и объясненій Онѣгина и Татьяны, „Египетскихъ ночей“, діалога между Моцартомъ и Сальери. Мюнстеръ такъ приподнял общее настроеніе, что, когда онъ окончилъ, на середину вагона выступилъ Яковъ Петровичъ Полонскій и прочелъ свое прелестное стихотвореніе, предназначенное для будущихъ празднествъ и начинавшееся словами: „Пушкинъ—это старой няни сказка“. За нимъ послѣдовалъ Пле-

щевъ, тоже со стихотвореніемъ ad hoc, — и всѣ мы встрѣтили, послѣ этого поэтического всенощного бдѣнія, восходящее солнце растроганные и умиленные.

Въ день пріѣзда въ Москву послѣдовала торжественный пріемъ депутаціи въ залѣ Городской Думы и чтеніе адресовъ и привѣтствій, причемъ вслѣдствіе того, что юридическія общества прислали представителей, не озаботясь снабдить ихъ адресами, я прочелъ петербургскій адресъ, какъ привѣтствіе отъ *всѣхъ* русскихъ юридическихъ обществъ, въ группѣ представителей которыхъ общее вниманіе привлекала докторъ правъ лейпцигскаго университета Анна Михайловна Евренова. На другой день, съ утра, Москва приняла праздничный видъ, и у памятника, закутаннаго пеленой, собрались многочисленныя депутаціи съ вѣнками и хоругвями трехъ цвѣтовъ: бѣлаго, краснаго и синяго — для правительственныхъ учреждений, ученыхъ и литературныхъ обществъ и редакцій. Во времени окончанія литургіи въ Страстномъ монастырѣ яркіе лучи солнца прорѣзали облачное небо, и когда изъ монастырскихъ воротъ показалась официальная процессія, колокольный звонъ слился съ звуками оркестровъ, исполнявшихъ коронаціонный маршъ Мендельсона. На эстраду вошелъ принцъ Ольденбургскій со сверткомъ акта о передачѣ памятника городу. Наступила минута торжественнаго молчанія; городской голова махнулъ свиткомъ, пелена развернулась и упала, и подъ восторженные крики „ура“ и пѣніе хоровъ, запѣвшихъ „Славься“ Глинки, предстала фигура Пушкина съ задумчиво склоненной надъ толпою головой. Казалось, что въ эту минуту великій поэтъ простилъ русскому обществу его старую вину передъ собою и временное забвеніе. У многихъ на глазахъ заблестали слезы... Хоругви задвигались, поочередно склоняясь передъ памятникомъ, и у подножья его стала быстро расти гора вѣнковъ.

Черезъ часъ въ обширной актовѣ залѣ университета, наполненной такъ, что яблоку было негдѣ упасть, состоялось торжественное засѣданіе. На кафедре взошелъ ректоръ университета, Н. С. Тихонравовъ, и съ обычнымъ легкимъ косноязычьемъ объявилъ, что университетъ, по случаю великаго праздника русскаго просвѣщенія, избралъ въ свои почетные члены предсѣдателя коммиссіи по сооруженію памятника академика Якова Карловича Грота и Павла Васильевича Анненкова, такъ много содѣйствовавшего распространенію и критической разработкѣ твореній Пушкина. Единодушныя рукоплесканія привѣтствовали эти заявленія. „Затѣмъ — сказалъ Тихонравовъ — университетъ счелъ

своимъ долгомъ просить принять это почетное званіе нашего знаме...“, но ему не дали договорить. Точно электрическая искра пробѣжала по залѣ, возбудивъ во всѣхъ одно и то же представленіе и заставивъ въ сердцахъ каждаго прозвучать одно и то же имя. Неописуемый взрывъ рукоплесканій и привѣтственныхъ криковъ внезапно возникъ въ обширной залѣ и бурными волнами сталъ носиться по ней. Тургеневъ всталъ, растерянно улыбаясь и низко наклоняя свою сѣдую голову съ падающею на лобъ прядью волосъ. Къ нему тѣснились, жали ему руки, кричали ему ласковыя слова, и когда до него, наконецъ, добрался министръ народнаго просвѣщенія Сабуровъ и обнявъ его, утихавшій было шумъ поднялся съ новой силой. Въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, русское мыслящее общество какъ бы вѣнчало въ немъ достойнѣйшаго изъ современныхъ ему преемниковъ Пушкина. Лишь появившійся на каедрѣ Ключевскій, начавшій свою замѣчательную рѣчь о герояхъ произведеній Пушкина, заставилъ утихнуть общее восторженное волненіе.

Въ тотъ же день на обѣдѣ, данномъ городомъ членамъ депутацій, произошелъ эпизодъ, вызвавшій въ то время много толковъ. На обѣдѣ, послѣ неизбежныхъ тостовъ, должны были говорить Аксаковъ и Катковъ. Между представителями петербургскихъ литературныхъ круговъ стала пропагандироваться мысль о демонстративномъ выходѣ изъ залы, какъ только начнетъ говорить редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“, въ это время уже рѣзко порвавшій съ упованіями и традиціями передовой части русскаго общества и начавшій свою пагубную проповѣдь исключительнаго вѣлья голой власти, какъ самодовлѣющей цѣли, какъ власти *an und für sich*. Но когда, послѣ красивой рѣчи Аксакова, всталъ Катковъ и началъ своимъ тихимъ, но яснымъ и подкупающимъ голосомъ тонкую и умную рѣчь, законченную словами Пушкина: „да здравствуетъ разумъ, да скроется тьма!“ — никто не только не ушелъ, но большинство — временно примиренное — двинулось къ нему съ бокалами. Чокаясь направо и налево съ окружающими, Катковъ протянулъ черезъ столъ свой бокалъ Тургеневу, котораго, передъ тѣмъ, онъ допустилъ жестоко „изобличать“ и язвить на страницахъ своей газеты за денежную помощь, оказанную имъ ѣдствовавшему Бакунину. Тургеневъ отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы, но своего бокала не протянулъ. Окончивъ чоканье, Катковъ сѣлъ и во второй разъ протянулъ бокалъ Тургеневу. Но тотъ холодно посмотрѣлъ на него и покрылъ свой бокалъ ладонью руки. Послѣ обѣда я подошелъ къ Тургеневу одновременно съ поэтомъ Майковымъ. „Эхъ, Иванъ Сергѣевичъ, —

сказалъ послѣдній съ мягкимъ упрекомъ—ну, зачѣмъ вы не отвѣтили на примирительное движеніе Каткова? Зачѣмъ не чокнулись съ нимъ? Въ такой день можно все забыть!“ — „Ну, вѣтъ,— живо отвѣчалъ Иванъ Сергѣевичъ, — я старый воробей, меня на шампанскомъ не обманешь!“

Вечеромъ, въ залѣ Дворянскаго Собранія, былъ первый изъ трехъ устроенныхъ въ память Пушкина концертовъ, съ пѣніемъ и чтеніемъ поэтическихъ произведеній. На устроенной въ залѣ сценѣ стоялъ среди тропическихъ растений большой бюстъ Пушкина, и на нее поочередно всходили представители громкихъ литературныхъ именъ, и каждый читалъ что-либо изъ Пушкина или о Пушкинѣ. Островскій, Полонскій, Плещеевъ, Чаевъ, въ перемежку съ артистами и пѣвцами, прошли предъ горячо настроенной публикой. Появился и грузный, съ типическимъ лицомъ и выговоромъ востромскаго крестьянина, всклопоченный и съ большими глазами на-выкатъ Писемскій. Вышелъ, наконецъ, и Тургеневъ. Привѣтствуемый особенно шумно, онъ подошелъ къ рампѣ и сталъ декламировать на-память, и нельзя сказать, чтобы особенно искусно, „Послѣднюю тучку разсѣянной бури“, но на третьемъ стихѣ запнулся, очевидно его позабывъ, и, безпомощно разведя руками, остановился. Тогда изъ публики, съ разныхъ концовъ, ему стали подсказывать все громче и громче. Онъ улыбнулся и сказалъ конецъ стихотворенія вмѣстѣ со всею залой. Этотъ милый эпизодъ еще болѣе подогрѣлъ общее чувство къ нему, и когда, въ концѣ вечера, подъ звуки музыки всѣ участники вышли на сцену съ нимъ во главѣ, и онъ возложилъ на голову бюста лавровый вѣнокъ, а Писемскій, зачѣмъ, снявъ этотъ вѣнокъ, сдѣлалъ видъ, что кладетъ его на голову Тургенева, — весь залъ огласился нескончаемыми рукоплесканіями и громкими криками „браво“. На слѣдующій день, въ торжественномъ засѣданіи Общества любителей Россійской Словесности въ томъ же Дворянскомъ Собраніи, Иванъ Сергѣевичъ читалъ свое слово о Пушкинѣ съ большимъ одушевленіемъ и чувствомъ, и заключительныя слова его о томъ, что должно настать время, когда на вопросъ, кому поставленъ только-что открытый на-качунѣ памятникъ, простой русскій человѣкъ отвѣтитъ: „учителю!“ — снова вызвали бурную овацію.

Три дня продолжались празднества и растроганное настроеніе такъ или иначе причастныхъ къ нимъ, причемъ главнымъ живымъ героемъ этихъ торжествъ являлся, по общему признацію, Тургеневъ. Но на третій день его замѣнилъ въ этой роли Федоръ Михайловичъ Достоевскій. Тому, кто слышалъ его извѣстную

рѣчь въ этотъ день, вѣроятно съ полной ясностью представилось, какой громадной силой и вліяніемъ можетъ обладать чело-вѣческое слово, когда оно сказано съ горячей искренностью среди назрѣвшаго душевнаго настроенія слушателей. Сутуловатый, небольшого роста, обыкновенно со слегка опущенной головой и усталыми глазами, съ нерѣшительнымъ жестомъ и тихимъ голосомъ, Достоевскій совершенно преобразился, произнося свою рѣчь. Еще наканунѣ, слушая его на вечерѣ, превосходно читающимъ „Какъ весенней раннею порою“ и декламирующимъ Пушкинскаго „Пророка“, нельзя было предвидѣть того полного преобразенія, которое съ нимъ произошло во время его рѣчи, хотя стихи были сказаны имъ прекрасно и производили сильное впечатлѣніе, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, вытянувъ передъ собою руку и какъ бы держа въ ней что-то, сказалъ дрожащимъ голосомъ: „И сердце трепетное вынулъ!“—Рѣчь Достоевскаго въ чтеніи не производитъ и десятой доли того впечатлѣнія, которое она вызвала при произнесеніи. Содержаніе ея, въ свое время, дало поводъ къ ряду не лишенныхъ основанія возраженій. Но тогда, *тогда*, въ Пушкинскіе дни, съ эстрады Дворянскаго Собранія, предъ нервно-настроенной и воспріимчивой публикой она была совсѣмъ иною. Участники этихъ дней не только особенно горячо любили въ это время Пушкина, но многіе проставали подолгу передъ его памятникомъ, какъ бы не въ силахъ будучи наглядѣться на бронзовое воплощеніе „властиителя думъ“ и виновника общаго захватывающаго одушевленія. Въ мысляхъ о судьбѣ и творчествѣ безвременно погибшаго поэта сливались скорбь и восторгъ, гнѣвъ и гордость истинною, непре-рекаемою славой русскаго народнаго генія. Эти чувства, безъ сомнѣнія, глубоко вліяли и на Достоевскаго, которому лишь въ концѣ его „судьбой отсчитанныхъ дней“ пришлось испытать общее признаніе послѣ долгихъ лѣтъ тяжелыхъ страданій, матеріальной нужды, упорнаго труда и вольнаго и невольнаго непониманія со стороны литературныхъ судей. Онъ выросъ на эстрадѣ, гордо поднималъ голову, его глаза на блѣдномъ отъ волненія лицѣ заблестали, голосъ окрѣпъ и зазвучалъ съ особой силой, а жестъ сталъ энергическимъ и повелительнымъ. Съ самаго начала рѣчи между нимъ и всею массой слушателей установилась та внутренняя духовная связь, сознаніе и ощущеніе которой всегда заставляютъ оратора почувствовать и расправить свои крылья. Въ залѣ началось сдержанное волненіе, которое все росло, и когда Федоръ Михайловичъ окончилъ, то наступила минута молчанія, а затѣмъ, какъ бурный потокъ, прорвался неслыханный и невиданный мною

въ жизни восторгъ. Рукоплесканія, крики, стулъ стульями слились во едино и, какъ говорится, потрясли стѣны зала. Многіе плакали, обращались къ незнакомымъ сосѣдямъ съ возгласами и привѣтствіями; многіе бросались къ эстрадѣ и какой-то молодой человѣкъ лишился чувствъ отъ охватившаго его волненія. Почти всѣ были въ такомъ состояніи, что, казалось, пошли бы за ораторомъ по первому его призыву куда угодно! Такъ, вѣроятно, въ далекое время умѣлъ подѣйствовать на собравшуюся толпу Савонарола. Послѣ Достоевскаго долженъ былъ говорить Аксаковъ, но онъ вышелъ прѣдъ продолжавшею волноваться публикой и, назвавъ только-что слышанную рѣчь „событіемъ“, заявилъ, что не въ состояніи говорить послѣ Федора Михайловича. Засѣданіе было возобновлено лишь черезъ полчаса. Рѣчь Достоевскаго поразила даже и иностранцевъ, которые, однако, не могли чувствовать таинственныхъ нитей, связывающихъ нѣкоторыя ея мѣста и выраженія съ сердцемъ русскихъ людей въ его сокровенной глубинѣ. Профессоръ русской литературы въ парижскомъ университетѣ, Луи Лежъ, пріѣхавшій специально на Пушкинскія празднества, говорилъ мнѣ вечеромъ въ тотъ же день, что совершенно подавленъ блескомъ и силой этой рѣчи, весь находится подъ ея обаяніемъ и желалъ бы передать свои впечатлѣнія во всемъ ихъ объемѣ „au Maitre“, т.-е. Виктору Гюго, въ талантѣ котораго, по его мнѣнію, такъ много общаго съ Достоевскимъ.

Съ этихъ поръ я больше не видѣлъ Тургенева, но получалъ отъ него изъ Парижа поклоны черезъ М. М. Стасюлевича. Онъ разрѣшилъ послѣдному показать мнѣ осенью 1882 года въ рукописи „Стихотворенія въ прозѣ“. Среди нихъ были ненапечатанный тогда „Порогъ“ (разговоръ Судьбы съ русской дѣвушкой) и полная добродушнаго юмора вещица, кончавшаяся словами: „но не спорь съ NN“, шумнымъ и яростнымъ спорщикомъ, приводившимъ Тургенева въ отчаяніе своими нападками на Пушкина. Она, сколько мнѣ извѣстно, не была никогда напечатана, а „Порогъ“ Тургеневъ самъ просилъ Стасюлевича выкинуть, говоря въ своемъ письмѣ: „черезъ этотъ „Порогъ“ вы можете споткнуться... особенно если его пропустить, а потому лучше подождать“. Рукопись дана была мнѣ поздно вечеромъ до утра, и я провелъ всю ночь, читая и нѣсколько разъ перечитывая эти чудныя вещи, въ которыхъ не знаешь, чему болѣе удивляться—могучей ли прелести русскаго языка, или ярости картинъ и трогательной нѣжности образовъ. Я высказалъ все это въ письмѣ къ Стасюлевичу, выразивъ лишь сомнѣніе, правильно ли въ „Концѣ свѣта“ употреблено слово „кручъ“

вмѣсто „круча“, а онъ, какъ оказалось, послать мое письмо въ подлинникъ Тургеневу. „Спасибо за сообщенное мнѣ письмо К.— писалъ ему 25/12 сентября 1882 г. Иванъ Сергѣевичъ.— Очень оно меня тронуло — и я буду хранить его, какъ документъ. И „кручь“ — и „круча“ существуютъ; но круча, я думаю, грамматически правильнѣе“.

Межѣ, чѣмъ черезъ годъ Иванъ Сергѣевичъ опочилъ, послѣ тяжкихъ страданій, а 27-го сентября 1883 года грандіозная похоронная процессія съ вѣнками и эмблемами съ трогательными, благодарными надписями проводила его дорогой прахъ на Волково кладбище и опустила въ землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ черезъ два года упокоился и Кавелинъ. „Они встрѣтились — писалъ я послѣ смерти Кавелина—за одною могильною оградой въ сѣромъ, сыромъ и уныломъ Пантеонѣ русскихъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей. Рядомъ съ глубокимъ и тонкимъ художникомъ, всю жизнь проводившимъ просвѣтительныя идеи, успокоился неустанный ученый боецъ, до конца не сложившій оружія живого слова и науки. Оба они много послужили своей родинѣ, оба горячо вѣрили въ свѣтлое счастливое будущее русскаго народа. Хочется надѣяться, что настанетъ время, когда люди будущихъ поколѣній, придя къ ихъ могиламъ, будутъ имѣть право сказать: ваша вѣра не обманула васъ!“

II.

Въ январѣ 1865 года я зашелъ къ А. Н. Майкову, съ которымъ познакомился еще въ Москвѣ, во время моего студенчества, когда онъ посѣщалъ небольшой кружокъ студентовъ петербургскаго университета, перешедшихъ въ Москву послѣ закрытія послѣдняго — и группировавшихся вокругъ филолога Н. Н. Куликова — милаго, добраго и разносторонняго человѣка. Занятые лекціями и даваніемъ уроковъ, мы собирались обыкновенно по субботамъ и засиживались до поздней ночи въ оживленной бесѣдѣ о всякихъ „злобахъ дня“. Никого уже изъ девяти членовъ этого кружка, кромѣ меня, нѣтъ въ живыхъ. Бывая въ Москвѣ, Майковъ любилъ заходить пить скромный студенческой чай на наши субботнія сборища и охотно читалъ намъ свои новыя, еще не напечатанныя произведенія. Такъ, между прочимъ, намъ пришлось слышать въ его мастерскомъ и одушевленномъ чтеніи „Смерть Люція“, въ первоначальной редакціи, которая оставляла далеко за собою повдѣйшую. Майковъ встрѣтилъ меня подѣ впе-

чтлѣніемъ прочитанной имъ въ только-что вышедшей книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ первой части „Преступленія и наказанія“. „Послушайте—сказалъ онъ мнѣ—что я вамъ прочту. Это нѣчто удивительное!“ и заперевъ дверь кабинета, чтобы никто не помѣшалъ, онъ прочелъ мнѣ знаменитый разсказъ Мармеладова въ питейномъ заведеніи, а затѣмъ отдалъ мнѣ на нѣсколько дней и самую книжку. До сихъ поръ, по прошествіи столькихъ лѣтъ, при воспоминаніи о первомъ знакомствѣ съ этимъ произведеніемъ, оживаетъ во мнѣ испытанное тогда и ничѣмъ незатемненное и неизмѣненное чувство восторженнаго умиленія, вынесеннаго изъ знакомства съ этой трогательной эпопеей. Великій художникъ съ первыхъ словъ захватываетъ въ ней своего читателя, затѣмъ ведетъ его по ступенямъ всякаго рода паденій и, заставивъ его перестрадать ихъ въ душѣ, миритъ его въ концѣ концовъ съ падшими, въ которыхъ сквозь переходящую оболочку порочнаго, преступнаго человѣка сквозятъ нарисованные съ любовью и горячей вѣрою вѣчныя черты несчастнаго брата. Созданные Достоевскимъ въ этомъ романѣ образы не умрутъ, не только по художественной силѣ изображенія, но и какъ примѣръ удивительнаго умѣнія находить „душу живу“ подъ самой грубой, мрачной, обезображенной формой—и, раскрывъ ее, съ состраданіемъ и трепетомъ показывать въ ней то тихо тлѣющую, то распространяющую яркій примиряющій свѣтъ искру Божию.

Критика того времени, однако, не благоволила къ Достоевскому. Его роману не было посвящено, сколько мнѣ помнится, ни одного серьезнаго разбора, въ то время, какъ произведеніямъ „идейныхъ беллетристовъ“, имена которыхъ „нынѣ Ты, Господи, вѣси“, оказывалось милостивое вниманіе. Въ нѣкоторыхъ пренебрежительныхъ отзывахъ о романѣ даже указывалось, что это „клевета на молодое поколѣніе“ которое, будто бы, воплощено въ Раскольниковѣ, представляющемъ изъ себя простого убійцу для грабежа. Находились даже люди, съ развязностью утверждавшіе, что Достоевскій написалъ „донось на молодежь“.—Но „il tempo è un galant'uomo“ — говорятъ итальянцы — и оно поспѣшило дѣйствительными событіями жизни подтвердить творческій вымыселъ автора „Мертваго Дома“ и „Униженныхъ и Оскорбленныхъ“. 12-го января 1866 года, когда первая часть романа уже была напечатана, но еще не вышла въ свѣтъ („Русскій Вѣстникъ“ всегда выходилъ со значительнымъ опозданіемъ)—въ Москвѣ студентъ Даниловъ зарѣзалъ ростовщика и его служанку,—а чрезъ тринадцать лѣтъ то же самое по отношенію къ своему кредитору и его прислугѣ совершилъ молодой и блестящій гвардейскій офи-

перъ Ландсбергъ. Это умышленное и злостное непониманіе глубокаго смысла „Преступленіи и наказанія“, которому лишь въ восьмидесятихъ годахъ пришлось, наконецъ, быть оцѣненнымъ по достоинству не только у насъ, но въ западно-европейской литературѣ, — въ то время чрезвычайно волновало мою молодую и еще не приглядѣвшуюся къ житейской несправедливости душу и было даже однажды причиною рѣзкаго спора съ однимъ изъ грубыхъ и невѣжественныхъ порицателей „доносчика“, спора, едва не окончившагося у барьера.

Черезъ много лѣтъ, въ бытность мою прокуроромъ окружнаго суда въ Петербургѣ, сестра моего друга Куликова, лично знакомая съ Достоевскимъ, написала мнѣ, что Федоръ Михайловичъ находится въ крайне затруднительномъ положеніи. Онъ былъ въ это время редакторомъ „Гражданина“ — имѣвшаго другой характеръ, чѣмъ нынѣшняя газета того же имени, и допустилъ напечатаніе въ немъ свѣдѣнія о путешествіи Государя, не испросивъ на то предварительнаго разрѣшенія министра двора, какъ то требуется цензурными правилами, вслѣдствіе чего суду пришлось приговорить его къ аресту на нѣсколько дней на гауптвахтѣ. Приговоръ, войдя въ законную силу, былъ обращенъ къ исполненію. Между тѣмъ, предпринятое Достоевскимъ леченіе и разныя другія обстоятельства личнаго характера дѣлали для него это кратковременное лишеніе свободы до крайности неудобнымъ именно въ то время, когда приговоръ подлежалъ осуществленію. Отвѣчая Куликовой, я просилъ ее передать Федору Михайловичу, что приговоръ будетъ обращенъ къ исполненію лишь тогда, когда онъ самъ найдетъ это по своимъ соображеніямъ удобнымъ. За любезнымъ письмомъ Достоевскаго, съ выраженіемъ благодарности, послѣдовало его посѣщеніе, отвѣчая на которое, я убѣдился воочию, въ какой скромной и даже бѣдной обстановкѣ жилъ, мыслилъ и творилъ одинъ изъ величайшихъ русскихъ писателей.

15 октября 1876 года въ петербургскомъ окружномъ судѣ слушалось дѣло крестьянки Екатерины Корниловой, которая, будучи беременной на четвертомъ мѣсяцѣ, раздраженная упреками своего мужа и замѣчаніями, что первая его жена была лучшею „хозяйкой“, выбросила, на зло ему, изъ окна четвертаго этажа свою шестилѣтнюю падчерицу, какою-то чудомъ оставшуюся живою. Дѣло это чрезвычайно заинтересовало Достоевскаго. Въ удивительныхъ — по глубинѣ психологическаго анализа, по знанію природы русскаго человѣка и по возвышенному и вмѣстѣ трезвому взгляду на задачи суда — строкахъ своего „Дневника Писателя“ — онъ выразилъ сомнѣніе во вмѣняемости Корниловой въ

виду частыхъ ненормальностей въ душевныхъ движеніяхъ и порывахъ беременныхъ. Рисуя, со свойственнымъ ему знаніемъ народнаго быта, сцену предстоящаго разставанія мужа, уцѣлѣвшей дѣвочки и приговоренной на каторгу жены съ новорожденнымъ младенцемъ на рукахъ, онъ спрашивалъ: „а неужели нельзя теперь смягчить какъ-нибудь этотъ приговоръ? Неужели никакъ нельзя? Право, тутъ могла быть ошибка“...—Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ горячо хлопотать о такомъ смягченіи и бывать для этого въ министерствѣ юстиціи. Тутъ намъ снова пришлось встрѣтиться... и мы общали ему всевозможное содѣйствіе въ этомъ отношеніи. Но давать ходъ вопросу о смягченіи Корняловой наказанія не пришлось. Рѣшеніе присяжныхъ было кассировано сенатомъ, и при вторичномъ разсмотрѣніи дѣла, съ вызовомъ компетентныхъ врачей-экспертовъ она была оправдана.

Вскорѣ Достоевскій снова появился въ стѣнахъ министерства юстиціи. Онъ въ это время уже приобрѣлъ обширное вліяніе на молодежь и на всякаго рода „униженныхъ и оскорбленныхъ“, безъ малодушной лести первой и безъ сентиментальной потячки тому дурному, что иногда встрѣчалось во вторыхъ. Къ нему шли за совѣтомъ, утѣшеніемъ, нравственною помощью, — ему повѣряли свои сомнѣнія и терзанія, ему открывали омраченную или смущенную душу... Г. А. Бергеманъ — добрая и отзывчивая на людское горе женщина — обратилась къ нему въ декабрѣ 1876 года, прося его содѣйствія и совѣта въ дѣлѣ спасенія одиннадцатилѣтней дѣвочки, брошенной матерью на попеченіе развратнаго и пьянаго отставнаго солдата, съ которымъ ей самой жить „стало не въ моготу“. Старикъ посылалъ ее собирать милостыню, самъ поджидая жатвы въ ближайшемъ кабакѣ и нещадно колотя голоднаго и иззябшаго ребенка, если принесеннаго оказывалось мало. Дальнѣйшая судьба, ожидавшая дѣвочку, была ясна и несомнѣнна, тѣмъ болѣе, что мать, работавшая на бумагопрядильномъ заводѣ, разысканная г-жею Бергеманъ, рассказала ей, что мужъ уже обезчестилъ ея старшую, внѣбрачную дочь и хвастался, что сдѣлаетъ то же и съ бѣдной Мареушей (такъ звали дѣвочку), когда она „поспѣетъ“... Достоевскій и за это дѣло принялся горячо и съ сосредоточенною настойчивостью, доставляя необходимыя справки и присылая полученныя имъ свѣдѣнія. Помочь ему и г-жѣ Бергеманъ въ ихъ благородномъ безпокойствѣ за дѣвочку было довольно трудно, такъ какъ въ то время ничего подобнаго „Обществу защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія“ не существовало. Послѣ сношеній съ прокуроромъ и съ градоначальникомъ, дѣло кончилось однако тѣмъ, что дѣвочка была освобождена отъ своего мучителя

и развратителя. Попеченіемъ г-жи Бергеманъ она была помѣщена сначала въ Елисаветинскую дѣтскую больницу, а послѣ того, какъ немного укрѣпилась, въ дѣтскій пріютъ.

Достоевскаго очень интересовала колонія для малолѣтнихъ преступниковъ на Охтѣ, за пороховыми заводами и по его желанію я съезъ его туда въ одинъ изъ лѣтнихъ дней 1877 года.

Въ первоначальномъ устройствѣ колоніи, открытой въ концѣ 1871 года, было немало недостатковъ. Она раздѣлялась на собственно колонію (земледѣльческую) и на ремесленный пріютъ. Первое время каждое изъ этихъ учреждений было ввѣрено особому лицу въ качествѣ совершенно самостоятельнаго руководителя. Связующаго и объединяющаго звена между ними не было, и каждый изъ двухъ весьма извѣстныхъ педагоговъ, поставленныхъ во главѣ пріюта и колоніи, расходился другъ съ другомъ во взглядахъ, проводилъ въ жизнь *свою* теорію воспитанія. Вслѣдствіе этого образовались двѣ пограничныя области, раздѣленные, кажется, лишь небольшимъ ручьемъ или канавкой, рѣзко различныя по своему устройству и порядку управленія. Въ *одной* малолѣтніе почти не чувствовали надъ собою твердой власти и, образуя нѣчто въ родѣ маленькаго, своеобразнаго суда присяжныхъ, сами опредѣляли, въ случаѣ проступковъ товарищей, ихъ виновность (и, надо сказать, почти всегда справедливо и всегда строго); — въ *другой* существовала осязательная дисциплина и наказанія налагались руководителемъ. Въ одной уборка комнатъ, топка печей и всѣ хозяйственныя работы исполнялись питомцами, старшимъ изъ которыхъ разрѣшалось куреніе, — въ другой эти работы исполнялись наемными слугами и куреніе было воспрещено безусловно. Въ одной господствовали — руководительство и наставленіе, въ другой — указаніе и приказаніе. Можно себѣ представить, какую неустойчивость представляло при этомъ воспитаніе питомцевъ, постоянно входившихъ и даже вводимыхъ въ общеніе между собою. И тѣмъ не менѣе, по идеѣ своей, колонія была прекраснымъ учрежденіемъ и открытіе ея составляло одинъ изъ первыхъ шаговъ благородной дѣятельности русскаго общества по исправленію и постановкѣ на путь честнаго труда тѣхъ несчастныхъ, къ которымъ, вслѣдствіе темныхъ условій ихъ дѣтской жизни, уже успѣло привиться преступленіе. Въ созданіе колоніи вложилъ массу труда, хлопотъ, затратъ и самой горячей любви извѣстный юристъ-практикъ и одинъ изъ составителей судебныхъ уставовъ, сенаторъ Михаилъ Евграфовичъ Ковалевскій. Онъ принималъ непосредственное, живое участіе въ устройствѣ колоніи, въ горестяхъ и радостяхъ ея пестраго населенія.

Библиотека, мастерскія, отдѣльные домики и красивая въ своей простотѣ церковь—все это устроено первоначально подъ его руководствомъ и надзоромъ. Колоніи, гдѣ всѣ его знали и любили, относились къ нему довѣрчиво и просто, долго была предметомъ его постоянной заботы, мѣстомъ его отдыха и его любимымъ дѣтищемъ. Въ свободное время онъ проводилъ тамъ цѣлые дни, изучалъ характеры отдѣльныхъ „колонистовъ“, вводилъ и обсуждалъ разные хозяйственныя мѣры. Когда въ колоніи устраивался на праздникахъ домашній театръ или какое-нибудь развлеченіе для дѣтей, сдержанный и съ виду холодный судебный сановникъ, окруженный шумливою толпою питомцевъ колоніи, радовался дѣтскою радостью и бывалъ счастливъ, когда кто-нибудь пріѣзжалъ къ нему съ нимъ раздѣлится... Ковалевскій самъ сознавалъ недостатокъ въ устройствѣ колоніи и непригодность двойственности послѣдняго, но съ одной стороны онъ не хотѣлъ обидѣть твердой критикой кого-либо изъ двухъ педагоговъ, руководящихъ дѣломъ, къ которому они относились съ любовью и увлеченіемъ,—а съ другой онъ находилъ, что торопливость реформы можетъ не дать проявиться поучительнымъ плодамъ вполне выясненнаго опыта. Въ то время, о которомъ я говорю, двоевластіе въ колоніи выразилось въ крайнихъ разногласіяхъ между „соправителями“, и на мѣсто ихъ пришлось призвать новое лицо—на началахъ единовластія. Оно исподволь стало водворять новыя порядки, но при посѣщеніи колоніи Достоевскимъ старшій строй былъ, во многихъ отношеніяхъ, еще въ силѣ.

Достоевскій внимательно приглядывался и прислушивался ко всему, задавая вопросы и разспрашивая о мельчайшихъ подробностяхъ быта питомцевъ. Въ одной изъ большихъ комнатъ онъ собралъ вокругъ себя всю молодежь, и сталъ бесѣдовать съ нею. Онъ давалъ ей отвѣты на то пытливые, то наивные вопросы, но мало-по-малу эта бесѣда обратилась въ поученіе съ его стороны, глубокое и вмѣстѣ вполне доступное по своему содержанію, проникнутое настоящею любовью къ дѣтямъ, которая такъ свѣтитъ со всѣхъ страницъ его сочиненій, говорящихъ о „малышкахъ“... Его иногда прерывали и вступали съ нимъ въ споръ, но слушали, конечно даже и не подозрѣвая, кто онъ, съ напряженнымъ вниманіемъ, давъ два подзатыльника одному изъ шаловливыхъ и нетерпѣливыхъ слушателей. Онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ собравшихся вокругъ него,—лица многихъ, уже хлебнувшихъ отравы большого города, стали серьезными и утратили напускное выраженіе насмѣшки и молодечества, которому „на все наплевать“;—глаза нѣкоторыхъ затуманились.

Когда мы вышли, чтобы пойти осмотрѣть церковь, всё кончили гурьбою съ нами, тѣсно окруживъ Достоевскаго и наперерывъ сообщая ему о своихъ житейскихъ приключеніяхъ и о продажахъ и взглядахъ на порядки колоніи своихъ товарищей. Чувствовалось, что между авторомъ скорбныхъ сказаній о жизни и ея юными безсознательными жертвами установилась душевная связь и что они почувли въ немъ не *работникомъ* только, но и скорбящаго *друга*.

Церковь, довольно обширная, съ простыми деревянными, ничѣмъ не обдѣланными стѣнами внутри, была обильно снабжена образами. Бовалевскій выпросилъ для нея всё образа, покищенные или почему-либо отобранные, хранившіеся много лѣтъ безъ востребованія, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, въ кладовыхъ ураздненныхъ судебныхъ мѣсть стараго устройства. Съ иконъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ, смотрѣли коричневые лица и тонкія условныя фигуры стараго письма, въ одеждахъ „празель“ и съ бородами „до чреслъ“, окруженные неправдоподобными горами, среди которыхъ ютились не менѣе странные города и обитатели. Но иконостасъ былъ новый, расписанный красивыми традиціонными изображеніями во вкусѣ итальянской школы.

Когда мы пѣхали назадъ въ городъ, Федоръ Михайловичъ долго и сосредоточенно молчалъ, а затѣмъ мягко сказалъ мнѣ: „Не нравится мнѣ эта церковь. Это музей какой-то! Къ чему это обиліе образовъ? Для того, чтобы подѣйствовать на душу входящаго, нужно лишь нѣсколько изображеній, но строгихъ, даже суровыхъ, какъ строга должна быть вѣра и суровъ долгъ христіанина. Да и напоминать они должны мальчику, попавшему въ столычній омутъ и успѣвшему въ немъ загрязниться, далекую деревню, гдѣ онъ былъ въ свое время чистъ. А тамъ въ иконостасѣ обмысленно образа неискускаго, но вѣрнаго преданіямъ письма. А тутъ въ немъ все какая-то расфранченная итальянщина. Нѣтъ, не нравится мнѣ церковь... Да и еще не нравится — прибавилъ онъ — эта искусственная и непонятная дѣтямъ изъ народа манера говорить имъ *вы*,—оно, быть можетъ, по нашему, по господскому, и вѣжливей, —но холоднеѣ, гораздо холоднеѣ. Вотъ я имъ говорилъ всѣмъ *ты*, а вѣдь проводили они насъ тепло и искренне. Чего имъ притворяться? да и не притворны они еще пока—ни въ добромъ, ни въ зломъ“... И дѣйствительно „колонисты“ провожали его шумно и довѣрчиво, окруживъ извозчика, на котораго мы сѣли, и крича Достоевскому: „Пріѣзжайте опять! непременно пріѣзжайте! мы васъ очень будемъ ждать“...

Я уже говорилъ объ участіи Достоевскаго въ Пушкинскихъ дняхъ въ Москвѣ. Послѣ нихъ популярность его достигла своего апогея, и каждое его появленіе на эстрадѣ въ благотворительныхъ концертахъ и чтеніяхъ сопровождалось горячими и безконечными оваціями. Онъ завоевалъ, какъ, думается мнѣ, никто до него, симпатіи всѣхъ слоевъ общества.

30-го января 1881 года былъ назначенъ въ залѣ дома Кононова вечеръ въ пользу Литературнаго Фонда и въ память Пушкина. На немъ долженъ былъ читать и Федоръ Михайловичъ.

Приди въ этотъ день въ окружный судъ, гдѣ я былъ председателемъ, я пригласилъ одного изъ моихъ секретарей, молодого правоведа Лоренца, сына главнаго врача психиатрической больницы „Всѣхъ Скорбящихъ“ на девятой верстѣ петергофскаго шоссе, начать докладъ вновь поступившихъ бумагъ и сталъ писать на нихъ свои резолюціи. Вскорѣ Лоренцъ сталъ запинаясь, голосъ его дрогнуть и онъ внезапно замолчалъ на полусловѣ. Я поднялъ голову и вопросительно взглянулъ на него. Глаза его были полны слезъ и ротъ кривила судорога сдерживаемаго плача.— Что съ вами? вы больны?! — воскликнулъ я... Достоевскій, Достоевскій умеръ! — почти закричалъ онъ, поражая меня этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ, и залился слезами. И таково было въ большей или меньшей степени впечатлѣніе и настроеніе всей обширной судебной семьи, работавшей въ этотъ день въ судѣ,—и преимущественно младшихъ ея членовъ. Мысль о томъ, что мы *обязаны* принять участіе въ отданіи послѣдняго долга усопшему, зародилась сразу у всѣхъ и не допускала ни колебавій, ни возраженій. Въ этотъ и въ ближайшіе затѣмъ дни Достоевскій былъ въ полномъ смыслѣ „власителемъ думъ“ почти всего общества, какъ, впрочемъ, былъ имъ и въ два послѣдніе года своей жизни, особенно послѣ появленія „Братьевъ Карамазовыхъ“.

Я поѣхалъ поклониться его праху. На полутемной, неприглядной лѣстницѣ дома на углу Ямской и Кузнечнаго переулка, гдѣ въ четвертомъ этажѣ проживалъ покойный, было уже довольно много направившихся къ двери, обитой обтрепанной клеенкой. За нею темная передняя и комнаты съ тою же скудной и неприхотливой обстановкой, которую я уже видѣлъ однажды. Федоръ Михайловичъ лежалъ на невысокомъ катафалкѣ, такъ что лицо его было всѣмъ видно. Какое лицо! Его нельзя забыть... На немъ не было ни того какъ бы удивленнаго, ни того окаменѣло-спокойнаго выраженія, которое бываетъ у мертвыхъ,

окончившихъ жизнь не отъ своей или чужой руки. Оно говорило—это лицо, оно казалось одухотвореннымъ и прекраснымъ. Хотѣлось сказать окружающимъ: „polite flegre, non est mortuus, sed dormit“. Тлѣніе еще не успѣло коснуться его и не печать смерти виднѣлась на немъ, а заря иной лучшей жизни какъ будто бросала на него свой отблескъ... Я долго не могъ оторваться отъ созерцанія этого лица, которое всѣмъ своимъ выраженіемъ, казалось, говорило: „Ну да! это такъ — я всегда говорилъ, что, это должно быть такъ, а теперь я знаю“...

Вблизи гроба стояла дѣвочка, дочь покойнаго, и раздавала цвѣты и листья со все прибывавшихъ вѣнковъ, и это чрезвычайно трогало приходившихъ проститься съ прахомъ чловѣка, умѣвшаго такъ тонко и съ такой „провиновенной“ любовью изображать дѣтскую душу.

Достоевскій скончался въ одинъ день съ Пушкинымъ и Карлейлемъ—29-го января. Вечеръ въ память Пушкина состоялся, но вмѣсто Достоевскаго вышелъ Орестъ Федоровичъ Миллеръ и сказалъ теплое слово, а затѣмъ на эстраду вынесли и поставили сдѣланный углемъ поразительный по сходству набросокъ Рѣпина съ умершаго. Въ антрактѣ портретъ хотѣли унести, но присутствующіе запротестовали—и онъ остался. Весь антрактъ стояла предъ нимъ, въ благоговѣйномъ молчаніи, масса народу, охваченная однимъ чувствомъ. Такъ память о Пушкинѣ, которому поклонялся Достоевскій, — слилась, въ этотъ вечеръ, съ полной благодарнаго волненія памятью о немъ самомъ.

Вѣсть о его смерти быстро облетѣла весь Петербургъ, и на его квартиру началось настоящее паломничество. У его гроба сошлись, позабывъ различіе направленій и всякія злобы дня,— всѣ, кто не могъ не чтить въ усопшемъ не только высоко талантливаго творца „Униженныхъ и оскорбленныхъ“, но и горячаго ихъ заступника, друга и—нерѣдко утѣшителя. Его праху поклонились всѣ, кто испыталъ на себѣ хоть однажды то чувство безконечной жалости къ несчастію, то чувство всепрощающей и всепонимающей любви къ падшему, къ преступному, къ скорбящему и болѣзненно-возбужденному, которымъ были провинуты лучшія изъ сочиненій замогилнутаго на вѣкъ художника-мыслителя. Онъ умеръ среди разгара противоположныхъ мнѣній, имъ вызванныхъ—умеръ, готовясь наносить и получать полемическіе удары отъ лицъ, несогласныхъ съ его политическими идеалами. Но въ эти скорбныя и торжественныя минуты никто не могъ думать и говорить объ этихъ спорахъ. И они, и матеріаль, ихъ вызвавшій, были еще слишкомъ близки, слишкомъ еще мало было по отно-

шенію къ нимъ спокойствія и безпристрастія, создаваемаго временемъ, которое одно, развернувъ туманное будущее, могло показать, насколько вѣрно смотрѣлъ на призваніе и свойства своей родины, несомнѣнно, глубоко и горячо любившій ее покойный. Живучесть его политическихъ идеаловъ была еще въ будущемъ, въ немъ — ихъ силы или слабость, но образы, имъ созданные, — уже жили полною жизнью, вылившись изъ „жаждавшей и алкавшей правды“ души своеобразнаго и несравненнаго мастера. Эти образы, невидимо, но понятно для обружающихъ, возникали вокругъ его гроба и указывали на тяжесть и значеніе понесенной утраты. Они двигались вереницею въ умъ каждаго, подходившаго къ нему, и напоминали ту негодующую скорбь и тѣ слезы дрогнувшаго сердца, которыми для многихъ сопровождалась умственная встрѣча съ ними. Ими переполнены были страницы его произведеній. Было ясно, что и Маваръ Дѣвушкинъ, со своею оборвавшеюся пуговкою вицъ-мундира, — и „блѣдненькая, худенькая, со слабенькимъ голоскомъ“ Соня Мармеладова, и самъ Мармеладъ „образа звѣринаго и печати его“, — и истерзавшійся Раскольниковъ, и его мать, и Карамазовскій штабсъ-капитанъ съ „мочалкою“, — и „вѣчный мужъ“, и всѣ эти изстрадавшіеся, опустившіеся, нервныя и мрачныя люди, которыхъ такъ умѣлъ описывать Достоевскій — не умрутъ въ русской литературѣ, пока въ ней будетъ жить желаніе умѣть найти въ самой омраченной, въ самой озлобленной душѣ искру примирающаго свѣта. И для всѣхъ искателей этой искры — Достоевскій образецъ и великій учитель. У него надо изучать и приемы тончайшаго, проникающаго въ самую глубину, анализа душевныхъ движеній натуръ усталыхъ, ослабѣвшихъ, надомленныхъ въ житейской борьбѣ, — и изумительнаго изображенія психическихъ состояній, свойственныхъ людямъ, находящимся на границахъ дѣйствительности и цѣлаго міра грѣзъ и лихорадочной игры фаназіи. Со страницъ его сочиненій всегда будетъ звучать призывъ къ внимательному и любящему изученію дѣтской души, првходящей въ столкновеніе съ суровымъ реализмомъ жизни. Эта черта его — общая съ великимъ англійскимъ романистомъ Диккенсомъ — всегда будетъ бросать особый свѣтъ на его произведенія. Умѣть такъ просто, правдиво и задушевно описать волненія и страсти „маленькаго героя“, и порывы негодованія ребенка при видѣ истязуемой лошади, — умѣть создать „Илюшечку“ и написать его сцену съ оскорбленнымъ и поруганнымъ отцомъ — могъ только художникъ, носившій въ груди вѣжно-любящее и отзывчивое сердце.

Если бы нужно было охарактеризовать однимъ словомъ общее

чувство всѣхъ безчисленныхъ посѣтителей, приходившихъ во праху Достоевскаго, я сказалъ бы, что это была „осиротѣлость“, ѣдая почти до боли и тѣмъ болѣе тяжелая, чѣмъ неожиданнѣй она налетѣла. Андреевскій совершенно вѣрно выразилъ это чувство, сказавъ въ своемъ стихотвореніи „У гроба Достоевскаго“ — „кто повторитъ слова любви—несчастливымъ, падшимъ, маловѣрнымъ?—кто имъ, въ пылу величественномъ—подыметъ взоры отъ земли?!..“

Похороны Достоевскаго—настоящее общественное событіе—были чѣмъ-то дотоѣ невиданнымъ. Полное отсутствіе полицейскихъ „мѣропріятій“ — и полный порядокъ непрерывнаго громаднаго шествія, поддерживаемый цѣпью изъ учащихся, — трогательное пѣніе многочисленныхъ импровизированныхъ хоровъ, — воспитанники и воспитанницы средне-учебныхъ заведеній, стоящіе шпалерами на пути, — безконечныя вѣнны съ трогательными надписями, несомыя особыми депутаціями, — и свободно вылившаяся изъ души торжественность настроенія у участниковъ и зрителей — придавали процессіи величественный видъ и незабвенный характеръ. Тутъ сказывались единство идеи и общность потери, сплотившія самыхъ разнообразныхъ по своимъ взглядамъ, положенію и дѣятельности людей. Отъ судей, прокурорскаго надзора, слѣдователей и нотариусовъ были четыре отдѣльныхъ депутаціи съ вѣнками. Въ то время, когда гробъ выносили изъ квартиры Достоевскаго, первая группа депутатовъ съ вѣнками была уже на Знаменской площади, на пути къ Александро-Невской лаврѣ. Шествіе длинной и широкой лентой растянулось по Владимірской и Невскому — и грустная гармонія всего происходившаго ничѣмъ не была нарушена. Предъ выносомъ, между участниками депутацій раздавался листокъ съ воспроизведеннымъ на немъ автографомъ покойнаго, а первыми, взявшимися за ручки гроба, который всю дорогу затѣмъ несли, окруженные широкою гирляндю цвѣтовъ, укрѣпленныхъ на шестахъ, постоянно смѣнявшіеся желающіе, — были Пальмъ и Плещеевъ, за тридцать-два года предъ тѣмъ, выстѣ съ усопшимъ возведенные на эшафотъ на Семеновскомъ плацу для выслушанія приговора по дѣлу Петрашевскаго. — Въ день похоронъ вышелъ первый № „Дневника Писателя“ за 1881 г., начинавшійся словами: „Господи! неужели и я, послѣ трехъ лѣтъ молчанія, выступлю въ возобновленномъ Дневникѣ моемъ...“ Этотъ № былъ послѣднимъ словомъ Достоевскаго русскому обществу.

III.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ, когда ни о какомъ знакомствѣ моемъ съ поэзіей Некрасова не могло быть и рѣчи, да она и не успѣла еще развернуться во всю свою ширь, я уже интересовался имъ по рассказамъ моего отца, издателя-редактора „Литературной Газеты“ въ 1840 и 1841 гг. и „Пантеона“ и „Репертуара“ съ 1843 г. почти вплоть до 1851 г., когда послѣдній журналъ былъ переименованъ въ „Пантеонъ“ и очень расширилъ свою литературно-художественную программу. Время изданія „Литературной Газеты“ совпало съ годами тяжелыхъ испытаній и лишеній въ жизни Некрасова. Ему приходилось очень бѣдствовать и на себѣ испытать ту нищету и неуверенность въ завтрашнемъ кускѣ хлѣба, которыя отразились на содержаніи многихъ его стихотвореній. Онъ, очевидно, зналъ по личному опыту, что такое проживаніе въ петербургскихъ *умлазъ*, описанныхъ имъ въ одномъ изъ изданныхъ имъ сборниковъ. Существовать приходилось изо дня въ день составленіемъ книжекъ для мелкихъ издателей-торгашей и торопливымъ писаніемъ на заказанныя темы, о чемъ придется и какъ придется. Въ этотъ періодъ его жизни съ нимъ познакомился редакторъ „Литературной Газеты“ и предложилъ ему въ своемъ изданіи хорошей по тогдашнимъ временамъ зарплатою, дѣня молодого писателя, давая ему иногда по дѣльнымъ недѣлямъ пріютъ у себя и оберегая его отъ возвращенія къ привычкамъ бродячей и бездомной жизни.

Въ письмѣ изъ Ярославля отъ 16 августа 1841 года, по поводу какого-то недоразумѣнія, вызваннаго сплетнями одного изъ „добрыхъ пріятелей“ Некрасова, онъ писалъ моему отцу: „Неужели вы почитаете меня способнымъ такъ скоро забыть недавнее прошлое?.. Я помню, что былъ я назадъ два года, какъ я жилъ. Я понимаю теперь, могъ ли бы я выкарабкаться изъ сору и грязи безъ помощи вашей. Я не стыжусь признаться, что всѣмъ обязанъ вамъ, иначе бы я не написалъ вамъ этихъ строкъ, которыя навсегда могли бы остаться для меня уликой“. Большая часть работъ Некрасова въ „Литературной Газетѣ“ была подписана псевдонимомъ „Перепельскій“. Себя и редактора онъ изобразилъ въ „Водевильныхъ сценахъ изъ журнальной жизни“, подъ именемъ Пельсаго и Сѣмечко и вложилъ въ уста послѣдняго такое profession de foi по поводу пріемовъ тогдашней газетной травли, руководимой знаменитымъ въ своемъ родѣ Бул-

гарячимъ: „я литераторъ, а не торговецъ съ рынка и не хочу пятнать страницъ моей газеты той ржавчиной литературы, которую желалъ бы смыть кровью и слезами“. Когда Некрасовъ вышелъ на широкую литературную дорогу, его добрыя отношенія съ моимъ отцомъ продолжались, хотя видались они довольно рѣдко.

Въ первый разъ мнѣ пришлось его увидать въ концѣ пятидесятихъ годовъ на Невскомъ, при встрѣчѣ его съ моимъ отцомъ. Я жадно всматривался въ его желтоватое лицо и усталые глаза и вслушивался въ его глухой голосъ: въ это время его имя говорило мнѣ уже очень многое. Въ короткой бесѣдѣ, разговоръ — почему ужъ не помню — коснулся историческихъ изслѣдованій объ Иоаннѣ Грозномъ и объ его царствованіи, какъ благодарномъ драматическомъ матеріалѣ. „Эхъ, отецъ, — сказалъ Некрасовъ (онъ любилъ употреблять это слово въ обращеніи къ собесѣдникамъ), ну чего искать такъ далеко, да и чего это всѣмъ дался этотъ Иоаннъ Грозный! Еще и былъ ли Иоаннъ-то Грозный?..“ — сказалъ онъ, смѣясь.

Осенью 1861 года я былъ на литературномъ вечерѣ въ память только-что схороненнаго Добролюбова. Некрасовъ читалъ трогательныя стихотворенія покойнаго, еще не появившіяся въ печати. Его глухой голосъ какъ нельзя болѣе соответствовалъ скорбному тону того, что онъ выбралъ для чтенія: „Пускай умру, печали мало: — не то страшить мой умъ больно, — но чтобъ и смерть не разыграла — обидной шутки надо мной“, — читалъ онъ, и казалось, что это — замогильный голосъ самого Добролюбова. Впечатлѣніе было очень сильное. Мнѣ пришлось опять слышать чтеніе Некрасова десять лѣтъ спустя, на вечерѣ, устроенномъ М. Е. Ковалевскимъ у себя, въ пользу колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ. Тогда готовились къ печати „Русскія женщины“, и этимъ произведеніемъ, отдѣльныя мѣста котораго глубоко трогательны, подѣлился со слушателями Некрасовъ. Аудиторія была изысканная въ смыслѣ умственнаго развитія, и мнѣ показалось, что онъ, всегда спокойный и сдержанный, волновался, читая. Другіе подтвердили мое замѣчаніе. Очевидно было, что онъ — котораго такъ часто упрекали въ неискренности — прочувствовалъ и пережилъ душевно — за княгиню Волконскую и въ особенности за Трубецкую — тѣ нравственныя страданія ихъ, которыя были имъ воспѣты съ такой силой и вмѣстѣ простотой.

Съ начала 1872 года я сталъ довольно часто встрѣчать Некрасова въ домѣ его большого пріятеля, Александра Николаевича Ерахова (ему посвящено Некрасовымъ большое стихо-

твореніе „Недавнее время“), воспитаніемъ дочерей котораго руководила сестра Некрасова, Анна Алексѣевна Буткевичъ. Ераковъ былъ живой, образованный, чрезвычайно добрый и увлекающійся человѣкъ, обладавшій тонкимъ художественнымъ вкусомъ. Въ его гостепріимномъ домѣ любимыми посѣтителеми были: Салтыковъ, Алексій Николаевичъ Унковскій, Плещеевъ и Некрасовъ. Послѣдній часто навѣщалъ сестру и приносилъ ей свои только-что написанныя стихотворенія. Благодаря этому и моему близкому знакомству съ семействомъ Ераковыхъ, я читалъ почти всѣ произведенія Некрасова, появившіяся послѣ 1871 года, еще въ рукописи и иногда въ первоначальномъ ихъ видѣ. Некрасовъ любилъ сестру и относился къ ней съ большимъ вниманіемъ и участіемъ. Въ ея строгомъ лицѣ, со слѣдами замѣчательной красоты, были черты сходства съ братомъ. Она не прошла однако, подобно ему, годовъ лишеній и нравственныхъ уцѣловъ, испытываемыхъ человѣкомъ, стоящимъ на границѣ, за которою начинается уже несомнѣнная и неотвратимая нищета. Поэтому „борьба за существованіе“ меньше отразилась на ней, на ея статной и изящной фигурѣ, на цвѣтѣ ея лица. Некрасовъ пріѣзжалъ къ Ераковымъ въ каретѣ или коляскѣ, въ дорогой шубѣ, и подчасъ широко, какъ бы не считая, тратилъ деньги, но въ его глазахъ, въ его нездороваго цвѣта лицѣ, во всей его походкѣ виднѣлось не временно переходящее утомленіе, а застарѣлая жизненная усталость и, если можно такъ выразиться, *надорванность* его молодости. Не даромъ говорилъ онъ про себя: „Праздникъ жизни — молодости годы — я убилъ подъ тяжестью труда...“

Мы возвращались какъ-то, лѣтомъ 1873 года, вдвоемъ изъ Ораніенбаума, гдѣ обѣдали на дачѣ у Еракова. На мой вопросъ, отчего онъ не продолжаетъ „Кому на Руси жить хорошо“, онъ сказалъ мнѣ, что, по плану своего произведенія, дошелъ до того мѣста, гдѣ хотѣлъ бы помѣстить наиболѣе яркія картины изъ временъ крѣпостного права, но что ему нуженъ фактический матеріалъ, который собирать некогда, да и трудно, такъ какъ у насъ даже недавнимъ прошлымъ никто не интересуется. — „Постоянно будить надо, — безъ этого русскій человѣкъ способенъ позабыть и то, какъ его зовутъ“, — прибавилъ онъ. „Такъ бы вы и разбудили, кличущъ кличъ между знакомыми о доставленіи вамъ такихъ матеріаловъ, — сказалъ я — вотъ, напримѣръ, и я — хотя мало знакомъ съ жизнью народа при крѣпостныхъ отношеніяхъ, а, думается мнѣ, могъ бы рассказать вамъ случай, о которомъ слышалъ отъ достовѣрныхъ людей“...

— „А какъ вы познакомились съ русской деревней и что знаете о крѣпостномъ правѣ?“ — спросилъ меня Некрасовъ. Я рассказалъ ему, что въ отрочествѣ мнѣ пришлось провести два лѣта вмѣстѣ съ моими родителями въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской губ. и въ Бѣльскомъ уѣздѣ Смоленской. Въ послѣднемъ я видѣлъ нѣсколько безобразныхъ проявленій крѣпостного права со стороны семьи одного помѣщика, не чуждаго, въ свое время, литературѣ. Гораздо ближе познакомился я съ русскимъ сельскимъ бытомъ, когда, будучи московскимъ студентомъ, жилъ лѣтомъ 1863 года „на кондичіяхъ“ въ Пронскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, въ усадьбѣ Панькино, въ семействѣ бывшаго профессора А. Н. Драшусова, младшаго сына котораго готовилъ къ поступленію въ гимназію и дочери котораго давалъ впоследствии въ Москвѣ уроки. Почти всё время, свободное отъ уроковъ и отъ бесѣды съ хозяйкой дома — умной и очень образованной женщиной, бывшей въ перепискѣ со многими выдающимися людьми Западной Европы — я проводилъ на селѣ, живо интересуясь только-что совершившимся переломомъ въ крестьянскомъ быту подъ влияніемъ великой реформы 19-го февраля, и внимательно прислушиваясь къ постепенно умолкавшимъ отголоскамъ недавнихъ крѣпостныхъ отношеній. Съ чувствомъ теплаго уваженія вспоминаю я прекрасную личность мирового посредника перваго призыва, отставнаго маіора Оедюкина, одного изъ тѣхъ благороднѣйшихъ дѣятелей, которые внезапно появились въ Россіи подъ благовѣсть освобожденія и нерѣдко безпощадно къ себѣ и безорыстно положили всю душу свою въ новое дѣло. И, какъ контрастъ ему, рисуется въ моихъ воспоминаніяхъ мѣстная молодая титулованная помѣщица, вѣчно воевавшая съ ненавистнымъ ей Оедюкинымъ, со злобной настойчивостью преслѣдовавшая своихъ бывшихъ крѣпостныхъ за каждую охапку хвороста, собранную въ ея лѣсу, и за каждый, какъ выражался мировой посредникъ, „намекъ на потраву“. Она привозила по временамъ въ Панькино откуда-то добываемый ею „Колоколь“ и съ ликованіемъ читала въ немъ рѣзкія и язвительныя выходки противъ императора Александра II. Когда однажды я замѣтилъ ей крайнее несоотвѣтствіе ея домашняго образа дѣйствія и негодованія на Оедюкина, часто становившагося на сторону крестьянъ, — и восхищенія передъ изданіемъ Герцена, она пожала плечами съ выраженіемъ презрительнаго сожалѣнія о моемъ умственномъ развитіи, и рѣшительно отрѣзала мнѣ: — Никакого несоотвѣтствія нѣтъ и удивляться нечему! Мнѣ нравится, когда ея ругаютъ, по дѣломъ ея! Затѣмъ онъ.

освободилъ крестьянъ и позволилъ разнымъ Федюкинымъ насъ грабить!..

Я бывалъ въ засѣданіяхъ волостного суда и на сельскихъ сходкахъ, бродилъ подолгу съ крестьянникомъ-охотникомъ Данилой и просиживалъ съ нимъ до разсвѣта въ лѣсу, „подывая“ волковъ, на чтѣ онъ былъ большой мастеръ — и велъ долгія бесѣды со сторожемъ волостного правленія, прозвища котораго, къ сожалѣнію, теперь не помню. Его звали Николай Васильевичъ. Это былъ высокій старикъ съ шапкою сѣдыхъ волосъ и подслѣповатыми глазами, ѣздившій въ Москвѣ въ извозчикахъ еще до того, какъ туда „приходилъ французъ“. Большой любитель моихъ папирсовъ, словоохотливый старикъ подолгу рассказывалъ мнѣ о прошломъ, вплетая въ свои рассказы, безъ всякой предвзятой мысли, яркія картины изъ крѣпостной эпохи. Онъ не видѣлъ во мнѣ „барина“ и относился поэтому ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ, которое поколебалось лишь однажды. — „Тебѣ какое-жъ, родимый, положеніе идетъ за то, что ты учишь барчука? — полюбопытствовалъ онъ узнать. — Двадцать рублей. — Въ годъ? — Нѣтъ, въ мѣсяцъ. — Ой-ли?! Да за что же это такъ много? — Какъ за что? Занимаюсь съ нимъ, готовлю въ гимназію. Вотъ скоро ему будетъ въ Москвѣ экзамень. — Ну, а ѣшь-то ты чтѣ? То-же, чтѣ господа? — Конечно! Чтѣ же мнѣ другое ѣсть, когда я съ ними и обѣдаю, и ужинаю. — Съ ними?! — сказалъ онъ недоувѣрчиво и потомъ рѣшительно прибавилъ: — Врешь, ты, родимый!“ Изъ его словъ я увидѣлъ, какъ иногда въ прежнее время — но, конечно, не въ семьѣ Драшусовыхъ — смотрѣли на учителя...

— „А гдѣ-жъ ты тамъ, парень, живешь? — спросилъ онъ меня въ другой разъ: — въ господскомъ домѣ? — Нѣтъ, я живу отдѣльно, на дворѣ, въ комнатѣ при старой банѣ. Мнѣ тамъ очень хорошо: тихо, просторно и никто не мѣшаетъ. Я тамъ и уроки даю. — Въ банѣ? — задумчиво сказалъ старикъ — и тебѣ не боязно? Она-то по ночамъ не ходитъ? Не пугаетъ тебя? — Кто она? Какая она? — Да, вѣдь, тутъ у насъ въ старыя годы, давно ужъ тому, помѣщица была, лихая такая; дѣвкамъ дворовымъ отъ нея житья не было. Очень ужъ она на одну серчала. Косу ей обрѣзать велѣла и другое разное такое — совсѣмъ со свѣту сживала. Та, возьми, да, съ горя, и удавись. Судъ пріѣхалъ. Въ банѣ ее и „коронили“ — значитъ, потрошили. А къ чему это — неизвѣстно. А потомъ схоронили за оградой, потому что руки на себя наложилъ. Послѣ нея сундучокъ съ вещами остался; а она была сирота. Такъ сундучокъ-то поставили

на чердакъ въ банѣ. Вотъ у насъ на селѣ и бають, что она по ночамъ ходитъ сундукъ свой смотрѣть. Ну, какъ же не боязно?!" Выслушавъ это, я понялъ, почему прислуга, когда я вечеромъ желалъ остаться у себя (я готовился къ отложенному на осень экзамену у Бабста изъ политической экономіи и статистики и внимательно изучалъ Ропера), принося мнѣ чай или молоко, ставила ихъ на крылечкѣ и, постучавъ въ окно, быстро удалялась. Вернувшись къ себѣ, я пошелъ на чердакъ и въ углу его дѣйствительно увидѣлъ покрытый пылью старый небольшой сундучокъ, перевязанный веревкой и запечатанный печатью пронскаго земскаго суда. Нужно ли говорить, что въ первую же затѣмъ ночь мое нервно настроенное воображеніе заставило меня услышать чьи-то шаги на чердакѣ? Но затѣмъ молодость взяла свое, и несчастная самоубійца уже не тревожила мой крѣпкій сонъ.

Въ другой разъ тотъ же старикъ разсказалъ мнѣ съ большими подробностями исторію другого мѣстнаго помѣщика, который звѣрски обращался со своими крѣпостными, находя усерднаго исполнителя своихъ велѣній въ своемъ любимомъ кучерѣ—человѣкѣ жестокомъ и беспощадномъ. У помѣщика, ведшаго весьма разгульную жизнь, отнялись ноги, и силачъ-кучеръ на рукахъ вносилъ его въ коляску и вынималъ изъ нея. У сельскаго Малюты Скуратова былъ, однако, сынъ, на которомъ отецъ сосредоточилъ всю нѣжность и состраданіе, неважимыя въ себѣ для другихъ. Этотъ сынъ задумалъ жениться и пришелъ вмѣстѣ съ предполагаемой невѣстой просить разрѣшенія на бракъ. Но послѣдняя, къ несчастію, такъ приглянулась помѣщику, что тотъ согласія не далъ. Молодой парень затосковалъ и однажды, встрѣтивъ помѣщика, упалъ ему въ ноги съ мольбою, но, увидя его непреклонность, поднялся на ноги съ угрозами. Тогда онъ былъ сданъ не въ зачетъ въ солдаты, и никакія просьбы отца не помогли. Послѣдній запылъ, но недѣли черезъ двѣ снова оказался на своемъ посту, *прощенной* бариномъ, который слишкомъ нуждался въ его непосредственныхъ услугахъ. Вскорѣ затѣмъ баринъ поѣхалъ куда-то къ сосѣдямъ со своимъ Малютою Скуратовымъ на возлахъ. Почти отъ самаго Панькина начинался глубокой и широкой оврагъ, поросшій по краямъ и на днѣ густымъ лѣсомъ, между которымъ вилась заброшенная дорога. На эту дорогу, въ оврагъ, называвшійся Чертово Городище, внезапно свернулъ кучеръ, не обратившій никакого вниманія на возраженія и окрики сидѣвшаго въ коляскѣ барина. Проѣхавъ съ полверсты, онъ остановилъ лошадей въ особенно

глухомъ мѣстѣ оврага, молча, съ угрюмымъ видомъ, — какъ рассказывалъ въ первыя минуты послѣ пережитого баринъ, — отпрягъ ихъ и отогналъ ударомъ влута, а затѣмъ взялъ въ руки возжи. Почувявъ неминуемую расправу, баринъ, въ страхъ, смѣшивая просьбы съ обѣщаніями, сталъ умолять пощадить свою жизнь. — Нѣтъ! — отвѣчалъ ему вучерь — не бойся, сударь, я не стану тебя убивать, не возьму такого грѣха на душу, а только такъ ты намъ солонъ пришелся, такъ тяжело съ тобой жить стало, что вотъ я, старый человекъ, а черезъ тебя душу свою погублю... — И возлѣ самой коляски, на глазахъ у безпомощнаго и безплодно кричащаго въ ужасѣ барина, онъ влѣзъ на дерево и повѣсилъ на возжахъ.

Выслушавъ мой рассказъ, Некрасовъ задумался, и мы доѣхали до Петербурга молча. Онъ предложилъ мнѣ довести меня въ своей каретѣ на Фурштатскую, гдѣ я жилъ, и когда мы расставались, сказалъ мнѣ: „Я этимъ рассказомъ воспользуюсь“ — а черезъ годъ прислалъ мнѣ корректурный листъ, на которомъ было набрано: „О Яковѣ вѣрномъ — холопѣ примѣрномъ“, прося сообщить, „такъ ли?“ Я отвѣтилъ ему, что нѣкоторые маленькіе варианты нисколько не измѣняютъ существа дѣла, и чрезъ мѣсяцъ получалъ отъ него отдѣльный оттискъ той части „Кому на Руси жить хорошо“, въ которой изображена эта прояская исторія въ потрясающихъ стихахъ.

Мнѣ пришлось нѣсколько разъ посѣтить его въ домѣ Краевскаго на Литейной и раза два у него обѣдать въ обществѣ сотрудниковъ „Отечественныхъ Записокъ“, гдѣ всѣхъ оживляли своими веселыми и образными рассказами покойный „другъ писателей“ Михаилъ Александровичъ Языковъ. Юморъ и подвижность его были особенно цѣнны въ виду его весьма преклоннаго возраста, а память его просто поражала способностью хранить въ себѣ многое изъ давно-давно прошедшаго. Иногда на вопросъ удивленнаго собесѣдника: „А сколько вамъ, Михаилъ Александровичъ, лѣтъ?“ — онъ съ комической важностью горделиво отвѣчалъ, пародируя Людовика XIV-го: „L'état (Лѣта) — c'est moi!“ За этими обѣдами мнѣ пришлось слышать весьма интересные рассказы хозяина о литературныхъ нравахъ конца сороковыхъ и первой половины пятидесятихъ годовъ и о тѣхъ невѣроятныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ достовѣрныхъ издѣвательствахъ цензуры надъ здравымъ смысломъ и трудомъ писателя, въ тѣ времена, „когда была жизнь коротка — для пѣсенъ лиры — отъ типографскаго станка до цензорской квартиры“ и когда поэтъ отвѣчалъ типографскому разсылному Минаю, приносив-

шему корректуру, испещренную красными крестами и говорившему: „Сойдетъ-де и такъ“, — „Это кровь проливается! Кровь моя, ты дуракъ!“

Иногда Некрасовъ обращался ко мнѣ съ просьбою о совѣтѣ по тому или другому литературному дѣлу, которое, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи могло грозить осуществленіемъ въ реальной дѣйствительности того, что съ такимъ юморомъ изобразилъ онъ въ своемъ остроумномъ стихотвореніи „Судъ“. У меня сохранилось его письмо отъ 7-го апрѣля 1874 года. „Разрѣшите пожалуйста, — писалъ онъ, — *должны ли мы* напечатать прилагаемое объясненіе судьи N. N.? И можетъ ли быть что-либо неприятое для редактора, въ случаѣ, еслибы мировой судья, не вида объясненія напечатаннымъ, принесъ жалобу — или нѣтъ? Надо замѣтить, что судья этотъ, должно быть, скотина старыхъ приказныхъ временъ, ибо наполнилъ свою замѣтку кляузами и бранью, которыя я откинулъ. Отвѣтъ вашъ необходимъ *сегодня*. Очень обяжете искренно вамъ преданнаго Н. Некрасова“.

У Некрасова было много враговъ и на его счетъ распространялись самыя злорѣчивыя слухи, сосредоточиваясь, главнымъ образомъ, на его крупныхъ выигрышахъ въ карты. Порожденные этими слухами легенды живутъ, къ сожалѣнію, и по настоящее время въ обществѣ. „Calomniez, calomniez — il en restera toujours quelque chose!“ По этому поводу мнѣ пришлось однажды имѣть большую бесѣду съ самимъ Некрасовымъ.

Въ 1874 году сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ произвело возбужденіе мною дѣла о штабсъ-ротмистрѣ Колеминѣ, содержавшемъ игорный домъ и завлекавшемъ къ себѣ роскошнымъ угощеніемъ обыгрываемую имъ молодежь, причемъ выигрышу велась правильная бухгалтерская запись. Въ другомъ мѣстѣ я расскажу подробности этого характернаго дѣла, теперь же лишь упомяну, что, въ виду полной изобличенности Колемина, я предложилъ судебному слѣдователю наложить, на основаніи 512 ст. XIV тома арестъ на деньги Колемина, хранившіяся на текущемъ счету въ Волжско-Камскомъ банкѣ въ суммѣ 49.500 рублей и представлявшія, согласно составленнымъ имъ записямъ, чистый его выигрышъ. Арестъ былъ наложенъ и судъ утвердилъ эту мѣру. Кто-то, по невѣжеству юридическому, а можетъ быть съ дурнымъ и злораднымъ умысломъ увѣрилъ Некрасова, будто бы достоверно извѣстно, что я намѣренъ возбудить дѣла о всѣхъ лицахъ, выигравшихъ крупныя суммы въ общественныхъ собраніяхъ, и предложить суду отобрать у нихъ эти деньги для обращенія ихъ въ пользу колоній и пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ въ

окрестностяхъ Петербурга. Встревоженный Некрасовъ, сознававшій, что такая мѣра могла бы гибельно отразиться на средствахъ для изданія „Отечественныхъ Записокъ“, какъ-то рано утромъ пришелъ ко мнѣ и просилъ откровенно сказать, грозитъ ли и ему такая опасность. Я, конечно, его разувѣрилъ и постарался разсѣять его опасенія, объяснивъ всю нелѣпность дошедшаго до него слуха. При этомъ я подробно разсказалъ ему про поводы къ возбужденію дѣла о Колемицѣ и выяснилъ ему, что именно разумѣть законъ подъ словами „устройство игорнаго дома“. Некрасовъ успокоился и, долго просидѣвъ у меня, подробно разсказалъ мнѣ, какъ образовались его значительныя средства, возбуждавшія въ столь многихъ ожесточенную зависть. Въ своемъ повѣствованіи, довольно безпощадномъ къ самому себѣ, онъ раскрылъ предо мною болѣзненную психологію человѣка, одержимаго страстью къ игрѣ, непреодолимо влекущую его на эту рискованную борьбу между счастьемъ и опытомъ, увлеченъ и выдержкой, запальчивостью и хладнокровіемъ, гдѣ главную роль играетъ не выигрышъ, не приобрѣтеніе, а своеобразное сознаніе своего превосходства и упоеніе побѣды...

Разказы о „нечистой игрѣ“ Некрасова были несомнѣнной клеветой, — такою же, какъ стремленіе представить его безсердечнымъ эгоистомъ и человѣкомъ, двулично драпирующимся въ тогу друга народа и служителя „музы мести и печали“, въ то время, когда до народныхъ скорбей ему въ сущности нѣтъ никакого дѣла, и широко тратя легко достающіяся деньги на себя, онъ остается глухъ и слѣпъ къ чужому горю и несчастью. Изъ разсказовъ сестры, женщины правдивой до суровости, мнѣ были извѣстны нерѣдкіе случаи проявленія имъ доброты и великодушной неалобивости по отношенію къ чуждымъ ему людямъ; его прекрасныя, внимательныя и участливыя отношенія къ сотрудникамъ и его трогательная нѣжность къ сестрѣ служить лучшимъ опроверженіемъ шипѣнья злобы, которая и при жизни, и по смерти, прикрывалась услужливымъ словомъ „говорять, что...“ — „Нѣсть человѣкъ аще поживетъ и не согрѣшитъ, Ты одинъ кромѣ грѣха“... говорится въ чудномъ ритуалѣ нашей панихиды. Не „прегрѣшенія“ важны въ оцѣнкѣ нравственнаго образа человѣка, а то, былъ ли онъ способенъ сознавать ихъ и глубоко въ нихъ ваяться. Стоитъ вспомнить вырвавшіеся изъ глубины души Некрасова, орошенные внутренними слезами, звуки, которыми онъ оплакивалъ случаи своего кратковременнаго паденія или минутнаго малодушія, когда онъ сознавалъ, что „погрузился въ тину нечистую—мелкихъ помысловъ, низкихъ страстей“ и что „ликуеть врагъ—молчитъ

въ недоумѣніи—вчерашній другъ, поникнувъ головой... “— стѣнть ихъ вспомнить, чтобы видѣть, что онъ былъ человѣкомъ искреннимъ.

Тотъ, кто наблюдалъ жизнь, кому приходилось имѣть дѣло съ живыми людьми, мнѣ кажется, долженъ признать, что существуетъ большая разница между человѣкомъ дурнымъ и человѣкомъ, впавшимъ въ порочную слабость или увлеченнымъ страстью. Нерѣдко подъ оболочкой почти безупречной „умѣренности и аккуратности“, дающей поводъ къ лицемѣрному самолюбованію, таится несомнѣнный дурной человѣкъ, и наоборотъ, иной игрокъ, пьяница или „явный прелюбодѣй“, котораго наши старые судопроизводственные законы не допускали даже до свидѣтельства на судѣ,—виѣ предѣловъ своей порочной склонности бываютъ людьми великодушными, благородными и добрыми, въ особенности добрыми. Не даромъ Достоевскій сказалъ, что у насъ добрые люди обыкновенно пьяные люди, и пьяные люди почти всегда добрые люди... Литературныя и нравственныя заслуги Некрасова предъ русскимъ обществомъ такъ велики, что предъ ними должны совершенно меркнуть его недостатки, даже если бы они и были доказаны. Это прекрасно выразилъ покойный Боровиковскій въ стихахъ „Его судимъ“, въ которыхъ, обращаясь къ „непреклонному моралисту, сующему съ миной величавой ею ошибокъ скорбный листъ“, онъ говоритъ: „ты сосчиталъ на солнцѣ пятна и проглядѣлъ его лучи!“...

Во время долгой и тяжелой предсмертной болѣзни Некрасова я былъ у него нѣсколько разъ, и каждый разъ съ трудомъ скрывалъ свое волненіе при видѣ того безпощаднаго разрушенія, которое совершалъ съ нимъ недугъ. Последнее время онъ могъ лежать только ничкомъ, въ очень неудобной позѣ, подъ одной простыней, которая ясно обрисовывала его страшно исхудалое тѣло. Голосъ былъ слабъ, дрожащая рука—холодна, но глаза были живы и въ нихъ свѣтилось все, что оставалось отъ жизни, истерзанной страданіемъ. Въ послѣдній разъ, когда я его видѣлъ, онъ попенялъ мнѣ, что я рѣдко къ нему захожу. Я отчасти заслужилъ этотъ упрекъ, но я зналъ отъ его сестры, что посѣщенія его утомляютъ, и притомъ былъ въ это время очень занятъ, иногда не имѣя возможности дня по три подъ-рядъ выйти изъ дому. На мои извиненія онъ отвѣчалъ, говоря съ трудомъ и тяжело перевода дыханіе: „Да что вы, отецъ!—Я, вѣдь, это такъ говорю, а вѣдь и самъ знаю, что вы очень заняты,—да и всѣмъ живущимъ въ Петербургѣ—всегда бываетъ некогда. Да, это здѣсь роковое слово. Я прожилъ въ Петербургѣ почти сорокъ лѣтъ и убѣдился, что это

слово—одно изъ самыхъ ужасныхъ. Петербургъ—это машина для самой бесплодной работы, требующая самыхъ большихъ—и тоже бесплодныхъ жертвъ. Онъ похожъ на чудовище, пожирающее лучшихъ изъ своихъ дѣтей. И мы живемъ въ немъ и умираемъ, не живя. Вотъ я умираю—а, оглядываясь назадъ, нахожу, что намъ *все и всегда было некогда*. Некогда думать, некогда чувствовать, некогда любить, некогда жить душою и для души, некогда думать не только о счастьи, но даже объ отдыхѣ, и только *умирать есть время*“...

Хотя и давно ожидаемая, вслѣдствіе сообщеній газетъ о трудной операци, произведенной Бильротомъ, и о тяжкихъ страданіяхъ, смерть Некрасова произвела въ Петербургѣ, да и во многихъ мѣстахъ Россіи, сильное впечатлѣніе, заставила встрепенуться во многихъ чувство любви къ угасшему и вызвала неподдѣльное чувство боли, заставивъ на время смолкнуть нагѣты недруговъ и злобныя шуточки лицемѣрныхъ друзей. Это настроеніе нашло себѣ яркое выраженіе въ прекрасныхъ стихахъ того же Боровиковскаго, написанныхъ наканунѣ похоронъ и начинавшихся словами:

. Смолкли поэта уста благородныя..

Самыя похороны были очень многолюдны и, сколько мнѣ помнится,—были вторыми неофициальными похоронами въ Петербургѣ, въ которыхъ—послѣ торжественныхъ похоронъ знаменитаго артиста Мартынова 13 сентября 1860 года—приняли участіе съ горячимъ порывомъ самые разнообразныя круги общества. Обстановка этихъ похоронъ и характеръ участія въ ней молодого поволѣнія указывали, что ими выражается не только сочувствіе къ памяти покойнаго, но и подчеркивается живое и активное воспріятіе основного мотива его поэзіи. Надо, впрочемъ, замѣтить, что по торжественности и внѣшнему, свободно-установленному порядку эти похороны значительно уступали тому, что пришлось впоследствии видѣть при похоронахъ Достоевскаго и Тургенева. Мнѣ вспоминается вечеръ 30-го декабря 1877-го года—день похоронъ Некрасова—проведенный въ домѣ редактора „Вѣстника Европы“. Всѣ были полны однимъ чувствомъ, и Кавелицъ—большой поклонникъ покойнаго поэта, любившій его „за каплю крови, общую съ народомъ“—умѣлъ такъ настроить и направить довольно-многочисленный кружокъ, что весь вечеръ былъ всецѣло посвященъ памяти усопшаго. Въ растроганномъ настроеніи внимали всѣ Кавелину, читавшему слегка дрожащимъ голосомъ и съ влажными глазами „Тишину“ и „Несчастныхъ“.

Первымъ пунктомъ завѣщанія Некрасова, составленнаго въ январѣ 1877-го года и утвержденнаго петербургскимъ окружнымъ судомъ 20-го января 1878-го года, въ бытность мою предсѣдателемъ этого суда, всѣ авторскія права, рукописи и частныя письма къ нему разныхъ лицъ завѣщаны въ собственность Аннѣ Алексѣевнѣ Буткевичъ, а имѣнне близъ села Чудово при усадьбѣ Лука оставлено въ собственность женѣ съ тѣмъ, чтобы она выдѣлила изъ него половину незастроенной земли брату завѣщателя, Константину. Анна Алексѣевна купила у вдовы брата доставшуюся ей усадьбу съ землею. Въ этой усадьбѣ проводилъ покойный часто подолгу время въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни, охотясь и работая; здѣсь, между прочимъ, написалъ онъ значительную часть своей поэмы „Кому на Руси жить хорошо“. Анна Алексѣевна относилась съ благоговѣнiемъ къ памяти брата и издала его стихотворенія въ 1879-мъ году въ четырехъ томахъ, въ подготовку которыхъ къ печати вложила много любви и личнаго труда. Въ 1881-мъ году она повторила изданіе въ одномъ большомъ и компактномъ томѣ. Она умерла въ 1882-мъ году, и всѣ три года ея жизни, прошедшіе послѣ смерти брата, были сплошнымъ служенiемъ его памяти. Въ эти годы я сильнѣе прежняго сблизился съ ней, въ особенности послѣ того, какъ мнѣ удалось вывести ее изъ довольно затруднительнаго положенія, вызваннаго ею нѣсколько запутанными личными и семейными отношеніями. „Получивъ ваше письмо—писала она мнѣ въ апрѣлѣ 1879 года, я хотѣла сейчасъ ѣхать къ вамъ, чтобы лично поблагодарить васъ за спокойствіе, которое вы мнѣ устроили, но боязнь отвлечь васъ отъ занятій удержала меня отъ демонстраціи моей радости. Вы связали оказанную вами услугу съ воспоминаніемъ о моемъ братѣ... Да! въ этомъ вы замѣнили мнѣ его, и вы повѣрите, какимъ вы стали дорогимъ для меня человекомъ“. Она разбирала со мною бумаги и черновые наброски стихотвореній брата. Въ двадцатыхъ числахъ января 1882 года она заболѣла тяжелымъ плевритомъ и, пригласивъ меня къ себѣ, просила быть душеприкащикомъ и позаботиться объ устройствѣ въ Лукѣ училища въ память брата. Слабое пожатіе ея горячечной руки было для меня послѣднимъ въ ея жизни, которая угасла 20-го февраля.

Согласно ея завѣщанію, на устройство и содержаніе этого училища должны быть переданы мнѣ деньги, вырученныя книжнымъ складомъ Стасюлевича отъ продажи изданныхъ ею сочиненій брата. Весною 1882 года, я вступилъ въ сношенія съ новгородскимъ земствомъ о передачѣ ему по дарственной записи усадьбы „Лука“

со всею, находящеюся въ ней, подвижностью, съ условіемъ устроить въ ней школу имени Некрасова, при общаніи представителей земства сохранить въ неприкосновенномъ видѣ его кабинетъ съ письменнымъ столомъ, кресломъ и превосходнымъ портретомъ работы Ге. Земство приняло пожертвованіе съ благодарностью и скорѣ ассигновало на поддержаніе школы 500 рублей ежегодно, но затѣмъ начались разныя затрудненія и проволочки, какъ относительно типа школы и ея назначенія, такъ и относительно большаго ея матеріальнаго обезпеченія. Для увеличенія послѣдняго я принялъ на себя ходатайство предъ министромъ государственныхъ имуществъ Н. М. Островскимъ, объ удовлетвореніи просьбы земства о ежегодной субсидіи этой школѣ, если она будетъ сельско-хозяйственнаго типа. Островскому, который въ это время довольно круто сталъ отрѣшаться отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и литературныхъ симпатій, не было симпатично названіе школы, но, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, онъ согласился, и школѣ со дня открытія было назначено пособие въ 1000 рублей ежегодно. Затѣмъ, вслѣдствіе новыхъ заявленій земства о недостаточности средствъ, я вошелъ въ 1884 году въ сношеніе съ А. А. Краевскимъ и М. Е. Салтыковымъ о передачѣ новгородскому земству шести тысячъ шестисотъ семидесяти трехъ рублей, собранныхъ редакціей „Отечественныхъ Записокъ“ на устройство школы въ память Некрасова въ мѣстѣ его родины, въ увѣренности, что эти деньги вмѣстѣ съ арендной платой съ земли при Луцѣ, субсидіями отъ министерства государственныхъ имуществъ и отъ земства и съ 4.500 рублями, вырученными отъ продажи сочиненій Некрасова, могутъ наконецъ обезпечить существованіе Некрасовской школы. Къ сожалѣнію, какой-то рокъ тяготѣлъ надъ открытіемъ этой школы, которая въ проектѣ передѣлывалась изъ сельско-хозяйственной въ ремесленную, и наоборотъ, и предназначалась къ открытію то въ Луцѣ, то въ имѣніи одного изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, а въ дѣйствительности не была открыта въ теченіе девяти лѣтъ. Это побудило меня обратиться къ предсѣдателю губернской земской управы съ письмомъ слѣдующаго содержанія: „М. Г.— Вслѣдствіе состоявшагося въ 1882 году между мною, какъ душеприкащикомъ вдовы полковника Анны Алексѣевны Буткевичъ, и представителями новгородскаго губернскаго и уѣзднаго земства соглашенія—и въ виду 4-го п. постановленія губернскаго земскаго собранія отъ 17 декабря 1882 года—мною было передано земству для устройства школы въ память Н. А. Некрасова — завѣщанное г-жею Буткевичъ имѣніе, состоящее изъ

дома и 82 десятинъ земли при усадьбѣ Лука, близъ Чудова, и препровождены затѣмъ — сначала 4.500 р., вырученные отъ продажи сочиненій Н. А. Некрасова, а потомъ — 6.673 р. с., полученные мною на вышеупомянутую школу отъ покойныхъ М. Е. Салтыкова и А. А. Краевского. При возникшей, по поводу устройства этой школы, перепискѣ между мною и гг. предсѣдателями губернской и уѣздной земскихъ управъ — я неоднократно высказывалъ, что, въ качествѣ душеприкащика А. А. Буткевичъ, я не имѣю никакихъ возраженій ни противъ типа или характера школы, ни противъ мѣстности, въ которой земству угодно будетъ ее открыть, озабочиваясь лишь скорѣйшимъ выполненіемъ желаній завѣщательницы, хотѣвшей связать память о своемъ братѣ съ посильною пользою народному образованію въ мѣстности, гдѣ послѣдній часто жилъ и создалъ многія изъ своихъ поэтическихъ произведеній. „Бъ сожалѣнію, однако, школа имени Некрасова до настоящаго времени не учреждена, а появляющіяся въ повременныхъ изданіяхъ извѣстія заставляютъ предполагать, что при настоящемъ положеніи вопроса нельзя даже и предвидѣть съ точностью времени ея открытія, несмотря на то, что, помимо земли и дома, на этотъ предметъ у земства имѣется уже капиталъ, превышающій 14 тыс. р. с. Не считая себя вправѣ входить въ обсужденіе причинъ и условій такого неблагоприятнаго для осуществленія воли г-жи Буткевичъ положенія дѣла, я не могу, однако, оставлять обязанности, возложенной ею на меня, неисполненною и ограничиться однимъ лишь формальнымъ исполненіемъ ея воли путемъ передачи ея имѣнія и завѣщанныхъ ею средствъ земству, — тѣмъ болѣе, что 6.673 р. испрошены мною у гг. Салтыкова и Краевского именно для устройства задуманной г-жею Буткевичъ школы. Поэтому и въ виду предстоящаго губернскаго земскаго собранія, имѣю честь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой оказать зависящее съ вашей стороны содѣйствіе — *къ безотлагательному и дѣйствительному разрѣшенію вопроса о Некрасовской школѣ* — или же, буде новгородское земство считаетъ принятія на себя по дарственной записи 1883 г. обязательства *невыполнимыми* — въ возбужденію вопроса о возвращеніи мнѣ всего предоставленнаго для устройства школы, дабы я могъ передать эти средства министерству народнаго просвѣщенія съ тою же цѣлью“.

Наконецъ, въ 1892 году Некрасовская сельско-хозяйственная школа была открыта при домѣ поэта въ Лукѣ, при чемъ изъ вещей Некрасова, вслѣдствіе плохого надзора, какъ удосто-

вѣряетъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1902 годъ г. Жилкинъ, остался въ домѣ лишь его портретъ. По послѣдующимъ извѣстіямъ, если вѣрить корреспонденціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, въ 1904 году школа находилась въ такомъ неприглядномъ видѣ, что очередное уѣздное земское собраніе постановило: признать школу въ настоящемъ ея видѣ нежелательною и поручить управѣ разработать вопросъ или о реорганизациіи ея, или о совершенномъ закрытіи, передавъ портретъ поэта въ Музей Императора Александра III, замѣнивъ его копіей.

Хотѣлось бы думать, что эти извѣстія невѣрны или во всякомъ случаѣ преувеличены.

IV.

Въ самомъ началѣ шестидесятихъ годовъ Литературный Фондъ предпринялъ рядъ любительскихъ спектаклей, въ которыхъ участвовали виднѣйшіе представители русской литературы, жившіе или временно находившіеся въ Петербургѣ. Спектакли прошли блестящимъ образомъ и усердно посѣщались публикой. Этого, однако, нельзя было приписать только одному ея желанію увидѣть своихъ любимцевъ на сценѣ. Оно въ гораздо большей степени удовлетворялось литературными чтеніями, бывшими тогда новинкой и имѣвшими огромный успѣхъ. На одномъ изъ нихъ я слышалъ въ первый разъ Федора Михайловича Достоевскаго, читавшаго рассказъ „объ оторвавшейся пуговкѣ“ изъ письма Макара Дѣвущенна въ „Бѣдныхъ Людахъ“. Почти на каждомъ изъ такихъ чтеній выступалъ А. Н. Майковъ со своимъ стихотвореніемъ „Старое и Новое“, отрывкомъ изъ поэмы „Поля“, которое онъ декламировалъ превосходно, повторяя его по нѣскольбу разъ по настойчивому требованію публики, наэлектризованной и мастерскимъ исполненіемъ, и соответствіемъ конца стихотворенія тѣмъ радужнымъ надеждамъ на свѣтлое будущее, которыя жили тогда въ сердцѣ русскаго общества. Безъ „Полей“ не обходилось ни одно литературное чтеніе, и стоило Майкову появиться на эстрадѣ и прочесть что-либо другое, какъ изъ публики начинали раздаваться требованія: „Поля! Поля!“ — что подало поводъ одному изъ сатирическихъ журналовъ изобразить Майкова предъ многочисленной аудиторіей, съ ужасомъ повторяющаго вмѣстѣ съ нею свой стихъ: „А тамъ поля, опять поля!“

На той же эстрадѣ иногда появлялся и молодой, блѣднолицый и еще не дошедшій до своей чудовищной полноты А. Н. Апухтинъ. Онъ любилъ читать свое стихотвореніе „Актеры“, въ которомъ уже слышались звуки затаенной и не переходящей грусти, проникающей всѣ его прекрасныя стихотворенія. Много лѣтъ спустя, мнѣ пришлось съ нимъ встрѣтиться у одного изъ моихъ сослуживцевъ, гдѣ однажды я рассказалъ о своихъ наблюденіяхъ и выводахъ относительно самоубійствъ въ Петербургѣ, дѣла о которыхъ проходили черезъ мои руки, какъ прокурора окружнаго суда. Апухтинъ очень заинтересовался приведенными мною статистическими данными и содержаніемъ предсмертныхъ писемъ самоубійцъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, встрѣтись со мною, онъ вспомнилъ про это, и я послалъ ему набросанное мною изложеніе дѣла объ одномъ самоубійствѣ, затѣмъ напечатанное мною въ „Недѣлѣ“ 1871 года подъ названіемъ „Пропавшая серьга“.

Дѣло шло о бѣдной прибалтійской мѣщанкѣ, брошенной съ двумя дѣтьми молодымъ инженеромъ, который прижилъ ихъ съ нею. Уѣхавъ на югъ Россіи, онъ сначала немного помогалъ ей, посылая ничтожныя суммы и рѣдкія письма со „словесами лукавствъ“ и выраженіемъ живой нѣжности къ дѣтямъ. Вскорѣ однако, не скрывая, что ведетъ разсѣянную жизнь, требующую сравнительно большихъ расходовъ, онъ предложилъ матери своихъ дѣтей „дружбу“ и прервалъ съ нею всякія сношенія. Бѣдная женщина билась, какъ рыба объ ледъ, работала на швейной машинѣ и содержала три меблированныя комнаты, скудный доходъ съ которыхъ употребляла на подготовку сына въ реальное училище и на плату за обученіе дочери. Для этого она отказывала себѣ во всемъ, питаясь подолгу однимъ лишь чаемъ и чернымъ хлѣбомъ. Окружающіе считали ее вдовой, а она воспитывала въ дѣтяхъ чувство уваженія къ ихъ будто бы умершему отцу. Сравнительно спокойное теченіе ея безрадостной жизни было, однако, нарушено тремя обстоятельствами: женская болѣзнь заставила отказаться отъ заработка шитьемъ; сынъ, несмотря на наемъ учителя для подготовки, не выдержалъ вступительнаго экзамена въ реальное училище и наконецъ—самое для нея ужасное—на ея пятнадцатилѣтнюю дочь было введено одной изъ жилищъ обвиненіе въ кражѣ брильянтовой серьги. Несмотря на мольбы несчастной матери не дѣлать огласки, жилища вызвала полицію; былъ составленъ протоколъ, и всѣ, а въ томъ числѣ и дѣти, узнали, что она не вдова, а незамужняя дѣвушка съ двумя незаконно-рожденными дѣтьми. Этого послѣдняго удара она перенести не

могла — и отравилась мѣднымъ купоросомъ, оставивъ трогательное письмо, въ которомъ просить прощенія у окружающихъ, и, заявляя, что больше жить не имѣетъ силъ, клянется, что ея дочь неспособна быть воровкой. Жилица тотчасъ выѣхала, а черезъ нѣсколько дней, на допросѣ у судебного слѣдователя, показала, что, разбирая на новой квартирѣ свои вещи, она нашла между ними сергу, которую считала украденной.

„Многоуважаемый А. Θ., — писалъ мнѣ Апухтинъ, — съ величайшей благодарностью возвращаю вамъ „пропавшую сергу“. Случай, дѣйствительно, драматическій, но главный драматизмъ его заключается въ томъ, что на легкомысленный поступокъ дѣвicy Сидоровой (жилицы) можно смотрѣть какъ на благодѣаніе, оказанное несчастной героинѣ этого дѣла. Не случись исторіи съ сергой, она бы еще долго тянула свою каторжную жизнь, которая много хуже купороса. Самоубійство, по моему, вовсе не преступленіе и даже не малодушіе, а часто весьма разумный выходъ. По этому поводу мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами поподробнѣе“. Когда состоялась наша бесѣда, онъ при разставаніи сказалъ мнѣ, что давно хочетъ заняться этимъ вопросомъ, — „причемъ коснусь и васъ!“ — прибавилъ онъ. Я придалъ послѣднимъ словамъ значеніе простой шутки, но зимой 1885—86 года получилъ отъ него слѣдующее письмо: „Въ прошломъ году я говорилъ вамъ, что пишу поэмѣ, которая косвенно будетъ касаться васъ. Теперь эта вещь окончена, но я не считаю себя въ правѣ пускать ее въ обращеніе, не прочитавъ предварительно вамъ, а потому прошу васъ или заѣхать ко мнѣ (ежедневно отъ часа до четырехъ), или назначить мнѣ день и часъ, когда я могу застать васъ дома. Проектированная поэма обратилась въ стихотвореніе не очень большихъ размѣровъ, а потому не бойтесь *продолжительной скуки*“. Я предложилъ Алексѣю Николаевичу пріѣхать ко мнѣ, и въ виду приписки къ его первому письму: „высота меня не пугаетъ, если на лѣстницѣ есть стулья“, распорядился поставить на каждой площадкѣ лѣстницы до 4-го этажа, въ которомъ я жилъ, стулья. Но когда въ назначенный часъ швейцаръ далъ звонокъ и я вышелъ на лѣстницу, то меня поразила легкость, съ которою Апухтинъ несъ свое огромное, грузное тѣло, „бери штурмомъ“, какъ онъ выразился, каждый рядъ ступеней. Эта живость совершенно не соотвѣтствовала его крайней тучности, которая вызвала его извѣстную шутку надъ собою: „Жизнь пережить — не поле перейти. — Да, точно: жизнь скучна и каждый день скучнѣе. — Но грустно до того сознанія дойти, — что поле перейти мнѣ все-таки труднѣе“. Онъ вообще любилъ

подшучивать надъ своею фигурой, рассказывая, напримѣръ, про маленькую дѣвочку, которая, войдя въ гостиную матери, гдѣ онъ сидѣлъ, спросила, указывая на него пальчикомъ: „Мама, это человекъ или нарочно?“

Онъ даже не запыхался и прямо приступилъ къ чтенію своего обширнаго произведенія „Послѣдняя ночь“, названнаго имъ внослѣдствіи: „Изъ бумагъ прокурора“. Въ немъ было два мѣста, относительно которыхъ онъ сомнѣвался, находя, что они слишкомъ удлиняютъ стихотвореніе. Первое начиналось словами: „Въ какую рубрику меня вы помѣстите“ — и кончалось словами: „Среди тяжелыхъ думъ она (мысль о самоубійствѣ) въ ночной тиши сознательно сложилась и окрѣпла“; а второе начиналось словами: „О, посмотрите же кругомъ: не я одинъ ищу спасенія въ покоѣ“ — и кончалось словами: „Но обвинять ли ихъ, винить ли жизни строй, бессмысленный и злой, — не знающій прощенья?“ А за этимъ слѣдовало: „Какъ опытный и свѣдущій юристъ, всѣ степени вины обсудите вы здраво“. Я настаивалъ на введеніи и этихъ отрывковъ въ текстъ чудеснаго стихотворенія, и Апухтинъ со мной согласился, подаривъ мнѣ на память рукопись въ первоначальномъ видѣ и два къ ней добавленія. Въ этой рукописи есть много вариантовъ, сравнительно съ напечатаннымъ. Наибольшій изъ нихъ слѣдующій: „Но съ отроческихъ лѣтъ я началъ въ жизнь вникать, — въ людскія дѣйствія, ихъ цѣли и причины — и стерлась дѣтскою вѣрой благодать — какъ блѣдной краски слѣдъ съ незаконченной картины“ — говорится въ напечатанномъ; — въ рукописи же вмѣсто „отроческихъ лѣтъ“ стоитъ „съ дѣтства ранняго“, а послѣдніе два стиха читаются такъ: „И вложи на душу тяжелую печать коварства, лжи и зла всеневныя картины“.

Послѣдній разъ въ жизни я видѣлъ Апухтина за годъ до его смерти, въ жаркій и душный лѣтній день, у него на квартирѣ. Онъ сидѣлъ съ поджатыми подъ себя ногами, на обширной тахтѣ, въ легкомъ шелковомъ китайскомъ халатѣ, широко вырѣзанномъ вокругъ пухлой шеи, — сидѣлъ, напоминая собою традиціонную фигуру Будды. Но на лицѣ его не было буддистскаго соверпательнаго спокойствія. Оно было блѣдно и глаза смотрѣли печально. Отъ всей обстановки вѣяло холодомъ одиночества, и казалось, что смерть уже тронула вонцомъ крыла душу вдумчиваго поэта.

V.

Литературнымъ Фондомъ были поставлены „Ревизоръ“ и „Женитьба“, причѣмъ Хлестакова и Подколесина игралъ П. И. Вейнбергъ; группу „аршинниковъ-самоварниковъ“, являющихся съ жалобой къ ревизору, составляли Тургеневъ, Островскій, Дружининъ и другіе, а городничаго и Подколесина игралъ *Александръ Теофилактовичъ Писемскій*. Онъ былъ превосходить въ обѣихъ роляхъ. Чувствовалось, что онъ воспринялъ и воплотилъ безсмертныя Гоголевскіе типы не съ книжнымъ лишь пониманіемъ, а на основаніи личныхъ наблюденій и житейскихъ встрѣчъ. Особенно удался ему въ этомъ отношеніи Сквозникъ-Дмухановскій. До сихъ поръ мнѣ съ особенной яркостью вспоминается городничій-Писемскій въ его разговоръ съ Осипомъ, котораго съ удивительнымъ талантомъ игралъ студентъ Ловягинъ, чья ранняя смерть лишила русскую сцену будущаго несомнѣннаго украшенія.

Личное наше знакомство началось въ Москвѣ, куда Писемскій переселился, уставъ идти „противъ теченія“ редактируя „Библиотеку для Чтенія“ и возбудивъ противъ себя ожесточенное, но въ значительной степени справедливое литературное гоненіе своими фельетонами подъ псевдонимомъ „Никиты Безрылова“, съ грубой беспощадностью осмѣивавшими почти всѣ безъ разбора проявленія пробудившейся общественной мысли. Въ Москвѣ, давъ по своимъ противникамъ послѣдній залпъ въ талантливомъ, но весьма тенденціозномъ романѣ „Взбаломученное море“, въ которомъ, по его мнѣнію, „была тщательно собрана вся ложь нашей русской жизни“, онъ успокоился и вошелъ въ свою настоящую колею художника-бытописателя. Его главными произведеніями были драма „Горькая судьбина“, справедливо оцѣненная критикой и не утратившая своего художественнаго достоинства и до настоящаго времени, — и романъ „Тысяча Душъ“. Послѣдній былъ мастерскимъ изображеніемъ того, какъ жила и какими способами и приѣмами управлялась русская провинція до эпохи великихъ реформъ. Въ немъ Писемскій являлся суровымъ обличителемъ той, по выраженію Хомякова, „мерзости и лжи тлетворной“, которою былъ полонъ общественный укладъ того времени, — обличителемъ не словами гнѣва и негодованія, а правдивыми, животрепещущими образами. Онъ былъ также и моралистомъ. Вся разбитая жизнь

Калиновича, сломаннаго сплоченною силою мелкихъ людишекъ, съ которыми онъ возымѣлъ самоувѣренную смѣлость бороться, служить—подъ перомъ Писемскаго—яркимъ предостереженіемъ тѣмъ, кто думаетъ—а такихъ бываетъ не мало среди людей далеко не дурныхъ—что общепользная дѣятельность можетъ искупить своимъ успѣхомъ грѣхи, учиненные для ея достиженія. На меня „Тысяча Душъ“ произвела въ свое время очень сильное впечатлѣніе, да и до сихъ поръ, ознакомясь въ моей служебной жизни въ провинціи съ отголосками многого изображеннаго въ ней, я думаю, что романъ этотъ по праву долженъ стоять на первомъ мѣстѣ послѣ „Мертвыхъ Душъ“. Поэтому я съ удовольствіемъ воспользовался случаемъ познакомиться съ Писемскимъ.

Въ послѣднемъ все было своеобразно: и манера говорить „по-востромски“, съ удареніемъ на „о“, и произнесеніемъ „ае“, — какъ „а“ (онъ говорилъ вмѣсто думаетъ, дѣлаетъ, гуляетъ — *думать, дѣлать, гулять*), огромная голова въ черныхъ вихрахъ, съ широкимъ лбомъ, съ большими на выкатѣ темными глазами и крупными чертами лица, со всклокоченной короткой бородой. Вся его наружность „неладно скроенная, но плотно спитая“, его манера скашивать въ сторону желчный и безпокойный взоръ имѣла въ себѣ что-то отдаленно напоминавшее молодого быка. Во всемъ, что онъ говорилъ, слышался сильный, непосредственный умъ, чудесно воспринимавшій и понимавшій прозаическую сторону жизни, — рѣшительно, хотя и безъ злобы, отодвигавшій и разрушавшій всѣ живыя декорации и условныя украшенія, которыми прикрывалась эта проза. Къ этому присоединилось глубокое знаніе народной жизни и безобидный юморъ, огоньки котораго постоянно вспыхивали въ его разсказѣ. Онъ былъ большой хлѣбосоль и любилъ собирать у себя молодежь, къ которой умѣлъ относиться безъ всякой рисовки, просто и сердечно. Въ домѣ у него было тепло и уютно, чему въ особенности способствовала его жена, уравновѣшенному и возвышенному душевному строю которой соотвѣтствовала прекрасная наружность красивой и здоровой русской женщины. Несомнѣнно, что въ жизни увлекающагося, неводержимаго и слабого характеромъ Писемскаго жена его Екатерина Павловна (дочь писателя Свинына) имѣла благотворное вліяніе. Изобразивъ ее въ Евпраксіи „Взбаломученнаго моря“, онъ самъ призналъ это и отдалъ дань искренняго уваженія ея нравственнымъ качествамъ, хотя и назвалъ ее „ледешкомъ“. Съ такимъ же чувствомъ относились къ ней и всѣ, кто ее зналъ и кто понималъ, что ея жизненная задача была не изъ легкихъ и что на душѣ привѣтливой, умной и съ виду спокойной хозяйки не разъ

бывало очень и очень тяжело. Немалую заботу должны были доставлять ей и странности мужа: его крайняя мнительность по отноше-
 ✓ нію къ людямъ и къ своему здоровью, а также, въ нѣкоторыхъ слу-
 чаяхъ, комическая боязливость. Такъ, напримѣръ, онъ страшно
 √ боялся собакъ. Ему стоило увидѣть на своемъ пути хотя бы
 самого смиреннаго и скромнаго по размѣрамъ пса, чтобы съ
 испугомъ повернуть назадъ, несмотря ни на какую необходи-
 мость идти въ избранномъ направленіи.

Покойный Горбуновъ, очень любившій Писемскаго и цѣнившій
 въ немъ большое знаніе народа, рассказывалъ мнѣ о своей поѣздкѣ
 съ нимъ, лѣтомъ 1855 года, во время крымской войны, на корабль
 генераль-адмирала, стоявшій на бронштадтскомъ рейдѣ въ виду не-
 пріятельской эскадры. Писемскій былъ въ отличномъ расположеніи
 духа и отъ любезнаго приѣма великимъ княземъ Константиномъ
 Николаевичемъ, и отъ общества моряковъ, и отъ трапезы, ко-
 торую онъ оцѣнилъ, какъ знатокъ. Поэтому онъ съ особымъ
 удовольствіемъ сталъ читать собравшимся подъ тентомъ на па-
 лубѣ отрывки изъ ненапечатаннаго еще своего романа „Тысяча
 Душъ“. Вдругъ съ моря послышались звуки отдаленныхъ выстрѣ-
 ловъ. Писемскій поблѣднѣлъ, остановился, съ испугомъ поднялъ
 брови и дрожащимъ голосомъ, въ которомъ звучало отчаяніе,
 спросилъ великаго князя: „Началось?!...“ Хотя его старались
 успокоить, объясняя, что это лишь салютъ англо-французской
 эскадры идущему съ запада кораблю, но онъ отвѣчалъ на это
 недовѣрчивымъ и угрюмымъ взглядомъ, кое-какъ дочиталъ до
 перваго мѣста, на которомъ можно было оборвать чтеніе, и
 сталъ торопить Горбунова отъѣздомъ, говоря, что у него въ
 Петербургѣ неотложное дѣло. Онъ успокоился только поздно
 вечеромъ, по прибытіи въ Петербургъ, сойдя на берегъ съ паро-
 хода, въ буфетѣ котораго старался придать себѣ мужества искус-
 ственными средствами. Около этого времени появились въ „Совре-
 менникѣ“ „Севастопольскіе рассказы“ Л. Н. Т., по поводу кото-
 рыхъ Тургеневъ, спрашивая Некрасова о томъ, кто таковой авторъ,
 писалъ: „Это—талантъ надежный!“ Отрывки изъ этихъ расска-
 зовъ пришлось прослушать гдѣ-то и Писемскому, окончившему
 въ это время такую замѣчательную вещь, какъ „Тысяча Душъ“.
 По словамъ Горбунова, онъ мрачно поглядѣлъ на него и ска-
 залъ: „Этотъ офицеришка всѣхъ насъ заклюеть! Хоть бросай
 перо!“

Въ Москвѣ у Писемскаго во время моего студенчества мнѣ
 приходилось бывать обыкновенно разъ въ двѣ недѣли, на Бас-
 манной и на Прѣснѣ, вмѣстѣ съ моими покойными товарищами

Куликовымъ и Кирпичниковымъ (впослѣдствіи извѣстнымъ профессоромъ московскаго университета). Вечеръ тянулся часто довольно скучно, такъ какъ большинство играло въ карты, но рано подававшійся ужинъ вознаграждалъ за эту скуку, и мы жадно внимали интереснѣйшимъ разговорамъ и воспоминаніямъ хозяина и его обычныхъ посѣтителей—А. Н. Островскаго и скульптора Рамазанова—и поучительнымъ спорамъ между ними. Послѣдніе часто касались Шекспира, значеніе и смыслъ произведеній котораго выяснялись при этомъ всесторонне. Эти пиршества мысли оканчивались поздно и мы расходились съ сожалѣніемъ. Иногда Писемскій совѣтовалъ намъ и въ особенности Кирпичникову, жившему на краю города, остаться ночевать, въ виду того, что въ это время въ Москвѣ по ночамъ „пошаливали“. Мы, однако, отъ этого уклонялись...—„Неужели вы не боитесь?!—однажды спросилъ Писемскій Кирпичникова—высокаго и сутулаго силача.—А чего бояться?—отвѣтилъ Кирпичниковъ.—Да, вѣдь, васъ ограбятъ!—Нѣтъ, я этого не боюсь! Я боюсь другого: я боюсь, какъ бы я кого не ограбилъ!—смѣясь, сказалъ Кирпичниковъ.

Особенно яркое воспоминаніе оставила во мнѣ поѣздка къ Писемскому вмѣстѣ съ Куликовымъ въ августѣ 1865 года. Онъ жилъ тогда въ одной изъ дачныхъ окрестностей Москвы, кажется въ Давыдовѣ, на небольшой дачѣ съ мезониномъ стариннаго образца, полукруглое окно котораго выходило на церковь и бывший предъ нею большой лугъ. Въ мезонинѣ, куда намъ пришлось подняться по крутой деревянной лѣстницѣ, насъ встрѣтилъ очень привѣтливо хозяинъ, прямо спросившій насъ:—Вы чего хотите: пойти погулять или послушать мою новую драму „Бывые Соколы“?—Конечно, мы избрали второе, тѣмъ болѣе, что достаточно утомились отъ путешествія по пыльной дорогѣ на старинныхъ московскихъ дрожкахъ, называвшихся „калиберомъ“ или „гитарой“ и представлявшихъ изъ себя при длинномъ пути орудіе добровольной пытки.

Писемскій былъ въ халатѣ, широко распахнутомъ на груди надъ растянутой на верхнія пуговицы рубашкой. Его могучая вымя, всклокоченная голова и все его неприветливое одѣяніе придавали ему нѣсколько дикій характеръ. Онъ началъ немедленно читать, шурясь по временамъ отъ косыхъ лучей заходящаго солнца, заглядывавшихъ въ окно. Читалъ онъ, какъ всегда, превосходно, все болѣе и болѣе увлекаясь стремленіемъ дать въ голосѣ и интонаціяхъ живое изображеніе дѣйствующихъ лицъ. Къ концу перваго дѣйствія онъ сталъ декламировать на память, лишь изрѣдка

заглядывая въ рукопись и, такъ сказать, ирая свое произведе-
 ніе. Въ промежутки между дѣйствіями онъ сидѣлъ молча, съ
 задумчивымъ и подчасъ мрачнымъ видомъ, понуривъ голову и
 видимо торопясь отдохнуть. Мы тоже сидѣли молча, какъ зача-
 рованные, чувствуя, что всякіе вопросы и разговоры обыденнаго
 содержанія были бы неумѣстны и шли бы въ разрѣзъ съ настро-
 еніемъ автора, которое постепенно заражало и охватывало насъ.
 А солнце все спускалось, лучи его заиграли на потолокъ, — нако-
 нецъ, оно ушло за гѣсъ, и стали быстро наступать августовскія
 сумерки. Тьма сгущалась, а Писемскій продолжалъ читать или,
 вѣрнѣе, играть свою драму. Одинъ изъ насъ сдѣлалъ движеніе,
 чтобы зажечь свѣчи, но Писемскій сердито взглянулъ и сдѣлалъ
 повелительный жестъ рукой, какъ бы говорившій: „сиди и
 слушай!“ Онъ кончилъ, когда уже было почти совсѣмъ темно.
 Лишь постепенно привыкавшіе къ этой темнотѣ глаза наши
 могли различать его крупную фигуру... Онъ уже не сидѣлъ,
 а стоялъ у стола и говорилъ послѣдній монологъ пьяницы
 актера въ одной изъ трущобъ московской „Грачевки“, начинав-
 шійся и кончавшійся словами: „Люди вы бѣдные, — люди вы
 скверные!“... Мы не рѣшались прервать молчанія и тогда, когда
 онъ кончилъ, только выразительно пожали его похолодѣвшую руку,
 не находя словъ, чтобы выразить то глубокое впечатлѣніе, кото-
 рое произвело на насъ его произведеніе въ связи съ его ма-
 стерской передачей.

Я никогда впоследствии не читалъ и не слышалъ ни-
 чего, что бы производило такое потрясающее впечатлѣніе тра-
 гизмомъ своего сюжета и яркими, до грубости реальными, кра-
 сками. Въ этой драмѣ былъ соединенъ и, такъ сказать, скле-
 ванъ воедино тяжкій и неизбежный рокъ античной трагедіи
 съ мрачными проявлениями русской жизни, выросшей на почвѣ
 крѣпостного права. Жестокость и чувственность, — сильные ха-
 рактеры и едва мерцающія, условныя понятія о добрѣ и злѣ, —
 насилие и восторженное самозабвеніе—были переплетены между
 собой въ грубую ткань, въ одно и то же время привлекая
 и отталкивая зрителя, волнуя его и умилая. Откровенность нѣ-
 которыхъ сценъ, совершенно необычная въ то время, напоми-
 нала по своей манерѣ иныя мѣста въ Шекспировскихъ хроник-
 ахъ. Я помню сцену, гдѣ жена и мать, заподозривъ связь своего
 мужа съ дочерью, беретъ послѣднюю за руку и въ присутствіи
 мужа, обвинувъ ее внимательнымъ взоромъ, говорить ей тономъ, не
 допускающимъ возраженій: „Ты беременна!“ Дочь выноситъ при-
 стальный взглядъ матери и отвѣчаетъ рѣшительно: „Да!“ — „Отъ

него?" спрашивает мать, показывая дочери на ее отца. „Отъ него“, отвѣчаетъ спокойно дочь. По тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ такая пьеса, конечно, не могла появиться не только на сценѣ, но и въ печати. И дѣйствительно, когда черезъ много лѣтъ я прочелъ въ печати „Бывыхъ Соколовъ“, то я не нашелъ въ нихъ даже отдаленнаго сходства съ тѣмъ, что мы слышали отъ Писемскаго въ памятный августовскій вечеръ. То, что онъ намъ читалъ тогда, было словно положено въ щелокъ, который выѣлъ всѣ краски и на все наложилъ одинъ сѣренькій колоритъ. Самый сюжетъ былъ измѣненъ, смягченъ и всѣ его острые углы обточены неохотно и потерявшею къ своему произведенію любовь рукою. Контуры типическихъ, властныхъ и суровыхъ лицъ оказались очерченными слабѣе и далеко не производили прежняго впечатлѣнія. Исчезъ и монологъ актера. Едва-ли сохранилась первоначальная рукопись „Бывыхъ Соколовъ“ при томъ разгромѣ семьи Писемскаго, который произвела судьба. И объ этомъ нельзя не пожалѣть: теперь эта вещь могла бы быть напечатана цѣликомъ и показать, что моднымъ въ наше время рѣзкимъ откровенностямъ сюжета можетъ соответствовать рѣдкая въ наше время глубина житейской правды...

— Ну, теперь идите пить чай къ женѣ,—сказалъ намъ Писемскій,—а я приду немного спустя.—Вняву, у чайнаго стола съ кипящимъ самоваромъ и закусками, насъ встрѣтила Екатерина Павловна и стала спрашивать о впечатлѣніи, произведенномъ чтеніемъ, но затѣмъ, слышавъ шаги спускавшагося внизъ мужа, прервала насъ, сказавъ:—Пожалуйста, не будемъ объ этомъ говорить: онъ слишкомъ много надъ этимъ задумывается...

Писемскій вошелъ въ просторномъ лѣтнемъ платьѣ, но безъ галстука. Разспрашивая Куликова о его семейныхъ дѣлахъ, онъ отстранилъ рукой налитый ему стаканъ чаю и; наливъ большую рюмку водки, выпилъ ее залпомъ, ничѣмъ не закусивъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ повторилъ то же самое и угрюмо замолчалъ, неохотно отвѣчая на вопросы. Черезъ десять минутъ онъ выпилъ третью рюмку. Я взглянулъ вопросительно на бѣдную Екатерину Павловну. Съ печальною улыбкой она въ отвѣтъ мнѣ пожала плечами и съ затаеннымъ страданіемъ посмотрѣла на мужа.

— Алексѣй Теофиластовичъ, — сказалъ я, — затѣмъ вы это дѣлаете? Вѣдь, это вамъ вредно.

Онъ тяжело посмотрѣлъ на меня и снова протянулъ руку къ графину.

— Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ?—присоединился ко мнѣ Куликовъ.—Вспомните, какъ вы бывали больны въ Петербургѣ.

Писемскій молчаливо налилъ четвертую рюмку, „опрокинулъ“ ее, взялъ маленькій кусочекъ хлѣба и, помолчавъ, вдругъ оживленнымъ и вмѣстѣ жалобнымъ голосомъ, съ очевиднымъ волненіемъ сказалъ, обращаясь къ моему другу: — Понимашь ты, я безъ этого не засну! Не могу я спать безъ этого. Они — вотъ тѣ, о комъ я вамъ читалъ, не даютъ мнѣ спать. Стоять вокругъ меня и предо мной всю ночь и смотреть на меня, — и живутъ и не даютъ мнѣ заснуть! И не могу я безъ этого, — понимаешь? — Онъ тряхнулъ косматою головою, какъ бы стараясь освободиться отъ созданныхъ его творчествомъ образовъ... и потянулся къ пятой рюмкѣ...

Последніе годы жизни Писемскаго въ Москвѣ были омрачены серьезной болѣзью жены и тяжелой неотступностью мыслей о загадочномъ самоубійствѣ младшаго сына, лишившаго себя жизни въ Петербургѣ, гдѣ онъ начиналъ службу, и оставившаго, вмѣсто всякаго объясненія, тщательно составленный списокъ своихъ вещей и маленькихъ, почти грошевыхъ, долговъ. Проѣздомъ черезъ Москву въ 1880 году я посѣтилъ Алексѣя Теофилактовича. Онъ очень „подался“, былъ одѣтъ болѣе чѣмъ небрежно и нервныя слезы постоянно наворачивались на его глаза, хотя онъ и старался казаться сповойнымъ. Предъ нимъ стояло, несмотря на ранній часъ, красное вино, а сѣвозъ разстегнутый воротъ рубашки видѣлся шнурукъ, на которомъ обыкновенно носятъ нагѣльный крестъ или образокъ. Последнее до того шло въ разрѣзъ съ его „вольнодумнымъ“ отношеніемъ къ религіознымъ обрядамъ и обычаямъ, что я невольно на его сѣтованья о томъ, какъ все измѣнилось и въ насъ, и вокругъ насъ, сказалъ ему, показывая глазами на этотъ шнурукъ: — „вотъ, вѣдь, и это у васъ новое!—Онъ грустно улыбнулся и, обращаясь къ старшему сыну, сидѣвшему тутъ же, молчаливому и болѣзненно-апатичному, сказалъ ему: — „Понимашь! Онъ думаетъ, что это ладонка. А это... — и онъ подѣлъ рукой за пазуху—это—мундштукъ для папирозъ. Я сталъ старъ и забывчивъ, все ихъ теряю или не помню, гдѣ положилъ, приходится искать. Вотъ я привязалъ на шнурукъ, да и ношу на шеѣ. Такъ оно удобнѣй!“

Онъ скончался за недѣлю до Достоевскаго, въ 1881 году.

А. О. Конн.

БРЕТОНСКІЯ ЛЕГЕНДЫ

I.

СОКОЛЪ.

Насѣду соколъ задушилъ,—
Убить крестьянкой герцогъ былъ.
Убитый герцогъ... А народъ
Среди тяготъ, какъ вьючный скотъ.

Какъ скотъ! Поборамъ отдана,
Слудна, растоптана страна.
По ней идя во всѣ концы,
Прошли, какъ язва, пришлецы.

Изъ края Галльскаго, на зовъ
Вдовы пришли ряды враговъ.
Она звала, была громка,—
Корова такъ зоветъ быка.

Налогъ еще. Еще налогъ.
Народъ стерпѣть всего не могъ.
Возстала юность, вихрь огней,
Возстала старость вмѣстѣ съ ней.

Изъ-за насѣдки лишь одной,
И изъ-за сокола тотъ бой.
Дрѣвѣ птицы малыя, а глянѣ,
Въ огнѣ, въ крови, въ рѣзнѣ Бретань.

На Черной на Горѣ, тамъ тѣнь
 На завтра ждетъ Ивановъ-день;
 До тридцати сошлось крестьянъ,
 Огни ихъ свѣтятъ сквозъ туманъ.

Огонь пылаетъ горячо—
 Закинувъ вилы на плечо,
 Каждо Боецъ—среди другихъ,
 И съ сердцемъ вопрошаетъ ихъ:

—Ну, что-жъ, вамъ сладко ѣсть и пить?
 Налоги будете платить?
 Что до меня, я не плачу.
 Скорѣ петли я хочу.

—Налоговъ не хочу и я,
 Въ лохмотьяхъ вся моя семья,
 Не заплачу, не побююсь,
 Углями красными клянусь.

—Достатокъ мой, гдѣ онъ, гдѣ онъ?
 Я весь до нитки разоренъ.
 Годъ не успѣю завершить,
 Какъ долженъ милостыней жить.

—Постыдно голоду служить,
 Нельзя намъ милостыней жить.
 Коль споръ и бой имъ невзачеть,
 И бой, и споръ къ нимъ въ мигъ придетъ.

—Къ нимъ бой придетъ быстрѣй чумы!
 Клянемся молніею мы!
 Клянемся Моремъ и Луной!
 Клянемся Небомъ и Землей!—

Каждо Боецъ, словаясь къ огню,
 Схватилъ и поднялъ головню,
 И каждый сдѣлалъ такъ, какъ онъ:—
 —Впередъ! Впередъ! на горный склонъ!—

Его жена съ нимъ рядомъ шла,
 И на плечахъ багоръ несла,
 И пѣла, — мнится, чу! поеть:
 —Впередъ, сыны мои, впередъ!

Нѣтъ, не для нищенскихъ кусковъ
Я тридцать родила сыновъ,
И не дрова другимъ носить,
Не камни также дробить.

Не въ жизни вьючнаго осла
Ихъ мать родная родила,
Не для того, чтобъ босикомъ
Идти въ поляхъ, идти путемъ.

И не кормить нуждой своей
Собака и птицъ и лошадей:
Чтобъ притѣснителей убить, —
Рождала, вотъ зачѣмъ родить! —

И отъ огня къ огню — зарѣ
Они спускались по горѣ: —
— Огѣ! Огѣ! Огнемъ, огнемъ,
Враговъ своихъ сождемъ, сождемъ! —

Съ горы сошли — и кто да кто,
Ихъ всѣхъ — три тысячи и сто;
Когда жъ вступили въ Лангоадъ,
Ихъ девять тысячъ встало въ рядъ.

Когда въ Геррандъ пришли, — смотри:
Ихъ тридцать тысячъ триста три.
Они растутъ, они идутъ.
Кадо кричить: — Смѣлѣй! Вотъ тутъ! —

Еще не выговорилъ словъ,
Какъ триста подошло воровъ,
Горить вокругъ крѣпости костеръ,
Великъ огня выпучій хоръ.

Горючъ пылающій упоръ,
Желѣзо вилъ течетъ въ костеръ,
И кости тамъ хрустятъ въ бреду,
Какъ кости проклятыхъ въ Аду.

Пылая, вопить рой враговъ,
Какъ волки, пойманные въ ровъ,
И ночь прошла, заря взошла,
И вмѣсто ихъ — одна зола.

II.

ПОДМѢНЫШЪ.

Мари красивая грустна,
 Лишилась мальчишка она,
 Тутъ корригана, знать, грѣшна.

—Пошла я по воду, свѣтла,
 Ушла свѣтла, не такъ пришла,
 Малютку въ люлькѣ не нашла.

А гдѣ онъ былъ, лежитъ уродъ,
 Лицомъ какъ жаба, рыжій, вотъ,
 Кусаетъ, щиплетъ, плюетъ.

И хочеть грудь всегда сосать,
 Семь лѣтъ прошло, а глядь-поглядъ,
 И отъ груди нельзя отнять.

—Марія Дѣва, тронъ твой—снѣгъ,
 Ты радость—вся, ты—тихий берегъ,
 Твой Сынъ—съ тобой, для вѣчныхъ нѣгъ.

А я? О, сжался надо мной!
 —Не сѣтуй, дочь! Твой сынъ—живой,
 И скоро будетъ вновь съ тобой.

Какъ довести все до вѣнца
 И до счастливаго конца?
 Возьми скорлупку отъ яйца.

Всѣмъ ужинъ въ ней приготовляй.
 А карликъ спросить,—тутъ и знай,
 Что нужно сѣчь его,—стегай!

—Ты что готовишь, мать моя?
 —А ѣсть. Наѣтся вся семья.
 Скорлупка—крупка, знаю я.

—Всѣ десять? Въ скорлупѣ одной?
И будутъ сыты? Ой, ой, ой!
Я вещи не видалъ такой.

Я видѣлъ черное кольцо,
Я видѣлъ бѣлое лицо,
И прежде курицы—яйцо.

И раньше дерева—зерно,
О, жолудь видѣлъ я давно,
Предъ тѣмъ какъ дубу цвѣсть дано.

Въ другой Бретани, въ давній часъ,
Мнѣ дубъ шуршалъ, какъ вечеръ гасъ,
Но это вижу—въ первый разъ.

—Ты слишкомъ много зналъ, сынокъ.
Такъ вотъ тебѣ. Кликъ, влякъ, влякъ, влякъ!
Держи, старикъ! Еще пинокъ.

—Ай, ай!—Не бей его!—Ой, ой!
—Не бей. Не бить онъ, мальчикъ твой.
Онъ царь у насъ, въ странѣ иной.—

Ушла Мари, пришла Мари.
Что въ люлькѣ тамъ? Смотри, смотри!
Сынокъ ея, свѣтлѣй зари.

Цѣлуешь.—Милый! Цвѣтикъ алъ!—
Раскрылъ глаза. И свѣтъ, вскричалъ:
—Ахъ, мама! Какъ я долго спалъ!

—Мать моя, гдѣ же, мой Наннъ господинъ?
—Въ городъ, родная, уѣхалъ мой сынъ.
Скоро вернется, скучаетъ одинъ.

—Мать моя, въ церковь съ тобой мы поидемъ,
Въ платѣ ли буду я тамъ голубомъ,
Въ красномъ ли буду сіять, какъ огнемъ?

—Дитяго, мода такая теперь:
Въ черное нужно одѣться, повѣрь.—
Вышли. Открылася въ кладбище дверь.

— Кто это умеръ изъ нашей семьи?
— Дочь моя, вдовья печали твои,
Умеръ супругъ твой, таи не таи.—

Пала скорбящая. Не поднялась.
Въ той же могилѣ, въ законченный часъ,
Къ мертвымъ съ супругомъ она сопричлась.

Встало два дуба, и вѣтви—къ громамъ,
Бѣлыхъ два голубя скрылися тамъ,
Спѣли зарю—и въ лазурь, къ Небесамъ.

К. Бальмонтъ.

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СТАСОВЪ

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ ЕГО И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Окончаніе.

XIX *).

Мы уже замѣтили, что Стасовъ не ограничивался историческими изслѣдованіями въ области только русскаго искусства. Человѣкъ широкаго кругозора, онъ прекрасно понималъ, что замѣнить себя въ тѣсный кругъ одной какой-нибудь специальной области искусства той или другой національности — значитъ, потерять критерій для сужденія о характерности или степени самобытности и произведеній искусства этой самой національности, какъ и всякой другой. Его изслѣдованія показали ему съ самаго начала безконечныя вліянія одной народности на другую. Онъ увидѣлъ, что для того, чтобы открыть чистоту даннаго типа, нужно изучать всевозможныя типы въ искусствѣ; съ другой стороны, самыя эти типы увлекали его своей самобытной красотой и характерностью.

Этотъ просвѣщенный взглядъ ученаго и въ то же время цѣнителя красоты, гдѣ бы она ни проявлялась, наиболѣе ярко выразился въ отношеніи Стасова къ евреямъ и еврейскому искусству. Въ то время, какъ существовала рѣзко выраженная тенденція не только среди сѣрой народной массы, но и среди людей

*) См. выше: апрѣль, стр. 618.

образованныхъ и даже ученыхъ отвергать во что бы то ни стало всякое проявленіе талантливой дѣятельности евреевъ во всевозможныхъ сферахъ науки и искусства, Стасовъ посвящалъ немало трудовъ изученію именно еврейскаго искусства. Заинтересованный великолѣпной и оригинальнѣйшей коллекціей еврейскихъ религіозно-художественныхъ предметовъ Штрауса, видѣнныхъ имъ на всемирной выставкѣ въ Парижѣ въ 1878 г., онъ помѣщаетъ о нихъ и о другихъ проявленіяхъ еврейскаго искусства особую статью въ „Еврейской Библіотекѣ“¹⁾ и въ началѣ ея, указывая на несправедливое униженіе еврейскаго искусства въ печати, говоритъ: „Эта примѣрная нищета и безобразіе мысли, это глубокое невѣжество, это бессмысленное попираніе исторіи — еще болѣе забавны, чѣмъ возмутительны. Намъ, русскимъ, можно за такихъ писателей только стыдиться. Они несутъ вредъ — самимъ лишь авторамъ“.

Прекрасно зная великое прошлое евреевъ, цѣня устойчивость, живучесть и своеобразную красоту еврейскаго типа, Стасовъ немало времени посвятилъ изслѣдованію того, какъ этотъ типъ воплотился въ произведеніяхъ европейскаго искусства — въ живописи и скульптурѣ.

Въ теченіе пяти лѣтъ появляются его статьи по этому вопросу въ той же „Еврейской Библіотекѣ“ — статьи, являющіяся цѣлой исторіей еврейскаго типа въ европейскомъ искусствѣ. Интересно опять-таки, что въ началѣ своего изслѣдованія Стасовъ счелъ необходимымъ раскрыть глаза читателю на великое значеніе евреевъ въ исторіи искусства: „Не съ одной религіозной своей стороны — писалъ онъ здѣсь — выдается этотъ народъ передъ массою другихъ и горитъ яркою звѣздой сквозь туманъ столѣтій: для того, чтобы играть въ отношеніи къ народамъ стараго и новаго времени ту громадную, возвышающую и развивающую роль, какую онъ игралъ, — для того, чтобы быть въ состояніи приливать, въ ихъ слишкѣмъ старую или слишкѣмъ молодую кровь, драгоценные элементы свѣта, страстной жизни, могучаго творчества и пытливаго знанія, нужно было присутствіе въ этомъ народѣ многихъ другихъ еще силъ. И въ самомъ дѣлѣ, хотя вначалѣ, пробѣгая его исторію, много видимъ мы тутъ пороковъ и преступленій, много предразсудковъ и всяческихъ заблужденій, много нравственнаго растлѣнія и упадка цѣлыхъ классовъ, лежащихъ на немъ темными, вѣковѣчными пятнами,

¹⁾ „Послѣ всемирной выставки (1878 г.)“. „Еврейская Библіотека“. Спб. 1879 г., т. VII. Соч., т. I.

во тутъ же въ нашей мысли складывается еще и такая могучая фizioномія оригинальности и страстнаго порыва, прирожденной глубины и упорной энергiи, и, болѣе всего, — такая непобѣдимая жизненность, нестираемая никакими несчастiями, никакою трагичностью судьбы, что нельзя не уважать этого племени, а значитъ, нельзя не устремить всего вниманiя на тѣ изображенiя, которыя берутъ себѣ задачей — со всею искренностью и правдою передать безконечное разнообразiе событiй и характеровъ этого изумительнаго племени“¹⁾).

Только стоя на той исторической почвѣ, на которой стоялъ самъ Стасовъ, можно понять и многiя другiя его экскурси въ самыя разнообразныя области, казалось бы, наиболѣе отдаленныя.

Самыми значительными, капитальными трудами Стасова въ области исторiи искусства являются его труды по орнаменту. Имъ онъ отдалъ добрую часть своего времени въ продолженiе всей своей долгой жизни. Онъ дѣлаетъ починъ въ научномъ изслѣдованiи русскаго народнаго орнамента и, начиная съ 1860 г., цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ посвящаетъ собранiю рисунковъ русскаго шитья, тканей и кружевъ и критическому сравненiю ихъ съ рисунками древнихъ рукописей, и только въ 1872 г., при содѣйствiи „Общества Поощренiя Художествъ“, издаетъ свой атласъ рисунковъ²⁾).

Въ текстѣ къ нему онъ указываетъ на важное значенiе для развитiя русскаго искусства тщательнаго изученiя національной орнаментики. По его словамъ, эта орнаментика — „связная рѣчь, послѣдовательная мелодiя, имѣющая свою основную причину и не назначенная для однихъ только глазъ, а также для ума и чувства“. Онъ указываетъ на древнее азиатское происхожденiе многихъ изображенiй и ихъ прежнее религiозное значенiе. Атласъ рисунковъ русскаго шитья, тканей и кружевъ являлся лишь первымъ выпускомъ. Въ послѣдующихъ выпускахъ Стасовъ намѣревался представить такимъ же образомъ рѣзбу на деревѣ и кости, а также металлическое, гончарное, эмальерное, стеклянное и другiя народныя производства. Это намѣренiе не осуществилось отчасти вслѣдствiе полнаго равнодушiя, съ которымъ былъ встрѣченъ въ обществѣ первый выпускъ, очень мало разошедшiйся. Но специалистами этотъ трудъ Стасова былъ оцѣненъ по заслу-

¹⁾ „Еврейское племя въ созданiяхъ европейскаго искусства“. „Еврейская Библиотека“ 1873—75—78 гг. Соч., т. I.

²⁾ „Руссiй народный орнаментъ (шитье, ткани, кружево). Сиб. 1872 г. 217 рисунковъ на 75 таблицахъ“. Соч., т. I.

тамъ, и „Императорское Археологическое Общество“ присудило ему за него еще въ 1873 г. большую серебряную медаль.

На этомъ трудѣ по орнаменту Стасовъ не остановился. Онъ занялся рукописнымъ орнаментомъ и задумалъ обширное изданіе, въ которомъ долженъ былъ явиться въ строго-научной системѣ весь собранный его многолѣтними розысканіями по всевозможнымъ бібліотекамъ Россіи, Славянства и Европы матеріалъ по орнаменту славянскому и восточному, какъ находящемуся съ нимъ въ преемственной связи. Первый выпускъ этого превосходнаго изданія, появившійся въ 1884 г., былъ привѣтствованъ знатоками, какъ чрезвычайно цѣнное приобрѣтеніе въ области славянской археологіи. „Даже по одному тому, что вышло теперь въ первомъ выпускѣ, — писалъ Ѳ. И. Буслаевъ въ своемъ пространномъ (50 стр.) разборѣ этого выпуска ¹⁾, — можно ясно предвидѣть, какъ успѣшно и мастерски, съ проницательнымъ тактомъ опытнаго знатока, сумѣетъ Стасовъ привести въ исполненіе многосложную программу всего изданія. Выпускъ этотъ не только оправдать, онъ далеко превзошелъ всякія ожиданія, столько же по необычайной новизнѣ богатыхъ матеріаловъ, какъ по умѣнью ими пользоваться въ характеристическомъ ихъ подборѣ“. Подчеркивая важное значеніе для ученаго анализа русскаго рукописнаго орнамента, изученіе рукописнаго орнамента Славянскихъ земель, выполненное Стасовымъ, Буслаевъ говоритъ: „ислѣдователю русскаго рукописнаго орнамента недоставало самой почвы, чтобы твердо и надежно установить аппараты для своихъ наблюденій; ему недоставало перспективы, чтобы опредѣлить себѣ точку зрѣнія, съ которой предметы объявились бы въ ихъ настоящемъ освѣщеніи“. Въ русскомъ орнаментѣ постоянно чувствовалось сильное присутствіе южно-славянскаго элемента, но въ какой степени — это оставалось загадкою. Только теперь, благодаря первому выпуску изданія Стасова, наши недоумѣнія и загадки разрѣшились, недоразумѣнія и колебанія переходятъ въ успокоительное чувство достовѣрности и рѣшительности“.

Въ своемъ трудѣ Стасовъ разъяснилъ и глубокую связь славянскаго орнамента съ византійскимъ, а черезъ него и съ восточнымъ. Словомъ, онъ желалъ дать наглядную, доказательную исторію нашего орнамента. Изданіе Стасова было закончено въ 1887 г. Къ сожалѣнію, объяснительный и руководящій текстъ въ изданныхъ таблицахъ рисунковъ, обѣщанный въ предисловіи къ первому выпуску, Стасовымъ написанъ не былъ. Хотя уже

¹⁾ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1884 г., май.

самый подборъ рисунковъ орнамента очень краснорѣчивъ для историка, могущаго на этомъ основаніи дѣлать свои выводы, но о немѣнѣи текста приходится жалѣть тѣмъ болѣе, что въ томъ же предисловіи Стасовъ писалъ: „Текстъ, назначенный сопровождать этотъ атласъ, долженъ, по моему предположенію, рассмотреть и, по возможности, рѣшить вопросъ о происхожденіи не только русскаго орнамента, но и вообще русскаго архитектурнаго стиля, столь тѣсно съ нимъ связаннаго“¹⁾.

Друзья Стасова постоянно напоминали ему объ этомъ текстѣ, но Н. П. Кондаковъ говоритъ, что, прося Стасова, онъ все же сомнѣвался, что Стасовъ сможетъ при современномъ состояніи науки выполнить эту трудную задачу. Академики А. И. Соболевскій и И. В. Ягичъ указывали на промахи и ошибки Стасова въ самомъ распредѣленіи даже русскаго орнамента по различнымъ его отдѣламъ: южно-русскому (Кіевъ, Галичь, Вольцевъ, Черниговъ), сѣверно-русскому (Новгородъ, Псковъ), восточно-русскому (Ростовъ, Суздаль, Рязань и пр.), западно-русскому и средне-русскому (Москва, Нижній и др.). Профессоръ Кондаковъ, оградя, какъ онъ говоритъ, ученую славу Стасова, относить эти промахи къ совершенной неразработанности не только той узкой области науки, гдѣ долженъ былъ производить свои изслѣдованія Стасовъ, но и болѣе широкихъ ея областей. „Прежде чѣмъ мы будемъ въ состояніи — говорить онъ — исторически сравнивать между собою орнаментацію рукописей, надо, чтобы была сколько-нибудь научно построена археологія бытовыхъ, религиозныхъ и государственныхъ древностей Европы въ средне-вѣковомъ періодѣ. Дѣло едва начатое“²⁾.

Почти одновременно съ изученіемъ славянскаго и восточнаго орнамента: греко-византійскаго, армянскаго, грузинскаго, сирійскаго, коптскаго, египтскаго, арабскаго и средне-азіатскаго, образцы котораго представлены въ упомянутомъ изданіи, Стасовъ занялся спеціальнымъ изученіемъ и еврейскаго орнамента по многочисленнымъ рукописямъ Имп. Публичной Библіотеки, приобрѣтеннымъ отъ Абрама Фирковича, а также по собраніямъ, находящимся въ Парижской Національной Библіотекѣ и въ Британскомъ Музеѣ въ Лондонѣ. На рукописи Публичной Библіотеки указывалъ ему бібліотекаръ Гаркави, и Стасовъ тотчасъ же понималъ все ихъ значеніе. Не зная самъ еврейскаго языка, онъ

¹⁾ „Славянскій и Восточный орнаментъ по рукописямъ древняго и новаго времени (156 листовъ рисунковъ)“. Сиб. 1884—87 гг.

²⁾ См. Некрологъ Стасова Н. П. Кондакова.

часто обращался къ Гаркави при разборѣ этихъ рукописей и другихъ памятниковъ еврейской письменности и затѣмъ сдѣлалъ выборъ изъ имѣвшагося матеріала. По его указаніямъ производились снимки съ образцовъ Париза и Лондона. Тогда же, въ 1880-хъ годахъ, весь выбранный Стасовымъ матеріалъ былъ съ большою тщательностью отпечатанъ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ на счетъ Горація Іосифовича Гинцбурга. Образцы, выбранные изъ собранія Фирковича, были распределены на двадцати-двухъ доскахъ, изъ прочихъ собраній—на трехъ доскахъ: А, В, С. Дѣло было за объяснительнымъ текстомъ, который должны были написать самъ Стасовъ и сынъ Гинцбурга, Давидъ, хорошій филологъ, заинтересовавшійся очень намѣреніемъ Стасова и неожиданно раскрывшимся передъ нимъ еврейскимъ искусствомъ.

Стасовъ много трудился надъ изслѣдованіемъ собранныхъ имъ образцовъ орнамента, и послѣ него осталось много различныхъ замѣтокъ, выписокъ и соображеній на этотъ счетъ. Но атласъ рисунковъ можно было издать и безъ текста, и видя, что дѣло можетъ затянуться, Стасовъ весьма торопилъ Давида Гинцбурга выпускомъ въ свѣтъ уже отпечатанныхъ таблицъ рисунковъ, сохранявшихся въ Имп. Публичной Библиотекѣ хотя и заботливо, но все-таки портившихся отъ времени. Онѣ пролежали такимъ образомъ чуть ли не цѣлыхъ двадцать лѣтъ, и только въ 1905 году Давидъ Гинцбургъ выпустилъ въ Берлинѣ этотъ атласъ со своей статьей, не предупредивъ объ этомъ Стасова ни однимъ словомъ. О совершившемся фактѣ выпуска въ свѣтъ этого изданія безъ его статьи Стасовъ очень жалѣлъ и даже былъ огорченъ.

Нашъ обзоръ научныхъ трудовъ Стасова былъ бы далеко не полнымъ, если бы мы прошли молчаніемъ одинъ въ высшей степени замѣчательный его трудъ, относящійся одновременно къ археологій, этнографіи и исторіи литературы и искусства.

Въ 1868 году, въ шести книгахъ „Вѣстника Европы“ появилось его обширное изслѣдованіе „Происхожденіе русскихъ былинъ“, представленное потомъ въ Академію Наукъ на соисканіе награды гр. Уварова. Въ своемъ изслѣдованіи Стасовъ, на основаніи громаднаго, собраннаго имъ, матеріала и путемъ остроумныхъ сравненій и сопоставленій нашего народнаго эпоса съ чужестраннымъ, сдѣлалъ свой главный выводъ, что „былины не заключаютъ въ коренной основѣ своей ничего русскаго“, что въ нихъ „всега болѣе сходства съ поздними буддійскими восточными первообразами, и преимущественно—съ поэтическими созданіями восточныхъ народовъ, географически болѣе близкихъ

къ Руси". Вопреки принятому мнѣнію, онъ утверждалъ, что „арійскій матеріалъ нашихъ былинь полученъ нами не въ древнѣйшую эпоху исторіи, а чрезъ посредство племенъ не-арійскихъ, и въ формѣ развитія не-арійскаго, отъ турковокъ и монголовъ“, т.-е. не ранѣе XIII вѣка со временъ татарскаго нашествія, и что отсюда и буддійскіе элементы въ былинахъ. Онъ не видѣлъ разницы между былинами и сказками, доказывая, что содержаніе былинь не мотивировано и отрывочно. Это изслѣдованіе, глубоко оригинальное по своимъ выводамъ, возбудило цѣлый переполохъ въ учено-литературномъ мірѣ и послужило предметомъ горячихъ споровъ. Противъ Стасова выступили прежде всего славянофилы и патриоты, оскорбленные въ лучшихъ своихъ чувствахъ: Гильфердингъ, Безсоновъ и Орестъ Миллеръ. Стасовъ отвѣчалъ имъ отдѣльной статьей. Возражали и совсѣмъ изъ другого лагеря, какъ, напримѣръ, А. Н. Веселовскій. Въ своей статьѣ „О сравнительномъ изученіи средневѣковаго эпоса“¹⁾ онъ отрицалъ совершенно теорію заимствованія въ народномъ эпосѣ въ историческую эпоху, и объяснялъ черты сходства происхожденіемъ изъ общаго арійскаго источника. Съ другой стороны, онъ былъ противъ лишенія былинь всякой историчности, утверждая, что въ нихъ первобытный мифъ приурочивается къ историческимъ фактамъ, что и характеризуетъ былину, отличая ее отъ сказки.

Немудрено, что въ виду горячности полемики Академія Наукъ обратила особое вниманіе на правильность оцѣнки сочиненія съ строго-научной точки зрѣнія и поручила его разсмотрѣніе двумъ ученымъ, извѣстнымъ своимъ безпристрастіемъ: академикамъ Ѡ. И. Буслаеву и А. А. Шифнеру. Первый изъ нихъ подвергъ сочиненіе подробной и довольно суровой критикѣ, не соглашаясь со взглядами Стасова, находя недостатки въ самомъ методѣ изслѣдованія, лишеннаго строго филологическихъ основъ за отсутствіемъ знанія изслѣдователемъ восточныхъ языковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ истинкетомъ ученаго признавалъ сочиненіе замѣчательнымъ и заслуживающимъ почетнаго отзыва „по новости взгляда и по обширному матеріалу“.

Второй рецензентъ Стасова, А. А. Шифнеръ—специалистъ-оріенталистъ,—дѣлалъ, по мнѣнію Стасова, гораздо болѣе основательныя возраженія противъ основныхъ его выводовъ, чѣмъ Буслаевъ. Не соглашаясь съ ними въ своей статьѣ: „Критика моихъ критиковъ“, напечатанной уже послѣ состоявшагося при-

¹⁾ См. Отчетъ о 12-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова 25 сент. 1869 г. Спб. 1870 г.

сужденія награды, Стасовъ вполне оцѣнилъ нѣкоторые его спеціальныя указанія, какъ ориенталиста. Но и Шифнеръ, подобно Буслаеву, признавалъ трудъ Стасова замѣчательнымъ и заслуживающимъ поощрительной Уваровской преміи: „Возставъ противъ національныхъ выводовъ прежнихъ изслѣдователей, — говоритъ онъ въ своемъ отзывѣ, — выставивъ сентиментальность, съ которою они старались характеризовать Добрыню, Илью Муромца и прочихъ богатырей, этихъ, по его мнѣнію, представителей разныхъ сторонъ древне-русскаго быта, г. Стасовъ чрезъ это самое заставляеть хладнокровнѣе смотрѣть на особенности нашей эпической поэзіи... Кромѣ того, нельзя не принять въ соображеніе тщательность, съ которою г. Стасовъ представляетъ намъ всѣ подробности богатырскаго быта, какимъ онъ является въ русскыхъ былинахъ и въ произведеніяхъ восточной поэзіи, а именно у сибирскихъ татаръ“¹⁾).

Громаднымъ большинствомъ голосовъ членовъ комиссіи трудъ Стасова былъ признанъ достойнымъ малой Уваровской награды. Такимъ образомъ, Академія вовсе не оказалась, какъ это можно было думать сначала, заменutoй въ себѣ кастою ученыхъ, не допускающей признанія заслугъ свободныхъ изслѣдователей, вышедшихъ не изъ ея нѣдръ.

Если главные выводы Стасова и оспаривались учеными, то во всякомъ случаѣ громадное значеніе его труда не подлежитъ сомнѣнію. Онъ далъ толчокъ для изслѣдованія русскаго народнаго эпоса въ совершенно новомъ направленіи; онъ заставилъ изслѣдователей посмотрѣть критически на самую національность нашего эпоса, считавшуюся неоспоримой. Пусть изслѣдованіе Стасова было не лишено увлеченій, пусть его методологія недостаточно научна, пусть сама постановка вопроса о восточныхъ заимствованіяхъ въ нашемъ эпосѣ „угловата“, по выраженію О. Миллера, все это не лишаетъ, однако, трудъ Стасова и положительныхъ сторонъ, весьма цѣнныхъ для науки. Его основная идея о восточномъ происхожденіи былинъ если и не оправдывается полностью новѣйшими изслѣдователями, то и не отвергается. Восточное вліяніе въ былинахъ подтверждается В. Ө. Миллеромъ и Г. Н. Потанинымъ. Первый изъ нихъ пишетъ: „Не заходя такъ далеко, какъ зашелъ В. В. Стасовъ въ своей теоріи о вліяніи *Востока* на русскій эпосъ, все же нужно отдать справедливость этому даровитому изслѣдователю въ томъ, что онъ въ нѣкоторыхъ чертахъ нашего эпоса значительно уяснилъ

¹⁾ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1868, № 11.

это тюркское вліяніе "... Мы, конечно, не согласимся съ нимъ, что всѣ наши былины плохо скроены по иноземнымъ образцамъ, не будемъ искать этихъ оригиналовъ *исключительно* на Востока, не будемъ искусственно отрывать нашъ эпосъ отъ русской исторіи, но именно въ силу ея указаній признаемъ вмѣстѣ со Стасовымъ, что эпическія сказанія сосѣднихъ съ Русью степняковъ *должны были* оказать вліяніе на русскій эпосъ". И В. Ө. Миллеръ указываетъ эти вліянія въ заимствованіяхъ въ наши былины различныхъ мотивовъ быта степняковъ-кочевниковъ; онъ напоминаетъ, что и самое слово „богатырь“, какъ вполне уже доказано ориенталистами, монгольско-тюркскаго происхожденія. Дальнѣйшія изслѣдованія показали В. Ө. Миллеру, что одними тюркскими вліяніями вопросъ о заимствованіяхъ въ русскомъ эпосѣ далеко не исчерпывается, и что очень многое въ немъ имѣетъ иранское происхожденіе и притомъ передано черезъ тѣхъ же тюрковъ. Путь, по которому совершалась передача эпическихъ мотивовъ, В. Ө. Миллеръ не опредѣляетъ, но подтвержденіе своей гипотезы объ иранскомъ происхожденіи многихъ мотивовъ въ русскомъ эпосѣ видятъ, между прочимъ, и въ чертахъ сходства мотивовъ кавказскихъ нартскихъ сказаній, заимствованныхъ отъ иранскаго племени и сохранившихся, напр., у кабардинцевъ и осетинъ, съ мотивами въ нашихъ былинахъ о Сятогорѣ, объ Ильѣ Муромцѣ, о Добрынѣ и проч.

Другой изслѣдователь, извѣстный путешественникъ по Азіи, Г. Н. Потанинъ, склоненъ еще болѣе согласиться со Стасовымъ, признавъ вмѣстѣ съ нимъ, что самый путь восточныхъ заимствованій въ наши былины приходитъ изъ Азіи въ сѣверо-западномъ направленіи, сѣвернѣе Каспійскаго моря—тотъ именно путь, по которому шло переселеніе народовъ изъ Азіи въ Европу. Въ этомъ его убѣдили найденныя имъ во время путешествія въ 1876—77 гг. по сѣверо-западной Монголіи черты сходства мѣстнаго эпоса съ эпосомъ русскимъ. Впослѣдствіи онъ, въ рядѣ статей, указалъ на аналогіи нѣкоторыхъ мотивовъ въ русскихъ былинахъ съ восточными,—напр., былины о Добрынѣ Никитичѣ съ монгольскимъ сказаніемъ о Гесэръ-Ханѣ, имѣющемъ, по его выводу, тюркское происхожденіе; былинной личности Плигримища—съ образами въ восточныхъ сказаніяхъ, Ставра Годиновича—съ Гесэромъ. Весьма возможно, что будущія изслѣдованія раскроютъ еще шире картину восточныхъ заимствованій въ русскомъ эпосѣ и изслѣдователь еще не разъ сошлетъ на трудъ Стасова, положившій начало разысканіямъ въ этомъ направленіи.

Мы нарочно нѣсколько болѣе подробно остановились на этомъ

трудъ Стасова, такъ какъ въ немъ живо сказалась его глубоко оригинальная личность.

Полная самостоятельность изслѣдованія, смѣлый починъ, богатырскій размахъ, ясность и опредѣленность поставленной задачи, блестящая эрудиція, горячая любовь къ истинѣ, увлечение, горячность и энергія въ отстаиваніи своихъ мнѣній, — все это ярко обнаружилось въ изслѣдованіи Стасова о происхожденіи былинъ и въ полемикѣ по этому поводу. Трудъ этотъ, кромѣ того, великодушно свидѣтельствуетъ, что Стасовъ не принадлежалъ къ тѣмъ горе-патріотамъ, которые изъ-за ложно понятаго патріотизма способны войти въ компромиссъ съ истиной. Онъ любилъ всей душой русскую письменность; любилъ русское искусство за его самобытную красоту, но, обладая тонкимъ вкусомъ и чутьемъ и вооруженный скальпелемъ критическаго анализа, всегда хотѣлъ и очень часто успѣвалъ отличить въ памятникахъ русской письменности и въ произведеніяхъ русскаго искусства истинное отъ ложнаго, самобытность отъ поддѣлки, красоту отъ безобразія.

Въ упомянутомъ трудѣ Стасова о происхожденіи былинъ выразились солидныя знанія Стасова религиозныхъ обрядовъ, быта, одежды, вооруженія древнихъ племенъ, населявшихъ Россію или соприкасавшихся съ нею.

Отмѣтимъ еще одну работу Стасова, въ которой не только сказались его познанія въ этнографіи, но и привели къ обоснованнымъ научно выводамъ. Въ интересной статьѣ „Замѣтки о „руссахъ“ Ибнъ-Фадлана и другихъ арабскихъ писателей“ онъ совершенно разрушилъ предположенія о родственномъ отношеніи этихъ русовъ съ русскимъ народомъ, доказавъ путемъ остроумныхъ сопоставленій этнографическихъ данныхъ этихъ „русовъ“ съ такими же данными тюркскихъ и финскихъ племенъ, — что „русы“ Ибнъ-Фадлана былъ „какой-то народъ на Волгѣ, близъ Булгарь, въ бытѣ котораго совмѣстно присутствовали элементы финскихъ и тюркскихъ народовъ“, и что считать этихъ „русовъ“ предками русскаго народа нѣтъ никакихъ основаній.

Имѣя въ виду эти знанія Стасова въ археологін и этнографіи, приходится очень пожалѣть, что не осуществилось намѣреніе Императорскаго Археологическаго Общества издать собраніе рисунковъ древнихъ одеждъ съ описаніемъ ихъ. Рисунки соглашались изготавить Стасовъ и И. Н. Горностаевъ, а сдѣлать описанія предполагалъ П. И. Срезневскій, но не сдѣлалъ — и дѣло заглохло. Между тѣмъ, въ такомъ изданіи чувствуется большая потребность у художниковъ, пишущихъ картины изъ далекаго

прошлаго или при сценической постановкѣ драмъ и оперъ. Стасовъ нерѣдко давалъ указанія такого рода обращающимся къ нему по этимъ вопросамъ художникамъ.

Занимаясь непрестанно исторіей искусства и зная истинную цѣну памятникамъ искусства, Стасовъ старался способствовать къ ихъ раскрытію и сохраненію. Получить тѣмъ или инымъ путемъ новыя свѣдѣнія по исторіи искусства и пополнить имѣющіеся пробѣлы знанія — для него было наслажденіемъ. Какъ краснорѣчиво говорить объ этой чертѣ Стасова напечатанное въ „Новомъ Времени“ (3 окт. 1878 г.) его письмо „Къ офицерамъ нашей дунайской арміи“ съ призывомъ воспользоваться пребываніемъ на родинѣ болгаръ и сербовъ и заняться тамъ собираніемъ свѣдѣній объ ихъ искусствѣ, составленіемъ описаній, чертежей и рисунковъ, памятниковъ искусства, не дожидаясь, пока это сдѣлаютъ англичане и другіе иностранцы. Въ способности офицеровъ выполнить эту миссію Стасовъ ни минуты не сомнѣвался. Съ какою трогательной заботливостью о возможно широкомъ распространеніи произведеній искусства и о сохраненіи для потомства всего ихъ касающагося онъ собиралъ и старался привлечь въ Императорскую Публичную Библиотеку всяческія рѣдкія рукописи, сочиненія, гравюры, автографы, мы уже видѣли...

Несмотря на то, что текущая художественная жизнь, на которую Стасовъ всегда неусыпно отзывался, не оставляла у него достаточно времени для занятій археологіей, онъ не покидалъ этихъ занятій до послѣдняго времени.

Всего за три съ небольшимъ года до смерти онъ напечаталъ свое изслѣдованіе „Миніатюры нѣкоторыхъ рукописей византійскихъ, болгарскихъ, русскихъ, джагатайскихъ и персидскихъ“¹⁾, въ которомъ вновь показалъ свои обширныя познанія въ области славяно-русской древности. Укажемъ на одну деталь. „Здѣсь — какъ замѣчаетъ профессоръ Н. П. Кондаковъ — съ замѣчательнымъ остроуміемъ въ двухъ профессиональныхъ палацахъ, избивающихъ мучениковъ, В. В. Стасовъ угадалъ болгаръ, представленныхъ въ зимнемъ и лѣтнемъ нарядѣ“²⁾.

Послѣдней работой Стасова по археологіи была монографія: „Серебряное восточное блюдо Императорскаго Эрмитажа“, напечатанная въ 1905 году³⁾. „Въ мартѣ 1899 г., — говоритъ

¹⁾ „Имп. Общество Любителей Древней Письменности“, СХХ. Отдѣльно С.-Пб. 1902.

²⁾ См. его некрологъ В. В. Стасова въ „Журналѣ М-ва Народн. Просв.“.

³⁾ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1905 г., январь.

авторъ въ самомъ началѣ этой монографіи, — проф. Н. П. Кондаковъ повезъ меня въ музей Эрмитажа, чтобъ показать мнѣ одно серебряное блюдо, только-что за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ приобретенное Эрмитажемъ отъ солепромышленника И. П. Лаврова и найденное въ Пермскомъ краѣ, около села Григорьевскаго, соликамскаго уѣзда, при раскопкѣ пашни“. Послѣ тщательнаго изслѣдованія изображеній на блюдѣ Распятія, Воскресенія и Вознесенія, съ сирийскими надписями, Стасовъ открылъ въ изображеніяхъ слѣды восточныхъ вліяній и сдѣлалъ конечный выводъ, что „сцены и фигуры эрмитажнаго блюда являются копіями съ какихъ-то сирийско-несторіанскихъ образцовъ, но копіями переименованными и искаженными, такъ какъ исполнявшій это блюдо мастеръ слишкомъ сильно состоялъ подъ вліяніемъ формъ, привычекъ и производствъ Восточной Азіи“.

Итакъ, это изслѣдованіе Стасова еще разъ показываетъ на склонность его всюду отыскивать восточное вліяніе, будь то древнія русскія сказанія — былины, памятники древней русской письменности, какъ рукописи съ ихъ орнаментивой, такіе предметы русскаго народнаго производства, какъ пряничныи конекъ или вышивки и кружева, наконецъ, предметы, найденные на русской территоріи при раскопкахъ. У Стасова было несомнѣнное чутье ко всему восточному; онъ часто являлся своего рода реактивомъ на восточный элементъ. И это тѣмъ удивительнѣе, что въ специальной области востововѣдѣнія онъ большой эрудиціей не обладалъ и вовсе не зналъ восточныхъ языковъ, о чемъ, однако, слѣдуетъ пожалѣть, такъ какъ обладая онъ этими знаніями — его изслѣдованія русскаго быта и русскаго искусства были бы и шире, и глубже, и имѣли бы несравненно большее научное значеніе, чѣмъ тѣ изслѣдованія, которыя онъ намъ оставилъ.

Нашъ обзоръ научныхъ трудовъ Стасова оконченъ. Мы видѣли, какія разнообразныя области затрогивала пытливая мысль Стасова, мы видѣли ея смѣлый полетъ, мы могли оцѣнить починъ изслѣдователя. Войти въ ближайшее рассмотрѣніе научнаго значенія этихъ трудовъ Стасова — дѣло специалиста въ каждой области отдѣльно. Безъ сомнѣнія, специалисты отыщутъ у Стасова недочеты, недостатки, укажутъ увлеченія, ошибки, не разъ обзовутъ его дилеттантомъ, но несомнѣнно, что они же признаютъ и крупныя положительныя стороны въ научныхъ трудахъ Стасова и оцѣнятъ энергію инициатора, многостороннюю эрудицію, находчивость и остроуміе изслѣдователя, словомъ, — признаютъ цѣнность его трудовъ для науки.

XX.

Стасовъ пользовался громаднѣмъ вліяніемъ и въ особенности въ дѣлахъ искусства. Не всѣ раздѣляли его взгляды, но всѣ, хоть сколько-нибудь интересовавшіеся искусствомъ, ихъ знали. Съ ними такъ или иначе должны были считаться. Какъ мы замѣтили въ самомъ началѣ, онъ дожилъ до торжества многихъ своихъ идей. Въ чемъ разгадка этого вліянія? Есть люди, вооруженные ученостью и эрудиціей, не играющіе, однако, видной роли, не пользующіеся и сотою долей того вліянія, которымъ пользовался Стасовъ. Разгадку, по нашему мнѣнію, нужно искать въ трехъ талантахъ Стасова и въ самомъ его характерѣ. Первый талантъ Стасова — литературный, второй талантъ — специально критическій, третій — полемическій. Громадность литературнаго таланта Стасова явствуетъ хотя бы изъ того, что онъ въ мертвящее по своему равнодушію къ искусству время заставлялъ читать статьи объ искусствѣ, заставлялъ спорить о немъ, заставлялъ однихъ негодовать на свои парадоксы, другихъ — встать подъ одно съ нимъ знамя. Въ статьяхъ его ключомъ была горячая до фанатизма любовь къ искусству, искреннее убѣжденіе въ правотѣ своихъ взглядовъ. Въ нихъ всегда чувствовался юношескій пылъ, энтузіазмъ, слышался властный, неотразимый призывъ послѣдовать за нимъ. Живенность, страстность, увлекательность онъ умѣлъ вкладывать даже въ статьи, касающіяся вопросовъ, повидимому, самыхъ отвлеченныхъ, безстрастныхъ, на первый взглядъ сухихъ. Холоднымъ и скучнымъ Стасовъ не бывалъ. Читая его, всякій невольно отдавался мощному, стремительному потоку его распаленной рѣчи, сильной, какъ боевой кличъ, образной, красивой, изобилующей неожиданностями, контрастами, гиперболами. Не даромъ его называли „трубой іерихонской“. А. Н. Пыпинъ говорилъ про него, что у него всѣ прилагательныя въ превосходныхъ степеняхъ. Если это, въ свою очередь, гипербола, то такая, которая раскрываетъ истину. Но при всемъ, подчасъ, паеосѣ, изобиліи образовъ, сравненій и сопоставленій, слогъ Стасова не бывалъ напыщеннымъ, витіеватымъ, вычурнымъ, приторнымъ, слащавымъ. Все у него истекало изъ пламеннаго сердца, юношескаго увлеченія, богатырскаго духа, искренняго убѣжденія, и оттого рѣчь его была проста, свѣжа, сильна, убѣдительна. Такъ какъ Стасовъ высказывалъ подчасъ мысли, шедшія совершенно въ разрѣзъ съ установившимися взглядами, такъ какъ

многое у него звучало для современниковъ парадоксомъ, то его энтузіазмъ порою могъ казаться смѣшнымъ. Но какъ ни казались его идеи парадоксальными, въ нихъ чулась даже и несогласнымъ съ ними доза истины; онѣ не могли все же не быть признаны значительными, заслуживающими вниманія. Онѣ взволновали общественную тину, заставили о себѣ говорить, а обозрѣватели современной жизни, писатели, отделившіеся на злобу дня, не могли пройти вовсе мимо статей Стасова, хотя зачастую иронизировали надъ ними, старались выставить ихъ въ смѣшномъ видѣ. Остроумный и ядовитый сатирикъ Щедринъ задѣвалъ его и зло иронизировалъ, не называя по имени, въ одномъ изъ своихъ фантастическихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, близкихъ къ дѣйствительной жизни очерковъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1872 года ¹⁾. Поэтъ Апухтинъ въ своемъ юмористическомъ стихотвореніи „Пѣвецъ во станѣ русскихъ композиторовъ“, написанномъ тоже въ 1870-хъ годахъ, перебирая всѣхъ виднѣвшихся музыкальныхъ дѣятелей того времени, не забываетъ пустить стрѣлу своего остроумія и въ Стасова, совсѣмъ не пряча его имени:

„Кого я вижу! Это ты-ль,
 О, мужъ великій, Стасовъ,
 Постигшій византійскій стиль,
 Знатокъ иконостасовъ?
 Ты—музыкальный генералъ,
 Мужъ слова и совѣта,
 Но самъ отнюдь не сочинялъ...
 Хвала тебѣ за это!“

Время показало истинную цѣну этихъ выходовъ талантливыхъ современниковъ противъ Стасова. Потомство сохранить ихъ, какъ новое свидѣтельство значительности такого литературнаго явленія, какимъ былъ Стасовъ, сохранить ихъ съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ сохраняются въ музеѣ Глинки карикатуры на него у Степанова. Но тѣ же современники, которые далеко не во всемъ соглашались съ нимъ, не раздѣляли его взглядовъ, признавали ихъ необоснованными, должны были отдать должное его таланту. Известный ученый Ѡ. И. Буслаевъ, главный критикъ труда Стасова „Происхожденіе русскихъ былинъ“, отнесшійся, какъ мы видѣли, отрицательно къ основному тезису этого труда, пишетъ въ одномъ письмѣ къ Стасову, между прочимъ: „Меня интересуетъ все, что бы вы объ искусствѣ ни писали. У

¹⁾ См. „Отечественныя Записки“ 1872 г., т. 217.

васъ все для меня поучительно; даже ваши парадоксы, на которые вы великій мастеръ, по ихъ остроумію, а иногда и по необычайности, всегда для меня были полезны, потому что они возбуждаютъ къ новымъ мыслямъ и соображеніямъ, распеваютъ и воодушевляютъ“¹⁾.

Въ справедливости всего сказаннаго о литературномъ талантѣ Стасова легко убѣдиться и изъ тѣхъ выдержекъ изъ его „писаній“, которыя намъ приходилось дѣлать здѣсь.

Другой талантъ Стасова — талантъ специально критическій. Стасовъ имѣлъ природный даръ распознавать талантъ чисто интуитивно, сразу, часто съ одного взгляда, съ одного слова, по намеку. Ему не нужно было долго изучать произведенія того или другого художника, чтобы поставить діагнозъ его талантливости. Онъ ее чувалъ и безъ того и, почувавши, начиналъ детальное изученіе его творчества. И никогда не раскаявался въ своемъ выборѣ. Всѣ его оцѣнки оправдывались. Доводательства приводить не зачѣмъ. Они уже приведены выше. Достаточно резюмировать, что почти всѣ таланты въ сферѣ искусства, появившіеся въ Россіи при жизни Стасова, указаны впервые именно имъ. Съ другой стороны, всѣ его отрицательные приговоры тоже подтверждались временемъ. Колебаній въ своихъ критическихъ сужденіяхъ и взглядахъ Стасовъ не проявлялъ. Разъ поставленной оцѣнкѣ онъ оставался вѣренъ всю жизнь.

Какъ критикъ произведеній искусства, Стасовъ обращался съ широкимъ кругомъ читателей.

Если по мысли Л. Н. Толстого прекрасное произведеніе искусства должно быть всенароднымъ и, слѣдовательно, общепонятнымъ, то Стасовъ своей разъясняющей критикой стремился сдѣлать таковыми тѣ произведенія искусства, которыя считалъ прекрасными. Онъ не вдавался въ техническій анализъ, намѣренно избѣгалъ непонятныхъ большинству терминовъ, а ограничивался историческими и эстетическими указаніями и подчеркиваніями. Подготовивъ читателя исторически, раскрывъ ему прошлое искусства и въ немъ задачи и приемы художника, композитора, онъ начиналъ говорить о сущности новаго направленія въ искусствѣ. Затѣмъ показывалъ, въ чемъ именно въ данномъ

¹⁾ Письмо это отъ 26 янв. 1886 г., пожертвованное В. В. Стасовымъ въ Имп. Пуб. Биб., напечатано въ отчетѣ ея за 1896 г., откуда и приведена изъ него выдержка. Въ другомъ письмѣ (къ нему же и тамъ же) отъ 10 окт. 1886 г. Ф. И. Буславевъ, между прочимъ, писалъ по поводу изданія своего сборника статей „Народная Поэзія“: „все личное, т. е. полемическое, безъ всякой пощадности теперь у меня выброшено,—напр., о васъ въ статьѣ объ Ильѣ Муромцѣ О. Э. Миллера“.

произведеніи искусства выразилось это новое направленіе, улавливалъ вѣрнымъ чутьемъ самыя характерныя черты и, вдохновленный, охваченный и восхищенный самъ этими сторонами художественнаго произведенія, старался всѣми силами обратить на нихъ вниманіе читателя, заразить и его (по выраженію Л. Толстого) своимъ восторгомъ и энтузіазмомъ. И это почти всегда Стасову удавалось сдѣлать. Онъ всецѣло завладѣвалъ читателемъ. Тотъ, кто хоть разъ читалъ его статью, не забывалъ ея, и сѣмя энтузіазма, посеяннаго Стасовымъ, часто давало обильныя всходы.

Но взгляды Стасова были новы, оригинальны, какъ ново и оригинально было то молодое искусство, котораго онъ былъ провозвѣстникомъ, глашатаемъ и разъяснителемъ.

Новое всегда неминуемо вступаетъ въ конфликтъ со старымъ, на смѣну котораго оно идетъ. Немудрено, что и проповѣдь Стасова шла въ разрѣзъ съ установившимися традиціями и для многихъ приверженцевъ старины являлась опасною ересью, которая подлежала искорененію. Такихъ враговъ у Стасова было немало, и силою судебъ онъ былъ вызванъ на борьбу съ ними. Недостаточно было высказывать и обосновывать свои критическія мнѣнія. Приходилось ихъ отстаивать, бороться за нихъ. И Стасовъ былъ такимъ борцомъ. Полемика играла въ его литературной дѣятельности весьма большую и важную роль. Занимая опредѣленную позицію по своимъ воззрѣніямъ, онъ не ждалъ нападенія, чтобы обороняться, а, какъ хорошій тактикъ, часто самъ нападалъ первый. Изобличить неправду, несправедливость и невѣрность сужденій по отношенію ли къ произведеніямъ искусства, или къ художникамъ, или къ нему самому, было для него своего рода потребностью. Какъ часто онъ выступалъ на защиту въ печати обогнаннаго или непонятаго художника или композитора! Какъ любилъ онъ сокрушать, беспощадно казнить своимъ стальнымъ словомъ все невѣжественное, кричащее о себѣ, претендующее на авторитетность и потому злобное! Полемизировалъ Стасовъ по всевозможнымъ поводамъ, но самой обширной его статьёй этого рода были „Тормазы новаго русскаго искусства“, печатавшаяся въ четырехъ книжкахъ „Вѣстника Европы“ въ 1885 г., гдѣ онъ отстаивалъ новое русское искусство отъ всякихъ враговъ его. Кому только въ этой статьѣ не досталось! И художнику Брюллову съ его академическими хвалителями, и, главнымъ образомъ, критикѣ, которую Стасовъ называлъ „однимъ изъ самыхъ злобныхъ тормазовъ новаго искусства“. Эта статья вызвала бурю негодованія и злобы въ противномъ лагерѣ. Одинъ изъ задѣтыхъ въ ней критиковъ,

г. Буренинъ, громилъ Стасова въ отвѣтной статьѣ: „Таранъ художественной критики“.

О горячности полемики можно судить хотя бы по заключительнымъ строкамъ Стасова въ его отвѣтѣ на эту статью, озаглавленномъ: „По поводу г. Буренина“. „Въ своей прекрасной послѣдней статьѣ г. Буренинъ величаетъ меня—писалъ Стасовъ— „тараномъ“, бьющимъ съ великой силой въ „тормазы“ русскаго искусства. Его бы устами медь пить. Я ничего такъ не желаю, какъ уничтоженія всѣхъ тормазовъ новаго русскаго художества, и считалъ бы себя совершенно счастливымъ, если бы могъ хоть капельку помочь этому дѣлу. Но, мнѣ кажется, противъ г. Буренина не нужны „тараны“. Чтò онъ за крѣпость, чтò за твердыня? Съ него будетъ и „метлы“ да корзинки, которыми убираютъ грязь и навозъ съ улицы“.

Какъ видно, Стасовъ не стѣснялся въ выраженіяхъ. Разъ даже, за статью „Музыкальные лгуны“, задѣтый имъ г. Фаминцынъ привлекъ его къ судебной отвѣтственности по обвиненію въ клеветѣ, и хотя это обвиненіе судъ отвергъ, но обвинилъ его въ неумѣренности выраженій, признавъ ихъ бранью.

Нерѣдко Стасовъ выступалъ въ печати и по единичнымъ случаямъ, защищая отъ несправедливыхъ и часто невѣжественныхъ нападокъ артистовъ и художниковъ, талантъ которыхъ цѣнилъ. Приведу одинъ примѣръ. Архитекторъ И. П. Ропеттъ, большой пріятель Стасова, соорудилъ на парижской выставкѣ 1878 года фасадъ русскаго отдѣла, проявивъ большое знаніе стариннаго русскаго архитектурнаго стиля. Стасовъ придавалъ большое значеніе этому фасаду и не переставалъ имъ восхищаться, и когда нѣкто г. Петръ Петровъ обозвалъ въ „С.-Пб. Вѣдомостяхъ“ этотъ фасадъ „шиварной отшлифованной мѣшиной“, „безцѣльной глупостью“ и не видѣлъ въ немъ „ничего серьезно-національнаго“, Стасовъ счелъ нужнымъ дать отпоръ ему. Указавъ на невѣжество г. Петрова въ познаніи стилей и выставляя на видъ забавные совѣты его, относительно того, какъ нужно было бы построить фасадъ, Стасовъ писалъ: „Представьте себѣ, что надо было строить этотъ фасадъ изъ всевозможныхъ сибирскихъ камней и малахита“ и „обрамить деревянными рѣзными украшеніями“. Домъ изъ малахита и сибирскихъ камней—какъ это безнодобно! Это-то и есть истинная, національная русская архитектура. Да, но, по крайней мѣрѣ, пусть г. Петровъ позволить не обкладывать малахитъ и мраморъ—деревомъ. Вѣдь это просто не слыхано. И вотъ такіе-то знатоки и доки приходятъ совать свой носъ на всемірныя выставки и осмѣли-

ваются помакивать перо въ чернила, чтобы учить другихъ. О, Господи, гдѣ персидскій порошокъ отъ дрянной моли и тли?"

Подобныхъ примѣровъ остроумныхъ рѣзкостей Стасова можно было бы привести очень много. Онъ былъ смѣль и горячъ въ полемикѣ, но въ то же время блестящъ и силенъ. Главная же сила его заключалась въ правдѣ. Онъ всегда былъ правъ по существу, и когда брался за перо полемиста, то брался за него во всеоружіи и поражалъ врага на смерть. Особенно же грозенъ онъ былъ, когда вступался за обиженнаго въ печати кого-нибудь изъ своихъ любимцевъ. Тогда его страсти разгорались неугасимымъ пожаромъ. У Стасова билось въ груди большое страстное сердце, способное сильно любить и если не ненавидѣть—онъ былъ слишеюмъ добръ для этого,—то отвергать.

Онъ былъ одной изъ тѣхъ чисто русскихъ натуръ, которыя такъ мѣтко охарактеризованы поэтомъ:

„Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть, такъ съ горяча,
Коль рубнуть, такъ ужъ сплеча.
Коли спорить, такъ ужъ смѣло,
Коль карать, такъ ужъ за дѣло,
Коль простить, такъ всей душой,
„Коли пиръ, такъ пиръ горой“.

Всѣ знали эту натуру Стасова, знали, насколько онъ былъ упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ, знали, какъ онъ ихъ отстаивалъ, и потому далеко не всѣ могли и хотѣли вступать съ нимъ въ споръ. И. С. Тургеневъ одно изъ своихъ стихотвореній въ прозѣ даже заканчивалъ совѣтомъ: „Съ Стасовымъ не спорьте“.

Однако любилъ Стасовъ вовсе не „безъ разсудку“. Напротивъ, никогда свои мнѣнія онъ не подчинялъ своимъ чувствамъ, и если онъ видѣлъ, что хотя и самый близкій его другъ сворачивалъ съ истиннаго пути, по его мнѣнію, онъ первый ему это говорилъ, а то и заявлялъ въ печати. Несмотря ни на какія личныя отношенія, онъ, какъ критикъ по призванію, никогда не терялъ своей независимости, своего безпристрастія. Онъ ревниво оберегалъ свою независимость. Какъ характеренъ, напр., его отказъ принять отъ Антокольскаго, своего друга, въ подарокъ бронзовую статую Іоанна Грознаго! Стасовъ отклонилъ это предложеніе и писалъ, что не желаетъ получать „жалованья отъ художниковъ“. Личное знакомство, дружба—не мало помогали Стасову въ выясненіи индивидуальности художника или дѣятеля, въ оцннѣ его значенія; но никогда не оказывали

плохой услуги его критической дѣятельности. Никогда изъ-за личныхъ отношеній онъ не входилъ въ компромиссъ съ своей совѣстью. Интересенъ его собственный рассказъ о томъ, какъ онъ далъ неблагопріятный отзывъ о сочиненіи своего пріятеля и товарища по Правовѣдѣнію, Ровинскаго: „О русскомъ гравированіи“.

„Я цѣлые полгода употребилъ на прилежное и пристальное изученіе сочиненія по подлиннымъ матеріаламъ, по документамъ, по старопечатнымъ книгамъ, и когда кончилъ, я былъ въ ужасномъ затрудненіи: что мнѣ дѣлать, что мнѣ сказать Академіи? Я слишкомъ ясно видѣлъ, что работу Ровинскаго нельзя оставить, какъ она есть, что нельзя печатать ее въ томъ видѣ, какъ авторъ прислалъ ее изъ Москвы въ Спб.“... „Послѣ долгой внутренней борьбы я рѣшился слушаться одного внутреннего голоса и одного глубокаго уваженія къ самому дѣлу. Я и представилъ Академіи Наукъ большой и подробный отчетъ, гдѣ выставилъ на видъ всѣ крупнѣйшіе недостатки сочиненія Ровинскаго и говорилъ, что работу эту никакъ не слѣдуетъ печатать и за нее ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ давать награды, развѣ что почетный отзывъ за большіе, все-таки значительные труды, предпріятыя Ровинскимъ“.

Стасовъ скорѣе могъ поссориться, разойтись даже съ другомъ, чѣмъ поступиться изъ-за дружбы свободой своей мысли, вкусомъ, чувствъ. Характерно его постепенное охлажденіе и, наконецъ, полный разрывъ съ такимъ его близкимъ другомъ еще со швольной скамьи, каковымъ былъ Сѣровъ. Какъ только Сѣровъ сталъ мѣнять свои взгляды, сдѣлался вагнеріанцемъ, даже итальяноманомъ, сталъ высказывать печатно мнѣнія о Глинкѣ и о русской самобытной музыкѣ, несогласныя съ мнѣніями Стасова и просто вредныя для торжества Стасовскихъ идей, Стасовъ выступилъ противъ него въ печати, и дружескихъ отношеній—какъ не бывало. И такихъ случаевъ порчи отношеній, начиная съ размолвокъ и кончая полнымъ разрывомъ, можно было бы привести и еще нѣсколько. Чѣмъ больше любилъ и цѣнилъ Стасовъ талантъ того или другого художника, тѣмъ больше онъ ждалъ отъ него и ждалъ въ заранѣе опредѣленномъ въ его воображеніи направленіи, и тѣмъ болѣе онъ былъ недоволенъ, когда художникъ этихъ ожиданій почему-либо не оправдывалъ, не осуществлялъ. Это одно часто явилось причиной размолвокъ. Прежде всего Стасова огорчало, если художникъ вовсе молчалъ, бездѣйствовалъ. Самъ энергичный, дѣятельный, онъ ждалъ дѣятельности, требовалъ продуктивности и отъ другихъ. Отсюда—

его надобдливость и претензіи къ самымъ цѣннымъ имъ талантамъ.

Въ 1854—1855 г.г. онъ сильно надобдалъ Глинкѣ, чтобы онъ сочинялъ, на что Глинка, въ іюлѣ 1855 г., жаловался въ своихъ письмахъ. Дѣйствительно, тогда Глинка остановился въ своемъ творествѣ и, кромѣ торжественнаго полонеза на восшествіе на престолъ Александра II, не сочинилъ ничего. Свидѣтельство объ упрекахъ Стасова Глинкѣ за его молчаніе въ то время имѣется и изъ другихъ источниковъ. Разъ какъ-то, въ обычной компаніи съ А. Н. Сѣровымъ, В. П. Энгельгардтомъ, Д. В. Стасовымъ, въ присутствіи Глинки исполнялся на фортепіано въ восемь рукъ его „Краковякъ“ изъ „Жизни за Царя“. В. В. Стасовъ пришелъ въ большое восхищеніе и, по расказу Сѣрова, воскликнулъ, когда кончили играть, обращаясь къ Глинкѣ:

— Вотъ, Михайлъ Ивановичъ, что вы были прежде, а что вы теперь?

Этотъ упрекъ, можетъ быть, былъ и слишкомъ рѣзокъ, но Глинка не обидѣлся, такъ какъ зналъ, что Стасовъ его обожалъ и цѣнилъ высоко. Вспомнимъ, что именно Стасову обязаны мы и тѣмъ, что имѣемъ портретъ Глинки (Левицкаго), снятый съ него передъ послѣднимъ отъѣздомъ за-границу, откуда ему уже не пришлось возвратиться живымъ. Это Стасовъ далъ совѣтъ сдѣлать портретъ Л. И. Шестаковой.

Не разъ Стасовъ приставалъ и къ М. А. Балакиреву, побуждая его къ сочиненію. Когда одно время Н. А. Римскій-Корсаковъ прервалъ свою композиторскую дѣятельность, то Стасовъ весьма былъ этимъ озабоченъ и на празднованіи въ Бѣлевскомъ концертѣ его 25-лѣтняго юбилея въ залѣ Дворянскаго Собранія съ эстрады публично умолялъ его снова взяться за сочиненіе. И надобданія Стасова нерѣдко имѣли свое дѣйствіе. Не ему ли мы обязаны доброй частью музыки „Князя Игоря“ Бородина? Не по его ли настояніямъ писалась и опера „Хованщина“ Мусоргскимъ?

Если подъ-часъ могла быть непріятной такого рода надобдливость, то еще больше непріятностей причиняло друзьямъ Стасова высказываемое имъ недовольство самимъ характеромъ ихъ творчества, когда оно принимало, по его мнѣнію, ложное направленіе. Мнѣніями Стасова дорожили. Это были мнѣнія знатока и вдобавокъ всегда искреннія. Просто отбросить, игнорировать ихъ, если они не нравились или были неблагоприятны, было нельзя. Стасова, какъ крѣпость, лежащую на пути на-

ступленія, обойти было невозможно—безъ опасенія имѣть ее всегда у себя въ тылу. Нужно было брать ее если не штурмомъ, то вести противъ нея правильную осаду, словомъ—нужно было бороться. Нужно было отстаивать правильность своей точки зрѣнія. А эта борьба почти всегда была весьма и весьма тягостной.

Когда въ 90-хъ годахъ Стасовъ, будучи недоволенъ направлениемъ, принятымъ художниками „Общества Передвижниковъ“, которыхъ онъ всегда такъ любилъ, старался воздѣйствовать на нихъ, дабы направить ихъ на прежній путь, среди передвижниковъ, какъ рассказываетъ Антокольскій, возникло сильное теченіе противъ семидесятилѣтняго старика. На одномъ собраніи нѣкоторые изъ нихъ внесли предложеніе сдѣлать Стасову „внушеніе“. „Къ чести передвижниковъ,—говоритъ Антокольскій,—это предложеніе не было принято; тѣмъ не менѣе, одинъ изъ нихъ, прислалъ ему письмо, въ видѣ благодарности, но, увы,—въ видѣ черной благодарности... Содержаніе этого письма можно резюмировать въ трехъ словахъ: „Вы намъ мѣшаете, мѣшаете и, пожалуйста, больше не мѣшайте“. И это говорилъ одинъ изъ передвижниковъ, которымъ Стасовъ всю жизнь былъ такъ преданъ“.

Но и у того же самаго Антокольскаго была размолвка съ Стасовымъ, когда послѣ скульптуры на русскіе сюжеты, какъ „Іоаннъ Грозный“, онъ, живя въ 70-хъ годахъ въ Римѣ и Парижѣ, приступилъ къ „Сократу“ и другимъ работамъ не на русскіе сюжеты. Стасовъ сердился на Антокольскаго, совѣтуя ему возвратиться на прежній путь. „Стасову я написалъ вразумительное письмо,—писалъ Антокольскій И. Е. Рѣпину въ 1875 г. (16 ноября) изъ Рима,—буду надѣяться, что онъ перестанетъ давать мнѣ совѣты и читать нотации“. Стасовъ замолчалъ и одно время вовсе пересталъ писать своему другу, а печатно выражалъ свое сожалѣніе, что талантъ Антокольскаго обжевропелся и обжиталянился. Размолвка эта не была, впрочемъ, продолжительна. На подобной же почвѣ были у Стасова несогласія и съ другимъ его другомъ, И. Е. Рѣпинымъ. Его онъ тоже упрекалъ въ поворотѣ на ложный путь итальянизма и академичности.

Всѣ приведенные факты — а число ихъ можно было бы и увеличить—показываютъ еще разъ, что Стасовъ былъ страстная натура, что онъ былъ до фанатизма преданъ своимъ идеямъ, что онъ горячо любилъ избранныхъ имъ художниковъ, но постоянно требовалъ отъ нихъ вѣрности себѣ и въ противныхъ случаяхъ жестоко ревновалъ ихъ.

Ссоры его съ пріятелями и друзьями происходили и по инымъ причинамъ, зависѣвшимъ отъ несходства характеровъ. Но главная причина лежала въ характерѣ самого Стасова. Имѣя доброе и мягкое сердце, онъ былъ твердъ и настойчивъ въ убѣжденіяхъ, склонить его было трудно, легче поссориться. Онъ самъ признавался пишущему эти строки, что много ссорился въ своей жизни.

XXI.

Воспоминанія о Владимірѣ Васильевичѣ навсегда останутся самыми отрадными въ моей жизни. Я познакомился съ нимъ въ 1894 г., на музыкальномъ утрѣ у Александры Николаевны Моласъ. Пѣвица-любительница, ученица Даргомыжскаго, горячая поклонница его самого и всѣхъ композиторовъ новой русской музыкальной школы, она отъ времени до времени устраивала у себя исполненія не только романсовъ и оперныхъ отрывковъ этихъ композиторовъ, но и ихъ оперъ въ цѣломъ видѣ, безъ пропусковъ, при чемъ участвовала и сама чрезвычайно удачно, съ большой правдой выраженія передавая новый русскій мелодически-декламационный стиль. Хотя оперы исполнялись съ сопровожденіемъ фортепіано и безъ сцены, но и въ такомъ видѣ исполненіе доставляло вѣсовое наслажденіе собиравшемуся здѣсь избранному кружку адептовъ новой русской музыки и тѣмъ болѣе, что оперы эти не появлялись тогда вовсе на сценѣ, шли всего нѣсколько разъ и потомъ откладывались въ долгій ящикъ.

Въ тотъ первый разъ, когда я былъ у А. Н. Моласъ, шла „Майская Ночь“ Н. А. Римскаго-Корсакова. Была поздняя зима. Ярко сіяющій солнечный день навѣвалъ бодрое, свѣтлое настроеніе, которое удивительно гармонировало съ прелестной, свѣжей, высоко-поэтической музыкой, съ которой я знакомился впервые. Я купилъ нарочно для этого случая клавирауспугъ оперы и сядѣлъ съ нимъ въ рукахъ, погружившись всецѣло въ новый прекрасный звуковой міръ, совершенно меня очаровавшій. Въ антрактѣ къ хозяйкѣ, остановившейся у фортепіано, подошелъ видный, статный, большого роста, широкоплечій старикъ крѣпкаго, массивнаго, но не тучнаго тѣлосложенія. Большую свою голову съ бѣлыми какъ лунъ волосами и съ большой такой же бородой онъ держалъ нѣсколько откинувъ назадъ. Его подвижная фигура, внушительные, энергичные жесты, наконецъ, само лицо, очень выразительное, сразу располагающее къ себѣ искренностью и добродушіемъ, съ живыми глазами, все выражало

полный восторгъ. Онъ заговорилъ громко и скоро, расхваливая и музыку, и исполненіе. Въ продолженіе разговора онъ нѣсколько разъ цѣловалъ у хозяйки руку и замѣтно привлекалъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Это былъ Стасовъ. Я тотчасъ же узналъ его, такъ какъ и раньше зналъ его въ лицо, постоянно видя его въ концертахъ. Я былъ возлѣ, и А. Н. тотчасъ же насъ познакомила. Стасовъ продолжалъ говорить съ энтузіазмомъ юности. А. Н. Моласъ, вся раскраснѣвшаяся, разгоряченная отъ пѣбія и отъ артистическаго огня, слушала его восторженно. Я тоже тотчасъ же былъ захваченъ жаромъ и убѣжденностью этой рѣчи и всѣмъ могучимъ складомъ и духомъ личности этого человѣка. Говорить самому не хотѣлось, хотѣлось дать говорить ему и только слушать. Но антрактъ кончился. Началось второе дѣйствіе, затѣмъ третье. Стасовъ пошелъ бесѣдовать со многими своими друзьями и знакомыми, и мнѣ лично этотъ разъ съ нимъ много говорить не пришлось.

Но починъ былъ сдѣланъ. Я сталъ бывать на оперныхъ исполненіяхъ у А. Н. Моласъ. Я познакомился здѣсь со многими художниками и композиторами новой русской школы. Всякій почти разъ я встрѣчалъ здѣсь и Стасова. Онъ былъ чрезвычайно простъ въ обращеніи, совершенно доступенъ для каждаго и довольно разговорчивъ. Я скоро узналъ его музыкальные взгляды и вкусы гораздо подробнѣе и ближе, чѣмъ по его статьямъ. Часто, когда мы бесѣдовали, я невольно припоминалъ его статьи, и мнѣ онъ дѣлались еще болѣе симпатичными и близкими. И наоборотъ, давно любя уже писателя, я сразу по всему полюбилъ человѣка. Я не скрывалъ отъ него своего расположенія и удивленія къ нему. Видя это, онъ отплачивалъ мнѣ полнымъ вниманіемъ и, выходя отъ А. Н. Моласъ, почти всегда предлагалъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ: намъ бывало какъ-то всегда по пути и въ другихъ случаяхъ, ѣхали ли мы изъ концерта въ Дворянскомъ Собраніи, или изъ Публичной Библиотеки. И вотъ, потряхиваясь на петербургскомъ извозчикѣ, мы продолжали начатый разговоръ или начинали новый. Разговоръ больше всего шелъ о музыкѣ и въ особенности о русской, о новостяхъ въ этой области, о текущихъ музыкальныхъ дѣлахъ, о житьѣ-бытьѣ нашихъ общихъ знакомыхъ художниковъ и композиторовъ и, наконецъ, на общественныя темы. Обыкновенно мы не замѣчали, какъ везетъ насъ извозчикъ, медленно или скоро, по какимъ улицамъ.

Послѣдній разъ мы были вмѣстѣ у А. Н. Моласъ, вѣроятно, въ 1903 году. А. Н. пригласила меня, какъ она говорила, на репетицію „Каменнаго Гостя“, котораго она, послѣ перерыва въ

нѣсколько лѣтъ своихъ оперныхъ исполненій, рѣшила возобновить у себя. Это было вечеромъ. Кромѣ насъ, хозяевъ А. Н., мужа ея и семьи и исполнителей, никого приглашенныхъ не было. Стасовъ попрежнему горѣлъ энтузіазмомъ къ этой оперѣ Даргомыжскаго и готовъ былъ ее слушать несчетное число разъ. Такъ и тогда: онъ усѣлся на диванѣ и слушалъ все время очень внимательно, выражая, по окончаніи дѣйствія или сцены, полное свое удовольствіе словами: „великолѣпно-съ, чудесно-съ“. Очень любилъ Стасовъ слушать, какъ пѣла А. Н. и многіе романсы новыхъ русскихъ композиторовъ, и, между прочимъ, Бородина „Отравой полны мои пѣсни“ на слова Гейне—романсъ, который Бородинъ сочинилъ, по его собственному признанію, вмѣстѣ съ А. Н. Молась въ одинъ присѣсть, импровизируя его за фортепіано, вдохновляемый талантливой пѣвицей. Изъ Мусоргскаго онъ часто просилъ пѣть „Сиротку“, „Свѣтликъ Савишна“, „По грибы“. Изъ Римскаго-Корсакова—„Къ моей пѣснѣ“, „Плѣвившись розой, соловей“, „Я вѣрю, я люблю“. Всѣхъ не перечестъ. А. Н. всегда безпрекословно исполняла эти его желанія.

Когда прекратились у А. Н. музыкальныя собранія, мы со Стасовымъ перестали тамъ встрѣчаться.

Если Стасова необходимо было видѣть во чтѣ бы то ни стало и неотложно, нужно было идти къ нему въ Библіотеку. Тамъ онъ бывалъ ежедневно съ утра и до четырехъ часовъ дня, а иногда просиживалъ и позже; бывалъ и по праздникамъ, за рѣдкими исключеніями. Онъ любилъ Библіотеку, и днемъ въ сказанные часы его можно было почти всегда застать неизмѣнно въ угловой залѣ верхняго этажа, въ художественномъ отдѣленіи. Если, подходя къ этой залѣ, слышался громкій голосъ Владиміра Васильевича, гулко раздававшійся по заламъ,—можно было напередъ сказать, что у него кто-то есть и что онъ спорить. Онъ любилъ поспорить. Это была для него своего рода форма для обмѣна мыслей. Если же, подходя къ залѣ Стасова, его слышно не было—это значило, что онъ сидитъ одинъ за своимъ столомъ, погруженный въ свои писанія или подготовительныя занятія. Прежде чѣмъ писать статью, Стасовъ всегда усиленно и добросовѣстно къ ней готовился, выискивалъ и перечитывалъ литературу предмета, дѣлалъ выписки и потомъ уже создавалъ и писалъ статью. Его столъ былъ всегда заваленъ кучей матеріала всякаго рода. Удивительно, какъ онъ помнилъ, гдѣ чтѣ лежитъ, и безъ труда вытаскивалъ изъ-подъ груды книгъ то, чтѣ именно требовалось въ данную минуту. Память на давніе факты у него, какъ и обыкновенно у стариковъ, была еще сильнѣе, чѣмъ на

близкіе. До послѣдняго дня жизни онъ сохранилъ и прекрасное зрѣніе. Объ очкахъ не было и помину, несмотря на постоянную возню съ книгами и рукописями. „Мое вамъ почтеніе. Ну, что новаго?“ — встрѣчалъ онъ меня неизмѣнной фразой. Но обыкновенно самъ сообщалъ и рассказывалъ болѣе, чѣмъ слушалъ. Послѣднее время онъ сдѣлался разговорчивымъ больше прежняго. И разъ какъ-то, когда я сталъ перелистывать для справокъ какую-то книгу, данную имъ мнѣ, онъ самъ прервалъ свою рѣчь: „Да, да, занимайтесь, занимайтесь, вѣдь вы пришли сюда заниматься, а не слушать мою болтовню“. Однако эта болтовня была для меня въ высшей степени любопытна и поучительна, такъ какъ послѣднее время Стасовъ много рассказывалъ мнѣ фактовъ изъ своей жизни и изъ жизни нашихъ общихъ знакомыхъ изъ міра художниковъ. Однако далеко не для всѣхъ этихъ фактовъ настало время сообщить ихъ во всеобщее свѣдѣніе.

Въ Библиотекѣ Стасовъ былъ къ услугамъ всякаго обращающагося къ нему. Онъ не только удовлетворялъ желаніе посмотреть то или другое изданіе, онъ сообщалъ и цѣлую литературу даннаго предмета, и охотно велъ посѣтителя въ другой отдѣлъ для продолженія библиографическихъ разысканій. Его энергія до послѣднихъ дней жизни не ослабѣвала. И сколько разъ меня стѣсняло, что старикъ самъ лѣзетъ для меня по лѣсенкѣ буда-нибуть вверхъ, чтобы добыть ту или другую спрошенную мной книгу. Я сколько разъ предлагалъ ему, что я самъ достану, чтобы онъ мнѣ только показалъ, гдѣ взять. Наконецъ, всегда можно было позвать и служителя или обратиться къ одному изъ помощниковъ, но онъ предпочиталъ почти всегда слазить самъ. Такъ было вѣрнѣе и, главное, скорѣе — ждать онъ не хотѣлъ. Это было не въ его натурѣ.

Добрую часть дня Стасовъ проводилъ въ Библиотекѣ. Чтобы не проголодаться, онъ бралъ съ собой холодный завтракъ въ будкѣ. Разъ какъ-то я его засталъ на верхней площадкѣ входной лѣстницы стараго зданія Библиотеки, спѣшившимъ проглотить свой завтракъ въ сухомытку, чтобы скорѣе освободиться отъ этого неинтереснаго занятія. Онъ замѣтилъ, что сейчасъ придетъ, и сказалъ, чтобы я шелъ въ его залу. Кромѣ этого завтрака и чаю, который разносила для всѣхъ служащихъ горничная, онъ ничего днемъ не ѣлъ, а между тѣмъ засиживался нерѣдко до пяти часовъ. Одно время зимой я посѣщалъ его въ Библиотекѣ въ пятомъ часу, такъ какъ весь день былъ занятъ; я почти всегда заставалъ его. Часто уже дѣлалось совсѣмъ темно, когда

мы съ нимъ изъ его угловой отдаленной залы пробирались къ выходу. На мой вопросъ, почему не устроить электричества, онъ отвѣчалъ, что провода устроены и что совсѣмъ было стали пользоваться ими, но, въ виду опасности пожара, онъ самъ первый горячо возсталъ противъ электричества въ залахъ Библиотеки. И вотъ, во избѣжаніе пожара, приходилось мириться съ темнотою.

Въ послѣдніе годы жизни по смерти Антокольскаго, Стасовъ былъ сильно озабоченъ скорѣйшимъ собраніемъ и приведеніемъ въ порядокъ его писемъ, которыя онъ вскорѣ издалъ въ видѣ толстаго тома. Заботила его и постановка памятника надъ могилой его друга, и устройство вечера въ его память и мысль о сочиненіи въ его память кантаты. Въ это время разъ какъ-то я зашелъ къ нему въ Библиотеку, по обыкновенію въ началѣ пятаго часа дня. Это было зимой. Вечерѣло. Я засталъ Стасова въ угловой залѣ за его столомъ, а чуть ли не на колѣняхъ у него сидѣлъ еврейскій мальчикъ и что-то читалъ. Поздоровавшись со мной, Стасовъ сталъ мнѣ рассказывать про мальчика, что у него необыкновенныя способности, что онъ прекрасно знаетъ еврейскій языкъ, что онъ читаетъ въ подлинникѣ Библию, что у него есть литературныя задатки и что теперь дѣло въ томъ, чтобы онъ сочинилъ текстъ для кантаты въ память Антокольскаго. Стасовъ вдохновлялъ его, давалъ ему идеи для этого текста, а мальчикъ воплощалъ ихъ въ слова и въ стихи. Тутъ же при мнѣ онъ сталъ очень недурно импровизировать требуемый текстъ. Мальчикъ этотъ былъ Самуилъ Маршакъ.

На сочиненный имъ текстъ А. К. Глазуновъ и А. К. Лядовъ написали кантату для речитатива и хора съ сопровожденіемъ фортепіано и валторны. Она была исполнена хоромъ синагоги на вечерѣ, устроенномъ въ память Антокольскаго, 22-го декабря 1902 года, въ залѣ „Общества Поощренія Художествъ“. На этомъ вечерѣ Стасовъ прочелъ воспоминанія объ Антокольскомъ его товарищѣ по Академіи, художниковъ Савицкаго, Ковалевскаго и Васнецова, а также свою статью: „Антокольскій въ Парижѣ“.

Стасовъ принималъ большое участіе въ судьбѣ Маршака, заботился объ его образованіи и объ его здоровьи, довольно слабомъ. Онъ отрекомендовалъ его Горькому, прося пріютить его на время въ Крыму, и мальчикъ былъ поселенъ на дачѣ у жены Горькаго, въ Ялтѣ, для подкрѣпленія здоровья. До самой смерти Стасовъ продолжалъ заботиться о немъ.

Стасовъ былъ очень добрый человекъ и охотно помогалъ по мѣрѣ силъ своихъ всѣмъ, кому мало-мальски симпатизировалъ. А ужъ если въ комъ признавалъ талантъ, то готовъ былъ для

того на все. Очень много ему обязавъ извѣстный скульпторъ И. Я Гинцбургъ, котораго онъ не выпускалъ изъ виду, за которымъ всячески наблюдалъ и ухаживалъ. Это видно хотя бы изъ писемъ Антокольскаго къ нему, гдѣ очень часто идетъ рѣчь объ Элиасиѣ. Стасовъ и Антокольскій заботились и объ его здоровьи, о снабженіи его деньгами, и объ устройствѣ ему поѣздки за границу, и объ усовершенствованіи его въ техникѣ искусства и, наконецъ, о присканіи ему выгодной работы и т. д.

Однимъ изъ послѣднихъ русскихъ талантовъ, появившихся уже на склонѣ лѣтъ Стасова, былъ Ѳ. И. Шаляпинъ.

Послѣ того какъ, едва начавъ свою оперную карьеру на Маринской сценѣ, но не видя на ней простора для того, чтобы развернуть свое дарованіе, онъ оставилъ ее и перешелъ, по приглашенію С. И. Мамонтова, на частную оперную сцену въ Москвѣ, прошло года два. И вотъ онъ вернулся въ Петербургъ, въ составѣ Мамонтовской оперной труппы, и выступилъ впервые 23-го февраля 1898 г., въ роли Іоанна Грознаго въ „Псковитянкѣ“ Н. А. Римскаго-Корсакова. На этомъ спектаклѣ въ большомъ залѣ Консерваторіи былъ и Стасовъ. Увидѣвъ его издали, я подошелъ къ нему, и мы сѣли рядомъ. Съ перваго же появленія Шаляпина на сценѣ передъ покорными псковитянами, встрѣчающими его съ вынужденнымъ поклономъ и съ хлѣбомъ-солью—фигура артиста приковала къ себѣ все вниманіе Стасова. Царственная осанка, нѣсколько болѣзненный, будто утомленный видъ, всѣ жесты, взгляды, повелительные, но вмѣстѣ съ тѣмъ осторожныя и вызывающіе недоувѣріе,—все это было передано съ такой неподражаемой жизненностью, правдивостью и яркостью, что Стасовъ не могъ скрыть даже до времени своего восторга мнѣ. Слѣдующая сцена въ палатахъ князя Токмакова, сцена угощенія Іоанна Грознаго—совсѣмъ захватила Стасова. Въ антрактѣ онъ подошелъ къ самой рампѣ и, не переставая аплодировать Шаляпину, все время мнѣ повторялъ: „Да вѣдь это удивительно-съ! огромный талантъ! какой Грозный, я такого не видѣлъ-съ. Чудесно, гениально-съ“. Онъ, наконецъ, не удержался и, пожелавъ выразить свое восхищеніе лично Шаляпину, пошелъ на сцену. Я послѣдовалъ за нимъ. Мы вошли въ комнату Шаляпина. Артистъ скромно всталъ, увидя Стасова. Стасовъ съ энтузіазмомъ юноши началъ его расхваливать, выражать ему свое удивленіе за игру и за гримъ и, наконецъ, не взирая на гримъ горячо обლობызалъ нѣсколько растерявшагося и озадаченнаго артиста, разводившаго руками и не находившаго словъ благодарности знаменитому критику. Въ заключительной сценѣ въ царской ставкѣ

Шалапинъ былъ, кажется, еще лучше. Онъ воссоздалъ живой образъ Грознаго, сидящаго за столомъ, погруженнаго въ думы и перелистывающаго требинь, какъ бы желая найти тамъ отвѣтъ на свои думы. Смотри здѣсь на артиста, забывалось, что это сцена — передъ вами была сама жизнь. Когда же въ заключительной сценѣ Шалапинъ-Грозный бросается и припадаетъ къ трупу убитой Ольги — своей дочери, покрывая ее поцѣлуями, передъ глазами какъ-то невольно носился обликъ Иоанна Грознаго на знаменитой картинѣ И. Рѣпина — „Царь Грозный у трупа сына“.

Подъ этимъ глубокимъ, трагическимъ впечатлѣніемъ мы вышли со Стасовымъ изъ театра. Онъ былъ потрясенъ.

Черезъ день я читалъ уже въ „Новостяхъ“ статью Стасова: „Радость безмѣрная“. Онъ вспоминалъ, что ровно четверть вѣка назадъ привѣтствовалъ появленіе капитальнаго произведенія молодого скульптора Антокольскаго — его статую „Иоаннъ Грозный“ — и проводилъ въ ней параллель — созданіе типа Иоанна Грознаго Шалапинымъ.

„Какъ Сабининъ въ оперѣ Глинки, — писалъ Стасовъ, — я восклицаю: „Радость безмѣрная“! Великое счастье на насъ съ неба упало. Новый великій талантъ народился“... „Въ настоящую минуту однимъ великимъ художникомъ у насъ больше. Это — оперный пѣвецъ Шалапинъ, создавшій нѣчто необычайное и поразительное на русской сценѣ. Также какъ Антокольскій, это еще юноша, даже на нѣсколько лѣтъ моложе того, но создавшій такого „Ивана Грознаго“, каковаго мы еще никогда не видали, ни на драматической, ни на оперной сценѣ“... „Въ глубинѣ и великости новаго создателя и новаго художника сомнѣваться нельзя. Впечатлѣніе слишкомъ потрясающее, слишкомъ равно и неизбежно оно на всѣхъ дѣйствуетъ“.

Нужно ли прибавлять, что этотъ восторженный отзывъ о Шалапинѣ былъ не только первымъ, но и единственнымъ по силѣ энтузіазма. Такъ горячо и сильно умѣлъ писать только Стасовъ.

Много разъ я встрѣчалъ Стасова въ концертахъ и въ оперѣ, особенно тогда, когда исполнялись произведенія любимыхъ имъ русскихъ авторовъ. Онъ не удовлетворялся слышать то или другое ихъ произведеніе одинъ разъ — въ концертѣ, а почти всегда шелъ и на генеральную репетицію. Я не помню, чтобъ безъ него прошла репетиція хоть одного Бѣляевскаго концерта, равно какъ и самый концертъ.

Когда чествовался кто-либо изъ цѣнныхъ имъ музыкальныхъ дѣятелей, Стасовъ проявлялъ инициативу и необычайную

дѣятельность въ заявленіи симпатій къ чествуемому. Онъ изобрѣталъ оригинальные вѣнны. То это былъ вѣнокъ-звѣзда съ лучами изъ музыкальныхъ цитатъ, поднесенный Л. И. Шестаковой-Глинкѣ, то это былъ вѣнокъ-солнце, поднесенный Н. А. Римскому-Корсакову въ день тридцати-пяти-лѣтняго юбилея его дѣятельности. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ онъ шествовалъ во главѣ депутаціи и произносилъ небольшую, но прочувствованную и горячую рѣчь.

XXII.

Я встрѣчалъ Стасова и у Н. А. Римскаго-Корсакова. Большею частью это случалось или въ день семейныхъ праздниковъ, или въ тѣ вечера, когда Римскій-Корсаковъ собиралъ своихъ друзей и нѣкоторыхъ знакомыхъ, чтобы показать имъ свои новыя произведенія, только-что написанныя и находившіяся еще въ рукописи.

Тутъ мы вмѣстѣ съ нимъ слушали отрывки изъ оперы-былины „Садко“, въ цѣломъ видѣ „Моцартъ и Сальери“, „Кашей-Безсмертный“, „Сказаніе о Китежѣ“, романы и прочія сочиненія. Ничто такъ не нравилось ему изъ этихъ сочиненій Римскаго-Корсакова 90-хъ годовъ, какъ „Садко“, въ которомъ первая же сцена пировастья въ хоромахъ братчины въ Новѣгородѣ, а также и жена Садко—Любава—были введены по его совѣту. Исполнялись и романы Римскаго-Корсакова и его оркестровыя сочиненія въ четыре руки, а часто и произведенія другихъ композиторовъ новой русской школы. Здѣсь можно было часто встрѣтить А. К. Глазунова, А. К. Лядова, двухъ братьевъ Сигизмунда и Феликса Блуменфельдовъ, обыкновенно выступавшихъ въ партіи фортепіано въ ансамбляхъ, а Феликсъ Мих., какъ блестящій виртуозъ, и одинъ. Здѣсь можно было встрѣтить и болѣе юныхъ композиторовъ, по большей части учениковъ Н. А. Римскаго-Корсакова, наконецъ, нѣкоторыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Случалось, что многихъ изъ нихъ Стасовъ раньше не встрѣчалъ, но составъ общества не оказывалъ замѣтнаго на него вліянія. Онъ оставался все такимъ же общительнымъ, все такой же открытой русской натурой, все такимъ же искреннимъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Стасовъ очень былъ утѣшенъ тѣмъ, что послѣ исполненія въ его присутствіи у Н. А. Римскаго-Корсакова „Женитьбы“ Гоголя съ музыкой Мусоргскаго, Римскій-Корсаковъ рѣшился взять на себя подготовку „Женитьбы“ въ издавію, что онъ и исполнилъ до наступленія

лѣта 1906 г. Это сочиненіе—собственно Мусоргскимъ былъ написанъ только первый актъ—было посвящено Стасову и сохранилось въ рукописи въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Стасовъ его слышалъ не разъ: оно неоднократно исполнялось въ товарищеской средѣ, но музыкальныя странности и техническіе недочеты служили, въ глазахъ музыкантовъ, препятствіемъ къ выпуску его въ свѣтъ.

Теперь, спустя двадцать-пять лѣтъ послѣ смерти Мусоргскаго, изданіе „Женитьбы“, не будучи въ состояніи уже повредить композиторской славѣ Мусоргскаго, сдѣлалось безусловно желательнымъ.

Живо помню одинъ вечеръ у Н. А. Римскаго-Корсакова—6 марта 1906 г.—чуть ли не послѣдній изъ тѣхъ, когда былъ Стасовъ. Въ этотъ вечеръ какъ-то особенно старались угодить старику исполненіемъ любимыхъ имъ сочиненій. Пѣвица Н. И. Забѣла исполнила для него романсы Н. А. Римскаго-Корсакова „Къ моей пѣснѣ“, „Я вѣрю, я любимъ“, „Что въ имени тебѣ моемъ“. Сиг. Блуменфельдъ, вовсе не присяжный пѣвецъ, съ большой музыкальностью исполнилъ своимъ композиторскимъ голосомъ, при великолѣпномъ фортепіанномъ сопровожденіи своего брата, Феликса, „По грибы“, „Гопакъ“ и „Семинаристъ“ Мусоргскаго, а съ Н. И. Забѣлой—еще два отрывка изъ оп. „Вильямъ Ратклиффъ“ Кюи. Но особенно понравилось Стасову комическая „Серенада“ четырехъ кавалеровъ одной дамѣ, Бородина, исполненная братьями С. и Ф. Блуменфельдъ, А. В. Оссовскимъ и самимъ хозяиномъ, Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ, и, по требованію Стасова, повторенная два раза. „Чудесно-съ, великолѣпно-съ. Мало. Нельзя ли еще?“—повторялъ онъ. Въ заключеніе Стасовъ просилъ исполнить вторую часть изъ симфонической сюиты „Антаръ“ Римскаго-Корсакова, сказавъ: „Сыграйте, — орды, татарскія орды“; разумѣется, и это желаніе было исполнено: А. К. Глазуновъ и Ф. М. Блуменфельдъ сыграли ее въ четыре руки, также какъ и другія вещи, потребованныя Стасовымъ—III-ю часть „Антара“ и скерцо изъ I-ой симфоніи Бородина. Старику былъ очень радъ. За ужиномъ мы сидѣли съ нимъ рядомъ. Онъ былъ бодръ, хотя нельзя сказать, чтобы очень оживленъ.

Приблизительно въ то же время, въ мартъ и апрѣль (а можетъ быть, и осенью 1906 г.) я разъ забѣжалъ къ Н. А. Римскому-Корсакову по какому-то дѣлу, не надолго передъ обѣдомъ, часовъ около пяти. Мы сидѣли въ кабинетѣ Н. А. и разговаривали. Вдругъ раздался звонокъ и вошелъ Стасовъ. Онъ былъ

необыкновенно кипучъ и сразу сталъ говорить и говорить, не давая времени никому вставить своего слова. Н. А. усадилъ его въ кресло, и онъ продолжалъ говорить, положительно захлебываясь, дѣлая частыя отступленія въ сторону, но не забывая въ концѣ концовъ возвратиться къ первоначальной темѣ. „Ну, хорошо, да — послѣ, а вотъ вернусь къ тому, что хотѣлъ вамъ сказать... Я сегодня читалъ новый рассказъ (Льва Толстого). Ну, что это за восторгъ: представьте, какая свѣжесть, — пошлите сейчасъ же купить этотъ сборникъ, называется „Кругъ чтенія“. Тамъ все прочее — разный наборъ, часто неинтересный, но среди всего — этотъ рассказъ“. Мы долго слушали и только спустя порядочное время узнали, что рѣчь идетъ про „Ягоды“.

Когда я черезъ нѣсколько дней прочелъ рассказъ Толстого, я совершенно согласился со Стасовымъ и понялъ его восторгъ, но развѣ не удивителенъ этотъ восторгъ, этотъ энтузіазмъ, это почти юношеское увлеченіе у восьмидесятилѣтняго старца, убѣденнаго сѣдинами, ученаго, погруженнаго въ изслѣдованіе орнамента, разныхъ археологическихъ находокъ, человѣка, прожившаго жизнь, богатую разнородными впечатлѣніями, и не только не успѣвавшего пресытиться ею, устать отъ нея, а еще болѣе ее цѣнищаго и лишь сознательнѣе ею любующагося?!

Запасъ жизни и энергіи у Стасова былъ по истинѣ колоссальный, и онъ старался перелить ее и въ другихъ. Никакія мрачныя событія, никакое горе не могло парализовать эту его энергію, его бодрый и въ общемъ всегда свѣтлый взглядъ на жизнь.

Въ тяжелое время 1904 — 5 гг., время разгара политическихъ волненій въ Россіи и отчаянной борьбы за народныя права, Стасовъ наблюдалъ, радовался, когда правда и справедливость торжествовали, скорбѣлъ, когда они попирались, но весь въ политику не уходилъ, и въ это мрачное время для искусства, отодвинутаго на задній планъ, заброшеннаго, забытаго, находилъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы поддерживать на должной высотѣ въ себѣ и въ другихъ интересъ и дѣеспособность къ искусству.

— Да, тяжело, — говорилъ онъ въ отвѣтъ на жалобу о потерѣ энергіи къ труду въ области искусства, о подавленности настроенія, вызванной ужасной дѣйствительностью. — Что дѣлать-съ. Нужно держать себя въ рукахъ. Есть кое-что и по-важнѣй текущей политики...

Питавшій отвращеніе къ рабству во всѣхъ его видахъ, начиная отъ грубаго физическаго подчиненія чужой волѣ и кончая

подслуживаніемъ или тонкой лестью къ сильнымъ міра сего, будучи человѣкомъ прямымъ, способнымъ часто на рѣзкость въ выраженіи своихъ мнѣній, но совершенно неспособнымъ пойти на компромиссъ со своею совѣстью, онъ душой былъ на сторонѣ русскаго общественнаго и народнаго движенія за освобожденіе личности отъ произвола и насилія всякаго рода. Считая моментъ благоприятнымъ, онъ принялся за сочиненіе о Чаадаевѣ, которое, къ сожалѣнію, такъ и не окончилъ, оставивъ его безъ заключенія. Онъ хотѣлъ издать письма къ нему А. И. Герцена, написать свои воспоминанія о немъ. Но онъ не былъ оптимистомъ въ политикѣ: онъ не переоцѣнивалъ прогрессивныхъ общественныхъ силъ. Онъ не ожидалъ скорого подъема такой очистительной народной волны, которая снесла и смыла бы сразу старый государственный строй. Онъ не вѣрилъ въ быстрое осуществленіе выставленныхъ народомъ задачъ, хотя и страстно желалъ этого для своей горячо любимой родины. За свою долгую жизнь онъ могъ видѣть, какъ медленно, путемъ упорной, неустанной борьбы, цѣною многочисленныхъ жертвъ, двигалось у насъ дѣло раскрѣпощенія личности и какъ послѣ каждаго незначительнаго завоеванія на пути прогресса наступала томительная, всегда жестокая реакція.

И Стасовъ не обольщалъ себя розовыми надеждами.

Рѣже я бывалъ у Стасова на квартирѣ и при томъ на послѣдней— „на Пескахъ“, какъ онъ говорилъ и какъ раньше называли эту часть города, а по нынѣшнему—на 7-ой Рождественской улицѣ (д. № 9). Въ эту квартиру (№ 7) Стасовъ перѣхалъ лѣтъ за семь до своей смерти.

Жилъ онъ по-прежнему съ братомъ Александромъ и со вдовой и дочерью брата Николая, скончавшагося, кажется, въ 1879 году.

Квартира была довольно помѣстительная и заключала около шести комнатъ. Изъ небольшой передней направо была небольшая комнатка, служившая ему спальней и кабинетомъ. Налѣво была гостиная—просторная комната въ три окна. Здѣсь на одной стѣнѣ висѣлъ чудный портретъ его сестры Надежды Васильевны, а на другой—не менѣе чудесный портретъ его самого—оба поясные—работы И. Е. Рѣпина ¹⁾. Здѣсь же находилась и небольшая статуэтка И. Гинцбурга, изображавшая Стасова, облокотившагося правой рукой на конторку, въ русскомъ костюмѣ—въ

¹⁾ Теперь они проданы, первый въ Третьяковскую галерею въ Москвѣ, второй—въ музей Александра III-го въ С.-Петербурѣ.

русской рубашкѣ, подпоясанной узенькимъ поясомъ, въ шароварахъ и въ высокихъ сапогахъ. Въ этомъ костюмѣ онъ любилъ ходить дома и не чуждался яркихъ цвѣтовъ. Онъ надѣвалъ, на примѣръ желтую рубашку, голубые шелковые шаровары и красные сафьяновые сапоги и подпоясывался красивымъ поясомъ съ кистями. Этотъ костюмъ чрезвычайно шелъ въ его большому росту и всей статной фигурѣ, съ открытымъ лицомъ и съ большой бѣлой бородой. Сильно ошибся бы тотъ, кто бы подумалъ, что ношеніемъ русскаго костюма Стасовъ позировалъ или оригинальничалъ, или хотѣлъ устроить своеобразную патріотическую демонстрацію. Никогда бы не подумалъ этого тотъ, кто хорошо зналъ Стасова. Онъ не мирился ни съ какимъ притворствомъ и фальшью. Ему просто нравился національный костюмъ, какъ все русское, и онъ его находилъ красивымъ и удобнымъ. Въ подобномъ костюмѣ изобразилъ его и И. Е. Рѣпинъ на одномъ изъ своихъ портретовъ. Въ такомъ костюмѣ являлся онъ и передъ своими гостями, собиравшимися у него обычно по воскресеньямъ, какъ установилось еще въ домѣ его родителей. Большое общество собиралось обыкновенно у Стасова, кромѣ того, въ день его рожденія, 2-го января, и въ день именинъ, 15-го іюля, на дачѣ. Здѣсь можно было встрѣтить артистовъ, художниковъ, музыкантовъ, литераторовъ. Устраивалась обыкновенно музыка.

Послѣдніе годы Стасовъ собиралъ часто многочисленное, но избранное общество. Когда пріѣзжалъ изъ Москвы Ѳ. И. Шалляпинъ, тогда царило необыкновенное оживленіе и энтузіазмъ. Но больше всѣхъ не уставалъ восхищаться самъ Стасовъ. Шалляпинъ исполнялъ неподражаемо почти весь столь любимый и цѣнный хозяиномъ вокальный репертуаръ, главнымъ образомъ Даргомыжскаго и Мусоргскаго и рѣже — другихъ композиторовъ новой русской школы.

Стасовъ обладалъ на рѣдкость крѣпкимъ организмомъ и почти не хворалъ всю жизнь до самыхъ послѣднихъ лѣтъ.

Но, не смотря на его удивительную подвижность, энергію и бодрость, еще лѣтъ за десять до смерти появились предостерегающіе признаки. Въ это время въ Библиотекѣ случился съ нимъ легкій нервный ударъ, и братъ Дмитрій Васильевичъ привезъ его домой въ полубезчувственномъ положеніи. Болѣзненное состояніе очень скоро прошло, казалось, совершенно безслѣдно. Стасовъ не потерялъ ни энергіи, ни своей подвижности. Онъ по-прежнему ѣздилъ за-границу, въ Москву, въ Ясную-Поляну къ Л. Н. Толстому. Послѣдній разъ онъ ѣздилъ къ Толстому въ

1904 г. вмѣстѣ съ И. Я. Гинцбургомъ. Но это была уже его послѣдняя поѣздка.

Въ концѣ 1904-го года ударъ повторился, и на этотъ разъ сильнѣе. Стасовъ пролежалъ нѣсколько дней въ постели, но когда я, узнавъ объ этомъ, приходилъ его навѣстить и поздравить съ днемъ рожденія, 2-го января 1905-го года, я нашелъ его уже бодрымъ, хотя и не въ прежней степени, но сидящимъ вмѣстѣ со всѣми за обѣденнымъ столомъ и раздѣляющимъ общее радостное настроеніе. Затѣмъ онъ сдѣлался здоровъ и энергиченъ, какъ прежде, и я его много разъ видѣлъ какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ продолжалъ бывать въ Библиотекѣ каждый день, продолжалъ работать надъ новыми сочиненіями.

Хотя Стасовъ былъ еще достаточно крѣпокъ, чтобы вести вполне самостоятельную, дѣятельную жизнь въ Петербургѣ, ѣздить въ Библиотеку, бывать въ концертахъ безъ провожатаго, но совершать далекихъ поѣздокъ онъ уже не могъ, о чемъ съ сожалѣніемъ жаловался мнѣ передъ наступленіемъ лѣта 1906-го года.

Зайдя какъ-то въ это время въ Библиотеку, я засталъ его прибирающимъ, съ помощью одного близкаго ему лица, всѣ свои книги и бумага на столѣ, рассортировывающимъ ихъ и укладывающимъ въ портфель все, что нужно было взять съ собой—въ Старожиловку. Лѣтомъ Стасовъ не сидѣлъ сложа руки. Онъ занятъ былъ статей о Чаадаевѣ, редактировалъ, по просьбѣ Н. А. Римскаго-Корсакова, французскій переводъ либретто „Садко“ Мишеля Делинъ, отнявшій массу времени и труда, сталъ готовить къ изданію повѣсть М. М. Антокольскаго „Изаакъ“, гдѣ рисуются бытъ и нравы еврейской молодежи, работалъ надъ давно задуманнымъ обширнымъ сочиненіемъ „Разгромъ“, въ которомъ хотѣлъ разгромить добрую часть художественной критики чуть ли не съ XVIII вѣка, но успѣлъ написать только двѣ главы; наконецъ, онъ занятъ былъ своими воспоминаніями и, какъ всегда, текущей перепиской.

Въ концѣ августа Стасовъ возвратился въ Петербургъ, и зимняя жизнь началась. Какъ и прежде, онъ просаживалъ подолгу въ Библиотекѣ, и я въ теченіе сентября снова много разъ былъ здѣсь у него.

Въ началѣ сентября, въ одно изъ обычныхъ воскресеній, Стасовъ собралъ къ себѣ гостей. Приѣхалъ Шаляпинъ, только-что вернулся изъ-за границы Римскій-Корсаковъ. Настроеніе у хозяина было бодрое, оживленное, какъ всегда. Оно передавалось и всѣмъ присутствовавшимъ. Всѣ восторгались по-прежнему удивительно-чудеснымъ исполненіемъ Шаляпина произведеній Му-

соргскаго. Онъ исполнилъ также и „Пророкъ“ Римскаго-Корсакова, написанный на стихотвореніе Пушкина, и нѣкоторыя другія произведенія русской вокальной музыки, любимыя Стасовымъ. Онъ выступилъ на этотъ разъ и какъ чтець, прочтя еще не напечатанную тогда вещь своего друга Максима Горькаго— „Городъ желтаго діавола“.

— Не правда ли, вѣдь онъ еще лучше читаетъ, чѣмъ поетъ? — замѣтилъ Стасовъ, обращаясь къ Римскому-Корсакову, увлекшись этимъ чтеніемъ и принявшись расхваливать Шаляпина. Но какъ ни нравилось Римскому-Корсакову чтеніе Шаляпина,—съ замѣчаніемъ Стасова онъ не согласился. Не показываетъ ли этотъ фактъ, какъ способенъ былъ еще увлекаться Стасовъ, въ послѣдніе дни своей жизни? Не переставалъ онъ восхищаться и женской красотой, къ которой во всю свою жизнь питалъ большую слабость. Въ томъ же сентябрѣ онъ съ большимъ воодушевленіемъ рассказывалъ мнѣ, и при томъ не разъ, съ какой красивой женщиной познакомилъ его тогда одинъ его пріятель. Съ ней, судя по рассказамъ, ему пришлось встрѣтиться въ обществѣ не одинъ разъ.

Нѣсколько разъ, хотя ненадолго, я заходилъ къ Стасову тогда на квартиру по поводу одной его работы. Это бывало вечеромъ, часовъ около восьми. Разъ, переговоривъ, о чемъ было нужно, у него въ кабинетѣ, я собирался уже уходить, какъ Стасовъ остановилъ меня словами:

— Пойдите, я покажу вамъ мой новый халатъ, недавно подаренный. Но только вы выйдите на минуточку въ переднюю, пока я его надѣну... Ну, теперь пожалуйста...—И онъ предсталъ передо мной, стоя въ халатѣ съ очень довольнымъ видомъ. Халатъ былъ великолѣпный; онъ походилъ на древній русскій боярскій костюмъ и очень шелъ къ его могучей фигурѣ. Само собой разумѣется, что я не преминулъ ему это сказать.

Послѣдній разъ я видѣлъ Стасова еще совсѣмъ здоровымъ въ Библиотекѣ въ концѣ сентября и узналъ отъ него, что на дняхъ должна быть напечатана его полемиическая статья противъ двухъ статей, появившихся лѣтомъ по поводу исполнившагося пятидесятилѣтняго юбилея со дня смерти Шумана. Этого композитора Стасовъ очень цѣнилъ и любилъ, а статьи были написаны безъ знанія дѣла, и одна изъ нихъ, вдобавокъ, еще силлась во многомъ умалить значеніе Шумана. Объ этомъ намъ пришлось бесѣдовать и ранѣе.

Статья Стасова, подъ заглавіемъ „Дружескія поминки“, появилась въ газетѣ „Страна“ 28 сентября. Я прочелъ ее въ тотъ

же день, порадовался искусству писателя, силѣ и убѣдительности его аргументовъ, а также остроумію и твердому, сокрушающему, хотя и болѣе спокойному, чѣмъ прежде, тону и юмору автора.

Прошло всего нѣсколько дней. Я собирался лично повидать Стасова. Вдругъ узнаю, что онъ сильно заболѣлъ.

Отправляюсь къ нему и застаю его въ постели, въ тяжеломъ положеніи.

Оказалось слѣдующее. Еще въ субботу, 30-го сентября, онъ чувствовалъ себя здоровымъ, много говорилъ, всѣмъ интересовался. Днемъ былъ въ Библиотекѣ, а весь вечеръ провелъ дома и до часу ночи читалъ своимъ домашнимъ вслухъ біографію Л. Н. Толстого, написанную Бирюковымъ. Въ воскресенье, въ девятомъ часу утра, прислуга зашла въ его комнату, чтобы подать газеты, которыя онъ имѣлъ обыкновеніе просматривать еще въ постели, и нашла его въ полубезсознательномъ состояніи. Онъ говорилъ, но слова можно было разобрать плохо и не сразу. Лѣвая сторона была парализована. Послали за докторами. Въ разное время перебивали у постели больного П. Я. Розенбахъ, Г. Ю. Явейнъ и Н. Ф. Борхсениусъ, не оставлявшій больного до самой смерти. Положеніе больного сразу было признано чрезвычайно серьезнымъ, угрожающимъ жизни. Тѣмъ не менѣе, сначала была надежда на улучшеніе. В. В. лежалъ на правомъ боку и, повидимому, не страдалъ физически. Онъ прекрасно узнавалъ не только своихъ домашнихъ, но и приходившихъ навѣстить его. Визиты, однако, пришлось запретить, такъ какъ больному былъ предписанъ полный покой. Но В. В. не былъ спокоенъ. Онъ не разъ принимался говорить, но говорилъ съ трудомъ. Уставъ, онъ часто подавалъ знакъ подать ему бумагу и писалъ карандашомъ каракули, которыя все же можно было разобрать. Онъ тревожился разными дѣлами, которыхъ онъ не успѣлъ сдѣлать, онъ проявлялъ заботливость о другихъ.

Дм. Вас. Стасовъ рассказываетъ, что, вызванный телеграммой изъ Боровичей, куда онъ ѣздилъ на нѣсколько дней на уѣздное земское собраніе, онъ въ воскресенье 1-го октября засталъ брата въ сознаніи, но въ безпокойномъ состояніи. В. В., между прочимъ, очень тревожился, что ему назначено было въ среду прибыть въ жандармское управленіе по дѣлу одного арестованнаго юноши, а вотъ онъ боленъ и не можетъ. Этотъ юноша-еврей, очень талантливый, жилъ года два подъ-рядъ у него на дачѣ и былъ арестованъ въ квартирѣ, въ которой при обыскѣ были найдены чуть ли не бомбы. Юноша же былъ совершенно невиненъ. В. В. зналъ это и уже ѣздилъ ранѣе хло-

потать за него, и вотъ теперь тревожился. Мысли объ этомъ юношѣ переплетались у него съ заботами о постановкѣ ограды на могилѣ Антокольскаго—тоже предметъ его заботъ за послѣднее время. Какъ трогательны эти тревоги и заботы о другихъ у человѣка, который самъ нуждался и въ заботахъ, и въ помощи!

Около недѣли находился В. В. въ одинаковомъ положеніи, пока не случился съ нимъ новый ударъ, приведшій его въ безпамятство и отнявшій у него двигательныя способности.

Десятаго октября, около девяти часовъ вечера, я былъ у него и засталъ его на кровати, вынесенной на середину гостиной. В. В. лежалъ прямо подъ люстрой на спинѣ и тяжело дышалъ и хрипѣлъ. Глаза были закрыты. Жизнь еще билась въ могучемъ организмѣ. Крѣпкое, сильное сердце долго не сдавалось. Но это была уже агонія. Въ 10 часовъ вечера В. В. скончался на рукахъ убитыхъ горемъ его домашнихъ и родныхъ.

Дм. Вас. Стасовъ рассказываетъ, что, по странному стеченію обстоятельствъ, желаніе Стасова объ освобожденіи изъ заключенія невиннаго юноши исполнилось непосредственно передъ его смертью.

Юноша пришелъ прямо изъ Петропавловской крѣпости къ постели умирающаго Владиміра Васильевича.

Григорій Тимофеевъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ

МАКАРКИ

ПОВѢСТЬ.

I.

Наступала весна. Въ воздухѣ появились синія краски и невидимая теплота цѣлый день разѣдала завалившій улицу снѣгъ. Сугробы осѣдали и становились рыхлѣй. Отчетливѣй вырисовывались безлиственные деревья, появились лужицы воды на дорогѣ. Зима доживала послѣдніе дни. Въ деревнѣ торопились развязаться съ зимней работой.

У Савельевыхъ теали. Въ избѣ стояли два стана и совсѣмъ загромождали ее. Столъ придвинули къ коннику, и трудно было пробраться къ печкѣ.

Дѣвки — Оенька, восемнадцатилѣтняя толстуха, и на два года помоложе ея Машка — стучали набилками отъ утра до вечера. Иногда ихъ смѣняла мать. Макарку, гулявшего всю зиму безъ дѣла, теперь тоже заставляли работать; то посылали въ сарай за сѣномъ, то велѣли привезти воды. А когда онъ, управившись на дворѣ, показывался въ избу, — мать усаживала его за кругъ и велѣла сучить цѣвки.

— Привыкай, въ Москву пойдешь, шпули такъ мотать будешь.

— Съ кѣмъ я пойду? — сдерживая вздохъ, проговорилъ Макарка, вспоминая объ умершемъ осенью отцѣ, который по зимамъ ходилъ на фабрику.

— Съ вороной... Прицѣпимъ тебя къ хвосту, она и снесетъ, по крайности дома хлѣба ѣсть не будешь.

Мать сказала это грубо. Небольшая, крѣпкая, съ краснымъ мясистымъ лицомъ и маленькими живыми глазами, она всегда была груба съ тѣми, кого не любила. А Макарку она не любила, какъ не любила покойнаго его отца. Отецъ и сынъ были похожи другъ на друга, какъ двѣ капли „всѣ лычки обрѣзочки“. И какъ Савелій былъ „незадашный“ и только обременялъ собою семью, до тѣхъ поръ, пока не умеръ, такимъ, мать думала, будетъ и Макарка. Макарка не помнилъ отъ нея ни ласки, ни теплаго слова. Она всегда обращалась съ нимъ срыву, часто награждала шлепками.

Дѣвки, болѣе похожія на мать и болѣе любимыя ею, тоже обходились съ нимъ, какъ съ забѣжавшей на дворъ чужой собачонкой.

Несмотря на обычный тонъ матери, Макарка не обидѣлся. „Ну, что-жь“, — съ радостью думалъ онъ. Онъ тамъ такъ устроится, мое почтение! онъ будетъ стараться работать и зарабатывать деньги; тогда увидать, что онъ несовсѣмъ неспособный, а, можетъ быть, лучше Оеньки съ Машкой.

При мысли о Москвѣ у него всегда замѣтнѣе билось сердце. По рассказамъ покойнаго отца, Макарка представлялъ Москву самымъ лучшимъ, что было на свѣтѣ. Тамъ всѣ живутъ въ фабрикахъ, а фабрики эти каменные, и въ нихъ всегда тепло; ѣдятъ тамъ всякій день жирныя щи и кашу съ саломъ, и кто ни живетъ—всѣмъ деньги платять.

Макарка старался насучить цѣвку, какъ можно лучше, всякая цѣвка по его и выходила хорошей и казалась ему, какъ курицѣ яйцо, а дѣвки были недовольны.

— Ну, что ты насадилъ? — какъ я такого борова въ чепокъ всажу?—ворчала Оенька, а Машка въ это время бросала набилки и смѣялась. И за этимъ часто случалось, что какая-нибудь изъ дѣвокъ вылѣзала изъ-за стана и принималась сама сучить цѣвки. Макарка краснѣлъ, глаза его наливались слезами, онъ забивался въ уголъ и, понутивъ голову, глядѣлъ, какія теперь выходили цѣвки,—цѣвки, по его мнѣнію, были не лучше.

„Придираются“, — думалъ Макарка, и слезы текли изъ его глазъ. Эта несправедливость казалась ему невыразимо обидной. Онъ не понималъ, отчего къ нему такъ неласковы дѣвки. Вѣдь онъ еще маленькій, ему всего одиннадцать годовъ; можетъ быть, онъ выйдетъ лучше всякаго, когда выростетъ.

И онъ начиналъ грезить, какъ онъ пойдетъ въ Москву, будетъ стараться и покроетъ всю домашнюю нужду, что гдѣла изъ всякой щели, и онѣ увидятъ, что онъ хотя и похожъ на отпа—да не такой. У того все изъ рукъ валялось, а у него и зубами не вырвешь.

Задумывался онъ о будущемъ все чаще и чаще; забывалъ всѣ обиды, что получалъ отъ домашнихъ, не замѣчалъ и не чувствовалъ наступавшей весны, яркаго, теплаго солнышка, проталинъ, скворцовъ и жаворонковъ. Его ровесники носились по улицѣ, какъ сорвавшіеся съ цѣпи, копались въ лужахъ, устраивали запруды, мосточки, гоняли по канавкамъ плоты, грѣлись гдѣ-нибудь на припекѣ,—Макарка же былъ занятъ одной мыслью, когда и какъ его отправить въ Москву.

Выяснилось все на Пасхѣ. Къ Пасхѣ въ деревню пришли москвичи, и на второй же день Макаркинъ крестный, Павелъ Демидовъ, зашелъ провѣдать свою куму. Онъ жилъ на фабрикѣ круглый годъ, приходилъ домой только къ Пасхѣ и не зналъ еще подробно, какъ умеръ Савелій.

Павелъ былъ небольшой, коренастый, ходилъ съ перевалкой и говорилъ всегда съ улыбкой. Похристосовавшись со всѣми, онъ сѣлъ на лавку и, заложивши нога за ногу, сталъ спрашивать, какъ они живутъ.

Мать рассказала, какъ тогда пришелъ домой отецъ, какъ думали, что онъ уйдетъ „съ водой“, а онъ протянулъ до осени. Какъ онъ послѣдній разъ заважлялся и у него хлынула кровь.

Павелъ выслушалъ это, слегка вздохнулъ и, подумавши, спросилъ:

— А крестникъ какъ?

— Крестникъ что-жъ... бѣгаетъ безъ дѣла, да сапоги топчетъ. Думаю въ Москву послать.

— Что-жъ, хорошее дѣло,—степенно одобрилъ Павелъ.—Въ Москвѣ теперь можно устроиться. На зиму труднѣе, а теперь возьмутъ.

— Ты его не возьмешь ли?

— Ну, что-жъ, сведу; куда только?

— Къ Матренѣ сестрѣ. Она у нѣмцевъ живетъ за Смоленскимъ, небось знаешь?

— Какъ не знать... Ну, что-жъ, справляй, отведу. Нужно къ дѣлу приучать... всѣ пить, ѣсть хотятъ. Пойдешь что-ли въ Москву-то?—спросилъ крестный Макарку.

— Пойду,—улыбаясь, отвѣтилъ Макарка.

— Вотъ и молодецъ. Вотъ тебѣ пятачокъ на бабки. Небось, бабокъ-то нѣту.

— Гдѣ-жъ у него быть. Нѣшто онъ когда выиграетъ. Такую простоту и поменьше обыгрываютъ.

— А ты приучайся. Глазъ вѣрнѣй наставляй и чтобы въ рукѣ тверже. И мѣться-то всегда въ одно гнѣздо. Какъ попадешь въ серединку — оно и раскочится. Другой разъ полкωνα спибеешь.

Когда крѣстный ушелъ, Макарка подаль пятачокъ матери и сказала:

— На тебѣ его, мамка.

— На чтѣ онъ мнѣ?

— На, возьми, на что-нибудь загодится. Я въ бабки играть не буду.

— Ну, подсолнуховъ купишь.

— Не надо! На, возьми.

— Мать взяла пятачокъ, и Макарка, довольный и радостный, побѣжалъ на улицу.

Съ одного раза для него открылась весна и сталъ замѣтенъ праздникъ. Мысль, что онъ пойдетъ въ Москву и станетъ на свои ноги, — окрылила его, и картины будущаго, одна другой заманчивѣе, стали носиться передъ его глазами.

Макарка вертѣлся на улицѣ, собиралъ бабки за играющими, подавалъ мячикъ во время лапты. Въ лицѣ и движеніяхъ у него появилось что-то новое.

II.

Отправлялись они въ Москву на Ооминой. Вечеромъ дѣвки пѣли всѣмъ уходящимъ изъ деревни старинную пѣсню „Ахъ, ты, Вани, разудала голова, сколь далече уѣзжаешь отъ меня“. А утромъ на разсвѣтѣ всѣ москвичи, съ котомками за плечами, выходили на конецъ деревни, собирались въ одну артель и, распростившись съ деревней, тронулись въ путь. До города пришлось идти пѣшкомъ, такъ какъ снѣгъ хотя и растаялъ, но дорога еще не просохла и по ней нельзя было ѣхать ни на саняхъ, ни на телѣгѣ. Макарка шелъ за своимъ крѣстнымъ.

Дѣвки простились съ нимъ дома, а мать проводила его до выгона. Суровымъ голосомъ и глядя на него сухими, холодными глазами, она проговорила:

— Ну, смотри тамъ у меня, живи смиреннѣй, къ дѣлу приучайся, а не баловаться.

Она нагнулась, чтобы поцѣловать его.

Макарка впился въ ея губы, охвативъ шею руками, но мать оторвала его ручонки и подняла голову.

— А ты, куманекъ, навѣдывай тамъ его, — сказала она Павлу.

— Ладно, — съ улыбкой отвѣтилъ Павелъ.

Провожавшіе вернулись домой, а москвичи пошли дальше. На небѣ расходился огромный полумракъ утренней зари, дѣлавшійся всѣ блѣднѣе и блѣднѣе. Безлистый березнякъ гребнемъ торчалъ на этомъ фонѣ; изъ него разносилось щебетанье рапникъ птицъ. Земля, подернутая инеемъ за морозную ночь, казалось, еще дремала; ее окружала такая тишина, что гулко разносился шелестъ шаговъ идущихъ москвичей. По краямъ лѣса бѣлѣли еще сугробы снѣга, но уже не такого чистаго, какъ зимой.

Въ сторонѣ слышалось курлыканье журавлей.

— Журавли прилетѣли, пахать скоро, — сказалъ кто-то впереди.

— Говорятъ, сколько застанутъ снѣга первые журавли, столько еще выпадетъ, — произнесъ другой.

— Немного застали.

— Все-таки есть.

Макарка шелъ сзади и чувствовалъ туманъ въ головѣ. Ему мало спалось ночью. Перемѣна въ его жизни занимала его мысли, и съ вечера у него пронеслися тысячи думушекъ и не давали ему заснуть. Онъ заснулъ только когда зацѣли вторые пѣтухи, и когда надо было вставать, еле продралъ глаза. И сейчасъ онъ не могъ ничего схватить отчетливо, что передъ нимъ происходило. Все было затянато какой-то сѣтвой.

— А походили мы по этой дорожкѣ! — опять сказалъ кто-то.

Пошли воспоминанія, рассказы о всякаго рода случаяхъ, вспоминались смѣшныя приключенія, за ними слѣдовали страшныя.

Въ полдень пришли въ городъ. Городъ былъ небольшой, стоялъ въ ямѣ; по срединѣ улицъ тянулась каменная мостовая, а по бокамъ мостовой шли дощатые тротуары. Вездѣ чернѣла грязь, липкая и скользкая послѣ мороза. Уставшія ноги скользили, и идти было трудно.

По срединѣ города, на площади тянулись два ряда деревянныхъ лавокъ, а каждый изъ окружающихъ площадь домовъ занималъ трактиръ и постоянный дворъ. Надъ дверями трактировъ красовались вывѣски съ нарисованными на нихъ самоварами и чайниками. У дверей и воротъ толпились люди, стояли

подводы; на подводахъ были навалены мѣшки съ овсомъ, горшки, тесовые гробы. На двухъ подводахъ Макарка увидаль живыхъ телятъ. Головы ихъ были перевѣшены черезъ грядку, и они съ отчаяніемъ глядѣли кругомъ. Такъ ихъ возили до самой Москвы. Стояло много и пустыхъ телѣгъ, онѣ предназначались для сѣдковъ. Только артель поровнялась съ однимъ дворомъ—человѣкъ шесть мужиковъ въ полубубкахъ, несмотря на тепло, съ обвѣтренными лицами, съ всклокоченными бородами, окружили и стали рядиться везти ихъ.

— До Тверской?

— До Тверской.

— Рупь съ четвертью.

— По рублю будетъ.

— Мало... дорога-то какая. Опять время... Это тоже надо понять.

— А съ ребятъ?

— Ну, съ ребятъ по три четвертака.

— Дорого, много ль въ нихъ мозгу-то.

— Ну, чаемъ напоимъ.

— Ну, ладно, Богъ съ вами.

Одинъ мужикъ, высокій и сутуловатый, вытянулъ вверхъ вьютовизище, и всѣ шестеро стали хвататься за него, плотно нажимая рукой на руку. Верхней рукъ достался сѣдокъ. Владѣлецъ ея былъ приземистый старикъ въ высокой овчинной шапкѣ съ суконнымъ верхомъ. Онъ подвелъ ихъ къ телѣгамъ. Изъ кошеля ѣли сѣно двѣ лошади—карая и рыжая.

— Вотъ какіе орлы, какъ на крыльяхъ полетать!—хвастливо сказалъ старикъ.

— Гдѣ ужъ летѣть! — вздохнувъ, вымолвилъ Павелъ:—еотомки бы довести.

— И сами будете сидѣть, — поспѣшилъ увѣрить извозчикъ.— На гору, знамо, слѣзете, а подъ гору и того...

— А когда лошади труднѣй: на гору или подъ гору?—спросилъ извозчика молодой смуглолицый парень изъ той артели, гдѣ былъ Макарка.

Извозчикъ запнулся, потомъ нашелся и сказалъ:

— Надо въ ея шекуру влѣзть, тогда и узнаешь.

Послѣ этого пошли въ трактиръ, достали деревенскихъ лепешекъ, яицъ, свинины и стали ѣсть. Ёли медленно и много, потомъ пили чай. Макарка глядѣлъ на всю обстановку съ широко раскрытыми глазами. Ему все было ново: и буфетчикъ съ лицомъ какъ булка, въ бѣлой рубашкѣ и двухбортной жилеткѣ,

и половой, носившей въ одной рукѣ по два подноса, а въ другой по шести чайниковъ, и диковинный шкафъ, изъ котораго выглядывали мѣдныя трубы и наигрывали „Надъ серебряной рѣкой“. Между трубъ блестѣли два круглыхъ блина и, шлепая другъ о другу, наполняли весь трактиръ дребезжающимъ звономъ. А на стѣнахъ висѣли картины; на картинахъ были цари, генералы, сраженья, монастыри, угодники, — Богородица въ облакахъ, Богородица съ тремя руками.

— Ты чай-то пей, чего глядишь по сторонамъ, — говорилъ ему Павелъ. — Въ Москвѣ не такія диковинки увидишь.

— А бабу-то ему придется цѣловать? — спросилъ смуглолицый парень, который задавалъ вопросъ извозчику, когда лошади труднѣе.

— Обязательно. Потому безъ этого никакъ нельзя. Если бабу не поцѣлуешь, то его въ Москвѣ не примутъ.

— Какую бабу? — простодушно спросилъ Макарка.

— Сопливую. Такъ и зовутъ — сопливая бабка.

Всѣ засмѣялись, а Макарка не зналъ — вѣрнѣе ему этому или нѣтъ.

— Сидитъ она на бо-о-льшихъ воротахъ и ѣдетъ на шести коняхъ, — сталъ описывать бабу смуглолицый. — Одной рукой править, а въ другой калачъ держать. „Вотъ, говорить, еще калачъ не проглочу, а до Питера долечу“...

— И ты цѣловалъ? — опять спросилъ Макарка.

— Какъ же! никакъ нельзя. Мускородно, а цѣлуешь.

„Ну, такъ что-жь, не помрешь отъ этого“, подумалъ Макарка и рѣшилъ: будь чтò будетъ.

— Ну, молодцы, у меня лошади готовы, какъ ваши дѣла? — сказалъ, появившійся передъ ними извозчикъ.

— Наши дѣла не всегда до-бѣла, а иной разъ и съ прочерню, — отвѣтилъ смуглолицый.

— Коли такъ, садиться можно.

— Давай садиться.

Началось увязыванье сумокъ. Взваливъ сумки на спины, москвичи потянулись къ выходу. Трактирщикъ желалъ имъ всякаго благополучія и во всѣхъ дѣлахъ успѣха.

III.

Когда сумы были уложены, подводы одна за другой выѣхали со двора и потянулись вонъ изъ города по Московской улицѣ.

Дорога шла на гору. Съдоки шагали по сторонамъ, разговаривая между собой, ребята плелись за ними. Съ Макаркою шелъ другой мальчишка, ровесникъ ему, шедшій за Москву въ подпашки. Онъ шелъ уже не первый разъ, поэтому держалъ себя шустро, просилъ у взрослыхъ покурить и хвастался, что онъ пилъ водку. Его разухабистость не нравилась Макаркѣ, и онъ держался отъ него въ сторонѣ.

— Чтò ежишься?—подзадоривалъ его подпасокъ.— Не бойся, это сперва кажется страшно, а тамъ ничего. Я бы теперь буда хошь, только бы деньги платили.

— А чтò ты съ деньгами будешь дѣлать, паршивый?—замѣтилъ смуглолицый.

— Съ деньгами-то? А у тебя ихъ много, давай мнѣ, я покажу. У меня только ротъ разинешь.

— За виски тебя.

— А ты мнѣ растилъ виски-то?

— А гдѣ мы ночевать будемъ?—спросилъ извозчика Павелъ.

— Въ Холупинѣ, братцы, въ Холупинѣ, — отвѣчалъ извозчикъ, опираясь на кнутовище и шагая сбоку вытягивавшихъ шею потныхъ лошадей.

Выѣхали на ровное мѣсто и всѣ стали садиться въ телѣги. Сѣли плотно, но все-таки кое-кому пришлось сидѣть только на грядкѣ, свѣсивъ ноги, и держаться все время на-сторожѣ, какъ бы не попасть въ колеса. На подъемахъ они соскакивали и опять шли пѣшкомъ. Такъ тянулись до самаго Холупина.

Холупино стояло на высокомъ берегу рѣки. Между его дворовъ росли старыя вербы и березы, на которыхъ, безпрестанно каркая, устраивали гнѣзда грачи. Уже спускались сумерки. На дворы надвигались вечернія тѣни, и только церковная колокольня еще ярко бѣлѣла, освѣщенная угасающей зарею, и на крестѣ дрожали и искрились остатки лучей. Мостъ снесло, и черезъ рѣку приходилось переправляться на паромѣ. Подводъ къ парому подходило много, но перевозили ихъ всего по три, перевозъ шелъ медленно. Пока дошла очередь до той подводы, гдѣ сидѣлъ Макарка, сумерки совсѣмъ окутали село, даже умолкли грачи. Только хоропроводная пѣсня молодежи неслась стройно и звучно въ вечернемъ воздухѣ и нарушала надвигавшуюся ночную тишину.

— Ко мнѣ, ко мнѣ, касатики, у меня всегда ночевали!—кричала толстая баба въ кофтѣ, подпоясанной веревкой, и съ фонаремъ въ рукахъ. У меня всѣ хорошіе люди ночуютъ. Дворъ у меня просторный, щи жирныя.

— А тараканы есть?—съострилъ и здѣсь смуглолицый.

— Нѣшто у тебя дома нѣтъ?—отвѣтила бойкая дворничиха.— Если нѣтъ, то и тараканами награжу... для заводу...

Лошади втянули телѣги подѣ навѣсъ двора, освѣщеннаго фонаремъ на столбѣ, и остановились, отдувая бока, какъ кузнечные мѣха. Отъ нихъ шелъ паръ. Извозчикъ усталилъ обѣ телѣги въ рядъ и сталъ отпрягать лошадей, а сѣдоки забрали сумки и поспѣшили въ избу занимать мѣста.

Въ просторной, какъ сарай, избѣ была настлана солома. Москвичи бросили на нее свои котомки и одни раздѣвались, другіе стоваривались идти въ трактиръ, третьи просили ужинать. А Макарукъ такъ хотѣлось спать, что онъ еле держалъ голову на плечахъ.

— Поисть-то хочешь что-ль?—спросилъ его крѣстный.

— Нѣтъ,—протянулъ Макарука.

— Ну, такъ ложись. Вотъ, забирайся подѣ лавку и ложись.

Макарука скинулъ съ себя поддѣвочку и, не разуваясь, легъ головой на сумку. И тотчасъ же заснулъ.

На другой день послѣ обѣда показалась Москва. Изъ-за лѣса въ одну прогалинку рѣзнулъ глаза огонь лучей, игравшихъ на куполѣ Храма Спасителя и задрожалъ въ туманной сивевѣ. Другіе говорили, что видѣли какіе-то дома, Симоновъ монастырь. Макарука же ничего разобрать не могъ; ему мерещилась только большая сѣрая стѣна съ неровными зубцами и горѣлъ этотъ огонь.

— А скоро мы приѣдемъ?

— Не скоро, еще двадцать верстъ.

Подводы вѣхали въ село съ чистыми, нарядными домиками, съ крашеными наличниками и палисадниками. Въ селѣ строилась большая новая церковь и обносилась каменной оградой. Чувствовалась зажиточность, почти богатство.

— Д-да, матушка Москва-то и людей кормить, и на сторонѣ жить даетъ!..

Дорога пошла подѣ гору; лошади побѣжали рысью, поднимая колесами пыль. Земля и по сторонамъ совсѣмъ просохла; уже кое-гдѣ зеленѣла молодая травка, распускались почки на деревьяхъ, мужики пахали. Дальше по сторонамъ дороги пошли дачи. Шла уборка, разбивались клумбы, сажали цвѣты. Навстрѣчу то-и-дѣло попадались ѣхавшіе господа, сытые, чистые, въ чистыхъ коляскахъ, на такихъ чистыхъ и сытыхъ лошадяхъ, что онѣ блестяли, какъ плись. И передъ этой чистотой и сытостью — обвѣтренные, заскорузлые, измятые сѣдоки, ѣхавшіе

изъ деревни въ Москву, казались такими жалкими, несчастными. Ихъ нельзя было назвать и людьми, какъ охваченные морозомъ опенки не похожи на настоящіе грибы.

— Какіе всё богатые! — не утерпѣлъ, чтобы не сказать Макарка.

— Гладкіе черти! — согласился подпасокъ: — ничего не дѣлають, живутъ.

— Нѣшто ничего не дѣлають?

— Ничего... У нихъ все прислуга. Постель ему постелеть, утромъ полотенце подастъ, самоваръ поставитъ и чаю нальетъ. Кушай, ваше степенство, да не обожгись.

— А ты видалъ, какъ господа живутъ?

— Еще бы. За Москвой ихъ прорва... На дачи выѣзжаютъ... Днемъ спать, а вечеромъ гулять выйдутъ. Самъ идетъ и барыню подъ ручку ведетъ... А то двухъ еще. А какія у нихъ собаки, стриженныя, съ ошейниками. Барыни ихъ на рукахъ носятъ... цѣлуютъ... говорятъ, ѣдятъ съ одного блюда.

— А имъ погъ причастье-то даетъ?

— Стало быть, даетъ, когда мать сыра земля носитъ.

Подѣхали къ огромному парку. Среди парка раскинулся обширный каменный домъ съ башней и на башнѣ красовались настоящіе часы, выбивавшіе всякую четверть. Переѣхали мостомъ черезъ прудъ, дорога пошла по краю сосноваго лѣса. Подводъ ткнулось уже столько, что имъ не видно было и конца.

Настроеніе у всѣхъ перемѣнилось, меньше шло разговоровъ, не стало слышно пѣсенъ и смѣха, которые часто вырывались до этого, па лица набѣжала тѣнь заботы, каждый ушелъ въ себя и ему уже меньше было дѣла до другого. Не стало разговорчивости, смѣха, шутокъ. Одни задумывались, какъ имъ удастся устроиться въ Москвѣ, вспоминали, кому кого нужно повидать, что передать. Макарка же глядѣлъ на невиданную жизнь съ удивленіемъ и любопытствомъ.

Дорога раздѣлилась на двѣ и середина ея была засажена раскидывающимися липами. Поѣхали одной стороной, которая шла по краю необъятнаго ровнаго поля. Потомъ пошли опять постройки, сады, дорогу пересѣкли рельсы; когда рельсы переѣхали, то подводы очутились около огромныхъ воротъ; наверху воротъ на лихихъ коняхъ, поднявши въ одной рукѣ круглый калачъ, летѣла та самая баба, про которую говорили, что ее нужно цѣловать. Наверху вела небольшая желѣзная лѣстница. У Макарки ёкнуло сердце и онъ оглянулся кругомъ, но сѣдоки были настолько погружены каждый въ свое, что совсѣмъ забыли создавшуюся дорогой шутку.

„Слава Богу, забыли“, — подумалъ Маварка и легко вздохнулъ.

— Ноги-то подбирай, чего вытянулъ! — сердито кривнулъ на его крѣстнаго рыжеусый солдатъ съ красными веревочками на плечахъ и съ саблей на боку. Павелъ торопливо подобралъ ноги и закинулъ ихъ въ телѣгу.

IV.

Несмотря на долгую ѣзду по тряскому шоссе, сидѣнье въ телѣгѣ съ подогнутыми ногами, отчего ломило всѣ члены, Маварка не чувствовалъ усталости или забылъ про нее. Онъ шагаль за крѣстнымъ по тротуару и съ раскрытымъ отъ удивленія ртомъ глядѣлъ на лавки, магазины, дома. Все тутъ было такъ непохоже на то, что онъ до сихъ поръ видѣлъ. По улицѣ тянулись двухъ-этажныя коробки огромныхъ размѣровъ, и въ нихъ сидѣли люди наверху и внизу. Люди въ безчисленномъ количествѣ шли имъ навстрѣчу, обгоняли ихъ, многіе съ любопытствомъ взглядывали на него съ крѣстнымъ и шли дальше. Потомъ пошли дома еще выше и богаче. Они какъ будто стиснули удицу и сдѣлали ее уже: по ней конки не ходили, но пѣшеходы текли рѣвой.

Прошли одну площадь, подошли къ другой, попались ворота въ два пролета съ часовней по срединѣ; за воротами развернулась площадь очень широкая, съ одной стороны которой тянулась высокая кирпичная стѣна, а въ концѣ возвышалась расписная разными красками церковь. Потомъ они подошли къ мосту черезъ широкую рѣку, Маварка спросилъ:

— Крѣстный, это Москва-рѣка?

— Москва-рѣка.

Перейдя мостъ, они свернули направо и пошли новой улицей, уже не такой оживленной, какъ первая. Въ концѣ этой улицы направо возвышалась огромная каменная труба, выше деревенской церкви, а около нея красѣла другая, круглая, желѣзная. Трубы окружали бѣлые кирпичные корпуса съ безчисленнымъ количествомъ оконъ. Это и была та фабрика, на которой работалъ крѣстный.

Ворота фабрики стояли на запорѣ. Въ будѣ у калитки сидѣлъ дворникъ въ бѣломъ фартукѣ и съ мѣдной бляхой на картузѣ и, держа на растопыренныхъ пальцахъ блюдечко, пилъ чай. Павелъ поклонился дворнику и прошелъ въ ворота.

На мощеномъ дворѣ ходили рабочіе, каменщики, плотники

въ холстиновыхъ фартукахъ. Молодой мужикъ въ пиджакѣ распорядился ими. У одного угла стояли два господина въ бѣлыхъ валеныхъ воротничкахъ и въ шляпахъ и о чемъ-то говорили между собой.

— „Нѣмцы“! — шепнулъ мальчику крѣстный и, снявши картузь, низко поклонился. Одинъ изъ нѣмцевъ, съ рыжими усами, дотронулся до козырька круглой фуражки, другой же совсѣмъ не замѣтилъ поклона.

Пройдя дворъ поперекъ, крѣстный направился въ низкую широкую дверь и сталъ подниматься по каменной лѣстницѣ на первый этажъ. Черезъ другую такую же дверь они вошли въ обширное помѣщеніе съ окнами на двѣ стороны, обставленное нарами изъ голыхъ досокъ. На этихъ нарахъ кое-гдѣ были раскинута постели, сидѣли люди кучками и въ одиночку, но далеко не всѣ мѣста были заняты.

Павель увѣренно прошелъ въ одинъ уголь, сбросилъ сумку на пустыя доски и сталъ раздѣваться.

— Демидычу почтенье, съ пріѣздомъ! — крикнули Павлу изъ одной кучки, помѣщавшейся на другой сторонѣ спальни.

Знакомые стали перекидываться съ нимъ словами. Но были и незнакомые. Къ Пасхѣ на фабрикѣ давали общій расчетъ; одни оставались въ деревнѣ, другіе переходили на другія фабрики, поэтому вновь вмѣстѣ съ старыми приходило много новенькихъ. Павель, разговаривая, скинулъ съ себя поддѣвку, потомъ сапоги; сбросивъ портянки, онъ полѣзъ подъ нары, досталъ оттуда заплеванныя опорки и сунулъ въ нихъ ноги. Потомъ выдвинулъ оттуда же небольшой деревянный сундучокъ, отперъ его висѣвшимъ на поясѣ ключикомъ и досталъ жестяной чайникъ.

— Вотъ я сейчасъ пойду, чайку заварю... Да раздѣвайся что-ли. Дальше мы никуда не пойдемъ, здѣсь и ночуемъ, а утромъ тамъ поглядимъ... Утро вечера мудренѣе.

Макарка нѣхотя разстегнулъ крючки у своей поддѣвочки и сталъ ее скидывать. Ему не хотѣлось ни раздѣваться, ни оставаться здѣсь. Онъ совсѣмъ не такъ представлялъ себѣ московское житье. Спальня страшила его своей неуютностью. Шевелившіеся въ разныхъ мѣстахъ люди казались такими озабоченными, какъ сѣдови, подѣвзжая къ Москвѣ. У нихъ не было той простоты, какъ въ деревнѣ, гдѣ у человѣка часто что на умѣ, то и на языкѣ. Темныя тѣни лежали на всѣхъ лицахъ, и они напоминали Макареѣ ихъ старосту, который ругалъ всегда его отца и гонялся за ребятами, если они забивались въ чужой горохъ или разводили огонь въ лѣсу.

Макарка робко оглядывался кругомъ, боясь глядѣть прямо въ лицо, несмотря на любопытство. Неясное, давящее чувство закрадывалось ему въ сердце. Неужели онъ будетъ жить среди такихъ людей, среди которыхъ нѣтъ ни одного близкаго сердцу? И дома у него послѣ отца нивого не было, но тамъ хоть знакомые углы. Есть мѣста, въ которыхъ поднимаются сладкія воспоминанія.

Крестный принесъ чайникъ кипятку, отъ котораго шелъ паръ, и уголь мягкаго поздраватаго хлѣба съ блестящей кориценовой коркой. Поставивъ это на сундучокъ, онъ проговорилъ:

— Ну, давай-ка поправляться. Гляди, здѣсь хлѣбъ-то какой, не какъ у насъ въ деревнѣ.

Хлѣбъ былъ дѣйствительно вкусный, а горячій чай такъ пріятно согрѣвалъ внутри, но чувство, запавшее на душу Макарки, все еще не проходило. Онъ разсѣянно глядѣлъ по сторонамъ. Крестный тоже былъ озабоченъ и мало говорилъ. Когда напились чаю, онъ убралъ посуду и сказалъ:

— Ну, когда-то у насъ пріемъ начнется, да на что поставить, на сатинъ или кашемиръ?

— А ты ложись, — посоветовалъ онъ Макаркѣ; — сътъ и слава Богу.

Макарка подвинулъ свою сумку къ стѣнѣ, сбросилъ сапожки и легъ на голыя нары. Сверху онъ накинулъ поддѣвочку. Несмотря на простоту ложа, Макарка не чувствовалъ никакого неудобства, всѣ члены его сладко заняли послѣ дороги. Усталость сказалась такъ, что когда онъ немного полежалъ, ему уже трудно было шевельнуться. Но все-таки ему не спалось, билось сердечко и стучало въ вискахъ; тяжесть, сдавившая ему грудь, все не проходила, и онъ не зналъ, какъ отъ нея освободиться. Москва и фабрика, такъ заманчиво казавшіяся ему издали, когда онъ увидѣлъ ихъ, такъ испугали его, точно онъ попалъ въ клѣтку страшнаго звѣря. Звѣрь еще не показывалъ ему своихъ зубовъ, но Макарка чувствовалъ, что ему съ нимъ будетъ не сладко, а между тѣмъ убѣжать отъ него нельзя и покричать некому. Былъ бы отецъ — совсѣмъ другое дѣло.

И тѣмъ дальше, скопилось больше горечи. Она подступала къ горлу, и ему хотѣлось плакать. Онъ прислушался, что дѣлалъ крестный. Крестный лежалъ навзничъ, закинувъ руки назадъ и положивши ладони подъ голову, и тоже не спалъ. Онъ тоже, должно быть, думалъ о звѣрѣ, хотя онъ зналъ уже, какъ съ нимъ обходиться, и ему легче вырваться изъ клѣтки.

Въ сердцѣ у Макарки закипѣло. Онъ увидѣлъ себя покину-

тымъ, одинокимъ, котораго никому не жалко; отъ него хотять отдѣлаться и послали сюда. То его спихнула съ шеи мать, а завтра страхнетъ крѣстный. Сведутъ къ какой-то теткѣ, а она, можетъ, такая же, какъ мать.

Макаркѣ стало жалко себя, и онъ заплакалъ. Слезы поднимались у него изъ глубины души и давили горло. Онъ рыдалъ глухо, какъ воетъ скучающая собака. Несмотря на то, что онъ закуталъ полою свою голову, крѣстный все-таки слышалъ его.

— Ты что это, дурашка? а? Али скучно стало? Вотъ тебѣ нѣ! Только ввалился, какъ слезами залился.

Макарка ничего не сказала, зато теперь, чувствуя, что ему уже нѣтъ возможности скрываться, далъ волю своимъ слезамъ.

— Ну, будетъ, перестань! Вотъ утромъ къ теткѣ сведу, она тебя приголубитъ. На первыхъ порахъ, знамо, скучно. Это со всѣми бываетъ, а потомъ обойдется.

„Нѣтъ, не обойдется,—думалъ Макарка.—Какъ мнѣ здѣсь жить одному, съ кѣмъ слово сказать“?...

V.

Утромъ Павелъ съ Макаркою пошли къ его теткѣ.

Павелъ говорилъ мальчику названіе улицъ и замѣчательныхъ мѣстъ, провель черезъ Кремль, гдѣ они дивились на соборы, дворцы, царь-колоколъ, царь-пушку. Спустившись въ однѣ ворота, изъ Кремля они пошли по новымъ улицамъ.

Они долго шли и подошли къ Москвѣ-рѣкѣ. Черезъ рѣку налѣво тянулся длинный мостъ, огороженный въ клѣтку широкими полосами, а направо былъ изгибъ рѣки; по ту сторону постройки были рѣдкія, низкія, перемежались пустымъ мѣстомъ; по эту-же—дома были частые и большіе. Изъ-за нихъ росли вверхъ высокія трубы. Особенно великія трубы видѣлись вдаль на холмѣ, и корпуса тамъ поднимались высокіе, черныя сѣтвой безчисленныхъ оконъ.

Они прошли немного по берегу и остановились у однѣхъ воротъ. Ворота, какъ и вездѣ, были заперты. Оволо нихъ, какъ и у той фабрики, гдѣ они ночевали, стояла будка, а въ будкѣ сидѣлъ рябой мужикъ съ мѣдной бляхой на картузѣ.

— Кого надо?—поднимаясь, спросилъ сторожъ, обинувъ взглядомъ мужика и мальчика.

— Пошли, сдѣлай милость, Матрену-Монашку,—попросилъ Павелъ.

Сторожъ провелъ рукой по бородѣ, расправилъ усы и, выйдя изъ будки, пріотворилъ калитку и сталъ глядѣть во дворъ. Вотъ тамъ что-то мелькнуло, и сторожъ крикнулъ:

— Эй, милый, бѣжи-ка въ женскую спальню, да спосылай Матрену-Монашку!

Онъ захлопнулъ калитку и опять влѣзъ въ будку.

А Павелъ стоялъ задумчиво, засунувъ руку въ карманъ.

Макаръ глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ на холмѣ, какъ крѣпость, возвышались огромныя постройки. Павелъ поглядѣлъ на него и сказалъ:

— Три горы—это, вонъ, Прохоровскіе корпуса, а это, вишь, часть...

— А что же это за рога?—спросилъ Макарка.

— На нихъ шары вѣшаютъ, когда пожаръ. Днемъ—шары, а ночью—фонари. А изъ этого мѣста—показалъ Павелъ на круглый куполь—ученые звѣзды считаютъ; какъ ночь, такъ они выставляютъ подворныя трубы и считаютъ.

— Да, вотъ считаютъ, считаютъ, а никакъ не сочтутъ,—замѣтилъ сторожъ:—не дается имъ Господня планета.

— А вонъ тамъ внизу Зоологическій... Зимой тамъ бѣга бываютъ, а лѣтомъ всякое звѣрье... Вотъ сходишь когда-нибудь, поглядишь.

— Коль пятнадцатый приготовишь, а то и погодишь,—опять вмѣшался сторожъ.

— Заработаетъ,—увѣренно сказалъ Павелъ:—затѣмъ и въ Москву пришелъ, чтобы деньги зарабатывать.

За калиткой послышались торопливыя шаги. Щельнула щеколда—калитка отворилась, вышла средняго роста женщина, худая, съ продолговатымъ лицомъ, покрытымъ веснушками. На головѣ ея былъ накинута черная платокъ, а на плечахъ ватная юфта. Она съ удивленіемъ глядѣла на пришедшихъ, не узнавая ихъ. Павелъ снялъ картузь и, улыбаясь, проговорилъ:

— Здорово, землячка, небось не узнаешь, мы съ Надѣина... Вотъ это твоей сестрицы сыночекъ.

— Какой сестрицы?

— Устиньи.

— Это Савелья покойника?

— Да-а.

— Ахъ, ты, батюшки!.. Ну, здравствуй!

Она подошла къ Макарею и поцѣловала его тонкими, холодными губами.

— Въ Москву пришелъ?

— Прислала мать. На твое попеченье... Може, говорить, придѣлать.

Матрена глядѣла на мальчика, но ничего не выражалось на ея безкровномъ лицѣ, потомъ проговорила:

— Очень онъ малъ, да худъ-то. Какъ его въ контору-то вести?

— Къ резинщикамъ возьмутъ; тамъ и такой справится.

— Стой у машинки, да гляди,—далъ совѣтъ сторожъ.

— Попробовать свести... что скажутъ... Какъ тебя звать-то?

— Макарка.

— Ну, пойдѣмъ, Макарушка; сумку-то пока здѣсь оставь, контора-то она вотъ гдѣ.

Макарка снялъ съ плечъ котомку и, передавъ ее крѣстному, пошелъ за Матреной.

Дворъ былъ меньше, чѣмъ на той фабрикѣ, гдѣ жилъ крѣстный, и сама фабрика была не такъ велика. Налѣво возвышался двухэтажный корпусъ съ огромными окнами; въ концѣ корпуса была кочегарка и поднималась высокая желѣзная труба, окрашенная въ коричневую краску; за кочегаркой по забору лежали наваленныя дрова, длинныя, толщиною въ половину бревна, а направо тянулось зданіе съ кухней, спальнею, кладовыми. Контора помещалась въ особнякѣ, выходившемъ на улицу.

Въ конторѣ за разными столами сидѣли нѣсколько молодыхъ людей и что-то писали. Тетка подвела его къ небольшому человѣку въ кожаной курткѣ, съ большими усами на маленькомъ лицѣ, курившаго фарфоровую трубку съ душистымъ табакомъ; поклонившись ему, тетка проговорила:

— Здравствуйте, Германъ Карловичъ. Не возьмете ли вы мальчика за машинку?

Мастеръ уставился на Макарку черными глазами, съ минуту глядѣлъ прямо въ лицо ему, потомъ проговорилъ:

— Мальшикъ очень плохъ. Онъ слабый...

— Ничего, онъ выносливый; въ нуждѣ жилъ. У него отецъ фабричный былъ, да померъ.

Мастеръ взялъ Макарку за подбородокъ, открылъ ротъ и поглядѣлъ ему въ зубы. Потомъ отнялъ руку и проговорилъ:

— Карашо, пишите, Николай Борисовъ.

— Покорѣйше васъ благодарю! поклонилась опять Матрена мастеру и подвела Макарку къ столу конторщика.

Конторщикъ, худравый, съ бойкими глазами, взглянулъ на Макарку, открылъ книгу и спросилъ:

— Какъ звать?

Макарка отвѣтилъ.

— Пачпортъ.

Макарка вынулъ изъ кармана поддѣвки свое свидѣтельство и подалъ конторщику.

— Ступайте.

Матрена и Макарка вышли снова за ворота.

— Ну, приняли, слава Богу!—заявила Матрена.

— Слава Богу!—согласился и Павелъ.

— Теперь пойдемте спрыски сдѣлаемъ. Вы подождите маленько, я сейчасъ выйду—въ трактиръ сходимъ.

Матрена ушла и вернулась минутъ черезъ десять. Она была въ свѣжемъ платьѣ, драповой кофтѣ и новомъ платьѣ на головѣ. Въ этомъ нарядѣ она казалась миловиднѣй.

— Ну, пойдемте.

Они пошли какими-то переулками, пока не вышли на перекрестокъ съ огромнымъ диваго цвѣта зданіемъ. Здѣсь и былъ трактиръ. Поднялись по лѣстницѣ, вошли въ огромную темную залу, уставленную столами и стульями. Ящикъ съ трубами былъ гораздо больше, чѣмъ у нихъ въ городѣ, и половые всѣ въ бѣломъ.

— Чайку прикажете?—подскочилъ одинъ къ нимъ.

— Три пары,—сказала Матрена.

VI.

Когда напились чаю, Павелъ распростился съ Матреной и крестникомъ и пошелъ къ себѣ, а Макарку Матрена повела съ собой.

— Знала я твоего отца хорошо,—говорила Матрена дорогой.—Больно онъ плохъ былъ, ни въ чемъ ему не задавалось. Какъ только онъ на свѣтѣ жилъ! Тебѣ его жалко?

— Жалко.

— Жалѣть всѣхъ нужно и поминать почаще. Покойнику молитва—одно утѣшенье.

— Я поминаю.

— Молитвъ-то много знаешь?

— Три молитвы.

— Надо больше знать, весь началъ... Ты читать-то умѣешь?

— Нѣтъ.

— Какъ же такъ? Безъ грамоты человекъ, какъ безъ глазъ. Надо учиться. Я вотъ женщина, да и то знаю, и Бога благо-

дарю. Черезъ грамоту я знаю, какъ святые отцы жили, какъ преподобныя жены себя спасали, и мнѣ легко. Я въ міру безъ опаски живу... И сестры твои не знаютъ?

— Нѣтъ.

— Слепыя. Въ слѣпотѣ и сгибнуть. Вотъ, говорятъ, на фабрикахъ скоро училища будутъ. Смотри, учись тогда...

— Только бы допустили.

— А что, на фабрикѣ трудно работать?—спросилъ, немного спустя, Макарка.

— Будешь стараться—не трудно. Тутъ все машины.

— И ты за машиной?

— И я... за самоткацемъ.

— А давно ты работаешь?

— Давно, съ малолѣтства. Сперва въ моталкахъ, а тамъ присучать выучилась и за станокъ стала.

— А какъ это присучаютъ?

— А вотъ увидишь, когда фабрика пойдетъ.

Матрена сначала провела его въ мужскую спальню. Эта спальня была много тѣснѣй, чѣмъ у крѣснаго, но народа въ ней тоже было немного; на нарахъ между постелей фабричныхъ пестрѣли пустыя мѣста. При входѣ ихъ съ первыхъ наръ поднялся небольшой, худощавый фабричный въ бѣлой крапинкамъ рубашкѣ и двухбортной жилеткѣ, взглянулъ на Макарку и спросилъ:

— Здравствуйте, Матрена Ильинишна, къ намъ что-ли?

— Къ вамъ. Племянникъ мой, сиротинка, несмышлёнокъ еще. Гдѣ бы мнѣ его получше помѣстить?

— Вонъ тамъ ребята-то спятъ, съ ними и пускай ложится.

— А они озорничать не будутъ?

— Ну, вотъ...

Они подошли къ углу, гдѣ было устроено нѣсколько постелей, и положили сумку рядомъ на пустое мѣсто. Это было недалеко отъ окна, выходившаго на дворъ. Напротивъ, на стѣнѣ висѣли большіе часы съ мѣднымъ широкимъ маятникомъ и звучно отбивали удары. Нѣсколько кучекъ ткачей, молодыхъ и старыхъ, занимались кто чѣмъ. Одни — играли въ карты, другіе читали; около того окна, гдѣ они остановились, сидѣло трое мальчиковъ; одинъ былъ въ ситцевой рубашкѣ, а двое въ самотканыхъ, грязные, видно, тоже недавно пріѣхавшіе изъ деревни. Макарка пытливо взглянулъ на нихъ, ребята обратили на него вниманіе.

— Вотъ еще новенькій!—сказалъ мальчикъ въ ситцевой рубашкѣ, самый большой изъ троицы.

— Смотрите, не обижать его у меня, а то уши надеру! — погрозила Матрена.

— Затѣмъ обижать, нешто вздуемъ когда, только и всего, — воскликнулъ другой мальчишъ съ копной бѣлокурныхъ волосъ на головѣ и втянутыми щеками.

— Вздуетъ своими боками!

Изъ всѣхъ троицъ Макарей больше всего понравился послѣдній, коренастый, съ черными блестящими волосами и веснучатымъ лицомъ. Онъ глядѣлъ на него безъ всякой насмѣшки, а скорѣе участливо.

— Вотъ сейчасъ пойдемъ въ сторожу, ряднину попросимъ, а кучеръ соломки дастъ, и постель будетъ, — сказала Лаврентій.

— Похлопочи, Лаврентій Ивановичъ, а я подушечку ему принесу, у меня есть лишняя.

Черезъ нѣсколько минутъ у Макарей была постель съ подушкой. Въмѣсто одѣяла должна была служить поддѣвка. Сумка висѣла надъ головой на стѣнѣ. Рядомъ съ нимъ помѣщался черноволосый, котораго звали Мишеа; средній, Похлебникъ, и старшій, Митяйка, спали напротивъ, на другихъ нарахъ.

— Ну, вотъ и знай свое мѣсто, — сказала Матрена, — а сейчасъ пока пойдемъ, у меня посидимъ.

Пошли въ женскую спальню, которая была въ этомъ же корпусѣ на другой лѣстницѣ. Она была очень похожа на мужскую, съ такими же окнами, нарами, только нары всѣ были застланы постелями, подушками, одѣялами яркихъ цвѣтовъ или изъ лоскутковъ, на стѣнахъ висѣли иконы, платья, завѣшанные платками. Подъ нарами торчали сундуки. Здѣсь было тѣсно и шумно, во всѣхъ углахъ сидѣли женщины и дѣвушки; онѣ шили, штопали, говорили, пѣли пѣсни.

— Смотрите! — крикнула одна дѣвушка въ кумачевой рубашкѣ и французскомъ сарафанѣ, мясистая, съ черными бровями и карими глазами, очень красивая, только говорила она въ носъ. — Монашеѣ сына подвинули!

— Гдѣ, плѣха? — подняла голову другая.

— Вонъ, гляди... Только какой плохонькій, видно — недоносекъ.

— Ахъ, ты, голубчикъ, давайте его откармливать.

Макареа шелъ сквозь строй восклицаній и шутокъ; шутки ему были неприятны. Обидѣлась и тетка, у нея стало суровое лицо, и она проворчала:

— Озорницы, имъ бы зубы скалить. — Она сбросила съ себя кофту и сѣла на постель, подобравъ подъ себя ноги, а Макареа

услыся на краю нарѣ. Они стали говорить о деревнѣ, о матери и нуждѣ, какъ померъ отецъ.

Разговоръ увлекалъ обоихъ. Тетя вспоминала деревню, въ которой она давно-давно не была, а Макарка—только-что минувшіе дни. Онъ забылъ, что онъ въ Москвѣ, гдѣ все ему кажется такимъ днѣмъ и чужимъ, какъ онъ плакалъ вчера съ вечера.

Но это забылось только пока они говорили; когда же день прошелъ, Макарка ушелъ на свое новое мѣсто и остался одинъ среди равнодушныхъ къ нему и чужихъ ему людей. Ему опять стало такъ же скучно, какъ вчера; какъ вчера, подступали къ горлу слезы.

VII.

Макарка улегся спать всѣхъ прежде. Ему нечего было дѣлать среди чужихъ людей, занятыхъ всякій своимъ и которыхъ Макарка почему-то боялся. Онъ пригрѣлся и было задремагъ, какъ сбоку у него зашевелилось, и слабый, не совсѣмъ чистый голось спросилъ Макарку:

— Мальчикъ, а мальчикъ, какъ тебя звать?

Макарка откинулъ поддѣвку, покрывавшую ему лицо, и повернулъ голову. Его спрашивалъ лежавшій съ нимъ рядомъ Миша.

— Макарка.

— Ты впервой въ Москвѣ-то?

— Впервой.

— И я впервой. Меня тятка привезъ, онъ въ ѣздокахъ здѣсь живетъ.

— Ты когда жъ пріѣхалъ-то?

— Третьёвось.

— Вы какъ ѣздите, на подводахъ, аль на машинѣ?

— На машинѣ.

— А къ намъ машина не ходитъ. Мы на подводахъ, — съ сожалѣніемъ проговорилъ Макарка.

— Ты что будешь дѣлать?

— Шпули мотать, только я не умѣю.

— И я не умѣю. Похлебкинъ говорить—легко.

— А онъ нешто вашъ—Похлебкинъ-то?

— Нашъ. Онъ уже третій годъ живетъ. Бойкій.

— Не дерутся здѣсь твачи-то?

— Похлебкинъ говорить—нѣтъ. Это хорошо. Я очень не

люблю, когда за уши таскають. Лучше голову ты мнѣ оторви, а за уши не трогай.

— И за волосы не сладко.

— За волосы ничего, выдеруть, еще выростуть. У меня дома братишка есть поменьше меня, а такой бѣдовый, онъ за пятакъ дается. Дай ему пятакъ и берись за волосы, а онъ повернется и вывернется.

— Что-жь, онъ дома остался?—спросилъ Макарка, и дремота съ него свалилась и ему уже не хотѣлось спать.

— Дома. Машкѣ на помощь.

— А еще кто у тебя есть?

— Сестренка Матрешка четырехъ годовъ—бѣдовая... Такая погонялка—куда ты, туда и она; и ее зимой все на салазкахъ катаѣ.

— А у насъ маленькихъ нѣту, — вздохнувъ, заявилъ Макарка.

Мишка пропустилъ это мимо ушей и, увлеченный воспоминаніями, продолжалъ:

— Велѣла ей наряду принести, а если, говорить, не принесешь, я съ тобой водиться не буду.

— Дѣвочки—онѣ ласковыя.

— Ужъ очень ласкова. Мы поѣхали на станцію, она съ мамой провожать насъ увязалась... всю дорогу братцемъ звала. Дома, бывало, Мишкой, а тутъ—братецъ.

— А опричь Похлебкина ваши деревенскіе есть?

— Нѣту. Да лучше. Похлебкинъ, вонъ, свой, да хуже чужого, и Митяйка озорникъ—все рвануть хочеть. Большіе, какъ женихи, а съ маленькими влзутся.

— У насъ тоже въ деревнѣ Филька есть,—вспомнилъ Макарка про одного деревенскаго драчуна:—ни къ чему привяжется, а отколотить.

— Самихъ, знаешь, не били,—вздохнувъ, проговорилъ Мишка.

Мишка замолчалъ, а Макарка ушелъ въ воспоминанія о прошломъ. Вспомнился Филька, который отколотилъ его вскорѣ послѣ похоронъ отца, и больно стиснуло ему сердце. „А вотъ его не отдадутъ въ Москву!... Вотъ бы пришелъ сюда, тутъ не сталъ бы ни за что, ни про что драться. Тутъ и тебѣ укороту-бы дали“.

Въ такихъ думахъ Макарка заснулъ и видѣлъ во снѣ деревню. Будто бы стояла весна и цвѣла черемуха, а ребятишки наломали ольховыхъ и березовыхъ прутьевъ въ дровахъ и сгноили облѣившихъ молодыя деревья шершней. Макарка на одномъ

стволѣ увидалъ, вмѣсто жука, уцѣпившагося Фильку и сталъ бить его. Онъ билъ, а Филька ругался, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. То, что Филькѣ было больно, задорило Макарку, и онъ стегалъ ожесточеннѣй. Вдругъ Филька сорвался съ мѣста и шлепнулся на землю. И Макарка увидѣлъ, что вмѣсто Фильки передъ нимъ выросла мать. У Макарки похолодѣло въ груди, выпалъ изъ рукъ пруть, и онъ проснулся...

Когда Макарка понялъ, что это было во снѣ, сладко улыбнулся, потянулъ на себя поддѣвочку и опять заснулъ.

Утромъ онъ пошелъ къ теткѣ. Матрена сидѣла на нарахъ, передъ ней на сундукѣ стоялъ чайникъ и посуда, она поджидала Макарку. Напившись чаю, Макарка сталъ осматривать дворъ. Онъ ближе подошелъ къ кочегаркѣ и взглянулъ въ открытую дверь. Тамъ стояли двѣ огромныя печки съ топками, въ которыя вошло бы по большой кадкѣ. Топки были внизу въ ямѣ, а наравнѣ съ землей поднимались верхи печей. Потомъ онъ подошелъ къ большому двухъ-этажному корпусу, гдѣ шла фабричная работа. Внизу, за окнами, въ хорошія ворота величиною, стояли машины резинщиковъ, а вверху помѣщались самоткаціе станки. Корпусъ былъ запертъ и въ немъ была тишина. Макарка подошелъ опять къ спальнѣ и встрѣтилъ Митяйку.

— Что шляешься?—спросилъ онъ Макарку полупшутя, полусерьезно.

— На дворѣ глядѣлъ.

— Погляди, погляди. А въ бабки играть умѣешь?

— Нѣтъ.

— И въ свайку?

— И въ свайку нѣтъ.

— Э, плохой ты!—и пошелъ отъ Макарки прочь.

На дворъ выходили твачи, другіе ребята. Въ углу заводили игру въ бабки. Постарше присаживались, кто на лѣстницѣ, кто на подоконникѣ, и глядѣли на играющихъ, вели разговоры. Изъ кучерской выбѣжалъ Мишка и, увидавъ Макарку, подошелъ къ нему.

— Ты что здѣсь сидишь, пойдемъ за кочегарку.

— Пойдемъ,—согласился Макарка.

Они забрались на дрова. За заборомъ, утыканнымъ желѣзными гвоздями, былъ чей-то дворъ съ садомъ, въ саду распустались листья, разные кусты. Въ одномъ мѣстѣ какой-то человѣкъ копалъ грядку, а возлѣ него стояла маленькая дѣвочка въ розовомъ платьѣ и глядѣла, какъ онъ работалъ. Съ полѣнницы

открывался видъ на Три-горы, они увидали опять ту фабрику, про которую говорилъ Магаркѣ крѣстный, другія строенія въ той части, и ниже—какіе-то луга; на одномъ изъ нихъ двигалась цѣлая толпа людей.

— Солдатъ учать,—объяснилъ Мишка.

Они просидѣли на дровахъ до обѣда, потомъ пошли въ кухню. Кухня была внизу того корпуса, гдѣ помѣщались спальни; въ ней тянулись длинныя, деревянные столы и скамейки; позади стояла большая печь, былъ вмазанъ кубъ, а около куба стоялъ огромный чанъ съ водой. Къ двѣнадцати часамъ стали собираться фабричныя и разсаживаться за столы. За столъ сѣлись по десяти человекъ; на эту артель подавалась огромная деревянная красная чашка щей и доска съ вареной говядиной. Говядину крошили на мелкіе куски и валяли въ чашку. Потомъ одинъ изъ старшихъ стучалъ ложкой по боку чашки, и всѣ, перекрестившись, начинали таскать говядину. Ребята ѣли пустяги, имъ говядины не полагалось. За щами шла крутая гречневая каша, политая саломъ. Наѣвшись, ребята пошли изъ кухни, а кухарь, рыжій солдатъ, съ подстриженной бородой, сталъ убирать со столовъ.

VIII.

Черезъ нѣсколько дней корпусъ отперли и фабрику пустили въ ходъ. Утромъ, въ половинѣ пятого, надъ коцегаркой раздался пронзительный свистокъ. Спальня зашевелилась. Подымались всѣ съ лохматыми головами, мятными лицами, у ребятъ были слипшіеся глаза. Всѣ спѣшили зачерпнуть воды деревяннымъ ковшомъ и умыться. Умывшись, навидывали на себя какую-нибудь одежку и, покрывая, спускались съ лѣстницы и шли въ корпусъ.

Корпусъ былъ длинный и высокій, какъ сарай. По срединѣ его, вдоль, тянулись желѣзные столбы, а по сторонамъ стояли громоздкія и хитрыя машины. Надъ ними вертѣлись уже пущенныя въ ходъ желѣзные валы со шкивами. Такіе же шкивы были придрѣланы у машинъ, и верхніе шкивы съ нижними соединялись ремнями. Въ концѣ корпуса, за деревянной перегородкой, въ четырехугольной ямѣ, въ которую вела лѣстница, помѣщалась паровая, приводившая въ движеніе весь корпусъ. Уже двигалась огромная стальная рука и вертѣла маховое колесо такихъ размѣровъ, какого Магарка еще не видывалъ. Рядомъ съ маховикомъ было колесо поменьше, съ него сверху бѣ-

жалъ широкій кожаный ремень и вертѣлъ другое колесо, укрѣпленное на длинномъ стальномъ валу. Этотъ валъ тянулся черезъ весь корпусъ, съ него шла передача по всей фабрицѣ.

Машинки, къ которымъ поставили мальчиковъ, стояли у наружной стѣны паровой. Устройство ихъ было очень простое. На каждомъ станкѣ было шесть веретенъ, на веретена нужно было надѣвать деревянные шпульки, на эти шпульки наматывались съ катушекъ гарусъ или бумага. Были даже приспособлены проводочные крючки, которые водили нитку во время наматыванья отъ края до края. Мальчикамъ нужно было только во-время вставить катушку, снять намотавшуюся шпульку и поставить опять пустую. Показывать, какъ это лучше дѣлать Макареѣ, велѣли его смѣшницею, Ваньѣ, бойкому и насмѣшливому мальчику. Ванька нѣскольکو разсказалъ ему, какъ что дѣлать, и ушелъ.

Макареѣ было трудно приноровиться къ дѣлу сразу, и онъ не могъ, какъ другіе, ни вставить шпульку, ни снять ее. Они выходили у него какія-то неуклюжія. Митяева или Похлебкинъ, бывшіе съ нимъ въ одной смѣнѣ, глядѣли на него и смѣялись. Къ этому же тѣачи одинъ за другимъ пускали свои машины, и въ корпусѣ поднялся такой грохотъ, что нельзя было разобрать, что говорятъ. Это еще болѣе сбивало съ толку Макарку, и онъ растерялся окончательно.

Миша тоже сталъ за машинку первый разъ, но у него дѣло наладилось скорѣе. Макарка съ завистью поглядывалъ на него и разрывался отъ досады на свои неудачи.

Когда шпульки наматывались, ихъ снимали и ставили на боронку. Боронки брали тѣачи. Нужно было, чтобы боронки всегда были полныя, иначе тѣачи сердились и ругались. Макарка никакъ не могъ загнать боронокъ, и тѣачамъ приходилось его ждать.

— Ну, привыкай, привыкай,—сказалъ Макареѣ скуластый, съ прямымъ проборомъ тѣачъ:—сперва немного пообождемъ, а тамъ и того... не обезсудь... Вотъ такъ будемъ подгонять...—И онъ всей пятерней схватилъ Макарку за волосы; у Макарки сразу же брызнули слезы.

— За что ты его?—какъ будто бы участливо спросилъ скуластаго другой тѣачъ, безъ бороды и сутуловатый Семень.

— За волосы.

— Вижу, что за волосы, да зачѣмъ?

— Для порядку.

— Для порядку нужно таскать да приглаживать.

И онъ, въ свою очередь, провелъ рукой по головѣ такъ, что у Макарки поднялся шумъ въ ушахъ.

— Плачешь?—сказалъ, подходя къ Макареѣ, Митяйка. — Москва слезамъ не вѣрить. Плачь, не плачь, а дѣлать дѣло нужно.

А дѣло все не выходило. Наступила смѣна, а у него, къ смѣнѣ, почти всѣ боронки оказались пустыя.

— Ты чтѣ же это, паршивый чортъ, мухъ ловишь? Смотри у меня—и я тебѣ то же буду дѣлать!—ругнулъ его Ванька.

Макарка ничего не сказалъ и печально пошелъ изъ корпуса.

— Ну, чтѣ, дается дѣло-то?—спросила его Матрена.

— Нѣтъ,—насунившись, прошепталъ Макарка и готовъ былъ заплакать.

— Ну, ничего, наладится, всѣ вѣдь по маленьку привыкали, сразу ни у кого не выходило...

Макарка немного утѣшился, но все-таки все время ходилъ насунившись, сторонился отъ другихъ и со страхомъ ждалъ того времени, когда наступитъ новая смѣна.

Подошло время идти смѣнять; Макарка пришелъ въ корпусъ и опять сталъ за свои машинки. Въ это время къ нему подошелъ Лаврентій.

— Ну, чтѣ, не ладится? А ты—вотъ какъ! гляди...

И онъ сталъ показывать Макареѣ, какъ обращаться съ шпульками и катушками, какъ уставлять крючки. Случилось, что у него всѣ машинки пошли въ ходъ сразу, шпульки наматывались, а онъ стоялъ, сложивши ручки.

— Видишь, и дѣлать нечего. Ничего не трудно...

Но только онъ ушелъ, у Макарки опять разладилось, и эта смѣна для него вышла такъ тяжела, что когда она кончилась, то ему не хотѣлось идти ужинать. Онъ хотѣлъ пройти прямо въ спальню, лечь на свою постель и, закрывшись съ головой, вылить въ слезахъ досаду на свою неудачу, но Мишка его уговорилъ:

— Пойдемъ, будетъ тебѣ, на хлѣбъ сердиться нечего.

Послѣ ужина другіе ребята остались на дворѣ, гдѣ молодежь пѣла пѣсни, а ребяташки играли въ ловички. Макарка же прямо легъ и вскорѣ крѣпко и тяжело заснулъ и проспалъ безъ всякихъ сновидѣній.

IX.

Послѣ полуночи въ спальню прибѣжали его смѣнщики, Ванька и другой шпульникъ, Савка рыжій, и, идя по проходу и дергая за ноги всѣхъ спящихъ, кричали:

— На смѣну! На смѣну!

„Что такое?“ — подумалъ Макарка и не понималъ.

— Вставай, братъ, на смѣну пойдемъ! — сказалъ Похлебкинъ.

Но Макарка не хотѣлось вставать; рядомъ съ нимъ сидѣлъ и почесывался Мишка. Онъ было-опять уткнулся въ подушку и натянулъ на голову поддѣвочку, но Митяйка схватилъ его за ногу и крикнулъ:

— Чего нырять-то, выплывай, а то мы пойдемъ, а ты спать будешь.

Макарка, чуть не хныча, сползъ съ наръ и, пошатываясь, побрелъ къ ведру съ водой, чтобы умыться.

Съ дурной головой, безъ мысли и съ тяжестью на сердцѣ Макарка пришелъ въ корпусъ, гдѣ гремѣли машины, блестя желтымъ огнемъ вонючія керосиновыя лампы и пахло масломъ, употреблявшимся для смазки машинъ. Половина бороновъ была пустая, нужно было ихъ заставлять. Макарка быстро надѣлъ на веретена шпульки, шпульки завертѣлись и быстро начали толстѣть. Макарка глядѣлъ на нихъ, и у него слипались глаза, ротъ раздирало отъ зѣвоты, и онъ готовъ былъ упасть на полъ и сейчасъ же заснуть. Митяйка, который стоялъ на боковой машинѣ и управлялся съ восемью веретенами, вдругъ подергался къ нему и брызнулъ на него изо рта водой. Макарка вздрогнулъ отъ испуга, но съ него сонъ соскочилъ. Ему стало немного легче, и онъ вскорѣ заставилъ всѣ бороны.

Около двери въ паровую стоялъ большой ящикъ; въ него складывали „рвань“, которая получалась съ катушекъ, съ испорченныхъ шпуль. Эту рвань копчили для чистки машинъ. Шпульники иногда забирались въ этотъ ящикъ и спали тамъ. Сейчасъ къ нему подошелъ Похлебкинъ и забрался въ него.

— Ну, вы поработайте, а я посплю, а потомъ я посплю, а вы поработайте.

Макарку разбирала зависть. Вотъ счастливый! Хоть бы на минутку вздремнуть теперь, а тогда бы за двѣнадцать веретенами глядѣть... И ему вспомнилось, что есть люди, которымъ не нужно вставать по ночамъ. Они спятъ до свѣта и не испытываютъ такихъ мукъ, какія испытываетъ онъ... „Когда большой выросту, ни за что не буду на фабрику жить; пойду куда хочешь, только не на фабрику“...

Мишка тоже страдалъ отъ вставанья по ночамъ. За одну недѣлю онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ, подъ глазами у него появились синіе круги. Онъ, какъ только приходилъ вечеръ, ста-

рался скорѣе ложиться и засыпать. Онъ теперь меньше разговаривалъ съ Макаркою,—очевидно, ему было только самому до себя.

Макарка же, на бѣду, не всегда могъ сразу засыпать. Ему мѣшали одолѣвавшія его послѣднее время думы. Онъ наплывали на него всегда, какъ только онъ прикасался головой къ подушкѣ, и долго не давали покоя. Больше всего ему думалось, какая жизнь его ждетъ въ будущемъ. Фабрика съ каждымъ днемъ дѣлалась ему противнѣе. Не по нутру ему были люди, работа и больше всего, конечно, то, что ночи не спать. Тутъ вѣдь не спать и малые, и старые. Не только фабричные, а и тѣ, кто живетъ въ сторожахъ. Одинъ сидитъ у воротъ, другіе ходятъ по двору. И тамъ тоже такъ строго. По двору въ разныхъ мѣстахъ были вставлены особые часы, и эти часы нужно было заводить каждый часъ. Если бы кто изъ нихъ проспалъ и не завелъ часы, то часы остановились бы, а сторожу записали бы штрафъ.

Все чаще и чаще Макарка вспоминалъ, какъ онъ прежде думалъ о своей жизни. Прежде онъ думалъ, что вотъ онъ вырастетъ большой, выучится работать, будетъ пахать, а зимой—возить овесъ въ городъ; лошадей онъ заведетъ крупныхъ, сбрую съ ошейниками. Онъ купитъ себѣ теплый тулупъ съ мехомъ, волосатымъ воротникомъ и лосиные рукавицы. Еще у него будетъ суконная жилетка и карманные часы. И все до мельчайшихъ подробностей выплывало въ памяти Макарки...

Иногда эти мечты смѣнялись другими. Его отдадутъ въ слесаря. Онъ научится мастерству и будетъ такимъ искуснымъ, что сможетъ сдѣлать любую машину. И эти машины сами будутъ скидывать и надѣвать шпули, другія—безъ лошади ѣздить зимой и лѣтомъ. Захочешь по водѣ—и по водѣ поплыветъ.

„А то пойду въ солдаты, — вдругъ рѣшалъ Макарка, — въ солдатахъ такъ буду воевать, что меня сдѣлаютъ наибольшимъ. Позовутъ меня тогда къ себѣ самъ царь и скажетъ: „Макарка, чего ты хочешь?“ — а я ему скажу, чтобы Мишку на работѣ ослобонить, а на его мѣсто прислать изъ деревни Фильку... А скуластаго гвача сослать въ Сибирь“.

Больше этого Макарка не могъ использовать своего могущества. Но и это его удовлетворяло, и онъ, успокоенный такими думами, засыпалъ.

X.

А вокругъ развѣртывалась весна. Около Трехъ-горъ между строеніями зазеленѣли цѣлые острова деревьевъ. Становилось такъ тепло, что не нужно было одѣваться, и ребята на дворѣ бѣгали въ однѣхъ рубашкахъ. Потягивало выбѣжать за ворота и повалиться на травѣ, по берегу рѣки, но за ворота выходить въ будни не разрѣшали. Если кому была неотложная нужда, то онъ долженъ былъ выпросить въ конторѣ пропускъ, и тогда только ему позволяли выйти. Макарка съ Мишкой часто забирались на дрова и, глядя, какъ за заборомъ уже распускается сирень, а гдѣ тогда копалъ человѣкъ, что-то всходить—говорили о деревнѣ:

— Въ деревнѣ, небось, теперъ щавель на лугу,—мечтательно говорилъ Мишка.

— А у васъ есть щавель?—спрашивалъ Макарка.

— Есть... Большой... Особенно по оврагамъ гѣтухи такіе... красноголовые...

— А у насъ ихъ столбунцами зовутъ.

— У насъ еще ягода родится... земляника... У насъ тамъ господскіе лѣса валятъ—такъ они, братецъ мой, по пнямъ-то...

— И у насъ ягода есть и малина. Потомъ пьяница съ черникой... въ болотахъ.

— Въ болотахъ клюква.

— Клюква и черника... А грибы у васъ есть?

— У-у!—и Мишка закрылъ глаза.—Вотъ сколько. Подолами таскаемъ.

— И у насъ грибы. Лѣтомъ хорошо. Можно ничего не дѣлать, а ходи грибы собирай. Насобираешь, продашь—вотъ и деньги.

— За деньги у насъ на поденщину ходятъ. Пойдешь на барскій дворъ и зарабатываешь—когда пятнадцатый, когда двугривенный.

— Зачѣмъ ты въ Москву пошелъ?

— Отецъ взялъ. Онъ говоритъ, къ дѣлу нужно готовиться...

— А въ деревнѣ—не дѣло? Тоже сколько хошь...

— Въ деревнѣ оброкъ платить...

— А тутъ тракторы. Нѣшто мало въ тракторахъ-то прожываютъ.

— Я въ тракторъ не ходилъ. Меня отецъ не беретъ. Онъ и дома чай пьетъ, а мнѣ не даетъ.

— Я пилъ чай. Отъ чая хмеленъ не будешь. Вотъ вино не хорошо,—убѣдительно сказалъ Макарка.—Я пьяныхъ боюсь вотъ какъ, глядѣть не хорошо... рветъ ихъ.

— Зато у пьянаго силы прибавляется. Эна какіе храбрые, да и веселые. Пѣсни поютъ.

— Пѣсни и такъ поютъ...

— Я бы въ деревню сейчасъ поѣхалъ,—вдыхая, проговорилъ Мишка.

— И я...—сказалъ Макарка и печально замолчалъ.

Этотъ разговоръ растревожилъ ему сердце. Онъ вспомнилъ, что въ деревнѣ его стрясли съ шен; вернись онъ — пожалуй, и не примуть. Мальчишка охватила глубокая грусть.

„Что бы это такое сдѣлать, чтобы меня мама съ дѣвками полюбили?“—мелькнуло у него въ головѣ.

Его не любили за то, что онъ напоминалъ отца. А отецъ былъ слабый, неспособный. И въ немъ подналось желаніе быть сильнымъ, шустрымъ, способнымъ. Онъ мгновенно забылъ отвращеніе къ работѣ за машинной, бессонныя ночи и загорѣлся желаніемъ скорѣй втянуться въ дѣло, чтобы всѣ теачи имъ были довольны и онъ сталъ бы первымъ шульникомъ. Молча они спозали съ косура дровъ и молча разошлись. Мишка побѣжалъ въ кучерскую, къ отцу, а Макарка зашелъ въ кочегарку, потомъ сталъ бродить подъ окнами корпуса. Онъ бродилъ и думалъ: какъ же это ему сдѣлать, чтобы быть ловкимъ и шустрымъ? Съ такимъ желаніемъ онъ и заснулъ вечеромъ.

А ночью опять послышалось: „на смѣну“! Опять всѣхъ обходили и дергали за ноги. Опять при тускломъ свѣтѣ керосиновой лампы замелькали сѣрыя, недовольныя лица, опухшіе отъ спанья глаза. Голова была тяжелая, и отъ желанія спать даже тошнило. Когда приходишь въ корпусъ — тошнота усиливается и дѣлается едва выносимой. И вмѣсто желанія быть бойкимъ и ловкимъ давить одно желаніе: „спать“. Макарка стоитъ у станка, какъ испуганный цыпленокъ, невѣрной рукой надѣваетъ шульки, долго возится съ оборвавшейся ниткой.— Господи, да неужто это всегда такъ будетъ!— И ему хочется заревѣть.

XI.

Прошло уже нѣсколько недѣль. Въ одно воскресенье Матрена за утреннимъ чаемъ сказала Макаркѣ:

— Ну, сегодня пойдемъ-сходимъ къ твоему крестному.

— Ладно, — согласился Макарка.

По воскресеньямъ онъ чувствовалъ себя много лучше. Фабрика останавливалась въ полночь, и ихъ на смѣну не будили; поэтому они спали всю ночь. Когда напились чаю, онъ пробрался въ паровую, натеръ себѣ масляной рванью, которой вытирали машину, сапоги, отчего они стали черные и ясные, вымылъ руки и опять пришелъ къ теткѣ.

— Ну, пойдѣмъ, — сказала Матрена, нарядившаяся въ люстриновую кофту и черный шолковый платокъ.

— Пойдѣмъ.

Они подошли къ воротамъ. Ихъ обыскали и выпустили. Путь ихъ былъ тою дорогой, какою они шли съ крестнымъ. Подходя къ Кремлю, они прошли мимо сада. Тамъ зеленѣла трава, липы распустили всѣ листья и давали густую тѣнь. И видъ этой зелени послѣ коричневыхъ стѣнъ, каменныхъ мостовыхъ настолько былъ приятенъ Макарку, что у него запрыгало сердце.

— Вишь, какъ тутъ... деревья-то всѣ подстрижены, трава словно расчесана, любо глядѣть. А нешто у васъ въ деревнѣ такъ?

„Не такъ, а лучше“, — думалъ Макарка и думалъ, что теперь дѣлается въ деревнѣ. Небось, собираются на лугахъ, гдѣ соберутся ребята и дѣвки со всѣхъ деревень, и водятъ хороводы. А его ровесники бѣгаютъ вокругъ, выдаютъ шишками или бродятъ по рѣкѣ, ловятъ огольцовъ...

Они вошли въ Кремль. Тетка снова стала говорить о томъ, что въ Москвѣ лучше деревенскаго. Она говорила о святыхъ угодникахъ, почившихъ въ соборахъ. Какая имъ бываетъ служба и каково почеть. Они лежатъ въ серебряныхъ и золотыхъ ракахъ, а вѣнцы надъ ними въ самоцвѣтныхъ камняхъ.

Макарка однимъ ухомъ слушалъ, что говорить тетка, а въ другое выпускалъ; тетка, замѣтивъ его невнимательность, замолчала.

Вышли на мостъ, перешли его, прошли тутъ улицу, въ концѣ которой стояла фабрика, гдѣ жилъ крестный, и подошли къ воротамъ. Дворникъ спросилъ, кого имъ надо; Матрена сказала.

— Онъ въ трактирѣ, у Нагайкина.

Пошли въ трактиръ. Трактиръ былъ набитъ фабричными, проводившими здѣсь свои праздники. Одни сидѣли пьяные, другіе навеселѣ. Павелъ былъ подвыпивши. На ихъ столѣ стояли полбутылки, чай, валахи и печенныя яйца. Съ нимъ въ компаніи гулялъ рябой, бѣлоглазый парень, у котораго волосы на головѣ

и бородѣ были бѣлы, какъ лѣнь. Парень сидѣлъ, положивши обѣ руки на столъ, и, уставившись на него пьяными глазами, говорилъ:

— Я тебя угощаю, а ты пей. Любишь ты меня, али нѣтъ?

— Ну, люблю, ну? — говорилъ Павелъ, и на его устахъ сияла его постоянная улыбочка.

— Ну и пей, больше никакихъ... Я за все отвѣчаю, и тебѣ нечего разговаривать.

Увидавши Матрену и Макарку, Павелъ видимо обрадовался; онъ живо всталъ имъ навстрѣчу и воскликнулъ:

— А, мое почтенье! землячка съ крестникомъ! Добро жаловать.

Онъ ушелъ изъ-за стола бѣлокураго и занялъ новый столъ. Бѣлокурый обидѣлся и, кидая ему выразительные взгляды, качалъ головой. Павелъ не обратилъ на это никакого вниманія и сталъ угощать Матрену и Макарку. Онъ предлагалъ Монашеѣ выпить, но та отказалась. Остановились на одномъ чаѣ и сухаряхъ. И два часа пили чай, слушали пьяную брань и пѣсни, дышали табачнымъ воздухомъ. У Макарки закружилась голова, и ему стало казаться, будто бы онъ самъ выпилъ. Когда чай кончили, Павелъ пошелъ ихъ провожать. Хмель еще не прошелъ у него, и улыбка играла на его губахъ. Онъ говорилъ:

— Я всегда могу васъ принять... и угостить... Приходите ко мнѣ въ любое воскресенье, и я не только чаю, а чего хошь не пожалѣю.

— Много довольны, — говорила тетка, — насъ навѣщай.

— Не забуду, приду. Будь покойна. Крестникъ! навѣщать приду... На тебѣ семитку, подсолнуховъ купишь.

Матрена и Макарка опять вернулись на фабрику. Въ спальнѣ его ожидалъ Мишка; только Макарка вошелъ, какъ Мишка бросился къ нему навстрѣчу и заявилъ:

— А мы за заставой были.

— Съ кѣмъ?

— Съ Похлебкинымъ. По луговинѣ ходили... лежали какъ въ деревнѣ!..

— Ну? — съ загорѣвшимися глазами воскликнулъ Макарка.

— Сейчасъ умереть! Очень хорошо... Хошь, въ то воскресенье пойдешь?

— Пойдемъ, — согласился Макарка.

XII.

Въ слѣдующее воскресенье Макарка, напившись у Матрены чаю, побѣжалъ къ Мишеѣ; Мишка, какъ всталъ, такъ и ушелъ къ отцу въ кучерскую. Отецъ Мишки, Василій, высокій, жилистый мужикъ съ бородою клиномъ, ходившій всегда въ розовой рубашкѣ и холстинномъ фартукѣ, бралъ Мишку по праздникамъ къ себѣ пить чай и давалъ семитку на ситничекъ. Мишка тоже отпилъ чай и сидѣлъ на отцовской койкѣ и глядѣлъ, какъ отецъ съ кучеромъ рѣжутся въ шашки.

— Пойдемъ, Мишка? — несмѣло спросилъ Макарка, боясь, какъ бы отецъ его не остановилъ.

— Пойдемъ! — отвѣтилъ Мишка, быстро соскальзывая съ койки.

— Куда это? — равнодушно спросилъ Василій.

— За ворота, — сказалъ Мишка.

— Смотрите, не балуйтесь тамъ, а то виски нарву.

Ребята вышли изъ кучерской.

— Надо хлѣбца съ собой взять, а то обѣдать-то не придется.

— Пойдемъ, возьмемъ.

Набивши карманы хлѣбомъ, ребята выбѣжали за ворота. Утро было радостное. Солнце, весело смѣясь, поднялось довольно высоко; ему улыбались бѣлыя стѣны и зеленныя крыши домовъ, а кирпичные краснѣли отъ конфуза, что они не могутъ такъ отвѣтить на привѣтъ его лучей. Главы же церквей такъ и сыпали искрами отъ восторга. Въ воздухѣ плавалъ колокольный звонъ, а въ глубинѣ города волны этого звона казались особенно густыми и сочными. Они заглушали трескъ извозчичьихъ пролетокъ и топотъ шаговъ идущихъ по тротуарамъ людей. Люди тоже шли съ веселыми лицами, нарядныя дамы и барышни все больше въ бѣломъ. Сіяла Москва-рѣка, на которой укрѣпляли купальню, и сновали рѣдкія лодочки. Мальчишки, еле переводя дыханіе отъ радости, вбѣжали на мостъ и торопливо, точно боясь на что опоздать, устремились дальше.

Прошли улицу, которая тянулась за мостомъ на цѣлую версту, и подошли къ заставѣ. Эта застава обозначалась только двумя столбами и будкой. Около будки стоялъ городской. Постройки за заставой пошли меньше. Тротуары кончились и вмѣсто мостовой пошло шоссе. По бокамъ шоссе тянулись узенькія, плотно

утрамбованныя дорожки, окаймленные такой травой, какая росла въ деревняхъ на улицѣ. Они сейчасъ же сошли съ шоссе на боковыя дорожки, и Макарка сказалъ:

— Давай, разумея?

— Давай.

Они сѣли на траву и стали стягивать сапожонки. Связавъ сапоги за ушки, они перекинули ихъ черезъ плечо и, осторожно ступая освобожденными ногами, которыя отвыкли отъ привоженія въ землѣ, побѣжали впередъ.

Въ сторонѣ раскинулось кладбище, огороженное оградой, а ограду окружала луговина. Луговина была свѣжая, мало потоптанная, съ мягкой, нѣжной травой, влажной отъ росы. Ребятишки бѣжали по травѣ, и восхищенный Макарка воскликнулъ:

— Какъ въ деревнѣ!

— Да,—согласился Мишка.

Макарка бросился на землю, растянулся навзничь и зажмурилъ глаза. И вдругъ его поразило, что здѣсь въ землѣ не было тишины, какъ у нихъ въ деревнѣ. Она явственно гудѣла. Огромный городъ, полный движенія и суеты, передавалъ по землѣ свой гулъ, и этотъ гулъ заглушалъ всѣ тѣ шорохи въ травѣ, которые обычно слышатся молодому чуткому слуху на деревенскомъ лугу.

Макарка невольно вскочилъ и поглядѣлъ на этотъ шумѣвшій и гудѣвшій городъ.

А въ городѣ продолжали сыпать искрами главы церквей, разливался колокольный звонъ, вздымались красныя трубы. Нѣкоторыя и сегодня, несмотря на праздникъ, дымилась, и ихъ густой темно-сизый дымъ тянулся въ сторону, какъ хвостъ плети, которой замахнулась невидимая рука на людей, жившихъ въ городѣ.

— Мишка, отчего это дымятся трубы? Нѣшто тамъ и въ праздникъ работаютъ?—спросилъ Макарка.

— Не работаютъ, а паровыя топятъ. Ихъ загасить нельзя. Похлебквинъ говорить, что если загасить, то только разжечь обойдется сто рублей.

— Какъ дорого!..

— Да, дорого... Тутъ все дорого. Отецъ говорить, что въ Москвѣ одна лошадь стоитъ, что у насъ двадцать... Покупечески.

— Отчего это все такъ неравно? — задумчиво спросилъ Макарка.

— Такъ Богомъ установлено. Кому купцомъ быть, кому мужикомъ, а кому господиномъ.

— А мы не можемъ въ господѣ выйти?

— Какъ ты выйдешь? Господѣ ученые и у нихъ земли много, а мы что?

— Вотъ если денегъ найдить мно-о-го,—будешь тогда господиномъ?

— Купцомъ будешь, а господиномъ нельзя. Въ господѣ царь жалуется.

— А кого царь больше любитъ, купцовъ или господъ?

— Господъ. Господѣ къ нему ближе. У насъ, вонъ, есть баринъ, онъ въ Питеръ къ царю ѣздитъ, а купецъ-то самъ передъ нимъ безъ шапки стоитъ. Господъ царь крестами да палетами награждаетъ, а купцамъ только медали да орлы.

— А орловъ гдѣ, на шеѣ носить?

— Не знаю... Медали такъ на шеѣ. Отецъ говорилъ—одному купцу царь чугунную медаль повѣсилъ, три пуда. И онъ безъ ней никуда показываться не могъ... такъ и притворился больнымъ.

— За что же?

— Говорятъ, очень народъ притѣснялъ. Заводы большіе, народу тыщи, а распорядку никакого.

— Всѣ хозяева народъ притѣсняють.

— Хозяева, да еще мастера съ приказчиками.

— Трудно жить на фабрикахъ! — вздохнувъ, воскликнулъ Макарка.

— Беадѣ трудно, и въ лавкѣ, и въ трактирѣ, и въ ученѣ. У насъ одного мальчику въ пекарню отдали, а онъ взялъ да убѣжалъ. Отодрали его, да опять послали, а онъ опять убѣжалъ. Такъ въ подпаски и отдали.

— Въ подпаски послѣднее дѣло.

— Чѣмъ же, все равно...—замѣтилъ Мишка.

— Очень отпѣтые выходятъ, я съ однимъ дорогой ѣхалъ. Вотъ угаръ!..

— Угары и изъ фабричныхъ выходятъ. Вонъ, у Похлебкина братъ. Здоровъ на бильярдѣ играть, до чего доходить. То купцомъ нарядится,—часы, калоши,—а то продуется, останется въ одной рубашкѣ.

— Нѣтъ,—мечтательно проговорилъ Макарка,—а хорошо бы такъ устроить, кто бы гдѣ родился, тотъ тамъ и жилъ. Кто въ деревнѣ, тотъ въ деревнѣ, а кто въ Москвѣ—тотъ въ Москвѣ.

— Московскаго шпули мотать не заставишь. Поставь-ка, вонъ, господскаго сына къ машинкѣ, да таску ему дай. Такъ его отецъ тогда велитъ и фабрику закрыть.

XIII.

Солнце поднималось выше и выше. Становилось немного жарко. Мальчики поднялись и стали оглядывать кладбище. За кладбищемъ просторъ былъ еще больше—види́лась рѣка.

— Пойдемъ въ рѣку!—поднимая голову, сказалъ Макарка.

— Пойдемъ,—согласился Мишка.

Они подошли къ самому берегу рѣки; берегъ былъ песчаный; нога чувствовала, что песокъ еще не нагрѣлся послѣ росы и покалывала подошву. Коричневая вода мѣстами была гладкая, а мѣстами струилась, и отражавшіеся въ ней солнечные лучи играли, какъ живое золото. Кое-гдѣ по ней скользили лодки. На томъ берегу види́лась около воды сидящая группа людей, и другая группа шла по берегу, срывая цвѣтуція травы. Стояли избы съ тесовыми крышами, картофельныя поля. Картофель уже взошелъ, и его темно-зеленые листья грядками тянулись по полю. Паслась бѣлая лошадь, дальше бродило стадо коровъ. Все это напоминало деревню и заставляло усиленно биться сердце.

Оба мальчика стояли молча, глядя на открывавшіеся картины, и грудь у обоихъ высоко вздымалась, дышалось медленно и глубоко; оба они были разстроены и имъ не хотѣлось говорить.

Макарка первый пошелъ по песку, Мишка покорно послѣдовалъ за нимъ. Макарка замѣтилъ зеленый бугорокъ и свернулъ къ нему. Опять они сѣли и стали глядѣть на гладь рѣки.

— Если покупаться?—сказалъ Макарка.

— Рано еще.

— Чего рано, тепло вѣдь?

— Тепло, да не время. Еще Духовъ день не пришелъ.

— А нешто до Духова дня нельзя?

— Нельзя. До Духова дня на землю ложиться не велятъ. Земля еще не отошла, простудиться можно, а какъ простудишься, такъ и шабашъ.

— Вотъ; говорятъ, еще пить въ припадку нельзя. Горсточкой можно, а если приляжешь, то и вредъ. У насъ говорили—одинъ мужикъ померъ отъ этого.

— А у насъ сказывали, водяной за бороду схватилъ. Онъ нагнулся, а тотъ его—какъ хватъ!

— Ну, и что же?—съ загорѣвшимися отъ любопытства глазами, спросилъ Макарка.

— Окрестилъ его—тотъ и отпустилъ. Испужался какъ! Какъ кого съ бородой увидеть, такъ и закричить.

— А старый мужикъ-то?

— Старый, съдой; тоже скоро и померъ.

Ребята разобрала жуть. Оба забыли, гдѣ они находятся, и унеслись воображеніемъ въ родныя деревни, къ стариковскимъ сказкамъ и баснямъ. Передъ ними встали неясныя тѣни, окружавшія ихъ съ первыхъ шаговъ жизни, которыя нагоняли жуткій трепеть. Вдругъ вдаль послышался звукъ паровознаго свистка. Ребята встрепенулись и повернули головы въ ту сторону, откуда послышался свистокъ.

Наѣво черезъ рѣку былъ большой желѣзнодорожный мостъ, на него вѣжалъ поѣздъ и, громыхая такъ, какъ будто онъ наносилъ частые удары молоткомъ по желѣзу, быстро пронесся и скрылся вдаль.

— Вотъ, говорятъ, и на машинахъ есть... ихъ ночью видятъ,—сказалъ Макарка, неясно вспоминая слышанное гдѣ-то...

— Известно, — живо согласился Мишка, — а то отчего же въ нихъ такая сила-то...

— И куда это она понеслась?—поглядывая въ сторону убѣжавшаго поѣзда, проговорилъ Макарка.

— Въ нашу сторону,—вздохнувъ, отвѣтилъ Мишка.

— Вотъ бы тебѣ сѣсть.

— Не сядешь, должно!

— А безъ денегъ можно по машинѣ проѣхать?

— Похлебникъ вѣдилъ. Забьется подъ лавочку и лежить.

— А если найдутъ?

— Найдутъ, небось отгаскаютъ, а то ссадятъ.

— Теперь домой пѣшкомъ ушелъ бы,—рѣшительно сказалъ Макарка и поднялся съ мѣста. Онъ поднялъ съ песка круглый камешекъ и пустилъ его въ рѣку; камень, щелкнувъ въ водѣ, пошелъ во дну.

— Мы къ Петрову дню поѣдемъ... намъ велѣли.

— А мнѣ мать ничего не сказала,—глубоко вздохнувъ, вымолвилъ Макарка.

Ребята отошли съ песка и пошли опять по бугровой луговинѣ. Достали хлѣба, стали его ѣсть, прикусывая щавелемъ, что попадался на ходу. Убравши хлѣбъ, они стали рвать бублики лугового мака и украшать свои картузы.

И долго они бродили по лугу, то присаживаясь, то опять поднимаясь. Время перешло обѣдъ, а имъ все еще не хотѣлось возвращаться на фабрику. Но идти было нужно, и они пошли.

Они обошли кладбище съ другой стороны и стали подходить къ шоссе. Кладбище, заросшее густыми лиственными деревьями, казалось волшебнымъ островомъ,—столько было здѣсь зелени и тѣни.

— Придемъ когда-нибудь сюда,—сказалъ Макарка.

— Придемъ,—согласился Мишка.

Они выбрались на шоссе и взглянули впередъ. Застава была далеко, далеко. Теперь имъ встрѣчались уже идущіе и ѣдущіе изъ Москвы. Между пролетками и шарабанами попадались маленькія лошади, простыя телѣги, загорѣлые мужики и бабы въ платкахъ. И видъ этихъ подводъ, напоминавшихъ деревню, снова заставлялъ сильнѣе биться сердце.

Обратно ребята пошли не такъ уже бойко, не было давешняго оживленія. Они мало говорили между собой, а когда вошли во дворъ фабрики, сейчасъ же разошлись. Мишка пошелъ въ кучерскую, къ отцу, а Макарка прошелъ къ тетѣ.

XIV.

Подошла и прошла Троица. Мишка все больше и больше мечталъ, какъ онъ поѣдетъ къ Петрову дню домой, а Макарка всякій разъ печально вздыхалъ; его часто охватывала тоска. Недѣля послѣ Троицы пошла такая, когда имъ опять приходилось вставать на смѣну съ двухъ часовъ. И это было очень тяжело; тѣмъ болѣе наступали самыя длинныя вечера, трудно было рано улечься. За заборомъ зацвѣтали первые цвѣты, воздухъ былъ мягкій и пахучій. Вся смѣна высыпала изъ спальни; молодые тѣачи и ребята побольше водили хороводы; тѣ кто постарше, занимались разговорами, забывали о гремящихъ въ корпусѣ машинахъ, о томъ, что въ два часа нужно вставать, и торчали на дворѣ, пока не начинало смеркаться,—а смеркалось уже въ одиннадцатомъ часу.

Макарка по утрамъ чувствовалъ себя такъ, что лучше бы ему не давали ѣсть, лучше бы мать и дѣвки били его каждый день, посылали на побѣгушки, но не поднимали его въ эту пору. Его всегда тошнило, кружилась голова, слипались глаза. Два раза онъ падалъ головой на машину и одинъ разъ расквасилъ носъ, а другой содралъ високъ. Митяйка каждое утро обрызгивалъ его водой, но это не помогало. И онъ плакалъ. Плакалъ онъ украдкой, отчего слезы ему никогда не были такъ горьки, какъ теперь. Онъ молилъ Бога, чтобы кто-нибудь изъ тѣачей захворалъ или

у него сломалась машинка; тогда онъ могъ бы замотать боронки и хотъ на пять минутъ залѣзть въ ящикъ съ рванью, куда залѣзали Митяйка съ Похлебкинымъ. Но, вмѣсто приостановки у ткачей, пришлось остановиться ему самому. Смазывая машинку около ремня, Макарка попалъ масломъ на шкивъ. Ремень вдругъ соскочилъ и машинки стали. Макарка растерялся и взглянулъ вверх; ремень подпрыгивалъ на валу, и мальчикъ не зналъ, что ему сдѣлать. Митяйка замѣтилъ его испугъ и засмѣялся:

— Эхъ, ты! — насмѣшливо сказалъ онъ: — что ты надѣлалъ-то? — У другихъ это случалось много разъ, а у Макарки впервые; онъ не зналъ, какъ поправить бѣду.

— Что глядишь-то? — Надо надѣвать.

Макарка попробовалъ надѣть ремень, — ремень надѣлся, но сейчасъ же соскочилъ снова.

— Что! испортилъ совсѣмъ! — началъ злорадно дразнить Макарку Митяйка. — Достанется тебѣ на орѣхи. Придѣлаютъ ручное колесо и заставятъ вертѣть.

— Ну, будетъ глумиться-то, — заступился за Макарку Похлебинъ! — Ступай къ паровому мастеру, проси канифоли.

— Какой канифоли?

— А тамъ увидишь, какой, — ступай проси.

Макарка не зналъ, въ серьезъ ли ему говорить, или смѣются.

— Ступай, чего глаза-то выпучилъ? — пихнулъ его въ спину Похлебинъ. — Изъ-за тебя теперь и намъ стоять!...

Макарка спустился въ паровую. Паровой мастеръ, рыжий старикъ въ очкахъ, съ грязнымъ лицомъ, въ синей блузкѣ, стоялъ около маховика и, покуривая папиросу, глядѣлъ, какъ огромная стальная рука, безшумно сгибаясь въ локтевомъ суставѣ, ворочала машину, какъ серьезно вертѣлся блестящій маховикъ, придѣланный только для того, чтобы легче ходить машинѣ.

Макарка спросилъ, какъ его научили, — канифоли.

— Что, аль ремень соскочилъ? — спросилъ тотъ глухимъ голосомъ.

— Да, — отвѣтилъ Макарка.

— Масло, знать, попало?

— Да...

— Деруть васъ мало, вшивыхъ чертей, вотъ вы и не имѣете осторожности... Держи руку!...

Онъ взялъ изъ ящика большую щепоть желтой прозрачной смолы и всыпалъ ее въ руку Макарку. Макарка повернулся и вышелъ изъ паровой.

— Принесъ? — спросилъ Похлебинъ.

— Принеси.

— Давай сюда!

Онъ взялъ смолу на ладонь и сталъ натирать ремень; протеревъ ремень, онъ навинулъ его на верхній шкивъ, попридержавъ рукой, машинки снова зажужжали.

— Макарка, а Макарка! — шопотомъ сказалъ Макарефъ Мишка.

— Ну?

— А если подъ теачевы ремни масла пустить?

— Ну, что-жь?

— Тоже слѣзутъ, а пока они ворочаются, мы боронки загонимъ, да въ ящикъ.

— А какъ онъ узнаеть?

— Можно сдѣлать, что не узнаеть...

На другой день у Мишкина теача Кобелева, молодого парня, который самъ недавно былъ шпульникомъ, поэтому относился къ шпульникамъ особенно строго, машина вдругъ остановилась, ремень соскочилъ съ нижняго шкива, а вверху за него задѣло винтомъ, которымъ былъ прикрѣпленъ шкивъ къ оси; ремень вдругъ натянулся и сталъ поднимать всю машину вверхъ; но тяжелая машина, кромѣ того, была крѣпко привинчена къ полу—тогда ремень лопнулъ и оборвался; замотавшись наверху оборванными концами, онъ вдругъ началъ хлестать по стѣнѣ. По корпусу раздались мѣрные, звучные шлепки, какъ будто бы кто кому давалъ оплеухи.

Кобелевъ, блѣдный отъ испуга, уставился вверхъ и не зналъ, что ему дѣлать. Сосѣдніе съ нимъ теачи остановили свои машины и, подойдя къ Кобелеву, глядѣли, что у него случилось. Къ машинѣ бросились и Митяева съ Похлебкинимъ; Макарка тоже хотѣлъ было пойти, но Мишка его остановилъ:

— Стой, знай, на мѣстѣ, да заматывай боронки, а тамъ отдохнемъ.

— Что тамъ сдѣлалось?

— Ремень соскочилъ.

— Отчего?

— Я знаю—отчего.

Мишка сбоку взглянулъ на него и замолчалъ.

А ремень хлесталъ все яростнѣй и яростнѣй. Кто-то крикнулъ, что нужно позвать парового мастера и остановить паровую, и пока разматывали, доставали оборвавшійся ремень, прошло полчаса, ребятамъ нечего было дѣлать, и Макарка съ Мишкой, забравшись въ ящикъ съ рванью, подремали.

Такой остановкой остались довольны даже старшіе мальчики. Похлебкинъ сказалъ:

— А если бы почаще такъ случалось — хорошо бы.

— Хорошо-то, хорошо, да ткачамъ убыточно, — они вѣдь сдѣлыво, — замѣтилъ Митяйка и качнулъ головой.

— А намъ то что, мы вѣдь помѣсячно.

XV.

Недѣли смѣнялись недѣлями, а жизнь мальчиковъ все казалась не легче, а тяжелѣй. Макарекъ все опротивѣло на фабрикѣ, каждый уголь казался ему ненавистнымъ. Ненавистны Митяйка съ Похлебкинымъ, его смѣшницеъ Ванька, ткачи; когда слышалъ запахъ душистаго табаку, идущаго по корпусу мастера, ему дѣлалось тошно. Если же его кто-нибудь задѣвалъ, онъ бо-лѣзненно вскрикивалъ:

— Ну, что ты! Я тебя не трогаю.

— Еще бы ты меня тронулъ! — хмыкалъ тронувшій его ткачъ, и давалъ ему подзатыльника.

Однажды къ нему присталъ Похлебкинъ. Макарка раскричался на всю спальню. Одинъ ткачъ схватилъ Похлебкина за волосы и далъ ему здоровую трѣпку, чтобы онъ не ввязался съ нимъ. Макарка отходилъ все дальше и дальше отъ всѣхъ. Его уже теперь не тянуло къ Матренѣ. Прежде онъ ходилъ къ ней охотно, отвѣчалъ на вопросы, смѣялся, когда было смѣшно, но теперь онъ сидѣлъ, какъ бука, понутивъ голову, говорилъ „да“ или „нѣтъ“, и самъ уже ничего не рассказывалъ. Только съ Мишкой онъ отводилъ душу. Мишка уже начиналъ жить деревней, воображалъ, какъ онъ побѣдетъ домой, какъ его мать будетъ посылать на повозъ носить завтракъ, какъ они съ Матрешкой стануть растрясать копны и пойдутъ по грибы. Онъ мечталъ, когда ему выдадутъ расчетъ, онъ пойдетъ на Смоленскій и купить ей зеленныя стеклянныя бусы и бисерное колечко.

— А когда большой буду, я ей шерстяное платье куплю, — говорилъ Мишка, лежа навзничъ на подушкѣ и уставившись глазами въ потолокъ.

— А тотъ-то братокъ водится съ ней? — спросилъ Макарка.

— Не-е, онъ ее все вололтитъ... И я его вололчу. Зачѣмъ обижать поменьше себя!

Макарка думалъ, какіе есть счастливые люди, и только взды-

халь: а у него ничего этого нѣтъ, а есть только онъ одинъ, никѣмъ не любимый и никому не могущій выказать свою любовь.

Макарка дѣлался все печальнѣе, а Мишка веселѣй, у него сталъ свѣжѣе цвѣтъ лица и ярче горѣли глаза. Онъ ловчѣе Макарки справлялся съ шпулями и кое-когда помогалъ ему, и тогда они вмѣстѣ забирались въ ящики.

За недѣлю до Петрова дня ночь выпала ненастная. По небу бродили тучи и сѣяло землю дождемъ. Всѣхъ морило ко сну. На смѣну съ неохотой вставали даже ткачи. Они кряхтѣли, долго чесались, прежде чѣмъ слѣзть съ наръ, громко зѣвали, когда шли умываться, и никто ни съ кѣмъ не говорилъ. Ребятъ же пришлось будить по два раза. Въ головѣ Макарки точно былъ насыпанъ песокъ, который при всякомъ движеніи сыпался и заволакивалъ глаза, и онъ не чувствовалъ, какъ онъ шелъ по двору, вошелъ въ корпусъ, что ему говорилъ Ванька. Все было въ туманѣ передъ нимъ, и онъ не сознавалъ хорошо, что вокругъ него происходило.

Одинаково чувствовалъ себя и Мишка. Только онъ сталъ за станокъ и надѣлъ шпульки, какъ принялся клевать носомъ. Не было обычной бодрости у Митяйки съ Похлебкинымъ. Даже ткачи и тѣ плохо разминались, и работа шла вяло; одни ходили курить, другіе—на кухню, пить воду.

„Господи, докуда жъ это мы такъ мучиться будемъ?“—подумалъ Макарка, и слезы закапали у него изъ глазъ.

Ткачи были сердитые и, когда брали боронки, ворчали. Митяйка съ Похлебкинымъ все-таки скоро заставили всѣ боронки и сѣли на площадѣ лѣстницы и стали играть въ бирюльки. За ними развязался и Мишка, и улизнулъ куда-то; за станкомъ остался одинъ Макарка и съ тоскою думалъ, что ему и отойти нельзя. Но, вотъ, и у него всѣ шпульки были замотаны; онъ снималъ ихъ, перевелъ ленточки на холостые валики и подумалъ объ ящикѣ съ рванью.

— Ну, вы, разсѣлись тутъ!—послышался грубый голосъ парового мастера, который пошелъ въ кочегарку пить чай.

Митяйка и Похлебкинъ дали ему дорогу. Макарка отошелъ отъ нихъ и направился къ ящику. Онъ думалъ, что Мишка тамъ, но Мишки не было. Макарка удивился, но сейчасъ же въ немъ поднялось шкурное чувство, — ему просторнѣе. Онъ остался даже доволенъ этимъ и, свернувшись калачикомъ, закрылъ глаза. Но только онъ закрылъ глаза, какъ почувствовалъ—чья-то рука лѣзетъ подъ него; онъ поднялъ голову и увидалъ

Мишку. Съ лихорадочно горящими глазами, онъ теребилъ изъ-подъ него рвань и нажималъ ее въ комъ.

— Ты что?—спросилъ Макарка.

— Молчи знай, увидишь...—таинственно прошепталъ Мишка и все теребилъ рвань.

„Опять что-нибудь задумалъ“,—рѣшилъ Макарка, и у него слабѣе забилось сердце и сперлось дыханіе, дремота пропала, и ему уже не хотѣлось больше смыкать глазъ. Мишка отошелъ отъ ящика и исчезъ.

„Куда онъ пошелъ?“—подумалъ Макарка.

Вдругъ что-то звякнуло въ паровой. „Кто тамъ?“—подумалъ Макарка:—„паровой мастеръ ушелъ, ему рано еще воротиться“. Стѣнка паровой изъ стояковыхъ досокъ имѣла щели, сквозъ нихъ можно было видѣть, что тамъ дѣлается. Макарка прислонился лицомъ и однимъ глазомъ сквозъ щель сталъ разсматривать внутренность паровой.

Вертѣлось колесо, стальная рука мѣрно махала, приводя его въ движеніе, кружились стальные шарики, и все это дѣлалось мягко, безшумно. А въ углу, около большой жестяной банки съ масломъ, стоялъ Мишка; онъ окуналъ въ банку комъ рвани, выжималъ и опять окуналъ, чтобы набрать какъ можно больше масла.

„Что онъ хочетъ?“—подумалъ Макарка, и у него остановилось дыханіе и въ рукахъ и ногахъ появилась дрожь.

Мишка вытащилъ послѣдній разъ рвань и, ужъ не выжимая, и неся ее въ горсти такъ, чтобы съ нея не капала капля и метнувъ взглядомъ на дверь,—шагнувъ къ машинѣ. Онъ осторожно приблизился къ широкому ремню и, протянувъ руку, мазнулъ по немъ рванью, масляное мѣсто быстро взлетѣло вверхъ, но на ремень это не подѣйствовало. Мишка мазнулъ еще, но и это оказалось бесполезнымъ.

Макарка, съ замирающимъ сердцемъ и боясь дышать, слѣдилъ за его движеніями. „Что же онъ не скидается?“—думалъ онъ, и уже представлялъ, какъ сейчасъ соскочить ремень, остановится фабрика, пойдетъ суета, а они свернутся здѣсь клубочкомъ и имъ долго будетъ ненужно выходить изъ ящика...

Мишка было бросилъ весь комъ на ремень, но комъ сорвался и шлепнулся на полъ. Мишка поднялъ его и, вновь протянувъ руку и сжавъ рвань въ кулакъ, изо всѣхъ силъ сталъ ее выжимать. Масло потекло струею. Вдругъ Мишка пошатнулся и прикоснулся къ ремню; у ремня точно выросли руки, и что-то цѣпкое схватило мальчика за рубашку и быстро потянуло вверхъ.

Макарка видѣлъ, какъ болтулись его ноги, раздался дикій крикъ, потомъ что-то мягко ступнуло, хряснуло и ударилось въ стѣнку, черезъ которую глядѣлъ Макарка. Стѣна вздрогнула, что-то шлепнулось на полъ и все притихло...

Макарка вскрикнулъ и бросился вонъ изъ ящика. Ящикъ опрокинулся, мальчикъ быстро вскочилъ на ноги и, весь дрожа, въ ужасѣ крикнулъ:

— Мишка въ ремень попалъ!..

Одна за другою останавливались машины и подбѣгали тчахи. Похлебкинъ, взглянувъ въ паровую, метнулся стрѣлой въ кочегарку и черезъ минуту вернулся съ паровымъ мастеромъ, у котораго посинѣли губы и лицо. Онъ спустился въ паровую, а за нимъ полѣзли тчахи и шпульники.

Въ паровой же какъ будто бы ничего не произошло. По-прежнему махала стальная рука, кружился маховикъ, танцевали шарики. Ремень, потрескивая и подрагивая, быстро бѣгалъ снизу вверхъ и сверху внизъ. И только на стѣнѣ у потолка было большое кровавое пятно, да множество крупныхъ кровавыхъ брызгъ повисло въ другихъ мѣстахъ. А внизу, подъ главнымъ приводомъ, валялась трясущаяся куча. Она не имѣла формы чело-вѣческаго существа. Голова была раздроблена и сплюснута, рубашка изорвана и на мѣсто спины и плечъ краснѣло кровавое мясо.

— Поди, скажи, чтобы свистокъ дали!—крикнулъ паровой мастеръ Митяйкѣ и поспѣшно сталъ останавливать машину.

Тчахи и мальчики стояли въ сторонѣ, испуганные, блѣдные, и не знали, что дѣлать, а въ дверь лѣзли новыя лица.

Раздался свистокъ, сначала хрипло, какъ будто бы онъ тоже не выпался, потомъ все звучнѣе залился, тревожа утреннюю тишину и поднимая всѣхъ спящихъ въ неурочное время.

Народъ собирался изъ всѣхъ угловъ. Вскорѣ въ паровой были мастеръ, конторщики; всѣ были перепуганы и блѣдны, и много соображали, что произошло. Василий пришелъ въ корпусъ однимъ изъ послѣднихъ. Когда ему сказали, что это его сынъ попалъ въ ремень, онъ сталъ блѣденъ, какъ мука, глаза его блеснули, задрожали руки, и злобнымъ голосомъ онъ воскликнулъ:

— Что же это онъ, подлець этакій, сдѣлалъ!..

XVI.

Пріѣхали частный приставъ, слѣдователь, докторъ. Изуродованное тѣлце Мишки перенесли въ кладовую, а потомъ отпра-

вили въ часть; кровь вымыли горячей водой проходчицы изъ самоткацкой, паровую пустили вновь, фабрика пошла, а въ конторѣ начался опросъ.

Макарку разспрашивали всѣхъ подробнѣй. Мальчикъ рассказъ все, что зналъ. Слѣдователь спросилъ:

— Зачѣмъ же онъ хотѣлъ это сдѣлать, какъ ты думаешь?

— Очинно спать хотѣлось.

— И тебѣ трудно бываетъ?

— Всѣмъ трудно.

— Конечно,—сказалъ докторъ,—набрали такихъ малышей, да заставляютъ въ полночь подниматься... Конечно, не легко...

— Ми по законъ...—сказалъ мастеръ.—У насъ два смѣнъ... Шестъ часъ работаютъ, шесть часъ спайтъ...

— Спайтъ, да не высыпаются...

Когда Макарку спросили и онъ сталъ выходить изъ конторы, мастеръ догналъ его и проговорилъ:

— Ты, мальшникъ, въ корпусъ не ходишь, ступай на спальня... тамъ будешь.

Макарка, услышавъ это распоряженіе, побѣжалъ чуть не бѣгомъ въ спальню. Придя въ спальню, онъ бросился на постель и вскорѣ заснулъ, какъ убитый, и спалъ до двѣнадцати часовъ.

Когда онъ проснулся и вспомнилъ, что произошло сегодня утромъ, онъ весь вытянулся и остолбенѣлъ. Не можетъ этого быть! Но это было. Ему хотѣлось, чтобы это было во снѣ, но это было не во снѣ, и у мальчика упало сердце, и грудь защемило тоской. Ему было невыразимо жалко Мишку; онъ представлялъ себѣ его мать, Матрешку, какъ онѣ объ этомъ узнаютъ, и его начали душить слезы.

Къ вечернему чаю его повела къ себѣ Матрена и подробно разспрашивала, какъ все это случилось. Когда Макарка рассказъ и ей, Матрена сообщила ему:

— Тебя на работу больше не пустать.

— Совсѣмъ не пустать?—блѣднѣя, спросилъ Макарка.

— Совсѣмъ. Говорять, малъ очень и слабъ; пусть, говорить, въ деревню ѣдетъ и еще подростеть.

Испугъ, вызванный словами тетки, мало-по-малу разошелся, и сердце Макарки стало биться ровнѣй.

Если такъ, то что-жъ... это хорошо... Онъ поѣдетъ въ деревню; а если его будутъ ругать, то онъ скажетъ, что его держать не стали, очень малъ и слабъ. Онъ забылъ, что мать его именно не любила за его слабость, и какъ ему самому часто

хотѣлось быть большимъ и сильнымъ. Теперь же слабость сдѣлала то, чего жаждала его душа, и онъ радовался.

На работу его дѣйствительно больше не посылали, но и расчета не давали. Только еще начали счетъ—не знали, сколько вычитать съ него за харчи.

Черезъ нѣсколько дней счетъ былъ законченъ. Въ контору представили „ерестъ“, по этому „ересту“ контора должна была разнести всѣ расходы по книжкамъ твачей и шпульниковъ.

У Маварки жалованья было написано тринадцать рублей съ копѣйками, а за харчи, какъ съ мальчика, съ него вычли около пяти рублей—ему приходилось на руки больше восьми рублей.

Мысль, что у него на рукахъ такіа деньги, вскружила ему голову. Онъ отнесетъ эти деньги матери и отдастъ ей. Мать увидитъ, что онъ хотя маленький и слабый, а объ домѣ заботится. И, можетъ быть, не такъ будетъ ругать, что онъ пришелъ домой, и по другому будетъ глядѣть на него. И ему уже замечалось, что съ нимъ будутъ обходиться, какъ съ дѣвками, будутъ по-человѣчески говорить, смѣяться. Чтò бы это въ самомъ дѣлѣ? И несмотря на то, что каждое воспоминаніе о Мишкѣ болело его въ сердце, какъ шиломъ, у него стало больше свѣтлаго въ думахъ, больше спокойствія на душѣ. Онъ уже рѣшилъ, что домой пойдетъ пѣшкомъ. Тратить деньги будетъ только на самое необходимое, и какъ придетъ домой, все до копѣйки отдастъ матери. Ахъ! скорѣй бы выдавали расчетъ!

Разсчитывать стали въ послѣднее воскресенье передъ Петровымъ днемъ. Маварку разсчитали изъ первыхъ, выдали ему новую пятерку, трешницу и восемьдесятъ-шесть копѣекъ мелочью. У Маварки пошли круги въ глазахъ и задрожали руки. Выйдя изъ конторы, онъ опрометью бросился къ теткѣ и показалъ ей деньги.

— Вотъ и славно. Пятерку-то матери снесешь, а это на дорогу, да на гостинцы.

У Маварки вытянулось лицо.

— Такъ много! Я дорогой пѣшкомъ пойду.

— Устанешь, дурашка!..

— Нѣтъ, ничего.

— Ну, заблудишься.

— Мнѣ только до заставы, а тамъ столбы идутъ, да канавы.

— Ну, хоть по платочку всѣмъ купи.

— Онѣ сами купятъ, я имъ деньги снесу.

— Ну, ладно,—согласилась тетка;—по платочку-то я имъ отъ себя куплю.

— Тетя?..

— Нуу?..

— А мнѣ бы спрятать деньги?.. Дай трипочку, я заверну ихъ, да на крестъ повѣшу.

— Давай, я устрою.

Макареа подалъ Матренѣ бумажки, она завернула ихъ, обвязала ниткой крѣпко-на-крѣпко и стала привязывать на гайтанъ.

— Крѣпокъ ли онъ у тебя?

— Кажись, ничего.

— Ну, вотъ тебѣ... смотри... А если тебѣ мелочи мало, хватить?

— Хватить. Я поймаю-то хлѣбушка.

— Съ одного хлѣба-то ноги не пойдутъ, — хоть чаю гдѣ попей.

— Ну, гдѣ-нибудь попью.

Матрена отсыпала въ бумажку чаю, сахару, завязала въ узелокъ и положила въ сумку Макареѣ.

Потомъ пошла на рынокъ, купила три платка и бѣлыхъ хлѣбовъ.

— Вотъ, имъ все будетъ пріятнѣй. Хоть что-нибудь да принесешь.

Когда Макареа собрался совсѣмъ, пошелъ въ свою спальню и сталъ прощаться съ ткачами и шпульниками.

— Прощай, малый, часъ добрый! — пожелали ему ткачи и ребята.

Выйдя изъ воротъ фабрики, Макареа кинулъ взглядомъ черезъ постройки Зарѣчной слободы въ ту сторону, гдѣ было кладбище, вспомнилъ, какъ они отводили душу тамъ съ Мишевой, вздохнулъ—и пошелъ за тетвой по направленію къ заставѣ.

XVII.

У заставы Матрена купила Макареѣ вареной рыбы и ситникъ и накормила его, потомъ напились чаю, и она повела его мимо тѣхъ воротъ, гдѣ баба ѣхала на лихихъ коняхъ, съ калачомъ въ рукѣ, и несмотря на хвостовство—все еще никуда не уѣхала.

— Ну, вотъ и ступай съ Богомъ!—сказала Матрена, переводя его черезъ желѣзную дорогу.—Иди все прямо, а дома кланяйся матери, дѣвкамъ, а опять въ Москву придешь, меня не обходи.

Они распѣловались, и Макарка зашагалъ впередъ, а Матрена, поглядѣвъ ему вслѣдъ, пошла обратно.

Макарка шелъ дорожкой между деревьевъ, а по сторонамъ шло обычное движеніе. Ъхали господа въ коляскахъ на рыскахъ, тащились извозчики, визжала конка, переполненная пассажирами, плелись рабочіе, прислуга, кричали разносчики. Макарка бросалъ глазами направо и налево, но ноги его безъ остановки двигались впередъ, и его ничто не интересовало, что у него оставалось за спиной, а всѣ помыслы его устремлялись впередъ, къ деревнѣ.

А двѣ недѣли назадъ онъ не смѣлъ и думать объ этомъ. Объ деревнѣ мечталъ Мишка...

Макарка ахнулъ при воспоминаніи о Мишкѣ, а самъ шелъ и шелъ.

Пришелъ конецъ конки, прекратились деревья по сторонамъ, осталось позади широкое поле; налево дорога вмѣсто двухъ рукавовъ пошла однимъ, потянулся лѣсъ, потомъ село, дачи, опять лѣсъ.

Вотъ деревня, хоть и не такая, какъ у нихъ, но все-таки въ ней много деревенскаго. Деревянные избы, соломенные крыши, огороды сзади, ребятинки босикомъ. Вотъ куча мальчиковъ и дѣвочекъ собралась у края шоссе и сгребаетъ въ кучки пыль. Набравши цѣлую горку, трое изъ нихъ набрали пыли въ пригоршни и подбросили ее вверхъ; пыль, какъ дымъ, затуманила воздухъ, а они, какъ подъ дождь, подставляли подъ нее свои головенки и воображали, что это дождь.

— Что вы дѣлаете, паршивцы? — не удержался, чтобы не крикнуть Макарка, вспоминая, что онъ самъ очень недавно еще игралъ такъ.

Макарка рѣшилъ отдохнуть въ этой деревнѣ и, подойдя къ одной избѣ, сѣлъ на завалинку.

„Разуюсь, легче будетъ“, — подумалъ Макарка и, сбросивъ съ себя сумку, сталъ стягивать сапоги.

— Ты что тутъ разсѣлся? — услышалъ Макарка грубый голосъ.

Онъ обернулся. У угла стоялъ невзрачный мужикъ въ грязной розовой рубашкѣ, короткихъ портахъ и босикомъ. Голова у него была взъерошена и глаза мутные, какъ вода въ придорожной лужѣ.

— Я, дяденька, отдохнуть.

— Отдохнуть?.. На чужой завалинкѣ... Подай три копейки...

— Ахъ, ты, штырманъ!.. Вотъ штырманъ-то... ребенка хочеть обобратъ!—раздался другой голосъ надъ головой Макарки. Макарка поднялъ голову; въ растворенное окно выглядывала простоволосая баба; шея у ней была бѣлая, а лицо коричневое отъ загара, точно на немъ была надѣта маска. — Когда ты налопаешься-то? Все пропишь, теперь прохожихъ хочешь обирать!..

— Изба моя, и я къ ней никого не подпущу!..

— Да никто и не подойдетъ. Поди, касатикъ, прочь. Нечего его пьяную харю тревожить, ишь онъ до чего дошелъ.

Макарка подобралъ сумку и сапоги и пошелъ прочь. Когда онъ поднялся съ завалинки, онъ почувствовалъ, что ему трудно подниматься, уже сказывалась усталость.

„Нужно не горячиться“,—подумалъ онъ, и рѣшилъ подольше отдохнуть здѣсь.

Макарка подошелъ къ трактиру и подсѣлъ къ стоявшему снаружи дощатому столу.

Трактирщикъ съ выдавшимся брюхомъ и лысиной выглянулъ въ окно и спросилъ:

— Ты что, пузырь?

— Дяденька, кипятку можно?

— Можно, только семитку стоять.

— Я отдамъ.

Трактирщикъ вышелъ къ нему. Макарка досталъ семитку изъ бывшей у него мелочи и подалъ трактирщику. Трактирщикъ взялъ деньги, щепоть чаю и черезъ минуту подалъ ему два чайника и чашку.

Макарка пилъ чай до тѣхъ поръ, пока въ обоихъ чайникахъ стало сухо. За чаемъ его усталость прошла.

И онъ опять пошелъ.

Ночевалъ онъ въ селѣ болѣе чѣмъ за тридцать верстъ отъ Москвы. Онъ долго колебался, заходить ли ему на постоялый, или не заходить. Ему жалко было платить за ночлегъ пятакъ, а между тѣмъ онъ боялся устроиться въ овинѣ или сараѣ. А ну, какъ опять нарвешься на такого хозяина, который прогналъ его съ завалинки!

Тогда онъ рѣшилъ пожертвовать пятакъ и зашелъ на постоялый. Теперь на постояломъ было не такъ тѣсно, какъ послѣ Пасхи. Не всѣ спали въ избѣ, а кто на дворѣ въ телѣгахъ, кто въ сѣняхъ—спать было просторно, и Макарка могъ лечь не на полу, а на лавкѣ.

Онъ спалъ долго. Солнце высоко взошло и выпило почти

всю росу. Ноги у него болѣли и сначала онъ чувствовалъ каждый шагъ, но понемногу онѣ поразмялись, и онъ пошелъ по вчерашнему—легко.

Дорогой попадались ему попутчики, но онъ отъ всѣхъ сторонился, не разговаривался, боясь проговориться, что у него есть деньги, и какъ бы ихъ у него не отняли. Особенно у него замирало сердце, когда онъ встрѣчался съ кѣмъ-нибудь въ лѣсу. Но все обошлось благополучно, и на третій день онъ былъ въ своемъ городѣ.

XVIII.

Теперь ихъ городъ имѣлъ совсѣмъ другой видъ, чѣмъ тогда, весной. Онъ не былъ такъ загроможденъ и казался чище, приглядясь. Пыльные улицы были сухи, вездѣ — просторно. Онъ вышелъ на площадь, гдѣ стояли лавки, и сталъ искать глазами, куда ему лучше пойти. Вдругъ онъ услышалъ надъ собой голосъ:

— Никакъ Макарка?

Макарка поднялъ голову. Передъ нимъ стояла ихъ деревенская баба. Баба держала пустой мѣшокъ подъ мышкой и, видимо, шла въ лавки что-нибудь покупать.

— Д-да,—обрадованно улыбнулся Макарка.—Здорово, тетя Анна!

— Ты чтѣ же это—изъ Москвы?

— Изъ Москвы.

— Знать, мать на покосъ наказала?

— Нѣтъ, меня разочли.

— Тебя, стало быть, и не ждутъ дома-то?

— Нѣтъ.

— Ты съ кѣмъ же до города-то ѣхалъ?

— Я не ѣхалъ, а пѣшкомъ.

— На своемъ-двоемъ?!—воскликнула удивленная баба.—Ахъ, ты, родимый, небось усталъ-то какъ! Ну, пойдемъ, я подвезу тебя до дому-то. Иди, я тебѣ телѣгу покажу. Посидишь тамъ пока...

Они подошли къ телѣгѣ, у которой стояла, понуривъ голову, выпряженная лошадь; въ телѣгѣ лежала свѣжая трава, и отъ нея распространялся сладкій запахъ. У Макарки сперлось въ груди. Вся деревня, съ ея лугами, полями и лѣсомъ, встала передъ его глазами, и сердце его сильно забилося.

— Вотъ, сядь, посиди тутъ пока, а я въ лавку пойду. Какъ закуплю, такъ и поѣдемъ.

По дорогѣ отъ города уже не было камня, и покрывала мягкая пыль, пушистымъ хвостомъ поднимавшаяся за телѣгой. По сторонамъ волыхалась темно-зеленая, выпцвѣтшая розь; розь смѣнялась серебристымъ овсомъ или нѣжнымъ, бархатнымъ льномъ, еще не начинавшимъ цвѣсти. Въ другихъ мѣстахъ разстилались луга, цвѣтушіе разными цвѣтами. Надъ ними сверкали птички, носились бабочки, гдѣ-то поскрипывалъ дергачъ. Такъ бы и соскочилъ съ телѣги, бросился въ эту благодать, утонулъ въ ней!..

Анна спрашивала его, хорошо ли жить въ Москвѣ, гдѣ онъ жилъ и что дѣлалъ. Макарка разсѣянно отвѣчалъ; онъ такъ далеко былъ отъ Москвы, что стоило немалого труда возвращаться къ ней хоть мысленно... Кромѣ этого, у него зарождалась забота, какъ его приметъ мать. А ну-ка и его деньги ее не подкупятъ,—что ему тогда будетъ дѣлать?

Къ деревнѣ подъѣхали отъ сараевъ. Анна и лошадь остановила у своего сарая. Макарка вылѣзъ изъ телѣги, вытянулъ свою котомку, закинулъ ее за спину и сказалъ:

— Спасибо, тетя Анна.

— Не за что, родимый.

Макарка зашагалъ къ своей усадьбѣ. Увидѣвши свое гнѣздо, онъ почувствовалъ, какъ у него застилаютъ глаза и ноги ступаютъ уже не такъ увѣренно. Вотъ и амбаръ. Около тына стоитъ Машка и развѣшиваетъ бѣлье. Она повертывается къ нему лицо; оно все такое же, только загорѣло очень.

— Никакъ Макарка?!—воскликнула Машка, и Макарка замѣтилъ, что въ ея глазахъ блеснулъ какой-то огонекъ. И этотъ огонекъ освѣтилъ его сердце, ему стало легче, и онъ попробовалъ улыбнуться.

— Гдѣ Макарка? — слышалось изъ амбара, и въ растворенную дверь амбара показалось лицо матери. Она взглянула на мальчиша, но Макарка не сталъ вглядываться въ ея лицо и бросился къ ней. Снявши картузь, онъ обвилъ ея шею и потянулся къ ней губами.

— Вотъ я сегодня во снѣ чай-то пила — нечаяно и вышло, — говорила мать, цѣлуя его. — Ты что же это, аль намъ помогать пришелъ?

— Я, мама, денегъ принесть, — поспѣшилъ заявить Макарка.

— Денегъ? Что жъ ты — зажилъ?

— Зажилъ. Восемь рублей. Еще тетка Матрена вамъ всѣмъ по платочку прислала.

Оторвавшись отъ матери, Макарка поцѣловался съ Машкой.

Мать растерялась отъ неожиданности. Она скрылась въ амбаръ, взяла тамъ лукошко съ мукой и стала запираеть амбаръ.

Макарка стояла около Машки, и Машка спрашивала его:

— Пѣшкомъ, аль на подводѣ?

— Пѣшкомъ.

— Ахъ, ты, возгрякъ этакій, небось ноги-то отбилъ?

Машка глядѣла на него, и глаза ея смѣялись; Макареѣ стало совсѣмъ легко.

— Ну, пойдѣмъ въ избу,—сказала мать.—Съ кѣмъ же ты шелъ-то?

— Одинъ,—храбро заявилъ Макарка.

— И не боялся?

— Не-е... чего же?

— Мало ль худыхъ людей.

— Я убѣгъ бы.

Они вошли въ избу. Изба Макареѣ показалась и ниже, и тѣснѣе, чѣмъ она была прежде. Хотя все въ ней было по-старому. Сбросивъ сумку и оставивъ у порога сапоги, Макарка сейчасъ же разстегнулъ воротъ, вытащилъ гайтанъ и сталъ отвязывать отъ него узелокъ. Отвязавъ узелокъ, онъ подалъ его матери. Та дрожащими руками стала его развязывать и вынула двѣ бумажки.

— Машка, гляди-ка, новенькія!—радостно проговорила мать, и Макарка впервые замѣтилъ у нея такое выраженіе лица, и сердце его запрыгало, глаза загорѣлись и на щекахъ появился румянецъ. Въ немъ зародилась увѣренность, что его желаніе исполняется—на него теперь будутъ глядѣть по-другому. Машка поглядѣла на деньги и вдругъ поймала лѣвой рукой Макарку и прижала его къ себѣ.

— А мы ломали голову, гдѣ что взять. А теперь—безъ заботы. Пятерку старостѣ отдадимъ—пусть не грозить, что землю отнять, а на трешницу травы купимъ, накосимъ—телку пустишь, у насъ и на тотъ годъ деньги... да навозъ.

— Добышникъ объявился,—трепала Макарку по спинѣ, сказала Машка.

— Вотъ и слава Богу. Отъ отца толку не было, може отъ него дождемся,—проговорила мать.—Хоть отдохнемъ немного.

Она говорила не тѣмъ тономъ, какъ прежде, и взглядъ у нея былъ другой. Макареѣ было и радостно, и отчего-то грустно.

Өенька была въ грядкахъ. Когда она пришла и ей сообщили, что изъ Москвы пришелъ Макарка и принесъ денегъ и по платочку, она вбѣжала въ избу, обхватила его и крѣпко поцѣловала.

И весь этотъ день Макарка чувствовалъ сладкій туманъ, который окутывалъ его и нѣжилъ, какъ ничто не нѣжило его никогда въ жизни. За все время послѣ смерти отца, въ первый разъ Макарка легъ спать счастливый и удовлетворенный. Онъ теперь не чужой для своихъ кровныхъ, на него не будутъ уже глядѣть, какъ на лишній комъ, попадающійся подъ ноги на дорогѣ. И онъ хотя чувствовалъ, какъ въ будущемъ, чтобы поддержать себя на этомъ положеніи, ему опять придется идти въ Москву, опять работать немилую работу и вставать на смѣну, но это не важно. Важно, что онъ испытываетъ сейчасъ вотъ, а будущее еще далеко...

И съ этимъ радостнымъ и пріятнымъ ощущеніемъ Макарка заснулъ.

СЕРГѢЙ СЕМЕНОВЪ.

ИЗЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ
СЮЛИ-ПРЮДОМА

10.—И теперь! ¹⁾

Когда, завернутый пеленгами,
Я въ люлькѣ маленькой лежалъ,
Заботу мамы я ручонками
И плачемъ громкимъ призывалъ.

Свои желанія, стремленія,
Волненье страховъ и тревогъ,
Всѣ радости и всѣ томленія
Передавать я знакомъ могъ.

Теперь, когда съ былыми сказками
Простился умъ мой навсегда,
Простился я и съ тѣми ласками,—
Но жажду ласкъ я, какъ тогда.

Вмѣсто ребяческаго лепета
Мнѣ данъ теперь языкъ идей,
Но нѣтъ, какъ прежде, словъ для трепета,
Для тайныхъ чувствъ души моей.

¹⁾ См. выше: апрѣль, стр. 491.

Пусть годы дѣтскіе прошли мои...
 Я и теперь готовъ рыдать,
 Чтобъ выразить невыразимое,
 Чтобъ несказанное сказать!

11.—Идеаль.

На ясномъ небѣ—звѣзды и луна,
 И спитъ земля, въ сіяніи блѣдна.
 Надъ ней душа разлита міровая.
 О высшей я звѣздѣ мечтаю,
 Еще не видной никому,
 Но чье сіянье черезъ тьму
 Уже идетъ, пронзая тѣни,
 Навстрѣчу жаждущимъ мечтамъ,
 Чтобъ воссиять инымъ глазамъ
 Иныхъ, грядущихъ поколѣній.
 Скажите жъ ей, когда, изъ бездны выйдя,
 Она заблещетъ съ вышины,
 Что я ее любилъ, еще не видя,—
 О, вы, земли послѣдніе сыны!

12.—Колыбели.

Когда ужъ птицы отлетѣли,
 Ихъ гнѣзда хрупкія гніютъ.
 Не такъ же ль тлѣютъ колыбели,
 Дѣтми покинутый пріютъ.
 Моя лежитъ подъ пылью тоже
 Въ забвеньи мрачномъ чердака,
 Но мило дѣтское мнѣ ложе,
 Гдѣ жизнь, какъ сонъ, была легка.
 Я помню, мать надъ ней склонялась
 Съ заботной нѣгою очей;
 Тамъ сердце ласки дождалось,
 А взоры—утреннихъ лучей.

Когда на грудь друзей иль дѣвы
Мы клонимъ головы въ тоскѣ,
Мы возвращаемся въ напѣвы
Святого дѣтства въ забытѣ.

Мы бѣ и теперь порой хотѣли
Баякать скорбь въ объятяхъ нѣгъ...
Но рано людямъ, колыбели,
Вы измѣняете навѣкъ.

13.—Когда бѣ я Богомъ былъ...

Когда бѣ я Богомъ былъ, мы были бѣ чище лилій;
Не гаснулъ бы во-вѣкъ любви волшебный пылъ;
Глаза бы слезы радости лишь лили,
Когда бѣ я Богомъ былъ.

Когда бѣ я Богомъ былъ, плоды бѣ безъ кожи зрѣли;
Лилось бы золото само изъ горныхъ жилъ,
И люди бы въ трудѣ лишь мѣру силъ имѣли,
Когда бѣ я Богомъ былъ.

Когда бѣ я Богомъ былъ, о, ангель мой безцѣнный,
Я весь бы мѣръ тебѣ въ угоду измѣнилъ,
Оставивши одну тебя безъ перемѣны,
Когда бѣ я Богомъ былъ!

14.—Былое.

СОНЕТЪ.

Сойдя порой въ тайникъ своихъ воспоминаній,
Былому я шепну: „Давай, поговоримъ
О дняхъ, когда счастливъ, когда я былъ любимъ!..“
И вотъ я въ царствѣ вновь былыхъ переживаній.

Былое—предо мной. Руководимый имъ,
Я юность вижу вновь; въ дыму благоуханій
Вотъ ночи вновь любви сіяютъ; блещутъ тѣани;
И снова я стою предъ праздникомъ своимъ.

Зажжетъ Былое свѣтъ, нальетъ виномъ бокалы;
 Въ гондолу, всю въ цвѣтахъ, садится, какъ гребець;
 Сквозь арки льются вдаль зеркальные каналы.

И мага я хочу обнять. Но мрачно-вялый
 Взоръ глазъ его страшить... О, тутъ лишь, наконецъ,
 Я вижу, спохватясь, что предо мной—мертвецъ!

. 15.—Встрѣча.

СОНЕТЪ.

О, падшая сестра, тебя не оскорблю я.
 Съ улыбкой дерзкою, въ нарядахъ дорогихъ,
 Личину счастья во взорахъ огневыхъ
 Несешь ты на люди, какъ будто торжествуя.

И я несу на балъ веселость напускную;
 Въ кругу блистающихъ красавицъ молодыхъ
 Иду вымалывать у ихъ сердець пустыхъ
 Я нектара любви, обѣта, поцѣлуя.

И я, и ты—увы!—придавлены судьбой:
 Тебя обжить, какъ зла, кто сердцемъ чистъ и молодъ;
 Отвергнуть юныхъ дѣвъ я шумною толпой.

Кто сердца моего согрѣть захочетъ холодъ?
 И мы съ тобой сошлись,—сошлись въ насъ съ тобой
 На мрачный пиръ ночной Отчаянье и Голодъ!

Съ франц. С. Пинусъ.

ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ВЕРЕЩАГИНЪ

По личнымъ воспоминаніямъ.

Окончаніе.

II *).

Много передавалъ мнѣ Верещагинъ и про другія сраженія и сцены, въ которыхъ лично принималъ онъ участіе.—По признанію его, орденъ св. Георгія полученъ имъ за то, что, несмотря на штатское платье, успѣлъ онъ увлечь за собою въ бою солдатъ. Но въ тотъ же день надо было выбѣжать за укрѣпленіе для того, чтобы преслѣдовать отступавшаго непріятеля... И что же?!—Верещагинъ, крикнувъ „ура!“, бросился впередъ, увѣренный, что за нимъ идутъ нижніе чины. Вдругъ онъ оглядывается — и видитъ себя въ полѣ совершенно одинокомъ... „Такова психологія боя!“ — пояснилъ мнѣ художникъ эту сцену.

Верещагинъ говорилъ, что обладаетъ удивительной, какъ выразился онъ, „прямо страшной“ памятью прошлаго — до такой степени, что можетъ представить себѣ любую сцену изъ жизни своей въ мельчайшихъ деталяхъ, будучи при томъ увѣренъ, что общій тонъ, свѣтовые и тѣневые эффекты, положеніе цѣлой группы, даже отдѣльныхъ лицъ въ ней, встанутъ передъ нимъ въ фотографически-вѣрномъ воспроизведеніи.. При подобной памяти, — увѣрялъ онъ, — ему ничего не стоитъ вернуться

*) См. выше: апрѣль, стр. 496.

къ темамъ изъ русско-турецкой войны, для созданія новыхъ картинъ.

Въ одинъ изъ вечеровъ, проведенныхъ у меня, Василій Васильевичъ особенно увлекся воспоминаніями о русско-турецкой войнѣ, сталъ рассказывать мнѣ и женѣ моей о томъ, какъ, на примѣръ, препровождались въ Россію взятые въ плѣнъ турки, замерзая сотнями на привалахъ и остановкахъ. Вся дорога, по увѣренію его, была усѣяна мертвыми, умирающими, которые еще не потеряли сознанія, лежа въ снѣгу дороги: черезъ этихъ полу-мертвецовъ, не переставая, шли войска, ѣхали телѣги, фуры военного обоза. Не до нихъ было! Мученики еще дышали, стонали, проклиная, прося о помощи, замерзая постепенно, такъ сказать, по частямъ, иногда въ теченіе двухъ дней... Напрасно умоляли они о пощадѣ, о хлѣбѣ, о томъ, чтобы дали имъ согрѣться: русскіе солдатыки порою—въ отвѣтъ—безжалостно, при Верещагинѣ, глумились надъ ними... Говоря такъ, Василій Васильевичъ изображалъ выраженіе глазъ умирающихъ, напрасныя попытки ихъ сказать что-то оконченѣвшимъ ртомъ. Передъ нимъ, въ эту минуту, несомнѣнно стояли съ прежней яркостью всѣ эти сцены — и мы съ женою замерли, слушая эту неприкрашенную правду о войнѣ, вылившуюся изъ устъ не только очевидца, но и великаго художника, запомнившаго навсегда многое, мимо чего съ равнодушіемъ прошли, вѣроятно, десятки тысячъ...

Особенно трогательно-трагиченъ вышелъ у него въ повѣствованіи слѣдующій эпизодъ.

Верещагинъ засталъ какъ-то двухъ старыхъ турокъ, плѣнныхъ, которые, отойдя въ сторону отъ дороги, найдя нѣсколько щепочекъ, разложили костеръ и, сидя на корточкахъ у этого жалкаго огня, грѣли оконченѣвшія свои руки. Василю Васильевичу стало жаль турокъ. Подойдя, онъ о чемъ-то спросилъ ихъ: тѣ не поняли словъ его и, въ отвѣтъ, стали рыдать. Не будучи въ состояніи чѣмъ-либо облегчить ихъ участь, прошелъ онъ далѣе. Былъ сильный морозъ, при вѣтрѣ. Тѣла же стариковъ едва прикрывались рубищемъ. Черезъ два часа идетъ Верещагинъ назадъ: оба плѣнника сидятъ по-прежнему, на корточкахъ, у щепокъ, которыя потухли, протянувъ надъ ними руки; — оба уже замерзли...

Василій Васильевичъ передавалъ, что не разъ пытался онъ оказать помощь раненымъ, и нашимъ, и туркамъ. Но страдальцы встрѣчались въ такихъ массахъ, что приходилось отступать въ сознаніи единоличнаго безсилія. Онъ вполне соглашался со мною въ томъ, что о войнѣ нельзя говорить въ шутовскомъ тонѣ,

раздѣляя возмущеніе, которое вынесъ я передъ тѣмъ съ лекціи, прочитанной о походѣ противъ китайцевъ въ военномъ собраніи генераломъ Орловымъ.

Кстати тутъ замѣтить, что, во время пребыванія въ Вильнѣ, были мы съ Верещагинымъ въ пріемный день у супруги губернатора, кн. Грузинской. И княгиня, и находившіеся въ салонѣ ея гости, стали хвалить ту же лекцію генерала Орлова, а я высказался, что, напротивъ, возмущенъ шутливымъ тономъ, взятымъ лекторомъ, — тономъ, который не соотвѣтствовалъ темѣ. Возраженіе мое было рѣзко, не соотвѣтствовало, быть можетъ, обстановкѣ; тѣмъ не менѣе, едва вышли мы изъ гостиной на лѣстницу, какъ Василій Васильевичъ, быстрымъ движеніемъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, сказалъ, что восхищался „гражданскимъ мужествомъ“, съ какимъ въ многолюдномъ обществѣ, вопреки взгляду хозяйки дома, высказалъ я громко мое мнѣніе. — Это было въ его вкусѣ...

Но вернусь къ бесѣдамъ Верещагина о войнѣ и боевыхъ впечатлѣніяхъ. По мнѣнію моему, все это характеризуетъ его, какъ художника и человѣка.

По словамъ Василія Васильевича, пока писалъ онъ картины свои на сюжеты изъ войны съ Наполеономъ — передъ нимъ вставали сцены, имъ видѣнныя, изъ войны русско-турецкой, а Наполеонъ, идущій по большому тракту, застланному замерзшими трупами, нарисованъ въ обстановкѣ той дороги, по которой въ русско-турецкую войну двигались, на глазахъ художника, — отъ Плевны въ Россію — плѣнные турки...

Разговоръ нашъ невольно коснулся однажды товарища моего по виленскому реальному училищу, юнаго Васи Янькова, покинушаго во время русско-турецкой войны училище для того, чтобы встать волонтеромъ въ ряды арміи, а затѣмъ погибшаго въ сраженіи. Верещагинъ наткнулся на юношу на полѣ битвы, въ грудѣ труповъ, обративъ вниманіе на молодость и миловидность лица убитаго и похоронивъ его особо. По найденнымъ у покойнаго письмамъ, узналъ Василій Васильевичъ адресъ его матери, переслалъ ей эти письма, сообщивъ, что сынъ ея умеръ смертью храбраго. Въ яркихъ краскахъ изобразилъ онъ мнѣ, при этомъ, поле сраженія, боевую обстановку, въ которой погибъ Яньковъ. Судя по послѣдней, юноша зарвался впередъ, а когда наши, попавъ на значительный отрядъ турокъ, отступили, то отсталъ отъ своихъ: его и прикололи. Письма матери, найденныя на убитомъ, по словамъ Верещагина, полны были трогательной тревоги, заботъ и любви къ сыну.

Живъ еще въ памяти моей и другой рассказъ Верещагина о томъ, какъ разыскивалъ онъ, при иной уже обстановкѣ, тѣло убитаго своего брата. Приходилось бродить среди грудъ мертвыхъ тѣлъ, отчасти разложившихся, вздутыхъ газами, валившихся до самаго редута. Василій Васильевичъ пытливо заглядывалъ въ лица страшныхъ покойниковъ, вдумывался въ позы ихъ, стараясь найти знакомыя примѣты... Все было напрасно: такъ и не отыскалъ онъ въ этомъ царствѣ смерти дорогого, любимаго человѣка!.. Во время долгихъ, упрямыхъ поисковъ—рыданія душили его. Видя, что далѣе искать—безполезно и опасно, захотѣлъ онъ хоть набросать себѣ на память общую картину поля битвы, но и это ему не удалось привести въ исполненіе.

„Возьмешься писать“ — передавалъ онъ— „разрыдаешься—бросишь... За слезами ничего не видно. Такъ ничего и не сдѣлалъ!..“

Да! Я имѣлъ не одинъ случай, въ теченіе дней, прожитыхъ душа въ душу съ этимъ человѣкомъ, убѣдиться въ-очію въ томъ, что дѣйствительно была у него „страшная“ память...

Недаромъ же такъ искренно ненавидѣлъ онъ войну. Война, по глубокому убѣжденію его, только развиваетъ развратъ во всѣхъ его видахъ, притупляя чувство совѣсти... „Война“—выразился онъ— „благодарная нива для Скобелевыхъ...“ Съ гадливымъ омерзѣніемъ передавалъ Василій Васильевичъ провѣренныя имъ факты о томъ, какъ въ русско-турецкую войну вино и сахаръ, присланные изъ Россіи для раненыхъ, попадали совсѣмъ по иному назначенію... Зато высоко ставилъ онъ русскаго солдата, всесторонне изучивъ его въ дѣлахъ съ непріятелемъ, въ обстановкѣ, при которой лгать, притворствоваться нельзя— „въ обстановкѣ смертельной опасности“... Тѣмъ болѣе безпощаденъ былъ онъ къ начальству, не всегда бывшему, съ его точекъ зрѣнія, на высотѣ положенія. Всѣ такъ называемые „герои войны“,— въ смыслѣ нарушенія основныхъ заветовъ Христа и общепризнанныхъ правилъ мирной морали, въ смыслѣ дѣланья себѣ боевой карьеры,—выходили порою—въ мастерски-набросанныхъ портретахъ его—гнусными, пошлыми, преступными, порою прямо ничтожными.

Съ наблюдательностью глубокаго психолога и художника подмѣтилъ Верещагинъ поразительную черту человѣческой души—способность людей, повидимому добрыхъ, гуманныхъ, воспитанныхъ и настроенныхъ по-христіански, апплодировать звѣрству, жестокости, даже, при случаѣ, съ гордостью подчеркивать всѣ эти отрицательные элементы въ собственной жизни. Онъ повто-

рилъ при мнѣ еще разъ, кажется, оглашенный уже имъ въ печати фактъ, когда въ Лондонѣ, на выставкѣ картинъ его, къ нему и художнику Жирардону подошелъ почтенный, добродушный старикъ-англичанинъ, отставной военный, съ орденомъ въ петлицѣ, и, представившись, заявилъ, что это ему принадлежала счастливая мысль — разстрѣлять пушками возставшихъ сипаевъ. Бывшая тутъ же, при этомъ разговорѣ, не менѣе добродушная, пожилая супруга старика съ гордостью подтверждала слова мужа. Видимо, оба они увѣровали въ то, что въ подобномъ способѣ избиенія ближнихъ—даже особая, благородная заслуга передъ родиною...

Какъ бы въ pendant къ этому факту, передавалъ мнѣ Верещагинъ и о томъ, какъ, во время русско-турецкой войны, зналъ онъ генерала В., который, устроивъ нѣсколько хитрыхъ засадъ, подпустилъ къ своему отряду на близкое разстояніе турокъ и чуть не въ упоръ далъ по нимъ залпъ, „наворотивъ“ груды труповъ. Когда же, оставшіеся въ живыхъ турки, въ паническомъ беспорядкѣ, побѣжали прочь, то онъ далъ вдогонку имъ второй залпъ и снова „наворотилъ“ груды мертвыхъ тѣлъ. Встрѣчаетъ вскорѣ послѣ того Верещагинъ генерала В. и поздравляетъ его съ побѣдою. А тотъ, снявъ фуражку, перекрестившись набожно и взглянувъ на небо, пресерьезно отвѣчаетъ ему: „Это не я!.. Это Онъ—Господь—надоумилъ меня!..“

При этомъ, по словамъ рассказчика, у В. былъ тонъ, который не давалъ права сомнѣваться, что этотъ, въ сущности, добрый, набожный человекъ, проникнулся глубоко увѣренностью въ то, что дѣйствительно нѣто, какъ Богъ, помогъ ему столь удачно уложить тысячи турокъ посредствомъ хитрости, что поступокъ его и похваленъ, и не противорѣчитъ христіанской морали...

Разсказъ свой Верещагинъ закончилъ такъ: „Слово осужденія замираетъ на устахъ при столь искреннемъ убѣжденіи“...

По наблюдениямъ Василя Васильевича, къ радости его, обстановка войны становится все менѣе и менѣе жестокой, болѣе гуманной. Онъ твердо вѣровалъ въ дальнѣйшій прогрессъ чело-вѣчества именно въ этомъ направленіи, сравнивая, для примѣра, войны двѣнадцатаго года и крымскую съ кампаніей русско-турецкой, хотя бы въ смыслѣ оказанія сражающимся врачебной и иной помощи. По мнѣнію его, не разъ мнѣ высказанному, „человѣчество ненавидитъ войну“, почему кровавые столкновенія между народами будутъ все рѣже и рѣже, при томъ все менѣе ужасны. Онъ увѣрялъ, что „война, какъ и всякое другое отрицательное явленіе“, приноситъ людямъ нравственную пользу.

„Теперь“ — развивалъ онъ мысль свою — „подолгу не бываетъ войнъ, не считая стычекъ между мелкими группами людей“...

Какое счастье, что не дожиль онъ, идеалистъ, до ужасовъ Муздена, Лаонна, до цусимской бойни!..

При первомъ же случаѣ, когда бесѣда наша коснулась религиозныхъ вопросовъ, Верещагинъ откровенно выказалъ себя, какъ свободомыслящій, какъ врагъ всякой церковности, отрицающій необходимость храмовъ, духовенства, молитвъ, богослуженія, обрядностей. Все это считалъ онъ фарисействомъ, обманомъ, съ помощью котораго наживается „каста жрецовъ“ и одурманиваютъ народы. По признанію его, дѣтей своихъ онъ никогда не водить въ церковь, всякія молитвы считаетъ „профанаціей Божества“, вѣруя въ то, что „вся вселенная движется по однимъ и тѣмъ же, непреложнымъ, справедливымъ, для всѣхъ одинаково равнымъ, законамъ“, и что „со стороны ничтожнаго человѣка являлось бы дерзостью — думать, будто бы молитва одного лица можетъ измѣнить, именно въ пользу его, теченіе вселенной, а это было бы такъ, если бы Богъ дѣлалъ что-либо только потому, что Его упросили“...

Но, проповѣдуя такъ, живя въ подобномъ отношеніи къ религіи, соглашался Василій Васильевичъ съ тѣмъ, что при воспитаніи дѣтей, на этой почвѣ, не должно былъ разлада между отцомъ и матерью; что мужъ не въ правѣ мѣшать женѣ, если та пожелаетъ воспитывать дѣтей даже въ узко-православномъ направленіи. Впрочемъ, если бы дѣти за разъясненіемъ сомнѣній своихъ обратились къ такому невѣрующему отцу, то онъ — по словамъ Верещагина, — не пытаясь разрушить ихъ вѣрованія, долженъ былъ бы сказать имъ правду — въ томъ смыслѣ, что на одни и тѣ же вопросы бывають различныя взгляды, а что онъ, отецъ, лично придерживается такого-то мнѣнія. Вообще, въ высказываніи правды видѣлъ Василій Васильевичъ „первѣйшій долгъ всякаго порядочнаго человѣка“; на Христа смотрѣлъ лишь какъ на „геніальнаго смертнаго“; Христово ученіе цѣнилъ высоко, но примѣненіе его къ душѣ человѣческой видѣлъ не въ обрядахъ, таинствахъ и молитвахъ, а „въ добрыхъ дѣлахъ — на пользу ближняго...“

Надо замѣтить, что подобныя взгляды высказывалъ Верещагинъ, не справляясь предварительно, вѣрующій ли или невѣрующій, и въ какой степени, его собесѣдникъ. Да и вообще не принадлежалъ онъ къ тѣмъ, которые сообразуются съ обстановкой и слушателями... Однажды, у меня въ домѣ, при двухъ женщинахъ, заявившихъ ему себя религиозными въ православномъ

духъ,—съ моею женою и пришедшей къ ней знакомой,—въ присутствіи дѣтей моихъ, подростовъ, позволилъ онъ себѣ явно-воцущественную выходку по отношенію къ Христу, сказавъ умышленно одно общепринятое молитвословіе. Жена моя, при сибѣхъ дѣтей, однако, довольно рѣшительно остановила его въ самомъ началѣ — и извинившись, болѣе, при ней, никогда не касался онъ рискованныхъ религиозныхъ темъ. Я привожу этотъ эпизодъ, между прочимъ, и какъ иллюстрацію къ способности Верещагина — держать себя непринужденно, всюду чувствуя себя какъ бы въ своемъ собственномъ кабинетѣ. Въ самой манерѣ его входить въ чужую гостиную было что-то изящное, непринужденно-безъискусственное, но въ то же время напоминающее принца крови, увѣреннаго, что онъ — всюду — желанный гость, которому позволено многое, запрещенное другимъ. То же самое подмѣтилъ я, когда входилъ Василій Васильевичъ и со своими убѣжденіями въ чужую душу. При этомъ логика, горячность атаки противника-спорщика бывали у него, по большей части, неотразимыми... Рѣчь его лилась непринужденно, красиво, пересыпанная въ изобиліи поговорками, простонародными „словечками“ и сравненіями... не всегда цензурными...

Въ бесѣдахъ нашихъ избѣгали мы, однако, слишкомъ отвлеченныхъ, рискованныхъ темъ, а тѣмъ болѣе политики, къ которой Верещагинъ заявилъ себя вполне равнодушнымъ... Разговоръ, въ большинствѣ случаевъ, касался предметовъ, вызывавшихъ болѣе удобный, откровенный обмѣнъ мыслей — литературы, искусства, видныхъ представителей русскаго общества, которыхъ мы оба знали...

Помню, какъ-то упрекнулъ я его за то, что часто не ѣздитъ онъ самъ со своими картинами, поручая это полуграмотнымъ слугамъ—Василію и Петру. На это онъ мнѣ отвѣтилъ:

„Ѣздить самому на выставки—значить бросить работу. Работать же нужно для того, чтобы было на что жить...“

Вѣрится, что онъ тутъ не докончилъ почему-то фразы своей словами:

„И для того, чтобы проводить въ общество свои идеалы...“
Но на „вѣчную нужду“ свою онъ постоянно мнѣ жаловался...

Говоря о писателяхъ, указывалъ Верещагинъ, какъ на „образованнаго писателя“—въ смыслѣ систематичности образованія—на Тургенева, котораго зналъ онъ лично, противопоставляя ему въ этомъ отношеніи графа Л. Н. Толстого... Тургенева считалъ онъ талантливымъ, начитаннымъ человѣкомъ, отрицая послѣднія качества въ графѣ Толстомъ. Всю философическую часть произве-

деній Толстого онъ сплошь осуждалъ, считая ее „результатомъ недостаточно систематическаго образованія“..

Столь же „необразованнымъ“ находилъ онъ и одного, всѣми признаннаго, прославленнаго русскаго художника (нынѣ здравствующаго). Верещагинъ зналъ, что послѣдній, часто до изнеможенія, борется въ картинахъ своихъ съ какой-либо второстепенной подробностью и въ этой борьбѣ съ таковой—какъ онъ выражался—„бутафорской принадлежностью картины“ видѣлъ Верещагинъ опять-таки признакъ „дурнаго образованія“. По мнѣнью его, подобная погоня за „пустячками“, за эффектами—въ ущербъ идеѣ, только указываетъ на то, что художникъ самъ не уяснилъ себѣ еще основную идею своей картины, не знаетъ, зачѣмъ ее писать...

Возмущало Василя Васильевича, служа, на его взглядъ, яркимъ примѣромъ плохого образованія, въ упомянутомъ художникѣ и то, что этотъ послѣдній въ картинахъ своихъ непременно возьметъ и нарисуетъ голую спину—лишь потому, что ему вообще дается легко писанье обнаженнаго тѣла...

Да и во всей Европѣ, не только въ Россіи, видѣлъ Верещагинъ мало „образованныхъ“, по его разумѣнью, художниковъ, которые заботились бы главнымъ образомъ о выраженіи—въ возможно яркой, ясной формѣ—идеи, а не размѣнивались бы на техническія мелочи...

Когда возмущался я однажды собственнаго творчества Верещагина, то онъ признался, что—врагъ писанья эскизовъ, специальныхъ этюдовъ для картинъ. Только два раза, за все время художественной своей дѣятельности, набросалъ онъ эскизы, и то лишь для того, чтобы уяснить лично себѣ впечатлѣніе, которое картина, въ скомпонованномъ видѣ, должна была произвести на зрителя, непосвященнаго въ тайны, въ технику искусства. Вообще же, на вѣку своемъ, по его признанію, дѣлалъ онъ мало и предварительныхъ этюдовъ, а тѣ сорокъ этюдовъ, которые зарисовалъ онъ въ боевой обстановкѣ, имъ потеряны при переездѣ.—Картина, какъ увѣрялъ онъ, путемъ особой, продолжительной, психологической работы, слагалась у него постепенно—и въ одинъ прекрасный день вдругъ появлялась передъ нимъ вся, до малѣйшихъ подробностей.

Оставалось только сѣсть и писать... Рѣдко мѣнялъ онъ детали—на столько все,—до свѣтовыхъ эффектовъ включительно, навсегда укладывалось въ художественной его памяти. Моделями пользовался онъ рѣдко, лишь при отдѣлкѣ мелочей, для того, чтобы не расходиться съ натурою.

Верещагинъ говорилъ мнѣ, что умышленно избѣгаетъ знакомства съ знаменитостями, даже съ тѣми, которыя живутъ вмѣстѣ съ нимъ въ Москвѣ, т.-е. съ которыми было бы легче всего ему встрѣтиться. Такъ, напримѣръ, съ художникомъ Васнецовымъ онъ лишь на поклоняхъ; Льва Толстого не знаетъ лично и знать не хочетъ, питая непреоборимое отвращеніе къ его философіи и морали, къ его поддержкѣ духоборовъ, къ совращенію имъ въ свое сектантство, на ложный путь, молодежи, къ его осужденію другихъ. Едва захотѣлъ я связать нѣсколько словъ въ защиту Толстого, какъ Василій Васильевичъ круто, съ сердцемъ, оборвалъ со мною разговоръ.

Ранѣе, когда я рассказалъ ему о томъ, какъ Толстой упрекалъ меня за службу въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, Верещагинъ пришелъ въ неописуемое негодованіе, выкрикивая: „Онъ?! — Осуждается! Да какъ онъ смѣетъ!!.. Да самъ-то кто онъ такой?!. Тоже отыскался безгрѣшный!!“

Тутъ же передалъ онъ, что однажды общіе знакомые уговорили-таки его, на нейтральной почвѣ, сойтись въ одномъ домѣ со Львомъ Николаевичемъ... Назначенъ былъ и часъ свиданія. Но Толстой не явился. Послѣ этого Верещагинъ отклонялъ всякія другія попытки сблизить его съ „моднымъ“ писателемъ.

Не меньшее, повидимому, тоже искреннее, отвращеніе выказывалъ Василій Васильевичъ и къ попыткамъ — писать съ него портреты... По его словамъ, Крамской „поймалъ“ его и началъ, было, дѣлать съ него портретъ, но однажды, во время сеанса, заставилъ его просидѣть въ холодной мастерской: Василій Васильевичъ схватилъ лихорадку и „сбѣжалъ“ отъ знаменитости, а портретъ такъ и остался недоконченнымъ...

Критикуя, порой съ беспощадной рѣзкостью, чужія художественныя произведенія, Верещагинъ довольно добродушно относился къ постороннимъ взглядамъ на собственныя его картины. На совѣты онъ не обижался, если даже исходили они отъ любителей.

Когда я, напримѣръ, замѣтилъ ему, что въ картинѣ „Процессія евреевъ, выходящихъ изъ гробницъ царей“, рама лишь портитъ общее впечатлѣніе, что безъ рамы картина имѣла бы видъ окна, въ которое наблюдается процессія, Василій Васильевичъ отвѣтилъ со свойственной ему живостью:

„Вы совершенно правы!.. Я хочу въ будущемъ приняться за писанье картинъ безъ рамъ... Я вообще чувствую, что до сихъ поръ только готовился къ дѣлу; что лишь теперь начну писать, какъ слѣдуетъ“...

Несомнѣнно, однако, что пока увлекался онъ подобными соображеніями—зрѣніе его уже значительно ослабѣло (при мнѣ, освѣжая блики на нѣкоторыхъ картинахъ, надѣвалъ онъ одновременно два *pinse-nez*), а рука дрожала. Последнее объяснял онъ утомленіемъ съ дороги... Но это было не утомленіе, а немолчаливая старость, которую художнику если и приходилось признавать, то въ шуточной формѣ, какъ бы съ тайной надеждою, что неминуемая гостья эта еще далека...

Касаясь мнѣній разныхъ лицъ объ его произведеніяхъ, Верещагинъ не могъ, чтобы не подчеркнуть и тутъ юмористической стороны человѣческой глупости...

Такъ, нѣкій извѣстный русскій художественный критикъ ¹⁾, посѣтивъ его выставку и, при прощаньи, ни слова не обмолвившись о самыхъ картинахъ (которыя очевидно ему не понравились), выразилъ Василю Васильевичу по его словамъ восторгъ... „за умѣнье все обставить роскошно и со вкусомъ...“

Французы, глядя на картину „Эльборусъ“ и не разобравши, что тамъ нарисованы, между прочимъ, облака, въ которыхъ какъ бы купается гора, спрашивали наивно: „Что это?.. Море?!“

Графъ Ш., особенно любясь картиною, на которой Наполеонъ пѣшкомъ, съ остатками арміи, спасается изъ Россіи, по большому, обсаженному заиндевелыми березами, тракту, послѣ объясненія художника, что онъ написалъ эту дорогу 1812 года съ замерзшими трупами и остатками обозовъ по сторонамъ „по памяти“ (имѣя, конечно, за образецъ тотъ путь, по которому въ русско-турецкую войну брели плѣнные турки), — спросилъ пресерьезно Василя Васильевича:

„Какъ?.. Вы видѣли сами дорогу съ идущимъ Наполеономъ?!“

Вообще, этого высокопоставленнаго господина не разъ приводилъ художникъ, какъ образецъ высшей глупости, притомъ съ апломбомъ...

Верещагинъ хотѣлъ выставить картины свои (въ томъ числѣ и на темы изъ эпохи вторженія въ Россію Наполеона) въ Парижѣ, на Парижской выставкѣ, причемъ, черезъ кн. Тенишева, выхлопоталъ уже себѣ на то разрѣшеніе, какъ вдругъ французскій посолъ, гр. Монтебелло, находя картины грубой клеветою на французовъ, заявилъ свой протестъ—и Василю Васильевичу было въ просьбѣ отказано. Тогда, въ Парижѣ, сдѣлалъ онъ свою отдѣльную выставку, которая, въ виду одновременной общей выставки, успѣха, конечно, не имѣла.

¹⁾ Я избѣгаю, въ этихъ воспоминавіяхъ, называть многія фамиліи. Развѣ въ фамиліяхъ дѣло?!

Нынѣшній императоръ германскій Вильгельмъ—разсказывалъ мнѣ Василій Васильевичъ—посѣтилъ въ Берлинѣ выставку его картинъ съ супругою и былъ къ нему очень милостивъ. Разговоръ между посѣтителеми и художникомъ велся на французскомъ языкѣ¹⁾.

Увидѣвъ въ петлицѣ художника георгиевскій крестъ, Вильгельмъ, видимо съ желаніемъ любезно показать ему, что даже отчасти знакомъ съ его біографіей, замѣтилъ полушутя, полу-вопросительно:

— „Вы вѣдь немножко тоже военный человекъ?!..“

Получивъ утвердительный отвѣтъ, императоръ, какъ бы въ продолженіе этой бесѣды, пригласилъ, затѣмъ, Верещагина на воинскій парадъ, поставивъ его рядомъ съ собою для того, чтобы тотъ все возможно лучше видѣлъ. При этомъ Василій Васильевичъ смѣшно описывалъ мнѣ и представлялъ въ лицахъ, какъ деревянно, точно рубя землю ногами, шагали на парадѣ нѣмецкіе солдаты. Главный же курьёзъ разсказа его заключался въ томъ, что императоръ, въ видѣ особаго благоволенія, хотѣлъ дать ему, безъ сомнѣнія, *какъ баталисту*, для будущихъ, *батальонныхъ* картинъ его, возможность видѣть сцену прохожденія войскъ *на парадѣ*: настолько вѣрно понялъ онъ духъ произведеній художника!..

На той же выставкѣ, въ Берлинѣ, находилась и коллекція рѣдкихъ старинныхъ эмалей, принадлежавшая Верещагину. Одна изъ эмалей очень понравилась германской императрицѣ, почему Верещагинъ предложилъ послѣдней принять отъ него эту вещь въ подарокъ. Та отказалась. Тогда Василій Васильевичъ сказалъ: „Ваше величество! Прошу васъ принять эмаль! Иначе я пожалуюсь на васъ вашему супругу“.—Такъ какъ императрица продолжала отказываться, то Верещагинъ въ самомъ дѣлѣ подошелъ къ императору Вильгельму и, въ шутовомъ тонѣ, принесъ ему жалобу на его жену. Вильгельмъ всталъ на сторону художника: завязался споръ. Наконецъ, Василій Васильевичъ сказалъ, что дарить эмаль только потому, что это — дубликатъ; иначе онъ, конечно, ни за что бы съ нею не разстался. Всѣ разсмѣялись, а императрица приняла подарокъ.

Одинъ изъ русскихъ посланниковъ за-границей, осмотрѣвъ выставку, сказалъ ему откровенно, что это—первая выставка, на которую пустилъ онъ безбоязненно сына-юношу, добавивъ:

¹⁾ Кстати будетъ замѣтить, что Верещагинъ недурно изъяснялся по-французски, хотя несомнѣнно свободно, дѣлая ошибки и порой съ трудомъ подбирая фразы. Писалъ же онъ на французскомъ языкѣ плохо, почему, напримѣръ, французскій текстъ каталоговъ, въ Вильгѣ, по просьбѣ его, поправляла жена моя.

— „А то всюду голыя в.....!“

Припоминаю еще одну подробность изъ жизни Василя Васильевича, о которой самъ же онъ сообщилъ мнѣ и которую оказалось возможнымъ провѣрить немедленно, въ Вильнѣ.

Когда А. П. Сугаревскій узналъ отъ меня, что прїѣзжаетъ Верещагинъ, то рассказалъ мнѣ про случай относительно художника, въ которомъ, лично его не зная, сыгралъ онъ видную роль.

По словамъ Аркадія Платоновича, императоръ Александръ III и военный министръ Ванновскій не терпѣли Верещагина, какъ творца батальныхъ картинъ съ извѣстнымъ направленіемъ. Императоръ выражалъ свою нелюбовь къ художнику при всякомъ удобномъ случаѣ, что генералу довелось не разъ слышать лично, будучи среди Его свиты. Когда, послѣ русско-турецкой войны, Василій Васильевичъ читалъ въ С.-Петербургѣ объ этой войнѣ извѣстную лекцію свою въ пользу женскихъ курсовъ, то, при массѣ публикѣ, на ней были изъ военныхъ только генералъ Петрушевскій и онъ, Сугаревскій. Описывая картины сраженій, Верещагинъ, между прочимъ, изобразилъ сцену, гдѣ солдаты идутъ впередъ — умирать, а начальство ихъ трусливо прячется назадъ. Дня черезъ два Сугаревскаго потребовалъ къ себѣ генералъ Ванновскій. „Были вы на лекціи Верещагина?“ — спрашиваетъ онъ Аркадія Платоновича. — „Былъ“. — „Слышали ли вы, какъ Верещагинъ ругалъ русскихъ офицеровъ, изображая ихъ трусами?“ — Въ отвѣтъ на это Сугаревскій правдиво изложилъ министру, въ какомъ духѣ была вся лекція, напомнивъ, что и по уставу во время боя начальствующимъ лицамъ полагается быть сзади; что художникъ Верещагинъ говорилъ не про однихъ русскихъ офицеровъ, а про офицеровъ вообще; на войнѣ же находились и офицеры другихъ націй; что, наконецъ, какъ военный, слушая лекцію, не нашелъ онъ въ словахъ художника ничего для себя обиднаго. Генералъ Ванновскій, промолчавъ, отпустилъ его. Дня черезъ три, въ 6 часовъ утра, человекъ будитъ Сугаревскаго, доложивъ, что явился начальникъ сысеной полиціи, желающій немедленно его видѣть по весьма важному, неотложному дѣлу. Когда Аркадій Платоновичъ вышелъ, то этотъ господинъ задалъ ему тѣ же вопросы, что и генералъ Ванновскій, а Сугаревскій и ему сообщилъ все, что могъ въ защиту Верещагина, при чемъ узналъ отъ него, что по поводу лекціи допрошенъ уже генералъ Петрушевскій, который далъ аналогичный съ нимъ отвѣтъ. По соображеніямъ Сугаревскаго, который не зналъ, чѣмъ окончилась эта исторія, Ванновскій хотѣлъ тогда

выслать Верещагина изъ Петербурга, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ.

По приѣздѣ въ Вильну Василя Васильевича, я, конечно, спросилъ его по поводу того же инцидента, и онъ рассказалъ мнѣ, что, дѣйствительно, приѣхавъ въ Петербургъ, послѣ войны, прочелъ лекцію въ пользу женскихъ курсовъ; что правитель канцеляріи военнаго министра, на основаніи ходившихъ по столицѣ слуховъ, превратно доложилъ генералу Ванновскому, будто бы онъ, Верещагинъ, изобразилъ всѣхъ русскихъ офицеровъ трусами, прячущимися за спины солдатъ — въ то время, когда послѣдніе идутъ впередъ и умираютъ. Василий Васильевичъ увѣрялъ меня, что въ такомъ духѣ онъ не говорилъ, не обобщалъ, а сказалъ лишь то, что подобные случаи вообще бываютъ, при чемъ въ частности не касался однихъ русскихъ офицеровъ, а сказалъ вообще про офицерство. На лекціи присутствовали дѣйствительно лишь два военныхъ — генералъ Петрушевскій и другой — офицеръ высокаго роста (несомнѣнно — Скугаревскій). Послѣ же лекціи многіе военные были недовольны горькой правдой, высказанной Верещагинымъ о войнѣ, почему даже возникъ вопросъ о томъ, чтобы снять съ него георгіевскій крестъ; но это послѣднее оказалось не такъ-то легко сдѣлать — и мысль оставили. Генералъ Петрушевскій говорилъ потомъ Василю Васильевичу о томъ, какъ его вызвали къ Ванновскому для вопроса по поводу лекціи. Тутъ же привелъ мнѣ Верещагинъ примѣръ, когда гвардейскіе офицеры, на глазахъ его, шли впереди своихъ частей, увлекая за собою нижнихъ чиновъ.

Пока находился Верещагинъ въ Вильнѣ, снова посѣтили мы съ нимъ Муравьевскій музей, и продолжали дѣлать визиты. Въ это время генералъ-адъютанта Троцкого въ городѣ не было, да Верещагинъ, повидимому, и не очень-то искалъ съ нимъ свиданія.

Пригласили насъ затѣмъ съ Василюмъ Васильевичемъ на обѣдъ къ одной мѣстной высокопоставленной „особѣ“. Верещагинъ, бывшій у этой „особы“ ранѣе съ визитомъ, сначала не хотѣлъ принимать приглашенія, такъ какъ визитъ ему еще не былъ отданъ, съ удивительной прозорливостью подозрѣвая, что „особа“ у него совсѣмъ не будетъ (къ моему конфузу — это впоследствии и случилось). Но я утверждалъ тогда противное и убѣдилъ его принять приглашеніе, тѣмъ болѣе, что послѣднее исходило отъ супруги „особы“, съ которой визитами считаться не приходилось. Мы съ Верещагинымъ и поѣхали. За обѣдомъ, а также послѣ него, Василий Васильевичъ, и здѣсь чувствовавшій себя какъ дома, много шутилъ, смѣялся, рассказывалъ

анекдоты,—однимъ словомъ, былъ въ духѣ. Дочь „особы“ славилась въ Вильнѣ, какъ прекрасная декламаторша стихотвореній и, въ качествѣ таковой, даже не разъ выступала на вечерахъ съ благотворительной цѣлью, вызывая общіе восторги. Дѣйствительно, декламировала она недурно. Узнавъ про это, Василій Васильевичъ попросилъ барышню прочесть что-либо при немъ. Та начала декламировать французскіе стихи, въ которыхъ говорилось о Христѣ. Какъ вдругъ, къ смущенію моему, къ конфузу барышни и къ негодованію ея родителей, Верещагинъ, на половинѣ фразы, останавливаетъ декламацию и дѣлаетъ вѣрное замѣчаніе, что не такъ, не надлежащимъ тономъ, произносятся слова Христа, что ихъ нужно произнести такъ-то и такъ. Барышня, не ожидавшая подобнаго урока, поправляется и продолжаетъ чтеніе. Но ее еще разъ безъ церемоніи останавливаетъ Василій Васильевичъ, вновь подчеркнувъ невѣрность интонаціи, несоотвѣтствіе послѣдней съ текстомъ стихотворенія. Такимъ образомъ, „мастерская“ декламация обратилась въ заурядный урокъ... Быть можетъ, для того, чтобы сгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное на окружающихъ его придирчивостью, Верещагинъ любезно записалъ въ альбомъ барышни прехорошенькіе стихи своего сочиненія. Тутъ впервые узналъ я, что онъ не только выдающійся художникъ, но и недурной поэтъ ¹⁾.

Много интереснаго въ бесѣдахъ передавалъ мнѣ Василій Васильевичъ о семьѣ своей, особенно же о дѣтяхъ, о дочери, обладающей способностью къ рисованію, съ невыразимой грустью вспоминая покойную свою дѣвочку, которая, по словамъ его, тоже проявляла замѣчательныя наклонности къ живописи. Верещагинъ рассказывалъ, что когда онъ дома, то дѣти отъ него не отходятъ, безъ церемоніи врываются въ его мастерскую, иѣшпаютъ ему работать; но что онъ все терпитъ, счастливый отъ ихъ шумнаго, веселаго набѣга...

Если человѣкъ этотъ въ сужденіяхъ своихъ и воспоминаніяхъ бывалъ подчасъ беспощаденъ къ другимъ, то и къ себѣ

¹⁾ До пріѣзда въ Вильну Верещагина, я слышалъ уже про то, какъ ненавидитъ онъ дамскіе альбомы, въ которые стараются поймать знаменитостей любительницы автографовъ. Мнѣ достоверно передавали, что за-границей, въ домъ русскаго консула, одна старая дѣва атаковала Василя Васильевича неотступной просьбой нарисовать ей „что-либо“ въ альбомъ. Напрасно отклонялъ онъ эту честь: отъ „дѣви“ было не такъ-то легко отдѣлаться... Тогда, затанувъ негодованіе въ видѣ мести за назойливость, онъ нѣсколькими штрихами зачертилъ ей въ альбомъ карандашомъ какого-то урода, подписавъ: „Если хочешь быть счастливъ, кушай этотъ черносильв. В. Верещагинъ“. Это и было „что-либо“, котораго отъ него требовали...

самому относился онъ не менѣе строго, обрисовавъ себя, въ одной изъ бесѣдъ со мною, „совершенно непрактичнымъ въ денежномъ отношеніи человекомъ“.

— „Жена дрожитъ порой надъ копѣйкою, — признавался онъ, смѣясь: — А я возьму да и куплю древнюю плащаницу, шитую золотомъ, за 300 рублей...“

Но изъ рассказовъ же Верещагина вывелъ я, что у него всюду, по Россіи, находились преданные ему люди, которые, подобно мнѣ, возможно дешево устраивали ему его выставки, причемъ онъ не церемонился эксплуатировать въ пользу свою ихъ расположеніе. Даже въ Вержболовъ, куда я ѣздилъ вырывать картины, имѣлъ я отъ Василя Васильевича записку въ одному такому его доброжелателю, чиновнику, готовому на всякія услуги...

Эта черта характера производила непріятное впечатлѣніе, явно не мирясь съ житейской непрактичностью, о которой въ бесѣдахъ любилъ Верещагинъ распространяться. Нѣтъ! Часто въ немъ проявлялась не только расчетливость, но и скупость... Съ работами своими, въ видѣ подарковъ, разставался онъ не безъ борьбы, съ сожалѣніемъ: такъ рассказывали слуги его...

Еще болѣе несимпатичнымъ показалось мнѣ стремленіе Василя Васильевича поддержать успѣхъ выставки своей побочными средствами. Такъ, словно заискивая передъ провинціальной прессою, разослалъ онъ — вопреки моему совѣту — редакторамъ двухъ мѣстныхъ газетъ книги свои съ надписями. Едва удалось мнѣ, затѣмъ, отговорить его отъ намѣренія — ставить въ залахъ выставки, въ извѣстные часы, для возможно большаго привлеченія публики, военный оркестръ. На мои возраженія онъ сталъ доказывать, что за-границей такая мѣра, какъ музыка, увеличивала доходность выставки. Нѣкоторыя картины хотѣлъ онъ обставить спереди растеніями, цвѣтами для того, чтобы холстъ явился какъ бы продолженіемъ этой живой декорации. Но и тутъ возсталъ я, доказывая, что хорошія картины не нуждаются въ подобныхъ фокусахъ. Несмотря на то, что мною было объявлено Василю Васильевичу, что ни за что не пойду я въ редакцію одной мѣстной газеты, считая это для себя униженіемъ, онъ настаивалъ, чтобы я, по порученію его, непременно отправился туда, съ цѣлью добиться уменьшенія платы за объявленія о выставкѣ, на что я, конечно, не согласился... Едва открылась выставка, какъ въ первой комнатѣ, гдѣ получали входные билеты, на столѣ появились продававшіеся въ пользу художника собственные его портреты различныхъ раз-

мѣровъ, на которыхъ онъ изображенъ въ разнообразныхъ костюмахъ, снабженные автографами, книги его, въ которыхъ онъ говоритъ такъ много о себѣ, а на особыхъ столикахъ, по комнатамъ выставки, были разложены изданія на разныхъ языкахъ, гдѣ снова сообщались свѣдѣнія о художникѣ, объ его картинахъ, объ его успѣхахъ... Расколаживали меня и нѣкоторые поясненія къ картинамъ въ каталогахъ, какъ бы навязывавшія зрителю извѣстное впечатлѣнне, пороку смахивавшія на рекламу... Все это имѣло такъ мало общаго съ искусствомъ, съ идеалами, которымъ служилъ художникъ!!

И рядомъ съ такою расчетливостью, съ такими средствами увеличить доходность выставки, въ Верещагинѣ—какое-то избѣганье, словно даже страхъ, дѣловыхъ разговоровъ... По крайней мѣрѣ, едва попытался я рассказать ему въ первый же день нашего свиданія про нѣкоторыя подробности о затрудненіяхъ, которыя пришлось уже преодолѣть на свой собственный рискъ, какъ Верещагинъ, сердито заткнувъ руками уши, сталъ умолять, чтобы я ничего подобнаго ему не рассказывалъ... И снова—ни одного дѣловаго указанія по выставкѣ: явное нежеланіе дать совѣтъ, связать инструкціей... „Дѣлайте, молъ, какъ себѣ хотите! За все буду признателенъ...“

Не одинъ разъ довелось мнѣ быть свидѣтелемъ и быстроты измѣчивости настроеній Василя Васильевича. Недаромъ же назвалъ онъ себя какъ-то, въ бесѣдѣ со мною, „человѣкомъ экспромптовъ“, а проекты вѣчныхъ вочевоекъ своихъ по дальнимъ странамъ—„экспромптами“.

— „Самъ не знаю, гдѣ буду я завтра...“—пояснялъ онъ сущность своего характера. И это была правда...

Пока Верещагинъ находился въ Вильнѣ, у мѣстнаго, только-что возникшаго художественнаго кружка явилось предположеніе—поднести ему званіе почетнаго члена. Для предварительныхъ переговоровъ по этому вопросу явился ко мнѣ одинъ изъ членовъ кружка—въ то время, когда у меня сидѣлъ Василій Васильевичъ. Еще наканунѣ говорилъ Верещагинъ о томъ, что онъ—врагъ всякихъ „званій“ и всюду отъ нихъ отказывается. Но тутъ мнѣ удалось убѣдить его—принять званіе отъ юнаго симпатичнаго учрежденія, т.-е. сдѣлать исключеніе для провинціальной Вильны. Онъ согласился. На другой день, на выставку явилась депутація изъ художниковъ И. П. Трутнева, В. М. Резанова и В. В. Грязнова, поднеся Верещагину дипломъ на званіе почетнаго члена. Въ залахъ дворца стоялъ прямо сибирскій холодъ, такъ что всѣ (въ томъ числѣ и Ве-

рещагинъ) были въ шубахъ и мѣховыхъ шапкахъ. Василій Васильевичъ любезно водилъ гостей по выставкѣ, уже на половину готовой, показывая имъ картины, хотя въ манерѣ его держать себя съ собратьями по кисти чувствовалось какое-то скрываемое покровительство...

Нивогда не забуду я нѣсколькихъ дней, проведенныхъ съ Верещагиннымъ! Я видѣлъ его по-прежнему въ самой разнообразной обстановкѣ: и въ свѣтскомъ обществѣ, и въ сношеніи съ простымъ людомъ, и у себя въ домѣ, когда моя „Марфушечка“ не сходила у него съ рукъ, плача и протестуя — едва пробовали освободить отъ ея дѣтскихъ объятій рѣдкаго гостя. Несмотря на возню съ выставкой, бѣготню по городу и разнаго рода волненія, бодрое настроеніе все время не покидало въ Вильнѣ Верещагина и юморъ билъ въ немъ ключомъ, а наблюдательность не иссякала...

У насъ какъ-то обѣдала дававшая уроки старшимъ дѣтямъ французенка. И вотъ Верещагинъ сталъ увѣрять ее, что всѣ парижанки ходятъ какъ-то особенно, при чемъ выворачиваютъ на ходу бедра. Французенка горячо протестовала, увѣряя, что онъ клеветаетъ на французскихъ женщинъ. Тогда Верещагинъ прошелся раза два по столовой, съ удивительнымъ комизмомъ ввображая, какъ ходятъ парижанки по бульварамъ Парижа. Споръ между нимъ и французенкой на эту тему длился довольно долго. Наконецъ, при неотразимости доводовъ художника наша „madame“ стала сдаваться, воскликнувъ: „*Ah, monsieur, cela tient de la nature!*“ — Мы всѣ дружно расхохотались. — Черезъ нѣсколько дней, когда Верещагина не было уже въ Вильнѣ, стою я у окна и вижу, какъ наша французенка переходитъ улицу. И что же? Спѣша, сама того не замѣчая, идетъ она походкою съ выворачиваніемъ бедеръ, которую такъ высмѣивалъ Василій Васильевичъ. Невольно, еще разъ, вспомнилъ я про его способность — наблюдать, подмѣчивать смѣшныя стороны не только въ отдѣльныхъ людяхъ, но и въ національностяхъ...

Такъ какъ всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, то и для меня насталъ день разлуки съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ: устроивъ выставку, разставивъ по желанію, при помощи Василія и Петра, свои картины, надлежащимъ образомъ, освѣтивъ ихъ, Верещагинъ торопился уже покинуть Вильну. Его тянуло неудержимо въ новыя мѣста, главнымъ образомъ за-границу. Желая почему-то скрыть до времени свою поѣздку и боясь, что о ней заговорятъ въ газетахъ, онъ, сообщивъ мнѣ ближайшіе

плапы своего путешествія, просилъ возможно дольше держать все это въ секретѣ.

Убѣдившись, насколько преданъ я дѣлу выставки, не зная, онъ, какъ и чѣмъ отблагодарить меня за понесенные труды.

Прежде всего подарилъ онъ мнѣ восемь книжекъ со своими произведеніями, снабдивъ ихъ, у меня же въ квартирѣ, слѣдующими надписями — особо каждую: „Многоталантливому“, „Любезному и деликатному товарищу“, „Прелестному товарищу и другу“, „Дорогому и милому“, „Хорошему пріятелю“, „Милому, хорошему, пригожему“, „Дорогому пріятелю“. А на книгѣ, подъ заглавіемъ: „Дѣтство и отрочество“, имъ же написано: „На память отъ дѣтки-отрока В. Верещагина“.

Перо, которымъ писалъ тогда Василій Васильевичъ, до сихъ поръ хранится у меня въ числѣ дорожныхъ для меня сувенировъ.

Но любезности, мнѣ сдѣланной подаркомъ книгъ, казалось все еще мало Верещагину. Въ послѣдній день, когда пришелъ я на выставку, поднесъ онъ мнѣ въ рамѣ небольшой этюдъ монахини масляными красками, написавъ сзади его, по подрамнику: „Милому, хорошему, пригожему“; при чемъ курьезно рассказалъ о томъ, какъ трудно было ему уговорить глупую монашенку — дать срисовать съ нея портретъ, и изобразивъ въ лицахъ и позахъ, какъ та предварительно ломалась. Я отказался сначала отъ подобнаго подарка, имѣвшаго какъ бы видъ платы за мои хлопоты, заявивъ, что Василій Васильевичъ этимъ предложеніемъ прямо отравляетъ мнѣ все наслажденіе и охоту быть ему полезнымъ. Надо было видѣть, какъ вспыхнулъ, какъ расквипятился обиженный словами моими Верещагинъ...

— „Петръ! — закричалъ онъ на всю залу: — Тащи этюдъ въ печку!“ — Такъ какъ я продолжалъ отказываться, а Петръ не зналъ, исполнить ли ему приказаніе или нѣтъ, то Верещагинъ наскочилъ на слугу со сжатыми кулаками, крича: — „Тебѣ ли я говорю!.. Тащи монашенку въ печь!.. Я не принимаю обратно разъ подареннаго...“ — Петръ понесъ, было, этюдъ въ пылавшей печкѣ. Пришлось поневолѣ согласиться — и я принялъ подарокъ... Картинка — увы! — пережила автора...

— „Вы думаете, что я очень дѣню эту вещь? — успокаивалъ, затѣмъ, Василій Васильевичъ мою совѣсть: — Это — этюдъ темный, несолнечный, котораго я даже не поставилъ для публики, а держалъ про запасъ... Въ моихъ картинахъ всегда много солнца... Повѣрьте, я у васъ остаюсь въ долгу. Пришлю вамъ изъ теплыхъ

странъ „лучь солнца“, „кусочек солнца“ ¹⁾). Берите же, берите картину! Не возражайте! Я вѣдь — упрямъ, настойчивъ...”

Тутъ же впервые предложилъ мнѣ Верещагинъ — принять „вѣчную“ его „дружбу...”

Надо ли говорить, съ какими чувствами согласился я на этотъ новый, самый драгоценный подарокъ, какъ горячо мы обнялись съ отъѣзжавшимъ...

Вотъ настала и часъ разлуки. Когда Верещагинъ цѣловалъ — на прощанье — „Марфушечку“ и другихъ моихъ дѣтей, — глаза его были полны искренними слезами; онъ былъ мраченъ, тяжело вздыхалъ...

Сердечно обнявъ мою мать и сказавъ ей нѣсколько комплиментовъ по моему адресу, Василий Васильевичъ замѣтилъ мнѣ и женѣ моей:

— „Мнѣ такъ тяжело — точно здѣсь, у васъ, теряю я что-то родное!“

Предчувствіе смерти по-прежнему преслѣдовало его. Уже въ прихожей обернулся онъ еще разъ для того, чтобы взглянуть на нашу гостиную, увѣшанную картинами, на моихъ дѣтей.

— Хочу навсегда унести послѣднее впечатлѣніе вашего дома! — глотая слезы, сказалъ онъ. И побѣжалъ на лѣстницу. По дорогѣ къ вокзалу не проронили мы ни слова.

На вокзалѣ же вдругъ Верещагинъ ожилъ, снова разговаривалъ со мною объ искусствѣ вообще, о себѣ, своихъ картинахъ, восхвываясь прочтенныхъ имъ моихъ литературныхъ произведеній, совѣтовалъ продолжать развивать талантъ, не обращая вниманія на критиковъ, а если издавать новыя книги, то не иначе, какъ маленькаго формата, недорогія, которыя, по собственному его опыту, охотнѣе раскупаются публикою...

И снова перешелъ вдругъ на предчувствіе, что, уѣзжая изъ Россіи, онъ болѣе въ нее, назадъ, не вернется...

— „Ахъ!.. Ваша Марфушечка!.. Чтò это за прелести!“ — не разъ восклицалъ онъ, вздыхая и устало закрывая глаза...

Мы рѣшили проститься до отхода поѣзда.

Былъ зимній вечеръ. Въ воздухѣ висѣла отвратительная, пронизывающая насковозь, мгла... Вотъ мы обнялись въ послѣдній разъ, такъ крѣпко, такъ горячо, словно всю жизнь были самыми интимными друзьями, — и я пошелъ быстрыми шагами прочь отъ вагона, унося въ сердцѣ моемъ скорбь и пустоту... Вдругъ, оглянувшись, слышу знакомый, растроганный голосъ Верещагина:

¹⁾ Т.-е. солнечный этюдъ.

— „Идите! Идите!.. Я хочу еще посмотреть— пока не сгоритъ ваша милая фигурка...“

И, еще разъ оглянувшись, увидѣлъ я Василя Васильевича— въ шубѣ, мѣховой шапкѣ, съ рипсе-нез на носу,—одиноко стоящимъ у вагона, при слабомъ свѣтѣ вокзальнаго фонаря...

Могъ ли думать я тогда, что тоска, охватившая мое сердце, имѣла свои основанія, что никогда болѣе не увидѣть мнѣ этого человѣка, не услышать звука его голоса!..

Уже съ дороги прислалъ мнѣ Верещагинъ телеграмму:

„Просьба скорѣй застраховать. Привѣтъ всѣмъ“.

На другой день—вторая телеграмма—съ извѣщеніемъ о томъ, что на желѣзной дорогѣ, въ багажѣ, пропалъ чемоданъ съ его вещами.

Пока Верещагинъ былъ, затѣмъ, въ Россіи, прислалъ онъ мнѣ нѣсколько писемъ.

Въ первомъ изъ нихъ, изъ Петербурга, между прочимъ, сообщалъ онъ 17-го декабря 1900 года:

„Мой чемоданъ, посланный Василю, пропалъ—и вотъ за цѣлый день о немъ не получено никакихъ извѣстій. Тамъ— платье, бѣлье и нѣсколько начатыхъ статей. Эти послѣднія мнѣ дороже платья“.— „Оглядываясь еще разъ на мое у васъ пребываніе, прошу позволенія высказать вамъ и вашему милому семейству самую горячую благодарность за добрый, дружескій приѣмъ. Отнынѣ позвольте считать васъ за самаго добраго, испытаннаго друга. Таковымъ же, сдѣлайте мнѣ честь, считайте и вы меня. Марфушечку заочно цѣлую“.— „Секрета въ моей будущей поѣздкѣ нѣтъ“.— „Надсмотрщику надобно рекомендовать—быть въ закоулкахъ, крайнихъ углахъ выставки; меньше вѣроятія, что сдѣлаютъ каверзу въ большихъ, проходныхъ залахъ. Пожалуйста, дорогой Александръ Владиміровичъ, прикажите моимъ людямъ почаще провѣрять альбомы и книжки, также осматривать картины, особенно этюды, стоящіе въ крайнихъ комнатахъ!“

Опасенія Верещагина о судьбѣ иллюстрированныхъ изданій на столахъ выставки имѣли-таки свое основаніе: едва открылась выставка, какъ пропало нѣсколько такихъ книжекъ, что вызвало съ моей стороны просьбу къ генералу Скугаревскому—ежедневно наряжать изъ состава 27-й пѣх. дивизіи особыхъ нижнихъ чиновъ— для охраны выставки, за что я потомъ безвозмездно пропустилъ на выставку всѣхъ унтеръ-офицеровъ дивизіи.

Надо замѣтить, что самая выставка была обставлена Верещагинимъ для провинціи прямо-таки роскошно. Трудно было узнать неуютныя, мрачныя комнаты генералъ-губернаторскаго

дворца. По вечерамъ часть ихъ и дѣстница освѣщалась газомъ, остальные (гдѣ размѣщались картины)—бензиновыми горѣлками. Къ сожалѣнію, древнее, огромное зданіе со старыми, выслужившими срокъ, печами не давало возможности поддерживать всюду надлежащую температуру, хотя я усердно, не жалѣя дровъ, и отапливалъ комнаты. А морозы, какъ на зло, начались лютые, напоминая морозъ на картинахъ Верещагина изъ эпохи 1812 года. Приходилось частенько на выставкѣ сидѣть въ пальто, предупреджая публику, особенно дѣтей, не раздѣваться...

Такъ какъ генералъ Харкевичъ просилъ меня снестись съ Василиемъ Васильевичемъ по поводу предполагавшагося художественнаго заказа, то объ этомъ телеграфировалъ я Верещагину. Онъ отвѣчалъ письмомъ, въ которомъ сквозило такъ много бодрой веселости: „Пишу вамъ изъ Москвы, дорогой пріятель, уже отославши отвѣтъ на вашу телеграмму о Харкевичѣ. Надобно вамъ сказать, что заказовъ вообще я не принимаю, и худо ли, хорошо ли, дѣлаю лишь то, что Богъ на душу положитъ. Посмотрю, какой такой заказъ хочетъ сдѣлать нашъ пріятель?“ — „Уѣду изъ Москвы около 26—27-го декабря, и эти дни очень занятъ приготовленіями“. — „Картины пойдутъ въ Ревель. Припадамъ до ногъ... Присмотрите за отправкою и за молодцами-контролерами (Петромъ, Василиемъ), таки-требующими контроля. Самый добрый поклонъ всѣмъ вашимъ. Покрѣпче поцѣлуйте Марфушечку. Увы! Куколки ¹⁾ были въ чемоданѣ, который безслѣдно пропалъ. Ужасно жалѣю ихъ. Черкну вамъ съ дороги. Не теряйте терпѣнья читать и отвѣчать. Первый этапъ — Портъ-Сандъ, затѣмъ — Манилла, Филиппинскіе острова; почта, до востребованія, или губернатору — для передачи. Еще и еще поклонъ, поклонъ“. — „Весенній этапъ: Пекинъ, посольство“.

„Большущее вамъ спасибо, дорогой пріятель“, — писалъ мнѣ Василій Васильевичъ 23-го декабря, все еще изъ Москвы: — „спасибо за еще одно милое письмо! Конечно, не спрашиваю о томъ, что у васъ дѣлается. Скажу вамъ только, что въ среду 27-го я выѣду въ Одессу, а 30-го отъѣду изъ этого города на Востокъ. Ой, какъ буду вспоминать васъ, супругу вашу, дѣтокъ съ Марфушей впереди, и всю Большую-Погоулянку: просто сроднился со всѣми за эти дни! — Напичкался всякими запасами и приготовленіями — отъ дорожнаго погребца до касторки включительно. — Беру и ваши книжки, буду читать васъ — очень интересуюсь „госпиталемъ“. Чемоданъ сгинулъ и пропалъ. Я уже подалъ за-

¹⁾ Ми подарил я японскія куколки для дѣтей Василю Васильевича.

явленіе о пропаяхъ и просьбу о выдачѣ вознагражденія въ 66 руб. Кабы взяли билетъ прямо перваго класса, а не съ добавкою во второму, то получилъ бы 100 рублей—хоть было бы утѣшеніе... Мой прощальный привѣтъ Виталию Николаевичу ¹⁾ и добрый поклонъ вамъ и вашимъ. Кланяйтесь, пожалуйста, Попову ²⁾ и его помощнику ³⁾.

Еще одно письмо (увы! прощальное, отъ котораго вѣтъ снова мрачными предчувствіями!) отъ 26-го декабря, получилъ я отъ Василя Васильевича. — Вотъ содержаніе его:

„Прощайте, дорогой пріятель,—уѣзжаю! Если не доведется увидѣться въ этой жизни—не поминайте дурно! Когда накопится денегъ хоть пятьсотъ руб.—высылайте женѣ моей. Вашей милой супругѣ кланяйтесь; дѣтокъ перецѣлуйте непременно за меня. Объ Марфушѣ вспомнить не могу. Замѣтку не потеряйте—возвратите мнѣ. Имѣйте въ виду, что переходъ черезъ Иметли совершенъ подъ командой Скобелева. Эту, да, пожалуй, и картину, представляющую Шипку, можно отдать сейчасъ послѣ виленской выставки, если приобретутъ для собранія ⁴⁾. Телеграммъ избѣгайте—доставка ихъ стоитъ 85 коп. Заказныя письма тоже требуютъ посылки за ними за нѣсколько верстъ. Отъѣздъ мой больше не секретъ. Портретъ мой слѣдуетъ. Еще разъ привѣтъ вамъ—*последній*. Уважающій васъ, другъ вашъ В. Верещагинъ“.

Своро пришла ко мнѣ и чудная большая фотографія Василя Васильевича съ краткой надписью: „Другу моему“.

На просьбу — разрѣшить нѣкоторымъ лицамъ виленскаго общества копировать на выставкѣ съ его картинъ (Василій Васильевичъ уже высказался до того въ смыслѣ, что вообще, въ принципѣ, онъ противъ такой копировки)—Верещагинъ успѣлъ еще прислать мнѣ изъ Москвы телеграмму: „Можно. Прощайте. Уѣзжаю. Кланяйтесь Василю, Петру“.

Затѣмъ, вся дѣловая переписка по выставкѣ шла уже у меня съ супругой художника, Лидіей Васильевной.

Вотъ нѣсколько выписокъ изъ этихъ писемъ, относящихся къ Верещагину и не касающихся „дѣлъ по выставкѣ“ ⁵⁾.

¹⁾ Троицкій, котораго такъ и не увидѣлъ въ Вильнѣ Верещагинъ.

²⁾ Почетитель Виленскаго учебнаго округа.

³⁾ А. В. Вѣлецкому.

⁴⁾ Дѣло въ томъ, что отъ имени Верещагина велъ я въ то время переговоры съ виленскимъ военнымъ собраніемъ — о покупкѣ картинъ его „Переходъ черезъ Иметли“ и „оборона Шипки“; но картины,—какъ мнѣ, въ концѣ-концовъ, отыгали, не могли быть куплены—за неизмѣнимъ средствъ. Когда же я предложилъ Верещагину одну изъ нихъ пожертвовать въ музей собранія, то онъ разсердился.

⁵⁾ Позволю себѣ надѣяться, что, сдѣлавъ изъ писемъ выборку, я тѣмъ не со-

„Сердечно васъ благодарю за моего мужа, котораго вы такъ обласкали. Онъ уѣхалъ изъ Москвы нервнымъ, и я боялась за его здоровье. Но вы и ваша супруга были такъ милы съ нимъ, что онъ, вернувшись бодрымъ, все время съ удовольствіемъ вспоминаетъ проведенные у васъ дни“. — „Я сегодня получила (2-го января 1901 г.) письмо Василя Васильевича съ дороги. Онъ, бѣдный, сидѣлъ въ снѣгахъ подъ Одессой и очень беспокоится, что опоздалъ на пароходъ“. — „Очень благодарна вамъ за ваши заботы о выставкѣ и о насъ“. — „Я еще должна поблагодарить васъ за присылку мнѣ вашей прекрасной статьи о Василя Васильевичѣ. — Я ее прочла съ большимъ удовольствіемъ. Вмѣстѣ съ моимъ привѣтомъ прелестной Марфушечкѣ, о которой Василій Васильевичъ мнѣ много рассказывалъ, прошу васъ“ и т. д.

„Сегодня (24-го января) я получила отъ Василя Васильевича письмо съ дороги. Онъ поручаетъ мнѣ попросить васъ — передать Василю съ Петромъ, что картина, посланная ими въ Кіевъ, оказалась разорванной по самой срединѣ, и что изъ-за этого, т.-е. по ихъ винѣ, Василій Васильевичъ потерпѣлъ убытку 2.000 руб. Онъ этимъ очень опечаленъ, а главное беспокоится за то, что они и впредь могутъ быть такъ же невнимательны при упаковкѣ картинъ. Также ему неприятно, что они скрыли свою оплошность. Василій Васильевичъ пишетъ мнѣ изъ Портъ-Саида, куда онъ прибылъ вполне благополучно. Погода — великолѣпная. Море все время было очень спокойно, и если бы продолжалось такъ и далѣе, то, говорить онъ, этотъ переѣздъ былъ бы чистымъ удовольствіемъ“.

По личному признанію Верещагина, мнѣ сдѣланному, онъ „вѣчно нуждался въ деньгахъ“; поэтому, при отъѣздѣ изъ Вильны, дано было имъ мнѣ полномочіе, если найдутся покупатели, то продать имъ отъ его имени нѣкоторые картины. Для моего же свѣдѣнія, на одномъ изъ каталоговъ выставки, сдѣлалъ онъ собственноручныя помѣтки карандашомъ цѣнъ, ниже которыхъ уступать не слѣдовало. Справка эта, пожалуй, интересна, какъ указывающая на то, насколько высоко оцѣнивалъ Василій Васильевичъ свой трудъ. Лучшихъ же картинъ своихъ продавать въ то время онъ не соглашался, надѣясь, что, напримѣръ, картины изъ эпохи 1812 года у него купить въ какую-нибудь картинную галерею сразу.

Противъ картины — „Въ Балканахъ; шипвинскія батареи зи-

вершая чего-либо особенно неловкаго по отношенію къ глубокоуважаемой Лидіи Васильевнѣ.

мой 1878 г. — стоитъ: „спускать до 1.000 руб.“; противъ „Въ Балканахъ, на перевалѣ, 1878 г.“ — „спускать до 500 р.“; „Юго-восточный уголь Кремля“ — 200 руб.; „На Сѣверной Двинѣ; завать солнца“ — 300 руб.; „Еврейскіе типы: Кто тутъ?“ — 300 руб.; „Въ Туркестанѣ; нищенствующіе монахи“ — 500 р.; „Крестовая гора“ — 700 — 800 руб. То были все небольшіе холсты.

Желающихъ приобрѣсти что-либо съ выставки не оказалось. Выставленные цѣны ужасали, сердили многихъ...

Не безынтересно будетъ сообщить здѣсь, хотя бы въ краткихъ данныхъ, результаты выставки, какъ совершенно новаго для Вильны художественнаго, русскаго предпріятія, которое едва-ли тамъ скоро повторится. Привожу ихъ по напечатанной въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ моей замѣткѣ.

На выставкѣ имѣлось всего около 140 произведеній Верещагина (въ томъ числѣ и фотографій съ прежнихъ, самыхъ извѣстныхъ, картинъ его). — Выставка продолжалась съ 16 декабря 1900 года по 23 января 1901 г., съ платою за входъ по 30, 20, 15, 10 и 5 коп. — съ человѣка. Общій доходъ съ нея былъ 2.718 р. 30 коп.; расходъ же, какъ и предвидѣлъ Верещагинъ, превысилъ 2.000 р. За указанный періодъ времени всего перебивало на выставкѣ 11.463 человѣка, въ томъ числѣ 1.691 воспитанниковъ и воспитанницъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній и дѣтей, купавшихъ отдѣльные билеты; 1.648 воспитанниковъ и воспитанницъ, считая тутъ и юнкеровъ виленскаго пѣхотнаго юнкерскаго училища, вошедшихъ на выставку по удешевленной цѣнѣ группами, подъ надзоромъ воспитателей. Итого, однихъ дѣтей и юношей перебивало 3.339 человѣкъ. Откинувъ цифру 339 на тѣхъ изъ нихъ, которые могли посѣтить выставку по два раза, все же получилась, на долю молодежи, крупная цифра... Кромѣ того, масса нижнихъ чиновъ 27-й пѣх. дивизіи, въ благодарность за окарауливаніе выставки, пущена была мною на выставку бесплатно съ утра, до открытія залъ для платной публики... Я даже приблизительно не могу опредѣлить ихъ цифру.

Выставка охотно посѣщалась лицами всѣхъ классовъ населенія, всѣхъ вѣроисповѣданій... На ней часто встрѣчалъ я представителей аристократіи (русской и польской), лицъ духовнаго званія (православныхъ и католиковъ), ремесленниковъ, нижнихъ чиновъ, даже бѣдныхъ евреевъ. Нерѣдко въ залахъ появлялись лица, специально пріѣхавшія для выставки въ Вильну изъ Минска, Гродны, Ковны, Лиды и др. городовъ Сѣверо-западнаго

края, а также изъ своихъ имѣній. По вечерамъ выставка посѣщалась менѣе охотно. Наибольшее количество посѣтителей приходилось на праздничные дни и субботы (евреи).

Упомянутую замѣтку мою объ итогахъ выставки я кончалъ словами:

„Не давъ почти никакого дохода художнику, выставка тѣмъ не менѣе внесла огромное, плодотворное оживленіе въ мѣстное общество, особенно въ среду тѣхъ, кто живетъ въ Вильнѣ безвыѣздно и лишенъ, поэтому, возможности видѣть выдающіяся произведенія искусства. Нравственно-культурное значеніе закрывшейся выставки—несомнѣнное. Она была событіемъ, которое нескоро забудется... Въ заключеніе нельзя не помянуть теплымъ словомъ всѣхъ тѣхъ, кто, такъ или иначе, пришелъ на помощь устроителю въ трудныя минуты отвѣтственного дѣла организаціи выставки, и прежде всего мѣстное учебное вѣдомство, словомъ и дѣломъ много посодѣйствовавшее успѣху выставки. Всѣмъ друзьямъ искусства, всѣмъ, кто, забывъ національные и религіозные счеты, сплотился въ одно у картинъ Верещагина, безпристрастно воздавъ должное огромному таланту—отъ имени отсутствующаго художника приносимъ сердечное, русское „спасибо“...“

Кромѣ обыкновеннаго каталога, продававшася публикѣ, во время выставки, была издана г. Д. особая брошюра, съ каталогомъ въ концѣ ея, озаглавленная: „В. В. Верещагинъ (біографическій очеркъ). Полный указатель выставки картинъ В. В. Верещагина. 1901 г. Цѣна 20 коп.“, состоявшая цѣликомъ изъ статей моихъ о Верещагинѣ, написанныхъ до открытія выставки, и отпечатанная съ моего разрѣшенія. Брошюра была издана крайне небрежно, но раскупалась; часть же дохода съ нея должна была идти на благотворительныя цѣли. Какъ судьба этой брошюры, такъ и судьба ея доходовъ мнѣ неизвѣстны. Помню только, что потомъ я очень сожалѣлъ о данномъ на напечатаніе этой брошюры разрѣшеніи...

„Гвоздемъ“ выставки являлась серія картинъ Верещагина на темы, вѣтныя изъ 1812 года. Въ особой комнатѣ, не безъ умысла, соединилъ, затѣмъ, самъ художникъ три огромные холста, изображающіе Кавказскія горы—Казбекъ и Эльбурсъ, помѣстивъ между ними мертваго англичанина въ Трансваалѣ, трупъ котораго терзаютъ пернатые хищники... Картины изъ русско-турецкой и туркестанской войнъ представлены были большими фотографіями. Всѣ фотографіи, въ томъ числѣ и фотографіи съ картинъ изъ жизни Христа, за неизмѣнимъ мѣста, находились на

лѣтницѣ. Множество пейзажей Сѣвера и Юга, типичные этюды разныхъ національностей, такія чудныя вещи, какъ „Царскія гробницы въ Іерусалимѣ“, виды Москвы, портретъ старика-дворецкаго и прочее, свидѣтельству о гибкости, разносторонности Верещагинскаго таланта, объ юморѣ художника, усидчивости его, наблюдательности, только усиливали общее прекрасное впечатлѣніе, производимое замѣчательною выставкою.

Тѣмъ не менѣе, мѣстные художники и критиковали, и осуждали. Я слышалъ мнѣніе, что Верещагинъ по-просту „пристегнулъ“ себя къ высокой проповѣди мира, какъ ловкій чело-вѣкъ. Указывали на слишкомъ чистенькіе мундиры сражающихся и на промахи въ техникѣ... Было тяжело слушать... Одинъ изъ художниковъ, прійдя на выставку, — когда та еще устраивалась самимъ Верещагинымъ, — не только держалъ себя за-панибрата съ Василюмъ Васильевичемъ, желая показать, что и онъ ничуть не хуже, но даже замѣтилъ про одну картинку:

— Вы тутъ, батенька Василій Васильевичъ, подпустили немного того... декаденщины.

На эту выходку Верещагинъ только добродушно рассмѣялся. Когда же посѣтитель развязно заявилъ, указывая на двѣ снѣжныя вершины Эльборуса, изображенныя на картинѣ, что „Эльборусъ“ на кавказскомъ нарѣчій значитъ „дѣвичьи груди“, то Василій Васильевичъ сознался съ простодушнымъ изумленіемъ:

— „А я, представьте себѣ, и не подозревалъ этого, набрасывая картину!..“

Едва художникъ, накритиковавъ и поломавшись вволю, убѣждалъ съ выставки, какъ Верещагинъ высказалъ предположеніе, что насчетъ названія Эльборуса господинъ этотъ, вѣроятно, завирается. А я и теперь не могъ бы отвѣтить на это ни „да“, ни „нѣтъ“.

По отъѣздѣ Василю Васильевича, выставка картинъ его продолжала жить своей особенной жизнью. И я не могу отказать себѣ въ удовольствіи—упомянуть въ настоящей статьѣ о нѣкоторыхъ эпизодахъ, имѣвшихъ на ней мѣсто...

У меня первоначально была мысль — впустить на выставку возможно большее число развитыхъ, грамотныхъ нижнихъ чиновъ виленскаго гарнизона, лично водить ихъ къ картинамъ, пользуясь случаемъ для проповѣди мира, милосердія, состраданія ко врагу, столь близкой сердцу автора произведеній... Когда В. Н. Троцкій, въ частномъ разговорѣ со мной, высказался, что ничего противъ такого проекта не имѣетъ, то этого было достаточно для того, чтобы одинъ генералъ, близко къ нему стоявшій

и меня ненавидѣвшій, явился сейчасъ же противникомъ подобной идеи. Узнавъ, что нижніе чины 27-й пѣх. дивизіи уже посѣщаютъ, съ разрѣшенія А. П. Сугаревского, выставку „особа“, выразивъ этому осужденіе, замѣтила: „Они, пожалуй, получаютъ отвращеніе къ войнѣ“. Тутъ такъ и вспомнился мнѣ фельдмаршалъ Мольте, запретившій, изъ тѣхъ же соображеній, нѣмецкому офицерству посѣщать въ Берлинѣ Верещагинскую выставку. Такъ какъ обойти моего недруга въ вопросѣ о посѣщеніи солдатами всего гарнизона было невозможно, то я попросилъ знакомаго генерала Ш. переговорить съ „особою“. Но едва, въ разговорѣ, упомянулось имя мое, какъ „особа“ внушительно промолчала. На томъ чуть-было все и не кончилось... Но я рѣшилъ не сдаваться такъ скоро. Набрасывая замѣтку мою въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ о „дѣтяхъ на выставкѣ“, имѣлъ я въ виду и „взрослыхъ дѣтей“ русскаго народа—нижнихъ чиновъ, которыхъ, въ бесѣдахъ со мною, такъ высоко ставилъ Верещагинъ... Видя, что одна надежда на Троцкаго, который, въ извѣстныхъ случаяхъ, умѣлъ быть упрямымъ, я пошелъ къ нему съ тѣмъ же вопросомъ, предупредивъ его, что „особу“ я не безпокою, такъ какъ та уже высказалась противъ. Пробормотавъ нѣчто, несомнѣнно неелестное по адресу „особы“, Виталій Николаевичъ объявилъ мнѣ, какъ устроителю выставки, черезъ комендантское управленіе, о разрѣшеніи своемъ, данномъ нижнимъ чинамъ всего гарнизона, на посѣщеніе выставки, прося при личномъ свиданіи (вѣроятно, изъ опасенія неудовольствія „особы“), чтобы на него ссылки не дѣлались. И вотъ, солдатики, хотя рѣдко, но стали робко появляться въ пышныхъ залахъ выставки.

Самъ Троцкій дважды посѣтилъ выставку. Въ послѣдній разъ былъ онъ съ сыномъ своимъ Сергѣемъ. Совершенно развитый начинающейся инфлуэнціей,—едва узналъ я отъ Виталія Николаевича, что въ извѣстный день и часъ будетъ онъ на выставкѣ, какъ поспѣшилъ во дворецъ, чтобы встрѣтить высшее начальство края и, такъ сказать, представить ему произведенія отсутствовавшего Верещагина.

Въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ Василій Васильевичъ писалъ ранѣе:

„Конечно, В. Н. Троцкій придетъ на выставку только какъ знакомый—и никакого открытія выставки не нужно дѣлать“.

Это было сообщено мнѣ вѣчно противорѣчащимъ себѣ самому Верещагинымъ—въ отвѣтъ на письмо, въ которомъ я просилъ его избавить меня отъ обязанности „принимать прессу, начальство“, что онъ предлагалъ мнѣ сдѣлать.

Троцкий, явившись на выставку, былъ, какъ всегда, милъ, любезенъ со мною, лично, въ присутствіи моемъ, объяснялъ сыну содержаніе фотографій съ картинъ изъ русско-турецкой и туркестанской войнъ, называлъ даже отдѣльные эпизоды, служившіе темой художнику, фамиліи нѣкоторыхъ, особо отличившихся лицъ, которыхъ зналъ, какъ сослуживцевъ. На словахъ Виталій Николаевичъ являлся какъ бы поклонникомъ Верещагина, но я зналъ взгляды его на войну вообще и „читалъ“, такъ сказать, „между строкъ“. Подоидя къ фотографіи съ известной картины, изображавшей грудь череповъ, съ посвященіемъ Верещагина по адресу побѣдителей и завоевателей вселенной, Виталій Николаевичъ наставительно замѣтилъ сыну:

— Вотъ, Сережа, результатъ всякой войны—трофей войны!..

Послѣ посѣщенія Троицаго, я снова слегъ въ постель, пролежавъ девять дней, слѣдя за выставкою черезъ жену мою, но по-прежнему всѣмъ руководя, отвѣчая на дѣловыя письма, набрасывая для мѣстной газеты срочные бюллетени по выставкѣ, вызывая къ себѣ, для отчетности, Василія и Петра.

Для характеристики отношенія виленскаго, такъ называемаго „порядочнаго“, общества къ выставкѣ укажу на два факта.

Одно изъ лицъ, замѣтныхъ въ городѣ и близко стоявшихъ къ генералъ-губернатору, явилось на выставку, не снимая шапки и введя туда собаку. Лишь находженіе съ этимъ франтомъ дамы и неувѣренность, кому принадлежитъ песь, ему или ей, удержали меня отъ намѣренія заставить этого господина быть приличнѣе...

Другой случай произошелъ съ отставнымъ казачьимъ полковникомъ, хромымъ кавказцемъ Арнольди, который, придя на выставку, не только не оставилъ палки своей въ прихожей (какъ это требовалось особыми объявленіями), но началъ тыкать, черезъ шнуръ, отдѣлявшій выставленные произведенія отъ публики, гутаперчевымъ наконечникомъ палки въ картины. Слуга Верещагина, Василій, возмущенный такимъ поведеніемъ отставного вонна и—какъ онъ увѣрялъ потомъ—боясь за цѣлость картинъ, а въ сущности, по натурѣ, радуясь случаю поскандалить, сдѣлалъ посятителю рѣзкое замѣчаніе, предложивъ оставить палку въ передней. Пользовавшійся репутациею буйнаго человѣка, полковникъ Арнольди вскипѣлъ, бросился, чтобы поволочить слугу, а Василій приготовился дать ему сдачу. Я пришелъ на шумъ и въ-время разъединилъ спорящихъ, насилу успокоилъ полковника и велѣвъ уйти Василію. Когда Арнольди, наконецъ, убрался съ выставки, отстоявъ право свое имѣть при себѣ палку, я порекомендовалъ

Василію быть болѣе вѣжливымъ съ посѣтителеми, о всѣхъ недоразумѣніяхъ сообщать мнѣ и не устраивать болѣе подобнаго скандала...

— Безъ скандала, Александръ Владиміровичъ, — отвѣчалъ разбитной, дерзкій слуга Верещагина — нашему брату обойтись никакъ нельзя съ публикою! Мы съ Петромъ почитай-что во всякомъ городѣ доходили до полиціи и протоколовъ...

Прислушиваясь къ замѣчаніямъ на выставкѣ публики, часто находилъ я тутъ много остроумнаго и даже тогда же напечаталъ по этому поводу особую замѣтку.

Помню группу армейскихъ офицеровъ у картины, изображающей французское кладбище въ Севастополѣ. Одинъ изъ офицеровъ читаетъ громко по Верещагинскому каталогу: „Кости убитыхъ воиновъ были вырыты съ полей битвы и погребены внутри ограда. Посрединѣ — офицеры генеральнаго штаба, вдоль стѣны, въ порядкѣ, — гвардія, армія“... Другой офицеръ, перебивая: — „Да какъ же могли отличить, напримѣръ, кости офицеровъ генеральнаго штаба?“ Третій офицеръ (ядовито): — „А, вѣрно, у нихъ — особая, бѣлая кость!“ Всѣ смѣются и отходятъ къ другой картинѣ.

Какъ создаются иногда, въ сферѣ казенныхъ интересовъ, отчеты чиновниками, показывается слѣдующій случай:

Администрація дворца, недовольная тѣмъ, что, вопреки ея протеста, я влѣзъ-таки въ зданіе съ выставкою, поднесло генералу Троцкому счетъ, изъ котораго вытекало, что на отопленіе дворца, благодаря выставкѣ, пошло 300 рублей, а на освѣщеніе газомъ — 125 рублей. Виталій Николаевичъ, хотя и зналъ отъ меня, что выставка почти не дала Верещагину дохода, по совѣту администраціи, приказалъ взять за газъ, не велѣвъ выскивать за дрова — о чемъ и поспѣшили объявить мнѣ письменно. Пораженный явно непомерною цифрою денегъ за газъ и наведя предварительно справку на газовомъ заводѣ, я спустился съ присланнымъ отъ завода специалистомъ въ подвалы дворца, гдѣ былъ газометръ, опросилъ зажигающую газъ прислугу, и оказалось, что за все время выставки газа вышло на освѣщеніе помѣщеній, отведенныхъ подъ выставку, всего на 13 рублей. Проверка же расхода дровъ показала, что топливо израсходовано только на 100 рублей. Я, конечно, поднялъ шумъ, призвавъ, что разоблачу все передъ Троцкимъ... Въ результатъ — все письменное увѣдомленіе, что и за газъ съ меня брать не лѣно. Мнѣ оставалось только порадоваться столь неожиданной экономіи въ карманѣ Верещагина.

Однажды вечеромъ, около семи часовъ, когда обыкновенно выставка закрывалась, явились въ сопровожденіи русскихъ офицеровъ представители какого-то французскаго полка, гостившіе въ Вильнѣ. Французы были совсѣмъ пьяны. Я только успѣлъ шепнуть нашимъ офицерамъ по поводу того, что не нашли же они ничего лучше, какъ притащить французовъ, да еще навеселѣть, на выставку, которая можетъ задѣть національное ихъ самолюбіе картинами на темы изъ 1812 г.,—какъ французы сами натолкнулись на произведенія, изображающія разгромъ Наполеона и его великой арміи. Скомбавъ объясненія, я послѣдшилъ провести нежданныхъ гостей далѣе. Впрочемъ, они едва-ли что-либо хорошенько разглядѣли, убравшись съ выставки съ такимъ же шумомъ, съ какимъ на нее ввалились...

Настали послѣдніе дни выставки, которая, въ виду всего пережитаго мною по поводу картинъ Верещагина, возлѣ нихъ, стала для меня чѣмъ-то роднымъ, какъ бы частью собственнаго моего духовнаго существа...

Сотни разъ останавливался я, бывало, передъ нѣкоторыми, особенно нравившимися мнѣ, холстами, изучая ихъ, вдумываясь въ ихъ содержаніе, знакомясь съ техникою произведеній,—и мнѣ по временамъ казалось, что около картинъ невидимо витаетъ духъ создателя ихъ...

Бывало, придешь рано утромъ на выставку. Печи только-что затоплены и дышать на меня жаромъ. Окна дворца сплошь замерзли; сквозь нихъ льются съ улицы въ огромныя, еще пустынные комнаты потоки холоднаго свѣта, оваряя пыль, поднятую Василиемъ и Петромъ, подметающими полъ. Въ помѣщеніи нестерпимо холодно. И вотъ уже мерещится, что деревья, покрытыя снѣгомъ, на картинахъ изъ эпохи 1812 г. съ зимнимъ пейзажемъ, такъ и сѣютъ на тебя снѣжной пылью, дышать морозомъ... Обойдешь медленно рядъ комнатъ, заглянешь въ самые отдаленные закоулки, чтобы убѣдиться, все ли цѣло, все ли на своемъ мѣстѣ—и словно поздороваешься съ хорошо знакомыми холстами, надъ которыми такъ много потрудился мой новый, далекій другъ... Подумаешь еще разъ: „Гдѣ-то онъ? Удовлетворенъ ли? Вспоминаетъ ли обо мнѣ?.. Или другія личности, болѣе интересныя, заслонили передъ нимъ мою скромную „фигурку?“ Думаетъ ли онъ о выставкѣ, о томъ, какъ ведутъ себя въ Вильнѣ Петръ, Василій?..“ Но начинаютъ появляться посѣтители; залы оживаютъ; толпа, заплативъ по нѣскольку копѣекъ, врывается въ это святилище искусства... „Какая смѣсь одежды и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній!..“

А вотъ и день промелькнулъ незамѣтно. Послѣдніе посѣтели выбираютъ уже на улицу. Пора закрывать выставку. Подсчитали выручку. Еще разъ, послѣдній, обойдешь съ прислугой Верещагина смоленскія комнаты, заглянешь за подставки и драпировки для того, чтобы убѣдиться, что тамъ на ночь не укрылись воры. Ужъ гаснуть—одинъ за другимъ—огни горѣлокъ,—точно смыкаются усталые глаза: картины постепенно погружаются во мракъ. И, наконецъ, всѣ онѣ погасли, словно ушли на покой, на отдыхъ... до завтрашняго утра. Петръ и Василій остаются ночевать между произведениями своего барина... Распустишь отъ подъезда, выходящаго во дворъ генераль-губернаторскаго дворца, измученныхъ, продрогшихъ полицейскихъ... На дворѣ—кряпичаетъ морозъ; лунное сіяніе наводняетъ чистый воздухъ... И вотъ, ѣдешь домой, на Большую-Поголянку, усталый, и физически, и нравственно, зато съ сознаниемъ, что день прошелъ не даромъ, что хотя и въ скромной роли, а все же еще немного послужилъ я великому дѣлу просвѣтленія, облагораживанія человѣчества...

Кромѣ почти ежедневныхъ замѣтокъ (бюлетеней) о ходѣ выставки, въ періодъ послѣдней, напечаталъ я рядъ статей въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“. Вотъ заглавія нѣкоторыхъ: „На выставкѣ картинъ Верещагина“, „В. В. Верещагинъ“, „Дѣти и юношество на выставкѣ картинъ художника Верещагина“, „Итоги выставки картинъ Верещагина“ и друг.—Меня могутъ спросить, разгадалъ ли я, наконецъ, ту загадку, которую представлялъ изъ себя художникъ Верещагинъ? — На это я отвѣчу откровенно: „Нѣтъ, не разгадалъ“. Василій Васильевичъ оказался, по личному моему съ нимъ знакомству, принадлежащимъ къ той особой породѣ людей, которые, всю жизнь, до самой смерти мѣняются, колеблются, падаютъ нравственно и поднимаются для того, чтобы вновь упасть. Определить, поэтому, Верещагина одной какой-либо формулою невозможно. Быть можетъ, въ этой неустойчивости его и крылась та симпатія, которую онъ вызывалъ, та разносторонность его дарованій, которая прямо подкупала. *Чужое страданіе*—вотъ что составляло главный интересъ его жизни и таланта...

Скажу короче: если бы дожилъ Василій Васильевичъ до нашихъ смутныхъ, кровавыхъ дней, то не поѣхалъ бы онъ въ долгія странствованія по свѣту, а по-прежнему, чуждый политики, не приставъ ни къ „правымъ“, ни къ „лѣвымъ“, не удержавшись и на серединѣ, съ одинаковой страстностью набрасывалъ бы онъ на свои новыя картины и убитаго революционе-

рами несчастнаго городского, и смертную казнь юноши-революціонера, и разстрѣлъ войсками погромщиковъ, и рабочій людъ на баррикадахъ, отыскивая новые элементы человѣческаго страданія и смерти, волнуясь, плача тайно, негодуя и слѣша къ новымъ кровавымъ сюжетамъ...

По газетамъ слѣдилъ я за поѣздкой Верещагина и, возмущенный травлей, которая была поднята противъ него за его воспоминанія изъ русско-турецкой кампаніи, помѣщенные въ „Новостяхъ“, о ген. Радецкомъ, долгомъ своимъ счелъ, въ качествѣ друга его, написать замѣтку по поводу этой травли отсутствовавшего, не могшаго защищаться художника. Ее не напечатали. Этотъ неприятный инцидентъ съ мужемъ, конечно, еще болѣе, чѣмъ меня, взволновалъ Лидію Васильевну Верещагину. Она писала мнѣ 22 февраля 1901 г. о своемъ тревожномъ настроеніи—въ виду готовившейся Василю Васильевичу неприятности, — хотѣла бы уберечь отъ невзгоды мужа — и не знала, какъ это сдѣлать.

Письмо заканчивалось фразою: „А побережь его нужно, необходимо, хотя бы ради той большой работы, за которую онъ принялся теперь“...

Скоро (6 апрѣля) порадовалъ меня вѣсточкою и самъ Верещагинъ. Онъ мнѣ писалъ такъ бодро, съ такими надеждами на будущее:

„Милый, прелестный пріятель мой, А. В., здравствуйте! Пишу вамъ только для того, чтобы сказать, что я хоть и усталъ, но здоровъ. Также хочу еще разъ высказать вамъ и супругѣ вашей все чувство благодарности за ваше вниманіе и услугу по моему дѣлу. Не будемъ пока говорить о картинахъ и выставкахъ — и воротившись, все пишу и пишу... Поцѣлуйте за меня вашихъ дѣтокъ, а Малюсиньку расцѣлуйте — напомните ей и виноградъ, и о кораблѣ, „шумящемъ по волнамъ“. Вѣрите, что отдыхаю душой, когда вспоминаю, что у меня есть такой добрый, честный, талантливый и преданный другъ. Вполнѣ отвѣчаю на вашу дружбу. — Жена моя шлетъ вамъ поклонъ — она не нахвалится вашей любезностью и предупредительностью. Передайте, пожалуйста, мой поклонъ Виталию Николаевичу ¹⁾. Я воротился изъ Маниллы, сдѣлавши тамъ нужные этюды изъ малой войны (guerrilla) — между американцами и филиппинцами. Брать въ Китай — значило употребить еще мѣсяца три времени, которыхъ у меня не было. Впрочемъ, Китай не ушелъ и не скоро еще уйдетъ... Ужъ и жарко же въ тропикахъ!.. Когда былъ молодъ, меньше чувствовалъ муку отъ этой убійственной температуры, —

¹⁾ Генералъ-адъютантъ Троцкій.

что-то трудно передаваемое!.. Дайте еще и еще вамъ сказать спасибо и еще разъ попросить, если захотите сказать что-либо о дѣлѣ—напишите женѣ моей, потому что я просто нервно боленъ отъ своихъ картинъ и выставокъ—правда!.. Чмокъ, чмокъ, чмокъ всѣхъ васъ“...

Такъ какъ меня очень тревожилъ походъ, все еще продолжавшійся противъ Василія Васильевича въ печати за статью, то я написалъ еще разъ супругѣ его, которая отвѣтила, что мужа ея нѣтъ, такъ какъ онъ уѣхалъ по дѣламъ, что самъ онъ хотѣлъ писать мнѣ, да по нездоровью отложилъ, поручивъ ей поблагодарить меня за предостереженіе, но что Василій Васильевичъ прибавилъ, однако, что никакія неприятности не заставятъ его взять назадъ сказанное, а также и въ будущемъ покривить душою.

Время отъ времени Верещагинъ давалъ мнѣ о себѣ знать.

Такъ, 23 іюня 1901 года онъ писалъ, вспомнивъ обо мнѣ, кратко изъ Москвы:

„Только скажите, милый пріятель, здоровы ли вы? О Троцкомъ не спрашиваю ¹⁾; вѣрно, некогда будетъ писать о немъ. Скажите только, отчего именно такъ быстро свернулся Троцкій?“

Будучи за-границей, въ Германіи, на водахъ, получилъ я, въ іюль 1901 г., вѣсточку, часть которой пропускаю.

Между прочимъ, Верещагинъ писалъ:

„Воображаю, какъ хорошо вы лечитесь, но жалко, что вашихъ нѣтъ съ вами: это—поль-счастья долой. Троцкій былъ великій опортюнистъ. Онъ игралъ по маленькой, но осторожно, съ выдержкой и тактомъ, такъ что выигрывалъ. Я лично былъ съ нимъ въ Туркестанѣ въ добрыхъ отношеніяхъ; но, въ общемъ, по разности всей дѣятельности, былъ, вѣроятно, несимпатиченъ ему и, пожалуй, несерьезенъ—*съ стѣнными исканіями и стѣннымъ недовольствомъ*. Впрочемъ, въ Петербургѣ, на Невскомъ, онъ первый обозвалъ меня и подошелъ— правда, это было послѣ того, что императоръ Вильгельмъ прислалъ мнѣ свой портретъ и газеты рассказывали объ этомъ. Иначе, пожалуй, и не подошелъ бы?—Работаю я усидчиво и есть новыя вещи, небезынтересныя: надобно думать о выставкѣ ихъ. Ахъ, что за скука—гольпортнированіе своихъ работъ—это труднѣе производства ихъ!... гаянитесь вашей супругѣ—что за милая она у васъ! Какъ это вы шились уѣхать одни, развѣ для леченья?—Будьте здоровы и не бывайте искренно васъ любящаго и уважающаго В. Верещагина“.

¹⁾ Къ этому времени не стало Виталія Николаевича Троцкого.

Въ одномъ изъ писемъ я осторожно напомнилъ Василю Васильевичу объ обѣщаніи его — прислать мнѣ, въ дополненіе къ подаренной уже „монашенкѣ“ — какъ самъ онъ выразился, „лучъ солнца“, „кусочекъ солнца“.

5 сентября 1901 г. онъ отвѣтилъ:

„Дорогой пріятель! Не сразу, не сразу случился этюднѣй монашенки, и я предложилъ вамъ его, а „луча“ еще нѣтъ, и когда будетъ — не знаю. Пока я очень бьюсь съ дѣлами; все еще не поправился. Тутъ и Вильна, и другіе маленькіе города, только оправдавшіе расходы, и то благодаря доброму вмѣшательству друзей. Наука — по маленькимъ городамъ не посылать картинъ: только ломка и недостатокъ. Хорошо еще, что, по просьбѣ вашей, повойный Троцкій не велѣлъ брать за отопленіе, а то хоть караулъ кричать. Надѣюсь, что вы поправились здоровьемъ, нервами? Самый добрый поклонъ супругѣ вашей и дѣткамъ. Малюту хорошенько поцѣлуйте“.

19 мая 1903 г., увѣренный, что Верещагинъ гдѣ-либо снова кочуетъ по свѣту, спрашивалъ я о немъ Лидію Васильевну. Долго не отвѣчая, оправдывалась она потомъ въ этомъ молчаніи тѣмъ, что со всей семьей 1½ мѣсяца была на Кавказѣ, сообщала, что Василій Васильевичъ здоровъ и пока дома, но что скоро собирается онъ уѣхать за-границу; во Франценсбадѣ, гдѣ рассчитываетъ пробыть немного, а затѣмъ отправится въ большое путешествіе.

И вдругъ, въ концѣ письма — неожиданная для меня приписка знаемой руки самого Верещагина:

„Вѣрно, вѣрно, все вѣрно — также и то, что мы васъ любимъ, почитаемъ, уважаемъ. Привѣтъ вашей милой супругѣ и дѣткамъ. Вашъ Верещагинъ“.

Это было послѣднимъ письмецомъ, полученнымъ мною отъ незабвеннаго друга. Переписка наша какъ-то сама собою оборвалась.

Затѣмъ... Затѣмъ насталъ ужасный для меня день, когда, сидя въ Смоленскѣ, оторванный отъ семьи, прбчелъ я извѣстіе о гибели, 31 марта 1904 г., подъ Портъ-Артуромъ броненосца „Петропавловска“, о гибели Верещагина...

„Пройдутъ года“, утѣшалъ я себя надеждою, едва будучи въ состояніи въ десятый разъ пробѣжать краткую замѣтку: „явится у насъ новый „Петропавловскъ“, утонувшихъ моряковъ съ честью замѣнятъ другіе моряки, такіе же герои; выкажетъ себя на дѣлѣ и новый Макаровъ... Но кто замѣнитъ Верещагина?!“

А: Жиркевичъ.

„ОНА ЛЮБИЛА“

ЭСКИЗЪ

ПО ПОЛЬСКОМУ РОМАНУ СТЕФАНА ЖЕРОМСКАГО: „Dzieje Grzechu“. I—X. 1908.

I.

Приѣхавъ въ Варшаву, Лукашъ Неполомскій нанялъ комнату, отдававшуюся „въ семействѣ“ для одинокаго. Это было на одной изъ улицъ „Старога города“, недалеко отъ замка, отъ Кравовскаго предмѣстья и Сенаторской, а между тѣмъ комната отдавалась недорого. Въ „Старомъ“ городѣ и дома старыя. У иныхъ фасады всего въ три—четыре окна, а лѣстницы въ нихъ деревянныя, потолки низкіе. Семья Побратынскихъ, отдававшая комнаты, состояла изъ хозяйки, работающей женщины съ необыкновенно длиннымъ лицомъ, хозяина, который прожилъ принадлежавшій ему когда-то фодварь, и съ тѣхъ поръ ничего не дѣлалъ, „ожидая“ мѣста, и восемнадцатилѣтней дочери, Евы.

Въ ожиданіи мѣста Побратынскій занимался только тѣмъ, что старательно чистилъ свое очень поношенное платье, а еще старательнѣе подпиливалъ и шлифовалъ себѣ ногти и подфабривалъ усы. Дома онъ любилъ заводить „философскіе“ разговоры съ однимъ изъ постояльцевъ, а вечера постоянно проводилъ въ кофейнѣ, въ компаніи другихъ завсегдатаевъ, играя въ шахматы, шашки или карты, но по маленькой и безъ особаго расчета на выигрышъ. Черты лица его были замѣчательно правильныя, а въ манерѣ держать себя и говорить проявлялись свобода и мягкость. Это былъ типъ выпѣтшаго, потертаго, опустившагося джентльмена. Онъ не предавался никакому пороку, кромѣ того, что ничего не дѣлалъ.

Въ Евѣ „благообразіе“ отца распѣло въ замѣчательную красоту, которая давала ей сознание власти надъ толпой, а дѣятельность и вмѣстѣ грубость матери выразились у нея въ жаждѣ самостоятельной работы и въ сильной инициативѣ. Добившись мѣста въ желѣзнодорожномъ правленіи, дѣвушка, получившая нѣкоторое образованіе, выдвинулась быстрымъ усвоеніемъ формъ отчетности и неутомимой работоспособностью.

Ева принимала Неполомскаго, когда онъ явился нанимать комнату, съ ней онъ условился въ цѣнѣ найма и оба они сразу понравились другъ другу. Неполомскій былъ „ученый“, а Ева была настолько образована, чтобы вести съ нимъ бесѣды. Въ средѣ, гдѣ она жила, онъ представлялся человѣкомъ необыкновеннымъ. Но, сверхъ того, ее влекло къ нему нѣчто неразгаданное, та тайная сила индивидуальности, которая даетъ одному человѣку власть надъ другимъ. Лукашъ былъ еще молодъ и не дурень собою, но мало ли такихъ! Дѣло для Евы было все-таки въ томъ, что въ личной природѣ его включалась властная именно надъ нею сила.

Вѣроятно, и онъ ощущалъ нѣчто подобное по отношенію къ Евѣ. А впрочемъ она была такъ соблазнительно хороша, что и этого одного было уже достаточно.

Когда Неполомскій при Евѣ вручилъ свой паспортъ хозяину квартиры, „джентльмену“ Побратынскому, тотъ, взглянувъ на документъ, спросилъ:

— А супруга ваша? Значить, также будемъ имѣть пріятность познакомиться?

— Нѣтъ, жена моя живетъ отдѣльно.

— Извините, я полагалъ, — можетъ быть, надо что-нибудь прибавить къ мебели.

Но новый постоялецъ, повидимому, хотѣлъ сразу разъяснить и не одному хозяину квартиры свое настоящее положеніе, такъ какъ прибавилъ:

— Мы съ женой разводимся, — по этому-то дѣлу я и пріѣхалъ въ Варшаву.

— О разводѣ, — повторилъ квартирохозяинъ. — Да... дѣло это не легкое у насъ, католиковъ... Пожалуй, не легче, чѣмъ найти мѣсто. Я, вотъ, сколько лѣтъ ищу...

— А какого же мѣста вы бы желали? — спросилъ Неполомскій.

— Я-то? Боже мой, какое бы ни нашлось... Вѣдь у насъ такой застой... Такъ всюду понапихалось людей... — Говоря это, Побратынскій уже взялъ нѣсколько просительскій тонъ.

Лукашъ взглянулъ на Еву. Но ея глаза были опущены на руки, лежавшія на колѣняхъ. Онъ вспомнилъ при этомъ о своемъ школьномъ товарищѣ Крафтѣ, котораго вчера неожиданно встрѣтилъ на улицѣ. Тотъ недавно получилъ наслѣдство и вошелъ въ промышленныя дѣла.

— Какія же были прежнія ваши занятія и есть ли у васъ удостовѣренія? Впрочемъ, я спрашиваю такъ, на случай... Мало кого знаю здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ постоянно живу за-границей.

— Занятія у меня были разныя,—продолжалъ Побратынскій въ томъ же тонѣ.—Когда-то было свое сельское хозяйство... но объ этомъ ужъ чтѣ и говорить! Конторскія по бухгалтеріи, отчасти и техническія, такъ какъ я служилъ магазиномъ при Шульцовскихъ мастерскихъ... Занимался и въ газетахъ, по экспедиціи. Отовсюду имѣю похвальные удостовѣренія, но чтѣ подѣлаешь, когда молодые хлѣбъ отбиваютъ у насъ, стариковъ! Берутъ молодостью, да и цѣну сбиваютъ. Молодому, холостому—чтѣ? Ему и десять злотыхъ въ день достаточно; еще хватить и на выпивку, и на чтѣ другое, вдобавокъ. А намъ, старымъ, приходится содержать семью.—Рассказывая это, Побратынскій совсѣмъ забылъ о своемъ жентльменствѣ. Онъ какъ-то жалобно скорчился.

— Ну, я попытаюсь,—обнадежилъ его Лукашъ.—У меня тутъ есть одинъ пріятель—можетъ быть, у него что-нибудь для васъ найдется... Вы соберите ваши удостовѣренія, но обѣщать я все-таки не могу.

— Ужъ будьте такъ благосклонны...

Въ слѣдующее воскресенье Ева, погулявъ въ саду Красинскихъ, присѣла на скамейкѣ, передъ возвращеніемъ домой и вдругъ примѣтила въ аллеѣ, на нѣкоторомъ разстояніи, Неполомскаго, который шелъ прямо по направленію къ ней, но приостановился и свернулъ въ окружную аллею. Въ первую минуту дѣвушка была довольна, что онъ удалился, такъ какъ она уже убѣдилась, что этотъ жалецъ обращаетъ на нее особенное вниманіе, и теперь, увидавъ его нечаянно, почувствовала себя неловко.

Но вскорѣ Неполомскій появился съ другой стороны, подошелъ къ ней, и теперь она этому почти обрадовалась.

— Вы не разсердитесь, что я прерву ваше раздумье?—спросилъ онъ дружескимъ тономъ, къ которому Ева не привыкла.

Она улыбнулась.— Не особенно дорожу своимъ раздумьемъ.

— Я васъ давно замѣтилъ въ саду, но боялся, имѣю ли право подойти къ вамъ, какъ еще мало знакомый.

Ева не отвѣчала, но улыбка ея еще не исчезла. Черезъ нѣсколько секундъ, непредвидѣнный ею самой порывъ побудилъ ее

спросить. — Отчего вы разводитесь съ женой? — Такой вопрос сразу открывалъ путь къ знакомству. Но Неполомскій былъ имъ озадаченъ и, только промолчавъ минуту, сказалъ съ нѣкоторымъ удареніемъ на словахъ:

— Потому что я ее возненавидѣлъ.

— Жену свою? но отчего же?

— Женщина глупая, лукавая и, какъ я убѣдился, по природѣ злая.

— Но прежде вы же ее любили?

— Ужъ я не помню, что прежде было. Теперь мнѣ представляется, будто я съ самаго своего рожденія былъ прикованъ къ этой злоюкѣ.

— А можетъ быть, вы не совсѣмъ справедливы къ ней... Подумайте.

— Очень вѣроятно, что я, какъ и всѣ, бываю несправедливъ. Но дѣло въ томъ, что я ее ненавижу — вотъ фактъ. Можно съ ума сойти, лишитъ себя жизни... Конечно, есть и другіе выходы... Но не благоразумнѣе ли сперва постараться о разводѣ?.. Да вотъ — продолжалъ Неполомскій, видя, что не убѣдилъ ее, — вотъ лучшій доводъ ехидства моей супруги. Она была протестантка, и я, для сокращенія всякихъ формальностей и церемоній, повѣнчался съ ней только въ лютеранской церкви. И вотъ, теперь, на зло мнѣ, она приняла католицизмъ, чтобы затруднить мнѣ разводъ. Теперь дѣло, пожалуй, и не можетъ рѣшиться ни лютеранской, ни нашей консисторіей.

— Да вѣдь наша консисторія не признаетъ дѣйствительность протестантскихъ браковъ?

— Вотъ именно... Такъ какъ теперь мы оба считаемся католиками, то консисторія можетъ признать себя некомпетентной для расторженія протестантскаго брака между нами, хотя и признаетъ его недѣйствительнымъ. А консисторія лютеранская не согласится давать развода супругамъ-католикамъ. Вотъ вѣдь какую штуку придумала баба въ своей злобѣ.

Ева взглянула на него. Въ его глазахъ злобы не было; въ нихъ свѣтилось горе.

— А если она совсѣмъ по другой причинѣ мѣшаетъ разводу?.. Если вовсе не изъ злости?

— Но я такъ жить не могу... Всего нельзя рассказать вамъ, а только я такъ долѣе не могу... Мой отецъ былъ архитекторъ и оставилъ мнѣ нѣкоторое состояніе. Я занимаюсь наукой... Работалъ въ Женевѣ, въ Бельгій, послѣднее время въ Парижѣ... Имѣю свою научную цѣль... Все это я долженъ бросить, чтобы

однажды развязаться. А то жена еще когда-нибудь появится ко мнѣ... Имѣю даже поводъ опасаться этого.

— А если бы простить ей все, все... и бросить это дѣло?— тихо прошептала Ева, и услышала его хриплый голосъ:

— Тогда ужъ лучше умереть!

Она на него взглянула.

— Какой вы стали вдругъ совсѣмъ иной!

— Какъ иной?

— Непохожій на прежняго.

— Оставимъ этотъ разговоръ. А вы часто бываете здѣсь, въ саду? Напримѣръ, завтра, послѣ-завтра опять придете?

— Нѣтъ, бываю очень рѣдко.—Онъ поклонился и ушелъ.

Случилось такъ, что у пріятеля Неполомскаго, у Крафта, какъ разъ открывалась въ конторѣ вакансія, и Побратынскій скоро былъ принятъ на должность, которая назначила ему шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Это составляло большую помощь для семьи, и Неполомскій выросъ въ ея глазахъ, приобрѣлъ не только привязанность за оказанную услугу, но еще и нѣкоторое обаяніе, какъ человѣкъ, которому оказалось такъ легко существенно улучшить ихъ положеніе. Побратынскіе упросили его постоянно у нихъ обѣдать.

Съ этого времени Ева и Неполомскій стали видѣться каждый день, и между ними тотчасъ завязывалась краткая, но оживленная бесѣда, обыкновенно о такъ называемыхъ отвлеченныхъ предметахъ, и бесѣда прерывалась только напомианіемъ, что супъ или чай уже поданы. Въ первой же изъ этихъ бесѣдъ Ева узнала, что имя ея значитъ на древне-еврейскомъ языкѣ „быть“, означаетъ существованіе, символомъ котораго была и египетская Изида. Ей это сперва показалось забавнымъ, но то, что Лукашъ восторгался ея именемъ и даже назвалъ ее жизнью, „самой жизнью“—не осталось безъ впечатлѣнія.

Въ одно изъ слѣдующихъ воскресеній они опять случайно встрѣтились въ томъ же саду. Уговора между ними, дѣйствительно, не было, но случайность все-таки нѣсколько опровергалась фактами: они встрѣтились въ томъ же часу, какъ въ первый разъ. Ничего о любви не было и въ этомъ болѣе продолжительномъ разговорѣ наединѣ, по крайней мѣрѣ въ словахъ. Тема была скорѣе философская, такъ какъ на ея вопросъ, почему онъ не бываетъ въ церкви, Неполомскій отвѣтилъ, что онъ давно утратилъ вѣру, послѣ чего высказалъ свой взглядъ на самостоятельность и неизмѣнность дѣйствія силъ природы. Но тотъ, кто наблюдалъ бы за ними, не слушая разговора, несомнѣнно принялъ бы ихъ за влюбленныхъ.

Въ спорѣ на эту тему Евѣ, разумѣется, не удалось убѣдить своего ученаго собесѣдника. Однако послѣ этого она стала замѣчать его иногда и въ костелѣ, гдѣ она бывала всегда съ матерью. Ева понимала, что онъ приходилъ туда только чтобы смотрѣть на нее. Свиданій наединѣ у нихъ не бывало, кромѣ тѣхъ двухъ случайныхъ въ саду. Разговоры въ обѣденное время не могли быть продолжительны, потому что обѣдать дѣвушка прѣвѣжала на „конѣ“ и спѣшила возвратиться въ свое правленіе.

По вечерамъ имъ нрѣдка удавалось сидѣть нѣкоторое время однимъ. И вотъ, Неполомскій воспользовался такимъ случаемъ, чтобы объясниться съ нею... Онъ прямо сказалъ, что уже не понимаетъ жизни безъ нея, и если получить разводъ, то тотчасъ сдѣлаетъ предложеніе. Ева дала свое согласіе, въ которомъ онъ, впрочемъ, заранѣе былъ увѣренъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, они рѣшили, что будутъ видѣться только дома, такъ какъ Ева уже замѣтила безпокойство матери.

Вскорѣ сталъ стѣснять ихъ именно ея надзоръ. По вечерамъ она старалась не оставлять ихъ однихъ, и имъ только рѣдко удавалось обмѣняться словами о ихъ чувствахъ, о будущности, словами, которыя трепетали въ сердцѣхъ и усиленно требовали передачи. Тогда Лукашъ по временамъ сталъ писать Евѣ въ правленіе. Въ разговорахъ они избѣгали всякаго намека, который могъ бы усилить безпокойство матери.

Вотъ отрывки изъ послѣднихъ писемъ.

„Жду извѣстій отъ адвоката по моему дѣлу. Теперь вся моя жизнь—въ этомъ ожиданіи. Настоящая минута для меня не существуетъ. Есть только будущность. Жду и жду. Не могу представить себѣ міръ—безъ васъ. Что еслибы эта любовь когда-нибудь покинула меня? Пробую вдуматься въ такое состояніе, что тебя нѣтъ—и не могу. Этого невозможно ни вообразить себѣ, ни прочувствовать. Если бы тебя не стало, то не стало бы и способности мыслить и чувствовать. Когда хочу представить себѣ это, то только ощущаю страхъ. Осталось бы для меня и дольше вѣчно ожидать, но уже безъ надежды, осталось бы прислушиваться, не шепчетъ ли что о тебѣ, не шелеститъ ли твое платье... И не услышать ничего, развѣ только что сердце все еще бьется, вопреки разуму и волѣ“...

„Тоскую по тебѣ. Раскрывается душа моя и принимаетъ твою въ себя. Пойдемъ вмѣстѣ... Каждое твое слово виѣдряется въ моемъ сердцѣ. А я о себѣ буду говорить тебѣ все. Во что вѣрю, чего боюсь, что хочу дѣлать, чего не знаю. Все, все

отдамъ тебѣ, повѣрю всякую тайну своей жизни и существа, потому что въ глазахъ твоихъ нѣтъ измѣны“...

„Читаю Шекспира, котораго вовсе не бралъ въ руки. Въ немъ можно найти всякій оттѣнокъ чувства, всякій порывъ страсти и каждую дрожь любовнаго желанія“.

„Если сорву эту розу, то жизни
Ей не верну уже, роза завянетъ.
Пусть же, нетронута, дышитъ свободно,
Тыша меня ароматомъ чудеснымъ“.

II.

„Дѣло мое рѣшено. Оно проиграно окончательно. Въмѣсто развода—разлученіе. Притомъ, меня обязали уплачивать ей на содержаніе, а у меня самого уже немного осталось. Я долженъ отречься отъ васъ, бѣжать отъ васъ. Я уже досталъ работу и завтра уѣзжаю изъ Варшавы, отъ васъ—сказать страшно—сегодня же. Не скажу вамъ, куда ѣду, и вы не узнаете о томъ никогда. Это—мое послѣднее письмо, мое прощанье навсегда. Оставляю васъ сознательно, добровольно, теперь же, когда могъ бы черезъ два часа увидѣть васъ, предоставить самой любви рѣшить нашу судьбу. Нѣтъ! Во имя ея, во имя твоего счастья, рѣшить должна моя воля и рѣшить противъ нея. Я слишкомъ сердечно люблю тебя, чтобы сдѣлаться твоимъ любовникомъ. А теперь возможно только это—или я долженъ бѣжать.“

„Да, бѣжать... Скажу еще, что ваша мать просила меня не губить васъ. Да я и не думалъ. Развѣ я хотя бы разъ поцѣловалъ тебя? Теперь душой моей цѣлую васъ, чудные волосы, пречистые, правдивые глаза. И губами, что тебя такъ жаждали, припадаю только въ холодной стѣнѣ, за которою ты спишь.“

„И мнѣ почувствовалось, будто я прикоснулся губами къ моей смерти... Ева!“

Ничего не подозревая, Ева обрадовалась, когда сторожъ въ правленіи подалъ ей это прощальное письмо. А по прочтеніи, голова ея въ первую минуту безответно повисла надъ листами цифръ. Но потомъ, придя въ себя, дѣвушка, повидимому, спокойно, принялась снова подводить итоги. Въ туманѣ мысли и чувства она продолжала безошибочно считать и записывать, хотя ощущала холодъ въ пальцахъ и застываніе ногъ.

Придя домой, Ева прямо обратилась къ матери.

- Неполомскій уѣхалъ?
 — Да. Изъ Варшавы уѣхалъ.
 — Куда?
 — Не сказалъ.

Побратынский также пришелъ въ обѣду и заявилъ:

— Что тамъ у васъ было—я не знаю. Замѣьте себѣ только, что Неполомскому достаточно сказать Крафту одно слово, и тотъ моментально вытурить меня изъ конторы.

— Что ты этимъ хочешь сказать?—спросила мать.

— То, что сказалъ. Налей мнѣ супу, пожалуйста. Контора не ждетъ.

— Ты скажи прямо, такъ, чтобы всѣмъ было понятно.

Отецъ семейства поспѣшно глоталъ ложки супу.

— На подробное интервью у меня нѣтъ времени. А вотъ, когда меня турнуть, тогда у васъ и пойдутъ опять плачь, сцены, всѣ старыя оперы.

Вечеромъ, возвращаясь со службы, Ева зашла въ садъ, гдѣ видѣлась съ Неполомскимъ. Все сознание ея было поглощено двумя словами: его нѣтъ! Слышались эти страшныя слова въ доносившемся людскомъ говорѣ, въ налетахъ вѣтра, въ шумѣ листьевъ, который вздымался пароксизмами, выражая порывы отчаянія, что его нѣтъ, нѣтъ и не будетъ.

Она замѣчала только эти голоса, а все остальное вокругъ для нея омертвѣло. Въ мѣрѣ было пусто, было скучно, а сердце грызла безнадежная боль. Какъ жалки стали эти милыя аллеи, клумбы цвѣтовъ, группы деревьевъ! Казалось, что всему этому не для чего жить.

„Одинока я на свѣтѣ, безъ пріязни, безъ помощи, съ пренебреженной душой. Ты припадалъ губами къ стѣнѣ и цѣловалъ смерть, а я, несчастная, не знала, не угадала. Ты не захотѣлъ увидѣться еще разъ, отказалъ и себѣ, и мнѣ въ послѣднемъ прощаньи. О, ты силенъ! Ты можешь властвовать надъ всѣмъ... Но я не приму, не вынесу твоей жертвы. Я умру, дай то, Боже! Вотъ, тогда увидишь, что ты сдѣлалъ! И поймешь, ты, сильный, ты, ушедшій безъ поцѣлуя“!.. Вотъ что дѣвушка говорила себѣ.

Дни, недѣли, мѣсяцы... Никакой больше вѣсти о Неполомскомъ. Въ адресномъ столѣ Ева получила справку о его выѣздѣ изъ Варшавы, въ редакціяхъ двухъ газетъ узнала только старыя адреса его въ Парижѣ и Лондонѣ. Она стала убивать время усиленными занятіями въ правленіи, работала по десяти, двѣнадцати часовъ въ день и въ теченіе лѣта получала за дополни-

тельную работу большія прибавки. Она просила, чтобы комната, которую занималъ Лукашъ, была отдана ей.

— Ты должна забыть о немъ, — иначе пропадешь, — отвѣчала мать.

— Пусть пропаду, но не забуду! Ты думаешь испугать меня тѣмъ, что я погибну... Напрасно. Вѣдь это нудло, что я еще жива.

Мать пыталась убѣдить ее.

— Онъ никогда не получитъ развода... Я сама ходила и въ консисторію, и къ его адвокату.

— Такъ что жъ, что не получить развода?

— Подумай, что ты говоришь!

— Мама, ты достигла своей цѣли... Вѣдь это ты, мама, выгнала его отсюда, — чего еще больше?

— А тебѣ слѣдуетъ забыть о немъ.

— Никогда! О, еслибы только я его могла увидѣть!..

— Все проходитъ, все со временемъ забывается, во всему человѣкъ привыкаетъ, повѣрь мнѣ. Родители забываютъ объ умершихъ дѣтяхъ. Когда-нибудь поймешь, что заключается въ этихъ словахъ... Дѣтей своихъ умершихъ забываютъ... Вѣдь я же тебѣ не говорю, чтобы ты забыла вдругъ... Но старайся думать о немъ меньше, работай надъ собой.

Ева, рыдая, обняла мать.

— Мама, умоляю тебя, отдай мнѣ ту комнату! Я буду платить за нее то же, что платилъ онъ... Кажется, работаю довольно, могу себѣ позволить.

— Ну, бери, бери... Пусть пропадаютъ деньги.

Ева перенесла свои вещи въ ту комнату, стала сама убирать ее и замыкала ее, выходя изъ дома. А когда оставалась дома, по праздникамъ, то запиралась и читала. Книги она брала въ читальнѣ, а отчасти покупала. Она сдѣлалась крайне молчаливой. И съ домашними, и на службѣ, мѣнялась только заурядными словами, которыя обусловлены общежитіемъ.

Въ одно воскресенье Ева, по обыкновенію, зашла въ читальню и обмѣняла взятые тамъ книги на новыя. Пока ихъ собирали, она раскрыла лежавшій тутъ же, на столѣ, журналъ и, почти машинально отвернувъ обложку, увидѣла въ оглавленіи имя Лукаша Неполомскаго. Она раскрыла книгу и нашла его статью по одному изъ вопросовъ антропологій.

Не задумываясь ни на минуту, дѣвушка, съ книгами подъ рукой, поѣхала въ редакцію того журнала и, сунувъ сторожу рубль, просила доложить редактору о дамѣ, которая имѣетъ къ нему

спѣшное дѣло. Отъ редактора она узнала, что Неполомскій недавно былъ въ Варшавѣ, а на дняхъ писалъ, что придетъ опять въ среду вечеромъ, по привислянской дорогѣ.

Ева нашла въ газетѣ, что первый вечерній поѣздъ этой дороги приходитъ въ 7 ч. 20 мин. Но слѣдовало ли идти встрѣчать его? Вѣдь онъ даже не простился... Не будетъ ли это—навязываться ему? Два дня она мучилась этими сомнѣніями, но въ среду, какъ только проснулась, сознала, что пойдетъ, не можетъ не пойти. Поидетъ, только чтобы взглянуть на него въ послѣдній разъ—и такъ, чтобы онъ ее не увидѣлъ.

Надвѣвъ густой туманъ, она пріѣхала на вокзалъ за полчаса до прихода поѣзда, и теперь ее мучилъ уже только страхъ, что онъ можетъ не пріѣхать. Но, вотъ, двери раскрылись, толпа двинулась на перронъ и раздался грохотъ подкатывшаго поѣзда. Взглядъ дѣвушки лихорадочно бѣгаетъ отъ входящихъ въ двери пассажировъ къ дверямъ нѣсколькихъ ближайшихъ вагоновъ, а потомъ съ испугомъ возвращается къ входной двери, перебѣгаетъ съ человѣка на человѣка, съ досадою замѣчаетъ все чужія лица.

Наконецъ... Онъ прошелъ быстро, неся въ правой рукѣ саквояжъ, на лѣвой—пледъ, и потонулъ въ волнахъ спѣшавшей толпы пріѣзжихъ и насильщичьихъ. Желаніе ея сбылось, и затѣмъ она потеряла его изъ вида, незамѣченная. Вѣдь она и дала себѣ слово, что больше ничего не будетъ. Но когда она сама вошла въ залъ и его не было видно, ею овладѣло отчаяніе. Почти бѣгомъ она устремилась изъ одного зала въ другой, на улицу, въ толчею отъѣзжавшихъ экипажей. На нее крикнулъ одинъ изъ кучеровъ, а полицейскій остановилъ ее и отодвинулъ назадъ.

Въ эту минуту позади себя она услышала:

— Нумеръ 2.326-й!

Это былъ его голосъ. Неполомскій проскользнулъ мимо нея и сѣлъ въ экипажъ.

— Лукашъ! Лукашъ!

Онъ обернулся къ ней и втянулъ ее подъ зонтъ экипажа. Она въ изнеможеніи откинулась на спинку, какъ будто дѣлая послѣднее усиліе, чтобы снастись отъ опасности, и уже дольше бороться съ ней не могла. Онъ что-то крикнулъ кучеру, и они тронулись.

— Ты, Ева!—Неполомскій наклонился къ ней и судорожно цѣловалъ ее въ губы, прерывая это только повтореніемъ:—Ты, Ева!

Она чувствовала, что теперь можно умереть, и не думала ни о чемъ, какъ вдругъ экипажъ остановился.

— Что это опять?— болѣзненно произнесла она.

— Отель.

— Какой отель?

— Гдѣ я ночую.

— Ахъ, да!

— Я уже разъ былъ въ Варшавѣ, ходилъ подъ твоими окнами, видѣлъ, какъ въ нихъ промелькнула тѣнь, и сказалъ себѣ, что это—ты.

— Я теперь живу въ твоей комнатѣ...

— Дорогая! Что же теперь будетъ?

— Не знаю.

— Пойдемъ со мной. — Онъ уплатилъ кучеру и, взявъ ее подъ руку, повелъ ее вслѣдъ за корридорнымъ, который несъ вещи.

— Что же теперь будетъ?— повторилъ онъ, когда они вдводемъ остались въ комнатѣ.— Я могъ бы тебя выдать за свою жену... Ты вернешься домой?

— Вернусь... Конечно, вернусь. А ты?

— Выѣду завтра.

Вошелъ кельнеръ и взялъ паспортъ.

Одна съ нимъ, въ отелѣ... Она сѣла на крытое малиновымъ бархатомъ кресло. Свѣча освѣщала лицо Лукаша, въ которое дѣвушка всматривалась всею силой любви. Усы, борода. Лицо похудѣло, будто почернѣло слегка. Широко раскрытые черные глаза, глубокіе, полные таинственности. Вѣдь это—онъ, Лукашъ! Удивительно... Живой человѣкъ, не мечта, не сонъ... Самъ Лукашъ! Какъ чудно... И какая тишина, а въ душѣ—лучезарность! Его можно подозревать въ себѣ, дотронуться до него...

Шаги его на коврѣ не слышны. Онъ подошелъ и присѣлъ возлѣ нея, такъ что ея коснулось его колѣно, и съ полминуты они молча другъ на друга глядѣли.

— Ты... мое счастье!— промолвилъ онъ тихо.

На лицѣ ея изъ-за печали выглянула улыбка... Такъ она когда-то улыбалась ему, изъ-подъ темной вуальки, въ церкви.

— Серьезно говоришь это... что я для тебя счастье?

— Клянусь.

— Я рада, такъ рада.

— Ты сама радость божественная...

— Я такъ страдала.

— И я.

— Зачѣмъ же ты поступилъ такъ?

— Это былъ мой долгъ.

— Читала я разъ... объ одномъ такомъ случаѣ.

— Какомъ же?

— Что такъ, какъ мы теперь, двое въ гостинницѣ выпили какую-то кислоту...

— О, нѣтъ! Я поѣду въ Римъ. Употреблю на это все, что у меня осталось, и добьюсь тамъ развода.

— Въ Римѣ? Сколько же надо на это времени?

— Два-три мѣсяца. Тогда вернусь къ тебѣ и уже навѣки.— Онъ повторилъ: — Ты—мое счастье! — И добавилъ шопотомъ, точно повѣряя ей тайну: — Какъ ты непостижимо хороша!

Она встала и взглянула на него съ загадочной, новой для него усмѣшкой. Никогда еще она не была такъ очаровательна. Внутри его пронесся вихрь страстнаго желанья.

Но онъ сказалъ:—Ева, теперь слѣдуетъ идти.

— Слѣдуетъ! а съ тобой такъ страшно хорошо...

— Буду тебѣ писать въ правленіе.—Онъ нервно потиралъ руки и слегка вздрагивалъ. Но вскорѣ выраженіе лица его стало строгимъ, даже жестокимъ, и Ева покорилась.

— Не оставь же меня... — проговорила она, и въ этой мольбѣ ея слегка прозвучало рыданіе.

Они торопливо поцѣловались. Онъ надѣлъ пальто и, держа Еву подъ-руку, быстро вышелъ на лѣстницу. Внизу имъ поклонился швейцаръ. По темнымъ улицамъ, по мокрымъ троттуарамъ, мимо строго глядѣвшихъ домовъ, впередъ... безъ слова.

Передъ воротами ея дома, Неполомскій крѣпко, но быстро пожалъ ей руку и исчезъ въ темнотѣ, вѣтрѣ и дождѣ...

Въ концѣ ноября Евѣ подали въ правленіи слѣдующее письмо: „Милостивая государыня! Находящійся въ городской больницѣ, въ хирургическомъ отдѣленіи, которымъ я завѣдую, г. Лукашъ Неполомскій поручилъ мнѣ просить васъ пріѣхать сюда безотлагательно. Больной получилъ огнестрѣльную рану въ грудь, и исходъ болѣзни его внушаетъ опасенія.—Уважающій васъ *д-ръ И. Виллосинскій*“.

Письмо было изъ уѣднаго города.

Передъ дѣвушкой внезапно разверзлась бездна. Ужасъ, безнадежность, гибель, все это сметено въ сторону силой воли. Ева послѣшно пошла къ кабинету директора и просила дать ей отпускъ, но получила отказъ. Вѣдь она уже въ прошломъ году воспользовалась двухнедѣльнымъ отпускомъ, да еще съ сохраненіемъ содержанія. Развѣ она не знаетъ правилъ?

Ева умоляла, ссылаясь на то, что у нея будто бы умираетъ тетка, которая ее воспитала...

— Что такое?.. Какая там тетка?.. Для чего же правила? Нѣтъ и нѣтъ!

Она вышла изъ правленія задолго передъ урочнымъ часомъ и отправилась, дѣйствительно, къ теткѣ, но такой, которая вовсе не собиралась умирать, а занималась мелкимъ ростовщичествомъ. Ева явилась къ ней будто бы отъ имени матери, объяснила, что они очень нуждаются въ данную минуту, и просила о ссудѣ въ 150 рублей. Побратимскіе не разъ уже были должны этой родственницѣ, и она хорошо знала, что и прежнія ссуды они уплачивали на заработки Евы. Поэтому она согласилась ссудить и теперь, но только 120 рублей и подъ росписку самой Евы.

Возвратясь домой, дѣвушка заперлась въ своей комнатѣ. Къ счастью, городъ, изъ котораго она получила письмо, лежалъ близъ желѣзной дороги, и Ева, купивъ газету, еще на улицѣ рѣшила, съ какимъ поѣздомъ ѣхать.

Она вложила все, что у нея было лучшаго, въ старый ручной чемоданчикъ, который достала изъ-подъ кровати отца, и въ одиннадцатомъ часу вечера, когда мать уже ушла въ спальню, а отецъ еще не возвратился изъ своего ресторана, она вышла на улицу, оставивъ дверь незамкнутой, и отправилась на поѣздъ, отходившій въ полночь.

III.

Ева сознавала, что это былъ шагъ безповоротный. Самовольная отлучка лишила ее заработка въ правленіи, а мать не приметъ ее назадъ. Но главное — помочь Лукашу. А если онъ умретъ, тогда все—все равно.

На зарѣ Ева приѣхала на станцію того городка и оставалась тамъ до девяти часовъ, потомъ поѣхала къ городской больницѣ. И тамъ еще съ часъ ожидала доктора Вильгосинскаго.

Она представилась ему.

— А, такъ это вы? Плохо, плохо, знаете... Легкое пробито. Мы сдѣлали что возможно. Остальное зависитъ отъ Бога.

Онъ сперва не соглашался на немедленное свиданіе. Но, уступая мольбѣ дѣвушки, онъ повелъ ее въ палату. — Охъ, эти романы, эти голубые глаза!..

Ева опустилась на колѣни передъ кроватью Лукаша. Онъ положилъ руку ей на голову, погладилъ ей волосы и сухимъ голосомъ, при стѣсненномъ дыханіи, прошепталъ:

— Ева, Евуса... Прости... Безконечно... глупая, случайная дуэль...— Больше врач говорить на этотъ разъ не позволилъ.

Нѣсколько недѣль Ева прожила вблизи больницы, въ комнатѣ, отдававшейся въ бѣдной семьѣ. Врачъ вскорѣ сталъ ободрять дѣвушку, шутилъ, что ея прѣбавъ сдѣлалъ больше, чѣмъ хирургическое искусство. Наконецъ, онъ согласился, чтобы Неполомскій выписался. Ева привскала помѣщеніе для себя и Лукаша въ одномъ изъ еврейскихъ домовъ, на чертѣ городской земли, гдѣ уже начинались поля. Большая, свѣтлая комната была предназначена для Неполомскаго, а маленькую; куда входъ былъ со двора, Ева выбрала себѣ.

Незадолго передъ Рождествомъ больной былъ перевезенъ на эту квартиру. У него еще оставались небольшія средства, но ихъ надо было беречь, и Ева стала искать работы.

Сперва она нашла письменныя занятія у адвоката, по рекомендаціи доктора. Но имя Неполомскаго было извѣстно въ печати, и въ мѣстномъ „обществѣ“ скоро узнали, что Ева—не жена его. Дуэль его, изъ-за пустой ссоры съ графомъ Щербинцемъ, попала въ газеты, съ нѣкоторыми биографическими свѣдѣніями. Въ глазахъ „общества“ это былъ скандалъ, которымъ возмущались тѣмъ болѣе, что убогая мѣстная газетка назвала Неполомскаго „извѣстнымъ врагомъ церкви“. Занятія Евы у адвоката и сношенія съ Вильгосинскимъ прекратились. Но домовладѣлецъ ихъ и другіе евреи, сосѣди, не имѣли связей съ обществомъ.

Ева нашла работу у портнихи, державшей магазинъ. О нравственной репутаціи швей никто не заботится. И вотъ, дѣвушка отправлялась утромъ въ магазинъ, а въ восемь часовъ вечера возвращалась домой съ кое-какими, купленными по дорогѣ, припасами, и тогда готовила что-нибудь въ ужину... Утренній кофе и ужинъ—этимъ долженъ былъ довольствоваться и Лукашъ, который быстро поправлялся, а въ половинѣ февраля сталъ уже выходить изъ дома.

Они зажили весело. Были вмѣстѣ, были молоды и счастливы... За ужиномъ, въ его комнатѣ слышался оживленный разговоръ, а часто и смѣхъ. Ева зарабатывала всего двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ; но они пова и не нуждались въ этихъ деньгахъ. Онъ принадлежалъ на время его новаго отсутствія, такъ какъ Лукашъ оставался при прежнемъ намѣреніи ѣхать въ Римъ для полученія развода или удостовѣренія о позволеніи вступить въ бракъ по недѣйствительности перваго. Взять Еву съ собой онъ не рѣшался.

Это не только обошлось бы дорого, но было опасно и въ другомъ отношеніи.

Ему и теперь приходилось постоянно сдерживать себя. Онъ пересталъ цѣловать ее въ губы. Иногда переживалъ моменты тяжелой борьбы со страстью, борьбы, въ которой онъ тѣмъ легче могъ быть побѣжденъ, что какъ самъ, въ сущности, сознавалъ, боролся онъ только изъ предразсудка, изъ деликатности по отношенію къ дѣвушкѣ, которая такъ самоотверженно служила ему.

И Ева не могла не замѣтить этой борьбы. Взглядъ его она постоянно чувствовала на себѣ. Когда ей случалось сдѣлать необычное движеніе, вытянуться и поднять руки, доставая что-нибудь со шкафа или нагнуться, чтобы поднять упавшую вещь, — она потомъ, взглянувъ на него, замѣчала въ глазахъ его какой-то невѣдомый, фосфорическій, прямо злобщій огонь. Или случалось подойти и обнять его — и онъ быстро разнималъ ея руки, порывисто цѣловалъ ихъ и дѣлалъ шагъ въ сторону, съ выраженіемъ мѣки въ лицѣ. Ева отнеслась бы вполнѣ равнодушно къ тому, какъ могли судить и говорить о ней въ обществѣ и въ магазинѣ. Она угадывала, что ее считали любовницей Неполомскаго, въ полномъ смыслѣ, но ей очень не хотѣлось, чтобы это было правдой. Точнѣе сказать, она желала, чтобы такъ еще не было въ дѣйствительности.

Поэтому тѣ признаки, которые она замѣчала въ Лукашѣ, тревожили ее. Она сознавала, что каковъ бы ни былъ рѣшительный ея шагъ, въ виду его страсти, — бѣжать отъ него, или ему отдаться, — этимъ шагомъ она переступитъ въ иную сторону жизни. Но противными тѣ признаки ей все-таки не были, такъ какъ она вѣрила въ любовь его и сама жила только для любви. Не разъ ей приходила мимолетная мысль остаться у него, не уходить въ свою комнату; пусть онъ будетъ счастливъ. Но прежнее намѣреніе брало верхъ, и, убѣжавъ въ свою комнату, она послѣшно раздѣвалась, ложилась и засыпала крѣпкимъ сномъ.

Въ одинъ воскресный вечеръ, уже во второй половинѣ февраля, они возвращались съ прогулки въ ближнемъ лѣсу. Темнѣло, но сѣвостъ дерева еще проглядывалъ красный отблескъ заходившаго солнца. Говорили они объ Отелло и Дездемонѣ, и Ева закончила словами:

— Да, она вѣрно и беззавѣтно любила этого чернаго демона.

Они приостановились и стали чертить около себя обломкомъ вѣтви круги на чистомъ, пушистомъ снѣгѣ. Онъ смотрѣлъ

не на нее, а на круги. Ей захотѣлось прибавить, что она любитъ его, какъ любила Деэдемона, и еще захотѣлось сказать ему о тѣхъ быстрыхъ переменахъ въ лицѣ его, какія она замѣчала.

Лукашъ точно отгадалъ ея мысли.

— Ты хочешь сказать, что Деэдемона была законною женой?

Брови его сдвинулись, и онъ болѣзненно усмѣхнулся. Потомъ произнесъ медленно, какъ бы про себя читая:—Обезпечить себя, сдѣлаться счастливымъ, вотъ въ чемъ истиннеть, законъ и долгъ...

— А вамъ не кажется, что это скорѣе просто цинизмъ и эгоизмъ?—спросила она шутливымъ тономъ.

— Такъ говоритъ мудрый Гольбахъ... А ты могла бы быть счастливою наперекоръ всему міру?

— Ну, что а!..

— Природа взываетъ къ намъ,—прибавляетъ Гольбахъ,—не противьтесь счастью, къ которому я васъ побуждаю, въ которомъ заключаются поставленные мной цѣль и законъ, но стремитесь къ нему, добывайте его.

Заря погасла, и въ лѣсу вдругъ стемнѣло.

— Въ чемъ же счастье?—вдругъ спросила она и взглянула Лукашу прямо въ глаза.

Онъ молчалъ, и она спросила еще:

— Развѣ счастье въ томъ, о чемъ ты теперь думаешь?

Ему показалось, будто земля дрогнула подъ ногами.

— Ева... къ чему ты объ этомъ спросила?

Молчалъ замерзшій лѣсъ, въ полумракѣ скрывалась вся природа, но подъ землей точно что-то колебалось и повелительно гудѣло.

— Сегодня же! — таковъ былъ для Лукаша смыслъ этого голоса.

Когда они вошли въ его комнату, Лукашъ заперъ дверь на ключъ и дрожащими слегка руками зажегъ лампу. Потомъ онъ повернулся къ Евѣ, которая остановилась у двери, подошелъ къ ней ближе и пристально посмотрѣлъ ей въ глаза.

Въ нихъ было новое для него выраженіе. Они глядѣли вверхъ изъ-подъ вѣкъ, куда-то далеко-далеко. Онъ ощутилъ даже нѣкоторую робость подъ этимъ голубымъ взглядомъ, гордымъ, но вмѣстѣ и покорнымъ, какъ раскрытый, только-что сорванный со стебля чудный цвѣтокъ. Взоръ Лукаша проницательно вопрошалъ ея погасшіе, но божественно живые глаза и прочелъ въ нихъ одно—любовь.

— Развѣ же мы въ эту минуту не ощущаемъ блаженства?

— Да,—шепнула она.

Для нихъ потекли дни блаженства, поглощеніе другъ друга душой и плотью...

Черезъ два мѣсяца Неполомскій уѣхалъ въ Римъ стараться о разводѣ. Первые его письма исполнены были тоски и страсти. Затѣмъ, онъ описывалъ ей первые свои шаги въ куріи, передавалъ свои впечатлѣнія въ Италіи, наконецъ сообщалъ, что, въ ожиданіи результата, онъ приникалъ себѣ занятіе въ австрійскомъ посольствѣ въ Римѣ. Это была работа по переводу историческихъ документовъ, находящихся въ ватиканской бібліотекѣ. Въ этомъ ему помогло знакомство съ языками древне-греческимъ и старо-славянскимъ. Онъ дѣлалъ нѣмецкіе переводы съ указанныхъ ему памятникоевъ.

Между днями любовнаго счастья и днями одиночества для Евы опустился занавѣсъ. Сперва казалось, что это была только тонкая, полупрозрачная, колеблющаяся, какъ облако, завѣса. Но когда долго-долго проходили дни за днями, а потомъ и цѣлые мѣсяцы, тогда обнаружилось все протяженіе между прежними и настоящими днями—въ глубину, вырисовалась цѣлая страна, обширное, раздѣлявшее ихъ пространство.

Ева, попрежнему, проводила всѣ дни за работой въ магазинѣ, и это для нея теперь было спасеніемъ, еще въ большей степени, чѣмъ работа въ желѣзнодорожномъ правленіи, послѣ первой разлуки съ любимымъ человѣкомъ. И тогда разлука была тяжела; давило одиночество. Но то было пустынями въ сравненіи съ постигшей ее теперь судьбой. У нея стали появляться признаки, указывавшіе на беременность. Признаки эти порой исчезали, и тогда въ ней возвращалась бодрость, увѣренность, что еслибы даже оставленныхъ ей Лукашемъ денегъ не хватило до его возвращенія, то она прокормитъ себя тяжелою работой и все-таки дождется его.

Послѣднее письмо отъ Неполомскаго она получила въ половинѣ мая. Потомъ онъ почему-то пересталъ писать. Между тѣмъ, признаки беременности дѣлались все болѣе явными и, наконецъ, стали несомнѣнными. Прежде надъ ней посмѣивались только другія модистки въ магазинѣ, когда она внезапно убѣгала съ мѣста въ припадкѣ рвоты. Но въ концѣ іюля положеніе ея замѣчали и другія женщины, встрѣчавшія ее на улицѣ, и нерѣдко она слышала посланное ей въ догонку обидное слово. Квартира была ушлачева за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ. Ева питалась болѣе всего копченымъ мясомъ и хлѣбомъ.

На нее находило какое-то одеревенѣніе. Въ августѣ она, наконецъ, принуждена была бросить работу въ магазинѣ. И стара-

лась подольше спать, какъ можно больше не жить. Еврей-хозяинъ иногда заходилъ къ ней, спрашивалъ, гдѣ ея мужъ, отчего такъ долго не возвращается. Тогда на нее нападалъ страхъ, что ее могутъ выдать, могутъ разыскать родители, вытребовать черезъ полицію. И деньги стали быстро таять съ тѣхъ поръ, какъ она превратила работу въ магазинъ.

Ева продолжала еще по временамъ писать въ Римъ, но уже съ малой надеждой отвѣта... Для нея земля опустѣла, а въ ней самой погибала воля, погасало даже мышленіе. Случалось, что нервы ея разыгрывались и какъ-то рефлективно бились, какъ бьются члены у связаннаго животнаго. Она теряла власть надъ собой. Самое воспоминаніе о Лукашѣ стало для нея фантастичнымъ. Ей чудилось только мерцаніе свѣта въ той сторонѣ, куда мысль ея такъ долго устремлялась съ надеждой.

IV.

Чаще всего ей думалось о смерти. Не бытъ! О, если бы кто-нибудь закрался въ комнату и въ полуснѣ убилъ ее! Вся жизнь уже прожита ею. Счастье она расточила, а теперь, опутанная со всѣхъ сторонъ узами, петлями, сдавленная узлами мученья, она не видѣла себѣ исхода. Да если бы этотъ исходъ какъ-нибудь и открылся, то она не чувствовала въ себѣ силъ прилѣзти къ нему.

Пусть бы наступилъ конецъ... Въ жаркое августовское время Ева цѣлые дни просиживала передъ своимъ окномъ, которое выходило на дворъ. На немъ, въ углу находилась помойная яма, надъ срубомъ которой недавно былъ надстроенъ дощатый верхъ съ крышей и дверью. Туда выливались грязная вода и нечистоты изъ всѣхъ квартиръ. Некрашенные сосновые доски были еще свѣжи и своимъ цвѣтомъ напоминали простые гробы, въ которыхъ хоронятъ бѣдныхъ. Смотря апатично въ окно, Ева невольно останавливала взглядъ на этой надстройкѣ. Не бытъ, исчезнуть! Хотя бы въ этомъ широкомъ зловонномъ отверстіи, на зло людямъ, которые втолкнули ее въ безвыходное положеніе и оставляютъ ее умирать медленной смертью.

Отвратительно... Но зато скорѣе, проще всего. Ужасныхъ нѣсколько секундъ и больше ничего... А не все ли ей равно, въ какомъ видѣ ее найдутъ? Въ самомъ ужасѣ такого конца будетъ ея мѣсть сгубившимъ ее людямъ.

Однажды, сосчитавъ оставшіяся у нея деньги, Ева убѣди-

лась, что уже недалеко время, когда ей придется умирать съ голода, если она не повончитъ съ собою сама. Съ этой мыслью она присѣла къ окну и безнадежно взглянула на дворъ, но на этотъ разъ замѣтила на немъ кого-то чужого. Это былъ молодой человѣкъ, хорошо одѣтый, совсѣмъ непохожій на тѣхъ, кого она видывала здѣсь, на дворѣ.

Незнакомецъ подходилъ къ разнымъ дверямъ и, наконецъ, постучался къ ней. Когда онъ вошелъ въ ея комнату, Ева мимовольно отдала себѣ отчетъ, что онъ былъ красивъ собою и, судя по костюму, принадлежалъ къ богатому классу.

— Извините, — сказалъ онъ, снявъ шляпу, — не здѣсь ли живетъ г-жа Ева Побратынская?

— Это я. — Ей стало тѣмъ болѣе совѣстно убожества комнаты, что онъ былъ красивъ и изященъ. Ева машинально вертѣла въ пальцахъ какой-то лоскутокъ.

— Я являюсь къ вамъ по порученію Лукаша Неполомскаго.

Она вскрикнула:

— Лукаша! — Въ ней сердце точно сорвалось съ мѣста и вдругъ совсѣмъ приостановилось.

Молодой человѣкъ съ любопытствомъ взглядывалъ на нее исподлобья.

— Гдѣ же Лукашъ?

— Г. Неполомскій все еще въ Римѣ... Но, къ сожалѣнію, мнѣ приходится сообщить вамъ неприятную вѣсть: онъ — въ тюрьмѣ.

— Какъ такъ въ тюрьмѣ?

— Объясню сейчасъ. Но сперва позвольте мнѣ представиться: моя фамилія Щербиць...

Она его прервала: — Лукашъ стрѣлялся съ графомъ Щербицемъ! Такъ это вы?

— Да, такъ случилось. Но поводъ былъ неважный, и послѣ того я признался въ своей винѣ и крайне сожалѣю о томъ случаѣ. Мы разстались съ нимъ въ мирѣ. А такъ какъ мое имѣніе недалеко отсюда, то черезъ одного знакомаго въ Римѣ онъ поручилъ мнѣ передать вамъ небольшую сумму.

— Да за что же Неполомскій попалъ въ тюрьму? И когда это случилось?

— Еще въ маѣ. По дѣлу о...

— Уже въ маѣ! — Прошедшее вдругъ озарилось для нея свѣтлымъ лучомъ. Значить, онъ не бросилъ, не забылъ ее. Онъ просто не могъ.

— По дѣлу о пропажѣ изъ ватиканской бібліотеки рукопи-

сей. Дѣло мнѣ съ точностью неизвѣстно, — продолжалъ Щербицъ. — Очень можетъ быть, что произошла судебная ошибка. Но г. Неполомскій былъ привлеченъ къ дѣлу о пропажѣ рукописей, которыя, какъ потомъ узнали, попали въ руки американскихъ коллекціонеровъ. Теперь мнѣ передана его просьба ссудить васъ небольшимъ пособіемъ до его возвращенія. Но когда онъ думаетъ возвратиться, объ этомъ я не знаю.

Вынувъ бумажникъ, онъ отсчиталъ нѣсколько десятирублевыхъ бумажекъ и, положивъ ихъ на столъ, взглянулъ на Еву. Она была и рада помощи, и стыдилась принять ее отъ незнакомаго. Но, главное, она теперь узнала, что Лукашъ ее не бросилъ, а только не могъ возвратиться къ ней. Эти чувства оживили ея поблекшее лицо, и на минуту красота ея просіяла.

— Если бы я и въ будущемъ могъ быть полезнымъ, — сказалъ онъ, прощаясь, — то напишите мнѣ: Зигмунтъ Щербицъ, въ Зглищахъ: это недалеко отсюда.

Поздней осенью Ева, издержавъ уже почти всѣ деньги, данныя ей Щербицемъ, очутилась снова въ отчаянномъ положеніи. Каждый день могъ уже появиться на свѣтъ ея несчастный ребенокъ, а средствъ оставалось теперь развѣ только на провѣздъ въ Варшаву, къ родителямъ. Но этого она не въ силахъ была сдѣлать. Да они могли и не принять ее. Обратиться къ Щербицу за новымъ пособіемъ?

Ни за что на свѣтѣ! Одиночество, боли, которыя стали иногда появляться, безнадежность будущаго — породили въ ней новое сомнѣніе въ намѣреніяхъ Лукаша. Пусть онъ и прислалъ тѣ деньги, которыя она получила отъ Щербица. Но вѣдь этотъ посредникъ не показалъ ей письма отъ Неполомскаго. Ее стала отравлять мысль, что тѣ деньги были присланы ей просто какъ послѣдняя подачка, изъ жалости, какъ отступное; что Лукашъ, не дававшій знать о себѣ, уже вовсе не хотѣлъ ея и думалъ облегчить себѣ отреченіе отъ нея, бросивъ ей деньги, просто, чтобы откупиться отъ надоѣвшей ему дѣвки.

Нѣтъ, просить еще такихъ денегъ, обращаться къ Щербицу она не будетъ. Слѣдовало бы умереть, но если не придетъ для этого минута смѣлости, если ей не удастся пробиться сквозь тотъ страхъ, который теперь окружалъ ее со всѣхъ сторонъ, сквозь призракъ измѣны любимаго человѣка, злобнаго міра, галлюцинацій изъ прошлой жизни, то останется покориться судьбѣ — пусть будетъ, что будетъ.

Однажды, приведенная въ полное отчаяніе этими мыслями, Ева днемъ бросилась на кровать и крѣпко заснула. Подъ ве-

черъ она пробудилась отъ рѣзкой боли. По временамъ, когда боль утихала, Ева начинала ходить изъ угла въ уголъ, какъ звѣрь въ клетѣ, а потомъ боль снова прижимала ее къ кровати. Наконецъ, ее схватили страшныя спазмы, которыя рвали ей спинной хребетъ, животъ и, казалось, совсѣмъ разрывали ее въ пахахъ. Прижимая руки, она слѣдила за тѣмъ, какъ боли эти расширялись. Потъ лился съ нея градомъ, губы высохли какъ щепки, языкъ сталъ сухимъ и шершавымъ. Колѣни трясись, а ноги сводились въ икрахъ судорогами.

Спазмы учащались и длились по пяти и болѣе минутъ. Наступая снова, онѣ усиливались и пронзали ее глубоко, точно ножомъ, ударъ за ударомъ. Ахъ, страшная, невыносимая, безумная боль!

Ева, въ снѣдчемъ положеніи, руками подхватила подъ себя край кровати, а ногами упиралась въ половику. Страшныя усилія и за каждымъ изъ нихъ—страданіе, отъ котораго мигали искры передъ глазами. Ворочались внутренности и по временамъ ее пронизывала боль вширь, какъ будто животъ разрывало пополамъ. Руками она нащупала голову ребенка. Тогда Ева повалилась навзничъ на постель и съ дивнымъ остервенѣніемъ натуживалась, чтобы повторить ту боль еще разъ и еще разъ... Вышли плечики, туловище, все тѣльце, обмотанное шнурами пуповины, которая билась кровообращеніемъ, какъ сердце.

Ева ощутила животное облегченіе и съ минутой лежала неподвижно съ бессознательной улыбкой и почувствовала, что біеніе того шнура ослабѣло, стало едва примѣтно. А вмѣстѣ съ тѣмъ съ ляжекъ ея раздался крикъ новорожденнаго. Тогда она приподнялась на постели и одной рукой закрыла ребенку ротъ, а другой замѣнила себѣ бабу, къ чему приготовилась заранѣе, соображаясь съ объясненіями, которыя были даны на ея разпросы. Затѣмъ она оглянулась вокругъ.

Тихій свѣтъ мѣсяца стлался на полу, отчасти проникалъ и на постель. Ева опять откинулась, держа руку наготовѣ, чтобы заглушить крикъ дитяти, если бы онъ повторился. Она обливалась холоднымъ, липкимъ потомъ и прислушивалась, не шель ли кто, услыхавъ тотъ первый плачь... Полное отчаяніе, жажда ничтожества, небытія... Умереть все равно должны были и она, и ребенокъ. Такъ скорѣе бы, сейчасъ!

Но ее вдругъ схватили новыя боли, которыя потребовали и повторенія прежнихъ усилій. Это отходилъ послѣдъ. Вся она тряслась теперь отъ холода и отъ страха. Наконецъ, вся масса вышла, и Ева въ отчаянномъ порывѣ соскочила съ кровати.

Теплыя струи крови стекали у ней по ляжкамъ и колѣнямъ. Ева быстрымъ движеніемъ ухватила четыре конца простыни, однимъ изъ нихъ обмотала голову, чтобы предупредить крикъ, потомъ замотала простыню съ ребенкомъ и послѣдомъ, связала все концами въ узелъ, ухватила его и подошла къ двери... Поставивъ, она чуть-чуть приотворила ее и выглянула въ сѣни. Было тихо. Слышно было только, какъ билось ея сердце. На дворѣ было темно, но мѣсяцъ освѣщалъ крышу, острія палисадника и стѣны другихъ домиковъ.

Ева выбѣжала съ своей ношей, взошла на ступеньки у ямы, пальцемъ отбросила крючокъ на дверцахъ. Свѣтъ мѣсяца проходилъ сверху въ отдушину и пробивался сквозь щели. Она взглянула внизъ и увидѣла блескъ мутной жидкости. Ева приподняла узелъ и потомъ со всего размаха бросила его въ отверстіе ямы, а сама прильнула къ ней. Упавъ въ жидкость, узелъ тотчасъ разворотился, и подъ нимъ мелькнули маленькія колѣнки... Потомъ все перевернулось и погрузилось.

Только въ эту минуту Ева вполне сознала, что она сдѣлала. Жалость пронзила ее ножомъ и толкнула ее туда же — спасать... Но она ударилась грудью о доску и повалилась на бокъ... Когда она очнулась, то увидала, что руки ея опять держались за срубъ. Теперь она еще разъ взглянула внутрь. Сквозь отдушину надъ крышей свѣтъ проникалъ въ глубину, и мутная поверхность стояла ровно безъ всякаго слѣда того, что поглотила.

Ева встала и прокралась къ себѣ въ комнату. Въ бокахъ у нея ныло, какъ въ наболѣвшемъ зубѣ, въ пахахъ до колѣнъ чувствовались рѣзкія дерганья, весь спинной хребетъ былъ пронизанъ болью. Ева стала виться по комнатѣ, пытаясь заглушить страданія, но у нея закружилась голова, она бросилась на кровать съ рыданьемъ и стонала тихо, чтобы не услышали сосѣди.

Съ недѣлю Ева лежала только на ночь, а день проводила у окна, сторожа ту яму, выжидая, не выдастъ ли она страшной тайны. Два дня она питалась черствымъ хлѣбомъ, который былъ ею припасенъ на всякій случай. Съ третьяго дня она стала ходить за сѣбнымъ въ мелочную лавку. При этомъ она подвизывала себѣ маленькую подушку, ступала медленно и тяжело, какъ беременная. Всѣ мысли ея сосредоточивались теперь надъ тѣмъ, какъ бы спастись отсюда. Бѣжать и скрыться въ Варшавѣ. Тамъ ея не разыскали бы, такъ какъ Неполомскій прописалъ ее подъ именемъ своей жены. Но не на что было ѣхать, — у нея, наконецъ, остались уже только мѣдные деньги.

Ева напрасно придумывала разные средства достать денегъ на проѣздъ. Между тѣмъ, недѣли черезъ двѣ послѣ того ужаснаго дня, на дворъ въѣхала телѣга, а на хозяйской половинѣ дома началась возня. Семья еврея собиралась куда-то въ путь. Послѣ ея отъѣзда, Ева съ лихорадочной нетерпѣливостью ожидала, когда выйдетъ самъ хозяинъ. Это случилось часа черезъ полтора. Подождавъ еще немного, Ева прошла корридоромъ на ту сторону дома, гдѣ жили евреи, и попробовала отворить ихъ дверь ключомъ отъ своей комнаты.

Это ей удалось. Она подошла къ комоду, помня, что хозяинъ клалъ туда деньги, когда она ему за что-нибудь платила. Комодъ былъ запертъ. Но на немъ была забыта связка ключей. Ева подобрала ключъ и въ первомъ же ящикѣ нашла круглую жестяную коробку изъ-подъ чернослива. Крышку Ева сняла съ большимъ трудомъ, такъ какъ у нея дрожали руки и коробка едва не упала. Тамъ лежали кредитные билеты разной цѣнности, одинъ на другомъ, какъ они поступали. Ева взяла только что нужно было на билетъ желѣзной дороги и еще три рубля, на пропитаніе. Остальное она оставила въ томъ же видѣ, какъ деньги лежали. Ей не хотѣлось брать больше, чѣмъ было безусловно необходимо. Да такъ было и безопаснѣе, потому что хозяинъ, пересчитывая, могъ подумать, что ошибся при прежнемъ счетѣ денегъ.

Возвратясь въ свою комнату, Ева поспѣшно уложила вещи въ тотъ чемоданчикъ, съ которымъ пріѣхала, и на первой же улицѣ города нашла извозчика, который свезъ ее на станцію. Тамъ она разбѣняла деньги, расплатилась и, съѣвъ кое-что изъ стоявшаго въ буфетѣ, вышла на платформу и сѣла на далекой отъ двери скамейкѣ, въ ожиданіи поѣзда. За полчаса до его прихода она уже стояла передъ кассой, первая взяла билетъ и, тотчасъ по прибытіи поѣзда, забилась въ уголокъ послѣдняго вагона третьяго класса, накрыла голову и лицо платкомъ и притворилась спящею.

V.

Ярко освѣщенная кондитерская на Маршалковской въ Варшавѣ была полна народу, когда туда вошелъ изящно одѣтый молодой человѣкъ и, подойдя къ выручкѣ, заставленной коробками, подносами съ конфетами, шоколадомъ и сладкими пирожками, закавалъ, что ему было нужно, и, отодвинувшись на шагъ, ожидалъ, пока ему собирали заказанное. Взглянувъ въ одну

сторону, въ другую,—взглядъ его остановился на будѣ или клѣткѣ, въ которой сидѣла кассирша. Она была одѣта скромно, хотя по модѣ, но никто не проходилъ мимо, не посмотрѣвъ на нее.

Это была Ева. Получивъ отъ продавщицы карточку, молодой человѣкъ подошелъ къ кассѣ и, собирая сдачную ему мелочь, тихо сказалъ:

— Вы меня узнаете? — Она подняла на него глаза. Это былъ Щербицъ. Онъ продолжалъ торопливо:—Мнѣ надо съ вами поговорить о вещахъ важныхъ, касающихся васъ. Въ воскресенье придите на мессу въ костѣлъ св. Александра... Потомъ можемъ пройти въ Аллеяхъ.. Вы согласны?

— Хорошо...—Въ эту минуту ей хотѣлось только отдѣлаться отъ него, чтобы не обратить на себя вниманіе. Но въ слѣдующіе дни она рѣшила идти на это свиданіе, такъ какъ Щербицъ могъ имѣть новыя извѣстія о Лукашѣ.

Выходя отъ мессы, она увидѣла Щербица на ступени костѣла. Она была вся въ черномъ, отчего лицо ея казалось еще блѣднѣе. Но черты его возстановились уже во всей прелести, и печаль, тихо свѣтившая въ голубыхъ глазахъ, придавала ей нѣжность. Молодой человѣкъ совсѣмъ не ожидалъ найти ее такой восхитительной, и въ своемъ удивленіи не обратился къ ней первый, когда они шли рядомъ.

— Чтѣ же вы, графъ, имѣли мнѣ сообщить?

— Прежде всего я долженъ васъ упрекнуть, что вы не дали мнѣ знать, когда уѣзжали изъ моего сосѣдства, не потребовали отъ меня никакой услуги. Вѣдь я же, такъ сказать, вашъ опекунъ.

— Этого я не знала. Но чтѣ вы мнѣ сообщите?

— Сейчасъ. Но могу ли я говорить съ полной откровенностью?

— Да, но и съ нѣкоторой осторожностью.

— Хочу спросить, чтѣ вы все еще...? То-есть, интересуется ли еще васъ то, чтѣ я могу сказать новаго?

— Непремѣнно хочу знать!—Ева сказала это съ порывомъ и пошла скорѣе.

— Неполонскій все еще въ Римѣ, въ тюрьмѣ. Но къ нему допускаютъ... И мой пріятель отъ его имени просилъ у меня извѣстій о васъ. Но я пока не могъ дать ему свѣдѣній, такъ какъ тамъ, гдѣ вы жили, мнѣ сказали, что вы...

Ева почувствовала, что кровь у нея бросилась въ голову и ноги подъ нею затряслись.

— Вы были тамъ?

— Будьте покойны... не опасайтесь ничего.—Онъ старался говорить равнодушно, но въ голосѣ его слышалась доброта.— Кромѣ меня, никто не знаетъ, а еврею я заплатилъ.

— Заплатили?

— А сверхъ того я пригрозилъ ему... Ихъ домишки вѣдь на моей подгородной землѣ... Я могу разорить его, если бы онъ сталъ рассказывать.

— О чемъ?— съ дрожью спросила она.

— Ну, тамъ объ этихъ какихъ-то долгахъ вашихъ.

Евѣ сперва стало легче. Но затѣмъ она вспомнила, что теперь тотъ хозяинъ можетъ разыскать ее черезъ Щербица. А во всякомъ случаѣ она совершенно въ рукахъ этого молодого человѣка, и она стала ему пенять.

— Ахъ, графъ, затѣмъ вы въ это вмѣшивались?.. Какая вамъ была нужда?

— Пани Ева, — заговорилъ онъ въ дружескомъ тонѣ. — Я понимаю, что вамъ неприятно слышать это отъ человѣка чужого. Но вѣдь я хотѣлъ васъ успокоить, рассказавъ вамъ о томъ, чтò знаю. А теперь я клянусь вамъ, что никому не пророню слова объ этомъ. Да и неужели вы можете меня подозревать?.. И отчего въ томъ ужасномъ положеніи вы не обратились ко мнѣ?..

— Я не могла...—прошептала она.

— Знаете чтò? Я вижу, вы устали, а я еще не кончилъ. Продемся въ Лазенки.

Щербицъ подозвалъ одноконный экипажъ, велѣлъ поднять верхъ, и они поѣхали. Онъ далъ ей нѣкоторое время успокоиться, а самъ часто взглядывалъ на нее, удивляясь, какъ это слѣпая сила, природа, могла подобрать въ такомъ совершенствѣ всѣ формы, линіи, размѣры, колоритъ, точно гениальный художникъ. Можетъ ли быть что-нибудь болѣе законченное, гармоническое, идеальное? Кассирша изъ кондитерской, жившая съ другимъ, имѣвшая незаконнаго ребенка... Дать ей денегъ и уйти?.. Нѣтъ! Отъ нея нельзя оторваться. Это—безсмертная Діана, это—солнечная лучезарность, заключенная въ образъ женщины.

— Кажется, вы теперь отдохнули, а вотъ чтò я хотѣлъ вамъ еще сказать. Я ѣду на Ривьеру, и, вѣроятно, мнѣ случится быть въ Римѣ.

Она быстро повернулась къ нему. Въ лицѣ ея были и радость, и испугъ.—Въ такомъ случаѣ...

— Вы хотѣли бы, чтобы я видѣлся съ Неполомскимъ?

Хорошо. Обѣщаю вамъ быть у него, сказать ему все, что вы мнѣ поручите, передать ему письмо.

Ева, увлеченная неожиданностью и несознательнымъ порывомъ, схватила его руку и прижала къ своимъ губамъ, прежде, чѣмъ онъ понялъ ея намѣреніе. И по лицу ея потекли тихія, обильныя слезы. Она плакала долго, закусывая по временамъ губы, чтобы удержаться. Они ѣхали дальше, и Евѣ видѣлись сквозь слезы деревья, статуи, какая-то крыша, но она не отдавала себѣ отчета, гдѣ все это.

Наконецъ, она заговорила, какъ выплакавшееся дитя:

— Какой вы добрый, благородный... Какъ бы я полетѣла въ Римъ, если бы только могла вырваться отсюда!

Щербицъ помолчалъ, всматриваясь въ спину кучера.—Такъ что-жъ, поѣзжайте.

— На какія же деньги? Вѣдь почти все мое жалованье забираетъ моя тетя-ростовщица, которая и мѣсто мнѣ нашла, и дала средства одѣться.

— Что-жъ, это составитъ... пустяки...—Онъ указалъ Евѣ на кучера, а ему велѣлъ остановиться и подождать на мѣстѣ. Они пошли по аллеѣ, еще покрытой льдомъ, между тѣмъ какъ другія были размочены таявшимъ снѣгомъ.

— Панна Ева,—заговорилъ Щербицъ въ дѣловомъ тонѣ:—даю вамъ честное слово, что предложеніе, которое я вамъ сдѣлаю, не внушено мнѣ расчетомъ, то-есть скажу просто,—какими-либо видами на васъ. Я хотѣлъ бы загладить свою вину передъ Лукашемъ Неполомскимъ. Стало быть, вы лично ничѣмъ мнѣ не будете обязаны. Да и что тамъ пускаться въ эти... Очевидно, обстоятельства сложились такъ, что вы должны ѣхать. И вотъ, я серьезно прошу васъ — поѣзжайте въ Римъ и оставайтесь тамъ до освобожденія вашего жениха. Я за все заплачю, потому что я виноватъ передъ нимъ.

— Нѣтъ! — воскликнула она, и глаза ея засверкали гнѣвными искрами.

— Позвольте, я еще не кончилъ. Заплачю вашъ долгъ и вручу вамъ самой сколько нужно на дорогу въ Римъ и, примѣрно, на прожитіе тамъ на годъ. Вѣдь Неполомскій отсидитъ свой срокъ и начнетъ работать, вы вмѣстѣ возвратите мнѣ эту ссуду.

— Я уже разъ приняла отъ васъ деньги, которыхъ Лукашъ вамъ, конечно, возвратитъ не могъ и до сихъ поръ. Но въ то время я находилась въ положеніи совсѣмъ отчаянномъ, а теперь работаю. А продавать себя... Я еще не такъ низко упала.

— Ну, какъ можно такъ говорить?! Да я, наконецъ, уже далъ вамъ честное слово, что не имѣю никакихъ личныхъ видовъ...

— А можете ли вы дать слово, что дѣлаете это только для Лукаша Неполомского?

— Нѣтъ, въ этомъ слова я не дамъ. Я виноватъ передъ Неполомскимъ, но виноватъ и передъ вами, что допустилъ васъ до того отчаяннаго положенія. А теперь не хочу допустить того, что васъ непремѣнно ожидаетъ въ кондитерской. Я свезу васъ къ Неполомскому, и вотъ въ этомъ дамъ вамъ слово, что какъ только вы найдете въ Римѣ квартиру, я на другой же день уѣду на Ривьеру.

Ева привадумалась, но вскорѣ сказала:

— Вы поймете, что меня удерживаетъ никакъ не нежеланіе ѣхать, а только опасеніе...

— Да вамъ гораздо больше опасности на службѣ въ кондитерской, чѣмъ на пути со мной... Наконецъ, если хотите, мы поѣдемъ въ разныхъ вагонахъ... А въ Римѣ можемъ остановиться въ разныхъ отеляхъ, пока я буду хлопотать о разрѣшеніи вамъ свиданій съ Неполомскимъ... Что же вы скажете? Видъ рѣшительно нѣтъ повода отклонить мое предложеніе.

И видя, что она молчитъ, Щербицъ продолжалъ:

— Я во всякомъ случаѣ долженъ ѣхать раньше 1-го марта. Приходите въ четвергъ на выставку картинъ и принесите мнѣ туда счетъ вашихъ долговъ и положительное извѣстіе, когда мы можемъ выѣхать. Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше! А теперь поѣзжайте домой. Я выйду здѣсь.

— Что же вы тутъ будете дѣлать? Вы навѣрное и ноги промочили.

Онъ сказалъ кучеру адресъ и заплатилъ ему. А Ева съ улыбкой подала ему первая руку, какъ брату.

Въ назначенный день они встрѣтились на выставкѣ, и Щербицъ тотчасъ спросилъ:

— Что же, ѣдемъ?

— Я согласна. Но вы меня не погубите, не бросьте тамъ?

— Я вамъ далъ честное слово. Больше ничего не могу сказать. Когда же вы можете уѣхать?

Они сѣли.

— Для меня теперь все равно. Когда вы назначите.

— Такъ вы пойдете съ вашимъ паспортомъ въ циркуль и получите удостовѣреніе на выѣздъ за-границу. Затѣмъ вы доставите заграничный паспортъ въ экспедицію.—Онъ прибавилъ нѣкоторыя объясненія, спросилъ счетъ долговъ и отсчиталъ ей

пять стороблевыхъ билетовъ, на уплату долговъ и билетъ до Вѣны. — Когда все будетъ готово, дайте мнѣ знать, и я поѣду съ тѣмъ же поѣздомъ, такъ какъ вы вѣдь не бывали за-границей.

Когда онъ ушелъ, Ева встала не сразу. Можетъ ли быть, чтобы мужчина давалъ молодой женщинѣ деньги и бралъ ее съ собой за-границу только для того, чтобы дать ей возможность возобновить связь съ другимъ мужчиной? Во всякомъ случаѣ, это очень мало вѣроятно. Стало быть, не слѣдовало брать отъ него денегъ, не слѣдуетъ и ѣхать съ нимъ. — Нѣтъ, слѣдовало и слѣдуетъ: вѣдь онъ уже заплатилъ за нее еврею, и очень можетъ быть — заплатилъ не только за ея ничтожную покрыву, но и за молчаніе — о другомъ. А если такъ, то она, все равно, уже у него въ рукахъ и можетъ надѣяться только на то, что онъ не захочетъ ввать ее силой. И во всякомъ случаѣ, вѣрнѣе еще и теперь уѣхать за-границу, хотя бы и съ нимъ.

Вотъ что думалось Евѣ, когда она сидѣла одна на выставкѣ. Пережитое ею уже сдѣлало ее вообще склонной къ рѣшеніямъ крайнимъ. Такъ какъ было условлено, что въ Вѣнѣ они останутся на два дня для отдыха, то тамъ можно будетъ купить карманный револьверъ, а если „то дѣло“ все-таки обнаружится и потребуетъ выдачи ея русскимъ властямъ, то она уже болѣе ничего не сдѣлаетъ для своей защиты и не станетъ отрицать преступленія.

VI.

Въ послѣдніе дни пребыванія въ Варшавѣ это рѣшеніе окончательно соврѣло въ умѣ Евы, и оно повліяло на ближайшія ея дѣйствія. Она уплатила весь свой долгъ теткѣ-ростовщицѣ, отправилась въ одномъ поѣздѣ съ Щербицемъ, въ самый день пріѣзда въ Вѣну купила револьверъ и, пріѣхавъ въ Римъ, остановилась даже въ одномъ отелѣ съ Щербицемъ. Но Неполомскаго они въ Римѣ уже не застали. Срокъ его заключенія истекъ раньше, чѣмъ думалъ Щербицъ. Въ тюремномъ управленіи имъ сообщили только, что ему было воспрещено жительство въ Италіи, и онъ былъ доставленъ полицейскимъ агентомъ въ Вентимилью, на французскую границу. Больше о немъ ничего не знали. Ева съѣздила въ тотъ домъ, гдѣ онъ жилъ до суда и куда она адресовала письма. Тамъ его не видѣли со времени арестованія.

Когда Щербицъ сталъ ее уговаривать ѣхать съ нимъ тотчасъ на Ривьеру, Ева легко согласилась. Ей было все равно, куда теперь ѣхать. Но Щербица она еще боялась и, доѣхавъ съ

нимъ до Ниццы, объявила ему, что они должны помѣститься въ разныхъ отеляхъ. Тогда онъ самъ обѣщаль, что не будетъ приходить къ ней, и просилъ давать ему знать, когда ей будутъ требоваться деньги, съ тѣмъ, что онъ будетъ присылать ей почтовыми переводами.

Проживъ въ Ниццѣ мѣсяцъ, Ева встрѣтилась съ нимъ всего два раза: на прогулкѣ въ сторону Виллафранки и въ кофейнѣ „de la Régence“ на улицѣ, ведущей къ станціи желѣзной дороги. Видя, что Щербицъ ей не навязывался, Ева стала уже меньше бояться и начинала даже думать о немъ, какъ о человѣкѣ исключительномъ, такомъ, который въ самомъ дѣлѣ только желалъ ей добра.

Въ отелѣ „Suisse“ въ Ниццѣ Ева занимала комнату въ четвертомъ этажѣ. Стеклянная дверь выходила на узкій желѣзный балконъ, который шелъ во всю ширину фасада. Изъ середины комнаты, съ кровати видно было только море. Ева любила дневную его лазурь, цѣлительно обмывавшую раны ея души. Полюбила еще болѣе глубокую, густо-темную ночь надъ волнами, которыхъ голосъ былъ слышенъ. Мистраль былъ ими въ скалы побережья, а вдали, напротивъ ея окна, господствуя надъ мрачными глубинами, сверкалъ, въ правильныхъ интервалахъ, яркій свѣтъ маяка.

Эти полу-волшебные, но повелительные проблески Ева любила теперь болѣе всего на свѣтѣ и нетерпѣливо ожидала, когда мракъ полный, неизмѣримый въ глубину, или тусклое издали лунное серебрѣніе вдругъ разорвутся двукратной вспышкой огня. Казалось, пролетавшія на горизонтѣ тучи высѣкали этотъ огонь изъ катившихся передъ ними хребтовъ волнъ.

Вотъ, какъ теперь... внезапно вспыхнуло яркое электрическое пламя—разъ и еще разъ! Молчаливый, но знаменательный символъ! Потомъ все исчезло во мракѣ. И вдругъ, снова—разъ и еще разъ! Два просвѣта какъ бы молніи, сверкнувшей впередъ и опять назадъ. А въ промежуткахъ тѣхъ проблесковъ все бытіе охватывалъ мракъ, и изъ бездны его доносился глухой рокотъ какъ бы вѣчной памяти по бывшемъ.

Сидя въ своей комнатѣ, Ева душой созерцала эту картину, и проблески свѣта точно помогали познавать, что было на душѣ и что было въ жизни и исчезло, и что могло въ ней оставаться впереди.

Мысли молодой женщины укладывались въ послѣдовательный рядъ—не то поминанья всего выстрадааннаго, не то исповѣди грѣховъ, рожденныхъ одинъ другимъ. Да, скорѣе исповѣди, но

безъ прошенія о помилованіи. Тамъ, во мракѣ можно было вообразить только грознаго ангела. Онъ и такъ все зналъ, и его бы не тронуло покаяніе. Исповѣдь вызывалась только потребностью скорби, но не надеждой. Ева чувствовала въ глубинѣ сердца, что Лукаша ей не увидѣтъ никогда. Въ погибшіе мрачными волнами дни онъ ей сказалъ: „Какъ страшно несчастливъ я буду, когда ты меня оставишь“... А вѣдь онъ самъ ее бросилъ. Что же дальше?

Мысль безпощадная, но ясная, какъ тотъ проблескъ на морѣ: слѣдуетъ или умереть, или оподлиться, подчинить внутреннюю борьбу условіямъ жизни. Отчего ей такая судьба? Мрачное отчаяніе. И вдругъ падаетъ новый свѣтъ, ужасный въ своей яркости: а кто Лукашъ? Красивый, умный, ученый, любимый... все это вздоръ, не въ томъ дѣло; просто — мужчина, самецъ. Любилъ прежде жену, любилъ другихъ женщинъ и, истоптавъ ихъ, уходилъ въ сторону.

Для нея любовь была жизнью, любви она готова была принести все въ жертву—родителей, вѣру, родину, мнѣніе о себѣ людей... А онъ болѣе всего дорожилъ въ ней своимъ животнымъ наслажденіемъ. Истоптать и ея душу, и погубить тѣло—это опасеніе его не удержало, выше всего онъ поставилъ свою похоть.

Но чернѣвшая за стеклянной дверью мгла прорѣзалась снова яркими лучами—разъ—разъ! И обвиняя Лукаша, Ева сознала, что это еще не объясняетъ всего. „А я, я сама? Я не только раздѣляла его похоть и жаждала безчисленнаго ея повторенія, но и теперь не погасла она во мнѣ. Пусть бы онъ схватилъ меня, повалилъ, сжалъ всеильными руками, придавилъ бы, и я сама страстно сдалась бы ему, впилась бы губами въ его губы, отдала бы ему свое тѣло и насытилась бы его тѣломъ!“

Мысли ея разлетѣлись въ ничтожество, а осталась только дрожь испытаннаго желанія.

Въ отелѣ, за общимъ столомъ, Ева встрѣтила мистера и миссизъ Дуорфъ, старыхъ, высохшихъ супруговъ, которые механичностью своихъ движеній напоминали маріонетокъ. Костюмы ихъ были совсѣмъ соггест и даже stylish. Но лица ихъ обоихъ были отмѣчены какой-то роковой думой. Ева видѣла въ этомъ англійскую особенность. Но дѣло объяснилось иначе, когда старушка однажды, около полудня, постучалась къ Евѣ и вошла въ ея комнату.

Послѣ краткаго обмѣна обычными разговорными словами, старушка спросила:

— Ёдете сегодня въ Монте?

— То-есть, въ Монте-Карло? — Ева вопросительно нагнулась къ неожиданной гостьѣ. — Я тамъ ни разу не была.

— Не бываете... о! А то мы могли бы поѣхать вмѣстѣ...

— А вы ѣдете?

— О, мы... мы поѣдемъ, если намъ удастся занять нѣсколько сотъ франковъ. Намъ что-то долго не присылають. — Мнимороковая черта въ ея лицѣ превратилась въ глубоко страдальческую.

Это было такъ неожиданно, что Ева не знала, какъ поступить. Но отказать несчастной старухѣ ей было жалко.

— У меня самой осталось всего нѣсколько сотъ франковъ. Вашъ мужъ играть? — Та кивнула головой. — Вѣрно, совсѣмъ проигрался?

— Мы здѣсь давно и проиграли все состояніе... Скажу вамъ всю правду: намъ уже ничего не пришлютъ. И ссуду мы можемъ возратить только въ случаѣ выигрыша. — Она закрыла себѣ лицо платкомъ, и черезъ нѣсколько минутъ встала. — Мнѣ нужно идти, прошу извинить меня.

Ева усадила ее назадъ.

— Сто франковъ я вамъ дамъ, столько могу рискнуть...

Старушка подняла на нее глаза, выразившіе радость. Хотѣла что-то сказать, но не могла.

— Завтра поѣду съ вами въ Casino, принесу вамъ счастье... Вашъ мужъ, навѣрное, выиграетъ.

Англичанка схватила ея руку и прижала къ своему сердцу.

Въ холодный, вѣтренный день Ева съ этими отжившими фигурами, которыя теперь одушевлялись слабой надеждой, вошла въ утренній поѣздъ изъ Каннъ. Онъ тотчасъ понесся далѣе... Мелькали туннели, открытыя пространства, полосы шумѣвшаго моря, катившаго бѣлое руно пѣнъ по зелено-сѣрымъ волнамъ. Видѣлись пальмовыя рощи и цѣлыя поля розъ.

Вотъ Монако. Они поднялись лифтомъ вдоль скалы и очутились передъ дверями казино. Старая англичанка, подъ руку съ Евой, прошла въ сѣни, а Дуорфъ досталъ для нея входной разовой билетъ и вручилъ ей.

Ева одѣлась, сколько могла, нарядно. Платье и шляпа были ею куплены по приѣздѣ въ Ниццу. Ставъ возгѣ Дуорфа, она взглянула въ одно изъ большихъ зеркалъ между окнами и не могла на себя налюбоваться. Она была такъ хороша, что сама удивилась. Южное солнце и морской вѣтеръ придали лицу золотистый отливъ. Пунцовыя губы и голубые глаза возродились

въ ранней молодости, но въ глазахъ уже мелькалъ блескъ молніи. Опуская, порою, взглядъ на движенія рукъ Дуорфа, она скоро возвращалась къ наслажденію собой въ зеркалѣ... Тихая, страстная радость заглясь въ ея груди.

Дуорфъ ставилъ по пяти франковъ, выигрывалъ и проигрывалъ. Ева рискнула такую же монету, которую тотчасъ придвинулъ къ себѣ крупье. Ева нѣсколько отошла и стала осматриваться кругомъ, слыша за собой по временамъ: „faites votre jeu, messieurs“. Разъ, издали, она опять взглянула на Дуорфа. Англичанинъ ломалъ завернутые въ бумагу столбики золотыхъ монетъ и продолжалъ ставить на разныя комбинаціи. Ева пошла дальше, сама не зная куда.

Ее начинали увлекать эта кипучая жизнь, напряженіе страсти, кучки переходившаго съ мѣста на мѣсто золота, богатство обстановки. Остановясь передъ зеркаломъ въ другомъ концѣ залы, она увидала въ немъ отраженіе Дуорфовъ. На лицѣ старика выступили красныя пятна, нижняя губа отвисла, голова покачивалась. Жена вела его подъ руку къ выходу. Ева догнала ихъ.

— Кончено?—Старушка кивнула головой.—Куда же вы теперь?—спросила еще Ева. Миссизъ Дуорфъ, вмѣсто отвѣта, закрыла глаза.

VII.

Ева нисколько не пожалѣла ни ихъ обоихъ, ни данныхъ имъ денегъ. Она теперь вышла опять на средину залы и встрѣтилась взглядомъ съ Щербицемъ. Тотъ стоялъ у одного изъ столовъ, но подошелъ къ Евѣ, и они направились къ окнамъ, гдѣ было просторно.

— Какъ я счастливъ, что васъ встрѣтилъ!.. Я уже хотѣлъ письменно просить васъ о свиданіи.

— У васъ есть извѣстіе для меня?

— Къ сожалѣнію, ничего. Я писалъ въ Парижъ и поручилъ сдѣлать тамъ поиски—ничего. А вы здѣсь однѣ? Извините за вопросъ.

— Я со стариками Дуорфами.

— Ага! А вы играете?

— У меня нѣтъ счастья. А вы?

— Представьте себѣ, я игралъ осторожно, только въ trente et quarante и—выигралъ, даже значительную сумму. А теперь хочу ѣхать, и вотъ о чемъ хотѣлъ сказать вамъ.

— Домой?

— Домой.

— А что мнѣ слѣдуетъ дѣлать? — спросила Ева въ тонѣ послушанія.

— Объ этомъ я и хотѣлъ поговорить. По моему мнѣнію, вамъ лучше еще остаться здѣсь нѣкоторое время. А когда станетъ жарко, поѣзжайте въ Монтрѣ или въ горы Швейцаріи. Я поразузнаю въ Краковѣ и Варшавѣ, — можетъ быть, Неполомскій самъ ищетъ васъ въ Варшавѣ. Потому, прошу васъ о каждой перемѣнѣ адреса сообщать въ Зглище, въ имѣніе, чтобы я могъ написать къ вамъ Лукаша, если бы онъ оказался.

— Все это хорошо... но у меня... вѣдь я и такъ уже...

Онъ понялъ.

— Не стѣитъ и думать объ этомъ. Послѣ моего выигрыша, все, чѣмъ я васъ ссудилъ и ссужу до отысканія Лукаша, ничего для меня не значить.

Онъ вынулъ изъ бокового кармана и положилъ на столъ нѣсколько пачекъ бѣлыхъ банковыхъ билетовъ и, взявъ ея руку, прижалъ къ нимъ ея пальцы.

— Что вы со мной дѣлаете? Я не могу принять этого. Гдѣ же увѣренность, что мы найдемъ Лукаша?

Щербицъ показалъ ей столы, на которыхъ горѣла игра.

— Вотъ, посмотрите, какъ зарабатываются деньги. Такъ и я ихъ заработалъ. Онѣ теперь — мои. Но я могу подойти къ столу, и черезъ десять минутъ найти у себя всего двадцать сантимовъ.

— Ахъ, какъ все это... Боже, Боже мой!

— Т-ш-ш!.. не надо говорить здѣсь о Богѣ.

— Вы не знаете, каково мнѣ...

— Скажу вамъ то же самое... Вы не знаете, каково мнѣ... Есть въ одномъ мѣстѣ у Шиллера: „Она сама мнѣ признается; въ чудныхъ глазахъ ея я вижу любовь къ другому“.

— Я за васъ дала бы отрубить себѣ руку, отдала бы десять лѣтъ жизни. Вы разыскали меня послѣ несчастія, вы одинъ подали мнѣ надежду. Но развѣ можно принадлежать двумъ мужчинамъ?

— Я завтра уѣду. А слово свое я сдержалъ, — не правда ли, пани Ева? Сдержалъ буквально, а?

На блѣдномъ лицѣ его выражалась страсть, въ глазахъ была еще какъ бы мольба. Ева хотѣла повторить ему съ бѣльшей полнотой о своей благодарности. Но Щербицъ внезапно отвернулся и исчезъ.

Горькое чувство осталось у Евы послѣ этого свиданія. Она

должна была еще разъ принять деньги отъ человѣка, который, правда, желалъ ей добра, но въ то же время хотѣлъ обладать ею.

Не взять денегъ? Въ такомъ случаѣ, слѣдовало ѣхать съ нимъ въ Варшаву, все-таки на его счетъ; но возвращаться въ Варшаву было еще опасно.

По всей вѣроятности, молодой графъ остался бы съ ней за границей, если бы она отдалась ему. Но это значило продаться... А принять деньги, которыя давались въ надеждѣ?.. Вѣдь, принимая ихъ, она сама поддерживала эту надежду. Развѣ это не значило брать задатокъ съ намѣреніемъ обмануть покупателя?

Евѣ было крайне тяжело. А между тѣмъ, передъ ея глазами золото ежеминутно переливалось съ мѣста на мѣсто. Подлинъ деньги, придуманныя для того, чтобы запродавалась не только работа, но жизнь, честь, душа!..

Ева рѣшила въ умѣ уѣхать завтра изъ Ниццы, но въ этотъ вечеръ, разъ въ жизни, серьезно попытать свое счастье въ игрѣ. О, если бы можно выиграть столько, чтобы расплатиться съ Щербицемъ!

Но если бы не повезло, то ни въ какомъ случаѣ не рисковать больше половины того, что у нея было. Ева имѣла только смутное понятіе объ игрѣ, но рѣшила не держать ставки на одномъ мѣстѣ, а часто мѣнять его, и изъ каждаго выигрыша часть опускать въ мѣшечекъ на рукѣ, а рисковать только остальнымъ выигрышемъ.

Сперва она поставила два тысячныхъ билета на разные мѣста и выиграла на обоихъ. Тогда два свои билета она спрятала и продолжала играть уже на выигранные. Оба билета выиграла опять. Разъ всѣ эти четыре билета она передвинула на другую сторону стола, на одно мѣсто и выиграла еще разъ. Затѣмъ, она часть снова спрятала, а на столѣ стала ставить на разные мѣста по одному, четыре билета. Два изъ нихъ пропали, а два выиграла. Ева вынула изъ мѣшечка еще два билета и раздѣлила ихъ на два мѣста. Затѣмъ она опять спрятала два билета и оставила на столѣ четыре. Изъ нихъ одинъ пропалъ, а три выиграла вдвое.

Изъ этихъ семи Ева спрятала четыре и, понимая, что выиграла уже гораздо больше, чѣмъ ей было нужно, она оставила на столѣ три билета, передвинувъ ихъ на poige. Ей хотѣлось испытать счастье до конца и она готова была проиграть ихъ. Поэтому каждый новый выигрышъ она теперь прибавляла къ той же ставкѣ, оставляя все не на одномъ мѣстѣ. Позади нея стали

толпиться люди, удивляясь безумной удачѣ. Но когда крупѣ постоянно придвигалъ къ ней новыя пачки билетовъ и она выиграла еще пять разъ кряду, нервы ея не выдержали и она сняла весь выигрышъ.

У нея оказалось пятьдесятъ-шесть-тысячъ франковъ, кромѣ взятыхъ у Щербица пяти тысячъ. Въ тотъ же вечеръ Ева поѣхала въ „Hôtel des Anglais“ и вызвала Щербица въ общую гостиную.

— Я пришла возвратить вамъ свой долгъ.

Онъ слегка вздохнулъ.

— Ага! Вы выиграли... Извольте.

— Не буду говорить о своей благодарности. Вы меня спасли и догадаетесь сами, что для меня вы, какъ человекъ, останетесь навсегда выше всѣхъ, кого я знала. Но деньги я должна и непременно хочу возвратить. Вы помните, графъ, сколько всего?

Онъ смотрѣлъ въ окно и не давалъ отвѣта, будто стараясь вспомнить.

— Вчера пять тысячъ франковъ, въ Варшавѣ пятьсотъ,—помогала она ему.

— Да, вотъ пять-тысячъ-пятьсотъ.

— А въ дорогѣ, а тамъ?.. Разъ мнѣ, разъ тому...

— Право, простите, я не могу такъ вдругъ...

— Такъ я отдамъ вамъ теперь десять тысячъ.

— Столько вы мнѣ не должны.

— Посчитайте, и если бы оказалось лишнее—отдайте Неполомскому, когда его разыщете.

— А вы будете сообщать мнѣ ваши адреса?

— Да, да, по временамъ. Но я сегодня очень тороплюсь. Вы поймете это и простите меня.

Ева всунула ему въ руку толстую пачку билетовъ. Онъ не сопротивлялся и стоялъ передъ нею блѣдный, съ опущенными глазами. Но когда она произнесла слово „прощайте“, Щербицъ сталъ ее убѣждать остаться.

— Вы теперь ничего мнѣ не должны, и это мнѣ даетъ свободу высказать вамъ, наконецъ, мои чувства. Я васъ люблю и посвящаю вамъ жизнь. Мы остались бы за-границей навсегда.

— Такъ вотъ, все-таки, какова была ваша цѣль, когда вы помогали мнѣ?—Въ ея упрекъ звучала и насмѣшливая нота. А Щербицъ, который сперва имѣлъ намѣреніе говорить спокойно, глговито, приглашая ея взвѣснть положеніе, маловѣроятность итсканія Неполомскаго, полную ея необезпеченность въ будущемъ, увлекся и вскорѣ перешелъ на „ты“, назвалъ ее боже-

ственной и потомъ заговорилъ о жизни въ роскоши, среди всякихъ наслаждений. И когда онъ возвратился къ словамъ: „люблю тебя“, „сжался надо мной“, Ева сорвалась съ мѣста, какъ испуганная птица, и порхнула въ корридоръ.

VIII.

Возвратясь въ „Hôtel Suisse“, она тотчасъ потребовала счетъ и велѣла разбудить себя на ранній поѣздъ въ Геную.

Оттуда она проѣхала въ Женеву и Монтрѣ. Здѣсь она съ недѣлю вела совсѣмъ уединенную жизнь, отдыхая отъ недавнихъ впечатлѣній. Каждый день она проводила нѣсколько часовъ, сидя на террасѣ надъ озеромъ, въ саду того отеля, гдѣ жила. Она любовалась озеромъ, горами, своей свободой. Но на террасѣ рѣдко бывало совсѣмъ тихо. Часто случалось слышать отрывки разговоровъ.

И вотъ, Еву однажды поразила названная въ разговорѣ фамилія Неполомскаго. Это были студенты, два поляка, одинъ русскій. Слышался то тотъ языкъ, то другой.

— Мнѣ всегда былъ антипатиченъ, этотъ Неполомскій. То онъ шильонскій узникъ, то маркизь, а въ сущности декламаторъ и нахаль.

— Ну, оставьте его въ покоѣ. Вы вѣдь злы на него за то, что онъ стибрилъ у васъ изъ-подъ носа „миліади“.

— Карьеристъ, обыкновенный карьеристъ.

— Однако это не совсѣмъ обыкновенное дѣло—подняться снова на ноги послѣ того, что съ нимъ было въ Римѣ. Это не всякій сумѣетъ, а ему, вотъ, удалось. Теперь, съ ея приданымъ, онъ добьется, чего захочетъ.

Ева искала взгляда того молодого человѣка, который говорилъ это. А когда онъ взглянулъ на нее, она съ болѣзненнымъ усиленіемъ добыла для него улыбку, какъ бы выдавливая кровь изъ раны. Потомъ она заплатила гарсону и пошла, не оглядываясь, по бѣлой шоссированной дорожкѣ мимо озера. Черезъ полминуты она услышала, какъ студентъ догонялъ ее быстрыми шагами.

Ева присѣла на скамейку у озера и взглянула вокругъ. Онъ медленно приближался къ ней съ видомъ побѣдителя, несовсѣмъ однако увѣреннаго въ себѣ, и махалъ тросточкой. Юноша былъ очень недурень, но видъ у него былъ глупый. Когда онъ подошелъ, Ева спросила:

— Вы умѣете грести?

— Умѣю.

— Такъ, если хотите, возьмемъ лодку, но безъ перевозчика.

Онъ прыгнулъ въ лодку, и они поплыли. Студентъ налегъ на весла изо всѣхъ силъ, желая показать умѣнье, и они уже были далеко отъ берега, когда онъ рѣшился заговорить:

— Какъ приятно услышать родной языкъ, да еще въ устахъ...

— О родномъ языкѣ потомъ... Постарайтесь еще...—Подождавъ немного, Ева спросила:

— Вы въ женеvскомъ университетѣ?

— Нѣтъ, въ лозанскомъ. А вы гдѣ?

— Я еще не выбрала... Ваши собесѣдники—изъ Женевы?

— Да, прежде нашихъ было тамъ больше.

— А кто эта молодая пара изъ нихъ, съ которой вы говорили?

Тутъ молодой человекъ бросилъ на Еву пристальный взглядъ. Но она не показалась ему похожей на лицо, облеченное званіемъ, хотя и не почетнымъ, но требующимъ довѣрія начальства.

— Это нѣкій Лукашъ Неполомскій... антропологъ, даже подающій надежды... Онъ слушалъ здѣсь нѣкоторые курсы.

— А возлюбленная его?

— Возлюбленная... Какое это чудное слово! Она была здѣшняя студентка и ее прозвали „милэди“. Но она—дочь умершаго богатаго дѣльца въ Россіи, Рыльская.

— Русская?

— Нѣтъ, мать ея была русская, но отецъ воспиталъ ее какъ польку.

— Хорошенькая?

— Ничего себѣ, даже очень ничего. Но что намъ говорить о чужихъ дѣлахъ...

— Нѣтъ, я хочу знать эту исторію... вѣдь это не секретъ, когда вы всѣ знаете?

— Конечно. Но скучно.

— Такъ расскажите скорѣе все, а потомъ что-нибудь и предпримемъ.

— Хорошо. Скажу наскоро все, что помню. О немъ стали ходить какіе-то слухи, и когда онъ записался въ союзъ, то его спросили, правда ли, что онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, и онъ признался, что это правда. Меня при этомъ не было, и о его объясненіяхъ я слышала только отъ другихъ. Или вы непременно хотите знать, за что онъ сидѣлъ?...—Студентъ опять взглянулъ на Еву подозрительно.

— Мнѣ вовсе не нужно знать, за что этотъ Неполомскій сидѣлъ. Меня интересуеъ только любовная исторія.

— Прекрасно. Такъ я докончу въ двухъ словахъ. Въ союзѣ было высказано мнѣніе, чтобы его выставить. Но, вотъ, тогда за него вступилась Рылская. Она пустила въ дѣло самыя крайніе принципы, противъ которыхъ никто возражать не посмѣлъ, а обвинителей сбила съ позиціи нѣсколькими стыдившими ихъ тирадами. Ну, потомъ они поженились и отправились какъ можно подальше, на кулички—въ Новую Зеландію, на Борнео, Целебесъ, Яву, Суматру, знаете, туда... въ самомъ низу карты. И будутъ тамъ изучать антропологию... Выѣхали они, такъ, мѣсяца два тому слѣшвомъ.

— А вы были на ихъ свадьбѣ?

— Былъ.

— Въ какомъ же храмѣ?

— Въ католическомъ... Но, знаете, не пора ли намъ перейти къ очередному порядку.

— Пожалуй. Будемъ говорить о васъ. Какъ ваша фамилія и гдѣ вы живете?

— Въ Лозаннѣ. Станиславъ Ливицкій. Rue Fribourg, 32.

— Этому я вѣрю,—холодно произнесла Ева.—Пожалуйста держите въ берегу.

Онъ сталъ грести.

— Такъ это и все, что вы хотѣли узнать обо мнѣ? А о томъ, какъ вы мнѣ нравитесь, какой вы мнѣ кажетесь чудной, небывалой...

— Этому я позволю себѣ не вѣрить, такъ какъ и въ нашемъ разговорѣ о Неполомскомъ вы лгали, г. Ливицкій.

— Ливицкій, въ вашѣмъ услугамъ. А лгать я себѣ не позволяю, когда нѣтъ никакой нужды.

— Почему я знаю! Но Неполомскій не могъ вѣнчаться въ костѣль, потому что онъ женатъ.

— Ага! Вотъ въ чемъ дѣло... А я вамъ повторяю, что самъ присутствовалъ на его вѣнчаніи въ костѣль. Онъ былъ уже разведенъ, кажется, еще въ Римѣ.

— А вотъ, могли бы вы дать мнѣ доказательство, что вѣнчаніе въ самомъ дѣлѣ состоялось? Я бы за это общала вамъ все, что хотите.

— Извольте. Это совсѣмъ нетрудно... Я вамъ достану копію съ записи въ церковной книгѣ, удостовѣренную викаріемъ, съ печатью костѣла. Полагаю, что успѣю доставить вамъ этотъ документъ завтра вечеромъ... Но куда его доставить?

— Здѣсь, „Hôtel Grammont“. Мое имя—Ева Побратынская.

— А не Неполомская?... А я былъ увѣренъ. Ну, тѣмъ лучше... Почти навѣрное завтра вечеромъ.

— Буду ждать съ нетерпѣніемъ и документа, и васъ самихъ. Но если бы документъ показался мнѣ подозрительнымъ, тогда вы напрасно потеряли бы время.

— Да я же вамъ говорю, что самъ былъ на вѣнчаніи. Впрочемъ, можете потомъ справиться еще въ гражданской метрической книгѣ въ мѣри.

Какъ только Ева вошла въ свою комнату, она заперлась, бросилась лицомъ на постель и стала рвать на себѣ платье, впилась пальцами въ волосы, дергая за нихъ голову то вбокъ, то кверху, то внизъ, ударяя лицомъ въ постель. Потомъ громко зарыдала, но схватила подушку, чтобы рыданія ея не были слышны.

Теперь уже порвалась всякая нить съ Лукашемъ. Никакой больше связи, никакой! Плача все время, она припомнила себѣ ласку, которую сама придумала и научила ей Лукаша. Воспоминаніе это вонзилось ножомъ въ ея сердце. Ничего уже болѣе! Теперь онъ цѣлуетъ другую, ласкаетъ ее и обладаетъ ею точно такъ же. Вѣдь для него и та, другая — такая же женщина. Только, можетъ быть, менѣе красивая, а можетъ, и болѣе! И каждый мужчина — такой же Лукашъ. Иной и красивѣе его, напримѣръ Щербиць, да хоть бы этотъ студентъ, Ливидкій...

То все было, миновало, прошло. И слѣда теперь не осталось. Вотъ если бы ребеночекъ жилъ?.. Но для него же было бы хуже... Такъ онъ не зналъ жизни, и если собаки растаскали по рвамъ его кости, вытащенные на полѣ изъ навоза, то онъ не чувствовалъ. И нѣтъ различія по существу между навозомъ и цвѣтами, между зломъ и добромъ.

Она все плакала. Вдругъ сердце ея опять пронзило воспоминаніе о той ласкѣ, и она ощутила дрожь, какъ отъ холодной стали. Она бросилась въ постель, какъ въ пропасть, призывая смерть. И вотъ, душа ея лишилась власти надъ собой, взорвалась изъ тѣла, какъ ракета, освободилась отъ своихъ оковъ. Огненной стрѣлой понеслась она вверхъ, а тамъ рассыпалась въ пепелъ и ничтожество.

Ева проснулась поздно; было уже послѣ полудня. Она припомнила, что опустила голову на подушку, дрожа всѣмъ тѣломъ плача безъ конца. Между тѣмъ, проспала она ночь и утро сѣрыми своимъ и теперь была уже спокойна, равнодушна, холодна ко всему.

Она даже угѣшалась сознаниемъ, что вчера все „то“ было ею овночательно пережито и выпало изъ ея сердца, какъ кусокъ затвердѣвшаго гноя отпадаетъ отъ раны. „Все—случайно, все—какое-то преходящее, чуждое“,—говорила она себѣ, зѣвая.—„На всемъ печать упадка и запахъ разложенія, какъ на кладбищѣ. Ни о чемъ мы настоящаго не знаемъ и все за насъ дѣлаетъ кто-то иной“.

Ева только успѣла умыться и надѣть шафрокъ, когда въ дверь постучались.

— Entrez!—Осторожно вошелъ вчерашній студентъ. Въ рукахъ у него былъ листокъ бумаги. Рядомъ съ комнатою, въ которую онъ вошелъ и гдѣ оглядывался кругомъ, не видя никого, находилась спальня—большой альковъ, отдѣленный отъ комнаты занавѣсомъ.

Ева просунула руки въ то мѣсто, гдѣ занавѣсъ раздвигался, и велѣла подать бумагу себѣ. Въ альковѣ она опустилась на диванчикъ и внимательно прочла выписку изъ церковной книги о бракосочетаніи Лукаша Неполомскаго съ дѣвицей Рыльской. Была подпись викарія, была и печать. Стало быть, насталъ конецъ и не осталось даже предлога къ какому-либо сомнѣнію.

„Даль мнѣ полную свободу!“—Она взглянула на себя въ большое трюмо, къ которому подошла. „Полную свободу!“—повторила она въ умѣ. Между тѣмъ въ зеркалѣ отразилась фигура Ливицкаго, который, раздвинувъ занавѣсъ, проникъ въ альковъ и стоялъ, держа руки въ карманахъ, а ее пронизывая взглядомъ и какъ бы готовясь къ прыжку хищнаго звѣря на жертву. Ева улыбнулась себѣ въ зеркалѣ, развязала банты напередѣ шафрока, обернулась къ студенту и протянула къ нему руки...

Такова была мечь Евы Неполомскому, послѣ того какъ отъ нея отлетѣла душа въ неизмѣримое пространство и растворилась въ небытіи.

IX.

Ночью послѣ того самаго дня, когда состоялась та мечь, Ева прибыла въ Парижъ, сама не зная зачѣмъ, и провела тамъ все лѣто. Она покупала костюмы, шляпки, ѣдила въ Булонскій Лѣсъ, на скачки тамъ же, въ Лоншанъ, и въ другихъ мѣстахъ. Бывала въ театрахъ, но ни съ кѣмъ не знакомилась. Она старалась чѣмъ-нибудь заглушить память о всемъ пережитомъ. Искала представлений, видовъ, развлеченій самыхъ яркихъ,

для нея необыкновенныхъ. Она ощущала въ себѣ какъ бы пустое мѣсто, прежде занятое надеждой.

Надеждой она жила такъ долго! Еще недавно все ей казалось только временнымъ, а сущностью и смысломъ жизни было ожиданіе Лукаша, въ надеждѣ упасть передъ нимъ на колѣни и исповѣдаться передъ нимъ во всемъ, главное—въ томъ, какъ она поступила съ ребенкомъ. Онъ былъ для нея верховнымъ и единственнымъ жрецомъ, послѣ того, какъ другихъ жрецовъ онъ выгналъ изъ ея мысленія. Но теперь вся эта надежда на искушеніе, на возможность когда-либо счастья исчезла. Даже и вспоминать о нихъ не слѣдовало послѣ той „мести“; которая совершилась у Женевского озера.

Наступилъ уже июль, но Парижъ былъ еще наполненъ иностранцами и экипажей въ Лѣсу было множество. На одной изъ прогулокъ Ева увидала Щербица, сидѣвшаго на передкѣ ландо и занимавшаго разговоромъ двухъ дамъ почтенныхъ лѣтъ. И онъ замѣтилъ Еву и поклонился почтительно, снявъ шляпу.

Черезъ какихъ-нибудь десять минутъ, она услышала за плечами его голосъ:—Здравствуйте!

— Здравствуйте, — отвѣтила она довольно холодно. — Надолго вы въ Парижѣ?

— Нѣтъ, я уѣду завтра, съ этими дамами, съ которыми вы меня видѣли. Ну, а скажите, вы, конечно, имѣете извѣстія о Неполомскомъ?

— Какъ вамъ это пришло въ голову?

— Помните, я обѣщалъ вамъ, что постараюсь узнать о немъ. Въ Варшавѣ я ничего не узналъ. Но у меня есть общій съ нимъ знакомый—патеръ, черезъ котораго онъ переслалъ мнѣ деньги для васъ... тогда... Уже здѣсь, въ Парижѣ, мнѣ пришла мысль спросить его письменно, не слыхалъ ли онъ чего-нибудь о Неполомскомъ. И вотъ, только на дняхъ я получилъ отъ него важное извѣстіе. Оказывается, Неполомскій былъ въ Варшавѣ и посѣтилъ вашихъ родителей...

— Когда это было?

— Еще въ мартѣ, вскорѣ послѣ нашего съ вами выѣзда на Ривьеру.

— Еще въ мартѣ?... Присядемъ, я устала. — Они сѣли на скамейку.

— Мать ваша не хотѣла съ нимъ вовсе говорить, отца не было дома, но тамъ былъ одинъ ихъ постоялецъ, который бывалъ въ той кондитерской, гдѣ мы съ вами видѣлись, и нагналъ Неполомскому, будто вы уѣхали со мной... то-есть, бѣжали со мной.

Однимъ словомъ... Вы понимаете? Послѣ этого Неполомскій выѣхалъ изъ Варшавы, и гдѣ онъ находится въ настоящее время, моему знакомому неизвѣстно, а можетъ быть, онъ скрылъ это отъ меня.

Ева, съ нѣкоторымъ усиленіемъ, повторила это извѣстіе:

— Итакъ, Неполомскій былъ въ нашей квартирѣ въ Варшавѣ и тамъ узналъ, что я бѣжала съ вами за-границу, какъ ваша любовница?... Что-жъ! Все это въ порядкѣ, какъ должно быть... А вы, человѣкъ вѣрующій, могли бы присягнуть предъ Богомъ, что Неполомскій былъ у насъ и слышалъ это? — спросила она вдругъ, схвативъ его за руки.

— Могу присягнуть только, что такъ мнѣ писалъ его знакомый, то-есть, что Неполомскій былъ въ Варшавѣ около того времени, когда мы оттуда выѣхали.

— Да, да... Это въ порядкѣ. Вѣдь въ этомъ только и дѣло. Чего же тутъ спорить, отрицать?

— Вы откуда домой?—Она молчала.—Я бы подвезъ васъ, вы такъ поблѣднѣли.

— Я совсѣмъ спокойна. Вамъ только писали, что такъ было... Но доказательства, настоящаго доказательства... Откуда же, Боже мой, взять его?.. Не правда ли?

— Теперь я жалѣю, что рассказалъ вамъ объ этомъ.

— О, нѣтъ! Вы оказали мнѣ услугу, великую милость. Потому что, видите, теперь раскрылась важнѣйшая тайна. Теперь, по крайней мѣрѣ, стало извѣстно, что Лукашъ Неполомскій совсѣмъ въ порядкѣ. Видите ли, онъ всегда былъ, и есть, и будетъ правъ! Только я несовсѣмъ въ порядкѣ, ха-ха!

Глаза ея сверкнули, когда прошептали послѣднія слова.

Ева встала и пошла впередъ, а Щербицъ—рядомъ съ нею.

— Такъ я уѣзжаю въ Варшаву,—напомнилъ онъ.—А вы когда соберетесь?

— Къ чему вы спрашиваете? Вѣдь сами знаете, что я не могу возвратиться, пока живъ тотъ еврей.

— А онъ живъ. Но дѣло въ томъ, что онъ будетъ молчать, пока я живъ...

Пройдя съ ней до Триумфальной арки, Щербицъ подозвалъ фіакръ и отвезъ ее къ ея отелю. Они простились въ экипажѣ.

Послѣ отъѣзда Щербица, Ева прожила въ Парижѣ еще мѣсяца два. Она продолжала прежнюю погоню за развлеченіями, накупала себѣ нарядовъ, бросала деньги, не считая. Но отъ того, что она теперь узнала о Неполомскомъ, тоска ея еще усилилась. Онъ искалъ ее, но, узнавъ о мнимой ея измѣнѣ, женился на

другой и теперь былъ потерянь уже навсегда. А она, Ева, услыхавъ о его женитьбѣ, но не зная, что онъ прежде искалъ ее, убѣжденная, что онъ ее просто бросилъ, сдѣлалась послѣ этого, сознательно, на зло ему, падшей женщиной и тѣмъ поставила еще другую, непреходимую преграду между собою и имъ.

Когда она убѣдилась въ невозможности заглушить тоску шумомъ, наружнымъ весельемъ, блескомъ, тѣмъ эффеетомъ, каковой производили въ толпѣ ея красота и туалеты, Парижъ ей опротивѣлъ, и ее стало тянуть: если не домой, то хоть куда-нибудь поближе къ дому. Она стала понимать, что и деньги ея скоро придутъ къ концу, если продолжать такую жизнь. Да почему бы и не вернуться въ Варшаву? Вѣдь Щербицъ признавалъ же это теперь возможнымъ. А если бы все и открылось, то что за важность? Жизнь не имѣла болѣе цѣны, а избѣгнуть не только вары, но и самого суда, было такъ легко:—повончить съ собой!

Съ вечернимъ поѣздомъ Ева отправилась въ Вѣну черезъ Страсбургъ. Найдя пустое купѣ въ первомъ классѣ, она дала кондуктору пять франковъ, чтобы ночью онъ не впускалъ туда никого. Потомъ легла и вскорѣ крѣпко заснула. Она проспала нѣсколько часовъ и, проснувшись отъ кошмара, увидѣла, что въ окнахъ было еще темно. Но при свѣтѣ рожка въ вагонѣ она примѣтила на полу лакированные ботинки и, поднимая глаза, открыла сидѣвшаго на другой скамейкѣ мужчину, который держалъ подъ рожкомъ книгу и казался погруженнымъ въ чтеніе.

Подъ впечатлѣніемъ страшнаго сна Ева рѣшила ни за что не оставаться наединѣ съ этимъ человѣкомъ. Это былъ высокій, молодой, красивый брюнетъ, одѣтый по модѣ, не снявшій и въ вагонѣ, ночью, перчатокъ. Но руки въ этихъ перчаткахъ были огромныя.

Дверь была открыта. Ева дождалась, когда въ корридорѣ промелькнулъ кондукторъ, вышла и остановила его, требуя, чтобы онъ далъ ей мѣсто въ дамскомъ купѣ.

— Но тамъ уже три дамы и онѣ спятъ.

— Все равно, прошу провести меня туда.—Она взяла ручной саквояжъ, подбитую легкимъ мѣхомъ ротонду и шляпу.

— Если это я вамъ мѣшаю,—проговорилъ на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ брюнетъ,—то я выйду. Я съѣлъ сюда только пому, что не нашелъ иного мѣста.

Ева не отвѣтила, пошла за кондукторомъ, заперла за собой дверь, надѣла въ корридорѣ ротонду и перчатки, и когда кондукторъ отворилъ передъ ней дверь полутемнаго женскаго отдѣленія,

вошла туда, савояжъ опустила къ ногамъ и стала присматриваться въ корридоръ, сквозь неплотно припертую дверь. Въ корридорѣ не было никого. Но она рѣшила непременно выйти при первой остановкѣ и, пожертвовавъ остальной цѣнностью билета, переночевать спокойно.

Ей пришлось стоять недолго. Раздался свистъ локомотива, поѣздъ убавилъ ходъ и затормазился передъ станціей. Ева выглянула въ проходъ и, увидя его пустымъ, прошла осторожно въ другой конецъ вагона и сошла на слабо освѣщенную станцію. Тамъ она пошла быстро къ двери, а поѣздъ уже полетѣлъ далѣе.

На ступенькахъ позади станціи носильщикъ схватилъ ее савояжъ и усадилъ ее въ какую-то колымагу. Ева даже не слышала названіе гостинницы, куда ее повезли. Но ей было все равно, лишь бы провести спокойно остатокъ ночи. Дряхлый экипажъ со скрипомъ и звяканьемъ катился довольно долго по узкимъ, пустымъ улицамъ городка или мѣстечка, о которомъ Ева не имѣла понятія.

Наконецъ, ее ввели въ гостинницу, которая ей показалась чистой. Служанка засвѣтила электрическую лампу, приготовила постель и, пожелавъ по-нѣмецки хорошаго сна, вышла. Ева стала раздѣваться, сидя спиной къ двери. Занятіе это она минутами прерывала и смотрѣла на лампу, думая о случившемся.

Наконецъ, оставшись въ одномъ бѣльѣ, она обернулась къ двери, чтобы запереть ее, и, къ своему ужасу, увидала въ комнатѣ, передъ дверью, своего бывшего спутника, молодого брюнета.

— Ни слова!—сказалъ онъ по-польски и направилъ на нее револьверъ.

Ева остолбенѣла и стояла передъ нимъ съ раскрытымъ ротомъ, но не смѣла крикнуть о помощи. Могучій, страшный взглядъ его приковалъ и обезсилилъ ее. У нея заняло духъ въ груди и подкосились ноги.

Онъ схватилъ ее за горло, повалилъ на кровать и придавилъ своей грудью.

— Гдѣ деньги?— Она указала ему глазами на грудь. Онъ оборвалъ тесемку, дернувъ ее такъ, какъ будто хотѣлъ сорвать вмѣстѣ съ ней голову, и замшевый мѣшечекъ, гдѣ были ея деньги, сунулъ себѣ въ боковой карманъ.

— Крикнешь хоть разъ, убью на мѣстѣ! Будешь кричать?

— Буду...

Онъ снова сжалъ ей горло чудовищной своей ручищей.

— Будешь кричать?

Она утвердительно кивнула вѣками. Тогда онъ впился ей двумя ногтями подъ челюсть.

— Что?! будешь кричать?

— Н-н-н...—простонала она.

Ева проснулась уже позднимъ утромъ. Чувствуя себя сломанной усталостью, она лежала въ некоторое время, не открывая глазъ, и ей казалось, будто она еще въ вагонѣ. Только когда она сознала свойство этой усталости, когда по спинному хребту пробѣжала еще дрожь, какъ эхо наслажденія, она вспомнила все, что случилось.

Она открыла глаза и увидѣла еще спавшаго бандита, жертвой котораго она сдѣлалась. Это былъ въ полномъ смыслѣ красавецъ. Даже во снѣ лицо его имѣло повелительное выраженіе. Онъ лежалъ на спинѣ, держа руку на надѣтомъ на грудь мѣшечкѣ съ деньгами, тесемка котораго была уже перевязана имъ въ узелъ. На рукавѣ этой, ниже сгиба, спустившійся рукавъ рубашки открывалъ кольцо темныхъ пятенъ, какъ бы оставшихся отъ узкаго браслета или, вѣроятно, отъ желѣзныхъ поручней.

Одно вѣко его часто вздрагивало, какъ будто глазъ былъ на сторожѣ даже во снѣ. Ева чувствовала, что онъ и теперь ментально сознаетъ всякую опасность.

И въ самомъ дѣлѣ, какъ только она приподняла голову и дотронулась до обнимавшей ее руки его, чтобы ее снять, она услышала:

— Зачѣмъ?

— Боишься, что убью?

— Не убьешь...—протянулъ онъ, зѣвая.—Теперь не убьешь... На что тебѣ убивать? Здѣсь бы тебя за это казнили. А не лучше ли жить во всю сласть съ такимъ молодцомъ мужемъ?

— Все равно скоро на каторгу угодишь...

Онъ приподнялся и усмѣхнулся.

— Ну, это еще какъ бабушка сказала. Знаемъ мы все, все видали, вездѣ бывали... Да, а надо вставать и ѣхать дальше. Кстати, гдѣ у тебя билетъ отъ багажа? Въ мѣшечкѣ его нѣтъ.

— Въ саквояжѣ. Но какъ теби вчера пустили ко мнѣ?

— Тряпки всё тамъ у тебя, поди, въ чемоданѣ. Но что жъ, взялъ на себя обузу, такъ долженъ и о тебѣ стараться... А какъ пустили—эка штука! Приѣхалъ вслѣдъ за тобой, сказалъ, что—твой мужъ, взялъ номеръ рядомъ съ твоимъ. А дверь у тебя не была заперта.

Въ Вѣнѣ они остановились въ одномъ изъ лучшихъ отелей на Пратерштрассе. Навупили себѣ новыхъ костюмовъ, перстней,

браслетовъ, съ первыхъ же дней начали сорить деньгами, не считая. Потомъ изъ отеля они переѣхали къ знакомому его доктору Бандлю, занимавшему большую, роскошную квартиру, гдѣ въ извѣстные вечера сходились люди всякихъ національностей, и проводили ночи въ игрѣ. Тамъ бывали и женщины, которыя прїѣзжали однѣ, а уѣзжали съ гостями.

Еще въ отелѣ Ева узнала, что новый любовникъ ея назывался Похронъ. Онъ не торговалъ ею, держалъ ее для себя и строго за нею слѣдилъ. Часто они бывали, съ его знакомыми, на ужинахъ у Захера и въ другихъ дорогихъ ресторанахъ, гдѣ Похронъ иногда ставилъ безъ счета шампанское, къ удивленію остальныхъ участниковъ.

Въ Вѣнѣ они провели всю зиму, и Ева привыкла къ Похрону. Ему одному удалось, если не убить въ ней мысль о Неполомскомъ, то обратить его въ ничего уже не говорившій и даже почти нежеланный мнѣ. Помышленіе о Лувашѣ у нея померкло въ томъ необузданномъ развратѣ, въ которомъ она жила со своимъ властелиномъ. Его могучей натурѣ развратъ не былъ нуженъ. Но Похронъ, молодой и сильный, былъ вмѣстѣ человѣкомъ испорченнымъ до мозга костей. Въ этомъ же развратѣ мысль о Неполомскомъ погасла у Евы, и она была даже довольна этимъ.

Ева сказала себѣ, что въ ея положеніи красивый бандитъ былъ для нея самымъ подходящимъ человѣкомъ. У него были и ея деньги, такъ что она все-таки жила на нихъ. Правда, она предвидѣла, что конецъ имъ настанетъ скоро. Но вѣдь отнять ихъ у него было невозможно, да ни о какой будущности она и думать не хотѣла. Жила, наслаждалась, красовалась туалетами, нравилась, веселилась... Все прочее—ничто.

Похронъ не всегда выигрывалъ, а иногда и терялъ крупныя деньги за картами. Раза два она попробовала укорять его, становая, что это были ея деньги. Тогда сожитель молча махнулъ ей верхомъ руки подъ челюсть, такъ что у нея посыпались искры въ глазахъ. Въ другой разъ онъ оттаскалъ ее за волосы. Но послѣ такихъ случаевъ ночью они мирились, какъ ни въ чемъ не бывало.

Наконецъ, пришелъ такой день, что Похронъ спохватился. Денегъ оставалось столько, что ими уже нельзя было рисковать на крупную игру у Бандля, которая была рассчитана на людей богатыхъ. Слишкомъ большой барышъ забиралъ себѣ самъ Бандль, а обыгрывать навѣрняка можно было только въ одиночку. Но и въ такихъ случаяхъ докторъ ручался, что компрометируютъ

его „залъ“, и грозилъ не пускать больше. Похронъ сталъ пытаться счастья въ мелкихъ притонахъ. Но онъ недостаточно свободно говорилъ по-нѣмецки и возбуждалъ тамъ подозрѣнiе, какъ иностранецъ. Два раза у него было отнято все выигранное, и если онъ не былъ избитъ, то только благодаря своей необычной силѣ, давшей ему возможность проложить себѣ дорогу.

Оставалось всего нѣсколько сотъ гульденовъ. Даже и костюмы уже поизносились. Для того, чтобы выплыть опять на широкія воды, необходимо было сперва оправиться. А для этого вѣрнѣе было побывать въ Варшавѣ, гдѣ все было гораздо болѣе знакомо. Тамъ можно было завести свой собственный карточный вертепъ, да и мало ли какія еще дѣла могли подвернуться.

X.

Въ Варшавѣ положенiе Евы сразу совершенно измѣнилось. Похронъ нанялъ здѣсь квартиру въ три комнаты, одна изъ которыхъ была въ три окна на дворъ. Въ паспортѣ, который онъ отдалъ въ прописку, были имена Станислава Козельскаго, бобрыйскаго мѣщанина, и жены его Стефани. Въ первые дни Похронъ выходилъ послѣ полудня и возвращался домой поздно вечеромъ, а то и ночью, иногда порядочно выпивши.

Недѣля черезъ двѣ дѣло наладилось... По вечерамъ окна въ ихъ квартирѣ старательно завѣшивались, на столахъ въ большой комнатѣ зажигались керосиновыя лампы и начинали сходиться гости. Но они уже были непохожи на тѣхъ, которыхъ Ева видывала въ Вѣнѣ, у доктора Бандля. Игрный домъ Козельскаго посѣщали мелкіе желѣзнодорожные служащіе, торговцы, приказчики и потертыя фигуры, которые называли себя бывшими землевладѣльцами.

Разъ вечеромъ, когда у Похроня игра только-что пошла полнымъ ходомъ и еще не было поздно, на дворъ вошелъ отрядъ городовыхъ съ приставомъ и двумя индивидуумами въ партикулярномъ платьѣ.

Къ Похроню явился самъ приставъ и составилъ протоколъ о закрытомъ игорномъ притонѣ. Похроня не арестовали, но объявили къ невыѣзду изъ города и выселили изъ квартиры по просьбѣ омовладѣльца.

Похронъ съ Евой переѣхали въ убогую комнату на четвертомъ этажѣ въ другой части города. Когда дней черезъ десять чу доставленъ былъ вызовъ о явѣ къ слѣдователю, Похронъ

не могъ этого исполнить, потому что лежалъ въ сильной простудѣ, которая приковала его къ постели. Онъ лежалъ неподвижно, иногда терялъ сознание. Вторичный вызовъ онъ получилъ еще черезъ двѣ недѣли и тогда пошелъ къ судебному допросу, но зато болѣзнь его усилилась и онъ долго не могъ принять ни за что. А между тѣмъ деньги всѣ вышли. Тогда онъ погналъ Еву на улицу, и она стала зарабатывать деньги проституціей, обыкновенно возвращаясь къ нему ночевать.

Но этотъ барышъ сутенера дешевой куртизанки для Похроня былъ слишкомъ малъ. Дѣло его не было еще поставлено на очередь въ судъ, когда онъ началъ снова пропадать по ночамъ съ прежними товарищами. Черезъ нихъ онъ разузналъ о Неполомскомъ, о которомъ Ева рассказала ему еще въ Вѣнѣ, какъ о первомъ ея любовникѣ. Оказалось, что Неполомскій—по крайней мѣрѣ въ послѣднее время—проживалъ вовсе не въ Новой Зеландіи, а въ Москвѣ, откуда недавно пріѣхалъ въ Варшаву коммисіонеромъ какихъ-то фабрикантовъ. Похронъ, въ числѣ другихъ своихъ плановъ, тотчасъ сталъ обдумывать, какъ бы ограбить Неполомскаго при помощи Евы.

Но положиться на нее въ этомъ дѣлѣ онъ не могъ уже потому, что Ева была теперь не та, которая могла нравиться Неполомскому два слишкомъ года тому назадъ. Она и пить научилась, и одѣта была бѣдно, и голосъ ея огрубѣлъ, особенно въ послѣднее время. Поэтому Похронъ составилъ планъ съ своими товарищами, а Еву только предупредилъ подвѣчеръ, что возьметъ ее съ собой сегодня „на охоту“.

Оба они сидѣли въ это время съ тремя товарищами: Баташинскимъ, Грживачемъ и Файтасемъ—за „подвѣчоркомъ“. Ъли колбасу и попивали водку, но умѣренно. Передъ тѣмъ, по приказанію Похроня, Ева какъ можно лучше „подфуфырилась“. Напудрила лицо, слегка подрумянила щеки и надѣла костюмъ почище. За столомъ Похронъ объявилъ, что всѣ они пойдутъ въ одиночку, но одновременно къ дому номеръ 305 на Маршалковской, и далъ Евѣ въ открытомъ конвертѣ совсѣмъ свѣжую карточку съ надписью: „Ewa Pobratyńska“.

— Это къ чему же?—спросила она.

— А къ тому, курочка, что тамъ—домъ новый, не весь отстроены, и живутъ тамъ только внизу. Даже и швейцара еще нѣтъ, подъездъ открытый.

— Эта карточка-то на какого чорта?

— А на такого, что подъездъ одинъ, и какъ ты только войдешь, сейчасъ поднимись нѣсколько ступенекъ къ двери направо.

Поняла? Это запомни твердо—направо. А за тобой—я сейчас. А за мной также сейчас шмыгнетъ воть этотъ, съ провалившимся-то брюхомъ—Батасинскій, за нимъ—молодчикъ Грживачъ, а послѣдній, всѣхъ дороже—Файтась Чортова Перечница.

— Запомнить не штука,—сказала Ева.—Но на чорта мнѣ такая именно карточка?

— Погоди, дойдемъ и до чорта, коли ужъ добрались до его перечницы.

— Ты говори дѣло, а то баба еще напутаетъ,—окрысился Файтась.

— Она у меня не напутаетъ. Съ графами водилась, а не то что тетку на лѣстницѣ найти. Да, воть видишь, курочка, тамъ на дверяхъ и доски пова еще нѣтъ, но помни дверь—направо. А проживаетъ тамъ тетенька твоя, ростовщица Барнавская... Ты мнѣ рассказывала о ней, а я и разузналъ... Ты позвонишь, отворить тебѣ лакей.

— Лакей?

— Да, у нея нынче лакей. Если онъ тебя впуститъ, такъ ты остановись на порогѣ, спроси его что-нибудь и заслоняй собой дверь. А если онъ дверь оставить на цѣпи, тогда ты отдашь ему эту карточку, и тетенька, навѣрное, тотчасъ къ тебѣ выйдетъ. Мы, изъ уваженія къ тебѣ, ея не тронемъ, а заставимъ дать рублей пятьсотъ. Ровно по сту на насъ, пятерыхъ. Чтѣ ей отъ этого сдѣлается?

— Донесетъ на меня, очень просто.

— Ты ей скажи, чтобы она этого не дѣлала, а то ей послѣ будетъ карачунъ. Да и какъ же тебя найдутъ, когда ты теперь Козельская?

Ева выпила рюмку и пошла къ куску зеркала, привязанному на гвоздѣ. Потомъ обернулась къ нимъ.

— Вы въ дверь за мной не входите, не пугайте ее, чтобы она не кричала. Я сама вытребую отъ нея пятьсотъ рублей на выкупъ отъ опасности. А воть, если она станетъ звать лакея, закричитъ, тогда ужъ входите.

— Ладно, ладно,—похвалилъ Похронь.—Такъ и сдѣлаемъ. Тамъ увидимъ, какъ будетъ.

Одинъ за другимъ они вошли въ открытый подъездъ. Съ одной изъ ступенекъ Ева оглянулась наверхъ и увидела ихъ всѣхъ, стоявшихъ на лѣстницѣ выше двери. Она прижала пуговку звонка и посмотрѣла на дверь. На двери была чугунная дощечка съ надписью стальными буквами: „Lukasz Niepołomski“.

Ева отшатнулась назадъ и почувствовала у себя на затылкѣ горячее дыханіе Похрона.

— Входи или кукѹ тебѣ!—шепнулъ онъ и скакнулъ опять наверхъ. Не было времени принять рѣшеніе. Дверь отворилась, но оставалась на цѣпи. Ева вынула карточку и подала ее лакею. Спустя минуту, онъ возвратился и впустилъ Еву.

Но какъ только она вошла, ее толкнулъ впередъ Похронъ, моментально ударомъ ножа повалилъ лакея и, впустивъ сообщниковъ, заперъ дверь. Между тѣмъ, на крикъ лакея, кто-то выглянулъ въ полуоткрытую дверь изъ комнаты.

— Лукашъ! Бѣги!—Спасайся, убьютъ!—изо всей силы крикнула Ева.

Но она еще не кончила, какъ въ двери щелкнулъ замокъ. Два грабителя навалились на эту дверь, а третій пытался вставить подъ нее короткій ломъ.

Вдругъ, сбоку, въ другой запертой двери въ переднюю, открылось квадратное отверстіе, въ немъ показалось никелированное дуло револьвера и раздался въ три секунды три выстрѣла... Въ отвѣтъ выстрѣлили въ эту дверь Похронъ и Файтасъ, который, бросившись на колѣни, приложилъ дуло къ свѣтившейся замочной скважинѣ. Другіе двое все еще налегали на первую дверь, но Похронъ вдругъ опустилъ руку и повалился на полъ. Тогда грабители отскочили отъ первой двери, Батасинскій отворилъ дверь на лѣстницу, а Грживачъ потянулъ къ ней Похрона за ногу. Но тотъ перевернулся, оперся лѣвой рукой на полъ и далъ выстрѣлъ въ Еву. Она упала.

Въ это время съ лѣстницы уже вскоурили прибѣжавшіе съ улицы двое городовыхъ и два дворника. Они сшибли съ ногъ Батасинскаго, а Грживача схватили за горло.

Отверстіе въ другой двери открылось опять, и оттуда раздался голосъ Неполомскаго:

— Женщину не трогайте! Она не виновна; она пришла сюда, чтобы предостеречь меня.

Затѣмъ онъ отворилъ первую дверь, вышелъ въ переднюю и приблизился къ Евѣ. Она взглянула на него глазами, просіявшими еще разъ радостью. Въ послѣдній разъ!

Вся передняя вскорѣ наполнилась полицією, и грабителей перевязали. Еву повезли въ пріемный покой, но она умерла по дорогѣ.

Л. А—въ.

ИЗЪ
СОВРЕМЕННЫХЪ НѢМЕЦКИХЪ
ПОЭТОВЪ

I.

Густавъ Вольбе ¹⁾.

Молитва.

Отъ пресыщенія храня,
Дай мнѣ извѣдать голодъ!
Враговъ воздвигни на меня:
Лишь въ битвѣ духъ нашъ молодъ.
Пусть легкою стопой, Творецъ,
Ищу путей чудесныхъ,
Затеши мнѣ любви вѣнецъ
Превыше звѣздъ небесныхъ!

¹⁾ Известный въ Германіи поэтъ; стоитъ, вмѣстѣ съ Лиліенкромомъ, во главѣ группы поэтовъ-реалистовъ.

II.

Викторъ Блютгенъ ¹⁾).

1.—Колыбельная.

Тихо, такъ тихо... Ужъ полночь давно...
 Запахъ сирени струится въ окно;
 Пахнетъ цвѣтами задумчиво-нѣжно.
 Спи же, малютокъ, засни безмятежно!
 Спрячь, не высовывай ножку, Лизокъ!
 Мѣсяцъ, гляди, огибаетъ лѣсокъ.
 Мѣсяцъ расскажетъ, свѣти на дорожку:
 Видѣлъ онъ Лизину голую ножку.
 Вѣтру расскажетъ лѣсокъ на зарѣ,
 Птички узнаютъ, и воть во дворѣ,
 Станетъ шептаться съ цвѣточкомъ цвѣточекъ:
 — Знаешь, брыкается ножкой Лизочекъ!—

2.—Смерть дѣвочки.

Мнѣ стѣитъ днемъ остаться одному,—
 Охваченъ я воспоминаній властью,
 Твои шаги мнѣ чудятся въ дому,
 И весь я рвусь въ утраченному счастью.
 Меня ты манишь ручкою въ ночи,
 Сядишься ты на край моей постели,
 Зажгу свѣчу — дрожить огонь свѣчи,
 Какъ будто крылья здѣсь зашелестѣли...
 И лично твое я вижу вдругъ,
 Глубокою печалью раздраемъ,
 И гдѣ-то родного слышу звукъ:
 — Не плачь... Съ тобой мы, папа, поиграемъ!—

О. Чюмина.

¹⁾ Отличается своими стихотвореніями изъ дѣтской жизни.

ПОЛИТИКА РАЗРУШЕНІЯ

ВЪ

АГРАРНОМЪ ВОПРОСѢ

ЗАКОНЪ 9-ГО НОЯБРЯ 1906 Г.

Изданный въ интересахъ привилегированнаго меньшинства, избирательный законъ 3-го іюня 1907 года обеспечилъ тотъ желательный для правящаго класса составъ третьей Государственной Думы, который охотно мирится съ призрачнымъ конституціонализмомъ и является послушнымъ проводникомъ начинаній, указанныхъ въ правительственной деклараціи. Изъ числа основныхъ задачъ официальной программы, предложенной Думѣ, декларація признала важнѣйшей — санкціонированіе земельныхъ мѣропріятій, изданныхъ послѣ роспуска первой Государственной Думы, въ порядкѣ ст. 87 Основныхъ законовъ. „Правительство считаетъ, — по словамъ деклараціи, — что исполнило свой долгъ, осуществивъ рядъ аграрныхъ мѣропріятій въ порядкѣ ст. 87 Осн. зак., и будетъ защищать ихъ передъ законодательными учрежденіями, отъ которыхъ ждетъ усовершенствованія, быть можетъ, поправокъ въ нихъ, но, въ конечномъ результатѣ, твердо надеется на приданіе имъ упроченной силы, путемъ законодательнаго утвержденія“.

Желаніе правительства исполняется теперь: комиссія третьей Государственной Думы одобрила главнѣйшее изъ его землеустроительныхъ „мѣропріятій“ — законъ 9-го ноября 1906 года. Неправильный способъ его изданія, ясно установленные недостатки, прямое несоотвѣтствіе съ интересами сельскаго насе-

ленія,—какъ могло бы все это помѣшать большинству нынѣшней Думы одобрить начинаніе, отвѣчающее давнимъ и страстнымъ пожеланіямъ того самаго класса, представители котораго засѣдаютъ теперь въ Думѣ? Изданіе закона 9-го ноября и находящагося въ ближайшей связи съ нимъ указа 15-го ноября представляетъ фактъ огромной важности, какъ бы заслоняющій остальные явленія нашей современной жизни, хотя тоже въ высокой степени неутѣшительныя. Выдающееся значеніе, которое суждено играть этимъ законодательнымъ актамъ, обязываетъ нашу печать ознакомиться, возможно подробно, съ мотивами, руководившими при ихъ изданіи, и съ тѣми надеждами, которыя возлагали на нихъ официальныя сферы. Въ этомъ отношеніи очень поучительны объяснительныя записки, сопровождающія представленія и законопроекты, внесенные правительствомъ въ Государственную Думу. Обратимся хоть къ нѣкоторымъ изъ этихъ интересныхъ документовъ, остающимся пока мало извѣстными большой публикѣ.

I.

Въ объяснительной запискѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, представленной въ Государственную Думу 4-го апрѣля 1907 г., поводомъ къ изданію закона 9-го ноября 1906 г. и предложенныхъ имъ измѣненій въ Положеніяхъ о крестьянахъ—призается манифестъ 3-го ноября 1905 года, которымъ взиманіе выкупныхъ платежей отмѣнено съ 1-го января 1907 г. Съ этого времени „отпали и тѣ ограниченія въ распоряженіи и пользованіи надѣльной землею, которыя установлены были Положеніемъ 19-го февраля и послѣдующими узаконеніями лишь до окончанія выкупнаго періода“.

Второй документъ—объяснительная записка того же министерства въ Думу по проекту „Положенія о крестьянскомъ землевладѣніи“ (записка эта имѣется въ двухъ видахъ: болѣе подробная, отъ 20 февраля 1907 г., и болѣе краткая, отъ 15 ноября того же года)—отмѣчаетъ, что рѣшающее значеніе въ этомъ отношеніи имѣлъ уже указъ 12-го декабря 1904 г., повелѣвавшій „привести законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ Имперіи, облегчивъ задачу обезпеченія пользования лицамъ этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ полноправныхъ сельскихъ обывателей“. Но,—читаемъ мы далѣе,—„еще болѣе обнаружилась необходимость разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ этомъ напра-

зленіи послѣ изданія Высочайшаго манифеста 17-го октября 1905 г., которымъ крестьяне уравниены въ политическихъ правахъ съ остальными классами населенія, ибо сохранять въ полной мѣрѣ сословную обособленность крестьянскаго населенія, связанную съ своеобразными особенностями управленія и суда и всего правового быта при осуществленномъ уже уравниеніи этого населенія съ прочими классами въ отношеніи политическомъ, не представлялось никакихъ основаній". Строки эти поражаютъ, конечно, своимъ полнымъ несоотвѣтствіемъ съ дѣйствительностью, но насъ увѣряютъ, будто правительство пришло къ заключенію, что послѣ изданія этого манифеста „представляется необходимымъ принять всѣ мѣры къ возможно полному уравниенію крестьянъ съ остальнымъ населеніемъ Имперіи и къ распространенію на нихъ дѣйствія общихъ законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, а также объ управленіи и судѣ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, предполагается совершенно упразднить особое сословное управленіе крестьянъ и установленія, завѣдывающія крестьянскими дѣлами“...

Предполагая произвести возможно полное уравниеніе крестьянъ съ другими сословіями, правительство, какъ заявилъ въ Думѣ предсѣдатель совѣта министровъ, держится того мнѣнія, что „пока крестьянинъ бѣденъ, пока онъ не обладаетъ личною земельною собственностью, пока онъ находится насильно въ тискахъ общины,—онъ остается рабомъ, и никакой писанный законъ не дастъ ему благъ гражданской свободы... Поэтому, правительство не могло не идти на встрѣчу, не могло не дать удовлетворенія тому врожденному у каждаго человѣка, поэтому и у нашего крестьянина, чувству личной собственности, столь же естественному, какъ чувство голода, какъ влеченіе къ продолженію рода, какъ всякое природное свойство человѣка. Вотъ почему раньше всего и прежде всего правительство облегчаетъ крестьянамъ переустройство ихъ хозяйственнаго быта и улучшеніе его и желаетъ изъ совокупности надѣльныхъ земель и земель, приобретенныхъ въ правительственный фондъ, создать источникъ личной собственности“ („Провит. Вѣстн.“ № 250, 1907 г.).

При ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, оказывается, что у насъ торжество врожденнаго чувства личной собственности мѣшаютъ самыя серьезныя препятствія, вслѣдствіе чего о полномъ уравниеніи нашихъ крестьянъ съ остальнымъ населеніемъ въ области интуитивныхъ правоотношеній не можетъ быть рѣчи. Въ приведенной выше объяснительной запискѣ представленъ въ доказательство того рядъ доводовъ. „Прежде всего, слѣдуетъ строго

различать состоящія во владѣннн крестьянъ надѣльныя и ненадѣльныя земли"... Приравнять надѣльныя земли „въ полной мѣрѣ къ частной земельной собственности и распространить на нихъ всецѣло дѣйствіе общихъ гражданскихъ законовъ не представляется возможнымъ". Этому препятствуютъ и специальное назначеніе ихъ, и особый порядокъ владѣнн, пользованн и распоряженн ими. „Государство, — читаемъ мы далѣе, — надѣляя крестьянъ землей, имѣло въ виду отнюдь не частныя интересы отдѣльныхъ лицъ, но неизмѣримо болѣе важныя государственныя цѣли, а именно — обезпеченіе постояннымъ земельнымъ фондомъ и устройство быта широкихъ массъ сельскаго населенн... Поэтому, надѣльныя земли, какъ имѣющія государственное значенн и служащія обезпеченіемъ быта крестьянъ, и нынѣ не должны составлять предмета свободнаго оборота и, слѣдовательно, не могутъ быть всецѣло подчинены дѣйствію общихъ гражданскихъ законовъ". Этотъ взглядъ на надѣльныя земли обосновывается въ запискѣ очень подробно цѣлымъ рядомъ дальнѣйшихъ соображенн, весьма интересныхъ, но безусловно опровергающихъ точку зрѣнн правительственной деклараціи. Такъ, мы узнаемъ, что „коренная ломка сложившихся и еще вполнѣ жизненныхъ правоотношенн крестьянъ въ области надѣльнаго землевладѣнн и насильственное, велѣніемъ закона, подчиненн ихъ нормамъ общегражданскаго права были бы вообще мѣрою крайне опасною. Въ основѣ всѣхъ жизненныхъ явленн всегда лежитъ начало законности. Жизнь не допускаетъ скачковъ и рѣзкихъ переходовъ отъ однихъ явленн къ другимъ. Тому же общему началу преемственности должно подчиняться и право... Поэтому, въ основѣ разумной законодательной дѣятельности должно всегда лежать глубокое уваженн къ историческому прошлому своей страны... Это особенно относится къ области земельныхъ правоотношенн, которыя во всѣхъ странахъ слагались путемъ медленнаго историческаго процесса и всегда отличаются сравнительною неподвижностью и устойчивостью... Нельзя забывать и того, что у нашихъ крестьянъ надѣльная земля до сихъ поръ является сосредоточіемъ главнѣйшихъ общественныхъ, семейныхъ и имущественныхъ интересовъ, и что поэтому всякое неосторожное прикосновенн къ земельному быту крестьянъ можетъ вызвать нежелательныя потрясенн во всемъ многомилліонномъ организмѣ крестьянскаго сословія".

Мысли, выраженныя здѣсь, высказываются и въ другихъ частяхъ записки, которая вездѣ старается подчеркнуть необходимость бережнаго, осторожнаго отношенн къ исторически сло-

жившимся формамъ, въ бытовыхъ особенностяхъ. Въ этомъ заключается какъ бы основной мотивъ официальнаго объясненія, постоянно повторяющійся во всѣхъ министерскихъ заявленіяхъ, которыя усиленно стараются убѣдить насъ, что въ намѣреніе законодателя вовсе не входило желаніе ломать или насильственно замѣнять исторически сложившіяся формы крестьянскаго землевладѣнія. Все, что будто бы имѣлось въ виду правительствомъ, — это лишь „дополнить“, „разъяснить“ дѣйствующее Положеніе о крестьянахъ. Увѣренія эти, противорѣчащія опредѣленно выраженной въ правительственной деклараціи задачѣ, противорѣчатъ и всему существу указовъ 9-го и 15-го ноября, а также и проекту „Положенія о крестьянскомъ землевладѣніи“, который разсматривается нынѣ Государственной Думой. Патетическія фразы объ уваженіи къ историческому прошлому своей страны и т. п., вовсе не оправдывающіяся на дѣлѣ, вошли въ объяснительныя записки, какъ нѣчто совсѣмъ постороннее, чуждое остальному содержанию, и производятъ крайне тяжелое впечатлѣніе, — впечатлѣніе чего-то такого, что предназначено какъ будто замаскировать умыселъ, явное признаніе въ которомъ не особенно удобно. Какое имѣютъ, въ самомъ дѣлѣ, значеніе вышеприведенныя строки записки, такъ убѣдительно призывающія къ бережному, возможно пощадливому „привосновенію къ земельному быту крестьянъ“, — въ виду хотя бы одного закона 9-го ноября, одобреннаго теперь комиссіей Думы?

Изъ официальныхъ объясненій къ нему, данныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Государственной Думѣ, 4-го апрѣля 1907 г., мы узнаемъ, что и онъ также является именно лишь „дополненіемъ“ и „развитіемъ“ прежняго закона, — что задача его заключается „вообще не во введеніи какихъ-либо новыхъ началъ въ область крестьянскаго землевладѣнія, а лишь въ приведеніи въ дѣйствіе стараго закона, освѣщеннаго почти пятидесяти-лѣтней давностью и имѣющаго значеніе одного изъ основныхъ началъ нашего крестьянскаго законодательства“. Въ министерскомъ объясненіи этомъ повторяется болѣе подробно сказанное въ самомъ законѣ 9-го ноября о побудительной причинѣ изданія его, въ порядкѣ ст. 87 Осн. зак., говорится именно о вступленіи въ дѣйствіе, послѣ прекращенія выкупныхъ платежей, статьи 12-й Общ. Положенія. При ссылѣ на эту статью дѣлается, однако, очень характерное умолчаніе о важномъ концѣ ея. Записка ограничивается лишь начальными строками ст. 12-й, въ которыхъ указывается, что „каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, приобрѣтенной въ общественную

собственность, былъ ему *выдѣленъ* участокъ, соразмѣрный съ долею его участія въ приобрѣтеніи сей земли“. Оставляя безъ всякаго вниманія конецъ статьи, объяснительная записка комментируетъ приведенное здѣсь ея начало такъ: „этой статьей 12-й *окончательно и безповоротно* предоставлено каждому крестьянину право требовать *выдѣла себѣ участка* изъ общинной земли; означенное право крестьянъ столь же неотъемлемо, столь же неприкосновенно, какъ и имущественныя права прочихъ гражданъ Россійской Имперіи, почему никакими практическими соображеніями нельзя было бы оправдать отмѣну или ограниченіе этого права, признаннаго за крестьянами Царемъ-Освободителемъ“.

Но для того, чтобы уяснить себѣ, въ чемъ состоитъ дѣйствительно *неотъемлемое* право, которое имѣетъ въ виду статья 12-я Общ. Положенія, — необходимо привести опущенный и игнорируемый въ министерскомъ объясненіи конецъ ея. Онъ гласитъ: „если такой выдѣлъ окажется неудобнымъ или невозможнымъ, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающаго выдѣлиться, деньгами по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ“. Присоединяя этотъ конецъ къ вышеприведенному началу статьи 12-й, мы получаемъ ясное представленіе о намѣреніи послѣдней, не возбуждающей ровно никакихъ недоразумѣній. Какъ оказывается, однако, изъ объяснительной записки, эту статью 12-ую необходимо было дополнить, въ виду того, что, при ея примѣненіи къ выкупленнымъ надѣльнымъ землямъ, встрѣтились непреодолимые препятствія. Препятствія состоятъ въ томъ, что, въ большинствѣ случаевъ, невозможно опредѣлить размѣра выкупленныхъ платежей, внесенныхъ отдѣльными членами общества; между тѣмъ, „правительство обязано было ввести въ дѣйствіе статью 12-ую Общ. Положенія, а ввести ее въ неизмѣнномъ видѣ оказалось невозможнымъ“.

Указанныя здѣсь препятствія встрѣтились на практикѣ потому, конечно, что къ надѣльнымъ землямъ была примѣнена статья, которая первоначально относилась исключительно къ „землямъ, приобрѣтеннымъ сельскими обывателями помимо надѣла“, и которая вовсе не имѣла въ виду регулировать отношенія, вытекавшія изъ выкупной операціи. Но разъ ее пожелали примѣнить также къ выкупленной надѣльной землѣ, весьма естественно, должны были возникнуть вышеуказанныя затрудненія при опредѣленіи того, на какую часть мірской земли можетъ претендовать выдѣляющійся изъ общины. Въмѣстѣ съ тѣмъ, явилась, разумѣется, и надобность „въ изданіи соотвѣствующихъ правилъ въ *дополненіе и развитіе* указанной статьи 12-й Общ. Полож.,

которыя сдѣлали бы ее примѣнимой на практикѣ“. Кажется, ясно, въ чемъ должно было состоять такое дополненіе: нужно было издать правила для руководства при опредѣленіи доли, причитающейся члену общества, пожелавшему выдѣлиться, согласно ст. 12. Въмѣсто исполненія сравнительно скромной работы, изданія правилъ, указывающихъ способъ опредѣленія размѣра того, на что можетъ претендовать въ общемъ вмѣществѣ выдѣляющійся,—изданъ законъ, въ корень измѣняющій постановленія о надѣльной землѣ. А между тѣмъ, это законодательное предпріятіе, не оставляющее камня на камнѣ въ области земельныхъ отношеній, является подъ скромной формѣ *дополненія*: всѣ статьи всѣхъ четырехъ раздѣловъ закона 9-го ноября изданы, какъ весьма демонстративно заявляется въ началѣ каждаго раздѣла,— „въ дополненіе“ дѣйствующаго закона.

II.

Для общей характеристики того, что разумѣется въ дѣйствительности подъ этимъ скромнымъ именемъ и какъ производится операція „дополненій“, не безынтересно взять въ примѣръ, прежде всего, способъ интерпретаціи статей Положенія 19-го февраля, относящихся къ такъ называемой „усадебной землѣ“ или „усадебной осѣдлости“, которую законъ 9-го ноября именуетъ *вездѣ*, ради удобства производимой надъ нею операціи, „усадебными участками“. Какъ извѣстно, въ Положеніи, регулировавшемъ права и отношенія бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ, усадебная земля — въ довольно неясно опредѣленныхъ закономъ границахъ — была выдѣлена въ особый разрядъ и не должна была смѣшиваться съ полевой. Значеніе ея и права крестьянъ по отношенію къ ней опредѣлялись въ Мѣстн. Полож. Велик. ст. 15 (бывш. ст. 110), которая устанавливала, что „усадебная земля каждаго крестьянскаго двора остается въ потомственномъ пользованіи проживающаго въ томъ дворѣ *семейства* и переходитъ къ наследникамъ, согласно существующему въ каждой мѣстности обычному порядку наследованія“.

Постановленіе это, выдѣляющее одинъ видъ угодій изъ общей совокупности того, что необходимо въ цѣломъ для правильнаго веденія хозяйства,—конечно, исполнѣ произвольно и не соответствуетъ требованіямъ жизни. Объ этомъ весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ интересные факты, собранные въ IV томѣ изслѣдованій В. И. Орлова: „Формы крестьянскаго землевладѣнія

въ Московской губерніи". Указанные здѣсь приемы, а также и практиковавшіеся въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, — данныя о чемъ приведены у Кочаровскаго, „Русская община“, и у проф. А. А. Чупрова, „Die Feldgemeinschaft“, — свидѣтельствуютъ, что жизнь выработывала тѣ или иные способы, съ помощью которыхъ парализовалось вредное вліяніе ст. 15 (110). Официальное выдѣленіе усадебъ изъ состава земельныхъ угодій, вмѣстѣ съ которыми онѣ составляютъ одно хозяйственное цѣлое, было сдѣлано впервые передъ крестьянской реформой, въ рескриптѣ 20-го ноября 1857 г. генералъ-губернатору Назимову. Въ рескриптѣ указывались именно главныя основанія, которыми должны были руководствоваться мѣстные комитеты губерній Ковенской, Виленской и Гродненской при составленіи проектовъ объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ. Принятое здѣсь, въ п. 1-мъ, дѣленіе земли на усадебную и полевою перешло потомъ въ Положенія 19-го февраля, которыя установили и разныя условія для выкупа той и другой.

О тѣсной связи понятія объ усадебной осѣдлости съ земельнымъ владѣніемъ специально бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что выдѣленія усадебъ въ особую категорію нѣтъ ни въ Положеніи 26 іюня 1863 г. (о крестьянахъ бывшихъ удѣльныхъ, дворцовыхъ и государевыхъ), ни въ Положеніи 24 ноября 1866 г. (о крестьянахъ бывшихъ государственныхъ). Когда въ жизни возникъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли распространить на крестьянъ бывшихъ государственныхъ тѣхъ селеній, гдѣ существуетъ общинное пользованіе угодьями, въ отношеніи порядка пользованія усадебными землями ст. 110—113 Мѣстн. Велик. Положенія, то Главный Комитетъ объ устройствѣ сельск. сост. нашель, что такое распространеніе было бы нежелательно. По журналу, Высочайше утвержденному 6 октября 1869 г., признано было „болѣе осторожнымъ не издавать постановленія, ограничивающаго права обществъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ относительно распоряженія усадебными землями“. Такимъ образомъ, бывшіе государственные крестьяне, а также и бывшіе государевы, дворцовые и удѣльные продолжали пользоваться усадебной и полевою землей совершенно одинаково, безъ всякихъ ограниченій и различій, установленныхъ ст. 15 (110) Мѣстн. Пол. для бывш. помѣщичьихъ крестьянъ. И эта практика продолжалась довольно долго, такъ какъ лишь въ 1885 г. Правительствующій Сенатъ далъ разъясненіе, кореннымъ образомъ измѣнившее установленный порядокъ у крестьянъ бывшихъ государственныхъ. Весьма

характерно, что мотивомъ для распространенія на ихъ усадебныя земли ст. 110-й было признано главнымъ образомъ слѣдующее: установленіе „различія въ порядкѣ распоряженія усадебными землями между бывшими государственными и бывшими помѣщичьими крестьянами, которые слились теперь въ одно сообщеніе—крестьянъ-собственниковъ, подчинены одинаковому обществу устройству, сопряжено было бы съ несправедливостью и съ существенными неудобствами“... Такое же измѣненіе порядка распоряженія усадебными землями у крестьянъ бывшихъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ — произошло нѣсколько позднѣе, а именно, по рѣшенію Сената въ 1887-мъ году.

Это неудачное толкованіе Сената, нивелировавшее отношенія, нормированныя закономъ различно, вносило немалую путаницу въ установившійся хозяйственный строй. Законъ 9-го ноября внести въ эту сферу новую, еще большую запутанность и тѣснить жизнь. Вопреки ясному постановленію ст. 15 (110), по которой усадебная земля находится „въ потомственномъ пользованіи“ проживающаго въ дворѣ *семейства*,—ст. 1 раздѣла III закона 9-го ноября опредѣляетъ, что „усадебные участки при общинномъ пользованіи составляютъ *личную собственность домохозяина*“. И такое объявленіе имущества, находящагося въ *потомственномъ пользованіи семейства*, — личной собственностью одного — дѣлается безъ всякаго спроса о желаніи самихъ владѣльцевъ имуществовъ, со стороны которыхъ не требуютъ и не ждутъ даже никакихъ заявленій о томъ. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на волю самихъ заинтересованныхъ и вовсе не соображаясь съ послѣдствіями задуманнаго теперь полного обособленія усадебной осѣдлости отъ остальныхъ видовъ земельныхъ угодій,—законъ однимъ этимъ постановленіемъ порождаетъ великое замѣшательство въ хозяйственныхъ порядкахъ нашей многострадальной деревни.

Оставляя въ сторонѣ разнообразныя случаи, возможные въ жизни, остановимся лишь на тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя почти неизбежны при устанавливаемой нынѣ формѣ обладанія усадьбами. Предположимъ при этомъ, что, вслѣдъ за одобреніемъ и принятіемъ Государственною Думою землеустроительныхъ мѣръ правительства, изданныхъ въ порядкѣ ст. 87, будетъ принятъ и одобренъ также цитированный проектъ „Положенія о крестьянскомъ землеустройствѣ“, который былъ внесенъ минист. внутр. дѣлъ въ Государственную Думу сперва 20-го февраля 1907-го года, а затѣмъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ,—15-го ноября того же года и который разсматривался теперь въ комиссіи. Оставаясь въ

рамкахъ даннаго проекта, ограничимся лишь тѣми случаями, которые допустимы, можетъ быть, даже неизбежны, въ случаѣ утвержденія его и при примѣненіи въ жизни. Въ этомъ проектѣ, во многомъ существенно измѣняющемся дѣйствующее Положеніе о крестьянахъ, въ отдѣлѣ III-мъ, содержащемъ постановленія о „наслѣдованіи въ надѣльныхъ земляхъ“, ст. 29 опредѣляетъ, что „лицу, владѣющему на правѣ собственности участками надѣльной земли (въ томъ числѣ и „усадебными“), — предоставляется завѣщать такіе участки одному или нѣсколькимъ изъ своихъ нисходящихъ или распределять ихъ между всѣми нисходящими по своему усмотрѣнію“... Если, пользуясь разрѣшеніемъ закона, „домохозяинъ“ дѣйствительно вздумаетъ завѣщать усадебную осѣдность лишь „одному изъ своихъ нисходящихъ“, каково будетъ хозяйственное положеніе остальныхъ „нисходящихъ“, которые въ отношеніи полевыхъ угодій будутъ такими же полноправными членами общины, какъ и ихъ счастливый собратъ, получившій всю усадьбу? Очевидно, они не въ состояніи будутъ вести хозяйства, не имѣя ни усадьбы, ни двора, и вынуждены будутъ оставить земледѣльческій промыселъ. Такое насильственное обезземеленіе большей части сонаслѣдниковъ въ пользу одного явится однимъ изъ результатовъ указанной свободы завѣщанія и обращенія въ личную собственность домохозяина усадебной земли, которая до сихъ поръ находилась въ потомственномъ пользованіи всего семейства. Неправильность и произвольность такого превращенія сознавались самими инициаторами закона, по крайней мѣрѣ, въ указанномъ выше проектѣ „Положенія о крестьянскомъ землевладѣніи“ на такое сознаніе какъ бы намекаетъ ст. 4-ая отдѣленія I-го, постановляющая, что „усадебные участки... составляютъ личную собственность домохозяевъ, *въ наследственномъ владѣніи коихъ они находятся*“. Это добавленіе о *наследственномъ владѣніи* (въ которое, по волѣ составителя проекта, измѣнилось „потомственное пользованіе“) довольно занимательно, и ужъ не сдѣлано ли оно въ интересахъ исторической правды, съ цѣлью указать, какъ и откуда произошла эта личная собственность...

III.

Отмѣченный способъ „дополненія“ ст. 15 (110) Мѣстн. Велик. Положенія, на самомъ дѣлѣ совершенно измѣняющая дѣйствовавшее постановленіе объ усадебной осѣдности, наблюдается и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ „дополненій“, предпринимаемыхъ

закономъ 9 ноября. Такъ, въ раздѣлѣ I-мъ, изданномъ „въ дополненіе ст. 12 Общаго Положенія“, о которой рѣчь шла выше,— ст. I-я опредѣляетъ: „каждый домохозяинъ, владѣющій надѣльной землею на общинномъ правѣ, можетъ, во всякое время, требовать укрѣпленія въ личную собственность причитающейся ему части изъ означенной земли“. При сопоставленіи этихъ словъ съ текстомъ ст. 12-ой, очевидно явное противорѣчіе между ними, такъ какъ въ статьѣ 12-ой рѣчь идетъ о *выдѣлѣ участка* изъ состава земли, приобрѣтенной въ общественную собственность, а приведенная здѣсь статья 1-я закона 9-го ноября говоритъ объ *укрѣпленіи въ личную собственность* домохозяина полосъ мірской земли, находящихся въ его фактическомъ обладаніи и отведенныхъ ему во временное пользованіе. Существенное различіе между тѣмъ, что имѣлъ въ виду законъ ранѣе, и тѣмъ, что устанавливается теперь по закону 9-го ноября, вполне ясно и самому автору цитированной объяснительной записки. Такъ мы читаемъ въ ней: „по смыслу ст. 12 Общаго Положенія, хотя не ясно изложенной и толкуемой различно, выходъ изъ общины домохозяина обязательно соединяется съ *фактическимъ выдѣломъ участка*, соразмѣрнаго съ его долею. Такъ какъ при семъ въ ст. 12-ой предусматриваются случаи, когда выдѣлъ можетъ оказаться для общества неудобнымъ или невозможнымъ, то нужно полагать, что ею имѣется въ виду *выдѣлы участковъ* выходящимъ изъ общины домохозяевамъ *по возможности къ одному мѣсту*“ ...

Совершенно вѣрно, ст. 12-я говоритъ прямо и опредѣленно о *выдѣлѣ участковъ*, а вовсе не объ *укрѣпленіи въ личную собственность* домохозяина полосъ мірской земли, отведенныхъ ему во временное пользованіе. Но такое значеніе этой статьи не удовлетворяетъ инициаторовъ закона 9-го ноября, и они задаютъ вопросъ: „возможно ли и слѣдуетъ ли связывать выдѣлъ отдѣльнымъ домохозяевамъ участковъ общинной земли съ *непремымъ* отводомъ этихъ участковъ къ одному мѣсту? Отвѣтъ долженъ быть, вазалось бы, отрицательный. Такой выдѣлъ участва къ одному мѣсту— говорятъ они— былъ бы, прежде всего, сопряженъ съ большими неудобствами и ущербомъ для общества, ибо при каждомъ такомъ выдѣлѣ, требовать втораго, въ силу той же статьи, отдѣльные домохозяева могутъ во всякое время, неизбежно происходило бы полное или частичное перемѣщеніе участковъ всѣхъ общинниковъ; съ другой стороны, и для *самихъ выходящихъ изъ общины выдѣлы причитающихся имъ участковъ къ одному мѣсту* далеко не всегда представляется удобнымъ и желательнымъ“.

Разсужденіе это, собственно, вполне безцѣльно, такъ какъ выдѣлъ земли фактически, въ натурѣ, вовсе не безусловно обязательнъ по статьѣ 12-й; напротивъ, ея, какъ уже указано выше, устанавливается опредѣленно: „если такой выдѣлъ окажется неудобнымъ, или невозможнымъ, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающаго выдѣлиться, деньгами, по взаимному соглашенію, или по оцѣнкѣ“. Этотъ справедливый, вполне безобидный для обѣихъ сторонъ, выходъ, очевидно, не соответствовалъ цѣлямъ составителей закона 9-го ноября, и они нашли нужнымъ, вмѣсто него, постановить объ *укрѣпленіи въ личную собственность домохозяевъ части мірской земли.*

Согласно объяснительной запискѣ минист. внутр. дѣлъ, — „само собою разумѣется, что укрѣпленіе въ личную собственность отдѣльныхъ домохозяевъ тѣхъ черезполосныхъ участковъ, какими они уже фактически пользуются, *всегда возможно и, ни въ чемъ не измѣняя землепользованія остальныхъ однообщественниковъ, никакихъ неудобствъ для нихъ не создаетъ.* Поэтому къ предоставленію обществу права, взаимнъ выдѣла такихъ участковъ, вознаграждать выходящаго изъ общины деньгами нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній“. Во всѣхъ отношеніяхъ разсужденіе это поражаетъ своею необычною смѣлостью: полное пренебреженіе къ правамъ и интересамъ большинства членовъ общины здѣсь соединено съ безусловнымъ незнаніемъ обсуждаемаго предмета. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, для сколько-нибудь освѣдомленнаго человѣка, высказать такое положеніе, будто укрѣпленіе въ собственность домохозяевъ отведенныхъ имъ въ пользованіе полосъ, „ни въ чемъ не измѣняя землепользованія остальныхъ однообщественниковъ, никакихъ неудобствъ для нихъ не составляетъ“?

Но это „укрѣпленіе“ въ собственность разбросанныхъ по мірскому полю полосъ, которое поставитъ общину въ самое затруднительное, часто безвыходное, положеніе, для чего оно собственно задумано? Руководствуясь той же основной идеей, которая повторена въ деклараціи, прочитанной въ Думѣ предсѣдателемъ совѣта министровъ, и стремясь возможно быстрѣе осуществить переходы отъ общиннаго владѣнія къ личной собственности, инициаторы закона имѣли предъ собою, по ихъ собственному признанію, два выхода. Они могли: или 1) — опредѣлить постоянную, неизмѣнную при послѣдующихъ передѣлахъ, „долю участія переходящаго къ личному владѣнію въ пользованіи общинною землею, съ отсрочкою фактическаго выдѣла, соответствующаго этой доль участка до момента, когда такой выдѣлъ можетъ

быть произведенъ безъ ущерба для общества"; или 2) — „укрѣпить въ личную собственность выходящаго изъ общины тѣ отдѣльныя и вполне коверетныя полосы, которыя состоятъ въ его пользованіи“. При составленіи закона 9 ноября было отдано предпочтеніе второму выходу, потому что, — какъ поясняютъ намъ, — при избраніи перваго выхода, домохозяева, имѣя лишь право на идеальныя доли въ общинной землѣ, „были бы лишены возможности распорядиться своими надѣлами, отчуждать и закладывать ихъ, реализовать ихъ цѣнность... Для того, чтобы укрѣпленную въ частную собственность долю земли можно было выгодно продать, необходимо, чтобы она была выдѣлена въ натурѣ и чтобы покупатель звалъ не только количество покупаемой земли, но и ея качество. Только въ такомъ случаѣ за выдѣленную въ частную собственность землю можно выручить ея дѣйствительную цѣну. Идеальныя же доли въ общинной землѣ, которымъ не соотвѣтствуютъ въ дѣйствительности опредѣленные, извѣстные участки, будутъ мало привлекательны для покупателей, и за нихъ никто настоящей цѣны не дастъ“. Это стремленіе мобилизовать надѣльную землю, превратить ее въ объектъ свободнаго рыночнаго обмѣна, является такимъ образомъ главнѣйшей побудительной причиной задуманной ломки бытовыхъ устоевъ нашей сельской жизни, и откровенное признаніе въ томъ опровергаетъ вполне всѣ вышеприведенныя благія разсужденія на тему о возможно осторожномъ „прикосновеніи къ земельному быту крестьянъ“ и о необходимости помнить, что „у нашихъ крестьянъ надѣльная земля до сихъ поръ является средоточіемъ главнѣйшихъ общественныхъ, семейныхъ и имущественныхъ интересовъ“... „Поэтому надѣльныя земли, какъ имѣющія государственное значеніе и служащія обезпеченіемъ быта крестьянъ, и нынѣ не должны составлять предмета свободнаго оборота...“ Все это совершенно несогласно съ истиннымъ намѣреніемъ законодателя...

Нужно ясно представить себѣ, однако, въ чемъ будетъ состоять это задуманное *укрѣпленіе*. Въ дѣйствительности оно будетъ состоять въ томъ, что въ собственность домохозяина перейдутъ пахотныя полосы, отведенныя ему во временное пользованіе и расположенныя въ разныхъ частяхъ общественнаго поля. Такимъ образомъ, будетъ зафиксированъ порядокъ распределенія земли, существовавшій и ранѣе, именно тотъ порядокъ, противъ котораго обычно направлены громы и жестокія обвиненія. Черезполосность, длиннополосность, узкополосность и все такое прочее, что составляетъ, будто бы, неизбѣжную принадлежность общин-

наго землевладѣнія и главнѣйшій его недостатокъ, все это остается неизмѣннымъ при *укрѣпленіи* полосъ въ собственность. Но, обращая разбросанныя полосы полевой земли въ личную собственность домохозяина, законъ 9-го ноября значительно ухудшаетъ положеніе, такъ какъ, при первомъ же раздѣлѣ между наследниками, или въ случаѣ отчужденія земли по частямъ, черезполосица значительно усилится и должна принять именно тотъ вредный для сельскаго хозяйства видъ, котораго въ дѣйствительности, какъ общее правило, — не существуетъ при общинномъ землевладѣніи.

Мѣры, которыя, при существованіи частной собственности на землю, необходимо принимать для прекращенія этой вредной черезполосицы, такъ называемой черезполосицы *спеціальной*, ведущей къ принудительному сѣвообороту (*Flurzwang*), — законодательныя постановленія, именно въ той формѣ, какъ они приняты на югѣ Германіи, относительно регулированія полей (*Flurhegeinigung*), осуществляются при общинномъ землевладѣніи сами собою, безъ вмѣшательства закона и безъ участія правительственныхъ агентовъ. Укрѣпляя полосы въ личную собственность, законъ уничтожаетъ благотворное вліяніе таковаго регулированія или упорядоченія въ расположеніи полосъ, которое обычно при общинномъ владѣніи, и, вмѣсто того, онъ открываетъ возможность проявляться всѣмъ вреднымъ послѣдствіямъ личной собственности, свободной, ничѣмъ не стѣсняемой въ правѣ отчужденія и дѣлежа земли при наследованіи. Объ этомъ убѣдительно свидѣлствуетъ намъ и опытъ Запада, и опытъ нѣкоторыхъ мѣстностей собственнаго нашего отечества. Въ виду явно вредныхъ послѣдствій, неизбѣжно связанныхъ именно съ узаконяемымъ у насъ теперь способомъ обращенія общественныхъ земель въ частную собственность, на Западѣ признается, въ настоящее время, за бесспорное правило — *keine Theilung ohne gleichzeitige Commassation*.

Все это едва ли могло быть не ясно составителямъ закона, но, очевидно, ихъ мало интересовали агрикультурныя цѣли, служившія лишь прикрытіемъ истинныхъ стремленій, стремленій разрушить общину и замѣнить ее, во что бы то ни стало, частной собственностью. Такое побужденіе вынудило измѣнить совершенно точное постановленіе ст. 12 *о выдѣлѣ участковъ* въ постановленіе объ *укрѣпленіи* въ личную собственность разбросанныхъ полосъ. Нельзя было не видѣть, что, при установленіи прямо хаотическихъ условій, рѣшительно невозможно веденіе сколько-нибудь правильнаго хозяйства на общественныхъ поляхъ,

во многих мѣстахъ которыхъ будутъ вкраплены владѣнія частныхъ собственниковъ; нельзя было не видѣть и того, что, при возможности подвѣненія, вмѣстѣ съ такой собственностью, вредной черезполосицы, немислимо прогрессирующее земледѣіе также и на самыхъ этихъ участкахъ, перешедшихъ въ личную собственность.

IV.

Составители закона 9-го ноября хорошо видятъ, что устанавливаемый ими способъ землепользованія не можетъ быть оправданъ ни съ какой точки зрѣнія и что онъ противорѣчитъ требованіямъ ихъ собственнаго идеала—отрубного хозяйства, а потому они указываютъ на выходъ изъ этого положенія. Такой выходъ состоитъ все въ томъ же выдѣлѣ соотвѣтствующей доли земли, по возможности къ одному мѣсту, т.-е. выходъ какъ-разъ въ томъ самомъ, противъ чего дѣлались возраженія въ приведенной выше объяснительной запискѣ. Какъ бы то ни было, статья 12 закона 9-го ноября опредѣляетъ, что „каждый домохозяинъ, за коимъ укрѣплены участки надѣльной земли, имѣетъ право, во всякое время, требовать, чтобы общество выдѣлило ему, взаимѣнъ сихъ участковъ, соотвѣтственный участокъ, по возможности къ одному мѣсту“. Можетъ показаться страннымъ, для чего потребовалось въ такомъ случаѣ вводить постановленіе объ „укрѣпленіи“ въ собственность домохозяина фактическаго его владѣнія, если въ результатѣ является необходимость въ томъ же выдѣлѣ земли къ одному мѣсту. Дѣло въ томъ, что далеко не такъ ясны и безспорны преимущества, свойственныя владѣнію отрубному при частной собственности, сравнительно съ пользованіемъ полоснымъ при общинномъ землевладѣніи; а потому, если бы члену общества разрѣшено было выходить изъ общины исключительно подъ условіемъ обязательнаго выдѣла причитающейся ему земли къ одному мѣсту, то число выходящихъ изъ общества едва-ли было бы особенно велико. Можно гдѣ-нибудь какія угодно гдѣсни о преимуществахъ отрубного, хуторскаго хозяйства на небольшихъ клочкахъ земли, принадлежащихъ частнымъ собственникамъ,—въ жизни будетъ трудно осуществить, безъ принужденія, безъ прямого насилія, этотъ аграрный идеалъ въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ. И вотъ, именно для увеличенія числа выходящихъ изъ общества, для ускоренія процесса разложенія общины, законъ 9-го ноября разрѣшаетъ отдѣльнымъ лицамъ укрѣплять въ собственность фактическое свое владѣніе, хотя это и не соот-

вѣтствуетъ идеалу отрубного хозяйства, о которомъ мечтаетъ современное правительство. Такимъ разрѣшеніемъ укрѣплять полосы въ собственность будутъ пользоваться охотно всѣ имѣющіе намѣреніе присвоить себѣ изъ общественной земли больше того, на что они могли бы рассчитывать, оставаясь въ общинѣ, и что они получили бы при наступленіи срока передѣла. Захватывая изъ мірской земли въ собственность больше приходящагося по разверсткѣ, отдѣльные домохозяева ставятся закономъ въ очень выгодное положеніе сравнительно съ хозяевами, остающимися въ обществѣ, такъ какъ всѣ невыгоды, которыя могутъ произойти отъ узаконеннаго нынѣ способа „укрѣпленія“ земли, ложатся на общину.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, конечно, могутъ явиться побужденія для выдѣла къ одному мѣсту земель, „укрѣпленныхъ“ такимъ образомъ за отдѣльными домохозяевами, и для этой цѣли предназначается вышеназванная ст. 12 закона 9-го ноября.

При первомъ взглядѣ, можно, пожалуй, подумать, что здѣсь возстановляется то, что прежде предусматривала отмѣненная теперь статья 12-ая Общаго Положенія; но такое заключеніе было бы совершенно неправильно, и оно разсѣется тотчасъ же, какъ только мы ознакомимся съ содержаніемъ статей 13 и 14 того же закона 9-го ноября. Статья 13, — по характеру своему совершенно непонятная, — говоритъ о вознагражденіи выдѣляющагося изъ общины деньгами; но она говоритъ объ этомъ потому, что никто изъ выдѣляющихся не обязанъ принимать такого вознагражденія, и она говоритъ, далѣе, о судѣ, рѣшенію котораго никто изъ выдѣляющихся не обязанъ подчиниться. Затѣмъ, ст. 14 весьма категорически постановляетъ, что членъ общины, желающій выдѣлить свой участокъ, по возможности, къ одному мѣсту, можетъ *требовать* этого въ моментъ общаго передѣла, и какъ бы такое требованіе ни было губительно для хозяйства общины, эта послѣдняя не имѣетъ права отказать ему въ его требованіи и *не можетъ*, вмѣсто убыточнаго отвода земли въ натурѣ, „удовлетворить выдѣляющихся деньгами“.

Чѣмъ руководились авторы закона 9-го ноября, отмѣняя для обѣихъ сторонъ равно удобное и справедливое постановленіе ст. 12 Общаго Положенія о денежномъ вознагражденіи выдѣляющагося, — это мы узнаемъ изъ объяснительной записки министерства внутреннихъ дѣлъ къ проекту „Положенія о крестьянскомъ землевладѣніи“, представленной въ Думу 20-го февраля 1907 г., именно изъ той довольно откровенной главы 5-ой (занимавшей мѣсто отъ 35-ой до 55-ой стр.), которая превра-

тилась въ три страницы во второй запискѣ къ тому же проекту, представленной въ Думу 15-го ноября 1907 г. Въ этой, изъятной теперь, главѣ 5-ой указывалось на то, что „ст. 12-ая Общаго Положенія Кр. предоставляетъ обществу право, вмѣсто выдѣла участка въ натурѣ, удовлетворить желающаго выдѣлиться деньгами, когда выдѣлъ оказывается невозможнымъ или неудобнымъ. При этомъ никакихъ исключеній изъ этого общаго правила не сдѣлано (??). Между тѣмъ, едва-ли могутъ встрѣтиться какія-либо затрудненія для выдѣла, если онъ совпадаетъ съ общимъ передѣломъ. Предоставить обществу право и въ подобныхъ случаяхъ удовлетворить желающихъ выдѣлиться деньгами — значило бы, *если не окончательно прекратить выдѣлы, то, во всякомъ случаѣ, значительно сократить ихъ число*“. Такимъ образомъ, главнѣйшая цѣль состоитъ дѣйствительно въ увеличеніи числа выдѣловъ, — и, предполагается, по возможности къ одному мѣсту, — къ чему, по мнѣнію автора объяснительной записки, едва-ли могутъ встрѣтиться какія-либо затрудненія, если выдѣлъ „совпадаетъ съ общимъ передѣломъ“. Чтобы рѣшиться высказать подобное мнѣніе, надо вовсе не знать тѣхъ огромныхъ, часто непреодолимыхъ затрудненій, которыя связаны въ дѣйствительности съ выдѣломъ участковъ къ одному мѣсту. Лишая общество права вознаграждать выдѣляющихся деньгами и требуя отъ него непремѣннаго отвода земли въ натурѣ, законъ устанавливаетъ такія условія, при которыхъ члены, остающіеся въ обществѣ, не въ состояніи будутъ вести сколько-нибудь правильное хозяйство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, законъ лишаетъ общество того важнаго права вознаграждать выдѣляющагося деньгами, которое было предоставлено ему ст. 12 Общаго Положенія; а между тѣмъ, — выражаясь словами официальной записки, — „означенное право крестьянъ столь же неотъемлемо, столь же неприкосновенно, какъ и имущественныя права прочихъ гражданъ Россійской Имперіи, почему никакими практическими соображеніями нельзя было бы оправдать отміну или ограниченіе этого права, признаннаго за крестьянами Царемъ-Освободителемъ“.

Нельзя не отмѣтить при этомъ, что министерская объяснительная записка, высказываясь за предоставленіе домохозяевамъ права требовать отъ общества отвода земли къ одному мѣсту, желаетъ убѣдить въ томъ, что законъ 9-го ноября, нарушающій самыя жизненные интересы общины, остается на почвѣ дѣйствующаго закона. Въ запискѣ высказывается именно, что въ вопросѣ о выдѣлѣ „осторожнѣе остаться на почвѣ дѣйствующаго закона (Общ. Пол. Кр. ст. 12), съ тѣмъ лишь существен-

нымъ дополненіемъ, что въ случаяхъ, когда требованіе о выдѣлѣ совпадаетъ съ общимъ передѣломъ, выдѣлъ въ натурѣ производится обязательно и общество не имѣетъ права удовлетворять желающаго выдѣлиться деньгами“. Здѣсь опять все сводится къ передѣлу, при томъ къ передѣлу общему, и предполагается, что общество не встрѣчаетъ никакихъ затрудненій къ выдѣламъ земли, если такіе выдѣлы совпадаютъ съ передѣломъ.

V.

Отставая въ этомъ отношеніи исключительно интересы выдѣляющихся, законъ 9-го ноября и въ дальнѣйшемъ заботится только о нихъ, не принимая во вниманіе хозяйственныхъ нуждъ общины. Законъ не только облегчаетъ отдѣльному члену выходъ изъ общества, но онъ усиленно заботится также о наиболѣе выгодномъ имущественномъ удовлетвореніи выходящаго. Ему предоставляются обширнѣйшія права, недопустимыя ни съ точки зрѣнія хозяйственныхъ интересовъ остальныхъ членовъ общины, ни съ точки зрѣнія даже элементарной справедливости. Въ этомъ насъ убѣждаютъ ст. ст. 2 и 3 того же раздѣла I закона 9-го ноября, въ которыхъ объясняется, что разумѣетъ законъ подъ понятіемъ *причитающейся* выдѣляющемуся части мірской земли. Въ ст. 2 закона мы читаемъ: „въ обществахъ, въ коихъ не было общихъ передѣловъ въ теченіе 24-хъ лѣтъ, предшествующихъ заявленію отдѣльныхъ домохозяевъ о желаніи перейти отъ общиннаго владѣнія къ личному, за каждымъ такимъ домохозяиномъ укрѣпляются въ личную собственность, сверхъ усадебнаго участка, всѣ участки общинной земли, состоящіе въ его постоянномъ (не арендномъ) пользованіи“. По поводу этого 24-хъ-лѣтняго срока наша печать высказала почти единогласное мнѣніе: указала на совершенную его произвольность и на полнѣйшее несоответствіе съ фактическимъ положеніемъ. Почему принять такой періодъ, а не какой-нибудь другой, остается необоснованнымъ. Объясненія, которыя даны по этому поводу въ запискѣ минист. внутр. дѣлъ по проекту „Положенія о крестьянскомъ землевладѣніи“, совсѣмъ не убѣдительны, такъ какъ вся сила ихъ основывается на признаніи опредѣляющаго значенія только за *общими* передѣлами. Но почему такое значеніе придано лишь *общимъ* передѣламъ и отчего не приняты во вниманіе *передѣлы частныя*, оказывающіе огромное вліяніе и на сроки передѣловъ общихъ? Въдѣ частныя передѣлы, несомнѣнно, практиковались.

въ теченіе этого 24-х-лѣтняго періода и они, разумѣется, продолжали существовать также послѣ изданія закона 8-го іюня 1893 года, имѣвшаго цѣлью регламентировать самыя важнѣйшія стороны общиннаго хозяйства при посредствѣ земскаго начальника. Полное игнорированіе закономъ того, что существуетъ въ жизни и что имѣетъ огромное значеніе въ рассматриваемомъ случаѣ,—факта частныхъ передѣловъ,—развѣ это не произволъ, которому нѣтъ никакого оправданія?

Если въ теченіе послѣднихъ 24-хъ лѣтъ не производилось общихъ передѣловъ, законъ разрѣшаетъ въ такомъ случаѣ отдѣльному домохозяину укрѣпить въ личную собственность часть мирской земли; но какъ же оправдать такое императивное распоряженіе, не считающееся вовсе съ желаніями и интересами общества: почему общество, не практиковавшее передѣловъ въ теченіе 24-хъ лѣтъ, не можетъ пожелать произвести ихъ послѣ этого срока; на какомъ основаніи оно считается какъ бы даже совсѣмъ неспособнымъ пожелать того? Въ цитированной объяснительной запискѣ минист. внутр. дѣлъ мы читаемъ по этому поводу слѣдующее: „возможность передѣловъ въ обществахъ, не передѣлявшихся свыше 24-хъ лѣтъ, т.-е. болѣе 2-хъ минимальныхъ законныхъ передѣльныхъ сроковъ, *мало вѣроятна*, и общества эти въ сущности фактически перешли къ постоянному пользованію, продолжающемуся притомъ свыше 2-хъ земскихъ давностей“. Возможность передѣловъ *мало вѣроятна*... и вотъ на такомъ основаніи многочисленный разрядъ обществъ лишается навсегда права передѣлять свои угодья и безапелляціонно принуждается перейти отъ общиннаго землевладѣнія къ частной собственности.

Это полное пренебреженіе къ интересамъ коллективнаго владѣнія, прямое насиліе надъ установленнымъ правомъ, осуществляетъ мысль, которая была высказана впервые въ засѣданіи 22-го января 1905 года Высочайше учрежденнаго Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности управляющимъ земскимъ отдѣломъ того времени, г. Гурко. Основываясь на данныхъ, приложенныхъ къ III выпуску Свода заключеній губернскихъ совѣщаній, онъ свидѣтельствовалъ въ Совѣщаніи, что „общинное землевладѣніе не является преобладающимъ“ у насъ, такъ какъ „свыше 25⁰/₀ общаго числа земельныхъ общинъ не производили передѣловъ свыше 25 лѣтъ, а около 20⁰/₀ не производили ихъ вовсе со времени надѣленія земель“. При этихъ выкладкахъ, надо замѣтить, имѣлись въ виду, конечно, все тѣ же *общіе* передѣлы и совершенно игнорировались *передѣлы частные*. Указанныя цифры привели г. Гурко къ убѣ-

жденію, что „община, какъ форма землевладѣнія, у насъ далеко не столь повсемѣстно развита, какъ это можно думать по официальнымъ свѣдѣніямъ, при чемъ несомнѣнно, что она идетъ быстрыми шагами къ упраздненію“. Полагая, что, въ виду этого, слѣдовало бы пойти на помощь населенію и, между прочимъ, путемъ разрѣшенія крестьянамъ продавать свои надѣльные земли, г. Гурко высказался такъ: „я лично пошелъ бы еще дальше, а именно, предложилъ бы признать, что всѣ тѣ общества, *въ которыхъ не было передѣла за послѣднія 25 лѣтъ* (курсивъ подлинника)—это средній срокъ дѣятельной жизни одного поколѣнія—*передѣловъ впередъ производить не могутъ* (курсивъ подлинника), т.-е., иначе говоря, признать, что общества эти владѣютъ надѣльной землею не на общинномъ, а на подворно-участковомъ правѣ“. Именно эта мысль и осуществлена въ ст. 2-ой раздѣла I закона 9 го ноября, проектъ котораго былъ разработанъ и представленъ при непосредственномъ участіи г. Гурко въ Совѣтъ министровъ, и этой мысли принесены въ жертву и права, и важнѣйшіе жизненные интересы многихъ милліоновъ людей.

Но и въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ за послѣдніе двадцать-четыре года общіе передѣлы производились, положеніе въ сущности не отличается отъ описаннаго, и разница, какъ будто устанавливаемая статьею 3-й въ отношеніи ихъ, на самомъ дѣлѣ совершенно призрачная, не имѣющая никакого практическаго значенія. Въ статьѣ этой указывается, что за каждымъ домохозяиномъ, желающимъ перейти отъ общиннаго владѣнія къ личному, укрѣпляется, сверхъ усадебнаго участка, столько земли, сколько „причиталось бы на его долю на основаніяхъ послѣдней разверстки, *по числу разверсточныхъ единицъ въ его семьѣ ко времени упомянутого заявленія*“. Постановленіе это введено какъ будто съ цѣлью обезпечить, хоть въ нѣкоторой мѣрѣ, общество отъ расхищенія принадлежащей ему земли частными лицами. Если законъ разрѣшаетъ отдѣльному члену общины „укрѣплять“ въ собственность мірскую землю, то, разумѣется, надо, по крайней мѣрѣ, хоть точно опредѣлить ту долю, на которую онъ можетъ, по справедливости, претендовать; или, выражаясь словами закона, надо опредѣлить „причитающуюся ему часть изъ мірской земли“. Ст. 3-я ставитъ размѣръ причитающагося на долю отдѣльнаго члена количества земли въ зависимость отъ числа „разверсточныхъ единицъ въ его семьѣ“. Этимъ постановленіемъ парализуется возможность повторенія того, что имѣло мѣсто при дѣйствіи прославленной ст. 165 Пол. о вык., когда досрочно выкупавшій могъ присвоить значительно больше при-

читавшагося ему по разверсткѣ. Но, говоря объ *основаніяхъ разверстки* и придавая, повидимому, важное значеніе *числу разверсточныхъ единицъ въ семьѣ*, ст. 3-я не имѣетъ яснаго представленія о трактуемомъ предметѣ. Дѣло въ томъ, что при рѣшеніи вопроса о долѣ, причитающейся отдѣльному члену изъ мірской земли, нельзя руководствоваться только тѣмъ, *измѣнилось или не измѣнилось послѣ послѣдняго передѣла число разверсточныхъ единицъ въ его семьѣ*, такъ какъ изъ одного лишь числа разверсточныхъ единицъ въ семьѣ выдѣляющагося нельзя вывести заключеніе о количествѣ причитающейся ему земли. Для уясненія этого, необходимо обратить вниманіе еще и на то, *не произошло ли измѣненія въ общемъ числѣ разверсточныхъ единицъ данной общины*. Это необходимо, потому что, съ увеличеніемъ числа разверсточныхъ единицъ въ обществѣ, размѣръ надѣла, приходящійся на каждую разверсточную единицу, сокращается. Отсюда ясно: если законъ желалъ быть справедливымъ и дѣйствительно не имѣлъ намѣренія разрѣшать неправильныхъ присвоеній мірской земли, то ему слѣдовало разрѣшать „укрѣпленія“ только тогда, когда происходятъ передѣлы, а не дозволить ихъ въ каждый данный моментъ, по волѣ отдѣльных домохозяевъ. Но инициаторы закона 9 ноября не думали о природѣ тѣхъ сложныхъ хозяйственныхъ отношеній, которыя рѣшились регламентировать, что вполне очевидно изъ объяснительной записки, утверждающей смѣло, будто съ принятіемъ рекомендованнаго ими способа опредѣленія доли выдѣляющагося „совершенно отпадаетъ необходимость въ производствѣ, при каждомъ заявленіи требованія о выходѣ изъ общины, сложныхъ расчетовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе бывають при общихъ передѣлахъ, и самыя эти требованія могутъ быть осуществлены во всякое время“. При подобномъ упрощенномъ отношеніи къ поставленной задачѣ, при руководствѣ только числомъ разверсточныхъ единицъ въ семьѣ выдѣляющагося, разумѣется, безусловно невозможно осуществить на практикѣ того, къ чему какъ будто стремится ст. 3-я, т.-е. невозможно правильное опредѣленіе „причитающагося“ на долю того, кто желаетъ выдѣлиться изъ общины.

VI.

Ст. 3-я закона 9 ноября разрѣшаетъ домохозяину обратиться личную собственность всякій „оказавшійся излишекъ“ земли“, вверхъ причитающейся ему по разверсткѣ. Для такого при-

своемъ излишка требуется лишь уплатить обществу его стоимость, которая опредѣляется „по первоначальной средней выкупной цѣнѣ за десятину предоставленныхъ въ надѣль данному обществу угодій, облагавшихся выкупными платежами“. Благодаря этому постановленію, теряютъ всякое значеніе всѣ эти оговорки объ основаніяхъ разверстки и т. п., какъ будто имѣвшіе въ виду охранить мірскую землю отъ расхищенія. Безъ всякаго сомнѣнія, выходящій изъ общины пожелаетъ присвоить возможно больше земли и воспользуется этой статьёй, дозволяющей укрѣпить въ личную собственность землю на чрезвычайно льготныхъ условіяхъ, по цѣнѣ, которая будетъ гораздо ниже дѣйствительной. Такимъ образомъ, захватъ мірской земли становится не только возможнымъ, какъ это было во времена ст. 165 Пол. о Вык., но онъ теперь даже поощряется закономъ и, разумѣется, будетъ совершаться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Изъ состава общины начнутъ выдѣляться въ разрядъ собственниковъ наиболѣе состоятельные изъ крестьянъ, которые охотно будутъ приобретать мірскую землю по *первоначальной средней выкупной цѣнѣ*. Въ объяснительной запискѣ къ проекту „Положенія о крестьянскомъ землевладѣніи“ высказываются даже пожеланія „предоставить переходящимъ къ личному владѣнію возможность во всѣхъ, безъ изъятія, случаяхъ сохранить за собою состоящее въ ихъ пользованіи количество земли, при условіи уплаты обществу стоимости излишка“. Эту *стоимость* законъ разумѣетъ, какъ уже указано, въ видѣ первоначальной средней выкупной цѣны. Такая цѣна, по словамъ объяснительной записки, представляется справедливою для общества, такъ какъ оно приобрѣло землю именно по этой цѣнѣ и даже за цѣну меньшую. Способъ оцѣнки земли, оправдываемый объяснительной запиской и принятый въ законѣ, самъ по себѣ довольно интересенъ, и, собственно говоря, не заслуживалъ бы возраженій, если бы основныя начала его были усвоены нашимъ законодательствомъ и распространены на всѣ категории землевладѣнія вообще. Но что сказали бы составители закона 9 ноября, если бы при отчужденіи земель частныхъ владѣльцевъ, въ цѣляхъ, скажемъ, увеличенія надѣла сосѣднихъ крестьянъ, было предложено вознаграждать собственниковъ земли, руководясь тѣмъ самымъ принципомъ, по которому законъ разрѣшаетъ теперь каждому домохозяину присвоивать мірскую землю? Разумѣется, ждатель со стороны законодательства согласія на такую расцѣнку и безпристрастнаго отношенія ко всѣмъ видамъ землевладѣнія нельзя, если идея объ отчужденіи земель крупныхъ соб-

ственниковъ за вознагражденіе, рассчитанное по доходности, вызвало цѣлую бурю и обвиненіе чуть не въ насилиі надъ священнымъ правомъ личной собственности. А вотъ съ собственностью коллективной, съ имуществомъ общины, оказывается, позволительно обращаться вполнѣ безцеремонно: отчуждая мірскую землю, — откровенно заявляется въ министерской объяснительной запискѣ, — производить расчетъ по первоначальной выкупной цѣнѣ, позволительно ужъ по одному тому, что эта „первоначальная выкупная цѣна можетъ быть, безъ всякихъ затрудненій, установлена, на основаніи выкупныхъ актовъ“.

Затрудненій для исчисленія можетъ, пожалуй, при этомъ способѣ и не быть, но что при немъ санкціонируется явная несправедливость и открыто нарушаются права общины, права большинства крестьянъ, — это безспорно. Разрѣшая вознаграждать общину за отчуждаемую у него землю по „первоначальной средней выкупной цѣнѣ“, тотъ же законъ 9 ноября устанавливаетъ совсѣмъ иной способъ вознагражденія домохозяина, желающаго выдѣлиться изъ общества. Такъ, ст. 13-я закона опредѣляетъ, что „обществу предоставляется удовлетворить желающаго выдѣлиться домохозяина деньгами, по взаимному съ нимъ соглашенію, а при недостиженіи соглашенія — по оцѣнкѣ, устанавливаемой волостнымъ судомъ“. Но если домохозяинъ не пожелаетъ получить вознагражденія, назначеннаго ему судомъ, если оно покажется ему недостаточнымъ, онъ воленъ отказаться отъ него и въ правѣ продолжать владѣть по-прежнему „укрѣпленными ему въ собственность“ участками. При наступленіи ближайшаго передела, онъ въ правѣ *потребовать выдѣла* себѣ участка къ одному мѣсту, и общество, несмотря на всѣ затрудненія, обязано исполнить это требованіе безъ права удовлетворить выдѣляющагося деньгами. Изъ этого сопоставленія опредѣленія закона очевидно привилегированное положеніе выдѣляющихся домохозяевъ надъ обществомъ, интересы котораго вездѣ и во всемъ приносятся въ жертву интересамъ выдѣляющихся.

Все стремленіе закона 9 ноября направлено къ разрушенію общины и къ индивидуализаціи землевладѣнія. Согласно цитированной деклараціи, прочитанной при открытіи третьей Государственной Думы, правительство должно было взяться за это разрушительное для общины предпріятіе, потому что не могло не дать удовлетворенія врожденному „и у нашего крестьянина чувству личной собственности, столь же естественному, какъ чувство голода, какъ влеченіе къ продолженію рода и т. д...“ А вотъ объяснительная записка минист. внутреннихъ дѣлъ къ проекту „Положе-

нія о крестьянскомъ землевладѣніи“ смотреть на это дѣло совсѣмъ иначе и довольно откровенно заявляетъ, ради чего именно предпринята вся эта работа по „дополненію“ Положенія 19 февраля и для чего требуется разрушеніе общины. Оказывается, что „отсутствіе личной собственности въ надѣльномъ имуществѣ препятствуетъ укрѣпленію въ сельскомъ населеніи правильныхъ взглядовъ на частную собственность вообще. Между тѣмъ, самое существованіе прочнаго и сильнаго государства возможно лишь при такомъ распорядкѣ хозяйственнаго строя, который опирается бы на начала личной частной собственности и на уваженія къ собственности другихъ. Только этимъ путемъ создана будетъ та масса мелкихъ и среднихъ собственниковъ, которая повсемѣстно является сторонникомъ государственнаго порядка, охраняющаго ихъ насущные интересы“. Слѣдовательно, во всей идеѣ правительства опредѣляющимъ являются дѣли такой высшей политики, и онѣ позволяютъ инициаторамъ закона 9-го ноября вполне свободно относиться къ установленнымъ правамъ, не соответствующимъ ихъ идеаламъ. Но неужели позволительно думать серьезно о возможности насажденія чувства законности, отсутствующаго теперь въ нашемъ населеніи чувства уваженія къ собственности другихъ, когда сама власть явно и безцеремонно нарушаетъ законъ и установленное право? Развѣ допустимо, въ самомъ дѣлѣ, предполагать возможность укорененія правового порядка тамъ, гдѣ господствуютъ исключительно произволъ и усмотрѣніе, гдѣ нѣтъ никакихъ законныхъ гарантій и устойчивости права?

Въ дѣйствительности, всѣ эти слова о правѣ, о законности остаются только словами, и объ осуществленіи ихъ въ жизни, конечно, никто не помышляетъ. Убѣдительнымъ свидѣтельствомъ этому служить уже одно то, что возникающія между общиною и выдѣляющимися членами недоразумѣнія восходятъ на рѣшеніе земскаго начальника, „который разбираетъ по существу всѣ возникающіе при этомъ споры и объявляетъ свое по сему предмету постановленіе“. Объявлять свое постановленіе по важнѣйшимъ и сложнымъ вопросамъ хозяйственной жизни призывается тотъ агентъ власти, который признанъ для такой роли судьи безусловно непригоднымъ, и который послѣ 17-го октября, въ совершенномъ несоответствіи своихъ функцій съ возвѣщенными правами, долженъ былъ бы прекратить вредное существованіе свое. Оказывается, онъ оживаетъ теперь въ проектѣ „Положенія о крестьянахъ“, и подъ именемъ „участковаго комиссара“ будетъ по-прежнему исполнять роль безконтрольнаго опекуна надъ

сельскимъ населеніемъ, имѣющимъ оставаться и впредь классомъ неполноправнымъ. Къ такому результату сводятся въ концѣ концовъ намѣренія правительства „принять всѣ мѣры къ возможно полному уравниенію крестьянъ съ остальнымъ населеніемъ Имперіи и къ распространенію на нихъ дѣйствія общихъ законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, а также объ управленіи и судѣ“.

Послѣ изданія закона 3 іюня 1907 г., правительство, очевидно, какъ бы забыло объ обѣщаніяхъ своихъ, данныхъ лишь въ виду 17 октября и въ предположеніи, что „уравниеніе крестьянскаго населенія съ прочими классами въ отношеніи политическомъ“ осуществлено уже. Но развѣ такое предположеніе не осуществилось, все остается въ деревнѣ по старому—и въ отношеніи суда, и въ отношеніи управленія. При такихъ условіяхъ, задуманный инициаторами закона 9 ноября процессъ разложенія общины долженъ пойти довольно быстрымъ ходомъ, и разладъ, который вноситъ законъ въ сельскую среду, приметъ, вѣроятно, самыя угрожающіе размѣры. Поощряемое къ расхищенію общественнаго имущества, крестьянство прямо приглашается къ разрушенію прежнихъ устоевъ сельской жизни. Но изъ распри односельчанъ, изъ состоянія безправія и хаоса, которое обречена пережить въ ближайшіе годы наша деревня,—развѣ отсюда можно ждать иныхъ послѣдствій, кромѣ сильнѣйшихъ потрясеній всего общественнаго организма и неисчислимаго ущерба для народнаго хозяйства?

А. Посниковъ.

МИНИИ

ПОВЕСТЬ АНДРЕ ЛИХТЕНБЕРЖЕ.

— „Minnie“, par André Lichtenberger. Paris, 1907.

Окончаніе.

IV *).

Каждое утро въ одиннадцать безъ четверти часовъ, если только позволяла погода, Минни ходила гулять пѣшкомъ въ сопровожденіи м-ле Ноэми.

Такой порядокъ установленъ былъ крѣстною, любившею, чтобы все дѣлалось въ свое время. Самой Минни онъ не особенно улыбался, — она предпочитала руководствоваться своею фантазіей, и потому ей не разъ случалось запаздывать. Лишь за послѣдніе дни она сдѣлалась аккуратна, такъ аккуратна, что даже сама спрашивала: не пора ли одѣваться? Въ прежнее время ей случалось роптать на однообразіе окрестностей улицы Вареннъ; теперь она съ милою готовностью совершала прогулку до бульвара Инвалидовъ, держась правой стороны троттуара, и затѣмъ сворачивала направо — до небольшого, примыкающаго къ отелю свѣра. Тамъ м-ле Ноэми садилась, а Минни разрѣшалось забавляться по усмотрѣнію.

Что вызывало такую пунктуальность у Минни, склонной къ нарушенію всякихъ постановленій? Крѣстная приписывала такой прогрессъ насаждаемому ею духу дисциплины и порядка, но крѣстная была плохую наблюдательницею.

*) См. выше: апрѣль, стр. 647.

На улицѣ Вареннѣ помѣщался пансіонъ Ворнажъ, предназначенный для дѣтей обоого пола; тамъ они получали строго демократическое, чуждое всякой религіозности воспитаніе. Г. Ворнажъ былъ роднымъ братомъ извѣстнаго социалиста изъ Гренелля, автора „Руководства гражданина“. Онъ былъ женатъ гражданскимъ бракомъ на дѣвицѣ Аршамбъ, дочери политическаго изгнанника, и этимъ объясняется тотъ фактъ, что депутатъ Пэбордъ довѣрилъ ему воспитаніе дочери своей Софѣ и сына Максимилиана. Каждое утро кухарка, отправляясь за провизіей, провожала ихъ до дверей пансіона, а въ одиннадцать часовъ молодая особа, совмѣщавшая въ себѣ няньку и портниху (г-жа Пэбордъ очень заботилась о своихъ туалетахъ), приходила за ними въ сопровожденіи маленькаго Лулу. Въ видѣ отдыха отъ умственныхъ занятій, она посѣщала съ дѣтьми скверъ дома Инвалидовъ, гдѣ можно было дѣлать наблюденія по части сравнительной любезности молодыхъ воиновъ разныхъ родовъ оружія и бодрящихся инвалидовъ, сохранившихъ рыцарскія традиции старой Франціи.

Итакъ, Минни и m-ле Ноэми случалось почти ежедневно обгонять на лѣстницѣ или на троттуарѣ юнаго Луи съ его нянькой; спустя нѣкоторое время, дѣти стали встрѣчаться въ скверѣ, гдѣ играли въ различныя игры, раздѣленные весьма небольшимъ пространствомъ. Такія совпаденія должны были къ чему-нибудь привести.

Не подумайте, что Минни ослушалась крѣстную и вступила съ сосѣдями въ преступныя сношенія! Но вѣдь и строго придерживаясь нейтралитета, не возбуждается обмѣниваться поклонами.

Минни каждое утро поглядывала на дѣтей Пэбордъ, дѣти Пэбордъ — на Минни.

Сначала Минни дѣлала это не безъ страха.

„Анаеема“, тяготѣвшая надъ „этими людьми“, уклончивыя объясненія m-ле Ноэми, выраженіе „истребители священниковъ“, понятное ея буквально — остерегали ее отъ сближенія съ такою семьею. Но, узнавъ настоящій смыслъ страшнаго слова, она осмѣлѣла, и ея наблюденія приняли болѣе независимый характеръ. Вскорѣ у нея сложилось мотивированное сужденіе о потомствѣ „этихъ людей“.

M-ле Софѣ Пэбордъ была дѣйствительно, по выраженію Оразѣ, дрянной дѣвчонкой. По причинѣ ли презрѣнія, выражаемаго г-жею Пэбордъ по адресу „старой ханжи“, вслѣдствіе ли идей равенства, прививаемыхъ въ пансіонѣ, но m-ле Софѣ Пэ-

бордъ поставила себѣ долгомъ выказывать своей современницѣ полнѣйшее пренебреженіе, освободивъ себя отъ аристократическаго предрасудка вѣжливости. Она успѣвала въ этомъ посредствомъ показыванія Минни языка и случайныхъ толчковъ локтемъ при встрѣчѣ. Въ сверѣ она громогласно заявляла, что терпѣть не можетъ кривлякъ, которыя таращатъ глаза на другихъ.

Сама Софї была худенькая, сухая дѣвочка, неуклюжая, съ нездоровымъ цвѣтомъ лица и острыми глазками; она нуждалась въ лучшемъ воздухѣ и большихъ заботахъ, чѣмъ тѣ, какія она видѣла со стороны своей матери, поглощенной визитами и свѣтскими обязанностями, выпадающими на долю парижанки изъ Аржежа.

Софї Пэбордъ была однихъ лѣтъ съ Минни, но чуть не на голову ниже ея. И она завидовала ей со всею озлобленностью болѣзненнаго существа. Полныя розовыя щеки Минни были укоромъ ея блѣдной кожѣ. Даже очень простыя, но хорошо сшитыя платья Минни—словно подчеркивали безвкусіе сложныхъ „костюмчиковъ“, выкраиваемыхъ для Софї г-жею Пэбордъ изъ своихъ обносокъ. Но она не переставала наблюдать за Минни исподтишка и, быть можетъ, втайнѣ надѣялась, что ближайшее знакомство дастъ ей случай чѣмъ-нибудь „уязвить“ Минни.

Чувства мальчиковъ были совсѣмъ другія, въ особенности—со стороны соименника Робеспьера. Максъ былъ старше Минни на годъ, но почти одного роста съ нею. Стройный, худенькій мальчикъ, съ тонкими, но неправильными чертами былъ бы почти некрасивъ, если бы не чудные темные глаза его, которыми онъ смотрѣлъ на жизнь—уже теперь зачастую его удивлявшую и печалившую. Они впервые раскрылись подъ яркимъ солнцемъ юга, и съ переселеніемъ въ сѣрый Парижъ эти глаза подернулись тѣнью. Съ тѣхъ поръ они многое видѣли: пансіонъ Ворнажъ съ педантами-учителями, шалунами-школьниками, потѣшающимися надъ его южнымъ акцентомъ. Въ сумрачной квартирѣ они видѣли отца, разглагольствующаго о правахъ человѣка, и мать съ выкрашенными въ рыжій цвѣтъ волосами и намазанными губами, требующую даровыхъ мѣстъ въ оперу. Во время долгихъ вечеровъ, глядя на мокрые троттуары, сѣрое небо, сѣрые дома, глаза эти видѣли въ мечтахъ солнце, просторъ, красоту, радость...

Однажды Максъ возвращался изъ пансіона усталый, съ тяжестью на сердцѣ, съ угнетеннымъ духомъ. И въ то время какъ онъ медленно поднимался по лѣстницѣ, онъ услышалъ таковой свѣжій, веселый взрывъ смѣха, что даже вздрогнулъ. Навстрѣчу

ему спускалась бѣленькая и ровенькая маленькая фея, подпрыгивавшая какъ птичка-щобетунья.

Его темные глаза быстро опустились, но они уже были полны ею. Максъ прижался къ стѣнѣ и нѣсколько неловко, но съ милой учтивостью снялъ свою фуражку. Минни кивнула ему, и сама крѣстная обратила вниманіе на блѣдное личико мальчика.

Съ этого дня Максъ ежедневно думалъ, засыпая: „Увижу ли я завтра эту дѣвочку?“ Просыпаясь онъ также съ мыслью о ней. Сидя на грязной школьной скамьѣ, онъ продолжалъ о ней думать, не слышалъ вопросовъ, отвѣчалъ невпопадъ. Его бранили, наказывали, но онъ, оставаясь во всему равнодушнымъ, ждалъ лишь часа выхода. Наконецъ часъ наступалъ. Не обращая вниманія на приставающаго Софѣ, онъ еле здоровался съ Лулу, глаза его блуждали по троттуарамъ; наконецъ онъ съ облегченіемъ вздыхалъ: онъ видѣлъ Минни, которая тоже его узнавала. Онъ кланялся, она отвѣчала на его поклонъ. Онъ краснѣлъ и блѣднѣлъ, сердце его сжималось сладкою болью...

Придя въ северъ, онъ бралъ книгу или дѣлалъ видъ, что играетъ съ Лулу, но у него была одна мысль. Уголькомъ глаза онъ слѣдилъ за движеніями Минни, онъ восхищался ея граціей; ея жемчужный смѣхъ ласкалъ его ухо. Воображеніе его рисовало ему необыкновенныя картины. Вотъ онъ выносить на рукахъ бѣлокурую дѣвочку изъ пылающаго дома...

Въ дѣйствительности онъ не смѣлъ подняться со скамьи и подойти къ ней. Онъ истиннѣе чувствовалъ классовую рознь и сознавалъ—еще не измѣривъ ее—бездну, отдѣлявшую его отъ этой маленькой дѣвочки, жившей въ первомъ этажѣ.

Но Лулу, болѣе чуждый современнымъ теченіямъ, былъ веселымъ бутузомъ, не задававшимся никакими философскими вопросами. Какъ-то разъ, при спускѣ съ лѣстницы, онъ, потерявъ равновѣсіе, упалъ прямо подъ ноги Минни. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ расплакаться, она подняла его и всунула ему въ ротъ конфетку. Съ тѣхъ поръ Лулу влюбился въ Минни. Не заботясь о политической и .соціальной розни, онъ издали посылалъ ей привѣтствія и за ея сдержанными отвѣтами чувствовалъ поощреніе. Даже ужасъ, внушаемый г-жей Птицей (такъ называлась у Пэбордъ m-lle Ноэми); былъ невластенъ удержатъ его. Пользуясь бесѣдою своей няни Алисы съ какимъ-нибудь бравымъ военнымъ, онъ посылалъ Минни улыбки и знаки привѣтствій. Ранѣе чѣмъ Алисѣ удавалось призвать его къ порядку, онъ успѣвалъ передать своей приятельницѣ сувениръ въ видѣ зеленого

листа или гладкаго бѣлаго камешка и получить въ обмѣнъ даръ болѣе цѣнности: мячикъ, лакомство, картинку.

Софи какъ-то хотѣла отнять у него шоколадину, подъ предлогомъ, что она отравлена; Лулу разревѣлся, Максъ вступился за него и назвалъ сестру дурой, а Минни издаലെка видѣла эту сцену.

Такимъ образомъ, между Минни и дѣтьми Пэбордъ поне-многу завязывались еще невидимыя покуда нити. Взгляды все учащались, улыбки дѣлались смѣлѣе и Лулу становился все предприимчивѣе. Это должно было неминуемо привести къ катастрофѣ.

Почему же m-lle Ноэми сразу не положила всему конецъ?

Увы, совѣсть ея разрывалась пополамъ. Она уже предлагала Минни другія мѣста для прогулокъ, но та рѣшительно отклонила предложеніе. Вѣдь крѣстная не запрещала ей ходить въ скверъ Инвалидовъ. Она не приказывала также избѣгать дѣтей Пэбордъ. Минни формально была права.

Она попыталась было спросить у крѣстной болѣе точныхъ инструкцій, но та съ перваго же слова прервала ее, повторивъ свои первоначальныя предписанія. M-lle Ноэми не нравилось угловатое, нахмуренное лицо Софи, но прекрасные глаза Макса смягчили ее, а за послѣднее время бутузъ Лулу, вмѣсто того, чтобы показывать ей языкъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые дѣти, началъ улыбаться ей—еще застѣнчиво и робко. Было бы жестоко оттолкнуть его. И Минни опечалится. Она пожалуй разлюбитъ m-lle Ноэми.

Дни проходили; она возлагала надежды на Провидѣніе и на какую-нибудь случайность, которая развяжетъ этотъ узелъ.

Такъ и произошло, но случайность эта оказалась совсѣмъ особаго рода.

Въ это утро Минни, бросивъ обручъ, занялась своею куклой, но постоянно поглядывала въ сторону дѣтей Пэбордъ. Ихъ бонна, у которой было какое-то неотложное дѣло съ драгуномъ, отлучилась на нѣсколько минутъ, велѣвъ имъ „быть умниками“.

Нѣсколько минутъ затаились. Максъ держалъ въ рукахъ грамматику, но видѣлъ одну Минни; Софи наряжала свою куклу, но находила, что кукла у Минни лучше. Лулу восхищался собачкой изъ розоваго картона, подаренной ему любезнымъ драгуномъ. Онъ показывалъ ее Максу и Софи, но ихъ восхищеніе не удовлетворило его; онъ захотѣлъ показать собачку и Минни; m-lle Птица показала ему сегодня разсѣяннѣе обыкновеннаго, и Лулу съ бьющимся сердцемъ подошелъ къ Минни и поло-

жаль ей на колѣни свою игрушку. Она взяла ее и стала вертѣть во всѣ стороны, выражая мимикою свое восхищеніе, а затѣмъ сдѣлала Лулу знакъ удалиться, указавъ ему на м-ше Ноэми, которая можетъ замѣтить его. Лулу убѣждалъ, прижимая собачку къ сердцу, и поспѣшилъ повѣдать о своемъ подвигѣ Максу, видѣвшему эту сцену. Максъ улыбнулся, и глаза его встрѣтились съ глазами Минни, которая тоже улыбалась. Лулу повторилъ нѣсколько разъ ту же протѣлку, не замѣченный м-ше Ноэми, совершенно погрузившейся на этотъ разъ въ чтеніе. Онъ перебѣгалъ отъ Минни къ Максу. Между голубыми и темными глазами установился учащенный обмѣнъ взглядовъ. Даже Софи заинтересовалась происходившимъ.

Но, вотъ, произошла драма. Шаркая ногами по песку, съ руками, засунутыми въ карманы, передъ дѣтьми появился хулиганъ лѣтъ двѣнадцати, который, замѣтивъ игрушку Лулу, недолго думая, поднялъ ее и сунулъ къ себѣ подъ мышку. Лулу такъ и остался съ разинутымъ ртомъ, но Максъ, поднявшись со скамейки, потребовалъ отъ похитителя, чтобы тотъ вернулъ Лулу его собственность. Мальчишка, посмѣиваясь, пожалъ плечами и, замѣтивъ, что въ скверѣ никого не было, кромѣ дѣтей и м-ше Ноэми, уткнувшей носъ въ книгу, онъ ловкимъ ударомъ сбилъ съ Макса фуражку, а когда тотъ кинулся на него, подставилъ ему ногу. Софи пронзительно закричала и закрыла лицо руками, но Минни, съ быстротою молніи схвативъ палочку отъ обруча, принялась энергично колотить ею по затылку и плечамъ нападающаго. Тотъ, съ изумленіемъ обернувшись, ударилъ ее кулакомъ прямо по лицу, такъ что она пошатнулась.

М-ше Ноэми, замѣтившая наконецъ, что дѣлается нѣчто неладное, подбѣжала съ крикомъ; прохожіе стали останавливаться... Къ мѣсту происшествія быстрыми шагами подходилъ городской сержантъ...

У крѣстной затекли пальцы, она отложила вязанье и стала, какъ всегда, думать о Минни. Бѣдная крошка! Добрый Морисъ описывалъ ее нѣсколько упрямою, буйною дѣвочкою, съ которою порою трудно бываетъ справляться. Какъ легко въ сущности ладить съ дѣтьми! Вѣдь они—мягкій воскъ, лѣпи изъ нихъ что хочешь! Какъ скоро привыкла Минни къ этой нѣсколько однообразной для нея жизни, какъ легко отказалась отъ своей дикой фантазіи подружиться съ дѣтьми Пѣбордъ! Только бы она не скучала, не чувствовала себя несчастною возлѣ крѣстной! Но она смѣется и возится цѣлый день. Вотъ только по вечерамъ...

Вдругъ крѣстная вздрогнула. Взоръ ея упалъ на часы: двѣнадцать съ половиною! М-ше Ноэми отличалась точностью хронометра. Отчего Минни не вернулась? Испугъ крѣстной принялъ опредѣленную форму. Что если автомобиль?.. Она уже подошла къ окну, но тутъ раздался звонокъ; она вздохнула съ облегченіемъ и обернулась къ двери съ тѣмъ, чтобы слегка пожурить запоздавшихъ, но остановилась, пораженная неожиданнымъ зрѣлищемъ.

М-ше Ноэми, блѣдная, дрожащая, въ шляпкѣ набоку, съ какой-то идиотскою улыбкою на губахъ—казалась воплощеніемъ ужаса. Рядомъ съ нею Минни затыкала себѣ носъ окровавленнымъ платкомъ, глазъ у нея былъ подбитъ, щека посинѣла. Крѣстная всплеснула руками.

— Боже мой! Что случилось?

Губы м-ше Ноэми такъ дрожали, что она залопотала нѣчто безсвязное. Но Минни прервала ее, рѣчь ея полилась потокомъ. Пусть крѣстная не думаетъ, что она не послушалась. Она и не думала дружить съ дѣтьми Пэбордъ, но когда этотъ гадкій мальчишка бивулся на Макса, она не могла выдержать, не могла... Это было бы визко.

Крѣстная, ничего не понимая, предложила ей прежде всего умыться и приложить компрессъ, но Минни не была вѣженею. Шишка на глазу—пустяки. Она хочетъ прежде всего рассказать, какъ все было.

Мало-по-малу крѣстная уяснила себѣ сущность дѣла. Минни вступилась за слабѣйшаго, это—въ духѣ традицій старой Франціи. Въ виду врага всякія внутреннія несогласія должны прекратиться. Минни хорошо поступила.

Минни бросилась на шею крѣстной и такъ крѣпко обняла ее, что та застонала. Затѣмъ она побѣжала къ выходу, обернулась еще разъ у двери съ восклицаніемъ:—Я расскажу вамъ, какой Максъ храбрый!—и вновь пустилась бѣгомъ къ Мелани, чтобы рассказать ей о своемъ приключеніи и привести себя въ порядокъ.

Оправившись отъ волненія первой минуты, крѣстная обратилась къ м-ше Ноэми за разъясненіями. Какимъ образомъ очутилась Минни по сосѣдству съ дѣтьми Пэбордъ? Вѣдь м-ше Ноэми были извѣстны намѣренія крѣстной. Какъ же она допустила такую близость?

У м-ше Ноэми подошлись ноги. Съ тѣхъ поръ, какъ, семь лѣтъ тому назадъ, ее чуть-чуть не переѣхалъ омнибусъ, она ни разу не испытывала такого потрясенія. Но она собралась съ

силами и храбро изложила факты. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ Минни и дѣти Пэбордъ видатся. Ей слѣдовало бы не допускать этихъ встрѣчъ, но Минни такъ дорожила ими! Это правда, что она не играла съ дѣтьми. М-ле Ноэми не смѣла положить этому конецъ, опечалить Минни, не получивъ предварительно прямого на этотъ счетъ распоряженія. Она просила маркизу дать ей опредѣленные указанія, но она ихъ не получила. Никогда не ожидала она подобной катастрофы. Минни не долго прогостить у нихъ, не хотѣлось огорчать дѣвочку передъ отъѣздомъ... Конечно, она была неправа. Она—въ отчаяніи.

Крѣстная молчала. Чувство справедливости было ей присуще. Безъ сомнѣнія, м-ле Ноэми была слаба, но и она сама виновата. Крѣстная проговорила смягченно:

— Успокойтесь, mademoiselle. Я сознаю, что положеніе ваше было трудное. Если ваша любовь къ Минни привела васъ къ излишней снисходительности, я не могу васъ въ этомъ упрекать.

Сердце м-ле Ноэми растаяло отъ признательности. Крѣстная заключила:

— Надѣюсь однако, что знакомство это дальше не пойдетъ.

Она сдѣлала знакъ, что разговоръ оконченъ, но м-ле Ноэми собралась съ мужествомъ. Завтра Минни пожелаетъ идти въ северъ. Она встрѣтитъ тамъ дѣтей. Естественно, что послѣ всего происшедшаго они пожелаютъ обмѣняться впечатлѣніями. Какъ быть?

Крѣстная недовольно выпятила губу. Право, м-ле Ноэми слѣдовало бы повясть... Какихъ она хочетъ приказаній? Съ одной стороны—нельзя дочери Мориса съ ними знаться, а съ другой...

— М-ле Ноэми, я еще разъ обращаюсь къ вашему такту и осторожности. Нужно насколько возможно ограничить эти сношенія. Нельзя огорчать Минни, запретивъ ей разговаривать съ этими несчастными дѣтьми. Словомъ, я полагаюсь на васъ и желаю повуда забыть о такомъ непріятномъ предметѣ.

Ничего опредѣленнаго, но сухой тонъ крѣстной не допускалъ разспросовъ, и м-ле Ноэми, понуривъ голову, поплелась осматривать носъ и глазъ Минни.

Дни проходили, и м-ле Ноэми переходила отъ компромисса къ компромиссу.

На другой день битвы Лулу прямо кинулся въ объятія Минни. Краснѣя и блѣднѣя, Максъ подошелъ къ дѣвочкѣ, поблагодарилъ

ее за помощь и освѣдомился: не очень ли болитъ у нея носъ? Минни отвѣчала, что носъ уже не болитъ, это пустыя. А не потерялась ли розовая собачка? Нѣтъ! Луду принесли ее, и, припоминная обстоятельства боя, они удостовѣрились въ томъ, что она, дѣйствительно, не пострадала.

Жестово мучившаяся укорами совѣсти въ теченіе часа, м-лле Ноэми увела Минни пятью минутами ранѣе обыкновеннаго, но, уходя, Минни крикнула:

— До завтра!

Всю ночь м-лле Ноэми молила Бога, чтобы пошелъ дождь, но молитва ея не исполнилась. Она предложила пройтись въ Елисейскія-Поля, но Минни рѣшительно возразила:

— Мои друзья ждутъ меня!

Она такъ бѣжала, что м-лле Ноэми едва поспѣвала за нею. Они встрѣтились самымъ дружескимъ образомъ; даже сумрачное лицо Софи нѣсколько прояснилось, такъ какъ Минни подарила серьги ея куклѣ.

За обѣдомъ Минни не скупилась на подробности, и крѣстная не рѣшалась обрывать ее, такъ какъ сама всегда требовала, чтобы Минни все рассказывала ей. Она узнала, что Софи не такая противная, какъ кажется; ее только очень смѣшно одѣваютъ. Максъ былъ бы совсѣмъ прелестъ, если бы только былъ повеселѣе. Онъ—первый ученикъ и, на-дняхъ, чуть не плакалъ оттого, что оказался четвертымъ. Она забыла какой-то эпизодъ изъ исторіи Жанны д'Аркъ, и Максъ рассказалъ ей все, какъ по книгѣ.

Значитъ, душа этого ребенка еще не совсѣмъ погибла? Крѣстная призналась, что Максъ показался ей серьезнымъ, учтивымъ мальчикомъ, и Минни просіяла. Крѣстная стала спрашивать сидѣвшую какъ на угольяхъ м-лле Ноэми о дѣтяхъ. Можетъ быть, они не такъ неблаговоспитанны, какъ это могло быть? М-лле Ноэми поспѣшила отвѣтить. Конечно, они не получили настоящаго христіанскаго и дворянскаго воспитанія, въ особенности—дѣвочка, но есть и монастырки, которыя не лучше держатся. А старшій мальчикъ—прямо очарователецъ, если можно такъ выразиться, и bebé—прелестное дитя.

Крѣстная неопредѣленно повела подбородкомъ. У нея явилось искушеніе сложить оружіе и сказать Минни и м-лле Ноэми:

— Хорошо. Пусть будетъ такъ, я на все согласна, пусть только Минни не случаетъ и ничего не таитъ отъ меня!

М-лле Ноэми смутно подозрѣвала объ этой борьбѣ и ждала разрѣшающаго слова...

Крѣстная машинально взяла клерикальную газету и стала перелистывать ее. Вдругъ глаза ея округлились. Увы!

Вчера въ палатѣ депутатовъ Пэбордъ произнесъ рѣчь на тему объ изгнаніи сестеръ милосердія. Самъ перстъ Господень, очевидно, указалъ крѣстной на эти строки. Она отмѣтила ихъ ногтемъ и передала м-ле Ноэми съ сухимъ замѣчаніемъ:

— Вы понимаете, почему я не желаю, чтобы Минни дружилась съ дѣтьми этого человѣка?

На слѣдующій день м-ле Ноэми, подъ предлогомъ покупокъ, рѣшительно отказалась вести Минни въ скверъ, и та отнеслась къ этому съ такою поворностью, что ей стало стыдно. Когда, черезъ день, онѣ все-таки пришли въ скверъ, то нашли тамъ дѣтей Пэбордъ мрачными и молчаливыми.

Максъ сидѣлъ блѣдный, съ блуждающимъ взоромъ; Софи думалась и даже круглое личико Лулу было печально. При появленіи Минни лица ихъ мгновенно просвѣтлѣли, словно озаренныя солнцемъ. Лулу кинулся къ ней, Софи улыбнулась, а Максъ сдѣлалъ такую гримасу, что Минни изумленно спросила его:

— Что съ вами?

И онъ, удерживаясь отъ слезъ, сказалъ:

— Я боялся, что вы заболѣли!

М-ле Ноэми, терзаемая угрызениями совѣсти, отвернулась.

Черезъ минуту взрывъ веселья наполнили скверъ; Минни явилась въ роли благодѣтельной феи, превратившей однимъ маховеніемъ жезла тронхъ анемичныхъ, старообразныхъ созданій въ тронхъ смѣющихся дѣтей съ розовыми щеками. Придумываемыя ею игры отличались особеннымъ интересомъ и оживленіемъ. Она казалась олицетвореніемъ жизни и весны. Увлеченныя ея примѣромъ, наэлектризованныя, поздоровѣвшія дѣти Пэбордъ кружились вокругъ нея, какъ мошки въ солнечныхъ лучахъ.

Два дня спустя, м-ле Ноэми рѣшила, однако, что пора дѣйствовать. Вчера, вмѣсто того чтобы играть, Минни и Максъ прогуливались цѣлые полчаса подъ-руку. Минни оживленно о чемъ-то рассказывала ему. Максъ выслушивалъ ее, соглашался. На прощанье, они обмѣнялись многозначительнымъ взглядомъ. М-ле Ноэми содрогнулась. Ночью у нея былъ ужасный кошмаръ: она видѣла колоссальныхъ размѣровъ краснолицаго мѣра въ красномъ колпакѣ и трехцвѣтномъ шарфѣ, соединившаго гражданскимъ бракомъ Минни съ Максимилианомъ Пэбордъ. Позади новобрачныхъ вальсировалъ франмасоновъ плясалъ карманьолю, потрясая пивками, на которыя были воткнуты головы монаховъ и кюрэ...

Съ этого дня м-ле Ноэми начала стараться о томъ, чтобы

сокращать минуты свиданій въ скверѣ или совсѣмъ не приходило туда, и Минни съ удивительной готовностью покорялась ея распоряженіямъ. Но она ежедневно проводила часа два въ своей комнатѣ за писаніемъ и изготовленіемъ какихъ-то маленькихъ паветиковъ.

Сама крѣстная замѣтила эту переѣву и удивилась благоразумію Минни. Какъ-то, вечеромъ, она зашла къ ней въ то время, какъ Минни примѣрала въ комнатѣ Мелани передники. Она воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы разспросить м-ше Ноэми.—Что означаетъ спокойствіе Минни?—М-ше Ноэми разспалась въ похвалахъ благоразумію дѣвочки, но, къ ея удивленію, крѣстная разсѣяннo слушала ее.

— Увѣрены ли вы въ томъ, что они не видятся?—спокойно спросила вдругъ крѣстная.

М-ше Ноэми раскрыла-было ротъ для отвѣта, но крѣстная подняла руку. Ея указательный палецъ указывалъ на открытое окно. Передъ нимъ покачивалась веревочка, къ которой были привязаны розовая собачка и—письмо въ запечатанномъ конвертѣ.

М-ше Ноэми глядѣла попереѣнно то на розовую собачку, то на крѣстную, на губахъ которой обрисовалась насмѣшливая улыбка. Они устроили тайную почту!

Вотъ почему Минни такъ уединяется въ своей комнатѣ и столько пишетъ!

М-ше Ноэми беспомощно сложила руки и пробормотала:

— Что дѣлать?

Крѣстная указала на отчаянно подпрыгивавшихъ въ воздухѣ собачку и письмо.

— Прежде всего отвяжите это,—не то они упадутъ изъ окна.

М-ше Ноэми повиновалась. Веревочка исчезла. Что дѣлать съ конфискованными предметами?

Въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ м-ше Ноэми, крѣстная сдѣлала знакъ, чтобы она положила ихъ на столъ. Затѣмъ она проговорила полугрустно, полунасмѣшливо:

— М-ше Ноэми, не къ чему бороться противъ неизбежнаго. Бомарше, который далеко не былъ глупъ, не даромъ написалъ „Севильскаго цирюльника“. Тамъ молодежькая Розина дурачить стариковъ. Не будемъ разыгрывать роль Бартоло. Только пускай все это останется между нами,—поспѣшно прибавила она, слышавъ легкіе шаги Минни.

М-ше Ноэми поняла, что нужно было скрыть истину отъ дяди Гуфа.

Недѣли двѣ тому назадъ, Минни открылась дядѣ Гуфу; она

пожаловалась ему на то, что крестная не позволяет ей играть съ дѣтьми Пэбордъ, и дядя Гуфъ, вспомнивъ милостивое разрѣшеніе крестной, позволилъ себѣ намекнуть ей, что послѣдствія такихъ встрѣчъ могли бы и не имѣть тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, которыхъ она опасалась. Но она выпрямилась въ своемъ креслѣ съ такимъ видомъ, что у него перехватило голосъ, и хотя онъ уже болѣе не осмѣливался возвращаться къ этому предмету, но чувствовалъ, что она еще не простила ему его дерзкаго выступления.

И вотъ, какъ-разъ въ эту минуту, Мелани доложила ей о приходѣ дяди Гуфа.

Еще никогда она не была съ нимъ такъ суха, такъ недоступна, такъ безжалостно не казнила „соціалистовъ“, „интернаціоналовъ“, вѣшность которыхъ такъ же вульгарна, какъ ихъ душа, людей безъ вкуса, любящихъ кричаще цвѣта (у дяди Гуфа были какъ-разъ надѣты желтыя ботинки и красный галстукъ). Она такъ загоняла его, что онъ уже не смѣлъ поднимать глаза на портретъ Клары-Анжелики, и втайнѣ сожалѣлъ объ участи Минни. Могъ ли онъ подозрѣвать, что въ эту самую минуту она склонялась къ постыдной капитуляціи?

Совершилось! Минни утопала въ блаженствѣ; между нею и дѣтьми Пэбордъ, съ согласія крестной, завязались узы дружбы, столь же вѣчной, какъ все земное.

Въ глазахъ восхищеннаго Лулу она окончательно превратилась въ фею, раздающую ласки и лакомства; даже завистливая, злая Софи должна была удерживаться отъ всякихъ враждебныхъ демонстрацій по адресу Минни, а Максъ отдалъ ей всю свою печальную и страстную душу.

Минни оказалась центромъ всѣхъ помысловъ.

Даже г-жа Пэбордъ не разъ высказывала за завтракомъ опасеніе: удобно ли дѣтямъ видѣться съ этою жеманницей? Но самъ Пэбордъ, добродушный оптимистъ, потрясая своею запачканною въ яичномъ желткѣ бородою, протестовалъ благожелательнымъ тономъ. У него осталось въ памяти лучезарное личико Минни, не внушавшее, повидимому, никакихъ опасеній. Наконецъ, онъ вѣрилъ въ заразительность демократическихъ идей; быть можетъ, общество его дѣтей послужитъ на пользу этой дѣвчкѣ? И онъ излагалъ женѣ тезисы своей новой рѣчи, но г-жа Пэбордъ не слушала его. Втайнѣ ей льстила дружба ея дѣтей съ внучкою старой аристократки, и затѣмъ ея глаза тревожно останавлива-

лись на стрѣлѣ часовъ: что, если тамъ, въ улицѣ de l'Arc, ея маленькій Жоржъ сердится на то, что она запоздала?

Ни съ той, ни съ другой стороны не было, однако, ничего похожаго на прозелитизмъ. Для Минни слова: „представитель народа, парламентъ“ — не имѣли реального значенія. Палата рисовалась ей въ видѣ огромной комнаты для игръ, предназначенной для взрослыхъ людей, спорящихъ, кричащихъ, старающихся подловить другъ друга на чемъ-то.

Однажды она сказала Максу:

— Надѣюсь, что ты не будешь депутатомъ? Стыдно мужчинѣ ничего не дѣлать.

Однако, рассказы ея друзей дали ей матеріалъ для забавныхъ игръ. Ночное засѣданіе, напримѣръ. Дулу забирался на столъ и оглушительно звонилъ колокольчикомъ, между тѣмъ какъ другіе орали, грозили ему кулакомъ, топали ногами. Играли въ запросы, въ паденіе министерства...

Время отъ времени она получала письма отъ папы съ мамой, а чаще всего крестная рассказывала ей о томъ, что они пишутъ. Они уже поселились въ чудной странѣ, гдѣ живутъ турки, гдѣ легкіе „кайки“ разсѣкаютъ воды Золотого-Рога. И волшебное солнце озаряетъ море, самое названіе котораго кажется лучезарнымъ: Босфоръ! Они еще не совсѣмъ устроились, но приближается время, когда Минни можетъ пріѣхать къ нимъ.

Минни хотѣлось поскорѣ увидѣть ихъ. Конечно, она обожаетъ крестную, m-lle Ноэми, Парижъ и дѣтей Пэбордъ, но, разумѣется, маму съ папой она любитъ больше, и все невѣдомое пріятнѣе ей, чѣмъ то, что она уже знаетъ.

Въ отвѣтъ на убѣжденные слова Макса, что Парижъ — лучший городъ въ мірѣ, Минни качала головою. Она не умѣетъ ему объяснить. Для нея Парижъ былъ и слишкомъ великъ, и слишкомъ малъ. Слишкомъ великъ по своимъ размѣрамъ, множеству людей и домовъ, и слишкомъ малъ по сравненію съ тѣмъ, что рисовала ей неутомная фантазія. Она походила на варваровъ, шедшихъ на завоеваніе Рима въ ожиданіи другихъ завоеваній. Она любила шумныя, буйныя игры. Порою она казалась Максу полудикаркою и вмѣстѣ съ тѣмъ — высшимъ существомъ. Онъ отдавался ей весь, но она не дарила ли ему свою дружбу, какъ милостыню? На его вопросъ: „Ты рада будешь уѣхать?“ — она отвѣтила такъ пылко: „О, да!“ — что онъ не былъ въ состояніи произнести ни слова.

V.

Минни сидѣла за письмомъ къ папѣ. Будучи проворна на языкъ, она не легко владѣла перомъ, которое, какъ на зло, царапаетъ бумагу, дѣлаетъ кляксы, а главное—съ помощью его совершенно невозможно выразить то, что думаешь. Но существуетъ (почему?)—такое обыкновеніе, чтобы дочь писала отцу... Высунувъ языкъ, Минни ужасающимъ почеркомъ и съ самой отчаянной орфографіей выводила неуклюжія, безсодержательныя фразы.

Въ сосѣдней комнатѣ крѣстная и m-lle Ноэми вполголоса обсуждали письмо, полученное сегодня отъ матери Минни.

Бѣдная мама! Крѣстная качала головою. Въ ея время молодыя дамы не рыскали по свѣту, но онѣ съ болѣею твердостью переносили житейскія невзгоды, а тутъ уже по одному разбѣгающемуся почерку видно, до какой степени мама растерялась въ чужомъ странномъ городѣ! У нея кружится голова отъ смѣшенія языковъ; враждебный мусульманскій міръ пугаетъ ее; папа не бываетъ дома по цѣлымъ днямъ, занятый своею работою.

А главное—они пробудутъ въ Константинополѣ какой-нибудь годъ, а затѣмъ отправятся въ Среднюю Азію, гдѣ папа будетъ строить мосты черезъ рѣки съ варварскими названіями. И здѣсь жара ужасающая. Что же будетъ тамъ?

Въ концѣ мама писала: „И все же необходимо, чтобы днѣй черезъ десять Минни выѣхала изъ Парижа къ намъ; она должна привыкнуть къ здѣшнему климату до наступленія лѣта. Monsieur Жоффруа, который привезетъ ее, сообщаетъ, что онъ готовъ выѣхать во всякое время. Морисъ сплшется съ нимъ“.

Письмо совсѣмъ разстроило крѣстную. Бѣдный Морисъ помѣшался! Въ ея время родители, желавшіе искать приключеній, помѣщали дочерей въ монастырь, а затѣмъ могли себѣ скальпироваться на здоровье! Положимъ, Минни не легко бы свылася съ монастырскою дисциплиною, но развѣ въ крайнемъ случаѣ ее нельзя было бы оставить здѣсь? А теперь ее повезетъ, не считая ожидающей въ Нанси горничной, г. Жоффруа! Этотъ человѣкъ не останавливается ни передъ какою отвѣтственностью! Онъ или безсознательный, или это—прямо преступникъ...

Крѣстная обдумывала форму, въ которой она выскажетъ дядѣ Гуфу свое мнѣніе о немъ, какъ вдругъ въ дверь съ силою постучали. Крѣстная поблѣднѣла при видѣ черномазой, усатой фи-

зіюноміи Орази, просунувшейся въ дверь.— Не горить ли домъ? Не рѣжутъ ли кюрэ на улицахъ?

— Орази? Чтò случилось?

Лучъ диваго торжества оварилъ черты кухарки.

— Вашему сіятельству неизвѣстно?.. Верхняя барыня— сбѣжала отъ своего мужа.

— Верхняя барыня?.. Какъ? Это... г-жа Пэбордъ?

Орази подтвердила. Г. депутатъ (Орази иронически подчеркнула званіе) уѣхалъ на двое сутокъ. Только онъ— за порогъ, какъ г-жа Пэбордъ отпустила на два дня горничную и черезъ полчаса, захвативъ дорожный сакъ— была такова! Вернувшаяся кухарка обозлилась и, забравъ въ счетъ неуплаченнаго жалованья столовое серебро, также ушла. Хороша и прислуга, нечего сказать!

Крѣстная сложила руки. Въ угольѣ ея души не притаилось ли чувство торжества по случаю возмездія, поразившаго нечестивый очагъ? Но ужасъ передъ грѣхомъ и состраданіе въ несчастной погибшей женщинѣ— одержали верхъ.

— А дѣти? Чтò съ ними?— робко проговорила м-ле Ноэми.

Орази пожала плечами. Но она не успѣла отвѣтить. На порогъ появилась Минни съ разстроеннымъ лицомъ. Она все слышала и прошептала дрожащимъ голосомъ:

— Крѣстная... Крѣстная... Пожалуйста!

Маркиза взглянула на нее— такую свѣжую, здоровую, и подумала о жалкихъ, болѣзненныхъ дѣтихъ, выросшихъ почти безъ надзора между невѣрующимъ отцомъ и безнравственной матерью, брошенныхъ ночью въ холодной квартирѣ. Чтò происходитъ въ ихъ душѣ? Она проговорила черезъ силу:

— Мы не можемъ ихъ оставить!

Минни уже стояла передъ ней на колѣняхъ; она трепетала, все существо ея молило...

— Крѣстная! Милая! Значить, я могу... сходить за ними?

Сходить за ними? Развѣ нельзя иначе?.. Но Минни, принявъ ея колебанія за согласіе, уже кривнула:

— Крѣстная, благодарю! До чего я люблю васъ!— и, выбѣжавъ изъ комнаты, понеслась въ переднюю, оттуда опростетью— вверхъ по лѣстницѣ.

Крѣстная перевела взоръ на портретъ своей бабушки Элоизы, укрывшей во время бѣлаго террора у себя въ комнатѣ убійцу короля. Затѣмъ она проговорила неумолимымъ голосомъ, отъ котораго содрогался до костей дядя Гуфъ:

— Приготовьте сейчасъ же и подайте въ столовую кофе съ молокомъ и тартинки.

Побѣжденная Орази склонила голову и скрылась. М-лле Ноэми заметалась по комнатамъ.

Если хрупкій организмъ его выдержать, Максъ Пэбордъ станетъ со временемъ мужчиной, и тогда многіе эпизоды изъ его дѣтства вызовутъ у него лишь снисходительную или грустную улыбку. Но вчерашній вечеръ и послѣдовавшая за нимъ ночь — всегда будутъ пробуждать воспоминаніе, полное острой боли.

Вернувшись съ прогулки вмѣстѣ съ Софи, Лулу и кухаркой, онъ нашелъ на своемъ столѣ записку отъ матери. Она отпра- вляется въ маленькое путешествіе, проситъ его не вѣрять ни- какимъ о ней сплетнямъ и цѣлуетъ ихъ всѣхъ...

Максъ ничего не понялъ, но у него явилось предчувствіе большого несчастія. Онъ весь задрожалъ, его била внутренняя дрожь, но онъ не захотѣлъ пугать другихъ; ноэтому онъ сѣлъ за уроки, но вдругъ игравшій возлѣ него Лулу жалобно за- кричалъ:

— Кушать хочу!

Тутъ они замѣтили, что часъ ужина давно прошелъ. На крики ихъ отвѣта не было: кухарка тоже исчезла. Лулу сталъ плавать, уже стемнѣло, и Софи вдругъ завопила:

— Боюсь, боюсь!

Тогда Максъ понялъ, что ему *нужно* быть храбрымъ за всѣхъ. Собравъ все свое мужество, онъ сталъ ихъ успокаивать. Мама вернется, кухарка — тоже. Въ буфетѣ нашлись остатки мяса, хлѣбъ и шоколадъ. Лулу развеселился, и Софи отчасти утѣшилась за ѣдою, но Максъ едва могъ проглотить нѣсколько кусковъ. Поѣвъ, Софи и Лулу свернулись калачикомъ на диванѣ, въ ожиданіи кухарки, и вскорѣ заснули, а Максъ остался одинъ со своими думами.

Если Максу Пэборду суждено жить, онъ часто будетъ себя спрашивать: какъ у него не разбилось сердце въ тоскѣ этой ночи? На колокольнѣ церкви св. Клотильды били часы и полу- часы. Ничто не шевелилось, кухарка не возвращалась. Ночь окончательно наступила. Максъ охватилъ ознобъ, но онъ стиснулъ зубы, чтобы не разрыдаться. Что дѣлать имъ однимъ — брошен- нымъ среди громаднаго города? Максъ былъ увѣренъ, что мама не вернется, кухарка — тоже. Папа обѣщалъ вернуться, но какъ они доживутъ до его возвращенія? А вдругъ и онъ не вернется? Какъ жить? Просить о помощи? Нищенствовать? Гордость и робость Макса возмущались. Нѣтъ, онъ не хочетъ, онъ на это не пойдетъ. Свернуться всѣмъ троицъ клубочкомъ, прижаться другъ

въ другу, чтобы менѣе страдать отъ холода, и — умереть. Но физическое истощеніе наконецъ превозмогло. Максъ заснулъ, и это спасло его отъ воспаления въ мозгу.

Но что это было за пробужденіе, когда блѣдная заря заглянула въ окна и ощущеніе холода прогнало сонъ! Обыкновенно заря прогоняетъ кошмары, тутъ наоборотъ: кошмаръ ожилъ съ особенною силой. Лулу плакалъ и просилъ ѣсть, въ буфетѣ было пусто. Неужели имъ сразу придется умирать съ голоду? У Макса оказалась въ карманѣ мелочь; онъ хотѣлъ пойти и купить хлѣба, но Софи вцѣпилась въ него, крича, что она не останется одна. Не пойти ли имъ втроемъ? Но вдругъ раздался звонокъ. Кто бы это могъ быть? Хорошее что-нибудь или новая бѣда? У двери снова позвонили, и чей-то голосъ крикнулъ:

— Да отворите же!

Чей это голосъ? Лулу пересталъ плакать и крикнулъ, что было силы:

— Минни! Это Минни! Пустите ее!

Всѣ кинулись въ двери, и маленькимъ ихъ ручкамъ едва удалось отодвинуть засовъ. На порогѣ появилась Минни—розовая, улыбающаяся, но растроганная. Софи и Лулу кинулись въ ея объятія, но Максу показалось, что все завертѣлось вокругъ него. Онъ принужденъ былъ опереться о стулъ для того, чтобы не упасть, и услышалъ словно издали испуганный голосъ Минни, спрашивавшей:

— Максъ, что съ тобой?

Пустяки, ему лучше, голова закружилась. Но Лулу сказалъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Какъ я хочу кушать, Минни, если бы ты знала!

Тогда Минни захопала въ ладоши и разсмѣялась.

— Побѣдимъ скорѣе! Вы увидите, какой вкусный кофе у нашей Орази!

Но Максъ и Софи смущенно переглянулись. Софи проговорила:

— Ты хочешь насъ вести къ твоей вѣрстой?

Ею овладѣлъ смѣшанный съ неловкостью смутный страхъ при мысли, что она предстанетъ на глаза старой дамѣ, которую пугали Лулу, когда онъ не слушался. Ихъ мать называла ее то „старою ханшей“, то „клерикальною мегерой“. Максъ тоже колебался, но по другой причинѣ. Гордость его страдала; онъ уже чувствовалъ классовую рознь. Принять предложеніе Минни, это — капитуляція. Маркиза — одна изъ тѣхъ, съ кѣмъ нужно бороться; онъ явится передъ нею побѣжденнымъ, почти нищимъ,

онъ—сынъ борца за демократію. Даже Лулу, засунувъ пальчикъ въ ротъ, прошепталъ:

— А что она сердитая—твоя крёстная?

— Сердитая?—Минни расхохоталась.—Пойдемте скорѣе!

Лулу условился: Минни смѣется—значить, ничего страшнаго нѣтъ. Онъ увѣренно засмѣялся рядомъ съ нею; Максъ и Софи съ опущенной головою пошли позади.

Въ столовой на столѣ дымился кофейникъ и были аппетитно разложены тартинки. Крёстная была уже тамъ; она сожалѣла о своей уступчивости,—было бы проще послать имъ завтракъ наверхъ. Но топотъ маленькихъ ножекъ и голосъ Минни послышались за дверью. Максъ и Софи вопли первые, Минни толкнула ихъ; передъ высокою старою дамою со строгимъ лицомъ они невольно остановились, угадывая въ ней врага, и несмотря на аромать кофе—имъ захотѣлось убѣжать. А она все молчала.

Ей показалось, что домъ, гдѣ родилась и умерла Клэра-Анжелика, опозоренъ присутствіемъ этихъ некрещенныхъ дѣтей; самый видъ ихъ свидѣтельствовалъ о клеймѣ отверженія, которымъ они были отмѣчены. Пожелтѣвшее, истомленное бессонницей лицо Макса испугало ее. Софи съ растрепанными волосами, въ измятомъ платьѣ—была ужасна. Толстый Лулу закрылъ со страху лицо грязными ручонками. Сама Минни, сконфуженная общимъ стѣсненіемъ, въ первый разъ въ жизни не находила нужныхъ словъ.

Но вдругъ Лулу, растопыривъ пальцы, исподтишка взглянулъ на крёстную. Онъ уже видѣлъ когда-то въ провинціи такую же старую даму, съ бѣлыми волосами, въ кружевной наколѣѣ. Въ окно такъ же свѣтило солнце и въ комнатахъ вкусно пахло кофе. Онъ такъ же немного боялся, но его толкнули къ ней и шепнули, чтобы онъ назвалъ ее...

— Бабушка! Здравствуй, бабушка!—застѣнчиво пролепеталъ Лулу, и въ его дѣтскомъ голосѣ слышалась мольба.

Прежде чѣмъ крёстная успѣла понять, какъ это случилось, она обвила руками маленькаго франмасона съ грязными щечками и прижала его къ сердцу.

Въ тихой столовой слышались стукъ ложечекъ и говоръ. Наскоро умытая и причесанная—дѣти поглощали кофе и тартинки, а крёстная смотрѣла на странную семью. Вѣнонь изъ дѣтскихъ головокъ вокругъ стариннаго стола—воскресилъ въ ея памяти мечту, которую она дѣлала въ то время, какъ здѣсь кроилось и шилось приданое Клэры-Анжелики, и ей рисовалась веселая дѣтвора, угощающаяся за этимъ столомъ.

И вотъ черезъ двадцать лѣтъ столовая оживилась серебряными голосами дѣтей, но это было не потомство Клэры-Анжелики, а дѣти вольтеріанца-депутата и женщины, которую церковь не признавала его женою. Это — дѣти Пэбордъ.

Послѣ того какъ ихъ умыли, крѣстная должна была, однако, признать, что они — дѣти какъ дѣти: щеки ихъ слегка порозовѣли; даже Софѣ не лишена болѣзненной привлекательности и она мило обращается со своимъ маленькимъ братомъ. А Максъ не можетъ не нравиться со своимъ подвижнымъ тонкимъ лицомъ, большими грустными и нѣжными глазами. Теперь они устремлены на нее, и она читаетъ въ нихъ мужество и прямоту. Какъ онъ старается скрыть свои страданія! Лулу—восторгъ. Сама Клэра-Анжелика не могла бы имѣть болѣе прелестнаго ребенка. Его славная кудрявая головка и толстыя щечки — такъ и напрашиваются на поцѣлуй.

Минни успокоилась и болтала взапуски съ Лулу, Софѣ вполголоса ей отвѣчала. Когда на сцену явился Бобби, которому положили на носъ кусочекъ сахару—даже Максъ улыбнулся блѣдною улыбкою.

Максъ, по выходѣ изъ-за стола, подошелъ къ крѣстной; сначала голосъ ему не повиновался, но затѣмъ онъ побѣдилъ свою слабость и въ очень приличныхъ выраженіяхъ поблагодарилъ маркизу за приглашеніе. Произошла ошибка. Мать уѣхала, думая, что отецъ уже вернулся; всему виною—уходъ кухарки. Отецъ долженъ вернуться сегодня; онъ пойдетъ домой и станетъ ожидать его.

Храбрый мальчишъ! Какъ онъ старался скрыть свой домашній стыдъ передъ постороннею женщиною и какъ тяжело въ его годы носить эту маску на блѣдномъ дѣтскомъ лицѣ!

Она отвѣтила серьезно, обращаясь къ нему, какъ къ взрослому:

— Мосьё Максъ, я благодарю васъ за то, что вы приняли приглашеніе Минни. Повѣрьте, что я говорю отъ души. Лучше подождите вашего отца здѣсь, чѣмъ ждать его въ холодной, пустой квартирѣ. Побудьте у насъ нѣсколько часовъ. Вашъ отецъ навѣрное согласился бы со мною.

Максъ пробормоталъ что-то, но взглядъ его былъ краснорѣчивѣе словъ, и крѣстная отвернулась, чтобы не видѣть слезъ, которыя, несмотря на все его мужество, навернулись у него на глазахъ.

Минни увела гостей къ себѣ, а крѣстная самымъ рѣзкимъ тономъ, словно опасаясь, что ей стануть противорѣчить, отдала приказанія по хозяйству. Дѣти останутся къ завтраку.

Крестная строго глядѣла на m-lle Ноэми; она ждала выраженій изумленія, и готовилась разнести дерзкую, но m-lle Ноэми выслушала ее, не моргнувъ, съ улыбкой на губахъ, и тогда маркиза, смягчившись, объяснила, что отослать дѣтей домой—было бы безчеловѣчно. Отецъ ихъ вернется послѣ обѣда, и тогда „все придетъ въ порядокъ“.

Инцидентъ былъ исчерпанъ, и крестная съ чувствомъ удовлетворенія усѣлась въ кресло и принялась за вязанье, прислушиваясь къ долетавшимъ до нея дѣтскимъ голосамъ. Время незамѣтно проходило... Вдругъ отворилась дверь, и Мелани не безъ тревоги доложила:

— Г. Пэбордъ!

Вотъ онъ—непріятель. Какъ солдатъ, готовый схватиться за оружіе, крестная выпрямилась и осмотрѣлась. Портреты предковъ глядѣли на нее изъ рамъ. Въ углу блестяло распятіе изъ слоновой кости, на столикѣ лежала клерикальная газета „Крестъ“. Крестная безстрастнымъ голосомъ надменно приказала:

— Просите.

Г. Пэбордъ—радикаль-соціалистъ—сейчасъ переступить ее порогъ, и стѣны не падутъ, и портреты предковъ не обернутся лицомъ къ стѣнѣ!

Въ дверяхъ обрисовался силуэтъ полнаго человѣка; кровь крестной закипѣла. Вотъ онъ—гонитель церкви и монахинь! У нея вертѣлись на языкѣ ледяныя слова, но она онѣмѣла при видѣ толстяка съ взволнованнымъ лицомъ, распухшими глазами, который, беспомощно стоя передъ нею и теребя свою мягкую шляпу, бормоталъ съ сильнымъ гасконскимъ акцентомъ:

— Я пришелъ, маркиза, я пришелъ, чтобы...

Это былъ депутатъ Пэбордъ, и въ то же время—обѣдаякъ, вернувшійся изъ поѣздки усталымъ и продрогшимъ, но радовавшимся свиданію съ женою, которую онъ баловалъ, и съ дѣтьми, которыхъ обожалъ. Онъ вернулся и нашелъ свой домъ пустымъ: жена сбѣжала, дѣти исчезли; у домашняго очага царили отчаяніе и стыдь...

Крестная встрѣчала его на лѣстницѣ; онъ показался ей тогда дикимъ, непримиримымъ соціалистомъ. Но его выпуклые свѣтлые, почти мечтательные глаза, длинные кудрявые волосы, круглая борода—придавали ему скорѣе видъ художника, нѣсколько беспорядочнаго, но все же буржуазнаго, а главное—весьма безобиднаго.

Онъ продолжалъ вертѣть шляпу въ рукахъ. Навѣрное, онъ не видѣлъ ни портретовъ, ни „Креста“, пожалуй даже—самой

крѣстной. Сознавалъ ли онъ раздѣлявшую ихъ бездну? Катастрофа обнажила его душу. Отъ напыщеннаго, фразистаго трибуна, одновременно—идеалиста и карьериста, увлекающагося и расчётливаго—осталось безпомощное существо безъ воли и безъ силы, съ раздираемымъ тоскою сердцемъ.

— Маркиза, я пришелъ... пришелъ...

Крѣстную обезоружило это горе. Она движеніемъ руки пригласила депутата сѣсть.

— Узнавъ о недоразумѣніи, жертвою котораго вы стали, я сочла долгомъ исполнить желаніе дочери моего крестника и предложить имъ на нѣсколько часовъ гостепріимство.

Г. Пэбордъ наклонилъ голову; онъ еще не могъ говорить. Глаза его робко блуждали. Крѣстная поняла.

— Они тутъ рядомъ. Не хотите ли ихъ видѣть?

Крѣстная повзала м-ше Ноэми, заставшую фантастическое зрѣлище: г. Пэбордъ, сидѣвшій въ креслѣ напротивъ портрета Клэры-Анжелики.

Когда м-ше Ноэми привела дѣтей, Лулу съ крикомъ: — „Папа!“—первый кинулся въ объятія г. Пэборда; Максъ и Софй—за нимъ. На этотъ разъ депутатъ не выдержалъ; лицо его исказилось судорогой, онъ движеніемъ руки попросилъ крѣстную извинить ему эту слабость. Онъ разрыдался въ гостиной посторонней женщины, и слезы падали на его бороду... Крѣстная поспѣшно вышла, рѣшивъ про себя, что человѣкъ, въ сердцѣ котораго еще жива отцовская любовь, не можетъ быть вполне погибшимъ человѣкомъ.

Когда она вернулась, г. Пэбордъ былъ уже спокоенъ. Онъ поднялся въ ней навстрѣчу и твердымъ голосомъ высказалъ ей свою признательность. Онъ съ робкою улыбкою извинился за свою слабость: усталость съ дороги, волненіе, потрясеніе... Теперь ему остается только проститься и поблагодарить маркизу—исключительнымъ образомъ. Для того, чтобы приютить у себя дѣтей, воспитанныхъ въ совершенно другихъ понятіяхъ, она должна была насиловать свои чувства, которыя заслуживаютъ всякаго уваженія... Онъ тронуть болѣе, чѣмъ можетъ это выразить...

Его полныя щеки задрожали отъ волненія, и крѣстная поспѣшила отвѣтить. Бываютъ обстоятельства—г. Пэбордъ не станетъ этого отрицать—когда люди должны быть братьями. Это—одинъ изъ первыхъ принциповъ христіанства.

Г. Пэбордъ согласился. Среди людей, исповѣдующихъ ту или другую религію или философію, встрѣчаются великодушныя

сердца, а также—существа безъ стыда и совѣсти... Онъ круто оборвалъ при взглядѣ на Макса и Софй.

— Проститесь съ г-жей маркизой и поблагодарите ее!

— А какъ-разъ поданъ завтракъ! — воскликнула Минни, о которой всѣ забыли.

Произошло легкое замѣшательство, но крѣстная уже рѣшилась и удержала г. Пэборда. Неужели онъ уведетъ дѣтей голодными?

Г. Пэбордъ что-то пробормоталъ о товарищѣ, о ресторанѣ. Крѣстная прервала его.

— Ваши дѣти ожидали васъ лишь послѣ обѣда. Приборы ихъ на столѣ. Не откажитесь позавтракать съ нами.

Минни вкрадчиво повторяла:

— Оставайтесь въ завтраку, г. Пэбордъ.

Онъ взглянулъ на нее. Это она спасла его дѣтей отъ заброшенности. Онъ просто проговорилъ:

— Благодарю васъ. Я остаюсь.

Крѣстная привазала поставить еще приборъ. Однимъ чудомъ болѣе или менѣе—не все ли равно? Она даже ощутила лукавое удовольствіе: была пятница, и г. Пэборду придется волею-неволею соблюсти постъ.

Меланй доложила, что завтракъ поданъ; всѣ перешли въ столовую, и среди почтительнаго молчанія семьи Пэбордъ крѣстная прочла молитву. Затѣмъ всѣ усѣлись.

Быть можетъ, всѣ чувствовали бы себя стѣсненными, если бы не Минни. Угадывала ли она весьма многое, или ничего, изъ совершившейся драмы, но ея инстинктъ безошибочно ей подсказалъ, что теперь или никогда нужно болтать во всю.

Никогда ея веселость не была такою искрающею, заразительною; даже г. Пэбордъ раза два улыбнулся. Когда встали изъ-за стола, она непосредственно обратилась къ нему.

— Вы знаете, Лулу назвалъ крѣстную бабушкой?

Глаза Пэборда сдѣлались влажны, но кризисъ уже прошель; онъ сумѣетъ перенести свое горе. Онъ объяснилъ ошибку Лулу. Мать его еще жива; она обожаетъ дѣтей, но они давно не видались. У него мелькнула мысль, что придется отдать полу-сиротъ на ея попеченіе. Въ свою очередь онъ спросилъ Минни: не бывала ли она въ Арьежѣ?

Оказалось, что крѣстная знаетъ этотъ солнечный уголокъ. Вскорѣ послѣ свадьбы она провела нѣкоторое время въ мѣстечкѣ Monistric, принадлежащемъ къ округу г. Пэборда. Они съ мужемъ жили въ маленькой гостинницѣ на берегу рѣки...

— „Гостинница Трехъ Колосьевъ“?

Какъ? Она еще существуетъ? И ее попрежнему держитъ г-жа Казенавъ? Да. Но она овдовѣла двадцать лѣтъ тому назадъ. Вдругъ г. Пэбордъ замѣтилъ на фортепiano старинный дагеротипный портретъ, изображавшій крѣстную въ подвѣнечномъ нарядѣ, а рядомъ съ нею — господина съ бакенбардами. Онъ, кажется, видѣлъ такой же портретъ у г-жи Казенавъ?

Крѣстная улыбнулась и даже зарумянилась. Да, они съ мужемъ дали свой портретъ хозяйкѣ гостинницы, о которой сохранили самое лучшее воспоминаніе.

Какъ въ сущности малъ свѣтъ! Теперь г. Пэбордъ уже казался крѣстной менѣе далекимъ. Повуда дѣти болтали, они стали припоминать картины мѣстной природы: горные потоки съ прозрачною водою, пастбища, колокольчики стады, наливающійся подъ солнцемъ виноградъ, поля манса... Крѣстная меланхолически припоминала дни своей молодости, г. Пэбордъ — дни своего счастья.

Дверь отворилась. Вошелъ дядя Гуфъ и замеръ. Какъ? Маркиза не одна? Кто этотъ господинъ? Его растерянный взглядъ нѣсколько смутилъ крѣстную. Ну, что же? Надо идти до конца. Она познакомила ихъ.

— Г. Жоффруа, другъ нашего дома. Г. Пэбордъ, депутатъ.

При звукѣ этого имени дядя Гуфъ былъ видимо такъ потрясенъ, что крѣстная сразу успокоилась и даже ощутила лукавое удовольствіе. Она съ полнымъ самообладаніемъ объяснила, что друзья Минни были приглашены ею къ завтраку. Дядя Гуфъ улыбался идиотскою улыбкой. Г. Пэбордъ сталъ прощаться. Крѣстная выразила надежду, что друзья Минни будутъ почаще приходить къ ней. Депутатъ откланялся и исчезъ. Тогда крѣстная обернулась къ дядѣ Гуфу съ вызывающимъ видомъ. Дядя Гуфъ посмотрѣлъ на нее, вспыхнулъ и сталъ искать вдохновенія въ узорѣ паркета.

Выразить изумленіе — можетъ показаться крѣстной осужденіемъ ея поступка. Выразить удовольствіе — пожалуй, будетъ еще болѣею неловкостью. На лбу у него проступили капельки пота. Но крѣстная сжалась надъ нимъ. Потрясающія впечатлѣнія этого дня смягчили ее, и она объяснила ему положеніе дѣлъ.

Онъ выслушалъ ее потрясенный. Такая вотъ маленькая Минни сумѣла опрокинуть полувѣковые предрассудки и вызвать самое невѣроятное сближеніе. Что если бы въ его собственной душѣ нашлась въ прошломъ частица этой дѣйствительной воли и радостной увѣренности въ себѣ? Быть можетъ, тогда вся жизнь

его сложились бы иначе, и самая безумная изъ химеръ, мечта— назвать своею женою Клэру-Анжелику—могла бы осуществиться? Но онъ заранѣе счелъ себя побѣжденнымъ и былъ побѣжденъ.

Угадала ли крѣстная волновавшія его мысли? Необычнымъ для нея жестомъ она положила свою руку на его рукавъ и сказала:

— У меня не достало духу огорчить дѣвочку. Не имѣетъ ли она право быть счастливою?

Въ послѣдующіе дни установился *modus vivendi*, который показался бы раньше самымъ неправдоподобнымъ въ мірѣ. Покуда шло дѣло о разводѣ, воспитаніе дѣтей приняла на себя приходящая гувернантка, а съ пяти часовъ они бѣжали къ Минни, и вечеръ проходилъ въ веселыхъ играхъ.

Раумѣется, послѣ дня катастрофы, крѣстная восстановила болѣе оффиціальныя отношенія. Дѣти церемонно здоровались и прощались съ нею; Лулу уже не звали ее бабушкой; тѣмъ не менѣе, они уже были примѣшаны къ ея жизни, и Минни постоянно сообщала ей подробности ихъ жизни. Максъ—первый ученикъ по классу исторіи, у Лулу опять разболѣлся животикъ: онъ такой лакомка!.. Узнавъ, что ребенокъ еще не поправился, крѣстная ощутила къ нему жалость и послала къ воспитательницѣ записочку съ изложеніемъ разныхъ домашнихъ средствъ изъ обиходной рецептуры.

Дѣйствительно, Лулу черезъ день поправился и пришелъ съ Максомъ поблагодарить крѣстную, но видимо робѣлъ. По уходѣ Макса, Минни сказала:

— Странный мальчикъ... Онъ никогда не бываетъ по настоящему веселъ.

Максъ слишкомъ рано сталъ многое понимать. Парижъ убивалъ его; онъ нуждался въ воздухѣ, въ солнцѣ, въ здоровомъ образѣ жизни; нервы его были черезчуръ напряжены, жизнь пугала его.

Однажды изъ дѣтской послышались вопли; крѣстная побѣжала туда на голосъ Минни, кричавшей:

— Помогите! Я убила Макса!

Что случилось? Пустяки! Максъ съ поблѣвшими губами старался успокоить крѣстную, но платокъ, которымъ онъ обернулъ руку, былъ весь въ крови. Они играли въ войну, и Минни оцарапала его саблей. Царапина? Рука Макса оказалась разсѣченной чуть не до кости, но по счастью у крѣстной оказались подъ рукою перевязочныя средства: борная вода, бинтъ... Максъ позволилъ себѣ сдѣлать перевязку, не крикнувъ отъ боли, но

былъ такъ блѣденъ, что крѣстная заставила его сѣсть и дать ему глотокъ коньяку. Она сочувственно проводила его глазами. Она въ немъ не ошиблась: это—маленькій храбрецъ.

Два дня спустя, крѣстная нашла на своемъ столѣ въ вазѣ прелестный букетъ фіалокъ. Онѣ были отъ Макса. Крѣстная никакъ не могла угадать: отъ кого онѣ? И Минни должна была ей сказать. Максъ спросилъ у нея: „любить ли твоя крѣстная цвѣты?“ Минни сказала: „да!“—и тогда онъ принесъ этотъ букетъ и попросилъ поставить его въ вазу. Онъ истратилъ на него всѣ свои карманныя деньги за эту недѣлю.

Г. Пэбордъ не заходилъ, но онъ ежедневно осведомлялся о здоровьи крѣстной и свидѣтельствовалъ ей свое почтеніе. Произошло нѣчто большее. Онъ вступилъ въ полемику со своимъ сотоварищемъ Буффаромъ, обвинявшимъ всѣхъ католиковъ въ безнравственности, и протестовалъ противъ такого огульнаго осужденія людей, среди которыхъ несомнѣнно попадаются достойные граждане.

Дядя Гуфъ принесъ эту статью крѣстной, и она, прощаясь съ Максомъ, въ первый разъ попросила его передать отъ нея поклонъ его отцу.

Въ воздухѣ вѣяло миромъ и снисходительностью. Однажды, для того чтобы доставить удовольствіе Минни, крѣстная извлекла изъ глубины ящика Аделаиду, старую куклу Клэры-Анжелики. Когда вошелъ дядя Гуфъ, онъ увидѣлъ куклу, сидящую въ креслѣ, и сразу узналъ ея восковое лицо и старомодный туалетъ.

И покуда онъ пытался скрыть свое волненіе, крѣстная прошептала:

— Помните?

Голосъ ея такъ дрожалъ, что у дяди Гуфа навернулись слезы, и ему захотѣлось броситься къ ея ногамъ.

VI.

Вотъ она, вотъ ожидавшаяся со дня на день телеграмма!

Своими старческими пальцами крѣстная дольше обыкновеннаго развѣтывала кусочекъ синей бумаги.

„Все готово. Встрѣчу Минни четвергъ въ Вѣнѣ. Предупредиъ Жоффруа. Сердечная признательность. Морисъ“.

Вотъ уже недѣля, какъ крѣстная живетъ въ ожиданіи этой бумажки и въ смутной надеждѣ, что ея не будетъ. Недѣлю тому назадъ получило роковое письмо съ извѣщеніемъ, что въ Кон-

«Санктиннополѣ все устроено, время года—благопріятное. Несмотря на настоянія крѣстной, лучше не откладывать отъѣзда Минни. Папа воспользуется своею побѣдкою въ Вѣну для того, чтобы встрѣтить ее. О днѣ отъѣзда онъ извѣститъ телеграммою.

Послѣ этого письма каждый звонокъ вызывалъ у крѣстной особое содроганіе, извѣстное тѣмъ, кто ожидаетъ смерти любимого существа. Если бы Морисъ все зналъ, онъ не сталъ бы дѣлать распоряженій за глаза, онъ подождалъ бы. Минни недавно была нездорова, она можетъ простудиться дорогою, заболѣть... Но теперь уже поздно. Бѣдная Минни! Бѣдная крѣстная!

Минни влетѣла вихремъ. Пожалуйста скорѣе! Ей нужна еще нитка и кусочекъ ленты для манто Бобби. Крѣстная наклонилась надъ рабочимъ столикомъ и дольше, чѣмъ бы слѣдовало, искала ленту. Но чутье Минни никогда не обманывало ее.

— Крѣстная, чтѣ съ вами? Случилось что-нибудь нехорошее? Вы такая странная...

Крѣстная подняла голову; она достала красивую цвѣтовую ленту и подала ее Минни со словами:

— Ничего нехорошаго не случилось, я даже ожидала этого. Получена телеграмма отъ твоего папѣ.

— Телеграмма?—Минни даже ротъ раскрыла. — Значить... надо ѣхать?—Крѣстная сдѣлала утвердительный знакъ. Въ порывѣ радости Минни воскликнула:— Вотъ славно!—и разорвала нитку, ленточку, манто Бобби.

— Ѣхать къ папѣ и мамѣ? Когда? Въ которомъ часу? Сегодня? Съ какимъ поѣздомъ? Дядя Гуфъ знаетъ? Нельзя опоздать! А она еще не уложилась! Когда же Мелани начнетъ укладывать ее вещи?—Вопросы такъ и сыпались, Минни не могла стоять на мѣстѣ...

У крѣстной темного сжалось сердце. Дѣти любятъ переиѣну; очень естественно, что Минни желаетъ увидѣться съ родителями, но избытокъ этой радости огорчилъ крѣстную. Значить, дѣвочкѣ ничуть не жаль уѣхать, разстаться съ людьми, окружавшими ее любящими заботами въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ?

Минни словно угадала мысли крѣстной. Возбужденіе ея улеглось. Она помолчала, подумала и потомъ сказала серьезно:

— Крѣстная, вамъ скучно, потому что я уѣзжаю?

Крѣстная объяснилась. Ей жаль, что Минни уѣзжаетъ такъ далеко, но она рада, что Минни увидитъ папу съ мамой и будетъ жить въ чудной странѣ. Минни рѣшила про себя, что взрослая особа должна именно такъ говорить, но будь она сама на мѣстѣ крѣстной, она, конечно, не радовалась бы! Ей даже

кажется, что и крестная не радуется. Минни смутилась. Ей льстило, что о ней такъ жалѣютъ, и она стыдилась, что ея собственныя ощущенія не гармонируютъ съ настроеніемъ крестной.

Она обвила руками вокругъ ея шею, крѣпко поцѣловала ее, прошептавъ: „Бѣдная крестная!“—но почувствовала, что будетъ не въ состояніи выдержать этотъ тонъ. Она была слишкомъ счастлива. Надо чѣмъ-нибудь утѣшить крестную. Минни придумала.

— Крестная, а если бы вы поѣхали съ нами?

Крестная улыбнулась. Ей, которой изъ-за ревматизма трудно бываетъ садиться въ карету, Минни предлагаетъ проѣхать четверо сутокъ по желѣзной дорогѣ, а потомъ—прокатиться на сплывъ верблюда?

Минни засмѣялась. Она стала придумывать другое.

— Я буду часто, часто писать вамъ, крестная! Самыя подробныя письма!

Вотъ это—другое дѣло. Крестная поблагодарила, она надѣется на это. (Надѣется ли? Она видѣла, какія письма писала Минни роднымъ).

Лучшій способъ утѣшенія—подарокъ. Когда Минни водила въ дантисту, ей подарили механическую заводную собачку, и она утѣшилась. Но что подарить крестной? Она растратила свои карманныя деньги, да и счумѣеть ли она выбрать подходящій подарокъ? Лучше дать на память что-нибудь свое. Но что? Одна изъ ея брошекъ сломана, другая—потеряна, часы—стоятъ. Есть еще колечко, но оно—подарокъ крестной, неловко вернуть ей ея же подарокъ. Игрушка—не годится. Нѣтъ, надо подарить что-нибудь такое, что доказало бы крестной, какъ Минни любитъ ее.

Вдругъ у нея мелькнула мысль, на которой она остановилась не безъ борьбы съ собою, но Минни быстро принимала рѣшеніе.

Она выбѣжала изъ комнаты и вернулась, неся въ рукахъ свою гигантскую жабу. Остановившись передъ крестной, она проговорила растроганнымъ тономъ:

— Крестная, я дарю вамъ на память мою жабу, для того чтобы вы знали, какъ я васъ люблю!

Крестная была глубоко тронута. Она знала, какъ Минни дорожитъ своимъ музеемъ, и ей было извѣстно, что жаба представляетъ для нея одинъ изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ предметовъ ея коллекціи. Крестная попробовала было отказаться, но она поняла, что цѣною своей жертвы Минни какъ бы приобрѣ-

тасть право быть веселой и радоваться отъезду. Своимъ отпазомъ она оскорбитъ чувствительность Минни. Дѣвочка не хочетъ, чтобы ее считали неблагоюдарною. Она должна снять тяжесть съ маленькаго сердечка.

Крѣстная проговорила очень искренно и серьезно:

— Хорошо, Минни, а возьму твою жабу. Я поставлю ее на консоль и буду каждый день смотрѣть на нее и вспоминать тебя.

Свершилось! Минни почувствовала облегченіе. Она снова заговорила съ крѣстной объ отъездѣ, но раздался звонокъ: пришли дѣти Пэбордъ.

Минни кинулась къ нимъ навстрѣчу.

— Вы знаете? Папа прислалъ телеграмму! Черезъ два дня я ѣду въ Константинополь.

Эта вѣсть была принята каждымъ по-своему. Лулу, видя, что она весела, и не сознавая горести предстоящей разлуки, воскликнула:

— Ты прилешь мнѣ верблюда?

Софи втайнѣ позабидовала Минни, которая ѣдетъ путешествовать, какъ взрослая, но вмѣстѣ съ тѣмъ это показалось ей такъ страшно, что она предпочла сидѣть въ угрюмомъ Парижѣ и ходить въ пансіонъ Борнажъ.

Зато Максъ поблѣднѣлъ:

— Ты ѣдешь? Это рѣшено?

Тонъ его былъ такъ страненъ, а въ голосѣ чувствовалась такая дрожь, что Минни была поражена и почувствовала необходимость извиниться.

— Ты знаешь, вѣдъ мы ждали только телеграммы.

Да, Максъ это зналъ. Сколько уже дней онъ думалъ объ этой роковой бумагѣ, которая на горе ему прилетитъ издадека... Какъ удивилась бы Минни, розовая, блѣнная фея, если бы она знала, что онъ просыпается по ночамъ отъ толчка въ сердце съ мыслью: „Сегодня Минни скажетъ мнѣ, что она уѣзжаетъ“!

Максъ принадлежалъ къ числу людей, для которыхъ забота о будущемъ отравляетъ настоящее. Во время веселыхъ вечеровъ, проведенныхъ съ Минни, среди игръ и смѣха, его неотступно преслѣдовало сознаніе, придававшее имъ особенную остроту: что его маленькая блѣлокая пріятельница была лишь перелетною птичкой, свѣтлымъ видѣніемъ, которое скоро навѣки исчезнетъ. Ея слова не очень поразили его, но внутри у него что-то обрвалось.

Минни, пораженная этой безмолвною скорбью, взяла его за руку и сказала съ ласковой искренностью:

— Тебѣ жалко, милый Максъ, что я увѣзжаю, но мнѣ тоже будетъ очень, очень жаль съ тобою разстаться...

Максъ посмотрѣлъ на нее; она говорила правду: Минни жаль его—насколько она способна о комъ-нибудь жалѣть. Она станетъ вспоминать о своемъ другѣ Максѣ и пролетѣть слезинку въ день разлуки. Но слезинка высохнетъ, прежде чѣмъ успѣетъ отойти поѣздъ. Она перевернетъ страницу. Минни—не изъ тѣхъ, что сокрушаются объ отсутствующихъ. Максъ такъ хорошо это сознавалъ, что не могъ на нее сердиться за то, что она именно такая, а не другая; онъ былъ даже благодаренъ ей за ласковое словечко.

Онъ покачалъ головою и отвѣтилъ почти спокойно, скрывая изъ гордости недѣтскую муку, раздражавшую его сердце.

— Да, Минни, тебѣ жаль меня оставить, но ты скоро утѣшишься... А я!

Онъ остановился. Какъ сказать ей, какинъ ему рисуется будущее безъ Минни?! Томительные безконечные дни, грустный отецъ, сердитая учительница, придирчивая Софѣ, хнычущій Лулу, вульгарные, грубые товарищи по школѣ, враждебный Парижъ, страшная, неумолимая, полная страданій жизнь. Ему показалось, что онъ не будетъ въ состоянн жить безъ Минни.

Онъ вспомнилъ про обрывокъ газеты, на которомъ онъ случайно прочелъ о самоубійствѣ маленькой дѣвочки, утопившейся въ Сенѣ. Это легко. Нога поскользнется и—конецъ. Въ ушахъ раздастся шумъ воды, и затѣмъ заснешь, заснешь навсегда...

Угадала ли Минни мрачныя мысли, бродившія въ головѣ ея товарища? Она вдругъ встревожилась и, обнявъ его за шею, сказала съ мольбою:

— Максъ, попроси у меня чего-нибудь. Я все сдѣлаю—только бы ты почувствовать, какъ я люблю тебя!

Но онъ покачалъ головою. Слова, подарки—этого ему не нужно.

— Когда я вернусь, я буду большая. Мы можемъ повѣнчаться, если ты захочешь.

Максъ невольно улыбнулся. Какое ребячество! Но Минни уже поймала налету его улыбку и вся загорѣлась. Нечего качать головою! Она серьезно рѣшила выйти за Макса и она докажетъ ему это.

— Хочешь, мы сейчасъ повѣнчаемся?

Максъ пожалъ плечами, но противъ Минни невозможно устоять. Если Максъ отказывается, значитъ онъ не любитъ ее. Они сейчасъ же сыграютъ свадьбу. Софѣ и Лулу будутъ по-

дружкой и шаферомъ, Бобби—посажённымъ отцомъ. Оразъ оставить на минуту свой супъ и горошекъ для того, чтобы сыграть роль кюрэ. Куклы должны изображать провожатыхъ.

Началась возня. Мелани приколола къ волосамъ Минни кусокъ кисей, подколола курточку Макса въ видѣ фрака. Оразъ исполнила свою роль съ необычайною торжественностью, и когда она провозгласила басомъ: „Вы повѣнчаны!“—Минни и Максъ взволновались. Затѣмъ она приказала: „Поцѣлуйтесь!“—и они, краснѣя, поцѣловались, и Минни шепнула Максу:

— Теперь мы повѣнчаны. Ты будешь ждать меня.

— Ты будешь ждать меня.

Въ тайникахъ души Максъ сохранить это слово и поцѣлуй Минни, какъ залогъ слабой надежды. И быть можетъ, благодаря этой игрѣ въ свадьбу, въ газетахъ не прочтутъ: „Вчера изъ Сены былъ вытасченъ трутъ мальчика десяти лѣтъ“.

Вечеръ отъѣзда. Темно. Идетъ дождь. Свистить вѣтеръ. Карета съ запотѣвшими стеклами катится по грязи мимо тускло мерцающихъ фонарей. Крестная и м-лле Ноэми молчатъ. Онѣ хотять быть веселыми, спокойными, чтобы не тревожить дѣвочку.

Минни глядитъ въ окно и всѣмъ интересуется. Пять минутъ тому назадъ, она пролила слезинку, прощаясь съ Мелани, Оразъ и Бобби. Сейчасъ она пролететь еще нѣсколько слезинокъ въ честь крестной и м-лле Ноэми. Теперь ее смѣшать развѣвующіяся юбки и навиден прохожихъ. У толстаго господина вѣтромъ вывернуло зонтикъ наизнанку, другой заговорилъ съ нимъ и у него у самого свесло шляпу въ лужу... Минни разсмѣялась.

Обѣ женщины переглянулись и тайкомъ вздохнули. Чтò же? Минни права. Сомнѣнія и страхи, ихъ удручающіе, еще не существуютъ для нея. Всею—свое время.

Вотъ и вокзалъ. Шумъ, гамъ, масса огней, грохотъ экипажей, ревъ автомобилей, волны пассажировъ, телѣжки съ багажемъ—все это оглушило, ослѣпило, перепугало крестную до того, что когда карета остановилась и пришлось выйти, она готова была ѣхать обратно. Не безуміе ли—везти ребенка при такихъ условіяхъ? Надо было объяснить Морису и его женѣ, что это невозможно. Она становится соучастницей преступленія.

Цѣпляясь другъ за друга, крестная и м-лле Ноэми съ Минни ли проталкиваются въ толпѣ, причемъ крестная была занята ключительно мыслью—не потерять Минни. Благодаря услужливости комиссіонера, имъ удалось сдать багажъ и взять билетъ;

оставалось лишь найти поѣздъ и дядю Гуфа: Не заболѣлъ ли онъ? Въ душѣ крѣстной зародилась смутная надежда. Увы! Вотъ и онъ. Онъ дѣлаетъ имъ знаки, машетъ рукою...

До чего онъ ужасенъ! Никогда онъ не казался крѣстной такимъ безобразнымъ и смѣшнымъ. Для того, чтобы придать себѣ видъ заправскаго туриста, онъ вырядился шуткомъ гороховымъ! На немъ зеленая фуражка, желтая навидка. Минни спросила:

— Почему ты нарядился англичаниномъ? — Посмотрите, крѣстная!

Что за неприличіе! Крѣстная пожалѣла о своей добротѣ въ нему. Онъ надѣлъ короткіе штаны и шотландскіе гатры! Встрѣтивъ взглядъ крѣстной, дядя Гуфъ покраснѣлъ, а Минни сказала вокругъ него, смѣясь надъ его обтянутыми ляжками. Онъ стыдливо завернулся въ свой мафферланъ.

Къ счастью, носильщикъ освѣдомляется о томъ, куда положить ручной багажъ. Вотъ случай для дяди Гуфа показать себя. Онъ поочередно беретъ за всѣ свертки, роняетъ ихъ, подбираетъ, затѣмъ ищетъ мелкихъ денегъ и т. д.

Въ отсутствіе м-ле Ноэми и Минни, ушедшихъ за какою-то покупкой, крѣстная пользуется случаемъ, чтобы дать понять дядѣ Гуфу всю тяжесть лежащей на немъ обязанности. Онъ отвѣчаетъ за здоровье Минни. Нужно слѣдить за тѣмъ, чтобы она не схватила простуды—это такая опасная вещь. Конечно, ея собственная задача кончена, но она желала бы, чтобы дѣвочкѣ не пришлось пострадать изъ-за безумія ея родителей и неумѣлости ея спутника.

Дядя Гуфъ повѣсилъ носъ. Онъ всю жизнь сознавалъ свою неумѣлость.

Но вотъ и Минни. Какая она хорошенькая въ своей жакеткѣ loutre, въ красномъ токъ, съ маленькой желтою сумочкой, придающей ей видъ настоящей путешественницы! Какая изъ нея выйдетъ хорошенькая женщина—бодрая, веселая. Да она уже почти женщина. Черезъ десять лѣтъ! Дядя Гуфъ будетъ къ тому времени старикомъ, а крѣстная—давно уже въ могилѣ.

Крѣстная и дядя Гуфъ присѣли на скамью. Мысли ихъ были обычныя мысли передъ прощаніемъ, за которымъ послѣдуютъ разлука и безмолвіе—эмблема жизни, эмблема смерти. Дядя Гуфъ украдкой слѣдилъ за крѣстною и сокрушался о томъ, что ни чего не можетъ сказать ей въ утѣшеніе.

Подъ гнетомъ тоски, разрывающей ей душу, крѣстная е сзумыла удержать на лицѣ своей обычной маски безстрастіи

Все ее морщинистое старое лицо как-то распустилось, стало жалкимъ, почти смѣшнымъ. Живыми казались одни глаза, слѣдившіе за Минни, которая не смотрѣла на нее. Ему хотѣлось бы, чтобы она заплакала облегчающими душу слезами...

Дядя Гуфъ страдалъ отъ ея скорби. Онъ хотѣлъ бы ей сказать что-нибудь нѣжное, деликатное, свидѣтельствующее о томъ, что онъ смиренно раздѣляетъ ея скорбь, что онъ понимаетъ ее. Вѣдь она—мать Клэры-Анжелики. Онъ питаетъ къ ней безпредѣльную преданность. Съ умоляющими глазами, съ самыми священными чувствами, онъ наклоняется къ ней съ вопросомъ:

— Не хотите ли вы чего-нибудь выпить?

Эта глупая фраза—единственное, что онъ нашелся ей сказать. Крестная благодаритъ его съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но въ это время подбѣгаетъ Минни.

— Знаете, въ купѣ рядомъ съ нашимъ есть чудная собака. Ее зовутъ Фоксъ. Пойдите скорѣе, я вамъ покажу ее...

Но вотъ изъ конца въ конецъ пронесся гулъ. Пора садиться! Люди начали прощаться, всѣ тѣснились къ окнамъ вагоновъ.

— Ну, Минни, простимся же!

Крестная, вызвавъ на лицо улыбку, обняла дѣвочку. Минни обхватила ее изо всѣхъ силъ и горько заплакала. Слезы такъ и струились у нея по лицу, крестной пришлось утѣшать ее.

— Пора садиться.

Послышалось хлопанье дверей. Плачущая Минни встрепенулась.

— Скорѣе, скорѣе! Мы опоздаемъ.

Она вскочила на подножку, вотъ она уже у окна; она проситъ м-лле Ноэми кланяться Бобби, передать привѣтъ дѣтямъ Пэбордъ, особенно — Максу... Она напишетъ всѣмъ... Со своей стороны дядя Гуфъ прощается съ крестною. Онъ не забудетъ ея наставленій, но крестная дѣлаетъ ласковое движеніе и шепчетъ ему: — Я вамъ ее поручаю.

Въ ея голосѣ слышится такая мольба, такое глубокое, искреннее, неожиданное для него довѣріе, что дядя Гуфъ потрясенъ до глубины души. И вдругъ у него является увѣренность, что крестная знаетъ его тайну, что она не сердится на него за то, что онъ любилъ Клэру-Анжелику, что ея суровость и рѣзкость—чисто наружныя, что ее и его соединяютъ драгоценныя, неразрывныя узы.

У него на губахъ вертятся слова, въ которыхъ онъ желалъ бы выразить свою безграничную преданность и признательность. Но у него ничего не выходитъ.

Свистокъ... Поѣздъ трогается... Дядя Гуфъ снимаетъ фуражку, Минни посылаетъ воздушные поцѣлуи. Позднѣе, когда у нея станутъ спрашивать: „помнишь ли ты крѣстную?“—ей будетъ всегда вспоминаться старушка, стоявшая на платформѣ и махавшая платкомъ.

Среди тѣсноты и давки крѣстная и m-lle Ноэми направились въ каретъ.

— Домой!

Онѣ ѣхали молча, скрывая изъ приличія другъ передъ другомъ свое горе, и мысли ихъ летѣли вслѣдъ экспрессу, уносящему Минни въ невѣдомыя страны.

Вдругъ m-lle Ноэми вскрикнула:

— Я, кажется, забыла положить туалетную воду!

Крѣстная покачала съ неудовольствіемъ головою, но это послужило облегченіемъ для нихъ обѣихъ. На улицѣ Вареннъ крѣстная сошла одна. M-lle Ноэми поѣхала дальше—проезжать умирающую m-me де Марленъ.

Медленно, тяжело крѣстная стала подниматься на лѣстницу. Кончено! Сонъ, длившійся болѣе двухъ мѣсяцевъ, разсѣялся; мрачный старый домъ снова погружается во тьму. вмѣстѣ съ Минни исчезла искра, озарившая его свѣтлымъ лучомъ. Впереді—сѣрая, однообразная жизнь, которая кажется долгимъ подготовленіемъ въ смерти. Очень долгимъ. А впрочемъ сегодня крѣстной кажется, что срокъ уже не будетъ такъ дологъ. Еще никогда она не поднималась такъ тяжело; тѣло ея—словно свиное, и каждая косточка въ немъ болитъ. Даже сердце какъ будто перестаетъ биться. Нѣтъ, если Богу угодно, это долго не протянется.

Она была одна, и у нея вырвался слабый стонъ, выдавшій ея душевную муку.

Но, уже готовясь повернуть ключъ въ замкѣ, она остановилась и прислушалась. На площадкѣ второго этажа что-то пошевелилось. Она подняла глаза. Кто-то перегнулся через перила и быстро отошелъ, но крѣстная узнала его.

— Москѣ Максъ, это вы?

Послышались легкіе шаги. При свѣтѣ газа крѣстная увидѣла передъ собою Макса Пэборда. Онъ тоже храбрился, но его красные глаза, сжатія губы, все его измученное лицо—говорили объ его смертельной тоскѣ. На этомъ дѣтскомъ лицѣ крѣстная увидѣла отраженіе своей, быть можетъ еще болѣе острой скорби. И сердце ея сразу открылось ему.

— Вы ждали чего-нибудь, дитя мое?

Максъ пробормоталъ безсвязно:

— Я надѣялся... Я хотѣлъ знать...

Ему не нужно было договаривать. Она поняла. Да, Минни уѣхала. Она шлетъ тысячу привѣтствій другу своему Максу. Завтра она уже будетъ въ Вѣнѣ. Два черезъ два отъ нея получитъ письмо...

Ну, вотъ и все. Послѣдняя, безумная надежда потеряна.

— Благодарю васъ, благо...

Голова у Макса закружилась; онъ хотѣлъ идти, но не могъ. Онъ ухватился за перила. Рыданія потрясали его слабую грудь. Но вдругъ онъ почувствовалъ на своихъ плечахъ чьи-то ласковыя руки, и невыразимо-нѣжный голосъ прошепталъ:

— Бѣдный мой мальчикъ! Ты станешь приходить ко мнѣ... Мы каждый день будемъ говорить о ней.

Тѣмъ временемъ экспрессъ съ громкимъ пытвнѣемъ и рѣзкими свистками прорѣзываетъ мракъ, уносясь въ невѣдомую даль. Лежа на скамьѣ, Минни думаетъ передъ сномъ объ оставленныхъ ею. Тамъ, въ далекомъ прошломъ, позади, ей смутно рисуются фигуры крѣстной, Макса, блѣдный силуэтъ m-lle Ноэми... Но завтра она обниметъ папу, черезъ три дня она уже будетъ съ мамой. Въ Константинополѣ! Сердце Минни трепещетъ въ груди... Пусть онъ несется быстрѣе, еще быстрѣе, этотъ поѣздъ, пожирающій пространство! Впереди—свѣтлый край, чудная земля съ поднимающимися въ небо минаретами, земля, въ которой мужчины ходятъ въ чалмахъ, а женщины—подъ покрывалами, земля, омываемая лазурными волнами Золотого Рога...

Все это принадлежитъ Минни, все это ждетъ ее. Востокъ ее призываетъ. Она уже протягиваетъ къ нему руки. Дары жизни готовы, она спѣшитъ ими завладѣть.

И Минни засыпаетъ съ улыбкою, мечтая о лазури и солнцѣ. И каждый поворотъ колесъ мчащагося на всѣхъ парахъ локомотива приближаетъ ее къ лучезарнымъ краямъ, гдѣ рождается солнце.

Съ франц. О. Ч.

I.

ЮНОШАМЪ

Изъ Анри Шантавуана.

Любите, юноши, и чтите жизнь: она
Всегда добра въ тому, чья впрямь идетъ дорога
И чья открытая душа не смущена
Ни скорбью позднею, ни приврачной тревогой.

Добра во всѣмъ, кто трудъ, какъ долгъ священный, чтить —
Подобно пахарю, что, въ чаянїи хлѣба,
Безъ отдыха свое угоды бороздитъ,
Будь хоть земля черства и не надежно небо.

Свѣтила вашего албеть ужъ восходъ,
Воли запряжены, имъ новый плугъ—не бремя,
И нива тучная посѣва только ждетъ,
Чтобъ въ колосья превратить ей отданное сѣмя.

Къ труду! скорѣй къ труду! Не складывайте рукъ!
Теперь на-утрѣ вы—пусть вечеръ вашъ настанетъ;
У васъ апрѣль еще—пусть годъ свершитъ свой кругъ:
Гдѣ долгъ въ расцвѣтѣ, тамъ трава унынья вянетъ...

II.

ВЪ АЛЬБОМЪ

Изъ Людв. Пау.

Не дереву ль подобенъ человекъ?
Чтобъ жизненные бури не сломили
Его и не лишили силъ до срока,
Пустить онъ такъ же долженъ въ землю корни
И твердую опору въ ней найти.
Какъ дерево, однако же, корнями
Лишь для того цѣпляется за землю,
Чтобъ гордо вознести верхушку къ небу,
Такъ служить почва жизни человекъ
Лишь средствомъ возноситься головою
Къ свободному лазурному пространству;
Какъ ясные глаза цвѣтовъ древесныхъ
Упорно ищутъ солнечнаго свѣта,
Такъ человекъ, въ исцаньи непрестанномъ,
Крыломъ души касаться неба долженъ:
Стремленье лишь насъ къ солнцу приближаетъ—
Плодъ золотой лишь врѣзъ на свѣту!

В. Лихачовъ.

ТАЙНЫЙ АГЕНТЪ

РОМАНЪ.

— *Joseph Conrad. The Secret Agent. 1907.*

IV ¹⁾.

Около тридцати столиковъ, покрытыхъ красными съ бѣлымъ скатертями, стояли подъ прямымъ угломъ у темныхъ стѣнъ залы въ подвальномъ этажѣ. Съ низкаго сводчатаго потолка спускались большія люстры. Вдоль сплошныхъ стѣнъ безъ оконъ тянулись фрески, изображавшія охотничьи сцены и уличные праздники въ средневѣковой обстановкѣ.

— Или я очень ошибаюсь, или вамъ должна быть извѣстна подкладка этого проклятаго дѣла, — сказалъ коренастый Озипонъ, подавшись впередъ своимъ грузнымъ тѣломъ. Онъ широко разложилъ локти на столѣ и поджалъ ноги подъ столъ. Глаза его обращены были съ нетерпѣливымъ любопытствомъ на маленькаго невзрачнаго человѣка въ очкахъ, сидѣвшаго противъ него за большой кружкой пива. Внезапно раздавшіеся пронзительные звуки механическаго рояля, стоявшаго у дверей, помѣшали ему сразу отвѣтить. Когда звуки бойкаго вальса оборвались такъ же внезапно, какъ раздались, маленький человѣкъ спокойно отвѣтилъ:

— Никому изъ насъ принципиально не должно быть дѣла до того, что знаетъ или не знаетъ другой о каждомъ данномъ дѣлѣ.

— Принципиально это такъ, — спокойно согласился Озипонъ.

¹⁾ См. выше: апрѣль, стр. 716.

Озипонъ подперъ обѣими руками свое крупное цвѣтущее лицо и сталъ пристально глядѣть куда-то вдаль, въ то время какъ невзрачный, маленькій человѣкъ хладнокровно отпилъ глотокъ пива и поставилъ кружку на столъ. Его плоскія большія уши широко отставали по обѣ стороны маленькаго черепа, который Озипонъ могъ бы легко сдвинуть двумя пальцами. Низкій лобъ какъ бы упирался о край очковъ; щеки нездороваго землястаго цвѣта отбѣнялись жидкими черными бабенбардами. Жалкая безпомощная вѣщность маленькаго человѣка представляла почти смѣшной контрастъ съ его самоувѣреннымъ тономъ. Онъ говорилъ очень рѣзко и отрывисто, и особенно внушительно была его манера подолгу молчать въ отвѣтъ на чьи-нибудь слова.

Озипонъ опять пробормоталъ, не отнимая рукъ отъ лица:

— Вы сегодня много ходили по улицамъ?

— Нѣтъ. Я пролежалъ все утро въ постели, — отвѣтилъ маленький человѣкъ. — А что?

— Ничего, — отвѣтилъ Озипонъ, продолжая упорно глядѣть на него, съ явнымъ желаніемъ вывѣдать у него что-то, но видимо смущенный его непроницаемой маской равнодушія. Каждый разъ, когда ему приходилось говорить съ этимъ товарищемъ — что, впрочемъ, случалось очень рѣдко, — рослый, коренастый Озипонъ страдалъ отъ сознанія своей духовной и даже физической ничтожности. Но все-таки онъ отважился предложить еще одинъ вопросъ.

— Вы пришли пѣшкомъ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, пріѣхалъ омнибусомъ, — быстро отвѣтилъ маленький человѣкъ.

Онъ жилъ далеко, въ Ислингтонѣ, въ маленькомъ домикѣ на полутемной, грязной улицѣ, по которой, въ свободные отъ школьныхъ занятій часы, носилась съ визгомъ и унылымъ гамомъ ватага дѣтей. Онъ нанималъ комнату у двухъ старыхъ дѣвъ, портнихъ, работавшихъ преимущественно на прислугу. Комната его выходила окнами во дворъ и единственное замѣчательное въ ней былъ огромныхъ размѣровъ шкапъ, который онъ запиралъ на замокъ. Жилецъ онъ былъ прекрасный, очень спокойный, не затруднявшій хозяевъ требованіемъ услугъ. У него былъ только одинъ капризъ: онъ требовалъ, чтобы его комнату убирали непременно въ его присутствіи. Уходя изъ дому, онъ запиралъ дверь и уносилъ ключъ съ собой.

Озипонъ представлялъ себѣ, какъ эти круглые очки въ черной оправѣ двигались по улицамъ на имперіалѣ омнибуса,

какъ ихъ самодовольный блескъ скользилъ по стѣнамъ домовъ и опускался сверху на головы шедшихъ по троттуару людей. На толстыхъ губахъ Озипона появилась блѣдная улыбка при мысли о томъ, какъ люди проходили, ничего не подозревая, подъ взорами этихъ глазъ, защищенныхъ очками. Если бы они знали, что таится въ этихъ глазахъ, — какая бы поднялась паника!

— Вы уже давно здѣсь? — спросилъ онъ.

— Около часа, — небрежно отвѣтилъ маленькій человекъ, и отпилъ снова глотокъ темнаго пива. Всѣ его движенія — какъ онъ взялъ кувшинъ, какъ выпилъ, снова опустилъ тяжелую кружку на столъ и сложилъ руки — были необыкновенно увѣренны и точны. Огромный, мускулистый Озипонъ глядѣлъ на него, широко раскрывъ глаза, вытянувъ впередъ губы, и казался до крайности жалкимъ и робкимъ въ своемъ стремленіи вывѣдать тщательно скрываемую его собесѣдникомъ тайну.

— Около часа? — повторилъ онъ. — Такъ вы, значитъ, ничего не слышали? Ничего не знаете?

Маленькій человекъ отрицательно повачалъ головой, но не проявилъ никакого любопытства. Тогда Озипонъ самъ прибавилъ въ разъясненіе, что узналъ о случившемся при самомъ входѣ въ пивную. Газетчикъ выкрикнулъ новость у самого его уха, и онъ былъ такъ ошеломленъ, что вошелъ въ залу съ пересохшими отъ волненія губами.

— Я не ожидалъ встрѣтить васъ здѣсь, — прибавилъ онъ.

— Я иногда захожу сюда выпить, — отвѣтилъ его собесѣдникъ прежнимъ равнодушнымъ тономъ.

— Странно, что именно вы ничего не слышали, — продолжалъ Озипонъ, нервно мигая сверкающими глазами. — Именно вы, — прибавилъ онъ съ удареніемъ. Въ тонѣ его слышалась какая-то необъяснимая въ такомъ крупномъ человекѣ робость передъ спокойнымъ маленькимъ человекомъ, который снова поднесъ кружку къ губамъ и затѣмъ поставилъ ее на столъ. Озипонъ тщетно ждалъ слова или знака въ отвѣтъ на свои слова. Отвѣта не послѣдовало, и Озипонъ снова заговорилъ, стараясь принять вполнѣ равнодушный видъ.

— Скажите, — спросилъ онъ, сильно понизивъ голосъ: — вы даете... вашъ составъ всякому, кто попроситъ?

— Я никогда никому не отказываю, если у меня самого есть хоть сколько-нибудь.

— Вы по принципу такъ поступаете? — спросилъ Озипонъ.

— Да, по принципу.

— И это по вашему мнѣнію благоразумно?

Большіе круглые очки, придававшіе самоувѣренный видъ сѣрому лицу маленькаго человѣка, съ холоднымъ блескомъ обратились къ Озипону.

— Вполнѣ,—произнесъ онъ.—Всегда. При всякихъ обстоятельствахъ. Что бы могло меня остановить? Почему не давать? Почему хотя бы на минуту колебаться?

На лицѣ Озипона отразилось глубокое изумленіе.

— Вы дали бы даже „шпику“, если бы онъ попросилъ? — спросилъ онъ.

Его собесѣдникъ слегка улыбнулся.

— Шпики не попросить, — отвѣтилъ онъ. — Они всё меня знаютъ, конечно, — но и я знаю каждаго въ лицо. Имъ это извѣстно, и они боятся подступиться ко мнѣ.

Онъ твердо сжалъ тонкія губы. Озипонъ сталъ возражать.

— Но вѣдь они могутъ подослать кого-нибудь и подвести васъ. Неужели вы не боитесь? Они могутъ выманить у васъ большее или меньшее количество вашего состава и потомъ арестовать васъ съ вещественными доказательствами въ рукахъ.

— Доказательство чего? Что я торгую взрывчатыми веществами безъ разрѣшенія? — Онъ проговорилъ это очень презрительнымъ тономъ. — Не думаю, чтобы кому-нибудь изъ нихъ вздумалось арестовать меня. Никто не рѣшится. Они отлично знаютъ, что всего запаса я не отдаю. У меня есть всегда нѣкоторое количество при себѣ.—Онъ слегка дотронулся пальцемъ до груди.

— Въ толстомъ стеклянномъ флаконѣ,—прибавилъ онъ.

— Я объ этомъ слышалъ, — сказалъ Озипонъ, и въ голосѣ его послышалось изумленіе.—Но я не зналъ...

— Ну, а они знаютъ, — прервалъ маленькій человѣкъ довольно рѣзко, откинувшись на спинку стула.—Меня никогда не арестуютъ. Ни одинъ полицейскій не отважится. Для того, чтобы подступиться къ такому человѣку, какъ я, нужно большое самоотверженіе.

Онъ снова сжалъ губы съ самоувѣреннымъ выраженіемъ. Озипонъ сдержалъ нетерпѣливое движеніе.

— Или же достаточно только легкомыслія, а то просто недѣлнія,—отвѣтилъ онъ.—Стоитъ имъ добыть человѣка, который знаетъ, что у васъ въ карманѣ есть чѣмъ взорвать себя и же вокругъ себя на разстояніи шестидесяти ярдовъ.

— Я никогда не утверждалъ, что отъ меня совсѣмъ нельзя сбавиться. Но, во-первыхъ, это уже не былъ бы арестъ, а во-

вторыхъ, это вовсе не такъ легко, — возразилъ маленький человекъ.

— Но и не такъ трудно, — настаивалъ на своемъ Озипонъ. — На васъ могутъ наскочить человекъ шесть сзади на улицѣ и схватить васъ за руки. Тогда вы ничего не сможете сдѣлать.

— Нѣтъ, могу. Прежде всего я рѣдко выхожу изъ дому вечеромъ, — спокойно возразилъ маленький человекъ. — Кромѣ того, я всегда держу правую руку въ карманѣ. Тамъ у меня маленький резиновый шарикъ. Стоить его надавить, чтобы взорвался снарядъ, который я ношу въ боковомъ карманѣ. Это — система пневматическихъ моментальныхъ снимковъ. Резиновая трубочка ведетъ вверхъ.

Онъ быстрымъ движеніемъ разстегнулъ куртку и показалъ Озипону тонкую резиновую трубочку, похожую на коричневаго червя. Она выходила изъ-подъ жилетнаго рукава и исчезала въ боковомъ карманѣ пиджака. Платье на немъ было темно-коричневое, очень потертое, въ пятнахъ и въ пыли, съ протертыми петлями.

— Дѣйствіе, конечно, моментальное? — тихо спросилъ Озипонъ съ легкой дрожью въ голосъ.

— О, нѣтъ, — признался маленький человекъ съ видимымъ огорченіемъ. — Отъ того момента, какъ нажать резиновый шарикъ, проходитъ до взрыва цѣлыхъ двадцать секундъ.

— Двадцать секундъ? — повторилъ Озипонъ съ полнымъ ужасомъ. — И вы въ состояніи пережить эти двадцать секундъ? Я бы съ ума сошелъ.

— Это ничего бы не измѣнило. Но, конечно, въ этомъ — слабый пунктъ моего изобрѣтенія. Оно годится только для меня самого. Теперь я стараюсь изобрѣсти снарядъ, пригодный во всѣхъ обстоятельствахъ и даже при переменяющихся условіяхъ. Я хочу устроить точный и въ то же время легко поддающійся всякимъ измѣненіямъ снарядъ — нѣчто по истинѣ разумное.

— Двадцать секундъ! — снова пробормоталъ Озипонъ. — Какой ужасъ! А потомъ...

— Въ этой комнатѣ никто бы не уцѣлѣлъ, какъ гласитъ приговоръ послѣ обзора. Погибла бы даже та парочка, которая поднимается теперь по лѣстницѣ.

Механическое пианино вдругъ невстало заиграло мазурку.

Точно какой-то капризный духъ носился по клавишамъ, таинственно поднимая и опуская ихъ. Потомъ все стихло. На минуту Озипону показалось, что въ ярко освѣщенной комнатѣ

вдругъ наступилъ страшный мракъ и среди дымящихся стѣнъ копошится искалѣченные тѣла. Видѣніе смерти было до того ясно, что онъ вздрогнулъ.

Его собесѣдникъ продолжалъ говорить спокойнымъ, самоувереннымъ голосомъ:

— Въ концѣ концовъ, — сказалъ онъ, — безопасность обуславливается репутацией человѣка. А моя репутация твердо установлена.

— Не понимаю, какъ вы этого достигли, — проговорилъ со вздохомъ Озипонъ.

— Вѣрой въ себя, — отвѣтилъ маленькій человѣкъ, не возвышая голоса, и эти слова производили странное впечатлѣніе въ устахъ тщедушнаго маленькаго человѣка. Силачь Озипонъ закусилъ нижнюю губу отъ досады. — Умѣніемъ внушать и другимъ увѣренность въ моей силѣ, — продолжалъ маленький человѣкъ съ вѣрно рассчитаннымъ спокойствіемъ. — Я могу оказаться орудіемъ гибели многихъ людей, но это одно — вы сами понимаете — не можетъ обезпечить мнѣ безопасность. Важно доказать людямъ, что я дѣйствительно желаю воспользоваться средствами, которыми располагаю. Этого я достигъ. Я произвожу такое впечатлѣніе. Люди не сомнѣваются въ томъ, что я опасенъ. И я, поэтому, дѣйствительно опасенъ для нихъ.

— Но вѣдь и среди вашихъ противниковъ есть люди съ сильнымъ характеромъ, — возразилъ Озипонъ.

— Возможно. Но, очевидно, дѣло — въ степени силы. Они меня не подавляютъ — значитъ, они слабѣе меня. Да иначе и быть не можетъ. Они — рабы условныхъ принциповъ морали. Они — въ зависимости отъ опредѣленнаго общественнаго строя. А я свободенъ отъ всего искусственнаго. Они связаны съ жизнью, то-есть скованы всякаго рода соображеніями и препятствіями. Жизнь — сложная организація, открытая для нападенія со всѣхъ сторонъ. Я же знаю только смерть, для которой нѣтъ препятствій. Она ни съ чѣмъ не соображается, и потому непобѣдима. Мое превосходство очевидно.

— Вы становитесь на чисто философскую точку зрѣнія, — сказалъ Озипонъ, слѣдя за холоднымъ блескомъ круглыхъ очковъ. — Я слышалъ недавно приблизительно то же самое отъ Карлапта.

— Юнгъ всегда былъ фразеромъ, и таковымъ остался до къ поръ, — презрительно проговорилъ маленький человѣкъ. — всѣ, впрочемъ, годятся только для болтовни. Настоящей, неисковой воли ни у кого изъ васъ нѣтъ.

Озипонъ не могъ сдержать негодующаго возгласа:

— Да чего вы собственно отъ насъ хотите?!—воскликнулъ онъ.—Сами-то вы чего добиваетесь?

— Я хочу изобрѣсти идеальный снарядъ,—быстро отвѣтилъ маленькій человѣкъ.—Почему васъ всего передернуло? Вотъ видите. Вы не выносите даже упоминанія о чемъ-нибудь рѣшительномъ.

— Я слушаю васъ совершенно спокойно,—проворчалъ, раздосадованный, Озипонъ.

— Вы всё—спокойно и самоувѣренно продолжалъ маленький человѣкъ—рабы условныхъ общественныхъ понятій, такіе же рабы общественнаго строя, какъ и полиція, защищающая его. Ваша цѣль—реформировать общество революціоннымъ путемъ. Въ принципѣ, значить, вы призываете государственность. Ваши мысли и ваши дѣйствія не могутъ поэтому привести ни къ чему рѣшительному.—Онъ остановился на минуту, потомъ продолжалъ тѣмъ же тономъ:—Вы ничѣмъ не лучше своихъ противниковъ—напримѣръ, хотя бы полиціи. На-дняхъ, я случайно встрѣтилъ главнаго полицейскаго инспектора Хита на углу Тотенгэмъ-Кортъ-Роуд. Онъ сталъ въ упоръ смотрѣть на меня. А я на него и не взглянулъ. Онъ мнѣ ничѣмъ не интересенъ. У него было много мыслей въ головѣ; онъ думалъ о своемъ начальствѣ, о своей репутаціи, о судѣ, о жалованьи, о газетахъ—о сотнѣ предметовъ. А я думалъ только объ усовершенствованіи моего снаряда. Онъ для меня ничто—такое же ничтожество, какъ—ну, напримѣръ, какъ Карлъ Юнгъ. Полиція ведетъ свою игру, вы, пропагандисты,—свою. А я не веду никакой игры. Я работаю по четырнадцать часовъ въ день—и часто голодаю. Мои опыты требуютъ много денегъ, и мнѣ иногда приходится день-два совсѣмъ не ѣсть. Вы смотрите на мое пиво? Да, я уже выпилъ двѣ кружки и выпью еще одну. Сегодня у меня маленькій праздникъ, и я его справляю въ одиночествѣ. Работаю я вѣдь тоже въ одиночку. Я много лѣтъ работалъ совсѣмъ одинъ.

— Надъ усовершенствованіемъ взрывчатого снаряда?—иронически спросилъ вполголоса Озипонъ, покраснѣвъ отъ досады.

— Да,—отвѣтилъ его собесѣдникъ.—Именно надъ этимъ. Ваше опредѣленіе—совершенно точное. А ваша дѣятельность со всѣми вашими комитетами и делегаціями не поддается такому точному опредѣленію. Въ сущности, настоящій пропагандистъ—я.

— Оставимъ это,—сказалъ Озипонъ съ видомъ человѣка, стоящаго выше всякаго хвастовства.—Къ сожалѣнію, я дол-

женъ испортить ваше праздничное настроеніе. Вы знаете, что сегодня въ Гринвичъ-Паркѣ кто-то взлетѣлъ на воздухъ.

— Откуда вы знаете?

— Да на улицахъ съ двухъ часовъ объ этомъ кричатъ. Я купилъ газету и забѣжалъ сюда прочесть. Увидѣвъ васъ, я и забылъ о газетѣ. Она у меня въ карманѣ.

Онъ вынулъ газету, напечатанную на большомъ розовомъ листѣ; нѣжная окраска бумаги символизировала оптимистическія убѣжденія газеты. Озипонъ быстро пробѣжалъ листы.

— Вотъ, — сказалъ онъ. — „Бомба въ Гринвичъ-Паркѣ. Въ половинѣ двѣнадцатаго. Туманное утро. Взрывъ слышенъ былъ на Ромна-Родъ и Паркъ-Плэсъ. Огромная яма подѣ деревомъ, наполненная вырванными корнями и поломанными вѣтвями. А вокругъ — куски человѣческаго тѣла“. Вотъ и все... Все остальное — газетная болтовня. Говорятъ, что хотѣли взорвать обсерваторію. Едва-ли это такъ.

Онъ долго еще глядѣлъ въ газету, ничего не говоря, потомъ передалъ ее своему собесѣднику, который равнодушно взглянулъ на нее и потомъ отложилъ безъ всякихъ комментаріевъ.

Первымъ заговорилъ Озипонъ — все еще раздраженнымъ тономъ;

— Замѣтите, найдены останки только одного человѣка. Онъ, значитъ, взорвалъ самого себя. Это вѣдь испортить ваше праздничное настроеніе, не правда ли? Неужели вы ожидали нѣчто подобное? Я понятія не имѣлъ, что готовится такая штука — здѣсь. При теперешнихъ обстоятельствахъ это — преступленіе.

Маленькій человѣкъ поднялъ свои тонкія черныя брови съ выраженіемъ холоднаго презрѣнія.

— Преступленіе? Чтò такое преступленіе? Чтò вы хотите сказать этимъ словомъ?

— Да я ужъ не знаю, какъ выразиться. Приходится употреблять обычныя слова, — нетерпѣливо сказалъ Озипонъ. — Я хочу сказать, что такая исторія можетъ сильно повредить нашему положенію здѣсь. Развѣ это, по вашему, не преступно? Я увѣренъ, что вы кому-нибудь давали недавно вашъ составъ.

Озипонъ пристально взглянулъ на него, и маленькій человѣкъ, не отводя глазъ, слегка опустилъ и потомъ поднялъ голову.

— Вы сознаетесь! — взволнованно прошепталъ авторъ политическихъ брошюръ. — Такъ вы, дѣйствительно, даете сколько угодно взрывчатого вещества каждому дураку, который у васъ попроситъ?

— Даю. Общественный строй созданъ не чернилами и не на бумагѣ, и опровергнуть его нельзя бумагой и чернилами, что бы вы тамъ ни говорили. Ваши взгляды я знаю; но вѣдь я не дѣйствую по указаніямъ комитета. Пусть васъ всѣхъ выгоняютъ отсюда, арестуютъ,— пусть даже казнятъ; мнѣ это безразлично. Судьба отдѣльныхъ людей не имѣетъ въ моихъ глазахъ никакого значенія.

Онъ говорилъ спокойно, не горячась, почти совершенно безстрастно, и Озипонъ, внутренне сильно задѣтый его словами, попытался принять такой же тонъ.

— Если бы полиція знала свое дѣло,— сказалъ онъ,— она бы васъ давно пристрѣлила или убила бы среди бѣлаго дня, ударивъ сзади тяжелымъ мѣшкомъ, полнымъ песка.

Маленькій человѣкъ, повидимому, уже обсудилъ эту возможность со свойственной ему холодной самоувѣренностью.

— Совершенно вѣрно,— поспѣшилъ онъ подтвердить.— Но они должны считаться со своими собственными государственными принципами. А для такой штуки нужна особаго рода смѣлость и безпринципность.

— Вотъ въ Америкѣ,— сказалъ Озипонъ,— навѣрное поступили бы съ вами именно такъ. Тамъ ни съ какими принципами не считаются.

— Я и не собираюсь ѣхать туда. Но ваше замѣчаніе, конечно, вполне вѣрно,— согласился маленький человѣкъ.— Американцы — люди съ болѣе сильнымъ характеромъ, чѣмъ англичане. А по темпераменту они, въ сущности, анархисты. Американскіе Штаты — отличная почва для насъ. Великая республика полна разрушительныхъ элементовъ. Духъ ихъ общинности — беззаконность. Лучшаго и желать нельзя. Возможно, что они бы всѣхъ насъ подстрѣлили, но...

— Вы для меня слишкомъ трансцендентальны,— пробормоталъ Озипонъ.

— Я только логиченъ,— запротестовалъ маленький человѣкъ.— Увѣряю васъ, что нечего бояться Америки. Намъ гораздо опаснѣе жить здѣсь, въ странѣ, гдѣ идеализируютъ принципъ законности. Общественный духъ англичанъ проникнуть предразсудкомъ совѣсти, а это — роковое препятствіе для нашихъ идей. Вы говорите, что Англія — единственное наше убѣжище. Очень жаль. На что намъ такія убѣжища? Здѣсь вы можете только болтать, печатать, составлять заговоры, съ тѣмъ чтобы сидѣть смирно и ничего не предпринимать. Это, конечно, очень удобно для такихъ господъ, какъ Карлъ Юнгъ. Нѣтъ,— убѣжденно при-

бавилъ онъ, — наше дѣло — разрушать предрасудокъ и культъ власти. Я былъ бы очень радъ, если бы главный инспекторъ Хитъ и его сподвижники разстрѣливали насъ среди бѣлаго дня при полномъ сочувствіи общественнаго мнѣнія. Наше дѣло было бы тогда на половину выиграно. Старая мораль была бы испровергнута въ собственномъ храмѣ. Вотъ цѣль, къ которой вамъ слѣдовало бы стремиться. Но вы всё этого не понимаете. Вы строите утопію будущаго экономическаго строя, между тѣмъ какъ нужно уничтожить все старое и пойти навстрѣчу новому строю жизни. Будущее уже само позаботится о себѣ. Нужно только подготовить ему путь. Поэтому я и занялъ главнымъ образомъ изобрѣтеніемъ идеальнаго снаряда и готовъ снабжать всѣхъ нужнымъ количествомъ.

— И вотъ результатъ вашей готовности, — перебилъ его Озипонъ. — Я увѣренъ, что погибшій сегодня въ Гринвичѣ человекъ — жертва вашего идеальнаго снаряда.

Сѣрое лицо маленькаго человека омрачилось.

— Трудность въ томъ и заключается, — сказалъ онъ, — что нужно дѣлать опыты. Къ тому же...

Озипонъ не далъ ему договорить.

— Кто бы это могъ быть? — спросилъ онъ. — Увѣряю васъ, что никто изъ насъ въ Лондонѣ не имѣлъ понятія. Вы не могли бы хоть приблизительно описать человека, которому вы дали вашъ составъ?

Маленькій человекъ устремилъ на Озипона свои очи.

— Я не вижу причины не исполнить вашего желанія, — спокойно и вѣжливо сказалъ онъ. — Я опишу его вамъ однимъ словомъ. Это — Верлокъ.

Озипонъ, приподнявшійся со стула отъ напряженнаго любопытства, снова опустился, ошеломленный столь неожиданнымъ отвѣтомъ.

— Верлокъ? Не можетъ быть! — воскликнулъ онъ.

Сдержанный маленький человекъ слегка кивнулъ головой.

— Именно онъ. Вы видите, я далъ мой составъ на этотъ разъ не первому встрѣчному дураку. Онъ вѣдь, кажется, былъ выдающимся членомъ вашей группы?

— Да, — сказалъ Озипонъ. — Онъ былъ членомъ нашей группы, о вовсе не выдающимся. У него былъ сборный пунктъ для всѣхъ асъ. Кромѣ того, ему поручали обыкновенно принимать товарищей, приѣзжающихъ съ континента. Онъ былъ полезенъ, но какой видной роли не игралъ. Онъ былъ совершенно не идейный человекъ. Въ прежніе годы онъ выступалъ ораторомъ на

митингахъ, хотя, кажется, говорилъ довольно плохо. Ему довѣрили старика нашей группы. Одинъ талантъ у него дѣйствительно былъ: онъ удивительно умѣлъ ускользать отъ вниманія полиціи. Тутъ за нимъ не очень слѣдили. Онъ былъ женатъ законнымъ бракомъ и, кажется, на деньги жены и устроилъ свою лавку. Торговалъ онъ, кажется, очень хорошо.

Озипонъ вдругъ остановился, пробормоталъ:—Что же теперь будетъ съ нею?—и впалъ въ глубокое раздумье.

Его собесѣдникъ замолчалъ, принявъ сугубо равнодушный видъ. Происхожденіе этого человѣка было очень темное и его знали только подъ именемъ „профессора“. Право его на этотъ титулъ заключалось только въ томъ, что онъ былъ когда-то помощникомъ лаборанта по химіи въ одной технической школѣ. Потомъ онъ поссорился съ начальствомъ, обидѣвшись на грубое обращеніе съ нимъ, и поступилъ химикомъ на красильную фабрику. Тамъ тоже къ нему были возмутительно несправедливы. Онъ такъ много боролся, претерпѣлъ столько лишеній и столько трудился, чтобы подняться вверхъ по общественной лѣстницѣ, что у него составилось необычайно высокое представленіе о своихъ заслугахъ и уже никакое отношеніе къ нему не могло удовлетворить его самолюбія. Профессоръ былъ человѣкъ съ большими дарованіями, но онъ не могъ ужиться въ обществѣ, такъ какъ ему недоставало основной добродѣтели—смиренія.

— Полное ничтожество въ умственномъ отношеніи, — проговорилъ Озипонъ, оторвавшись наконецъ отъ мыслей объ овдовѣвшей м-ссъ Верлокъ и заканчивая характеристику Верлока. — Если бы вы не чуждались товарищей, профессоръ, — прибавилъ онъ съ упрекомъ, — вы бы это знали. Скажите, говорилъ онъ вамъ что-нибудь о своихъ намѣреніяхъ? Я не видался съ нимъ уже цѣлый мѣсяцъ. Никакъ не могу представить себѣ, что его теперь нѣтъ въ живыхъ.

— Онъ сказалъ мнѣ, что готовится нападеніе на зданіе. Вотъ все, что мнѣ нужно было знать для изготовленія снаряда, — сказалъ профессоръ. — Я предупредилъ его, что моего запаса недостаточно для полнаго уничтоженія зданія. Онъ настаивалъ, чтобы я все-таки далъ, сколько могу. Такъ какъ ему нуженъ былъ снарядъ, который можно было бы пронести открыто въ рукѣ, то я предложилъ воспользоваться старой жестянкой для лака, которая оказалась какъ-разъ у меня подъ рукой. Онъ былъ очень доволенъ. Мнѣ пришлось повозиться довольно много, чтобы приспособить жестянку. Нужно было срѣзать сначала дно и потомъ снова припаять его. Въ готовомъ видѣ жестянка заключала

внутри плотно закупоренную банку изъ толстаго стекла съ широкимъ отверстіемъ, обернутую въ сырыя отруби, а въ ней — шестнадцать унцій моего состава. Снарядъ былъ соединенъ съ закупореннымъ горлышкомъ жестянки. Устройство было очень остроумное — комбинація времени и силы удара. Я ему точно все объяснилъ. Внутри была тонкая трубочка, заключающая въ себѣ...

Вниманіе Озипона было отвлечено другой мыслью.

— Что же произошло, по вашему? — прервалъ онъ профессора.

• — Не могу сказать. Онъ, вѣроятно, плотно вдвинулъ пробку, чѣмъ произвелъ нужное для взрыва соединеніе, а затѣмъ забылъ про время. Взрывъ долженъ былъ произойти черезъ двадцать минутъ. Но, конечно, при установленномъ соединеніи всякій толчокъ могъ вызвать преждевременный взрывъ. Значитъ, онъ или не успѣлъ въ-время уйти, или уронилъ снарядъ. Соединеніе произошло правильно — это для меня во всякомъ случаѣ ясно. А вѣдь казалось бы, что второпяхъ глупый человѣкъ скорѣе всего забудетъ установить соединеніе. Я въ большинствѣ случаевъ наталкивался именно на такую ошлопность. Но дураки бывають разныхъ сортовъ — отъ всѣхъ не убережешься.

Онъ подозвалъ служителя. Озипонъ сидѣлъ не двигаясь, погруженный въ мысли. Когда отошелъ лакей, получивъ деньги, онъ поднялся съ очень недовольнымъ видомъ.

— Мнѣ эта исторія крайне непріятна, — сказалъ онъ. — Карлъ уже недѣлю какъ лежитъ въ постели. У него тяжелая форма бронхита, и едва-ли онъ даже выживетъ. Михаэлисъ благодумствуетъ на лонѣ природы. Какой-то модный издатель предложилъ ему пятьсотъ фунтовъ за книгу. Книга, конечно, выйдетъ крайне неудачная. Онъ утратилъ привычку послѣдовательнаго мышленія въ тюрьмѣ.

Профессоръ поднялся и сталъ равнодушно застегивать пальто.

— Что же мнѣ теперь дѣлать? — спросилъ Озипонъ усталымъ тономъ. Онъ боялся гнѣва своего главнаго комитета. Если у него въ наказаніе отнимутъ скромную субсидію, которая назначалась на изданіе брошюръ, онъ дѣйствительно будетъ имѣть основаніе сожалѣть о безразсудномъ поступкѣ Верлока.

— Одно дѣло — солидарность съ крайними средствами пропаганды, а другое — глупая опрометчивость, — сказалъ онъ съ возмущеніемъ. — Я не понимаю, что побудило Верлока на такое дѣло. Тутъ какая-то тайна. Но — фактъ, что онъ погибъ. Намъ всѣмъ слѣдовало бы прежде всего заявить, что мы никакого отношенія къ этому дѣлу не имѣемъ. Я не знаю, какъ сдѣлать наше заявленіе достаточно убѣдительнымъ. Это вотъ и мучитъ меня.

Маленькій человекъ былъ, стоя, не выше сидѣвшаго на стулѣ Озипона. Онъ направилъ на него свои сверкающіе очки.

— Потребуйте у полиціи свидѣтельство о хорошемъ поведеніи,—сказалъ онъ.—Полиція отлично знаетъ, гдѣ каждый изъ васъ ночевалъ вчера. Можетъ быть, вамъ дадутъ какое-нибудь официальное удостовѣреніе, если вы попросите.

— Они-то, конечно, отлично знаютъ, что мы ни малѣйшаго отношенія къ этой исторіи не имѣемъ,—съ горечью пробормоталъ Озипонъ.—Но что они скажутъ—это дѣло другое.—Онъ задумался, не глядя на невзрачнаго маленькаго человека, стоявшаго рядомъ съ нимъ.—Непремѣнно заставлю Михаэлиса высказаться по этому поводу на одномъ изъ нашихъ собраній. Къ нему относятся съ какимъ-то сентиментальнымъ уваженіемъ. Его имя очень извѣстно. А я позову на собраніе репортеровъ большихъ газетъ—у меня есть знакомые среди нихъ. Говорить-то онъ будетъ, конечно, ерунду, но его слова произведутъ должное дѣйствіе.

Рѣшеніе обратиться къ Михаэлису не успокоило, однако, Озипона. Онъ снова впалъ въ тревожное раздумье.

— Вотъ оселъ! — проговорилъ онъ. — Взвалить мнѣ на плечи такое дурацкое дѣло! Я даже не знаю, могу ли я...

Онъ вѣрно сжалъ губы. Ему не особенно хотѣлось пойти теперь въ лавку Верлока. Онъ былъ увѣренъ, что полиція уже устроила тамъ западню. „Вѣдь имъ непремѣнно нужно сдѣлать нѣсколько арестовъ“,—съ возмущеніемъ думалъ Озипонъ, взбѣшенный неожиданнымъ и незаслуженнымъ нарушеніемъ его спокойной жизни. Но если онъ не пойдетъ въ лавку, онъ не узнаетъ, быть можетъ, очень существенныхъ для него подробностей. Потомъ, однако, онъ подумалъ, что если дѣйствительно человекъ въ паркѣ былъ разорванъ на куски, какъ писали въ вечернихъ газетахъ, то полиція не могла вѣдь сразу установить его личность. А въ такомъ случаѣ почему бы полиція слѣдила за лавкой Верлока болѣе чѣмъ за всякимъ другимъ мѣстомъ, гдѣ собирались анархисты,—напримѣръ, за пивной „Силенусъ“? Все равно, куда бы онъ ни пошелъ, вездѣ будетъ полиція. А все-таки...

— Право не знаю, что мнѣ теперь дѣлать,—нерѣшительно пробормоталъ онъ.

Скрипучій голосъ стоящаго рядомъ съ нимъ человека произнесъ съ спокойнымъ презрѣніемъ въ тонѣ:

— Не выпускайте его жену.

Сказавъ это, профессоръ отошелъ отъ стола. Озипонъ, застигнутый врасплохъ его догадливостью, невольно вздрогнулъ и ничего не отвѣтилъ. Онъ продолжалъ сидѣть, точно пригвожденный къ столу, и беспомощно озирался. Раздались снова неожиданные звуки механическаго роля, игравшаго на этотъ разъ серію національныхъ шотландскихъ пѣсень. Озипонъ медленно всталъ, направился къ лѣстницѣ, которая вела изъ подземелья вверхъ, поднялся по ней и, пройдя черезъ корридоръ, вышелъ на улицу.

Передъ входомъ въ ресторанъ стояла толпа газетчиковъ. Былъ мрачный и холодный день ранней весны, и угрюмое небо, грязь на улицѣ, лохмотья газетчиковъ составляли подходящій фонъ для запрудившаго улицу потока сырыхъ листовъ, загрязненныхъ типографскими чернилами. Продажа вечернихъ листовъ шла очень бойко, но все-таки, сравнительно съ непрерывнымъ лихорадочно быстрымъ движеніемъ пѣшеходовъ, получалось впечатлѣніе равнодушія къ призывамъ газетчиковъ, выкрикивавшихъ сенсаціонную новость. Озипонъ быстро оглянулся въ обѣ стороны, прежде чѣмъ вышелъ на улицу. Въ это время профессоръ уже скрылся изъ виду.

V.

Профессоръ повернулъ въ улицу направо и шелъ, высоко поднявъ голову среди толпы, въ которой почти всѣ были выше его ростомъ. Онъ и не старался увѣрить себя, что неудача взрыва не огорчила его. Но это относилось къ области чувства. Стоицизмъ его мышленія не допускалъ огорченій по поводу той или другой неудачи. Не въ этотъ разъ, такъ въ слѣдующій, будетъ нанесенъ рѣшительный ударъ, отъ котораго пошатнется величественное зданіе законности, охраняющей царство несправедливости въ жизни. Онъ родился въ бѣдной семьѣ, и его крайне невзрачная наружность мѣшала проявленію его значительныхъ природныхъ дарованій. Его воображеніе поэтому было съ молодыхъ лѣтъ разгорячено рассказами о людяхъ, которые, выходя изъ глубинъ нищенства, достигали вліятельнаго положенія въ обществѣ. Аскетическая чистота его мыслей въ соединеніи съ поразительнымъ непониманіемъ условій жизни породили въ немъ мечту о власти и силѣ, достижимой безъ посредства таланта, жизненнаго такта, богатства, — только въ силу своей внутренней правоты. Онъ считалъ себя достойнымъ безспорнаго

успѣха. Его отецъ былъ странствующимъ проповѣдникомъ; онъ принадлежалъ къ какой-то мало извѣстной, но очень строгой христіанской сектѣ—и глубоко вѣрилъ въ правоту своего ученія. Въ его сынѣ, индивидуалистѣ по темпераменту, религіозность смѣнилась твердостью научныхъ убѣжденій, и нравственная его стойкость заключалась въ фанатизмъ и чистотѣ его честолюбія. Онъ хранилъ въ душѣ свои мечты о благотворной власти, какъ святиню, и трудности, которыя онъ встрѣчалъ на своемъ пути, открыли ему глаза на искусственность и извращенность общественныхъ идеаловъ нравственности. Большинство даже самыхъ справедливыхъ революцій готовится личными мотивами, перешедшими въ вѣрованія. Возмущеніе профессора находило себѣ внутреннее оправданіе, позволявшее ему пользоваться разрушительными средствами для осуществленія своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Его педантичный фанатизмъ создалъ формулу: нужно разрушать вѣру въ законность. Но за этой неопредѣленной формулой скрывалось твердое и опредѣленное убѣжденіе, что только путемъ единоличнаго или коллективнаго насилія можетъ быть дѣйствительно разрушенъ существующій строй. Онъ твердо считалъ себя борцомъ за нравственный идеалъ, и въ то же время ему было пріятно сознавать свою власть. Это чувство нѣсколько смягчало горечь, накопившуюся въ его душѣ.

Затерянный въ толпѣ людей, жалкій, тщедушный съ виду, онъ наслаждался сознаніемъ своего могущества, опутивъ руку въ карманъ и сжимая въ рукѣ резиновый шарикъ — послѣдній оплотъ его свободы. Но черезъ нѣсколько времени онъ сталъ ощущать непріятное чувство при видѣ улицы, запруженной экипажами и всякаго рода повозками, при видѣ панелей, по которымъ двигались толпы пѣшеходовъ. Онъ шелъ по длинной, узкой улицѣ, заселенной лишь ничтожной частицей человѣчества. Но далеко вокругъ себя, до самаго горизонта, скрытаго громадами кирпичныхъ зданій, онъ чувствовалъ присутствіе безчисленныхъ обитателей земного шара. Безчисленное, какъ туча саранчи, трудолюбивое, какъ муравьи, неразумное, бессознательное, какъ стихія, человѣчество слѣпо двигалось впередъ, поглощенное своей минутной цѣлью, методичное въ своемъ движеніи, непроницаемое для чувства жалости, — непроницаемое даже для страха.

Это сомнѣніе болѣе всего его пугало. Непроницаемое для страха? Часто, когда онъ ходилъ среди толпы и, случайно отвлекшись отъ мысли о самомъ себѣ, задумывался о людяхъ, на него нападало ужасное и вполне логичное недоувѣріе въ чело-

вѣчеству. Что, если на людей нельзя ничѣмъ воздѣйствовать? Такіе моменты часто переживаются всѣми людьми, честолюбіе которыхъ обращено на одобреніе толпы. Такія минуты скептицизма переживаютъ артисты, политическіе дѣятели, мыслители, реформаторы, святые. Только одиночество укрѣпляетъ болѣе независимо мыслящихъ людей. Профессору хотѣлось скорѣе очутиться уже въ своей одинокой комнатѣ съ запертымъ на замокъ шкафомъ. Чтобы пройти скорѣе къ мѣсту стоянки омнибусовъ, онъ быстро свернулъ съ оживленной большой улицы въ узкій, полутемный переулочекъ. По одну сторону его тянулись низкіе кирпичные домики съ запыленными окнами, запустѣлые, брошенные; ихъ должны были скоро снести. По другую сторону переулка замѣтны были еще признаки жизни. Противъ одинокаго газоваго рожка раскрывалась дверь въ лавку старьевщика; въ глубинѣ темнаго корридора видѣлись шкафы, цѣлый лѣсъ ножекъ отъ столовъ, большое трюмо. Полуразломанная кушетка и два разрозненныхъ стула выставлены были на панель передъ лавкой. Единственный человѣкъ, который въ эту минуту очутился въ глухомъ переулкѣ, кромѣ профессора, войдя туда съ противоположнаго конца, вдругъ остановился.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ и зорко посмотрѣлъ на маленькаго человѣка.

Профессоръ остановился и сталъ въ полуоборотъ, такъ что его плечи почти уперлись въ стѣну на противоположной сторонѣ. Правая рука его легко опустилась на спинку стоявшей на панели кушетки, а лѣвую онъ еще продолжалъ держать въ карманѣ. Круглые очки въ тяжелой оправѣ придавали его лицу видъ филина.

Высокій человѣкъ былъ застегнутъ до верху пальто и держалъ въ рукѣ зонтикъ. Сдвинутая назадъ шляпа отерывала большой, очень бѣлый лобъ. Выглядывавшіе изъ темныхъ впадинъ глаза сверкали пронизывающимъ взглядомъ. Длинные усы цвѣта спѣлой ржи спускались кончиками на его тяжелый, бритый подбородокъ.

— Я за вами не гнался, — отрывисто произнесъ онъ.

Профессоръ не шевельнулся. Смутный гулъ огромнаго города перешелъ въ глухой шопотъ. Главный инспекторъ департамента по особо важнымъ дѣламъ, Хитъ, измѣнилъ тонъ.

— Не торопитесь домой? — спросилъ онъ слегка насмѣливо.

Маленькій, тщедушный проповѣдникъ разрушенія внутренне довался въ эту минуту тому, что могъ внушать страхъ чело-

вѣку, вооруженному правомъ охраны общества, довѣрившаго ему свою безопасность. Онъ былъ въ лучшемъ положеніи, чѣмъ Каллигула, желавшій, чтобы весь римскій сенатъ представлялъ изъ себя одну голову для лучшаго удовлетворенія его жестокихъ инстинктовъ. Профессоръ видѣлъ какъ-разъ въ этомъ одномъ человѣкѣ воплощеніе всѣхъ силъ, противъ которыхъ онъ пошелъ войной: силы закона, собственности, гнета и несправедливости. Въ этомъ одномъ человѣкѣ онъ видѣлъ всѣхъ своихъ враговъ и безстрашно смотрѣлъ на нихъ всѣхъ въ высшемъ удовлетвореніи своего тщеславія. Онъ видѣлъ въ стоящемъ передъ нимъ человѣкѣ страхъ передъ своей силой и обрадовался этой случайной встрѣчѣ, утверждавшей его превосходство надъ всѣми людьми.

Встрѣча была, дѣйствительно, совершенно случайная. Главный инспекторъ Хитъ провелъ день въ очень неприятной работѣ, послѣ того какъ получилась въ одиннадцать часовъ утра телеграмма о происшествіи въ Гринвичѣ. Очень неприятенъ былъ уже самый фактъ взрыва—приблизительно, черезъ недѣлю послѣ того, какъ онъ увѣрилъ одно вліятельное лицо въ томъ, что нечего опасаться проявленія анархической дѣятельности. Онъ былъ очень радъ, что могъ высказать эту увѣренность, такъ какъ вліятельное лицо видимо очень желало услышать нѣчто подобное. Главный инспекторъ Хитъ заявилъ, что всякій умыселъ анархистовъ былъ бы извѣстенъ его департаменту по прошествіи сутокъ, и онъ говорилъ это съ искренней увѣренностью въ своемъ всевѣдѣніи. Онъ даже произнесъ слова, которыя истинная мудрость скорѣе бы посоветовала утаить. Но инспекторъ Хитъ не былъ дѣйствительно мудрымъ человѣкомъ. Истинная мудрость, которая не считаетъ ничего достовѣрнымъ въ нашемъ мірѣ, сотканномъ изъ противорѣчій, навѣрное помѣшала бы ему достичь его высокаго положенія. Она бы устранила его начальство и ослабила его шансы на повышение. Повышеніе же его было очень быстрое.

— Нѣтъ среди нихъ ни одного,—заявилъ онъ,—котораго мы не могли бы захватить въ любой часъ дня и ночи. Мы знаемъ, что каждый изъ нихъ дѣлаетъ въ каждый часъ.

Начальствующее лицо соизволило улыбнуться въ отвѣтъ на это. Именно это и слѣдовало утверждать чиновнику съ той репутаціей, какой пользовался главный инспекторъ Хитъ. Высокопоставленное лицо повѣрило его заявленію, такъ какъ оно какъ-разъ соотвѣтствовало его представленію о томъ, какъ должны обстоять дѣла. Его мудрость была тоже оффиціальная; иначе онъ бы подумалъ, что теорія не всегда соотвѣтствуетъ практикѣ, и что на самомъ дѣлѣ въ тонко сплетенной сѣти отношеній

между заговорщиками и полиціей нити могутъ случайно гдѣ-нибудь оборваться, что возможны неожиданные провалы. За какии-нибудь анархистомъ, напримѣръ, слѣдять неотступно, ни на минуту не теряя его изъ виду. И вдругъ онъ какъ-то исчезнетъ на нѣсколько часовъ, въ теченіе которыхъ можетъ произойти нѣчто болѣе или менѣе роковое — въ большинствѣ случаевъ какой-нибудь взрывъ. Но начальствующее лицо, увлеченное представленіемъ объ идеальномъ положеніи вещей, не думало объ этой возможности и улыбнулось въ отвѣтъ на увѣренія Хита. А теперь воспоминаніе объ этой улыбкѣ было крайне непріятно инспектору Хиту, главному эксперту по анархическимъ дѣламъ.

И не только это одно обстоятельство нарушало обычное свѣтлое расположеніе духа почтеннаго спеціалиста. Было еще нѣчто другое, случившееся въ то же утро. Когда его призвали спѣшно въ кабинетъ вице-директора его департамента, онъ не смогъ скрыть своего изумленія, и воспоминаніе объ этомъ мучило его теперь. Онъ зналъ инстинктивно, что репутація человѣка зависитъ не столько отъ его дѣйствительныхъ заслугъ, какъ отъ его умѣнья держаться въ томъ или другомъ случаѣ. И онъ почувствовалъ, что держался не особенно достойно, когда ему показали телеграмму. Онъ широко раскрылъ глаза и воскликнулъ:— „Не можетъ быть!“— Въ отвѣтъ на это вице-директоръ ткнулъ пальцемъ въ телеграмму, прочелъ ее вслухъ и швырнулъ ее на столъ. Этого униженія инспекторъ Хитъ никакъ не могъ забыть. Ткнуть пальцемъ ему въ назиданіе — какой ударъ для репутаціи свѣдущаго эксперта! Къ тому же Хитъ мучительно вспоминалъ, что ничуть не поправилъ дѣла, позволивъ себѣ высказать еще одно твердое убѣжденіе.

— Одно я вамъ могу сказать сейчасъ же, — сказалъ онъ: — никто изъ нашихъ не имѣетъ отношенія къ этому дѣлу.

Онъ былъ твердъ въ своей убѣжденности добросовѣстнаго сыщика; но теперь ему было ясно, что гораздо полезнѣе для его репутаціи было бы сохранить внимательно-непроницаемый видъ. Съ другой стороны, онъ понималъ, что трудно быть на высотѣ своей репутаціи, если въ дѣло вмѣшиваются люди со стороны. А таковые попадаются и въ рядахъ полиціи такъ же, какъ и въ другихъ профессіяхъ. Тонъ, которымъ говорилъ съ нимъ вице-директоръ, былъ очень кислый.

Кромѣ того, инспекторъ Хитъ ничего не ѣлъ съ самаго утра. Отправившись производить дознаніе тотчасъ же послѣ того, какъ получалось извѣстіе, онъ наглотался въ большомъ количе-

ствѣ сырости и тумана въ паркѣ. Затѣмъ онъ отправился въ госпиталь, и когда, наконецъ, кончилось слѣдствіе въ Гринвичѣ, у него не было ни малѣйшаго аппетита. Не привыкнувъ разглядывать изуродованные человѣческіе останки, онъ пришелъ въ ужасъ отъ зрѣлища, которое открылось его глазамъ, когда сняли непромокаемое покрывало со стола въ одномъ изъ помѣщений госпиталя. Столъ былъ накрытъ еще однимъ непромокаемымъ покрываломъ въ видѣ скатерти съ поднятыми кверху концами, прикрывавшими какую-то груду окровавленныхъ тряпокъ; изъ-подъ нихъ видѣлось нѣчто, чтò могло казаться сырыми продуктами, приготовленными для пиршества людоедовъ. Нужно было большое присутствіе духа, чтобы не убѣжать при видѣ такого зрѣлища. Главный инспекторъ Хитъ постарался быть на высотѣ своего служебнаго долга и не убѣжалъ. Но въ первую минуту онъ не рѣшился приблизиться. Мѣстный полицейскій, въ мундирѣ, взглянувъ искоса на столъ, сказалъ совершенно просто:

— Онъ тутъ весь цѣликомъ. Весь до кусочка.

Онъ первый явился на мѣсто катастрофы, и снова объ этомъ упомянуть. Стоя у воротъ парка и разговаривая со сторожемъ, онъ вдругъ увидѣлъ точно блескъ молніи среди густого тумана. Сила взрыва была такова, что онъ задрожалъ съ головы до ногъ и быстро побѣжалъ по аллеѣ въ обсерваторію.

— Я бѣжалъ изо всѣхъ силъ,—повторилъ онъ два раза.

Главный инспекторъ Хитъ нагнулся надъ столомъ, не слушая разсказа. Больничный сторожъ и еще одинъ человѣкъ отвернули углы скатерти и сами отошли въ сторону. Инспекторъ сталъ внимательно разглядывать лежавшую передъ нимъ груду, въ которой ничего нельзя было различить.

— Вы загребли все въ кучу лопатой,—сказалъ онъ, замѣтивъ среди всего остального мелкіе камешки, коричневыя доски коры и тонкіе деревянные осколки.

— Да, пришлось взять лопату,—сказалъ полицейскій.—Я послалъ сторожа за заступомъ. Когда я взялся за работу, сторожъ прислонился къ дереву и весь побѣлѣлъ отъ ужаса.

Главный инспекторъ наклонился надъ столомъ и усиліемъ воли поборолъ приступъ дурноты. Онъ не сомнѣвался, что человѣкъ, разорванный на клочки, умеръ моментальной смертью, но при видѣ страшныхъ останковъ трудно было повѣрить, что смерть не сопровождалась невообразимой мукой. Инспекторъ Хитъ не былъ ни физиологомъ, ни метафизикомъ, но путемъ жалости, которая на самомъ дѣлѣ есть лишь разновидность страха, онъ

возвысился надъ обычнымъ представленіемъ о времени. Смерть этого человѣка была моментальной, но онъ припомнилъ все, что читалъ о томъ, какъ утопающіе переживаютъ въ одну секунду всю свою минувшую жизнь. Его охватилъ ужасъ передъ тайнами сознанія, и онъ подумалъ о томъ, какая безконечность безумной и нравственной муки можетъ вмѣститься въ одномъ моментѣ. Всѣ эти мысли не мѣшали, однако, инспектору Хиту со спокойнымъ на видѣ лицомъ разсматривать лежащую передъ нимъ грудю останковъ. Инстинктъ опытнаго слѣдователя не позволялъ ему упускать изъ виду всякое свѣдѣніе, которое могло бы оказаться ему полезнымъ, и онъ слушалъ, продолжая свой внимательный осмотръ, самодовольную болтовню полицейскаго.

— Онъ былъ блондинъ,— продолжалъ полицейскій ровнымъ голосомъ.— Старуха, которая давала показанія сержанту, говорила, что видѣла блондина, выходящаго со станціи Мэзъ-Хиль. Она замѣтила двухъ людей, выходявшихъ со станціи послѣ того, какъ прошелъ поѣздъ въ Лондонъ. Но вышли ли они вмѣстѣ, этого она не могла сказать. На одного изъ нихъ, толстаго, она не обратила вниманія, но второй былъ свѣтловолосый худощавый молодой человѣкъ и несъ въ рукахъ жестянку.

— Вы знаете эту женщину?— спросилъ инспекторъ, не отводя глазъ отъ стола и инстинктивно собираясь сейчасъ же произвести дознаніе о человѣкѣ, личность котораго, по всей вѣроятности, должна была остаться неустановленной.

— Да, она служитъ экономкой у одного бывшаго трактирщика и посѣщаетъ церковь въ Паркъ-Плэсъ,— сказала полицейскій и опять остановился, покосившись въ сторону стола. Потомъ онъ вдругъ снова заговорилъ:— Вотъ онъ весь,— сказалъ онъ,— больше ничего я не нашелъ. Свѣтлые волосы. Довольно худощавый. Взгляните-ка на эту ногу. Я съ трудомъ подобралъ его всего. Вѣрно, штука, которую онъ носилъ, взорвалась у него прямо на груди.

Главный инспекторъ уже какъ будто слышалъ слова: „невѣдомый человѣкъ“. При чтеніи протокола слѣдствія ему самому хотѣлось бы, для удовлетворенія профессиональнаго любопытства, напасть на какой-нибудь слѣдъ. Но это было, повидимому, невозможно. Нельзя было понять исходнаго пункта трагедіи, нельзя было предположить иного мотива, кромѣ безпричинной жестокости.

Преодоливъ физическое отвращеніе, инспекторъ Хитъ протянулъ руку, какъ бы только для очистки совѣсти, и взялъ въ руки наименѣе грязную изъ тряпокъ, сваленныхъ въ кучу. Это

была тонкая полоска бархата, съ которой свѣшивалась большая треугольная полоска сукна темно-синяго цвѣта. Онъ поднесъ тряпку въ глазамъ. Полицейскій продолжалъ говорить.

— Бархатный воротникъ. Смѣшно, что старуха замѣтила бархатный воротникъ. Темно-синее пальто съ бархатнымъ воротникомъ,—сказала она намъ.—Конечно, это онъ; сомнѣнiя быть не можетъ. Вотъ онъ тутъ весь вмѣстѣ съ бархатнымъ воротникомъ и всѣмъ прочимъ. Я собралъ все, до малѣйшаго кусочка. Не осталось ни кусочка, хотя бы величиной съ почтовую марку.

Въ эту минуту въ главномъ инспекторѣ проснулся опытный сыщикъ, и онъ пересталъ слушать полицейскаго. Онъ подошелъ къ окну, чтобы лучше видѣть, и на лицѣ его отражалось упорное вниманiе въ то время, какъ онъ разсматривалъ треугольный кусокъ сукна. Вдругъ онъ оторвалъ его, быстро засунулъ въ карманъ и бросилъ бархатный воротникъ обратно на столъ.

— Закройте, — рѣзко сказалъ онъ служащимъ и, кивнувъ полицейскому, быстро ушелъ со своей добычей.

Онъ поѣхалъ ближайшимъ поѣздомъ въ городъ. Сидя въ вагонѣ третьяго класса, онъ размышлялъ о цѣнности своей находки и о томъ, какъ случайно она попала ему въ руки. Точно сама судьба послала ему этотъ кусочекъ синяго сукна. И какъ большинство людей, цѣль которыхъ управлять событiями, онъ сталъ не довѣрять своей случайной удачѣ, именно потому, что она была случайной. Ему уже казалось, что вовсе не такъ важно установить личность человѣка, взорвавшаго себя въ это утро. Онъ не могъ рѣшить, какъ на это взглянетъ его начальство. Начальство представляется подчиненнымъ очень своеобразнымъ существомъ со своими особыми соображенiями и капризами. Оно—въ зависимости отъ своихъ вѣрныхъ слугъ, а вѣрность преданныхъ слугъ связана съ нѣкоторой долей доброжелательнаго презрѣнiя, скрашивающаго горечь подчиненности. По мудрому усмотрѣнiю природы, никто не остается героемъ для своего лакея; не то героямъ приходилось бы самимъ чистить себѣ платье. Точно также никакое начальство не кажется мудрымъ своимъ подчиненнымъ. Начальство не знаетъ многого, чтѣ знаютъ нѣкоторые служащiе. Оно никогда не бываетъ вполне освѣдомлено и ему даже не слѣдуетъ слишкомъ много знать. Главный инспекторъ Хитъ вышелъ изъ поѣзда въ глубокомъ раздумьи, въ которомъ не было ни тѣни предательства, но было ревнивое недовѣрiе, часто совмѣстимое съ полной преданностью или по отношенiю къ женщинамъ, или по отношенiю къ общественнымъ или государственнымъ учрежденiямъ.

Таково было его душевное состояніе, въ которому примѣнялось также еще физическое чувство голода при дѣющейся тошнотѣ, когда онъ встрѣтилъ профессора. При такихъ условіяхъ, способныхъ вызвать раздраженіе даже въ вполне уравновѣженномъ человѣкѣ, эта встрѣча была особенно непріятна главному инспектору Хиту. Онъ не думалъ о профессорѣ, не думалъ ни о какомъ отдѣльномъ анархистѣ. Необъяснимость взрыва преисполнила его инстинктивной мыслью о нецѣлостности человѣческихъ дѣйствій, и эта мысль, непріятная и теоретически, становилась невыносимой въ конкретныхъ случаяхъ, какъ, напримеръ, при встрѣчѣ съ завѣдомымъ анархистомъ. Въ началѣ его карьеры спеціальностью инспектора Хита были грабежи. Разслѣдованіемъ сложныхъ случаевъ грабежа Хитъ и составилъ себѣ репутацію умѣлаго сыщика, и вполне естественно, что когда его перевели въ другой департаментъ, онъ сохранилъ нѣкоторую нѣжность къ своимъ прежнимъ занятіямъ. Воровство не представляетъ собой ничего нецѣлостнаго. Это—одна изъ областей человѣческой дѣятельности, нѣчто вполне понятное при всей своей извращенности. Грабительство—трудъ, за который берутся съ той же цѣлью, съ какой занимаются изготовленіемъ гончарныхъ издѣлій, работой въ каменноугольныхъ копяхъ, въ разнаго рода мастерскихъ. Практическое отличіе грабительства отъ другихъ формъ труда—въ томъ, что связанная съ нимъ опасность заключается не въ свинцовомъ отравленіи, не въ сырости или пыли, разрушающей легкія, а въ томъ, что обозначается специфической формулой: „семь лѣтъ каторжныхъ работъ“. Главный инспекторъ Хитъ, конечно, сознавалъ всю разницу въ нравственномъ отношеніи между честными рабочими и ворами, но и воры, подвѣдомственные ему, вполне сознавали это различіе и признавали всю строгость морали, которой подчинялся инспекторъ Хитъ. Главный инспекторъ Хитъ считалъ воровъ своими согражданами, испорченными дурнымъ воспитаніемъ, и въ общемъ вполне понималъ ихъ психологію. Инстинкты и понятія у него были такіе же, какъ у нихъ. Воры и полиція подчиняются одиѣмъ и тѣмъ же условностямъ, знаютъ образъ дѣйствія другъ друга и понимаютъ другъ друга, что представляетъ удобство для обѣихъ сторонъ и создаетъ дружелюбныя до нѣкоторой степени отношенія. Созданныя однимъ и тѣмъ же общественнымъ строемъ, причѣмъ одни признаются имъ полезными, а другіе вредными, и тѣ и другіе вполне признаютъ этотъ строй каждый по своему, но съ одинаковой убѣжденностью. Главный инспекторъ Хитъ не достигалъ въ принципѣ возможность мятежа. Но его воры вовсе

не были мятежниками. Его физическая храбрость, его холодная непоколебимость, его смѣлость и справедливость создали ему почетное положеніе на поприщѣ его первыхъ успѣховъ.

Онъ чувствовалъ, что подвѣдомственные ему нарушители законовъ уважаютъ и вполне одобряютъ его дѣятельность. Остановившись теперь въ пяти шагахъ отъ анархиста, прозваннаго профессоромъ, онъ мысленно пожалѣлъ о мирѣ воровъ — нормальномъ, чуждомъ извращенныхъ идеаловъ, вѣрномъ традиціямъ, уважающемъ власти, чуждомъ злобы и отчаянія.

Отдавши дань сожалѣнія нормальнымъ элементамъ общественной жизни (идея воровства казалась ему истинно столько же нормальной, какъ понятіе о собственности), главный инспекторъ Хитъ пожалѣлъ о томъ, что онъ остановился и заговорилъ съ профессоромъ, и даже о томъ, что онъ пошелъ по этой улицѣ, чтобы сократить дорогу со станціи къ мѣсту своей службы. И онъ снова заговорилъ громкимъ, властнымъ голосомъ, придавая ему угрожающій тонъ:

— Вы мнѣ не нужны, говорю я вамъ,—повторилъ онъ.

Анархистъ не двинулся съ мѣста. Внутренній торжествующій смѣхъ обнажилъ не только его зубы, но и дѣсны. Онъ весь трясся, не издавая ни единого звука. Главный инспекторъ Хитъ, поддавшись искушенію, прибавилъ еще довольно опрометчиво:

— Пока вы еще не нужны. Когда понадобится, я буду знать, гдѣ васъ искать.

Это было сказано въ тонѣ, приличествующемъ высшему полицейскому чину въ обращеніи къ подвѣдомственному ему человѣку. Но на это послѣдовала отвѣтъ, нарушающій всякія традиціонныя правила. Отвѣтъ былъ возмутительный. Тщедушный маленькій человѣкъ, послѣ долгаго молчанія, наконецъ заговорилъ.

— Я увѣренъ, — сказалъ онъ, — что въ такомъ случаѣ газеты посвятятъ вамъ должные некрологи. Но вы сами знаете, что вамъ отъ этого будетъ мало радости. Къ тому же, можно отлично сказать заранѣе, что онъ напечатаютъ. А съ вами можетъ случиться та неприятность, что васъ похоронятъ вмѣстѣ со мной, хотя, конечно, ваши друзья постараются, насколько возможно, отдѣлить насъ одного отъ другого.

При всемъ естественномъ презрѣніи главнаго инспектора Хита къ чувству, порождающему такія рѣчи, слова профессора все-таки произвели на него впечатлѣніе. Онъ слишкомъ хорошо зналъ положеніе дѣлъ, чтобы считать угрозу анархиста вѣдомомъ. Полумракъ узкаго переулка принялъ мрачный оттѣнокъ, благодаря присутствію темной, тщедушной маленькой фигуры,

прислонившейся спиной къ стѣнѣ и говорившей слабымъ, но самоувѣреннымъ тономъ. Его жалкая внѣшность еще болѣе пугала полнаго жизни главнаго инспектора. Ему казалось, что имѣя онъ такую наружность, онъ бы не старался продолжить жизнь. А ему жизнь была дорога, и доносившійся издали шумъ города казался ему безконечно радостнымъ. Онъ почувствовалъ приливъ жизненной силы, готовый отстоять себя. Онъ не могъ оставить безъ отвѣта дерзкія слова анархиста.

— Ваши слова годятся лишь для того, чтобы пугать дѣтей, — сказалъ онъ. — Я еще доберусь до васъ.

Это было сказано очень достойно, съ внушительнымъ суровымъ спокойствіемъ.

— Я не сомнѣваюсь, — отвѣтилъ профессоръ. — Но, повѣрьте мнѣ, теперь самая подходящая минута. Для человѣка убѣжденнаго это вполне подходящий случай для самопожертвованія. Лучшаго не найдете. Даже изъ человѣколюбія вамъ слѣдуетъ избрать именно эту минуту. Вокругъ насъ нѣтъ живого существа, а эти старыя лачуги составляютъ отличную груду кирпичей на томъ мѣстѣ, гдѣ вы стоите. Вамъ никогда не удастся освободиться отъ меня съ такимъ малымъ рискомъ для человѣческой жизни и для собственности, за огражденіе которой вамъ платятъ жалованье.

— Вы не знаете, съ кѣмъ вы говорите, — твердо возразилъ главный инспекторъ Хитъ. — Если бы я теперь схватилъ васъ, я былъ бы не лучше васъ самого.

— Вотъ какъ! Вы хотите вести игру по всѣмъ правиламъ.

— Да, и повѣрьте, что мы выиграемъ ее. Возможно, что придется впоследствии доказывать людямъ, что вашего брата нужно пристрѣливать при встрѣчѣ, какъ бѣшеныхъ собакъ. Тогда игра будетъ заключаться въ этомъ. Но въ чемъ ваша игра, этого я никакъ въ толкъ не возьму. Да и не думаю, чтобы вы сами знали. Вы ничего не добьетесь.

— А вы кое-чего ужъ и добились — пока. И даже довольно легко добились. Я не говорю о вашемъ жалованьи. Но вѣдь вы составили себѣ репутацію просто непониманіемъ нашей цѣли.

— Такъ въ чемъ же ваша цѣль? — спросилъ главный инспекторъ Хитъ съ нервной поспѣшностью, какъ человѣкъ, который торопится и вдругъ видитъ, что напрасно потратилъ время.

Анархистъ отвѣтилъ улыбкой, которая даже не раздвинула его безкровныхъ губъ; главный инспекторъ поднялъ палецъ угрожающимъ жестомъ.

— Оставьте ваши замыслы — каковы бы они ни были, — ска-

заль онъ внушительнымъ тономъ, но не такъ добродушно, какъ сказалъ бы, снисходя до дружескаго совѣта какому-нибудь извѣстному вору. — Оставьте. Насъ слишкомъ много; вы съ нами не справитесь.

Остановившаяся улыбка на губахъ профессора дрогнула, точно насмѣшливый духъ въ немъ потерялъ свою самоувѣренность. Главный инспекторъ Хитъ продолжалъ:

— Вы мнѣ не вѣрите?—осмотритесь, и судите сами. Насъ слишкомъ много, повѣрите мнѣ. И во всякомъ случаѣ, вы не хорошо дѣлаете свое дѣло. Вы вѣчно попадаетесь въ просакъ. Если бы воры не знали свое ремесло лучше, чѣмъ вы, они бы умерли съ голода.

Мысль о непобѣдимомъ большинствѣ, стоящемъ за спиной этого человѣка, вызвала выраженіе мрачнаго негодованія на лицѣ профессора. Онъ пересталъ улыбаться своей загадочной и насмѣшливой улыбкой. Сила большинства, непобѣдимая стойкость большой толпы, была кошмаромъ его мрачнаго одиночества. Губы его нѣсколько времени дрожали, прежде чѣмъ онъ смогъ выговорить сдвоеннымъ голосомъ:

— Я лучше знаю свое дѣло, чѣмъ вы ваше.

— Довольно, — прервалъ его главный инспекторъ Хитъ, и профессоръ на этотъ разъ открыто разсмѣялся. Но смѣхъ его недолго длился. Изъ тѣснаго переулка вышелъ на большую улицу жалкій человѣкъ съ печальнымъ лицомъ. Онъ продолжалъ идти нервной, неровной походкой, не обращая вниманія на дождь, въ мрачномъ забвеніи всего окружающаго. Главный инспекторъ Хитъ поглядѣлъ ему вслѣдъ, а потомъ вышелъ на большую улицу съ противоположнаго конца переулка. Лицо у него было скорѣе веселое. Онъ тоже не обратилъ вниманія на непогоду, но это происходило оттого, что онъ былъ исполненъ сознанія важности своей миссін на землѣ и зналъ, что всѣ ему сочувствуютъ. Все населеніе огромнаго города, населеніе всей страны, миллионы людей, борющихся за существованіе на всемъ земномъ шарѣ, были на его сторонѣ, въ томъ числѣ даже воры и нищіе. Сознаніе общаго сочувствія укрѣпляло въ немъ духъ, придавало ему силу, нужную для того, чтобы справиться съ непосредственно предстоявшимъ ему дѣломъ.

Дѣло это заключалось въ томъ, чтобы поладить съ вице-директоромъ его департамента; его непосредственнымъ начальникомъ. Въ этомъ заключается постоянная задача преданныхъ слугъ. Анархизмъ придалъ ей особую окраску, ничего не мѣняя по существу. Говоря по правдѣ, главный инспекторъ Хитъ мало

думалъ объ анархизмѣ. Онъ не могъ заставить себя смотрѣть на него серьезно. Анархизмъ казался ему какъ бы только непристойнымъ поведеніемъ—да еще въ трезвомъ видѣ. Пьяницу можно простить за непристойность, потому что въ пьянствѣ сказываются добродушіе и доброжелательство къ людямъ. Поведеніе анархистовъ этого оправданія не имѣло. Главный инспекторъ Хитъ не считалъ анархистовъ особымъ классомъ преступниковъ. Вспоминая о профессорѣ, онъ пробормоталъ сквозь зубы, быстро шагая:

— Сумасшедшій!

Ловить воровъ—куда интереснѣе. Это—серьезный спортъ, въ которомъ выигрываютъ наиболѣе ловкіе, причемъ и та, и другая сторона соблюдаетъ установленныя правила игры. Но никакихъ правилъ въ сношеніяхъ съ анархистами нельзя установить. Это и раздражало главнаго инспектора. Анархизмъ, конечно, глупость, но эта глупость возбуждала общество, тревожила высокопоставленныхъ лицъ и портила международныя отношенія. На лицѣ главнаго инспектора отразилось безпощадное презрѣніе. Онъ мысленно представилъ себѣ всѣхъ подвѣдомственныхъ ему анархистовъ. Ни въ одномъ изъ нихъ онъ не наблюдалъ и половины ума и ловкости, какую проявляли нѣкоторые лично извѣстные ему воры.

Главнаго инспектора провели въ кабинетъ вице-директора, сейчасъ же, когда онъ явился въ департаментъ. Вице-директоръ сидѣлъ съ перомъ въ рукахъ, наклонившись надъ большимъ столомъ, заваленнымъ бумагами, какъ бы въ молитвенномъ экстазѣ передъ огромной чернильницей изъ бронзы и хрусталя. Телефонныя трубки, похожія на змѣй, привязаны были головами къ спинкѣ деревяннаго кресла, на которомъ сидѣлъ вице-директоръ, и ихъ открытыя пасти, казалось, готовы были укусить его локти. При появленіи Хита онъ только поднялъ глаза съ темными морщинистыми вѣками и сказалъ, что уже имѣются всѣ рапорты; извѣстно, гдѣ каждый анархистъ въ отдѣльности.

Сказавъ это, онъ снова опустилъ глаза, быстро подписалъ два листа бумаги, затѣмъ только отложилъ перо и откинулся на спинку кресла, устремивъ испытующій взглядъ на своего подчиненнаго, который пользовался столь громкой извѣстностью. Главный инспекторъ глядѣлъ въ свою очередь на начальника очень почтительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ загадочно.

— Вы, кажется, были правы,—сказалъ вице-директоръ,—сказавъ мнѣ сразу, что лондонскіе анархисты не причастны къ этому дѣлу. Я очень доволенъ надзоромъ за ними со стороны

вашихъ людей; но съ другой стороны, для общественнаго мнѣнія, это — признаніе въ томъ, что мы ничего не знаемъ.

Онъ проговорилъ это медленно и осторожно. Его мысль какъ бы увѣщивалась на одномъ словѣ, прежде чѣмъ перейти къ другому, точно слова были камнями, на которые ступала его мысль, пробираясь по водамъ заблужденій. — Но, можетъ быть, вы узнали что-нибудь существенное въ Гринвичѣ, — прибавилъ онъ.

Главный инспекторъ началъ спокойнымъ и дѣловитымъ тономъ свой докладъ о произведенномъ имъ слѣдствіи. Его начальникъ слегка повернулъ стулъ и, скрестивъ тонкія ноги, оперся на локоть, прикрывая одной рукою глаза. Въ его внимательномъ взорѣ свѣтилась благородная грусть. Серебряныя нити сверкали по обѣ стороны его черной головы, когда онъ медленно опустилъ ее при окончаніи доклада.

Главный инспекторъ Хитъ остановился, точно обдумывая сказанное, но на самомъ дѣлѣ размышляя о томъ, слѣдуетъ ли прибавить еще кое-что.

Вице-директоръ оборвалъ его колебаніе.

— Вы думаете, что ихъ было двое? — спросилъ онъ, не отрывая глазъ.

Главный инспекторъ отвѣтилъ, что это болѣе чѣмъ вѣроятно. По его мнѣнію, они разстались ярдахъ въ ста отъ стѣны обсерваторіи. Онъ объяснилъ также, какимъ образомъ второй изъ нихъ могъ выйти незамѣченнымъ изъ парка. Ему благоприятствовалъ туманъ. Онъ, повидному, проводилъ своего спутника до назначеннаго мѣста и предоставилъ ему дѣлать дѣло одному. Сопоставляя время, когда старуха видѣла ихъ выходящими со станціи, и время, когда произошелъ взрывъ, главный инспекторъ былъ увѣренъ, что второй человекъ успѣлъ попасть на станцію Гринвичъ-Парка и сѣсть на поѣздъ, идущій въ городъ, какъ-разъ въ ту минуту, когда его товарищъ взорвалъ себя на куски.

Главный инспекторъ нѣсколькими словами описалъ видъ останковъ. — Слѣдственному суду невозможно будетъ ничего установить, — прибавилъ онъ мрачно.

Вице-директоръ отнялъ руку отъ глазъ.

— А мы ничѣмъ не сможемъ помочь слѣдствію, — медленно прибавилъ онъ.

Онъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ пристально въ лицо главному инспектору.

Онъ не былъ склоненъ къ иллюзіямъ и зналъ, что всякое

учрежденіе находится въ полной зависимости отъ своихъ служащихъ, у которыхъ бывають своеобразныя понятія о преданности. Онъ началъ свою карьеру въ далекой колоніи на тропикахъ. Онъ относился тамъ съ любовью къ своему дѣлу и умѣлъ отлично выслѣживать разныя тайныя общества среди туземцевъ. Потомъ онъ взялъ долгій отпускъ и, пріѣхавъ на родину, нѣсколько необдуманно женился. Онъ сдѣлалъ въ сущности хорошую партію, но жена его составила себѣ, по слухамъ, неблагоприятное мнѣніе о климатѣ колоній и, пользуясь своими большими связями, устроила его въ Лондонѣ. Онъ занялъ сразу видное мѣсто, но возложенный на него родъ службы не удовлетворялъ его. Его тяготила чрезмѣрная зависимость отъ слишкомъ многихъ подчиненныхъ и слишкомъ многихъ начальниковъ.

Давила его также зависимость отъ общественнаго мнѣнія, связывавшаго его своими непонятными капризами. Онъ несомнѣнно преувеличивалъ по непониманію пользу и вредъ, въ особенности вредъ общественнаго мнѣнія, а суровый вѣтеръ англійской весны вредно отражался на его здоровьи и еще болѣе усиливалъ его недовѣріе къ людямъ и созданнымъ ими учрежденіямъ. Суетность канцелярской работы приводила его въ ужасъ, особенно въ дни, когда онъ страдалъ отъ печени.

Онъ всталъ изъ-за стола и тяжелой поступью, поражающей въ такомъ худощавомъ человѣкѣ, прошелъ черезъ комнату къ окну... Стекла были залиты дождемъ, и улица, на которую онъ выглянуть, была совершенно пустыня, точно всѣхъ людей смыло внезапно хлынувшимъ потокомъ. Погода была отвратительная; послѣ туманнаго утра пошелъ холодный дождь. Мелькающее пламя газовыхъ рожковъ точно расплывалось въ влажномъ воздухѣ.

„Ужасно, ужасно!“ — думалъ про себя вице-директоръ, приблизивъ лицо къ окну. — Вотъ уже десять дней, — итъ, цѣлыхъ двѣ недѣли, какъ длится такая погода.

Онъ нѣсколько минутъ ни о чемъ не думалъ, потомъ отрывисто спросилъ:

— Вы приняли шаги къ тому, чтобы прослѣдить второго изъ нихъ по линіи желѣзной дороги?

Онъ не сомнѣвался въ томъ, что все нужное было сдѣлано. Главный инспекторъ Хитъ былъ опытенъ въ охотѣ на людей. А тутъ нужно было только продѣлать самое элементарное, то, что сумѣлъ бы каждый новичокъ. Разспросы служащихъ, собирающихъ билеты, и сторожей двухъ маленькихъ станцій — должны

были дать всѣ нужныя дополнительныя свѣдѣнія. Осмотръ собранныхъ билетовъ сразу долженъ былъ установить, откуда виновники взрыва пріѣхали въ это утро. Все это было совершенно элементарно и навѣрное не было упущено. Дѣйствительно, главный инспекторъ отвѣтилъ, что все это было сдѣлано, какъ только получилось показаніе старухи. Онъ назвалъ станцію, откуда они пріѣхали; сторожъ, отбиравшій билеты въ Мэзъ-Хилль, вспомнилъ двухъ людей такого вида, прошедшихъ на платформу. Они казались ему двумя рабочими, малярами или декораторами. Толстый человѣкъ вышелъ изъ вагона третьяго класса въ концѣ поѣзда, и въ рукахъ у него была яркая жестянка. Выйдя на платформу, онъ передалъ ее молодому блондину, который шелъ за нимъ.

Все это вполне совпадало съ показаніями, которыя дала старуха полицейскому въ Гринвичѣ.

Вице-директоръ, продолжая стоять лицомъ къ окну, выразилъ сомнѣніе въ томъ, что именно эти два человѣка имѣли отношеніе къ происшедшему взрыву. Предположеніе объ этомъ основывалось вѣдь только на показаніи старухи, чуть не опрокинутой обжавшимъ мимо нея человѣкомъ. На ея авторитетъ трудно положиться.

— Обломки жести я совершенно ясно различилъ среди остатковъ, — сказалъ инспекторъ Хитъ. — Это достаточное подтвержденіе ея словъ.

— Почему бы эти люди пріѣхали изъ невѣдомаго маленькаго мѣстечка, со станціи Мэзъ-Хилль? Какимъ образомъ могли попасть туда два иностранныхъ анархиста? — спросилъ онъ, обращаясь съ этимъ вопросомъ больше къ самому себѣ, чѣмъ къ своему подчиненному. — Совершенно необъяснимо.

— Да, сэръ, но это было бы еще болѣе необъяснимо, если бы какъ-разъ на этой станціи не жилъ Михаэлисъ.

При звукѣ этого имени, совершенно неожиданно названнаго въ связи съ столь неприятнымъ дѣломъ, вице-директоръ встрепнулся. Приятная мысль о предстоявшей ему послѣ службы ежедневной партіи виста сразу испарилась у него изъ головы. Онъ почувствовалъ чисто физическое сотрясеніе, и вдругъ загорѣлся интересомъ къ своей охранительной дѣятельности — интересомъ, впрочемъ, неподобающаго характера: онъ точно вдругъ усомнился въ пользѣ порученной ему власти.

VI.

Покровительница Михаэлиса, отпущеннаго на поруки апостола гуманитарныхъ надеждъ, была одной изъ самыхъ знатныхъ и вліятельныхъ подругъ жены вице-директора, которую она называла Анни и считала неразумной и неопытной дѣвочкой. Съ мужемъ Анни она была въ дружескихъ отношеніяхъ, не въ примѣръ другимъ знатнымъ знакомымъ жены вице-директора. Она была сама аристократическаго происхожденія, вышла замужъ очень молодой за человѣка, занимавшаго высокій постъ, и вслѣдствіе этого близко стояла, въ молодые годы, къ государственнымъ дѣламъ и ко многимъ государственнымъ людямъ. Состарившись, она отбросила многіе общественные предрасудки, не преклонялась ни предъ чьимъ общественнымъ авторитетомъ, всегда говорила и дѣйствовала вполнѣ искренно, слѣдуя не обманывавшему ее никогда природному такту. Физически она удивительно сохранилась, и три поколѣнія сряду восхищались ея красотой и бодростью, ея умомъ и сердечностью. Въ старости она старалась приблизить къ себѣ, при посредствѣ своего личнаго и общественнаго вліянія, всѣхъ людей, возвышающихся надъ среднимъ уровнемъ, все равно законнымъ или незаконнымъ путемъ, общественнымъ положеніемъ, умомъ, смѣлостью, удачей или несчастьемъ. Принцы, художники, ученые, государственные люди всѣхъ возрастовъ и положеній были одинаково радушно приняты въ ея домѣ. Она ихъ выслушивала, вникала въ ихъ мысли, обогащая этимъ свое знаніе и пониманіе жизни. И такъ какъ она умѣла понимать и наблюдать людей, то сужденія ея, хотя и основанныя на специальныхъ предрасудкахъ, были рѣдко невѣрными и несправедливыми. Ея гостиная была, вѣроятно, единственнымъ мѣстомъ въ мірѣ, гдѣ вице-директоръ департамента полиціи могъ встрѣтить отпущеннаго на поруки осужденнаго анархиста. Кто привелъ туда Михаэлиса въ одинъ изъ пріемныхъ дней—этого вице-директоръ теперь не помнилъ. Ему казалось, что его представилъ тамъ одинъ членъ парламента, извѣстный своими симпатіями къ радикаламъ. Всѣ болѣе или менѣе извѣстные люди имѣли свободный доступъ къ старой лэди, потворствующей своему любопытствующему отношенію къ людямъ. Трудно было угадать, съ кѣмъ можно было встрѣтиться въ гостиной съ выцвѣтшей синей шолковой мебелью, за позолоченными ширмами, отдѣлявшими уютный уголокъ съ кшетвой и нѣсколькими креслами отъ

остальной огромной гостиной въ шесть большихъ оконъ, гдѣ стояли и сидѣли группы гостей и раздавался непрерывно гулъ голосовъ.

Михаэлисъ сдѣлался теперь предметомъ общей симпатіи, послѣ того какъ, много лѣтъ тому назадъ, всѣ сочувствовали осужденію его на смерть за соучастіе въ безумной попыткѣ освобожденія нѣсколькихъ арестантовъ изъ полицейскаго фургона. Заговорщики думали застрѣлить лошадей и отбить у конвоя арестанта. Къ несчастію, при этомъ застрѣлили одного изъ конвойныхъ. У него остались жена и трое маленькихъ дѣтей, и смерть его возбудила бурю негодованія и жалости къ несчастной жертвѣ. Трехъ главарей повѣсили. Михаэлисъ, молодой, стройный юноша, слесарь по ремеслу, усердный посѣтитель вечернихъ классовъ, даже не зналъ, что кого-нибудь убили. Ему и нѣсколькимъ другимъ поручено было открыть отмычкой одну изъ нужныхъ для устройства побѣга дверей. При арестѣ у него нашли въ карманахъ связку ключей, отмычку и нѣсколько другихъ инструментовъ, нужныхъ для кражи со взломомъ. Но никогда ни одного громилу не подвергали такому тяжелому наказанію, какъ его. Убіеніе конвойнаго причинило Михаэлису большое горе, но не менѣе опечалила его и неудача предпріятія. Онъ не скрывалъ ни того, ни другого чувства, и это отсутствіе сдержанности очень возмутило битомъ набитую залу суда. Произнося приговоръ, судья говорилъ съ благороднымъ возмущеніемъ объ извращенности и безсердечіи молодого преступника.

Это и возстановило противъ Михаэлиса общественное мнѣніе въ то время, какъ онъ былъ осужденъ. И съ такой же необоснованностью всѣ вдругъ стали ему сочувствовать послѣ его освобожденія. Симпатіи къ нему возбуждали на этотъ разъ журналисты, которымъ это нужно было для какихъ-нибудь политическихъ цѣлей; или же это дѣлалось безъ всякой цѣли, только въ погонѣ за сенсационнымъ матеріаломъ. Михаэлиса это совершенно не интересовало. Онъ не придавалъ значенія ничему лично его касавшемуся. Онъ былъ похожъ на тѣхъ святыхъ, которые теряютъ чувство личности, погружаясь въ молитвенный экстазъ. Его мысли были скорѣе мечтами, чѣмъ убѣжденіями. Онъ не поддавался разсужденію. Онъ создалъ себѣ вѣру въ человека и свято ее исповѣдывалъ. Онъ излагалъ свои мысли съ какой-то упрямой мягкостью, съ выраженіемъ мирной увѣренности на губахъ, и опускалъ при этомъ свои наивные синіе глаза, потому что видъ чужихъ лицъ нарушалъ его вдохновеніе, развивавшееся въ уединеніи. Такимъ вроткимъ и задумчивымъ, жал-

кимъ въ своей неизлечимой толщинѣ, которую ему приходилось влечь до конца дней, какъ каторжникъ влечь свои цѣпи, вице-директоръ департамента полиціи увидалъ выпущеннаго на свободу апостола въ домѣ старой лэди, пріятельницы его жены. Онъ сидѣлъ въ удобномъ креслѣ за ширмой въ числѣ избранныхъ собесѣдниковъ хозяйки. Сидя подлѣ кушетки старой лэди, онъ говорилъ кроткимъ, тихимъ голосомъ и казался доврчивымъ ребенкомъ. Увѣренный въ будущемъ, тайна котораго ему открылась въ четырехъ стѣнахъ его тюрьмы, онъ не имѣлъ основанія относиться съ подозрѣніемъ къ кому бы то ни было. И хотя онъ не могъ дать знатной и любопытствующей лэди ясное представление о томъ, что станетъ съ міромъ, все же онъ сумѣлъ произвести на нее впечатлѣніе своей незыблемой вѣрой.

Нѣкоторая простота мысли свойственна яснымъ душамъ на обояхъ концахъ общественной лѣстницы. Знатная лэди была по своему очень простой. Взгляды и вѣрованія Михаэлиса не поражали ее потому, какъ нѣчто недопустимое. Она даже во многомъ готова была съ нимъ согласиться, такъ какъ сама не принадлежала къ числу капиталистовъ-эксплуататоровъ и стояла внѣ всякой экономической борьбы. Она тѣмъ охотнѣе сочувствовала страдающимъ, что могла дѣлать это безотносительно къ себѣ; сама она никогда не знала лишений и должна была представлять ихъ себѣ въ видѣ душевныхъ страданій для того, чтобы понять ихъ. Вице-директоръ ясно помнилъ нѣсколько бесѣдъ между Михаэлисомъ и его покровительницей. Было что-то поразительное и даже трогательное въ роковой безысходности этихъ разговоровъ, происходившихъ точно между обитателями двухъ разныхъ планетъ. Но во всякомъ случаѣ этотъ человѣкъ, воплощавшій въ комичной карикатурной формѣ идеаль человѣколюбія, производилъ сильное впечатлѣніе на слушателей. Вице-директоръ помнилъ, какъ послѣ такой бесѣды Михаэлисъ всталъ, взявъ протянутую руку своей покровительницы, сильно потрясъ ее, продержалъ нѣсколько секундъ съ простодушной добротой въ своей большой рукѣ и затѣмъ повернулся спиной къ уютному уголку большой гостиной. Оглянувшись яснымъ, добрымъ взглядомъ, онъ медленно направился къ далекой двери, мимо другихъ посѣтителей. Шумъ разговоровъ затихъ на его пути. Онъ невинно улыбнулся высокой красивой дѣвушкѣ, съ которой встрѣтился глазами, и вышелъ, совершенно не сознавая, что всѣ слѣдятъ за нимъ глазами. Первое появленіе его въ свѣтѣ произвело пріятное впечатлѣніе. Послѣ его ухода никто даже не улыбнулся, и прежній разговоръ возобновился безъ всякихъ постороннихъ за-

мѣчаний. Только одинъ высокій, стройный и живой человѣкъ лѣтъ сорока, стоявшій у окна съ двумя дамами, громко замѣтилъ неожиданно сочувствующимъ тономъ:

— Такая толщина при такомъ небольшомъ ростѣ!.. Бѣдныя! Это—истинное несчастье.

Хозяйка дома, разсѣянно глядя на вице-директора, оставшагося съ нею за ширмами, задумалась, обобщая въ умѣ свои впечатлѣнія. Къ ней подошли нѣсколько мужчинъ съ сѣдыми усами, съ здоровыми, колеными, улыбающимися лицами. Подошли также двѣ немолодые дамы съ покорными, прिवѣтливыми лицами, а вслѣдъ за ними—гладко выбритый человѣкъ съ провалившимися щеками, съ висѣвшимъ на широкой черной лентѣ золотымъ лорнетомъ, съ видомъ старомоднаго дэнди. Съ минуту длилось почтительное молчаніе, а затѣмъ знатная лэди воскликнула съ искреннимъ негодованіемъ:

— И такого человѣка считаютъ революціонеромъ! Чтò за нелѣпость!—Она пристально взглянула на вице-директора, который проговорилъ, какъ бы оправдываясь передъ нею:

— Но во всякомъ случаѣ не опаснымъ.

— Еще бы! Кому онъ можетъ быть опасенъ? Онъ—истинно вѣрующій человѣкъ, настоящій святой,—твердо заявила знатная лэди.—И такого человѣка двадцать лѣтъ держали въ тюрьмѣ, и выпустили его уже тогда, когда всѣ близкіе его или умерли, или погибли. Родителей его нѣтъ въ живыхъ; невѣста его умерла въ то время, какъ онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Къ тому же онъ совершенно утратилъ способность заниматься своимъ ремесломъ. Онъ самъ мнѣ все это сказалъ съ необыкновенной кротостью. Но зато, по его словамъ, у него было достаточно времени для размышленій. Хороша замѣна! Если всѣ революціонеры таковы, какъ онъ, то многимъ изъ насъ слѣдовало бы низко имъ поклониться, — продолжала она слегка ироническимъ тономъ; обращенныя къ ней съ банальной улыбкой лица ея свѣтскихъ знакомыхъ слегка нахмурились. — Бѣдный человѣкъ—продолжала она—уже совершенно не въ состояніи самъ о себѣ заботиться. Придется другимъ подумать о немъ.

— Ему нужно было бы продѣлать курсъ леченія,—посоветовалъ стоявшій поодаль живой, немолодой господинъ, сохранившійся удивительно гибкимъ и стройнымъ для своего возраста. Видно было, что заботы о здоровьи составляютъ одну изъ его главныхъ заботъ. — Онъ несомнѣнный калѣка по своей толщинѣ,—прибавилъ онъ искренно сочувственнымъ тономъ.

Всгѣдъ за нимъ и другіе стали поспѣшно выражать свое сочувствіе.

— Поразительно! — Чудовищно! — Больно глядѣть на него. — Тонкій господинъ съ лорнетомъ на широкой лентѣ произнесъ сквозь зубы слово: „комично“, мѣткость котораго оцѣнили стояшіе около него. Они улыбнулись другъ другу.

Вице-директоръ не высказалъ своего мнѣнія ни тогда, ни послѣ того, такъ какъ по своему положенію не могъ позволить себѣ независимаго сужденія объ отпущенномъ на поруки преступникѣ. Но въ душѣ онъ раздѣлялъ мнѣніе пріятельницы своей жены, и былъ увѣренъ, что Михаэлисъ — сентиментальный филозофъ, немного сумасшедшій, но въ общемъ не способный обидѣть муху. Поэтому, когда вдругъ припутали его имя къ дѣлу о гринвичскомъ взрывѣ, онъ сразу понялъ всю опасность такого обвиненія для выпущеннаго на поруки апостола. Онъ тутъ же рѣшилъ, что старая леди настолько увлечена Михаэлисомъ и такъ въ него вѣритъ, что ни за что не позволитъ лишиться его свободы. Она твердо считала его совершенно безвреднымъ для общества и высказывала всѣмъ свое убѣжденіе. Уродливо-толстый человекъ съ невинно-дѣтскими глазами и ангельской улыбкой точно зачаровалъ ее. Она почти увѣровала въ его теорію будущаго, не представлявшую ничего недостижимаго съ точки зрѣнія ея предрасудковъ. Она сама не любила новый элементъ плутократіи въ общественномъ организмѣ, и развитіе промышленности отталкивало ее своимъ механическимъ бездушіемъ. Гуманныя надежды вроткаго Михаэлиса направлены были не на полное разрушеніе міра, а только на уничтоженіе существующаго экономическаго строя. Это ее не пугало. Осуществленіе его надеждъ уничтожило бы толпу выскочекъ, которыхъ она не любила и которымъ не довѣряла не потому, что они достигли положенія въ обществѣ (это она отрицала), а за ихъ глубокое непониманіе жизни, составляющее главную причину ихъ грубости и сухости. Съ уничтоженіемъ капитала исчезнутъ и они, но общее разореніе (если оно дѣйствительно будетъ общимъ, какъ пророчествовалъ Михаэлисъ) оставитъ общественныя дѣятели нетронутыми. Исчезновеніе денегъ не касалось людей, занимающихъ высокое положеніе. Она, напримѣръ, никакъ не могла думать, что это могло бы нарушить ея положеніе въ свѣтѣ. Все это она высказала вице-директору съ полнымъ безстрашіемъ, и онъ выслушалъ ее, не возражая. Ему нравилась эта престарѣлая ученица Михаэлиса. Чувство его къ ней было сложное; оно обуславливалось отчасти ея общественнымъ положеніемъ, ея лич-

вымъ обаяніемъ и, главнымъ образомъ, благодарностью за ея милое отношеніе къ нему. Онъ чувствовалъ, что его дѣйствительно любятъ въ ея домѣ. Онъ любилъ ее также за доброту и жизненную мудрость. Благодаря ей, его семейная жизнь была благопріятнѣе, чѣмъ была бы безъ ея вліянія на жену вице-директора, нѣсколько самолюбивую, тщеславную и ревнивую женщину.

Признавая всѣ эти качества знатной и доброй подруги его жены, вице-директоръ испугался за Михаэлиса. Если бы его арестовали по подозрѣнію хотя бы въ отдаленномъ соучастіи въ этомъ дѣлѣ, его бы навѣрное отправили отбывать до конца срока своего наказанія. А это бы его убило. Вице-директоръ подумалъ нѣчто чрезвычайно несоотвѣтствующее его официальному положенію, едва ли обнаруживающее въ немъ доброе сердце.

„Если его опять заберутъ,—подумалъ онъ,—она никогда мнѣ этого не проститъ“.

Откровенность этой тайно высказанной мысли повлекла за собой внутреннее самоосужденіе. Занятіе дѣломъ не по душѣ обыкновенно влечетъ за собой уничтоженіе всякихъ иллюзій относительно себя. Нелюбовь къ дѣлу превращается въ нелюбовь къ себѣ. Нужно полное совпаденіе характера съ родомъ дѣятельности для того, чтобы испытывать нѣкоторое удовлетвореніе отъ своего дѣла.

Вице-директоръ не любилъ дѣла, которое было ему поручено при возвращеніи на родину. Такая же работа въ отдаленнѣйшемъ углу земного шара казалась ему дѣйствительно чѣмъ-то необходимымъ для общественной безопасности, и во всякомъ случаѣ имѣла увлекательность спорта. Будучи способнымъ администраторомъ, онъ имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ наклонности авантюриста. Привозанный къ конторкѣ, въ городѣ съ многомилліоннымъ населеніемъ, онъ считалъ себя жертвой насмѣшливой судьбы. Таковой же ироніей судьбы былъ его бракъ съ женщиной, не выносящей климата колоній, обнаруживающей много другихъ капризовъ, которые свидѣтельствовали объ утонченности ея натуры—и ея вкуса. Хотя онъ отнесся самъ иронически къ своему испугу при упоминаніи имени Михаэлиса, но все же не отбросилъ пришедшую ему въ голову неподобающую мысль. Въ немъ былъ очень силенъ инстинктъ самосохраненія. Онъ поэтому еще разъ повторилъ про себя ту же мысль, еще болѣе точно ее формулируя. „Чортъ возьми!—проговорилъ онъ про себя.—Если проклятый Хитъ настоитъ на своемъ, и Михаэлисъ умретъ въ тюрьмѣ, задохнувшись отъ ожирѣнія, она никогда мнѣ не проститъ“.

Его темное, узкое лицо съ бѣлой полосой воротника, подъ серебристымъ блескомъ низко остриженныхъ волосъ у затылка, не отразило его мысли; оно оставалось совершенно неподвижнымъ. Молчаніе, однако, длилось такъ долго, что главный инспекторъ Хитъ отважился откашляться, чтобы прочистить горло. Этотъ звукъ произвелъ желаемое дѣйствіе. Начальникъ обратился къ своему ретивому подчиненному.

— Вы считаете Михаила причастнымъ къ этому дѣлу? — спросилъ онъ.

Главный инспекторъ Хитъ отвѣтилъ убѣжденно, но осторожно.

— Во всякомъ случаѣ, — сказалъ онъ, — такому человѣку не слѣдуетъ быть на свободѣ при теперешнихъ обстоятельствахъ.

— Нужно будетъ представить болѣе убѣдительные доводы, — проговорилъ въ отвѣтъ вице-директоръ.

Главный инспекторъ Хитъ подвинулъ глаза на спину начальника, упорно не оборачивавшагося къ нему.

— Не трудно будетъ найти достаточно поводовъ, — сказалъ онъ съ ретивостью вѣрнаго слуги. — Положитесь на меня! — прибавилъ онъ отъ полноты сердца. Ему казалось, что весьма удобно имѣть въ рукахъ такого человѣка, чтобы сдѣлать его искупительной жертвой, если бы поднялся шумъ негодованія. Поднимуть ли шумъ, или нѣтъ — невозможно было опредѣлить заранее, такъ какъ въ концѣ концовъ это зависѣло отъ прессы. Но во всякомъ случаѣ главный инспекторъ Хитъ, профессиональный поставщикъ тюремъ и человѣкъ съ инстинктами служителя закона, считалъ, что всякаго открытаго врага закона слѣдуетъ сажать въ тюрьму... Онъ былъ такъ въ этомъ убѣжденъ, что позволилъ себѣ маленькую безтактность. Онъ слегка засмѣялся и повторилъ:

— Положитесь на меня, сэръ!

Это было уже слишкомъ большимъ испытаніемъ для напускнаго спокойствія, подъ которымъ вице-директоръ уже полтора года скрывалъ свое возмущеніе противъ канцелярскихъ обычаевъ. Онъ никакъ не могъ примириться съ порядками новой службы, и въ особенности его возмущало именно то, что приходилось во всемъ полагаться на подчиненныхъ. При звукѣ почтительнаго смѣха главнаго инспектора Хита онъ быстро повернулся къ нему, точно его оттолкнулъ отъ окна электрической токъ, и увидалъ еще на лицѣ своего подчиненнаго не только обязательное выраженіе почтительности, но и слѣды пытливой зоркости въ круглыхъ глазахъ, обращенныхъ, очевидно, на спину начальника. Начальникъ встрѣтилъ это выраженіе прежде, чѣмъ оно успѣло стать только изумленнымъ.

Вице-директоръ департамента полиціи заслуживалъ свое высокое положеніе нѣкоторыми своими качествами. Въ немъ вдругъ проснулась подозрительность, никогда впрочемъ не покидавшая его. Къ главному инспектору Хиту онъ никогда не чувствовалъ дѣйствительнаго довѣрія, и теперь сейчасъ же встрепенулся.— „Что-то онъ затѣваетъ!—мысленно проговорилъ онъ. Быстро подойдя къ письменному столу, онъ сѣлъ, видимо сильно возбужденный.— „Вотъ я тутъ окруженъ грудой бумагъ,—думалъ онъ съ безсиьной злобой,—и предполагается, что всѣ нити у меня въ рукахъ, а между тѣмъ я держу только тотъ конецъ, который мнѣ дають въ руки, а другой конецъ они прикрѣпляютъ—гдѣ имъ угодно“.

Онъ поднялъ голову и, повернувъ къ своему подчиненному длинное, худое лицо съ рѣзкими чертами энергичнаго донъ-Кихота,—спросилъ:

— Чтѣ у васъ на умѣ? Скажите прямо.

Главный инспекторъ Хитъ былъ сильно пораженъ. Онъ продолжалъ стоять, не моргая неподвижными круглыми глазами, какъ привыкъ глядѣть на подвластныхъ ему преступниковъ, когда, послѣ нѣсколькихъ предостереженій, они дають показанія тономъ оскорбленной невинности, притворной наивности или мрачной покорности. Но за этимъ профессиональнымъ каменнымъ спокойствіемъ скрывалось нѣкоторое удивленіе; никогда еще съ главнымъ инспекторомъ Хитомъ, правой рукой департамента, не говорили такимъ тономъ, въ которомъ сочетались презрѣніе и гнѣвъ. Онъ спросилъ съ удивленіемъ:

— Вы спрашиваете, чтѣ у меня противъ Михаэлиса?

Вице-директоръ зорко посмотрѣлъ на толстое лицо инспектора Хита, съ длинными усами, опускавшимися на тяжелый подбородокъ, на блѣдное пухлое лицо и сѣть тонкихъ морщинокъ у глазъ, и его вдругъ осявила блестящая, какъ ему казалось, мысль.

— У меня есть основаніе предполагать,—сказалъ онъ,—что когда вы вошли ко мнѣ въ кабинетъ, у васъ былъ на умѣ не Михаэлисъ. Во всякомъ случаѣ, не онъ казался вамъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Вы даже совсѣмъ о немъ не думали.

— У васъ есть основаніе это предполагать?—пробормоталъ инспекторъ Хитъ съ наумленнымъ видомъ. Изумленіе его было почти искреннее. Онъ вдругъ открылъ въ этомъ дѣлѣ нѣчто очень странное и почувствовалъ, что долженъ проявить нѣкоторую неискренность—ту неискренность, которая подъ названіемъ ловкости, правтичности и осторожности всегда такъ или иначе

проявляется въ человѣческихъ дѣлахъ. У него было такое чувство, какое могло бы явиться у акробата, если бы вдругъ, среди представленія, выскочилъ на сцену самъ директоръ цирка и сталъ бы трясти веревку. Онъ былъ возмущенъ, готовъ былъ выругаться—и въ то же время больше всего боялся какъ бы не сломать себѣ шею.

— Да, — сказалъ вице-директоръ, — я не говорю, что вы совершенно не думали о Михаэлисъ. Но вы теперь вдругъ выдвинули его на первый планъ — и тутъ есть какая-то предумышленность. Если вамъ кажется, что вы попали на какой-то слѣдъ, то почему вы сразу не прослѣдили его, не отправились сами въ ту деревню или не послали туда кого-нибудь?

— Вы полагаете, что я нарушилъ свой долгъ, не сдѣлавъ этого? — спросилъ главный инспекторъ Хитъ полу-вопросительнымъ, полу-сомнѣвающимся тономъ. Поставленный неожиданно въ необходимость прежде всего сохранить душевное равновѣсіе, онъ ухватился за послѣдній вопросъ начальника, но этимъ какъ-разъ навлекъ на себя выговоръ. Вице-директоръ слегка нахмурился и сказалъ, что замѣчаніе его было совершенно излишнее.

— Но такъ какъ вы его сдѣлали, — холодно прибавилъ онъ, — я отвѣчаю вамъ, что этого не думалъ.

Онъ остановился, и упорный взглядъ его глубоко сидящихъ глазъ вполне замѣнилъ невысказанный имъ вслухъ конецъ фразы: „И вы сами это знаете“. Начальникъ департамента по особо важнымъ дѣламъ былъ освобожденъ по занимаемому имъ положенію отъ обязанности выходить изъ дому для выслѣживанія тайнъ, скрытыхъ въ преступныхъ сердцахъ, и свое умѣнье раскрывать скрытую правду онъ упражнялъ на своихъ подчиненныхъ.

Этотъ инстинктъ былъ у него прирожденный. Онъ былъ рожденъ для роли сыщика, и это бессознательно руководило его выборомъ карьеры. Только разъ въ жизни измѣнилъ ему его природный инстинктъ—въ выборѣ жены. За неимѣніемъ другихъ случаевъ проявленія, инстинктивная склонность вице-директора направлена была на его подчиненныхъ.

Облокотившись на столъ, скрестивъ тонкія ноги и опершись щекой на ладонь худощавой руки, вице-директоръ департамента по особо важнымъ дѣламъ сталъ съ возрастающимъ интересомъ вникать въ заинтересовавшую его психологію. Главный инспекторъ былъ во всякомъ случаѣ наиболѣе достойнымъ объектомъ наблюденія изъ всѣхъ остальныхъ служащихъ. Недовѣріе къ установленнымъ репутаціямъ было привычнымъ проявленіемъ проницательности вице-директора. Онъ вспомнилъ одного ста-

раго туземнаго вождя въ отдаленной колоніи. Всѣ англійскія власти довѣряли ему и считали его другомъ и защитникомъ законовъ, введенныхъ культурными европейцами. А когда онъ, вѣрный своему природному скептицизму, присмотрѣлся ближе, то овазалось, что этотъ человѣкъ—другъ только самому себѣ и готовъ при случаѣ предать англичанъ. Его было трудно уличить, такъ какъ онъ былъ очень коваренъ. Онъ былъ и физически большой, крѣпкій человѣкъ,—и главный инспекторъ Хитъ напомнилъ ему какъ-разъ по вѣшности (съ разницей, конечно, цвѣта кожи) того предателя-туземца. Сходство было не въ глазахъ, не въ губахъ, а въ чемъ-то общемъ, неопредѣлимомъ. Но вѣдь рассказываетъ же Альфредъ Уоллэсъ въ своей знаменитой книгѣ о малайскомъ архипелагѣ, что онъ въ одномъ старомъ голомъ дикарѣ, съ черной, какъ сажа, кожей, обнаружилъ странное сходство съ какимъ-то своимъ близкимъ пріателемъ на родинѣ.

Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ состоялъ на службѣ, вице-директоръ почувствовалъ, что дѣйствительно поработаетъ за свое жалованье. Это чувство было ему очень пріятно.—„Я выворочу его наизнанку, какъ старую перчатку“,—сказалъ про себя вице-директоръ, продолжая задумчиво глядѣть на главнаго инспектора Хита.

— Нѣтъ, этого я не думалъ,—сказалъ онъ вслухъ.—Я не сомнѣваюсь, что вы знаете свое дѣло,—ни на минуту не сомнѣваюсь. Именно поэтому-то я...—онъ вдругъ остановился и перемѣнилъ тонъ:—Что вы можете сказать опредѣленнаго въ обвиненіе Михаэлиса?—спросилъ онъ.—Что вы знаете помимо того факта, что два человѣка, подозрѣваемыхъ въ преступленіи,—вы, повидимому, убѣждены, что ихъ было двое—вышли изъ желѣзнодорожной станціи, стоящей въ трехъ миляхъ отъ деревни, гдѣ теперь живетъ Михаэлисъ?

— Этого одного достаточно, когда имѣешь дѣло съ подобнаго рода человѣкомъ,—сказалъ главный инспекторъ съ вернувшимся къ нему хладнокровіемъ. Легкое одобрительное движеніе головой вице-директора вполне его успокоило, и онъ принялъ почтительно-внимательный видъ, когда начальникъ снова заговорилъ.

— Михаэлисъ заявилъ о своемъ отъѣздѣ въ деревню?—спросилъ вице-директоръ.

— Да, сэръ,—заявилъ.

— А что онъ тамъ дѣлаетъ?—продолжалъ спрашивать вице-директоръ, хотя на самомъ дѣлѣ могъ отлично самъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Усѣвшись въ старое деревянное кресло передъ

дубовымъ столомъ; въ верхнемъ этажѣ маленькаго коттеджа, Михаэлисъ писалъ день и ночь дрожащей, невѣрной рукой „автобіографію узника“. Узкая комната и полное одиночество въ маленькомъ коттеджѣ были подходящими условіями для его работы. Жизнь его походила на прежнюю жизнь въ тюрьмѣ, съ тою только пріятной разницей, что его не заставляли гулять для выполненія ненавистныхъ тюремныхъ правилъ. Тутъ онъ даже могъ не знать, сіяетъ ли солнце надъ міромъ, или нѣтъ. Отъ усердной работы у него выступалъ потъ на лбу. Онъ работалъ съ большимъ воодушевленіемъ. Ему радостно было высвободить свой внутренній міръ, показать свою душу всему міру. Рвеніе его тщеславія, впервые пробужденнаго предложеніемъ пятисотъ фунтовъ за книгу, казалось какъ бы предначертаннымъ и священнымъ.

— Конечно, было бы важно точно это установить, — настаивалъ вице-директоръ съ полной искренностью.

Главный инспекторъ Хитъ почувствовалъ снова раздраженіе отъ такого крайняго педантизма и сказалъ, что мѣстная полиція была сразу увѣдомлена о прибытіи Михаэлиса, и что полный отчетъ относительно его образа жизни можно получить черезъ нѣсколько часовъ, пославъ телеграмму мѣстному начальнику полиціи.

Онъ сказалъ это медленно, какъ бы взвѣшивая внутренне результаты предложеннаго образа дѣйствія. Но его прервали.

— А вы уже послали телеграмму? — спросилъ вице-директоръ.

— Нѣтъ, сэръ, — отвѣтилъ онъ, какъ бы изумленный.

Вице-директоръ вдругъ снялъ ногу съ ноги, и порывистость этого движенія страннымъ образомъ противорѣчила легкому тону, которымъ онъ предложилъ слѣдующій вопросъ:

— А по-вашему Михаэлисъ имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ изготовленію взорвавшейся бомбы?

Главный инспекторъ принялъ задумчивый видъ.

— Я бы этого не сказалъ. Да и нѣтъ необходимости утверждать это. Онъ имѣетъ сношенія съ людьми, которые признаны опасными. Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ его освобожденія на поруки, онъ избранъ былъ делегатомъ Краснаго комитета. Это, очевидно, знакъ почета.

Главный инспекторъ засмѣялся полу-сердито, полу-презрительно. Съ такимъ человѣкомъ нечего было церемониться по его мнѣнію. Популярность, которую создали Михаэлису, послѣ его освобожденія два года тому назадъ, нѣсколько сентиментальныхъ журналистовъ, охотившихся за сенсационнымъ матеріаломъ, очень

знила Хита. Онъ считалъ совершенно законнымъ арестовать этого человѣка по первому подозрѣнiю. Въ данномъ случаѣ это было почти необходимо. Его прежнiе два начальника, предшественники теперешняго вице-директора, сразу бы это поняли. А этотъ почему-то не говорить ни да, ни нѣтъ, и сидитъ точно погруженный въ сонъ. Кромѣ того, помимо своей законности и полезности, арестъ Михаэлиса вывелъ бы самого главнаго инспектора Хита изъ затруднительнаго положенiя. Главный инспекторъ отлично зналъ, что если даже Михаэлисъ знаетъ кое-что объ этомъ дѣлѣ, то, во всякомъ случаѣ, знаетъ недостаточно. И навѣрное знаетъ меньше—главный инспекторъ былъ убѣжденъ въ этомъ,—чѣмъ нѣкоторые другiе люди, которыхъ онъ имѣлъ въ виду, но арестъ которыхъ казался ему нежелательнымъ и затруднительнымъ въ виду правилъ игры. Эти правила менѣ защищали Михаэлиса, уже осужденнаго по суду. Было бы поэтому глупо не воспользоваться законными облегченiями; а тѣ же журналисты, которые прежде такъ восхваляли Михаэлиса, съ тѣмъ же жаромъ будутъ теперь возмущаться имъ въ печати.

Перспектива этого ареста привлекала главнаго инспектора Хита, какъ своего рода нравственная побѣда. Въ глубинѣ души онъ былъ счастливъ, что не придется имѣть дѣла съ отчаянной жестокостью профессора. Нежеланiе имѣть съ нимъ дѣло еще болѣе усилилось въ душѣ главнаго инспектора послѣ случайной встрѣчи съ нимъ въ переулкѣ. Встрѣча эта не оставила въ душѣ главнаго инспектора Хита прiятнаго чувства превосходства, которое испытывали члены полиции при неофициальныхъ, но интимныхъ встрѣчахъ съ представителями класса преступниковъ. Встрѣчи эти обыкновенно льстятъ тщеславию и вульгарному желанiю властвовать надъ своими ближними.

Но профессора главный инспекторъ Хитъ не могъ признать своимъ ближнимъ. Общенiе съ нимъ было невозможно. Онъ—бѣшеная собака, которую лучше всего оставить въ покоѣ. Главный инспекторъ не то чтобы боялся его,—напротивъ того, онъ надѣялся такъ или иначе завладѣть имъ. Но не сейчасъ, а когда придетъ время, когда можно будетъ сдѣлать это какъ слѣдуетъ, по всѣмъ правиламъ игры. Въ настоящую минуту время еще не наступило. Убѣжденный въ этомъ, инспекторъ Хитъ считалъ, что лучше всего свернуть это дѣло съ темной, неудобной дороги, которая Богъ вѣсть куда заведетъ, на спокойную и законную окольную дорожку, называющуюся Михаэлисомъ. И онъ повторилъ, какъ бы добросовѣстно обдумывая вопросъ начальника:

— Нѣтъ, не думаю, чтобы онъ былъ причастенъ къ изго-

товленію бомбы. Это, можетъ быть, никогда и не выяснится. Но ясно, что кое-какое отношеніе къ этому дѣлу онъ имѣетъ, и это не трудно будетъ установить.

Онъ принялъ видъ надменнаго равнодушія, нѣкогда хорошо извѣстный и очень пугавшій воровъ высшаго полета. Но внутренне онъ чувствовалъ большое удовлетвореніе отъ пассивно внимательнаго отношенія вице-директора.

— Вы, дѣйствительно, полагаете, — кротко спросилъ вице-директоръ, — что слѣдствіе нужно направить въ эту сторону?

— Полагаю, сэръ.

— Совершенно убѣждены?

— Совершенно, сэръ. Это — единственно вѣрный путь для насъ.

Вице-директоръ быстро выдернулъ руку, которою подпиралъ голову, и выпрямился, сидя за большимъ письменнымъ столомъ, тяжело опустивъ на него руку.

— Я хотѣлъ бы знать, почему вы до сихъ поръ объ этомъ не подумали? — спросилъ онъ. — Вы только тутъ, у меня въ кабинетѣ, вспомнили о немъ?

Главному инспектору показалось, что воздухъ между его платьемъ и его тѣломъ сдѣлался вдругъ странно горячимъ. Это было очень неприятное, никогда до того не испытанное имъ ощущеніе.

— Конечно, — сказалъ онъ, растягивая слова съ глубокомысленнымъ видомъ, — если есть причина, мнѣ неизвѣстная, по которой не слѣдуетъ примѣшивать къ дѣлу Михаэлиса, то хорошо, можетъ быть, что я не натравилъ на него мѣстную полицію.

Онъ такъ медленно выговорилъ эти слова, что сосредоточенное вниманіе, съ которымъ его слушалъ вице-директоръ, казалось чудомъ терпѣнія. Отвѣтъ послѣдовалъ немедленно.

— Я никакой такой причины не знаю, — твердо сказалъ вице-директоръ. — Напрасно вы луваете со мной. Это въ высшей степени неумѣстно. Вы должны были бы помогать мнѣ, а не заставлять меня разгадывать загадки. Вы меня положительно удивляете.

Онъ остановился и потомъ прибавилъ мягкимъ тономъ:

— Само собой разумѣется, что нашъ разговоръ — не официальный.

Эти слова не успокоили главнаго инспектора. Онъ былъ возмущенъ тѣмъ, что вице-директоръ вздумалъ стать ему поперекъ дороги, да еще обращаться съ нимъ съ такой наглостью. Ему

нечего бояться такого начальника: вице-директоръ часто смѣняются, а опытный главный инспекторъ—не заметная канцелярская птица. Глядя на начальника съ подобающей почтительностью, онъ внутренно обращался къ нему угрожающимъ и пророческимъ тономъ:

„Подожди, милый мой, — говорилъ онъ про себя, отвергнувъ всякія правила почтительности, — ты, кажется, зазнался, и за это, кажется, скоро слетишь“.

Точно въ отвѣтъ на эту мысль, на губахъ вице-директора мелькнула привѣтливая улыбка. Онъ говорилъ непринужденнымъ дѣловымъ тономъ.

— Что же вы нашли на мѣстѣ провсшествія? — спросилъ онъ. — Покажите.

„Дурака не трудно прогнать прочь отъ работы“, — мелькнула пророческая мысль въ головѣ главнаго инспектора Хита. Но тотчасъ же вслѣдъ за этимъ онъ подумалъ, что начальствующая особа, даже если она „вылетаетъ“ изъ мѣста службы, все же еще можетъ по дорогѣ свалить съ ногъ однимъ ударомъ своего подчиненнаго. Почти не смягчая свой неподвижно-устремленный на начальника взоръ, онъ безстрастно сказалъ:

— Мы и подходимъ теперь къ этому пункту моего разслѣдованія, сэръ.

— Ну, отлично; такъ что же вы принесли?

Главный инспекторъ рѣшилъ прѣкратить на время сложную игру съ начальникомъ и заговорилъ съ мрачной откровенностью.

— Я нашелъ адресъ, — сказалъ онъ, неторопливо вынимая изъ кармана опаленный по краямъ кусокъ темно-синяго сукна. — Это обрывокъ пальто, которое было на человѣкѣ, влетѣвшемъ на воздухъ. Конечно, можетъ быть, что пальто было не его собственное; можетъ быть даже, оно было украдено. Но этому трудно повѣрить при ближайшемъ разсмотрѣніи.

Подойдя къ столу, инспекторъ осторожно разложилъ кусокъ синяго сукна. Онъ вынулъ его изъ ужасной груды останковъ въ покойницкой, потому что иногда на внутренней сторонѣ воротника бываетъ нашить адресъ портного. Это рѣдко приноситъ какую-либо пользу слѣдствию, и онъ мало надѣялся найти что-нибудь нужное. Во всякомъ случаѣ, онъ никакъ не ожидалъ, что найдетъ тщательно пришитую подъ воротникомъ на подкладкѣ полоску коленкора съ адресомъ, написаннымъ чернилами для мѣтки.

Главный инспекторъ снялъ руку съ куска сукна.

— Я унесъ этотъ доскутокъ незамѣтно для другихъ, — ска-

залъ онъ. — Я считалъ, что такъ лучше. Если потребуется, всегда можно будетъ показать его.

Вице-директоръ, приподнявшись слегка на стулъ, пододвинулъ къ себѣ кусокъ сукна и долго смотрѣлъ на него въ молчаніи. На кусочкѣ коленкора, величиной въ папиросную бумажку, было написано чернилами для мѣтки: „32, Брѣтъ-Стритъ“. Онъ былъ истинно удивленъ.

— Не понимаю, почему онъ ходилъ съ такой нашивкой, — сказалъ онъ, взглянувъ на главнаго инспектора Хита. — Удивительно странное обстоятельство.

— Я встрѣтилъ однажды, — сказалъ Хитъ, — въ курительной комнатѣ отеля, стараго господина, у котораго на всѣхъ сюртукахъ было написано на подкладкѣ его имя и адресъ, на случай внезапной болѣзни или какого-нибудь несчастія. Онъ говорилъ, что ему восемьдесятъ-четыре года, но ему трудно было дать этотъ возрастъ. Онъ говорилъ мнѣ, что боится вдругъ утратить память, какъ случилось съ нѣкоторыми людьми, о которыхъ онъ читалъ въ газетахъ.

Разсказъ о старомъ господинѣ былъ прерванъ вопросомъ вице-директора, который хотѣлъ узнать, что помѣщается на Брѣтъ-Стритѣ подъ № 32. Главнй инспекторъ, потерпѣвшій поражение на пути лукавства, рѣшилъ говорить съ полной откровенностью. Хотя онъ и полагалъ, что начальство не должно быть слишкомъ хорошо обо всемъ освѣдомлено, но все же не рѣшался скрывать нужныхъ для службы свѣдѣній. Если вице-директоръ рѣшилъ испортить дѣло, то все равно нельзя ему въ этомъ помѣшать. Но съ своей стороны онъ не видѣлъ причины быть слишкомъ услужливымъ и расторопнымъ. Онъ отвѣтилъ неопредѣленно:

— Тамъ лавка, сэръ.

Вице-директоръ разсматривалъ кусокъ снлаго сукна и ждалъ дальнѣйшихъ разъясненій. Такъ какъ они не послѣдовали, то онъ рѣшилъ добыть ихъ рядомъ вопросовъ, предложенныхъ съ кроткимъ терпѣніемъ. Такъ онъ узналъ, чѣмъ торговалъ мистеръ Верлокъ; узналъ, какова была его вѣшность, и наконецъ ему сообщено было его имя. Вице-директоръ поднялъ глаза во время наступившей паузы, и замѣтилъ странное оживленіе на лицѣ главнаго инспектора. Они молча взглянули другъ на друга.

— Конечно, — сказалъ главнй инспекторъ, — департаментъ полиціи не имѣетъ свѣдѣній объ этомъ человѣкѣ.

— Зналъ ли кто-нибудь изъ моихъ предшественниковъ то, что вы мнѣ теперь сказали? — спросилъ вице-директоръ, поло-

живъ локти на столъ и поднявъ сложенные руки къ лицу, точно онъ собирался вознести молитву. Только выраженіе его глазъ было не молитвенное.

— Нѣтъ, сэръ. Не къ чему было говорить о немъ. Открыто этимъ человѣкомъ все равно нельзя было пользоваться. Достаточно было, чтобы я зналъ о немъ и неофициально обращался къ нему за свѣдѣніями.

— И вы полагаете, что пользованіе такого рода тайными свѣдѣніями подобаетъ вашему положенію на службѣ?

— Вполнѣ. Я вполнѣ беру на себя смѣлость сказать вамъ, сэръ, что именно такого рода частныя свѣдѣнія и составляютъ мою силу; считается вообще, что я знаю свое дѣло. Одинъ мой пріятель изъ французской полиціи сообщилъ мнѣ, что этотъ человѣкъ—посольскій шпіонъ. Узналъ я это, значить, частнымъ образомъ, и могъ пользоваться этимъ для своихъ частныхъ цѣлей. Таково мое мнѣніе.

— Хорошо,—спокойно сказалъ вице-директоръ,—такъ скажите „частнымъ образомъ“, давно ли вы знакомы съ этимъ шпіономъ?

Про себя главный инспекторъ Хитъ отвѣтилъ: „Я его зналъ уже тогда, когда о васъ еще здѣсь и помину не было“, но вслухъ онъ сказалъ болѣе точно, пространно — и болѣе почтительно:

— Я въ первый разъ встрѣтилъ его — сказалъ онъ — лѣтъ семь тому назадъ, когда ожидался пріѣздъ двухъ иностранныхъ принцевъ. Мнѣ была поручена охрана ихъ. Посломъ былъ тогда баронъ Стотъ-Вартенгеймъ. Онъ былъ очень нервный господинъ. Однажды вечеромъ, за три дня до назначеннаго въ Гильдголлѣ банкета, онъ призывалъ меня. Я въ это время былъ внизу и ждалъ отъѣзда принцевъ въ оперу. На зовъ барона я тотчасъ же пошелъ наверхъ и засталъ его въ спальнѣ въ состояніи полнѣйшаго отчаянія. Онъ сообщилъ мнѣ, что только-что пріѣхалъ человѣкъ изъ Парижа съ ужасными извѣстіями и попросилъ меня выслушать эти извѣстія отъ самого пріѣзжаго. Мы прошли въ уборную, гдѣ въ креслѣ сидѣлъ толстый человѣкъ въ пальто, съ шляпой и палкой въ рукахъ. „Говорите, другъ мой“, — сказалъ баронъ по-французски. Комната была слабо освѣщена, и я не могъ хорошо разглядѣть лица его. Мы поговорили минутъ пять, и я тоже былъ пораженъ сообщенными имъ вѣстями. Затѣмъ баронъ отвелъ меня въ сторону и сталъ нервно выхвалять его мнѣ. Когда я снова повернулся къ нему, незнакомецъ уже исчезъ, какъ привидѣніе. Онъ, вѣроятно, ушелъ по черному ходу. Мнѣ

некогда было погнаться за нимъ, такъ какъ я долженъ былъ спѣшить внизъ вмѣстѣ съ посломъ, чтобы присутствовать при отъѣздѣ принцевъ въ оперу. Я послѣдовалъ совѣту незнакомца, и этимъ, можетъ быть, предупредилъ неприятный инцидентъ при посѣщеніи принцами Сити. Нѣсколько времени спустя, около мѣсяца послѣ того, какъ меня произвели въ главные инспекторы, я обратилъ вниманіе на одного толстаго человѣка, который торопливо выходилъ изъ ювелирнаго магазина на Стрэндѣ. Мнѣ казалось, что я его уже гдѣ-то видѣлъ до того. Я пошелъ за нимъ, такъ какъ мнѣ это было какъ-разъ по пути къ Чарингъ-Кроссу, и, увидавъ одного изъ нашихъ агентовъ, подозвалъ его и приказалъ выслѣдить этого человѣка и сообщить мнѣ о немъ свѣдѣнія. Уже на слѣдующій день агентъ сообщилъ мнѣ, что человѣкъ этотъ женился на дочери своей хозяйки какъ-разъ въ этотъ день, въ половинѣ двѣнадцатаго, и уѣхалъ съ ней на недѣлю въ Маргетъ. Онъ видѣлъ, какъ они уѣхали съ багажомъ, и замѣтилъ на одномъ изъ чемодановъ ярлыкъ Парижа. Я почему-то запомнилъ этого человѣка, и въ слѣдующій же разъ, когда былъ въ Парижѣ, я рассказалъ о немъ моему пріятелю, парижскому полицейскому агенту. Пріятель мой сказалъ: „По вашему описанію, мнѣ кажется, что вы говорите о хорошо извѣстномъ соглядатаѣ, состоящемъ при вліятельныхъ революціонныхъ комитетахъ. Онъ говоритъ, что онъ англичанинъ, и мы предполагаемъ, что онъ много лѣтъ состоялъ тайнымъ агентомъ одного изъ посольствъ въ Лондонѣ“. Это окончательно освѣжило мои воспоминанія. Я вспомнилъ, что именно этого человѣка я видѣлъ у барона Стотъ-Вартенгейма. Я сказалъ моему пріятелю, что онъ совершенно правъ и что это дѣйствительно тайный агентъ. Черезъ нѣсколько времени, мой пріятель добылъ мнѣ самыя подробныя свѣдѣнія объ интересовавшемъ меня человѣкѣ. Но, быть можетъ, не стоить пересказывать вамъ его исторію. Васъ это едва-ли интересуетъ.

Вице-директоръ покачалъ головой.

— Теперь для меня самое важное узнать, каковы были ваши отношенія съ этимъ человѣкомъ, — сказалъ онъ, медленно закрывъ свои глубоко сидящіе глаза и потомъ снова открывъ ихъ съ освѣженнымъ выраженіемъ лица.

— Никакихъ официальныхъ отношеній между нами не было, — сказалъ главный инспекторъ съ нѣкоторой горечью. — Я вошелъ однажды вечеромъ къ нему въ лавку, сказалъ ему, кто я, и напомнилъ о нашей первой встрѣчѣ. Онъ даже глазомъ не моргнулъ. Онъ сказалъ мнѣ, что женился, занялся торговымъ дѣломъ и болѣе всего хотѣлъ, чтобы его оставили въ покоѣ. Я общалъ

ему, что его не тронуть, если онъ не попадетъ въ какомъ-нибудь слишкомъ явномъ нарушеніи законовъ. Это для него было очень важно, потому что стоило бы намъ шепнуть слово на таможи, и въ Дуврѣ открыли бы одну изъ посылокъ, которыя онъ постоянно получалъ изъ Парижа и Брюсселя, конфисковали бы ее и, можетъ быть, притянули къ суду.

— Это вѣдь очень рискованный родъ торговли, — проговорилъ вице-директоръ. — Почему онъ выбралъ именно это?

— По всей вѣроятности, у него были пріятели среди торговцевъ такими товарами. Какъ-разъ подходящая для него компанія. Онъ страшный лѣнтяй, какъ всѣ они.

— Чтò же вы имѣли отъ него за свое покровительство?

Главный инспекторъ Хитъ вовсе не желалъ придавать чрезвычайное значеніе услугамъ м-ра Верлока.

Никто, кромѣ меня, не сумѣлъ бы пользоваться имъ, — сказалъ онъ. — Нужно многое знать для того, чтобы извлечь пользу изъ подобнаго человѣка. Я-то умѣю пользоваться каждымъ его намекомъ, и бывають случаи, когда онъ меня намеками наводилъ на нужный мнѣ слѣдъ.

Главный инспекторъ впалъ вдругъ въ раздумье, и вице-директоръ, сдерживая ироническую улыбку, подумалъ, что, можетъ быть, репутація главнаго инспектора Хита создавалась въ значительной степени заслугами тайнаго агента Верлока.

— Нашимъ агентамъ, — продолжалъ главный инспекторъ, — дежурящимъ на вокзалахъ Викторія и Чарингъ-Кроссъ, отданъ приказъ слѣдить за всѣми, кого они случайно увидятъ съ нимъ. Онъ часто встрѣчаетъ пріѣзжихъ на вокзалъ, и потомъ слѣдить за ними, пока они здѣсь. Въ этомъ, видимо, заключается возложенная на него обязанность. Когда мнѣ нуженъ быстро какой-нибудь адресъ, я всегда достаю его у него. Конечно, я умѣю быть осторожнымъ. За послѣдніе два года я не болѣе трехъ разъ говорилъ съ нимъ лично. Я сношусь съ нимъ письменно, и онъ мнѣ отвѣчаетъ тоже письмами по моему частному адресу.

Вице-директоръ отъ времени до времени слегка кивалъ головой. Главный инспекторъ прибавилъ, что, по его мнѣнію, Верлокъ едва-ли пользуется полнымъ довѣріемъ видныхъ членовъ международнаго революціоннаго комитета, но что ему несомнѣнно даютъ кое-какія порученія.

— Всякій разъ, когда я подозрѣвалъ, что что-нибудь готовится, — сказалъ онъ въ заключеніе, — Верлокъ могъ сообщить мнѣ цѣнныя свѣдѣнія.

Вице-директоръ сказалъ съ многозначительнымъ видомъ:

— На этотъ разъ, однако, онъ ничего вамъ не сказалъ.

— Я ничего не зналъ ни съ какой другой стороны, — сказалъ главный инспекторъ Хитъ. — Я его не спрашивалъ, и онъ поэтому не могъ мнѣ ничего сказать. Онъ не на службѣ у насъ и ничѣмъ намъ не обязанъ.

— Конечно, — пробормоталъ вице-директоръ. — Онъ вѣдь шпионъ на жалованьи у иностраннаго правительства. Мы не могли бы говорить съ нимъ откровенно о нашихъ дѣлахъ.

— Я дѣлаю свое дѣло по-своему, — произнесъ главный инспекторъ. — Если бы нужно было, я бы спѣнился съ самимъ дьяволомъ и взялъ бы на себя послѣдствія. Но все это хорошо для меня одного — не всякому годится все знать.

— Вашъ взглядъ на скрытность заключается, кажется, въ томъ, чтобы держать въ невѣдѣніи начальника вашего департамента... Скажите, онъ живетъ надъ своимъ магазиномъ?

— Кто?.. Верлокъ? Да. Онъ живетъ надъ своимъ магазиномъ. Съ ними, кажется, живетъ мать его жены.

— Надъ домомъ утверждёнъ надзоръ?

— Нѣтъ. Не къ чему. Слѣдятъ только за нѣсколькими людьми, которые туда приходятъ. По-моему, онъ объ этомъ дѣлѣ ничего не знаетъ.

— Какъ вы объясняете вотъ это? — спросилъ вице-директоръ, указывая на доскутокъ сукна, лежащій на столѣ.

— Никакъ; это, по-моему, необъяснимо. У меня нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы хоть что-нибудь сказать. — Главный инспекторъ высказалъ это съ полной откровенностью, какъ человѣкъ, репутація котораго прочно установлена. — Во всякомъ случаѣ, я теперь ничего не знаю. И все-таки я думаю, что ближе всего къ этому дѣлу стоитъ Михаэлисъ. Вотъ увидите, что такъ окажется.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Да, сэръ, потому что за всѣхъ другихъ я отвѣчаю.

— Ну, а что же вы скажете о другомъ человѣкѣ, который, будто бы, убѣжалъ изъ парка?

— Онъ, по-моему, теперь уже далеко, — заявилъ главный инспекторъ.

Вице-директоръ зорко на него посмотрѣлъ и вдругъ поднялся, точно принявъ въ эту минуту какое-то твердое рѣшеніе. Онъ отпустилъ главнаго инспектора, пригласивъ его явиться на слѣдующій день для обсужденія дальнѣйшихъ дѣйствій. Главный инспекторъ выслушалъ его съ непроницаемымъ лицомъ и ровнымъ шагомъ вышелъ изъ комнаты.

Каковы бы ни были планы вице-директора, во всякомъ случаѣ они не имѣли ничего общаго съ канцелярской работой, которая была для него истиннымъ проклятіемъ, такъ какъ заставляла его сидѣть взаперти и была лишена всякой видимой реальности. Какъ только онъ остался одинъ, онъ быстро оглянулся, ища глазами шляпу, и поспѣшилъ ее надѣть. Послѣ того онъ снова сѣлъ, чтобы обсудить про себя дѣло. Но такъ какъ онъ уже принялъ твердое рѣшеніе, то размышленіе его длилось недолго. Черезъ очень короткое время послѣ ухода главнаго инспектора Хита, онъ тоже ушелъ изъ зданія департамента.

Съ англійск. З. В.

АЛЕКСВЙ МИХАИЛОВИЧЪ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ

Поэзія „цвѣтущей старости“.

О, гѣси старости—завѣтъ предсмертныхъ думъ
И трепеть радостный души еще живучей!
Такъ осенью намъ лѣсъ даритъ послѣдній шумъ,
И листья въ воздухѣ играютъ рой летучій..

А. М. Жемчужниковъ (1888 г.).

Молодость — обычная пора расцвѣта лиризма. Въ области эпоса и драмы высшее напряженіе творческой силы часто наступаетъ сравнительно поздно и продолжается долго; въ области лирики оно совпадаетъ, большею частью, съ годами свѣжести и надежды. Въ рѣдкихъ случаяхъ даръ пѣсень сохраняется до того зрѣлаго возраста, въ которомъ, напримѣръ, Гёте писалъ свои „Римскія элегіи“. Есть, однако, исключенія изъ общаго правила. Почти все то, что составило славу Аккерманъ, создано ею въ старости. Между лучшими стихотвореніями Сюлли-Прюдомма и Свинберна много такихъ, которые написаны ими на склонѣ лѣтъ. Послѣднія лирическія поэмы Альфреда де-Виньи многими цѣнятся выше его юношескихъ твореній. Дѣло въ томъ, что сфера лиризма столь же широка, какъ и сфера личной жизни. Близость къ концу можетъ служить источникомъ своеобразныхъ волненій, столь же глубокихъ, какъ и волненія, возбуждаемыя новизною всѣхъ „впечатлѣній бытія“. Безвозвратность минувшаго можетъ заставить звучать поэтическую струну съ такою же силой, какъ и безпредѣльность ожиданій; да и въ настоящемъ

есть черты, съ особенною ясностью поражающія именно слабѣющее зрѣніе.

Стихотворенія, написанныя А. М. Жемчужниковымъ между 1892 и 1898 гг.—т.-е. послѣ того, какъ ему исполнилось семьдесятъ лѣтъ, — онъ соединилъ въ одно цѣлое подъ заглавіемъ: „Пѣсни старости“¹⁾. Этимъ именемъ можно было бы назвать все вышедшее изъ-подъ его пера со времени возвращенія его въ Россію изъ-за границы, въ 1884-мъ году. Ему было тогда болѣе шестидесяти лѣтъ—и именно съ тѣхъ поръ его дарованіе достигаетъ небывалой прежде силы. Къ нему въ гораздо болѣе мѣрѣ, чѣмъ къ Фету, примѣнимы обращенныя къ послѣднему слова: „Свѣтлѣй и ярче перваго разсвѣта горять твои вечерніе огни“. Раньше онъ писалъ рѣдко и немного. Начавъ изысканными, но мало содержательными комедіями („Странная ночь“, 1850; „Сумасшедшій“, 1852), онъ скоро обратился къ лирикѣ, но не сразу нашелъ и здѣсь свою настоящую дорогу. Между стихотвореніями его, относящимися къ пятидесятымъ годамъ, только немногія даютъ предчувствовать будущаго сатирика, будущаго пѣвца русской природы и русскаго горя. „Мнѣ казалось“—говорить онъ въ небольшой автобіографической замѣткѣ, предпосланной первому собранію его сочиненій,—„что мои стихи никому не нужны въ такое серьезное время. Поезія на гражданскіе мотивы была бы очень умѣстна въ эпоху пробужденія ума и совѣсти. Я сознавалъ все высокое ея значеніе, и меня къ ней тянуло; но эти пѣсни пѣлъ тогда Некрасовъ. Онѣ были такъ сильны и прекрасны, что тягаться съ ними я не могъ, а вторить имъ, хотя бы и не фальшивя, было бы излишне. Съ другой стороны, такъ называемая чистая поэзія, отрѣшенная отъ „злобы дня“, возвышенна и прекрасна всегда; но я чувствовалъ, что моя муза не обладаетъ ни лиризмомъ, ни красотою, которыя я почиталъ необходимыми принадлежностями чистой поэзіи. Въ то время мои недостатки оказались бы еще замѣтнѣе“.

Въ шестидесятыѣ годахъ и въ первой половинѣ семидесятыхъ—молчаніе, которое наложилъ на себя поэтъ, почти не прерывалось; немногое, написанное имъ въ это время, относится, болѣею частью, къ области юмора, въ которомъ онъ былъ такимъ мастеромъ, какъ одинъ изъ создателей Кузьмы Пруткова. Тяжелая семейная потеря, понесенная поэтомъ въ 1876 г., отражается въ цѣломъ рядѣ глубоко печальныхъ стихотвореній. Природа, во-

¹⁾ По мѣрѣ выхода въ свѣтъ стихотвореній А. М. Жемчужникова нашъ журналъ посвѣщалъ имъ подробныя замѣтки (1892, октябрь; 1900, мартъ).

торую онъ всегда любилъ, возвращаетъ его къ жизни („О, жизнь! я вновь ее люблю“; 1879); онъ опять чувствуетъ „сладостную привычку бытія“ („О томъ, какъ насъ судьба влечетъ“; 1883)—но вмѣстѣ съ тѣмъ слышитъ строгій голосъ приближающейся старости:

Мгновенія мимо,
 Какъ вихри, летать въ пустоту;
 И старость, по жизни тоскою томима,
 Считаетъ ихъ жадно, цѣпляясь за нихъ налету...
 Былое, умственному взору
 Представши, видится яснѣй...
 И предъ тобою, какъ панорама,
 Проходятъ дальніе года...
 Такъ поздней осенью, порою,
 Когда летитъ увядшій листъ,
 И, разрѣженъ отъ мглы и зною,
 Спокойный воздухъ свѣжъ и чистъ,
 Въ часы, когда ужъ солнце нивко,
 На озаренной имъ землѣ
 Даль подступаетъ къ намъ такъ близко,
 Такъ ясно все, что было въ мглѣ.

И вотъ, прислушиваясь къ призыву этой „подступающей дали“, А. М. возвращается въ Россію, по которой онъ тосковалъ иногда и въ счастливыя минуты („Осенніе журавли“, 1871). Въ первомъ же стихотвореніи, слѣдующемъ за возвращеніемъ („На родинѣ“, 1884), звучатъ, громко и властно, обѣ ноты, составляющія съ тѣхъ поръ главное содержаніе его поэзіи: глубокая любовь къ русской землѣ и русскому народу—и пламенное осужденіе тяготѣющихъ надъ ними порядковъ.

О, край родной, какъ ты мнѣ милъ!
 Отъ долговременной разлуки,
 Какія радости и муки
 Въ моей душѣ ты пробудилъ!
 Твоя природа такъ прелестна,
 Она такъ скромно хороша!
 Но намъ, сынамъ твоимъ, извѣстно,
 Какъ на твоемъ просторѣ тѣсно
 И въ узахъ мучится душа...
 О, край ты мой! Что жъ это значить,
 Что никакой другой народъ
 Такъ не тоскуетъ и не плачетъ,
 Такъ дара жизни не кливетъ?
 Шумятъ глѣса свободнымъ шумомъ,
 Играютъ птицы... О, зачѣмъ
 Лишь воли нѣтъ народнымъ думамъ,
 И человекъ угрюмъ и нѣмъ?..

Болѣя душой за угнетенную и приниженную народную массу, поэтъ клеймитъ тѣхъ изъ „отборныхъ чадъ“ страны, кто, „колотя въ пустыя груди“, все кричитъ о любви своей къ Россіи, но на самомъ дѣлѣ соединяетъ подобострастіе передъ нею съ презрѣніемъ къ русскимъ гражданамъ.

И отвращенія, и злобы
 Исполненъ къ нимъ я съ давнихъ лѣтъ.
 Они—поваленныя гробы...
 Лишь настоящее прошло бы,
 А тамъ—имъ будущаго нѣтъ...

Это послѣднее предсказаніе остается пока еще неисполненнымъ: возмущавшее поэта „настоящее“, несмотря на всѣ происшедшія съ тѣхъ поръ крупныя перемены, оказывается болѣе живучимъ, чѣмъ онъ думалъ. И тѣмъ не менѣе его прозорливость не подлежитъ сомнѣнію. Прошло нѣсколько лѣтъ—и вотъ что было сказано въ отчетѣ синодальнаго оберъ-прокурора (за 1888 и 1889 гг.): „наша народная масса, въ особенности земледѣльческая, въ земныхъ своихъ заботахъ въ потѣ лица приобретаетъ себѣ хлѣбъ, и такимъ образомъ слѣдуетъ первоначальной заповѣди Божіей, а со стороны духовной стремится къ высшимъ идеаламъ жизни... Но, являясь великимъ народомъ вообще, народъ нашъ, по свойству своего характера, въ обычной своей жизни предается нерѣдко и немало то лѣности, праздности и сонливости, то шумному разгулу, пьянству, буйству, сквернословію; увлекается онъ, особенно внѣ земледѣльческой среды, и легкой наживой“. Что это такое, какъ не характерное сочетаніе подобострастія передъ народомъ съ презрѣніемъ къ отдѣльнымъ лицамъ, его составляющимъ—то сочетаніе, которое предугадалъ и жестоко осудилъ поэтъ?.. А вотъ еще доказательство того, что А. М. обладалъ даромъ предвидѣнія. Много лѣтъ тому назадъ, въ одинъ изъ періодовъ цензурнаго ватишья, онъ доставилъ въ редакцію „Вѣстника Европы“ слѣдующее четверостишіе, озаглавленное имъ самимъ такъ: „Эпитафія цензурѣ“, и оставшееся ненапечатаннымъ:

Печила ты!.. Рука твоя
 Не поднимается, чтобъ херить, —
 Но духъ твой съ нами—и нельзя
 Въ твое безсмертіе не вѣрить!

Не зная времени происхожденія этой „эпитафіи“, можно было бы подумать, что она написана вчера или сегодня...

Изъ „прекраснаго далека“, въ которомъ долго жилъ А. М. Жемчужниковъ, онъ привезъ съ собою то представленіе о гра-

жданскомъ долгѣ, которое воспитала въ немъ протекшая на его глазахъ „эпоха великихъ реформъ“. „Я грубой силы врагъ замятый“, — такъ говорилъ поэтъ о себѣ уже въ 1859-мъ году.

Поклонникъ знанья и свободы,
Я эти блага такъ цѣню,
Что даже въ старческіе годы,
Быть можетъ, имъ не измѣню..

Онъ не только не измѣнилъ этимъ благамъ, но, подѣ влияніемъ знакомства съ Западной Европой, сталъ цѣнить ихъ еще выше. Съ точки зрѣнія идеаловъ, завѣщанныхъ ему лучшей порою его жизни, онъ взглянулъ на Россію восьмидесятихъ годовъ — и пришелъ въ ужасъ отъ того, что въ ней увидѣлъ. Четвертью вѣка раньше его „сподобила судьба узрѣть въ его отчизнѣ съ освобожденіемъ раба преображеніе всей жизни“; но во что вылилось это преображеніе? Прошли „тѣ годы мира на землѣ и межъ людей благоволенья“ — прошли, „какъ звѣзды гаснуть въ мутной мглѣ, какъ меркнуть въ сумракѣ видѣнья“; „той свѣтлой жизни въ старомъ злѣ пришла пора исчезновенья“. Поэтъ видѣлъ, что, „шагнувъ еще немножко“, Россія вернется „къ временамъ дальнимъ“; онъ видѣлъ, что „европейское окошко закрывается ужъ ставнемъ“. Проходятъ годы, не принося съ собой желаннаго просвѣта. Въ старѣющемъ поэтѣ слабѣетъ надежда на близость переменъ, но не слабѣетъ вѣра въ ея необходимость и неизбежность. „Такъ прочень въ сердцѣ и въ жосту“ — восклицаетъ онъ въ одной изъ послѣднихъ „пѣсенъ старости“ (1898) — „высокій строй эпохи прошлой, что съ современностію пошлой я примириться не могу“. Эта неспособность къ примиренію выражается въ мощныхъ сатирическихъ ударахъ по адресу враговъ — не личныхъ враговъ поэта, у него ихъ не было, а враговъ его идей, его стремленій. Когда ему случается касаться гасителей свѣта и гонителей правды, онъ относится къ нимъ уже не съ той мягкой насмѣшкой, какою было проникнуто, напримѣръ, направленное противъ Каткова стихотвореніе „Пророкъ и я“ (1868 г.), а съ горячимъ негодованіемъ или съ подавляющимъ презрѣніемъ („Бѣшеная собака“, 1886; „Два грѣховодника“, 1886; „Современныя замѣтки“, 1890; „Новая варіація на старую тему“, 1892; „Конь Калигулы“, 1892; „Письмо къ юношѣ о ничтожности“, 1893; „Пято“, 1893; „Комедія ретроградныхъ публицистовъ и толпа“, 1894; „Замѣтки о нѣкоторой публицистикѣ“, 1894; „Поминки“, 1897; „Ученникъ“, 1897). Въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя можно было бы назвать „пѣснями глубокой старости“, это настроеніе

смягчается иногда юмористическимъ оттѣнкомъ. Вотъ, наприимѣръ, эпиграмма на извѣстную категорію „вѣрноподанныхъ“, относящаяся къ 1906-му году: „онъ слово *подданный* постигъ со всѣхъ сторонъ, но вовсе пренебрегъ къ нему приставкой: *отъ*, и, ложнымъ прозвищемъ украшенъ, служить онъ царю и родившійся охотою, но скверно“. Другая эпиграмма того же времени касается „бюрократической покорности“: „своей покорностью онъ въ глаза намъ тычуть, а въ милость царскую случись врагамъ ихъ власть—небось умѣло ограничить неограниченную власть“... Послѣднія строки, вышедшія изъ-подъ пера А. М. Жемчужникова, написаны отъ имени Кузьмы Пруткова, лучшимъ произведеніемъ котораго онъ нимало не уступаетъ. За игривой формой въ нихъ скрывается весьма серьезное содержаніе. „Я, старинный монархистъ“—говоритъ изъ своей могилы Кузьма Прутковъ,— „на новыхъ негодую: скомпрометируютъ они—весьма боюсь—и власть верховную, и вмѣстѣ съ ней святую—Русь. Торжественный обѣтъ родилъ въ странѣ надежду, и съ одобреніемъ былъ встрѣченъ міромъ—всѣмъ... А исполненія его не видно—между тѣмъ... Надо власть беречь, чтобъ не была ея съ поступкомъ несогласна—рѣчь“...

Еще выше, чѣмъ въ сатирѣ, дарованіе А. М. Жемчужникова поднимается въ глубокихъ думѣхъ, на которыя его наводятъ бѣдствія народа, равнодушіе общества, ослѣпленіе власти. Живымъ памятникомъ мрака, сгущавшагося надъ Россіей въ періодъ разгара контръ-реформъ—въ тотъ періодъ, въ которомъ насъ теперь хотять заставить видѣть эпоху „славы и добра“,—служитъ удивительное стихотвореніе: „Сняла съ меня судьба, въ жестокой этотъ вѣкъ“ (1888). Нѣсколькими десятилѣтіями раньше, когда надъ русской мыслью тяготѣлъ небывалый ни прежде, ни послѣ гнетъ, И. С. Аксаковъ, еще полный кипучихъ юношескихъ порывовъ, произнесъ проникнутыя горечью слова: „Когда же власть твоя, скажи, пройдетъ, о молодость, о тягостное бремя“! То же самое, не зная о сказанномъ до него, повторяетъ теперь, отчасти въ тѣхъ же выраженіяхъ, А. М. Жемчужниковъ. „Нѣтъ сына у меня; онъ умеръ, слава Богу... Онъ былъ бы юношей теперь. Въ томъ и бѣда... О, какъ невесело бытъ юнымъ въ наше время! Не столько старости недужные года, какъ *молодость теперь есть тягостное бремя*“. Болѣе сильнаго обвинительнаго акта противъ эпохъ, рождающихъ подобныя мысли, нельзя себѣ и представить. Самоубійство — вступленіе въ „пре-

ступные ряды" — покорность духу времени: вотъ подводные камни, грозящіе юношѣ среди мертвеннаго застоя, когда не видно „высокой цѣли и смысла жизни, нѣтъ идеаловъ, не съ кого брать примѣра“.

Скорбя о родинѣ, переживающей такое время, поэтъ обращается къ своимъ ровесникамъ съ увѣщаніемъ и призывомъ: „Духа не угашайте“ (1888).

Духъ нашъ спитъ;
Звучать еще слова, но мысли ни единой;
Но искры Божьей нѣтъ. Затянутаго тиной
Болотнаго пруда таковъ сонливый видъ...
Завѣтъ апостола: *не угашайте духа!*
Напоминаю вамъ. Какъ знать? Въ дали времянь,
Быть можетъ, къ нравственной воззвать придется ситѣ;
И вотъ, сердца молчатъ, заглушій разумъ нѣмъ...
Отвѣтитъ тишина могильная—затѣмъ,
Что духа нѣтъ, духъ угасил.

Та же нота звучитъ въ превосходномъ стихотвореніи: „Забытыя слова“ (1889), посвященномъ памяти Салтыкова...

Въ половинѣ пятидесятихъ годовъ Некрасовъ спрашивалъ себя: „Гдѣ гражданинъ страны родной“ — и не получалъ отвѣта. Граждане явились тогда, „когда народу царь рѣшился даровать отъ ига рабскаго свободу“; но миновалъ подъемъ духа — и ихъ опять не видно (Пустое мѣсто“, 1893).

Пусть государственнаго зданья
Вполнѣ постройка хороша, —
Для формы нужно содержанье,
Какъ тѣлу надобна душа.
Что пользы въ томъ, чтобы большія
Зіяли рамы безъ картинъ?
Въ тебѣ жъ отсутствуетъ, Россія,
Твоя душа — твой гражданинъ“.

И эта гражданская скорбь не даетъ А. М. Жемчужникову покоя, не позволяетъ ему замкнуться въ манящей его сферѣ „чистой поэзіи“. Одинъ голосъ говорить ему („Голоса“, 1893):

Часы бѣгутъ... И тотъ, быть можетъ, близокъ часъ,
Который принесетъ предсмертную истому...
Покуда духъ твой бодръ и разумъ не погасъ,
Не трать послѣднихъ чувствъ и мыслей по пустому.
Твоей мятущейся и ронщущей души
Смири безплодный гнѣвъ и тщетныя волненья,
И злобныхъ пѣсень рядъ спокойно заверши
Во область мирныхъ думъ полетомъ вдохновенья...

Зову тебя туда, къ предѣламъ тѣхъ вершинъ,
 Откуда человекъ жгтейскихъ драгъ не видитъ,
 Гдѣ разумъ—всѣхъ страстей и гнѣва властелинъ —
 Понявъ, прощаетъ то, что сердце ненавидитъ.
 Тамъ духъ поэзіи предстанетъ предъ тобой,
 Парящій въ высотахъ, какъ нѣкій горный геній,
 И смѣнитъ жесткій стихъ, навѣянный враждой,
 Строчками звучными духовныхъ пѣснопѣній.

Несмотря на всю притягательную силу этого голоса, поэтъ
 внимаетъ—и часто слѣдуетъ—другому:

Часы бѣгутъ... Уже, быть можетъ, близокъ часъ,
 Несущій приговоръ бездушнаго покоя...
 Покуда духъ твой бодръ и разумъ не погасъ,
 Храни ко злбамъ дня сочувствіе живое...
 Пусть въ старческихъ рукахъ гремитъ или плачетъ лира;
 Пусть небу молится, да ниспошлетъ лучи
 Животворящіе въ пустынный сумракъ міра.
 И еслибы тебя на крыльяхъ вознесли
 Молитвы и мечты въ далекій сводъ небесный, —
 Пока еще живешь, не забывай земли
 Въ безстрастной чистотѣ той сферы безтѣлесной.
 Услыша зовъ, покинь заоблачную даль;
 То—голосъ совѣсти! Она на землю кличетъ,
 Гдѣ рядомъ съ радостью терзается печаль,
 Гдѣ озлобленіе съ любовію граничить.

Голосъ совѣсти, привлекая вниманіе поэта къ землѣ, заста-
 вляетъ его проклинать „холодность жесткую глухихъ въ на-
 родной долѣ“ („Христіанское дѣло“, 1895). Ему кажется, что
 „баловней судьбы“ — къ которымъ онъ причисляетъ и себя —
 поддерживаютъ, на занятой ими высотѣ, „мышцы рукъ людскихъ
 и спиць согбенныхъ кости“. Его тревожитъ судьба этихъ
 „живыхъ варіатидъ“, тяжелаго дыханья которыхъ не хочетъ
 слышать „черствый и пустой духъ времени“... Въ „Завѣщаніи“
 (1897) онъ гордится именемъ „поэта-гражданина“ и называетъ
 себя „рядовымъ воинномъ на бранномъ полѣ“, поднявшимъ и
 несущимъ знамя, лежавшее въ пыли. Онъ ждетъ, чтобы его
 смѣнили другой, болѣе бодрый „пѣвецъ гражданской чести“ —
 но, ожидая его, остается на своемъ посту, по прежнему воз-
 ставая противъ „привычки рабской лести“ и противъ лжи,
 отождествляющей „духъ достоинства“ съ „крамольнымъ духомъ“.

Съ особенною силой гражданское чувство проснулось въ
 старцѣ въ томительные мѣсяцы, послѣдовавшіе за мимолетнымъ
 октябрьскимъ просвѣтомъ 1905-го года. „Какъ прежде“—гово-
 ритъ онъ въ стихотвореніи: „Страшный годъ“ („Вѣстникъ Европы“
 1906 г., январь)— „духъ вождей и нынѣ нетерпимъ; ихъ властный

нравъ грозить мышлению гражданина. Но гражданинъ работъ не хочетъ быть ничьимъ; свободы не добыть, мѣняя господина. Борьба есть жизни смыслъ, когда ведется бой духовной силою и разума, и слова". Несчастье Россіи—въ томъ, что ее воспитала „жестокая школа, въ безсмыслии, во лжи, въ безправной темнотѣ"... Годъ спустя, въ эпоху военно-полевыхъ судовъ и обостренія террора, поэтъ, въ стихотвореніи: „Довольно" (январь 1907), еще ярче осуждаетъ насиліе, откуда бы оно ни исходило. „Вѣдь беззаконіе нельзя возвестъ въ законъ, вѣдь судъ низвестъ нельзя до бойни для скотины... Довольно!—говоримъ обвинъ сторонамъ... Такъ свято чтя завѣтъ сороковыхъ годовъ, людей мы, старики, старинной мѣрой мѣримъ, охрану мы блюдемъ гражданственныхъ основъ, и въ достиженіе благъ лишь чрезъ свободу вѣримъ... Мы тщимся такъ служить родному намъ народу, чтобы добыть ему насиліемъ ничьимъ не оскверненную свободу". Еще поздѣе, весной 1907-го года, А. М. обращается съ мольбой къ русскому народу:

На рядъ родныхъ картинъ его похожа дума,
 На Волгу матушку, на тихій синій Донъ,
 На жуткую тоску гѣсного въ бурю шума,
 На мирный храма звонъ.
 О, русскій человѣкъ! ты не былъ безучастнымъ
 Къ людскимъ страданіямъ, ты мести не знавалъ,
 И, милосердыя полнъ, преступнаго—несчастнымъ
 Печально называлъ.

Такимъ ты мнѣ знакомъ по пѣснямъ, по былинамъ,
 Такимъ, въ твоемъ быту, я знать тебя привыкъ.
 Зачѣмъ же исказилъ ты образомъ звѣринымъ
 Твой человѣчный ликъ?

Понятно, что русскому народу не могутъ быть вмѣнены въ вину отдѣльные взрывы злобныхъ чувствъ; понятно, что отъ огульныхъ обвиненій былъ далекъ и поэтъ, такъ хорошо знавшій и такъ горячо любившій русское крестьянство. Возмущенный, до глубины своей нѣжной и чуткой души, страшнымъ паденіемъ того „благоволенья межъ людей", свидѣтелемъ котораго онъ былъ въ лучшую пору своей жизни, онъ обратился съ отчаяннымъ призывомъ къ добрымъ чувствамъ народной массы, какъ къ послѣднему оплоту противъ надвигающихся ужасовъ. Не такимъ представлялось ему пробужденіе страны, о которомъ онъ мечталъ съ юныхъ лѣтъ до края гроба; но какъ бы глубоко ни было его разочарованіе, оно не могло сдѣлать его несправедливымъ. Онъ не забывалъ, черезъ какую „жестокую школу" прошла—и продолжала проходить—Россія.

Между стихотвореніями А. М. Жемчужникова есть нѣсколько цикловъ, посвященныхъ русской деревнѣ. Самый ранній изъ нихъ относится къ 1857-му году. Уже тогда А. М. восхваляетъ сельское уединеніе (*O beata solitudo! O sola beatitudo!*)—но совершенно иначе, гораздо задушевнѣе и сильнѣе, звучатъ пѣсни, продиктованныя имъ состарѣвшемуся поэту. Съ самаго возвращенія его въ Россію онѣ повторяются непрерывно и прекращаются лишь незадолго до его смерти. Деревня во всѣхъ фазахъ ея жизни, деревня въ жаркій лѣтній день, деревня залитая дождемъ или засыпанная снѣгомъ, деревня въ моментъ расцвѣтанія или отцвѣтанія природы—внушаетъ ему рядъ картинъ, иногда веселыхъ, иногда печальныхъ, но всегда одухотворенныхъ глубокимъ чувствомъ. Въ самыя тяжелыя минуты, когда поэту кажется, что „опытъ жизни уничтожилъ въ немъ всѣ надежды“, что „ничему онъ больше въ своемъ отечествѣ не вѣрить“—отраду и утѣшеніе даетъ ему „обитель мирная, пріютъ благословенный, обѣтованная ему Господомъ земля“.

Вотъ чтó писалъ онъ въ „Пѣсняхъ объ уединеніи“ (1889).

Здѣсь отъ житейскихъ бурь я въ старческіе годы
Себѣ убѣжище нашелъ. Такъ ветхій чолнъ

Въ затишьѣ пристани, во время непогоды,
Спокойно зыблется въ сосѣдствѣ шумныхъ волнъ.

За все, что есть въ тебѣ, за все, что слышу, вижу,
За тихій твой просторъ, за красоту твою,
За то, что нѣтъ въ тебѣ того, что ненавижу,
Родимый уголъ мой, тебя я такъ люблю!

Свободы, тишины, спокойствія хочу я,
Съ природой бы родной прожить остатокъ дней
Въ уединеніи! Потомъ, конецъ почувя,
Хотѣлъ бы хоть въ окно успѣть проститься съ ней

А ты, природа-мать, и свѣтлыхъ дней лучами,
И тьмой, и звѣздами, и краскамъ зари,
И всѣми чудными твоими голосами
Со мной, пока живу, немолчно говори!

Все кругомъ поэта живетъ таинственной жизнью. Старыя липы его сада шумятъ сочувственнымъ ему звукомъ, встрѣчаютъ его радушнымъ привѣтомъ и, прошептавъ молитву, умоляютъ въ свѣтъ вечерней зари. Покрытыя инеемъ деревья, въ солнечный морозный день, уносятъ его „въ міръ какъ бы застывшихъ грезъ“ и въ царство „красивой смерти“ („Сельскія впечатлѣнія“, 1888 и 1889). Осенью лѣсъ, „чуть шелестя въ вершинахъ, весь въ облаченъ золотистомъ, какъ бы стремится къ высямъ чистымъ надъ нимъ снѣгующихъ небесъ“ („Осенью въ деревнѣ“, 1891). Заглянувъ въ окно послѣ бурной метели, поэтъ

видить, какъ ему грустно киваютъ ели своими сѣдymi головами, какъ онѣ протягиваютъ къ нему свои вѣтви, словно холодныя руки, „манять къ себѣ и объятья ему простираютъ“ („Ели“, 1892). Онѣ ѣдутъ мимо молча дремавшей березы; она пробуждается при его приближеніи („Придорожная береза“, 1895):

И надо мной, шелеста и дрожа, прошумѣла,
Наскоро что-то повѣдать желая мнѣ словно—
Словно со мной подѣлилась тоской безутѣшной,
Вмѣстѣ съ печальнымъ промолвя и нѣжное что-то...

Въ старой раковѣ поэтъ видитъ, точно въ зеркалѣ, самого себя. „На просторѣ родномъ одинока, она, вѣтви свои къ долу низко склона, ожидаетъ послѣдняго срока“. Въ ясные дни и въ грозу, среди бурной тревоги, она „для себя лишь самой вдохновенно свои шелеститъ или шумитъ монологи“. Но въ ея душлѣ бодрствуетъ сѣдая птица, крикъ которой, раздаваясь въ ночной тишинѣ, можетъ тронуть душу позднихъ путниковъ: „среди покоя и сна отчего кто-то тамъ то смѣется, то плачетъ и стонетъ“¹⁾?

Настоящій гимнъ природѣ А. М. пропѣлъ въ одномъ изъ самыхъ лучшихъ своихъ произведеній— „Святая пора“ (1894):

Есть пора святая въ жизни деревенской—
Осени прозрачной тихая пора.
Въ ясный день природа—это храмъ вселенскій;
Въ немъ богослуженье—до ночи съ утра.
Лишь съ долинъ росистыхъ волны оймѣма
Возлетать навстрѣчу утренней зари,
Для молитвъ открыты на просторѣ храма
Всюду алтари...

Паутиной чистой серебрятся жневы;
Нивы въ изумрудный облеклись нарядъ;
Какъ паникадила, стройныя деревья
Золотомъ горять.
Время грозъ гремящихъ, время нѣги знойной
Отъ земли умчалось... Ей его не жаль.
Вся теперь объята думою спокойной,
Взоръ она возноситъ въ голубую даль;
Небу за бывшее шлетъ благодаренья;
Знаетъ, что ей нынѣ дни ужъ сочтены;
И готова къ смерти, чая воскресенья
Отъ лучей весны.

¹⁾ „Старая раковина“ (1898). Когда, въ февралѣ 1900-го года, небольшая группа друзей А. М. Жемчужникова и помонниковъ его таланта привѣтствовала вступленіе его въ восьмидесятый годъ жизни и выходъ въ свѣтъ его „Пѣсенъ старости“, Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ прочиталъ „Старую раковину“, какъ вырвавшееся у самого поэта сознаніе связи, продолжающей соединять его съ живыми силами русскаго общества. И кто могъ думать тогда, что сравнительно молодой поэтъ-философъ сойдетъ въ могилу многими годами раньше, чѣмъ старшій?

Въ этотъ храмъ природный, храмъ нерукотворный
 Приходите, люди, бросивъ города!
 Въ немъ—пріютъ свободный мысли непокорной,
 Утѣшене въ горѣ, отдыхъ отъ труда.
 Въ этотъ храмъ любовно распахнуты двери;
 Всѣмъ умамъ широкимъ, всѣмъ благимъ сердцамъ,
 Всѣмъ людскимъ ученьямъ, и мечтамъ, и вѣрѣ—
 Входъ свободенъ въ храмъ.
 Богомъ именуемъ, о, великій водчій!
 Осенью прозрачной, въ сельской тишинѣ,
 Ты передъ природой мнѣ съ любовью отчей
 Снялъ съ очей завѣсу и открылъ ихъ мнѣ.
 И Твой храмъ я вижу просвѣтленнымъ взоромъ,
 Храмъ, гдѣ вѣчно служба въ славу бытія,
 И духовнымъ слухомъ слышу пѣнье хоромъ:
 Аллилуія!

То „святое недовольство“ самимъ собою, которое воспѣлъ Некрасовъ, вспоминая о Бѣлинскомъ, и которое заставило поэта мести и печали просить у родины прощенія грѣховъ, было хорошо знакомо А. М. Жемчужникову. Оно слышится порою уже въ его раннихъ стихотвореніяхъ („Септуоръ Бетховена“, 1856; „Возрожденіе“, 1859). Въ „Прелюдіи въ прощальнымъ пѣснямъ“ (1891) оно смягчается надеждой: „пусть выскажу то, о чемъ прежде молчалъ я лѣниво... А если бы пѣсни мои прозвучали въ пустынѣ, я все же сказалъ бы, имъ честность въ заслугу вмѣня: что сдѣлать я могъ, то я сдѣлалъ, и съ миромъ ты нынѣ, о жизнь, отпускаешь меня“. Позднѣе эта спокойная увѣренность по временамъ уступаетъ мѣсто унынію. „Искупать не время мои прегрѣшенья... Ужъ поздно! Отжитая жизнь не направится вспять; не время собирать, нельзя начинать, когда ужъ конецъ приближается грозно“ („Дума“, 1895). Еще болѣе глубокою печалью проникнуто стихотвореніе: „Прежде и теперь“ (1897). Поэтъ вспоминаетъ отроческіе годы, когда на призывъ: „благослови“, обращенный къ Небу, онъ слышалъ отвѣтъ: „благословляю“. Пройдя долгій путь, покрытый придорожною пылью, онъ чувствуетъ, что ему не вернуть того, что было:

И я теперь не ожидаю,
 Когда твержу: прости! прости!
 Чтобъ мнѣ послышалось: прощану.

Не безнадежность, однако, была на склонѣ лѣтъ обычнымъ настроеніемъ А. М. Жемчужникова. Слишкомъ полно любовью было его сердце, слишкомъ много источниковъ свѣта онъ умѣлъ находить въ себѣ и вокругъ себя, чтобы всецѣло отда-

ваться во власть мрачныхъ думъ и тяжелыхъ самообвиненій. Съ одинаковою нѣжностью онъ относился и къ тѣмъ близкимъ, среди которыхъ онъ доживалъ свою жизнь („Живу, какъ будто съ новой силой“, 1888; „Н. А. Ж—ой“, 1892; „О жизни“, 1896);—и къ тѣмъ, кто давно сошелъ въ могилу („Изъ далекаго прошлаго“, 1897; „Другу“, 1893; „Послѣдній портретъ В. А. Арцимовича“, 1898). В. А. Арцимовичу, товарищу и неизмѣнному другу А. М. Жемчужникова, было посвящено еще при его жизни прелестное стихотвореніе: „Цвѣтущая старость“. „Сладость бытія“ А. М. цѣнилъ и чувствовалъ даже въ деталяхъ будничной дѣйствительности. „Мнѣ жизнь еще нужна“—говоритъ онъ, отпраздновавъ свои семьдесятъ-пять лѣтъ,—„для мелочей моей повадки старой: для празднаго сидѣнья у окна, для кофея съ газетой и сигарой“ („О жизни“, 1896). Онъ слѣдитъ „ненасытной душой“ за „загадочной, глубокими тайнъ полной пьесой, идущей на сценѣ міра“; его интересуется „скромный русскій бытъ“, онъ радуется каждому „лучу, озаряющему его свѣтомъ“ (тамъ же). Постояннымъ источникомъ утѣшенія и успокоенія продолжаетъ служить для него природа: даже въ городѣ онъ умѣетъ находить мирные уголки, гдѣ она говоритъ съ нимъ своими „немолчными голосами“ („По городу бродя, зашелъ я въ садъ“; 1897). „Затѣмъ жить стоитъ въ мірѣ этомъ, чтобъ видѣть русскую весну“ („Съ горъ потоки“) — восклицаетъ онъ въ 1893 г. Четырнадцать лѣтъ спустя онъ выражаетъ желаніе еще разъ увидѣть „праздникъ природы“. Онъ умиралъ, быть можетъ, съ сожалѣньемъ, что смерть застигла его до наступленія весны...

Жизнерадостность, до конца не измѣнявшая А. М. Жемчужникову, не мѣшала ему останавливаться на мысли о смерти. Мало найдется поэтовъ, у которыхъ эта мысль встрѣчалась бы такъ часто и въ столь различныхъ видахъ. Страшной она не могла быть для него уже потому, что онъ вѣрилъ—глубоко, искренно вѣрилъ. Какъ широка и свободна была его вѣра—объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ приведенная нами выше „Святая пора“. Онъ знавалъ еще въ юности „сладкія молитвенныя слезы“. Какъ и Салтыковъ, онъ „возлюбилъ ученіе Христа и мыслію, и сердцемъ умилненнымъ“¹⁾:

Въ тѣ грубыя безправья времена
Одинъ Христосъ смягчалъ людское сердце.
Онъ юнаго меня училъ любить
Трудащихся и всѣхъ обремененныхъ...

¹⁾ „Ранняя весна“, 1891 г.

О, прежде чѣмъ придуть послѣдніа мгновенья,
 Тотъ духъ евангельскій пусть овладѣтъ мной,
 Что вѣяль благостно мнѣ раннею весной!
 И мой къ могилѣ путь, среди житейскихъ терній,
 Тогда бы озарилъ свѣтъ тихій, свѣтъ вечерній.

По мѣрѣ приближенія къ концу, поэту, стоящему „у выходной двери“, все чаще видится „Онъ въ вѣнцѣ терновомъ“ — Онъ, благодаря которому „любовь легла въ основу нравственнаго зданья и обуздала силу зла духовной силой состраданья“ („Вѣстникъ Европы“, апр. 1904).

И все-таки отношеніе къ смерти у А. М. не всегда одно и то же. „Не спѣша, мѣняйтесь, картины“ — говоритъ онъ въ 1891 г.:—

Шествуй, время, медленной стопою,
 Чтобы день не минулъ ни единый
 Пережить, но не замѣченъ мною.
 Тишина покоя и всѣ шумы,
 Жизнью наполняющіе землю,
 Злоба дня и вѣковыя думы,
 Смѣхъ и плачь людскіе—вамъ я внемлю.
 Въ чуткомъ сердцѣ впечатлѣнья живы,
 Дверь ума открыта свѣту настезь..
Ты мнѣ, призракъ смерти молчаливой,
Отойди немного,—ты мнѣ застѣши!

Два года спустя онъ пишетъ:

Пора мнѣ, старцу, наконецъ,
 Такъ наслаждаться всѣмъ подь солнцемъ,
 Какъ наслаждается скупецъ,
 Когда любуется червонцемъ.
 Межъ тѣмъ какъ съ милою землей,
 Разлука будетъ длиться вѣчно,—
 Летать мгновенья чередой..
 Что хорошо, то скоротечно“.

„Сколько мнѣ жить?“ — спрашиваетъ онъ себя еще позже; „грустны и сладки предсмертные годы“. Мало-по-малу въ немъ затихаетъ жажда жизни. Не только поворно, но радостно онъ смотритъ на приближающійся конецъ. „О, еслибъ былъ я удостоенъ съ грядущей смертью тихой встрѣчи, и таялъ, свѣтелъ и спокоенъ, какъ предъ иконой тающъ свѣчи“ („Ожиданіе“, 1897). Намъ вспомнился аналогичный образъ въ предсмертномъ стихотвореніи Д. Ф. Штрауса: „Heute heisst's verglimmen, wie ein Licht verglimmt; in die Luft verschwimmen, wie ein Ton verschwimmt. Möge schwach wie immer, aber hell und rein, dieser letzte Schimmer, dieser Ton nur sein“¹⁾. Какъ ни

¹⁾ „Мнѣ предстоитъ теперь догорѣть, какъ догораетъ свѣча, расшлаться въ

велико различіе между обоими поэтами — вѣдь Штраусъ также былъ поэтомъ, а не только воинствующимъ ученымъ, — какъ ни несходны между собою чувства, съ которыми они шли навстрѣчу смерти, они не случайно сошлись на сравненіи послѣднихъ минутъ съ потухающимъ свѣтомъ: они оба тщательно оберегали огонь въ своихъ свѣтильникахъ.

„Пѣсни старости“ заканчиваются стихотвореніемъ, въ которомъ поэтъ, уже готовый къ смерти, думаетъ лишь о прощаньи съ все еще любимою имъ землею:

О, когда бъ мнѣ было можно
Упредить мой день послѣдній!
Чтобъ, еще владѣя духомъ,
Не больнымъ, не помраченнымъ,
Я успѣлъ пойти проститься
Съ милой матерью землею...
Я скажу: прости, мѣръ Божій!
Преклоню потомъ колѣни
И земли коснусь поклономъ;
И задумаюсь надъ нею;
И, быть можетъ, затоскуя,
Орошу ее слезами.
И скажу: прими отъ сына
Благодарность за хлѣбъ за соль.
Долго ты его, родная,
Ублажала и кормила;
Жить онъ долѣе не въ силахъ:
Онъ теперь покоя просить;
Упокой его на вѣки.

Земля даритъ ему еще нѣсколько лѣтъ свѣтлой, мирной жизни — и онъ пользуется ими съ прежнимъ благодарнымъ чувствомъ. „Я все жилецъ земли“ — говоритъ онъ весною 1904-го года, сознавая близость „выходной двери“; „покуда молчитъ еще за дверью зовъ, пока не выкликнуть оттуда мнѣ ясно очередь мою, я здѣсь въ раздумьи постою“. По временамъ имъ овладѣваетъ „влеченье къ высотѣ“:

Чѣмъ ко смерти ближе, тѣмъ душа невольно
Чаще изъ темницы на свободу просится,
И земная дума прочь отъ жизни дольной.
Къ голосамъ призывнымъ далеко уносится.
Такъ въ обширномъ храмѣ, въ часъ богослуженья,
Передъ образами съ золотыми ризами,
Въ знойномъ и струистомъ блескѣ освѣщенья,
Вьется дымъ кадильный облаками сизыми.

воздухъ, какъ расплывается звукъ. Пускай этотъ свѣтъ, этотъ звукъ будетъ слабъ, какъ всегда, но чистъ и ясенъ“.

Онъ пойдетъ по деревнѣ дальше, повсемѣстно,
Посѣтитъ привѣтно всю толпу народную;
Но ему, средь люда, словно станеть тѣсно
И полетъ онъ править въ высоту свободную.

Эта „свободная высота“ была для А. М. Жемчужникова столь же родною, какъ и „дольная земля“—и между ними онъ до конца дѣлил свои думы, внимая обонимъ „голосамъ“, опредѣлявшимъ его призваніе.

Когда протестъ противъ торжествующаго зла, смѣлый и мощный, облеченъ въ яркія поэтическія краски, онъ сохраняетъ цѣнность и при измѣнившихся условіяхъ государственнаго и общественнаго быта. Не забыть до сихъ поръ и долго не будетъ забыть крикъ отчаянья, вырвавшійся у И. С. Аксакова въ моментъ наибольшей тяжести Николаевского гнета („Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни“); не забыть полный печали вопросъ Некрасова, поставленный наканунѣ эпохи великихъ реформъ: „Гдѣ гражданинъ страны родной“? Не будутъ забыты, мы въ этомъ убѣждены, и лучшія „боевыя“ стихотворенія А. М. Жемчужникова („На родинѣ“, „Сняла съ меня судьба“, „Духа не угашайте“, „Забытыя слова“, „Пятно“, „Завѣщаніе“). Еще меньше можно сомнѣваться въ живучести тѣхъ „пѣсенъ старости“, которыя внушены вѣчными запросами и чувствами чело-вѣческой души. Обаяніе „скромно прекрасной“ русской природы, чары уединенія, свѣтлая грусть воспоминаній, трепетное и вмѣстѣ съ тѣмъ радостное ожиданіе смерти—всѣхъ этихъ мотивовъ А. М. Жемчужниковъ умѣлъ касаться по своему, не повторяя ни другихъ, ни самого себя, и часто достигая высокаго совершенства формы. Ему одинаково удавался и легкій, точно прыгающій стихъ „Весенней пѣсни“, и любимый всѣми нашими поэтами четырехстопный ямб („На родинѣ“, „Ожиданіе“), и медленный, важный, величественный шестистопный ямб или хорей („Забытыя Слова“, „Святая пора“). Если его сверстники—Майковъ, Фетъ, Полонскій—превосходятъ его виртуозностью формы, то ни одному изъ нихъ не удалось проникнуть такъ глубоко въ тайники русской души. Въ этомъ отношеніи онъ всего ближе подходитъ къ Некрасову. Передъ большинствомъ современныхъ поэтовъ онъ имѣетъ высокое преимущество искренности и простоты. Мы вѣримъ, что его популярности суждено скорѣе расти, чѣмъ умаляться.

К. Арсеньевъ.

ПАМЯТИ

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА

Онъ въ серебрѣ своихъ сѣдинъ
Пророкамъ древнимъ былъ подобенъ;
Онъ средь пѣвцовъ въ нашъ вѣкъ одинъ
Былъ дѣтски-кровою и незлобенъ.

Берёгъ онъ прошлаго огни...
Надъ нимъ завать сіяль ужъ алый,
А онъ съ улыбкою усталой
Твердилъ: „О, сердце! Въ эти дни
Завѣты юности храни!
И если ты—слуга искусства,
Будь вѣрнымъ голосу души,—
И вспыхекъ искреннаго чувства
Въ своихъ движеньяхъ не глуши.
Не въ звонкихъ римахъ—тайна пѣсенъ...
Родной страны родной языкъ—
Онъ простъ и ясенъ, онъ великъ,
Онъ вдохновененъ, онъ чудесенъ.
Сплети жъ порывы чувства въ высь
Съ сердечной правдой русской пѣсни,
Для красоты ея воскресни
И въ пѣсняхъ лишь къ добру стремись!“

Святые, чистые призывы!
Они лились, какъ дождь весной,
Когда звенить онъ, золотой,
Слезами падая на нивы.

Они лились, собой окрестъ,
 Какъ вешнимъ блескомъ, грѣя дали;
 Они во тьмѣ, какъ божій перстъ,
 Нашъ путь лишь къ солнцу направляли.
 Сердечныхъ пѣсенъ чистый звукъ
 Звучалъ тогда, когда вокругъ -
 Въ смущеніи смогло правды слово,
 Когда померкла красота,
 А онѣмѣвшая мечта
 Не въ силахъ къ небу взвиться снова;
 Когда въ потокѣ звонкихъ фразъ
 Погасъ сверкающій алмазъ
 Живой любви, живого чувства;
 Когда во всей, во всей странѣ
 Мятется мысль въ кошмарномъ снѣ,
 Когда повергнуть богъ искусства,—
 И у пѣвцовъ, средь мглы ихъ грезъ,
 Ни свѣтлыхъ думъ, ни чистыхъ слезъ!

ПАВЕЛЪ ТУЛУВЪ.

Кіевъ.

РОСПИСЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ДОХОДОВЪ

НА 1908 ГОДЪ

I.

Смѣта государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1908 г. будетъ отмѣчена въ исторіи, какъ первое бюджетное предположеніе русскаго правительства, получившее силу закона отъ выборной Государственной Думы, такъ какъ позволительно, кажется, ожидать, что засѣдающему нынѣ выборному законодательному учрежденію удастся довести обсужденіе проекта бюджета до конца. Проведеніе черезъ Думу государственнаго бюджета на текущій годъ отмѣчено будетъ въ исторіи, впрочемъ, лишь какъ первая ласточка, предвѣщающая весну, но ее, какъ извѣстно, не дѣлающая. Весеннему расцвѣту народнаго контроля надъ государственными финансами не будетъ мѣста въ настоящей Думѣ, какъ потому, что октябристское ея большинство очень охотно сочувствуетъ осеннимъ мотивамъ правительства, такъ и по причинѣ твердой брони, какою защищенъ отъ посягательствъ высшаго законодательнаго учрежденія правительственный проектъ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ, прикрывающійся силою основныхъ законовъ, изданныхъ, впрочемъ, въ исключительномъ порядкѣ.

Министръ финансовъ, впрочемъ, не признаетъ послѣдняго обстоятельства и въ своихъ думскихъ рѣчахъ пытается доказать, что Государственной Думѣ предоставлены очень широкія полномочія при разсмотрѣніи его бюджетныхъ предположеній. Вѣдь абсолютно забронированными—полагаетъ онъ—изъ 2.317 милл. руб. суммы обыкновеннаго бюджета на 1908 г.—слѣдуетъ считать лишь 413 милл. руб., соста-

вленныхъ изъ 385 милл. руб. обязательствъ по государственнымъ долгамъ, 18 милл. руб., ассигнованныхъ на содержаніе Императорскаго Двора и Императорскихъ канцелярій и 10 милл. руб., назначенныхъ на экстренныя надобности. 688 милл. руб. кредитовъ, основанныхъ на дѣйствующихъ законахъ, положеніяхъ, штатахъ, росписаніяхъ и Высочайшихъ повелѣніяхъ, изданныхъ въ порядкѣ верховнаго управленія, не могутъ быть измѣняемы въ бюджетномъ порядкѣ; но Дума имѣетъ возможность измѣнить ихъ, если проведетъ новые законы, касающіеся тѣхъ или другихъ интересующихъ ее предметовъ. Эти два отдѣла кредитовъ, недоступныхъ измѣненіямъ при обсужденіи бюджета, составляютъ лишь 1,1 миллиарда рублей, а 1,2 миллиарда рублей, внесенныхъ въ проектъ росписи расходовъ, или 51% суммы обыкновеннаго бюджета (если считать и чрезвычайный бюджетъ, то это отношеніе поднимется до 54%) подлежатъ „полному, нестѣсненному заранее установленными ограниченіями, безграничному обсужденію Государственной Думы“.

Эти доводы главы финансоваго вѣдомства утрачиваютъ, однако, много значенія, если принять во вниманіе, что свободно измѣнять въ бюджетномъ порядкѣ Государственной Думѣ предоставлены, главнымъ образомъ, кредиты на хозяйственныя операціи, опредѣляемыя по дѣйствительной надобности; что существенное сокращеніе этихъ кредитовъ возможно лишь путемъ преобразованія системы веденія того или другого предпріятія, что представляется дѣломъ весьма сложнымъ и труднымъ; что оцѣнка отдѣльныхъ статей этой части бюджета въ законодательномъ учрежденіи затруднительна, потому что для этого требуются свѣдѣнія о многихъ частныхъ и мѣстныхъ обстоятельствахъ; что, и произведя извѣстныя сокращенія смѣты, Государственная Дума не можетъ быть увѣрена въ исполненіи ея предположеній, такъ какъ учрежденіе, вѣдающее хозяйственное предпріятіе, не можетъ уклониться отъ выполненія отдѣльныхъ его операцій и должно производить расходы, даже если бы они, по обстоятельствамъ мѣста и времени, и не находились въ соотвѣтствіи со смѣтными суммами.

Изъяты же отъ поправокъ Думы кредиты, касающіеся штатовъ, росписаній и положеній, кредиты предѣльные въ томъ смыслѣ, что, находясь въ полномъ соотвѣтствіи, напр., со штатами или росписаніями, они весьма мало подвергаются опасности перерасхода, и ихъ уменьшеніе, поэтому, ведетъ къ дѣйствительному сокращенію государственныхъ расходовъ; кредиты расточительные въ смыслѣ того, что ими обезпечивается содержаніе на народныя средства множества паразитовъ, переполюющихъ правительственныя канцеляріи, растрата народныхъ средствъ на огромныя оклады, аренды, пенсіи и другія выдачи, процвѣтаніе отжившихъ учреждений и т. д.; и здѣсь открыто

поэтому широкое поле для сокращенія государственныхъ расходовъ.

Насъ, впрочемъ, интересуетъ въ настоящее время не правовое состояніе русскаго государственнаго бюджета. Мы хотимъ разсмотрѣть матеріальное содержаніе доходной его части и оцѣнить положеніе нашихъ финансовъ съ точки зрѣнія тѣхъ задачъ, которыя придется осуществлять по обновленіи нашего государственнаго строя.

II.

Если ограничиться разсмотрѣніемъ состава обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они фигурируютъ въ проектѣ росписи на 1908 г., то нельзя будетъ не удивляться искусству финансоваго вѣдомства, сумѣвшаго освободить плательщика налоговъ отъ $\frac{2}{3}$ бремени, связаннаго съ удовлетвореніемъ многочисленныхъ государственныхъ нуждъ. Изъ этого проекта мы узнаемъ, что 2-3-хъ-милліардный нашъ бюджетъ лишь въ $\frac{1}{3}$ его части покрывается поступлениями налогового характера (прямые, косвенные налоги, пошлины), въ суммѣ 780 милл. руб.; а 62% ресурсовъ на покрытіе государственныхъ потребностей, а именно 1.442 милл. руб., извлекаются, будто бы, изъ хозяйственныхъ предпріятій государства, изъ суммъ, составляющихъ доходъ правительственныхъ регалій, казенныхъ имуществъ и капиталовъ. Ближайшее разсмотрѣніе проекта росписи разрушаетъ, однако, это очарованіе и показываетъ, что бремя государственныхъ расходовъ почти всецѣло лежитъ на плечахъ плательщика налоговъ, и притомъ плательщика малоплущаго.

Дѣло въ томъ, что на удовлетвореніе государственныхъ потребностей можетъ быть обращена лишь часть поступления государственныхъ доходовъ, остающаяся за покрытіемъ расходовъ ихъ взиманія. Въ отдѣлѣ налоговъ расходы взиманія составляютъ сравнительно незначительную часть валового дохода, и на 663 милл. руб. прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, значащихся въ проектѣ росписи на 1908 годъ — расходы по департаментамъ окладныхъ и неокладныхъ сборовъ (безъ казенной продажи питей), таможеннаго и содержаніе пограничной стражи (главнѣйшія статьи расходовъ по взиманію налоговъ) предположены въ суммѣ 60 милл. руб., т.-е. около 10% суммы сборовъ. Въ хозяйственныхъ предпріятіяхъ наблюдаются, какъ извѣстно, совсѣмъ иные отношенія, и чистый доходъ, при отсутствіи монополіи, составляетъ лишь небольшую долю валового. Въ росписяхъ же доходовъ нашего финансоваго вѣдомства показываются лишь валовыя суммы поступления государственныхъ доходовъ, безъ вычета расходовъ ихъ взиманія; а при огромномъ развитіи у насъ малоодоходныхъ государ-

ственныхъ хозяйственныхъ предприятий, валовая сумма доходовъ рисуетъ наши государственные ресурсы въ крайне преувеличенномъ видѣ. Это значитъ, что если мы желаемъ составить болѣе или менѣе правильное представленіе о нашихъ государственныхъ ресурсахъ, то намъ слѣдуетъ очистить отдѣлы доходовъ по хозяйственнымъ предприятиямъ хотя бы отъ двухъ крупныхъ статей расходовъ—по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ и винной монополіи—въ суммѣ 730 милл. руб. Весь нашъ доходный бюджетъ съ 2-хъ, 3-хъ миллиардовъ рублей сократится послѣ того до 1,6 миллиарда руб., доходы хозяйственныхъ предприятий войдутъ въ эту сумму 712 милліонами рублей (вмѣсто 1.442 милл. р.), или 45%, а налоги, образующіе, какъ мы видѣли, 780 милл. руб., составятъ уже цѣлую половину бюджета.

Но и эта картина состава нашихъ государственныхъ доходовъ не даетъ правильнаго о немъ понятія, потому что въ отдѣлѣ хозяйственныхъ доходовъ находится 482 милл. руб. чистаго дохода винной монополіи, составляющаго въ сущности налогъ, подобный акцизу, но взимаемый путемъ назначенія тѣхъ или другихъ цѣнъ на продаваемое казенное вино. Съ перенесеніемъ этого дохода въ отдѣлъ налоговъ, сумма послѣднихъ возрастетъ до 1.262 милл. руб. и будетъ составлять $\frac{4}{5}$ доходнаго бюджета, а доходъ хозяйственныхъ предприятий понизится до 230 милл. руб. и принесетъ государственному казначейству лишь $\frac{1}{7}$ его ресурсовъ.

Если болѣе близкое знакомство съ крупными подраздѣленіями нашихъ государственныхъ доходовъ показало, что $\frac{4}{5}$ суммъ, идущихъ на покрытіе государственныхъ расходовъ, покрываются налогами, то ближайшее разсмотрѣніе послѣднихъ обнаружитъ, что почти такая же доля налоговъ падаетъ на малоимущіе, трудящіеся классы населенія.

1.262 милл. руб., ожидаемыхъ въ 1908 г. отъ налоговъ (включая и чистый доходъ винной монополіи), состоятъ изъ 173 м. р. (13,6%) прямыхъ налоговъ, 117 м. р. (9,3%) пошлинъ и 972 м. р. (77,1%) косвенныхъ налоговъ. Хотя въ составленіи суммы всѣхъ трехъ категорій доходовъ принимаютъ участіе всѣ классы общества, но—послѣ отгнѣны выкупныхъ платежей крестьянъ—прямые налоги несутъ, главнымъ образомъ, имущіе, владѣющіе классы, пошлины падаютъ, преимущественно, на нихъ же, а бремя косвенныхъ налоговъ лежитъ, главнымъ образомъ, на плечахъ малоимущихъ массъ, потому что этими налогами обложены предметы (спиртъ, чай, сахаръ, табакъ, керосинъ, спички, иностранная сельдь и т. п.), потребляемые массою населенія, матеріалы (иностранннй хлопокъ и др.), идущіе на выдѣлку предметовъ всеобщаго потребленія, орудія и машины, применяемые на поляхъ, фабрикахъ и мастерскихъ, приготовляющихъ предметы всеобщаго потребленія, и т. п. Поэтому, если пожелать распределить,

хотя бы самымъ грубымъ образомъ, суммы, поступающія отъ обложенія, между имущими и малоимущими (рабочими, крестьянами и т. п.) классами, и допустить, что прямые налоги и пошлины какъ бы цѣлымъ падаютъ на первые, а косвенные налоги—на вторые, то оказалось бы, что владѣющіе классы нашего общества уплачиваютъ въ государственное казначейство 290 милл. руб. налоговъ, а трудящееся населеніе—972 м. р. Первые даютъ 23% налоговыхъ суммъ, расходуемыхъ на удовлетвореніе государственныхъ нуждъ, а послѣдніе—77% или почти въ 3½ раза болѣе.

Приведенный расчетъ относительно прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, какъ ресурса для покрытія государственныхъ расходовъ, не даетъ полного понятія о сравнительной тяжести обложенія различныхъ слоевъ нашего общества, такъ какъ въ сумму косвенныхъ налоговъ мы включили чистый доходъ винной монополіи, тогда какъ потребители вина оплачиваютъ и расходы казенной винной операціи. Включая, поэтому, въ сумму поступленія налоговъ 212 м. р. этихъ расходовъ, мы повысимъ всю сумму налоговъ до 1.475 м. р., а ожидаемое поступленіе косвенныхъ налоговъ до 1.184 м. р., и доля послѣднихъ въ общемъ поступленіи налоговъ съ 77% повысится до 80%.

Косвенные налоги вездѣ составляютъ видную статью государственнаго бюджета, потому что управленіе государствомъ повсюду находится въ рукахъ владѣющихъ классовъ, а послѣдніе неохотно выступаютъ на путь перенесенія главной тяжести налоговъ съ слабыхъ плечъ на сильныя. Но въ этихъ государствахъ существуетъ конституціонный образъ правленія, и руководящая роль въ парламентахъ принадлежитъ земельной и промышленной буржуазіи. Въ Россіи власть стоитъ, какъ будто, выше и внѣ классовыхъ интересовъ и въ своей финансовой политикѣ можетъ руководиться идеей справедливости и общаго блага. Интересно, поэтому, посмотреть, какъ это различіе состава законодательной власти въ Россіи и Западной Европѣ отразилось на сравнительномъ обложеніи имущихъ и неимущихъ классовъ населенія.

III.

Десять лѣтъ тому назадъ, общая сумма налоговъ, составлявшая въ Италіи около 500 милл. р., въ Австро-Венгріи около 670 милл. р., во Франціи—1.100 м. р. и въ Великобританіи 930 м. р., распредѣлялась между различными отдѣлами налоговъ такимъ образомъ, что на прямые налоги вмѣстѣ съ пошлинами падало въ Австро-Венгріи 40%, въ Англіи 45%, во Франціи менѣе 50% и въ Италіи 54%, а на

косвенные—отъ 46 до 60%¹⁾, при чемъ въ итогъ косвеннаго обложенія въ Австро-Венгріи, Франціи и въ Италіи включенъ валовой доходъ монополій. Несмотря на это обстоятельство, доля налога, падающаго по преимуществу на малоимущіе классы, во всѣхъ указанныхъ выше конституціонныхъ странахъ ниже того, что взимается съ нихъ въ Россіи, гдѣ отъ косвеннаго обложенія, съ исключеніемъ даже операционныхъ расходовъ винной монополіи, ожидается, какъ мы видѣли, болѣе $\frac{3}{4}$ общей суммы налоговыхъ поступленій, а со включеніемъ этихъ расходовъ—цѣлыя 80%. Но и этимъ не выражается въ полной мѣрѣ классовой характеръ налоговой системы въ Россіи. Проектъ росписи государственныхъ доходовъ на 1908 г. въ извѣстной степени есть продуктъ „революціи“. Подъ вліяніемъ народнаго вихря въ 1905 г. изъ списка нашихъ налоговъ были исключены выкупные платежи крестьянъ. А если бы страна не проявила своего недовольства и у насъ сохранилась въ чистомъ видѣ старая государственная власть, то трудящемуся населенію пришлось бы выносить еще 90 милл. р. прямого обложенія, и доля налоговъ, падающая на малоимущее населеніе, поднялась бы до 86%!

Итакъ, съ извѣстной степенью вѣроятности можно принимать, что изъ каждой сотни рублей налоговъ, поступающихъ въ государственное казначейство, 20—23 % уплачиваются помѣщиками, капиталистами, домовладѣльцами, крупными и мелкими торговцами и т. д., и 77—80% выбираются изъ дырявыхъ кармановъ крестьянъ, фабричныхъ рабочихъ, мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ и т. п. Въ главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствахъ, доля имущихъ классовъ въ общей суммѣ налоговъ повышается, какъ мы видѣли, до 40—54%, а доля малоимущихъ слоевъ понижается до 60—46%.

Высказанное здѣсь мнѣніе о тяжести косвеннаго обложенія въ Россіи сравнительно съ Западной Европой противорѣчитъ утвержденію министра финансовъ въ засѣданіи Государственной Думы 27 ноября, что косвенное обложеніе въ Россіи ниже, чѣмъ въ Западной Европѣ. Косвенные налоги въ послѣднихъ государствахъ составляютъ, по заявленію министра финансовъ, отъ 45 до 52% суммы государственныхъ доходовъ, а въ Россіи—отъ 42% (считая въ ихъ числѣ чистый доходъ винной монополіи) до 50% (если включить сюда и расходъ на операциіи по казенной продажѣ вина). По поводу этого утвержденія мы прежде всего замѣтимъ, что цифры для иностранныхъ государствъ заимствованы министромъ финансовъ изъ его собственной записки къ внесенному въ Государственную Думу проекту подоходнаго налога и относятся къ 1900 г.; а доля косвенныхъ налоговъ въ русскомъ бюджетѣ

¹⁾ „Народное Хозяйство“, 1900 г., № 5: Сравнительныя таблицы Макса Геккеля.

опредѣляется въ той же запискѣ не въ 50% и тѣмъ болѣе не въ 42%, а въ 57% отъ суммы государственныхъ доходовъ, т.-е. превышаетъ доли косвенныхъ налоговъ въ общей суммѣ доходовъ иностранныхъ государствъ. Но если бы указанное министромъ финансовъ въ рѣчи 27 ноября соотношеніе доходовъ въ различныхъ государствахъ вполнѣ даже соответствовало дѣйствительности — это не давало бы ему все-таки права пронизировать по поводу мнѣнія оппозиціи, связывающей высокое обложеніе косвенными налогами русскаго народа съ политическимъ его безправіемъ. Низкій сравнительно процентъ косвеннаго обложенія въ Россіи, если его отнести ко всей суммѣ государственныхъ доходовъ, указывать бы въ этомъ случаѣ лишь на то, что кромѣ налоговъ — съ огромнымъ преобладаніемъ косвенныхъ надъ прямыми — наше финансовое вѣдомство нашло обильные источники государственныхъ доходовъ въ другихъ статьяхъ, — напр. хозяйственнаго характера. И дѣйствительно, если отнестись къ проекту росписи государственныхъ доходовъ на 1908 г. безъ всякой критики, то даже, исключивъ изъ списка хозяйственныхъ доходовъ государства почти 700-милліонную сумму дохода винной монополіи, въ этомъ отдѣлѣ мы все-таки найдемъ около 750 милл. р., что составляетъ почти $\frac{1}{3}$ часть бюджета, т.-е. относительно въ три слишкомъ раза болѣе того, что приходится на долю хозяйственныхъ доходовъ въ Италіи, Франціи, Великобританіи. Но считать всю эту сумму за доходъ, какъ источникъ средствъ для покрытія истинно государственныхъ расходовъ, было бы неправильно, потому что главнѣйшее хозяйственное предпріятіе нашего правительства — желѣзныя дороги — почти не оставляетъ чистаго дохода, и фигурирующий въ росписи доходъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ суммѣ 530 милл. р. почти цѣликомъ (въ суммѣ 517 м. р.) затрачивается на нихъ же. Исключивъ, поэтому, изъ суммы предложенныхъ доходовъ послѣднюю цифру, мы низведемъ ожидаемое въ 1908 году поступленіе государственныхъ доходовъ до 1,8 милл. р., и совокупность косвенныхъ налоговъ (972 милл. р. по одному расчету и 1.186 милл. р. по другому) будетъ тогда составлять 54 — 66% отъ суммы государственныхъ ресурсовъ. Для сравненія съ Западной Европой правильнѣе брать 66%, т.-е. долю, соответствующую суммѣ косвенныхъ налоговъ, со включеніемъ валового дохода винной монополіи, потому что валовой же доходъ государственныхъ монополій включенъ, нужно полагать, въ счетъ косвенныхъ налоговъ для сравниваемыхъ съ Россіей европейскихъ государствъ. Въ западныхъ же государствахъ косвенные налоги составляютъ, по заявленію министра финансовъ, отъ 45 до 52% суммы государственныхъ доходовъ.

IV.

Выше пришлось упомянуть о томъ, что, вслѣдствіе „революціоннаго“ движенія 1905 г., были отмѣнены выкупные платежи крестьянъ— обстоятельство, отразившееся на составѣ государственныхъ доходовъ послѣднихъ лѣтъ. Это напоминаетъ намъ, что послѣдніе наши бюджеты, какъ и самое время, которому они принадлежатъ,—не могутъ быть признаны нормальными. Время наше—переходное отъ старыхъ политическихъ формъ къ новымъ; переходнымъ слѣдуетъ считать и состояніе государственнаго бюджета. Каково будетъ состояніе послѣдняго, когда государственная жизнь окончательно войдетъ въ новое русло—мы теперь сказать не въ состояніи. Но мы можемъ указать, чѣмъ отличается государственный бюджетъ современнаго, переходнаго момента отъ бюджета „до-революціоннаго“, представителемъ котораго будемъ считать бюджетъ наканунѣ японской войны.

Въ 1903 г. въ государственное казначейство поступило 2.032 м. р. валового государственнаго дохода; въ 1908 г. ожидается 2.319 м. р. Въ пятилѣтній промежутокъ, раздѣляющій указанные моменты времени, государственные доходы (если осуществляются предположенія послѣдней росписи) возросли, слѣдовательно, на 287 м. р., или на 14⁰/₀, что соответствуетъ ежегодному возрастанію, въ среднемъ, на 3⁰/₀. Но валовая сумма доходовъ, какъ намъ извѣстно, не даетъ правильнаго понятія объ объемѣ и составѣ государственныхъ ресурсовъ; для уясненія этой стороны дѣла надлежитъ исключить изъ счета доходовъ хотя бы расходы на винную монополію и казенныя желѣзныя дороги, и чистый доходъ казенной продажи питей причислить къ косвеннымъ налогамъ. Послѣ такихъ измѣненій составъ и сумма государственныхъ доходовъ въ 1903 и 1908 гг. по крупнымъ подраздѣленіямъ доходныхъ статей примутъ слѣдующій видъ:

	1903 годъ.		1908 годъ.	
1. Прямые налоги	224 м. р.	15,4 ⁰ / ₀	174 м. р.	11,1 ⁰ / ₀
2. Косвенные „	818 „ „	56,3	972 „ „	61,9
3. Пошлины „	107 „ „	7,4	117 „ „	7,4
4. Хозяйств. доходы	221 „ „	15,2	211 „ „	13,5
5. Разные	83 „ „	5,7	96 „ „	6,1
Итого	1.453 м. р.	100 ⁰ / ₀	1.570 м. р.	100 ⁰ / ₀

Сумма государственныхъ ресурсовъ съ 1903 по 1908 г. возросла, какъ мы видимъ, на 117 м. р., или 8⁰/₀. Это соответствуетъ ежегодному возрастанію на 23 милл. р., или на 1,6⁰/₀. Налоги (прямые, косвенные и пошлины) увеличились съ 1.149 милл. р. до 1.263 милл. р.;

въ 1903 г. они составляли 79,1% общей суммы доходовъ, а въ 1908 г.—80,4%, или на 1,3% болѣе. При этомъ относительная доля пошлинъ (7,4%) въ оба момента одинакова, доля прямыхъ налоговъ съ 15,4% уменьшилась до 11,1%, а доля косвенныхъ увеличилась съ 56,3 до 61,9. Выходить, такимъ образомъ, что ту сумму (въ 50 милл. р.), которую государственное казначейство потеряло по статьѣ прямыхъ налоговъ, оно съ избыткомъ вернуло косвеннымъ обложеніемъ, увеличившимся на 154 милл. р., или на 18%. Чтобы правильно оцѣнить эти измѣненія, намъ слѣдуетъ разсмотрѣть главные отдѣльные налоги.

Главнѣйшее измѣненіе въ отдѣлѣ прямыхъ налоговъ заключается въ отиѣнѣ по Высочайшему манифесту 3 ноября 1905 г. выкупныхъ платежей. Литература давно твердила о необходимости отиѣны этого налога, въ виду очевидной его непосильности для крестьянъ и потому что бывшіе помѣщичьи крестьяне уже уплатили лежавшій на нихъ долгъ по выкупу отошедшихъ къ нимъ земель. Но правительство взяло этимъ настояніямъ лишь послѣ крестьянскихъ движеній 1905 г., когда нужно было показать, что власть не остается равнодушной къ тяготамъ населенія и готова идти навстрѣчу его нуждамъ. Сходныя соображенія, какъ извѣстно, побудили нѣкогда правительство и къ другому крупному акту облегченія крестьянскихъ платежей. Въ началѣ 80-хъ годовъ, въ виду энергичной революціонной дѣятельности пропагандистовъ и террористовъ, правительство рѣшилось, наконецъ, приступить къ отиѣнѣ подушной подати и къ пониженію выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, на необходимости каковыхъ мѣръ также давно настаивала прогрессивная печать.

Съ отиѣной выкупныхъ платежей государственное казначейство теряло до 90 милл. руб. ежегоднаго дохода; уменьшеніе же суммы прямыхъ налоговъ въ 1908 г., сравнительно съ 1903 г., ограничилось какъ мы видѣли, суммою въ 50 милл. рублей. Сорокъ милл. руб. было восполнено возрастаніемъ поступления по другимъ статьямъ прямыхъ налоговъ, частью вслѣдствіе естественнаго развитія хозяйственной жизни, главнымъ же образомъ—путемъ возвышенія налоговъ. Такъ, сборъ съ дохода отъ денежныхъ капиталовъ поднялся на 3 милл. р., главнымъ образомъ, вслѣдствіе увеличенія суммы обращающихся процентныхъ бумагъ. По другимъ же статьямъ прямыхъ налоговъ возрастаніе дохода связано съ возвышеніемъ ставокъ. Увеличеніе на 11 милл. руб. поступленій по статьѣ „поземельные налоги съ недвижимыхъ имуществъ и подати“ будетъ результатомъ возвышенія съ 1906 г. на 33% (на 4 милл. руб.) обложенія недвижимыхъ имуществъ и прекращенія въ томъ же году льготы по уплатѣ поземельныхъ налоговъ, дарованной по случаю коронаціи 1896 г. Сумма промысловаго налога воз-

растаетъ съ 68 до 91 милл. руб., вслѣдствіе повышенія ставокъ этого налога въ 1906 г. Возвышеніе ставокъ промысловаго налога есть вполне рациональная финансовая мѣра, потому что главная часть этого налога падаетъ на хозяевъ капиталистическихъ предприятий. Промышленный и торговый капиталъ получаетъ на свою часть львиную долю національнаго дохода; къ участію же въ поддержаніи государственныхъ ресурсовъ онъ привлекается очень осторожно. Въ 1903 г. нашъ богатый торгово-промышленный классъ внесъ въ пользу государства всего 67 милл. руб.; къ 1908 г. обложеніе этого класса увеличилось на ничтожную для него сумму 23 милл. руб.

Въ главнѣйшихъ государствахъ Западной Европы первое мѣсто въ суммѣ поступающихъ пошлинъ занимаютъ сборы, оплачиваемые преимущественно имущими классами: крѣпостныя и налогъ на наслѣдства. Во Франціи эти сборы даютъ болѣе 200 милл. р. въ годъ; почти такую же сумму англійскому казначейству приносятъ налогъ на наслѣдства. Въ Россіи наблюдается какъ разъ обратное: главная часть пошлинъ поступаетъ отъ сборовъ, взимаемыхъ съ лицъ, обращающихся съ различными нуждами къ власти (гербовыя, судебныя пошлины и т. п.), а крѣпостныя и наслѣдственныя пошлины стоятъ на второмъ планѣ. Гербовыя и другія пошлины приносятъ въ послѣдніе годы 50—55 милл. руб., а крѣпостныя пошлины и налогъ на наслѣдства—всего 23 милл. р. Окладъ крѣпостныхъ пошлинъ остается у насъ неизмѣннымъ съ 1821 г., а введенная въ 1882 году незначительная пошлина съ имущества, переходящихъ безмездными способами, была затѣмъ въ интересахъ землевладѣльцевъ отмѣнена въ отношеніи недвижимыхъ имущества, переходящихъ къ ближайшимъ родственникамъ. По случаю войны съ Японіей наслѣдственныя пошлины подняты на 50⁰/₀; но и послѣ такого преобразованія—государственное казначейство получаетъ отъ нихъ ничтожную сумму 7—9 милл. руб. Приростъ (на 10 милл. руб.) пошлинныхъ сборовъ съ 1903 по 1908 обязанъ главнымъ образомъ возвышенію оклада гербоваго сбора.

Возмѣщеніе потери фиска вслѣдствіе отмѣны выкупныхъ платежей, равно какъ и приращеніе государственныхъ доходовъ для покрытія возросшихъ государственныхъ нуждъ, получилось, главнымъ образомъ, благодаря увеличенію поступленія косвенныхъ налоговъ, какъ слѣдствію роста потребленія облагаемыхъ предметовъ и возвышенія ставокъ налога. Косвенные налоги возросли въ слѣдующихъ размѣрахъ:

	Поступило		Ожидается милл. руб. 1908 г.	Увеличеніе къ 1903—1908 гг.
	милл. руб. 1903 г.	милл. руб. 1906 г.		
Питейный (вмѣстѣ съ чист. дох. винн. мон.).	412	558	523	111
Табачный	49	60	52	3

Сахарный	76	109	93	17
Спичечный	8	15	16	8
Нефтяной	32	30	38	6
Таможенный	241	241	250	9
Итого	818	1013	972	154

Ожидаемое въ 1908 г. поступленіе косвенныхъ налоговъ (вмѣстѣ съ чистымъ доходомъ отъ винной монополіи), какъ показываетъ табличка, превышаетъ на 154 милл. руб. выручку по этой статьѣ въ 1903 г., и 111 милл. руб., или 72⁰/₀, приращенія дохода падаетъ на винный налогъ. Возвышеніе обложенія имѣло мѣсто въ описываемое время по отношенію къ питьямъ, нефтянымъ продуктамъ, зажигательнымъ спичкамъ и нѣкоторымъ ставкамъ таможенного тарифа. Въ 1905 г. были повышены на 33⁰/₀ налогъ на пиво, на 40 коп. цѣна ведра казеннаго вина (что соотвѣтствуетъ повышенію акциза на 1 к. съ градуса спирта), на 10 коп. съ пуда акцизъ съ тяжелыхъ освѣтительныхъ маселъ; удвоенъ налогъ на зажигательныя спички и введенъ налогъ въ 60 к. на пудъ смазочныхъ нефтяныхъ маселъ. Но увеличеніе поступления косвенныхъ налоговъ было слѣдствіемъ не только возвышенія акциза, а и расширенія потребленія облагаемыхъ предметовъ. Сказанное относится, главнымъ образомъ, къ сахару и вину. Потребленіе сахара съ 1903 по 1906 поднялось съ 45 до 54 милл. пуд. Потребленіе вина увеличилось съ 71 милл. до 85 милл. ведеръ и въ этой послѣдней цифрѣ ожидается и въ текущемъ году. Такимъ образомъ, если возрастаніе поступленій спичечнаго и нефтянаго налоговъ обязано возвышенію ставокъ акциза, то увеличеніе сахарнаго и табачнаго дохода произошло вслѣдствіе расширенія народнаго потребленія, а виннаго—отъ совокупнаго дѣйствія обѣихъ причинъ. Вслѣдствіе возвышенія цѣны казеннаго вина и акциза на пиво, питейный доходъ съ 1903 по 1908 гг. повысился приблизительно на 40—45 милл. р., а вслѣдствіе расширенія потребленія вина — на 75—80 милл. руб. Во всякомъ случаѣ интереснымъ представляется фактъ значительнаго возрастанія въ теченіе 1903—6 гг. потребленія сахара и вина. Ежегодное возрастаніе потребленія сахара въ 1895—1903 гг. составляло 2 милл. пуд., а въ 1903—06 гг.—3 милл. пуд. Ежегодное возрастаніе за тѣ же періоды потребленія вина выражается цифрами 500 т. ведеръ и почти 5 милл. ведеръ въ годъ. Въ 1895—1903 гг. душевое потребленіе вина колебалось около 0,5 ведра въ годъ; въ 1906 г. оно составило 0,57 ведра.

Фактъ значительнаго расширенія народнаго потребленія въ періодъ, когда намъ пришлось пережить несчастную войну, революціонныя волненія и послѣдующую реакцію, приведшія къ нѣкоторому

разстройству хозяйственной жизни страны, заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться. Очень характернымъ для уясненія предмета служить то обстоятельство, что потребление вина, оставаясь на цифрѣ 71 милл. ведеръ въ 1903 и 1904 гт., поднялось до 75 милл. ведеръ въ 1905 г. и прыгнуло выше 85 милл. ведеръ въ 1906 г. Объяснить это явленіе можно слѣдующимъ образомъ.

Послѣ политической манифестаціи 9 января 1905 г., закончившейся такъ трагически для рабочаго населенія Петербурга, по всему пространству нашего обширнаго отечества разлилась, какъ извѣстно, эпидемія забастовокъ промышленныхъ рабочихъ, а лѣтомъ возгорѣлось аграрное движеніе, мѣстами сопровождавшееся разгромомъ помѣщичьихъ усадебъ. Результатами рабочаго и крестьянскаго движеній были возвышеніе заработной платы на фабрикахъ, заводахъ и въ торговыхъ заведеніяхъ, бѣгство крупныхъ землевладѣльцевъ изъ имѣній, расширеніе сдачи помѣщичьихъ земель въ аренду крестьянамъ, пониженіе на 30—50% арендныхъ платъ за снимаемыя крестьянами угодья, а то и совершенное прекращеніе крестьянами уплаты за арендуемую землю и, наконецъ, возвышеніе рабочей платы въ тѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, которыя не прекратили запашекъ. Описанныя явленія имѣли послѣдствіемъ возрастаніе доходовъ трудящагося населенія на сотни миллионновъ рублей, что получило полную реализацію въ 1906 г. (въ которомъ къ тому же уменьшилась на половину и сумма требуемыхъ съ крестьянъ выкупныхъ платежей), когда населеніе пожинало плоды народныхъ движеній предшествующаго года. 200 милл. руб. этого приращенія дохода населеніе внесло въ казну, уплачивая болѣе высокія цѣны за вино и приобретаая большія количества обложенныхъ предметовъ потребления.

V.

Итакъ, несмотря на отміну выкупныхъ платежей крестьянъ и возвышеніе налога (промысловаго), падающаго, преимущественно на имущіе классы, увеличеніе государственныхъ доходовъ въ переживаемое нами переходное время происходитъ, какъ и ранѣе, за счетъ трудящихся массъ населенія. Обстоятельства переходнаго момента привели лишь къ тому, что прямое, принудительное обложеніе народныхъ массъ замѣнилось косвеннымъ, какъ бы добровольно принимаемымъ на себя плательщикомъ. Хотя, вслѣдствіе этой замѣны, снято тяжелое бремя съ самой неимущей части народа, но перенесено оно было не на самую зажиточную часть населенія, а на массу трудящагося же населенія, и основой финансовъ государства продолжаетъ

оставаться эта масса, средний уровень зажиточности которой очень низокъ, и земельная часть которой, по общему признанію, переживаетъ тяжелый кризисъ. Можно ли ожидать въ ближайшемъ будущемъ измѣненія этого порядка, и есть ли вообще надежда на то, что обложеніе населенія въ состояніи дать средства для удовлетворенія назрѣвшихъ государственныхъ нуждъ и для приведенія страны въ культурное состояніе, приличествующее ей, какъ члену семьи цивилизованныхъ народовъ?

Обращаясь за разрѣшеніемъ перваго вопроса къ законодательнымъ предположеніямъ финансоваго вѣдомства, мы должны указать на внесенный въ Государственную Думу проектъ закона о подоходномъ обложеніи. Несмотря на краснорѣчивыя разъясненія (въ запискѣ, приложенной къ проекту) того, какъ обременены налогами народныя массы нашей страны и слабо обложены владѣющіе ея классы, и какое важное значеніе въ фискальномъ отношеніи имѣетъ введеніе подоходнаго обложенія—сумма ожидаемаго поступленія новаго налога опредѣлена финансовымъ вѣдомствомъ для ближайшаго времени всего лишь въ 25 — 43 мил. руб.; доходъ же государственнаго казначейства по осуществленіи реформы не увеличится и на указанную цифру, потому что со введеніемъ подоходнаго налога будетъ отмененъ квартирный налогъ и понижены ставки промысловаго обложенія по закону 29-го января 1906 г. для акціонерныхъ предпріятій; предпріятія эти, по проектированному закону, будутъ платить столько же, сколько взимаются съ нихъ въ настоящее время. Вниманіе финансоваго вѣдомства къ крупнымъ капиталистическимъ предпріятіямъ идетъ и далѣе этого: процентъ обложенія наиболѣе доходныхъ предпріятій въ его проектѣ пониженъ за счетъ предпріятій менѣе доходныхъ. По дѣйствующему уставу о промысловомъ налогѣ предпріятія, приносящія доходъ въ 18⁰/₀ и болѣе, облагаются дополнительнымъ сборомъ отъ 13 до 22,6⁰/₀ (смотря по доходности предпріятія); по проекту же подоходнаго налога, совокупное обложеніе ихъ процентнымъ сборомъ и подоходнымъ налогомъ составитъ отъ 12,4 до 14,4⁰/₀ дохода. Предпріятія же съ доходомъ менѣе 18⁰/₀, нынѣ платящія въ казну отъ 3 до 12⁰/₀, по введеніи новаго закона будутъ нести обложеніе въ 4—12,4⁰/₀ отъ ихъ прибылей. При этомъ наибольшее повышеніе налога испытаютъ наименѣе доходныя предпріятія.

Столь предупредительное отношеніе финансоваго вѣдомства, какъ такового, къ самымъ высокимъ капиталистическимъ доходамъ кажется намъ совершенно непонятнымъ и можетъ быть объяснено развѣ только политическими тенденціями. Высокіе, сравнительно съ западно-европейскими, доходы нашихъ промышленныхъ предпріятій получаютъ ими не вслѣдствіе особаго коммерческаго умѣнья нашихъ капитали-

ство, а потому что, благодаря правительственнымъ нормировкамъ производства и высокимъ таможеннымъ пошлинамъ, ограничивается конкуренція, и дѣйствующимъ предпріятіямъ предоставляется извлекать изъ кармановъ потребителей такія суммы, какія имъ заблагоразсудится. Въ виду такого происхожденія высокихъ прибылей совершенно естественно возникаетъ мысль объ отдѣленіи значительной ихъ части въ пользу государства, обеспечивающаго происхожденіе даннаго явленія. Принимая тѣ или иныя мѣры, поведшія къ ненормальному возвышенію нѣкоторыхъ капиталистическихъ доходовъ, правительство имѣло въ виду, конечно, не этотъ именно результатъ; оно преслѣдовало цѣли общегосударственнаго характера. Только послѣднимъ обстоятельствомъ и можно оправдать требованіе, чтобы населеніе платило за нѣкоторые товары цѣны, превышающія уровень ихъ, который бы установился при свободной конкуренціи. Переплата на цѣнѣ такихъ товаровъ аналогична уплатѣ акциза на сахаръ или керосинъ, при покупкѣ соответствующихъ продуктовъ, и составляетъ какъ бы налогъ на населеніе ради извѣстныхъ государственныхъ польвъ. Но возложить на населеніе съ специальной цѣлью позволительно лишь такой дополнительный расходъ, который строго сообразованъ съ требованіями задачи. Если бы, при свободномъ ввозѣ иностранныхъ товаровъ, какая-нибудь отрасль нашей промышленности давала прибыль въ 5%, тогда какъ обычный доходъ фабрично-заводскихъ предпріятій въ странѣ колеблется около 10% на затраченный капиталъ, и если, ради развитія этой промышленности, введена высокая пошлина на товары иностраннаго происхожденія, то законнымъ слѣдовало бы признать лишь такое возвышеніе послѣ этого цѣны даннаго продукта, которое обеспечиваетъ предпринимателю чистый доходъ въ 10%. Если же вслѣдъ за возвышеніемъ пошлины прибыль поднялась до 30%, то прибавочные 20% уплачены покупателемъ уже не въ интересахъ страны. Они поступили въ руки фабрикантовъ вопреки расчету, имѣвшемуся въ виду при покровительствѣ промышленности, и взысканы съ населенія или по причинѣ неправильнаго назначенія таможенной пошлины, или потому, что при болѣе низкой пошлинѣ иностранный товаръ не переставалъ бы проникать въ страну. Въ томъ и другомъ случаѣ въ цѣнѣ товара населеніе уплатило гораздо больше того, что требовалось интересами промышленности, и ему должна быть возвращена эта переплата, хотя бы путемъ отчисленія ея въ государственное казначейство и обращенія на нужды страны. У насъ есть предпріятія (и даже цѣлыя промышленныя отрасли), приносящія 40—60, даже 100% прибыли, и совершенно естественнымъ, поэтому, представляется требованіе, чтобы такіе высокіе доходы подлежали и высокому обложенію. Это значить, что процентъ обложенія долженъ бы

возвышаться вмѣстѣ съ ростомъ не только абсолютной суммы дохода, но и отношенія послѣдняго къ затраченному капиталу. Последнее условіе до извѣстной степени осуществлено въ нашемъ промышленномъ налогѣ. Обложеніе прибыли предпріятій, обязанныхъ публиковать финансовыя отчеты о своихъ операціяхъ, построено у насъ на прогрессивномъ началѣ; при этомъ, по закону 8 іюля 1898 г., обложеніе высшихъ прибылей (100%) не превосходило 11%, а по закону 2 января 1906 г. оно поднято до 23%. Въ проектѣ подоходнаго налога, внесенномъ въ Государственную Думу, введено и другое начало прогрессивнаго обложенія—крупныхъ по абсолютному размѣру прибылей. Но при этомъ предполагается понизить ставки промышленнаго налога ниже даже ставокъ закона 1898 г., послѣ чего обложеніе самыхъ высокихъ прибылей подотчетныхъ предпріятій, по совокупности подоходнаго и промышленнаго налоговъ, съ 23% понизится, какъ мы видѣли, до 14—15%. Правда, въ 1903—4 гг., когда составлялся проектъ подоходнаго налога, прибыли подотчетныхъ предпріятій выше 50% на основной капиталъ составляли всего 11 милл. руб., или 5,5% общей суммы (209 милл. руб.) облагаемаго дохода этихъ предпріятій; но въ годы оживленнаго состоянія промышленности (какимъ былъ, напримеръ, 1895 г.) доля этихъ прибылей поднимается до 15%. Но и въ годы сравнительно тихаго состоянія промышленныхъ дѣлъ (какимъ можно считать хозяйственный годъ 1903—04) сумма прибылей выше 20% составляетъ около половины (45%) облагаемаго дохода, и возможно высокое ихъ обложеніе значительно усилило бы ресурсы нашего бѣднаго государственнаго казначейства.

Но хотя рациональное обложеніе капиталистическихъ доходовъ и способно болѣе или менѣе значительно увеличить наши государственныя ресурсы—все-таки остается открытымъ вопросъ: можно ли найти средства для приведенія нашей страны къ культурному состоянію и для поддержанія такового на высокомъ уровнѣ образцовъ, которымъ мы подражаемъ, въ доходахъ русскихъ людей, подлежащихъ тому или другому обложенію; или, для достиженія вышеуказанной цѣли, государству придется искать источниковъ неподатнаго характера?

VI.

Чтобы нѣсколько освѣтить этотъ вопросъ,—посмотримъ, что стоитъ поддержаніе даннаго уровня культуры на Западѣ. Объ этомъ мы будемъ судить по бюджетамъ, обращая абсолютныя цифры въ относительныя (на одного жителя). Возьмемъ бѣдныя, среднезажиточныя и богатныя страны Западной Европы. Десять лѣтъ тому назадъ, сумма доходовъ

государственныхъ и мѣстныхъ въ Италиі и Бельгій равнялась 31 руб. на душу; во Франціи, пять лѣтъ назадъ, она составляла 46 р., въ Англіи въ настоящее время—70 р. на душу. Возьмемъ наименьшую сумму, выражающую текущіе общественные расходы на удовлетвореніе нуждъ населенія средствами современной культуры,—31 р. на жителя,—и сравнимъ съ нею то, что затрачивается на данный предметъ въ нашемъ отечествѣ. Въ 1903 г. наши государственные доходы (безъ желѣзнодорожныхъ, почти цѣликомъ расходуемыхъ на дороги же) составляли сумму 1.620 милл. р., мѣстные (земскіе, городскіе, сословные и мірскіе) не превосходили 330 милл. р.; всего населеніе тѣмъ или инымъ путемъ ассигновывало на общественныя нужды 1.950 милл. р.; по расчету на 141 милл. жителей это составитъ 14 р. на душу. Мы знаемъ, въ какомъ положеніи — при такихъ затратахъ на общественныя нужды—находится удовлетвореніе важнѣйшихъ потребностей населенія: образовательныхъ, санитарныхъ, въ отношеніи удобныхъ путей сообщенія и т. п. Бѣдныя западно-европейскія государства тратятъ на этотъ предметъ слишкомъ вдвое больше, и, какъ намъ извѣстно, Италиа, наур., не отличается особенно высокимъ состояніемъ общественной культуры, и врядъ-ли мы согласимся взять ее за образецъ санитарнаго состоянія, положенія образованія и т. п. Но и удвоивъ свои государственные и мѣстные расходы, т.-е. доведя ихъ почти до уровня расходовъ итальянскихъ, мы не обеспечимъ себѣ ту высоту культуры, какая наблюдается даже въ Италиі. Культурная производительность въ общественныхъ затратахъ зависитъ не только отъ высоты послѣднихъ, но и отъ густоты населенія. Чѣмъ рѣже населеніе, тѣмъ болѣе приходится нести расходовъ на борьбу съ разстояніями, тѣмъ меньше получится положительныхъ результатовъ отъ извѣстной затраты. Поэтому, расходъ на общественныя нужды—въ 31 р. на человѣка—будетъ гораздо производительнѣе въ Бельгій, гдѣ на кв. милѣ (2¹/₄ кв. версты) живетъ 580 человѣкъ, нежели въ Италиі съ густотой населенія въ 290 чел. на милю и тѣмъ болѣе въ Россіи (Европейской) съ населеніемъ (55 чел. на кв. милю) въ 5 разъ болѣе рѣдкимъ, чѣмъ въ Италиі, и въ 11 разъ болѣе рѣдкимъ сравнительно съ Бельгійей. Говоря иначе, удвоивъ свои общественные расходы и доведя ихъ почти до уровня расходовъ въ Бельгійи и Италиі, Россія не обеспечитъ себѣ культурнаго состоянія не только первой, но и второй страны. Для достиженія одного и того же культурнаго результата, Россіи нужно затрачивать больше денегъ, чѣмъ какому-либо другому европейскому государству.

Вышеприведенные расчеты государственнаго и мѣстныхъ бюджетовъ западно-европейскихъ странъ обнимаютъ суммы, назначенныя на поддержаніе даннаго состоянія культуры и на ея улучшеніе. Общій

уровень культурнаго состоянія въ этихъ странахъ—довольно высокій, и расходъ на улучшеніе способовъ удовлетворенія общественныхъ нуждъ составляетъ, нужно полагать, незначительную долю бюджета. Послѣдній выражаетъ тамъ поэтому расходъ на поддержаніе на опредѣленномъ уровнѣ мѣстной культуры. Россія находится въ иномъ положеніи. Въ ближайшемъ будущемъ намъ предстоятъ огромныя затраты на культурное, такъ сказать, оборудованіе страны, и къ суммѣ расходовъ на поддержаніе даннаго уровня культуры присоединяется немалая сумма затраты на ея улучшеніе. Это значитъ, что если мы желаемъ скорѣе привести свою страну въ положеніе, приближающееся къ тому, что мы наблюдаемъ на Западѣ, то намъ предстоитъ въ недалекомъ будущемъ не удвоеніе, а болѣе быстрый ростъ суммы государственнаго и мѣстныхъ расходовъ. Гдѣ же мы будемъ почерпнать средства для покрытія послѣднихъ?

Читатель признаетъ всю серьезность этого вопроса, если приметъ во вниманіе, что источникомъ всякихъ матеріальныхъ затратъ служитъ производительность страны и что въ послѣднемъ отношеніи Россія далеко отстаетъ отъ другихъ цивилизованныхъ государствъ. Изъ расчетовъ Мюлгалля, напр., слѣдуетъ, что въ Россіи на одного жителя ежегодно получается національнаго дохода на $\frac{2}{5}$ меньше, нежели въ Италіи, втрое меньше, чѣмъ въ Германіи, въ четыре раза меньше, нежели во Франціи, и въ $4\frac{1}{2}$ раза менѣе, чѣмъ въ Англии. Какая часть національнаго дохода обращается въ разныхъ странахъ на общественныя нужды—видно изъ слѣдующей таблички.

	Нац. доходъ на жителя.	Сумма бюджетовъ на жителя.	% къ доходу.	Остатокъ до- хода.
Англія . . .	273 р.	70 р.	25 ⁰ / ₀	203 р.
Франція . .	233 "	46 "	20 "	187 "
Италія . . .	104 "	31 "	30 "	73 "
Россія . . .	63 "	14 "	22 "	49 "

Изъ приведенныхъ данныхъ (столбецъ 3-й) видно, что хотя въ Россіи на общественныя нужды обращается вдвое меньшая (по расчету на жителя) сумма, нежели въ Италіи, втрое меньшая, чѣмъ во Франціи, и въ 5 раза меньшая, чѣмъ въ Англии, но по отношенію къ суммѣ національнаго дохода нашъ малый общественный расходъ составляетъ ту же, вѣроятно, долю, что въ Англии, и большую, чѣмъ во Франціи. Если же довести наши общественныя расходы до высоты Италіи (31 р. на жителя), то націи пришлось бы отчислять на общественныя нужды почти половину (47⁰/₀) своего годового дохода. Но и 22⁰/₀ національнаго дохода, нынѣ отдѣляемые въ Россіи для общественныхъ нуждъ, гораздо для нея тяжелѣе, чѣмъ такая же

доля отчислений во Франціи, напр., или Англии. Это усматривается изъ послѣдняго столбца таблички, заключающаго величину національнаго дохода, остающагося, за покрытіемъ общественныхъ потребностей, на удовлетвореніе прочихъ нуждъ націи: личнаго потребленія жителей, промышленныхъ дѣлъ и т. п. Въ Россіи на всѣ эти потребности остается всего 49 р. на душу, почти на $\frac{1}{2}$ менѣе, чѣмъ въ Италиі, въ $3\frac{1}{2}$ раза менѣе, нежели во Франціи, и въ четыре раза менѣе, чѣмъ въ Великобританіи.

Производительность Россіи будетъ, конечно, расти, а не уменьшаться; но очень быстро должны расти и общественныя затраты на культурное оборудованіе страны; и мы не имѣемъ никакихъ основаній полагать, что производительность народнаго труда будетъ развиваться съ такою быстротой, чтобы, за покрытіемъ растущихъ общественныхъ нуждъ, на удовлетвореніе прочихъ потребностей оставалась сумма не въ размѣрѣ жалкихъ 49 р., а достаточная для удовлетворенія потребностей жителей культурной, а не вырождающейся націи.

60—70 р. на жителя, выражающіе національную производительность Россіи, составляютъ средній доходъ одного человѣка безъ различія классовъ и сословій. Но значительная часть этого дохода поступаетъ въ руки небольшой группы капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, а средній доходъ трудящагося населенія гораздо ниже. Не распространяясь особенно объ этомъ предметѣ, напомнимъ, что, по многочисленнымъ изслѣдованіямъ крестьянскаго быта, средній порайонный доходъ крестьянской семьи, которымъ покрываются ея личныя и общественныя нужды, колеблется между 25 и 50 р. на душу. Такъ какъ главнымъ источникомъ средствъ для покрытія расходовъ общественнаго характера всюду служатъ налоги, то приведенныя цифры доходовъ крестьянскихъ семей краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что основывать надежды на приведеніе нашей страны въ культурное состояніе на усиленномъ обложеніи массы населенія—значить откладывать выполненіе этого необходимаго дѣла въ неопредѣленное будущее. Дѣйствительно, тогда какъ Пруссія легко выносить тяжесть государственнаго и мѣстнаго обложенія (прямые и косвенные налоги) въ размѣрѣ 20 р. на одного жителя, Франція — 35 р. и Великобританія — 40 р., русскій крестьянинъ запустилъ неоплатныя недоимки при среднемъ обложеніи въ 10 р. на одного жителя.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, повидимому, заключеніе, что центр тяжести государственнаго обложенія долженъ быть перенесенъ отъ трудового дохода къ капиталистическому. Но при этомъ возникаетъ вопросъ, достаточно ли велики у насъ капиталистическіе доходы для того, чтобы служить главной основой культурнаго оборудованія

страны. Вопросъ этотъ возникаетъ естественно въ виду того факта; что крупное производство въ Россіи, сравнительно съ Западной Европой, развито весьма слабо; не можетъ быть поэтому особенно значительной и сумма нашихъ капиталистическихъ доходовъ.

И дѣйствительно, согласно приблизительному подсчету департамента окладныхъ сборовъ, сумма доходовъ отъ владѣнія имуществомъ или торгово-промышленнымъ предпріятіемъ выше 1.000 р. опредѣляется у насъ менѣе 2 миллиардовъ рублей или, въ среднемъ, въ 14 р. на одного жителя,—тогда какъ въ Пруссіи капиталистическіе доходы выше 1,5 тыс. р. составляютъ 65 р. на одного жителя, а въ Англіи—190 р. Если бы всю сумму уплачиваемыхъ названными странами налоговъ отнести на капиталистическіе доходы, то владѣющимъ классамъ пришлось бы удѣлять на общественныя нужды въ Англіи 40 р. изъ 190 р. дохода, или 21%, въ Пруссіи 20 р. изъ 65 р. дохода, или 31%, и въ Россіи 10 р. изъ 14 р. дохода, т.-е. 71%!

Высказанныя соображенія и приведенные расчеты должны, кажется намъ, быть приняты во вниманіе при обсужденіи финансоваго положенія Россіи и задачъ ближайшаго будущаго. И если первая мысль обновленнаго государственнаго строя въ области финансовъ и будетъ о болѣе равномерномъ распредѣленіи налоговъ, то скоро ему же придется подумать и о подкрѣпленіи налоговыхъ источниковъ государственныхъ финансовъ поступлениями иного рода. Государственнымъ хозяйственнымъ операціямъ предстоитъ получить въ нашемъ отечествѣ особенно широкое развитіе.—В. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1908.

Характерный эпизодъ бюджетныхъ преній. — Историческая справка. — Въ-думскія вліянія. — Конституціонныя формы и анти-конституціонное содержаніе. — Степень внутренней силы, обнаруживаемой Государственною Думою. — Союзъ 17-го октября, „свободы“ и избирательное право. — „Признаки времени“ въ центрѣ и на окраинахъ.

Въ думскихъ преніяхъ о бюджетѣ, вообще довольно тусклыхъ и вялыхъ, выдается одинъ эпизодъ, не даромъ обратившій на себя всеобщее вниманіе. За нѣсколько дней до открытія третьей Государственной Думы министерство путей сообщенія испросило, черезъ совѣтъ министровъ, Высочайшее разрѣшеніе на продленіе дѣйствія временныхъ штатовъ министерства. На формальную неправильность этого акта указалъ въ Думѣ депутатъ Шингаревъ (к.-д.). Съ представителемъ партіи народной свободы согласились не только октябристы (гр. Уваровъ), но и умѣренно-правые (гр. Бобринскій 2-ой). Обѣ фракціи внесли предложеніе, сформулированное съ трибуны гр. В. Бобринскимъ— предложеніе уменьшить сумму расходовъ по вѣдомству путей сообщенія *на одинъ рубль*, показавъ тѣмъ самымъ, что Дума не признаетъ за Высочайшимъ повелѣніемъ 20-го октября 1907-го года значенія легальнаго титула, ограждающаго („бронирующаго“) неприкосновенность данной статьи расходной смѣты. Противъ этого предложенія возстали представители крайней правой. По мнѣнію депутата Балаклѣва, разъ Высочайшій актъ состоялся, передъ нимъ слѣдуетъ преклониться и признать его закономъ, „помня, что основные законы—выраженіе той же верховной власти“. Еще болѣе энергично говорилъ деп. Марковъ 2-ой. „Я считаю“ — воскликнулъ онъ, — „что когда съ этой кафедры раздается утвержденіе объ отсутствіи легальнаго титула, то это утвержденіе есть отрицаніе законности документа, утвержденнаго

Его Императорскимъ Величествомъ. Такія дѣйствія безусловно недопустимы". Когда Дума готовилась перейти къ голосованію предложенія гр. В. Бобринскаго, г. Марковъ объявилъ мотивы этого предложенія и самую его баллотировку „оскорбительными для Самодержца" и вмѣстѣ съ нѣсколькими единомышленниками (весьма немногими) торжественно удалился изъ залы засѣданій. Предложеніе гр. Бобринскаго было принято значительнымъ большинствомъ.

Въ средѣ самой Думы, какъ показала инцидентъ 2-го апрѣля, остается спорнымъ вопросъ о роли верховной власти въ обновленномъ государственномъ строѣ. Мнѣніе гг. Балаклѣева и Маркова раздѣляетъ, какъ видно изъ газетныхъ сообщеній ¹⁾, первый товарищъ предсѣдателя Думы, кн. Волконскій. По его словамъ, его отдѣляетъ отъ октябристовъ разногласіе относительно акта 3-го іюня: ему этотъ актъ представляется юридически совершенно правильнымъ, такъ какъ самодержавіе манифестомъ 17-го октября отмѣнено не было. Та же мысль проводится и въ реакціонной печати—не только уличной, но и болѣе серьезной или претендующей на серьезность. „Конституція, т.-е. договорнаго ограниченія царской власти",—говорятъ, напримѣръ, „Московскія Вѣдомости",—„у насъ объявлено не было; былъ объявленъ представительный строй, съ сохраненіемъ прерогативъ царской власти, ибо не до, а послѣ 17-го октября Государемъ были сказаны знаменитыя слова: *самодержавіе Мое останется такимъ же, какимъ оно было встарь*". Итакъ, закономъ слѣдуетъ признавать всякій актъ, исходящій отъ верховной власти? Законъ обязателенъ для всѣхъ, кромѣ Государя? Ничего подобнаго не устанавливалъ даже тотъ порядокъ, который господствовалъ у насъ до 17-го октября 1905-го года. Предполагалось уже тогда, что „имперія Россійская управляется на точныхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ"; предполагалось, что законы издаются, измѣняются и отмѣняются не иначе, какъ съ соблюденіемъ опредѣленныхъ правилъ; предполагалось, что законамъ, пока они сохраняютъ свою силу, повинуются самъ Государь, хотя отъ него и зависитъ во всякое время отмѣнить ихъ. Лучшіе наши государственовѣды видѣли именно въ этомъ различіе между деспотіей и закономѣрной, хотя и неограниченной монархіей. На практикѣ, конечно, демаркаціонная черта постоянно стиралась, потому что ничего не было сдѣлано для ея охраны и, наоборотъ, все способствовало ея нарушенію; но теорія оспаривалась только систематическими панегиристами произвола, постоянно толкавшими власть въ сторону естественнаго ея наклона. Въ спора понятіе о законѣ должно было стать, повидимому, съ обнародованіемъ манифеста 17-го октября.

¹⁾ См. № 50 „Русскихъ Вѣдомостей", „Около Думы".

Конституціоннымъ признается и въ наукѣ, и въ жизни *всякое* государственное устройство, при которомъ доля участія въ законодательной *власти* принадлежитъ народному представительству. Различаются, поэтому, конституціи договорныя (или, правильнѣе, установленныя при участіи народнаго собранія) и конституціи октроированныя. Къ послѣднему разряду принадлежатъ многія дѣйствующія и теперь западно-европейскія конституціи; къ нему же, очевидно, принадлежитъ и государственный строй, созданный 17-го октября. Если не считать его конституціоннымъ, въ виду недоговорнаго его происхожденія, то изъ числа конституціонныхъ монархій пришлось бы исключить Италію, Португалію, Пруссію, Саксонію, Баденъ, Японію, а также Францію времяя реставраціи. Положеніе дѣлъ, само по себѣ ясное и простое, затемняется сохраненіемъ въ нашихъ основныхъ законахъ термина *самодержавіе*; но что онъ не имѣетъ прежняго значенія — это доказывается съ полною очевидностію какъ исчезновеніемъ другого, гораздо болѣе опредѣленнаго и знаменательнаго термина — „неограниченный“, такъ и текстомъ ст. 7-ой и 86-ой законовъ основныхъ.

Не ступеваются ли, однако, неудобства, простевающія изъ вольныхъ или невольныхъ ошибокъ въ пониманіи закона, передъ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что самыхъ грубыхъ изъ числа этихъ ошибокъ не раздѣляетъ большинство Государственной Думы — *третьей* Думы, происхожденіе которой заставляло ожидать скорѣе солидарности съ ошибающимися, чѣмъ сколько-нибудь рѣшительнаго имъ отпора? Мы не отрицаемъ значенія этого факта: принятіе умѣренно-правыми предложенія о *рубль*—и, тѣмъ болѣе, малочисленность „протестантовъ“, послѣдовавшихъ за депутатомъ Марковымъ 2-мъ въ его демонстративномъ „исходѣ“ изъ залы засѣданій, — свидѣтельствуетъ, несомнѣнно, о нѣкоторомъ отрезвленіи противниковъ конституціонной идеи. Самая форма, въ которую облекъ свое предложеніе гр. Вобринскій, заимствована изъ западно-европейскихъ парламентарныхъ обычаевъ, напоминая, на примѣръ, способъ, избранный англійскими консерваторами для низверженія, въ 1895-мъ году, министерства лорда Розберн¹⁾. И тѣмъ не менѣе для особаго ликованія мы не видимъ причины. Слишкомъ еще могущественны внѣ-думскія вліянія, мѣшающія мирному обновленію государственнаго строя; слишкомъ разнообразны комбинаціи, при посредствѣ которыхъ кое-какія конституціонныя формы могутъ быть совмѣщены — и дѣйствительно совмѣщаются —

¹⁾ Когда въ палату общинъ былъ внесенъ военнымъ министромъ Кампбелль-Баннерманомъ проектъ реорганизаціи арміи, Бродрикъ (будущій военный министръ въ кабинетѣ Бальфура) предложилъ, въ видѣ протеста, уменьшить жалованье военнаго министра на сто ф. ст. — и принятіе этого предложенія повлекло за собою отставку всего кабинета.

съ анти-конституціоннымъ содержаніемъ; слишкомъ мала внутренняя сила, которою располагаетъ Государственная Дума. Прежде, чѣмъ перейти къ подробному развитію нашей мысли, приведемъ нѣсколько поучительныхъ параллелей, которыя даетъ намъ исторія Пруссіи въ эпоху реакціи пятидесятихъ годовъ ¹⁾.

31-го января 1850-го года была обнародована октроированная королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV конституція, во многомъ представлявшая собою шагъ назадъ даже въ сравненіи съ порядкомъ, установившимся годомъ раньше, послѣ неудачи революціоннаго движенія. Палата депутатовъ, въ которой голоса раздѣлялись сначала почти поровну между консерваторами и умѣренными либералами, обратилась, послѣ выборовъ 1852-го и въ особенности 1855-го г., въ почти сплошную консервативную массу, во всемъ послушную велѣніямъ или внушеніямъ министерства. Избирательный законъ 1849-го года, создавшій знаменитую „трехклассную“ систему, сдѣлалъ свое дѣло. Выгъ, однако, и ультра-консервативный лагерь, не мирившійся съ существованіемъ конституціи и не терявшій надежды на ея отміну властнымъ словомъ короля. Самъ король неоднократно склонялся къ этой мысли, но не рѣшался привести ее въ исполненіе. Постепенно открытое уничтоженіе конституціи стали находить излишнимъ даже такіе ярые реакціонеры, какъ братья Герлахъ (одинъ — вліятельный другъ короля, другой — извѣстный руководитель „Крестовой Газеты“). Они убѣдились, что и на почвѣ конституціи возможно и даже удобно проводить желательныя для нихъ мѣры, направленныя преимущественно къ укрѣпленію или восстановленію „юнкерскихъ“ привилегій. Расцвѣло искусство „управлять съ конституціей противъ конституціи“. „Нежелательныя“ законы не исполнялись или перетолковывались въ „належащемъ“ смыслѣ. Вновь были призваны къ жизни упраздненныя было провинціальныя собранія, въ которыхъ рѣшающее слово принадлежало дворянству. Преслѣдованіе особенно „непріятныхъ“ либераловъ возбуждалось при помощи добровольцевъ доносительства и приводило къ возжелѣнному результату съ помощью изытія дѣла изъ вѣдѣнія обыкновенныхъ судовъ или съ помощью застраиванья или задобриванья судей. Кого нельзя было привлечь къ суду, тѣхъ старались стѣснить въ ихъ частной дѣятельности; бывшего вице-президента національнаго собранія, фонъ-Унру, довели, на примѣръ, до того, что онъ перенесъ свои промышленныя и техническія занятія за предѣлы Пруссіи. Если доносчиковъ и клеветниковъ постигала судебная кара, ихъ высокопоставленные покровители испрашивали имъ помилованье:

¹⁾ Перечисленные ниже факты мы беремъ изъ объективнаго, безпартійнаго сочиненія бреславльскаго профессора Кауфмана: „Politische Geschichte Deutschlands im XIX Jahrhundert“ (Берлинъ, 1900).

одинъ изъ такихъ проходивцевъ (Линденбергъ) воспользовался королевскою милостію шестнадцать разъ. Тѣмъ же путемъ были освобождены отъ наказанія два дворянина, избившіе директора гимназій: пострадавшій былъ заподозрѣнъ въ политическомъ вольнодумствѣ. Полиція, особенно въ Берлинѣ, дѣйствовала крайне произвольно. Въ властныхъ сферахъ не было, однако, полнаго единодушія: придворная камарилья не всегда жила въ ладахъ съ бюрократическимъ министерствомъ, представители юнкерства ссорились съ представителями администраціи, при чемъ дѣло доходило иногда до такихъ крайностей, какъ знаменитая въ свое время дуэль начальника берлинской полиціи Гинзельдеа съ членомъ палаты господъ фонъ-Рохомомъ (послѣдній застрѣлилъ перваго и удостоился за это оваціи со стороны своей палаты). Въ управленіи протестантскою церковью широко развился духъ преслѣдованія, смѣшанный съ большою долей лицемерія. Въ общеевропейской политикѣ Пруссія не пользовалась никакимъ авторитетомъ и терпѣла одно пораженіе за другимъ. Все это было открыто признано принцемъ-регентомъ (будущимъ королемъ и императоромъ Вильгельмомъ I) въ рѣчи, съ которою онъ, вступая въ исполненіе своихъ обязанностей, обратился къ вновь назначенному имъ министерству.

Оглядываясь на этотъ періодъ прусской исторіи и сравнивая его съ тѣмъ, что теперь переживаетъ Россія, мы можемъ повторить нѣмецкій афоризмъ: „es ist schon alles da gewesen“ (въ вольномъ русскомъ переводѣ — „ничто не ново подъ луною“). Развѣ не очевидно сходство прусскаго юнкерства съ нашимъ „объединеннымъ дворянствомъ“? Развѣ общедворянскіе, да въ значительной степени и общеземскіе съѣзды (послѣднего времени), вмѣстѣ съ такими дворянскими собраніями, какъ московское, и такими земствами, какъ екатеринославское или тульское, не тщатся играть ту роль, которая въ Пруссіи 50-хъ годовъ принадлежала палатѣ господъ и провинціальнымъ сеймамъ? Развѣ обновленный составъ св. синода не идетъ по тому же пути, какого держалась прусская генеральная консисторія временъ Шталя и Генгстенберга? Развѣ „союзъ русскаго народа“ не является, во многомъ, какъ бы воспроизведеніемъ союза гг. Герлахъ и К^о вверху съ гг. Линденбергъ и К^о внизу? Если оставить въ сторонѣ громадное неравенство ума и дарованій, развѣ „Русское Знамя“ и ему подобные листки не напоминаютъ „Крестовую Газету“? Повторяемъ то, на что намъ уже приходилось указывать не разъ: ничтожныя сами по себѣ, „союзъ русскаго народа“ и другія организациі того же типа обладаютъ нѣкоторою искусственною, извнѣ заимствуемою силой, дѣлающею ихъ далеко не безопасными для общества и государства. Епископъ соглашается именоваться почетнымъ председателемъ отдѣла

союза русскаго народа. Генералъ-губернаторъ встрѣчаетъ торжественное шествіе „союзниковъ“ и обращается къ нимъ съ привѣтственной рѣчью. Другой генералъ-губернаторъ высылаетъ изъ вѣренной ему области заслуженнаго старика за отказъ выписать въ бібліотеку печатные органы „союза“. Полиціймейстеръ ухищряется соединить въ одномъ циркулярѣ запрещеніе полицейскимъ чинамъ вступать въ какую бы то ни было политическую партію — и разрѣшеніе посѣщать собранія, устраиваемыя союзомъ русскаго народа, хранить знаки этого союза и вносить ленту на его „патріотическое дѣло“. И все это происходитъ въ то самое время, когда въ средѣ „союза“ усиливаются раздоры и пререканія, когда нравственный его авторитетъ, никогда не стоявшій высоко, падаетъ все ниже и ниже. Въ собраніи 29-го марта предсѣдатель союза убѣждаетъ бросить вражду, ради заботы о благополучіи Россіи; ему возражаютъ изъ рядовъ оппозиціи, что до сихъ поръ онъ заботился только о благополучіи собственнаго кармана. Находя, что днѣирамбами нельзя замѣнить разслѣдованіе злоупотребленій, члены оппозиціи заявляютъ о намѣреніи своемъ уйти изъ засѣданія; имъ кричатъ, что за оскорбленіе предсѣдателя они будутъ удалены изъ Петербурга (1). Въ собраніи 10-го апрѣля предсѣдатель „союза“ предлагаетъ представителямъ партіи правового порядка объединиться съ „союзомъ“; ему отвѣчаютъ, что это могло бы только уронить партію въ глазахъ общества. Главный совѣтъ союза разсылаетъ циркуляръ, которымъ, въ виду „крамольнаго направленія“ „Свѣта“ (1), „Колокола“ (1), „Новаго Временя“ (11), *предписывается* изъять эти газеты изъ читаленъ, чайныхъ и клубовъ „союза“ и ограничиваться чтеніемъ „Русскаго Знамени“, „Вѣща“, „Друга“ и органовъ провинціальныхъ отдѣловъ союза. Въ елизаветградскомъ окружномъ судѣ разбирается дѣло о неправильностяхъ, допущенныхъ при послѣднихъ выборахъ въ Государственную Думу; оказывается, что именныя объявленія избирателямъ выдавались не только въ городской управѣ, какъ слѣдовало по закону, но и въ мѣстной канцеляріи союза, причемъ получали ихъ иногда лица, за вѣдомо не числившіяся въ избирательныхъ спискахъ. А вотъ образецъ отношеній между „союзомъ“ и близкими къ нему по духу, но почему-либо отдѣлившимися отъ него или враждующими съ нимъ группами. „Что это за *палата архангела Михаила*, учрежденная г. Пуришкевичемъ“? — спрашиваетъ „Русское Знамя“. „На православнои Руси допустимъ только храмъ Архангела. А называть палатой Архангела квартиру на Фонтанкѣ, гдѣ сходятся политиканы, злословить, курать, злобствуютъ, явшаются съ исключенными изъ союза русскаго народа за позорный поступокъ отщепенцами — кощунство, отвратительное для всякаго православнаго человѣка“. Намъ

противно касаться всѣхъ этихъ дразгъ—но что же дѣлать, если отъ плоскаго водевиля, разыгрываемаго плохими актерами, всегда возможенъ переходъ къ настоящей трагедіи, въ родѣ еврейскаго погрома? Что же дѣлать, если истиннаго значенія „союзниковъ“ и ихъ присныхъ не видать или не хотятъ видѣть въ той сферѣ, активная или пассивная поддержка которой составляетъ всю ихъ силу? Отъ нихъ начинаютъ отворачиваться даже правые въ Государственной Думѣ; еще одинъ шагъ—и ничтожество ихъ станетъ совершенно очевиднымъ. Для этого не нужно никакихъ преслѣдованій или запрещеній; вполне достаточно строгаго нейтралитета со стороны власти. Пока до такого нейтралитета еще далеко, мы въ правѣ говорить о могуществѣ ввѣ-думскихъ вліяній.

Въ Пруссіи 50-хъ годовъ, какъ мы видѣли, существованіе конституціи не приводило къ господству закона, не устраняло разныхъ видовъ произвола. То же самое можно сказать о современной Россіи, съ тою только разницею, что у насъ противорѣчіе между формою и содержаніемъ достигаетъ несравненно большей остроты. Самымъ яркимъ его проявленіемъ служатъ продолжающееся до сихъ поръ почти повсемѣстно дѣйствіе разныхъ видовъ экстраординарной охраны. Оффиціозные защитники ненормальнаго порядка вещей стараются объяснить и оправдать его старой пѣсней о необходимости подавленія и усмиренія. „Исключительныя положенія“—читаемъ мы въ „Россіи“—„нужны для уничтоженія озвѣрѣвшихъ остатковъ революціи, которые все еще поддерживаютъ смуту въ нѣкоторыхъ областяхъ государства. Не правительство же должно капитулировать передъ этими возмутителями общественнаго спокойствія. Пока ихъ дѣятельность не прекратится, правительство не въ правѣ лишать себя усиленнаго орудія исключительныхъ законовъ для охраны мирныхъ жителей страны“. Въ этомъ разсужденіи нетрудно замѣтить двѣ существенно важныя... погрѣшности. Первая изъ нихъ заключается въ томъ, что отгѣна исключительныхъ положеній отождествляется съ „капитуляціей“ правительства. Это совершенно невѣрно: правительство, по прежнему располагая полиціей, магистратурою и войскомъ, осталось бы достаточно вооруженнымъ для борьбы съ дѣйствительными нарушителями законовъ. Отказаться ему пришлось бы только отъ массовыхъ смертныхъ казней, нивого не устрашающихъ и ничего не предупреждающихъ, и отъ стѣсненій личной свободы, основанныхъ на одномъ подозрѣніи и увеличивающихъ, безъ всякой пользы, сумму и степень общественнаго возбужденія. Второю погрѣшностью, еще болѣе очевидною, является увѣреніе, что исключительное положеніе служитъ охраной для мирныхъ жи-

телей страны. Гораздо правильнѣе было бы сказать, что оно ихъ удручаетъ и отягощаетъ, нисколько ихъ не ограждая. Возьмемъ хотя бы факты, приведенные въ запросѣ октябристовъ о дѣйствіяхъ генерала Думбадзе — и притомъ именно такіе факты, въ достовѣрности которыхъ едва ли можетъ существовать какое-либо сомнѣніе. Кого или что охраняетъ суммарный разборъ гражданскихъ исковъ, не отступающій даже передъ пересмотромъ судебныхъ опредѣленій? Кого и что охраняетъ грубое вмѣшательство въ область семейныхъ недоразумѣній? Кого и что охраняютъ публично произносимыя ругательства и угрозы? Кого и что охраняетъ упомянутая выше высылка г. Пясецкаго за отказъ выписывать симпатичные мѣстному властелину органы печати?.. И не въ одной только Ялтѣ все превозмогающее полицейское усердіе выходитъ за границы, устанавливаемыя, въ благоустроенномъ обществѣ, здравымъ смысломъ и элементарнымъ чувствомъ справедливости. Цѣлый рядъ административныхъ распоряженій, охранительныхъ по имени, разрушительныхъ на самомъ дѣлѣ, издается чуть не ежедневно на разныхъ концахъ государства.

Къ законодательной, *de facto*, власти, присвоенной мѣстнымъ правителямъ, присоединилось, силою вещей, другое право, столь же малоимъ свойственное: они стали *миловать* лицъ, ими осужденныхъ — и такія помилованія, по своимъ размѣрамъ, стали принимать иногда характеръ настоящей амнистіи. Первые распоряженія этого рода восходятъ къ концу прошлаго вѣка, когда „мѣстное законодательство“ далеко еще не достигало нынѣшнихъ размѣровъ; теперь они, повидимому, все больше и больше входятъ въ обычай. Такъ напримѣръ, приказомъ с.-петербургскаго градоначальника выпущены на свободу, въ Страстную Пятницу, всѣ извозчики, дворники, швейцары и другія лица, подвергнутые аресту на срокъ не свыше двухъ недѣль за нарушеніе перечисленныхъ въ приказѣ обязательныхъ постановленій. Тѣмъ же приказомъ прекращено взысканіе наложенныхъ градоначальникомъ штрафовъ, если они составляютъ не больше 25-ти рублей, а сроки ареста, превышающіе двѣ недѣли, и размѣры штрафовъ, превышающіе 25 рублей, сокращены на половину. Что это такое, какъ не подражаніе милостивымъ манифестамъ? Изъ одной аномаліи всегда вытекаетъ цѣлый рядъ другихъ. Если бы сфера дѣйствія обязательныхъ постановленій была введена въ должныя границы, а размѣры опредѣляемыхъ ими взысканій сведены къ немногимъ днямъ ареста и нѣсколькимъ рублямъ штрафа, амнистіи *au petit pied* исчезли бы сами собою изъ административнаго обихода.

Въ нашемъ законодательствѣ, въ теченіе безконечно тянувшихся временъ застоя и регресса, накопилось множество постановленій, безъ всякой надобности и безъ всякаго разумнаго основанія стѣсняющихъ право и свободу дѣйствій органовъ мѣстнаго самоуправленія. Еще недавно эти постановленія служили печальнымъ, но естественнымъ выраженіемъ недовѣрія къ общественной самодѣятельности и къ „ограниченному уму подданныхъ“, проникавшаго собою нашъ бюрократическій міръ и гармонизировавшій съ прежней системою управленія. Позволительно было думать, что съ измѣненіемъ системы измѣнится и способъ ея примѣненія; позволительно было ожидать, что административное усмотрѣніе, еще до пересмотра узаконяющихъ его правилъ, само собою войдетъ въ болѣе узкія границы. Земское положеніе 1890-го года значительно расширило, напримѣръ, право администраціи не утверждать, безъ объясненія причинъ, избранныхъ на земскія должности. Ничто не мѣшало представителямъ администраціи отказаться, фактически, отъ пользованія этимъ правомъ, всегда вносившаго неудовольствіе въ среду земскихъ дѣятелей и беспорядокъ въ земское дѣло. Административная опека, всегда вредная, теряла, повидимому, всякую *raison d'être* при новомъ государственномъ строѣ. Съ провозглашеніемъ политической полноправности гражданъ не было, повидимому, никакой причины отмѣнять правильно, съ формальной стороны, произведенные выборы. На самомъ дѣлѣ мы видимъ не то: продолжаютъ встрѣчаться, и нерѣдко, случаи неутвержденія предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ (напр. въ губерніяхъ петербургской, вологодской, вятской, костромской)—и даже предводителей дворянства (въ костромской губерніи). Если это не повторяется еще чаще, то, вѣроятно, только потому, что сами земскія собранія, послѣ взятія многими изъ нихъ дирекціи направо, обыкновенно останавливаютъ свой выборъ на лицахъ для администраціи пріятныхъ или, по меньшей мѣрѣ, безразличныхъ. Къ чему приводитъ замѣна избранія назначеніемъ—объ этомъ даетъ понятіе костромская корреспонденція газеты „Рѣчь“ (№ 69). „Губернское собраніе“ — говоритъ авторъ письма — „все, отъ начала до конца, было проникнуто неприязнью и недовѣріемъ. Особенно рельефно это выразилось въ принятіи предложенія гласнаго Соколова немедленно изъять изъ вѣдѣнія назначенной управы заведываніе постройкой психіатрической лечебницы и передать его выбранной для этой цѣли комиссіи... Такое отношеніе собранія къ административному вмѣшательству нельзя отнести на счетъ лѣvizны гласныхъ: большинство собранія настроено было консервативно“. Раздраженіе вносится, такимъ образомъ, туда, гдѣ для него вовсе не было почвы; земское хозяйство разстраивается въ угоду пришлому администратору,

считающему себя почему-то болѣе компетентнымъ въ оцѣнкѣ мѣстныхъ людей, чѣмъ представители мѣстнаго населенія... До какой степени живучи въ административномъ мірѣ преданія и привычки, сложившіяся при старомъ порядкѣ, объ этомъ можно судить по слѣдующему газетному сообщенію („Русскія Вѣдомости“, № 84): „московскимъ губернаторомъ получено сообщеніе министерства внутреннихъ дѣлъ объ отказѣ волоколамскому уѣздному земству въ разрѣшеніи наименовать земскую народную бібліотеку именемъ покойнаго земскаго санитарнаго врача Юрковскаго“. Характерно уже и то, что до сихъ поръ считается нужнымъ согласіе центрального управленія на принятіе такой скромной мѣры, какъ присвоеніе небольшому мѣстному учрежденію имени того или другого мѣстнаго дѣятеля (въ данномъ случаѣ, притомъ, лица, не находящагося уже въ живыхъ); но еще характернѣе отказъ въ согласіи. Съ какою опасностью, съ какими неудобствами оно было бы сопряжено—это загадка, которую мы рѣшить не беремся.

Если обостряющійся все больше и больше гнетъ „исключительныхъ положеній“ чувствуется даже въ такихъ сферахъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ политикой, если въ области управленія, какъ центрального, такъ и мѣстнаго, не только держится, но и усиливается *усмотрѣніе*, то поставленный нами тезисъ о совмѣщеніи конституціонныхъ формъ съ анти-конституціоннымъ содержаніемъ не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Весьма вѣроятно, что именно возможностью—и удобствомъ—такого совмѣщенія объясняется наблюдаемое у насъ, какъ въ Пруссіи пятидесятихъ годовъ, *наружное* примиреніе съ новымъ порядкомъ. Посмотримъ теперь, чтó дѣлаетъ, въ виду такихъ обстоятельствъ, Государственная Дума, самымъ положеніемъ своимъ призванная къ *реальному* охраненію и развитію конституціонныхъ принциповъ. Нельзя сказать, чтобы она относилась къ этой задачѣ совершенно безучастно. При обсужденіи адреса она отклонила поправку правой, подчеркивавшую неприкосновенность самодержавія, какъ ничѣмъ юридически не ограниченнаго всевластія монарха. Значительнымъ большинствомъ голосовъ одобрено внесеніе запросовъ, раскрывающихъ нарушеніе министерствомъ финансовыхъ правъ Государственной Думы. Упомянутымъ уже нами рѣшеніемъ о *рубль* проявлено намѣреніе отстаивать права, принадлежащія Думѣ какъ одному изъ органовъ законодательной власти. Этотъ активъ не перевѣшиваетъ, однако, пассива, образуемаго какъ „дѣйствіями“, такъ и „упущеніями“. Къ числу первыхъ принадлежитъ, наприимѣръ, отказъ большинства Думы осудить, вмѣстѣ съ революціоннымъ терроромъ, „систему правительственнаго произвола, съ его жестокими репрессіями и смертными

казнями“¹⁾. Еще больше Дума грѣшила упущеніями. Мы отмѣтимъ только важнѣйшія изъ нихъ — важнѣйшія и по существу, и по результатамъ.

Задача народнаго представительства заключается не только въ усовершенствованіи законовъ, въ согласованіи ихъ съ требованіями жизни, но и въ обезпеченіи за ними, и *только за ними*, значенія нормъ, руководящихъ дѣятельностью правителей и управляемыхъ. Эта задача неосуществима, когда рядомъ съ законами—или, лучше сказать, выше законовъ—стоитъ административный произволъ, поддерживаемый широкой системой исключительныхъ положеній. Противъ него должна была возвысить свой голосъ Государственная Дума. Ея настоящій составъ не навлекаетъ на нее подозрѣній въ несочувствіи къ „русской государственности“, въ намѣреніи подрывать престижъ и силу власти; тѣмъ болѣе авторитетнымъ было бы, въ глазахъ правительства, слово, громко и рѣшительное сказанное ею въ защиту законности и закона. Такого слова мы отъ нея до сихъ поръ не слышали. Внесень, правда, составленный при участіи октябристовъ запросъ о незаконномѣрныхъ дѣйствіяхъ генерала Думбадзе—и это можно одобрить, если руководствоваться формулой: „лучше что-нибудь, чѣмъ ничего“. Мы думаемъ, однако, что къ данному случаю эта формула непримѣнима. Говоря исключительно объ одномъ должностномъ лицѣ, авторы запроса даютъ поводъ думать, что незаконномѣрность возмущаетъ ихъ только въ своихъ крайнихъ, необыкновенныхъ проявленіяхъ. Если не все, то многое, въ чемъ запросъ обвиняетъ генерала Думбадзе, совершается, сплошь и рядомъ, другими администраторами—и совершается именно потому, что безпредѣльность власти всегда ведетъ къ злоупотребленіямъ, къ эксцессамъ произвола. Запросъ, какъ бы случайно останавливающийся на одномъ изъ проявленій системы, слѣдовало бы замѣнить запросомъ, направленнымъ противъ самой системы: слѣдовало бы указать, что пора отказаться отъ ненормальнаго соединенія старины съ новизною, пора положить конецъ всякимъ

¹⁾ Замѣтимъ, мимоходомъ, что и въ административныхъ сферахъ, и въ извѣстныхъ органахъ печати очень распространенъ новый способъ борьбы противъ разоблаченія „незаконномѣрныхъ дѣйствій“. Какъ только появляется сообщеніе, неблагоприятное для администратора, автору сообщенія приписывается желаніе навлечь на обвиняемаго мечь террористовъ. Этотъ „приемъ защиты“ былъ пущенъ въ ходъ противъ В. Г. Короленко, когда вскорѣ послѣ ваяечатанія имъ статей о сорочинскихъ экзекуціяхъ былъ убитъ въ Полтавѣ главный ихъ виновникъ; этимъ же приемомъ пользуется теперь ген. Думбадзе по отношенію къ порицающей его газетѣ. Логическій выводъ изъ такой аргументаціи — полное молчаніе о беззаконіяхъ, творимыхъ органами власти. Упускается изъ виду, помимо многаго другого, что преслѣдованіе въ судебномъ порядкѣ—лучшій громомъ противъ самосула.

охранамъ или, по крайней мѣрѣ, ввести ихъ и географически, и юридически въ болѣе узкія и опредѣленныя рамки.

Намъ могутъ возразить, что такой образъ дѣйствій былъ бы преждевременнымъ, въ виду внесенія въ Думу законопроектовъ о неприкосновенности личности и объ исключительномъ положеніи—законопроектовъ, съ окончательнымъ утвержденіемъ которыхъ сами собою перестанутъ дѣйствовать нынѣ существующія „охраны“. Съ такимъ возраженіемъ нельзя согласиться уже потому, что прохожденіе законопроектовъ по всѣмъ ступенямъ законодательной лѣстницы требуетъ немало времени, между тѣмъ какъ для отѣны охранъ или для замѣны одной изъ нихъ другою достаточно одного росчерка пера. Въ какомъ видѣ, притомъ, названные законопроекты выйдутъ изъ думской комиссіи, очень медленно слѣдующей съ ихъ разсмотрѣніемъ? Мы знаемъ, что, мало удовлетворительныя сами по себѣ, они измѣняются комиссіей не къ лучшему, а къ худшему¹⁾. Что сдѣлаетъ съ ними, дальше, общее собраніе Думы, что сдѣлаетъ съ ними Государственный Совѣтъ? Пока продолжается періодъ ожиданія, весьма важной была бы всякая попытка переимѣнить къ лучшему настоящее положеніе вещей и облегчить, тѣмъ самымъ, переходъ къ новому, нормальному порядку. Тѣмъ членамъ Государственной Думы, которые считаютъ себя вѣрными исполнителями манифеста 17-го октября, слѣдовало бы показать, насколько серьезно ихъ намѣреніе провести въ жизнь первое изъ благъ, обѣщанныхъ манифестомъ: неприкосновенность личности.

Что сдѣлала Государственная Дума для огражденія другого блага—свободы собраній и союзовъ, сведенной почти на нѣтъ не столько содержаніемъ, сколько приимѣненіемъ временныхъ правилъ 4-го марта 1906-го года? Рѣшительно ничего. А между тѣмъ, именно ей слѣдовало бы обратить вниманіе на одну явную несообразность: на оставленіе какъ бы внѣ закона нѣсколькихъ политическихъ группъ, представители которыхъ засѣдаютъ въ ея средѣ и образуютъ, вмѣстѣ взятые, около одной трети ея состава. Она не только не подняла вопроса о томъ, соответствуетъ ли закону требованіе легитимации партій, какъ таковыхъ, но довольно равнодушно выслушивала раздававшіяся съ ея трибуны сравненія „анти-государственныхъ“ партій съ козломъ, котораго нельзя пустить въ огородъ, или увѣренія, что для партіи народной свободы „нужна крамола“... Не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ два первыхъ, находится и третье благо: свобода слова. Внѣ Думы реакціонная мысль усердно работаетъ надъ планами обузданія

¹⁾ См. „Внутреннія Обозрѣнія“ въ №№ 3 и 4, а также особую статью о неприкосновенности личности въ № 2 „Вѣстника Европы“.

и усмиренія печати. Происходившему недавно „сѣзду объединенныхъ дворянъ“ было представлено два доклада о средствахъ борьбы съ „великою ложью“, имя которой—периодическая печать. Здѣсь шла рѣчь и о признаніи „совершаемаго печатью обмана уголовнымъ преступленіемъ, которое должно быть не только наказано, но и предупреждено“ (предлагалось, слѣдовательно, соединеніе предварительной цензуры съ карательной, чуждое даже законодательству до-конституціоннаго времени), и о возстановленіи залоговъ, и о воспрещеніи небольшихъ брошюръ, посвященныхъ опаснымъ сюжетамъ, и о недопущеніи толкованій Св. Писанія, несходныхъ съ принятымъ православною церковью, и объ обязательномъ подписаніи каждой статьи настоящимъ именемъ автора, и объ увеличеніи числа лицъ, отвѣтственныхъ по дѣламъ печати, и, наконецъ, о передачѣ этихъ дѣлъ какому-то „особому виѣ-вѣдомственному учрежденію, которое руководствовалось бы въ своихъ рѣшеніяхъ не только закономъ, но и условіями мѣста и времени“. Менѣе опредѣленны проникшія въ печать свѣдѣнія о предположеніяхъ и взглядахъ думскихъ партій. Недобрымъ признакомъ служатъ нѣкоторыя рѣчи, исполненныя злобы противъ печати и находившія, повидимому, отголосокъ въ думскомъ „совѣтѣ старѣйшинъ“. Встрѣчались въ газетахъ указанія и на законопроекты, составляемые или обсуждаемые въ средѣ октябристовъ¹⁾; послѣднимъ приписывалась, между прочимъ, мысль о привлеченіи къ отвѣтственности, наряду съ редакторами, издателями и даже владельцами типографій и книжныхъ магазиновъ, а также о значительномъ повышеніи денежныхъ штрафовъ за преступленія печати. Припомнимъ, что закономъ 6-го апрѣля 1865-го года, дѣйствующимъ, въ этой своей части, до настоящаго времени (Улож. о наказ. ст. 1042), издатель привлекается къ отвѣтственности лишь при неизвѣстности имени и мѣста жительства автора или при нахожденіи послѣдняго за границей, содержатель типографіи—лишь при наличности аналогичныхъ условій по отношенію къ сочинителю и издателю, книгопродавецъ—лишь при неозначеніи имени и мѣста жительства типографщика. Помимо этихъ случаевъ, издатель, типографщикъ и книгопродавецъ могутъ отвѣчать, какъ участники въ преступленіи, лишь тогда, когда будетъ доказано, что они, *зная преступный умыселъ* главнаго виновника, завѣдомо способствовали его исполненію (ст. 1043). Всякое отступленіе отъ этихъ правилъ, направленное къ расширенію круга отвѣтственныхъ по дѣламъ печати лицъ, было бы равносильно установленію, *de facto*, новыхъ видовъ цензуры, быть можетъ болѣе тягостной, чѣмъ прежняя: цензорами явились бы

¹⁾ См., напримѣръ, въ № 76 „Русскихъ Вѣдомостей“ сообщеніе, перепечатанное изъ „Нашего Дня“.

не только издатели, но и содержатели типографій и книжныхъ магазиновъ, далеко не всегда обладающіе способностью судить о значеніи издаваемыхъ, печатаемыхъ или продаваемыхъ ими сочиненій.. Что касается до повышенія размѣровъ денежнаго штрафа—повышенія, въ некоторыхъ проектахъ по истинѣ колоссальнаго (до 50 тысячъ рублей), — то примѣненіе къ нашей печати правила: „бей не дубьемъ, а рублемъ“ было бы вѣрнымъ средствомъ стереть съ лица земли, въ короткое время, всѣ сколько-нибудь независимыя періодическія изданія. Даже французскій сентябрьскій законъ 1835-го года, такъ долго лежавшій пятномъ на имени Тьера, доводилъ максимальную цифру штрафа только до 50 тысячъ *франковъ*. Когда правительство второй имперіи, вступивъ въ такъ называемую либеральную эру, рѣшилось, въ 1868-мъ году, облегчить положеніе печати, составители законопроекта задумали замѣнить личныя наказанія (т.-е. лишеніе свободы) высокими денежными штрафами, къ которымъ присуждались бы какъ авторъ и редакторъ, такъ и типографчикъ (т.-е., въ большинствѣ случаевъ, собственникъ изданія), и на покрытіе которыхъ обращался бы залогъ, представленный при основаніи изданія. Выходило, такимъ образомъ, что за одинъ и тотъ же проступокъ касса изданія могла бы заплатить 75 тысячами *франковъ* — суммою, пополненіе которой весьма часто было бы совершенно невозможно. Во время преній объ этой статьѣ одинъ изъ оппозиціонныхъ депутатовъ, Пелльтанъ, обратился къ авторамъ ея съ восклицаніемъ: „Vous cherchez à substituer à l'avertissement du ministre l'avertissement du caissier!“ Хитроумный планъ не удался: противъ него подали голосъ не только лѣвые и средняя партія, но и многіе изъ числа крайнихъ консерваторовъ, которые никакъ не могли примириться съ мыслью, что ихъ враги не будутъ болѣе попадать въ кутузку. Неужели въ центрѣ нашей Государственной Думы найдеть поддержку мысль, которую отвергли даже правые въ наполеоновскомъ законодательномъ корпусѣ?

Кромѣ „основъ гражданской свободы“, манифестомъ 17-го октября обѣщано было „дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права“. Предпринято ли октябристами хоть что-нибудь въ этомъ направленіи, сказано ли ими хоть одно слово, напоминающее о необходимости болѣе широкой и болѣе справедливой избирательной системы? Нѣтъ. Одинъ изъ вліятельныхъ членовъ этой партіи, депутатъ фонъ-Апрепъ, выразилъ даже (въ засѣданіи 14-го марта) свою „глубокую радость“ по поводу того, что голоса представителей польскихъ губерній не имѣютъ теперь въ Думѣ рѣшающаго значенія. Другими словами, онъ восторженно одобрилъ тотъ серьезный ущербъ, который нанесенъ польскому населенію избирательнымъ закономъ 3-го іюня 1907-го года. Мы очень хорошо понимаемъ затруднительное положеніе, созданное

этимъ закономъ для Государственной Думы вообще—и въ особенности для той партіи, которая, не одобряя его въ принципѣ, не можетъ не сознавать, что именно ему она обязана значительною частью своего успѣха. И все-таки намъ кажется, что группѣ, стоящей подъ знаменемъ 17-го октября, не слѣдовало бы вовсе обходить молчаніемъ рѣзкое противорѣчіе между однимъ изъ девизовъ, начертанныхъ на этомъ знамени, и современной дѣйствительностью—и, тѣмъ болѣе, радоваться результатамъ, вытекающимъ изъ такого противорѣчія.

Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу, какъ нынѣшнее (ст. 10), такъ и прежнее (ст. 7), содержитъ въ себѣ правило, въ силу котораго въ выборахъ не могутъ участвовать—и, слѣдовательно, не могутъ быть избираемы—лица, подвергшіяся суду за преступныя дѣянія, влекущія за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, когда они судебными приговорами не оправданы. Правило это разъяснено Сенатомъ въ томъ смыслѣ, что рѣшающее значеніе, въ сферѣ избирательнаго права, имѣетъ не то наказаніе, которое назначено на самомъ дѣлѣ, а то, которое *могло быть назначено* судомъ ¹⁾. Что такое разъясненіе неправильно—въ этомъ для громаднаго большинства юристовъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; но пока оно остается въ силѣ, устранить вытекающую изъ него несправедливость можно только путемъ измѣненія закона. На этотъ путь и вступила партія народной свободы, когда внесла во вторую Думу составленный ею проектъ положенія о выборахъ. Послѣдовать ея примѣру въ полномъ объемѣ октябристамъ, какъ мы видѣли выше, было бы трудно; но что мѣшало имъ взять на себя инициативу частной поправки къ ст. 10-ой—и выразить, такимъ образомъ, осужденіе порядка, при которомъ теряютъ навсегда избирательное право люди ничѣмъ не запятанные, призванные по суду подлежащими только легкой карѣ и могущіе служить украшеніемъ всякаго собранія?.. Столь же индифферентно отнеслись господствующія въ третьей Думѣ группы въ явнымъ недостаткамъ учрежденія Государственной Думы. Уже въ первую Думу были внесены предложенія измѣнить ст. 15, 16 и 22 этого учрежденія, дающія поводъ къ самому различному пониманію правъ, принадлежащихъ членамъ Думы, и ст. 55—57, безъ всякой надобности затрудняющія для членовъ Думы пользованіе правомъ законодательной инициативы. Третья Государственная Дума и въ этомъ отношеніи не

¹⁾ Припомнимъ, что именно вслѣдствіе этого толкованія лишаются избирательныхъ правъ всѣ присуждаемые къ заключенію въ крѣпости или къ краткосрочному заключенію въ тюрьмѣ, если преступленія, за которыя они судимы, могутъ, по закону, влечь за собою болѣе тяжкія наказанія, сопряженныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ. Практическое значеніе такого порядка иллюстрируется примѣромъ „выборгскаго“ процесса и многихъ другихъ аналогичныхъ дѣлъ.

ислѣдовала примѣру своихъ предшественницъ. Съ большимъ трудомъ и очень неохотно она рѣшилась передать на разсмотрѣніе бюджетной комиссіи законопроектъ партіи народной свободы объ измѣненіи правилъ 8-го марта 1906-го года, до крайности ограничивающихъ бюджетныя права Государственной Думы. Что скажетъ о немъ бюджетная комиссія—пока неизвѣстно.

Доказаннымъ, въ виду приведенныхъ нами данныхъ, можно считать и третій нашъ тезисъ—о недостаткѣ внутренней силы у Государственной Думы. Совокупность неблагоприятныхъ условий—широкаго развитія внѣ-думскихъ реакціонныхъ вліяній, преобладанія конституціонныхъ фикцій надъ конституціонною реальностью, слабости народнаго представительства—объясняетъ многое изъ того, что происходитъ передъ нашими глазами. Думская комиссія высказывается противъ немедленнаго приступа къ сооруженію броненосцевъ, но Дума утверждаетъ постройку Амурской желѣзной дороги, хотя громадныя издержки этого предпріятія долго будутъ служить препятствіемъ къ увеличенію наиболѣе важныхъ для народа производительныхъ расходовъ. Земское „преддѣлье“ идетъ навстрѣчу предначертаніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, весьма мало улучшающимъ составъ земскихъ учрежденій. Новый министръ народнаго просвѣщенія беретъ назадъ внесенный въ Думу его предшественникомъ законопроектъ о „народномъ университетѣ Шанявскаго“ и, по мѣткому выраженію кн. Е. Н. Трубецкого („Московскій Ежедневникъ“, № 15), соглашается допустить осуществленіе этого дѣла лишь подъ условіемъ отказа отъ всего того, что составляетъ своеобразную его особенность. Товарищемъ министра народнаго просвѣщенія назначается преемникъ В. А. Грингмута на посту директора такъ называемаго Катковскаго лицея. Бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, восстановленный въ правахъ, которыя онъ потерялъ въ силу рѣшенія Сѣната, обличаетъ передъ лицомъ русскаго собранія евреевъ и масоновъ, какъ главныхъ виновниковъ революціоннаго движенія. Предсѣдатель московской губернской земской управы, привѣтствуя предсѣдателя совѣта министровъ въ застольной рѣчи, называетъ его „Мининымъ, спасающимъ родину въ неблагополучное время и воскрешающимъ надежду, что не все еще потеряно“... Изъ подобныхъ чертъ слагается дѣлая картина, характерная для переживаемой нами эпохи.

Довершаетъ эту картину отношеніе правительства къ окраннымъ государствамъ. Предсѣдатель совѣта министровъ пишетъ временному прибалтійскому генералъ-губернатору и главнымъ начальникамъ вѣдомствъ о необходимости увеличенія въ прибалтійскихъ губерніяхъ

числа коренныхъ русскихъ людей какъ въ рядахъ служилого класса, такъ и среди земледѣльческаго населенія. Возрождается, такимъ образомъ, вѣра въ спасительность обрусенія, практикуемаго прежними элементарными приѣмами. Сѣтун о томъ, что русскимъ чиновникамъ въ прибалтійскомъ краѣ отводится „мѣсто, не соответствующее державнымъ правамъ Россіи“, офиціозная газета выражаетъ убѣжденіе, что всѣ окраины имперіи „должны быть связаны съ центральной русскою властью лицами изъ того народа, который изъ отдѣльныхъ областей создалъ огромную имперію, а изъ мѣстныхъ патріотизмовъ — патріотизмъ имперскій, патріотизмъ одного недѣлимаго цѣлаго, называемаго русскимъ государствомъ“. Избытокъ усердія привелъ газету къ явному противорѣчію. Если „имперскій патріотизмъ“ уже существуетъ, другими словами—если всѣ народности, обитающія въ предѣлахъ имперіи, сознаютъ и чувствуютъ себя частями недѣлимаго цѣлаго, то не все ли равно, къ какой изъ этихъ частей принадлежитъ, въ данной мѣстности, наибольшій контингентъ должностныхъ лицъ? Если же имперскій патріотизмъ находится еще *im Werden*, въ процессѣ образованія, то ускоренію этого процесса едва ли можетъ способствовать систематическое предпочтеніе, оказываемое кореннымъ русскимъ передъ мѣстными уроженцами. Какъ установить, притомъ, то процентное отношеніе первыхъ къ послѣднимъ, которое соответствовало бы „державнымъ правамъ Россіи“? Неужели для осуществленія этихъ правъ безусловно необходимы руки коренныхъ русскихъ? Русскими руками велось въ теченіе многихъ десятилѣтій управленіе царствомъ Польскимъ; и что же, содѣйствовало это развитію среди поляковъ „имперскаго патріотизма“?...

Съ понятіемъ объ имперскомъ патріотизмѣ, какъ о чемъ-то глубоко пустившемъ корни на окраинахъ Россіи, плохо гармонируетъ проектируемое выдѣленіе изъ состава царства Польскаго нѣсколькихъ уѣздовъ, имѣющихъ войти въ составъ новой холмской губерніи. Не входя, пока, въ разсмотрѣніе данныхъ, которыми мотивируется эта мѣра, замѣтимъ только, что огражденіе правъ русскаго—или, лучше сказать, малорусскаго—населенія люблинской и сѣдлецкой губерній можетъ быть достигнуто и безъ операци, во всякомъ случаѣ болѣе легкой и тяжелой. За русскимъ языкомъ въ судѣ, въ администраціи, въ школахъ можетъ быть сохранено если не господствующее, то во всякомъ случаѣ обезпеченное положеніе, вполне достаточное для удовлетворенія всѣхъ законныхъ требованій. Такое же положеніе можетъ быть утверждено за нимъ и въ органахъ мѣстнаго самоуправленія, когда оно будетъ создано въ царствѣ Польскомъ. Не будетъ, такимъ образомъ, надобности ни въ ломкѣ учреждений, иногда (напр. при замѣнѣ гмины—волостью) сопряженной съ несомнѣннымъ

ихъ ухудшеніемъ, ни въ раздвоеніи подвѣдомственности, проистекающемъ изъ дѣйствія въ царствѣ Польскомъ другого матеріальнаго гражданскаго права. Менѣе чѣмъ когда-либо умѣстнымъ и своевременнымъ выдѣленіе холмской губерніи было бы именно теперь, когда среди поляковъ царитъ глубокое недовольство ненормальнымъ положеніемъ, созданнымъ для нихъ въ Думѣ изданіемъ закона 3-го іюня 1907-го года. Въ печати появились уже слухи о предстоящемъ уходѣ польскихъ членовъ, какъ изъ Государственной Думы, такъ и изъ Государственнаго Совѣта, гдѣ до сихъ поръ не улажено извѣстное столкновение между гг. Корвинъ-Милевскимъ и Череванскимъ. Всякій новый шагъ, явно враждебный полякамъ, могъ бы ускорить рѣшеніе, неблагоприятное для авторитета нашихъ высшихъ государственныхъ установленій.

Гораздо менѣе серьезнымъ, чѣмъ только-что упомянутый нами, представляется, повидимому, другой планъ, также относящійся къ области „сепаратизма на оборотъ“—планъ отдѣленія Выборгской губерніи отъ Финляндіи. О немъ много говорятъ въ такъ называемой патріотической печати, но едва ли много думаютъ въ официальномъ мірѣ. И это большое счастье: только такого проекта не доставало, чтобы въ конецъ отдалить Финляндію отъ Россіи! Безъ того уже наши ультра-націоналисты дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы раздражить финляндцевъ—и возстановить противъ нихъ русскія правительственныя сферы. „Новое Время“, на примѣръ, поднимаетъ шумъ по поводу непрекращающейся, несмотря на роспускъ сейма, работы двухъ сеймовыхъ комиссій—экспедиціонной и повѣрочной. Сенатъ, отвѣчая на запросъ генералъ-губернатора, объяснилъ, что обѣ комиссіи дѣйствуютъ на основаніи сеймоваго устава; „Новое Время“, останавливаясь исключительно на ст. 3-й устава (по которой полномочія сеймовыхъ депутатовъ продолжаются до окончанія слѣдующихъ выборовъ), старается доказать, что эта статья предусматриваетъ лишь нормальное окончаніе избирательнаго періода, а не досрочный роспускъ сейма. Статью 3-ю можно понимать различно, но совсѣмъ не ею разрѣшается данный вопросъ. Рѣчь идетъ не о продолженіи дѣйствія депутатскихъ полномочій вообще, а о продолженіи трудовъ двухъ комиссій—экспедиціонной и повѣрочной,—имѣющихъ совсѣмъ особое значеніе. О нихъ говорится не въ главѣ 4-й сеймоваго устава, гдѣ опредѣлены функціи другихъ сеймовыхъ комиссій, а въ главѣ 7-й, озаглавленной: „Представленіе рѣшеній и заключеній сейма“. За силою ст. 76-й, „исходящія бумаги сейма и *сводъ сеймовыхъ опредѣленій*“ составляются и отправляются по принадлежности особомъ экспедиціонною комиссіею; никакія исходящія бумаги сейма не должны быть отправляемы до одобренія ихъ сеймомъ или повѣрочною комиссіею“. Совершенно ясно, что *сводъ*

сеймовыхъ опредѣленій можетъ быть составленъ лишь по окончаніи сессіи—и долженъ быть составленъ, хотя бы сессія закончилась досрочнымъ роспускомъ сейма; совершенно ясно, поэтому, что для продолженія работъ комиссій экспедиціонной и повѣрочной имѣлось вполне законное основаніе. Можно, конечно, не знать сеймоваго устава, но тогда не слѣдуетъ и разсуждать о закономѣрности или незакономѣрности вытекающихъ изъ него дѣйствій.

Изъ числа обстоятельствъ, сопровождавшихъ роспускъ финляндскаго сейма, особенное вниманіе обратилъ на себя представленный по этому поводу докладъ совѣта министровъ, и притомъ не столько его мотивировка, сколько заключеніе, изложенное такъ: „Совѣтъ министровъ полагалъ признать необходимымъ немедленный роспускъ нынѣшняго финляндскаго сейма, въ порядкѣ, предусмотрѣнномъ сеймовымъ уставомъ 1906-го года, и назначеніе новыхъ выборовъ, согласно дѣйствующимъ въ краѣ узаконеніямъ. *Изясненное положеніе Совѣта министровъ удостоилось Высочайшаго утвержденія 19-го марта*“. Эти слова даютъ возможность утверждать, что основаніемъ для Высочайшаго рѣшенія послужилъ докладъ совѣта министровъ, между тѣмъ какъ все касающееся финляндскаго сейма входитъ въ компетенцію министра статсъ-секретаря по дѣламъ Финляндіи. Министромъ статсъ-секретаремъ контрасигнированъ сеймовой уставъ 7/20 іюля 1906-го года; имъ подписаны Высочайше утвержденные въ тотъ же день законъ о выборахъ для великаго княжества Финляндскаго и правила о переходѣ отъ старыхъ порядковъ къ новымъ; имъ же скрѣплены Высочайшая грамота 22-го марта (4-го апрѣля) о роспускѣ сейма и Высочайшее постановленіе о производствѣ новыхъ выборовъ. Ни одинъ актъ не можетъ имѣть двухъ различныхъ формальныхъ основаній. Формальнымъ основаніемъ для роспуска финляндскаго сейма былъ докладъ министра статсъ-секретаря по дѣламъ Финляндіи—и не могъ, слѣдовательно, быть докладъ имперскаго совѣта министровъ. Последний являлся, собственно говоря, не чѣмъ другимъ, какъ мнѣніемъ лицъ, спрошенныхъ Государемъ Императоромъ — и потому заключеніе, къ нему присоединенное, не можетъ быть признано логично вытекающимъ изъ его содержанія. Между тѣмъ, оно возбудило въ Финляндіи тревожныя толкованія и произвело, быть можетъ, болѣе тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ самый роспускъ сейма, вполне конституціонный. Нужно надѣяться, что впечатлѣніе это не будетъ еще болѣе усилено преніями о дѣлахъ Финляндіи, предстоящими въ Государственной Думѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1908.

I.

— Выборгскій процессъ. Иллюстрированное изданіе. Спб., 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Русская передовая оппозиція всегда носила на себѣ особый отпечатокъ меланхоліи, и если она принимала иногда смѣлыя, рѣшительныя формы, то не для того, чтобы дѣйствительно достигнуть опредѣленной политической цѣли, а для того, чтобы имѣть случай пострадать за правду. Жажда самоотверженія и страданія—отличительная черта русской „революціи“. Въ самый разгаръ борьбы и кажущагося торжества, когда противники готовы уже очистить поле битвы, наши „революціонные“ дѣятели предвидяютъ свое неминуемое грустное пробужденіе въ „кутузкѣ“ и заботливо готовятъ матеріалъ для будущаго слѣдствія и суда; они заранѣе указываютъ тѣ статьи закона, по которымъ ихъ должны судить, и потомъ сами хлопочутъ о скорѣйшемъ заключеніи ихъ въ тюрьму. Когда имъ приходится фигурировать на судѣ, въ качествѣ подсудимыхъ, они не думаютъ о защитѣ и не добиваются оправданія всѣми законными средствами, а напротивъ, стараются облегчить задачу обвиненія, громко провозглашаютъ свои принципы передъ людьми, неспособными ихъ понять, и спокойно, въ сознаніи исполненнаго долга, отправляются въ изгнаніе, въ ссылку, надѣясь своимъ примѣромъ увеличить ряды единомышленниковъ и возбудить желанный подъемъ настроенія въ народныхъ массахъ. Трогательная рѣшимость пострадать за правду вызываетъ сочувствіе и уваженіе въ значительной части общества, но нисколько не обезпечиваетъ прагматическаго успѣха революціи и даже дѣлаетъ этотъ успѣхъ невозможнымъ; жажда страданія за общее дѣло удовле-

творяется, и этимъ исчерпываются плоды общественнаго или народнаго подъема. Извѣстно, что актъ 17-го октября наиболѣе удивилъ самихъ руководителей и участниковъ освободительнаго движенія; они не ожидали такого крупнаго положительнаго результата своихъ усилій и потому обнаружили растерянность, которой тотчасъ же воспользовалась бюрократія. Дѣйствительный успѣхъ какъ будто не входитъ въ намѣренія и планы передовой оппозиціи; она довольствуется сознаниемъ своей нравственной правоты и предоставляет „умирающему режиму“ дѣйствовать съ полною свободою, утѣшаясь будущимъ нелегитимнымъ судомъ исторіи.

Получивъ господство въ первомъ народномъ представительствѣ, оппозиціонныя партіи откровенно допускали возможность разгона Думы и систематически приучали къ этой мысли общественное мнѣніе; въ самой Думѣ слово „разгонъ“ было впервые произнесено либеральнымъ ораторомъ, и никто противъ этого не протестовалъ. Нѣкоторые депутаты рассчитывали даже на то, что имъ придется погибнуть на своемъ посту, такъ какъ разгонъ не обойдется безъ кровопролитія; и они были крайне разочарованы, когда узнали о внезапно объявленномъ роспускѣ въ воскресенье 8-го іюля и утромъ слѣдующаго дня застали уже зданіе Таврическаго дворца закрытымъ, окруженнымъ солдатами и полиціею. Депутаты отправились въ Выборгъ, гдѣ составили и подписали протестъ въ видѣ воззванія къ „народу отъ народныхъ представителей“; они сдѣлали этотъ шагъ только потому, что были увѣрены въ рѣшимости правительства покончить съ конституціею, подавить революціонное движеніе и не допускать никакой независимой Государственной Думы. И въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, оппозиція шла дальше правительства въ своихъ пессимистическихъ предположеніяхъ и давала понять противникамъ, что даже полное упраздненіе Думы не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго.

Нечего и говорить, что политика министерства И. Л. Горемыкина была ниже всякой критики; она безцѣльно раздражала первое народное представительство, грубо нарушала торжественныя обѣщанія манифеста 17-го октября, официально поддерживала и распространяла незаконные призывы черносотенныхъ организацій къ разгону и упраздненію Государственной Думы и фактически уничтожала присвоенныя ей основными законами законодательныя полномочія. Но и оппозиціонная Дума охотно шла на встрѣчу этимъ отрицательнымъ и разрушительнымъ стремленіямъ министерства; она сама снабжала правительство подходящимъ оружіемъ для болѣе удобнаго осуществленія реакціонныхъ замысловъ.

Грандіозный процессъ 169 членовъ первой Государственной Думы по поводу выборгскаго воззванія представляетъ много любопытныхъ

подробностей, характеризующихъ, съ одной стороны, великодушіе и самоотверженность нашей оппозиціи, а съ другой—узкій, сухой формализмъ и истительность ея враговъ. Когда правительство задумало устроить этотъ процессъ-монстръ, съ цѣлью лишить избирательныхъ правъ почти всѣхъ выдающихся оппозиціонныхъ депутатовъ, то возникло серьезное затрудненіе: судебная власть имѣла въ рукахъ только печатные экземпляры выборгскаго воззванія съ именами подписавшихся, но никакъ не могла добыть подлиннаго документа съ подписями, а на основаніи однихъ печатныхъ списковъ нельзя было начинать дѣло съ шансами на успѣхъ. Все зависѣло отъ того, какъ отнесутся къ дѣлу обвиняемые: если бы они отказали суду въ своемъ содѣйствіи, то никакого процесса не было бы. Каждый изъ бывшихъ депутатовъ могъ при предварительномъ слѣдствіи заявить слѣдующее: „я не обязанъ и не буду отвѣчать на вопросъ о томъ, дѣйствительно ли я подписалъ выборгское воззваніе; ваше дѣло—собирать доказательства, необходимыя для обвиненія“. Такъ какъ никѣмъ не провѣренныя печатные списки не могли считаться уликами противъ обвиняемыхъ, то предпринятое уголовное преслѣдованіе поневолѣ остановилось бы, и обвинители не достигли бы своей цѣли по отсутствію положительныхъ данныхъ для обвиненія. Но тутъ наша оппозиція великодушно пошла на помощь администраціи и вывела ее изъ затрудненія: бывшіе депутаты рѣшили добровольно признать фактъ подписанія ими выборгскаго воззванія, чтобы доставить суду нужный матеріалъ для обвиненія. Судебная власть не оцѣнила этого великодушія и не обратила уже вниманія на то, что „преступный“ документъ былъ составленъ и подписанъ въ Финляндіи и что составленіе и подписаніе его, въ силу существующихъ несомнѣнныхъ законовъ, не могли быть предметомъ уголовного преслѣдованія въ предѣлахъ имперіи: разъ удостовѣренъ былъ фактъ подписанія опредѣленными лицами, то этимъ былъ твердо установленъ исходный пунктъ процесса, и къ нему не трудно уже было, путемъ надлежащихъ толкованій и разъясненій, приурочить фактъ распространенія воззванія въ разныхъ мѣстахъ Россіи, при прямомъ или косвенномъ участіи будто бы тѣхъ же подписавшихъ депутатовъ, что непремѣнно требовалось для подведенія дѣла подъ извѣстную 129-ую статью уголовного уложенія. Такимъ образомъ, при благоклонномъ содѣйствіи самихъ обвиняемыхъ, могъ быть составленъ противъ нихъ надлежащій обвинительный актъ, и процессъ получилъ обычный законный ходъ.

Затѣмъ, администраціи и судебной власти угрожала еще другая крайне неудобная и нежелательная перспектива: каждый изъ 169 подсудимыхъ могъ по закону имѣть своего особаго защитника, и всѣ эти адвокаты имѣли законное право произнести на судѣ обстоятель-

ныя защитительныя рѣчи и даже по два раза, если бы прокуроръ не ограничился одною рѣчью; сверхъ того, каждому изъ обвиняемыхъ принадлежало по закону право послѣдняго слова, т.-е. право въ свою очередь произнести длинную рѣчь; поэтому было вполне возможно предположить, что процессъ депутатовъ первой Государственной Думы приметъ совершенно небывалые размѣры и превратится фактически въ крайне продолжительную судебную-парламентскую сессию, которая на цѣлые мѣсяцы заняла бы общественное мнѣніе и способствовала бы широкой пропагандѣ оппозиціонныхъ идей. Безцвѣтныя засѣданія третьей Государственной Думы въ Таврическомъ дворцѣ нашли бы себѣ противовѣсъ въ засѣданіяхъ популярной первой Думы, вновь открывшихся въ судѣ, и процессъ, начатый уже въ обычномъ порядкѣ при открытыхъ дверяхъ, легко сдѣлался бы могущественнымъ орудіемъ такой живой и настойчивой оппозиціонной борьбы, съ которою трудно было бы справиться администраціи. Повидимому, эта опасность не была предусмотрѣна инициаторами дѣла, и она ставила ихъ въ сильнѣйшее затрудненіе; но наша передовая оппозиція не привыкла представлять себѣ борьбу иначе какъ въ видѣ самоотверженной готовности пострадать за правду, и потому всѣ обвиняемые депутаты рѣшились избавить правительство отъ неприяности и облегчить задачу суда: они отказались отъ обилія оппозиціонныхъ рѣчей и предоставили веденіе защиты тремъ адвокатамъ, а крайніе лѣвые даже совсѣмъ уклонились отъ активнаго участія въ судебныхъ преніяхъ, чтобы упростить и ускорить дѣло, согласно желанію правительства и судебной власти. Заключительный финалъ соотвѣтствуетъ началу: осужденные депутаты прибѣгаютъ къ протекціи для скорѣйшаго пріисканія мѣста въ переисполненныхъ „кромольниками“ россійскихъ тюрьмахъ.

Подробности этого процесса, объясненія нѣкоторыхъ подсудимыхъ, особенно С. А. Муромцева, И. И. Петрункевича и Ѳ. Ѳ. Кокошкина, а также упорные адвокатскіе споры съ палатою изъ-за толкованія и примѣненія законовъ, представляютъ исключительный интерес по важности затронутыхъ принципіальныхъ вопросовъ, и прекрасно изданный стенографическій отчетъ, снабженный многочисленными иллюстраціями, портретами, краткими біографіями и автографами, получаетъ значеніе историческаго документа, поучительнаго не только для потомства, но и для современниковъ. Въ приложеніи напечатанъ русскій переводъ воззванія депутатовъ прусскаго національнаго собранія 1848 года, разогнаннаго военною силою; это воззваніе, аналогичное выборгскому и подписанное также 169 депутатами, не повлекло за собою—въ отличіе отъ выборгскаго дѣла—никакого судебного процесса. Въ концѣ книги помѣщены еще воспоминанія и статьи г. Ф. Крюкова, Н. А. Бородина и В. Д. Кузьмина-Караваева.—Л. С.

II.

— Промышленный капитализмъ въ Россіи. С. С. Захъ. Москва. 1908 г. Ц. 1 р.

„1899—1900 гг. сыграли роль поворотнаго момента въ русской промышленности. Имъ закончился періодъ промышленнаго оживленія, въ который колоссальный, имѣющій мало примѣровъ въ исторіи, опытъ искусственнаго преобразованія строя народнаго хозяйства цѣлой страны подвергся строгому экзамену. Теперь можно сказать, что результаты экзамена успѣли достаточно выясниться и отвѣтить на многіе вопросы, имѣющіе громадную важность для оцѣнки настоящаго русскаго народнаго хозяйства и его будущихъ судебъ“... Такими словами открываетъ свою бесѣду съ читателями авторъ произведенія, указаннаго въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Исторія послѣднихъ пятнадцати лѣтъ доказываетъ, по мнѣнію автора, что промышленный капитализмъ исчерпалъ ту незначительную долю творческихъ силъ, какая была ему присуща при водвореніи въ Россіи, и отнынѣ ему суждено быть скорѣе задерживающимъ, чѣмъ возбуждающимъ факторомъ развитія національной производительности. Слабость творческихъ силъ русскаго промышленнаго капитализма авторъ доказываетъ сравненіемъ современнаго состоянія крупной промышленности—въ Россіи и въ передовыхъ государствахъ Европы, и быстротой его развитія въ Россіи сравнительно съ Германіей. „Обильно снабжаемый во вторую половину 90-хъ годовъ денежными ресурсами, которыми правительство осыпало его съ небывалой щедростью (по расчету автора, въ истекшемъ десятилѣтіи наше правительство выбросило на рынокъ болѣе 2,5 миллиардовъ рублей), защищаемый и покровительствуемый правительствомъ въ дѣлѣ овладѣнія внутреннимъ рынкомъ (путемъ возвышенія таможенныхъ пошлинъ), искусственно распырившимся тѣмъ же правительствомъ (сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, поощреніе муниципальнаго и частнаго строительства и т. п.), поставленный въ наивыгоднѣйшія условія по отношенію къ рабочему вопросу (избытокъ рабочихъ рукъ, низкая заработная плата),—промышленный капитализмъ имѣлъ широкую возможность развить и укрѣпить русскую промышленность. Рѣшилъ ли онъ эту задачу?“ (стр. 79). Русская капиталистическая промышленность сдѣлала, въ описываемое время, довольно крупныя успѣхи по сравненію съ предшествующимъ періодомъ. Но если сравнить Россію и Германію, то прогрессъ русской промышленности не покажется намъ особенно блестящимъ. Во всѣхъ отрасляхъ индустріи, кромѣ горнаго дѣла, русская промышленность развивалась медленнѣе нѣмецкой. Съ 1895 по 1900 г. число рабочихъ въ нашей крупной

обрабатывающей промышленности увеличивалось, въ среднемъ, на 8,7% въ годъ; въ Германіи же съ 1882 по 1895 г. оно возрасло на 10,3% въ годъ; и только если включить въ расчеты горное дѣло, находившееся у насъ въ концѣ 80-хъ годовъ въ зачаточномъ, можно сказать, состояніи и составлявшее центральный пунктъ правительственныхъ заботъ разсматриваемаго періода,—то ежегодный приростъ рабочихъ, занятыхъ въ русской промышленности (8,5%), на 0,4% превзойдетъ приростъ рабочихъ въ крупной промышленности Германіи. „Не доказываетъ ли—спрашиваетъ авторъ—такой поразительный фактъ, что русскій капитализмъ лишенъ былъ способности использовать всѣ выгоды своего положенія для соответствующаго развитія промышленности?“ (стр. 81). Этотъ приговоръ получилъ бы гораздо бѣльшій успѣхъ, если бы авторъ указалъ еще на два обстоятельства: 1) что данный темпъ развитія русской промышленности относится къ періоду всего въ пять лѣтъ, между тѣмъ какъ нѣмецкая индустрія шествовала почти такимъ же темпомъ въ теченіе цѣлыхъ тринадцати лѣтъ; и если бы прослѣдить русскую промышленность на протяженіи приблизительно такого же періода, то быстрота ея развитія оказалась бы далеко не столь значительной; 2) что для сужденія объ успѣхахъ промышленнаго развитія Россіи г. Забъ взялъ періодъ наиболѣе сильнаго подъема; для Германіи же ему пришлось по необходимости ограничиться годомъ послѣдней переписи, несмотря на то, что прогрессивное развитіе индустріи продолжалось и въ послѣдующее время.

Будучи производнымъ правительственной экономической политики, наше промышленное оживленіе—послѣ измѣненія послѣдней—стѣнилось критическимъ состояніемъ. „Въ самомъ концѣ 90-хъ гг. прекращается бѣшеное желѣзнодорожное строительство... Съ этого момента начался промышленный кризисъ, который своей продолжительностью обнаружилъ всю безпомощность промышленнаго преуспѣянія, ознаменовавшаго вторую половину 90-хъ годовъ“ (стр. 110). Кризисы составляютъ, правда, обычную принадлежность современнаго хозяйственнаго строя, и приблизительно въ то же время, какъ и въ Россіи, критическое состояніе испытала и нѣмецкая промышленность. Но тогда какъ черезъ два года такого состоянія въ Германіи наступило опять промышленное оживленіе, въ Россіи кризисъ продолжается уже девятый годъ. Г. Забъ, впрочемъ, слѣдитъ за нимъ на протяженіи всего четырехъ лѣтъ, допуская, что въ 1904 г. и слѣдующихъ годахъ критическое состояніе русской промышленности могло поддерживаться обстоятельствами политическаго характера.

Другое обстоятельство, характерное для русской капиталистической промышленности, г. Забъ усматриваетъ въ преобладаніи въ ней наиболѣе крупныхъ предпріятій. Тогда какъ въ Германіи, напимѣръ, въ

1895 г. въ мелкихъ капиталистическихъ предпріятіяхъ (10 — 50 рабочихъ) занято было 31,5%, а въ крупныхъ (занимающихъ болѣе 500 рабочихъ)—15,3% общаго числа рабочихъ,—въ Россіи въ тотъ же моментъ мелкія предпріятія привлекали къ себѣ 15,9%, а крупныя—45,2% рабочаго персонала капиталистической промышленности. Черезъ пять лѣтъ крупныя фабрики занимали у насъ уже половину рабочихъ рукъ. Такимъ образомъ „концентрація производства въ Россіи стоитъ выше, чѣмъ въ странахъ, которыя мы привыкли считать капиталистически развитыми“ (стр. 12); мелкое же (капиталистическое) производство „играетъ у насъ исключительно слабую роль“ (стр. 16). Такъ какъ тѣ многочисленныя наши отрасли промышленности, гдѣ наблюдается это явленіе, обнаруживаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе медленный темпъ наростанія ихъ рабочей силы, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ Германіи, то г. Закъ считаетъ себя вправѣ высказать заключеніе, что „русская промышленность развивается не столько вширь, сколько вглубь, не столько развиваются производительныя силы страны, сколько послѣднія концентрируются“ (стр. 17). Но „почему высшія капиталистическія формы нашли для себя болѣе благоприятную среду въ русской промышленности, чѣмъ въ промышленности старо-капиталистическихъ странъ?“—спрашиваетъ авторъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ находитъ въ томъ, что развитіе производства въ старыхъ странахъ происходило путемъ послѣдовательнаго перехода его „отъ ремесла къ домашней промышленности, отъ послѣдней къ мануфактурѣ и отъ мануфактуры къ машинному производству... При такихъ условіяхъ нѣтъ особенно большого разстоянія между отживающей формою производства и нарождающейся... Мы здѣсь видимъ поэтому до извѣстной степени мирное сожительство „отцовъ“ и „дѣтей“, поскольку развивается не только капитализмъ, но и вся промышленность въ цѣломъ. Обостреніе борьбы начинается лишь съ того момента, когда дальнѣйшій ростъ промышленности становится невозможнымъ“ (стр. 28). Въ молодыхъ странахъ дѣло идетъ инымъ порядкомъ. Капиталь можетъ примѣнять здѣсь сразу самыя совершенныя экономическія и техническія методы, и эти послѣдніе „сталкиваются съ такими отсталыми формами производства, что послѣднія лишаются всякихъ средствъ сопротивленія... Не встрѣчая же никакихъ препятствій, высшія формы капитализма одерживаютъ здѣсь такія побѣды, которыя для него недоступны въ старыхъ капиталистическихъ странахъ“ (стр. 30). Этотъ фактъ побѣды наиболѣе крупныхъ формъ промышленности и уничтоженіе болѣе мелкихъ промысловъ, прибавимъ мы отъ себя, должны вести къ ограниченію народной производительности вообще, потому что основаніе мелкихъ предпріятій, если таковое возможно, болѣе доступно, нежели крупныя, и заработки населенія, занятаго въ мелкой промышленности, под-

держиваютъ внутренній рынокъ для продуктовъ крупной индустрии, что имѣетъ особенно важное значеніе для странъ, лишенныхъ, подобно Россіи, внѣшнихъ рынковъ для своихъ фабрикатовъ.

Есть еще другія условія, поддерживающія ограничительное вліяніе капитализма на развитіе національной производительности Россіи. Международный капитализмъ, по мнѣнію автора, близится къ тому, чтобы совершенно напитать рынки сбыта его произведеній; и ближайшей его задачей явится поэтому не дальнѣйшее развитіе національной производительности, а самозащита, удержаніе завоеванныхъ позицій. Наступленіе этого момента выражается всеобщимъ стремленіемъ къ образованію синдикатовъ „въ цѣляхъ не расширенія производства, а наоборотъ, его ограниченія“ (стр. 145). „Съ этого момента капитализмъ перестаетъ быть прогрессивной силой, силой будущаго, и становится силой прошлаго, живущей ранѣе накопленной энергіей (стр. 144). Въ такой-то моментъ истощенія творческихъ силъ капитализмъ получилъ полное господство въ Россіи, и несмотря на молодость своихъ лѣтъ, онъ, какъ и его старшіе собратья на Западѣ, хлопочетъ уже не о развитіи производительности страны, а объ усвоеніи синдикальной организациі съ цѣлями обезпеченія себѣ дохода, соответствующаго его вождельніямъ. „Тамъ, гдѣ промышленность успѣла широко развиться, новыя тенденціи капитализма не представляютъ такой серьезной опасности, какъ въ Россіи, гдѣ сохраненіе для промышленности status quo означаетъ сохраненіе порядка вещей, при которомъ народныя силы стоятъ на примитивномъ уровнѣ производительнаго приложенія, безъ надежды подняться выше этого уровня“ (стр. 154). Но застынетъ ли Россія на данномъ моментѣ своего хозяйственнаго развитія? „Что должно взять верхъ: интересы ли капитализма, не имѣющаго у насъ никакого прошлаго и очень шаткое настоящее, или интересы Россіи въ лицѣ русскаго народа?“ (стр. 155). Авторъ надѣется на послѣднее, но если его надежды оправдаются, то развитіе національной производительности должно будетъ совершаться не капиталистическимъ путемъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе интереснаго труда, составляющаго предметъ настоящей замѣтки. Мы не имѣемъ мѣста для собственныхъ замѣчаній по этому предмету и скажемъ только въ двухъ словахъ, что авторъ ведетъ свою работу, какъ будто бы у него почти не было предшественниковъ ни по разработкѣ статистическаго матеріала, ни по развитію идей, положенныхъ въ основаніе его толкованія сущности переживаемаго нами момента. Онъ даже осуждаетъ раннихъ писателей о капитализмѣ за то, что этотъ вопросъ не былъ сразу поставленъ ими, какъ вопросъ „не вообще о возможности у насъ капитализма, а о его возможныхъ предѣлахъ и вѣроятныхъ тенден-

ціяхъ" (стр. 26). Мы должны замѣтить, по поводу этого утвержденія, что бѣльшая часть идей, противопоставляемыхъ авторомъ взглядамъ прежнихъ писателей о русскомъ капитализмѣ, онъ можетъ найти въ произведеніяхъ этихъ писателей начала 80-хъ гг., причеиъ нѣкоторыя изъ этихъ идей выражены даже тѣми самыми словами, какія употребляются г. Закомъ (о развитіи, напр., русскаго капитализма „не въ ширь, а въ глубь“). Для людей, дорожащихъ своими идеями, наибольшее значеніе имѣеть, впрочемъ, не признаніе ихъ приоритета, а фактъ возрожденія старыхъ идей въ толкованіи и изслѣдованіяхъ талантливыхъ молодыхъ писателей.

III.

— Иванъ Янжул. Какъ англичане критикуютъ свои государственные расходы. Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. Второе изданіе. Слб. Ц. 1 р. 25 к.

Англія ранѣе другихъ цивилизованныхъ государствъ достигла того, что ея государственные финансы были подчинены контролю народныхъ представителей. Правило: „каждый налогъ долженъ получить согласіе народа“ — находится уже въ древнѣйшихъ ея хартіяхъ, а со времени призванія (въ 1688 г.) на престолъ Вильгельма Оранскаго „мы находимъ англійскую бюджетную систему уже почти окончательно установившейся“ (Штурмъ). Изъ сказаннаго, однако, не слѣдуетъ заключать, что съ тѣхъ же временъ водворилась и система рациональнаго строенія англійскаго государственнаго хозяйства. Участіе народныхъ представителей въ дѣлѣ вотированія государственныхъ доходовъ и расходовъ имѣло непосредственнымъ результатомъ упорядоченіе финансовъ въ смыслѣ освобожденія ихъ отъ недостатковъ, проистекающихъ отъ безконтрольнаго распоряженія ими ни отъ кого независящей правительственной властью. Но такъ какъ „народное“ представительство находилось въ тѣ времена въ рукахъ землевладѣльческаго класса, къ которому принадлежали въ большинствѣ случаевъ и отвѣтственные представители власти, то государственное хозяйство страны продолжало сохранять отрицательныя черты, внесенныя въ него въ интересахъ господствующаго класса, и отличалось многими недостатками, вредными не только для массы трудящагося населенія, но и для благополучія страны, какъ самостоятельной политической единицы. Въ системѣ государственныхъ доходовъ огромное преобладаніе имѣли косвенные налоги въ видѣ акцизовъ (въ началѣ прошлаго вѣка падавшихъ на двадцать предметовъ потребленія) и таможенныхъ пошлинъ, падающихъ на малообеспеченныя массы населенія. Въ расходномъ бюджетѣ была масса статей, оказывавшихъ финансовое покров-

вительство членамъ землевладѣльческихъ семействъ. Въ книгѣ, составляющей предметъ настоящей замѣтки, содержится критика англійскаго военнаго бюджета первой половины XIX вѣка, показавшая, между прочимъ, широкое распространеніе въ военномъ вѣдомствѣ обычая совмѣщенія нѣсколькихъ должностей въ однихъ рукахъ и синекуръ, предоставляемыхъ лицамъ землевладѣльческаго класса. Это вело не только къ бесполезной растратѣ народныхъ средствъ, но и къ пониженію боевой способности арміи, потому что система протекціи членамъ правящаго класса — при назначеніи на мѣста и движеніи по службѣ, — частнымъ выраженіемъ которой были указанные выше обычаи, — вела къ пониженію качественного состава офицеровъ и военачальниковъ, что и дало себя знать во время севастопольской кампаніи. Хотя Англія вышла изъ этой войны побѣдительницей, но, по словамъ англійскихъ писателей, она этимъ обязана не своему войску, а дѣйствіямъ союзниковъ. Крымская война сыграла немалую роль въ дѣлѣ преобразованія англійскихъ административныхъ порядковъ и государственнаго хозяйства, такъ какъ она показала ихъ въ истинномъ свѣтѣ даже такимъ безпринципнымъ кругамъ, какъ руководители газеты „Times“. „До середины ноября прошлаго года—говорится въ февральскомъ номерѣ 1856 г. этого изданія—Англія вѣрила, что она имѣетъ армію, генераловъ, государственныхъ людей и различные органы управленія, не только стоящіе на высотѣ своего назначенія, но даже лучшіе въ свѣтѣ. А теперь, въ три короткіе мѣсяца, все измѣнилось. Мы пробудились отъ нашихъ грѣзъ, надеждъ и очарованій успѣха лишь для отчаянія и скорби. Наши генералы превратились хуже, нежели въ бесполезныхъ, наши министры—болѣе, нежели въ неспособныхъ, и каждая отрасль управленія поражается такимъ безнадежнымъ худосочіемъ, бездарностью, рутинной и массою ничего не стоящихъ формальностей, что являются настоятельно необходимыми самыя обширныя перемѣны“.

Свѣдѣнія, приведенныя нами, заимствованы изъ книжки И. И. Янжула, посвященной ливерпульской ассоціаціи финансовыхъ реформъ, основанной въ 1848 г. съ цѣлями, смыслъ которыхъ хорошо выражается въ эпиграфѣ, повторявшемся въ заголовкѣ ея изданій: „Бережливое управленіе, справедливое и простое устройство налоговъ и совершенная свобода торговли“. Указанная книга знакомитъ насъ съ самой любопытной, по заявленію ея автора, стороною дѣятельности ассоціаціи — критикой государственныхъ расходовъ Англіи на военное дѣло, министерство двора и на пенсіи, преимущественно въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ дѣятельности ассоціаціи. Повтореніе этого изданія (первое отдѣльное изданіе труда по тексту, первоначально помѣщенному въ журналѣ „Отеч. Записки“, относится къ

1880 г.) въ настоящее время, когда нашему обществу предстоитъ преобразовательная дѣятельность въ области русскаго государственнаго хозяйства, нельзя не признать умѣстнымъ; а авторъ предисловія къ нему, проф. М. М. Ковалевскій, вслѣдъ за проф. Исаевымъ, призываетъ даже русское общество къ подражанію ливерпульской ассоціаціи финансовыхъ реформъ. По поводу этого призыва не лишне, однако, замѣтить, что задача преобразования финансовъ Россіи настоящаго времени поставлена нѣсколько иначе, чѣмъ это было въ Англіи шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Главной задачей ливерпульской ассоціаціи было обратить вниманіе общества на пороки государственнаго хозяйства, такъ какъ рѣшительное мнѣніе англійскаго общества по вопросамъ государственнаго управленія сейчасъ же отразится на постановкѣ послѣдняго. Политическій строй Россіи устранилъ общество отъ вліянія на государственныя дѣла; архаическіе порядки управленія сохранились, поэтому, несмотря на осужденіе ихъ образованными классами, они развѣдали государственный организмъ и приводили въ концѣ концовъ къ такимъ крахамъ, какъ непрерывныя пораженія въ японскую войну, открывавшія на нихъ глаза широкимъ массамъ населенія и самому правительству. У насъ не предстоитъ поэтому надобности затрачивать много силъ на доказательства необходимости рѣшительныхъ преобразованій нашего государственнаго строя. Русскому обществу недостаетъ элементарныхъ познаній въ области финансовыхъ вопросовъ, и оно бѣдно специалистами этой отрасли знанія. Распространеніе соответствующихъ знаній и коллективная разработка практическихъ вопросовъ государственнаго хозяйства составляютъ, поэтому, естественную задачу болѣе просвѣщенныхъ слоевъ нашего народа; и такія именно цѣли ставить себѣ одно, находящееся пока въ періодѣ зарожденія, общество финансовыхъ реформъ. Основатели этого общества, не ожидая его окончательной организаціи, выпустили уже въ свѣтъ сборникъ статей по вопросамъ государственнаго хозяйства и бюджетнаго права, о которомъ въ свое время была рѣчь и въ нашемъ журналѣ. Въ поученіе этому обществу не лишне было бы ознакомить русскихъ читателей съ аналогичной работой касательно англійскихъ финансовъ ливерпульской ассоціаціи въ новѣйшій періодъ ея дѣятельности, подобно тому, какъ это сдѣлано И. И. Янжуломъ относительно первыхъ лѣтъ существованія этого общества. Можно надѣяться, что кто-нибудь и возьметъ на себя выполненіе этого предпріятія.

IV.

— В. В. Громанъ. Организациі работодателей въ Германіи. Слб. 1908. Ц. 1 р. 20 к.

Эта книжка представляет немалый интересъ въ двойномъ отношеніи: во-первыхъ, она заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія объ интересномъ и малоизвѣстномъ у насъ явленіи организациі предпринимателей для борьбы съ рабочими; и во-вторыхъ, къ книгѣ приложено циркулярное обращеніе „Общества заводчиковъ и фабрикантовъ“ къ своимъ членамъ, рекомендующее разсматриваемый нами трудъ (составленный по порученію „Общества“) въ качествѣ поученія о необходимости организациі русскихъ предпринимателей для „классовой борьбы“. „Каждому русскому заводчику и фабриканту — говорится въ этомъ обращеніи — слѣдуетъ внимательно прочесть предлагаемую книгу и справляться съ ней всякій разъ, когда нарушеніе нормальнаго хода работъ вызываетъ необходимость организованныхъ мѣръ — справляться для того, чтобы убѣдиться, что безъ объединенія нѣтъ спасенія... Попытки организациі промышленниковъ въ Россіи пока еще очень слабы... Но времени терять нельзя и надо спѣшить ознакомиться съ опытомъ Германіи, которая ушла въ этомъ дѣлѣ очень далеко“.

Это воззваніе одной изъ нашихъ предпринимательскихъ организаций очень характерно. {Соединеніе фабрикантовъ въ союзы для борьбы съ „неумѣренными“ притязаніями рабочихъ появилось въ Германіи очень поздно и было вызвано натискомъ на нихъ вліятельныхъ социаль-демократическихъ организаций. „Только въ новѣйшее время — говоритъ г. Громанъ — проникло въ широкіе предпринимательскіе круги сознаніе, насколько важно имъ сплотиться, въ особенности для того, чтобы путемъ оказанія матеріальной нравственной поддержки предпринимателямъ, пострадавшимъ отъ стачекъ, или путемъ совмѣстной организациі отпора, въ видѣ локаутовъ и т. п., создать надежный оплотъ противъ натиска рабочихъ союзовъ, энергія которыхъ неослабно возрастаетъ, между тѣмъ какъ ихъ притязанія становятся болѣе и болѣе неумѣренными“. Циркуляръ „Общества фабрикантовъ и заводчиковъ“ выражается даже, что и „классовая борьба“, орудіемъ которой служатъ интересующіе насъ союзы, „навязана промышленникамъ усердіемъ социаль-демократической партіи“. Изъ сказаннаго видно, что организациі работодателей въ Германіи предшествовали организациі рабочихъ союзовъ и распространеніе вліянія быстро усилившейся социалистической партіи. Только послѣ того какъ рабочій классъ получилъ, въ лицѣ профессиональныхъ и дру-

гихъ союзовъ, классовую организацію и успѣлъ добиться нѣкоторыхъ прочныхъ завоеваній — нѣмецкіе работодатели послѣдовали его примѣру и классовой организаціи пролетаріата противопоставили классовую организацію капиталистовъ.

Въ Россіи дѣло получило иное направленіе. Профессіональныя организаціи рабочихъ находятся еще въ моментѣ зарожденія; въ періодъ революціи рабочіе, правда, добились отъ фабрикантовъ, путемъ стихійнаго стачечнаго движенія, нѣкоторыхъ уступокъ; но вскорѣ послѣ того завоеванныя ими права успѣшно стали отбираться предпринимателями назадъ; социаль-демократическая партія загнана въ подполье и не имѣетъ физической возможности руководить рабочими движеніями; въ средѣ русскихъ фабрикантовъ, по словамъ циркуляра „Общества заводчиковъ“, „еще слабо развито чувство солидарности“ и мало распространены организаціи для преслѣдованія другихъ, не боевыхъ по отношенію къ рабочимъ, цѣлей, организаціи, давно и широко дѣйствующія въ Германіи; и несмотря на все это, они ставятъ себѣ задачей сплотиться именно для отпора первыхъ сколько-нибудь значительныхъ попытокъ рабочихъ улучшить свое положеніе. Союзы нѣмецкихъ работодателей вызваны къ жизни систематическимъ натискомъ хорошо организованнаго пролетаріата; русскіе фабриканты хотятъ предупредить сплоченіе рабочихъ и тѣмъ поставить дѣло измѣненія условій фабрично-заводскаго труда въ зависимость отъ своего усмотрѣнія.

Многочисленныя первоначальныя организаціи нѣмецкихъ предпринимателей преслѣдовали цѣли защиты промышленныхъ интересовъ „путемъ воздѣйствія на политику торговыхъ договоровъ, на таможенную и социальную политику, и лишь между прочимъ—регулированіе отношеній къ рабочимъ“. Преслѣдовать спеціально послѣднюю задачу путемъ особыхъ организацій работодатели стали лишь въ новѣйшее время. Первоначально фабриканты соединялись для этого въ союзы по мѣстностямъ и крупнымъ отраслямъ производства, а въ 1904 г. получили существованіе двѣ центральныя организаціи, объединившія предпринимателей, располагающихъ арміей почти въ два милліона рабочихъ. Главныя средства борьбы работодателей съ рабочими заключаются въ слѣдующемъ. Устройство бюро по указанію труда въ обычное время имѣетъ „громадное значеніе въ смыслѣ охраненія промышленныхъ предпріятій отъ вторженія въ рабочую среду нежелательныхъ, безпокойныхъ элементовъ, вносящихъ смуту и раздоръ и тѣмъ самымъ подготовляющихъ почву къ нарушенію мирнаго теченія фабричной жизни“. Переводя этотъ языкъ предпринимателя на обычный, мы должны сказать, что бюро по указанію труда имѣетъ задачей оберегать предпріятія членовъ союзовъ работода-

телей отъ вліянія дѣятельныхъ членовъ организацій, преслѣдующихъ цѣли сплоченія рабочихъ для достиженія лучшихъ условій труда на фабрикахъ и заводахъ. Бюро по указанію труда имѣетъ и другое, болѣе общее значеніе. „Въ чьемъ обладаніи (предпринимателей или рабочихъ) находятся эти бюро, у того—могучее средство для ослабленія противника, такъ какъ это позволяетъ ему направлять рабочую силу, смотря по желанію“. Поэтому обладаніе этимъ орудіемъ борьбы „сильно оспаривается обѣими борющимися сторонами—работодателями и рабочими“. Въ 1906 году, 23 главнѣйшихъ союза предпринимателей замѣстили, при посредствѣ своихъ бюро, 160 тысячъ освободившихся рабочихъ вакансій, рекомендовавъ кандидатовъ изъ числа 235 тыс. лицъ, обращавшихся въ бюро за работой. Близкой къ этой мѣрѣ союзовъ работодателей является мѣра защиты желающихъ работать, несмотря на объявленіе стачки. Въ этомъ отношеніи на встрѣчу союзамъ работодателей идетъ движеніе по организаціи анти-соціаль-демократическихъ союзовъ рабочихъ. Въ Германіи такое движеніе еще только зарождается; во Франціи же, по утверженію г. Громана, 40% рабочихъ примыкаютъ къ такъ называемой желтой рабочей партіи, стремящейся достигнуть улучшенія положенія трудящихся путемъ мирныхъ отношеній къ работодателямъ и пріобрѣтенія въ той или иной формѣ соучастія въ капиталистическихъ промышленныхъ предпріятіяхъ.

Большая часть союзовъ предпринимателей оказываетъ при стачкахъ помощь своимъ членамъ лишь по просьбѣ этихъ послѣднихъ. При этомъ союзъ входитъ въ переговоры съ забастовавшими рабочими или соответствующимъ рабочимъ союзомъ, и если требованія рабочихъ признаны будутъ неосновательными или не будетъ достигнуто съ ними соглашеніе—списки забастовщиковъ посылаются всѣмъ членамъ союза съ требованіемъ не принимать ихъ на работу до окончанія стачки. Болѣе рѣшительнымъ средствомъ сломить упорство забастовщиковъ является объявленіе локаута, т. е. увольненіе рабочихъ во всѣхъ однородныхъ съ бастующими предпріятіяхъ или во всѣхъ предпріятіяхъ союза, при чемъ подвергнувшіеся локауту рабочіе не принимаются членами союза. Въ союзѣ нѣмецкихъ металло-промышленниковъ увольненію при локаутѣ подлежитъ 60% рабочихъ каждаго предпріятія. Локаутъ считается особенно умѣстнымъ въ случаяхъ примѣненія рабочими способа добиться поставленной себѣ цѣли путемъ послѣдовательнаго объявленія забастовки одному предпринимателю за другимъ, при чемъ рабочіе небастующихъ предпріятій оказываютъ стачечникамъ денежную поддержку. „Понятно, что въ время организованнаго локаута можетъ совершенно разстроиться этотъ планъ рабочихъ союзовъ“. Дополнительнымъ средствомъ достиженія

дѣлей, преслѣдуемыхъ союзами работодателей, служить денежная поддержка во время стачки или локаута слабыхъ, преимущественно мелкихъ предпріятій. Дѣло это не вышло еще, впрочемъ, изъ стадіи опытовъ, и предприниматели колеблются между организаціей вознагражденія пострадавшихъ на началѣ страховомъ и взаимопомощи, между устройствомъ особыхъ для того обществъ и включеніемъ выдачи пособій въ число задачъ союзовъ работодателей. „Существующія организаціи для выдачи вознагражденія всѣ сравнительно недавняго происхожденія, и практика не дала еще достаточнаго матеріала для сужденія о томъ, насколько онѣ удовлетворяютъ своему назначенію. Въ настоящее время совершенно нѣтъ возможности выяснить, — говорить г. Громанъ — могутъ ли, въ дѣлѣ выдачи вознагражденія потерпѣвшимъ вслѣдствіе стачекъ, организаціи работодателей сравняться съ организаціями рабочихъ, или онѣ слабѣ послѣднихъ. Объ этомъ можно будетъ судить лишь по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда нынѣ начатое движеніе среди предпринимателей окрѣпнетъ, и болѣе разовьется“.

V.

— К. А. Пажитновъ. Положеніе рабочаго класса въ Россіи. Изданіе 2-е, дополненное и исправленное. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Въ этой книгѣ заключаются свѣдѣнія относительно санитарныхъ условій на фабрикахъ и заводахъ, рабочихъ жилищъ, несчастныхъ случаевъ съ работающими въ капиталистическихъ предпріятіяхъ, относительно продолжительности рабочаго дня на заводахъ и фабрикахъ и вознагражденія фабрично-заводскихъ рабочихъ. Къ этому содержанію перваго изданія книги, во второмъ изданіи прибавлены очерки исторіи фабричнаго законодательства въ Россіи, стачечнаго движенія и революціоннаго движенія рабочихъ послѣ 1904 года. Изложеніе матеріаловъ относительно указанныхъ выше сторонъ положенія рабочаго на фабрикахъ и внѣ ея разбивается авторомъ на три части, соотвѣтственно тремъ, различаемымъ имъ, періодамъ описываемаго времени. Первый періодъ, когда въ отношеніяхъ капиталистовъ и рабочихъ всецѣло господствовало начало „свободнаго договора, не стѣсняемаго контролемъ со стороны государства“, продолжался съ 1861 года до половины восьмидесятыхъ годовъ, когда были изданы первые наши фабричныя законы. Второй періодъ, обнимающій время по 1904 г., „отмѣченъ печатью государственнаго вмѣшательства въ отношенія между трудомъ и капиталомъ“. Третій періодъ начинается революціоннымъ движеніемъ 1905 г.; несмотря на его кратковременность, рабочіе успѣли достигнуть довольно крупныхъ завоеваній пре-

имущественно въ области сокращенія рабочаго дня, которыя, впрочемъ какъ извѣстно, понемногу у нихъ отбираются обратно. Изложеніе автора обнимаетъ, главнымъ образомъ, конечно, первые два періода пореформенной исторіи нашего рабочаго класса; но хотя раздѣленіе этой исторіи на періодъ полной свободы соглашенія предпринимателей и рабочихъ или, вѣрнѣе, полного произвола фабрикантовъ, и періодъ правительственной регламентаціи отношеній названныхъ классовъ—въ идеѣ представляется совершенно правильнымъ, но въ изложеніи автора оно не дало тѣхъ полезныхъ результатовъ, какихъ можно было ожидать отъ примѣненія этого приѣма. Фабричные законы въ значительной мѣрѣ оказались дѣйствительными только на бумагѣ; и положеніе рабочаго класса, какъ оно рисуется г. Пажитновымъ, во второмъ періодѣ мало измѣнилось сравнительно съ первымъ. Раздѣленіе на періоды для цѣли даннаго сочиненія оказалось поэтому довольно искусственнымъ приѣмомъ; и рисуемая авторомъ картина положенія рабочаго класса приобрѣла бы большую наглядность, если бы изложеніе не разбивалось на двѣ части, и измѣненія какой-нибудь стороны фабричнаго быта, если таковыя имѣли мѣсто, отмѣчались бы при сплошномъ описаніи даннаго явленія.

Впрочемъ, это сочиненіе имѣетъ у насъ успѣхъ и, если не ошибаемся, переведено на нѣмецкій языкъ. Это объясняется, однако, не столько достоинствами книги, сколько тѣмъ фактомъ, что по данному вопросу отсутствуютъ у насъ другія сводныя работы, между тѣмъ какъ рабочій вопросъ—это одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе интересуютъ и русское, и западно-европейское общества. Само по себѣ произведеніе г. Пажитнова не свободно отъ многихъ крупныхъ недостатковъ. Оно носитъ компилятивный характеръ въ смыслѣ того, что авторъ весьма мало перерабатывалъ извлекаемые имъ изъ различныхъ источниковъ матеріалы. Г. Пажитновъ, кромѣ того, не утилизировалъ многіе весьма цѣнные источники и не воспользовался всѣми характерными данными сочиненій, ему извѣстныхъ, отчего его произведеніе не обладаетъ той полнотой и яркостью, какую оно могло бы имѣть. Авторъ, наконецъ, не чуждъ тенденціозности въ подборѣ фактовъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе высказанныхъ заключеній.

Автору, повидимому, неизвѣстны труды комиссіи для осмотра фабрикъ и заводовъ въ Москвѣ, въ которыхъ имѣются обстоятельно разработанныя докторомъ Песковымъ свѣдѣнія почти по всѣмъ вопросамъ, трактуемымъ въ рассматриваемомъ нами произведеніи. Въ этомъ изданіи авторъ нашелъ бы, между прочимъ, новыя данныя для уясненія зависимости высоты заработной платы отъ продолжительности рабочаго дня. На стр. 57 г. своего труда г. Пажитновъ высказы-

ваетъ (но не доказываетъ цифрами) мысль, что „производства, въ которыхъ рабочій день наиболѣе продолжителенъ...., отнюдь не лучше оплачиваютъ трудъ, чѣмъ производства менѣе тяжелыхъ“. Г. Песковъ доказываетъ, что то же самое явленіе наблюдается и въ одномъ и томъ же производствѣ, при чемъ болѣе длинный рабочій день вознаграждается не только не лучше, но даже хуже, чѣмъ короткій. А именно, ткачи московскихъ фабрикъ начала 80-хъ годовъ, при продолжительности рабочаго дня въ 15 часовъ, зарабатывали, въ среднемъ, 16 р. въ мѣсяцъ, при дневной работѣ въ 14 часовъ—18 р., при 13-ти часахъ—20 р., а при 12-ти часахъ дневного труда зарабатывали 21½ р. въ мѣсяцъ. Указанный нами источникъ интересенъ, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что его данными характеризуется малоисслѣдованная область положенія труда на столичныхъ фабрикахъ, такъ какъ отчеты фабричной инспекціи, которыми, главнымъ образомъ, пользовался авторъ, касаются по преимуществу уѣздныхъ промышленныхъ предприятий. Авторъ отводитъ непропорціонально много мѣста положенію труда въ горнозаводской промышленности; между тѣмъ, ни въ первой, ни во второй части не приводятся свѣдѣнія о заработной платѣ на нефтяныхъ промыслахъ, несмотря на то, что подобныя свѣдѣнія публикуются въ „Обзорахъ бакинской нефтяной промышленности“, издаваемыхъ совѣтомъ съѣзда нефтепромышленниковъ. Въ первой части рассматриваемаго нами труда отсутствуютъ свѣдѣнія о заработной платѣ на сахарныхъ заводахъ; во второй же части (касающейся позднѣйшаго времени) такія свѣдѣнія имѣются. Между тѣмъ, тотъ же источникъ, изъ котораго извлечены эти свѣдѣнія (Отчеты д-та неокладныхъ сборовъ) или изданные подъ редакціей Н. К. Бунге „Труды Кіевскаго Вспомогательнаго Комитета по устройству промышленной выставки въ 1882 г.“ заключаютъ данныя по этому вопросу и для времени, описываемаго въ первой части книги г. Памятнова.

Во второй части книги рассматривается, между прочимъ, вопросъ о движеніи заработной платы во времени, и хотя авторъ считаетъ, что приводимыя имъ данныя относительно первой половины 80-хъ годовъ „несравнимы съ данными послѣдняго времени, тѣмъ не менѣе, изучая ихъ, нельзя не замѣтить, что номинальная заработная плата за послѣднія 15—20 лѣтъ возросла, хотя и трудно опредѣлить точно размѣръ этого роста“ (стр. 245). Когда же авторъ столкнулся съ попыткою покойнаго Б. Брандта точнѣе опредѣлить ростъ заработной платы на основаніи записей ея за рядъ лѣтъ на нѣкоторыхъ заводахъ донецкаго района, онъ не сообщилъ объ этой попыткѣ читателю, а полемизируетъ съ заключеніями названнаго писателя, сравнивая современную плату на заводахъ Юза съ платами, зарегистри-

рованными земской статистикой въ 80-хъ годахъ, при чемъ подвергается сравненію не заработокъ отдѣльныхъ профессій, а огульная сумма, приходившаяся на кадры рабочихъ довольно неопредѣленнаго состава. Пренебрегъ г. Пажитновъ и другой попыткой освѣтить наиболее точными приемами вопросъ о движеніи заработной платы,—предпринятымъ въ „Русской Фабрицѣ“ г. Туганъ-Барановскаго сравненіемъ высоты этой платы въ однихъ и тѣхъ же заведеніяхъ въ 1883 и 1896 годахъ.—В. В.

Въ теченіе апрѣля мѣсяца, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Аверинцевъ, С.—Исслѣдованія надъ паразитическими простѣйшими. I-VII. Спб. 908.

Диаповъ, Д.—Новыя угломѣры линейной системы для чертежныхъ, межвыхъ и др. техническихъ работъ, съ объясненіемъ основанія ихъ устройства и указаніемъ употребленія. Оренб. 908. Ц. 35 к.

Амфитеатровъ, А.—Пять пьесъ. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Антоновъ, А.—Еще одно рѣшеніе. Къ вопросу о свободѣ печати. Спб. 908. Ц. 1 р.

Бальмонтъ, К.—Только любовь. Стихи. М. 908. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Биллингъ, Н.—Теоретическая арифметика. Составл. преимущественно по Бертрану. Изд. 7-ое. Спб. 908. Ц. 1 р. 25 к.

Бодановичъ, А. И.—Годы перелома: 1895—1906. Сборникъ критическихъ статей. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Борский-Берхфельдъ, И.—Исторія Венгріи въ Средніе вѣка и Новое время. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Брюсовъ, Валерій.—Пути и перепутья. Собраніе стиховъ. Т. II. М. 908. 2-я тысяча. Ц. 2 р.

Бунинъ, Ив. Томъ четвертый: Стихотворенія 1907 года. Спб. 908. Ц. 1 р.

Бьловежскій, В.—Система желѣзнодорожныхъ тарифовъ на сѣти желѣзныхъ дорогъ. Спб. 908. Ц. 1 р.

Бѣлый, Андрей.—Кубокъ метелей. Четвертая симфонія. М. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Вальденбергъ, В.—Законовѣдѣніе. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній, педагогическихъ классовъ и профессиональныхъ курсовъ. Спб. 908. Ц. 1 р.

Варнеке, Б. В.—Исторія русскаго театра. Ч. I: XVII-ый и XVIII-ый вѣкъ. Каз. 908.

Веймаръ, д-ръ Г.—Исторія педагогики. Съ нѣм. К. Тюлеліевъ. Спб. 908. Ц. 1 р.

Вейнбергъ, Петръ.—Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. 2-е изд. Спб. 908. Ц. 1 р.

Владимірская, Е. П.—Стихотворенія. Спб. 908.

Гансонъ, Оля.—Женщины, какія много. Новеллы. Къ физиологій современной любви. Перев. п. р. Н. Кауфмана. Спб. 908. Ц. 1 р.

- Гафера*, Гансъ.—Нефть и ея производныя. Перев. Г. Крейцера. Спб. 908. Ц. 3 р. 50 к.
- Глинскій*, С. В.—Въ поискахъ за челоуѣкомъ. Киевъ. 908. Ц. 60 к.
- Деворъ*, Д.—Наши Шекспиры и Гете. Литературный памфлетъ. Спб. 908. Ц. 60 к.
- Демисюкъ*, Н.—Критическая литература о пронаведеніяхъ Н. Г. Чернышевскаго. Съ портретомъ, биографическимъ очеркомъ и примѣчаніями. Вып. 1-ый. М. 908. Ц. 1 р. 25 к.
- Диканскій*, М.—Жилищная нужда и строительныя товарищества. 17 рис. Харьк. 908. Ц. 12 к.
- Загорскій*, Евг.—Исканія. Книжка стиховъ. Спб. 908. Ц. 50 к.
- Ильинскій*, В.—Переутомленіе и сенсуальный вопросъ въ школѣ. Спб. 908. Ц. 15 к.
- Картевъ*, Н.—Монархіи Древняго Востока и греко-римскаго міра. Очеркъ политической, экономической и культурной эволюціи древняго міра подъ господствомъ универсальныхъ монархій. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. 75 к.
- Кaufmann*, А. Е.—Друзья и враги евреевъ. А. С. Суворинъ („Новое Время“). Къ юбилею его литературной дѣятельности. Спб. 908. Ц. 20 к.
- Колчинъ*, М.—Смыльные и заточенные въ острогъ Соловецкаго монастыря XVI-XIX в.в. Историческій очеркъ, съ предисл. А. Пругавина. М. 908. Ц. 70 к.
- Колычевъ*, Ал.—Города, какъ самоуправляющіяся единицы. Вологда. 908.
- Компейре*.—Жанъ Массе и обязательное образованіе. Перев. П. Первовъ. М. 908. Ц. 25 к.
- Котляревскій*, Несторъ.—Н. В. Гоголь. 1829—1842. Очеркъ изъ исторіи русской повѣсти и драмы. 2-ое исправл. изд. Спб. 908. Ц. 2 р. 50 к.
- Е-ръ*, А.—Языкъ фактовъ, по поводу обособленности евреевъ. Варш. 908.
- Кузминъ*, М.—Сѣти. 1-я книга стиховъ.—Обложка (?) работы П. Теофилактова. М. 908. Ц. 1 р. 50 к.
- Кулишеръ*, Г.—Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли въ Западной Европѣ. Т. II.—Деятнадцатый вѣкъ. Спб. 908. Ц. 2 р. 50 к.
- Кюмеръ*, Н. В.—Описаніе Тибета—Ч. I: Географическая. Вып. 1: Имя. Границы. Обзоръ путешествій. Ц. 3 р.—Вып. 2: Очеркъ физической географіи Тибета. Ц. 1 р. 50 к.—Ч. II: Этнографическая. Вып. 1: Составъ и бытъ населенія. Владив. 908. Ц. 1 р. 50 к.
- Лазанъ*, А.—Воспитаніе будущаго. Съ франц. П. Егоровъ. Ц. 15 к. Спб. 908.
- Мартиновичъ*, Н.—Поѣздка въ Брусу. Спб. 908.
- Мекка*, фонъ, А.—Русскіе путешественники и альпинизмъ. Спб. 908.
- Масленниковъ*, В.—Гипсометрическая поѣздка по юго-западной части Вологодской губерніи въ 1904 г. Спб. 908.
- Низе*, Б.—Очеркъ римской исторіи и источниковѣденія. Перев. слушательницъ В. Жѣн. Курсовъ, п. р. М. Ростовцева. Изд. 2-е. Спб. 908. Ц. 3 р.
- Обручевъ*, В. А.—Геологическая Карта Ленскаго Золотоноснаго района. Описаніе листовъ IV, 1 и IV, 2. Спб. 907.
- Откетъ*, проф. Авг.—Исторія политической экономіи до Адама Смита. Перев. съ нѣм. студентовъ Спб. Политехническаго Института, п. р. доц. М. Бернадкаго, съ предисл. проф. А. С. Посникова. Съ 2 табл. Спб. 908. Ц. 2 р. 50 к.
- Переферковичъ*, Н.—Еврейскіе законы объ иновѣрцахъ въ антисемитскомъ

освященіи. Разборъ „Еврейскаго Зеркала“, переведеннаго А. Шмаковымъ. Спб. 908.

Писарева, А.—Краткій курсъ русской исторіи для самообразованія. Ч. I—до XIX вѣка. Спб. 908. Ц. 40 к.

Полтавцевъ, В.—Альбомъ. Стихи и Штрихи. М. 908. Ц. 1 р.

Порфирова, П. Ѡ.—Стихотворенія. Съ портретомъ и факсимиле автора и съ биографич. очеркомъ А. Коринфскаго, посмертное изданіе. 1888—1903. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Пругавинъ, А.—Предполагавшееся заточеніе гр. Л. Н. Толстого въ Суздальскій монастырь. М. 908. Ц. 7 к.

Пушкинъ.—Сочиненія. Изданіе Имп. Академіи Наукъ. Переписка, п. р. и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Т. II (1827—1832). Спб. 908.

Семчевскій, Вл.—Пророкъ. Случайно найденная рукопись. Спб. 908. Ц. 1 р. 25 к.

Сергѣевичъ, В.—Реформа университетскаго преподаванія. Спб. 908.

Сидней Лоу.—Государственный строй Англіи. Съ англ. В. Браудо, п. р. бар. Б. Нольде, съ предисл. М. М. Ковалевскаго. Спб. 908.

Скабичевскій, А. М.—Русскіе писатели со временъ Петра Великаго до нашихъ дней.—Пособіе для народной и средней школы, съ 52 портретами. Спб. 908. Ц. 80 к.

Соловьевъ, Сергѣй.—Списцифрагментъ. Сказка о серебряной свирѣли.—Сказка объ апрѣльской розѣ.—Червонный потиръ.—Три дѣвы.—Веснянка.—М. 908.

Сорель, Жоржъ.—Введеніе въ изученіе до-современнаго хозяйства. Съ предисловіемъ автора къ русскому переводу. Перев. п. р. Л. Козловскаго. М. 908. Ц. 1 р. 25 к.

Стоюнинъ, Влад.—Высшій курсъ русской грамматики. 5-е изд. Спб. 908. Ц. 70 к.

Суботичъ, Д.—Амурская желѣзная дорога и наша политика на Дальнемъ Востоку. Съ прилож. копіи письма къ ген. Куропаткину въ окт. 1903 г. Спб. 908.

Тайлоръ, Эд.—Антропология. Введеніе къ изученію человека и цивилизаціи. Съ нѣм. И. С. Ивинъ, съ предисловіемъ П. Лаврова. Изд. 3-ье. Съ 48 рис. Спб. 908. Ц. 2 р.

Тимоховичъ, С.—Какой системѣ вентиляціи для школъ надо отдать предпочтеніе. Спб. 908.

Тотоміаничъ, В.—Потребительныя общества. Исторія, теорія и практика. Изд. 2-е. Спб. 908. Ц. 2 р.

Уайльдъ, Оскаръ.—De profundis. Съ англ. княг. А. А. Оболенская. Спб. 908. Ц. 1 р.

Удичевъ, проф. В.—Исторія займа. Киевъ. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Уманецъ, Ев.—1) Отецъ и дочь, разск. Ц. 15 к. 2) Мать и дочь, разск. Ц. 15 к. 3) Ночью, разск. Ц. 5 к. 4) Богомолки, разск. Ц. 10 к. Спб. 908.

Фаресовъ, А. И.—Пробужденный народъ. Очерки съ натуры. Спб. 908. Ц. 1 р.

Флеръ, М.—Между стѣвъ. Драматическій этюдъ. Спб. 908. Ц. 15 к.

Хвольсонъ, О. Д.—Курсъ физики. Т. I. Изд. 3-ье, съ 378 рис. въ текстѣ. Спб. 908. Ц. 5 р.

Ходосевичъ, Влад.—Молодость. Стихи 1907 года. М. 908. Ц. 70 к.

Худяковъ, проф. П.—Путь къ Цусимѣ. Изд. 2-е М. 908. Ц. 2 р.

Чартоцкий, С. И.—Матеріалы къ познанію каменноугольныхъ отложеній

Домбровскаго бассейна. Съ обзорной картой бассейна и 6 таблицами. Спб. 907. Ц. 3 р.

Чепурковский, Е. — Элементы общаго землевладѣнія. Краткій курсъ общей географіи для самообразованія и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ рис. и карт. въ текстѣ. Ч. I. М. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Якобій, П. — Ватичи Орловской губерніи. Спб. 908. Зап. Имп. Географ. Общ., т. XXXII.

Якушкинъ, Е. — Обычное право. Вып. 3-й. Матеріалы для библіографіи обычного права. М. 908. Ц. 2 р. 50 к.

Якузь, И. И. — Пьянство, какъ соціальный недугъ, и борьба противъ него. Спб. 908. Ц. 30 к.

Bray, de, F. — Quelques considérations politiques sur la Révolte des provinces belges en 1789 et 1790. Вгил. 908.

— Алфавитный перечень бумагъ, актовъ и документовъ, подлежащихъ гербовому сбору и изъятыхъ изъ него. Изд. В. Анисимовъ. Спб. 908. Ц. 75 к.

— Вестѣда, литературный сборникъ I. Ясинскаго на 1908 годъ. Спб. 908. Ц. 1 р.

— Геологическія изслѣдованія въ золотоносныхъ областяхъ Сибири. Амурско-Приморскій золотоносный районъ. Вып. VIII, съ картой. Спб. 908.

— Дѣло о погромѣ въ Оршѣ, 21—24 октября 1906 года. Обвинительный актъ и судебное слѣдствіе. Спб. 908. Ц. 30 к.

— Изданія Ф. Павленкова: 1) Сочиненія Д. И. Писарева. Полное собраніе въ 6 том. Дополнительный въ 6 томамъ выпускъ. Спб. 907. Ц. 35 к.—2) Общедоступная астрономія, К. Фламмаріона, съ 100 рис. Перев. В. Черкасовъ.—3) Изъ исторіи труда и капитала, Н. Андреевъ, съ 21 рис.—4) Происхожденіе семьи, собственности и государства, Фр. Энгельса, перев. М. Юлшина.—5) Великій переворотъ или великая франц. революція. Ч. 2.—6) Наука о жизни. В. Лункевича. Ц. 1 р. 25 к.—7) Жизнь современнаго фабричнаго рабочаго въ Германіи, Павла Гёре, съ илм. Э. Берштейнъ.

— Изданія „Посредника“: 1) А. С. Пругавинъ, Старообрядческіе архіереи въ Суздальской крѣпости.—2) Матю Арнольдъ. Въ чемъ сущность христіанства и іудейства? Съ англ. М. 908. Ц. 75 к.

— Изданія товарищества „Знаніе“: 1) К. Гаринъ, т. IV: Инженеры, ц. 1 р.;—т. VI: Разказы, ц. 1 р.—2) А. Серафимовичъ, т. III: Разказы, ц. 1 р. 3) Сборникъ товарищ. „Знаніе“. Кн. XXI, ц. 1 р. Спб. 1908.

— Книгоиздательство „Современныя проблемы“: 1) Оскаръ Уайльдъ, его жизнь и литературная дѣятельность. М. 908. Ц. 40 к.—2) Тардъ, Отрывки изъ будущей исторіи. Спб. 907. Ц. 35 к.—3) Загорскій, Евг., Книжка стиховъ. Исканія. Ц. 50 к.—4) Западныя сборники, кн. 2-я. Ц. 1 р.—5) Василевскій Г., Интеллигентная земледѣльческая община Криницы. Спб. 908. Ц. 85 к.

— Обзоръ дѣятельности Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія, съ 8 мая 1905 г. по 1 января 1907. Спб. 908.

— Основныя положенія Петербургской общины свободныхъ христіанъ. Спб. Лиг. Богданова. 908.

— Отчетъ Общественной Никопольской Библіотеки за первый годъ ея существованія: 1906—1907 г. Никоп. 908.

— Постановленія Кологривскаго уѣзднаго земскаго собранія 4—11 октября и 15 ноября 1907 г. Макарѣвъ-на-Унжѣ. 908.

- Приложение къ Трудамъ Комиссiи для собранiя и разработки свѣдѣнiй о сибирской золотопромышленности и для составленiя программы изслѣдованiя золотоносныхъ районовъ. Т. II, ч. 2, вып. 8.
- Русскiй Биографическiй Словарь: Ветанкуръ-Бакстеръ. Спб. 908.
- Статистико-экономическiй обзоръ Херсонской губернiи за 1904 годъ. Годъ XVIII. Херс. 908.
- Стенографическiй отчетъ Портъ-Артурскаго процесса. Верховный уголовный судъ по дѣлу о генералахъ Стесселѣ, Фокѣ, Рейсѣ и Смирновѣ 27 ноября 1907 г.—7 февраля 1908 г. Подъ общ. ред. К. Кладо и М. Соколовскаго. Вып. 1. Спб. 908. Ц. 1 р.
- Труды IX-го санитарнаго съѣзда земскихъ врачей. Спб. губернiи. Т. I: Положенiе земской и городской медицины въ Спб. губернiи въ 1900—1906 г. Спб. 908.
- Тургайско-Уральскiй переселенческiй районъ. Краткiй статистич. обзоръ за 1907 г. Спб. 908.

ЗАМѢТКА.

НОВЫЯ СТРАНИЧКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ А. Θ. КОНИ.

Въ художественныхъ произведеніяхъ мы обыкновенно всего больше цѣнимъ „вымысль“, т.-е. не придуманное и надуманное авторомъ, а ту переработку, которую матеріалъ, данный самой жизнью, испыталъ въ творческомъ вымыслѣ художника. Этотъ вымысль иногда отдѣляется отъ житейскихъ фактовъ, иногда же онъ держится отъ нихъ въ очень близкомъ разстояніи; иногда такъ близко, что кажется—его вовсе и нѣтъ, что передъ нами сколокъ съ самой дѣйствительности, точная ея копія.

Всѣ виды истинно художественнаго творчества, при всемъ разнообразіи участія въ нихъ творческаго вымысла, одинаково трудны и цѣнны, но, быть можетъ, наибольшая трудность выпадаетъ на долю того художника, который желаетъ сохранить оригиналы, съ которыхъ онъ писалъ, въ возможно большей цѣлости.

Въ воспоминаніяхъ и запискахъ, которыя позволяютъ себѣ иногда писать поэты и романисты, встрѣчаемся мы съ этимъ родомъ „несвободнаго“—въ извѣстномъ смыслѣ—творчества. Вокругъ писателя стоятъ лица, которыхъ не онъ одинъ только видѣлъ, а видѣлъ, можетъ быть, и его читатель; стоятъ друзья, знакомые, встрѣчные люди, съ которыхъ онъ вовсе не желаетъ писать настоящихъ портретовъ, а которыхъ онъ хотѣлъ бы умѣло схватить въ извѣстныхъ позахъ и положеніяхъ. Въ результатѣ получается, однако, не только умѣлый набросокъ, а цѣлая картина съ характерными лицами, положеніями и бытовымъ колоритомъ. Такое впечатлѣніе выноситъ читатель изъ недавно напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ (1907 г., февраль, октябрь, декабрь; 1908 г., мартъ) воспоминаній и замѣтокъ А. Θ. Кони о своей судебной дѣятельности.

Всѣ любители и цѣнители изящнаго русскаго слова уже знакомы съ этой дѣятельностью по „Судебнымъ рѣчамъ“ и по „Очеркамъ и характеристикамъ“ (1906 г.) нашего извѣстнаго юриста.

Въ этихъ книгахъ, художественная стоимость которыхъ равна ихъ стоимости какъ историческаго свидѣтельства, передъ нами—единственное въ своемъ родѣ сочетаніе научнаго изслѣдованія съ бытовой живописью. „Судебныя рѣчи“ А. Θ. Кони—по существу юридическіе трактаты и вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдованія въ области психологій. Вѣроятно, эту именно сторону и цѣнять въ нихъ всего больше спе-

ціалисты. Для читателя въ широкомъ смыслѣ въ нихъ заключено, однако, нѣчто большее, чѣмъ отвѣтъ на какой-либо вопросъ научно-юридической или психологической. Эти рѣчи, тѣсно связанныя съ исторической минутой, когда онѣ были произнесены, получаютъ для чуткаго читателя значеніе документа съ общечеловѣческимъ вѣчнымъ смысломъ. Ораторъ всегда имѣетъ въ виду это вѣчное въ психическихъ движеніяхъ временнаго и рядомъ съ живыми людьми, которые сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ или проходятъ мимо насъ какъ участники и свидѣтели—передъ нами стоятъ живые вѣчные вопросы ума и сердца, для которыхъ нѣтъ давности.

Сознавая такое общечеловѣческое значеніе многоаго, о чемъ пришлось ему говорить, какъ юристу, А. Θ. Кони придавалъ своимъ судебнымъ рѣчамъ художественную форму: онъ хотѣлъ сохранить цѣнный матеріалъ для всѣхъ, кто чувствителенъ къ красотѣ и искусству. Это ему удалось, и „Судебныя рѣчи“ давно уже стоятъ въ ряду художественныхъ памятниковъ нашей словесности, давая образцы истинно „художественнаго краснорѣчія“, которое давно у насъ заглохло, и заполняя тѣмъ самымъ въ современной литературѣ одинъ ощутительный пробѣлъ.

Къ этому же роду художественнаго творчества можно отнести и тѣ многочисленные портреты и характеристики, которые были написаны А. Θ. Кони въ память многихъ нашихъ государственныхъ, общественныхъ и литературныхъ дѣятелей—въ большинствѣ случаевъ лично ему знакомыхъ. Такъ какъ эти „Очерки и характеристики“ были вѣнками на гробъ умершихъ, то, конечно, они не могли не отдалиться отъ типа безстрастныхъ и спокойныхъ оцѣнокъ и должны были приблизиться къ той формѣ рѣчей, которыя носятъ такое ясное и оправдывающее ихъ названіе — „éloges“. Въ нашей русской словесности такія „похвалы“ были въ модѣ въ старое время, и подъ перомъ А. Θ. Кони онѣ теперь воскресли такъ же, какъ и художественное краснорѣчіе. Отъ такихъ „похвалъ“ мы можемъ потребовать только одного, чтобы изъ всей духовной сущности даннаго лица онѣ передали намъ и сохранили то вѣчное и то гуманное, чтò должно остаться отъ всякаго болѣе или менѣе крупнаго человѣка въ памяти и въ жизни потомства. Портреты и характеристики А. Θ. Кони—самый блестящій примѣръ такого увѣковѣченія людей при помощи умѣлаго отгѣненія въ ихъ думахъ и работѣ всего того, чтò заслуживаетъ остаться вѣчнымъ.

Съ тѣми „Воспоминаліями и замѣтками“ о своей судебной дѣятельности, которыми теперь А. Θ. Кони подѣлился съ читателемъ, онъ вступилъ на совсѣмъ новую дорогу художественнаго творчества. Это уже не рѣчи, смыслъ которыхъ—въ разработкѣ ученыхъ вопросовъ права или вообще человѣческой психики; это не характеристики людей,

жившихъ нѣчто сказать или сдѣлать на пользу жизни: это—повѣсть въ сущности о себѣ самомъ и о своихъ встрѣчахъ съ людьми; быть можетъ очень интересными, но преимущественно такими, которые вызываютъ наше осужденіе или состраданіе. На этихъ страницахъ нашъ писатель—не защитникъ людей, не истолкователь ихъ души, не глашатай ихъ славы, а ихъ судья, и притомъ судья въ двойномъ смыслѣ—какъ человекъ и какъ официальный представитель власти.

Сочетаніе художника и прокурора въ одномъ лицѣ очень благотворно повліяло на композицію этихъ замѣчательныхъ страницъ. Художникъ вообще склоненъ украшать, преувеличивать и измышлять даже тогда, когда держится въ предѣлахъ реализма. И, вѣроятно, этому искушенію поддасть бы и нашъ писатель, если бы онъ былъ представленъ самому себѣ, какъ писатель только, и не чувствовалъ себя лицомъ, которое должно воплощать въ себѣ и являть собою самую беспощадную истину въ области факта. Съ другой стороны, будь передъ нами этотъ представитель истины безъ художественнаго таланта, мы имѣли бы удивительно правдивый рассказъ, но едва ли обнаженная истина подняла бы всѣ эти разрозненные, съ виду мелкіе факты надъ уровнемъ простыхъ случайностей.

Материалъ, который даютъ „Замѣтки и воспоминанія“, крайне разнообразенъ и, какъ документъ человѣческой психики вообще,—едва ли допускаетъ какую-нибудь сортировку на значительное или менѣе значительное.

Прежде всего, передъ нами самъ авторъ въ роли прокурора—фигура чуть ли не самая главная въ этихъ замѣткахъ. Положимъ, писатель сдѣлалъ все отъ него зависящее для того, чтобы скрыть свою личность, т.-е. не скрыть—что при данныхъ условіяхъ невозможно—а поставить ее въ тѣнь. Повидимому, она и стоитъ въ тѣни, и читатель, который привыкъ во всякихъ воспоминаніяхъ прежде всего сталкиваться съ авторомъ—здѣсь долженъ его разыскивать. Не всегда авторъ говоритъ о томъ, что онъ думалъ, какъ онъ къ извѣстнымъ „дѣламъ“ готовился, что испытывалъ, когда велъ ихъ, и каковы тотъ общій выводъ, къ которому онъ приходилъ по заключеніи дѣла. Какъ въ хорошо написанной трагедіи или драмѣ, передъ нами авторъ дѣйствуетъ и произноситъ только тѣ реплики, которыя по самому ходу дѣла надлежитъ ему говорить. И изъ этихъ краткихъ репликъ и изрѣдка брошенныхъ штриховъ получается своеобразная фигура. Она выражаетъ очень сложное психическое состояніе и очень необычное—она должна вызвать передъ нами живой образъ человека, отъ помысловъ и дѣяній котораго зависить ни болѣе, ни менѣе какъ торжество справедливости и правосудія.

Этотъ привлекательный своей силой и интересный своей загадоч-

ностью образъ былъ нѣкогда однимъ изъ любимѣйшихъ въ старыхъ повѣстяхъ, романахъ и драмахъ. Онъ сталъ попадаться значительно рѣже, когда художникъ свернулъ на дорогу реального творчества, и если попадался, то бывалъ не свободенъ отъ прежней эффектной условности въ рѣчахъ и позахъ. Дѣйствительно, это типъ изъ наиболѣе трудныхъ для правдивой обрисовки, такъ какъ человекъ, съ котораго онъ долженъ быть списанъ,—оставаясь человекомъ, обязанъ въ извѣстныя минуты превращаться въ ходячую идею безошадной и холодной справедливости.

Въ „Замѣткахъ и воспоминаніяхъ“ у А. Ѳ. Кони,—который, конечно, не претендовалъ на то, чтобы вырисовывать таковой типъ во весь ростъ,—данъ для его созданія богатый матеріалъ, въ видѣ мелкихъ автобіографическихъ замѣтокъ, сценокъ и болѣе или менѣе разработанныхъ драматическихъ положеній. Человекъ все время на сторожѣ, въ положеніи военачальника, который ждетъ, что его обойдутъ съ фланговъ; судья, обязанный по своему положенію ни одного слова не принимать на вѣру; судья, обладающій страшною силой и потому несущій страшную тяжесть отвѣтственности, поставленный въ необходимость ударить во-время и потому всегда этотъ ударъ обдумывающій; человекъ, который долженъ устоять противъ всѣхъ соблазновъ слезъ и всякихъ проявленій слабости человѣческой, всегда столь подкупающей; наконецъ, обвинитель, который лучше, чѣмъ кто-либо, знаетъ всѣ смягчающія вину обстоятельства и тѣмъ не менѣе обязанъ обвинять и обвинять по убѣжденію, непреклонному и неуязвимоу — вотъ тотъ грозный типъ, который выглядываетъ изъ-за сцены всѣхъ дѣйствующихъ лицъ житейской драмы, набросанной А. Ѳ. Кони въ своихъ замѣткахъ прокурора.

Всякій, кто читалъ „Судебныя рѣчи“ А. Ѳ. Кони, знаетъ, сколь тяжеловѣсенъ его ударъ какъ обвинителя. Увернуться отъ этого удара немислимо, и все, что можетъ дать желѣзная логика, не ослабѣвающая зоркость, почти что ясновидѣніе — все дано въ его обвинительныхъ рѣчахъ, не считая ихъ художественной яркости, усугубляющей ихъ карающую силу.

И рядомъ съ этимъ, тотъ, кто читалъ „Очерки и характеристики“ этого безошаднаго прокурора, знаетъ, что все, что можетъ дать самое гуманное, жалостливое чувство, полное самой нѣжной всепрощающей любви къ людямъ — все дано въ этихъ защитительныхъ рѣчахъ, сказанныхъ въ оборону человека или какого-нибудь принципа.

Такое сочетаніе строгости и мягкости, чувства безошадной справедливости въ судѣ официальномъ и чувства гуманной уступчивости въ судѣ-человѣкѣ—рѣдкое явленіе въ области психики и благодарнѣйшій матеріалъ для художника.

И вотъ это-то сочетаніе бросается въ глаза, когда читаешь „Замѣтки и воспоминанія судебного дѣятеля“. Авторъ былъ, конечно, далекъ отъ мысли сдѣлать свою собственную душу предметомъ художественнаго анализа, но такъ какъ всегда, за всю свою жизнь, во всѣхъ роляхъ, защитника или обвинителя, онъ оставался художникомъ, то и въ данномъ случаѣ невольно онъ создалъ типъ, который не только не затерялся во всей массѣ выведенныхъ имъ лицъ, но остался, быть можетъ противъ воли автора, стоять на первомъ планѣ.

Вокругъ этой центральной фигуры—интересной и по своему психическому складу, и потому, что она автопортретъ одного изъ наиболѣе видныхъ нашихъ общественныхъ дѣятелей—группируются и всѣ остальные типы, портреты и силуэты, разбросанные очень щедрой рукою. Нѣкоторыя изъ тѣхъ лицъ, съ которыми А. Θ. Кони сталкивался въ своей судебной практикѣ, стали историческими, и потому новая характеристика ихъ, которую даетъ авторъ, наблюдавшій ихъ въ совсѣмъ особыхъ условіяхъ, пріобрѣтаетъ значеніе цѣннаго историческаго документа, какъ, напр., все то, что онъ говоритъ объ игуменѣ Митрофаніи.

Но большинство образовъ, которые обступаютъ читателя—образы болѣе скромные, но тѣмъ самымъ отнюдь не менѣе характерные. Перечислить ихъ нѣтъ нужды, такъ какъ что можетъ дать перечисленіе или пересказъ, когда имѣешь дѣло съ единственно въ своемъ родѣ нарисованными портретами людей темныхъ и сѣрыхъ, которые, однако, всѣ необычайно ярки. Достаточно только отгнѣнить разнообразіе „состояній“ этихъ лицъ, попадающихъ въ поле зрѣнія судебного дѣятеля. Милліонеръ и нищій, бездомная, гонимая дѣвушка и хищная хозяйка вертепнаго салона, биржевыя дѣльцы, офицеры, литераторы съ положеніемъ и совсѣмъ темныя лица, наконецъ, цѣлая палата психически разстроенныхъ и умалишенныхъ, и въ придачу ко всему этому покойники, которые подъ перомъ нашего автора получаютъ обратно свою душу, исторгнутую у нихъ людьми или естествомъ, и становятся совсѣмъ „живыми“. Надобно пройти по этой выставкѣ, устроенной судебнымъ вѣдомствомъ и преимущественно прокуратурой, чтобы оцѣнить все ея богатство и все ея значеніе и для жизни, и для науки.

Для науки, впрочемъ, и въ частности для науки исторической, эти странички изъ воспоминаній А. Θ. Кони будутъ имѣть еще и совсѣмъ особую цѣну. Авторъ ихъ, какъ извѣстно, одинъ изъ первыхъ, на долю которыхъ выпалъ великій и почетный трудъ доказать своей дѣятельностью преимущество новыхъ судебныхъ порядковъ надъ старыми. Этому труду была посвящена вся жизнь автора, и онъ, какъ рѣдко кто изъ его современниковъ, можетъ рассказать во всѣхъ де-

таляхъ, черезъ какія мѣтарства проходила судебная реформа за полстолѣтнюю свою борьбу съ разными посягателями на ея цѣлость и святость.

Въ своихъ воспоминаніяхъ А. Ѡ. Кони не даетъ, конечно, никакихъ историческихъ справокъ, и историческаго хода развитія судебной реформы не касается. Но онъ даетъ нѣчто большее, — что очень рѣдко можно найти въ прагматической исторіи какого-нибудь учрежденія. Онъ передаетъ и воскрешаетъ то настроеніе, какимъ были охвачены судейскія сферы въ моментъ окончательнаго торжества стараго суда надъ новымъ. Большинство судебныхъ дѣлъ, о которыхъ говоритъ А. Ѡ. Кони, относится именно къ самымъ первымъ годамъ проведенія въ жизнь судебной реформы. Сцена заполнена дѣателями новаго типа и представителями старыхъ порядковъ. Получается необычайно колоритная картина столкновеній взглядовъ и людей, изъ которыхъ одни должны быть на сторожѣ, чувствуя себя лишенными тѣхъ привилегій, которыми привыкли пользоваться, другіе — сознавая, что каждый шагъ, хотя бы и прикрытый новыми порядками, долженъ быть сдѣланъ со страшною осторожностью и осмотрительностью. Это „ощущеніе“ новизны у судей, какъ и у подсудимыхъ, и частыя вспышки старыхъ понятій и жизнью упрямые чувства — составляютъ одну изъ цѣннѣйшихъ сторонъ новыхъ документовъ, опубликованныхъ А. Ѡ. Кони.

И опять-таки цѣнность эта создана художникомъ, который воплотилъ въ живые образы, какъ отходящую правовую идею, такъ и восходящую. На перепутьи ихъ сталъ онъ какъ живой свидѣтель, зоркій историкъ и тонкій психологъ.

Несторъ Котляревскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1908 г.

Политическія перемены въ Англіи.—Новый премьеръ Аскитъ и его министерство.— Жизнь и дѣятельность Кемпбелла-Баннермана. — Герцогъ Девонширскій. — Иностранная политика въ Государственной Думѣ. — Новые международныя соглашения.

Въ Англіи произошли за послѣднее время нѣкоторыя политическія перемены, достойныя общаго вниманія. Либеральная партія, одержавшая такую блестящую побѣду на январьскихъ выборахъ 1906 года, начинаетъ терпѣть чувствительныя неудачи; въ отдѣльныхъ избирательныхъ округахъ, при замѣщеніи открывшихся вакансій парламентскихъ мѣстъ, большинство переходитъ на сторону оппозиціи, и эти частичные успѣхи консерваторовъ-унионистовъ пріобрѣтаютъ особенное значеніе тамъ, гдѣ издавна неизмѣнно господствовали либералы. Министерство Кемпбелла-Баннермана, сохраняя свою общую популярность въ странѣ, возбуждало неудовольствіе вліятельныхъ элементовъ населенія нѣкоторыми реформаторскими законопроектами; такъ, напр., билль объ ограниченіи торговли опьяняющими напитками задѣваетъ сильныя мѣстные интересы пивоваровъ, содержателей трактировъ и питейныхъ домовъ; билль о народномъ образованіи вызывалъ протесты среди англиканскаго духовенства; упорное отклоненіе требованій промышленнаго протекціонизма раздражаетъ многихъ предпринимателей и коммерсантовъ, увлеченныхъ планами тарифной реформы Чемберлена.

Въ самомъ правительствѣ замѣчался скрытый внутренній разладъ. Глава кабинета былъ искреннимъ и стойкимъ приверженцемъ радикальной программы, выдвинутой послѣднимъ министерствомъ Гладстона; онъ откровенно высказывался за ирландскую автономію, за преобразование или даже упраздненіе палаты лордовъ, за установленіе обязательнаго третейскаго суда по международнымъ спорамъ, за постепенное сокращеніе вооруженій по взаимному согласію державъ и за всякія вообще соціально-политическія реформы въ демократическомъ духѣ. Эти идеи раздѣлялись не всѣми министрами въ одинаковой мѣрѣ; въ составъ кабинета входили и представители имперіализма, солидарные съ лордомъ Розбери и имѣющіе много точекъ соприкосновенія съ умѣренно-консервативными унионистами. Таковы наиболѣе

выдающіеся государственные дѣятели либеральнаго лагеря,—бывшій канцлеръ казначейства Аскитъ, министръ иностранныхъ дѣлъ — сэръ Эдуардъ Грей, военный — Хальденъ, пользующіеся весьма замѣтною благосклонностію оппозиціи.

Сэръ Генри Кемпбелль-Баннерманъ поддерживалъ единство правительства своимъ личнымъ авторитетомъ, но долженъ былъ поневолѣ считаться съ особыми воззрѣніями и симпатіями своихъ коллегъ. Когда онъ серьезно заболѣлъ, послѣ смерти жены, его временно замѣнилъ Аскитъ; вскорѣ выяснилось, что премьеръ не можетъ уже рассчитывать на восстановление своихъ силъ, и онъ подалъ въ отставку, о чемъ было официально заявлено въ парламентѣ 6 апрѣля. Король Эдуардъ, находившійся въ Біаррицѣ, вызвалъ къ себѣ Аскита, который послѣ исполненія обряда „дѣлованія руки“ вернулся въ Лондонъ первымъ министромъ и первымъ лордомъ казначейства. Двѣ недѣли спустя, Кемпбелль-Баннерманъ скончался на 72-мъ году жизни. Преобразованное Аскитомъ министерство пріобрѣло болѣе однородную имперіалистскую окраску, съ сохраненіемъ демократическихъ принциповъ и тенденцій; оно усилило свою жизненность привлеченіемъ свѣжихъ молодыхъ талантовъ, выдвинувшихся за послѣднее время въ рядахъ либеральной партіи. Сэръ Эдуардъ Грей остается министромъ иностранныхъ дѣлъ, Гладстонъ—внутреннихъ, Хальденъ—военнымъ, Джонъ Морлей—по дѣламъ Индіи, Джонъ Бернсъ—президентомъ вѣдомства мѣстнаго управленія, Биррель—министромъ по дѣламъ Ирландіи; канцлеромъ казначейства, на мѣсто Аскита, назначенъ бывшій президентъ торговли, Давидъ Ллойдъ-Джоржъ, сынъ школьнаго учителя, адвокатъ, пользующійся репутаціею дѣльнаго и остроумнаго оратора. Бывшій товарищъ министра колоній, Винстонъ Спенсеръ Черчилль, старшій сынъ извѣстнаго, преждевременно умершаго лорда Рандольфа Черчилля, напоминающій его нѣкоторыми блестящими чертами своего характера и краснорѣчія, становится самостоятельнымъ членомъ кабинета, въ качествѣ президента вѣдомства торговли; онъ началъ свою карьеру какъ военный корреспондентъ и увлекающійся публицистъ, былъ съ 1900 года консервативнымъ членомъ палаты общинъ, но перешелъ къ либеральной оппозиціи и на слѣдующихъ выборахъ былъ избранъ въ Манчестерѣ въ качествѣ либерала. Въ министерствѣ колоній онъ оказался неудобнымъ, какъ слишкомъ прямолинейный защитникъ свободы вѣшной торговли и противникъ привоза дешевыхъ китайскихъ рабочихъ въ южно-африканскія владѣнія; его бывшій начальникъ, лордъ Эльджинъ, уступилъ теперь мѣсто графу Кру, зятю лорда Розбери, руководителю правительственной партіи въ палатѣ лордовъ. Во главѣ адмиралтейства поставленъ Реджинальдъ Макъ-Кенна, на мѣсто лорда Твидмута,

скомпрометировавшаго себя частною перепискою съ Германскимъ императоромъ; въ должности президента учебнаго вѣдомства замѣнилъ Макъ-Кенна Вальтеръ Ренсиманъ, протестантъ-нонконформистъ, членъ палаты общинъ съ 1899 года, имѣвшій случай обратить на себя вниманіе въ качествѣ парламентскаго помощника и замѣстителя министра иностранныхъ дѣлъ. Любопытно, что Джонъ Морлей, извѣстный либеральный писатель, старый сподвижникъ и биографъ Гладстона, принялъ предложенный ему титулъ виконта и сдѣлался членомъ палаты лордовъ, чтобы облегчить свои парламентскія обязанности по званію министра Индіи; другой видный членъ кабинета, сэръ Генри Фоулеръ, также возведенъ въ пэры. Это обстоятельство служитъ несомнѣннымъ признакомъ поворота въ отношеніяхъ либеральнаго правительства къ палатѣ „наслѣдственныхъ законодателей“.

Новый отвѣтственный руководитель британской политики, Гербертъ Генри Аскитъ, вышелъ изъ адвокатской среды и прославился своимъ острымъ, строго-логическимъ умомъ, обширными и разнообразными познаніями, практической энергіею и первостепенными качествами парламентскаго борца. Онъ былъ горячимъ послѣдователемъ Гладстона, когда впервые попалъ въ палату общинъ, въ 1886 году, въ возрастѣ тридцати-четырехъ лѣтъ; онъ сразу занялъ выдающееся положеніе въ своей партіи и при преобразованіи кабинета въ 1892 году получилъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Послѣ роспуска парламента и вступленія во власть уніонистовъ онъ вернулся къ адвокатской дѣятельности, измѣнилъ отчасти свои взгляды и сталъ относиться къ общимъ интересамъ и задачамъ Британской имперіи нѣсколько иначе, чѣмъ прежде; въ одномъ только онъ оставался вѣренъ старымъ либеральнымъ традиціямъ—въ вопросѣ о протекціонизмѣ, но и въ этой области онъ руководствовался болѣе дѣловыми практическими соображеніями, чѣмъ отвлеченными доводами справедливости или авторитетомъ какой-либо установившейся доктрины. Пропаганда тарифныхъ плановъ Чемберлена побудила Аскита принять дѣятельное участіе въ защитѣ началъ свободной торговли; онъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ рѣчей въ разныхъ мѣстахъ страны и старался шагъ за шагомъ слѣдить за аргументами и успѣхами противника, чтобы подорвать ихъ значеніе въ глазахъ публики. Крупная роль его въ новомъ либеральномъ правительствѣ являлась уже послѣ этого вполне естественною и неизбѣжною; всѣ сознавали, что Аскиту суждено быть ближайшимъ замѣстителемъ и преемникомъ официальнаго вождя партіи. Демократическій имперіализмъ получаетъ теперь господствующее значеніе въ современной Англіи, и это должно придать ей политикѣ особый оттѣнокъ сознательной силы и предприимчивости.

Новѣйшая эволюція англійскаго либерализма была значительно

облегчена личными заслугами и примирительнымъ вліяніемъ покойнаго Кемпбелля-Баннермана. Исторія этого симпатичнаго дѣятеля представляеть сама по себѣ много поучительнаго. По общему признанію, сэръ Генри Кемпбелль-Баннерманъ былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ и чистосердечныхъ премьеровъ, какихъ имѣла Англія. Гораздо менѣе даровитый, чѣмъ Гладстонъ и Сольсбери, онъ подкупалъ всѣхъ своимъ неизмѣннымъ прямодушіемъ, ясностью и простотою своего житейскаго здраваго смысла, умѣнемъ схватывать практическую сущность всякаго спора, находчивостью и юморомъ въ политическихъ дебатахъ. Онъ не былъ первокласснымъ ораторомъ, но онъ говорилъ такъ, что его всегда слушали съ сочувственнымъ вниманіемъ. Кромѣ привлекательныхъ личныхъ качествъ, у него было еще одно важное достоинство, которое очень цѣнится въ Англіи,—богатство. По рожденію онъ принадлежалъ къ шотландскому клану Кемпбеллей; его отецъ, составившій себѣ большое состояніе въ Глазговѣ, женился на дочери очень богатаго шотландца Баннермана, сынъ котораго оставилъ наслѣдство молодому Генри Кемпбеллю подъ условіемъ присоединенія фамиліи Баннермана къ его собственной. Такимъ образомъ сэръ Генри сдѣлался владѣльцемъ замка Бельмонтъ, гдѣ онъ проводилъ впоследствии значительную часть своей жизни. Получивъ блестящее и разностороннее образованіе, сначала во Франціи, а затѣмъ въ Глазговѣ и Кембриджѣ, онъ занялся политикою и вскорѣ нашелъ свою истинную дорогу. Въ 1868 году онъ былъ избранъ въ парламентъ, и съ тѣхъ поръ въ теченіе сорока лѣтъ оставался неизмѣнно въ палатѣ общинъ представителемъ отъ одного и того же мѣстечка; тогда же, при первомъ кабинетѣ Гладстона, онъ началъ государственную службу, въ качествѣ финансоваго секретаря военнаго, а потомъ морского вѣдомства. При второмъ министерствѣ Гладстона онъ былъ уже министромъ по дѣламъ Ирландіи; этотъ боевой и наиболѣе отвѣтственный постъ того времени доставилъ ему репутацію стойкаго защитника государственнаго единства и авторитета, хотя подготовлялась уже почва для широкихъ проектовъ ирландской автономіи. Въ 1886 и затѣмъ въ 1892—1895 годахъ онъ былъ военнымъ министромъ; при немъ сдѣланъ былъ первый рѣшительный шагъ къ серьезному преобразованію устарѣлыхъ порядковъ въ управленіи арміею: онъ добился отставки королевскаго родственника, герцога Кембриджскаго, отъ званія главнокомандующаго и заявилъ объ этомъ въ парламентъ, послѣ чего былъ разъ навсегда положенъ конецъ смѣшенію придворно-династическихъ функций съ отвѣтственными военными обязанностями. Между тѣмъ противники нанесли ударъ министерству лорда Розбери именно въ лицѣ военнаго министра, по поводу одной изъ второстепенныхъ статей военнаго бюджета: большинство палаты общинъ, по предложенію Бродрика, выра-

зшло порицаніе министру за недостаточную будто бы заботливость объ обеспеченіи нужныхъ запасовъ „кредита“. Министерство лорда Розбери вышло въ отставку; самъ Розбери отказался отъ роли предводителя либеральной партіи; сэръ Вильямъ Гаркортъ былъ лидеромъ оппозиціи только въ палатѣ общинъ, и въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ партія не имѣла единого вождя, чѣмъ замѣтно ослаблялось ея положеніе въ странѣ. Въ февралѣ 1899 года собраніе членовъ партіи въ національномъ либеральномъ клубѣ единодушно признало Кемпбелля-Баннермана официальнымъ вождемъ оппозиціи въ палатѣ общинъ и, слѣдовательно, обязательнымъ кандидатомъ въ премьеры на случай переменъ правительства.

Эти важныя и трудныя функціи предводителя партіи выпали на долю Кемпбелля-Баннермана въ тяжелое переходное время, когда старые принципиальные споры между либералами и консерваторами потеряли практическое значеніе и уступили мѣсто новымъ перспективамъ, связаннымъ съ постепеннымъ и неуклоннымъ ростомъ демократіи. Въ сущности прежняя разниа между основными идеями обѣихъ партій исчезла; консерваторы давно уже усвоили либеральные принципы, а либералы, достигнувъ своихъ главныхъ цѣлей, стали въ свою очередь консерваторами во многихъ отношеніяхъ. Предметомъ спора является уже характеръ общей политики, внутренней и вѣшной, способъ пониманія и оцѣнки такъ называемыхъ общихъ и высшихъ интересовъ имперіи. Бурская война, затѣянная съ обѣихъ сторонъ въ порывѣ необдуманнаго увлеченія, возбудила чувства и порывы, которыхъ нельзя было предполагать въ англійскомъ обществѣ; вражда къ поднявшимся бурямъ перешла на ихъ либеральныхъ заступниковъ, и злобныя пререканія между уніонистами и оппозиціей принимали черты, казавшіяся совершенно чуждыми британскимъ политическимъ правамъ. Передовыхъ либераловъ обвиняли въ недостаткѣ или отсутствіи патріотизма, въ намѣренномъ поощреніи буровъ и чуть ли не въ прямой государственной измѣнѣ, за то, что они доказывали ненужность и вредъ войны, признавали справедливость нѣкоторыхъ бурскихъ требованій и настаивали на необходимости уступокъ. Кемпбелль-Баннерманъ выступалъ тогда убежденнымъ защитникомъ политической и національной морали — защитникомъ правды въ широкомъ смыслѣ этого слова; страстные нападки противниковъ не останавливали его и не мѣшали ему поддерживать публично свои взгляды, выгодные, будто бы, для однихъ буровъ. Правительственные консерваторы и уніонисты пользовались патріотическимъ настроеніемъ публики, чтобы возбуждать травлю противъ либеральной оппозиціи; и пока война продолжалась, либералы находились, такъ сказать, въ загоулѣ и должны были довольствоваться тактикою пассивной обороны. Впро-

чемъ, главный виновникъ несчастной войны, Чемберленъ, несмотря на кажущееся увеличеніе своей популярности въ періодъ рѣшительныхъ побѣдъ надъ бурами, лишился прежняго общественнаго довѣрія и пересталъ считаться такимъ серьезнымъ и крупнымъ государственнымъ человѣкомъ, какимъ многіе превозносили его раньше; репутація его сильно пострадала, и попытка его возстановить и оживить свою старую славу путемъ пропаганды тарифной реформы не только не достигла желаннаго результата, но еще очистила путь къ торжеству либераловъ. Чемберленъ снабдилъ оппозицію подходящимъ матеріаломъ для избирательныхъ рѣчей; онъ далъ имъ девизъ или знамя, подъ которымъ они могли рассчитывать на побѣду,—знамя свободы торговли. Чемберлену удалось привлечь многихъ въ пользу протекціонизма, но онъ оттолкнулъ другихъ и не могъ завоевать умы большинства, чѣмъ несомнѣнно облегчалась задача либеральной партіи. Положеніе кабинета Бальфура дѣлалось все болѣе шаткимъ и неопредѣленнымъ; неудачные законопроекты, въ родѣ швольнаго билля, усиливали неудовольствіе, вызываемое вялостью и отсутствіемъ инициативы въ такихъ важныхъ внѣшнихъ вопросахъ, какъ окончательная ликвидація бурской войны и устройство южно-африканскихъ колоній на новыхъ прочныхъ началахъ. Въ концѣ 1905 года уніонистское министерство удалилось со сцены, и сэръ Кемпбелль-Баннерманъ счумѣлъ образовать правительство, соединяющее въ себѣ крупнѣйшія силы главныхъ оппозиціонныхъ группъ. Прошло два года съ небольшимъ, и либералы въ свою очередь успѣли вызвать въ публикѣ нѣкоторое разочарованіе, чтó и замѣчается при отдѣльныхъ парламентскихъ выборахъ; даже новый членъ кабинета, Винстонъ-Черчилль, подлежащій переизбранію въ своемъ манчестерскомъ округѣ по случаю своего назначенія, потерпѣлъ неожиданную неудачу, и прежній либеральный округъ предпочелъ ему незначительнаго уніониста. Эти колебанія и перемены въ общественномъ настроеніи, конечно, неизбежны; но задача правительства—указывать политикѣ ясный и опредѣленный путь, отвѣчающій общимъ ожиданіямъ и интересамъ страны, и этотъ путь намѣченъ уже самимъ составомъ кабинета, во главѣ котораго стоитъ Аскитъ. Мирный демократизмъ внутри и империалистская расчетливость извнѣ—такова его программа.

Само собою разумѣется, что либеральная партія, состоящая между прочимъ изъ знатныхъ лордовъ и богатыхъ джентльменовъ, не можетъ быть вполне демократична; но англійскіе демократы не пренебрегаютъ сотрудничествомъ лордовъ, и сами лорды иногда высказываются противъ несправедливыхъ традиціонныхъ привилегій своего сословія. Недавно умеръ одинъ изъ выдающихся представителей этой могущественной британской аристократіи, герцогъ Девонширскій, нѣкогда

маркизъ Гартингтонъ, а еще раньше — лордъ Спенсеръ-Кавендишъ; имя его неразрывно связано съ исторіею англійскаго либерализма въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Лордъ Гартингтонъ былъ неоднократно министромъ при Гладстонѣ и затѣмъ официально исполнялъ обязанности руководителя партіи; поэтому въ 1880 году, послѣ побѣды либераловъ на выборахъ и отставкѣ министерства Биконсфильда, онъ являлся естественнымъ кандидатомъ въ премьеры и получилъ отъ королевы приглашеніе составить новый кабинетъ, но онъ отклонилъ отъ себя эту честь, указавъ на истиннаго вождя оппозиціи, Гладстона. Повидѣе онъ разошелся съ Гладстономъ по поводу его ирландскаго билля и сыгралъ рѣшающую роль въ отклоненіи этой реформы палатою общинъ, при участіи Чемберлена и его единомышленниковъ; послѣ новыхъ выборовъ лордъ Сольсбери, къ которому обратилась королева, находилъ болѣе справедливымъ и цѣлесообразнымъ предложить званіе премьера Гартингтону, причемъ выражалъ готовность принять министерскій постъ въ его кабинетѣ; такое же предложеніе было повторено нѣсколько мѣсяцевъ спустя, но въ обоихъ случаяхъ оно устранялось Гартингтономъ по разнымъ правдоподобнымъ мотивамъ, и власть осталась за лордомъ Сольсбери. Маркизъ Гартингтонъ дорожилъ своею независимостью и избѣгалъ слишкомъ отвѣтственной роли; онъ желалъ сохранить самостоятельность уніонистской организаціи, и только въ 1895 году, будучи уже герцогомъ Девонширскимъ, вступилъ въ коалиціонное министерство лорда Сольсбери въ почетномъ званіи президента совѣта. Какъ одинъ изъ богатѣйшихъ поземельныхъ лордовъ Великобританіи и Ирландіи, онъ занималъ высоекое социальное положеніе независимо отъ политики; всѣ его огромныя богатства, роскошныя замки, обширныя земли, городскіе участки и дома въ Лондонѣ и въ провинціальныхъ городахъ, и всѣ связанныя съ этими владѣніями наследственныя права и привилегіи, вмѣстѣ съ герцогскимъ титуломъ, переходятъ теперь къ его племяннику, Виктору Кавендишу. Очевидно, демократическія идеи пока еще не коснулись существенныхъ основъ социальнаго быта Англии, и британскій демократизмъ, какъ и имперіализмъ, имѣетъ другое значеніе, чѣмъ присвоенное этимъ понятіямъ на материкѣ Европы.

Съ тѣхъ поръ какъ вопросы международной политики обсуждаются и въ нашей Государственной Думѣ, мы можемъ иногда узнавать кое-что о дѣятельности русской дипломатіи не изъ однихъ только иностранныхъ парламентскихъ отчетовъ и случайныхъ газетныхъ сообщеній; и сама заграничная публика получаетъ возможность читать иногда публичныя рѣчи и заявленія русскаго министра иностранныхъ дѣлъ,

тогда какъ въ прежнее время приходилось угадывать взгляды нашего дипломатическаго вѣдомства по статьямъ патріотическихъ или оффиціозныхъ газетъ, или по какимъ-либо закулиснымъ слухамъ и симптомамъ.

Въ засѣданіи Государственной Думы 4-го апрѣля, А. П. Извольскій подробно объяснилъ современное положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ и указалъ на тѣ причины, которыя побудили наше правительство отречься наконецъ отъ бесплоднаго односторонняго и въ сущности воплѣтѣ фиктивнаго сотрудничества съ Австро-Венгеріею по македонскому вопросу. Какъ дипломатъ, министръ старательно оправдываетъ политику вѣнскаго кабинета и наши собственныя ошибки; онъ признаетъ, что соглашеніе съ Австріею не пользовалось у насъ популярностью, но находитъ, что русская публика судила въ этомъ случаѣ неосновательно или слишкомъ поверхностно. „Мнѣ кажется—говоритъ А. П. Извольскій,— что подобное отношеніе къ этой политической комбинаціи въ значительной степени зависѣло отъ недостаточной освѣдомленности нашего общества объ ея цѣляхъ; мнѣ кажется, что если бы нашему обществу были своевременно и подробно разъяснены эти цѣли, сдѣлалось бы вполне яснѣмъ, что соглашенія 1897 и 1903 гг. не только не заключали въ себѣ ничего противнаго ни интересамъ Россіи, ни пользѣ христіанскаго населенія Балканскаго полуострова, но при условіи точнаго, успѣшнаго и широкаго выполненія условленной программы могли бы значительно подвинуть впередъ разрѣшеніе труднаго македонскаго вопроса“. „Я думаю также—прибавляетъ министр,— что результаты реформаторской дѣятельности договорившихся державъ оцѣниваются русскимъ обществомъ ниже ихъ дѣйствительнаго достоинства“. Нѣсколько далѣе оказывается уже, что, къ нашему величайшему прискорбію, „до сихъ поръ все еще не достигнуто ничего положительнаго и окончательнаго въ пользу македонскихъ христіанъ, не сдѣлано новаго крупнаго шага по пути осуществленія реформъ“. Нельзя ничего сказать противъ австрійскихъ желѣзнодорожныхъ предпріятій ни по существу, ни съ формальной стороны; однако, министръ не отрицаетъ справедливости извѣстныхъ выводовъ изъ даннаго факта. „Но—говоритъ онъ,—воздерживаясь отъ противодѣйствія австро-венгерскому плану, я въ то же время не могъ закрыть глаза на то, что планъ этотъ вноситъ существенныя измѣненія въ наличное положеніе вещей на Балканскомъ полуостровѣ. Соединеніе боснійской сѣти желѣзныхъ дорогъ съ такою же турецкою сѣтью, когда оно состоится, явится, какъ и уже выразился, весьма крупнымъ фактомъ въ области внѣшней политики; если этотъ фактъ и можно назвать экономическимъ, то онъ, конечно, будетъ имѣть весьма серьезныя политическія послѣдствія. Во всякомъ случаѣ, на

него нельзя смотрѣть иначе, какъ на вполне опредѣленную и безспорную выгоду, приобретаемую Австро-Венгеріею на Балканскомъ полуостровѣ. Вы знаете, я подтверждаю это самымъ положительнымъ образомъ, Россія не ищетъ на Балканскомъ полуостровѣ никакихъ личныхъ выгодъ; она преслѣдуетъ тамъ лишь одну традиціонную цѣль — содѣйствовать благу отдѣльныхъ балканскихъ государствъ и улучшенію судьбы христіанскаго населенія Турціи. Поэтому мы можемъ относиться безъ всякой зависти или недоброжелательства къ выгодамъ, приобретаемымъ тамъ Австро-Венгеріею. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны стремиться къ тому, чтобы отъ этого не произошло ущерба ни вышеуказаннымъ балканскимъ государствамъ, ни христіанскому населенію Турціи. Вотъ почему, вмѣсто того, чтобы протестовать противъ санджавской дороги, мы выступили передъ державами съ предложеніемъ поддержать всѣ тѣ другіе желѣзнодорожные планы на Балканскомъ полуостровѣ, которые могли бы оказаться полезными для балканскихъ государствъ. Вы знаете, что предложеніе это было встрѣчено самымъ сочувственнымъ образомъ державами, которыя усмотрѣли въ немъ вполне справедливый и удачный выходъ изъ созданнаго австро-венгерскимъ проектомъ затруднительнаго положенія“.

Изъ этой цитаты можно видѣть, что русская дипломатія начинаетъ разсуждать самостоятельно о балканской политикѣ Австро-Венгеріи; дѣйствительно, не было и нѣтъ основанія помогать упроченію и расширенію австрійской опеки надъ турецкими землями для доказательства русскаго безкорыстія, какъ мы дѣлали это въ теченіе многихъ лѣтъ на Балканахъ. Съ другой стороны, слѣдуетъ избѣгать всякихъ осложненій и замѣшательствъ въ сношеніяхъ съ Турціею и стремиться, будто бы, только къ такимъ македонскимъ реформамъ, которыя представляются осуществимыми на практикѣ безъ ущерба для интересовъ и авторитета султана; поэтому пришлось отклонить англійскій проектъ о назначеніи особаго македонскаго генераль-губернатора, турецко-подданнаго христіанина или мусульманина, смѣняемаго лишь съ согласія державъ, и объ увеличеніи численности иностранной жандармеріи съ соответственнымъ сокращеніемъ состава турецкихъ войскъ въ Македоніи. По мнѣнію нашего министра иностранныхъ дѣлъ, мы не должны предлагать Турціи ничего такого, что могло бы быть сочтено султаномъ нарушеніемъ его верховныхъ правъ; но для этого проще всего совершенно не вмѣшиваться въ македонскія дѣла и предоставить туркамъ устривать ихъ по-своему. Почему же мы все-таки придумываемъ реформы для турецкой провинціи и нарушаемъ этимъ верховныя права султана? Министръ полагаетъ даже, что „всякое посягательство на права султана болѣзненно отзывается на настроеніи многочисленныхъ мусульманскихъ подданныхъ Россійской имперіи“,

хотя эта чувствительность къ правамъ султана едва-ли можетъ быть приписана мусульманамъ, не состоящимъ турецкими подданными; но если въ самомъ дѣлѣ нужно прежде всего оберегать неприкосновенность правъ султана ради сохраненія спокойствія въ цѣломъ мусульманскомъ мирѣ, то опекунскія заботы о Македоніи должны быть признаны неумѣстными и бездѣльными. Но вмѣшательство постороннихъ державъ въ турецкія дѣла установлено съ давнихъ поръ, и оно регулируется формальными международными договорами, въ подписаніи которыхъ участвовала и Турція; поэтому при обсужденіи македонскаго вопроса надо имѣть въ виду текстъ и смыслъ берлинскаго трактата, а не какія-либо отвлеченныя права турецкаго султана.

Въ Македоніи происходитъ неустанная взаимная рѣзня между различными элементами христіанскаго населенія, при бессильномъ индифферентизмѣ или скрытомъ поощреніи турецкихъ властей; здѣсь, какъ и въ другихъ христіанскихъ областяхъ, султанъ ничѣмъ другимъ не выражаетъ своихъ верховныхъ правъ, какъ только молчаливымъ допущеніемъ кровавыхъ насилій и беззаконій надъ иновѣрцами, и именно противъ этого зла вынуждена бороться международная дипломатія, опираясь на формальныя обязательства Турціи. Заранѣе устранять возможные полезныя мѣропріятія только на томъ основаніи, что ихъ, по всей вѣроятности, не одобритъ турецкій султанъ, — равносильно отказу отъ всякихъ вообще серьезныхъ попытокъ дипломатическаго воздѣйствія на султана съ цѣлью побудить его положить конецъ кровопролитіямъ въ Македоніи и въ другихъ мѣстахъ. По справедливому замѣчанію сэра Эдуарда Грея, преждевременныя ссылки на вѣроятное несогласіе или протесты Турціи дѣлаютъ излишнимъ участіе державъ въ разсмотрѣніи и рѣшеніи спорныхъ вопросовъ; а такъ какъ объ активномъ вмѣшательствѣ отдѣльныхъ иностранныхъ кабинетовъ нѣтъ и рѣчи, то непринятіе или прямое отклоненіе того или другого дипломатическаго проекта не могло бы повлечь за собою никакихъ опасностей или конфликтовъ.

Наша дипломатія какъ будто только теперь, послѣ обнаруженія самостоятельныхъ австрійскихъ плановъ, разочаровалась въ пользѣ и цѣлесообразности австро-русскаго соглашенія; министръ А. П. Извольскій убѣдился, „что преимущественная роль, возложенная въ этомъ отношеніи на гражданскихъ агентовъ Россіи и Австро-Венгріи, уже не находится въ соотвѣтствіи съ настоящимъ положеніемъ и что дальнѣйшее и вполне успѣшное осуществленіе реформъ можетъ быть достигнуто лишь привлеченіемъ къ этому дѣлу болѣе дѣятельнаго участія остальныхъ державъ“. Министру представляется, что, „отказавшись отъ особыхъ правъ, предоставленныхъ намъ на ряду съ Австро-Венгріей, и обратившись за содѣйствіемъ ко всѣмъ державамъ,

мы тѣмъ самымъ дадимъ лучшее доказательство, что мы не преслѣдуемъ никакихъ эгоистическихъ цѣлей, и внушимъ полное довѣріе къ нашимъ предложеніямъ какъ султану, такъ и христіанскому населенію Македоніи“. Новѣйшія русскія предложенія сводятся къ тому, чтобы существующій турецкій генераль-инспекторъ трехъ македонскихъ вилайетовъ не могъ быть уволенъ въ теченіе извѣстнаго срока безъ согласія всѣхъ державъ; чтобы делегаты Англии, Германіи, Итали и Франціи въ нынѣшней македонской финансовой комиссіи признавались вполне равноправными съ русскимъ и австрійскимъ гражданскими агентами; чтобы той же финансовой комиссіи принадлежалъ судебный контроль и чтобы Порта приняла проектъ судебной реформы въ полномъ объемѣ. Практическое значеніе могъ бы имѣть только послѣдній пунктъ—объ устройствѣ правильного суда,—но онъ представляетъ наибольшія трудности въ дѣлѣ осуществленія и обѣщаетъ реальное облегченіе скорѣе будущимъ, чѣмъ настоящимъ обитателямъ Македоніи.

Фактическое положеніе дѣлъ въ этой несчастной странѣ было превосходно освѣщено въ обстоятельной отвѣтной рѣчи депутата П. Н. Милюкова, одного изъ лучшихъ знатоковъ балканскихъ дѣлъ; онъ напомнилъ министру, что иностранные представители, гражданскіе агенты и члены финансовой комиссіи могутъ только наблюдать и констатировать совершаемыя безчинства, но противодѣйствовать или предупреждать они не въ силахъ, ибо не имѣютъ права дѣлать никакихъ распоряженій. „Всѣ жалобы, которыя передавались имъ населеніемъ, приказано было турецкимъ правительствомъ не принимать въ турецкія учрежденія. Такимъ образомъ они могли только жаловаться самимъ себѣ. Въ такомъ же положеніи находились и начальники жандармеріи, и офицеры. Они могли сколько угодно организовывать жандармерію, но не могли ничего приказывать. Другими словами—какъ говоритъ П. Н. Милюковъ,—вся эта организація оставалась въ воздухѣ, висѣла надъ дѣйствительною администраціей Македоніи и потому усвоенія въ страну внести не могла“. Но въ своихъ положительныхъ выводахъ оппозиціонный депутатъ сходится съ министромъ, и въ общемъ получается такое впечатлѣніе, что дипломатія лишь напрасно трудится надъ безнадежною, неразрѣшимою для нея проблемою.

10 (23) апрѣля подписаны одновременно двѣ международныя конвенціи, касающіяся прибрежныхъ государствъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей. Первая заключена между правительствами Германіи, Франціи, Великобританіи, Даніи, Нидерландовъ и Швеціи; вторая—между Германіею, Даніею, Россіею и Швеціею.

Первая конвенція подписана въ Берлинѣ и заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, декларацію о сохраненіи существующаго территоріальнаго status quo въ прибрежныхъ областяхъ перечисленныхъ странъ, объ обязанности уважать верховныя права каждой изъ этихъ державъ и входить между собою въ соглашеніе о мѣрахъ охраны и обезпеченія status quo, если, по мнѣнію одного изъ участвующихъ правительствъ, можетъ съ чьей-либо стороны угрожать опасность современному территоріальному положенію; и во-вторыхъ, меморандумъ о томъ, что принципъ сохраненія status quo имѣетъ въ виду лишь территоріальную неприкосновенность всѣхъ существующихъ владѣній въ вышеуказанныхъ областяхъ, и что нельзя никоимъ образомъ ссылаться на декларацію, когда дѣло идетъ о свободномъ пользованіи верховными правами, принадлежащими въ этихъ областяхъ участвующимъ державамъ. Таковой же приблизительно текстъ имѣетъ вторая конвенція, съ тою только разницею, что здѣсь говорится о сохраненіи неприкосновенности всѣхъ „материковыхъ и островныхъ владѣній“ четырехъ участвующихъ державъ въ прилегающихъ къ Остзейскому морю областяхъ. Эти международные акты соотвѣтствуютъ общему современному стремленію культурныхъ націй къ мирнымъ соглашениямъ для избѣжанія будущихъ политическихъ замѣшательствъ или недоразумѣній, и въ этомъ смыслѣ они должны считаться безусловно благоприятными для интересовъ прочнаго мира въ Европѣ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Emile Zola. Correspondance (Les lettres et les arts). Стр. 376. Paris, Eug. Fasquelle. 1908.

Издатели сочинений Золя выпускаютъ въ свѣтъ его переписку. Составлены три сборника. Въ первомъ собраны письма къ друзьямъ и товарищамъ, относящіяся къ самому началу литературной дѣятельности Золя. Въ сборникѣ, появившемся теперь, собраны письма по вопросамъ литературнымъ и художественнымъ. Третій томъ—исключительно письма, связанные съ дѣломъ Дрейфуса.

Вышедшій теперь сборникъ писемъ по литературнымъ вопросамъ представляетъ значительный интересъ, такъ какъ Золя проявляетъ въ нихъ словоохотливость и откровенность южанина и даетъ цѣнныя автобиографическія указанія. Онъ очень любитъ говорить подробно и обстоятельно своимъ друзьямъ о своей жизни, своихъ планахъ, своихъ мысляхъ. „Поговоримъ обо мнѣ. Это неисчерпаемый сюжетъ и такой, о которомъ я могу говорить съ полнымъ знаніемъ дѣла“. Эти слова встрѣчаются въ одномъ изъ раннихъ писемъ къ другу его, Валабрегу, и такая же склонность дѣлиться съ друзьями мыслями о себѣ характеризуетъ переписку Золя и въ дальнѣйшіе годы. Во множествѣ писемъ поэтому не только освѣщаются разные факты его литературной жизни, разные моменты литературной борьбы, но личность писателя вырисовывается очень опредѣленными чертами, отдѣляющими его отъ всѣхъ его современниковъ.

Одна черта особенно бросается въ глаза въ простодушно искреннихъ, даже экспансивныхъ письмахъ Золя. Вѣрнѣе сказать—это не отдѣльная черта, а самая сущность его индивидуальности, его *faculté maîtresse*. Золя—пессимистъ. Созданная имъ школа натурализма задается цѣлью противодѣйствія сентиментальной идеализаціи жизни и хочетъ раскрыть существующее зло во всей его наготѣ. И вотъ, когда вникаешь въ психологію пессимиста Золя, обличителя зла жизни, то наталкиваешься страннымъ образомъ на удивительно здоровую, уравновѣшенную натуру, безъ надрывовъ, безъ колебаній, съ твердыми цѣлями, съ вѣрой въ себя и свое дѣло. Во всѣхъ его протестахъ, въ его возмущеніи, никогда не звучитъ уныніе, а всегда чувствуется жизнерадостность и, главное, могучая жизнеспособность.

Нельзя объяснить это тѣмъ, что Золя—писатель болѣе здороваго сравнительно съ нашимъ времени, что реалисты, смѣнившіе туманныхъ романтиковъ, были вообще люди болѣе трезвые, не склонные къ философскимъ разочарованіямъ, къ безплоднымъ идейнымъ терзаніямъ. Существуетъ обширная переписка старшаго современника Золя, Флобера, и по ней видно, что великій реалистъ зналъ душевный разладъ, что его пессимизмъ не литературный, а душевно выстраданный, что онъ былъ мученикомъ въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова. Терзался онъ и какъ художникъ, вѣчно совершенствуя, вѣчно страдая отъ кажущагося несовершенства своихъ произведеній. Золя въ своихъ письмахъ тоже часто говоритъ о произведеніяхъ, которыми занятъ, но всегда въ самомъ радостномъ тонѣ. „Я пишу сразу три романа“,—сообщаетъ онъ своему другу Балабрегу, въ апрѣлѣ 1867 года:—„Les mystères“, повѣсть для „Illustration“, и большой психологическій этюдъ для „Revue du XIX Siècle“. Я очень доволенъ третьимъ изъ этихъ произведеній (это была „Тереза Ракавъ“). Кажется, это—лучшее, что я до сихъ поръ написалъ“. И въ другомъ письмѣ, упоминая снова объ этомъ романѣ, опять добавляетъ, что онъ имъ „чрезвычайно доволенъ“. „Я молодъ и, сознаюсь, очень вѣрю въ себя“,—пишетъ онъ редактору „Фигаро“, предлагая себя въ сотрудники. Онъ пишетъ въ 1875 году о планѣ новаго романа Жоржу Шарпантье и заранѣе восхищается своимъ будущимъ произведеніемъ: „Я въ восторгѣ отъ своего плана: онъ очень простой и чрезвычайно сильный. Кажется, никто еще такъ смѣло не изображалъ рабочаго класса“. Онъ задумываетъ „Нана“ и пишетъ Флоберу, что, судя по его предчувствіямъ, книга будетъ хорошая; въ другомъ письмѣ, тоже къ Флоберу, онъ дѣлаетъ приписку о своей работѣ надъ этимъ романомъ: „Я кончилъ первую главу „Нана“ и въ восторгѣ отъ нея“.

Такихъ мѣстъ въ перепискѣ Золя множество, и только гораздо позже, когда онъ писалъ „Землю“, въ письмахъ начинаетъ сказываться и болшая требовательность, и болшая неувѣренность въ себя. Если сравнить эту трезвую увѣренность и ясность Золя въ отношеніи къ своему труду, къ своей дѣли, со сложностью писательской психологіи Флобера, Гонкуровъ, Мопасана, все людей его же поколѣнія, то видно, что не психологія его поколѣнія, не принципы литературной школы сдѣлали пессимиста Золя жизнерадостнымъ, трезвымъ работникомъ на благо людей и жизни, не истерзаннымъ имъ же изболчаемымъ зломъ. Такова была его натура, очень отличная отъ натуры многихъ его современниковъ. Насколько полны мукъ письма Бодлера, Флобера, Мопасана, настолько же въ письмахъ Золя отражается здоровая боевая натура болѣе жизненнаго типа, чѣмъ мученикъ своихъ художественныхъ идеаловъ, Флоберъ, чѣмъ Мопасанъ,

переживавший жизненно всю печаль своего творчества. Среди них, скорбных и болѣзненных, при всей глубокой правдивости ихъ произведеній, Зола составляетъ исключительное явленіе. Душевное здоровье Зола, отсутствіе въ немъ внутренней неудовлетворенности его современниковъ, всецѣло исчерпавшихъ себя въ художественномъ творествѣ, неспособныхъ къ активной борьбѣ, и сдѣлало Зола тѣмъ, что составляетъ славу его жизни—активнымъ борцомъ за близкія ему жизненные идеи. Въ литературѣ Зола былъ трезвымъ натуралистомъ, но по темпераменту онъ—увлекающійся моралистъ и проповѣдникъ определенныхъ идеаловъ. Флоберъ и Мопассанъ—пессимисты по духу, художники съ живымъ отчаяньемъ въ душѣ. Зола—пессимистъ по роду своихъ литературныхъ произведеній, но по натурѣ онъ чуждъ отчаянія, и, что наиболѣе противоположно философскому понятію пессимизма, онъ полонъ жизненныхъ цѣлей, къ которымъ идти, никогда не сомнѣваясь въ нихъ по существу. Онъ самъ инстинктивно чувствовалъ эту свою особенность, свою тѣсную связь съ жизнью, свое боевое отношеніе къ фактамъ дѣйствительности. Это, напримѣръ, сказывается въ одномъ любопытномъ письмѣ его къ Полю Буржѣ. Буржѣ въ то время только-что выступилъ со своими очень интересными „Опытами современной психологіи“. Тогда еще нельзя было предугадать въ немъ будущаго автора католическихъ и націоналистическихъ романовъ. Онъ очень умѣло разбирался въ идейныхъ теченіяхъ, смѣнившихъ царство позитивизма, и положилъ начало тонкой философско-эстетической критикѣ. Вотъ что пишетъ ему Зола по полученіи его „Очерковъ“:

„Вашъ родъ критики—очень своеобразный и очень интересный. У насъ съ вами разное строеніе головы (nous n'avons certainement pas le crâne fait de même), и моя натура требуетъ больше плоти, больше матеріи и основательности. Но, тѣмъ не менѣе, я чувствую прелесть этихъ критическихъ мелодій съ такимъ острымъ рисункомъ, такихъ почти болѣзненно изысканныхъ. Ваша психологія столь же своеобразна и любопытна, какъ психологія разбираемыхъ вами писателей. Только очень смутное время можетъ создать подобную сложность сужденій, такую нервность воспріятій“. Последняя фраза особенно любопытна. Нервную изысканность психологической критики онъ считаетъ тѣмъ-то уже смѣняющимъ его здоровое и трезвое время. Буржѣ для него уже чужой, такъ какъ для него самого истина—въ „трезвомъ матеріализмѣ“, и всякое изощреніе нервной восприимчивости кажется ему болѣзненнымъ. Зола вѣрно отмѣчаетъ свою рознь съ Буржѣ, но причина розни—онъ самъ, а не его трезвое время. Его современники не таковы, какъ онъ. Буржѣ близко связанъ съ Стэндалемъ, его нервная восприимчивость идетъ отъ Бодлера. То, что Зола называетъ бо-

лѣзненностью, сильно звучить у Флобера и у Мопасана; онъ одинъ чуждъ психологической сложности своего времени. Въ литературѣ они составляютъ общую шволу и общее литературное теченіе, окрещенное натурализмомъ, но психологія натуралиста Золя болѣе твердо коренится въ жизни и жизненныхъ цѣляхъ, чѣмъ идеалы и чувства его литературныхъ единомышленниковъ.

Въ письмахъ Золя, обращенныхъ къ его литературнымъ друзьямъ, очень ярко сказывается его внутренній міръ; это—своего рода духовная біографія, въ которой Золя рисуется человекомъ съ ясной волей, большой внутренней честностью, огромной жизнеспособностью, съ душой, открытой для самыхъ благородныхъ жизненныхъ побужденій, борцомъ за человека, за права человека; онъ знаетъ и любовь и гнѣвъ, и умѣетъ отстаивать себя. Въ его письмахъ, относящихся къ молодымъ годамъ, очень сильно сказывается именно это сознательное отстаиваніе своей личности. Онъ вступаетъ въ литературную жизнь съ опредѣленными теоріями; ему невѣдомъ идейный хаосъ многихъ молодыхъ умовъ. Такъ же твердо намѣчены его цѣли, такъ же твердо онъ приготовленъ къ борьбѣ. Все это выливается въ письмахъ къ другу его, поэту Антони Валабрегу. Золя подружился съ нимъ у себя на родинѣ, въ Провансѣ, когда Валабрегу было всего 19 лѣтъ. Онъ наѣзжалъ отъ времени до времени въ Парижъ, а въ промежуткахъ между его пріѣздами, Золя, который былъ на нѣсколько лѣтъ старше его, писалъ ему подробныя экспансивныя письма, рассказывалъ о вѣншихъ фактахъ своей жизни, развивалъ свои теоріи, а также давалъ своему другу литературныя совѣты, въ которыхъ тоже проповѣдовалъ свои опредѣленные литературныя взгляды. Усиленная переписка съ Валабрегомъ относится ко времени между 1864—1867 годомъ, т.-е. ко времени первыхъ шаговъ Золя на литературномъ поприщѣ. И въ этихъ письмахъ много любопытнаго для характеристики Золя.

Прежде всего въ нихъ сказывается увѣренность и ясность, съ которой Золя шель къ своей цѣли. Первая удача не застигаетъ его врасплохъ, не волнуетъ его, не возбуждаетъ свойственныхъ молодости мечтаній. Онъ говорить о ней удивительно твердо и трезво. „Я одержалъ первую побѣду“,—пишетъ онъ Валабрегу. „Гетцель принялъ мой сборникъ сказокъ (Contes à Ninon). Книжка появится въ началѣ будущаго октября. Борьба была недолгая, и я удивляюсь, что сравнительно не очень пострадалъ отъ ударовъ. Я на порогѣ; равнина передо мной разстилается широко, и я еще могу отличнѣйшимъ образомъ сломать себѣ шею. Ну, это все равно. Нужно идти впередъ, и я пойду“. Онъ даетъ совѣты своему другу, недостаточно практичному, по его словамъ, и говорить ему, какъ выбраться на вѣрный

шуть. Онъ хочетъ вселить въ него мужество для борьбы и вѣру въ успѣхъ, и говорить ему по этому случаю то, что относится къ нему самому еще больше, чѣмъ къ его другу. „Я хочу, чтобы мы, люди, кое-чего стоящіе (nous, qui n'avons pas le ventre vide), были также практичными и ловкими людьми въ жизни. Не нужно замыкаться въ своемъ величїи и презрѣніи,—нужно быть столь же хитрыми, какъ тѣ, у которыхъ кромѣ хитрости нѣтъ ничего. Понимаете ли вы меня? Мы нетерпѣливы, намъ нуженъ быстрый успѣхъ, и поэтому—нужно создавать себѣ успѣхъ. Шумъ, который поднимаешь вокругъ себя, затихаетъ, а талантъ остается“. И далѣе, онъ поясняетъ своему другу, что ловкость и практичность заключаются не въ томъ, чтобы измѣнять своимъ мыслямъ и подлаживаться подъ вкусы толпы. Ловкость заключается, по его мнѣнію, въ томъ, чтобы, написавъ книгу, не ждать публику, а идти ей навстрѣчу и заставить ее или хвалить, или ругать. „Я знаю—говоритъ онъ,—что болѣе возвышенно и болѣе достойно равнодушїе ко всему этому. Но я уже замъ сказалъ, мы—дѣти нетерпѣливаго вѣка. Намъ бѣшено хочется подняться какъ можно выше, и повѣрьте, что если мы не повергнемъ на земь другихъ, то они будутъ топтать насъ. Я жду васъ, чтобы говорить съ вами объ этомъ; я не хочу, чтобы глупцы могли насъ раздавить“...—„Не унывайте, Валабрегъ,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ.—Я весь полнъ надеждъ. Мы молоды, и нужно завоевать себѣ мѣсто“.

Особенность Золя, сказывающаяся въ этихъ письмахъ его молодости, состоитъ въ его воинственности. Онъ вѣритъ въ себя, онъ занятъ тѣмъ, чтобы проявить себя, и для этого ему нужно не внутреннее сознаніе своей правоты, а внѣшнія побѣды, активный бой за свои идеи. Съ собой онъ сразу въ полной гармонїи. Онъ знаетъ, онъ убѣжденъ; ни колебаній, ни сомнѣній. Вся борьба обращена на міръ извнѣ. Міръ раздѣляется для него на союзниковъ и противниковъ. Союзники у него сразу есть. Молодые художники-импрессионисты окружаютъ его, какъ защитника, и ему радостно звать на бой всѣхъ, кто противъ него, потому что въ борьбѣ все яснѣе выступаетъ его жизненно-завоевательная цѣль. Духовной борьбы, т.-е. борьбы въ области творческихъ идей, онъ не зналъ ни въ юности, ни потомъ. Его идейный круговоръ опредѣлился сразу и сосредоточился на понятїяхъ революціонныхъ только въ глазахъ толпы, а не дѣйствительно новыхъ, переоцѣнивающихъ прежнія цѣнности. Замѣна фальшивой идеализаціи трезвой правдой наблюденій въ литературѣ и искусствѣ, а въ области этической—принципъ общественной справедливости: въ этихъ началахъ, управлявшихъ дѣятельностью Золя, не было ничего революціоннаго по существу. Но для осуществленія и

литературныхъ, и этическихъ его идеаловъ нужно было выдержать борьбу противъ непониманія и эгоизма толпы. Зола былъ созданъ для этой борьбы, и она замѣняла ему творческую силу. Онъ не былъ творцомъ—но былъ борцомъ, т.-е. отстаиваніемъ идей создавалъ ихъ для толпы. Его письма полны воинственности, составлявшей сущность его темперамента.

„Я принимаю всѣ предложенія“,—пишетъ онъ Валабрегу, сообщая о множествѣ своихъ литературныхъ предпріятій,—„ибо мною влѣдетъ жажда труда и борьбы, о которой я уже вамъ говорилъ. Я люблю трудности, невозможности...“. „Я не могу, какъ вы“,—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—„запереться въ неприступную башню подѣтъмъ предлогомъ, что толпа глупа. Мнѣ толпа нужна, я иду къ ней, какъ ужью, я берусь за всѣ средства, чтобы одолѣть ее“.

„Я много работаю“,—пишетъ онъ далѣе,—„стараясь пробить себѣ путь“. Онъ употребляетъ характерное выраженіе—*faire son trou à coups de pioche*. „Мое положеніе требуетъ борьбы. Воинствующій трудъ—вотъ, по моему, главное средство въ жизни, единственное, которое я могу рекомендовать“. „Борьба“—пригвѣвъ ко всѣмъ юношескимъ словоохотливымъ изліяніямъ Зола. Занять мѣсто, на которое онъ имѣетъ право—вотъ цѣль, къ которой онъ идетъ прямо и откровенно,—и которую достигаетъ. По нѣкоторымъ письмамъ къ разнымъ редакторамъ и издателямъ видно, какъ Зола осуществляетъ свои практическія намѣренія. Въ письмѣ къ редактору „Фигаро“ онъ говоритъ о своихъ цѣляхъ съ такой же открытостью, какъ въ письмѣ къ Валабрегу. „Вотъ мой багажъ“,—пишетъ онъ, перечисливъ томики-разсказы и нѣсколько газетныхъ статей.—„Я желаю его увеличить и какъ можно скорѣе добиться успѣха. Вотъ почему меня привлекаетъ ваша газета; она можетъ наиболѣе быстро доставить успѣхъ. Я просто и открыто иду къ вамъ... Я молодъ и, сознаюсь, вѣрю въ себя. Я знаю, что вы любите пробовать людей, создавать (*inventer*) новыхъ сотрудниковъ. Создайте, выдумайте меня“. И другому журналисту изъ другой газеты онъ пишетъ, прося не мѣнять ничего въ его статьѣ изъ цензурныхъ страховъ. „Пожалуйста, ничего не выкидывайте“,—пишетъ онъ.—„Дѣло не въ одной какой-нибудь статьѣ—но мнѣ важно обратить на себя вниманіе, чтобы широко разсѣяться потомъ“ (*pour m'asseoir sagement dans la maison*).

И въ молодости, и позже, когда Зола достигъ цѣли, т.-е. занялъ мѣсто, на которое справедливо заявлялъ права, и выполнилъ всѣ планы, составленные въ самомъ началѣ своей писательской дѣятельности, эта черта, стремленіе бороться и отстаивать себя, проявляется безъ измѣненій. Когда онъ отстоялъ себя—онъ съ той же открытостью, увѣренностью и цѣльностью сталъ отстаивать тѣ же прин-

цыпы въ общественной жизни — защищать права новаторовъ въ искусствѣ, а потомъ права оклеветанныхъ на справедливый судъ. Молодой Зола съ его энергичнымъ самоотстанваніемъ, Зола авторъ „Жерминаля“ и „Ассоиоі“ — и Зола авторъ „Я обвиняю“ — сливаются въ удивительно цѣльный образъ борца, въ которомъ воинственный темпераментъ преобладаетъ надъ творческой духовностью. Онъ не создаетъ новыхъ идеаловъ; ему кажется достаточной задачей провести въ жизнь то, что давно доказано, но въ жизни не осуществлено. Вотъ весь Зола, и любопытныя письма его юности еще яснѣе очерчиваютъ этотъ его нравственный обликъ.

Борець и моралистъ не можетъ быть благодущенъ. Безъ гнѣва онъ не возстанетъ на зло. Не гнѣвенъ можетъ быть философъ, художникъ, заглядывающій за маски внѣшнихъ фактовъ, — Зола, твердо коренящійся въ дѣйствительности, знаетъ благородный изобличительный гнѣвъ — и самъ говоритъ объ этомъ въ одномъ письмѣ. „Недостаточно“ — пишетъ онъ одному критику — хвалить тѣхъ, кого любишь. Нужно рѣзко осуждать и обличать тѣхъ, кого ненавидишь“. Въ этихъ словахъ уже сказывается авторъ „Mes Haines“.

Дальнѣйшія письма Зола, письма зрѣлаго періода, являются отголосками его литературныхъ полемикъ. Появляется романъ за романомъ. Зола самъ доволенъ каждымъ своимъ произведеніемъ, ведущимъ къ выполненію точно обдуманнаго плана. Его писательская совѣсть спокойна — и тѣмъ болѣе гнѣвно онъ относится къ нападкамъ. Успѣхъ его романовъ увеличивается, но становится все болѣе бурнымъ, сопровождается травлей въ печати, обвиненіями въ распутной жизни, въ порокахъ, которые онъ обличаетъ въ своихъ романахъ. Зола гнѣвно защищается. Онъ слишкомъ сознаетъ въ себѣ именно моралиста, т.-е. писателя, не просто изображающаго, а дѣйствительно осуждающаго зло, и потому выясняетъ всѣмъ свое отношеніе ко злу. Въ письмѣ къ Луи Ульбаху (въ 1871 г.) онъ съ большимъ достоинствомъ говорить о своихъ намѣреніяхъ въ смѣломъ романѣ „La Curée“. „Не будемъ поднимать вопроса о моихъ намѣреніяхъ въ романѣ“, — пишетъ онъ. — „Вы достаточно меня знаете, чтобы понимать, какъ честно и съ какимъ художественнымъ рвеніемъ я работаю“. Эти слова глубоко искренни и заключаютъ въ себѣ полную правду. Обвинять Зола въ „порокахъ“ значитъ совершенно не понимать его психологію. Можно усомниться въ добродѣтели — взявши это слово въ обычномъ условномъ смыслѣ, т.-е. въ такомъ, въ какомъ его понималъ и Зола — поэта или романиста, который принимаетъ человѣка въ его душевной сложности. Но Зола съ его твердыми понятіями добра и зла, съ цѣльностью и опредѣленностью его идеаловъ, прежде всего моралистъ — и моралистъ искренній. Онъ осуждаетъ „распущенность и пороки“, прославляетъ

трудъ и честность — и самъ онъ на высотѣ своихъ идеаловъ. Трудолюбіе, честность, смѣлость въ борьбѣ за свою правду — эти качества отличали Зола въ его общественной дѣятельности и личной жизни — также какъ творчество его было проникнуто соответственными качествами таланта — пламенностью моралиста при трезвости наблюденія. Можно не довольствоваться идеалами Зола и идти впередъ, переоцѣнить все, что онъ проповѣдывалъ — такъ и сдѣлали слѣдующія литературныя поколѣнія; но нельзя противопоставлять его жизнь его принципамъ. Теперь этого уже никто не дѣлаетъ. Но въ то время, когда ему еще приходилось отстаивать себя, онъ не разъ слышалъ самыя нелѣпыя обвиненія — и отвѣчалъ на нихъ со свойственной ему страстностью. Есть среди писемъ еще одно письмо къ Ульбаху въ отвѣтъ на то, что Ульбахъ назвалъ романъ „La Curée“ „грязнымъ“ (obscène). Зола говоритъ, что ему трудно сдерживать гнѣвъ оскорбленнаго въ немъ художника при отвѣтѣ на слово „грязный“. Упрекая Ульбаха за такую оцѣнку, недостойную его писательской совѣсти, Зола заканчиваетъ письмо въ ироническомъ тонѣ: „Я буду завтра у васъ и вы можете обращаться со мной, какъ съ человѣкомъ, живущимъ въ вертепахъ. Вы вѣдь знаете, конечно, что я провожу жизнь въ оргіяхъ и составляю позоръ своего времени своимъ распутнымъ образомъ жизни. Меня можно встрѣтить во всѣхъ притонахъ... Нѣтъ, положительно, я не могу забыть вашего выраженія: „грязный романъ“ (obscène). Какъ вы могли написать это, зная меня, зная, что я безусловно нравственнѣе всей этой клики негодяевъ и дураковъ?“

Вотъ справедливо-гнѣвный отвѣтъ Зола на бессмысленныя нападки. Часто и въ другихъ письмахъ онъ подчеркиваетъ правоучительную сторону своихъ романовъ. Въ отвѣтъ на нападки на „Assomoir“ въ „Фигаро“ онъ объясняетъ „правоученіе“, которое можно и должно вывести изъ романа. „Хотите знать, — пишетъ онъ Милло, автору статьи о безнравственности „Assomoir“, — какова мораль моего романа. Я вамъ готовъ формулировать ее въ нѣсколькихъ словахъ: обучайте рабочаго для того, чтобы сдѣлать его нравственнымъ, избавьте его отъ нищеты, боритесь противъ скученности рабочихъ кварталовъ, гдѣ воздухъ полонъ заразы, и главное, принимайте мѣры противъ пьянства, которое убиваетъ народъ. Мой романъ очень простъ; онъ изображаетъ постепенное паденіе рабочей семьи, испорченной средою; мужъ начинаетъ пить, жена теряетъ силу духа, — ихъ ожидаютъ въ концѣ позоръ и смерть. Я не сочинитель идиллій, и считаю, что язви нужно выжигать раскаленнымъ желѣзомъ“.

Это объясненіе своихъ намѣреній крайне характерно. Его можно было бы выставить какъ обвинительный документъ противъ Зола; казалось бы, безпристрастность натуралиста, изучающаго элементы

жизни какъ химикъ, разлагающій сложное тѣло на составные элементы, несовмѣстима съ цѣлями моралиста, судящаго эти составныя части цѣльнаго явленія жизни. Но это уже давно выяснено. Зола не оправдалъ „экспериментальнаго метода“, который хотѣлъ ввести въ литературное творчество, но зато создалъ произведенія, хотя и въ значительной степени романтичныя, но проникнутыя горячимъ отношеніемъ къ жизни.

Большинство писемъ позднѣйшихъ лѣтъ состоитъ въ подобномъ отставаніи своихъ правъ какъ писателя на свободное изобличеніе всѣхъ общественныхъ язвъ. Въ одномъ письмѣ онъ горячо отстаиваетъ право пользоваться дѣйствительными, а не вымышленными именами для своихъ дѣйствующихъ лицъ; онъ возмущается протестомъ человека, заставившаго судомъ переимѣнить имя одного несимпатичнаго героя.

Среди литературныхъ писемъ Зола есть нѣсколько относящихся къ Россіи. Это — письма къ Тургеневу по поводу переводовъ на русскій языкъ и по поводу участія Зола въ „Вѣстникъ Европы“. Зола выражаетъ въ письмахъ и большія симпатіи къ русской литературѣ, и въ особенности личную признательность русскому журналу, который оказалъ ему поддержку въ очень трудную для него пору жизни. — З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 мая 1908.

Свѣтлый праздникъ. — Психически больное село. — Два примѣра изъ административной практики. — Д. И. Суботичъ о доводахъ въ пользу постройки амурской дороги. — Законопроектъ о контингентѣ новобранцевъ. — Недоборы. — Военная повинность и инородцы; освобожденіе отъ нея евреевъ и привлеченіе финляндцевъ. —

Н. П. Иневичъ †.

„Ударятъ въ полночь колокола и еще разъ пронесется надъ міромъ торжествующая пѣснь — „Христосъ Воскресе“! Сколько словъ любви будетъ произнесено, сколько чернилъ пролито на вѣчныя темы... Слова, слова, слова!.. А въ нашихъ сердцахъ, утомленныхъ и изстрадавшихся сердцахъ, будетъ ли „свѣтлый“ праздникъ? Будетъ ли?

„Есть ли у насъ надежда на то, что хотя на эти „свѣтлые“ дни прекратится зловѣщая статистика политическихъ и всякихъ иныхъ убійствъ и насильственныхъ смертей „именемъ закона“... Наши нервы устали. Безъ мысли, безъ остраго чувства читаемъ мы ежедневно зловѣщую статистику, пожалуй волнуясь не больше, чѣмъ при чтеніи перечня объявленій о покойникахъ...

„Съ постояннымъ кошмаромъ, съ этимъ сознаниемъ, съ жуткимъ страхомъ за будущее родины, — есть ли для насъ возможность „свѣтлаго“ праздника?..“

Эти слова писалъ въ пасхальномъ номерѣ „Слова“ г. Мих. Могиланскій. Мы ихъ воспроизводимъ и ставимъ точку. „Свѣтлаго“ праздника не было...

Если тяжело на душѣ у петербуржцевъ и москвичей, у разбирающихся въ совершающемся интеллигентовъ, то что пережили и что переживаютъ тѣ несчастные темные люди, которые, дойдя до массоваго безумія, по первому подозрѣнію бросаютъ сосѣдей въ огонь и сложили даже объ этомъ пѣсню:

„Запоемъ мы пѣсню нову, господа,
Какъ мы встрѣтили свободу навсегда;
Вотъ какое право нынче мы нашли:
Народу множество живыхъ въ огнѣ сожгли“...

Нельзя безъ содроганія читать корреспонденцію, напечатанную въ „Словѣ“ (№ 428) подъ заглавіемъ: „Психически больное село“. Это

село—Воздвиженское, макарьевскаго уѣзда, нижегородской губерніи. „Село—пишетъ корреспондентъ—темное, дикое, на которое сильное впечатлѣніе произвели событія послѣдняго времени. Крестьяне этого дикаго уголка были сильно встревожены тѣмъ новымъ, небывалымъ, что совершалось за предѣлами ихъ зрѣнія, ихъ пониманія. Это новое, непонятное сильно подѣйствовало на ихъ психику; а когда въ прошломъ году, въ засушливое лѣто, начались въ селѣ пожары, среди крестьянъ стало обнаруживаться настоящее психическое разстройство“.

Первымъ пострадалъ крестьянинъ Пѣнкинъ — „пьяница и забулдыга“. При одномъ сильномъ пожарѣ онъ былъ обвиненъ въ поджогѣ, схваченъ въ то время, когда дѣятельно участвовалъ въ тушеніи пожара, и брошенъ въ огонь. Затѣмъ во время другого пожара былъ убитъ и сожженъ крестьянинъ Дурасовъ. Схваченный молодой парень Носовъ при пыткѣ, подъ угрозой сожженія, сказалъ, что поджоги будто бы производились по указаніямъ культурнаго надзирателя (чиновника лѣсного вѣдомства) Додонова; послѣдній якобы былъ „старшимъ среди политики“. Схватили Додонова и послѣ страшныхъ мученій и издѣвательствъ сожгли. Обожженный, уже безъ одежды, съ лопнувшими отъ жары глазами, онъ выскочилъ изъ огня и крестился, крича коснѣющимъ языкомъ: „не виновенъ“! Тогда же были сожжены крестьяне Капустинъ и Гришинъ.

Психозъ передался и сосѣднимъ селамъ. Въ селѣ Нестерѣ крестьяне уже тащили-было въ огонь учителя, но ихъ удержали болѣе благоразумные члены общества. Въ с. Ивлевѣ учитель бѣжалъ, и крестьяне грозилась сжечь его семью, но ограничились тѣмъ, что произвели обыскъ и сожгли книги. Въ с. Кузнецѣ подвергался опасности крестьянинъ, виновный въ томъ, что онъ развитіе другихъ и получалъ „Земскую Газету“. Его уже было схватили и хотѣли тащить на расправу. Послѣ этихъ событій въ Воздвиженскомъ арестовано было трое крестьянъ, на которыхъ указалъ подъ пыткой Носовъ, какъ на поджигателей, и до сихъ поръ они находятся въ тюрьмѣ. „Понятно,— прибавляетъ корреспондентъ,— какое это произвело впечатлѣніе на крестьянъ: вѣдь это косвенно подтверждаетъ ихъ безуміе!.. Ходятъ слухи о томъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ „политика“ собирается снова производить массовые поджоги, что собираются сжигать не только дома, но и хлѣбъ на корню. На это, будто бы, японцы и евреи отпустили три милліона и за каждый сожженный домъ будутъ давать уже не по шести рублей, а по тысячѣ...“

И всѣ эти событія и слухи распѣваются въ пѣснѣ, гдѣ „политики“ именуются „черносотенцами“, народъ похвывается, какъ онъ расправился съ „союзниками“, и гдѣ поется, что тѣ изъ „союзниковъ“, которые спаслись отъ народной расправы, „желѣзомъ скованы—въ ар-

стантскія ушли“. Все перепуталось въ головахъ воздвиженцевъ, нестеровцевъ, ивлевцевъ. Для нихъ родина—не необъятная Россія съ ближнимъ и дальнимъ Востокомъ, а свое Воздвиженское, свое Ивлево, свой Кузнецъ. Они увѣрены, что козни враговъ направлены именно на нихъ, на магарьевскій уѣздъ. Чего они ждутъ?—Конечно, поджоговъ... И до нихъ доходило и также доходить, что власть бессильна подавить врага, что народу нужно самому ополчиться на защиту чего-то. Чего?—Конечно, своей деревни. Какъ?—Конечно, жестокимъ мщеніемъ, безчеловѣчной расправой... И они бросаютъ живыхъ людей въ огонь...

При обсужденіи вопроса о военно-полевыхъ судахъ, П. А. Столыпинъ признавалъ передъ второй Думой, что есть мѣры, долгая практика которыхъ невозможна, ибо она губительно вліяетъ на нравы. Военно-полевыхъ судовъ нѣтъ. Но военно-полевая внутренняя политика осталась. Мы „успокоены“. Мы не реагируемъ съ болью на зловѣщую статистику убійствъ и казней. Мы привыкли къ отрицанію закона. Мы молча проходимъ мимо вопіющихъ фактовъ безправія. А деревня бросаетъ людей въ огонь... Событія въ Воздвиженскомъ, требованіе усиленія уголовныхъ каръ за конокрадство, подъ угрозой самосуда крестьянъ надъ конокрадами, крики въ Думѣ: „мало!“—когда заходитъ рѣчь объ ежедневныхъ казняхъ, утвержденіе г. Крупенскаго, что политическая провокація необходимое средство борьбы съ революціей, „погромные“ статьи и призывы „Русскаго Знамени“, травля евреевъ и то, что возведено въ правовую норму въ Ялтѣ, — да и въ одной ли Ялтѣ! — все это явленія одного порядка. Разница между ними не во внутренней сути, а только въ яркости. Явленіе того же порядка — и то, что приведенная корреспонденція не вызвала ни шума, ни разговоровъ. Въ насъ нѣтъ уже порыва громко реагировать даже на сожженіе людей...

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы писали о циркулярныхъ экспериментахъ надъ средней школой, которые въ концѣ-концовъ привели къ полному разстройству дѣла среднего образованія. Но тогда мы имѣли въ виду эксперименты министровъ народнаго просвѣщенія и попечителей учебныхъ округовъ. Фактически же надъ школой стоитъ еще и другая власть,—власть генераль-губернаторовъ и просто губернаторовъ, которая, подъ прикрытіемъ охранъ, экспериментировать не менѣе энергично. Любопытный образчикъ — обязательное постановленіе временнаго генераль-губернатора Кубанской области, напечатанное въ № 88 „Голоса Москвы“. Точнѣе, это не обязательное постановленіе, а поученіе,—впрочемъ, поученіе съ карательной санкціей.

Обращаясь къ родителямъ и къ учащимъ, генералъ-губернаторъ говоритъ: „Васъ, господа, я прежде всего прошу употребить всѣ усилія къ тому, чтобы изъ ввѣренныхъ вамъ дѣтей вышли здоровые тѣломъ и духомъ члены церкви и государства. Помните, что на васъ тяготѣетъ ихъ грозное проклятіе, когда, войдя въ зрѣлый возрастъ, они поймутъ свои ошибки малолѣтства, но уже будутъ безсильны исправить ихъ гибельныя послѣдствія. Не извиняя въ дѣлѣ воспитаній учащихся *безволизмъ, слабизъ, тѣмъ болѣе нерадивизъ*, я буду преслѣдовать всею силою предоставленной мнѣ власти тѣхъ, которые въ учебныхъ заведеніяхъ сознательно ведутъ пропаганду безвѣрія и антиправительственныхъ идей. Такимъ людямъ съ развращеннымъ умомъ и сердцемъ нѣтъ мѣста въ школахъ — этихъ храмахъ науки“.

Итакъ, учащіе отнынѣ обязаны въ Кубанской области давать направление сообщаемымъ ими учащимся знаніямъ, не быть слабыми, т.-е. строго ставить отмѣтки, и аккуратно являться на уроки не только подъ угрозой воздѣйствія со стороны ихъ учебнаго начальства, но также и подъ угрозой штрафа въ три тысячи рублей, или тюрьмы, или высылки. И это во имя борьбы съ крамолой! Или, по терминологіи закона, во имя охраненія нарушенныхъ злоумышленіями государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

Другой примѣръ — изъ иной области. Онъ характеризуетъ правопониманіе одного изъ представителей мѣстной административной власти. Вотъ какъ передаетъ г. Фалѣевъ („Слово“, № 433), на основаніи отчета петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, случай, происшедшій сравнительно недавно въ одной изъ восточныхъ губерній:

„При производствѣ взысканія по исполнительному листу съ вице-губернатора, когда адвокатъ явился съ судебнымъ приставомъ къ отвѣтчику и судебный приставъ предлагалъ ему послѣднему заплатить деньги, то отвѣтчикъ закричалъ:

— Я распишусь у васъ, но передайте тому господину, что сидитъ въ передней, чтобы онъ не искалъ меня выслать его въ 24 часа изъ города!

Въ передней, разумѣется, сидѣлъ адвокатъ.

— Пусть онъ отправляется къ моему присяжному повѣренному! — добавилъ вице-губернаторъ.

Судебный приставъ вышелъ и передалъ адвокату слова отвѣтчика. Адвокатъ просилъ судебного пристава спросить: заплатить ли его адвокатъ деньги, а вице-губернаторъ закричалъ:

— Мой адвокатъ дастъ свѣдѣнія, а если вы сейчасъ не уберетесь, я вызову полицію и будетъ худо!

У адвоката отвѣтчика денегъ не оказалось. Тогда адвокатъ вернулся къ вице-губернатору на квартиру, но у дверей стояли уже

стражники съ ружьями на прикладъ и въ квартиру не пустили. Въ это же время въ окно адвокатъ видѣлъ и слышалъ, какъ вице-губернаторъ кричалъ на судебного пристава, употребляя бранныя слова, и закричалъ городовымъ:

— Взять ихъ!..

Адвокатъ, вида, что ему войти нельзя, предложилъ приставу отложить опись, уступая насилию“.

Да, глубоко былъ правъ въ своемъ известномъ докладѣ графъ Витте, когда писалъ про „обширѣйшую“ администрацію, что она воспитана на „иныхъ“ началахъ, — на тѣхъ, благодаря которымъ не по силамъ никакому правительству „сразу приуготовить страну къ воспріятію и усвоенію нормъ правового порядка“. Только вѣдь надо же когда-нибудь хоть приступить къ воспитанію администраціи на правовыхъ началахъ, дабы невозможна была со стороны вице-губернатора угроза выслать въ 24 часа представителя его кредитора.

Вопросъ объ амурской желѣзной дорогѣ еще далекъ до практическаго разрѣшенія. Правительственному проекту предстоитъ, во-первыхъ, пройти черезъ Государственный Совѣтъ, а во-вторыхъ, черезъ руки иностранныхъ банкировъ, отъ которыхъ будетъ зависеть финансированіе предпріятія. Последнее—то, что конечное слово будетъ принадлежать иностраннымъ банкирамъ — до боли обидно народному самолюбію. Но беспощадная дѣйствительность не позволяетъ дѣлать въ этомъ отношеніи никакихъ иллюзій. Недаромъ П. А. Столыпинъ закончилъ свою рѣчь въ Думѣ слѣдующими словами: „Я, гг. члены Государственной Думы, увѣренъ, я увѣжденъ, что одно ваше рѣшеніе въ этомъ дѣлѣ уже придастъ большую силу государству. Одна ваша разумная плодотворная работа уже поднимаетъ кредитъ государства, уже даетъ новые милліоны Россіи. Ваше рѣшеніе дастъ возможность найти средства на посильныхъ для насъ условіяхъ“.

При такомъ положеніи вопроса, отнюдь не безцѣльнымъ представляется разборъ доводовъ, приводимыхъ въ пользу дороги. На нѣкоторыхъ изъ нихъ останавливается въ остроумной статьѣ авторъ, весьма авторитетный, Д. И. Суботичъ, бывший приамурскій генералъ-губернаторъ („Рѣчь“, № 94). Предсѣдатель совѣта министровъ утверждалъ, что амурскую дорогу необходимо строить, между прочимъ, потому, что „на Камчаткѣ и на побережьи Охотскаго моря уже начался какой-то недобрый процессъ. Въ нашъ государственный организмъ уже влиивается постороннее тѣло“... „Все это очень можетъ быть — пишетъ г. Суботичъ. Но, при всемъ томъ, я все-таки не могу себѣ представить, чтѣ можетъ сдѣлать амурская желѣзная дорога для за-

щиты Камчатки, отдѣленной отъ нея 4-мя тысячами верстъ совершенно непроходимаго для арміи пространства? Можетъ быть, у г. премьера имѣется опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ, но я, несмотря на нѣкоторую прикосновенность свою къ военному дѣлу, рѣшительно не могу ничего здѣсь придумать"... „Что же касается „вклиниванія постороннихъ тѣлъ“, то за примѣрами такового нѣтъ совершенно надобности удалиться на Камчатку: многочисленные примѣры этого рода можно найти, не выѣзжая изъ Петербурга, — пройдясь по Невскому проспекту и прочитавши вывѣски магазиновъ съ фамиліями ихъ владѣльцевъ, просмотрѣвши личный составъ главныхъ правительственныхъ учрежденій, прочитавши списокъ нашихъ акціонерныхъ обществъ и предпріятій и т. д. Безпокоиться и волноваться изъ-за „постороннихъ тѣлъ“ гдѣ-то за 14 тысячъ верстъ, на Камчаткѣ, положительно не стоитъ“.

Далѣе, г. Суботичъ беретъ слова П. А. Столыпина, что „вѣчную мерзлоту мы наблюдаемъ во Владивостоѣ“ и что „при побѣдоносномъ шествіи человѣка, при уничтоженіи этого покрова вытаптываніемъ и выжиганіемъ, мерзлота эта уходитъ вглубь земли“—и пишетъ: „До какой степени она погружается „вглубь земли“,—доходитъ ли она до расплавленно-жидкой огненной массы земного шара,—этого ораторъ не поясняетъ; но, во всякомъ случаѣ, теорія его по своей оригинальности превосходитъ даже „погребную теорію“ графа В. А. Бобринскаго... Жаль только, что до сихъ поръ эта теорія не получила еще признанія въ наукѣ, и въ послѣднюю ее придется, пожалуй, вводить или по 87 статьѣ, или же особымъ министерскимъ циркуляромъ“...

Нельзя не согласиться съ Д. И. Суботичемъ, что „когда берутся доказать недоказуемое, то каждый новый аргументъ, каждое новое доказательство увеличиваетъ собой только общую сумму „недоразумѣній“, сомнѣній и „вопросительныхъ знаковъ“...

Второй разъ предстоитъ опредѣленіе контингента новобранцевъ не въ тиши канцелярій и министерскихъ кабинетовъ, а при участіи Думы и новаго Государственнаго Совѣта. Вопросъ, правда, разсматривался въ прошломъ году и будетъ разсматриваться въ нынѣшнемъ въ закрытыхъ засѣданіяхъ. Но въ существенныхъ частяхъ пренія какъ въ прошломъ году проникли въ печать, такъ, навѣрное, проникнутъ и въ нынѣшнемъ. Пока—когда мы пишемъ эти строки—вопросъ прошелъ только черезъ думскую комиссію государственной обороны. Поэтому предметомъ нашихъ сужденій могутъ быть не рѣшенія Думы, а лишь предположенія комиссіи.

Законодательное разсмотрѣніе проекта о контингентѣ новобранцевъ подчинено особой срочности. Ст. 119 основныхъ законовъ опредѣляетъ, что „если по заблаговременномъ внесеніи въ Государственную Думу предположеній о числѣ людей, потребномъ для выполненія армии и флота, законъ по сему предмету не будетъ въ установленномъ порядкѣ изданъ въ 1 мая, то указомъ Государя Императора призывается на военную службу необходимое число людей, не свыше, однако, назначеннаго въ предшествующемъ году“. При внесеніи проекта во вторую Думу, военное министерство весьма своеобразно поняло „заблаговременность“. Проектъ поступилъ 10 апрѣля, т.-е. до срока за 20 дней, изъ которыхъ 14 дней приходилось на страстную недѣлю и Пасху. Иными словами, онъ былъ внесенъ тогда, когда на прохожденіе закона черезъ Думу и Государственный Совѣтъ и на представленіе его къ утвержденію оставалось всего шесть нормальныхъ рабочихъ дней. Дума во что бы то ни стало должна была разсмотрѣть проектъ до пасхальнаго перерыва, такъ какъ Пасха приходилась въ прошломъ году 22 апрѣля. При такихъ условіяхъ коммиссія второй Думы была лишена всякой возможности настолько изучить расчеты военнаго министерства, чтобы предложить къ принятію какую-либо иную цифру контингента на 1907 г., чѣмъ та, которая была опредѣлена въ представленіи. Дума могла или представленіе цѣликомъ принять, или цѣликомъ отвергнуть. Большинство голосовъ высказалось за принятіе, и законъ до 1 мая былъ утвержденъ. Но при этомъ обсужденіе въ Думѣ вращалось исключительно вокругъ общихъ вопросовъ. А въ Государственномъ Совѣтѣ законопроектъ, въ сущности, не обсуждался. Онъ былъ только проголосованъ.

Въ третью Думу законопроектъ поступилъ нѣсколько раньше. И коммиссія третьей Думы оказалась въ лучшихъ условіяхъ. Но только коммиссія. Она имѣла въ своемъ распоряженіи страстную недѣлю, Пасху и еще около двухъ недѣль. На разсмотрѣніе же проекта въ засѣданіяхъ Думы и Совѣта остается только десять дней. Какъ сообщалось въ газетахъ, коммиссія предлагаетъ Думѣ уменьшить испрашиваемый размѣръ контингента на 1908 г. на тринадцать тысячъ человекъ. Предположимъ,—и это весьма вѣроятно,—что военный министръ будетъ оспаривать уменьшеніе. Предположимъ также, что Дума согласится съ предложеніемъ своей коммиссии. Въ какомъ положеніи окажется Государственный Совѣтъ? Онъ будетъ вынужденъ слѣпо пойти за Думой. Ибо, въ противномъ случаѣ, 1-ое мая наступитъ гораздо раньше, чѣмъ проектъ можетъ быть вторично разсмотрѣнъ Думой. И себѣ военное министерство позднимъ внесеніемъ проекта отрѣзало возможность добиваться назначенія того размѣра контингента, который оно опредѣлило. Въ 1907 г. было назначено 462.950 человекъ. Слѣдовательно,

въ порядкѣ указа и въ 1908 г. не можетъ быть назначено болѣе. А испрашивается свыше 469 тысячъ.

На предложеніяхъ комиссіи спѣшность работы тоже отразилась. Такъ, комиссія вовсе не затронула своими сокращеніями контингента новобранцевъ, исправимаго на укомплектованіе командъ флота, и въ основу расчета приняла, вмѣсто наличнаго состава командъ, тотъ составъ, до котораго команды должны бы были быть доведены въ ближайшіе годы при выполнении предположенной морскимъ министерствомъ программы судостроенія. Между тѣмъ, та же самая комиссія, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, эту программу отвергла. Массовая постройка новыхъ кораблей, во всякомъ случаѣ, стала дѣломъ не ближайшаго, а отдаленнаго будущаго. Слѣдовательно, увеличивать численный составъ командъ флота не только нѣтъ надобности, но, напротивъ, можно и должно подвергнуть сокращенію, такъ какъ въ наборѣ 1907 г. морское вѣдомство получило контингентъ тоже не по расчету наличнаго состава командъ. Не настаивая на полной точности цифры, можно съ достаточной увѣренностью утверждать, что безъ всякаго ущерба для обслуживанія существующихъ и строящихся судовъ флота контингентъ новобранцевъ для морского вѣдомства можно было бы сократить на пять тысячъ человѣкъ.

Съ точки зрѣнія народнаго представительства, руководящимъ началомъ при ежегодномъ исчисленіи контингента новобранцевъ должно служить то, что личная и общеобязательная воинская повинность есть величайшее бремя для населенія. Конечно, народное представительство не можетъ не смотрѣть открытыми глазами на потребности государственной обороны. Но при учетѣ этихъ потребностей оно обязано ни на минуту не забывать тягости воинской повинности и потому тщательнымъ образомъ отграничивать потребности реальныя и безспорныя отъ сомнительныхъ. Другая задача народнаго представительства—настойчиво слѣдить, чтобы число людей, которое войско въ силу повинности беретъ отъ производительнаго труда, именно опредѣлялось ничѣмъ инымъ, какъ потребностями обороны. Для исполнительной власти есть извѣстныя удобства въ томъ, чтобы на арміи лежали нѣкоторыя полицейскія обязанности, и еще большія—въ томъ, чтобы нѣкоторыя чисто полицейскія функціи исполнялись особыми командами, по роду дѣятельности ничего общаго не имѣющими съ войскомъ, но образованными по военному образцу. Съ вольнонаемными людьми куда хлопотливѣе. Среди нихъ труднѣе поддерживать дисциплину. А главное—наемъ дорогъ. Годовое содержаніе солдата—немного болѣе ста рублей. За эти деньги, само собою разумѣется, нельзя нанять и содержать вольнаго человѣка. Вольный человѣкъ обойдется казнѣ раза въ четыре дороже. Та же дороговизна вольнонаемнаго

труда, вмѣстѣ съ тѣмъ же удобствомъ для органовъ административнаго военнаго управленія, объясняютъ обростаніе арміи нестроевыми элементомъ—денщиками, портными, служителями вещевыхъ складовъ, госпитальными командами, сапожниками и т. д., и т. д. Что общаго между обороной государства и дежурствомъ при театрахъ, которое въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Варшавѣ несутъ отбывающіе воинскую повинность нижніе чины жандармскихъ дивизионовъ, также еще сопровождающіе похоронныя процессіи? Почему эти обязанности не могутъ быть возложены на городовыхъ, служащихъ по найму?

Народное представительство должно переводить на деньги не стоимость солдата казні, а стоимость его той семьѣ, отъ которой онъ отнимается,—стоимость населенію. Съ другой стороны, оно должно принимать въ соображеніе, что вольнонаемный трудъ всегда продуктивнѣе и что куда ставить троихъ солдатъ, вятыхъ отъ сохи или отъ ткацкаго станка, туда вполнѣ достаточно поставить одного специализировавшагося вольнонаемнаго. Возложеніе на отбывающихъ воинскую повинность постороннихъ оборонѣ государства обязанностей и переобремененіе арміи нестроевыми было положено въ основу тѣхъ требованій, которыя, утверждая испрашиваемый контингентъ, Дума второго созыва предъявила военному министерству. Изъ этихъ требованій исполнено—и то частично—одно: число денщиковъ сокращено на 19 тысячъ человекъ. Комиссія третьей Думы предлагаетъ въ формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ указать, „чтобы съ возможно-большей рѣшительностью была проведена мѣра освобожденія нижнихъ чиновъ, поступившихъ по набору, отъ всѣхъ тѣхъ обязанностей, которыя могутъ быть возложены на вольнонаемныхъ“.

Въ 1874 году, въ первый годъ по введеніи устава о воинской повинности, было призвано 150.000 новобранцевъ. Въ 1907 г.—462.000. Такимъ образомъ, въ 33 года контингентъ увеличился болѣе, чѣмъ въ три раза. Уже одно это сопоставленіе свидѣтельствуетъ, какъ повысилась тягость воинской повинности. Но есть и еще данныя, показывающія, что тягость дошла до предѣла и, пожалуй, даже перешла предѣлъ. Эти данныя—недоборъ и число новобранцевъ, возвращенныхъ по физической негодности изъ войсковыхъ частей. Въ 1906 г. осталось въ недоборѣ 21.273 человекъ, а въ 1907 г.—19.326. За трехлѣтіе 1904—1906 гг. ежегодно войска возвращали, въ среднемъ, по 28 тысячъ человекъ. Недоборъ означаетъ, что въ цѣломъ рядѣ призывныхъ участковъ были ваты поголовно всѣ годные къ службѣ призывные, кромѣ льготныхъ перваго разряда, и все-таки получить назначенное съ участка число новобранцевъ не удалось. А послѣдняя цифра—что воинскія присутствія для пониженія недобора брали и такихъ, которые не удовлетворяютъ усло-

віямъ здоровья. Возражающіе противъ чрезмѣрной тяжести воинской повинности въ Россіи обыкновенно указываютъ, что въ Германіи отношеніе числа новобранцевъ къ населенію составляетъ 47⁰/₀, во Франціи—63⁰/₀, а въ Россіи—30⁰/₀, и что въ Россіи льготные перваго разряда, т.-е. единственные сыновья, кромѣ евреевъ, пользуются абсолютной свободой отъ службы въ мирное время. Полагаемъ, однако, что если при сопоставленіи численности арміи мирнаго времени въ Германіи, во Франціи и у насъ надъ цифрами ставятся соображенія, касающіяся малой культурности нашего населенія и протяженности границъ, то и въ данномъ отношеніи надо надъ цифрами ставить экономическія различія. По условіямъ нашей деревни приѣмъ въ войска единственныхъ сыновей (въ 1907 г. ихъ было 273 тысячи) былъ бы прямымъ обидствомъ. Кромѣ того, при сравнительномъ учетѣ цифръ необходимо брать цифры однородныя. Процентъ дѣтей въ Россіи гораздо выше, чѣмъ въ Германіи и во Франціи. Съ другой стороны, у насъ до 15 милліоновъ населенія не участвуютъ въ отправленіи воинской повинности. Если сообразно этому ввести въ сравненіе поправки, то соотношеніе очень и очень измѣнится.

Относительно недобора утверждаютъ, что причина его коренится, главнымъ образомъ, въ неправильности разверстки контингента по призывнымъ участкамъ. Что въ нѣкоторыхъ участкахъ, при общемъ недоборѣ, остается излишекъ—это фактъ. Въ какой мѣрѣ, однако, такое явленіе представляется широко распространеннымъ—точныхъ свѣдѣній, насколько извѣстно, не имѣетъ само военное министерство. На это обстоятельство указывала вторая Дума. Но и наборъ 1908 г. будетъ производиться при прежнихъ основаніяхъ разверстки. Во всякомъ случаѣ, 47 тысячъ или 10⁰/₀ недобора—ибо возвратъ изъ войскъ принятыхъ физически негодныхъ новобранцевъ есть, въ сущности, тотъ же недоборъ—составляетъ такую цифру, которая свидѣтельствуетъ о большемъ, нежели неправильная разверстка контингента.

Величина ежегоднаго контингента новобранцевъ зависитъ отъ двухъ условій: штатнаго состава арміи мирнаго времени и срока службы. При шестилѣтнемъ срокѣ, на пополненіе нужна шестая часть штатнаго состава, при четырехлѣтнемъ—четвертая, при двухлѣтнемъ—половина. При введеніи устава о воинской повинности, срокъ службы въ сухопутныхъ войскахъ былъ опредѣленъ въ шесть лѣтъ. Затѣмъ онъ былъ сокращенъ до пяти лѣтъ. А по закону 6-го декабря 1905 г. опредѣленъ для пѣхоты и пѣшей артиллеріи, т.-е. для главной массы арміи, въ три года, для кавалеріи и конной артиллеріи—въ четыре, для флота—въ пять лѣтъ. Сообразно этому сокращенію, а также въ виду того, что послѣ войны не всѣ вновь сформированныя воинскія части были расформированы,

въ 1906 г. было призвано 469.718 человекъ, тогда какъ въ 1903 г. (послѣдній годъ передъ войной) призывалось всего 320.832 человекъ. И въ недоборѣ въ 1903 г. осталось только 3.700.

При предстоящемъ обсужденіи этого законопроекта въ Думѣ, центральное значеніе, по всей вѣроятности, будетъ имѣть вопросъ объ инородцахъ. Изъ свѣдѣній, которыя сообщались въ газетахъ о засѣданіяхъ думской комиссіи, видно, что крайніе правые и умѣренные правые настаивали на томъ, чтобы евреи были лишены чести отбывать воинскую повинность. До сихъ поръ антисемиты разсуждали наоборотъ. Они пользовались всякимъ случаемъ, чтобы подчеркнуть, что евреи плохіе солдаты и что они систематически уклоняются отъ военной службы, и отсюда дѣлали выводъ о необходимости самыхъ энергичныхъ мѣръ для того, чтобы заставить евреевъ служить. И такія мѣры разновременно у насъ принимались. Евреи въ призывныхъ участкахъ составляютъ особую отъ христіанъ категорію. При недоборѣ, льгота перваго разряда не освобождаетъ еврея отъ поступления въ войска. За каждаго уклонившагося отъ военной службы еврея съ мѣстнаго еврейскаго общества взыскивается трехсотрублевый штрафъ. Теперь предлагаютъ долю тяготы, которую несетъ еврейское населеніе, полностью переложить на христіанъ. Любопытны мотивы. „И правые, и умѣренные правые находили,—сообщало „Слово“ (№ 425),—что евреи, какъ нація, не имѣя своей территоріи, поневолѣ входятъ въ ряды армій всѣхъ странъ; слѣдовательно, при открытіи военныхъ дѣйствій силою вещей создается такое положеніе, что еврей приходится идти противъ еврея. Имѣя въ виду обычную солидарность евреевъ, всего легче предположить, что нахожденіе ихъ въ рядахъ двухъ борющихся армій можетъ принести только вредъ и способствовать обнаруженію военныхъ тайнъ“. При этомъ только крайніе правые „считали необходимымъ обложить евреевъ взамѣнъ освобожденія отъ воинской повинности особымъ денежнымъ сборомъ, а умѣренные правые, признавая устраненіе евреевъ отъ воинской повинности вопросомъ первостепенной государственной важности, находили, что исключеніе ихъ изъ рядовъ доблестной русской арміи, являясь вопросомъ необходимости, должно быть совершено безъ замѣны этой натуральной повинности денежною“.

Приведенные мотивы съ полной ясностью говорятъ, чѣмъ подсказано думскимъ реакціонерамъ требованіе объ освобожденіи евреевъ отъ воинской повинности. Конституціонный строй государственной жизни не можетъ не привести къ гражданскому равноправію, въ частности къ уничтоженію тѣхъ безобразныхъ правоограниченій, ко-

торы лежать на евреяхъ. Сателлитамъ же „Русскаго Знамени“ и „Новаго Времени“ нужно не только сохраненіе черты осѣдлости, запрета учиться, служить и т. д., и т. д.—имъ нужно поставить евреевъ въ положеніе паріевъ. Они готовы пожертвовать переложеніемъ тяготы воинской повинности съ евреевъ на христіанъ, ибо тогда они потребуютъ лишенія евреевъ избирательныхъ правъ, абсолютнаго недопущенія въ университеты—да мало ли чего еще они тогда потребуютъ!.. „Новое Время“ (№ 11533), не обинуясь, заявляетъ: „всѣмъ понятно, что граждане, которые признаются негодными къ несенію нѣкоторыхъ обязанностей, не имѣютъ правъ и на нѣкоторыя права“... Имъ нужно, чтобы народъ возненавидѣлъ евреевъ... Еврею на войнѣ придется идти противъ еврея! А поляку при войнѣ Россіи съ Германіей или Австріей не придется идти противъ поляка? Въ Австріи и въ Германіи, въ виду возможности войны между ними, на основаніи этого соображенія слѣдовало бы освобождать отъ воинской повинности всѣхъ нѣмцевъ. Впрочемъ, развѣ мыслимо оспаривать аргументацію людей, дошедшихъ въ челоѣконенавистничествѣ до изступленія? Всего поразительнѣе, какъ гг. крайніе и умѣренные правые не видятъ, что они зовутъ государство на капитуляцію передъ еврействомъ. Если ихъ отправныя посланки вѣрны, то неужели русская государственность такъ слаба, что должна пассивать передъ „солидарностью“ евреевъ? Неужели русская армія не будетъ въ силахъ бороться съ врагомъ, если въ ея рядахъ будутъ евреи?..

Большинство комиссіи государственной обороны отклонило предложеніе объ освобожденіи евреевъ отъ воинской повинности. Комиссія, напротивъ, требуетъ, чтобы ни для кого не было изыатія въ натуральномъ отправленіи повинности. Она перечисляетъ 17 категорій различныхъ инородцевъ, нынѣ не несущихъ обязательной службы, и выражаетъ пожеланіе, „чтобы населеніе, освобожденное въ настоящее время отъ натуральной воинской повинности, было къ таковой привлечено постепенно, но путемъ рѣшительныхъ и неотложныхъ мѣропріятій, причемъ для народностей, впервые призываемыхъ въ защитѣ общей родины, необходимо созданіе условій службы, приспособленныхъ къ особенностямъ ихъ быта, религіи, климата и т. п.“. Изъ населенія, нынѣ свободнаго отъ воинской повинности, наибольшая цифра падаетъ на инородцевъ Средней Азіи — свыше 5 милліоновъ, затѣмъ на инородцевъ Кавказа—около 3 милліоновъ—и на сибирскихъ — около двухъ съ половиной. Комиссія справедливо полагаетъ, что для всѣхъ этихъ инородцевъ необходимо созданіе условій службы, приспособленныхъ къ ихъ быту, религіи и къ климату. Это пожеланіе нельзя понимать иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что инородцы Средней Азіи, Кавказа и степного края должны отбывать по-

винность у себя, въ особыхъ туземныхъ войсковыхъ частяхъ. Но много ли эти части усилить боевой составъ арміи—большой вопросъ. Какъ бы не пришлось въ противовѣсъ имъ сформировать и ввести на окраины новые полки и батальоны, образованные изъ населенія центральныхъ губерній?

Къ числу инородцевъ, которыхъ слѣдуетъ привлечь къ отправленію воинской повинности, коммиссія относитъ также 2.857.000 чел. населенія Финляндіи. До 1899 г., какъ извѣстно, у насъ были особыя финскія войска, комплектовавшіяся по особымъ же правиламъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Затѣмъ, по расформированіи этихъ войскъ, былъ составленъ проектъ распространенія на Финляндію общаго устава о воинской повинности. Но въ дѣйствіе предположенія введены не были и, такимъ образомъ, населеніе Финляндіи въ теченіе девяти лѣтъ воинской повинности не несетъ. Въ какой формѣ коммиссія требуетъ привлеченія финляндцевъ къ обязательной военной службѣ—она не объясняетъ: въ формѣ ли воссозданія системы, существовавшей до 1899 г., или въ формѣ назначенія финляндцевъ въ русскія войска. Если коммиссія имѣетъ въ виду вернуться къ прежнему порядку, то едва ли противъ этого станетъ по существу возражать финляндскій сеймъ. Но съ правовой точки зрѣнія, если Дума приметъ предложеніе коммиссіи, хотя бы въ формулѣ перехода къ очереднымъ дѣламъ, она совершитъ грубое вторженіе въ область финляндскаго автономнаго законодательства. Основные наши законы только въ одной статьѣ 2-ой упоминаютъ о Финляндіи, опредѣляя: „Великое Княжество Финляндское, составляя нераздѣльную часть Государства Россійскаго, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства“. Какія „дѣла“ для Финляндіи суть внутреннія—ближайшимъ образомъ въ общеперскихъ основныхъ законахъ не опредѣлено. Но все прошлое и весь строй управленія Финляндіи не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что привлеченіе мѣстнаго населенія къ отбыванію воинской повинности есть дѣло внутреннее. Нельзя забывать, что дѣйствіе манифеста 3 февраля 1899 г. приостановлено. Слѣдовательно, манифеста этого, какъ дѣйствующаго закона, не существуетъ.

Предположенія думской коммиссіи болѣзненно отозвались въ Финляндіи. Получивъ первыя извѣстія, „Nya Pressen“ писала: „Попытка теперешняго большинства Государственной Думы вмѣшаться въ дѣла Финляндіи доказываетъ или удивительное незваніе правового отношенія Финляндіи къ Имперіи, или намѣренное пренебреженіе онымъ. На основаніи своего права мы никогда не признаемъ, чтобы русской Государственной Думѣ принадлежали какія-либо полномочія по отношенію къ финляндскому законодательству, и чтобы она имѣла какое-

либо рѣшающее право по вопросу о воинской повинности Финляндіи или ея объема. Конечно, будутъ ссылаться на имперское законодательство, которое открывается февральскимъ манифестомъ 1899 г., относящимся къ вопросу о введеніи въ Финляндіи воинской повинности. Но, несмотря на то, что манифестъ этотъ только пріостановленъ, мы никогда не согласимся ни съ какимъ имперскимъ закономъ, который проводится въ иномъ порядкѣ, чѣмъ предписываемый нашими основными законами". Послѣ финляндскихъ запросовъ, внесенныхъ въ Думу, и послѣ роспуска сейма на основаніи положенія совѣта министровъ, страстность тона финляндской печати болѣе, чѣмъ понятна.

Въ желаніи комиссіи Государственной Думы привлечь къ воинской повинности всѣхъ инородцевъ нельзя не видѣть стремленія облегчить тягость повинности для коренного населенія. Мѣра эта, все-таки, была бы только паллативомъ. Главныя усилія должны быть направлены на уменьшеніе численнаго состава арміи мирнаго времени. И сдѣлать это возможно безъ ослабленія боевой силы. Послѣдняя война во-очію показала, что качество войска даже болѣе вѣрный и надежный факторъ на войнѣ, нежели количество. Комиссія предусматриваетъ возможность уменьшенія численнаго состава арміи, но подъ условіемъ усиленія техническихъ оборудованій. Мы не придаемъ такого первостепеннаго значенія крѣпостямъ и усовершенствованнымъ пушкамъ и ружьямъ. По нашему мнѣнію, первое, что нужно нашей арміи, улучшеніе условій воспитанія и обученія солдатъ и подготовки команднаго состава. Когда офицерскій составъ будетъ стоять на надлежащей высотѣ знаній и умѣній, когда нижніе чины въ теченіе всѣхъ трехъ лѣтъ службы ничѣмъ не будутъ отвлекаться отъ ихъ прямого дѣла, когда въ войскѣ восторжествуетъ цѣлесообразная законность отношеній между начальствующими и подчиненными,—тогда смѣло можно будетъ сократить кадры мирнаго времени хоть на половину. И тогда, съ освобожденіемъ арміи отъ нестроевыхъ элементовъ и съ упраздненіемъ командъ, не имѣющихъ военнаго значенія, получится возможность, при трехлѣтнемъ срокѣ службы, брать съ населенія столько новобранцевъ, сколько брали при шестилѣтнемъ. За два года, протекшіе послѣ демобилизаціи, ничего крупнаго въ указанномъ направленіи не сдѣлано...

Имя Н. П. Линевича получило широкую извѣстность, какъ боевого генерала, во время боксерскаго возстанія, когда онъ во главѣ международнаго отряда взялъ Пекинъ. Затѣмъ, какъ командующій войсками приамурскаго военнаго округа, онъ въ моментъ начала войны съ Японіей оказался въ силу закона во главѣ дѣйствующей арміи. Но на этомъ посту его скоро смѣнилъ генералъ Куропаткинъ, и Н. П.,

до отозванія намѣстника Е. И. Алексѣева и назначенія А. Н. Куропаткина главнокомандующимъ, находился въ тылу — въ Хабаровскѣ. Послѣ мукденскаго пораженія, покойный былъ назначенъ главнокомандующимъ. Боевыхъ дѣйствій послѣ этого уже не было. Въ исключительно тяжелыя условія его поставила, при отправленіи съ театра войны запасныхъ, желѣзнодорожная забастовка. Необходимо было во что бы то ни стало скорѣе освободить армию отъ горючихъ элементовъ, а дорога бастовала. Н. П. Линевиичъ имѣлъ достаточно рѣшимости войти въ сношенія съ забастовочнымъ комитетомъ и добился возобновленія движенія воинскихъ поѣздовъ. За это его обвинили въ потворствѣ революціи. Онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, и надъ нимъ производилось слѣдствіе, затѣмъ прекращенное. Не беря на себя одѣлки покойнаго Н. П. Линевиича, скажемъ только, что вся его долгая служба прошла въ тяжелой строевой обстановкѣ, на окраинахъ, и что онъ пользовался большою популярностью среди солдатъ.

ПОПРАВКИ.

Въ статьѣ (I) „Отрывки изъ воспоминаній“ (см. выше: стр. 5—57) слѣдуетъ исправить:

На стр. 35, строч. 6 св. напечатано: Николаевичъ,
вмѣсто: Михайловичъ.
„ „ 51, „ 2 „ напечатано: Подколесина,
вмѣсто: Кочкарева.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1908 г.

(Сорокъ-третій годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 27 до 28 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ	По полугодіямъ		По четвертямъ года:			
		Январь	Томъ	Январь	Апрѣль	Томъ	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	16 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересл. за границей, въ госуд. почтов. коробѣ	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вместо разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и въ апрѣлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, октябрѣ и въ октябрѣ, ариваются — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обыною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

въ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В.-О., 5 л., 28;
- въ отдѣльныхъ Конторахъ: при книжн. маг. К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфа, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

въ КИЕВѢ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатицк., 33.

въ МОСКВѢ:

- въ книжномъ магазинѣ П. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Печковскихъ линияхъ.

въ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магазинѣ „Образованіе“, Ритшельвскій, 12.

въ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ П. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ почтоваго отдѣла почтоваго учрежденія, гдѣ (№) *допускается* выгача журналовъ, если нѣтъ таковаго учрежденія въ таковомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иностраніе, доплачиваютъ 1 руб. — 3) *Дѣленія* на неоплатимости доставки доставляются попочтительно изъ Редакціи журнала, если послѣдняя была сдѣлана въ установленномъ мѣсяцѣ и, исключая отсыланію отъ Почтоваго Департамента, не можетъ быть по получены сдѣланной книги журнала. — 4) *Высланы* на получение журнала высылаются Конторѣ только тѣмъ же иностранцамъ или иностранцамъ похвѣстными, которые принимаютъ въ почтовой коробѣ 14 док. почтовыми ярлыками.

Издателъ и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галеріал., 20.

Вас. Остр., Google

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Петербургская-Сторона, Бронверская ул., 21.

ВЪСТЪПЪКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ

ЛІТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 6.

ЮНЬ, 1908.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 6-я. — ЮНЬ, 1908.

I.—ВОТСМУТЬ. — Очеркъ. — I-V. — М. М. Ковалевскаго.	473
II.—ИТОГИ.—Посмертное стихотвореніе. — А. М. Жемчужникова	519
III.—ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ЖЕМЧУЖНИКОВА.—I-VII.—Н. А. Котляревскаго.	534
IV.—ПЕЧАЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ.—Изъ Ф. Коши.—Съ франц. П. Н.	539
V.—ВЪ СТЕПЯХЪ СЪВЕРНАГО КАВКАЗА.—Очеркъ.—I-III.—С. И. Васюкова	547
VI.—НА МЕРТВОМЪ ЛБОРЬ.—Повѣсть.—I-XIV.—В. Уманова-Капдуновскаго	571
VII.—РАБОЧАЯ ПАРТІЯ ВЪ АНГЛІИ И ЕЯ РУКОВОДИТЕЛИ.—I-VI.—С. И. Раповорта.	619
VIII.—НЬ СТИХОТВОРЕНІИ СКОЛЛИ-ПРИДОМА.—16. Погода.—17. Дѣсь.—18. На набережной.—19. Мое небо.—Съ франц. С. Пляуэ.	641
IX.—ПРЕДКИ.—Романъ Джертруди Асертонъ.—Ancestors ² , by G. Atherton.—Часть первая.—I-XII.—Съ англ. О. Ч.	645
X.—СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРИИ НАШЕЙ ПОЛИТИКИ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.—А. С.—Ъ.	685
XI.—БРЕТОНСКІЯ ЛЕГЕНДЫ.—III. Солнеч.—IV. Владика Пазль и Горригана.—К. Вальвонга.	699
XII.—ТАЙНЫЙ АГЕНТЪ.—Романъ.—Joseph Conrad, The Secret Agent.—VII-XIII.—Оригиналъ.—Съ англ. Э. В.	704
XIII.—ПОПЕЧЕНІЕ О НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ.—А. О. Кошъ.	773
XIV.—ХРОНИКА.—ВЫБОРНЫЙ МИРОВОЙ СУДЪ И ЕГО ОРГАНИЗАЦІЯ.—К. К. Арсенъева	790
XV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Союзъ 17-го октября изъ третьей Государственной Думы.—Лѣны и правы октябристы.—Желтлопородная „дѣлота“.—Предки власти эрелдолози Думи.—Законопроектъ о контингентѣ и опрехъ.—Пренія по фидландскому вопросу.—Учащавіиеліи обращенія къ угрожаю и къ трубой силѣ.—Способы въхъ предупредженія.—Полемика между „Рѣчь“ и „Русь“.—Облаженіе генерала Думбаде	807
XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Сочиненія Пушкина, т. II.—II. Т. Солодовская, Русское масонство.—III. Ссылки и заточеніи въ острогъ Соловецкаго монастыря, въ XVI—XIX в.в., М. Козлова.—IV. В. Вересевъ, На войнѣ.—V. Г. Васильевскій, Интеллигентная земледѣльческа община Кривина.—VI. Шаповъ Аль, Рассказы.—VII. Изъ Бунинъ, т. IV.—М. Г.—VIII. Эд. Вернагелъ, Исторія рабочаго движенія въ Берлині.—IX. Фиданши Россіи въ связи съ эконимическими возмженіями ея населенія, С. О. Х.—А. Кауфманъ, Аграрный вопросъ въ Россіи, кн. I.—XI. П. Осалтій, Почтовая, телеграфная и телефонная сообщенія въ Европѣ.—В. В.—Новыя слиты и бронзы.	826
XVII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Причины политическаго безвѣдства въ Европѣ.—Германія и мароккскій вопросъ.—Личныя слабости и увлеченія императора Вильгельма II.—Побѣда союзныхъ германскихъ государей въ Вѣну.—Алгерійская гѣна.—Президентъ Филдери въ Англіи и англо-французскій союзъ.	861
XVIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—Anatole France, Vie de Jeanne d'Arc.—Э. В.	871
XIX.—ЗАМѢТКА.—Исторія Пеламіи въ историческомъ романѣ Шурва Галдоса.—А. Шенелевича.	881
XX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Знакомъ избороваго процесса.—Независимость судебной власти и депутатская независимость.—Дѣлота генерала Думбаде изъ его собственномъ вѣдомствѣ.—Своеобразное политичане ладности вверху и его отраженіе внизу.—А. А. Бакуева и П. А. Борсаковъ †	885
XXI.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Высочайше утвержденного Комитета по устройству въ Москвѣ Музея 1813 года	901
XXII.—ВНѢПОГРАФИЧЕСКІЯ ЛІСТОКЪ.—Авт. Онокъ, проф., Исторія политическаго законона до Адама Смита.—В. Сергѣевичъ, Древности Русскаго Прова.—Шаръ Дикъ, Юстинианъ и Византийская юридичанія въ VI-мъ вѣкѣ.—Н. В. Гоголь, П. Потларевскаго.—„Брунонь Сѣва“, кн. II, Горбунова-Посадовъ, ч. 2-я: По Европѣ.	

ПОРТСМУТЬ

О Ч Е Р К Ъ .

Портсмуту выпало въ удѣлъ играть немаловажную роль въ исторіи нашего недавняго развитія. Одни не прочь опредѣлять его значеніе, вызывая въ памяти наиболѣе трагическій моментъ въ жизни новой Россіи,—Прутъ; другіе, быть можетъ, съ большимъ основаніемъ сближаютъ его съ Севастополемъ, открывшимъ своимъ паденіемъ эру многознаменательныхъ реформъ,—реформъ столь же чреватыхъ послѣдствіями, какъ и созданіе у насъ, вслѣдъ за Портсмутомъ, народнаго представительства. Я готовъ выразить надежду, что Портсмуть — не только исходный моментъ внутренняго обновленія Россіи, но имъ заканчивается также героическій и по тому самому не лишенный нѣкотораго авантюризма періодъ нашей внѣшней политики. Мы охотно воевали и на Западѣ, и на Востокѣ, то ища естественныхъ границъ, то—возсоединенія одноплеменныхъ съ нами народностей, то—простого занятія земель, якобы никому непринадлежащихъ и во всякомъ случаѣ столь слабо охраняемыхъ, какъ лѣвый берегъ Амура въ моментъ занятія его Муравьевымъ.

Разсужденія о „великой Россіи“, какъ и о нашей провиденціальной миссіи по отношенію къ славянскому міру, въ счастью, не вызываютъ болѣе того внезапнаго подъема воинственности, той самоувѣренной готовности „шапками забросать“, которой суждено было сыграть немалую роль и въ нашемъ рискованномъ походѣ на Венгрію въ интересахъ Габсбургскаго дома, въ нашемъ недавнемъ напорѣ на Корею, неизвѣстно въ чьихъ интересахъ,—французы сказали бы: „roug le roi de Prusse“, и, притомъ, остались бы близкими къ истинѣ. Или я очень ошибаюсь, или обновленная Россія все болѣе и болѣе проникается

мыслью о томъ, что внѣшняя политика управляется интересами народа, и что эти интересы, согласно старой поговоркѣ, лежатъ скорѣе въ „дурномъ мирѣ“, чѣмъ въ „доброй ссорѣ“. Какъ бы несходительно мы ни отнеслись къ тому порывистому „Drang nach Osten“, который вызвалъ занятіе нами Манчжуріи, постройку крѣпости въ Портъ-Артурѣ и открытаго всему міру торговаго порта въ Дальнемъ, наконецъ—милліонныхъ лѣсопилень на Ялу въ Сѣверной Корей; сколько бы мы ни защищали этихъ опрометчивыхъ шаговъ необходимостью завоевывать новые рынки для нашей искусственно насажденной промышленности и предупреждать своевременнымъ захватомъ чужихъ плохо обороняемыхъ земель предвидимый въ будущемъ напоръ желтой расы,—но простой здравый смыслъ, внезапно просвѣтленный полученнымъ урокомъ, неотвязно подсказываетъ намъ отрицательное отношеніе къ нашимъ недавнимъ начинаніямъ. А что урокъ не прошелъ даромъ, что мы поняли необходимость считаться въ нашей внѣшней политикѣ съ разумными интересами сосѣднихъ націй, доказательство этому представляетъ недавнее выдѣленіе зонъ вліянія: для японцевъ—Кореи и Южной Манчжуріи, для англичанъ—прилегающей къ морю и Афганистану части Персіи, для австрійцевъ, наконецъ,—въ направленіи къ Салоникамъ. Портсмутъ останется также памятнымъ въ лѣтописяхъ нашей дипломатіи, какъ одна изъ ея несомнѣнныхъ побѣдъ, побѣдъ неожиданныхъ и потому произведшихъ міровое впечатлѣніе. Будущее покажетъ, насколько имъ созданы диллжіясы отношенія, а не заключена только временная сдѣлка, отсрочивающая неизвѣстно на сколько времени окончательную развязку, еще болѣе для насъ роковую. Тѣ, которые придерживаются этого послѣдняго взгляда, не прочь думать, что Портсмутъ не только ничего не исправилъ, но наоборотъ, подготовилъ для насъ новыя пораженія. Въ „Новомъ Времени“ г. Меншиковъ объявляетъ роковой ошибкой „не докончить великой войны“, и утверждаетъ, что „эта ошибка создала для насъ переворотъ отношеній до того громадный, что онъ не умѣщается въ сознаніи большинства. Отдаленный Востокъ изъ наименѣе уязвимой окраины превратился въ наиболѣе уязвимую. До несчастной, брошенной на половинѣ кампаніи, Россія—пишетъ онъ—представляла собой гигантскую равнину, открытую лишь съ Запада; теперь хвостъ ея разбитъ и сложилась крайняя опасность не столько западнаго, сколько восточнаго вторженія... Именно тутъ, какъ слѣдствіе постыдно недодѣланнаго дѣла, сложилась та линія наименьшаго сопротивленія, что сама привлекаетъ къ себѣ

величайшій напоръ" ¹⁾. Мы увидимъ въ послѣдствіи, насколько въ самихъ военныхъ сферахъ въ моментъ заключенія портсмутскаго мира считалось возможнымъ продолжать войну, или, выражаясь языкомъ г. Меньшикова, додѣлать недодѣланное. Но совершенно независимо отъ рѣшенія этого вопроса въ ту или другую сторону, Портсмуть можетъ быть финаломъ старой розни или источникомъ ея продолженія, смотря по тому, насколько серьезно имъ обеспечены дѣйствительные интересы обѣихъ сторонъ.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, какъ мнѣ кажется, съ очевидностью громадное значеніе и современность вопросовъ, связанныхъ съ великимъ актомъ, заключеннымъ въ Портсмуть въ августъ 1905 года. Все, что можетъ дать новое освѣщеніе ходу этихъ еще недавнихъ событій, или восполнить хотя бы нѣкоторыми штрихами извѣстную уже намъ картину ихъ, несомнѣнно въ правѣ рассчитывать на вниманіе широкихъ круговъ нашей читающей публики. Несомнѣнно, много новыхъ матеріаловъ будетъ привлечено со временемъ къ оцѣнѣ этого мирового событія. Окончательное слово о немъ будетъ сказано не вскорѣ. Но это едва-ли избавляетъ насъ отъ необходимости подводить хотя бы временные итоги по мѣрѣ накопленія новыхъ данныхъ, позволяющихъ отнестись критически къ сложившимся въ обществѣ представленіямъ. Одну изъ такихъ попытокъ раскрыть хотя бы на половину завѣсу, заслоняющую отъ нашихъ глазъ сокровенныя пружины событій, поведшихъ къ портсмутскому миру, представить настоящая статья. Многое въ ней не договорено, а кое-что оставлено невыясненнымъ. Авторъ не признаетъ себя въ правѣ указать на ближайшій источникъ своихъ свѣдѣній. Онъ беретъ передъ читателемъ нравственную отвѣтственность за ихъ достовѣрность, признавая самъ въ то же время ихъ неполноту. Отсюда неизбежны недочеты и возможность смотрѣть на предлагаемую работу только какъ на нѣчто предварительное.

I.

По мѣрѣ того, какъ отступленіе слѣдовало за отступленіемъ, а пораженіе за пораженіемъ, лица, сдѣлавшія рядъ тщетныхъ усилій предупредить войну, признавали себя обязанными поднять голосъ въ пользу мира. Еще въ концѣ февраля 1905 года со-
вѣтъ въ этомъ смыслѣ данъ былъ однимъ изъ государственныхъ

¹⁾ „Новое Время“ отъ 13 марта 1908 г.

людей, временно оказавшихся не у дѣль. Онъ полагалъ, что для успокоенія Россіи необходимо открыть переговоры о томъ, на какихъ условіяхъ можетъ послѣдовать прекращеніе враждебныхъ дѣйствій и привести въ то же время наискорѣйшимъ образомъ въ исполненіе порученіе, данное свыше статсъ-секретарю Булыгину. Дальнѣйшее продолженіе чудовищныхъ кровопролитій казалось ему особенно опаснымъ при томъ настроеніи умовъ, какое начинало господствовать въ Россіи. Можно было ждать при новыхъ пораженіяхъ страшныхъ катастрофъ въ будущемъ. Продолженіе войны представлялось возможнымъ только подъ условіемъ новыхъ громадныхъ затратъ деньгами и обширнаго набора людей. Но то и другое грозило разстроить финансовое и экономическое положеніе страны. А такъ какъ съ ростомъ бѣдности можно было ожидать новаго озлобленія и „помраченія духа“, то изъ этого дѣлался тотъ выводъ, что и за-границей Россія потеряетъ кредитъ, и заграничные держатели нашихъ фондовъ, въ томъ числѣ вся французская буржуазія, перейдутъ на сторону нашихъ враговъ. Что касается до мобилизаціи новыхъ военныхъ силъ, то казалось невозможнымъ произвести ее иначе, какъ путемъ принужденія. Такъ мало популярна была война въ средѣ призываемыхъ къ ней. Опасаясь въ то же время слабаго урожая и появленія холеры, сторонники мира видѣли основаніе бояться обращенія начавшихся уже аграрныхъ безпорядковъ въ „ураганъ“. Вѣра въ военный геній генерала Куропаткина была поколеблена. Предсказывали, что ему не удержаться въ Талинѣ. Съ потерей же Харбина—Уссурійскому краю грозило быть отрѣзаннымъ. Въ успѣхъ Рождественскаго и его эскадры также имѣлось мало вѣры. Пишущій эти строки слышалъ въ морскихъ сферахъ въ Парижѣ, что при томъ флотѣ, какой поставленъ былъ въ распоряженіе адмирала Рождественскаго, надо было считать уже большимъ успѣхомъ прибытіе его на островъ Мадагаскаръ. Рѣдко кто ожидалъ услышать о томъ, что ворабли Небогатова очутятся когда-либо въ „желтыхъ“ моряхъ. Тѣ же опасенія, очевидно, руководили и людьми, рекомендовавшими въ Россіи открыть поскорѣе мирные переговоры. Нѣкоторыя великія державы не прочь будутъ, какъ полагали, предложить свое посредничество. Если, несмотря на послѣднее, условія, предъявленные японцами, окажутся неприемлемыми, то самый этотъ фактъ вызоветъ необходимое измѣненіе въ настроеніи русскаго населенія къ войнѣ. Весь народъ въ такомъ случаѣ, полагали совѣтчики, подымется, какъ одинъ человекъ, „для защиты Царя и своей чести“.

Когда вспоминаешь о тѣхъ толкахъ, какіе ходили въ это время насчетъ пассивнаго отношенія крестьянъ къ войнѣ „изъ-за арендованной“, какъ они выражались, земли, то невольно приходится на умъ, что одно только опасеніе за цѣлость и единство имперіи могло внушить болѣе бодрое отношеніе къ походу, необходимости котораго большинство, повидимому, не допускало и который въ то же время ни разу не ознаменовался даже скромной удачей съ нашей стороны.

Совѣты въ родѣ тѣхъ, содержаніе которыхъ было только-что приведено, появлялись и на столбцахъ иностранной печати. Но одинъ уже этотъ фактъ заставлялъ руководящія сферы относиться къ нимъ съ большою подозрительностью. Нечего и говорить, что люди, поставленные во главѣ войска и морского министерства, не были склонны считать кампанію потерянной. И впоследствии адмиралъ Бирилевъ отказывался признавать русскихъ побѣжденными, даже несмотря на взятіе японцами Портъ-Артура и разгромъ нашего флота подъ Цусимой. „Мнѣ неясно, — писалъ онъ министру иностранныхъ дѣлъ, отъ 7-го августа 1905 года, — почему мы держимъ себя разбитой и уничтоженной стороной?.. Мы терпѣли, правда, пораженія, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Но потеря флота нисколько не ухудшила положенія арміи, живущей самостоятельной жизнью и только-что пришедшей въ надлежащій боевой порядокъ. Мы имѣемъ армію не хуже японской и научились на горькомъ опытѣ... Сейчас не знаю, кто больше нуждается въ мирѣ, мы или Японія. Думаю, что послѣдняя, такъ какъ ей не на что вести войну“. Миротлюбивые совѣты, исходившіе отъ иностранныхъ правительствъ, адмиралъ Бирилевъ готовъ былъ объяснять ихъ заинтересованностью. „Америка и Англія дали деньги въ долгъ Японіи, — писалъ онъ, — и не знаютъ, какъ получить свои капиталы обратно“. Миръ, обезпечивающій японцамъ платежъ контрибуціи, всего бы болѣе успокоилъ, разумѣется, ея кредиторовъ“. Нужно ли прибавлять, что изъ среды арміи не получалось никакихъ ходатайствъ о скорѣйшемъ заключеніи мира. Русскіе военачальники, послушные долгу чести и рассчитывая на продолженіе героическихъ подвиговъ со стороны высшихъ чиновъ, ни единымъ словомъ не выдавали своихъ опасеній за будущее, не то что въ концѣ февраля, а и въ началѣ августа. Во всеподданнѣйшей запискѣ, отъ 8-го августа 1905 года, министръ иностранныхъ дѣлъ, резюмируя отзывы отдѣльныхъ вѣдомствъ, говоритъ о военномъ, что по мѣрѣ того, какъ армія генерала Линевича получала все большія и большія подтвержденія, стали

съ новою настоятельностью (несмотря на русимское поражение) раздаваться голоса за продолженіе войны въ увѣренности, что успѣхъ нынѣ за нами обезпеченъ.

Не мудрено, если въ такихъ условіяхъ Державный Вождь русскаго государства не считалъ возможнымъ прислушаться къ одинокимъ еще голосамъ тѣхъ изъ высшихъ сановниковъ имперіи, которые, рискуя своимъ положеніемъ, имѣли смѣлость настаивать на открытіи переговоровъ о мирѣ. Въ сферахъ, близкихъ ко Двору, еще въ началѣ іюня, попытки доказать немислимость для насъ военныхъ успѣховъ, попытки въ родѣ той, какая сдѣлана была одновременно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, не встрѣчали сочувствія. Армія—заявляли онѣ—„желаетъ, должна желать, продолженія войны, потому что возвращаться ей битой не придется; тогда гѣсенка нашей военной силы была бы слѣта. Окраины, Украина, инородцы, евреи и вольное Поволжье, „какъ не имѣющіе гражданскаго сознанія и чувства принадлежности своей къ государственному тѣлу Россіи (sic), одни хотятъ мира, каковъ бы онъ ни былъ. Вся же остальная часть населенія дорожитъ своимъ національнымъ достоинствомъ и не поступится имъ“. Въ томъ же письмѣ имѣлось болѣе утѣшительное извѣстіе, что „главнокомандующій и командующіе тремя арміями освѣдомлены о силахъ непріятели и что одна лишь невозможность говорить о нашихъ стратегическихъ предположеніяхъ заставляетъ оставить безъ возраженія пессимистическую оцѣнку „Русскихъ Вѣдомостей“. Въ придворныхъ сферахъ не производило должнаго впечатлѣнія и то соображеніе, что „все предшествующее говорило о возрастающей трудности покончить войну выгоднымъ миромъ“.

Въ этомъ „предшествующемъ“ можно было указать моментъ, когда давно подготовлявшіеся къ войнѣ японцы не прочь были предупредить ея наступленіе прямымъ соглашеніемъ съ Россіей. Въ этомъ смыслѣ сдѣланы были ими въ 1903-мъ году нѣкоторые предложенія при посредствѣ Курино. Тѣ изъ нашихъ государственныхъ людей, которые желали избѣжать столкновенія Россіи съ имперіей Восходящаго Солнца, въ правѣ были ссылаться поэтому на то, что пренебрежительное отношеніе къ заявленіямъ Японіи, въ разное время сдѣланнымъ и до, и послѣ поѣздки маркиза Ито, сперва въ Россію, а затѣмъ уже въ Англію, въ значительной степени подготовили наши неуспѣхи на Дальнемъ Востокѣ. Изъ прошлаго они выводили то заключеніе, что та же несговорчивость грозитъ увеличить при дальнѣйшемъ ходѣ событій японскія требованія. Нужно было—писали они—заклучить миръ до взятія Портъ-Артура; тогда условія, сравнительно съ предло-

женными намъ въ июль 1903 г., были бы только немного хуже прежнихъ; и позднѣе—надо было заключить миръ до мукденскаго сраженія, заключить его, когда Рождественскій только появился въ Китайскомъ морѣ. Но всего этого не было сдѣлано. А кто поручится въ томъ, что послѣ новаго боя съ арміей Ливенвица японцы не поставятъ намъ болѣе тяжелыхъ условій, чѣмъ прежде? Такъ какъ въ июнѣ можно было уже предвидѣть высадку японцевъ на Сахалинъ и ближайшую осаду ими Владивостока, то сторонники мира предсказывали, что заключить его на выгодныхъ для насъ условіяхъ съ каждымъ днемъ станетъ труднѣе и труднѣе. „Какъ старый преподаватель математики,— писалъ одинъ изъ нихъ,— я вывожу такую формулу: тягость условій будетъ пропорціональна длительности военныхъ дѣйствій. Ссылки на то, что однѣ окранны, какъ не проникнуты истинно-русскимъ духомъ, относятся отрицательно въ войнѣ, которой, наоборотъ, желаетъ вся коренная Россія, встрѣчали справедливый отпоръ въ замѣчаніи: а откуда мы знаемъ, что думаютъ не „истинно-русскіе“, а простые русскіе люди? И дѣйствительно, недовольство безплоднымъ кровопролитіемъ было распространено въ Москвѣ или въ Петербургѣ, въ Твери или въ Смоленскѣ, не меньше, чѣмъ въ Одессѣ, Варшавѣ или Нижнемъ. Хотя въ Москвѣ и печатались Грингмутомъ патриотическія воззванія и рядомъ съ ними телеграммы изъ Парижа за подписью предсѣдателя „Славянскаго Общества“, Черепъ-Спиридовича, о японскомъ золотѣ, будто бы питающемъ миролюбивое настроеніе либераловъ, но ни приподнятый тонъ, ни до очевидности глупые навѣты, не производили ожидаемаго впечатлѣнія, и сама газета продолжала расходиться въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. И это въ то время, когда „Русское Слово“, съ корреспонденціями Немировича-Данченко съ театра военныхъ дѣйствій, достигало тиража въ двѣсти тысячъ, а „Русскія Вѣдомости“, съ предсказаніями возможныхъ неуспѣховъ въ близкомъ будущемъ, насчитывали никогда не превзойденное съ тѣхъ поръ число подписчиковъ.

Изъ всего сказаннаго легко придти къ тому заключенію, что мнѣнія насчетъ желательности или нежелательности продолженія военныхъ дѣйствій были крайне раздѣлены въ Россіи въ тотъ самый моментъ, когда Америка выступила съ предложеніемъ своего посредничества. Не только военные, но и придворныя сферы высказывались за продолженіе войны. Ихъ мысли находили откликъ въ консервативной печати, не имѣвшей большого распространенія въ населеніи. Масса читающей публики,

если судить по размѣрамъ распространенія газетъ миролюбиво настроенныхъ, относилась съ опасеніемъ къ возможности новыхъ неудачъ на Дальнемъ Востокѣ. А въ крестьянской средѣ война, никогда не пользовавшаяся сочувствіемъ, становилась съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе популярной.

II.

Но почему, спрашивается, починъ предложенія о мирныхъ переговорахъ вышелъ изъ Соединенныхъ Штатовъ? Таковъ вопросъ, послѣ минутнаго размышленія, можетъ показаться нѣсколько наивнымъ, и если мы поставили его, то только потому, что взоры нашей дипломатіи обращены были одно время въ сторону другихъ державъ, имѣющихъ несравненно меньше соприкосновенія съ вопросами тихоокеанской политики, нежели могущественная федерація, способная одна оспаривать владычество на морѣ у имперіи Восходящаго Солнца. Въ этомъ, разумѣется, обстоятельствѣ и лежитъ ближайшая причина того, что переговоры о мирѣ, призванномъ измѣнить распредѣленіе сферъ вліянія на Восточномъ океанѣ, могли завязаться не въ Парижѣ и Гаагѣ, а въ Америкѣ. Она тѣмъ больше интересовалась исходомъ русско-японской войны, что ея даны были въ значительной мѣрѣ средства на ея веденіе. Безъ новаго американскаго кредита флотъ Того и войска Оямы были бы безсильны покончить къ выгодѣ ихъ родины величайшее изъ бывшихъ доселѣ столкновеній желтой и бѣлой расы. Если бы общественное мнѣніе Америки осталось попрежнему на сторонѣ японцевъ и всѣ интересы Соединенныхъ Штатовъ не сходились въ одномъ—скорѣйшемъ заключеніи мира на такихъ условіяхъ, которыя, удовлетворяя національному самолюбію японцевъ и обезпечивая ихъ платежную способность, въ то же время не переносили бы въ ихъ руки гегемоніи на Тихомъ океанѣ, то русскимъ уполномоченнымъ или, вѣрнѣе, графу Витте, никогда бы не удалось вернуться изъ Портсмута съ текстомъ трактата, гарантирующаго, какъ мы смѣемъ надѣяться, на многіе годы спокойствіе на Дальнемъ Востокѣ. Вся ловкость графа Витте состояла именно въ умѣннй расположить къ себѣ дотолѣ враждебное къ Россіи общественное мнѣніе Соединенныхъ Штатовъ, склонить его въ свою пользу такъ рѣшительно, что и президентъ Рузвельтъ, несмотря на личныя отношенія и товарищескія симпатіи, связывавшія его съ однимъ изъ японскихъ дипломатовъ, долженъ былъ подчиниться вліянію того

подъема сочувствія въ народу бѣлой расы и христіанской вѣры, каковой сказался въ самыхъ нѣдрахъ американскаго общества. Нашимъ уполномоченнымъ сдѣлано было въ этомъ отношеніи все возможное, вплоть до переговоровъ съ еврейскими банкирами—не о займахъ, а о средствахъ обезпечить личную и имущественную безопасность ихъ единовѣрцевъ въ Россіи. Кто знаетъ ту роль, какую въ Соединенныхъ Штатахъ вообще и, въ частности, въ приатлантическихъ, столько же въ Нью-Йоркѣ, сколько и въ Массачусетсѣ, играютъ послѣдователи Моисеева закона, тому легко понять, какое значеніе могли имѣть откровенныя бесѣды графа Витте съ такими лицами, какъ Яковъ Шиффъ, Оскаръ Страусъ, Исаакъ Зелигманъ, Адольфъ Левинсонъ и Адольфъ Браусъ. Въ этихъ бесѣдахъ графъ Витте, ничего формально не обѣщая, не столько оправдывалъ, сколько извинялъ политику русскаго правительства по отношенію къ евреямъ, давая понять, что она встрѣчаетъ критиковъ и въ средѣ русскихъ государственныхъ дѣятелей и потому несомнѣнно можетъ подвергнуться значительнымъ измѣненіямъ въ близкомъ будущемъ. Газеты сообщали о томъ впечатлѣніи, какое сразу произвелъ при своемъ появленіи въ американской толпѣ русскій государственный сановникъ, охотно протягивавшій руку всѣмъ, кто оказалъ ему малѣйшую услугу, не исключая изъ этого числа и чиновниковъ желѣзнодорожнаго управленія, и переселившихся въ Америку русскихъ евреевъ, которыхъ ему, ради личной его безопасности, совѣтовали остерегаться, и съ которыми онъ, тѣмъ не менѣе, при встрѣчѣ, завязывалъ бесѣду. Его готовность пойти навстрѣчу требованіямъ американской печати, — которая, разумѣется, всегда стремится сдѣлать гласнымъ то, что дипломаты любятъ устраивать келейно, — была также, какъ нельзя лучше, направлена къ тому, чтобы представить въ выгодномъ освѣщеніи тѣхъ, кого дотошъ привыкли считать естественными союзниками ненавистнѣйшаго въ глазахъ американцевъ „вершенія дѣлъ самъ-третей“.

Кто, подобно мнѣ, слѣдилъ изъ Европы по американскимъ газетамъ за происходившимъ въ Соединенныхъ Штатахъ переходомъ симпатій съ побѣдоносной Японіи на терпѣвшую неудачи Россію, тому легко было поддаться надеждѣ, что, при всѣхъ трудностяхъ задачи, при бросающейся въ глаза чрезмѣрности требованій съ одной стороны и упорствѣ—другой, обстоятельства все же должны сложиться въ концѣ концовъ въ направленіи намъ благоприятномъ. И эти надежды оправдались, оправдались именно потому, что общественное мнѣніе Америки въ рѣшительную минуту сознало интересы, связывающіе ее съ христіанской и бѣлой на-

цией, — не запугиваемой болѣе русской политикой „закрытыхъ дверей“ и въ то же время ревниво относящейся къ внезапному росту военнаго и политическаго могущества чуждаго ей по расѣ, вѣрѣ и культурѣ желтаго племени. Когда, 25-го мая 1905 года, американскій посолъ фонъ-Ленгерве-Мейеръ сообщилъ на аудіенціи Государю о готовности президента Рузвельта предложить обѣимъ воюющимъ державамъ свои посредническія услуги и устроить встрѣчу уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ для выясненія вопроса о возможности прекращенія войны, и русская, и европейская печать какъ будто не сразу сумѣли дать себѣ отчетъ въ томъ, что именно Америка, а не кто другой помимо нея, и призвана обстоятельствами проложить дорогу къ прекращенію напрасно дѣшагося кровопролитія. Эта послѣдняя мысль съ большой ясностью была выражена въ инструкціи, данной американскому послу президентомъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ ней высказывается убѣжденіе всѣхъ, какъ говорить президентъ, стоящихъ внѣ спора, и въ томъ числѣ самыхъ горячихъ друзей Россіи, что настоящая война для нея безнадежна и можетъ кончиться только потерей русскихъ владѣній въ Восточной Азіи. Чтобы предупредить такое событіе, которое президентъ уже считаетъ катастрофой (*désastre*) и катастрофой неизбежной, господинъ Рузвельтъ рѣшается предложить обѣимъ сторонамъ на свой личный страхъ и отвѣтственность, помимо всякаго вмѣшательства со стороны, выяснить вопросы о возможныхъ условіяхъ мира. Русскій посолъ при американскомъ дворѣ, графъ Кассини, первый услышалъ изъ устъ президента предложеніе на этотъ счетъ. При этомъ глава американскаго правительства не считалъ нужнымъ скрывать, что скорѣйшій миръ — въ интересахъ какъ Европы, такъ и Соединенныхъ Штатовъ. Кассини воспользовался представившимся случаемъ, чтобы бросить мимоходомъ мысль о томъ, что усиленіе японскаго флота на счетъ Россіи едва-ли въ интересахъ американскаго правительства. Самъ посолъ вынесъ то впечатлѣніе, что Рузвельтъ запуганъ недавними успѣхами японцевъ, имѣетъ на нихъ несомнѣнное вліяніе и хорошо расположенъ къ Россіи.

Къ представленіямъ американскаго правительства присоединились однохарактерныя отъ короля Эдуарда и отъ императора Вильгельма. Такъ какъ было полное основаніе рассчитывать на дружескую поддержку Франціи въ вопросѣ о мирѣ, то графъ Ламздорфъ, руководившій въ это время нашей иностранной политикой, предпочелъ „нынѣ же“ воспользоваться дружественными предложеніями французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Делькассе и при его посредствѣ узвать, на какихъ условіяхъ Японія

согласилась бы вступить въ мирные переговоры съ Россіей. Только послѣ того, какъ Делькассе высказалъ опасеніе насчетъ того, чтобы возможно было узнать объ этихъ условіяхъ отъ японскаго посла въ Парижѣ и чтобы министръ иностранныхъ дѣлъ въ Англии, лордъ Ленсдаунъ, которому они, вѣроятно, извѣстны, пожелалъ ихъ раскрыть, только тогда наша дипломатія остановилась на мысли дать дальнѣйшій ходъ американскому почину.

Нотой отъ 30-го мая 1905 года нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ увѣдомилъ американскаго посла при русскомъ Дворѣ, что императорское правительство не встрѣчаетъ въ принципѣ препятствій къ попыткѣ устроить свиданіе русскихъ и японскихъ уполномоченныхъ, буде японское правительство выразитъ на то свое желаніе. Того же числа получено было отъ графа Кассини изъ Вашингтона извѣстіе, что президентъ увѣренъ въ несогласіи Японіи на выборъ Парижа мѣстомъ для переговоровъ, и что это несогласіе обусловливается тѣми же причинами, которыя заставили бы насъ воспротивиться выбору Лондона. На эти сообщенія на слѣдующій же день графъ Ламадорфъ отвѣтилъ, что разъ выборъ Парижа встрѣтитъ препятствіе, императорское правительство готово отдать предпочтеніе Вашингтону, „гдѣ личное присутствіе инициатора свиданія, президента Рузвельта, могло бы оказать благотворное вліяніе на исходъ дѣла“. Отъ себя президентъ при переговорахъ съ японскимъ посланникомъ указалъ на Гаагу, — предложеніе, на которое охотно пошло и русское правительство; но японскій посолъ, снесшись объ этомъ съ Токио, получилъ отрицательный отвѣтъ, послѣ чего по необходимости пришлось остановиться на американскомъ городѣ. Такъ какъ въ лѣтнее время, благодаря жарѣ, нельзя было рѣшиться на выборъ ни Нью-Йорка, ни Вашингтона, то и дали предпочтеніе приморскому порту, связанному желѣзной дорогой съ резиденціей федеральнаго правительства и въ которомъ самъ президентъ готовъ былъ проводить жаркіе мѣсяцы. Такимъ образомъ, Портсмуту суждено было сдѣлаться историческимъ городомъ для двухъ могущественнѣйшихъ имперій Востока.

III.

Предстояло затѣмъ рѣшить вопросъ о выборѣ уполномоченныхъ. За отказомъ Нелидова и внезапною болѣзнью Муравьева, Государь рѣшился призвать сановника, столь же высоко поставленнаго, какъ тѣ японскіе уполномоченные—Комура и Та-

кагира, на которыхъ остановился выборъ микадо. Личность С. Ю. Витте, имѣвшаго не разъ случай обмѣниваться мыслями о восточномъ вопросѣ съ маркизомъ Ито, во время его миссіи въ Россію, и даже приглашеннаго микадо посѣтить его страну по случаю поѣздки министра финансовъ на Дальній Востокъ, очевидно, не могла рассчитывать на несочувственный приѣмъ въ Токио. Инструкція была уже выработана. Русскій государственный дѣятель могъ ознакомиться съ тѣмъ, чего отъ него ожидаютъ, а патриотизмъ и нежеланіе избѣгать какой бы то ни было отвѣтственности подсказали будущему графу рѣшеніе, согласное съ его долгомъ передъ престоломъ и родиной. Не легка была задача, принятая на себя самымъ выдающимся государственнымъ дѣятелемъ прошлаго царствованія. Обстоятельства значительно ухудшились въ тотъ короткий срокъ, который отдѣляетъ моментъ выработки инструкцій для Муравьева отъ принятія Сергѣемъ Юльевичемъ возложенныхъ на него полномочій. Въ инструкціи, данной Муравьеву 28 іюня 1905 года, уже можно было прочесть слѣдующее признаніе: „Возлагаемая на васъ задача была бы совершенно неосуществима, если бы не имѣющіяся данныя, что Японія также желаетъ окончанія войны, истощившей ея военныя и финансовыя ресурсы“. Совершенно неприемлемыми инструкціей признавались слѣдующія требованія съ японской стороны:

- 1) объ уступкѣ какой-либо части русской территоріи;
- 2) объ уплатѣ военной контрибуціи;
- 3) о разоруженіи Владивостока, лишеніи Россіи права держать на Тихомъ океанѣ военный флотъ и объ иныхъ ограниченіяхъ свободы дѣйствій Россіи въ водахъ этого океана;
- наконецъ, 4) объ уступкѣ Японіи желѣзнодорожныхъ линій, направляющихся во Владивостокъ.

Съ тѣхъ поръ какъ составлены были эти инструкціи, исчезло то благопріятное обстоятельство, на которое специально было обращено вниманіе въ нихъ, а именно, что за весь семнадцатимѣсячный періодъ войны японскія войска не заняли ни одной пяди русской земли. 24 іюня взять былъ ими портъ Корсаковский, а въ слѣдующій день, въ 8 часовъ утра, въ бухту Лососей вошли два миноносца и открыли огонь по Соловьевской позиціи. Корсаковский отрядъ сталъ отходить на сѣверъ, японская конница заняла Соловьевку. Въ Корсаковкѣ послѣдовалъ десантъ японскаго отряда всѣхъ трехъ родовъ оружія. Пять дней спустя, отъ генерала Ляпунова получено было донесеніе, помѣченное 29 іюня и сообщавшее, что въ ночь съ 27-го на 28-ое послѣдовало столкновеніе русскихъ съ японцами между Еланью и Владимирской,

доведенное до штыковъ. Отказъ Муравьева занять постъ перваго уполномоченнаго Россіи воспослѣдовалъ между 26-мъ и 29-мъ іюня, — день, въ который изготовлены были для С. Ю. Витте новыя, дополнительныя инструкціи.

Въ нихъ прямо говорится, что занятіе японскими войсками Корсаковскаго поста и Соловьевской позиціи на Сахалинѣ—причина, по которой нѣкоторыя соображенія, приведенныя въ письменныхъ полномочіяхъ, данныхъ Муравьеву, потеряли свое значеніе. Поэтому статсъ-секретарь Витте долженъ будетъ руководствоваться этими полномочіями лишь въ главныхъ основаніяхъ, а сверхъ того еще указаніями, какія Государю угодно будетъ сдѣлать ему. Въ случаѣ возбужденія, во время переговоровъ, новыхъ вопросовъ, С. Ю. Витте предстояло испрашивать новыхъ дополнительныхъ разъясненій. Задача нашего главнаго уполномоченнаго еще осложнялась тѣмъ обстоятельствомъ, что отъ него ждали, при большой несговорчивости по отношенію къ японскимъ требованіямъ, еще „установленія съ Японіей прочныхъ дружественныхъ отношеній, такъ чтобы за Россіей въ будущемъ было обезпечено на Дальнемъ Востокѣ положеніе, которое давало бы возможность направить наши созидательныя силы на внутреннее устроеніе имперіи и на охраненіе нашихъ жизненныхъ интересовъ какъ на Ближнемъ Востокѣ, такъ и на Западѣ“. Въ помощники С. Ю. Витте, помимо вновь назначеннаго въ Америку посла, барона Розена, даны были тѣ самыя лица, съ которыми долженъ былъ отправиться въ Соединенные Штаты Муравьевъ, въ томъ числѣ извѣстный профессоръ международнаго права Мартенсъ, тайный совѣтникъ Шиповъ, генерал-майоръ Ермоловъ, знатокъ Китая Покотилловъ, нашъ посланникъ въ Китаѣ, а также русскій военный агентъ въ Токио, подполковникъ Самойловъ ¹⁾. С. Ю. Витте долженъ былъ отплыть изъ Шербурга 13 іюля. Передъ оставленіемъ Европы онъ желалъ имѣть возможность посѣтить Парижъ, для свиданія съ Лубэ, Рувье и другими французскими дѣятелями, такъ какъ онъ находилъ, что ихъ хотя бы косвенное участіе въ вопросахъ, подлежащихъ обсужденію въ Америкѣ, можетъ быть для Россіи полезнымъ. Изъ русскихъ уполномоченныхъ баронъ Розенъ еще 1-го іюля 1905 года посѣтилъ президента Рузвельта—для передачи ему вѣрительной грамоты. По приходившимъ изъ Соединенныхъ Штатовъ свѣдѣніямъ, президентъ, принимая съ большой пре-

¹⁾ Сверхъ того, командированы были статскіе совѣтники Плясонъ и Коростовецъ, камеръ-юнкеръ Набоковъ и Капитанъ Русинъ.

дупредительностью вновь назначеннаго русскаго посла, въ то же время давалъ ему понять, что условія, на которыхъ японцы согласятся заключить миръ, ему неизвѣстны, но что онъ имѣетъ полное основаніе думать, что предложеніе Россіи сразу прекратить военныя дѣйствія, до заключенія договора о мирѣ, не встрѣтитъ сочувствія въ японскомъ правительствѣ.

Чтобы представиться президенту, барону Розену пришлось отправиться въ его лѣтнюю резиденцію Oyster-Bay на яхтѣ, поставленной г. Рузвельтомъ въ его распоряженіе. Послѣ обѣда привѣтствій, Рузвельтъ вступилъ съ нашимъ уполномоченнымъ въ оживленную бесѣду о войнѣ и предстоящихъ переговорахъ. Онъ не скрылъ отъ своего собесѣдника, что въ началѣ конфликта Россіи съ Японіей всѣ его симпатіи были на сторонѣ послѣдней, но съ ходомъ военныхъ событій сочувствіе его стало склоняться на сторону Россіи. Совершенное отгѣсненіе Россіи отъ береговъ Тихаго океана съ точки зрѣнія политическаго равновѣсія на Дальнемъ Востокѣ кажется президенту Рузвельту нежелательнымъ для Соединенныхъ Штатовъ. Считаая войну напередъ потерянною для русскихъ, Рузвельтъ не скрывалъ своихъ опасеній, что въ случаѣ ея продолженія мы можемъ лишиться не только Сахалина, но и всѣхъ нашихъ тихоокеанскихъ владѣній. Въ виду этого онъ совѣтовалъ поспѣшить съ заключеніемъ мира, какъ бы тяжелы ни были условія. „Ни миръ на Прутѣ, подписанный Петромъ, ни договоръ въ Парижѣ, закончившій крымскую войну, — говорилъ онъ, — не повредили военному престижу Россіи и не остановили естественнаго роста ея могущества. То же повторится и теперь“. Въ Соединенныхъ Штатахъ не всѣ одобряли внимательство президента въ русско-японскія отношенія и объясняли его одностороннимъ желаніемъ поддержать интересы Японіи и ея союзницы — Англіи. Рузвельтъ старался показать неосновательность такой оцѣнки его дѣйствій. Въ официальныхъ сферахъ Соед. Штатовъ также намекали на то, что англійское правительство явобы ставить на видъ японцамъ, что имъ рѣдко когда удастся воспользоваться болѣе выгоднымъ для нихъ положеніемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и нанести Россіи поражение, достаточно рѣшительное, чтобы вполнѣ обезсилить ее на Дальнемъ Востокѣ.

Такія заявленія шли въ разрѣзъ со свѣдѣніями, полученными нашей дипломатіей непосредственно изъ Англіи, и могли показаться тѣмъ болѣе невѣроятными, что едва ли и въ интересахъ союзницы Японіи было создавать ей положеніе властительницы восточныхъ морей ¹⁾. Рузвельтъ также утверждалъ, что Японія неохотно со-

¹⁾ Свѣдѣнія, полученныя нашей дипломатіей изъ Лондона, современнѣмъ вполнѣ

гласилась на вступление въ мирные переговоры съ Россіей. Русскій дипломатъ, прибывшій въ Америку изъ Токио, гдѣ онъ до начала войны исполнялъ обязанности нашего полномочнаго министра, не былъ расположенъ принять на вѣру и безъ всякихъ оговорокъ дѣлаемыя ему сообщенія. Онъ полагалъ, что, несмотря на всѣ успѣхи, ею одержанные и на морѣ, и на сушѣ, у Японіи нѣтъ необходимыхъ средствъ *вынудить* Россію къ заключенію мира и къ уплатѣ военной контрибуціи. Всѣ государственные доходы ея были, по его словамъ, заложены и перезаложены иностраннымъ кредиторамъ, такъ что Японія не была въ состояніи представить новаго обезпеченія для своихъ долговъ. Отсюда само собою явилось предположеніе, что японское правительство съ чувствомъ немалого облегченія приняло предложеніе Рузвельта о вступленіи въ мирные переговоры съ Россіей. Такая точка зрѣнія пользовалась довольно широкимъ распространеніемъ въ нашихъ руководящихъ кругахъ и поддерживала въ нихъ несговорчивость къ японскимъ требованіямъ. Только много времени спустя по заключеніи портсмутскаго договора, люди, хорошо освѣдомленные съ боевой готовностью Японіи въ моментъ заключенія мира, позволяли себѣ высказать взгляды, рѣзко расходившіяся съ только-что приведенными и несравненно болѣе отвѣчавшіе дѣйствительности. „Въ концѣ войны—писали они одному изъ участниковъ въ подписаніи портсмутскаго договора—Японія имѣла армію въ 342 батальона и все нужное для продолженія военныхъ дѣйствій, т.-е. готовыя укомплектованія, запасы и деньги. Существовало, конечно, извѣстное утомленіе войною, но въ массахъ держалось желаніе продолжить ее. Говорятъ, что на запросъ о томъ, воевать ли далѣе или нѣтъ, Ойама отвѣтилъ въ томъ же смыслѣ, что и наши военачальники. Но, разумѣется, нѣкто са-

подтвердился. Въ недавней статьѣ о портсмутскомъ мирѣ, появившейся въ „Revue de droit international et de législation comparée“, мы читаемъ слѣдующее объ отношеніи англійскаго общественнаго мнѣнія къ обонимъ воюющимъ въ моментъ открывшихся переговоровъ между Россіей и Японіей: „Какъ въ Германіи, такъ и въ Англій, — пишетъ проф. Рошковскій, авторъ упоминаемаго мемуара, — желали заключенія мира. Униженіе Россіи казалось выгоднымъ съ точки зрѣнія англійскихъ интересовъ; выигранное Японіей во время войны признавалось вполне обезпечивающимъ ея политическое и экономическое развитіе, а однѣ торговныя выгоды, ею приобретаемыя, настолько значительными, что сами собою онѣ покрывали всѣ убытки войны... Англія рада была, конечно, уменьшенію русскаго вліянія въ Авіи, но не желала ослабить его окончательно въ Европѣ, такъ какъ это усилило бы только авторитетъ въ ней Германіи. Это соображеніе заставило Англію настаивать передъ Японіей на принятіи ею условій мира. Она не хотѣла упразднить окончательно русскаго вліянія на Востоцкѣ и предложила Японіи свой союзъ въ возмѣщеніе концессій, сдѣланныхъ ек Россіи“ (Ц серія, томъ X, № 2, 1908 года, стр. 192 и 195).

мага текста этого отвѣта не видѣлъ. Дальѣйшій планъ кампаніи, насколько я могъ узнать, — писать то же лицо — состоятъ въ томъ, чтобы овладѣть Владивостокомъ. Осадный паркъ былъ уже на пути къ нему; предполагалось также занятіе Сахалина и открытіе военныхъ дѣйствій противъ Николаевска. Въ Манчжуріи же, повидимому, рассчитывали временно довольствоваться обороной. Итакъ, можно думать, что повуда мы собрались бы атаковать японцевъ, они завладѣли бы всѣмъ Уссурійскимъ краемъ и всѣмъ Сахалиномъ. Имъ хорошо было извѣстно, какъ недостаточны укрѣпленія Владивостока... Мысль о томъ, что японская армія была обезсилена, едва-ли можетъ считаться серьезной. Войско, несомнѣнно, было утомлено, комплектовалось хуже прежняго, но это обстоятельство едва-ли помѣшало бы японцамъ сразиться съ нами столь же успѣшно, какъ и раньше*.

IV.

Когда наши уполномоченные прибыли въ Америку, вѣра въ благоприятный исходъ переговоровъ, питаемая ими и ихъ родной, была такъ слаба, что со дня на день сами они и ихъ соотечественники стали ждать извѣстій о внезапной приостановкѣ совѣщаній. С. Ю. Витте не только считалъ себя связаннымъ полученными имъ инструкціями, но и поставилъ себя за правило постоянно сноситься по всѣмъ вновь возникавшимъ вопросамъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Ламздорфомъ. Въ бесѣдѣ съ представителемъ „Нью-іоркской ассоціаціи печати“ онъ опредѣлялъ свою роль слѣдующимъ образомъ. Ему поручено было выяснить вопросъ, возможно ли теперь заключеніе мира. „Я получилъ — сказалъ онъ — точныя инструкціи отъ Его Величества и буду во всемъ имъ слѣдовать. Окончательное рѣшеніе зависитъ отъ Государя Императора. Ему одному принадлежитъ право опредѣлять судьбы Россіи. Его Величество — сторонникъ мира, но я боюсь, что условія, которыя предложатъ японцы, сдѣлаютъ невозможнымъ соглашеніе. Тѣ, кто думаютъ, что Россія хочетъ мира во что бы то ни стало, глубоко ошибаются. У насъ очень могущественная партія — прибавилъ онъ — желаетъ войны; та, къ которой я принадлежу, хочетъ мира; я стою за него и до начала военныхъ дѣйствій. Увѣренъ однако, что обѣ партіи объединились бы въ томъ случаѣ, если бы требованія Японіи оскорбили самолюбіе или способны были свомпрометировать наше будущее. Не сомнѣваюсь, что если бы я призналъ требо-

ванія Японіи неприемлемыми, вся Россія признаетъ ихъ таковыми и русскій народъ способенъ будетъ продолжать войну въ теченіе хотя бы и нѣсколькихъ лѣтъ. Всѣ разногласія тотчасъ исчезнутъ, какъ только народъ почувствуетъ, что благополучію страны грозитъ опасность. Россія—не накаунѣ утраты своей роли великой державы. Хотя она и понесла пораженія, но она не можетъ и не должна согласиться на любыя условія, какія будутъ ей предложены. Мы, разумѣется, переживаемъ и внутренній кризисъ, но не пройдетъ и нѣсколькихъ лѣтъ—и Россія снова займетъ подобающее ей мѣсто въ европейскомъ концертѣ“.

По свѣдѣніямъ, приходившимъ изъ Америки, впечатлѣніе, произведенное этимъ откровеннымъ и смѣлымъ словомъ, было весьма сильно. „Твердыя и патриотическія мысли—писалъ одинъ изъ сотрудниковъ еще недавно всемогущаго министра—произвели здѣсь отрезвляющее дѣйствіе. Онѣ явились высоко авторитетнымъ опроверженіемъ укоренившагося въ Америкѣ, да и не въ ней одной, взгляда, что Россіи необходимъ миръ во что бы то ни стало и на какихъ бы то ни было условіяхъ“. Вездѣ смѣлость завоевываетъ себѣ симпатіи, но ни о комъ нельзя сказать этого въ большей степени, чѣмъ объ американцахъ, привыкшихъ цѣнить индивидуальность, не скрывающуюся подъ покровомъ дипломатической тайны или унаслѣдованныхъ канцелярскихъ привычекъ. То, что въ другой средѣ производитъ впечатлѣніе скандала, считается въ Америкѣ доказательствомъ силы и твердости. А она всегда привлекаетъ къ себѣ симпатіи, особенно же въ такіе по истинѣ трагическіе моменты, какъ тѣ, какіе должны были переживать представители могущественной имперіи послѣ неудачной ея войны съ противникомъ, значеніе котораго не получило своевременно въ ихъ родинѣ должной оцѣнки. Сообщенія, сдѣланныя прессѣ, были болѣе или менѣе тождественны съ тѣми, какія русскій уполномоченный при первомъ же свиданіи съ Рузвельтомъ счелъ нужнымъ представить и президенту Американской республики. Въ депешѣ къ министру иностранныхъ дѣлъ, отъ 22-го іюля стараго стиля, статсъ-секретарь Витте доносилъ слѣдующее:

„Я и баронъ Розенъ завтракали сегодня у президента въ семейномъ кругу. Представившись президенту, я передалъ ему письмо Государя Императора, которымъ г. Рузвельтъ былъ весьма тронутъ. Вслѣдъ затѣмъ я бесѣдовалъ съ нимъ въ присутствіи барона Розена два съ половиной часа и развилъ слѣдующія мысли: 1) мы не побѣждены и потому не можемъ принять никакихъ условій, не соответствующихъ нашему положенію, а слѣ-

довательно, прежде всего не согласимся ни на какую контрибуцію; 2) великая Россія никогда не приметъ условій, задѣвающихъ ея честь, и не потому только, что это ослабило бы нашу внѣшнюю кредитъ, а главнымъ образомъ потому, что она уронила бы себя въ собственномъ сознаніи и потеряла бы вѣру въ себя. Наше внутреннее положеніе, какъ бы оно ни было серьезно, не можетъ заставить Россію отказаться отъ самой себя. Ея внутреннее положеніе не таково, какимъ оно представляется за-границей. По симъ соображеніямъ мы можемъ нынѣ вести переговоры, учитывая только тѣ успѣхи, какіе Японія имѣла, но отказываемся принимать во вниманіе тѣ, на которые японцы надѣялись, и тѣ бѣды, которыя они намъ сулятъ. Буде японцы не согласятся съ нашей точкой зрѣнія, мы будемъ вести оборонительную войну до послѣдней крайности, и тогда увидимъ, кто больше выдержитъ“.

Есть основаніе думать, что, одновременно съ С. Ю. Витте, съ американскимъ президентомъ состоялъ въ постоянномъ обмѣнѣ мыслей и тотъ изъ японскихъ государственныхъ людей, который съ самаго начала относился съ недовѣріемъ къ успѣшности войны для своей родины. Я разумѣю посланнаго исполнять обязанности финансоваго агента въ Соед. Штатахъ барона Канеко. Ему поручено было правительствомъ устройство внѣшнихъ займовъ. Канеко и впослѣдствіи поддерживалъ сношенія съ президентомъ и былъ хорошо освѣдомленъ о всемъ, что дѣлалось по вопросу о соглашеніи. Изъ одновременныхъ донесеній, полученныхъ въ Петербургѣ, можно было заключить, что статсъ-секретарь Витте произвелъ на президента самое благопріятное впечатлѣніе. Рузвельтъ не скрылъ отъ него, что сообщенія, только-что имъ слышанныя, породили въ немъ нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ возможности будущихъ успѣховъ для японцевъ, въ чемъ онъ ранѣе не сомнѣвался. Онъ призналъ, что судилъ о нашемъ положеніи и, главное, о нашемъ настроеніи односторонне. Въ то же время онъ настаивалъ на той мысли, что обѣимъ сторонамъ необходимо покончить войну. Если этого нельзя сдѣлать безъ уплаты контрибуціи, то почему не пойти и на такое требованіе. Желая достигнуть мира, онъ съ своей стороны даетъ японцамъ совѣтъ, по возможности, быть умѣренными въ своихъ настояніяхъ. Военная партія въ Японіи—замѣтилъ при этомъ Рузвельтъ—желаетъ продолженія войны, умѣренная же принимаетъ миръ, но только подъ условіемъ контрибуціи. Увидѣвъ изъ словъ русскихъ уполномоченныхъ, что обѣимъ сторонамъ трудно будетъ согласиться, Рузвельтъ въ концѣ бесѣды высказалъ ту мысль,

что необходимо, въ случаѣ неуспѣха мирныхъ переговоровъ, все же вести ихъ такъ, чтобы въ будущемъ любой изъ сторонъ можно было завести ихъ снова. Такъ какъ инструкціи, полученныя Витте, высказывались въ томъ же смыслѣ, то русскіе уполномоченные подали президенту на этотъ счетъ нѣкоторыя надежды. Насколько были успѣшны первые шаги русскихъ дипломатовъ въ Америкѣ, можно судить по тому, что въ приходившихъ изъ нея депешахъ легко было найти все болѣе и болѣе сказывавшійся поворотъ общественнаго мнѣнія въ пользу Россіи.

Чтобы усилить впечатлѣніе, русскіе уполномоченные остановились на мысли продлить свое пребываніе, посѣтить важнѣйшіе города Соединенныхъ Штатовъ и войти въ личныя сношенія съ руководителями дѣятелями разныхъ сферъ. Съ удовольствіемъ отнѣчались они въ своихъ депешахъ всякое сочувственное отношеніе къ себѣ. Когда, 23-го іюля, состоялась официальная встрѣча ихъ съ японскими уполномоченными на яхтѣ президента въ Oyster-Bay, то во избѣжаніе всякаго спора о старшинствѣ предложено было завтракъ за открытымъ буфетомъ. Тѣмъ не менѣе, президентъ потребовалъ нѣсколько стульевъ, сѣлъ возлѣ Витте и во все время завтрака оказывалъ ему особое вниманіе. Русскіе уполномоченные, прибывшіе изъ Нью-Йорка на военномъ суднѣ, имѣли возможность убѣдиться и въ симпатіяхъ къ нимъ американцевъ. Несмѣтныя толпы народа привѣтствовали ихъ при встрѣчѣ. И тотъ же народъ, по ихъ замѣчанію, довольно сдержанно относился къ японцамъ. На обратномъ пути Витте покинулъ пароходъ въ Нью-Портѣ и пріѣхалъ въ Портсмуть по желѣзной дорогѣ. Портсмуть расположенъ въ штатѣ Нью-Гемпширъ. Его губернаторъ, Макленъ, на слѣдующій день принялъ уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ въ ратушѣ въ присутствіи представителей муниципалитета и гарнизона. Онъ пожелалъ уснѣха дѣлу и просилъ посѣтить его послѣ подписанія договора о мирѣ. Вездѣ—прибавляетъ съ удовольствіемъ статсъ-секретарь Витте, въ телеграммѣ на имя министра иностранныхъ дѣлъ отъ 26-го іюля—русскіе уполномоченные имѣли первый шагъ предъ японскими. Городъ былъ разукрашенъ американскими и русскими флагами, японскихъ было сравнительно мало. Во время церемониальнаго проѣзда по городу русскіе уполномоченные были встрѣчаемы толпою болѣе горячо, чѣмъ японскіе.

27-го іюля послѣдовало первое засѣданіе конференціи. Японцы высказались противъ присутствія на немъ всѣхъ делегатовъ, а одного только секретаріата, изъ шести человекъ, по три съ каждой стороны. Основнымъ языкомъ для документовъ принять

былъ французскій, а англійскій — только дополнительнымъ. Витте на первомъ же засѣданіи заговорилъ по-французски, а Комура — по-англійски, при чемъ рѣчи его переводились на французскій. Рѣшено было собираться на два засѣданія въ день, передъ завтракомъ и передъ обѣдомъ, держать въ секретѣ важнѣйшія рѣшенія, а объ остальныхъ — дѣлать согласныя заявленія прессѣ. Уже изъ перваго засѣданія нашъ статсъ-секретарь вынесъ то впечатлѣніе, что японцы не спѣшатъ, разсчитывая, повидимому, на скорое наступленіе новыхъ рѣшающихъ событій. За недѣлю до этого онъ уже былъ извѣщенъ о томъ, что Сахалинъ — въ рукахъ японцевъ, и это сразу признано было имъ фактомъ крайне неблагоприятнымъ для успѣшнаго хода переговоровъ. 20-го іюля второй русскій уполномоченный, баронъ Розенъ, увѣдомилъ графа Ламздорфа о томъ, что, посѣтивъ президента вечеромъ, онъ изъ разговора съ нимъ вынесъ то впечатлѣніе, что японцы будутъ настаивать на уступкѣ Сахалина и на контрибуціи. Рузвельтъ, правда, заявилъ, что ему неизвѣстны японскія требованія, и говорилъ о Сахалинѣ и контрибуціи только предположительно. Но его гипотеза казалась Розену крайне правдоподобной въ виду того, что въ секретныхъ условіяхъ займовъ, заключенныхъ японцами въ Америкѣ, онъ считалъ болѣе тѣмъ вѣроятнымъ включеніе иностранными банкирами обязательства со стороны Японіи добиваться уплаты Россіей военной контрибуціи. „Окольнымъ путемъ, изъ японскихъ источниковъ, — писалъ Розенъ, — до меня доходитъ слухъ, что будутъ настаивать на полученіи съ насъ контрибуціи въ полтора миллиарда рублей“. Сахалинъ и контрибуція — таковы были съ самаго начала тѣ подводные камни, о которые, какъ того ждали сами уполномоченные, неизбежно натолкнутся всѣ ихъ усилія къ обезпеченію мира. Съ каждымъ днемъ и часомъ надежды на благоприятный исходъ портсмутскаго свиданія становились все менѣе и менѣе осуществимыми. 28-го іюля министръ иностранныхъ дѣлъ уже предвидѣлъ неудачный исходъ переговоровъ и увѣдомлялъ нашихъ уполномоченныхъ, что въ этомъ случаѣ имъ нечего спѣшить отъѣздомъ изъ Америки. Почему не использовать благоприятнаго настроенія общественнаго мнѣнія по отношенію къ Россіи, думалъ онъ, и не посѣтить имъ крупныя центры Соединенныхъ Штатовъ, дабы установить добрыя отношенія между обоими государствами. Предвидѣніе неудачнаго исхода оправдывалось уже тѣмъ фактомъ, что при ближайшемъ разсмотрѣніи полномочія, данныя Японіей своимъ агентамъ, оказались неотвѣчающими тѣмъ, какія получены были русскими. Русскій Импера-

торъ принималъ обязательство утвердить и укрѣпить то, что будетъ установлено и подписано его посланцами. Микадо же связывалъ себя только обязательствомъ разсмотрѣть подписанныя его уполномоченными условія и дать имъ свое утверженіе только послѣ признанія ихъ правильными (proreg) и заключенными съ соблюденіемъ должныхъ формъ. Едва статсъ-секретарь Витте замѣтилъ эту разницу, какъ онъ довелъ о ней до свѣдѣнія Коммуры, съ письменнымъ заявленіемъ, что и русскіе делегаты будутъ впредь истолковывать свои полномочія въ тѣхъ же границахъ.

28-го іюля, Витте получилъ изъ рукъ японцевъ проектъ услужливый мира и успѣшилъ протелеграфировать о нихъ министру иностранныхъ дѣлъ.

30-го іюля 1905 года, статсъ-секретарь Витте сообщилъ японскимъ уполномоченнымъ письменный отвѣтъ по всѣмъ пунктамъ сдѣланныхъ ими намъ, съ ихъ стороны, предложеній. Документъ этотъ редактированъ на французскомъ языкѣ и содержитъ въ себѣ передачу тѣхъ мотивовъ, по которымъ вышеуказанныя японскія требованія считаются Россіей неприемлемыми. О Сахалинѣ говорится въ нихъ, что въ то еще время, когда Японія почти ничѣмъ не владѣла на островѣ, онъ составлялъ уже достояніе Россіи. Сахалинъ представляетъ собою естественное продолженіе русскихъ владѣній въ Азій, такъ какъ отдѣленъ отъ нихъ проливомъ, весьма неглубокимъ и ширина котораго едва достигаетъ семи верстъ. Отказываясь, въ виду вышеизложенныхъ соображеній, уступить островъ Японіи, Россія въ то же время готова была пойти навстрѣчу японскимъ желаніямъ имѣть рыбныя уловы и устраивать здѣсь другія промышленно-торговныя предпріятія.

По вопросу о военной контрибуціи русскіе уполномоченные мотивировали свой отказъ слѣдующимъ образомъ: „Однѣ побѣжденные страны возвращаютъ побѣдителю издержки войны, но Россія не побѣждена. Никакая страна не можетъ признать себя побѣжденной, разъ непріятель едва вступилъ въ предѣлы принадлежащей ей территоріи. Но даже въ томъ случаѣ, если бы Японія овладѣла Приморской областью въ бассейнѣ Амура, жизненныя силы Россіи тѣмъ самымъ еще не были бы задѣты и она могла бы продолжать войну. Народъ русскій понялъ бы возможность поставить вопросъ о возвратѣ военныхъ издержекъ только въ томъ случаѣ, когда бы внутреннія губерніи Россіи были заняты побѣдоноснымъ непріятелемъ. На Парижскомъ конгрессѣ, созванномъ послѣ паденія Севастополя, воевавшія съ нами державы не сочли нужнымъ поднять вопросъ объ уплатѣ контрибуціи. На нее соглашаются только государства, лишен-

ныя средствъ продолжать войну. Но такимъ, очевидно, не можетъ быть признано положеніе Россіи. Тѣмъ не менѣе, отказывая въ возвращеніи издержекъ войны, императорское правительство считаетъ справедливымъ вернуть Японіи затраты, сдѣланныя ею на пользу русскихъ, потерпѣвшихъ отъ войны. Такими издержками надо считать тѣ, которыя пошли на содержаніе военноплѣнныхъ и на помощь больнымъ⁶. Наши уполномоченные отклоняли также требованіе о выдѣлѣ русскихъ военныхъ судовъ, нашедшихъ убѣжище въ нейтральныхъ водахъ, справедливо говоря, что въ практикѣ международныхъ отношеній не имѣется ни одного случая, способнаго служить тому прецедентомъ. Отвергала также Россія предложеніе ограничить свои военно-морскія силы въ водахъ Дальняго Востока, находя его непримиримымъ съ своимъ достоинствомъ.

Такимъ образомъ, сразу опредѣлились тѣ вопросы, по которымъ никакое, повидимому, соглашеніе не могло состояться. Передъ уполномоченными обѣихъ сторонъ открылось два пути: или прервать всякіе дальнѣйшіе переговоры, или приступить къ обсужденію тѣхъ пунктовъ, по которымъ имѣлось нѣкоторое вѣроятіе достигнуть путемъ взаимныхъ уступокъ благоприятнаго миру рѣшенія. Одно время преобладающей была тенденція разойтись сразу. Возникалъ, какъ мы видѣли, даже вопросъ о томъ, вернуться ли С. Ю. Витте немедленно въ Россію, или воспользоваться пребываніемъ въ Америкѣ для посѣщенія главныхъ ея центровъ. Русскій уполномоченный писалъ одновременно министру иностранныхъ дѣлъ, что „между возвращеніемъ обѣихъ сторонъ лежитъ пропасть; поэтому, можно думать, что надежды на соглашеніе нѣтъ; къ такому же заключенію—прибавлялъ онъ—пришелъ и Рузвельтъ, выслушавъ меня еще въ Нью-Йоркѣ“. Единственное, о чемъ можно было мечтать, это—о сохраненіи почвы для переговоровъ въ будущемъ. Въ этомъ смыслѣ и писалъ Витте министру иностранныхъ дѣлъ, Ламздорфу.

V.

30-го іюля открылись засѣданія конференціи. Они не привели въ первый день ни къ какому рѣшенію. „Японцы—значилось въ телеграммѣ, посланной Витте къ министру иностранныхъ дѣлъ, отъ 31-го іюля ст. стила,—желаютъ, повидимому, выиграть время, или для того, чтобы уговориться съ Токио, а можетъ быть и съ Лондономъ, или для того, чтобы выждать событія“.

Намѣченный русскимъ уполномоченнымъ планъ ближайшихъ дѣйствій свидѣтельствуетъ о вѣрной оцѣнкѣ имъ той роли, какую въ окончательномъ рѣшеніи вопроса должно было сыграть общественное мнѣніе, какъ Америки, такъ и Европы. Увѣренный, что отъ главныхъ своихъ требованій японцы не откажутся, Витте не приходилъ на основаніи этого къ заключенію, что съ ними надо прекратить всякіе дальнѣйшіе переговоры. „Мое глубокое убѣжденіе — пишетъ онъ — заключается въ томъ, что мы должны направить дѣло такъ, чтобы привлечь на свою сторону не только всѣхъ русскихъ людей, но и общественное мнѣніе всего міра. Только при этомъ условіи, буде намъ придется вступить въ продолжительную войну, мы съ Божьей помощью одолѣемъ врага. Разъ Америка и Европа перестанутъ оказывать денежную помощь Японіи, перестанутъ ей сочувствовать и перейдутъ морально на нашу сторону, мы побѣдимъ противника“. Изъ сказаннаго статья-секретарь Витте выводилъ слѣдующія правила поведенія: 1) вести переговоры такъ, чтобы въ случаѣ неуспѣха можно было опубликовать ихъ и перевести дѣло на судъ всего человѣчества; 2) предоставить Японіи то, чего она достигла, но что не можетъ нанести ранъ достоинству Россіи, какъ великой державы, „и русскому сердцу“, — прибавлялъ русскій патріотъ; 3) быть справедливымъ въ оцѣнкѣ вещей, „насколько вообще справедливость въ подобныхъ дѣлахъ примѣнима“ — замѣчаніе, вполне отвѣчающее хорошо извѣстному скептицизму этого государственнаго дѣятеля.

Когда графъ Ламздорфъ представилъ эту телеграмму Государю, она удостоилась Высочайшаго одобренія. Почти одновременно русскій уполномоченный удостоился получить въ отвѣтъ на поздравительную телеграмму съ днемъ рожденія Наслѣдника Престола новый призывъ Государя „стоять вѣрно за Русскую землю“, а министръ иностранныхъ дѣлъ поснѣшилъ увѣдомить его объ удовольствіи, какое онъ испытываетъ, находя, что въ оцѣнкѣ переживаемой минуты между ними имѣется полное единеніе. Увѣренный отнынѣ въ поддержкѣ своихъ дѣйствій императорскимъ правительствомъ, Витте условился съ японскими делегатами обсуждать на первыхъ порахъ тѣ статьи договора, по которымъ не существуетъ серьезнаго разномыслія между обѣими сторонами. Но даже тогда, когда въ исполненіи такого намѣренія уполномоченные обѣихъ сторонъ сошлись насчетъ редакціи перваго пункта касательно признанія Кореи входящею въ сферу преобладающаго японскаго вліянія, С. Ю. Витте продолжалъ не вѣрить въ возможность достигнуть мира. 1-го августа ст. ст. онъ писалъ еще министру финан-

совѣ, что соглашеніе не состоится, что нужно готовиться къ продолжительной войнѣ и озаботиться поэтому открытіемъ намъ иностранныхъ денежныхъ рынковъ. „Японцы рассчитываютъ, — прибавлялъ онъ, — что мы денегъ за-границею не получимъ. И дѣйствительно, съ кѣмъ только ни приходилось говорить, давали понять, что при настоящемъ положеніи намъ достать денегъ болѣе чѣмъ трудно. Надо поэтому — заключалъ Витте — изменить такое настроеніе и слѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру японцевъ, а именно, систематически и планомерно дѣйствовать на прессу и привлекать на свою сторону людей вліятельныхъ. Серьезныя денежные операціи возможны лишь въ Америкѣ и особенно во Франціи. Германія много дать не въ силахъ даже въ томъ случаѣ, если бы она обнаружила къ тому склонность... Мой пріѣздъ въ Америку — писалъ онъ — создалъ надлежащее настроеніе. Если оно будетъ культивироваться, то наступитъ возможность сдѣлать денежную операцію; но особенно нужно заняться Франціей. Необходимо серьезно объясниться съ французскимъ правительствомъ, особенно съ Рувьё, и сдѣлать то же съ крупными финансистами обѣихъ партій — „Лионскаго Кредита“ и партіи Ротшильда“. Несмотря на свое недовѣріе къ счастливому исходу переговоровъ, нашъ уполномоченный, тѣмъ не менѣе, согласился послѣдовать совѣту президента Рузвельта, насчетъ порядка обсуждения отдѣльныхъ статей договора. Рузвельтъ предлагалъ говорить сначала по вопросамъ, по которымъ соглашеніе достижимо. Витте думалъ сперва, что такой способъ поведетъ лишь къ потерѣ времени. „По всей вѣроятности, — прибавлялъ нашъ уполномоченный, — президентъ то же самое говорилъ и японцамъ, и этимъ можно объяснить, что они избѣгаютъ касаться вопросовъ, по которымъ разногласіе неизбежно“. Изъ этого сообщенія видно, что Рузвельтъ дѣлалъ все, отъ него зависящее, чтобы предотвратить разрывъ. Витте объяснялъ его настойчивость тѣмъ, что, будучи инициаторомъ конференціи и подвергаясь за то нападкамъ своихъ политическихъ враговъ, онъ, разумѣется, болѣе всѣхъ другихъ былъ бы задѣтъ тѣмъ, если бы уполномоченные разошлись тотчасъ послѣ перваго свиданія. Тѣмъ не менѣе, настойчивость, съ какою нашъ представитель говорилъ о готовности Государя пойти только на справедливый миръ, колебала въ концѣ концовъ вѣру въ него и въ президентъ, и онъ сталъ предусматривать случайность разрыва. На такой конецъ онъ предлагалъ не закрывать, по крайней мѣрѣ, окончательно дверей для новыхъ переговоровъ. Витте соглашался съ нимъ и принскіявалъ формулу, при которой новая конференція

могла бы состояться независимо от инициативы одного из воюющих. Соответственно этому он думалъ, передъ закрытіемъ переговоровъ, предложить одно изъ двухъ: или собраться черезъ опредѣленный срокъ въ Гаагѣ или въ Чифу, какъ желаютъ японцы, чтобы снова обмѣняться мѣнѣями насчетъ возможности мира, или сдѣлать такъ, чтобы японцы, въ виду принятой Рузвельтомъ инициативы, обратились къ нему съ предложеніемъ собрать новую конференцію, когда и гдѣ онъ сочтетъ это нужнымъ. Предвидя, что настоящая можетъ быть прервана со дня на день, нашъ уполномоченный входилъ въ сношенія съ министромъ иностранныхъ дѣлъ насчетъ опубликованія всего, что произошло на ней. Въ то же время онъ отсовѣтовалъ ему сдѣлать извѣстнымъ содержаніе полученныхъ русскими уполномоченными инструкцій, справедливо указывая, что это подастъ поводъ за-границей говорить о томъ, что императорское правительство напередъ сдѣлало сомнительнымъ успѣхъ конференціи. Ламздорфъ не считалъ полезнымъ для русскихъ уполномоченныхъ вносить какія-либо предложенія касательно созыва будущей конференціи и надѣялся, что Рузвельтъ самъ возьметъ на себя ея инициативу. Витте успѣшилъ разуверить его въ этомъ, сообщивъ слова президента, сказанныя ему лично и выражавшія желаніе, чтобы будущая конференція состоялась безъ всякаго почина съ его стороны.

Между тѣмъ переговоры шли своимъ чередомъ, и явилась возможность редактировать второй и третій пункты договора. Россія и Японія обязывались очистить Манчжурію за исключеніемъ полуострова Ляотунга, насчетъ котораго предстояло издать дополнительную статью. Со 2-го августа, съ переходомъ къ обсужденію статьи, касающейся Сахалина, соглашеніе сдѣлалось невозможнымъ. Но обмѣвъ мыслей оказался небезполезнымъ, и статсъ-секретарь Витте могъ телеграфировать Ламздорфу буквально слѣдующее: „Изъ многихъ доводовъ, представленныхъ Комурой въ защиту японскихъ предложеній, главный — тотъ, что островъ, этотъ отнять былъ у Японіи, когда она была безсильна, что нынѣ онъ фактически въ ея рукахъ, и что японскій народъ никогда не примирится съ мыслью вернуть его Россіи“. Комура заявлялъ, что Японія готова представить гарантіи тому, что не будетъ пользоваться островомъ съ стратегическими цѣлями, и что владѣніе имъ не сдѣлается угрозой для Уссурийскаго края. Нашъ статсъ-секретарь заключилъ поэтому свою телеграмму просьбой дополнительныхъ указаній.

На требованіе министра сообщить объ отношеніи обществен-

наго мнѣнія Америки по раздѣлявшимъ уполномоченныхъ вопросамъ Витте телеграфировалъ, что серьезные люди и газеты считаютъ платежъ контрибуціи неправильнымъ; что же касается до Сахалина, то общественное мнѣніе Америки склонно, повидимому, признать слѣдующее: разъ мы имѣли несчастіе потерять Сахалинъ и онъ находится въ рукахъ непріятеля, Японія въ правѣ извлечь изъ этого соотвѣтствующія выгоды; отказаться отъ того, что приобрѣтено успѣхами ея флота, ей будетъ трудно. Слѣдуя совѣту президента, конференція продолжала обсуждать вопросы, вызывавшіе меньше разногласія, и уже 3-го августа ст. ст. Витте имѣлъ возможность сообщить, что изъ восьми пройденныхъ пунктовъ расхождение послѣдовало лишь по одному — о Сахалинѣ. Русскій уполномоченный слѣшилъ прибавить: „Японцы были весьма упорны и даже, скажу, нахальны; мнѣ стоило большого труда, чтобы не выйти изъ терпѣнія; но я удержался, боясь прервать конференцію по вопросамъ, по которымъ могли сказать, что мы не правы, и вина въ продолженіи войны—наша. По слѣдующимъ четыремъ пунктамъ мое положеніе будетъ легче, такъ какъ отказъ нашъ на нѣкоторыя изъ японскихъ требованій можетъ быть серьезно мотивированъ и будетъ оправданъ, если не общественнымъ мнѣніемъ всѣхъ странъ, то по крайней мѣрѣ беспристрастными и добросовѣстными людьми“. Русское правительство не имѣло основанія ждать успѣшности дальнѣйшихъ переговоровъ. Вотъ почему Витте не рѣшался повестъ съ японцами рѣчь о прекращеніи военныхъ дѣйствій во время конференціи, не желая дать имъ ни малѣйшаго повода думать, что Россія опасается ихъ продолженія. Стойкостью Витте были довольны при русскомъ Дворѣ, и графъ Ламздорфъ увѣдомлялъ нашего уполномоченнаго, что Государь Императоръ вполне одобряетъ его дѣйствія. Съ каждымъ днемъ Витте убѣждался въ томъ, что японцы болѣе всего желаютъ отъ насъ денегъ и объяснялъ этимъ причину, по которой, несмотря на трехчасовые переговоры, не удавалось придти ни къ какому соглашенію ни по вопросу объ уступкѣ русскихъ судовъ въ нейтральныхъ водахъ, ни тѣмъ болѣе по вопросу о военной контрибуціи. Не рѣшая всѣхъ этихъ спорныхъ пунктовъ, конференція продолжала обсуждать оставшіяся двѣ статьи объ ограниченіи русскихъ военно-морскихъ силъ и о предоставленіи японцамъ правъ рыбнаго улова въ Охотскомъ морѣ и въ Беринговомъ проливѣ. Считаая, что ему недостааетъ опредѣленныхъ полномочій, какъ далеко идти навстрѣчу японскимъ требованіямъ по первому вопросу, Витте предвидѣлъ неизбежное наступленіе разногласій. Онъ не скрывалъ отъ себя

опасности, что конференціи съ часу на часъ можетъ настать конецъ, и просилъ дать ему болѣе опредѣленные указанія насчетъ того, въ какой мѣрѣ будущая должна быть собрана помимо всякаго почина съ нашей стороны. Графъ Ламздорфъ полагалъ, что, при прощаніи съ Рузвельтомъ, обѣ стороны могли бы заявить ему о готовности вновь собраться на совѣщаніе, буде онъ возьметъ на себя инициативу. Такія указанія мало чѣмъ облегчали задачу нашего уполномоченнаго, такъ какъ онъ успѣлъ уже убѣдиться въ нежеланіи президента созвать въ будущемъ новую конференцію. 4-го августа положеніе рисовалось нашему делегату слѣдующимъ образомъ. „Не сговорились, — писалъ онъ, — по вопросу объ уплатѣ военныхъ издержекъ, о Сахалинѣ, объ ограниченіи флота и о судахъ въ портахъ нейтральныхъ державъ. Въ ближайшій понедѣльникъ или вторникъ — заключительное засѣданіе. Если не будетъ уступокъ съ той или другой стороны, разѣдемся. Чтѣ думаютъ японцы, полагаю, никому неизвѣстно, такъ какъ дальше опредѣленнаго предѣла они представляютъ собою непроницаемую стѣну для своихъ бѣлыхъ друзей. По пунктамъ о судахъ въ нейтральныхъ водахъ и объ ограниченіи флота они, пожалуй, уступятъ, но по пункту о Сахалинѣ и о военной контрибуціи — отнюдь нѣтъ. Въ виду безконечной важности предмета необходимо еще разъ взвѣсить положеніе и принять срочное рѣшеніе. Для меня несомнѣнно, что продолженіе войны будетъ величайшимъ бѣдствіемъ для Россіи. Мы можемъ болѣе или менѣе успѣшно обороняться, но едва-ли въ состояніи побѣдить Японію. Благопріятный расчетъ на будущее можно основывать развѣ на истощеніи ея силъ“. Затѣмъ Витте переходилъ къ обзору пунктовъ разногласія по ихъ практической важности. Онъ отрицалъ ее за вопросомъ объ участи русскихъ судовъ въ нейтральныхъ водахъ и объ ограниченіи размѣровъ нашего флота. Вѣдь на дѣлѣ мы не въ состояніи будемъ въ ближайшія десятилѣтія держать на Дальнемъ Востокѣ флотъ, способный бороться съ японскимъ. Уплата контрибуціи, по его словамъ, коробитъ русскую душу, и вопросъ о Сахалинѣ крайне важенъ, такъ какъ островъ заключаетъ большія богатства и служитъ аванпостомъ для Амура. Но японцы имѣли ранѣе насъ на него нѣкоторыя права. Богатствами его мы не пользовались и долго еще не воспользуемся. Японцы предлагаютъ гарантировать, что Сахалинъ не будетъ служить для агрессивныхъ дѣйствій противъ насъ. Если островъ останется и въ нашемъ владѣніи, то все же проходящія черезъ проливы большія суда не избѣгутъ японскаго огня. „Главное же несчастіе наше—

прибавлялъ Витте—это то, что Сахалинъ—въ рукахъ японцевъ, и я не вижу возможности отобрать его, по крайней мѣрѣ въ ближайшее десятилѣтіе“.

5-го августа, Витте имѣлъ частный разговоръ съ Комурой, въ присутствіи барона Розена. Изъ него онъ вынесъ то впечатлѣніе, что Японія откажется отъ требованія военныхъ расходовъ, но подь условіемъ, чтобы одна сѣверная часть Сахалина вернулась къ Россіи, южная же осталась въ ея владѣніи. За уступаемую часть острова японскіе уполномоченные требовали одного миллиарда двухъ-сотъ милліоновъ іенъ (приблизительно, 1.160.000.000 рублей). Въ тотъ же день отправлена была нашимъ уполномоченнымъ и дополнительная телеграмма, въ которой онъ высказывалъ „увѣренность, повидимому раздѣляемую всѣми“, что японцы болѣе всего нуждаются въ деньгахъ, а ихъ правительство опасается отвѣтственности за займы, сдѣланные имъ подь залогъ различныхъ государственныхъ имуществъ. Предложеніе японцевъ насчетъ Сахалина заключало въ себѣ въ скрытомъ видѣ и требованіе уплаты военныхъ издержекъ. Витте высказывалъ ту мысль, что ужь лучше отдать весь Сахалинъ, чѣмъ платить что-либо японцамъ; „последнее желаніе уже никакъ нельзя исполнить“. Слѣдовала просьба о новыхъ указаніяхъ и предупрежденіе, что отвѣтную телеграмму придется показать японскому уполномоченному, Комурѣ. Статсъ-секретарь Витте такъ мало былъ подготовленъ въ уступкамъ съ чьей бы то ни было стороны, что считалъ всякіе дальнѣйшіе переговоры совершенно бесполезными.

Министерства военное и морское были настроены одинаково воинственно, а завѣдывавшій послѣднимъ адмиралъ Бирлевъ, приписывая наши неудачи бездарности командовавшихъ нами генераловъ, считалъ „все это неважнымъ и вздорнымъ“. Но министръ иностранныхъ дѣлъ, находившій нужнымъ довести до свѣдѣнія начальниковъ нашихъ оборонительныхъ средствъ послѣднія телеграммы, полученные отъ Витте, во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 8-го августа позволялъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ адмирала и настаивалъ на необходимости — „ради чести и достоинства родины“ — съ особой осмотрительностью отнестись къ опѣнкѣ силъ обоихъ противниковъ, „дабы не встрѣтиться съ новыми разочарованіями“. Его всеподданнѣйшая записка оканчивалась слѣдующими словами: „Дерзая откровенно высказать свое мнѣніе, что мы могли бы категорически отвергнуть всякіе переговоры съ Японіей лишь при условіи полной увѣренности, что армія, командуемая генераломъ Линевичемъ, можетъ сломить

врага". У русскаго правительства все болѣе и болѣе складывалось убѣжденіе, что для конференціи настало время прекратить свою дѣятельность. На новой телеграммѣ, полученной отъ нашего уполномоченнаго 9-го августа и въ которой передавалось содержаніе бесѣды президента Рузвельта съ барономъ Розеномъ касательно возможныхъ условій мира, было Высочайше выражено, что японцамъ до зарѣза нужны деньги, а мы ихъ не дадимъ и въ этомъ никогда не сойдемся. Дольше тянуть это неопредѣленное положеніе — безцѣльно. Въ эту минуту, когда, по видимому, все было испробовано, и мы снова стояли наканунѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, президентъ Рузвельтъ прислалъ Витте, для передачи въ Петербургъ по телеграфу, нижеслѣдующее письмо къ Государю: „Убѣдительно прошу Ваше Величество вѣрить, что во всемъ, что я намѣренъ сказать, я буду говорить какъ искренній доброжелатель Россіи и предложу лишь тотъ совѣтъ, который далъ бы, будь я русскимъ патриотомъ и русскимъ государственнымъ дѣятелемъ. Японцы, насколько я понимаю, отказались отъ своихъ притязаній на интернированныя суда и на ограниченіе русскихъ морскихъ силъ на Тихомъ океанѣ. Оба условія признаны были Вашимъ Величествомъ неприемлемыми. Я узналъ также съ удивленіемъ и съ удовольствіемъ, что японцы готовы возвратить Россіи сѣверную часть Сахалина, подъ тѣмъ, конечно, условіемъ, что Россія заплатитъ имъ значительную сумму за эту территорію и за выдачу русскихъ военнопленныхъ. Мнѣ кажется, что если миръ достигнуть будетъ на этихъ основаніяхъ, его надо считать справедливымъ и почетнымъ, и что было бы ужаснымъ бѣдствіемъ продолжать войну, когда есть возможность означеннымъ путемъ достигнуть мира. Никто не можетъ предсказать послѣдствій продолженія войны, — прибавлялъ президентъ; — для Японіи выгодно заключить миръ, но, по моему убѣжденію это несравненно выгоднѣе для Россіи. Если мира теперь не послѣдуетъ и война продолжится, то хотя финансовое напряженіе и тяжело отзовется на Японію, тѣмъ не менѣе Россія, въ концѣ концовъ, лишится Владивостока и Восточной Сибири“. Президентъ высказывалъ сомнѣніе въ томъ, чтобы Россія, въ виду разгрома ея флота, была въ состояніи вернуть Сахалинъ. Владѣнія же сѣверной его половиной достаточно, чтобы обезпечить безопасность Владивостоку. „Мнѣ думается, — заканчивалъ президентъ, — что по соображеніямъ какъ народнаго блага, такъ и широкаго человѣколюбія, такъ, наконецъ, и обезпеченія требованій военной безопасности, заключеніе мира на приведенныхъ основаніяхъ было бы для Россіи шагомъ мудрымъ и справедливымъ. Я умоляю

Ваше Величество согласиться съ этими взглядами". Передавая эту телеграмму, Витте того же числа сообщилъ министру иностранныхъ дѣлъ слѣдующее: „Съ моей точки зрѣнія предложенія Японіи не могутъ быть приняты самосознаніемъ Россіи, потому что въ нихъ въ сущности содержится подъ иной формой предложеніе уплатить, если не всѣ, то большую часть военныхъ издержекъ. Россія на это не согласится, такъ какъ не можетъ признать себя побѣжденной. Японія же, очевидно, хочетъ во что бы то ни стало получить значительныя деньги. Она склонна продолжать пролитіе крови изъ-за денегъ". При русскомъ Дворѣ считали вопросъ рѣшеннымъ. Государь Императоръ чрезъ посредство министра иностранныхъ дѣлъ уполномочивалъ Витте прекратить сношенія съ японскими делегатами, если послѣдніе не откажутся отъ своихъ чрезмѣрныхъ притязаній. При прощаніи Витте долженъ былъ передать президенту благодарность за оказанныя русской делегаціи вниманіе и гостепріимство. „Вы бы могли—значится въ текстѣ телеграммы—дать понять Рузвельту, что Россія при иныхъ, болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ будетъ готова возобновить переговоры о мирѣ". Въ тотъ же день графъ Ламадорфъ высказалъ пожеланіе, чтобы въ протоколахъ конференціи переговоры были признаны прерванными изъ-за вопроса о контрибуціи.

Президентъ въ тотъ же день,—вѣроятно, опасаясь, что Витте не исполнитъ въ точности порученія о передачѣ вышеприведеннаго письма,—телеграфировалъ американскому послу о своемъ желаніи, чтобы онъ повидалъ Государя и передалъ Ему посланіе буквально того же содержанія. Одновременно президентъ дѣлалъ все возможное, чтобы склонить къ уступчивости и японцевъ. Въ письмѣ къ барону Канеко онъ ставилъ ему на видъ, что Японіи едва-ли подобааетъ продолжать войну изъ-за одного денежнаго вознагражденія. „Я не порицалъ бы ее, — значится въ этомъ документѣ, — если бы она прервала переговоры ради завоеванія Сахалина; но если война будетъ возобновлена только ради денегъ, то она не только не получитъ ихъ, но и быстро потеряетъ симпатіи, какъ въ Америкѣ, такъ и въ другихъ странахъ". Рузвельтъ доказывалъ, что требованія японцевъ о вознагражденіи потому не могутъ считаться приемлемыми, что Японія не заняла ни одного куска русской территоріи, за исключеніемъ Сахалина. „Вы знаете,—прибавлялъ онъ,—какъ настоятельно я совѣтовалъ русскимъ заключить миръ; я столь же рѣшительно совѣтую Японіи не продолжать войны изъ-за военнаго вознагражденія; въ противномъ случаѣ произойдетъ значительное измѣненіе

общественнаго мнѣнія не въ ея пользу; а этимъ нельзя пренебрегать. Не думаю я также, чтобы японскій народъ могъ достигнуть намѣченныхъ имъ цѣлей, если онъ продолжитъ войну только изъ-за денегъ. Провоевавъ еще годъ и захвативъ даже Восточную Сибирь, вы только истратили бы 400 или 500 милліоновъ въ придачу къ тѣмъ, которые уже пошли на войну; вы пролили бы также громадное количество крови, а денегъ могли бы не получить, если только Россія будетъ упорствовать въ своемъ нежеланіи платить ихъ или попадетъ въ условія, при которыхъ ей трудно будетъ вамъ платить. Вы могли бы приобрести только Восточную Сибирь, которая вамъ не нужна, и ни въ какомъ случаѣ достаточно денегъ, чтобы покрыть израсходованный вами излишекъ". Рузвельтъ наставлялъ также, что „интересы цивилизаціи и гуманности возстаютъ противъ продолженія войны изъ-за полученія контрибуціи". „Въ интересахъ Японіи прекратить войну теперь же,—значится въ дополнительной телеграммѣ, посланной президентомъ тому же барону Канеко;—она приобрѣла господство въ Корей и Манчуріи, она удвоила свой собственный флотъ путемъ уничтоженія русскаго, она получила Портъ-Артуръ, Дальній, Манчжурскую желѣзную дорогу, она заняла Сахалинъ. Она будетъ мудрой, если нынѣ покончитъ триумфально съ войною и займетъ подобающее ей мѣсто на правахъ руководящаго сочлена въ международномъ союзѣ. Съ точки зрѣнія этики Японія имѣетъ обязательство по отношенію ко всему цивилизованному міру; онъ ждетъ отъ нея заключенія мира. Пусть же она покажетъ свое превосходство въ вопросахъ международной нравственности въ такой же мѣрѣ, какъ и въ военномъ искусствѣ. Къ ней дѣлается призывъ во имя всего возвышеннаго и благороднаго. Къ этому призыву она, надѣюсь, не останется глуха".

Въ недавно напечатанной статьѣ профессора лембергскаго университета—микадо приписана честь отказа отъ контрибуціи въ интересахъ гуманности. Я полагаю, что изъ приведенныхъ данныхъ можно заключить, что она въ значительной степени принадлежитъ президенту великой республики, желавшей и продолжающей желать мира на Дальнемъ Востокѣ не ради одного челоуѣколюбія, но и въ интересахъ общегражданскаго обмѣна, съ сохраненіемъ и развитіемъ котораго связаны существеннѣйшія выгоды ея жителей. Такъ какъ въ Америкѣ политика стоитъ въ тѣсной связи съ кредитными операціями и регулируется общественнымъ мнѣніемъ, то японцы имѣли основаніе опасаться, что дальнѣйшее ихъ упорство, ведя къ отчужденію имъ американскихъ симпатій можетъ отразиться невыгоднымъ образомъ и на полученіи

ими необходимыхъ средствъ къ продолженію войны. А одно уже это соображеніе естественно порождало въ нихъ уступчивость къ врагу, успѣвшему пріобрѣсть, благодаря умѣлому поведенію нашихъ уполномоченныхъ, горячее сочувствіе тамъ, откуда японцы ждали для себя денежной поддержки. Этими общественнымъ мнѣніемъ Америки прѣдлагалъ заниматься и статсъ-секретарь Витте, доводя до свѣдѣнія министра иностранныхъ дѣлъ слѣдующее: „На основаніи совокупности вынесенныхъ мною впечатлѣній, я пришелъ къ тому убѣжденію, что если бы мы категорически отказались отъ уплаты военнаго вознагражденія въ какой бы то ни было формѣ, но приняли во вниманіе фактическое положеніе дѣла относительно Сахалина, то въ такомъ случаѣ, при отказѣ Японіи, который я считаю почти несомнѣннымъ, мы остались бы правы въ глазахъ всего свѣта. Въ противномъ же случаѣ результатомъ конференціи будетъ, какъ я опасаюсь, оправданіе неговорчивости Японіи, а слѣдовательно и привлеченіе къ ней еще большихъ симпатій. Баронъ Розенъ—прибавлялъ нашъ главный комиссаръ—раздѣляетъ изложенное мнѣніе“. Въ полномъ соотвѣтствіи съ сказаннымъ Витте добился такой редакціи протоколовъ конференціи, которая бы позволяла думать, что неполученіе денегъ составляетъ главную причину отклоненія японцами мира.

10-го августа послѣдовала въ Петергофѣ памятная аудіенція, данная русскимъ Императоромъ американскому послу. Государь поручилъ г. Ленгерке Мейеру передать Рузвельту слѣдующее: „Желая явить доказательство полной готовности своей всѣми средствами содѣйствовать возстановленію мира и тѣмъ самымъ пойти навстрѣчу стремленіямъ Рузвельта, столь искренно высказавшаго дружескія чувства по отношенію къ Россіи, Его Императорское Величество соглашается на уступку японцамъ занятой ими южной части Сахалина“.

Послѣ этого не могло уже остаться ни въ комъ сомнѣнія, что продолженіе войны вызывается исключительно денежными расчетами японцевъ, а это ставило ихъ въ необходимость или пожертвовать общественнымъ мнѣніемъ, дотолѣ бывшимъ на ихъ сторонѣ, или удовольствоваться уже обезпеченными имъ конференціей выгодами. Въ рѣшительную минуту микадо понялъ всѣ неудобства, какія можетъ имѣть для будущихъ судебъ Японіи и ея кредита дальнѣйшее упорство. Онъ сдѣлалъ это, впрочемъ, не раньше новаго напоминанія со стороны американскаго правительства или, точнѣе, самого президента, которому въ гораздо большей степени, чѣмъ Бисмарку, принадлежитъ право считать себя „честнымъ маклеромъ“ и при томъ не одной, а обѣихъ спо-

рящихъ державъ. То чрезъ посредство Витте, то обращаясь къ американскому послу при русскомъ дворѣ, Рузвельтъ не переставалъ настаивать на томъ, чтобы русскіе какъ можно шире поняли право японцевъ получить возмѣщеніе издержекъ на содержаніе военнопѣнныхъ, а японцы въ свою очередь рѣшительно отказались отъ всякой мысли о военной контрибуціи. Нашъ главный уполномоченный въ свою очередь не переставалъ, въ отвѣтныхъ письмахъ президенту, развивать ту мысль, что японцы не могутъ поднять вопроса о деньгахъ за уступку ими части Сахалина, такъ какъ островъ не занятъ еще вполне и занятіе его послѣдовало уже послѣ того, какъ обѣ стороны согласились явиться на конференцію. Содержаніе этого отвѣта доведено было до свѣдѣнія Государя, который въ своей отвѣтѣ назвалъ его „отличнымъ“. Пуская въ ходъ всѣ вліянія, Рузвельтъ передалъ полный текстъ своего посланія къ Императору и французскому повѣренному въ дѣлахъ, г. Жюсерану, съ порученіемъ просить правительство республики, чтобы оно поддержало его доводы передъ петербургскимъ. По мнѣнію президента, единственнымъ средствомъ добиться всѣми желаемого мира является уплата японцамъ въ благовидной формѣ умѣренной суммы денегъ.

Несмотря на всѣ эти предстательства, Государь продолжалъ стоять на своемъ. Никакого военного вознагражденія, а лишь щедрая и широкая уплата за уходъ и содержаніе русскихъ пѣнныхъ. Въ этомъ смыслѣ составлена была присланная Витте телеграмма и нота, переданная сѣверо-американскому послу. Правительство Соед. Штат., чтобы побудить русское къ уступчивости, въ рѣшительную минуту сочло нужнымъ извѣстить его о дѣйствительномъ положеніи японскихъ финансовъ, обезпечивавшемъ возможность продолженія войны. Въ личномъ письмѣ Рузвельта американскому послу, — письмѣ, содержаніе котораго было сообщено послѣднимъ графу Ламздорфу, — мы между прочимъ читаемъ: „Японія держитъ въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ депозитомъ 50 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Если послѣднія условія, предложенныя Японіей, будутъ отвергнуты, то возможно, что она оставитъ мысль о мирѣ и рѣшитъ удержать за собою Сахалинъ, Харбинъ и всю Манчжурскую дорогу, а это равнозначительно тому, какъ если бы она заняла и всю Восточную Сибирь. Такая потеря была бы для Россіи по истинѣ громаднымъ бѣдствіемъ, и я искренно желалъ бы спасти ее отъ этого. При заключеніи мира на предложенныхъ условіяхъ Россія останется невредимой; ея національная честь не запятнана и завоеванія, сдѣланныя ею со временъ Іоанна Грознаго, ей обезпечены. Президентъ не скры-

валъ, что заключеніе мира желательно не для однихъ воюющихъ сторонъ, но одинаково для Америки и Европы.

Несмотря на эти новыя предствательства, русское правительство рѣшило не дѣлать дальнѣйшихъ уступокъ. Когда 14 августа второй японскій уполномоченный, Такагира, явился просить о томъ, чтобы засѣданіе конференціи было отложено на день, Витте, не отказывая ему въ этомъ, предупредилъ его, что, согласно послѣднимъ инструкціямъ, онъ не уполномоченъ принимать никакихъ новыхъ предложеній. Государь одобрилъ поведение своего представителя, и Витте было Высочайше повелѣно помончить переговоры; предпочиталось продолжать войну, нежели дожидаться милостивыхъ уступокъ со стороны Японіи.

Наконецъ, рѣшительный день насталъ и послѣднее засѣданіе конференціи назначено было на 16-е августа, въ 9^{1/2} часовъ утра. До начала его Витте имѣлъ съ барономъ Комурой частную бесѣду. Онъ вынесъ изъ нея увѣренность, что японскіе уполномоченные подчинятся волѣ Государя. Не дожидаясь отертія конференціи, онъ послалъ министру иностранныхъ дѣлъ это ободряющее извѣстіе. Самого Витте могли увѣривать въ надеждѣ добиться мира условительныя телеграммы, пришедшія къ нему изъ Лондона. Смыслъ ихъ былъ тотъ, что въ Англии всѣ, начиная отъ короля и кабинета и оканчивая простыми гражданами, желаютъ скорѣйшаго прекращенія войны, и что графъ Гааши могъ получить отъ лорда Ленсдауна увѣреніе только въ этомъ смыслѣ. Правда, носился слухъ о подписаніи англичанами договора съ японцами, но онъ встрѣчалъ опроверженіе, да и самое содержаніе договора, насколько оно сдѣлалось достояніемъ чужихъ кабинетовъ, касалось только Кореи, цѣлости Китая и обязательства для Японіи держаться политики „открытыхъ дверей“ въ Манчжуріи, т. е. допускать въ нее свободно иноземные товары.

Предчувствія нашего уполномоченнаго сбылись. По выходѣ изъ утренняго засѣданія, Витте имѣлъ возможность телеграфировать министру иностранныхъ дѣлъ: „Японскіе уполномоченные приняли условія, которыя были предложены Его Императорскимъ Величествомъ президенту и которыя я имъ предъявилъ, по повелѣнію Государя, какъ окончательныя и безповоротныя“. Въ тотъ же день отправлена была имъ на Высочайшее имя слѣдующая депеша: „Японія приняла наши требованія. Миръ будетъ восстановленъ благодаря мудрымъ и твердымъ рѣшеніямъ Вашимъ. Россія останется на Дальнемъ Востокѣ великою державой, какою она была до-днесь. Мы приложили

въ исполненію Вашихъ приказаній весь нашъ умъ и русское сердце. Просимъ милостиво простить, если не стужбли сдѣлать большаго“.

Первая мысль Государя была направлена къ тому, чтобы возблагодарить должнымъ образомъ президента Рузвельта за его труды на пользу мира. Изъ американскихъ источниковъ ми узнаемъ, что въ полученной послѣднимъ телеграммѣ, между прочимъ, было выражено, что Россія съ благодарностью воздастъ должное тому выдающемуся участию, которое президентъ принялъ въ портсмутской конференціи.

Одновременно Его Величество телеграммою на имя Витте приказывалъ ему не подписывать условій мирныхъ переговоровъ, пока размѣръ содержанія военнопленныхъ не будетъ установленъ, по его представленію, непосредственно самимъ Государемъ. Нашъ уполномоченный между тѣмъ сталъ получать пріѣздившія телеграммы отъ начальниковъ отдѣльныхъ частей управленія. Въ одной изъ нихъ значилось: „Потомство оцѣнить ваши усилія“; въ другой, болѣе сердечной, настроеніе петербургскихъ сферъ передавалось словами: „Неожиданность достигнутыхъ результатовъ препятствуетъ справедливой оцѣнкѣ ихъ. Увѣренъ, что скоро поймутъ и отнесутся съ признательностью“.

Конференціи оставалось рѣшить еще рядъ вопросовъ. Изъ нихъ важнѣйшими надо считать вопросъ объ эвакуаціи Манчжуріи войсками обѣихъ сторонъ и вопросъ о заключеніи перемирія и пріостановкѣ военныхъ дѣйствій. Касательно перваго рѣшили, что количество войскъ въ предѣлахъ Манчжуріи съ обѣихъ сторонъ во время эвакуаціи должно оставаться приблизительно равнымъ, и что прежде всего должны быть отведены войска, выдвинутыя на переднія позиціи; для охраны же желѣзной дороги каждая сторона выставляетъ одинаковое число войскъ по расчету на версту пути. По вопросу о перемиріи 18-го августа постановлено было слѣдующее: войска отводятся за демаркаціонную линію; послѣдствія новыхъ войскъ прекращаются; войска, находящіяся въ пути, останавливаются — русскія не южнѣе Харбина, японскія — не сѣвернѣе Муздена. Бомбардировка флотомъ береговъ прекращается. Какъ по вопросу объ эвакуаціи, такъ и по вопросу о перемиріи, по предложенію Витте, одобренному Государемъ, въ Портсмутѣ намѣчены были только общія основанія; всѣ же детали предстояло рѣшить на мѣстахъ главнокомандующимъ обѣихъ армій. Японцы очень настаивали на томъ, чтобы перемиріе вошло въ силу только по подписаніи трактата. Витте увидѣлъ въ этомъ поводъ къ опасеніямъ за самую проч-

ность заключеннаго мира и послѣшилъ 19-го августа отправить изъ Нью-Кастля, на имя министра иностранныхъ дѣлъ, слѣдующую телеграмму: „Здѣсь циркулируютъ упорные слухи, что въ Японіи очень недовольны условіями мира и что могутъ произойти неожиданныя случайности. Это настроеніе отражается на японскихъ уполномоченныхъ, и такъ какъ они не могутъ отказаться отъ изъявленнаго согласія въ основаніяхъ, то весьма упорствуютъ на недоговоренныхъ деталяхъ и стараются затягивать. Опасаясь неожиданностей и считая поэтому необходимымъ скорѣе закончить дѣло, мнѣ приходится быть болѣе или менѣе сговорчивымъ въ этихъ деталяхъ“. Указанное обстоятельство отчасти объясняетъ причину, по которой толкованіе нѣкоторыхъ статей договора,—напр., тѣхъ, которыя касаются рыбнаго улова японцевъ въ русскихъ моряхъ,—вызвало впоследствии разномысліе, потребовало назначенія особыхъ совѣщаній и, по видимому, остается неулаженнымъ и по настоящій день. Обо всемъ договориться не успѣли, и уговоренное не получило редакціи, устраняющей всякое разногласіе. Обстоятельства складывались такъ, что надо было спѣшить завершеніемъ дѣла, прочности котораго грозило недовольство значительной части японскаго народа полученными отъ войны результатами.

У насъ, по видимому, не оцѣнивали въ достаточной степени трудности положенія и ставили нашему уполномоченному изъ различныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ изъ морского, неисполнимыя требованія,—напримѣръ, добиться при составленіи мирнаго трактата такихъ значительныхъ уступокъ, какъ удаленіе нашей границы къ югу, по возможности ближе къ порту Шестакова. Приходилось отвѣтить: „Конечно, предложенія очень заманчивыя, но достигнуть ихъ путемъ соглашенія нельзя“. 21-го августа статсъ-секретарь Витте имѣлъ уже возможность телеграфировать министру иностранныхъ дѣлъ самый текстъ договора, слিশкомъ хорошо извѣстный, чтобы было основаніе заняться здѣсь передачей его содержанія. И въ эту послѣднюю минуту мы еще надѣялись провести въ договоръ нѣкоторыя выгодныя поправки, какъ, напримѣръ, неупоминаніе о томъ, что часть Сахалина уступается навсегда и въ полное верховенство Японіи. На заявленіе, сдѣланное въ этомъ смыслѣ графомъ Ламздорфомъ, нашему уполномоченному пришлось отвѣтить: „Первоначальный текстъ договора, нами проектированный, заключалъ въ себѣ только упоминаніе о возвращеніи японскому правительству южной части Сахалина, т.-е. то самое, что вы предлагаете, но японцы не согласились. Бѣда въ томъ, что они

относятся къ намъ крайне подозрительно, а потому, когда дѣло идетъ о какой-нибудь редакціи, то настаиваютъ на такой опредѣленности ея, которая бы не требовала никакихъ толкованій“.

23-го августа, наконецъ, текстъ портсмутскаго договора былъ подписанъ обѣими сторонами. Проживавшіе въ Портсмутѣ русскіе отправились въ англиканскую церковь Христа Спасителя и здѣсь въ присутствіи большой толпы народа выслушали молебенъ, отслуженный духовенствомъ православной церкви при русскомъ посольствѣ. За этимъ молебномъ послѣдовалъ другой, отслуженный англиканскими священниками. Два дня спустя, Витте и баронъ Розенъ удостоились Высочайшей благодарности „за умѣлое и твердое веденіе переговоровъ“. Въ отвѣтъ на сообщеніе о подписаніи мира и президентъ Французской республики счелъ нужнымъ поздравить нашего главнаго уполномоченнаго съ достойнымъ исполненіемъ высокаго порученія, возложеннаго на него Императоромъ. Тотъ, кто своимъ умѣніемъ привлечъ на сторону Россіи общественное мнѣніе Америки во многомъ содѣйствовалъ благоприятному исходу почти безнадежнаго дѣла, на него возложено, не считалъ подписанный договоръ выше всякой критики. „Трактатъ съ Японіей, какъ и всякій другой,—телеграфировалъ онъ министру иностранныхъ дѣлъ — намѣчаетъ только общіе принципы. Несомнѣнно, что по каждому параграфу будетъ возбуждаться масса вопросовъ. Отъ того, какія установятся у насъ съ самаго начала отношенія съ Японіей, — прибавлялъ онъ — во многомъ зависитъ проведеніе договора въ жизнь. Если японцы увидятъ, что мы дѣйствительно желаемъ съ ними жить въ хорошихъ отношеніяхъ и не имѣемъ никакихъ заднихъ мыслей, то я увѣренъ, что и они начнутъ относиться къ намъ съ довѣріемъ, и что всѣ вопросы, которые возбуждены въ трактатѣ, будутъ разрѣшены во взаимному удовольствію“. Отправляясь отъ этой мысли, Витте уже тогда рекомендовалъ назначить въ Японію не посланника, а посла, — желаніе, нашедшее осуществленіе себѣ лишь въ послѣдніе дни. Можно сказать, что все теперешнее поведеніе графа Витте въ вопросахъ нашей политики на Дальнемъ Востоцѣ и въ смежныхъ съ ними опредѣляется тою же заботою, которая нашла выраженіе себѣ въ текстѣ только-что переданной телеграммы. Всѣ дѣлаемые имъ заявленія, не исключая и недавняго — по вопросу объ Амурской дорогѣ, вызваны тѣмъ же желаніемъ жить въ мирѣ съ нашими противниками и не питать на ихъ счетъ никакихъ заднихъ мыслей.

Успѣхъ, достигнутый нашими уполномоченными въ Портсмутѣ, казался европейской и американской печати настолько

неожиданнымъ и неоправдываемымъ предшествующими событіями, что она охотно останавливалась на мысли о тайномъ договорѣ, заключенномъ Россіей съ Японіей и въ которомъ послѣдней удалось выговорить въ свою пользу значительныя преимущества. Различныя агентскія телеграммы стали сообщать, будто сопровождавшій Витте проф. Мартенсъ сдѣлалъ насчетъ такого договора какія-то сообщенія представителямъ печати. Этотъ слухъ дошелъ и до графа Ламздорфа и вызвалъ въ немъ понятное безпокойство. Витте пришлось разувѣрять его, и онъ сдѣлалъ это съ обычной ему категоричностью. „Переданное агентствами сообщеніе о бесѣдахъ Мартенса—пишетъ Витте—наглая выдумка. Ничего подобнаго, конечно, не могло быть. Сообщеніе это сегодня опровергается въ здѣшнихъ газетахъ“.

Чтобы отчасти отблагодарить Америку за оказанное ею гостепріимство, Государь Императоръ распорядился о томъ, чтобы сняты были нѣкоторые повышенныя пошлины на американскіе продукты. На Витте выпала пріятная обязанность довести это до свѣдѣнія президента. Это извѣстіе Рузвельтъ принялъ съ живѣйшей радостью. „Президентъ сообщилъ намъ—телеграфируетъ Витте—о томъ давленіи, которое онъ не разъ производилъ на японцевъ; Америка и Россія въ его глазахъ—естественные друзья. Имъ необходимо принять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры для взаимнаго ознакомленія другъ съ другомъ и созданія между обоими народами умственнаго и нравственнаго общенія“. Витте передъ отъѣздомъ принять былъ Рузвельтомъ въ семейномъ кругу и удостоился получить отъ него собственноручное письмо и фотографическій портретъ. Выражая свою признательность за намѣреніе толковать отнынѣ статью о „наиболѣе благопріятствуемой націи“ такимъ образомъ, чтобы Америка поставлена была на одну ногу съ другими державами, президентъ просилъ нашего уполномоченнаго обратить вниманіе также на выдачу паспортовъ уважаемымъ американскимъ подданнымъ еврейской вѣры. „Миѣ кажется,—прибавлялъ онъ,— что еслибы это было сдѣлано, то была бы устранена послѣдняя причина раздраженія между двумя народами, въ поддержанію исторической дружбы которыхъ я желалъ бы сдѣлать все отъ меня зависящее“.

На обратномъ пути въ Россію Витте ждала телеграмма Государя Императора, приглашавшая его прибыть въ Бьёрке-Зундъ на яхту „Полярная Звѣзда“, гдѣ въ то время имѣлъ пребываніе Государь. Свиданіе состоялось въ серединѣ сентября, а 25-го вышелъ рескриптъ Государя, которымъ Витте возводился въ графы. Въ этомъ рескриптѣ дѣятельность нашего перваго уполномоченнаго по заключенію мирнаго договора была характери-

зована слѣдующими словами: „Вы блистательно исполнили предстоявшую вамъ задачу. Дѣйствуя твердо и съ подобающимъ Россіи достоинствомъ, вы достигли справедливыхъ уступокъ, доказавъ неприемлемость тѣхъ условій, которыя могли бы оскорбить патриотическое сознание русскаго народа или нанести ущербъ жизненнымъ интересамъ родины“.

Потомство подтвердитъ эту милостивую и въ то же время справедливую оцѣнку заслугъ графа Витте въ новой для него области дипломатическихъ переговоровъ. Даже люди, рѣзко расходившіеся съ графомъ по вопросамъ внутренней политики,—а въ числу ихъ принадлежитъ и авторъ настоящей статьи,—не могутъ не признать, что онъ обнаружилъ рѣдкую предусмотрительность въ годы, предшествующіе войнѣ, пытаясь, хотя и тщетно, предотвратить всяческіе поводы къ столкновениямъ нашего государства съ имперіей Восходящаго Солнца. Когда послѣдовало неизбежное, и война, плохо подготовленная, стала грозить намъ потерей нашихъ владѣній на Востоцѣ и вліянія, пріобрѣтеннаго нами въ Азіи, Витте въ числѣ первыхъ поднялъ вопросъ о необходимости открыть мирные переговоры, и когда на него выпала эта на первый взглядъ неисполнимая задача—обезпечить Россіи миръ безъ малѣйшаго урона ея достоинства, какъ великой державы, онъ не отступилъ передъ отвѣтственностью и съ свойственной ему твердостью и умѣньемъ довелъ почти безнадежное дѣло до неожиданнаго и счастливаго конца. Этотъ по своей карьерѣ бюрократъ понималъ, что въ демократической странѣ, какъ Америка, надо завоевать прежде всего общественное мнѣніе. Имъ сдѣлано было все необходимое для этого. И только увѣрившись въ томъ, что его поддерживаютъ симпатіи всего христіанскаго міра по обѣ стороны Атлантики, и что умѣлымъ веденіемъ переговоровъ онъ поставилъ японцевъ въ необходимость признать причиной продолженія войны съ ихъ стороны одинъ денежный расчетъ, онъ наотрѣвъ отказался отъ платежа какой-либо контрибуціи, какъ несогласнаго съ достоинствомъ Россіи. Зная, какое недовольство вызоветъ во всемъ мірѣ и прежде всего въ финансовыхъ кругахъ дальнѣйшее настаиваніе на денежномъ вознагражденіи, японцы отказались отъ своего требованія въ рѣшительную минуту, и миръ, въ наступленіи котораго вслѣдъ за воюющими заинтересованы были всѣ нейтральныя государства, наконецъ, былъ обезпеченъ.

Чѣмъ больше ходъ исторіи будетъ отдалять насъ отъ тягостныхъ событій, нами пережитыхъ въ 1904—1905 гг., тѣмъ болѣе будетъ расти въ нашемъ воображеніи обликъ человѣка,

не подготовленнаго къ выпавшей на него миссиі всей своей предшествующей карьерой, но нашедшаго въ прирожденныхъ свойствахъ своего ума и въ своемъ патриотизмѣ силу, необходимую для того, чтобы преодолѣть всѣ препятствія и открыть своему отечеству новые пути мирнаго развитія. Портсмутскій миръ признанъ въ Европѣ нашимъ единственнымъ успѣхомъ за все время войны—и въ этой эпиграммѣ лежитъ зерно истины. Наши сухопутныя и морскія силы оказались слабѣ японскихъ, но наша дипломатія побѣдила ихъ дипломатію, быть можетъ, потому, что въ данный моментъ ею руководилъ не дипломатъ, а настоящій государственный человѣкъ, хотя бы и „старого порядка“.

МАКСИМЪ КОВАЛЕВСКІЙ.

5-го апрѣля 1908 г.

И Т О Г И

ПОСМЕРТНОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА *).

Гость (входит).

Вы заняты?

Я.

Слегка — работой кой-какою.

Присядьте.

Гость.

Посижу, когда не беспокою.

Я.

Теперь, въ какому бѣ я ни приступалъ труду,
Боюсь, что до конца его не доведу.
Жду смерти каждый день сознательно и просто:
Съ прибавкой лишь трехъ лѣтъ — мнѣ было бѣ девяносто!
Людской живучести я рѣдкій образецъ,
Но мнѣ попрековъ вѣтъ: „пора бы, наконецъ!“
Напротивъ; снисходя въ моимъ превлоннымъ лѣтамъ,
Маститымъ чествуютъ меня давно поѣтомъ.
А между тѣмъ вѣдь я, почти Маэусанъ,
Того, что сдѣлать могъ, живя, не совершилъ...

*) Найдено на письменномъ столѣ въ бумагахъ покойнаго Алексѣя Михайловича; стихотвореніе, какъ есть основаніе предполагать, было писано въ мартѣ, за нѣсколько дней до его смерти (25 марта) и осталось, очевидно, неоконченнымъ. — *Ред.*

ПАМЯТИ

АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА

ЖЕМЧУЖНИКОВА

I.

Какъ странно—опуская въ могилу почти девятистолѣтняго старика, сознавать и чувствовать, что хоронишь современника.

На людей, дожившихъ до такого преклоннаго возраста, смотришь обыкновенно какъ на какой-то остатокъ или обломокъ старины, пощаженный временемъ, и думаешь, какъ неуютно этимъ людямъ жить среди насъ и дѣлать видъ, что они нашими дѣлами интересуются. Все у нихъ—въ прошломъ, всѣ ихъ радости и печали, ихъ увлеченія и разочарованія, ихъ гнѣвъ и любовь. Сказкой и давнимъ преданіемъ должны имъ казаться годы, когда для нихъ было завтра—желаемое, ожидаемое завтра, обещающее продолженіе того, о чемъ они думали вчера и сегодня. Это завтра давно уже исчезло для нихъ; въ ожиданіи совсѣмъ иного дня живутъ они—того дня, для котораго нѣтъ счета времени, и, какъ будто предвкушая это близкое разрѣшеніе всѣхъ тайнъ бытія, они еще при жизни привыкаютъ смотреть на явленія міра сквозь прозрачную пелену все примиряющей и успокаивающей вѣчности. Они живутъ съ нами, но въ сущности они уже ушли отъ насъ.

Часто, встрѣчаясь съ такими „глубокими“, какъ принято говорить, стариками, ощущаешь всю глубину той пропасти, которая можетъ лечь между живыми людьми.

Но когда пришла вѣсть о кончинѣ Алексѣя Михайловича Жемчужникова, то о лѣтахъ, имъ прожитыхъ на свѣтѣ, вспомнили развѣ только записные біографы и бібліографы. Въ сердцахъ другихъ—повлонниковъ и цѣнителей его таланта—эта вѣсть отозвалась такъ же больно, какъ если бы она возвѣщала кончину человека, умершаго во цвѣтѣ лѣтъ и много еще общающаго.

Къ Алексѣю Михайловичу совсѣмъ неприменима та общая формула старческой психологіи, которая про глубокихъ стариковъ заставляетъ насъ такъ часто говорить: „они себя пережили“. Во многихъ смыслахъ про покойнаго поэта можно было сказать, что онъ насъ пережилъ, т.-е. чувствовалъ глубже нашего и мыслилъ болѣе логично и трезво.

То, что заставило насъ забыть о годахъ покойнаго и отозваться на эту смерть съ такимъ участіемъ, была совсѣмъ неожиданная, юная, полная жизненной энергии сила его рѣчей, не носящихъ на себѣ ни малѣйшаго признака старческой усталости или слабости. Въ каждомъ изъ послѣднихъ его стихотвореній пульсъ жизни бился ровно и твердо. Поэтъ давно уже покинулъ шумную столицу и жилъ вдали отъ насъ, въ провинціальномъ тихомъ городѣ или въ деревнѣ, и никто кромѣ близкихъ не былъ свидѣтелемъ его медленнаго угасанія. До насъ издали только долеталъ его голосъ,—но по этому голосу отнюдь нельзя было опредѣлить, какими шагами старикъ приближался къ роковой грани. Съ начала девяностыхъ годовъ, съ тѣхъ годовъ, когда о немъ сразу всѣ вспомнили,—онъ приучилъ насъ ждать его слова—всегда красиваго, мѣтлаго, крылатаго...

И въ этомъ свидѣтелѣ дней давно минувшихъ мы потеряли строгаго судью почти самыхъ послѣднихъ дней, которые мы съ нимъ вмѣстѣ прожили.

II.

Удивительно разнообразную и широкую историческую панораму раскинула жизнь передъ Жемчужниковымъ... Вспомнамъ только, что онъ родился еще во дни царствованія императора Александра Павловича (10-го февраля 1821 г.), въ знаменательный годъ смерти Наполеона I. Эти времена такъ далеки отъ насъ, что начинаютъ теряться въ туманѣ историческаго преданія.

Поэту было 16 лѣтъ, когда умеръ Пушкинъ: онъ могъ быть знакомъ съ нимъ, говорить съ нимъ; во всякомъ случаѣ Пушкинъ былъ для него живой человекъ,—Пушкинъ, который для

насъ также становится уже полу-легендарнымъ лицомъ. Какъ характеръ, какъ темпераментъ, какъ умъ, Жемчужанковъ ростъ и развивался въ длинные, сѣрые годы Николаевскаго царствованія. Онъ видѣлъ обманчивую славу этого царствованія, его вѣщный блескъ, его образцовый показной порядокъ и сильно было для поэта искушеніе—вступить на ту проторенную дорогу чиновной службы, которая, въ виду его связей, могла тихо и постепенно поднять его на большую высоту общественнаго положенія. Но художникъ устоялъ противъ этого соблазна и не горевалъ о томъ, что онъ—неудачный чиновникъ. Нѣсколько разъ дѣлалъ онъ попытку какъ-нибудь приноровиться къ „дѣлу“, т.-е. къ тому, что на оффиціалномъ языкѣ называется „дѣломъ“, но всѣ эти попытки приводили его лишь къ сознанію непримиримой розни, которая существовала между складомъ его поэтической души и складомъ прозаической его обступавшей жизни.

Прямимъ участникомъ въ этой жизни поэтъ не пожелалъ быть и сталъ созерцать ее, сначала издали, живя долгое время за рубежомъ Россіи, потомъ тоже издали, изъ разныхъ урюмныхъ уголковъ провинціи.

На глазахъ этого вдумчиваго созерцателя прошла вся движущаяся картина нашей общественной жизни за послѣдніе полвѣка. Эпоха реформъ Александра II застала его еще на службѣ, и въ кругу близкихъ ему людей, принимавшихъ непосредственное участіе въ проведеніи этихъ реформъ, онъ могъ слѣдить за быстрымъ, но чаклымъ ростомъ нашего гражданскаго чувства. Онъ раздѣлялъ тѣ надежды и упованія, которыя скрашивали нашу жизнь тотчасъ послѣ севастопольскаго погрома и которыя на короткій срокъ объединили и власть, и общество въ единомъ стремленіи построить государственную жизнь на разумныхъ свободныхъ началахъ; онъ видѣлъ затѣмъ, какъ это минутное согласіе власти и общества начало туманиться ободненнымъ недоувѣріемъ, какъ оно съ поразительной быстротой привело къ гражданской междоусобной войнѣ, и какъ въ этой войнѣ святое дѣло только-что насаждаемой свободы гибло... На его глазахъ началась ломка тѣхъ самыхъ реформъ, которыя на его же глазахъ насаждались при недавнемъ общемъ ликеованіи.

Что поэтъ думалъ о нашемъ радикальномъ движеніи, взявшемъ столь рѣшительный и рискованный курсъ съ начала шестидесятихъ годовъ,—въ точности мы не знаемъ; онъ, конечно, не одобрялъ его, предвидя ту опасность, какую всегда влечетъ за собой торопливость, не считающаяся съ исторической необходимостью и данными переживаемой эпохи. Но еще больше не

одобрялъ онъ или, вѣришь, ненавидѣлъ ту слѣпоту, ту увость политическаго и общественнаго круговора, которая заставляетъ людей, стоящихъ у власти, возлагать всѣ свои надежды на физическую силу репрессіи. Поэтъ вознегодовалъ, когда онъ, слѣдя за разгоравшейся междоусобной войной, увидалъ, что противъ новизны, торопящейся и идущей на крайнее, власть не нашла иного оружія, иного оулика, кромѣ элементарнаго призыва „назадъ“ и неизбѣжно связанныхъ съ нимъ ретроградныхъ помысловъ и дѣяній. Поэтъ понималъ, что противъ духа, хотя бы буйнаго и идущаго ошибочной дорогой, нужно бороться духомъ, а не силой, которая способна лишь толкать противника на еще большую крайность.

Вся эта печальная картина медленной гибели и усыханія только-что насажденной свободы подъ ударами власти, которая вымещала на самомъ принципѣ ошибки и прегрѣшенія его слишкомъ увлекшихся сторонниковъ—весь этотъ ходъ государственнаго корабля назадъ, подъ звуки побѣдныхъ „патріотическихкихъ“ возгласовъ—вся эта картина крушенія иллюзій прошла на глазахъ нашего поэта, которому тогда оставалось хоть одно призрачное утѣшеніе въ томъ, что самъ онъ въ этой братоубійственной войнѣ не участвовалъ. Онъ смотрѣлъ на нее издали и въ его поэтическомъ воображеніи зрѣлъ тотъ образъ истиннаго гражданина своей родины и истиннаго патріота, который потомъ свѣтился такъ ярко въ лучшихъ изъ его стихотвореній.

И долго пришлось поэту быть свидѣтелемъ все одной и той же гражданской трагедіи съ безчисленнымъ количествомъ актовъ и явленій. Въ шестидесятыхъ годахъ началась эта трагедія, и развязки ея и по сей день не видно.

При всѣхъ разнообразныхъ отбѣнкахъ, какіе принимали у насъ общественные и политическіе вопросы, начиная съ шестидесятыхъ годовъ, при возникновеніи новыхъ задачъ политической борьбы, при смѣнѣ боевыхъ позицій—неизмѣннымъ оставались самыя начала боевой тактики.

Въ борьбѣ съ такъ-называемой „крамолой“ были пущены въ ходъ всѣ средства принужденія и оглушенія и ни одного такого, которое бы у этой „крамолы“ отняло ея отчаянную страстность, ея безумную смѣлость, ея стихійный фанатизмъ. „Крамолу“ усмиряли при помощи физической силы и, чтобы выбить почву изъ-подъ ея ногъ, все урѣзывали и калѣчили и безъ того чахлаю гражданскую свободу, кавая была на лицо, вмѣсто того, чтобы расширять и укрѣплять ее и тѣмъ самымъ дѣйствительно лишить „крамолу“ твердой опоры. Тактика эта дѣйствовала за всѣ

семидесятыя годы и послѣ бѣдствія 1-го марта была окончательно признана за единственную государственную мудрость. Мудростью продолжала она считаться и до нашего времени, когда на короткій срокъ перестала дѣйствовать, въ свою очередь оглушенная революціоннымъ взрывомъ. И только въ самые послѣдніе дни она—эта государственная мудрость—какъ будто задумалась—воспользоваться ли ей удобнымъ случаемъ общей усталости, чтобы вернуть прежніе дни своего непогрѣшимого величія, или, наконецъ, начать дѣлать разумныя уступки?

За этимъ печальнымъ, долгодѣтнимъ единоборствомъ власти и передовыхъ общественныхъ силъ поэтъ внимательно слѣдилъ въ своемъ уединеніи.

И онъ былъ настоящій поэтъ. Какъ же отозвался онъ на это зрѣлище, полное печальнаго смысла и полное своеобразной грозной поэзіи?

III.

Природа въ распредѣленіи поэтическаго дара между своими любимцами весьма капризна. Одного она надѣляетъ способностью очень остраго зрѣнія, большой отзывчивости на все, что мелькаетъ передъ его поэтическимъ взоромъ, надѣляетъ способностью претворять въ поэзію всѣ разнообразныя чередованія и сплетенія событій, свидѣтелемъ и участникомъ которыхъ поэтъ является; другимъ она даетъ даръ, съ виду какъ будто меньшій, болѣе скромный, даръ вдохновенія въ довольно узкой сферѣ личныхъ чувствъ и настроеній или въ сферѣ очень опредѣленныхъ замѣнутыхъ житейскихъ явленій, которыя одни лишь способны пробудить въ поэтѣ его творческую фантазію. Мы бываемъ несправедливы, когда, сравнивая художниковъ съ широкимъ поэтическимъ горизонтомъ и другихъ—съ горизонтомъ болѣе узкимъ, думаемъ, что одинъ поэтъ—въ большей степени, другой—въ меньшей. Истинный поэтический даръ, какъ высшее проявленіе духа, степеней не имѣетъ—онъ единъ въ своей сущности, и если о чемъ можно говорить, опредѣляя его стоимость, то лишь о богатствѣ матеріала, которымъ завладѣлъ одинъ поэтъ, и мимо котораго прошелъ другой. Почему прошелъ?—Кто на это отвѣтитъ? Можно и должно умѣть различать поэтовъ по степени того вліянія, какое они имѣютъ—по широтѣ и глубинѣ ихъ суда надъ человекомъ и его исторической жизнью,—но надо помнить, что поэтами люди рождаются, что всѣ они, если они истинные

поэты, цѣнные самородки, хотя бы въ одномъ изъ нихъ вѣсу было больше, а въ другомъ меньше.

Стремясь выяснитъ поэтическую стоимость творчества Алексѣя Михайловича Жемчужникова, нѣкоторые изъ строгихъ цѣнителей, быть можетъ, скажутъ: жаль этотъ человекъ въ исключительныхъ условіяхъ; тратить свои силы на ежедневную борьбу съ жизнью ему не пришлось; онъ былъ огражденъ отъ прозаическихъ счетовъ съ ней и всѣ свои силы могъ употребить на развитіе своего таланта; полной свободой духа и тѣла пользовался онъ, и только одинъ его талантъ могъ быть предметомъ всѣхъ его заботъ и попеченій; прожилъ онъ рѣдко долгій вѣкъ, и потому имѣлъ больше, чѣмъ кто-либо, случаевъ углубить свои думы и провѣрить свои наблюденія надъ жизнью и человекомъ; въ тому же онъ былъ свидѣтелемъ событій, полныхъ великаго общественнаго смысла, — и что же? Какъ отозвался онъ на эти событія, какъ вообще использовалъ то выгодное положеніе, въ какомъ стоялъ столь долгіе годы?..

Такой вопросъ могутъ задать строгіе и придирчивые судьи, въ надеждѣ не получить удовлетворительнаго отвѣта. И самъ Алексѣй Михайловичъ какъ будто предвидѣлъ этотъ вопросъ и въ предисловіи къ своимъ стихамъ говорилъ намъ, что онъ о нихъ самаго скромнаго мнѣнія. Онъ признавался, что на школьной скамьѣ писалъ много стиховъ, но потомъ разсѣянная жизнь отвлекла его отъ работы. Позднѣе, въ эпоху шестидесятыхъ годовъ, ему вдругъ показалось, что его стихи никому не нужны: его тогда очень тянуло къ гражданскимъ мотивамъ, но поэзія Некрасова, какъ онъ думалъ, дѣлала его собственное творчество совершенно излишнимъ. Онъ могъ бы попытаться свои силы въ „чистой“ поэзіи, и онъ понималъ, что такого времени, когда такая „чистая“ поэзія могла бы оказаться ненужной, не бываетъ. Но онъ былъ убѣжденъ, что его муза не обладаетъ ни лиризмомъ, ни красотой, и потому замолчалъ на многіе годы... Но вдругъ неожиданно, когда ему было уже за шестьдесятъ лѣтъ, онъ почувствовалъ, что у него есть что сказать, и что ему хочется высказаться... Онъ сталъ писать тогда много, но долгое время не рѣшался собрать все имъ написанное, т.-е. по-прежнему мыслить о томъ, „нужны“ ли его стихи, не переставала его мучить. Наконецъ, онъ рѣшилъ издать полное собраніе своихъ стиховъ — не потому, какъ онъ самъ говорилъ, что признавалъ за ними должную цѣну, а потому, что пришла, наконецъ, „пора“, т.-е. онъ достигъ семидесятилѣтняго возраста, когда

откладывать исполненіе чего-нибудь на будущее время—не приходится.

Странное впечатлѣніе производятъ эти признанія поэта. У писателей старшаго поколѣнія мы привыкли, впрочемъ, къ такому скромному тону, столь необычному въ наше время. Но едва-ли авторомъ руководило лишь одно это чувство скромности: его признанія скорѣе можно понять какъ вполне искреннее удивленіе передъ совершенно необычнымъ ходомъ развитія его собственнаго поэтическаго дара. Поэтому, дѣйствительно, трудно было отвѣтить на вопросъ, нужны ли его стихи или не нужны, потому что онъ самъ никакъ не могъ установить ихъ цѣнности.

Въ развитіи своего таланта онъ наблюдалъ прежде всего нѣчто совершенно не совпадающее съ тѣмъ, что вообще съ поэтическимъ даромъ въ жизни творится: его талантъ—поэтъ не могъ этого не замѣтить—становился сильнѣе, глубже и ярче съ возрастающей его старостью. Тѣ годы, когда у другихъ поэтовъ вдохновеніе обыкновенно гасло, были для Жемчужникова годами, когда оно разгоралось. Лучшіе свои стихи онъ написалъ въ возрастѣ отъ шестидесяти до восьмидесяти лѣтъ; и онъ не могъ не задуматься надъ такою неожиданно вернушеюся къ нему второю молодостью. Ему естественно должна была придти въ голову мысль, что подводить итоги пока еще рано.

И еще одно соображеніе могло его укрѣпить въ этой мысли: онъ чувствовалъ, что, не взирая на года и вопреки общему правилу, онъ въ старости не только не отстаетъ отъ своего вѣка, но, пожалуй, тѣснѣе съ нимъ связанъ, чѣмъ прежде. Не могъ же онъ, созидаая свои послѣдніе стихи, не ощущать въ нихъ той теплоты гражданскаго чувства и остроты гражданской мысли, того учащеннаго біенія взволнованнаго сердца, которое всѣ въ нихъ чувствовали, и не могъ же онъ не согласиться съ тѣмъ, что эти старческіе „гражданскіе мотивы“ сильнѣе тѣхъ, которые онъ слагалъ въ своей юности. Все, и его интимная лирика, и его стихи на темы общественныя, все говорило ему о ростѣ его таланта, о возможности подняться еще на нѣсколько ступеней выше и ближе къ художественному совершенству. Поэтъ былъ загадкой для самого себя, и такой же загадкой былъ онъ и для его поклонниковъ, число которыхъ быстро умножалось.

Знакомясь съ полнымъ собраніемъ стихотвореній Жемчужникова, забывчивый читатель сталъ припоминать, гдѣ и когда онъ съ этимъ воскресшимъ художникомъ встрѣчался. Оказалось, что еще въ началѣ пятидесятихъ годовъ Жемчужниковъ писалъ легкія комедіи какъ будто въ стилѣ Мюссе, комедіи, которыя даже по-

падали на сцену, хотя въ общемъ прошли незамѣченными; затѣмъ оказалось, что тотъ же Алексѣй Михайловичъ—не кто иной какъ одинъ изъ вѣстныхъ отцовъ знаменитаго Кузьмы Пруткова и что ему—въ большой степени—мы обязаны тѣмъ неподражаемымъ каламбурнымъ юморомъ и смѣхомъ, которыми училъ насъ смѣяться этотъ публицистъ-наизнанку послѣднихъ годовъ царствованія императора Николая I. Читатель вспомнилъ также, что въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ Жемчужниковъ увлекался ринерованной публицистикой и не однажды мѣрялся силами съ ретроградными „патріотами“. Затѣмъ поэтъ замолчалъ на долгій срокъ, и за это время молчанія талантливый литераторъ превратился въ истиннаго поэта. Читатель, переходя отъ стихотвореній, которыя Жемчужниковъ писалъ въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, къ тѣмъ, которыя онъ слагалъ въ послѣдующія десятилѣтія—не узнавалъ писателя. Словно новая струя жизни ворвалась въ его поэзію, и онъ молодѣлъ съ каждымъ годомъ. И невольно возникалъ вопросъ—что же именно заставляло молодѣть эту старость? Неужели сама жизнь, общественная гражданская жизнь, которая съ каждымъ годомъ плелась все болѣе и болѣе вяло и могла скорѣе понижать въ людяхъ темпераментъ, чѣмъ поднимать его, могла скорѣе холодить сердца, чѣмъ согрѣвать и кипятить ихъ, — неужели она, эта долговременная агонія общественнаго чувства и общественной инициативы, окрылила поэта и дала его вдохновенію тотъ полетъ, какого не могло ему дать время менѣе безотрадное, менѣе унылое по своему настроенію? Неужели же и старость помогла въ этомъ поэту?

IV.

Случается иногда, что вопреки, казалось бы, очевидности, жизнь спокойная, ровная, огражденная отъ острыхъ печалей и волненій, бываетъ неблагопріятна для развѣтвія таланта и не даетъ человѣку испытать того сильнаго нервнаго сотрясенія, того глубокаго волненія, которое способно сразу повысить его духовныя силы, и въ томъ числѣ и его творческую фантазію.

Случается, что горе и ясно сознаваемая опасность придаютъ человѣку силы, которыя могутъ дремать въ отсутствіи душевной бури. Конечно, надо было близко знать покойнаго поэта, чтобы утверждать категорически, что именно умножающіяся съ годами испытанія углубили его поэтическое чувство и его творческую фантазію.

Но читателю, который предоставленъ своимъ догадкамъ, не можетъ не придти въ голову этой мысли при внимательномъ ознакомленіи съ полнымъ собраніемъ стиховъ Жемчужникова. Читая эти стихи подъ-рядъ въ хронологическомъ порядкѣ, видишь, что только первое горе—глубокое, неутѣшное горе вырвало у писателя изъ груди первый художественный стихъ. Въ 1876 году Алексѣй Михайловичъ потерялъ жену—и лишь съ момента ея смерти онъ сталъ поэтомъ. Все, что онъ писалъ до этого испытанія, все носило на себѣ печать извѣстнаго литературнаго навыка, несомнѣнной талантливости общаго типа, но сказать, чтобы эти стихи, писанные въ счастливую, безоблачную пору жизни, были истинными стихами—истиннымъ поэтическимъ творчествомъ—нельзя. А между тѣмъ автору этихъ стиховъ было уже за пятьдесятъ лѣтъ. И вотъ, послѣ пятидесяти лѣтъ, при встрѣчѣ съ первымъ горемъ, испыталъ онъ на себѣ ту истину, которую высказывали иногда великіе сердцевѣды, когда утѣряли плачущихъ и горюющихъ, что въ искусствѣ они найдутъ разрѣшеніе своей печали.

Тотъ вѣнокъ изъ пѣсенъ, который Алексѣй Михайловичъ возложилъ на могилу своей жены, не потерялъ своей свѣжести и аромата до нашего времени, и онъ его никогда не потеряетъ, потому что пѣсни эти—настоящіе художественныя иммортели. Въ нашей лирикѣ нѣтъ имъ равныхъ по глубинѣ и естественной простотѣ горестнаго чувства. Такъ и перейдутъ онѣ въ потомство, увѣковѣчивъ память скромнаго человѣка, который и не мечталъ о томъ, что его разлука съ женою обогатитъ родную словесность поэтическими слезами. Не предполагая, надо думать, и Алексѣй Михайловичъ, что эта разлука будетъ для него предлогомъ частыхъ свиданій съ музой, которую онъ пока любилъ заочно, но съ которой еще не встрѣчался.

Еще тѣснѣе сблизила ихъ надвигающаяся старость поэта—т.-е. опять, хоть и вполне естественное, но все-таки испытаніе, какому судьба подвергаетъ человѣка. Моралисты нерѣдко изощряли свое остроуміе и краснорѣчіе, говоря о тѣхъ радостяхъ, которыя старости исключительно присущи. Конечно, такіа радости есть, и цѣна ихъ даже повышена для человѣка, который сознаетъ, что онѣ—послѣднія радости жизни. Но именно это-то сознаніе медленнаго удаленія отъ земли и есть та несомнѣнная, глубокая, хоть и мирная печаль, которая неразлучна со всякимъ прощаніемъ. Жемчужниковъ удивительно красиво и вѣрно передалъ это ощущеніе затаенной старческой печали въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Онъ писалъ:

Сколько мнѣ жить... Впереди—неизвѣстность.
 Жизненный пламень еще не потухъ;
 Бодрю силу теряетъ тѣлесность,
 Но, пробудясь, открылется духъ.

Грустны и сладки предсмертные годы.
 Это привычное мнѣ бытіе,
 Эти картины родимой природы—
 Все это, словно, уже не мое.

Плоти не чувствую прежней обузы;
 Жду перехода въ обитель тѣней;
 Съ милой землей расторгаются узы;
 Духъ возлетаетъ все выше надъ ней.

Чуждъ беспокойному страсти недугу,
 Вѣдая тихую радость одну,—
 Словно хожу по цвѣтистому лугу,
 Но ни цвѣтовъ, ни травы ужъ не мну... (1896.)

Стихотвореніе это къ самому поэту не вполне приложимо; оно скорее предчувствіе, чѣмъ вѣрная передача его собственнаго состоянія. Старость не заставляла его скользить подобно тѣни по цвѣтистому лугу жизни: наоборотъ, тѣснѣйшая связь съ жизнью возростала въ немъ неизмѣнно.

И опять можно спросить, не потому ли въ поэтѣ все ярче усикивало вдохновеніе, что передъ прощаніемъ любовь въ жизни, во всему живущему, запылала въ немъ ярче? Быть можетъ, раньше, когда въ немъ самомъ жизненныхъ силъ было больше, онъ былъ менѣе способенъ вникать пытливымъ, зоркимъ и глубокимъ взглядомъ въ суть всего того, что надолго, какъ онъ думалъ, останется еще его собесѣдникомъ и спутникомъ его жизни. На склонѣнъ глѣ поэтической взоръ его становился острѣе и проникновеннѣе. Поэтъ уходилъ вглубь самого себя, но это не значило, что связь его съ жизнью порывалась. Наоборотъ, ему все дороже и дороже становился самый принципъ жизни, поскольку онъ выражался въ своихъ наименѣ преходящихъ и прерывающихся формахъ. Вотъ почему поэтъ съ годами началъ, мало сказать, любить,—обожествлять природу. Она одна, конечно, была для старика самымъ яркимъ и торжествующимъ символомъ жизненной энергии разлитой въ мірозданіи. Что значилъ въ сравненіи съ ней человѣкъ, этотъ призракъ, этотъ минутный гость на землѣ? Вокругъ поэта быстро росли могилы дорогихъ ему людей... а въ несмѣяемой, вѣчной красотѣ каждый годъ молодѣла природа.

Наша поэзія богата описаніями природы. И въ стихахъ, и въ прозѣ воспѣвали ее наши художники. Сказать про Алексѣя

Михайловича, что онъ былъ мастеръ пейзажной живописи — значить ничего не сказать, и заставить его затеряться въ цѣлой толпѣ другихъ мастеровъ. А онъ, между тѣмъ, пейзажистъ единственный въ своемъ родѣ:

...Всегда природу я любилъ,
 Да и она меня любила.
 Наглядна мнѣ средь прочихъ силъ
 Въ ней притягательная сила.
 И мнится: въ душу я проникъ
 Ея явленій, ихъ языкъ
 Свообразный понимаю.
 Метелей буйный бредъ и вой,
 И грохотъ грозъ, и тишь нѣмая,
 И слезы осени большой,
 И молодая ласка мая —
 Все перечувствовано мной.

...О, никогда еще, какъ нынѣ,
 Мирской мнѣ не былъ труденъ гнетъ;
 И зовъ таинственный влечетъ
 Меня, усталого, къ пустынѣ.
 Какъ хорошо, какъ тихо тамъ!
 Теперь бы время, старцы-братья,
 Уйти отъ узъ, несносныхъ намъ,
 Въ ея широкія объятя. (1901.)

Поэтъ любилъ природу съ юныхъ дней, — это правда, но стоитъ перелистовать ранніе стихи и сравнить ихъ съ позднѣйшими, чтобы понять, какъ чувство любви можетъ углубляться и расширяться. Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что настоящая полная жизнь съ природой, возможное сліяніе съ ней, допустимый въ современномъ культурномъ человѣкѣ пантеизмъ чувства и мысли — все это дано въ послѣднихъ пейзажахъ Жемчужникова и дано при совершенно особыхъ поэтическихъ приемахъ.

Мы привыкли къ тому, что пейзажъ служитъ обыкновенно декорацией, фономъ для какой-нибудь картины или для обрисовки психическаго состоянія человѣка; еще чаще случается, что писатель надѣляетъ природу своими чувствами, возводитъ ее въ почетное званіе человѣка. Или, наконецъ, онъ пеленаетъ ее въ свою мистическую мысль и наивно думаетъ, что эту мысль она-то ему и подсказываетъ. Этихъ обычныхъ приемовъ пейзажной живописи мы у Жемчужникова не встрѣтимъ. Въ его бесѣдахъ съ природой сохранена полная ея независимость: она не поддакиваетъ и не возражаетъ поэту; онъ не желаетъ пользоваться ею какъ удобной и красивой рамкой, въ которую можно вставить свой собственный портретъ, онъ никакой особой мудрости изъ нея вы-

читать не хочется: у него одна цѣль — дать поэтическое выра-
женіе тому особому религиозному чувству, какое въ немъ про-
буждаетъ созерцаніе этой вѣчной свидѣтельницы нашего мимо-
летнаго земного сна, этой вѣчной носительницы принципа не-
умирающей жизненной энергіи:

Въ этотъ храмъ природный, храмъ нерукотворный,
Приходите, люди, бросивъ города.
Въ немъ—пріютъ свободный мысли непокорной,
Утѣшенье въ горѣ, отдыхъ отъ труда.
Въ этотъ храмъ любовно распахнуты двери;
Всѣмъ умамъ широкимъ, всѣмъ благимъ сердцамъ,
Всѣмъ людскимъ ученьямъ, и мечтамъ, и вѣрѣ—
Входъ свободенъ въ храмъ. (1894.)

V.

Но не какъ пѣвецъ личныхъ чувствъ и настроеній, не какъ поэтъ, славословящій природу перейдетъ Жемчужниковъ въ по-
томство. Многие изъ его интимной лирики и многіе пейзажи, имъ
набросанные, несомнѣнно украсятъ собой страницы хрестоматій.
Но исторіи русской литературы и въ особенности исторіи
русской культуры на этихъ стихотвореніяхъ долго останавли-
ваться не будетъ. Для него поэзія Жемчужникова имѣетъ совсѣмъ
особую цѣну.

Съ юныхъ лѣтъ поэтъ былъ неравнодушенъ къ „граждан-
скимъ“ мотивамъ. Онъ охотно самъ записался бы въ ряды пѣвцовъ
„гнѣва и печали“, если бы его не страшило сосѣдство Некра-
сова. Но этого сосѣдства онъ въ концѣ концовъ все-таки не
убоялся, и въ первые годы своего творчества, въ годы, совпавшіе
съ великой эпохой реформъ, онъ несомнѣнно претендовалъ на роль
публициста, вооруженнаго рюмочаннымъ бичомъ. Въ 1859 году
онъ привѣтствовалъ „воскресеніе духа жизни“ и готовился „гим-
номъ хвалы и привѣта встрѣтить даръ просіявшихъ небесъ въ
рожденіи слова и свѣта“. Да и кто тогда, наканунѣ реформъ,
не смотрѣлъ съ упованіемъ на свѣтлѣющія небеса? Какъ чуткій
человѣкъ, Жемчужниковъ въ 1859 году отмѣтилъ въ своемъ поэти-
ческомъ дневникѣ, что „небо стало болѣе хмуро и черно“ и что
„въ зловѣщей тиши зрѣеть буря“. Какъ надвигалась эта буря,
какъ развернулась она, объ этомъ поэтъ промолчалъ и только
уже послѣ грозы, въ 1864 году, онъ заговорилъ о тѣхъ опусто-
шеніяхъ, какими пролетѣть ея сопровождался.

Подводя итогъ той междоусобной войнѣ, подъ шумъ второй

реформамъ пришлось рождаться и пускаться первые слабые ростки, поэтъ задумался надъ страшнымъ пониженіемъ въ людяхъ истиннаго патріотизма, истиннаго гражданскаго чувства, которому грозило полное одичаніе. Не слѣва боялся поэтъ всего больше этого одичанія, и въ сценѣ: „Въ чемъ вся суть“ (1872), онъ даже для тогдашнихъ нигилистовъ нашелъ снисходительныя слова и не отказался смягчающія ихъ вину обстоятельства. Какъ хорошій историкъ и психологъ, онъ понималъ, что крайности радикальной мысли и настроенія, какъ острия болѣзни, легче поддаются леченію, чѣмъ крайности мысли ретроградной и косной, затяжной, хронически больной, которая въ исторической своей слѣпотѣ убѣждена, что можно принудить рѣки течь обратно и заставить могилы возвращать мертвецовъ.

О, скоро ль минеть это время,
 Весь этотъ нравственный хаосъ,
 Гдѣ прочность убѣжденій—бремя,
 Гдѣ подвигъ доблести—доносъ;
 Гдѣ, послѣ свалки безобразной,
 Которой кончилась борьба,
 Не отличишь въ толпѣ безсвязной
 Ни чистой личности отъ грязной,
 Ни вольнодумца отъ раба;
 Гдѣ быта стараго оковы
 Уже поржавѣли на насъ,
 А свѣточъ, путь искавшій новый,
 Чуть озаривъ его, погасъ;
 Гдѣ то, что прежде создавала
 Живая мысль, идетъ пока
 Какъ бы снарядъ, идущій вяло
 И силой прежняго толчка;
 Гдѣ стыдъ и совѣсть убаюкать
 Мы всѣ желаемъ чѣмъ-нибудь,
 И только бъ намъ ладонью стучать
 Въ „патріотическую“ грудь... (1870.)

Время это, конечно, не минуло. Но поэтъ не унывалъ и продолжалъ, если не бороться, то отертыто заявлять о томъ, насколько все, что онъ вокругъ себя видитъ, несогласно съ его понятіемъ о правдѣ-истинѣ и правдѣ-справедливости. Жемчужниковъ избралъ тогда и опредѣленную мишень для своихъ сатирическихъ нападокъ и обличеній. Въ короткихъ и довольно длинныхъ стихотвореніяхъ вызывалъ онъ на бой всеяльнаго Каткова и всю ту систему государственной мудрости, какую воплощалъ собою этотъ знаменитый публицистъ. Едва-ли, однако, Катковъ могъ чувствовать тѣ удары, какіе ему съ большой передышкой наносилъ Жемчужниковъ.

Вообще, вся „гражданская“ лирика нашего поэта, какъ она развернулась въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, не вышпается надъ общимъ ординаромъ тогдашней обличительной литературы. Въ ней нѣтъ настоящей силы удара, подъ которымъ гнется противникъ, въ ней нѣтъ огня, нѣтъ страстности; она по температурѣ своей несравненно болѣе холодна, чѣмъ тотъ историческій моментъ, который породилъ ее. Въ ней много благородства, много здравыхъ сужденій и неподдѣльной искренности. Но признать ее крупнымъ явленіемъ въ исторіи нашей словесности или въ исторіи развитія нашей общественной мысли—нельзя. Она слишкомъ обща по своей формѣ и слишкомъ она скользитъ по поверхности своего времени. И нѣтъ въ ней того, что есть въ позднѣйшихъ стихахъ Алексѣя Михайловича, нѣтъ въ ней той глубокой выстраданности, а потому и той художественности, которая блеститъ во всѣхъ стихахъ на гражданскій темы, стихахъ, писанныхъ поэтомъ въ глубокой старости.

Очевидно, и въ данномъ случаѣ придется вспомнить о благотворномъ влияніи глубокой печали на вдохновеніе художника.

Мало пока извѣстно намъ о раннихъ годахъ жизни Жемчужникова, но все, что мы о нихъ знаемъ—изъ собственныхъ его признаній,—говоритъ объ извѣстной, сначала юношеской, а затѣмъ и зрѣлой беззаботности, съ какою онъ шелъ по ровной дорогѣ своей жизни. Онъ самъ признавался, что свѣтскій вихрь кружилъ его достаточно сильно; и у насъ нѣтъ основаній предполагать, что въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ Жемчужниковъ былъ истиннымъ печальникомъ народнаго горя или настоящимъ борцомъ за освободительную идею общественной реформы. Конечно, онъ былъ ея сторонникомъ, но, вѣроятно, изъ числа тѣхъ очень благородныхъ либераловъ, которые не любятъ ни избытка увлеченія, ни избытка печали и гнѣва. Затѣмъ, заграничная жизнь надолго разобщила Жемчужникова съ родиной, и, конечно, такая разлука не могла остаться безъ влиянія на темпераментъ публициста.

Оставимъ, однако, въ сторонѣ эти факты чисто личной жизни писателя. Обратимся къ самому общественному движенію шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ—и мы должны будемъ признать, что какъ бы гражданское чувство ни скорбѣло, ни сознавало себя обиженнымъ въ эти годы, все-таки общественная атмосфера не была тогда еще такой безнадежно унылою, какою она стала позже. Шла борьба жестокая, истребительная борьба, но не было того мертваго штиля, который смѣнилъ ее; не было того отказа отъ воли къ жизни, каковой сталъ характернымъ при-

знакомъ времени, не было сознанія, что жертвы принесены даромъ, что всѣ средства борьбы использованы, а разсвѣтъ и не брезжить...

Либераль, твердый въ своей вѣрѣ и къ тому же слѣдящій на извѣстномъ разстояніи за ходомъ борьбы, могъ, первое время, хоть и сердясь, сохранять извѣстное хладнокровіе...

Сохранялъ его, очевидно, и Алексѣй Михайловичъ при всемъ своемъ гнѣвѣ на Каткова... Но онъ не сохранилъ этого равнаго расположенія духа позже, когда уже старикомъ оглянулся и увидалъ, какой сорной травой начинала заростать общественная нива,—арена столькихъ битвъ, испившая столь много крови.

Вотъ въ эти-то годы въ немъ воскресъ тотъ настоящій поэтъ, какимъ онъ родился.

Но яркаго гнѣва въ стихахъ поэта уже не было, недавняго боевого задора—тоже. Грустной элегіей сталъ онъ отзываться на впечатлѣнія злобнаго и безнадежно скучнаго дня. Но это была элегія, въ которую своеобразно и красиво вплетены были и сатира, и памфлетъ, и публицистическая замѣтка. Острая боль и глубокая печаль давали себя чувствовать въ этой съ виду столь спокойной пѣснѣ. Въ ней была вся душа поэта—теперь уже въ полномъ смыслѣ слова испытанная, которая ни на что не надѣялась для себя лично и отдавала себѣ ясный отчетъ въ зловѣщемъ значеніи всего того, что вокругъ творилось.

VI.

„Нынче вѣсть стариною“ — писалъ Жемчужниковъ въ 1887 году:

Мы, шагнувъ еще немножко,
Къ временамъ вернемся давнимъ:
Европейское окошко
Закрывается ужъ ставнемъ.

Ничего такъ поэтъ не боялся, какъ этой искусственной попытки поставить русскую жизнь на старые рельсы, попытки, которая послѣ кончины императора Александра II показалась нашимъ руководящимъ сферамъ столь плѣнительною и поэтичною. Этотъ подогрѣтый археологическій романтизмъ, который не задавался вопросомъ, къ какой же конечной станціи должны привести эти рельсы, а только интересовался тѣмъ, какъ мы движемся, съ достаточнымъ ли виѣшнимъ спокойствіемъ и поряд-

комъ—носилъ въ себѣ зерно великихъ несчастій. Онъ искажалъ историческую перспективу, и люди, идя во всёхъ смыслахъ назадъ и отставая отъ своихъ спутниковъ, совершенно искренно могли быть убѣждены, что идутъ впередъ и опережаютъ со-сѣдей. Онъ чувству очень смутному и неопредѣленному давалъ перевѣсъ надъ трезвой логикой и, принижая критическую мысль и запрещая ея свободное обращеніе, велъ къ форменному одичанію, прикрываясь, однако, очень гуманными словами и понятіями о народности, религиозномъ чувствѣ, о патриотизмѣ. Онъ, наконецъ, совсѣмъ затемнилъ только-что прояснявшееся понятіе о долгѣ и чести истиннаго гражданина, потому что не признавалъ за этимъ гражданиномъ самаго святого права—права протеста противъ того, что не мирилось съ совѣстью человѣка. Обманчивое внѣшнее спокойствіе, въ какомъ находилось общество въ эти годы реакціонной политики, увеличивало опасность положенія, такъ какъ обезкураживало однихъ, а въ другихъ узаконяло горделивое самолюбованіе. Съ нѣкоторыми, конечно, оговорками, про эту эпоху можно было сказать, какъ Жемчужниковъ говорилъ о дореформенныхъ временахъ, что они похожи были на застоявшійся и покрытый плѣсенью прудъ, въ которомъ даже пузырямъ всплывать не разрѣшалось.

Труднѣе всего въ эти годы приходилось людямъ того поколѣнія, которое вынесло на своихъ плечахъ и видѣло своими глазами всю недавнюю эпопею борьбы за реформу. Теперь уже старики, они осуждены были стать зрителями полного обращенія ихъ надеждъ въ иллюзіи. Среди нихъ Жемчужниковъ былъ однимъ изъ старѣйшихъ.

Эти новыя времена поэтъ называлъ „комедіей“, хорошо зная, конечно, насколько по существу своему она трагична:

...Предметъ комедіи:—Россія.
Ея заглавіе:—Назадъ!

...На безобразной пьяной тризнѣ,
При ревѣ дивныхъ голосовъ,
Тамъ погребаютъ полныхъ жизни
И воскрешаютъ мертвецовъ.
Герой изъ времени былого,
Теперь одѣтый въ кучій фракъ,
Пришелъ грозить народу снова
Опричникъ, земства лютый врагъ.
И что ни рѣчь, что ни картина—
Жизнь опрокинута вверхъ дномъ;
Шутъ носить званье гражданина,
А гражданинъ слыветъ шутомъ.

Негѣнность творческой задачи
 Доходить въ пьесѣ до того,
 Что люди въ ней затылкомъ зрячи,
 Впередъ не вида ничего.

Такихъ чудесъ на сценѣ много;
 И тайну авторскихъ затѣй
 Въ правоученьяхъ монолога
 Разоблачаетъ лицедѣй:
 — „Назадъ! Долой съ пути успѣха,
 Съ пути гражданственныхъ началъ.
 Въ нихъ—благоденствію помѣха,
 Въ нихъ гибнетъ русскій идеалъ.
 За край родной стоитъ онъ грудью;
 Онъ—патріотъ, и потому
 Враждой пылаетъ къ правосудью,
 Къ свободѣ, къ слову и къ уму...“
 — „И смерть судамъ! И гибель школамъ!“—
 Кричитъ онъ, злобою дыша;
 И, словно нѣкимъ ореоломъ,
 Нахальнымъ свѣтлымъ произволомъ
 Невѣжды рабская душа,
 Всѣмъ проявленьямъ высшимъ духа,
 Всему, чѣмъ жизнь для насъ свята—
 Со сцены шлетъ она клевету,
 Или комомъ грязнымъ клевета.
 А между тѣмъ толпа нѣмая
 За рѣчью тѣпательно слѣдитъ,
 Удары дерзкіе обидъ
 Безпрекословно принимая.
 Онъ ей внушилъ холопскій страхъ:
 Вели ей вѣрить онъ, что прочно
 Земля стоитъ на трехъ китахъ—
 И, въ вольнодумствѣ безупречна,
 Она отвѣтила-бъ: „Такъ точно“.

...Толпа, толпа... Съ негодованьемъ
 Я говорю: какъ ты тупа!
 Не нищей черни, чуждой знаньямъ,
 О, нѣтъ, людей съ образованьемъ
 Пустая, темная толпа!
 За козни зловѣчныхъ обмана,
 За убыль смѣлой правоты,
 За мракъ ума, въ отвѣтъ—ты,
 А не фигляры балагана.
 Не будь тебя, для мѣстъ пустыхъ,
 Повѣрь, что даже лбы изъ мѣди
 Нѣ создавали бы такихъ
 Непозволительныхъ комедій. (1894.)

Къ людямъ, стоящимъ у кормила, людямъ того же поволабнiя, что и онъ самъ — въ старикамъ, которые въ молодости были согрѣты святыми идеалами, но забыли о нихъ, обращена рѣчь поэта:

Я къ вамъ, ровесники мои, отцы и дѣды,
О родинѣ скорбя, держать задумалъ рѣчь.
Мнѣ кажется, что я какъ гору скину съ плечъ,
Вамъ душу высказавъ средь искренней бесѣды.
Вѣдь въ сѣти юныхъ грезъ намъ, зрѣлымъ, трудно впасть;
Въ насъ нѣтъ охоты быть ни жертвой, ни героемъ;—
Итакъ, въ бесѣдѣ мы, порядокъ чти и власть,
Лишь на себя глаза откроемъ.

Хоть тотъ же дѣятель на сценѣ, да не тотъ.
Участникъ дѣлъ былыхъ порой неузнаваемъ...
Мы время темное теперь переживаемъ;
Кто скажетъ: что въ судьбахъ грядущаго насъ ждетъ?
Участникъ дѣлъ былыхъ, надеждами богатыхъ,
Почтенный дѣятель въ недавней старинѣ,—
Какъ будто опьянѣвъ, почилъ на лаврахъ смятыхъ
И спитъ, воцунствуя во снѣ.

Благочестивыми воздвигнуть былъ руками,
Какъ благолѣпный храмъ, Россiя новый строй;
Предъ алтаремъ служилъ тотъ дѣятель былой,
И вѣрующихъ сонмъ тѣснился въ этомъ храмѣ...
Теперь онъ опустѣлъ; всѣ входы прахъ занесъ;
Священнодѣйствiй нѣтъ; онъ темень и печаленъ;
И ползаютъ въ немъ гадъ; и, лая, бродитъ песь,
Какъ средь заброшенныхъ развалинъ.

Подумать—страхъ беретъ, что нынѣ меньшинство,
Покуда вѣрное гражданственнымъ началамъ,
Ужъ представляется явленьемъ запоздалымъ.
Таковъ переворотъ. Чѣмъ объяснимъ его?
Что возбуждаетъ въ насъ враждебность и сомнѣнья?
Иль барщина честнѣй свободнаго труда?
Иль мракъ невѣжества полезнѣй просвѣщеня?
Безсудье ль правильнѣй суда?

Я знаю: былъ объять за родину тревогой
Ты, русскiй гражданинъ, въ тѣ смуть крамольныхъ дни...
Ты правъ: ученiе преступное казни,—
Но неповинныхъ въ немъ святыхъ началъ не трогай.
Та проповѣдь средь насъ опасностей полна,
Что будто бы они съ порядкомъ несовмѣстны;
Порядка вѣрный стражъ—тотъ въ наши времена,
Кто ихъ послѣдователь честный.

Но смѣлость доблести въ насъ никнетъ; духъ нашъ спитъ;
Звучать еще слова, но мысли—ни единой;

Но искры Божьей вѣтъ. Затянутого тиною
 Болотнаго пруда таково сонливый видъ.
 Грѣшны и жалки мы, безъ пользы жизнь кончая
 И безъ луча надеждъ. Что сѣешь, то пожнешь.
 И сердце черствое, и голова пустая—
 Такъ въ жизнь вступаетъ молодежь.

О, если чувство въ насъ еще не вовсе глухо,
 Дѣтей и родину спасемъ, разсѣявъ сонъ.
 Завѣтъ апостола: „не угашайте духа“—
 Напоминаю вамъ. Какъ знати! Въ дали временъ,
 Быть можетъ, къ нравственной воззвать придется силъ;
 И вотъ—сердца молчать, заглохшій разумъ—нѣтъ...
 Отвѣтитъ тишина могильная—затѣмъ,
 Что духа вѣтъ, духъ угасилъ. (1888.)

Печальное стихотвореніе, способное навести на безнадежную мысль о власти людей надъ духомъ. Но нашъ поэтъ знаетъ, что духъ иногда добровольно допускаетъ надъ собой насилие, и что всегда, въ любое время, онъ можетъ стряхнуть свои оковы: „Духъ идѣ же хочетъ, дышетъ“.

Всесильенъ и благостенъ Духъ, исходящій отъ Бога.
 Не мѣрой даетъ Онъ Его.
 Но Духъ своевластенъ; даруетъ Онъ избраннымъ много;—
 Другимъ не даетъ ничего.

Есть въ мирѣ пустыни, забытыя благостію Духа:
 Пустыни для чувствъ и ума.
 Тамъ слово благое звучитъ боязливо и глухо;
 Тамъ властна духовная тѣма.

Какъ чахнуть на грубыхъ земляхъ благородныя зерна,
 Но сильно растутъ плевелы;
 Такъ въ этихъ пустыняхъ, гдѣ вѣетъ неправда тлетворно,
 Тѣ сильны, кто лживы и злы.

О, еслибъ у насъ времена слѣпоты и гордыни
 Смѣнила сознанья пора,
 Тогда бы предстало намъ зрѣлище нашей пустыни,
 Безъ думъ, безъ любви, безъ добра.

Духъ дышетъ, гдѣ хочетъ; но въ людяхъ есть сила призыва.
 Просите Его, и Онъ дастъ.
 Лишь только бѣ молитва была горяча и правдива,
 Призывъ былъ настойчивъ и частъ.

Разбудимъ отзывчивость въ сердцѣ сухомъ и холодномъ;
 Изъ камня добудемъ огня,
 И, въ скорби о разумѣ праздномъ и длѣгъ бесплодномъ,
 Помолимся, сердцемъ стена.

Ты дышешь, гдѣ ховашь, о, Духъ, призывающій къ жизни.

Дай жизни познать намъ пути;

Любви, правосудья и свѣта дай нашей отчизнѣ.

Дохнуть на нее захоти. (1896.)

Но пока духъ пожелаетъ снизойти — великая тьма можетъ на землѣ водвориться, и кажимъ тогда превращеніямъ подверженъ бываетъ человѣкъ!

...По жизненной стезѣ осмысленно онъ шелъ;
 Когда-то былъ уменъ, и съ сердцемъ былъ не черствымъ,
 И различать умѣлъ причины благъ и золь;
 И правду защищалъ съ безтрепетнымъ упорствомъ...
 Вдругъ—превращеніе. Великій въ жизни даръ,
 Такъ свойственный тому, кто опытенъ и старъ,
 Даръ прозорливости смѣнился почему-то
 Въ немъ дальновидностью дѣвицы изъ института.
 Отчизну возлюбивъ теперь еще сильнѣй,
 Онъ духа доблести страшиться началъ въ ней;
 Блеснетъ ли свѣта лучъ—ручьемъ онъ слезы точить;
 Гдѣ плакать надо бы—онъ чуть-что не хохочетъ;
 Онъ въ смерти видитъ жизни; онъ въ камнѣ видитъ хлѣбъ...
 Такъ сердцемъ онъ заглохъ, такъ умственно ослѣпъ.
 Онъ—чадо времени. Насъ злой какой-то геній
 Дурчать зрѣлищемъ волшебныхъ превращеній,
 И за людей нельзя ручаться въ наши дни.
 Что ежели и мнѣ... О, Боже, сохрани...
 И мнѣ, на старости, вдругъ станетъ неизвѣстно:
 Что глупо, что умно, что честно, что безчестно... (1887.)

Вдругъ въ самомъ дѣлѣ изъ жизни совсѣмъ улетучится „доблесть“? Останется слово, а свойство его исчезнетъ? Останутся званія чиновника, дворянина, воина, а совсѣмъ затеряется—гражданинъ, „вседневный“ гражданинъ, который долженъ быть всегда на лицо, а не только въ экстренныхъ случаяхъ. И вдругъ его нѣтъ, и вмѣстѣ его—пустое мѣсто?

Но вѣдь къ такому опустошенію святыхъ мѣстъ насъ неизбежно долженъ былъ привести тотъ курсъ, который взять былъ нашими рулевыми послѣ команды „назадъ“. Во что обратили они нашу общественную ниву? Съ виду какъ будто все обстояло благополучно.

Предъ нами красовалась нива...
 Какая странная краса!
 Колосья, стоя горделиво,
 Тянулись кверху, въ небеса.
 Влеченья ихъ къ надменнымъ позамъ
 Причину я развѣдалъ ту,

Что рожь, ужъ бывшая въ цвѣту,
 Побита утреннимъ морозомъ.
 Вотъ и разгадка, почему
 Кичливый колосъ такъ упоренъ
 Въ стремленъ въ высъ. Увы! Ему
 Поникнуть нечѣмъ. Онъ—безъ зеренъ...
 И мнѣ представилась тогда
 Умовъ и душъ людская нива,
 Когда надъ ней страхлась бѣда.
 Она, какъ эта,—молчалива.
 Ей громко воля не дана
 Свои оплакивать утраты...
 Высоко въ эти времена
 Пустыя головы подъяты. (1901.)

Совершать такое зрѣлище старику было горестно и обидно, тѣмъ болѣе, что обычное въ такихъ случаяхъ утѣшеніе, а именно надежда на подростящую молодежь—была въ сердцѣ поэта, кажется, не особенно сильна. Если въ тайникѣ своей души онъ и вѣрилъ въ грядущія силы, то молчалъ, боясь вѣроятно вторично отдаться несбыточнымъ мечтаніямъ. Онъ даже называлъ себя сравнительно счастливымъ человѣкомъ, потому что Богъ отнялъ у него сына, въ годы, когда этотъ сынъ былъ еще малымъ ребенкомъ.

. . . Онъ былъ бы юношей теперь. Въ томъ и бѣда.
 О, какъ невесело быть юнымъ въ наше время!
 Не столько старости недужные года,
 Какъ молодость теперь есть тягостное бремя.
 А впрочемъ, удрученъ безвыходной тоской,
 Боторая у насъ на утрѣ жизни гложеть,
 Въ самоубійствѣ бы обрѣлъ уже, быть можетъ,
 Онъ преждевременный покой.

Но еслибъ взяли верхъ упорство и живучесть,
 Въ ряды преступные не сталъ ли бы и онъ.
 И горько я его оплакивалъ бы участь --
 Изъ міра, въ цвѣтѣ лѣтъ, быть выброшеннымъ вонъ.

Иль, можетъ быть, въ средѣ распутства и наживы,
 Соблазномъ окруженъ и юной волей слабъ,
 Онъ духа времени покорный былъ бы рабъ...

Такіе здравствуютъ и живы.

А сколько юношей на жизненномъ пути
 Какъ бы блуждающихъ средь мрака и въ пустынѣ!
 Гдѣ цѣль высокая, къ которой имъ идти?
 Въ чемъ жизни нашей смыслъ? Въ чемъ идеалы нынѣ?
 Съ кого примѣры брать? Гдѣ подвигъ дѣлъ благихъ?
 Гдѣ торжество ума и доблестнаго слова?..
 Какъ страшно было бы за сына мнѣ родного,
 Когда такъ жутко за другихъ! (1888.)

Но, быть можетъ, это стихотвореніе написано въ очень ужъ мрачную минуту и неполно передаетъ раздумье поэта надъ задачами молодого поколѣнія.

Вѣдь не всегда же мечтали старики о прошломъ; разрѣшала же онъ себѣ надежду, что съ его уходомъ мѣсто пѣвца гражданской скорби незанятымъ не останется.

А о прошломъ Жемчужниковъ любилъ мечтать, и въ удивительно трогательную и задушевную поэзію кутались эти воспоминанія.

Такъ проченъ въ сердцѣ и въ мозгу
Высокій строй эпохи прошлой,
Что съ современностію пошлой
Я примириться не могу.

Но я, бессильный, ужъ не спору;
И, вспоминая старину,
Не столь волнуюсь и клянусь,
Какъ предаюсь тоскѣ и горю...

Что я... Пѣвецъ былыхъ кручинъ;
Скрижалей брошенныхъ обломковъ;
Въ пустынномъ домѣ, въ часъ потемокъ,
Я—потухающій камень.

То трескъ огня совсѣмъ затихнетъ,
Какъ будто смерть его пришла;
То дрогнетъ теплая зола
И пламя снова ярко вспыхнетъ.

Тогда тревожно по стѣнамъ
Толпой задвигаются тѣни
И лица прежнихъ поколѣній
Начнутъ выглядывать изъ рамъ. (1898.)

VII.

Самъ Алексѣй Михайловичъ позаботился о томъ, чтобы мы о немъ какъ о поэтѣ были того мнѣнія, которое онъ считалъ правильнымъ и которымъ дорожилъ. Онъ оставилъ намъ „завѣщаніе“, и вотъ что въ немъ писалъ онъ:

Межъ тѣмъ какъ мы вразбродъ стезею жизни шли,
На знамя, средь толпы, наткнулся я ногою.
Я подобралъ его, лежавшее въ пыли,
И съ той поры несу, возвысивъ надъ толпою.

Девизъ на знамени: „Духъ доблести храни“.
 Такъ, воинъ рядовой за честь на бранномъ полѣ,
 Я, счастливъ и смущенъ, явился въ наши дни
 Знаменоносцемъ поневолѣ.

Но подвигъ не свершенъ, мнѣ выпавшій въ удѣлъ,—
 Разбредшюся рать силотить бы воедино...
 Названье мнѣ дано поэта-гражданина
 За то, что я одинъ про доблестъ пѣсни пѣлъ;
 Что былъ глашатаемъ забытыхъ, старыхъ истинъ,
 И силенъ былъ лишь тѣмъ, хотя и старъ и слабъ,
 Что въ людяхъ рабскій духъ мнѣ сильно ненавистенъ,
 И самъ я съ юности не рабъ.

Послѣднія мои уже уходятъ силы.
 Я дѣлалъ то, что могъ; я больше не могу.
 Я остаюсь еще предъ родиной въ долгу,
 Но да проститъ она мнѣ на краю могилы.
 Я жду, чтобы теперь меня смѣнилъ поэтъ,
 Въ которомъ доблести горѣло бъ ярче пламя,
 И принялъ отъ меня не знавшее побѣдъ,
 Но незапятнанное знамя.

О, какъ живуча въ насъ и какъ сильна та ложь,
 Что духъ достоинства есть будто духъ крамольный.
 Она—нашъ древнѣй грѣхъ и вольный, и невольный;
 Она—народный грѣхъ отъ черни до вельможъ.
 Тамъ правды нѣтъ, гдѣ есть привычка рабской лести;
 Тамъ искалченъ умъ, душа развращена...
 Приди; я жду тебя, пѣвецъ гражданской чести.
 Ты нуженъ въ наши времена. (1897.)

Что можно добавить къ этимъ словамъ? Они такъ просто и определенно говорятъ о томъ, какой славы желалъ для себя покойный и въ чемъ въ послѣдніе годы онъ видѣлъ свое общественное призваніе. Что онъ выполнилъ ту роль, какую себѣ намѣтилъ—это ясно для всѣхъ, кто платилъ ему за его искренность любовью и уваженіемъ. Что выполненіе этой роли стоило поэту большой скорби—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но онъ самъ и тѣ, кто были ея свидѣтелями, могутъ утѣшить себя тѣмъ, что на почвѣ этой печали выросли цвѣты поэзіи, которые безъ ея благотворнаго вліянія, вѣроятно, никогда бы не распустились. И эти выстраданные стихи не только украсили жизнь поэта,—они спасли его имя отъ забвенія и съ ними поэтъ несомнѣнно перешелъ въ исторію.

О поэтахъ его времени Жемчужниковъ отозвался однажды довольно рѣзко. Однихъ онъ уподобилъ двуногому пасущемуся стаду, безъ думъ, надеждъ и грезъ, безъ тоски о чемъ-либо и

безъ порываній въ высъ. Про другихъ онъ сказалъ, что они чуждаются земли, предпочли ей міръ невѣдомый и, носясь надъ землей, съ высотъ сыплютъ летучіе листки своихъ пѣсень. „И ронцемъ мы“—говорилъ поэтъ,—

Зачѣмъ намъ эти пряности и эти карамели,
Межъ тѣмъ какъ до сыта и хлѣба мы не ѣли!

Можно не соглашаться съ Жемчужниковымъ, если понимать его слова въ прямомъ смыслѣ; но если подъ хлѣбомъ разумѣть въ данномъ случаѣ хлѣбъ духовный, тотъ идеалъ, который не улетаетъ отъ земли и въ ея грязи не топчется, то, конечно, поэтъ былъ правъ, когда возропталъ на „животную прозу“ реализма и на „декадентскую“ поэзію—на тѣ два литературныхъ теченія, которыя какъ разъ въ восьмидесятыхъ и въ началѣ девяностыхъ годовъ стали захватывать литературный рынокъ.

Воспитанный на традиціяхъ двадцатыхъ, сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, Жемчужниковъ не могъ примириться съ этой новизной. Онъ понималъ, что корнями своими она уходитъ въ ту же эпоху унынія и безпринципности, которая таковой болью отзвучивалась въ его сердцѣ. Жизнь безъ идеаловъ, косная жизнь, направленная исключительно на охраненіе внѣшняго порядка, могла заставить художника стать полнымъ рабомъ сѣрой дѣйствительности, могла научить его лишь безпринципному копированію ея деталей, либо заставить его прибѣгать ко всѣмъ средствамъ, чтобы забыть объ этой жизни и улетѣть мечтой куда-нибудь, гдѣ бы о ней ничто не говорило.

Вѣрный старымъ традиціямъ, Жемчужниковъ иначе понималъ назначеніе искусства. Онъ не признавалъ въ немъ ни рабскаго чувства покорности передъ жизнью, ни презрительнаго отношенія къ ней. Оно было для него храмомъ, въ который можетъ войти каждый человѣкъ, самый грѣшный, самый злой, самый ничтожный, чтобы выйти изъ него духовно просвѣтленнымъ и облагороженнымъ.

И свою поэзію художникъ не оторвалъ отъ жизни. Мы видѣли, какими крѣпкими узами она была связана со своимъ временемъ, — временемъ на рѣдкость непоэтичнымъ и плоскимъ; и мы видѣли также, что именно въ это время духовныя силы поэта росли и крѣпли.

Восьмидесятые года. Одинъ за другимъ сходятъ въ могилу крупные художники. Некрасовъ давно умеръ. Ушли и Достоевскій, Писемскій, Тургеневъ, Островскій, Щедринъ. Гончаровъ молчитъ; Левъ Толстой только-что произнесъ свое отреченіе отъ

искусства. Майковъ, Полонскій и Фетъ допѣваютъ свои старыя пѣсни слабѣющимъ голосомъ. Зрѣютъ молодые таланты, но въ силѣ они уступаютъ старикамъ. Первый крикъ острой душевной боли слышится въ разсказахъ Гаршина, такъ неожиданно прерванныхъ смертью. Что-то бодрящее хочетъ сквозь слезы сказать Надсонъ, но смерть не даетъ и ему выговорить этого слова. Съ большой теплотой начинаетъ Короленко напоминать намъ о Христовой проповѣди, любви къ труждающимся и обремененнымъ; но всего ближе нашему сердцу, всего понятнѣе намъ, всего дороже становятся Чеховская хандра и неврастенія.

И вотъ, среди старыхъ голосовъ, быстро умолкающихъ и быстро забываемыхъ, и среди голосовъ новыхъ, ласкающихъ и дразнящихъ наши больные нервы, слышится, чрезъ большіе промежутки, закованная въ звонкій стихъ рѣчь Жемчужникова. Казалось бы—голосъ изъ могилы, а на самомъ дѣлѣ—слово чуть ли не единственнаго художника, владѣющаго своими нервами.

Успокоительнаго и утѣшительнаго въ этой пѣснѣ мало: но въ самое унылое время она наименѣе унылая, въ самое безгласное время она наиболѣе смѣлая; въ годы отказа отъ такъ недавно еще торжествующихъ идеаловъ она говоритъ о неизмѣнной ихъ святости; и, наконецъ, во дни безпричинно вспыхнушаго національнаго самоубійства и патріотизма, „грозящаго параличомъ“, она, молясь о хлѣбѣ насущномъ для массы, напоминаетъ власть имущимъ объ „искушеніи“ и о „лукавомъ“.

Для своего времени это—единственная по темпераменту пѣсня. Любитель искусства оцѣнить ее высоко; высоко оцѣнить ее и историкъ.

Нѣсторъ Котляревскій.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ

Изъ Ф. Коппе ¹⁾.

Разъ, майскимъ вечеромъ, когда мнѣ грустно было,
И непонятная тоска меня томила,
Гуляя, я попалъ въ кварталъ одинъ глухой,
Гдѣ жили бѣдняки, рабочій людъ простой.
Я шелъ задумавшись, въ нѣмой своей печали
Не видя, что лучи заката догорали
И сумракъ наступалъ... Какъ вдругъ упалъ мой взглядъ
На дверь, гдѣ красный, словно кровь, висѣлъ плакатъ;
При свѣтѣ газа я прочелъ, что въ этомъ зданьи
Сегодня вечеромъ назначено собранье
Соціалистовъ. Грусть надѣясь разогнать,
На этой сходкѣ я рѣшился побывать.
И вотъ вошелъ я въ залъ большой и очень грязный,
Похожій на сарай какой-то безобразный;
Все было гадко такъ, неряшливо кругомъ,
И пахло дурно такъ, что я дышалъ съ трудомъ.
Вся обстановка здѣсь внушала отвращенье.
Сказали мнѣ потомъ, что въ этомъ помещеньи
Веселые балы бывають по ночамъ,
Солдаты съ дѣвками канканъ танцуютъ тамъ;
Висѣло здѣсь еще кадрилию росписанье...
Когда вошелъ я въ залъ, ужъ началось собранье,
И сердце у меня заныло отъ тоски...

¹⁾ „Une mauvaise soirée“ — помѣщено въ сборникѣ стихотвореній Ф. Коппе:
„Les paroles sincères“.

Какіе жалкіе здѣсь были бѣдники,
 Какія скорбныя, измученныя лица!
 Цвѣтъ нищеты сюда, знать, выслава столица!
 Рядами тѣсными сидѣли люди тутъ...
 Въ могилахъ общей ихъ, когда они умрутъ,
 Спать будутъ бѣдники другъ въ другу такъ же близко...
 Стояла духота въ обширной залѣ низкой
 И сильно отъ нея кружилась голова;
 Такъ плохо газъ свѣтилъ, что различалъ едва
 Я въ самой глубинѣ огромнаго сарая
 Эстраду низкую; здѣсь музыка лихая
 Гремѣла лишь вчера, и контрабаса вой
 Визгъ скрипокъ заглушалъ въ кадрили удалой.
 Но нынѣ тутъ совсѣмъ не та уже картина:
 На креслѣ за столомъ сидитъ теперь мужчина
 Съ большою бородой и сумрачнымъ лицомъ: —
 То предсѣдатель самъ, а за его плечомъ
 Свободы статуя стоитъ на пьедесталѣ;
 Знамена красныя богиню осѣняли
 И торжествомъ дышалъ ея недвижный взглядъ.
 Ораторъ смолкъ одинъ и, отступивъ назадъ,
 На мѣсто сѣлъ свое... Рѣчь началась другая:
 Простонародныя слова употребляя,
 Ораторъ говорилъ, работникъ молодой
 Со взоромъ огненнымъ и мимикой живой,
 Горячія слова бросая торопливо,
 О томъ, что въ сущности, конечно, справедливо,
 Но всѣмъ уже давно извѣстно безъ того:
 — У богачей есть все, у бѣдныхъ — ничего,
 И рабство старое во всей осталось силѣ,
 Находятъ бѣдники свободу лишь въ могилахъ.
 Завидовать должны мы жалкимъ дикарямъ:
 По крайней мѣрѣ, ихъ приходится вождамъ
 Съ подвластными дѣлить труды всѣ и лишенья,
 И можетъ вождь такой лишь заслужить почтенье,
 Что выше подданныхъ отвагой и умомъ,
 Въ бояхъ же, въ играхъ всѣхъ онъ равенъ имъ во всемъ.
 Ораторъ продолжалъ съ энергіею новой
 Все отрицать: законы всѣ бранилъ сурово,
 Но нравы гнусныя громилъ еще сильнѣй
 И алчность проклиналъ бездушныхъ богачей;
 Всѣ блага лучшія они забрали въ руки,

Оставивъ бѣднякамъ голодной жизни муки...
 Что наживаемъ мы теперь своимъ трудомъ?
 Суму на старость лѣтъ, въ больницѣ смерть потомъ...
 Спастись отъ нищеты напрасны всѣ усилія:
 Намъ всюду капиталъ подрѣзываетъ крылья.
 Вѣдь худшее изъ золъ—проклятый капиталъ! —
 И, говоря о немъ, кулакъ ораторъ сжалъ,
 И черные глаза блеснули злобой дикой:
 — Отъ этого врага неправдою великой
 Весь полонъ старый міръ,—долой его, долой!
 Прочь этотъ старый хламъ! Намъ нуженъ новый строй.
 Республикой своей мы всѣ по горло сыты!
 Иль мало есть у насъ въ запасъ динамита,
 Чтобъ рухлядь ветхую въ обломки превратить?
 Пора намъ для себя, товарищи, пожить,
 Довольно богачамъ мы подставляли спину!
 Взорвемъ на воздухъ ихъ негодную машину.
 Живемъ мы какъ рабы въ родной странѣ своей,
 Двойныя подати уплачивая ей
 И мясомъ пушечнымъ, и тѣломъ для разврата,
 Что на продажу шлетъ власть нищеты проклятой.—
 Въ словахъ оратора былъ неподдѣльный пылъ,
 Когда политику онъ вѣшнюю хулилъ,
 Надъ революціями прежними смѣялся:
 — На мѣсто стараго—другой тиранъ явился,—
 Вотъ все, что отъ тѣхъ бурь выигрывалъ народъ.
 Но дѣло иначе у насъ теперь пойдетъ:
 Готово все почти для общаго восстанья,
 Отплатимъ буржуа за всѣ свои страданья,
 Все уничтожимъ мы, съ лица земли сотремъ,
 Къ оружію, друзья, и на врага поидемъ!—

Картина страшная вдругъ встала предо мною,
 Какъ будто въ полуснѣ... Разнузданной толпою
 Всѣ наши улицы и площади влпшать...
 Какъ гибнущихъ призывъ, вдали гудитъ набатъ,
 Пылаетъ зарево, дымъ стелется клубами,
 И эпилептики съ безумными глазами
 На пивахъ головы вровавыя несутъ
 И пѣсню дикую и грозную поютъ...

Призывъ къ оружію въ восторгъ привелъ собранье,
 И въ залѣ бурныя гремятъ рукоплесканья.
 Ораторъ молодой переъмѣнилъ вдругъ тонъ,

Смягченнымъ голосомъ рѣчь продолжаетъ онъ,
 Картиной радостей грядущихъ умиленный,
 О томъ, какъ будетъ жить народъ освобожденный,
 Когда для всѣхъ равно настанетъ рай земной.
 И много было такъ наивности смѣшной,
 Задора дѣтскаго, невѣжства простого
 Въ мечтаньяхъ пламенныхъ безумца молодого!
 Съ невольной жалостью я слушалъ странный бредъ
 О томъ, чего во-вѣкъ нашъ не увидитъ свѣтъ, —
 О полномъ равенствѣ, свободѣ безграничной,
 Что общалъ толпѣ ораторъ энергичный,
 Чуть не на завтра всѣмъ суля роскошный пирь;⁵
 Въ тюрьму иль монастырь вдругъ обратится мѣръ—
 Изъ словъ безсвязныхъ тѣхъ понять такъ трудно было,
 Но помню только лишь, что скучнымъ и унылымъ
 Блаженство общее вдругъ показалось мнѣ.
 Свободны будутъ всѣ и счастливы вполне,
 Даваться никому не будетъ предпочтенье,
 И, словно находясь въ тюремномъ заключеньѣ,
 По равной порціи бобовъ всѣ станутъ ѣсть;
 Глушцу иль гению—одна и та же честь.
 Страсть сброситъ, наконецъ, тяжелыя оковы:
 Сходиться межъ собой въ свободномъ мѣрѣ новомъ
 Съ самцами самки всѣ начнутъ на сровъ любой;
 Машины вытѣснятъ тяжелый трудъ ручной,
 И парь обширное получить примѣненье,
 При помощи его введется орошенье;
 Воздѣлывать поля заставятъ также парь.
 Какъ удивлялъ меня тотъ неподдѣльный жарь
 И та наивная младенческая вѣра,
 Что можетъ мѣръ весь стать громадной фаланстерой!
 Все дѣлать по звонку: работать, ѣсть, любить, —
 Скажите, можно ли въ такой неволѣ жить?
 Я дня не вынесъ бы въ темницѣ скучной этой,
 И лучше бъ захотѣлъ совсѣмъ уйти со свѣта.
 Все—села, города, всѣхъ женщинъ и мужчинъ
 Задумали свести на уровень одинъ
 И сдѣлать нашу жизнь печальной и унылой,
 Какою-то тюрьмой, казармою постылой...
 Тоска тяжелая усилилась моя,
 И, не дослушавъ рѣчь, ушелъ изъ залы я.

А ночь торжественной дышала красотою,
 Потопи ярких звѣздъ горѣли надо мною,
 Серпъ золотой луны таинственно мерцалъ,
 И, на небо смотря, я долго простоялъ.

О, прелесть вѣчная, бессмертная, живая,
 О, ночь весенняя, скажи мнѣ, скорбь какая
 Не стихнетъ хоть на мигъ въ больной груди людской
 Предъ обаянiемъ красы твоей святой!
 И вотъ, едва успѣлъ я выйти изъ собранья,
 И шелъ въ себѣ домой, вновь погружаясь въ мечтанья,
 Припоминая все; что слышать мнѣ пришлось,
 До слуха моего вдругъ пѣнье донеслось:
 Хоръ цѣлый слышался, откуда—неизвѣстно;
 И, въ воздухъ дрожа мелодiей чудесной,
 Дѣтей и женщинъ здѣсь сливались голоса,
 Какъ стая легкихъ птицъ, летящихъ въ небеса.
 И, далѣе иди по улицѣ пустынной,
 Я церковь увидалъ на площади старинной,
 Что словно приталась въ тѣни большихъ домовъ:
 Оттуда неся звукъ небесныхъ голосовъ.
 Былъ бѣденъ этотъ храмъ съ порталомъ обветшалымъ,
 И, чувствуя себя разбитымъ и усталымъ,
 Зашелъ я отдохнуть въ укромномъ мѣстѣ томъ.
 Побоемъ неземнымъ дышало все кругомъ,
 Отъ суеты мирской все было здѣсь далеко.
 Подъ своды уносясь гармонiей широкой,
 Органъ гремѣлъ, звукъ чистый юныхъ голосовъ
 Такъ нѣжно слухъ ласкалъ, что передать нѣтъ словъ.
 Меня плѣняло все: кадилъ благоуханье,
 И кроткiй блескъ свѣчей предъ древнимъ изваянiемъ
 Распятаго Христа, и этотъ дивный хоръ.
 Невольною слезой увлажился мой взоръ,
 Я въ сердцахъ ощутилъ былое умиленье
 И вѣру прежнюю, тому внимая пѣнью.
 Но длилось то, увы, лишь нѣсколько минутъ...
 Молящихся совсѣмъ немного было тутъ:
 Однѣ лишь женщины и дѣвушки простыя
 Сидѣли на скамьяхъ, какъ будто неживыя,
 Слѣдя за службою по книжечкамъ своимъ,
 Да двое стариковъ предъ алтаремъ однимъ
 Усердно про себя молитвы бормотали
 И четки медленно въ рукахъ перебирали.

На сцену выступилъ священникъ пожилой
 Съ лицомъ подвижника, высокій и худой,
 И началъ съ кафедры произносить онъ слово;
 Рѣчь старика была отрывиста, сурова,
 Звукъ каждый походилъ на молота ударъ.
 Въ словахъ оратора апостольскій былъ жаръ
 И безыскусственность крестьянина простого.
 Фанатикъ предо мной теперь явился снова
 Такой же, какъ и тотъ, что въ клубѣ говорилъ:
 И нетерпимость та жъ, и тотъ же самый пылъ.
 Священникъ утверждалъ, что только для страданья
 На свѣтѣ мы живемъ, что наши всѣ желанья,
 Надежды, радости—одна лишь суета,
 И жизнь тревожна такъ, грѣховна и пуста,
 Что ею дорожить не стоитъ человѣку.
 Проклятiе послалъ мятежному онъ вѣку
 За мудрость ложную; она въ глазахъ Творца
 Не стоитъ ничего, и слава мудреца —
 Блуждающій огонь, мечтанье, цвѣтъ мгновенный.
 Все то, что создаемъ мы въ этой жизни тлѣнной,—
 Ничтожество одно, одинъ лишь жалкій прахъ;
 Течуть всѣ наши дни въ заботахъ и слезахъ,
 И мы осуждены на эти всѣ мученья
 За праотцевъ вину: свершили преступленья
 Они, ослушники, и первородный грѣхъ
 Палъ на потомство ихъ и погубилъ насъ всѣхъ.
 Но смерть избавить насъ отъ этихъ бѣдствiй можетъ?
 О, нѣтъ, надежду ту пусть человѣкъ отложитъ!
 Лишь праведнымъ Господь рай свѣтлый обѣщаль,
 А грѣшникъ въ жизни сей и въ будущей пропасть
 И будетъ безъ конца въ огнѣ томиться вѣчною.
 И думалъ грустно я: какимъ безчеловѣчнымъ
 Является Творецъ въ словахъ жестокихъ тѣхъ!
 Ужели за одинъ совсѣмъ неважный грѣхъ,
 Свершенный тѣмъ, кого мы даже и не знали,
 Мы всѣ осуждены на скорби и печали?
 Иль недостаточно христіаниномъ быть,—
 Какъ самого себя, такъ ближняго любить,
 Прощать своимъ врагамъ, слугою стать Христовымъ,
 За истину собою жертвовать готовымъ?
 Нѣтъ, церкви вѣрные, послушные сыны
 Еще и догматы мы признавать должны:

Христа Спасителя отъ Дѣвы воплощенье,
 На страшный Божій судъ усоншихъ воскресенье,
 Единство Троицы въ Трехъ лицахъ и Одномъ,
 Живую плоть и кровь въ Причастіи Святомъ,
 А кто не вѣруетъ, того ждетъ наказанье
 Въ аду, гдѣ вѣчный мракъ, печаль и воядыханье.
 Ковой на привязи людской пытливый духъ
 Казался мнѣ всегда... Заботливый пастухъ
 Бойтся, что она, шатаясь на волѣ,
 Найдется вредныхъ травъ, растущихъ въ ближнемъ полѣ.
 Да, у религій находится въ плѣну
 Мятежный разумъ нашъ, и насъ за тѣнь одну
 Невѣрья въ чудеса ждетъ кара въ жизни вѣчной.
 Такъ Самъ назначилъ Тотъ, чья милость безконечна!
 Я думалъ про себя съ досадою живой:
 И анархистъ, и попъ похожи межъ собой,
 Хотя, конечно, ихъ различны убѣжденья;
 Въ обоихъ нѣтъ любви, но много озлобленья;
 О равенствѣ они и братствѣ говорятъ,
 Одинъ—хвала разбой, другой—суля намъ адъ!

Изъ церкви вышелъ я съ унылою душою.
 А ночь попрежнему сіяла красотою,
 Какъ будто на землѣ ни зла, ни скорби нѣтъ,
 И звѣзды слали мнѣ задумчивый привѣтъ,
 И мѣсяцъ тихо плылъ въ пространствѣ безконечномъ,
 Въ пустынѣ голубой, таинственной и вѣчной.
 Но былъ не для меня тотъ блескъ и аромат:
 Я чувствовалъ въ себѣ съ самимъ собой разладъ...
 Инстинктъ и идеалъ въ ихъ страшныхъ заблужденьяхъ
 И умъ, мятущійся въ мучительныхъ сомнѣньяхъ,
 Незнанье жалкое, гдѣ истина и свѣтъ,—
 Вотъ въ чемъ вся наша жизнь, похожая на бредъ!..
 Загадку трудную рѣшить желая страстно,
 Мысль наша бьется лишь въ своей тюрьмѣ напрасно...
 Стремленье вѣчное людской души живой—
 Найти здѣсь на землѣ путь къ счастью прямой,
 Любви и братства всѣхъ поэзію святую—
 Въ мигъ разбивается о правду жизни злую.
 Вѣдь середины нѣтъ: иль будь рабомъ нѣмымъ,
 Иль разрушителемъ жестокимъ и тупымъ;
 И то, что правдою казалось сначала,

Давно въ глазахъ людей всю цѣну потеряло.
Прекрасный съ виду плодъ растеть въ странѣ одной,
Что путника влечетъ своею красотой;
Всѣ люди на него завистливо взирають,
Но только въ ротъ возьмутъ—тотчасъ же прочь бросаютъ:
Онъ черенъ весь внутри и горекъ, словно ядъ:
Идеи часто такъ лишь издали манять...
Нашъ разумъ—утлый челнъ; сомнѣнье—это море:
Какъ челну уцѣлѣть на бурномъ томъ просторѣ?
И я въ отчаяннѣ былъ умереть готовъ...
Я въ небу поднялъ взоръ—тамъ множество мировъ
Надъ сумрачной землей таинственно мерцало,
Изиду, что свой ликъ таитъ подъ покрываломъ,
И сфинкса я спросилъ: все такъ же ль жизнь грустна
И на звѣздахъ другихъ, или легче тамъ она?..
Какъ будто прозвучалъ вдали отвѣтъ неясный,
И дальше я пошелъ въ своей тоскѣ ужасной...

В. Н.

ВЪ СТЕПЯХЪ СѢВЕРНАГО КАВКАЗА

ОЧЕРКИ.

Въ 1902 году, лѣтомъ, проживая въ Геленджикѣ, я былъ свидѣтелемъ продажи за невѣроятно дешевую цѣну хорошихъ лошадей въ упряжи и съ крѣпкими повозками. Продавали зажиточные люди, по всѣмъ признакамъ — крестьяне.

Спустя нѣкоторое время, я узналъ, что это были баптисты ставропольской губерніи, выселяемые бывшимъ губернаторомъ Никифораки съ арендованныхъ ими въ теченіе пятнадцати лѣтъ земель, принадлежащихъ трухменскимъ кочевымъ народамъ, гдѣ въ степяхъ они первые завели зерновую культуру, вырывъ для такой цѣли колодцы глубиною отъ тридцати до сорока сажень.

Нетрудно было познакомиться съ баптистами, въ положеніи которыхъ я принялъ живое участіе. Я узналъ, что этотъ трудовой, культурный народъ (надо прибавить, что на Кавказѣ вообще въ такомъ элементѣ нужда огромная), положившій столько осмысленной работы и терпѣнія тамъ, гдѣ до нихъ было примитивное кочевое хозяйство, долженъ, въ силу административно-бюрократическихъ соображеній, переселяться — кто въ Америку, а кто въ Туркестанскій край.

Я спрашивалъ и недоумѣвалъ.

— По распоряженію губернатора, — говорили они, — наши колодцы запечатаны и скотинѣ пропадать надо — мы и продаемъ за цѣну, которую даютъ... Что же намъ давать!!...

Спокойный тонъ, въ выраженіи лица ни злобы, ни отчаянія, только тихая грусть сосредоточенно таится въ ихъ умныхъ глазахъ.

Какая сила и вмѣстѣ съ тѣмъ покорность судьбѣ!

— Неужели правда все, что вы говорите? — спрашивалъ я.

— Правда, господинъ, истинная правда! — отвѣчали баптисты.

— Сколько же вашихъ семействъ находится въ такомъ положеніи?

— Около ста-тридцати!..

Я смотрѣлъ на этихъ, хотя и грустныхъ, но сильныхъ и энергичныхъ людей и не могъ не подумать:— да, Америка приобрѣтетъ устойчивый, производительный элементъ, увеличить свою силу и мощь такими гражданами-богатырями!

Я написалъ о фактѣ подобнаго выселенія, и редакторъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ помѣстилъ мою небольшую замѣтку, которая была перепечатана нѣкоторыми газетами, въ томъ числѣ даже и „Гражданиномъ“. Всѣ газеты, безъ исключенія, по поводу никому ненужнаго разоренія трудовыхъ, совершенно мирныхъ людей, выразили недоумѣніе.

Съ цѣлью нѣсколько утѣшить людей въ ихъ положеніи, я вырѣзалъ газетныя замѣтки и послалъ сектантамъ.

А черезъ недѣлю послѣ того ко мнѣ приѣхали представители баптистскаго общества съ просьбою хлопотать о нихъ въ Петербургѣ, чтобы имъ остаться и работать въ степяхъ ставропольской губерніи. Обращаясь ко мнѣ, несчастные хватились за соломинку.

Я отказался отъ такого сложнаго дѣла, во-первыхъ, по неопытности, а во-вторыхъ, по своему положенію.

— Мы вамъ выдадимъ довѣренности, — продолжали просить меня сектанты.

Я подумалъ, а затѣмъ по-русски, „на авось“, взялъ на себя эти хлопоты.

Три года ходилъ я по министерствамъ, подавая „бумаги“, лично просилъ министровъ („земледѣлія“ и „внутреннихъ дѣлъ“). Дѣло — то подвигалось, то останавливалось, но сектантовъ не гнали, колодцевъ не запечатывали, хотя они находились въ крайне неопредѣленномъ положеніи годовыхъ субъ-арендаторовъ Сѣверо-Мажарской дачи уч. № 11; они жили всегда наканунѣ: всегда готовы къ выселенію. Въ своихъ просьбахъ я указывалъ на своихъ довѣрителей, какъ на элементъ культурный, совершенно могущій, какъ и нѣмцы-менониты, оживить мертвую степь — садами и виноградниками, — элементъ, въ которомъ именно нуждается Кавказъ, эта пустынная, дивная и некультурная страна. Я дѣйствовалъ по своему разумѣнію, такъ какъ зналъ Кавказъ, зналъ, какъ ну-

ждается этотъ богатый край въ трудѣ разумномъ, хотя тяжело и упорномъ, а на это способны были баптисты безусловно. Они же были скромны въ своихъ просьбахъ: они хотѣли, чтобы имъ тухменскія земли отдавались непосредственно въ аренду съ торговъ, а не поступали отъ православнаго общества, какъ субъ-арендаторамъ.

Каждый, конечно, понимаетъ, въ чемъ дѣло.

— По нашему ученію — говорили мнѣ баптисты — мы ничѣмъ, кромѣ земледѣльческаго, ремесленнаго труда, заниматься не можемъ; мы не можемъ торговать, а земледѣліе — промыселъ самый намъ близкій и съ дѣтства самый знакомый.

Мои хлопоты въ Петербургѣ, какъ и переписка съ баптистами продолжались. Считаю нужнымъ здѣсь добавить, что дѣлу сектантовъ много способствовали бывшій министръ земледѣлія, А. С. Ермоловъ, и вице-директоръ департамента государственныхъ имуществъ, А. П. Забѣлло, по порученію министра произведшій изслѣдованіе на мѣстѣ положенія какъ монахъ довѣрителей, баптистовъ, такъ и другихъ безземельныхъ поселенцевъ ставропольской губерніи.

— Отчего вы не поѣдете въ такой интересный край? — спрашивалъ меня А. П. Забѣлло. — Не будете жалѣть, увѣряю васъ!..

И вотъ, воспользовавшись приглашеніемъ баптистскаго общества, которое письменно предложило мнѣ прійхать къ нимъ на хутора, откуда они повезутъ меня по интереснымъ мѣстамъ степной губерніи, — я рѣшилъ, въ первыхъ числахъ іюня 1905 г., ѣхать въ степи. Предложеніе, дѣйствительно, было заманчивое.

Настоящіе очерки, можетъ быть бѣглыя, являются результатомъ моихъ впечатлѣній по мѣстамъ.

I.

Степи. — Хлѣбныя залежи. — Городъ Георгіевскъ. — Мостъ черезъ Куму. — Большая дорога внутрь степей ставропольской губерніи.

До станціи Минеральныя-Воды, до историческихъ въ литературномъ отношеніи пятиглаваго Бештау и красавицы Машука, идутъ вольныя, безпредѣльныя, какъ море, степи. Быстро мчится по ровной плоскости поѣздъ, въ растворенныя окна вагоновъ несетъ ароматы безчисленныхъ, пестряющихъ на зеленомъ фонѣ, травъ, цвѣтовъ, и спокойной волной колеблется, уходя вдаль,

поверхность густой пшеницы. Черноземная сила степи охватывает людей даже въ вагонахъ, куда врывается такой густой, здоровый воздухъ, что живить усталыхъ, анемичныхъ людей, ѣдущихъ на курорты, не говоря о тѣхъ, кто тутъ, бодрый и смѣлый, живетъ и производитъ такое хлѣбное богатство.

Дѣйствительно, на станціяхъ загорѣлыя, сухія лица мѣстныхъ степняковъ говорятъ за себя въ смыслѣ выносливости и силы.

Вольныя степи, что вы перевидѣли, пережили!..

Неслись по вашему ковылю дикія полчища татаръ, мелькали, какъ легкія тѣни, сосѣдніе горцы-черкесы, таились въ широкое раздолье бѣглецы изъ Россіи, пока, наконецъ, трудовая рука русскаго пахаря широкими лентами не перерѣзала вольныхъ степей цѣлыми тысячами десятинъ пшеницы, жита, ячменя. Качаются, шумятъ колосья, играя съ ласковымъ вѣтромъ, золотятся на южномъ солнцѣ и наливаясь на просторѣ крупнымъ, сильнымъ зерномъ разнороднаго хлѣба и льна.

Да, степи сѣвернаго Кавказа, еще не использованныя, составляютъ житницу Россіи и по своей силѣ и производительности вполне могутъ спорить съ кубанскими, тоже богатѣйшими степями.

За Минеральными-Водами, станція Незлобная была цѣлью моего путешествія по желѣзной дорогѣ. Тамъ меня ждали и встрѣтили.

Было поздно; рѣшено было переночевать на постояломъ дворѣ, гдѣ имѣлись приличныя, чистыя комнаты, содержимыя сектантомъ. Вечеръ, впрочемъ, не пропалъ даромъ. Я не думалъ, что мнѣ такъ скоро придется познакомиться съ хлѣбнымъ богатствомъ ставропольской губерніи.

На небольшой станціи Незлобная мы увидѣли цѣлыя горы прошлогодняго, не вывезеннаго еще зерна. Боже!.. сколько хлѣба! Хотя бы разъ, однимъ глазомъ, взглянуть на такое богатство нашему центральной полосы земледѣльцу. Я насчиталъ пять сараевъ по 200 сажень длины и сажень 20 ширины, сплошь заваленныхъ мѣшками съ зерномъ; кромѣ этихъ сараевъ, идутъ бараки съ зерномъ, мукой и шерстью. Къ баракамъ во время дождей подступаетъ вода, не говоря о томъ, что хлѣбъ мокнетъ отъ дождей, ибо многіе мѣшки ничѣмъ не прикрыты.

Вотъ по истинѣ богатство, грандіозное и обыкновенное, о сохраненіи котораго не особенно заботятся. — Сколько тутъ пудовъ?

— Милліоны, — отвѣчали мнѣ. И везуть, еще везуть, а складывать негдѣ!

— Что же не отправляют? Вѣдь часть хлѣба несомнѣнно сгниетъ?

— Вагоновъ нѣтъ. Не знаемъ, что будутъ дѣлать, когда новое зерно двинется,—отвѣчали мнѣ.

А мы говоримъ о бѣдности Россіи, о неурожаяхъ, когда ставропольскія и кубанскія степи могутъ прокормить чуть не всю Россію, да еще съ остаткомъ!..

Когда подавали лошадей, я бросилъ взглядъ на маленькую станцію Незлобную. Хлѣбныхъ сараевъ не было видно, они прятались въ низинѣ (не правда ли умно?), а вокругъ станціи—множество всевозможнаго ранга построекъ, среди которыхъ немалое число трактировъ и другихъ веселыхъ заведеній.

— Что это—станция?

— Нѣтъ, станция четыре версты отъ станціи, а это такъ—трактиры, постоянные дворы, хаты!..

— Людей, живущихъ „при хлѣбѣ“?

— Да, именно такихъ людей...

Нашъ путь былъ въ городу Георгіевску, расположенному отъ станціи въ пяти верстахъ; дорога ровная, широкая, какъ вообще степныя дороги. Въ самомъ дѣлѣ степь на все положила свой широкій, вольный отпечатокъ: широка дорога и широки улицы въ селеніяхъ, просторны дворы и нетѣсно въ помѣщеніяхъ,—на всемъ отражается характеръ степной шири и простора, нѣтъ смысла жаться, суживаться, когда сливается съ горизонтомъ далекая, многоземельная степь!

Георгіевскъ, Терской области,—городъ сравнительно небольшой, но довольно аккуратный, словно построенный по предварительному плану. Прямые, широкія улицы, обсаженные около троттуаровъ бѣлыми акаціями; небольшіе, все одноэтажные домики въ садочкахъ, большею частью покрашенные свѣтло-голубой краской, производятъ радостное, веселое впечатлѣніе, особенно въ солнечный день. На огромной по пространству базарной площади—красивое, въ готическомъ стилѣ, зданіе городской думы и полиціи. Улицы немощенныя, и грязь послѣ дождей невылазная. Городъ живетъ зерномъ, и почти каждый обыватель Георгіевска прикосновененъ къ урожаю.

Впрочемъ, специальная промышленность производства всякаго рода повозокъ и экипажей процвѣтаетъ въ городѣ, гдѣ на каждой улицѣ раздается стукъ молотка о желѣзо и висится въ воротахъ вывѣска съ указаніемъ фирмы заведенія, или же, что проще, выставленъ готовый экипажъ прямо на улицѣ, близъ самыхъ воротъ мастерской. Есть въ городѣ хорошіе магазины. Вообще,

Георгіевскъ производитъ впечатлѣніе центра жителей съ достаткомъ. Повосившихся, жалкихъ хатъ, непремѣнную принадлежность нашихъ великорусскихъ уѣздныхъ городовъ, мы не видѣли въ степномъ городѣ.

Выѣхали на дорогу. Вдали виднѣется казачья станица Подгорная.

— Черезъ версты три будетъ мостъ черезъ Куму,—разсказывалъ сектантъ:—этотъ мостъ дастъ огромные доходы казакамъ Подгорной... Можно сказать—золотой мостъ!

— Берутъ за проѣздъ черезъ него?—спросилъ я.

— Да. По три копейки съ подводы.. Немного, а вы подумайте, сколько въ сутки протянется подвода,—вѣдь сотни, а то и тысячи... все на Неалобную да въ Георгіевскъ... Посмотрите!..

Дѣйствительно, впереди, сзади насъ съ грузомъ и порожня тащились повозки, и всѣ—черезъ казачій мостъ!

Скоро и мы подъѣхали къ интересному мосту.

Небольшая рѣка Кума, сажень пять ширины, и черезъ нее виситъ „живой“, деревянный, на легкихъ подпорахъ мостъ.

— Однако!..—замѣтилъ я.

— Посмотрите,—продолжалъ мой спутникъ,—берега перевозы канавами, чтобы вбродъ не проѣхать...

— Да вѣдь это разбойничья засада какая-то!—возмутился я. —По какому праву люди обложены такой данью на большой дорогѣ? Кромѣ того, мостъ безусловно опасный, повидимому гнилой,—онъ такъ трясся при нашемъ проѣздѣ! И квитанціи не выдаютъ, никакого контроля!!

— Лѣтъ двадцать-пять я знаю его,—все такой же. А сколько денегъ перебрали! — можно бы изъ золота чистаго построить мостъ! Чтѣ говорить, казаки!—съ ними ничего не подѣлаешь!! Смотрите, трешники не успѣваютъ собирать!.. за однѣ сутки стоимость такого моста оправдается!..

Среди трудового земледѣльческаго люда сѣвернаго Кавказа о казакахъ сложилось иелестное мнѣніе, какъ о лодыряхъ, вся мысль которыхъ направлена, какъ бы прожить и прожить „добрѣ“, не утруждая своихъ рукъ работой.

И дѣйствительно, живутъ, хотя не робятъ! Земли сдаютъ въ аренду, а если эксплуатируютъ сами, то нанимаютъ работниковъ... Они—маленькіе помѣщики, пережитокъ стариннаго времени, преданія Запорожской Сѣчи, но только преданія! Старая слава ихъ, какъ рыцарей, сошла на полицейскія обязанности, которыя несомнѣнно служатъ для нихъ подспорьемъ... Прежде всего, казакъ къ труду, къ трудовому человѣку относится съ

презрѣнїемъ, какъ и ко всякаго рода новшествамъ въ хозяйствѣ. Когда нѣмцы, сектанты и даже православные поселяне обзавелись сѣнокосилками, вѣялками, молотилками, жатвенными машинами, казакъ, твердый въ рутинѣ, продолжаетъ эксплуатировать степь непосредственно руками.

Ясное дѣло, что таковой мостъ для казаковъ — находка. Недалеко отъ рѣки—нѣсколько десятинъ жалкаго кустарника, тоже принадлежащаго казацкой станицѣ. Попробуйте остановиться и дать лошадямъ отдохнуть, пустите ихъ въ кусты, гдѣ нѣтъ и травинки—пожалуйте тогда денежки! Кустарникъ казацкій даромъ топтать лошадямъ заказано!

Мы ѣхали впередъ, поминутно сворачивая. Навстрѣчу тянулись по широкой дорогѣ повозки на волахъ, на верблюдахъ и запряженныя лошадьми. Везли зерно, муку, шерсть и рыбу съ береговъ Каспійскаго моря; все это—казацкіе данники! И нѣтъ имъ конца среди необозримой степи! На каждой повозкѣ поперекъ лежатъ деревянные ясли.

— Для чего?—спрашиваю.

— Для корма въ дорогѣ... Мѣшаютъ мякину съ мукой и поливаютъ водой,—кормъ добрый: тогда скотина можетъ долго терпѣть жажду, что въ безводной степи очень важно!

— Приспособляются крестьяне?

— Ко всему приспособляются, безъ этого нельзя!.. Кому же и приспособляться, какъ не рабочему народу?! Вотъ, напримѣръ, машины нѣмецкія... развѣ по первоначалу онѣ такъ были устроены?! Совсѣмъ нѣтъ. Помню первыя косилки, которыя привезли къ намъ въ степь... Что такое? Косить ладно, добре косить, да только плотную, высокую траву, а мелочь оставалась; а мелочь эта—самая кормовая для скотины. Ну, мужики и задумались, и нѣмцамъ заказали, какъ надо приспособить машину, чтобы на чистоту свашивать... Нѣмцы, конечно, народъ хитрый, поняли указанія мужицкія, да такъ и сдѣлали,—теперь косилки пошли въ ходъ и поклепа на нихъ никакого, работаютъ словно косцы средственныя...

— Гдѣ покупаете машины?

— Въ Ростовѣ больше, заграничныхъ фирмъ!.. Русскаго производства вѣдь нѣтъ... Сначала были машины нѣмецкія, а теперь пошли американскія... Чисто работаютъ, и хлѣбъ чистый...

Теперь мы ѣхали по плодородной ставропольской губерніи. Вскорѣ, верстѣ черезъ пять послѣ „знаменитаго“ предательскаго моста, кончилась Терская область и, слѣдовательно, владычество

казаковъ. Пошли порядки другіе—крестьянскіе, купецкіе, вѣрше—маклацкіе.

Далекая отъ центровъ, живущая на волѣ, сама по себѣ, странно складывалась въ своихъ отношеніяхъ, торговыхъ и экономическихъ, эта богатая, но странная губернія.

Заселеніе губерніи совершалось неправильно; правительство не знало, какую жемчужину имѣетъ оно въ своемъ владѣніи; мѣстная администрація, можетъ быть, и имѣла нѣкоторое о томъ понятіе, но политично умалчивало; кромѣ того, ее и не спрашивали. Бѣглецы изъ Россіи, сектанты—вотъ первые элементы, заселившіе черноземныя степи. Энергичный, смѣлый кулакъ явился первымъ пионеромъ и хозяиномъ вольныхъ степей. Последнему, разумѣется, покровительствовала мѣстная администрація, а на бѣглыхъ и сектантовъ смотрѣла сквозь пальцы, ибо они, составляя рабочую силу, нужны были капиталисту, производившему на цѣльнѣ широкія распашки, разводившему овецъ и крупную скотину.

Мы знаемъ изъ описаній покойнаго Данилевскаго, какой безумный произволъ царствовалъ въ далекой, почти неизвѣстной губерніи, которая при всемъ томъ еще подвергалась нашествію горцевъ изъ-за Терека и въ которой кочевали тогда не такія, какъ теперь, смиренныя трухменскія и караногайскія орды. Вблизи губерніи не проходила желѣзная дорога и пути изъ степей были дальніе, на Ростовъ да въ Каспію. Однимъ словомъ, вольная степь жила своеобразною вольною жизнью; энергичные люди, надѣясь на свои собственныя силы, культивировали—дѣвственную природу степного края.

Еще и въ настоящее время сохранились обычаи и отношенія странныя, до сихъ поръ характеризующіе власть и силу кулака.

Напримѣръ, при покупкѣ скупщикомъ у крестьянъ хлѣба, послѣдній принимается пудами, которые по вѣсу должны быть не 40, а 41 фунтъ. Ведется это изстари, и такой вѣсъ практикуется не на одномъ только зернѣ, а и при покупкѣ другого сырого товара.

— Почему же такъ?—спрашиваю я.—Вѣдь это, наконецъ, несправедливо! Подумайте, при покупкѣ десятковъ, сотенъ тысячъ пудовъ, сколько купецъ получитъ дарового хлѣба! Да, наконецъ, такая купля и продажа, въ виду эксплуататорской односторонности, недопустима нашимъ закономъ, соблюдающимъ правильность мѣры и вѣсовъ!..

— У насъ свои законы,—усмѣхнулся мой спутникъ.—А что, касается того, почему такой порядоужъ и откуда онъ взялся,

я думаю такъ: въ степяхъ хлѣба всегда было вволю, но облачивался онъ не такъ чисто, какъ теперь,—не было машинъ, вѣялокъ. Ну, купцы пудъ на 40 пудовъ и накидывали въ виду плохой обработки зерна... Накидывали, да и вводили въ обычай при всякой торговлѣ... Теперь хлѣбъ чистый, зерно отборное, да и обычай купецкій крѣпкій; купцы у насъ богатые, люди сильные,—съ ними трудно сладить!..

Найдите подобное гдѣ-нибудь въ Россіи, тамъ, гдѣ хлѣбныя губерніи. Нѣтъ, такой богатой природной житницы не найти, и русскій человекъ еще не понимаетъ производительной силы степей и вольнаго богатства ставропольской губерніи, которая не изслѣдована и не организована въ земельно-экономическомъ отношеніи. Это—край будущаго, сильный и хлѣбный край!

Скопились на дорогѣ подводы. Кучка людей о чемъ-то гурторить, смѣется. У молодого парня—грустное лицо.

— Сколько пудовъ проворонилъ-то? Ишь, восемь!.. Вотъ дома-то достанется... Въ такую жарницу до-чиста шерсть повысохла... А ты, парень, не спѣшилъ бы сдавать, а на ночь у рѣчки переночевалъ бы—тогда восемь-то пудовъ въ карманѣ были... Молодъ еще, рано пустили сдавать шерсть... Дома посидѣлъ бы, милый!..

— Это дѣйствительно такъ,—прибавилъ мой спутникъ, когда мы проѣхали обозъ:—опытные люди всегда съ шерстью у рѣчки ночуютъ передъ сдачей: нѣсколько пудовъ навѣрное прибудеть... И купцы это знаютъ, и не спорятъ, товаръ принимаютъ...

— И все-таки пудъ въ 41 фунтъ?

— Конечно, своего не уступить...

Мы въѣзжали въ широкую улицу большого селенья...

II.

Характеръ степныхъ селеній.—Постоялый дворъ.—Федоровка и Воронцовка.—Власть хлѣба-зерна.—Порядки бюрократическіе и патриархальныя.—Семейный раздѣлъ.

Селеніе Карамыкъ, среднее по размѣру, организовалось и выросло подъ вліяніемъ степи. Не говоря о широкой улицѣ, служащей продолженіемъ вольной степной дороги, дома въ селеніи отстоятъ другъ отъ друга въ весьма солидномъ разстояніи по причинѣ огромныхъ и содержащихся въ относительной чистотѣ дворовъ. Жилища тоже просторныя, а комнаты характерныя, хотя бы эта кухня, куда мы вошли, поставивъ въ тѣнь лошадей и задавъ имъ кормъ. Кухня и столовая вмѣстѣ—длин-

ная, но не узкая комната, свѣтлая, съ чистыми окнами въ одну сторону. Печь и плита содержатся аккуратно. Хозяйки, двѣ сильныя бабы, чисто одѣтыя, только-что вынули свѣже выпеченный хлѣбъ, замѣчательно вкусный и аппетитный на видъ. Надо отдать справедливость ставропольской губерніи: нигдѣ по станціямъ, даже и Кубанской области, и селеніямъ, мнѣ не приходилось ѣсть такого вкуснаго пшеничнаго хлѣба, какъ здѣсь. Дѣйствительно, хлѣбъ, такъ хлѣбъ!

— Сколько стоитъ пудъ такой муки? — спросилъ я у хозяйки.

— Восемьдесятъ копѣекъ. А что, добрый хлѣбъ?..

— Да, хорошій хлѣбъ.

— До васъ солдаты изъ Георгіевска были, тоже хвалили хлѣбъ... Скажите, пожалуйста, зачѣмъ отъ начальства имъ запретъ не кушать пшеничнаго, а печь хлѣба изъ житной муки?.. Такая мука у насъ дороже и хуже, а навося—запретъ: по закону, говорятъ, не полагается!.. Мы вотъ жита не сѣмъ... Зачѣмъ?.. когда пшеница добре родить!.. Житной муки у насъ трудно найти, а солдатамъ, вишь, надѣтъ... Чудно, право!—говорила простодушно женщина, вынимая изъ печи жареную картошку.

Я молчалъ и думалъ: въ самомъ дѣлѣ, почему въ царствѣ пшеницы не ѣсть солдатамъ такого чуднаго и дешеваго хлѣба, а непременно потреблять ржаной? Дисциплина что-ли отъ этого пострадаетъ? Да, бюрократія не связана съ жизнью даже въ вопросахъ выгоднаго питанія... Скажите, пожалуйста, какъ можно солдату ѣсть такой великолѣпный хлѣбъ!.. да онъ избалуется окончательно!.. Грустно все это. Недорого мы заплатили за чай, яйца, хлѣбъ и молоко, все продуетъ свѣжій, прекрасный...

— По сколько десятинъ надѣлены здѣсь крестьяне?

— Которые по пятнадцати десятинъ на дворъ, но имѣются и такіе старыя поселенцы изъ православныхъ, что получили по тридцати десятинъ.

— Ого!.. Жить можно!..

— Еще бы!—добавилъ мой спутникъ.—Да и какая земля!..

Впередъ! Мы снова—въ ровной, гладкой, какъ скатерть, степи; только тамъ, гдѣ постепенно огибааетъ равнину рѣка Кума, на правомъ ея берегу высятся горы, а на противоположномъ низменномъ растеть лѣсъ.

Кума—степная рѣка, и на всемъ ея протяженіи построены селенія, самыя первыя въ степной, безводной губерніи, но и самыя богатыя и населенныя.

Вдали показалась церковь, около нея—дѣсь.

— Это Федоровка, а рядомъ, черезъ рѣку—Воронцовка!—сказалъ путникъ.

Первое огромное торговое селеніе официально значится Ново-Григорьевка, а второе, еще болѣе богатое—Воронцово-Александровка. Но народъ не признаетъ этихъ „бумажныхъ“ названій и по старинному зоветъ ихъ попросту Федоровкой и Воронцовкой. Если спросить мѣстнаго жителя: какъ мнѣ проѣхать въ Ново-Григорьевку?—то вы можете весьма вѣроятно получить отрицательный отвѣтъ: „не знаю“, а Федоровку всякій покажетъ, не задумываясь.

Не понимаю, зачѣмъ не сохраняютъ народныя названія селеній, а придумываютъ тамъ, въ канцеляріяхъ, на досугъ, новыя и даже сложныя. Вотъ по истинѣ мало дѣла чиновникамъ!..

Рѣка Кума раздѣляетъ, какъ я говорилъ, эти два селенія, имѣющія свои приходы и управленія. Церковь и большое каменное зданіе семинаріи обращаютъ на себя вниманіе въ Федоровкѣ, которая расположилась чрезвычайно правильно: такихъ невѣроятно широкихъ улицъ я и не видывалъ. Напротивъ, Воронцовка сгруппировалась; одна только базарная площадь напоминаетъ степное приволье. Прекрасныя двухъ-этажныя дома съ балконами и бельведерами—принадлежность мѣстныхъ богачей-хлѣботорговцевъ. Селеніе Воронцовка напоминаетъ скорѣе уѣздный городъ, но городъ богатый и живой.

На базарной площади лѣсныя склады, матеріалъ которыхъ доставляется черкесами-горцами. Отъ площади идутъ торговые ряды, по правдѣ сказать, тѣсныя, но чего, чего только нѣтъ въ лавкахъ и большихъ магазинахъ, въ которыхъ работаютъ не меньше полудюжины приказчиковъ. Въ базарные дни толчея здѣсь порядочная. Все можно купить въ этомъ степномъ селеніи, до предметовъ роскоши включительно.

Расположены магазины, сплошь заваленные товарами, по меньшей мѣрѣ странно: вотъ аптекарскій магазинъ рядомъ съ торговлей нефтью. Складъ сосновыхъ досокъ, съ пріятнымъ запахомъ смолы, помѣщается рядомъ съ магазиномъ готоваго платья подъ фирмою „Шикъ“ изъ Ростова. Подлѣ—другой такой же, первому конкурентъ. Желѣзо, мочала, всякій строительный матеріалъ, азіатскія издѣлія, тутъ же и огородныя производства, мѣстное прасковьевское вино, двадцать копѣекъ бутылка, и лимонадъ, смѣшанный съ уксусомъ фирмы Чурилина изъ Ростова, женскія шляпы и перчатки—все можно найти въ селеніи Воронцовка, главный поупателъ котораго—мѣстный крестьянинъ-хлѣбопашецъ.

— Сколько, приблизительно, жителей въ Воронцовкѣ? — спросилъ я у мѣстнаго старожила.

— 18.000 человекъ.

— Неужели?

— Можетъ быть, теперь и больше! — прибавилъ гордый „воронцовецъ“.

Происхождение этого огромнаго села относится ко времени крѣпостнаго права. Первые поселенцы были ссыльные крестьяне воронежской губерніи, впоследствии купившіе землю у князя Воронцова, почему и названіе села Воронцовка. Распорядокъ землевладѣнія общинный, какъ и въ Федоровкѣ, надѣлъ на душу выражается въ семи десятинахъ; въ Воронцовкѣ, кромѣ обыкновенной двухъ-классной школы, имѣется ремесленное училище, церковно-приходская школа и даже бульваръ.

Любопытна исторія насажденія и устройства послѣдняго: бульваръ—дѣло рукъ пьяныхъ обывателей. По постановленію волостнаго схода было рѣшено, что тѣ крестьяне, которые попадались въ безобразно-пьяномъ и буйномъ состояніи, арестованные предварительно для вытрезвленія, назначались въ наказаніе на общественныя работы по устройству бульвара; такимъ образомъ, въ короткое время и за очень недорогую цѣну въ Воронцовкѣ выросъ тѣнистый бульваръ со скамеечками,—бульваръ, положимъ, узкій, но все-таки украшеніе селенія.

Не мѣшало бы вообще общественнымъ учрежденіямъ „намотать себѣ на усъ“ эксплуатацію пьяныхъ, отъ которыхъ получается и польза, и здоровье, вполне гигиѣническое вытрезвленіе и отсутствіе срама, ибо что можетъ быть благороднѣе труда, притомъ преслѣдующаго общественныя цѣли?

Имѣется въ богатомъ селеніи и общественное собраніе, которое находится, къ сожалѣнію, въ рукахъ далеко не общественнаго лица — земскаго начальника, авторитетъ котораго несомнѣнно подходитъ для такого вольнаго занятія.

Подъ вечеръ мы отправились въ лѣтнее помѣщеніе клуба. Прошли черезъ какой-то кустарникъ, шагнули черезъ лужи — и передъ нами открылось барачное помѣщеніе маленькаго буфета и наскоро построенная сцена, на которой гимназисты подъ режиссерствомъ земскаго начальника репетировали какой-то водевиль.

Кругомъ этихъ печальныхъ построекъ сыро и непривѣтливо, темно даже... Стоять „живые“ столики, одинъ изъ которыхъ мы заняли, потребовавъ бутылку вина. Цѣны буфетныя, что называется, выше среднихъ. Пришелъ земскій начальникъ и взялъ

съ насъ по двадцати-пяти копѣекъ за удовольствіе провести время въ сосѣдствѣ съ небольшою, но нельзя сказать, чтобы пріятною лужей; встаетъ уважу еще на одно распоряженіе мѣстнаго бюрократа.

Почти цѣлый день я былъ свидѣтелемъ, какъ мучились крестьяне, вѣзжавшіе со стороны Федоровки на базаръ. Послѣ моста черезъ Куму до базара построено шоссе, а внизу этого шоссе—никогда не просыхающая на низинѣ грязь. Вотъ по этой-то грязищѣ, надрываясь, одинъ за другимъ тянутъ бѣдныя лошади нагруженные повозки. Тянуть, тянуть и, выбившись изъ силъ, останавливаются. Что дѣлать? Сбѣгается народъ, начинаютъ крики: „ухъ... но!.. у-у!“—и, наконецъ, возъ выдвигается изъ грязищи.

А наверху, блестя на солнцѣ, словно смѣется надъ этою потѣхою, новенькое и чистенькое шоссе, замкнутое съ обѣихъ сторонъ солидными перекладинами, чтобы „не пущать“.

— Для какой надобности въ самомъ дѣлѣ это шоссе?—спросилъ я въ изумленіи.

— Для губернатора, когда пріѣзжаетъ!..—отвѣчали мнѣ. Довольно патріархально!

Впрочемъ, оригинальная патріархальность характеризуетъ это богатое село. На чемъ же зиждется богатство? Исключительно на пшеничномъ зернѣ.

Когда-то необозримыя и сильныя степи занимали своими кочевьями кадмыки, а русскіе распахивали да распахивали по соглашенію съ кочевниками, собирали богатѣйшіе урожаи и ссыпали хлѣбъ въ житницы. Тогда желѣзной дороги не было, не было этихъ многочисленныхъ комиссіонеровъ и разныхъ коммерсантовъ, а попросту были богатые мужики, у которыхъ зерна насчитывалось у одного 20.000, а у другого 25.000 пудовъ, что хозяева хранили и передавали дѣтямъ по наслѣдству. Теперь, конечно, перемѣнились времена; но старинная рутина все-таки осталась, и настоящіе воронцовскіе богатѣи, тѣ самыя, которые намъ попадались навстрѣчу на великолѣпныхъ рысакѣхъ, въ шарабанахъ, обложенныхъ пуховыми подушками, не премѣнно въ ситцевыхъ наволочкахъ, гордятся запасами хлѣба, перешедшими имъ по наслѣдству отъ дѣдовъ, завѣтъ которыхъ понимаютъ наслѣдники такъ: „Что деньги? Это еще не богатство, деньги можно мигомъ прожить, а вотъ хлѣбъ—дѣло другое. Сколько у тебя хлѣба находится? Покажи-ка, мы поглядимъ, какой такой ты богатѣй есть?“

Авторитетъ зерна силенъ и въпокъ по сіе время. Въ са-

момъ дѣлѣ, вся жизнь степи, всё ея интересы въ настоящемъ и будущемъ тѣсно связаны съ полновѣснымъ, золотымъ и блестящимъ зерномъ. Здѣсь, въ этомъ краю, дѣйствительно громадное значеніе имѣеть урожай!.. Все живетъ и дышитъ этимъ волшебнымъ словомъ. Въ этомъ краю, вмѣсто обыкновеннаго привѣствія при встрѣчѣ, говорятъ: „А какой у васъ урожай?!“ Да, здѣсь все дышитъ хлѣбомъ! Сколько народа при этомъ хлѣбѣ состоитъ! Сколько паразитовъ кормится вокругъ благороднаго зерна!

Самое слово „хлѣбъ“ — почетное, первое слово! Уваженіе къ хлѣбу громадное и почетъ ему великій...

Поэтому, человѣку, имѣющему свой постоянный, переходящій по наслѣдству хлѣбъ-зерно, — уваженіе и почетъ въ народѣ и обществѣ. Такого человѣка голосъ на сходѣ имѣеть рѣшающее значеніе, такому человѣку — первое мѣсто въ церкви, передъ такимъ человѣкомъ серьезные богачи первые „ломають шапки“. Боже сохрани, если такой человѣкъ обмѣняетъ свое зерновое богатство на деньги!.. Онъ сразу станетъ въ разрядъ обыкновенныхъ людей, и прощай прежній почетъ, котораго уже не добиться „ослабѣвшему“ человѣку.

Таковъ характеръ степного селенія, таковъ народъ, у котораго зерно составляетъ почти культъ поклоненія.

Семья степняковъ — крѣпкія и тѣломъ, и духомъ, согласіе между членами большое и власть родительская патриархальная.

Разскажу про раздѣлъ сына съ отцомъ-богатѣемъ настоящимъ. Рѣшилъ старикъ отдѣлить сына, задумалъ отецъ дѣло большое, серьезное. Перво-на-перво сталъ онъ строить домъ, хозяйственный, по своему родительскому плану, которымъ все предусмотрено, предугадано. Не на смѣхъ такое дѣло, и мудреное, и фундаментальное.

Когда домина былъ воздвигнуть, старикъ принялся ладить обстановку; все было обдуманно, все предусмотрено до мелочей, до самой ничтожной бездѣлицы. Послѣ этого наступила очередь живого инвентаря: отдѣлили старикъ лошадей, воловъ, коровъ и овецъ, всего сколько надо по настоящему, по хозяйскому. Въ закрома насыпалъ пшеницы, овса, ячменя, въ подвалы — капусты, картошки.

Ну, все теперь готово. Домъ — что полная чаша. Пожалуйте!

Наступилъ день выдѣленія сына изъ отцовскаго дома и перехода его на свое собственное хозяйство. Старикъ заказалъ молебень и устроилъ въ своемъ домѣ прощальный обѣдъ, на который были приглашены гости и духовенство. Послѣ обѣда всё

двинулись въ путь. Это было весьма торжественное шествіе. Впереди—съ образами и хоругвами духовенство, за которымъ шли отецъ съ сыномъ, сопровождаемые многочисленнымъ народомъ. Разставанье было трогательное: плакалъ старикъ, рыдалъ сынъ, и народъ, смотря на такую картину, тоже проливалъ слезы.

Не правда ли, стариной вѣетъ отъ такой наивной патриархальности, которой тѣни не осталось въ нашихъ, недалекихъ отъ центровъ, великорусскихъ губерніяхъ?

„Странные нравы!“—думалъ я, гуляя по главной улицѣ села Воронцовки, по ея городскимъ троттуарамъ, засаженнымъ бѣлыми акаціями. Уютные, красивой постройки, съ крылечками, домики щеголяли своимъ изяществомъ, а изъ ихъ открытыхъ оконъ неслись звуки піанино, и не казалось мнѣ, что прогулку я совершаю въ простой русской деревнѣ, когда передо мной была культура и блестящій югъ съ его синимъ сводомъ неба. На поворотѣ въ какой-то переулочекъ неожиданно открылась степь, гдѣ подъ самымъ горизонтомъ спускается почти багровый шаръ заходящаго солнца. Было тихо, въ воздухѣ не шелухнуло.

III.

Былое.—Прасковьевка.—Святой Крестъ.—Необходимость и своевременность введенія земства.

До цѣли моего путешествія оставалось болѣе шестидесяти верстъ, но такое разстояніе въ степяхъ считается близкимъ и совершается въ одинъ перегонъ. Въ самомъ дѣлѣ, дороги степныя, ровныя, и если не дождь, то нетрудныя, лошади сильныя, добрыя, а экипажи удобные. Повозки здѣсь работаютъ на нѣмецкій ладъ, преслѣдующій правильность хода. Мѣстный экипажъ—„точанка“—это на рессорахъ четырехмѣстный (считая и кучера) легкій фэтонъ, но только безъ верха. Опять мы въ пути. Опять—степь необозримая, далекая равнина! Вдали видны постройки селеній, ихъ бѣлыя хаты ярко блестятъ на солнцѣ.

— Вотъ селеніе Маслово, по фамиліи стараго владѣльца. Давно это было,—разсказывалъ спутникъ,—при крѣпостномъ еще правѣ. Строгій былъ помѣщикъ, а крестьянъ-рабовъ—не мало, цѣлыхъ пятьсотъ душъ. Ну, вольная ли степь виновата, или дѣйствительно довелъ до невозможности строгій баринъ, но въ одинъ несчастный день забастовали всѣ крестьяне и работать на помѣщика отказались... Сейчасъ Маслово—по начальству: такъ,

моль, и такъ—бунтъ! Ну, прислали на усмиреніе терскихъ казаковъ,—недалеко вѣдь Терская область. А надо вамъ сказать, что у Маслова была собственная пушка, на всякій, вѣроятно, случай. Съ казаками пожаловалъ губернаторъ, но не могъ усмирить бунта. Не хотимъ, да не хотимъ работать на помѣщика. Хотѣли-было начать порку, да не даются, гуртомъ другъ друга держатся, а въ рукахъ у всѣхъ здоровенные дрючки. Тогда придумали зарядить эту самую пушку и объявить бунтовщикамъ: если не смирятся, то будутъ въ нихъ стрѣлять... Тогда народъ всей своей громадой двинулся въ церкви, ища защиты у Бога. Но нѣтъ, строго въ то время было начальство и никакого самаго малаго неповиновенія мужикамъ не позволяло. Не помогъ и храмъ Божій, около котораго пролилась христіанская кровь... Раздался, значить, приказъ: „стрѣляй!“ — и пушка грянула, и народъ, убитый и раненый, попадалъ на землю, а которые невредимые—въ страхъ разбѣжались, и бунтъ покончился. Послѣ этого, Маслова въ Петербургъ вызвали, и онъ въ дорогѣ померъ. Наслѣдовалъ сынъ и скоро проигралъ все имѣніе въ карты. Теперь земля принадлежитъ другому, К., и все-таки мужики и по сіе время бѣдствуютъ, — ужъ, вѣрно, такое несчастное это мѣсто!

Подъ вліяніемъ такого небольшого, но мрачнаго эпизода мы долго молчали. Глядя впередъ, въ сѣрую даль дороги, я думалъ: „Въ самомъ дѣлѣ, сколько тяжелыхъ драмъ разыгрывалось когда-то въ степяхъ, на которыхъ селили въ наказаніе крѣпостныхъ изъ Россіи и куда стремились бѣглецы изъ Новороссіи. Подумайте, два такіе близкіе другъ къ другу элемента не мало давали изъ своей среды людей протеста, которыхъ воспитывала степь и не въ традиціяхъ крѣпостного права, а въ условіяхъ вольной волюшки, которой пути не заказаны.“

Послѣдній элементъ мало-по-малу выдыхалъ изъ себя настоящихъ колонизаторовъ дивихъ степей, тѣхъ хлѣборобовъ, которые и теперь еще держатъ дѣдовскіе завѣты и не ломаютъ традицій вольнаго хлѣбнаго человѣка. Безусловно вдали отъ административной бюрократической политики, на просторѣ степей, среди дивихъ инородцевъ, самостоятельно выростала и зрѣла народная мысль, и Россія со своимъ крѣпостнымъ правомъ казалась вольнымъ степнякамъ громадной тюрьмой безъ свѣта и воздуха... Къ этому времени, къ первому въ умственной жизни народа, относится быстрое распространеніе сектантства въ далекихъ степяхъ сѣвернаго Кавказа.

Мы ѣхали. Разговоръ не клеился...

Солнце жгло безопадно. Хотя трудно лошадямъ въ такой полуденный зной, но бѣжать ровно черкесская вороная пара.

Клонить во сну, хочется скорѣй доѣхать до остановки.

— Далекъ ли еще?

— Верстъ пятнадцать, не больше... Вотъ Орловка показалась, а за этой деревней и Прасковьевка!.. Теперь скоро!..

Въ этомъ углу Кума дѣлаетъ поворотъ-дугу, и цѣлыхъ три селенія и городъ сгруппировались въ одномъ мѣстѣ при населеніи около сорока тысячъ душъ. Городъ носитъ названіе Святого-Креста; отъ Прасковьевки, въ которой тринадцать тысячъ душъ населенія, отдѣляется Кумой.

Проѣхали Орловку и показалась церковь и постройки Прасковьевки, тѣ, которыя расположены по возвышенности.

Отъ рѣчки ли, отъ приближенія ли вечера, но потянуло прохладой, и мы почти незамѣтно доѣхали до огромной площади, на которой большое съ трубой зданіе монопольнаго водочнаго завода сразу обращаетъ на себя вниманіе. Мы остановились неподалеку отъ завода на постояломъ, очень чистомъ дворѣ съ уютными и просторными комнатами, содержимыми себтантомъ.

Насъ ожидали нѣкоторыя новости.

— Сегодня у насъ въ Прасковьевкѣ — рассказывалъ хозяинъ — былъ судъ у земскаго и бунтъ...

— Какой бунтъ?! — удивился я, совсѣмъ позабывъ о разсказѣ про безпорядки въ патріархальной и хлѣбной губерніи.

— Да дѣло такое вышло... На хуторѣ у баптистовъ поселился посторонній человѣкъ изъ православныхъ и началъ потихоньку торговать водкой, что старикамъ особенно не понравилось... Возникли между обществомъ и этимъ человѣкомъ несогласія, недовольство. А человѣкъ этотъ сошелся съ бывшимъ стражникомъ, котораго за самоуправство, по жалобѣ баптистовъ, уволили отъ службы и который тоже сталъ торговать виномъ въ сосѣднемъ селеніи. Вотъ эти два человѣка обмозговали дѣло, — цѣлый, значить, процессъ. Подалъ тотъ, поселившійся на хуторѣ, человѣкъ жалобу земскому начальнику о потравѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года у него льна въ полѣ и указалъ на шестьдесятъ домохозяевъ, съ которыхъ взыскивалъ восемьсотъ рублей. Земскій всѣхъ и вызвалъ повѣстками за сорокъ верстъ разстоянія судиться о потравѣ льна въ сентябрѣ мѣсяцѣ... Подумайте, развѣ въ такое время можетъ быть въ полѣ лентъ?!.. Ну, по повѣстямъ пріѣхали на судъ по такому невѣроятному дѣлу. Сталъ судить земскій начальникъ... „Ваше благородіе, — говорятъ ему, — какой можетъ быть лентъ въ полѣ въ сентябрѣ?..

подумайте!“ А тотъ въ отвѣтъ говоритъ: „Молчать!.. не мѣшайте мнѣ. Буду судить васъ каждаго въ отдѣльности!“ Онъ, видите ли, сообразилъ, что искъ въ восемьсотъ рублей его разбирательству не подлежитъ, и значить—по отдѣльности... Ну, а баптисты не пожелали, и всѣ, въ одинъ голосъ, требовали, чтобы судить вмѣстѣ, такъ какъ скотъ общественный, и все общество желаетъ быть въ отвѣтъ, а не каждый въ отдѣльности... Ну, вотъ и бунтъ!..

— Довольно странный!—прибавилъ я.

— Снялъ земскій тогда цѣпь,—продолжалъ рассказчикъ,— и послалъ за полиціей. Пріѣхалъ исправникъ съ полицейскими. Сектанты всѣ на дворѣ, и земскій начальникъ тамъ, только безъ судейской цѣпи... Шумъ идетъ, пререканія, бунтъ этотъ самый... Сталъ исправникъ разбирать, въ чемъ тутъ дѣло, а исправникъ у насъ—хорошій господинъ... Ну, сразу и понялъ, и спрашиваетъ этого самаго Смирнова: „Какой такой у тебя лень былъ въ полѣ въ сентябрѣ?“ Тотъ и не знаетъ, какъ ему быть, что отвѣчать, указываетъ на своего свидѣтеля, на бывшаго стражника, который, увидавъ исправника, успѣлъ „сховаться“... „Знаешь что,—говоритъ исправникъ,—не съ нихъ, а съ тебя надо взыскать за то, что ты людей даромъ за сорокъ верстъ таскаешь, отъ работы отвлекаешь!“ Тогда Смирновъ проситъ уже дать ему десять рублей, онъ покончитъ миромъ. Конечно, не дали. Просилъ только пять, потомъ—три рубля. Не дали ни копѣйки. Такъ и кончился этотъ бунтъ, и вотъ недавно всѣ баптисты разбѣжались по домамъ... Часа за два бы, если бы пріѣхали, всѣхъ застали!.. А исправникъ у насъ человекъ справедливый, даромъ никого не обидитъ!—заключилъ хозяинъ постоялаго двора, приглашая насъ къ столу закусить и выпить чаю.

Весь вечеръ я посвятилъ знакомству съ извѣстнымъ и популярнымъ по своему винодѣлію селеніемъ Прасковьевка. Въ самомъ дѣлѣ, еще давно и въ дальнихъ отсюда мѣстахъ я слышалъ отъ народа такіа фразы: „Вотъ прасковьевское вино, то—доброе вино и недорогое!“ Знаютъ это вино не только изъ Терской и Кубанской области, но даже на Черноморскомъ побережьѣ. Послѣ я скажу о достоинствѣ прасковьевскаго вина вообще, хотя я уже попробовалъ мускатнаго. Ничего! и недорого, — всего двадцать копѣекъ бутылка.

Нѣсколько странное впечатлѣніе производитъ Прасковьевское селеніе, не такое, во всякомъ случаѣ, какъ Воронцовка. Не уступая послѣднему по обширности площади, занимаемой постройками и широкими улицами, Прасковьевка уступаетъ въ богат-

ствѣ: здѣсь нѣтъ такихъ торговыхъ рядовъ и нѣтъ затѣнныхъ по архитектурѣ зданій, а къ рѣкѣ и переулкамъ преобладаютъ бѣдныя и даже жалкія хаты жителей-винодѣловъ, особенно внизу, къ рѣкѣ, гдѣ находится культура винограда.

Населеніе — православное, но среди нихъ живетъ немало сектантовъ, къ которымъ отношеніе мѣстныхъ жителей благоприятное, вслѣдствіе основательнаго знакомства съ сосѣдними хуторами баптистовъ.

Бесѣдуя съ мѣстнымъ жителемъ, по ремеслу шорникомъ, я завелъ нарочно рѣчь о баптистахъ по поводу бунта ихъ у земскаго начальника.

— Народъ работающій, тихій народъ,—говорилъ онъ съ убѣжденіемъ:—нѣтъ у нихъ ни пьянства, ни такихъ несогласій, какъ у насъ, православныхъ,—они сочувствуютъ человѣчеству.

— Какъ такъ сочувствуютъ?!..—удивился я.

— Не деньги у нихъ главное, не горы хлѣба, не бочки полныя вина, а сочувствіе, значить, для жизни обрѣтается,—говорилъ наивный человѣкъ, доказывая свою мысль фактическими данными.—Въ прошломъ году во время уборки хлѣба появилась у насъ цѣлая семья, да еще больная, по проходному свидѣтельству... Ну, что же? собрали гроши у православныхъ... Какъ быть? какъ ѣхать дальше?! пѣшкомъ не можно, надо подводу... Долженъ я тебѣ сказать, что мужъ и жена—люди образованные, двое дѣтишекъ маховыхъ при нихъ... Знамо дѣло, жалко людей при несчастіи!.. Кто-то имъ посоветовалъ на хутора къ баптистамъ... И что же? тѣ дали ссильному повозку, мѣшки и сказали: „ступай по хлѣбъ“... Что вы думаете,—вѣдъ набралъ нуловъ семьдесятъ, продалъ здѣсь въ лавкѣ, да и поѣхали дальше... Вѣдъ какъ люди благодарили-то!..

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ у старожиловъ и справокъ у мѣстной администраціи я узналъ, что населеніе Прасковьевки, надѣльное съ иногородними, доходитъ до почтенной цифры 13.500 душъ, а земли въ общинномъ владѣніи прасковьевцевъ—64.800 десятинъ, земли прекрасной, идущей частью широкой балкой до степныхъ кочевыхъ земель караногайцевъ.

Но главное основное занятіе жителей—не хлѣбопашество, а винодѣліе. Прасковьевцы много надѣльной земли сдаютъ въ аренду. Кустарный промыселъ винодѣлія, дѣйствительно, имѣетъ размѣры солидные: среднимъ числомъ, въ годъ получается до 1.000.000 ведеръ, причемъ вино продается отъ 50 к. до 1 р. ведро; старья, выдержанныя вина, конечно, дороже.

Винодѣліе въ Прасковьевкѣ существуетъ давно. Мнѣ пока-

залось страннымъ, почему въ степномъ хлѣбномъ краю русскими заложены виноградники?.. Кто былъ инициаторомъ такого днѣвиннаго дѣла среди хлѣборобовъ? Но на такіе вопросы отвѣта я не получалъ, и если бы не случай былъ мнѣ встрѣтиться съ древними старожилами—такъ бы я и не узналъ о первыхъ степныхъ винодѣлахъ. Это были духоборы, поселенные сначала сюда, а затѣмъ переведенные въ Закавказье, тѣ духоборы, которые въ настоящее время переселились въ Америку.

Не знаю, они ли стали садить виноградъ около самой рѣки Кумы, или уже это выдумка православныхъ, но культура винограда въ Прасковьевѣ, какъ и въ Святомъ-Крестѣ, гдѣ вина производится 500.000 ведеръ,—въ высшей степени странная, культура поливная, какъ капуста.

Я осматривалъ эти виноградники, лозы которыхъ тянулись въ небо, виноградники, по срединѣ кустовъ которыхъ вырыты канавки для поливки. Какіе сорта этихъ удивительныхъ виноградниковъ—я не знаю, но вино изъ наливныхъ лозъ выходитъ сладкое и весьма слабое, не превышающее въ молодости 6° содержания спирта. Повидимому, такая сладость, доходящая до приторности, и нравится простому народу, если къ тому же принять во вниманіе доступность вина по его стоимости—четыре, пять копѣекъ одна бутылка.

Кромѣ того, при разливѣ Кумы, виноградники заливаются, какъ и вся низина; слоны въ рѣкѣ, какъ отъ Прасковьевки, такъ и отъ Святого-Креста, гдѣ виноградники, главнымъ образомъ, принадлежащіе армянамъ, находятся въ такомъ же положеніи. Прибавлю къ этому, что Святой-Крестъ—городъ, наполовину населенный армянами; этотъ городъ—сравнительно съ селомъ Прасковьевкой—бѣдный, производящій не въ пользу свою впечатлѣніе.

Теперь нѣсколько словъ о дорогѣ между Прасковьевкой и Святымъ-Крестомъ, дороги не менѣе пяти верстъ, но, Боже, какой дороги!! Мнѣ, которому въ своей жизни пришлось исколесить по осеннему, дождливому времени проселочные пути православной Россіи, лѣсныхъ и болотистыхъ ея мѣстъ, мнѣ пришлось дивиться тому, что было передъ моими глазами во время переѣзда изъ Прасковьевки въ Святой-Крестъ лѣтомъ 5-го іюня 1905 г., когда не было дождей...

Положительно, ужасъ, а не дорога, несмотря на то, что по сторонамъ вродѣ малыхъ тополей возвышались виноградники. Двѣ сильные лошади съ великимъ трудомъ тащили насъ тронхъ въ легкой точанкѣ. Подумайте, что это—большая дорога, соеди-

няющая два торговых населенных пункта, кромѣ другихъ селеній, изъ которыхъ привзжаютъ съ продуктами на базаръ въ Прасковьевку и въ Святой-Крестъ. Да, дорога... Я скажу и совершенно искренно, что это не дорога, а преступленіе. Именно, преступленіе!.. Когда мы ѣхали, колыхаясь, какъ во время качки на морѣ, когда мы завязали въ густой толщѣ грязи, когда мы переѣзжали дьявольскую дорогу изъ стороны въ сторону, я думалъ и не понималъ, какъ могутъ здѣсь пробѣжать повозки съ грузомъ, я думалъ, какая должна быть желѣзная сила лошадей, могущая вытянуть изъ могучаго черноземнаго клеа нѣсколько десятковъ пудовъ!?

Наконецъ, я понялъ, когда увидалъ первый трупъ лошади на дорогѣ; спусти нѣсколько сажень, встрѣтился другой, видимому еще свѣжій... О, Боже!

— Это что!—сказали спутники:—вотъ когда бываетъ базарный день, то павшихъ лошадей можно считать дюжинами... Прямо сердце перевертывается смотрѣть тогда, что здѣсь творится!..

Вотъ она, матушка Россія! Вотъ оно, позорное русское равнодушіе и — извините меня—глупость... На какіе-нибудь 20 — 30 рублей крестьянинъ везетъ на ярмарку товара, рискуя лошадью, которая стоитъ 50—60 рублей... Или русское „авось“ играетъ здѣсь роль?.. Что же вы, господа земскіе начальники, смотрите? или занимаетесь вопросомъ о цвѣтеніи льна зимой?!

— Какъ же такую дорогу можно допускать?—спросилъ я мѣстнаго исправника.

— Что же мнѣ дѣлать, когда земскій начальникъ заявляетъ твердо и неуклонно, что дорога въ его завѣдываніи, и онъ знаетъ, что дѣлать!!

Святой-Крестъ производитъ худшее впечатлѣніе, нежели Прасковьевка. Съ перваго взгляда ясно, что городъ — бѣдное село; это доказываютъ и постройки, и какое-то уныніе, царящее по широкимъ улицамъ города, и отсутствіе каменныхъ и приличныхъ зданій, которыя сплошь попадаютъ въ Прасковьевкѣ.

Между прочимъ, мнѣ объяснили, что городъ Святой-Крестъ въ прежнее время подвергался нападенію горцевъ, которые вырѣзывали довольно основательно мѣстныхъ жителей. Вообще, болѣе отдаленное прошлое Креста—еще мрачнѣе и печальнѣе. Когда-то, во время татарскаго владычества надъ Россіей, здѣсь находилось становище татарскаго хана и здѣсь же мученическою смертью погибъ Михайлъ, князь тверской.

Въ самомъ дѣлѣ, внизу, близъ береговъ р. Кумы, вся мѣстность изрыта ямами и всевозможными колдобинами, въ кото-

выхъ и по сіе время жители находятъ много жженого кирпича, а также изрѣдка плиты, даже мраморныя, съ татарскими надписями и украшениями.

— Откуда здѣсь появились армяне!—спросилъ я.

— Изъ Моздока больше... Тамъ ихъ чересы очень не жалуютъ, а здѣсь имъ безопаснѣ!..

Съ края города начинались монастырскія постройки; нѣкоторыя изъ нихъ заново возводились, а другія, въ томъ числѣ и церкви, были далеко не новыя.

Мы отправились въ монастырь. Виноградникъ и небольшой фруктовый садъ свидѣтельствовали о нѣкоторой хозяйственности братіи.

— У нихъ, у монаховъ, въ степи хуторъ при 1.200 десятинахъ хорошей земли... Хлѣба въ монастырѣ много... Живутъ богато!

Мы вошли во дворъ, гдѣ встрѣтили очень любезнаго игумена, пригласившаго насъ въ свое помѣщеніе; почтенный отецъ предложилъ мнѣ попробовать монастырскаго вина. Очень оригинальное, но все-таки сладковатое винцо, нельзя сказать, чтобы слабое.

— Сколько у васъ десятинъ виноградника?

— Двѣ съ половиной,—отвѣчалъ настоятель.—Да вотъ бѣда, не знаемъ, куда дѣваться съ виномъ, все ищемъ сбыта. Вотъ въ Москву бы хорошо отправлять...

Я пожелалъ успѣха, прибавивъ, что жителей нашихъ большихъ сѣверныхъ центровъ торговцы, рѣшительно ничего не понимающіе въ виноградныхъ винахъ, приучили къ фальсификаціи, что крайне вредно отражается на производствѣ и особенно сбытѣ отечественныхъ, дѣйствительно превосходныхъ винъ.

— Поддѣлываютъ стало быть!.. А мы съ настоящимъ винограднымъ сокомъ сидимъ и не знаемъ, куда дѣтъ!..

— Еще какъ поддѣлываютъ! — заключилъ я: — по статистикѣ въ Москву привозится вина, положимъ, столько-то миллионовъ ведеръ, а выпускается изъ Москвы втрое больше.

— Какъ же такъ?!..

— Виноградниковъ въ Москвѣ нѣтъ, но воды нельзя сказать, чтобы было мало... Скажите, пожалуйста, отецъ игуменъ, этотъ храмъ построенъ въ память Михаила Тверскаго?

— Нѣтъ, храмъ въ честь Спаса Преображенія, а обитель — во имя св. Воскресенія... Но вотъ часовня, которую вы, кажется, видѣли, построена во имя Михаила, князя Тверскаго, замученнаго въ Ордѣ.

— Вот дороги у васъ плохи, — сказалъ я, прощаясь.

— Что говорить, бѣдовыя дороги, когда и не проѣхать...

— Что вы думаете о земствѣ?

— Дѣло доброе, надо что-нибудь дѣлать!.. Дороги осенью и зимой — истинное мученіе и для людей, и для скотины, особенно же для послѣдней... Иной разъ нужно въ Прасковьевку, а не проѣдешь... никакъ... чистое несчастье!!!

Однимъ словомъ, дороги не могутъ соответствовать несомнѣнному богатству ставропольской губерніи; это — дороги не для края, который носить уже несомнѣнные признаки культурности, а дороги для дикихъ кочевниковъ, да и то — съ грѣхомъ пополамъ...

Земство — это единственное средство вывести губернію изъ того ужаснаго положенія, въ которомъ она находится не только по отношенію къ путямъ сообщенія, но и по нуждамъ образованія и врачебной помощи, принимая во вниманіе, что одинъ участковый врачъ — на 65.000 человекъ, разбросанныхъ на огромной площади.

Да, земство!.. Введеніе этого земства нельзя откладывать, и нечего объ этомъ спорить, — достаточно самаго яраго противника самоуправленія провезти по дорогѣ изъ Прасковьевки въ Святой-Крестъ, или обратно, и я увѣренъ, что онъ тотчасъ согласится, когда воочию увидитъ этотъ истинный ужасъ.

— Земство — единственный выходъ изъ того положенія, въ которомъ при всемъ богатствѣ находится и земледѣліе, и скотоводство, и вообще хозяйство, которое не можетъ развиваться при отсутствіи сносныхъ путей сообщенія, — говорилъ исправникъ.

То же говорили и другіе, указывая на солидные убытки отъ бездорожья и разлива Кумы:

— Мы не боимся земскаго обложенія, мы достаточно богаты, чтобы содержать земство, которое при десятинномъ серьезномъ обложеніи дастъ намъ огромную выгоду, если построить пути сообщенія; мы не говоримъ о другихъ нуждахъ края: дороги, это — первое, что нужно и купцу, и крестьянину, да и, наконецъ, всякому, до низшаго администратора включительно. Въ земствѣ мы видимъ свое будущее, и это будущее улыбается намъ доброй улыбкой. Мы увѣрены, что наше земство въ своемъ распоряженіи будетъ имѣть такія средства, которымъ позавидуютъ другія земскія губерніи...

И еще много говорили мнѣ мѣстные люди по вопросу о необходимости скорѣйшаго введенія земства, которое, по ихъ

мнѣнію, изъ многихъ вопросовъ должно рѣшить старый вопросъ о правахъ и культурномъ устройствѣ кочевыхъ народовъ, хотя и немногочисленныхъ въ губерніи, но тѣмъ не менѣе занимающихъ огромныя площади земель, вполне могущихъ идти подъ культуру. Однимъ словомъ, жизнь—лучшій учитель и совѣтникъ, а если въ этой жизни присмотрѣться въ ставропольской губерніи, то задачи ея и ихъ разрѣшеніе — безусловно земское мѣстное самоуправленіе, причемъ довольно сказать въ заключеніе, что такія задачи благородны и исполненіе ихъ не только возможно, но необходимо для благоденствія и совершенствованія богатаго и сильнаго природою края!

С. И. Васюковъ.

НА МЕРТВОМЪ ЯКОРѢ

ПОВѢСТЬ.

I.

Августъ 1905 года...

За обѣдомъ разговоръ вертѣлся около портсмутской конференціи, говорили объ уступкѣ половины Сахалина, о томъ, что Японія отказывается отъ требованій вознагражденія, удивлялись, спорили, кипятились.

Нервы были возбуждены. Голоса повышались. Становилось душно, какъ въ теплицѣ.

Распахнули настежь окна, выходящія на улицу, и въ круглую столовую, еще убранную по лѣтнему, вмѣстѣ съ шумомъ города, постепенно оживающаго послѣ дачной спячки, ворвалась струя теплаго вечера.

Цѣлый рядъ дождей, наконецъ, завершился хорошимъ днемъ. Троттуары просохли и по Каменноостровскому тянулась вереница всевозможныхъ экипажей.

За столомъ, украшеннымъ букетомъ изъ лилій и розъ, сидѣло нѣсколько человѣкъ: хозяйка—мировой судья Дроздовскій съ женой,—только-что пріѣхавшій изъ Швейцаріи профессоръ-врачъ Заружный съ дочерью,—Зенко, товарищъ Дроздовскаго, бывшій правовѣдъ, вице-директоръ вновь образованнаго департамента какихъ-то подсчетовъ и наблюдений,—и графъ Прозоровскій, безъ опредѣленныхъ занятій, нѣчто въ родѣ перекачиполя, склонный къ различнымъ предпріятіямъ, недавно возвратившійся съ Востока, а года три-четыре онъ провелъ въ Портъ-Артурѣ, вѣ качестве представителя одного изъ министерствъ.

Дочь профессора, Галя,—вдумчивая, молчаливая девятнадцати-

лѣтняя дѣвушка, съ выразительными глубокими глазами, покрытыми влажнымъ блескомъ, немного грустными, немного насмѣшливыми, рѣзко отбѣнявшими матовую бѣлизну лица, — внимательно прислушивалась къ разговорамъ, и по ея губамъ мелькало скорѣй изумленье, чѣмъ сочувствіе, смѣнявшееся по временамъ не то апатіей, не то разочарованіемъ.

Иногда на минуту зажигался на ея щекахъ румянецъ и въ глазахъ горѣли искры слѣпой, безотчетной ненависти...

Къ кому? Къ говорившему? Или, можетъ, къ тому, о чемъ говорилось и какъ говорилось?..

Эти мимолетныя молніи скрытыхъ чувствъ, кажется, для всѣхъ оставались незамѣченными.

Дроздовскій и графъ спорили.

Зенко вставлялъ внушительныя реплики, высказывая самыя обиденныя истины, но съ такимъ самоувѣреннымъ видомъ, точно ихъ никто прежде не зналъ.

Профессоръ больше поддакивалъ, а если не соглашался, то возражалъ возможно мягче.

Хозяйка, Викторія Викторовна, — красивая блондинка съ темными бровями и мягкимъ взглядомъ, мерцающимъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ, какъ будто старалась слѣдить за извилистой нитью споровъ гостей, но по разсѣянному, бѣглому взору, который все чаще и чаще притягивала улица, не трудно было догадаться, что ей страшно надоѣли всѣ эти нескончаемые сѣды и пересуды на современные темы, и она со скукой и съ завистью всматривалась въ ѣдущихъ на Острова.

Квартира Дроздовскихъ помѣщалась въ первомъ этажѣ, и публика многолюднаго Каменноостровскаго проспекта была видна и вдали, и вблизи, благодаря окнамъ, устроеннымъ на подобіе фонаря.

Графъ Николай Константиновичъ не уступалъ.

Поочередно то аристократъ, то демократъ, то аксаковецъ, то толстовецъ, то Мининъ, то Маратъ, смотря — откуда повѣтъ и куда выгоднѣе применить, онъ на этотъ разъ выступалъ подъ знаменемъ либеральнаго обличителя, потерявшаго вѣру въ людей, безпокойно брюзжалъ и въ перемѣшку то тянулъ по каплямъ ликеръ изъ граненой хрустальной рюмки, то покурявалъ душистую сигару.

— Кто же будетъ отрицать, что государственный организмъ зараженъ чахоткой! — горячился онъ, и его лоснящіяся одутловатыя щеки покрывались красными пятнами, а заостренный носъ и крючковатыя руки казались еще болѣе хищными: — страна пре-

вращается въ Египетъ, край отжившихъ фараоновъ. Но тамъ, по крайней мѣрѣ, ежегодно разливается Нилъ и даетъ землѣ изобиліе урожаявъ, а у насъ всего только — черноземъ, потерявшій всякую производительность. У насъ всегда такъ было, и есть, и будетъ: голодающимъ нуженъ хлѣбъ, а имъ читаютъ съ кафедръ лекціи о томъ, какъ сѣять траву. Вы не повѣрите, земледѣльческое населеніе терпитъ ежегодный дефицитъ въ восемьсотъ милліоновъ рублей! Какъ вамъ это понравится, а? То же и съ войной... Вотъ вы (при этомъ Прозоровскій посмотрѣлъ на Зенку съ явнымъ недоброяжелательствомъ и усмѣхнулся) недовольны отдачей Сахалина... Сносный миръ лучше недѣпой войны съ гадательными надеждами на сомнительные успѣхи въ грядущемъ. Мы устали, — очень устали! У насъ нѣтъ теперь ни честныхъ, ни талантливыхъ руководителей.

— Это модно — нападать на бюрократію... Но чтѣ же вы дѣлали тамъ, въ Портъ-Артурѣ, — на вашемъ золотомъ днѣ?... Какая-то бѣшеная оргія! Просто замѣчательно... Вы, кажется, собирались разстрѣлять Японію пробками отъ шампанскаго, — а мы-то изъ кожи лѣзли, горой за васъ стояли, въ герои васъ производили, — началъ-было Зенко, но Дроздовскій не далъ ему продолжать.

Разговоръ становился на личную почву, а хозяинъ не желалъ никакихъ осложнений.

— Былъ — молодцу не уворъ, — уклончиво отозвался онъ: — всѣ виноваты, — и сейчасъ же примирительно добавилъ, какъ бы спохватившись, и любовно погладилъ пушистые, тщательно приподнятые вверху усы. — Надо сказать правду — нельзя быть спокойнымъ ни за одинъ день. Мы проспали... Я безусловно несогласенъ съ милѣйшимъ Николаемъ Константиновичемъ... Мы заключили довольно-таки плачевный договоръ съ японцами... Хорошаго тутъ мало.

— За-границей давно ожидали мира. Изъ двухъ золъ нужно выбирать меньшее, — скромно заявилъ профессоръ-врачъ, чувствуя, что попалъ между двухъ огней.

— Ну, за-границей рады позорному миру! — пробурчалъ Зенко и закрылъ глаза, словно стараясь освѣжить только-что сказанную фразу воспоминаніями прошедшихъ событій, а черезъ минуту уже сверкалъ зрачками, торжественно останавливая ихъ то на одномъ лицѣ, то на другомъ, особенно на графѣ, и важно цѣдилъ сквозь зубы: — Впрочемъ, я готовъ положить на уста печать молчанья и примириться... Ошибка совершена... Масоны и евреи торжествуютъ... Но надо же намъ всѣмъ, власть иму-

щимъ, поправить эту ошибку! Будемъ, господа, усердно работать! Спокойный, уравновѣшенный трудъ,—трудъ и трудъ!

Графъ Прозоровскій вскипѣлъ. Самоувѣренный тонъ вице-директора взорвалъ его. Онъ усмѣхался; толстыя губы криво раздвинулись, показывая почернѣвшіе клыки.

„Сатиръ!“ — пронеслось въ головѣ Викторіи Викторовны, и она отвернулася, чтобы не засмѣяться.

— „Усердно работать!..“ „поворный миръ!..“ „сповойный, уравновѣшенный трудъ!..“ Хорошо-съ... А рядомъ идетъ другой девизъ: „Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“. Не слыхали-съ развѣ?.. Хе-хе... А масоны тутъ причесть? Да слѣдуетъ же, наконецъ, открыть глаза! Это удивительно, право! Сидѣть, сложа руки, и говорить: „сповойный трудъ“... На Шипевѣ, значить, все спокойно?.. Тутъ, ваше превосходительство, извините, или какое-то роковое недоразумѣніе, или преступное невмѣшательство... Неужели изъ васъ, управителей, никто не понимаетъ, что вотъ уже два-три года—воздухъ, земля, люди,—все дышитъ борьбой! Пролетарій надвигается, какъ лава. Съ самаго „дѣятаго января“, которое не мы создали, портъ-артурцы, а вы, всеяльные ванцелярскіе боги и полубоги,—пролетаріатъ стоитъ въ переднихъ рядахъ... Да-съ... Не по вкусу?—и графъ опять показалъ почернѣвшіе зубы и хитро прищурилъ правый глазъ.

Ему хотѣли возражать, но Прозоровскій возвысилъ голосъ до рѣзкаго фальцета, желая договорить до конца.

Зенко и Дроздовскій многозначительно переглянулись. Заружный насторожился. Галя опустила рѣсницы, и только хозяйка попрежнему была безучастной зрительницей спора.

Графъ продолжалъ:

— У насъ въ Портъ-Артурѣ былъ такъ называемый „подъѣздъ съ угла“—„american house“,—вы понимаете меня?—гдѣ процвѣтала и погибала наша политика... Каемся... бьемъ челомъ... Отъ правды не отказываемся, хоть и глаза колетъ; ну, а ваши-то правительственныя мѣропріятія развѣ получше? Даже „Новое Время“ ихъ не одобряло... даже предводители ворчали... Да куда же мы идемъ, а? Вся русская жизнь разбита по коммиссіямъ, а дѣла не дѣлаемъ. Потуги къ реформамъ создадутъ лишь одно озлобленіе, и я не знаю—что. Бессиліе чиновничьяго либерализма, тѣмъ не менѣе, позвольте-съ вамъ заявить, ярево запечатлѣлось въ сознаніи рабочаго. Повѣрьте, все идетъ къ революціи! Не смѣйтесь! Я серьезно говорю. Подымаются городъ за городомъ, профессія за профессіей, и какъ рѣшительно, систематично! Въсто мира въ Токио—миръ въ Портсмутѣ. Ужъ

что же тамъ толковать! Муденъ и Цусима разбили всё иллюзию. Теперь выступаетъ на сцену крестьянство... Орловская, Курская, Черниговская губернии... Проснитесь, говорю вамъ! Аграрные безпорядки перестали быть тайной. Положимъ, у васъ на казенномъ языкѣ многихъ словъ нѣтъ: голодъ называется недоѣданіемъ, неурожай — недородомъ... Можетъ, и здѣсь вы что-нибудь придумали? Мятажъ?... Неповиновеніе начальству и я не знаю — что?..

Нервное напряженіе достигло послѣднихъ степеней. Зенко пожелтѣлъ отъ гнѣва и завертѣлся на стулѣ.

Дроздовскій сидѣлъ какъ на угольяхъ и въ душѣ проклиналъ часъ, когда затѣялъ этотъ обѣдъ.

Профессоръ дѣлалъ видъ, что заинтересованъ цѣбтами.

Галя застыла съ провратной блѣдностью, и ея словно вылѣпленное изъ воска лицо походило на лицъ скитской подвижницы.

Графъ былъ красенъ, какъ ракъ. Отвисшія мокрыя губы ходили ходуномъ отъ волненья.

Когда зажгли электрическую лампу, хозяйка испугалась при видѣ этихъ разноцвѣтныхъ лицъ и рѣшительно поднялась.

— Полно вамъ, спорщики!.. Поглядите лучше, какое итальянское небо... Ей-Богу, съ вашей „политивой“ становится не въ моготу. Я, по крайней мѣрѣ, отказываюсь слушать васъ, если вы намѣрены еще спорить. Пойдемъ, Галя, въ гостиную... У тебя утомленный видъ... Посидимъ у огня. У насъ все по дачному... Только что, вѣдь, изъ Гунгербурга, — у мужа окончился отпускъ, — не успѣли устроиться. Мебель въ чехлахъ.. Картины завѣшаны... Стука! Негдѣ приткнуться. Я думала, кромѣ тебя и папы, никого не будетъ, а мужъ обрадовался и наприглашалъ гостей, по обыменовію, не предупредивъ... Отчего ты такая худенькая, какъ птичка? Ну, рассказывай свои планы, Галочка!.. На курсы?.. Это рѣшено? Папа недоволенъ?

Онѣ шли, обнявшись.

Върнѣе — Дроздовская обнимала Галя.

Нѣсколько искреннихъ, сердечныхъ словъ, и ледъ растаялъ. Галя довѣрчиво смотрѣла на тетку и засвѣтилась улыбкой.

II.

Сѣли у открытаго огня. Не зажигали электричества. Плыли теплыя, задумчивыя, зыбкія сумерки.

Совсѣмъ не чувствовалось ни прохлады, ни сырости, словно начиналось лѣто, а не оканчивалось.

Улица жила, не хотѣла отдыха послѣ дневныхъ работъ, волновалась, шумѣла, не боялась ночи, но безпозойно ожидала чего-то, согрѣвалась какимъ-то внутреннимъ огнемъ, незримо охватывала людей своимъ дыханьемъ и таяла ихъ куда-то за собой...

Ѣхали, мчались, шли, перебѣгали на противоположную сторону; иные еле волочили ноги, иные стояли какъ бы въ нерѣшимости на распутьи дорогъ, не зная, въ какую сторону повернуть.

Мягкій шумъ колесъ, голоса, чей-то смѣхъ, лай собаки, кашель, разбивающій чью-то надорванную грудь, рѣзкое пыхтѣнье и сирена автомобиля, велосипедный рожокъ, отдаленныя рулады садоваго оркестра, монотонныя вѣчные звонки, молодость и старость, веселье и грусть, и отчаянье, и дикая злоба, безуміе, все это скрѣплялось съ жизнью улицы, загадочно переплеталось между собою въ одну общую картину, въ одну цѣльную гамму звуковъ и тѣней.

Викторія Викторовна приглядывалась въ Галѣ, Галя — къ теткѣ.

Онѣ только сегодня познакомились, и бесѣда не сразу завязалась. Набрасывался легкій контуръ, — осторожный, но съ ясными, опредѣленными очертаніями.

Галя поѣхала съ отцомъ изъ провинціи въ Швейцарію; профессоръ возвращался обратно домой черезъ Петербургъ, гдѣ его дочь намѣревалась остаться для поступленія на высшіе женскіе курсы.

Съ перваго взгляда на племянницу, Дроздовской почувалось, что за Галей неотступно идетъ какая-то тайна, и теперь это впечатлѣніе еще ярче выступало въ головѣ, и она не могла отрѣшиться отъ навязчивой, неизвѣстно откуда налетѣвшей мысли.

Сначала не хотѣлось говорить, — воздухъ, что-ли, опьянялъ, или улица отвлекала отъ бесѣды, настраивала на молчаливую мечтательность, или, можетъ быть, послѣдній случайно выпавшій лѣтній вечеръ ревниво приковывалъ къ себѣ и невольно заставлялъ забытья...

Постомъ слово за слово, — и онѣ разговорились.

Въ скромной, безмолвной за обѣденнымъ столомъ, явно застѣнчивой дѣвушкѣ таилось гораздо больше силъ и вѣры въ себя, чѣмъ думалось.

— Нужно *умѣть* любить, *умѣть* ненавидѣть! — мимоходомъ проронила она, и не было сомнѣній, что въ Галиной душѣ отчетливо сложилось и окрѣпло понятіе о томъ и другомъ.

У нея была цѣль, въ которой она неудержимо стремилась, была рѣшимость дерзновенія.

— Итакъ, безповоротно въ курсистки?—какъ бы не довѣряя, вторично спросила Викторія Викторовна послѣ долгой паузы.

Галя забѣло повела плечомъ и усмѣхнулась.

— Я не мѣняю намѣреній... Безповоротно, тетя. По историко-филологическому факультету. Нужно много учиться, а то, что мнѣ дала гимназія — одни верхи и... разочарованія. Какъ вспомню, что окончила съ золотой медалью,—смѣшно становится и совѣстно. Буду здѣсь и музыкой заниматься, къ профессору ходить. Усовершенствуюсь. Не люблю ничего на половину.

— Ну, а потомъ?—продолжался дружескій допросъ.

— Поступлю учительницей или свою отерю школу. До этого еще такъ далеко, столько воды утечетъ... Конечно, не въ модный пансіонъ учительницей, не въ институтъ,—поспѣшила поправиться Галя, точно боясь, что ея слова будутъ иначе истолкованы: — народной учительницей, чтобы разгонять мракъ, суевѣріе, косность. Вы смѣтаете, тетя?

Дроздовская ласково похлопала ее по плечу.

— Забыла уговоръ? А то и я перейду на „вы“. Нѣтъ, милая, я не смѣюсь, а удивляюсь твоему характеру, твоей выдержкѣ... Твой отецъ—богачъ. Тебя это не удерживаетъ дома. Ты идешь на жертвы, въ невѣдомую даль. Ты забываешь удобства, удовольствія... Вотъ ты какая смѣлая!.. Я слабѣе тебя, куда слабѣе!.. Мнѣ и то подавай, и другое... Нѣтъ умѣнья отказывать себѣ въ пошлыхъ радостяхъ. Не всѣ могутъ такъ прямо взять и отшатнуться отъ прошлаго... Не всѣ... Не суди по наружности. Я тоже многого искала,—и сестрой милосердія была, и на сценѣ играла, какъ челнъ перебрасывалась и вотъ предпочла засѣсть у пристани... Надолго ли?

Въ слегка глухомъ, гортанномъ голосѣ прорывалась, помимо ея воли, затаенная чувственность, которая не уступала никакимъ доводамъ и настроеніямъ, бурлила и угрожала каждую минуту—смыть и отбросить такъ старательно насѣвшую накипь житейской мудрости и разсудительности.

Викторія Викторовна поднялась со стула,—высокая, стройная, полная стихійныхъ порывовъ, точно готовая всякій мигъ отдаться набѣжавшей волнѣ, не смущаясь вопросомъ, дурно это или хорошо, и Галя казалась такой маленькой около нея, такой щедродушной, безпомощной. Она чуть слышно отвѣчала ей, не сознавая, должно быть, что тихое слово окрыляло ее, возвышало, и что

статная красавица-тетва меркла передъ ней, теряла великолѣпіе, сливалась съ сѣрой мглой вечернихъ сумерокъ.

— Ты клеветашь на себя, тетя. Пользоваться жизнью, когда всѣ наши удобства повоятся на жалкомъ существованіи, прямо нечеловѣческому, многихъ миллионовъ другихъ людей, почему-то поставленныхъ гораздо ниже насъ, — стыдно, поворно, недопустимо.

Что-то вдругъ подступило, подкатилось къ ея горлу, задрожало... Но Галя овладѣла собой.

— Надо посвятить себя защитѣ обездоленныхъ, забытыхъ, темныхъ... Мы живемъ въ интересное время. Одно рабочее движеніе можетъ какъ захватить!.. — окончила она уже совсѣмъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ. Въ столовой послышался рѣзкій стукъ отодвигающихся стульевъ.

— Уходить, вѣроятно. Слава Богу! Надоѣли. Не терплю ни Зенка, ни графа. Какъ они на твой взглядъ?

— Зенко — это какой? Тотъ, что топорщится? Чижикъ-пыжикъ?—и Галя вдругъ засмѣялась, увлекая и Дроздовскую:— Ну, это—запоздалый типъ, хотя и распространенный, вредный, а тотъ, говорунъ, — безобидный, повидимому... Ему и море по колено. Впрочемъ на словахъ, а на дѣлѣ — не ручаюсь. Когда онъ ораторствовалъ, мнѣ приходила на умъ Щедринская фраза: „Страшно, когда человѣкъ говоритъ и не знаетъ, зачѣмъ онъ говоритъ, что говорить и кончить ли когда-нибудь“.

— Мѣтко и зло. У тебя острый язычокъ. Людей видишь насквозь.

Бесѣда тетки и племянницы была прервана появленіемъ хозяйна и прощавшихся гостей.

— Что вы въ такой непроницаемости? — сказалъ хозяинъ, Борисъ Вячеславовичъ, и щелкнулъ выключателемъ: — ждете наитія?

— Наитія, — наитія!.. Намъ-то его и недостаетъ! — съ пафосомъ вскричалъ Зенко и вышелъ, какъ всегда, важной походкой, съ поднятой головой на короткой толстой шеѣ.

О немъ говорили въ департаментѣ:

„Ходить Спѣсь, надуваучись,
Съ боку на-бокъ переваливаясь.
Ростомъ-то Спѣсь—аршинъ съ четвертью“...

Графъ замедлилъ шаги.

— Не только наитія, — ему многого недостаетъ, — проронилъ онъ въ полголоса. — До пріятнаго свиданія. Радъ буду, если мои пророчества выйдутъ пустымъ звукомъ. Ахъ, да! — неожиданно

вспомнилъ Прозоровскій и остановился на порогѣ: — вы доказывали, что трудно создать новое дѣло, что теперь все новое смѣшается со старымъ и затеряется... Это не такъ... Я нашелъ! Нужно заняться изданіемъ общепользнаго хозяйственнаго органа. Эта вакансія въ прессѣ еще не замѣщена... Жаль, денегъ нѣтъ. Не хотите ли на половинныхъ расходахъ, а? Но мы когда-нибудь вернемся къ сегодняшней темѣ. Спокойной ночи! — и, сдѣлавъ рукой прощальный жестъ, скрылся за дверью.

— Сколько нагромодили словъ, а никто не рѣшаетъ самаго существеннаго: какъ сдвинуть съ мѣста застоявшійся корабль? Что ни говорите, а наше теперешнее положеніе — на мертвомъ якорѣ, — качаемся, да и только. Якорь ерѣпко засѣлъ, заржавѣлъ, вросъ въ тину, въ илъ, — сказалъ Дроздовскій.

— Слѣдуетъ, дядя, цѣпи перерубить, — внезапно откликнулась Галя на его рѣчь.

— Она у меня рѣшительная, не задумается.

Профессоръ считалъ долгомъ какъ бы оправдать ее и смѣрилъ дочь быстрымъ укорованнымъ взоромъ и отвернулся.

Дроздовскій помолчалъ.

— Средство рѣшительное, — только и нашелся онъ сказать, потомъ обратился къ профессору, двоюродному брату: — Завтра уѣзжаешь? Погостилъ бы...

Въ просьбѣ сквозило больше равнодушіе, чѣмъ гостепріимство.

— Спасибо, другъ. Никакъ невозможно: лекціи скоро начнутся въ университетѣ... а больные? Кромѣ частной практики, у меня, вѣдь, на шеѣ — реальное училище. Состою казеннымъ врачомъ... Имѣю эту неприятность.

По лицу Гали скользнула странная улыбка.

— Ты говоришь: „на шеѣ“, точно ты изъ милости лечишь своихъ „реалистовъ“ или по принужденію.

„Казенное“ врачеваніе было для нея камнемъ претенвенія. Галя не понимала, какъ могъ отецъ, получая хорошій окладъ за консультаціи, смотрѣть свысока на „даровыхъ пациентовъ“, какъ онъ обыкновенно называлъ учителей и воспитанниковъ реальнаго училища.

Яковъ Ильичъ Заружный пропустилъ замѣчаніе дочери мимо ушей, словно не слышалъ его, даже не поморщился.

Галя опять сдѣлалась блѣдной и скучной. Мышцы лица стали безжизненными, вялыми, взглядъ потускнѣлъ.

Викторія Викторовна не спускала съ нея глазъ и думала: „Положительно, эта дѣвушка — золото. Честная, прямая натура. Пригрѣть бы ее... Захачнетъ она въ Петербургъ“.

III.

Событія росли.

Что-то надвигалось. Въ расщелину тучи будто проскользнули лучи и—пугливо зашевелились, попрятались черныя тѣни земли; скрылись лучи и— снова выползли тѣни...

Викторія Викторовна одна:

На столѣ плачетъ самоваръ, — плачетъ и поетъ скучную пѣсню, однообразную, утомительную, но близкую сердцу по воспоминаніямъ.

Къ этой пѣснѣ, бывало, прислушивалась она и въ юности, и теперь то же поетъ самоваръ, жалуется на что-то, скорбитъ... Все глуше и глуше, все медленнѣй мелодія... Вотъ почти затихаетъ, едва-едва звучитъ, какъ послѣдній слабый напѣвъ у дѣтской колыбели.

Самого Дроздовскаго нѣтъ дома, — уѣхалъ на засѣданіе.

Электричество не горитъ, по случаю объявленной „всеобщей забастовки“.

По улицамъ разъѣзжаютъ патрули. Дождитъ.

Каменноостровскій точно вымеръ, — ни коноѣ, ни экипажей. Жуткая тишина.

Викторіи Викторовнѣ не по себѣ. Она посадила рядомъ за столъ Федю, — семилѣтняго мальчугана, сына кухарки, и онъ рисуетъ цвѣтными карандашами, — его обычное занятіе передъ отходомъ ко сну.

Федя — барынинъ любимецъ.

Въ его открытомъ, свѣтломъ лицѣ съ темнокариими глазами — отпечатокъ нѣжности и благородства, а тѣло — хрупкое, слабое, съ плохо развитыми мышцами, съ тонкими востями.

Едина судьба — далеко не изъ счастливыхъ.

Его мать, Тереза, еще восемь лѣтъ назадъ — свѣжая, здоровая дѣвушка, служившая бонной въ богатомъ полу-аристократическомъ домѣ, столонулась тамъ съ пріѣхавшимъ въ гости художникомъ-любителемъ.

Исторія извѣстная: романъ по трафарету для героя, и молчаливая, глухая драма — для героини. Въ заключеніе, забытая, брошенная, больная, съ сыномъ на рукахъ, съ ненавистью въ сердцѣ, — съ ненавистью по отношенію ко всѣмъ сытымъ, сластолюбивымъ барамъ, которые не признаютъ ничего, кромѣ минутнаго обладанья ради собственной утѣхи, а затѣмъ — прочь съ

дороги, на новую жатву, безъ слѣдовъ укора, съ нѣмой совѣстью... Пришлось не жить, а прозывать, изъ боннѣ поступить въ горничныя, а сына—отдать въ деревню къ чухонкѣ на „выкормъ“.

Старуха брала по шести рублей въ мѣсяцъ и, вмѣсто молока, давала соску изъ картофеля или хлѣба, смоченныхъ водою, очевидно, понемногу приготовляя воспитанника къ переходу въ „ангелы“.

Къ счастью, Тереза во-время спохватилась, съѣздила въ деревню, увидѣла полуживой скелетъ ребенка и привезла его обратно въ городъ, помѣстивъ въ знакомомъ семействѣ у сапожника.

Относительно лучшая обстановка спасла Фёдю отъ смерти, но уходъ не былъ такимъ, чтобы сдѣлать его здоровымъ.

У мальчика сохранились невеселыя воспоминанья изъ этого періода скитаній.

— Меня били дяденька за то, что у меня животикъ большой... Значить, много ѣмъ... И Петьку били. Петька жилъ, какъ я, у дяденьки Прохора и тетеньки Дуни. Мы ходили въ буки играть къ домовладѣльниной дочкѣ. Вотъ онъ разъ укралъ у нея сломанный кулинь комодъ и тряпки для куколъ въ него пряталъ, а домовладѣльница дочка была жадина и абеда... Ну, и попало жъ Петькѣ! Отняли комодъ; выпороли и меня съ нимъ за-одно, что не донесъ... А еще била меня тетенька Дуня за то, что не сморкался по-ихнему. Мама для меня платки купила, а тетенька не давала, жалѣла... Дяденька съ тетенькой не пили, не пили, а какъ запьютъ—потасовка во всѣхъ углахъ... И меня, и Петьку за водкой посылали въ казенку.

Съ годъ назадъ поступила Тереза къ Дроздовскимъ.

Викторія Викторовна, увидѣвъ мальчика, когда его привела къ матери тетка Дуня, сразу оставила его въ домѣ, приодѣла и занялась его воспитаньемъ.

Не имѣя собственныхъ дѣтей, она инстинктивно перенесла на Фёдю часть той широкой любви, которая жила въ ней и такъ страстно искала выхода.

Мальчикъ поправился, развивался, все о чемъ-то думалъ, фантазировалъ. Не могли только никакъ заглушить въ немъ неудержимаго влеченья къ улицѣ... Вырвется изъ комнатъ и пропадаетъ по часамъ, пьянѣетъ на воздухѣ, а возвращается съ запасомъ наблюденій и рисуетъ изъ головы безконечныя сцены, оставшіяся въ памяти.

Невѣдомый отецъ-художникъ не далъ сыну имени, но природа была добре — наградила его искрой отцовскаго дарованія

и почему знать, не въ большей ли мѣрѣ... Природа невольчо отмстила отцу за отвергнутаго наслѣдника.

— Это что у тебя? — спрашиваетъ Викторія Викторовна, наклонясь къ тетради, надъ которой сидитъ Федя у заглушаго самовара.

— Голодныхъ ведетъ городской. Отчего, барыня, голодныхъ всегда сажаютъ въ участки?..—и, не дожидая отвѣта, Федя перебѣгаетъ сейчасъ же къ другому предмету:—Завтра встану рано и приду въ гостиную поглядѣть, какъ подъ лилей въ горшкѣ сидитъ мальчикъ-съ-пальчикъ и ѣсть медъ, который ему приноситъ пчелка. Я въ сказкѣ это слыхалъ... Барыня! Вы говорили, что въ волосахъ электричество бываетъ. Почему его теперь для освѣщенья не берутъ? Со свѣчками—темно.

Лихорадочный рѣзкій звонокъ прерываетъ Федины рассказы.

— Иди, голубчикъ, спать... уже поздно,—торопитъ его Дроздовская, и съ волненіемъ прислушивается.

Унылая, темная улица, какъ шпионъ, заглядывающая въ окна домовъ, сдѣлала ее подозрительной, лишила прежняго благодушнаго спокойствія.

Пока мальчикъ собираетъ карандаши, тетрадь, резинку и прочіе атрибуты своего „живописанья“, въ столовую влетаетъ Галя,—возбужденная, раскрасившаяся, необычная.

IV.

Лицо ея похорошѣло отъ нервнаго подъема.

Волосы, торчавшіе въ свободномъ безпорядкѣ отъ вѣтра и навойливаго мелкаго дождя, не портили ея,—наоборотъ, придавали нѣжнымъ чертамъ смѣлую готовность порываній.

— Галя! Вотъ сюрпризъ!.. Милая дѣвочка пропадала гдѣ-то и вдругъ вынырнула изъ уличнаго мрака... Откуда Богъ принесъ? — встрѣтила ее Викторія Викторовна радостнымъ восклицаніемъ и поцѣловала: — Какъ отъ тебя свѣжестью пахнетъ... молодостью и энергіей... А я скучаю... Рассказывай! Чаю хочешь?..

Въ Галиномъ отвѣтѣ замѣчалась безпокойная поспѣшность, точно слова тормазили мысль, желавшую вылиться сразу, въ одну минуту, въ полусловѣ.

— Ахъ, всего не переговоришь! Меня захватилъ будто шеваль какой-то и закрутилъ,—закрутилъ, поднялъ и понесъ... Я какъ пьяная.

— Я боялась за тебя, и мужъ, Бора, боялся. То и дѣло говорить объ арестахъ.

— Не стѣить, тета... да ничего ужаснаго и не произошло. Мы дѣйствительно давно не видались. И какъ это все стремительно случилось! А смерть московскаго ректора, Трубецкаго!.. Ты не была на выносъ? Ничего ты, тета, не видишь и не знаешь! Нельзя быть таковой равнодушной въ современной русской жизни! Обидно просто! Для освобождающейся Россіи эта смерть—незамѣнимая утрата. Онъ не отступалъ передъ препятствіями, и борьба сломила его. Перенесеніе тѣла на вокзалъ носило совсѣмъ характеръ гражданскихъ похоронъ... Всѣ пѣли и я пѣла: „Вы жертвою пали“... Это захватываетъ...

Говорила Галя и пила чай торопливыми, частыми глотками, словно спѣшила куда.

— Потомъ, знаешь, пошли эти митинги за митингами. Ты ни на одномъ не была? Однако, непростительно! Такъ нельзя! Я вездѣ послѣваю... Учебныя заведенія охотно открыли свои двери, и толпа хлынула. Прямо паломничество... Кто угодно: гимназисты, ремесленники, дворники, кухарки, студенты, главное, конечно—рабочіе. О мирныхъ курсовыхъ занятіяхъ теперь не можетъ быть и рѣчи. Вотъ не такъ давно была любопытная сходка украинцевъ, какъ разъ въ день смерти Трубецкаго... Рѣшили требовать автономіи. Народъ разобщенъ съ роднымъ языкомъ, гибнетъ въ невѣжествѣ... Холеные бунты, избіеніе интеллигенціи, еврейскіе погромы,—это все результатъ безграмотности малорусскаго простолюдина. Необходимо сражаться съ этимъ зломъ, не покладая рукъ.

Въ чуткой Галиной душѣ мозаично улаживались въ непрерывный рядъ однѣ картины за другими, и каждая изъ нихъ дышала скорбною элегіей.

Перешли въ гостиную, гдѣ слабо горѣла маленькая версиновая лампа подъ голубымъ абажуромъ, бросая нѣжные отсвѣты на роуль и низкую мебель.

Дроздовская недурно импровизировала, безъ особенной техники, но съ чувствомъ.

Чтобы доставить удовольствіе племянницѣ или невольно, подъ вліяніемъ разговоръ и событій, она подъ сурдинку заиграла „Марсельезу“.

Галя стояла у окна, слушала и глядѣла на пустынную, мертвую улицу, прижимаясь разгоряченнымъ лбомъ къ холодному стеклу.

Въ полутемной комнатѣ этотъ сдавленный, еле слышимый на-

пѣвъ бурной пѣсни, не разъ мощно, захватывавшей миллионы людей, подъ звуки которой на просторѣ шли старики и молодые, — неотразимо волновала ее, пронизывала до глубины сердца, проникала въ мозгъ, наполняла все ея податливое существо.

Сдержанная, тихая игра придавала воинственнымъ аккордамъ особенный скрытый драматизмъ.

Викторія Викторовна умоляла, но все еще сидѣла на табуретѣ, и вотъ въ напряженной тишинѣ до нея донеслись подавленные, судорожныя всхлипыванья.

Она вскочила и бросилась къ Галѣ.

— Что съ тобой, моя дѣвочка? Отчего ты плачешь? У тебя горе какое-нибудь? Обидѣли тебя? Можетъ, полюбила кого-нибудь? Не скрывай...

Едва она успокоила Галю, но такъ и не удалось ей добиться откровеннаго отвѣта.

— Нервы расходились... Нѣтъ, я не влюблена, — о, нѣтъ! — даже какъ будто возмущилась Галя. — Право же, тетя, мнѣ очень хорошо. Ты такъ славно играла. Въ душѣ, не знаю — почему, вдругъ точно поднялись боязливыя тѣни... Стало жалко бѣдную родину... Мировую скорбью заразилась.

Онѣ еще долго ходили взадъ и впередъ по мягкому ковру и мирно бесѣдовали. Викторія Викторовна убѣдила племянницу остаться переночевать: на улицахъ такъ безжизненно и непривѣтливо...

Около двѣнадцати часовъ вернулся Дроздовскій.

Онѣ имѣлъ беззаботный видъ. Отъ него пахло виномъ и табачнымъ дымомъ. Весело поздоровался съ женой и съ Галей, пытался шутить, но неудачно.

— А, революционерка, наконецъ, объявилась!.. Чудесно!.. Смотри ты у меня, егоса, не напроказь! Впрочемъ, что ужъ тамъ толковать! Я тоже, вѣдь, попалъ въ забастовщики. Не вѣришь? Мировые судьи не отстаютъ отъ васъ. Сегодня, большинствомъ болѣе, чѣмъ пятидесяти голосовъ противъ двухъ, мы постановили требовать амнистїи, разныхъ тамъ свободъ etc., etc. Ловко?.. Не ожидала? Каково!

— И ты, дядя, былъ въ числѣ двухъ? — серьезно проговорила Галя, недовольная игривымъ тономъ Бориса Вячеславовича. Тотъ даже рассердился.

— Разумѣется, нѣтъ! Сочинила что!.. Я всегда стою въ передовыхъ рядахъ, считаюсь либераломъ — и не напрасно: вся моя дѣятельность направлена къ раскрѣпощенію умовъ, связанныхъ предрасудками. Думаешь, — какъ курсистка, — что лучше тебя ни-

кого уже и не найдешь? Самоуничиіе!.. Ну, на первый разъ, такъ и быть, прощаю... помиримся...

„Такіе либералы часто бываютъ дома деспотами“, — внезапно подумали объ одномъ и томъ же и тетка, и племянница и, переглянувшись, чутьемъ поняли это и усмѣхнулись.

Судья закурилъ папиросу, уютно усѣлся, ловко пуская дымныя кольца и поджавъ подъ себя правую ногу, и молчалъ.

— А все-таки скучно безъ газетъ, безъ электричества, безъ правосудія, безъ желѣзныхъ дорогъ, безъ магазиновъ, безъ цивилизаци, — съ горечью вырвалось у него, и, прислонивъ голову къ спинкѣ дивана, онъ уставился глазами въ потолокъ со свѣтящимся кружкомъ отъ лампы, словно искалъ въ немъ разгадки сомнѣннымъ: — Скорѣй бы это все кончилось! — раздраженно прибавилъ онъ послѣ новаго перерыва; но такъ какъ опять никто не подавалъ желаемой реплики, Борисъ Вячеславовичъ вскочилъ съ дивана и, недовольно подергивая усы, сказалъ уже сердитымъ, сухимъ, какъ будто обиженнымъ голосомъ: — Забастовка — обоюдоострое орудіе. Поиграли и — довольно. Ты не ходила ли съ другими и съ работъ не снимала ли разныхъ приказчиковъ, вѣчныхъ кондукторовъ и такъ далѣе? Мы, судьи, сами забастовали... Это совсѣмъ иное... а по принужденію — бр!.. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы моя племянница... — началъ онъ и заппулся.

— Снимала, — совершенно просто подтвердила Галя и, видимо, собиравшаяся разсердиться на его выговоръ, но дядя уже вновь принялъ беззаботно-шутливый видъ и посмѣивался, какъ обыкновенно смѣются люди, довольные жизнью, собственнымъ остроуміемъ, вѣснлымъ обѣдомъ или ужиномъ, которые иногда не прочь въ часы досуга и покетничать свободомысліемъ въ предѣлахъ, однако, строго опредѣленной грани.

Выдержавъ легкую паузу, она продолжала, но сдержанно, даже какъ будто немного наставительно:

— Забастовка — героическое средство, когда нѣтъ выхода, когда подступили къ обрыву... Панъ или пропалъ! Разумѣется, она вноситъ ущербъ въ жизнь государства. Молчаливое согласіе массъ на жертвы — залогъ успѣха; измѣна какой-нибудь единицы — и забастовка подрѣзана... Надо выдержать, чтобы жертвы не были напрасными. Засверкай сейчасъ электричество въ этой вотъ гостиной, и мое сердце обольется кровью... — закончила она прерывающимся, чуть внятнмъ голосомъ и провела рукой по лицу, словно отрывая вѣриво насѣвшую невидимую паутину.

— Умная у меня племянница, — говоритъ какъ по писанному... Я ничуть не противъ освободительнаго движенія. Ты,

пожалуйста, не причисляй меня къ отсталымъ, но во всякомъ предметѣ есть дурная и хорошая сторона. Не такъ ли?

„Оправдывается“, — промелькнула пугливая мысль въ головѣ Викторіи Викторовны. Она чуждалась увлеченій политикой, не занималась исканіями новой правды, но теперь какъ-то вдругъ почувствовала, при разговорѣ мужа съ племянницей, внутреннюю отчужденность отъ Бориса Вячеславовича, и онъ показался ей такимъ мелкимъ, влюбленнымъ въ себя, неискреннимъ. Его пушистые усы почему-то раздражали ее, были ей противны, и въ этотъ мигъ, короткий, но яркій, она могла поклясться всѣмъ самымъ священнымъ для себя, что не любить его... и не любила, должно быть.

— Докажи свою неотсталость, — вырвалось у нея слабымъ протестомъ: — устрой, наприимѣръ, Терезу по-человѣчески, — опредѣли извѣстное число рабочихъ часовъ и часовъ отдыха, предоставь ей хоть половину воскреснаго дня для личныхъ дѣлъ... Нельзя же работать, какъ волъ!.. Быть прислугой не значить — поступить въ крѣпостную зависимость...

Она не договорила. Сверкнувшіе зубы Дроздовскаго во-очію показали ей, какъ онъ относится къ этому вопросу.

— Да и мы работаемъ, и мы — рабы! Я тоже работаю, какъ волъ... Ты этого не считаешь? Одна камера можетъ свѣсти съ ума, — а съѣздъ, а распорядительныя засѣданья, а домашнія занятія!.. Если мы не правы въ отношеніи Терезы, пускай уходитъ на всѣ четыре стороны... Или, приноравливаясь къ духу времени, предложи ей сначала забастовать и подать петицію, разумѣется, неоплаченную гербовымъ сборомъ, въ стачечный комитетъ. Нынче у насъ есть новое всемогущее начальство, — перешелъ онъ на шутливый ладъ, но въ голосѣ дрожала явная досада, которую приходилось сдерживать.

Въ голубомъ сумракѣ трудно было замѣтить, какъ на лбу у него налились кровью жилы и между бровей легла суровая складка. Но губы, попрежнему, улыбались напряженно, неискренно.

Гая вскинула на него глазами, большими, испуганными, медленно поднялась, приблизилась къ тетѣ и, наклонясь къ ней, прошептала:

— Я, кажется, уйду домой, тетя... Знаешь, въ каждомъ сердцѣ, даже въ самомъ ничтожномъ, живутъ подчасъ дорогіе призраки. Ихъ надо беречь, защищать отъ грубаго прикосновения, лелѣять... Это — нашъ храмъ. Ты сама понимаешь, что я теперь чувствую... Дядя...

Она не договорила, не могла.

— Пойдемъ со мной въ спальню. Не нужно быть такой впечатлительной... Къ чему?.. Дядя вовсе не злой. Слова — не больше. Пустяки! — старалась ее успокоить Викторія Викторовна и какъ бы обълить мужа, и онъ молча ушли изъ гостиной.

Дроздовскій насмѣшливо посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и покачалъ головой, потомъ посвисталъ и махнулъ рукой. Слышно было, какъ стукнули двери спальни.

„Заперлись... Туда и дорога! Какъ прѣехала эта передовая дѣвица, — домъ пошелъ вверхъ дномъ... Жену подмѣнила... Не та! Прислугу испортила... Даже Федька началъ философствовать... Чортъ возьми!.. Несносно...“

Онъ сдѣлалъ нѣсколько гимнастическихъ поворотовъ тѣла, по привычкѣ спортсмена, какъ бы стараясь стряхнуть съ себя всѣ неприятныя заботы, и сосредоточенно, съ нахмуренными бровями погрузился въ размышленіе.

V.

Въ 1905 году каждый октябрьскій день ярко выдѣлялся на сѣромъ фонѣ осеннихъ тумановъ, имѣлъ особый рѣзкій обликъ, бодрствовалъ, какъ воинъ на сторожевомъ посту, ожидающій неприятеля, и невольно предчувствовалось, что эпической многолѣтней борьбѣ русскихъ народностей съ закрѣпощеніемъ близится желанный конецъ...

Спящій богатырь зашевелился... Искра его самосознанія загоралась болѣе жаркимъ огнемъ; отъ этой искры уже занималось зарево.

Въ пятницу, 14 октября, т.-е. какъ-разъ наканунѣ того вечера, когда Галя пришла къ Дроздовскимъ, въ физической аудиторіи Технологическаго института, въ которомъ происходили многолюдные митинги, состоялось второе засѣданіе совѣта рабочихъ депутатовъ, возникшаго днемъ раньше съ цѣлью объединенія всѣхъ стоявшихъ подъ крыломъ забастовки. Пролетаріи соединялись.

Такимъ образомъ явился облеченный довѣріемъ двухсотъ-тысячнаго рабочаго класса выборный органъ со своей пятидесятидневной исторіей борьбы за власть. И этотъ-то по преимуществу петербургскій рабочій парламентъ съ собственнымъ „совѣтскимъ“ министерствомъ — исполнительнымъ комитетомъ, подерживавшійся учащеюся молодежью, пока старыя законы без-

дѣйствовали, а новые не были созданы,—руководилъ статичной ствхией, шлифовалъ политическую мысль, идущую съ низовъ, осуществлялъ свободу печати, въ дни забастовки издавалъ летучія „извѣстія“, захватывалъ въ сильныя руки почту, телеграфъ, желѣзныя дороги, организовывалъ уличные патрули, вооружался, устраивалъ митинги, приходилъ на помощь къ безработнымъ товарищамъ и въ то же время не отказывалъ въ общественной поддержкѣ населенію въ случаяхъ, когда правительство поневолѣ оказывалось безсильнымъ ему помочь... Прежнія понятія словно перевернулись. Движеніе было вынесено на улицу изъ глухихъ подваловъ, изъ чердаковъ, изъ аудиторій.

Свѣтлое, молодое, яркое—или дѣйствовало, шло навстрѣчу къ свободѣ, или прислушивалось, присматривалось, разбиралось въ событіяхъ; отжившее, темное и жадное—упорно отворачивалось, шипѣло, посылало желчныя проклятія всему, что стояло на его пути.

Власть, установленная старымъ порядкомъ, однако, не признавала себя побѣжденной, до поры точно потеряла самообладанье, открытаго боя не объявляла, „иду на васъ“ не говорила, а выжидала, хмурилась и, наконецъ, пошла на уступки, отступая шагъ за шагомъ, не сдавая, однако, главной позиціи.

— Наша взяла... За нами побѣда! Манифестъ подписанъ,—радостно-взволнованнымъ голосомъ сообщалъ 17 октября редакторъ прогрессивной газеты одному изъ своихъ главныхъ сотрудниковъ, когда удалось соединиться по телефону, что было довольно-таки трудно.

— Да?.. Такъ ли?—отвѣчалъ скептический возгласъ фельетониста:—митинговая полоса оборвалась... высшія учебныя заведенія осаждены войсками... городъ похожъ на слепецъ... нагайки даютъ себя чувствовать... И вы говорите...

Редакторъ снисходительно усмѣхнулся, и его ироническій смѣшокъ передался по телефонной цѣпи.

— Вы черезчуръ нетерпѣливы, Помпей Ивановичъ... Не попало ли вамъ? Будьте осторожны до завтра, но...

Телефонъ внезапно разъединили, и бесѣда прекратилась. Къ ночи неосвѣщенныя улицы уже кипѣли и волновались. Слухи о манифестѣ разлетѣлись изъ конца въ конецъ.

Городъ все еще оставался погруженнымъ въ зловѣщую тьму, и только Невскій прорѣзывалъ ослѣпительные лучи адмиралтейскаго прожектора.

Въ полночь открылось засѣданіе бюро всѣхъ союзовъ... Готовились къ важнымъ перемѣнамъ.

VI.

Вторникъ, 18 октября, былъ совершенно исключительнымъ днемъ, хотя зародился онъ, какъ и другіе дни, будто въ привычномъ для Петербурга мертвомъ равнодушіи.

Прохожіе, словно остывшіе за ночь, собирались по одиночкѣ и группами въ нѣсколько человекъ, читали манифестъ, развѣшенный по угламъ улицъ, и осторожно расходились въ стороны, какъ чужіе.

Или напряженіе вспыхнувшихъ желаній было слишкомъ велико и не находило исхода, прячась въ глубинѣ ихъ сердецъ, или сомнѣнье, давно свившее тамъ гнѣздо, подтачивало въ корняхъ всякую вѣру, и минутный порывъ восторга замиралъ, не успѣвъ вырваться на просторъ...

Зенко, какъ всегда, аккуратно, къ 12-ти часамъ, пріѣхалъ въ департаментъ и засѣлъ въ своемъ служебномъ кабинетѣ за кипой поданныхъ ему къ подписи бумагъ. Но къ нимъ онъ не привсаялся.

Передъ вице-директоромъ лежалъ историческій № 222 „Правительственнаго Вѣстника“, наскоро и плохо отпечатанный на одномъ полулистѣ, съ конституціоннымъ манифестомъ и всеподданнѣйшимъ докладомъ статсъ-секретаря, графа Витте, заключающимъ въ себѣ руководящія начала „относительно направленія, по которому должно слѣдовать правительству, въ связи съ соображеніями о современномъ состояніи Россіи“.

Такъ какъ долго не раздавалось обычнаго звонка къ бурьеру, секретарь Сухихъ приблизился къ двери и, наклонившись всѣмъ корпусомъ, заглянулъ въ замочную скважину.

Сухихъ любилъ франтить, ежедневно мѣнялъ галстуки и съ каждымъ изъ нихъ любилъ связывать какія-нибудь воспоминанія.

— Этотъ вотъ изъ Санъ-Франциско (свѣтло-сѣрый фонъ съ маленькими квадратиками), привезенный дядей-морякомъ; вчерашній, если не забыли (съ фантастическими узорами по темно-сѣрому полю),—изъ Шанхая, отъ брата; завтра надѣну лондонскій (коричневый)—подарокъ невесты. Есть у меня недурной изъ Турина (плетеный, темно-зеленой окраски съ красными извилинами)—результатъ выиграннаго пари,—любилъ онъ объяснять приблизительно въ такихъ выраженіяхъ каждому изъ терпѣливыхъ сослуживцевъ и всегда съ необыкновенно серьезнымъ, дѣловымъ видомъ.

Сегодня на немъ красовался необыкновенно яркій, пунцовый, изъ Парижа.

Сухихъ еще разъ посмотрѣлъ въ щелку и, нерѣшительно постучавъ ручкой двери, вошелъ въ кабинетъ къ вице-директору и остолебенѣлъ: Зенко, не отрываясь, читалъ „Правительственный Вѣстникъ“.

Понявъ это по-своему, секретарь расшаркался и произнесъ тихимъ, вкрадчивымъ теноркомъ, точно просаящимся въ душу:

— Съ монаршей милостью, ваше превосходительство.

Зенко лѣниво поднялъ на него тусклые, будто незрячіе глаза.

— То-есть? Не понимаю, — отрывисто проронилъ онъ, небрежно подавая ему концы толстыхъ пальцевъ, унизанныхъ перстнями.

— Я насчетъ манифеста.

— А-а!.. Хорошо написанъ...— тутъ же спохватился вице-директоръ и, отодвигая въ сторону официальный листокъ, молча принялся за подписыванье бумагъ.

Секретарь на этотъ разъ не удостоился приглашенія сѣсть и стоялъ, неловко переминаясь съ ноги на ногу.

— Почему вы нынче въ такомъ ослѣпительномъ галстукѣ? Намѣреваетесь всѣхъ перещеголять? Просто замѣчательно...— съ раздраженіемъ вдругъ бросилъ ему Зенко какъ бы незамѣтный вызовъ и, не дожидаясь отвѣта, строго прибавилъ, все не поднимая глазъ и продолжая подписывать:— пламенный цвѣтъ не къ лицу такимъ свѣтлымъ блондинамъ, какъ вы...

Сухихъ собирался что-то возразить въ оправданье на его шутливую колкость, за которой, однако, явно просвѣчивало неодобреніе начальства, и не могъ, потому что его взглядъ неожиданно упалъ черезъ окно перваго этажа на улицу и вспыхнулъ, какъ зажженная спичка. Секретарь, забывъ свойственную ему почтительность и скромность, шагнулъ къ подоконнику и приклонился къ зеркальному стеклу.

— Ваше превосходительство, посмотрите, что творится! Вотъ такъ исторія!.. — вскричалъ онъ болѣе громко, чѣмъ позволялъ служебный этикетъ, не отрывая взора отъ любопытнаго зрѣлища.

Зенко важно повернулъ голову, пораженный развязностью подчиненнаго, но сейчасъ же пересталъ объ этомъ думать и торопливо вскочилъ съ кожанаго кресла, уронивъ перо, не успѣвшее вывести фамилію съ характернымъ шпировымъ росчеркомъ, и вмѣсто нея появилось на бумагѣ нѣсколько чернильныхъ пятенъ.

По улицѣ съ медлительной торжественностью тянулась вереница процессій съ красными знаменами.

Красный цвѣтъ заливалъ улицу, вытѣснялъ всѣ другіе цвѣта, охватывалъ воздухъ, людей...

Зенку казалось, что красный цвѣтъ прильнулъ къ окнамъ, рвется въ департаментъ, заливаешь его вице-мундиръ наглымъ, смѣющимся кровавымъ блескомъ...

Двигались толпы... Извозчики ѣхали шагомъ. На пролетахъ стояли мужчины и женщины съ алыми бантиками въ петлицахъ, съ ручными флагами, съ красными воздушными шарами... кто— съ чѣмъ.

Лица—оживленные, праздничныя... Гулъ голосовъ... Поютъ что-то... вѣроятно, „Марсельезу“. Зенко улавливаетъ, какъ поднимаются чьи-то руки, сжимаются въ кулаки и грозятъ ему съ ожесточеніемъ, съ ненавистью...

— Намъ угрожаютъ, ваше превосходительство, — робко замѣчаетъ Сухихъ.

Всегда ровный голосъ вице-директора теперь какъ будто немного дрожитъ. Въ немъ нѣтъ прежней увѣренности.

— Толпа — пестрый, ничѣмъ не сданный сбродъ людей, которымъ управляетъ случай... „Толпа—глупое чудовище“, — это еще сказалъ Шекспиръ... Толпа—эгоистична; она не понимаетъ чувства мѣры; она преступаетъ всякія границы... сегодня прогибается, завтра—возвышается... У нея герой бываетъ гаеромъ, и паяцъ—героемъ... Въ эlegantной Франціи, гдѣ высоко стоитъ культъ женщины, въ 1896 г., на страшномъ пожарѣ, охватившемъ „Bazar de Charité“, нарядные мужчины безжалостно давили женщинъ, спасая свою драгоценную жизнь и забывая о тѣхъ, кому только-что клялись въ вѣчной преданности... Просто замѣчательно... Я былъ тогда въ Парижѣ... Толпа—вездѣ толпа... Доскѣ многолѣтней культуры какъ-то плохо ея усваивается, и въ рѣшительную минуту опять все идетъ на смарку,—зашевелится въ душѣ хаосъ, и недавній рыцарь превращается въ дикаря первобытныхъ лѣтъ. Спокойствіе толпы ошибочно считать за признакъ уравновѣшенности и вдумчивости; ея крики нельзя принимать за чувствость. Окунитесь въ толпу, побывайте въ ея мутныхъ волнахъ, и вы сразу почувствуете, что попали въ пасть дивой, необузданной стихіи. Попытайтесь обратиться къ ея мягко-сердечію или великодушію,—она засмѣетъ васъ, обрываетъ васъ грязью и, держа въ рукахъ знамя свободы,—при этомъ вице-директоръ показавъ рукой на улицу и усмѣхнулся,—скуетъ васъ рабскими цѣпами молчанья... Черный день, черный день...—последнія слова онъ произнесъ шопотомъ, какъ бы размышляя вслухъ.—Не будемъ же уклоняться отъ прямыхъ нашихъ обязан-

ностей, — уже твердо закончилъ Зенко и сѣлъ за письменный столъ, вполне увѣренный, что произнесенная имъ импровизированная „справка“ о толпѣ благотворно повліяла на молодого секретаря, склоннаго иногда къ нѣкоторому легкомыслію.

А подъ окнами все шли да шли.

Сухихъ кусалъ губы, и въ глазахъ секретаря свѣтилось смутное отраженіе насмѣшки, скорѣе лукавой, чѣмъ злой, на мигъ проскользнувшей въ его душѣ. Проскользнула, исчезла, а взглядъ продолжалъ играть, точно дразня кого-то...

VII.

Викторія Викторовна невзначай попала на Невскій, а когда увидѣла „красную“ площадь Казанскаго собора, — ее потянуло туда жуткое любопытство.

Солнце зашло за тучи. Набралъ мелкій дождь.

Людская волна уносила куда-то, помимо вѣли.

На знаменахъ — самыя разнообразныя надписи и девизъ будущихъ трудовиковъ: „Хлѣбъ, земля и воля!“, и лозунгъ максималистовъ: „Прямо къ цѣли!“, и символъ коммуны: „Довольство всѣхъ“. Вонъ двигается одинокая пара бѣлыхъ знаменъ съ надписями: „Свобода и царь!“ и „Россія для русскихъ“.

На нихъ наступаетъ красное — съ привѣтомъ революціи.

Загорается борьба... Глухіе выстрѣлы изъ браунинга. Одно бѣлое покачнулось. Знаменосецъ мягко, красиво падаетъ, какъ подкошенный. Его подбираютъ единомышленники... Смерть въ эти минуты никого не трогаетъ за сердце. Къ ней относятся съ холоднымъ безстрастіемъ.

Викторія Викторовна ясно различаетъ силуэтъ Гали, идущей въ рядахъ студентовъ и, повидимому, курсистокъ съ знаменами: „Впередь!“ и „Свобода слова“.

Начинаются рѣчи.

Нѣкоторыми овладѣваетъ почему-то паническій ужасъ. Кто-то услышалъ звукъ военнаго рожка — и начинается поголовное бѣгство праздной толпы, пришедшей глазѣть на манифестантовъ.

И Дроздовская бѣжитъ, не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ убѣгаетъ и куда... Стихійный страхъ заразилъ ее. Только у Конюшенной остановилась вмѣстѣ съ другими, едва перевела дыханье, потомъ улыбнулась, видя, что кто-то потерялъ калошу.

„Чего я въ самомъ дѣлѣ испугалась?... Трусиха... Не гожусь нигуда... Нарочно запугиваютъ... Провокаторы, вѣроятно. Вотъ Гали не побоялась, пошла въ средину... въ огонь“...

Ее узналъ Трисилинъ, инженеръ-технологъ, неоднократно привнававшийся, что въ нее влюбленъ, хотя она не вѣрила этому и не поощряла его любезностей.

Трисилиннымъ увлекались въ обществѣ, такъ какъ онъ умѣлъ остроумно говорить, всегда прикидывался веселымъ и считался богатымъ холостякомъ съ какимъ-то романтическимъ прошлымъ.

Непреодолимая привычка къ ухаживанью притягивала его къ каждой мало-мальски смазливой женщинѣ. Когда произносили: „донъ-Жуанъ“, онъ охотно принималъ эту кличку на собственный счетъ.

— Вы какъ попали въ толчею? Викторія Викторовна! дорогая! Побойтесь Бога!

Онъ взялъ ее за руку и не выпускалъ, смотря прямо ей въ глаза озабоченнымъ, нѣжнымъ взглядомъ человека, встревоженного за ея судьбу.

— Сначала по ошибкѣ, а потомъ увлеклась. Картина рѣдкая... Вѣкъ проживешь—не увидишь...

— Увлеклись по ошибкѣ? Это—хорошо... похоже на васъ... Однако, шутки въ сторону, — и Трисилинъ наклонился къ лицу Дроздовской, въ то же время незамѣтно уводя ее съ Невскаго:— вы знаете, свобода—свободой, а все же надо и себя побережь... Тамъ, — и при этомъ инженеръ показалъ широкимъ взмахомъ руки по направленію къ площади Казанскаго собора, — борцы, духовные потомки тѣхъ славныхъ предтечъ, чья кровь оросила Сенатскую площадь 25-го декабря 1825 года. Ихъ безчисленными жертвами, героическими усиліями добыта теперь побѣда... Пройденъ первый этапъ русской конституціи и снова—стойть. Что впереди? Опять жертвы, жертвы, жертвы... И сегодня были жертвы... Уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ стрѣляли... Здѣсь не безопасно. Увѣряю васъ... Пойдемте. Я все равно васъ не оставлю. Это было бы съ моей стороны преступленіемъ. Я—грѣшникъ, но не преступникъ.

Викторія Викторовна не съумѣла рѣшить—искренно онъ говоритъ или притворно, но въ его словахъ чувствовалась теплота отзывчиваго сердца, и Дроздовская подчинилась ему.

— Вы хоть кого уговорите! — вырвалось у нея внезапно признаніе.—Но тамъ, тамъ... Я боюсь за племянницу... за молодежь... Тамъ столько молодежи!..

Трисилинъ слушалъ и въ тавтъ покачивалъ головой, будто въ словахъ Викторіи Викторовны улавливалъ особый, трогательный нагѣвъ.

— Все образуется... Я люблю прислушиваться къ музыкѣ

вашихъ словъ. Говорите... Дайте забытья отъ этого кошмара, который я только-что пережилъ на углу Гороховой и Загороднаго. Залпы и кровь, кровь и залпы... Тяжело!

Помолчалъ, потомъ прибавилъ:

— Разумѣется, въ любой странѣ, каковую ни взять, были свои ужасы въ переходное время... Въ Италиі — „сицилійская вечерня“, въ Швеціи — „кровавая баня“, во Франціи — „вареомоевская ночь“, а у насъ, кажется, все уже перебивало... и вечерни, и заутрени...

Тряслиннъ погружился въ размышленія.

А Дроздовская, между тѣмъ, думала: „Онъ лучше, сердечнѣе, тѣмъ я считала... У него есть душа“... Потомъ сказала громко, какъ бы отвѣчая на собственные мысли:

— Дождикъ моросить себѣ да моросить. Ни одного извозчика. Мы дошли незамѣтно до Троицкаго моста... Вы сдѣлали кругъ. Зайдемте къ намъ... пообѣдать... при стеариновыхъ свѣчахъ. Мужъ будетъ доволенъ. Тутъ совсѣмъ недалеко. Разъ-два и пришли.

Онъ хотѣлъ отказаться и все-таки поклонился, безмолвно выражая согласіе и благодаря.

„Даже въ такой день не отстаю отъ своей привычки... безъ бабы — ни на шагъ“, — мелькомъ пронеслось въ его головѣ и забылось.

VIII.

Забастовка, какъ темный, таинственный призракъ, неизвѣстно откуда появилась и такъ же загадочно скрылась. Осталось только воспоминаніе прошлаго и угроза новаго ея прихода. О ней говорили, какъ о живомъ мистическомъ существѣ, и боялись ея.

Съ двѣнадцати часовъ дня 21 октября стали на работы, а вечеромъ Терезинъ братъ, Карлъ Михельсонъ, уже сидѣлъ у нея въ гостяхъ, радостно возбужденный оттого, что наконецъ-то открылся судостроительный заводъ, гдѣ онъ, получая поштучную плату, имѣлъ постоянный хорошій заработокъ, отъ двухъ съ половиною до трехъ рублей въ день.

Карлъ принадлежитъ къ числу „сознательныхъ“; онъ много читаетъ, учится языкамъ, ходитъ на частныя техническія курсы, словомъ — стремится къ совершенствованію. Кормленіе для него — средство, а не цѣль.

Пьянство и разгулъ не знакомы ему. Самообразование — пока единственная сторона жизни, захватившая его молодость и бо-

дрость. И онъ отдался ей съ твердостью двадцатилѣтняго юноши, еще не узнаваемаго женской любви.

Онъ серьезенъ. Говорить убѣжденно, сдержанно. У сестры обыкновенно бываетъ на короткій срокъ, посидитъ и торопится домой, чтобы наверстать потерянные часы.

Нынче это ему не удастся: слишкомъ велики событія; отъ нихъ не отдѣлаться нѣсколькими словами... Голова идетъ кругомъ... И Тереза слушаетъ, вдыхаетъ, вытирая покраснѣвшія отъ слезъ вѣки.

И Оеда ловитъ каждую фразу.

Разговоръ объ убитыхъ особенно близокъ его воображенію, и, уловивъ минуту, когда замолчалъ дядя, онъ пускается въ разъясненія:

— Я знаю, отчего умираютъ люди. Смерть разрываетъ чело-
вѣка пополамъ, вынетъ сердце, разрыванное тѣло сложить опять, чтобы никто не видѣлъ, что сердце вынуто, а сердце уносить высоко, высоко,—на небо.

Но дядя на этотъ разъ не впадаетъ въ умиленіе отъ разговоровъ племянника.

Даже мать обидно замѣтила:

— Замолчи! Не до твоихъ сказокъ! Тутъ людей разстрѣливаютъ, а онъ съ пустяками... Ложись-ка спать... Какой блѣдный!

Оеда надулъ губы, но не двигался съ мѣста и, какъ звѣренокъ, поглядывалъ исподлобья.

А Михельсонъ снова продолжалъ на ту же прерванную тему, и въ его черныхъ глазахъ просыпалась мрачная тоска.

— Такъ-то! И все дали, и ничего не дали... Объявили свободу и забыли амнистію... Только сегодня спохватились, а то забастовкѣ и конца бы не видать. Среди насъ много такихъ, кому не страшно остаться безъ заработка. Рѣшили лучше умереть, но добиться восьми-часового рабочаго дня. Предлагали девять часовъ, хозяйка—на дыбы. Теперь поднесемъ имъ восемь... Побѣда или смерть. Конечно, кто привыкъ мягко спать да сладко ѣсть, тому не легко... Вотъ тебѣ не очень-то было бы вкусно.

Въ рѣчахъ Михельсона по отношенію къ Терезѣ зачастую проскальзывало не то, чтобы недоброжелательство, но скорѣе что-то въ родѣ тонкой насмѣшки и, пожалуй, съ примѣсью нѣкоторой доли презрительности. Онъ никакъ не могъ простить ей старой, забытой связи съ „русскимъ баринномъ“, вызвавшей появленіе на свѣтъ Оеди.

— Ну, ужъ ты всегда!—съ неудовольствіемъ возразила ему сестра, переходя на нѣмецкій языкъ, и сдѣлала сердитое лицо,

чувствуя между тѣмъ, какъ щеки заливаются румянцемъ, и это еще болѣе волновало ее.—Со мной хороша барыня и съ Феди какъ мать родная, и ничего мнѣ другого не нужно... Нечего сбивать-то попусту! Бастуете и сами не понимаете, зачѣмъ.

У Карла заиграли на губахъ обычная явительная усмѣшка и ноздри раздулись.

— Эхъ вы,—рабни! Подожди—до васъ доберется очередь-то! Какъ придуть да скажутъ: „Все бросайте! немедленно!.. а то станете жертвами народнаго гнѣва“, — небось, иное запоете!.. Эхъ, вы!.. Рабочій смѣло захватываетъ свое право. Если на пути стѣны,—онъ ихъ разрушаетъ; если обрывъ,—онъ перескочитъ, лишь бы впередъ уйти... А ты сидишь у плиты, картошку чистишь, напѣваешь: „Ach, du, liebe Augustin“ — и не видишь дальше курьинаго носа. Вотъ съ вами и говори тутъ! Мы—народъ рѣшительный. Чуть что,—грубое обращеніе, низкая расцѣпка,—въ тачкѣ вывеземъ... И солидарность у насъ есть. Хотя бы теперь,—хотимъ въ пользу безработныхъ товарищей отчислить извѣстный процентъ... Ну, а вы что сдѣлали? Спѣлись? Сорганизовались? Вы только портите дѣло свободы...

Онъ безнадежно махнулъ рукой и сталъ одѣваться, а когда взялся за шапку,—въ немъ зашевелилась жаждость къ обездоленной сестрѣ, и онъ обратился, въ видѣ примиренья, не къ ней, а къ дремавшему Федѣ:

— Прощай, художникъ. Въ слѣдующій разъ принесу тебѣ длинные панталоны.

Мальчикъ повеселѣлъ и запрыгалъ.

— Обязательно спей, дядя Карлуша, а то баринъ посмотритъ на меня и думаетъ: „Какой онъ маленькій!“

Федя, когда приходилъ отъ чего-нибудь въ восторгъ, всегда говорилъ нараспѣвъ; но, несмотря на пріятную новость, все-таки зѣвалъ во весь ротъ.

— Ладно, ладно... сдѣлаю тебя большимъ.

И братъ съ сестрой обмѣнялись улыбками.

Тереза уложила сына и задумалась, пока электрическій звонокъ не заставилъ ее вздрогнуть.

„Между звонками такъ и живу, не принадлежу себѣ ни днемъ, ни вечеромъ. Викторія Викторовна—добрая, но все же собачья жизнь. Братъ правъ: мы портимъ дѣло свободы...“

Второй рѣвкій звонокъ, за нимъ третій съ явнымъ раздраженіемъ, и она опрометью понеслась въ кабинетъ судьи.

„Даже минуты не подождетъ... Вотъ бы взять да и забастовать!..“

IX.

Долго не показывалась Галя въ Дроздовскимъ, и Викторія Викторовна сама отправилась къ ней, не получивъ отвѣта на письмо. Вошла во дворъ, поднялась по лѣстницѣ деревяннаго двухъ-этажнаго флигеля, дернула за ручку звонка, задребезжавшаго какъ-то жалобно.

Отворилъ студентъ-медикъ.

— Вамъ собственно кого надо?—спросилъ онъ не особенно любезно, осматривая нарядную даму близорукимъ взглядомъ, косищими изъ-подъ очковъ.

— Заружную, Галю... Я — тетка ея, Дроздовская, — отрывисто произнесла Викторія Викторовна, чувствуя какую-то неловкость передъ длинноволосымъ, хмурымъ студентомъ съ непослушно торчащими свѣтлыми усами—и беспокойство за племянницу.

„Навѣрное арестовали“,—зародилось у нея смутное подозрѣнiе.

Студентъ оживился. Напряженное выраженiе лица исчезло и глаза уже поглядывали совсѣмъ инымъ, добродушнымъ взоромъ.

— Очень прiятно. Я—сынъ хозяйки этой квартиры... Войдите, пожалуйста... Теперь по неволѣ дѣлаешься осторожнымъ... Аресты, обыски... О васъ много вспоминала Анна Яковлевна. Съ ней, такъ сказать, маленькое приключенiе. Обидно, что правая рука... но теперь, собственно говоря, можно ручаться за благопрiятный исходъ. Рана чудесно гранулируетъ.

— Ранена?—упавшимъ голосомъ прошептала Викторія Викторовна:—я ровно ничего, вѣдь, не знаю.

Слова останавливались въ горлѣ, душили...

Но въ корридорѣ появилась Галя, неся съ собой легкую струю карболки,—немного похудѣвшая, съ перевязанной рукой, и грустно улыбалась.

Улыбка была какая-то застывшая.

Послѣ радостнаго обмѣна привѣтствiй, отправились въ Галину комнату.

Завязались нескончаемые разговоры.

Студентъ старался успокоить Дроздовскую.

— Пуля прошла навзлетъ, чуть повыше локтя, не повредивъ кости. Опасаться, такъ сказать, зараженiя крови нѣтъ никакихъ основанiй.

— Приняла святое крещеніе, — шутила Галя.

— Гдѣ же это случилось?

— У зданія университета, 19-го. „Русскій университетъ — не только храмъ науки, но и поле битвы“. Я прочла эту фразу гдѣ-то въ газетахъ и запомнила. Чудно сказано. Знаешь, тетя, я пережила 18-го такія ощущенія, что, право, не жалѣю о маленькой царяпинѣ, полученной на другой день. Когда смотришь издали на толпу; — она кажется чужой, отчасти, можетъ быть, враждебной или болѣе дружественной, но непременно чужой. Когда войдешь въ нее, но не участвуешь въ ея жизни, — уже словно пущены корни, чувствуется связь, а когда самъ составляешь часть толпы, несешь, напримѣръ, красное знамя, — тут сливаешься всецѣло желаньями, чувствами, мыслями въ одну общую живую единицу... и готовъ на всякій подвигъ... Со мной шли рядомъ сперва два простыхъ подростка и рабочій, вѣроятно. Вотъ странность! Мы въ тотъ мигъ были словно близнецами, братьями по духу.

Галя говорила съ большимъ жаромъ, точно вторично переживая тѣ же самыя впечатлѣнія.

Викторіи Викторовѣ бросилось въ глаза, что нервы ея племянницы страшно взвинчены.

Комната Гали была небольшая, чистая, свѣтлая, скромно обставленная, съ цвѣтущей фикусіей на подоконникѣ. Отъ комнаты этой вѣяло свѣжестью, юностью, хорошими, умными книгами, милой провинціей.

Такъ и представлялось, что сейчасъ откроется дверь и войдетъ добрая старушка, няня или бабушка, съ вязаньемъ въ рукахъ, сядетъ у окна и станетъ тихо рассказывать о томъ, что было и чего теперь давно нѣтъ...

Подали чай.

Галя суетилась, много спорила, каждое слово принимала близко къ сердцу.

Студентъ тоже горячился и возвышалъ голосъ.

— Самыя разнообразныя стороны русской жизни были, такъ сказать, подчинены своекорыстной политикѣ, — бездушной и холодной, для которой не стѣснялись въ средствахъ. Вы помните знаменитую фразу: „Лучше остаться безъ электричества и безъ водопроводовъ, чѣмъ безъ войска“? Дальше въ эгоизмъ, собственно говоря, некуда идти.

Галя вся вспыхнула и загорѣлась, точно коснулись ея больной руки, и въ расширенныхъ зрачкахъ засвѣтились сразу и гнѣвъ, и мука.

— Неужели нашему образованному обществу не станетъ, въ концѣ концовъ, стыдно за то, что оно такъ равнодушно позволяетъ губить людей за одну лишь свободную исповѣдь своихъ убѣжденій! Вырываютъ, топчутъ, выбрасываютъ, какъ сорную траву. Намъ не хватаетъ дисциплины и солидарности... Мы еще слишкомъ мелки и апатичны. Возьмутъ человѣка—и онъ затеряется, какъ иголка. День промелькнулъ, и о немъ забыли... Это все невыносимо... Это подрѣзываетъ крылья, не даетъ летать... Теряешь всякій пылъ... Цѣль теряешь...

Галя вдругъ остановилась, закашлялась и по лицу ея прошла тѣнь скрытой обиды.

— Вчера получила письмо отъ папы... советъ вернуться... недоволенъ равнодушіемъ интеллигенціи и, главное, учащихъ въ дарованной конституціи. Что съ нимъ послѣ этого говорить? Одна досада беретъ. Профессоръ, передовой человѣкъ, а не понимаетъ того, что заря хоть и занялась, но до солнца еще далеко. Вотъ подожду, подожду, какъ у насъ съ курсами... Если будутъ закрыты,—можетъ, и уѣду до будущаго года. У меня и дома найдется живое дѣло. Въ воскресной школѣ стану читать... Мало ли что!

— Да уѣхать-то, собственно говоря, все равно не придется,—перебилъ ее студентъ, поправляя очки:—завтра съ полдня опять объявляется забастовка. Будутъ требовать отміны смертной казни, военно-полевыхъ судовъ и прочее.

Викторія Викторовна находилась какъ въ чадѣ, подъ вліяніемъ рассказовъ племянницы и студента-медика.

„Забастовка“, „разстрѣлъ“, „конституція“—такъ и звенѣли у нея въ ушахъ.

Ей мерещились картины кровавыхъ раздоровъ, потоки крови и огня, гибель искусства и страшныя груды жертвенныхъ тѣлъ...

За окномъ падалъ первый ноябрьскій снѣгъ. Шло въ зимѣ, и сердце ея болѣзненно сжалось, прислушиваясь къ вѣтру, завывавшему въ трубѣ.

„О чемъ они говорятъ? Чего хотятъ? Это все не то, не то... Зачѣмъ эти бесполезныя жертвы?.. Или я такъ безумно люблю жизнь, что не понимаю ихъ? Что если толпа овладѣетъ моимъ храмомъ и будетъ распоряжаться тамъ по своей прихоти? Толпа катится, какъ лава, съ одинаковымъ безразличіемъ заливая и дикій, глухой пустырь, и роскошныя клумбы великолѣпнаго сада“.

Думы за думами, и леденящая печаль, какъ змѣя, обвивается около ея груди, сжимаетъ...

Дроздовская машинально пьетъ чай, и уже почти не слушаетъ, какъ медикъ въ очкахъ монотонно рисуетъ сухимъ, усталымъ голосомъ, не вынимая изъ рта папиросы:

— Спервоначала надъ университетомъ развѣвалось гордое знамя идеализма. Это въ сороковыхъ годахъ. Въ шестидесятыхъ— студенческіе беспорядки, напоминавшіе настоящее политическое движеніе, уже отгѣсняють философію на задній планъ. Возвѣщается знамя нигилизма. Въ семидесятыхъ — торжествуетъ социальстъ-народоволецъ...

— Миѣ пора, — прерываетъ его Викторія Викторовна, порывисто отодвигая плетеный стулъ: — что-то голова кружится... Приходи, Галя, когда поправишься... Я думаю, теперь скоро можно?

— Неловко... А дядя что скажетъ?—какъ-то нечаянно вырывается у Гали, но она уже сердита на себя за это восклицанье и говоритъ развязнымъ, несвойственнымъ ей тономъ:— Разумѣется, приду. Я сболтнула глупость. Пускай себѣ будетъ недоволенъ,—миѣ рѣшительно все равно. Сама—госпожа своихъ поступковъ. У каждаго свои убѣжденья.

Студентъ смотрѣлъ на нее съ уваженьемъ и щипалъ усы.

„Передъ товарищемъ не желаетъ спассовать“, — думаетъ Дроздовская, спускаясь съ деревянной лѣстницы, и каблукъ ея отчетливо отбиваютъ: „токъ-токъ“...

Идетъ она и винить себя, что засидѣлась, что вообще приходила сюда.

„Мы совсѣмъ чужими стали, точно ничего близкаго между нами и не было. Отчего бы это? Мы обѣ любимъ свободу, а свобода, между тѣмъ, раздѣляетъ насъ, а не соединяетъ...“

Она тихо продолжаетъ идти. Скользко. Тонкая, еле уловимая снѣжная пыль плыветъ, какъ дымъ, и застилаетъ путь, скрываетъ дома, прохожихъ.

Стройная фигура Викторіи Викторовны тонетъ въ этой пушистой пыли... Вотъ она уже чернѣетъ едва замѣтной полутьнью и скоро совершенно пропадаетъ изъ глазъ.

Съ Васильевского на Каменноостровскій хотя не близко, но до обѣда еще остается около часа, и она не садится на извозчика, желаетъ пройти пѣшкомъ, освѣжиться, собраться съ собственными мыслями. Ей пріятно, что за метелью ничего и никого не видно.

X.

Наступилъ декабрь.

Событія двигались съ поразительной быстротой, словно картины мелькающаго кинематографа.

Возстаніе въ Севастополѣ и судьба лейтенанта Шмидта, имя котораго окружалось легендами... Возмущеніе войскъ въ Варшавѣ... Почтово-телеграфная забастовка... Арестъ предсѣдателя совѣта рабочихъ депутатовъ, популярнаго Хрусталева... Злосчастный совѣтскій „манифестъ“, вызвавшій закрытіе всѣхъ прогрессивныхъ газетъ, напечатавшихъ это воззваніе... Наконецъ, арестъ всего совѣта на очередномъ собраніи въ „Вольно-экономическомъ обществѣ“, заключившій, такимъ образомъ, пятидесятидневную кипучую борьбу пролетарскаго парламента за власть...

Общество волновалось. Ходили самыя невѣроятныя слухи... Начиналось бѣгство за-границу испуганныхъ капиталистовъ. Надъ Москвой собирались тучи. Изъ разныхъ городовъ долетали тревожныя вѣсти...

— Завтра уѣзжаю, тетя... Прощай, дядя!—уже изъ передней донесся возгласъ Гали, какъ будто веселый и беззаботный, но съ нервной дрожью, выдававшей ей внутреннее безпокойство.

Въ гостиной сидѣли Дроздовскіе и Трясилинъ, сдѣлавшійся у нихъ завсегдатаемъ.

Гали не имѣла о немъ никакого понятія и сконфузилась. Послѣ визита къ ней Викторіи Викторовны, она только разъ какъ-то заходила къ Дроздовскимъ и никого не застала. Она совершенно теперь оправилась отъ раны, но еще больше похудѣла и лицо стало прозрачнымъ, носъ заострился, въ глазахъ, окруженныхъ синими кругами, появился пыливо-мерцающій, недовѣрчивый огонекъ.

Всѣ притихли, когда она вошла, точно вмѣстѣ съ нею влилась струя какого-то невысказаннаго человѣческаго горя. Потомъ сразу заговорили неестественно громко, съ предупредительными жестами и трогательными разспросами.

Даже мировой судья не отставалъ отъ другихъ и жалѣлъ, что жизнь курсовъ приостановилась такъ рано и, вѣроятно, надолго.

Ловкій инженеръ былъ, какъ всегда, въ ударѣ и нѣсколькими удачно брошенными словцами не оттолкнулъ Галию, а, напротивъ, вызвалъ на ея губахъ съ тонкимъ правильнымъ разрѣвомъ задумчивую и какъ будто сочувственную улыбку.

„Два контраста: вѣчно-скорбящая дѣвица и вѣчно-ликующая женщина, и, думается, въ обѣихъ одна и та же стихійность. Идутъ по разнымъ направленьямъ и все-же когда-нибудь ихъ цѣли могутъ столкнуться у обрыва или у пристани“, — мечталъ Трасилинъ, разглядывая поочередно то племянницу, то тетку.

— Набирайтесь побольше силъ на родинѣ и возвращайтесь, — сказалъ онъ, обращаясь къ Галѣ, когда наступило минутное молчанье, а самъ внимательно смотрѣлъ на Викторію Викторовну.

— У рабочаго тамъ родина, гдѣ онъ продаетъ мускулы для насущнаго пропитанія. Я — какъ тотъ рабочій — космополитка: гдѣ близкое мнѣ дѣло, — тамъ и родина.

— Прекрасно сказано, хоть въ альбомъ для афоризмовъ на злобы дня, но очень строго, сурово... и, пожалуй, чуть-чуть парадоксально. Въ вашихъ словахъ не сердце участвуетъ, а мозгъ. Это меня пугаетъ, — мягко возразилъ инженеръ; онъ умѣлъ спорить, никого не обижая; и, подсѣвъ за рояль, сталъ наигрывать одной рукой интермеццо изъ любимаго балета, затѣмъ круто повернулся на винтовомъ табуретѣ и горячо прибавилъ: — Не заглушайте голоса сердца, иначе вы всегда впадете въ ошибку! Сердце — прекрасный контроль для мозга, повѣрьте. Вотъ, въ pendant къ сказанному, маленькій эпизодъ изъ недавняго прошлаго... почти настоящаго, такъ какъ это было съ недѣлю назадъ.

Всѣ слушали: мировой судья — въ привычной позѣ Наполеона со скрещенными на груди руками; Викторія Викторовна — съ полуопущенными рѣсницами и поощрительной улыбкой, уютно усѣвшись въ углу мягкаго дивана; Галя — съ покорной необходимостью, хотя мысли непослушно убѣгали куда-то вдаль.

Инженеръ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— У насъ въ мастерскихъ — по службѣ подвижнаго состава и тяги, — какъ и вездѣ вообще на фабрикахъ и заводахъ, есть нѣсколько человекъ среди рабочихъ, которые тайно занимаются доносами и выслѣживаньемъ „красольниковъ“...

— Какая нивость! — вдругъ, словно приходя въ себя, воскликнула Галя, нервно ломая пальцы, такъ что Викторія Викторовна вздрогнула.

— О, да! — поддержалъ Трасилинъ: — у насъ такъ и называютъ ихъ „прорѣхой“. Они работаютъ, идутъ за-одно со всѣми и въ удобную минуту выдаютъ товарищей. Конечно, ихъ подозреваютъ, но большею частью улыбка налицо нѣтъ... Дѣлается это изъ-за любви къ рублю. Иные прямо на жалованьи. Я уклю-

нился въ сторону... На дняхъ наши рабочіе, по какимъ-то тамъ личнымъ соображеніямъ, дѣятельно вооружались... Желали собственную милицію устроить, что-ли... Одинъ изъ нихъ, нѣкто Хлѣвъ, узналъ, естественно, о томъ, что браунинги хранятся у мастеровъ, Бланштейна и Фунтицова, и что ими собираются пожертвованья, состряпалъ доносъ съ приложеніемъ проскрипціоннаго списка участниковъ и послалъ куда слѣдуетъ... И въ этотъ же день—совѣсть завила, или мало получила и обидѣлся—рѣшать не берусь, — возьми да и покаяйся, шапку снялъ, упалъ на колѣни: „Братцы, не погубите жену и дѣтокъ!.. Съ ума спятилъ. Впередъ обѣщаюсь по гробъ вѣрнымъ быть... Вотъ крестъ святой!..“ Сперва, разумѣется, пока-что, оружіе попрятали. Къ вечеру понаѣхали съ обыскомъ,—ничего не нашли... Рабочіе видятъ, что Хлѣвъ, хотя и донесъ, но несовсѣмъ продалъ; стали совѣщаться, какъ съ нимъ поступить... Сначала избить хотѣли, затѣмъ удалить съ мѣста, справки навели, узнали, что у Хлѣва семеро ребятъ при больной матери, и—простили... даже собрали имъ на молочишко... Это я къ тому, что сердце правильнѣе рѣшаетъ, чѣмъ разумъ. Разумъ не простилъ бы... Хлѣвъ сдѣлался бы негодяемъ, а теперь, можетъ, человѣкомъ станетъ...

— Какой вы добрый!—совсѣмъ тихо промолвила Викторія Викторовна, но инженеръ почувствовалъ, какъ въ голосѣ ея зазвучали свѣтлыя струны и сказалъ ей:

— Мнѣ, представителю мировой юстиціи, разбирающему дѣла по совѣсти, лестно, что вы ставите сердце на такой высокой пьедесталъ. Это мнѣ нравится и какъ либералу... Но, въ роли законовѣда, я все же долженъ слегка заступиться и за разумъ. Статья 9-ая устава гражданскаго судопроизводства гласитъ, что всѣ судебныя установленія обязаны рѣшать дѣла по точному разуму дѣйствующихъ законовъ...

— Вижу обычное ваше остроуміе,—тонко отозвался Трасилинъ. Дроздовскій сіялъ отъ удовольствія.

„Рѣдко можно встрѣтить такого любезнаго собесѣдника“, — подумалъ онъ объ инженерѣ, и сейчасъ же предложилъ ему папиросу, отерывая золотой портсигаръ съ изумруднымъ замкомъ.

Въ гостиной сразу стало тепло. Каждый былъ доволенъ посвоему. И Галя уже не хмурилась, весело болтала, спрашивала тетку, что свести на елку братьямъ и сестрѣ, и, наклонившись совсѣмъ близко, шептала Дроздовской:

— А онъ премилый... Ты хорошо сдѣлала, что познакоми-лась съ нимъ... И дядя при немъ лучше...

Только подь конецъ вечера, передь прощаньемъ, заспорила Галя съ Дроздовскимъ, который ни за что не хотѣлъ принять ея выраженья: „предсѣдатель совѣта рабочихъ депутатовъ взять въ плѣнъ“...

— Какой плѣнъ! Развѣ мы въ своемъ обиходѣ живемъ по международному праву!.. Вотъ придумала! Стало-быть, я каждую недѣлю у себя въ камерѣ имѣю дѣло съ военноплѣнными?—горячился онъ все больше и больше, повышая тонъ, но, замѣтивъ веселую улыбку на лицѣ Трясилина, вдругъ успокоился и заговорилъ о чемъ-то постороннемъ.

Все-таки Галя ушла съ затаенной горечью.

„Никто не понимаетъ... У всѣхъ словно мозги перевернулись... Холодные эгоисты“...

Выйдя изъ подъезда, она перестала думать о Дроздовскихъ. Морозъ подбодрилъ ее, и Галя шла ровной, твердой походкой по глухимъ, малолюднымъ улицамъ Петербургской Стороны. Навстрѣчу попадались патрули.

„Нѣтъ военноплѣнныхъ, а столица похожа на неприятельскій лагерь“,—мелькали у нея мысли, и на душѣ стало такъ тяжело, точно все ея существо окуталось свинцовымъ облакомъ.

Изъ ближайшаго переулка доносилась пьяная пѣсня, одинокая, монотонная, и затѣмъ круто оборвалась, словно пѣвецъ провалился въ яму...

И стало жутко... и сердце о комъ-то пожалѣло...

XI.

Галя благополучно доѣхала до дому, удачно миновавъ осажденную Москву съ ея баррикадами и пушечными залпами.

Дома все было по-старому, будто рѣшительно ничего и не произошло за эти нѣсколько мѣсяцевъ.

Отецъ попрежнему занимался частной практикой и тяготился обязанностями казеннаго врача. Закрытие университета лишило его аудиторіи, и онъ возмущался.

Мать, какъ и прежде, хлопотала по домашнему хозяйству, а досугъ посвящала благотворительному обществу, задавшемуся цѣлью „поднять нравственный уровень падшихъ дѣвушекъ“.

Братья, гимназистъ и студентъ, Володя и Вася, были недовольны своимъ положеніемъ,—первый негодовалъ, что гимназіи не прекращаютъ занятій, второй, наоборотъ, злился на пріостановку лекцій у „юристовъ“, такъ какъ хотѣлъ скорѣй выйти въ

адвокатуру и блистать ораторскимъ талантомъ, который въ себѣ провидѣлъ.

Сестра Нюра равнодушно ходила въ пансіонъ и мечтала только о танцахъ, постоянно нося въ головѣ увлекательный образъ изящнаго дирижера.

Семидесятилѣтняя нянька Василиса ворчала и бранилась, бѣгая изъ угла въ уголокъ по всему дому и наблюдая за прислугой, которая, въ отместку, называла ее за это „фараономъ“. Даже „Вертуны“, пушистый бѣлоснѣжный шпиць, любимецъ матери, неизмѣнно заливался тѣмъ же оглушительнымъ лаемъ, когда слышалъ чья-нибудь незнакомые шаги, и бросался бѣгомъ въ переднюю, покидая насиженное мѣсто въ широкомъ прабабушкиномъ креслѣ.

Между тѣмъ, самый городъ, за время Галинаго пребыванія въ Петербургѣ, переживалъ и дружныя забастовки, и возстаніе, и въ теченіе трехъ-четыреухъ дней имѣлъ видъ маленькой демократической республики.

Первые дни послѣ возвращенія Гали, ея домашніе, точно по обоюдному соглашенію, избѣгали вспоминать о кровавыхъ дняхъ „свободы“.

И Галя чувствовала это, съѣжилась и тоже старательно обходила вопросы, которые были ей особенно дорогими.

„У любого предмета бывають края и середина... Нельзя же, чтобы всѣ люди принадлежали къ одной политической платформѣ“, — утѣшала она себя въ минуты раздумья и съ болѣзненной настойчивостью слѣдила за всѣмъ, что происходило кругомъ, особенно тамъ, на сѣверѣ...

Какъ-то вскорѣ въ казармахъ здѣшняго поля состоялся военно-полевой судъ надъ горстью молодыхъ людей, устроившихъ вооруженное нападеніе на поѣздъ желѣзной дороги, остановившійся на послѣднемъ полустанціи передъ городомъ.

— Лѣвое отдѣленіе—впередь!.. Правое—затѣ!.. Финансовая коммиссія—выступай!..—раздалась команда, и почтовый вагонъ съ деньгами и важными документами оказался въ рукахъ хорошо организованныхъ экспроприаторовъ.

Какой-то совсѣмъ незначительный случай помогъ задержать пять человѣкъ; остальные, во главѣ съ предводителемъ, скрылись.

Эти пятеро—послѣ короткаго трехчасоваго суда—были приговорены къ смертной казни и временно посажены въ городской острогъ.

Раннимъ утромъ на тюремный дворъ, освѣщенный фавелами, привезли колымагу.

Слѣпыя окна глухой тюрьмы прозрѣли: сотни глазъ неспавшихъ заключенныхъ наблюдали съ жадной тревогой, какъ двинулось мрачное шестіе смерти... Факелы потухли, а за городской стѣной опять вспыхнули безпокойными мигающими огнями.

Скрипѣла колымага; на кочкахъ и ухабахъ бряцали цѣпи; стучали лошадиныя копыта.

А городъ спалъ въ темно-сѣрой тяжелой мглѣ.

Можетъ быть, иныхъ душили смутные сны... иные сладко грезили... иные томилась докучной бессонницей и чуяли что-то зловѣщее, совершавшееся гдѣ-то недалеко, но не сознавали, гдѣ именно оно происходило и въ чемъ заключалось.

Однако на слѣдующій день городъ зналъ, что пять человѣкъ были разстрѣляны на полигонѣ и что одинъ изъ нихъ просилъ передъ казнью покурить. Ему разрѣшили.

И Галя узнала.

Нянька вошла и шепнула ей объ этомъ на ухо, оглядываясь, не подслушиваетъ ли кто, и охала; затѣмъ Нюра; наконецъ—Володя...

За утреннимъ кофейнымъ столомъ былъ общій разговоръ, а когда появилась „курсистка“,—дома такъ называли Галю,—умолили, потупили глаза, отвернулись.

— Отчего такое гробовое молчаніе? Чтѣ съ вами? Вы только что оживленно бесѣдовали, а съ моимъ приходомъ—словно воды въ ротъ набрали... Я давно замѣчаю эту странность и удивляюсь,—сказала Галя ровнымъ, сповойнымъ голосомъ и посмотрѣла на отца, потомъ на мать, на братьевъ.

„Чужая... и здѣсь чужая“...—отбивало, между тѣмъ, у нея въ головѣ.

Такъ какъ родители молчали, студентъ Вася недовольно трихнулъ курчавой головой и, слегка картавя, внушительно отчеканилъ (говорилъ онъ вообще всегда съ большимъ апломбомъ, точно нанизывая слова):

— Преступное дѣяніе должно быть каряемо, въ противномъ случаѣ государство распадется. Вотъ объ этомъ мы и держали рѣчь.

Гимназистъ Володя смѣрилъ его ироническимъ взоромъ и сочувственно взглянулъ на Галю, которая вдругъ поблѣднѣла и уже собиралась возражать, но отецъ остановилъ ее движеньемъ руки и пожалъ плечами.

— Вася, по обыкновенію, философствуетъ. Впрочемъ это его право. Ты не обращай вниманья, если не согласна. У всякаго своя манера выражаться. Мы просто-на-просто рассуждали

за чашками кофе о погибшихъ молодыхъ людяхъ. Какъ жалко! Каково ихъ родителямъ! Въ такое время надо быть очень осмотрительнымъ. Я, конечно, далеко не стою за смертную казнь и отношусь съ полнымъ уваженіемъ къ идеѣ объ отбѣгѣ ея, но... бываютъ исключительные случаи, когда принимаются чрезвычайныя мѣры... Одобрять гнусныя преступленія значитъ самому быть преступникомъ. Подожди минуту, не кипятись! Мы тутъ все время скромно молчали изъ вѣротерпимости по отношенію къ твоимъ принципамъ, хотя ихъ и не раздѣляемъ, всѣмъ поступались... Умѣй теперь уважать и наши взгляды... Я сказалъ. Dixi!—волнуясь, закончилъ онъ, скатывая и укладывая на скатерти хлѣбные шарикъ.

— Хорошо, хорошо... Я молчу, папа, — скороговоркой произнесла Галя, сдерживаясь, насколько хватало силъ, и лицо ея покрывалось пятнами: — но все же, прости, какъ-ни-какъ, а нужно считаться съ требованіями текущей жизни. Къ чему вливать испорченное вино въ новые мѣхи!.. — и, перебивая себя на полупразѣ, она, какъ бы спѣша высказаться, воскликнула съ воодушевленіемъ: — Свобода, свобода, сколько еще жертвъ ляжетъ у твоихъ ногъ! Съ каждымъ номеромъ газеты больше разочарований. Право, иногда мнѣ кажется, что я помѣшаюсь!.. Вотъ на дняхъ прочла въ губернскихъ вѣдомостяхъ и теперь безъ конца повторяю одни и тѣ же слова: „За намѣреніе убить урядника приговоренъ къ смертной казни мальчикъ... мальчикъ... мальчикъ... За намѣреніе приговоренъ къ смерти“... Ужасно!

Докторъ окинулъ ее пристальнымъ, долгимъ, тревожнымъ взоромъ и заморгалъ глазами.

— Я тебѣ выпишу лекарство. Какъ тебя Петербургъ распаталъ! Ты безусловно страдаешь неврастеніей. Необходимы полибромюръ и водолеченіе.

Его прервала вошедшая Василиса.

— Господинъ реалистъ пришли... съ учителемъ, по видимости, — шамкала она беззубымъ ртомъ: — приважете, баринъ, принять? аль нѣтъ?

Докторскіе зрачки приняли скучающее выраженье, какъ-то потускнѣли; щеки вытянулись; на лобъ упала морщинка.

— Сегодня, вѣдь, я не принимаю, нянька, воспитанниковъ! Сколько еще разъ повторять? — началъ-было Заружный, но, встрѣтившись съ пытливымъ Галинымъ взглядомъ, точно смутился, быстро всталъ и, ничего не говоря, отправился въ пріемную.

Дверь сердито хлопнула.

— Отчего бы тебѣ не заняться въ нашемъ обществѣ под-

нiтiя нравственнаго уровня падшихъ дѣвушекъ? Ты слушательница высшихъ курсовъ и могла бы мнѣ отлично помочь,—заговорила молчавшая до этого жена профессора.—Нюра и Володя, пойдите посмотрѣть, закрыта ли форточка въ спальнѣ.

Тѣ прекрасно понимали, въ чемъ дѣло, и весело переглядывались.

Мать постоянно давала имъ какое-нибудь порученье, когда заходилъ разговоръ объ обществѣ поднятiя нравственнаго уровня падшихъ дѣвушекъ.

— Сколько времени, мама, закрывать форточку?—спросилъ гимназистъ съ бойкой усмѣшкой на сочныхъ губахъ, уже, повидимому, знакомыхъ съ запретными поцѣлуями, и, не дожидаясь отвѣта, съ шумомъ, порывисто вышелъ изъ столовой.

Нюра со смѣхомъ догнала его и что-то кричала ему вдогонку. Мать дѣлала видъ, что не обращаетъ вниманья.

„Что съ шалунами спорить!“—казалось, было написано на ея мучнистомъ лицѣ съ двойнымъ подбородкомъ.

Вася посмѣивался, выкуривая папиросу за папиросой.

— По-бюрократически ведете вы свое общество. Жизни въ немъ нѣтъ, мамочка... На мели оно,—отрывисто отозвалась Галя, какъ бы выбирая слова, чтобы не задѣть самолюбiя матери, но Заружная, тучная и вялая, рѣдко выходившая изъ себя, внезапно разгорячилась теперь, когда вопросъ коснулся ея любимаго дѣтища.

Шпицъ „Вертунь“ и общество пользовались ея постояннымъ покровительствомъ.

— Ну, ужъ извини, пожалуйста! Общество—образцовое, гуманное. Сама, вѣдь, въ любую мелочь суюсь. Не найдешь ни сучка, ни задоринки, какъ ни старайся... Примѣры не за горами. Да, вотъ, четвертаго дня хваленый вашъ пролетарiй, попросту пропойца-мужикъ изъ ламповаго магазина, привелъ къ себѣ на ночь уличную фею и тутъ же, замѣть, въ комнатѣ—трое дѣтей—какая мерзость!—и чахоточная жена, лежащая пластомъ. Дѣти кричатъ: „Тятъеа дѣвкѣ привелъ!..“ Вѣдь, что же это, посуди сама! Какъ не вмѣшиваться! Намъ донесли. Мы разыскали эту фею черезъ нашего чиновника особыхъ порученiй... прочли ей отеческую нотацию, будемъ и впредь воздѣйствовать на ея нравственное чувство... Что ты на меня такъ глаза вытаращила?

— Смѣшно все. Бѣда съ вами! Грубость нравовъ уничтожаютъ образованiемъ, свѣтомъ разума, а не нотациями. Собирать прямо людей, говорить съ ними по-человѣчески, жизнь пере-

устроить, отъучить отъ рабства, поднять духъ. Нотація лишь обоб-зять, усилить пороки. Это дознано. Ваше общество занимается толченіемъ воды въ ступѣ. Для собственнаго развлеченія придумали.

— Еще бы, только вы одиѣ — устроители жизни, остальнымъ и соваться незачѣмъ!.. Эхъ, молодежь!.. А вотъ недавно мы дѣвушку спасли, теперь молится на насъ. Дошла она до того въ разгульной жизни, что совсѣмъ совѣсть потеряла... Вернулась какъ-то къ себѣ, да такъ въ шляпкѣ и жакетѣ завалилась на кровать и заснула, а рядомъ въ комнатѣ старикъ-отецъ умеръ. Такъ на нее это подѣйствовало, что сама къ намъ явилась, просила помочь ей утвердиться на честной дорогѣ...

Насмѣшка отразилась на губахъ студента.

— Случайности у васъ возводятся въ общее правило. Не будь добраго намѣренія у вашей опекаемой, что бы вы подѣлали съ вашимъ обществомъ? Неужели принудительно вводить нравственность? Чистѣйшій абсурдъ. Въ этомъ вопросѣ я всецѣло присоединяюсь къ мнѣнію сестры, что надо поднять духъ, а не нотаціями кормить. У васъ все слишкомъ буржуазно, по духовно-нравственному шаблону, словно въ церковно-приходскихъ школахъ.

— Знаю, знаю, что наше общество вамъ не по вкусу, мѣшаетъ вамъ! — выходила изъ терпѣнія Заружная и стучала ладонью по столу, такъ что дребезжали чашки и стаканы:—Боже, одиннадцать часовъ, а у насъ засѣданіе! Заболтались съ вами...

И она побѣжала, озабоченно поправляя сбившуюся на бокъ прическу.

Оставаться наединѣ съ братомъ стало для Гали въ тягость.

Онъ продолжалъ ухмыляться, и эта скользящая, безмолвная усмѣшка напоминала ей мелькающую по травѣ ящерицу.

Гали вздрогнула и отвернулась, потомъ направилась къ дверямъ.

— Ты будто боишься меня, прежде мы разговаривали, — нерѣшительно произнесъ Вася, тоже вставая и приближаясь къ сестрѣ.

— Между „прежде“ и „теперь“ —цѣлая пропасть. Но я не боюсь тебя... Это ты —напрасно. Такъ... говорить не о чемъ.

Вася небрежно посвисталъ по направленію къ уходящей Галѣ и сердито провелъ пальцами по русымъ вудрямъ.

Братъ и сестра, въ сущности, ни разу не сказали другъ другу ничего обиднаго, но стѣна выросла между ними.

Такъ зачастую зыбкій туманъ вдругъ раздѣляетъ близкіе

предметы, сгущается, врѣпнеть и медленно выливаетъ въ грудь ядъ одиночества.

ХІІ.

Время тянулось по-черепашьи.

Послѣ прихлынувшихъ волнъ мощнаго потока словно произошелъ заторъ льдинъ.

Репрессіи усиливались. Несознательныя темныя народныя массы шли противъ освободительнаго теченія. Свобода какъ будто приостановилась, спряталась. Единичныя вспышки ея проявлялись мѣстами и вновь потухали, какъ огни отдаленной молніи. Военныя положенія и казни все шире и шире охватывали страну... И все-таки народъ готовился къ выборамъ въ первую Думу, дробился по партіямъ, молча ожидалъ просвѣта...

Галя бесплатно учительствовала въ воскресной школѣ и въ одномъ дѣтскомъ приютѣ, но недолго.

Высшее начальство скоро усмотрѣло въ ея преподаваніи вредное направленіе.

Въ школѣ она, будто бы, „читала книги недозволеннаго содержанія“, хотя никто этихъ книгъ у нея не видѣлъ.

Въ приютѣ она, будто бы, содѣйствовала развитію въ дѣвочкахъ излишняго самосознанія, хотя ограничивалась уроками ариметики.

Приютскія не любили начальницы и какъ-то ночью, собравъ горящія лампы, которыми было въ изобиліи украшено благотворительное заведеніе, разставили ихъ по корридору, ведущему въ ея покои, и пропѣли „вѣчную память“. Въ этомъ поступкѣ тоже почему-то заподозрили вліяніе „курсистки“.

Наконецъ, случилось еще одно событіе.

Галя изрѣдка переписывалась съ медикомъ-студентомъ, сыномъ ея петербургской квартирной хозяйки. Студентъ былъ замѣшанъ въ важномъ политическомъ процессѣ и посаженъ въ домъ предварительнаго заключенія.

Среди его бумагъ отыскали письма Заружной.

Въ письмахъ, правда, не заключалось ничего предосудительнаго; тѣмъ не менѣе, Галѣ могли грозить непріятныя послѣдствія. И вотъ какъ-то въ срединѣ марта, когда начиналось вѣяніе весны, зеленѣла трава и въ лужахъ, стоявшихъ по улицамъ, беззаботно купались на солнцѣ чирывающіе воробьи, — мѣстный губернаторъ, у котораго профессоръ Заружный считался дома-

пнимъ врачомъ, пригласилъ его къ себѣ по телефону для переговоровъ по спѣшному дѣлу.

Докторъ не замедлилъ прѣхать, надѣясь увидѣть пациента, а не обвинителя.

Всегда любезный начальникъ губерніи принялъ его довольно сухо, не сразу пригласилъ въ кабинетъ, хотя и протянулъ руку, но какъ-то небрежно, словно изъ снисхожденія, не угостилъ его папиросой, какъ дѣлалъ раньше.

— Вы знаете мое уваженіе къ вамъ, профессоръ. Вы у меня постоянно считались за челоѵѵка „своего“, такъ сказать. Теперь такая вышла неприятная исторія... Лучше бы мнѣ заболѣть!.. Я призналъ цѣлесообразнымъ и необходимымъ вызвать васъ, къ сожалѣнію, не какъ врача, а какъ отца, и предупредить относительно вашей старшей дочери, — началъ онъ съ растажкой и подчеркиваньемъ отдѣльныхъ словечекъ: — вѣроятно, ничего существеннаго нѣтъ... не хотѣлось бы думать... но, при настоящемъ тревожномъ положеніи вещей, согласитесь сами, профессоръ, намъ будетъ неудобно...

И, замаявшись на секунду, какъ бы щадя огорченнаго родителя, онъ передалъ ему вкратцѣ извѣстіе объ арестѣ петербургскаго знакомаго Гали и о томъ, что официально „для порядка“ она будетъ подвергнута обыску.

— Я предупреждаю... Это все, чтѣ и могу для васъ сдѣлать, г. профессоръ. Вы понимаете меня?.. Je suis à votre service... Но гдѣ начинается долгъ...

Заружный, совершенно растерянный, только и могъ выговорить (пріемъ длился всего какихъ-нибудь пять—десять минутъ):

— Я увѣренъ, что тутъ, ваше превосходительство, кроется недоразумѣніе. Моя дочь — невинна. Ручаюсь!

Онъ говорилъ, а въ глазахъ мелькали буквы стулья съ металлической отдѣлкой, пестрые обои съ какими-то птицами, бритое, худое лицо сановника съ большой бородавкой на щекѣ...

— Буду радъ... буду радъ, — равнодушно отвѣчалъ начальникъ губерніи, приподнимаясь и этимъ показывая, что аудіенція окончена: — но если принять во вниманіе, что пріютскій эпизодъ... наконецъ, воскресная школа...

Профессоръ поглядѣлъ на него въ упоръ, такъ что губернаторъ почувствовалъ себя несовсѣмъ ловко.

— Васъ ввели въ заблужденіе, ваше превосходительство, — и, не прибавивъ больше ни слова, поклонился и поспѣшно исчезъ, намѣренно уклоняясь отъ пожатія руки.

Объ обыскѣ, бывшемъ въ профессорской квартирѣ и, по

слухамъ, не давшемъ никакихъ результатовъ, заговорили въ городѣ.

Съ именемъ Заружнаго стали связывать какіе-то мнѣніескіе рассказы объ его лѣтней поѣздкѣ въ Швейцарію, даже выеопали старыя воспоминанья изъ его студенческой жизни.

Нѣкоторые аристократическіе дома, въ томъ числѣ и губернаторскій, перестали приглашать его на консультаціи, замѣнивъ восходящей звѣздой, молодымъ привать-доцентомъ, которому лавры Заружнаго давно не давали спать.

Это огорчало Галинаго отца, нервировало. Онъ осунулся, сталъ разсѣянъ, задумчивъ, дочь не упрекала, но въ каждомъ его взглядѣ, въ каждомъ словѣ, въ оттѣнкахъ голоса она чутко улавливала уворъ и переживала долгую, молчаливую драму.

Убѣгающіе дни ничего ей не говорили; зато длинныя ночи, напоминавшія зіяющія пропасти, звучали надъ ухомъ, точно выбрасывали изъ мертвой глубины одни и тѣ же несносныя слова:
„Все ложь... все ложь...“

XIII.

„Хорошія отношенія могутъ быть лишь на дальнемъ разстояніи и ухудшаются по мѣрѣ сближенія людей. Отдыхъ (если онъ допустимъ въ годину борьбы!) можетъ быть только дома, и кто его ищетъ въ другомъ мѣстѣ, — бываетъ за это наказанъ... А у кого совсѣмъ нѣтъ дома? Кто воображалъ, что имѣетъ домъ, принимая призрачную фантазію за дѣйствительность, а на самомъ дѣлѣ — чужой въ этомъ домѣ?..“

Галия отодвинула въ сторону дневникъ, оставляя вопросъ открытымъ.

Сегодня ей было особенно тяжело, такъ какъ утромъ она встрѣтила на улицѣ человѣка, который ей прежде нравился... и она ему нравилась.

Онъ — морской офицеръ и только-что вернулся изъ японскаго плѣна, — сіяющій, довольный, съ какимъ-то орденомъ въ петлицѣ, придававшимъ ему видъ побѣдителя, а не побѣжденнаго.

— Анна Яковлевна! — окликнулъ онъ ее и протянулъ обѣ руки. Галия сперва обрадовалась.

— Семенъ Петровичъ, вотъ неожиданно! Откуда?..

Двѣ теплыхъ фразы, задушевный обмѣнъ мыслей, и между Галией и морякомъ опять поднимается роковая стѣна, отдѣляющая ее съ такой ревностью отъ всѣхъ людей, раньше казавшихся ей близкими, дорогими.

Когда нить непринужденной, ясной бесѣды стала рваться, офицеръ вернулся къ прошлому и даже назвалъ ее по старому уменьшительнымъ именованью.

— Помните, Галя, вечеръ въ Дворянскомъ Собраньи наканунѣ моего отбѣзда на войну? Вы были въ розовомъ платьѣ... Вы мнѣ шепнули во время тура вальса, что счастье понимаете лишь тогда, когда оно очистилось страданьемъ, когда возвысилось до подвига... Эта фраза мнѣ запаала въ сердце и дала силу надежды. Вспомните, — у колонны я выбралъ мигъ, наклонился и поцѣловалъ вамъ руку...—и глаза морска загорѣлись.

Что-то поднялось въ ея душѣ, свернуло и сейчасъ же уступило мѣсто холодному, подозрительному сомнѣнью.

— „То было раннею весной“, — какъ бы въ шутку отвѣчала она, но такъ безжизненно, такъ безучастно, что глаза его заволкли туманомъ: — а, что вы развѣ дѣйствительно совершили подвигъ, выстрадали? — уже съ явной насмѣшкой прибавила Галя: — я, вѣдь, читала газеты...

Она умоляла, закусила верхнюю губу, но смотрѣла, не отрываясь, колола взглядомъ и наслаждалась его смущеньемъ.

— Мой неуспѣхъ—общій 'неуспѣхъ,—сдержанно возразилъ Семенъ Петровичъ и голосъ его оборвался:—Я не виноватъ въ печальной сдачѣ Портъ-Артура! Или вы мнѣ это изволите приписывать? Гм... Чудеса!.. Повѣрьте, я-то выпилъ горькую чашу до дна. Я не далъ честнаго слова не воевать съ Японіей и предпочелъ сдать въ плѣнъ. Неужели въ этомъ — позоръ, Анна Яковлевна? Убѣжище „Коквайдо“, гдѣ ютились русскіе плѣнныя, врядь-ли можно назвать раемъ. Потомъ неудачное бѣгство черезъ бамбуковыя рощи... въ глухую ночь... среди пресмыкающихся, попадавшихъ подъ ноги... Шуршала высокая трава... Доносился шумъ морского прибоя... Мы — я и товарищъ — не знали, что представляла для насъ эта ночь—предательницу или союзницу... Мы вѣрили ей, и она оказалась предательницей. Насъ поймали японскіе рыбаки, когда мы уже сажались въ шлюпку. Затѣмъ—судъ и тюрьма въ Такаматсу, гдѣ содержались одни убійцы, одиночная кѣлетка, точно въ звѣринцѣ, съ просвѣтами, днемъ и ночью на виду у надзирателя... Дни безъ счета... цѣлая вѣчность!.. И вы еще сомнѣваетесь въ томъ, выстрадали ли я!.. Недобрая!.. А я какъ часто вспоминалъ о васъ! грезилъ вами! Конечно, я неудачникъ... Мнѣ все не удавалось, что я ни начиналъ...

Поглядѣла на него Галя съ грустнымъ сожалѣніемъ.

— Мнѣ больно за васъ, за вашу судьбу... Не сомнѣваюсь, что вы страдали... по-своему... Но это—ваше личное страданье

Никому отъ него ни тепло, ни холодно... Никому оно не нужно. Я понимала другое страданье, — самоотверженное, безымянное, которое „не требуетъ награды за подвигъ благородный“, не ожидаетъ и благодарности, а упрямо, смѣло отдается борьбѣ за освобождающихся братьевъ... Прощайте, Семенъ Петровичъ. Живите весело. Вижу, вы не понимаете меня, и не надо... Богъ съ вами!..

— Позвольте, Анна Яковлевна... Но вы... вы... страдали? и принесли этимъ страданьемъ какую-нибудь пользу народу?.. — съ желчью вырвалось у него, и весь онъ точно пѣнился, выпѣлъ отъ гнѣва и обиды, задѣтый ея словами, какъ хлыстомъ, ударившимъ по лицу.

И они разстались врагами.

Гали не помнить, что она ему отвѣтила на его вопросъ, но теперь, въ своей комнатѣ, наединѣ съ дневникомъ, съ собственными мыслями, вспоминая минувшее и настоящее, она ясно сознаетъ, что, дѣйствительно, ничего не сдѣлала, только хотѣла дѣлать да страдала, и что отъ этого страданья также никому ни тепло, ни холодно, что все хорошее и дурное устраниваются помимо ея воли...

„Есть люди, есть герои-мученики, которымъ потерянъ счетъ, имя которыхъ стало собирательнымъ... они кляли камень на камень и воздвигали памятники свободы... Никакіе натиски и залпы не въ силахъ его разрушить, такъ какъ памятники этотъ — въ умахъ и въ сердцахъ народа... Эти люди были и будутъ, а такія, какъ я, лишь скользятъ незамѣтными тѣнями, никого не освѣщаютъ, скорѣй заслоняютъ отъ свѣта, тоску нагоняютъ... Могу ли я послѣ такого самоопредѣленія учить кого-нибудь, обвинять, презирать?.. Могу ли я, наконецъ, жить въ буквальный значеніи этого слова?.. Въ вѣчномъ туманѣ, въ беспросвѣтной тинѣ лжи и разочарованій — не стоитъ жить такимъ слабымъ, какъ я, не приносящимъ ровно никакой пользы. Смѣю ли жить?.. Какъ посмотрю на окружающихъ меня людей, — въ Петербургѣ ли, здѣсь ли, — у всѣхъ вижу одно стадное чувство: чувство страха за свою судьбу, за свою собственность, за привилегированное положеніе. Но тѣ герои не дорожили этой мишурой, — дорожили только судьбой дорогой имъ свободы“...

Перо выпало изъ рукъ Гали. Она не могла больше писать.

„Зачѣмъ эти записи? Кого онѣ наставлять на путь, кому облегчать сердце въ горькіе часы раздумья?“

Она терпѣливо ожидала вечера, зная, что ни отца, ни матери, ни брата-студента не будетъ дома. Только Нюра и младшій братъ останутся, но они не помѣшаютъ.

Въ ея душѣ созрѣлъ сразу, безъ подготовки, опредѣленный планъ, точно глаза вдругъ открылись послѣ долгой слѣпоты и увидѣли бездну, которую прежде принимали за цвѣтущую поляну.

„Не къ чему медлить... не къ чему... Все равно я чужая, и для другихъ, и для самой себя. Поплачуть и перестануть“...

Галя хорошо помнила, гдѣ находится отцовская аптечка, такъ какъ зачастую разглядывала ее.

Кроткая и тихая, прозрачно-восковая прошлась она по комнатамъ, и когда убѣдилась, что домъ погрузился въ ту беззвучную, темную тишину, при которой малѣйшій шорохъ уже будить въ душѣ странную, необъяснимую жуть, — скользнула въ кабинетъ, зажгла электрической тюльпанъ, бросавшій мягкій молочный свѣтъ, отворила шкапъ съ полками, взяла пузырекъ съ прозрачной, безцвѣтной жидкостью, словно съ сказочной „мертвой водой“, осторожно закрыла шкапъ, повернула выключатель и, крѣпко сжимая заледенѣвшей рукой, какъ самое дорогое въ мірѣ, ничтожный, маленький флаконъ, еле ступая, вернулась въ свою спальню.

Минутный страхъ захватилъ ее, готовъ былъ поработить. Сердце тревожно забилося, словно моля о пощаду строгаго палача. Захотѣлось перекреститься, но пальцы будто одеревенѣли.

„Я была противъ смертной казни“...—огненнымъ зигзагомъ пронеслось въ ея головѣ, какъ молнія.

Пустой пузырекъ съ нѣсколькими каплями яда покатился по полу и стукнулся о металлическую ножку умывальника, давъ трещину.

Галя бросилась на кровать и зарылась въ подушкахъ, чтобъ заглушить крикъ, рвущійся изъ груди.

Бездонная ночь, безнадежный мракъ слышались въ этомъ живучемъ, нечеловѣческомъ стонѣ... Звѣрь просыпался въ немъ, пожирающій человѣка.

Въ то же время въ другомъ концѣ дома старая Василыса раздѣвала Ньюру и сквозь сонъ, то и дѣло позѣвывая, приговаривала нараспѣвъ:

— И отслужила я тогда шестерной молебень, какъ наказалъ странникъ: Божьей Матери, пресвятому Сергію Радонежскому, Серафиму Саровскому, Ксеніи, Ниволаю угоднику и цѣлителю Пантелеймону, — и напасть, какъ рукой, сняло.

Нюра слушала и заплетала косу.

А Володя, по сосѣдству съ комнатой сестры, разсѣянно долбилъ уроки, посматривая черезъ окно на огненное море звѣздъ.

„Вотъ вызвѣдило!“ — думалось ему: — „теперь бы книги по

боку да въ скверъ... Васька недоволенъ, что университетъ закрытъ, а самъ шляется... Господи, какая у насъ скука! Зубри да зубри"...

И, положивъ ладони на затылокъ, онъ сталъ раскачиваться и бессмысленно, будто нарочно, повторять одну и ту же надобвную фразу изъ учебника.

Безпокойно залааялъ спиць—и снова все стихло...

XIV.

27-го апрѣля 1906 года, — въ день открытія первой Государственной Думы, — стояла прекрасная весенняя погода. Было солнечно и тепло. Петербургъ украсился флагами.

Наканунѣ въ ночь стягивались войска, — пѣхота, конница и артиллерія, а съ ранняго утра у Зимняго дворца уже были закрыты всѣ проходы и проѣзды заставами и пикетами.

Любопытныхъ—безъ конца, и вотъ возлѣ Лѣтняго сада и вдоль набережныхъ отъ Троицкаго моста до Литейнаго толпится народъ, — то угрюмый, то безучастный, то беззаботно-веселый, не принадлежащій къ „избраннымъ“, имѣющимъ билеты для доступа на Дворцовую площадь.

Многіе устраиваютъ сочувственныя манифестаціи депутатамъ, идущимъ въ Таврической дворецъ послѣ тронной рѣчи. Машутъ платками съ парового катера, идущаго по Невѣ. На немъ тоже народныя представители.

Имъ отвѣчаютъ и съ праваго берега, и съ лѣваго...

Изъ-за рѣшетокъ Петропавловской крѣпости и изъ „Крестовъ“ также бѣлѣютъ платки, и въ этомъ безмолвномъ привѣтѣ какъ бы читается: „Скорѣе намъ свободу!“

Кто-то протестуетъ негодующимъ голосомъ, въ которомъ нельзя не узнать рабочаго:

— Насъ обошли. Какой нынче праздникъ! Мы перваго мая отпразднуемъ. Эхъ, вы—милостивые рабы и милостивыя рабыни!—обратился онъ вдругъ къ проходившимъ и, безнадежно махнувъ рукой, затерялся въ толпѣ.

Викторія Викторовна, какъ всегда нарядная и красивая, въ модномъ прогулочномъ костюмѣ „trotteur“ сѣраго цвѣта, возвращалась домой разочарованная.

На этотъ историческій день возлагались такія свѣтлыя надежды. Она думала, по своей отзывчивой добротѣ, вмѣстѣ съ другими легковѣрными, что откроются двери темницъ... И Дроздовская припомнила Галю, — чуткую, нервную натуру.

„Навѣрно теперь волнуется, горитъ нетерпѣніемъ узнать, что здѣсь творится... спорить, доказываетъ... Славная дѣвушка! Безъ нея какъ-то пусто въ такіе дни“...

На моторѣ промчался графъ Прозоровскій, красный, возбужденный, что-то кричалъ Викторіи Викторовнѣ и размахивалъ шляпой. Она все думала о Галѣ, а между тѣмъ на письменномъ столѣ у нея уже лежало письмо съ траурной каймой, написанное незнакомымъ почеркомъ.

Ничего не подозрѣвая о случившемся, Дроздовская распечатала и стала читать:

„Дорогая, глубокоуважаемая Викторія Викторовна. — Около мѣсяца собираюсь писать и не могу. Нѣтъ силъ. Наконецъ, вотъ кое-какъ связалъ мысли.

„Спасибо вамъ и брату за то, что вы такъ мило относились къ нашей ненаглядной Галѣ и пригрѣвали ее иногда вашими ласками въ холодномъ и мрачномъ Петербургѣ. Она постоянно съ удовольствіемъ вспоминала проведенное у васъ время; она отдыхала у васъ душой“...

— Боже мой, что же это съ ней?.. умерла?—громко сама себя сказала Дроздовская, не отрываясь отъ письма.

„Я былъ какъ-то въ Петербургѣ, пріѣзжалъ за ея документами... хотѣлъ къ вамъ зайти, да не хватило храбрости. Теперь я всюду приношу съ собой тяжелую тоску. Такой гость едва-ли можетъ быть пріятель. Горе старить, и сколько протяну еще съ нимъ—не вѣдаю...

„Викторія Викторовна, да, вѣдь, вы до сихъ поръ не знаете, что Гали умерла... отравилась!.. И какъ мучилась!..

„Самое страшное написалъ вамъ...

„Какъ живая, стоитъ она предо мной. Я никакъ не могу примириться съ этимъ ужаснымъ, невѣроятнымъ событіемъ. Мнѣ все кажется, что она лишь на время уѣхала, и жду, — жду ее съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ... но никогда, видно, не дождусь, пока самъ не пойду къ ней навстрѣчу. Она была идеально честная, не могла пойти ни на какія соглашенія съ совѣстью, не могла идти противъ своихъ убѣжденій. Слишкомъ высокія, невыполнимыя требованія предъявляла она къ себѣ...

„Ростили мы ее, лелѣли и потеряли. Развѣ можно съ этимъ примириться! Только теперь мы вполнѣ узнали ее,—узнали изъ постороннихъ разговоровъ, изъ писемъ, про всѣ ея добрыя дѣла, которыя она дѣлала тайкомъ отъ насъ, узнали, какой любовью и симпатіями пользовалась она всюду, гдѣ работала, узнали ея неизмѣримо глубокое сердце и возвышенную душу. У нея была

недостижимость нравственной чистоты съ нечеловѣческой силой воли, а мы считали ее слабой!.. Какая иронія судьбы!.. Потерявъ—узнали... Изъ оставшейся послѣ нея небольшой библіотеки, дневника и конспектовъ вижу, какъ она была начитанна, хотя и не показывала этого... Ахъ, что говорить!

„Виновато во всеъ проклятое тяжелое время...

„Много унесетъ оно свѣтлыхъ, впечатлительныхъ, юныхъ, какъ унесло безвозвратно бѣдную Галю.

„Я подчасъ вспоминаю слова вашего мужа (помните, въ тотъ вечеръ, когда мы познакомились и обѣдали у васъ?): „Наше теперешнее положеніе—на мертвомъ якорѣ“... И Галя еще сказала: „Нужно цѣпи перерубить“...

„И цѣпи перерубили, какъ будто, и Галю довели до могилы, а корабль все шатается на мертвомъ якорѣ! Нагналъ я на васъ тоску... Больше не буду. Извиняюсь. Прощайте! Увидимся ли еще?.. Даже не знаю, останусь ли здѣсь. Тяжело!.. Преданный вамъ—Яковъ Заружный“.

У Викторіи Викторовны, какъ она сама говорила, были глаза „на мокромъ мѣстѣ“.

Вся въ слезахъ закончила она письмо доктора и долго не могла успокоиться.

Задыхающимся голосомъ она прочла его мужу и Трясилину, когда они вернулись вдвоемъ уже поздно вечеромъ изъ клуба партіи „народной свободы“.

Дроздовскій помолчалъ, потомъ отрывисто сказалъ:

— Яркая была душа!.. — и какъ-то особенно громко высморгался, засуетился и быстро вышелъ въ другую комнату.

Трясилинъ не проронилъ ни одного слова, заботливо всматриваясь въ Викторію Викторовну, и подъ его мягкимъ задумчивымъ взглядомъ она не ощущала больше острой рѣжущей боли и страха за гибнущія жизни.

Новый свѣжій приливъ захватывалъ ее и увлекалъ куда-то впередъ.

В. Умановъ-Каплуновскій.

РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ВЪ

АНГЛІИ

И ЕЯ РУКОВОДИТЕЛИ.

I.

Можно ли считать всякаго члена парламента типичнымъ представителемъ для своихъ избирателей? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. Все зависитъ отъ обстоятельствъ времени и мѣста, отъ условій избирательнаго закона, отъ обстановки предвыборной агитаціи и пр. Очень часто мы видимъ въ парламентахъ Западной Европы богатыхъ помѣщиковъ и фабрикантовъ представителями округовъ, въ которыхъ большинство населенія еле влечитъ свое жалкое существованіе въ безмѣрныхъ трудахъ и заботахъ. Особенно мало представительнымъ, въ смыслѣ характеристики избирателей, былъ, да еще въ сильной степени продолжаетъ быть парламентъ въ Англіи.

Это можетъ съ перваго взгляда показаться парадоксомъ. Можно было бы ожидать какъ-разъ обратнаго. Казалось бы, что именно въ Англіи, съ ея ничѣмъ не ограниченной свободой выборовъ, съ ея широкой общественной жизнью и полнѣйшей возможностью бороться за ту или другую парламентскую кандидатуру, именно здѣсь членъ парламента долженъ полнѣе и точнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, представлять собою

населеніе, голосовавшее за него. На самомъ дѣлѣ, однако, это далеко не такъ, и въ „представители“ попадаютъ часто люди, которые не только не типичны для своихъ избирателей, но совершенно даже чужды имъ по духу, воспитанію, общественному положенію и даже по стремленіямъ и убѣжденіямъ. Объясняется это прежде всего тѣмъ, что англійскіе члены парламента не только никакого денежнаго вознагражденія не получаютъ, но должны еще тратить огромныя деньги на предвыборную кампанію и на разные установленныя закономъ платежи, обязательныя для каждой отдѣльной кандидатуры. Такимъ образомъ, въ палату общинъ могутъ попасть лишь люди денежные и обеспеченные, т.-е. изъ цѣлой народной массы лишь одинъ сравнительно небольшой слой ея.

Кромѣ того, разившееся и усилившееся за послѣднія 30—40 лѣтъ вліяніе партійныхъ организацій, такъ называемаго „вокуса“ (caucus), почти исключаетъ всякую возможность избранія „независимаго“ кандидата. Партійная организація или „вокусъ“ сама назначаетъ кандидатовъ и часто посылаетъ человѣка изъ одного конца страны въ другой для завоеванія избирательнаго участка, населеніе котораго раньше и понятія не имѣло о существованіи этого кандидата. И вотъ, мы видимъ какого-нибудь молоденькаго лорда, только-что оставившаго колледжъ, вступающимъ кандидатомъ въ представители отъ участка съ чисто-рабочимъ, трудовымъ населеніемъ. Молоденькій лордъ, чистенькій, выхоленный, отличный знатокъ лошадей, искуснѣйшій гребецъ и ловкій футболистъ, почувствовалъ въ себѣ, или кто-то ему подсказалъ, призваніе къ политикѣ. Въ университетскомъ клубѣ, въ Кембриджѣ или Оксфордѣ, онъ, дѣйствительно, не разъ срываетъ аплодисменты товарищей за рѣчи, и отчего бы ему не попробовать выступить и въ самомъ дѣлѣ на публичномъ избирательномъ митингѣ? Быть можетъ, и выберутъ, и тогда, въ ожиданіи перехода въ палату лордовъ, гдѣ пока засѣдаетъ отецъ его, можно будетъ побаловаться политикой и въ палатѣ общинъ, обратиться въ члены правительства и продолжать карьеру, „по традиціи“ принадлежащую членамъ его семейства. И избиратели, у которыхъ только и есть возможность изъ двухъ золъ выбрать меньшее, невольно подають голоса за молоденькаго лорда. И послѣдній, избранный ими, вступаетъ въ палату общинъ представителемъ населенія, съ которымъ у него нѣтъ абсолютно ничего общаго, если не считать двухъ-трехъ пунктовъ политической программы, иногда совершенно непрічастныхъ жизни мѣстнаго населенія. На послѣднихъ общихъ парламентскихъ выборахъ,

напримѣръ, въ палату общинъ были избраны сынъ графа Розбери, 24-лѣтній лордъ Дальмени, сынъ графа Стара, виконтъ Далримплъ, лордъ Тэрноуръ, котораго одинъ ирландскій депутатъ обозвалъ очень непарламентскимъ именемъ — „рѣзвый щенокъ“, сынъ лорда Ротшильда и тому подобныя „типичныя“ представители трудового земледѣльческаго и городского населенія.

Членъ англійскаго парламента, поэтому, если и представлялъ собою избирателей, то не какъ плоть отъ плоти ихъ, а какъ нѣчто внѣшнее, формальное, какъ приказчикъ представляет собою хозяина. Внутренней связи между ними не было, и по депутатству никоимъ образомъ нельзя было судить о пославшихъ его. Палата общинъ представляла собою „лучшій въ Англии клубъ“, члены котораго принадлежали въ одному классу людей, и ничѣмъ не напоминала о томъ разнообразіи въ составѣ общественнаго организма, о той пестротѣ классовъ и интересовъ, которыми полна жизнь за стѣнами парламента. Это классовое однообразіе англійскаго представительства особенно рельефно отпечатлѣвалось на характерѣ главныхъ политическихъ дѣятелей, на партійныхъ вождяхъ, которые, хотя и состоятъ во главѣ борющихся между собою теченій, въ сущности ничѣмъ, ни по общественному положенію, ни по воспитанію, ни по происхожденію, другъ отъ друга не отличаются. И если отбросить нѣкоторыя разницы въ личныхъ дарованіяхъ и партійныхъ программахъ, то было бы очень трудно провести линію, напримѣръ, между Гладстономъ и Солисбери или Бивонсфильдомъ, между Кемпбель-Баннерманомъ и Бальфуромъ или между Аскитомъ и Бальфуромъ. Это все одного поля ягоды. Да не только нѣтъ разницы между двумя современниками, но нѣтъ почти никакой разницы между ними и ихъ предшественниками, стоявшими во главѣ англійскихъ партій сто или двѣсти лѣтъ тому назадъ. Лордъ Сомерсъ — конца XVII-го вѣка, Фоксъ — конца XVIII-го и Гладстонъ — конца XIX-го, если и отличаются между собою, то не общественнымъ положеніемъ, воспитаніемъ или общимъ отношеніемъ къ вопросамъ жизни, а политическими программами, неминуемо мѣняющимися изъ вѣка въ вѣкъ. И какъ выразители настроенія своего народа и времени, политическіе вожди въ Англии напоминаютъ скорѣе стершіяся изображенія на монетахъ, чѣмъ что-нибудь выпуклое, яркое и типическое. Это скорѣе обобщающія величины, какія-то алгебраическія формулы, годныя для всякихъ чиселъ. Они стараются представлять собою самые противоположные интересы, богатыхъ и бѣдныхъ, капиталистовъ и рабочихъ, землевладѣльцевъ и фабри-

квантовъ, и т. д., и въ общемъ получается какой-то средній типъ отъ наложенныхъ другъ на друга фотографическихъ снимковъ.

Быть можетъ, именно такимъ „среднимъ типомъ“, лишеннымъ характерно-индивидуальныхъ чертъ, и долженъ быть народный вождь, человекъ, стоящій во главѣ большой партіи и правительства. Но огромный классъ английскихъ рабочихъ уже давно вполне ясно понялъ, что его чисто-классовые интересы требуютъ болѣе родственнаго и близкаго ему представительства, и много лѣтъ тому назадъ онъ уже началъ выискивать средства для удовлетворенія такой своей потребности. Сначала дѣло казалось труднымъ и подвигалось медленно, но тѣмъ дальше, тѣмъ успѣшнѣе дѣлались попытки и тѣмъ многочисленнѣе онѣ стали, пока, наконецъ, специально-рабочее представительство въ парламентѣ не сдѣлалось могучимъ факторомъ английской политической жизни: на выборахъ 1906-го года самостоятельно выступаетъ уже особая, такъ-называемая „рабочая партія“. Рядомъ съ политическими вождями жизнь выдвинула „рабочихъ вождей“, „labour leaders“, ярко-типичныхъ для своего класса и для своего времени и еще болѣе характерныхъ для общественно-политической жизни Англiи.

II.

Рабочій вождь въ Англiи обладаетъ вполне, такъ сказать, опредѣленными видовыми признаками, по которымъ его легко отличить не только отъ другихъ политическихъ дѣятелей въ Англiи, но и отъ рабочихъ вождей заграничныхъ. Английскій рабочій вождь прежде всего плотъ отъ плоти того класса людей, который живетъ физическимъ трудомъ и никогда по происхожденію своему не принадлежалъ къ классамъ, стоящимъ выше трудящейся массы. Всѣ английскіе рабочіе вожди вышли изъ вѣдръ народа и каждый изъ нихъ самъ проходилъ въ болѣе или менѣе продолжительное время искусь физическаго труда. Никто изъ нихъ не родился въ семьѣ бѣлоручекъ. Люди же средняго класса, или, по русской терминологіи, „интеллигенція“, среди рабочихъ вождей Англiи никогда не числились. Агитація и пропаганда на заводахъ и фабрикахъ, въ деревнѣ и мастерскихъ велись здѣсь не пришлыми добровольцами, не переодѣтыми въ рабочіе студентами и господами, а своимъ же братомъ-рабочимъ. Вслѣдствіе этого все рабочее движеніе въ Англiи носитъ совершенно особый характеръ, очень мало похожій на континентальный и

совершенно отличный от движенія въ Россіи. Вдохновляемое и вызванное реальными запросами жизни, оно совершенно чуждо доктринерства и книжности. Руководимое людьми практическаго дѣла, а не теории, оно лишено духа нетерпимости и прямолинейной теоретичности, этого болѣзненнаго плода всякой книжной, извнѣ привитой мудрости. Изъ многихъ десятковъ англійскихъ рабочихъ вождей, каждый изъ которыхъ можетъ гордиться богатой и полезнѣйшей дѣятельностью на пользу своего класса и государства, быть можетъ, лишь одинъ или два читали Карла Маркса. Я не говорю, что это большая заслуга съ ихъ стороны, но это несомнѣнно придаетъ особый колоритъ ихъ дѣятельности. Теоріей и пропагандой теоріи рабочій вождь предоставляет заниматься другимъ, людямъ богатымъ, образованнымъ, или мелкому интеллигентному пролетариату изъ журналистовъ, неудавшихся адвокатовъ и т. под. Среди этихъ теоретиковъ попадаются также выдающіеся вожди, создающіе организаціи пропаганды, принимающіе участіе въ выборахъ и вообще въ общественно-политической жизни и даже иногда и въ устройствѣ стачекъ и споровъ между хозяевами и рабочими. Таковы, напр., Гайндманъ, основатель социаль-демократической федераціи. Но эти вожди изъ интеллигенціи въ Англіи „рабочими вождями“, такъ называемыми „labour leaders“, никогда и не считались. Ихъ зовутъ „социалистами“ или социалистическими вождями. И никто графиню Варвикъ, тоже записавшуюся въ ряды англійской социаль-демократіи, не станетъ, конечно, причислять къ „labour leaders“.

Не являясь человекомъ со стороны, англійскій рабочій вождь никогда не былъ навязанъ массѣ. Онъ не пришелъ къ ней, не свалился на нее съ неба, а выдвинутъ въ первые ряды изнутри ея собственными силами. Обычный жизненный путь англійскаго рабочаго вождя приблизительно слѣдующій. Мальчикомъ онъ попадаетъ въ мастерскую, на заводъ, въ шахту или въ лавку. Отличаясь трудолюбіемъ, смѣтливостью, энергіей, честностью, а можетъ быть и краснорѣчіемъ, онъ скоро дѣлается любимцемъ своихъ товарищей по работѣ. Интересъ къ общему дѣлу выдвигаетъ его впередъ. Быть можетъ, онъ находитъ необходимымъ организовать новый профессиональный союзъ (трэдъ-юніонъ) или новый отдѣлъ союза, и онъ начинаетъ работать въ этомъ направленіи. Или же бываетъ, что союзъ уже готовъ, и нуженъ лишь подходящій для него секретарь. И будущій рабочій вождь избирается товарищами въ секретари. Иногда должность эта даровая, дающая лишь хлопоты, а не доходы. Будучи секретаремъ союза, молодой рабочій можетъ очутиться неожиданно въ центрѣ

какого-либо конфликта между рабочими и хозяевами, когда требуется особое напряженіе его способностей. Ему вдруг придется выказать тактъ, дальновидность, пониманіе положенія вопроса. Это даетъ лишній поводъ къ дальнѣйшей карьерѣ вождя. Его товарищи теперь уже вполне оцѣнили его, и считаютъ для себя гораздо выгоднѣе держать его уже всецѣло на своей службѣ, чѣмъ заставлять его добывать свое пропитаніе дальнѣйшей работой на фабрикѣ или въ мастерской. Они поэтому назначаютъ ему уже определенное жалованье, и нашъ вождь дѣлается номинально служащимъ рабочаго союза. Онъ ѣздитъ делегатомъ на съѣзды, секретарствуетъ, организуетъ отдѣлы и подотдѣлы и даже избирается въ парламентъ, какъ „служащій“, т.-е. за определенное вознагражденіе.

Это-то вознагражденіе составляетъ, между прочимъ, и второй существенный признакъ англійскаго рабочаго вождя. Киръ Гарди, на примѣръ, проповѣдуетъ тотъ же социализмъ, что Гайндманъ, но послѣдній не только ничего отъ рабочихъ не получаетъ, а еще тратитъ изъ своихъ средствъ на дѣло пропаганды и организаціи, а первый получаетъ жалованье. Онъ поэтому и есть „labour leader“, а Гайндманъ — нѣтъ. Какъ мы уже видѣли, жалованье платится не за одну пропаганду, а за завѣдываніе организаціей, за веденіе практическаго дѣла или за „службу“ въ парламентѣ, въ городскихъ и муниципальных совѣтахъ. И платитъ это жалованье отдѣльный союзъ изъ собственныхъ средствъ или нѣсколько союзовъ вмѣстѣ. Такъ, на примѣръ, жалованье рабочему вождю, „Вилму“ (Вильяма) Круксу, когда онъ былъ избранъ въ совѣтъ лондонскаго графства, платила „Рабочая лига въ Попларѣ“, куда входятъ представители разныхъ мѣстныхъ профессиональных союзовъ и другихъ рабочихъ организацій. Круксъ родился и живетъ въ Попларѣ (одинъ изъ восточныхъ участковъ Лондона), гдѣ работалъ въ бочарномъ заведеніи. Сдѣлавшись популярнымъ среди мѣстнаго рабочаго населенія, онъ въ 1892 г. получилъ отъ него приглашеніе выставить свою кандидатуру въ совѣтъ лондонскаго графства. „Послушайте, Круксъ, — сказала ему депутація отъ товарищей-рабочихъ: — вы намъ можете быть гораздо болѣе полезнымъ въ роли общественнаго дѣятеля, чѣмъ за верстакомъ. Мы бы хотѣли выставить вашу кандидатуру въ совѣтъ графства и въ другія мѣстныя учрежденія. Съ этой цѣлью мы и готовы составить подписку на капиталъ, который давалъ бы вамъ не меньше, чѣмъ вы зарабатываете нынѣ“.

Круксъ согласился. Капиталъ былъ собранъ, и какъ только его выборы состоялись, онъ сталъ регулярно получать отъ этой

лиги въ первый шесть или семь лѣтъ по 3¹/₂ фунт. стерл., а потомъ по 4 фунт., пока въ 1903 онъ не вступилъ въ парламентъ, когда жалованье его въ 200 фунт. ст. въ годъ онъ сталъ получать уже изъ кассы рабочей партіи.

Такая же рабочая лига въ другомъ лондонскомъ участкѣ, въ Батерси, содержала Джона Бернса съ 1889 до 1905 г., покуда онъ не былъ назначенъ въ члены кабинета министровъ.

Среди отдѣльныхъ союзовъ, долгое время содержавшихъ членовъ парламента изъ своей среды и еще продолжающихъ ихъ содержать, хотя уже имѣется и общій фондъ рабочей партіи, особенно выдаются союзы углекоповъ. Они первые начали посылать въ парламентъ своихъ вождей, щедро оплачивая ихъ содержаніе. Первымъ рабочимъ вождемъ изъ среды углекоповъ былъ Томасъ Бертъ (Burt), состоящій и понынѣ представителемъ впервые избравшаго его города Морпетса въ графствѣ Нортэмберлендѣ. Онъ попалъ въ члены парламента въ 1874 г., а до тѣхъ поръ состоялъ секретаремъ и организаторомъ союза углекоповъ нортэмберлендскаго графства. При избраніи въ парламентъ союзъ его назначилъ ему 500 ф. ст. въ годъ жалованья, которое онъ продолжалъ получать до 1892 г., когда былъ назначенъ Гладстономъ на министерскую должность (парламентскаго секретаря министерства промышленности).

Въ настоящее время изъ 18 представителей углекопныхъ тредъ-юніоновъ въ парламентѣ 15 человекъ все еще продолжаютъ получать свое содержаніе изъ средствъ своихъ отдѣльныхъ организацій, а остальные трое—изъ кассы рабочей партіи.

Помимо указанныхъ выше двухъ главныхъ чертъ англійскаго рабочаго вождя, а именно, его принадлежности по происхожденію и прежнимъ занятіямъ къ классу, занимающемуся физическимъ трудомъ, и, во-вторыхъ, полученія опредѣленнаго вознагражденія за свою дѣятельность вождя, слѣдуетъ указать еще на одну очень существенную особенность, которая придаетъ роли англійскаго рабочаго вождя чрезвычайное вліяніе и силу. И это—его учительская и воспитательная дѣятельность среди товарищей по работѣ.

III.

Уже изъ того, что сказано выше, ясно, что значеніе рабочаго вождя въ Англии—болѣе, такъ сказать, моральное, чѣмъ умственное. Онъ выдвигается впередъ тѣмъ уваженіемъ, которымъ его товарищи начинаютъ окружать его на первыхъ же порахъ

его рабочей карьеры. Его „character“, его нравственная физиономія, дѣлается главнымъ факторомъ его вліянія на окружающихъ. Ему начинаютъ довѣрять и начинаютъ слушаться его не потому, что находятъ резонными и справедливыми его аргументацію, его разсужденія, его „пропаганду“, а потому, что онъ оказывается „славнымъ малымъ“, честнымъ, добросовѣстнымъ, стойкимъ. Онъ „обращаетъ“ не посредствомъ книжки, а всѣмъ складомъ своего темперамента и души. И такимъ образомъ вокругъ него начинаетъ выростать ореолъ нравственного авторитета, идущаго гораздо дальше вопросовъ о заработной платѣ и рабочемъ времени.

Первый представитель отъ углекоповъ въ парламентъ, Томасъ Бэртъ, началъ, на примѣръ, свою общественную дѣятельность съ бесплатной должности секретаря воскресной школы и съ проповѣди трезвости. И послѣ, уже сдѣлавшись профессиональнымъ политикомъ, онъ продолжалъ выступать, какъ проповѣдникъ среди рабочихъ умственного развитія, принциповъ коопераціи и другихъ культурно-соціальныхъ улучшеній, помимо чисто трэдъ-юніонскихъ вопросовъ. Вотъ, на примѣръ, отрывокъ изъ его рѣчи, произнесенной имъ въ собраніи рабочихъ въ 1876 году и отлично рисующей культурную роль англійскаго рабочаго вождя. Бэртъ говоритъ о важности самообразования.

„Образованіе — сказалъ онъ — не является больше предметомъ роскоши, доступнымъ лишь для немногихъ. Оно не принадлежитъ исключительно одному лишь классу или одному лишь возрасту. Оно широко какъ человечество и можетъ справедливо считаться величайшимъ дѣломъ жизни. Мы говоримъ объ „окончаніи“ образованія послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ школѣ. Нужно выбросить изъ головы этотъ вздоръ. Иначе мы не только рискуемъ остановиться въ развитіи, но и попятимся назадъ и внизъ съ все-возрастающей скоростью. Нужно наставлять, чтобы всѣ, молодые и старые, серьезно занялись самообразованіемъ (self-culture). Особенно взываю я къ молодымъ. Какъ разъ теперь ваше великое время посѣва на всю жизнь. Вы образуете привычки, которыя останутся, вѣроятно, съ вами навсегда, а это дастъ направленіе и всей вашей будущности. Ставьте передъ собою великую цѣль. Примите рѣшеніе сдѣлать дѣломъ вашей жизни исканіе истины, которое должно быть выше всего, откуда истина бы ни пришла и куда бы она ни повела васъ. Пусть пострадаютъ ваша гордость и ваши предрассудки, пусть вамъ это покажется противнымъ вашимъ интересамъ, но все-таки я васъ прошу слушаться моего совѣта и развить свои способности

и укрѣпить свой характеръ до той степени, до которой вы для этого одарены природой. Я не говорю, что эта задача—легкая. Она требуетъ мужества, рѣшимости, сильной воли и смѣлаго сердца. Вамъ придется отказываться отъ многого и жить въ трудѣ. Но зато вы обрѣтете болѣе высокія наслажденія, болѣе чистыя и облагораживающія, и могу обѣщать вамъ, что въ концѣ концовъ награда ваша будетъ велика”.

Уже одинъ тонъ этой рѣчи свидѣтельствуетъ больше о роли духовнаго наставника и учителя, чѣмъ демагога-агитатора. И Бэртъ—не исключеніе. Онъ лишь одинъ изъ цѣлаго ряда подобныхъ вождей.

Нынѣшній предсѣдатель рабочей партіи въ парламентѣ, Артуръ Гендерсонъ—извѣстный проповѣдникъ трезвости, и въ Ньюкестлѣ, гдѣ онъ имѣетъ постоянное жительство, когда онъ не въ парламентѣ, можно видѣть его по воскресеньямъ на перекресткахъ, какъ церковнаго проповѣдника. Самый крайній и энергичный изъ рабочихъ вождей, Киръ Гарди, пользуется огромнымъ вліяніемъ не только какъ пропагандистъ социализма, но и какъ прекрасный этический лекторъ, умѣющій всякій вопросъ перенести въ высшую сферу морали, религіи и поэзіи. Но, быть можетъ, самый яркій примѣръ „учителя“ представляетъ собою уже названный нами выше Вилль Круксъ, обладающій удивительнымъ пафосомъ рѣчи, который кажется тѣмъ сильнѣе, что онъ не сопровождается никакими литературными прикрасами, а истекаетъ изъ простой жизненной передачи личныхъ наблюдений.

Задолго до своей общественной дѣятельности, какъ членъ совѣта лондонскаго графства и потомъ какъ членъ парламента, еще состоя бочаромъ на одномъ пивоваренномъ заводѣ, Круксъ пріобрѣлъ огромное вліяніе, какъ воскресный проповѣдникъ у воротъ истъ-индскихъ доковъ. Благодаря его регулярному появленію въ этомъ мѣстѣ изъ воскресенья въ воскресенье и учительскому характеру произносившихся имъ здѣсь рѣчей, мѣсто это стало даже извѣстно какъ „колледжъ Крукса“. Въ этомъ „колледжѣ“ Круксъ почти не касался социализма и экономическихъ вопросовъ, а говорилъ главнымъ образомъ объ обязанностяхъ гражданина и отца семейства. Особенно часто говорилъ онъ противъ пьянства, и въ виду того, что рѣчи его всегда полны анекдотами и примѣрами изъ повседневной жизни, онѣ приковывали къ себѣ вниманіе многихъ тысячъ слушателей, которые при другихъ обстоятельствахъ проводили бы время въ ближайшихъ кабакахъ.

Нѣкоторые изъ его рѣчей того времени воспроизведены от-

рывками въ его биографіи, напечатанной въ 1907 году. И какъ образчикъ манеры его говорить, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь одну или двѣ выдержки. Онъ говорилъ о грѣхѣ пьянства.

„Одна изъ главныхъ причинъ, отчего вы, ребята, пьянствуете, это ваша любовь къ угощеніямъ. Вы любите угощать другъ друга по каждому случаю. Разъ пьяница подписалъ обѣщаніе не пить. Положивъ перо, онъ опустилъ руку въ карманъ, пошарилъ тамъ и спросилъ даму, которой онъ далъ подписку не пить:

— Сколько?

— Ничего, — отвѣчаетъ, улыбаясь, дама.

— Какъ ничего, развѣ не нужно платить? — удивился онъ: — т.-е., вы хотите сказать, что я, рабочій человѣкъ, получаю что-либо даромъ?

— Совершенно даромъ, — повторяетъ дама.

— Первый разъ въ жизни такая оказія, чтобы ничего не платить, — говоритъ рабочій: — въ такомъ случаѣ пойдемъ, выпьемъ!“

Затѣмъ, переходя на болѣе серьезный тонъ, ораторъ спрашиваетъ: „Развѣ то, что наши бѣдныя женщины впадаютъ въ пьянство, не есть дѣло ихъ мужей? Никогда не оставляйте женъ своихъ безъ вашего участія; дѣлитесь съ ними вашими радостями и печалами, помогайте имъ въ ихъ работѣ и въ ихъ домашнемъ хозяйствѣ. Иные изъ васъ стыдятся носить на рукахъ грудного ребенка, нянчиться съ ребятами. Въ чемъ тутъ стыдъ? Я на дняхъ самъ потащилъ ребенка на рукахъ вверхъ на платформу желѣзнодорожной станціи Shadwell, потому что видѣлъ, что женщина устала. Я привыкъ къ этому. И жена, узнавъ объ этомъ, поблагодарила меня“.

Вообще, дѣятельность англійскаго рабочаго вождя не ограничивается одною профессиональною организаціей и политической пропагандой. Она гораздо шире и на практикѣ обнимаетъ собою весь кругъ интересовъ, близкихъ трудящейся массѣ, будь то интересы муниципальные, школьные, церковные и прочіе. Большинство рабочихъ вождей поэтому раньше, чѣмъ попасть въ парламентъ, уже оказывались полезными какъ члены городскихъ совѣтовъ, попечительствъ о бѣдныхъ, бібліотечныхъ комитетовъ, правленій кооперативныхъ обществъ и другихъ общественныхъ или рабочихъ учреждений и организацій. Въ парламентъ они уже попадаютъ испытанными борцами, на дѣлѣ показавшими не только преданность интересамъ избирателей, но и умѣнье серьезно заниматься общественными и государственными вопросами. Многие

изъ рабочихъ вождей уже настолько снискали себѣ уваженіе, что и правительство, все равно—либеральное или консервативное, сочло нужнымъ отмѣтить ихъ заслуги, пожаловавъ ихъ въ пожизненные мировые судьи. Такимъ образомъ, напримѣръ, Артуръ Гендерсонъ, бывший литейщикъ на заводѣ фирмы Robert-Stephenson and Co—мировой судья Ньюкестля; Альфредъ Гилль, членъ парламента отъ Болтона и бывший прядильщикъ—мировой судья Болтона; Гловеръ, бывший углекопъ и членъ парламента отъ Сень-Геленса—мировой судья этого же города; Шелтонъ, вице-предсѣдатель рабочей партіи въ парламентѣ и бывший ткачъ—мировой судья Акрингтона, и т. д.

Если имѣть въ виду, что званіе „Justice of Peace“ (мировой судья)—очень почетное въ Англии, даровавшееся въ прежнія времена однимъ лишь богатымъ свайрамъ, и что оно жалуется лицамъ, стоящимъ высоко во мнѣніи своихъ согражданъ и сосѣдей, то не трудно понять истинно моральный характеръ значенія англійскаго рабочаго вождя.

IV.

Ознакомившись съ главными характерными чертами англійскихъ рабочихъ вождей и съ условіями выступленія ихъ въ первые ряды народныхъ дѣятелей, перейдемъ теперь къ той роли ихъ, которая ограничивается работою въ парламентѣ. Здѣсь одна часть ихъ, самая большая, образуетъ самостоятельную партію, такъ называемую Labour party (рабочую или трудовую партію), а другая часть примыкаетъ къ либеральной партіи, среди которой она составляетъ лишь отдѣльную группу, такъ называемую Trade-union group. Разница между „группой“ и „партіей“, однако, очень небольшая. Ихъ раздѣляютъ не программы вопросы, не законодательные принципы, не предметы реформъ, а чисто организаціонныя соображенія и удобства—и, главнымъ образомъ, нѣкоторый профессиональный „гоноръ“ и классовый консерватизмъ. Во всѣхъ вопросахъ, касающихся рабочаго законодательства, „группа“ и „партія“ идутъ рука объ руку, но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ лишь о партійной политикѣ, т.-е. по вопросу о сохраненія нынѣшняго либеральнаго кабинета, онѣ и могутъ разойтись.

Члены тредъ-юніонской группы всѣ безусловно были раньше рабочими, и по настоящее время состоятъ должностными лицами, секретарями, президентами, казначеями, и т. п., своихъ тредъ-юніоновъ. Они всѣ получаютъ свое содержаніе непосредственно

отъ своихъ союзовъ. Въ большей части случаевъ, это все пожилые люди, проникнутые старымъ трэдъ-юніонскимъ духомъ, вѣрой въ силу профессиональныхъ союзовъ и довѣріемъ въ либеральной партіи. Многие изъ нихъ, какъ Томасъ Бэртъ, которому уже 71-й годъ, Вильямъ Абрагамъ (66 л.), Чарльзъ Фенвикъ (58 л.), Джонъ Вилсонъ (71 г.), Вильямъ Парроттъ (65 л.) и др., отлично помнятъ еще „землю египетскую“, когда имъ пришлось бороться на два фронта: съ хозяевами и съ государствомъ, когда судьи карали за стачки тюремнымъ заключеніемъ, а шахтовладельцы выселяли изъ жилищъ семейства рабочихъ, отказавшихся отъ работы. И сами испытавъ на себѣ громадный прогрессъ, сдѣланный въ правовомъ и матеріальномъ положеніи трэдъ-юніоновъ и вообще рабочихъ въ Англии за послѣднія 40—50 лѣтъ, старые вожди очень склонны къ оптимизму, и каковы бы ни были ихъ взгляды на конечное рѣшеніе соціальной проблемы, они всегда на сторонѣ медленнаго и осторожнаго законодательства, но энергичной, самодѣятельности и профессиональной организованности.

Очень характерныя въ этомъ отношеніи строки мы находимъ въ автобіографіи выдающагося рабочаго вождя, Генри Бродгѣрста, карьера котораго, между прочимъ, замѣчательна тѣмъ, что, какъ каменщикъ, онъ ремонтировалъ то самое зданіе и ту самую крышу, подъ которой онъ послѣ сидѣлъ какъ членъ парламента и даже членъ министерства. Бродгѣрстъ, за исключеніемъ недолгаго перерыва, былъ членомъ парламента съ 1880-го до 1906 г., когда, по болѣзни, больше кандидатуры своей не поставилъ. Работая простымъ каменщикомъ до 32-лѣтняго возраста, онъ остался до старости (ему теперь 68 лѣтъ) глубокимъ демократомъ, не пошедшимъ даже на вышнія компромиссы. Назначенный, въ 1886 г., Гладстономъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и возведенный въ санъ члена тайнаго совѣта, Бродгѣрстъ все же отказался явиться во дворцѣ въ придворномъ костюмѣ и, проживая гостемъ у принца Уэльскаго (нынѣшняго короля) въ Сандрингемѣ въ теченіе трехъ дней, выговорилъ себѣ право не одѣвать ни разу фрака. Какъ рабочій вождь, онъ до 1890 года сохранялъ за собою должность секретаря парламентскаго комитета, ежегодно избираемаго конгрессомъ трэдъ-юніоновъ.

И вотъ, вспоминая въ своей автобіографіи собственные ранніе годы, этотъ рабочій вождь говорить: „Огромные шаги, сдѣланные въ разныхъ сторонахъ жизни—въ отношеніи рабочихъ часовъ, платы за трудъ, воспитанія, качества пищи и одежды—

составляют чуть ли не революцію. Возьмите хотя бы пищу. Когда я былъ мальчикомъ, мать меня часто посылала за хлѣбомъ, и, подавая шиллингъ за 4-хъ-фунтовую булку, я получалъ сдачи одинъ или два пени. По качеству это былъ такой же хлѣбъ, какой печется для раздачи бѣднымъ, изъ самой грубой муки, способной засорить и самый невзыскательный желудокъ. Сахаръ считался роскошью, дозволенной лишь въ рѣдкіе случаи. Земледѣльческіе рабочіе и иные мало-зарабатывающіе труженики приправляли чай солью. Свѣжее мясо на столѣ обыкновеннаго рабочаго было рѣдкимъ гостемъ. Одежда наша была не лучше. Она была плохо сшита и изъ грубой матеріи. Нѣкоторыя части костюма тогдашняго каменщика не найдете теперь и въ самой дешевой лавкѣ готоваго платья. А между тѣмъ эта одежда часто носилась и въ праздники.

„Столъ же далеко ушло и правовое положеніе рабочаго. Въ то время какъ теперь рабочій и хозяинъ встрѣчаются другъ съ другомъ на равныхъ правахъ за столомъ примирительнаго или третейскаго суда, въ мои ранніе годы рабочій, строго говоря, не имѣлъ никакихъ правъ, результатомъ чего являлась приниженная личность съ неизменными привычками, драчливая и пьяная.

„...Озираясь на отвратительныя картины прошлаго, я смотрю на положеніе моихъ товарищей въ настоящее время съ живымъ чувствомъ благодарности. Утверждать, что свѣтъ не движется впередъ, хотя и встрѣчаются временныя задержки и отступленія, значитъ игнорировать доказанные факты“.

Это-то оптимистическое настроеніе, вытекающее изъ лично пережитого, можно отмѣтить у всѣхъ старшихъ членовъ трэд-юніонской группы въ парламентѣ.

„Я вижу кругомъ себя доказательства благополучія, какихъ много лѣтъ назадъ я не могъ видѣть,—говорилъ Томасъ Бэртъ въ одной изъ своихъ рѣчей, обращенныхъ къ своимъ товарищамъ-избирателямъ:—какъ много еще ни осталось дѣлать, но все-таки уже теперь вижу, что огромное число лицъ изъ рабочаго класса тратитъ больше, чѣмъ прежде, и на лучшее образованіе, и на лучшее питаніе и одежду... И говорю вамъ прямо,—продолжалъ Бэртъ въ той же рѣчи,—моя защита сокращенія рабочихъ часовъ и высокой рабочей платы имѣетъ другую цѣль, болѣе высокую, и если бы я не думалъ, что она можетъ сдѣлать самихъ людей лучшими, если бы я не надѣялся, что матеріальный комфортъ послужитъ основой высшаго развитія и высшаго соціальнаго прогресса, то я бы и пальцемъ не шевельнулъ въ пользу высокой платы и короткаго рабочаго дня“.

Правда, не вся группа состоитъ изъ однихъ пожилыхъ людей и изъ такихъ безусловныхъ оптимистовъ. Но все же тонъ группѣ задають именно старшіе ея дѣятели, сидящіе въ парламентѣ уже много лѣтъ и пріобрѣвшіе въ трэдъ-юніонскомъ мірѣ огромную популярность, какъ уже упомянутые Бродгэрстъ и Бэртъ, Фенвикъ, Абрагамъ, такъ и Стэдманъ, секретарь парламентскаго комитета конгресса трэдъ-юніоновъ, Ричардъ Беллъ, секретарь „Соединеннаго общества желѣзнодорожныхъ низшихъ служащихъ“, и другіе.

Но трэдъ-юніонская группа все же лишь пережитокъ прошлаго. Она существуетъ лишь по инерціи, и неминуемо обречена въ ближайшемъ будущемъ на исчезновеніе и сліяніе съ болѣе молодой, энергичной и болѣе многочисленной рабочей „партіей“. Уже теперь многіе профессиональные союзы, имѣющіе своихъ представителей среди группы трэдъ-юніонской, начали требовать отъ нихъ перехода въ „партію“. Такъ, желѣзнодорожные служащіе рѣшили, что на слѣдующихъ выборахъ всѣ ихъ кандидаты обязаны применить въ рабочей партіи. Такимъ образомъ, Ричардъ Беллъ долженъ будетъ или оставить парламентскую дѣятельность, или же подчиниться волѣ своего союза и подписать обязательство, даваемое каждымъ членомъ рабочей партіи; столь же благоприятны въ пользу „партіи“ оказались голосованія въ разныхъ союзахъ углекоповъ. Такъ, федерація углекоповъ Великобританіи, имѣющая тринадцать представителей въ трэдъ-юніонской группѣ, на съѣздѣ въ октябрѣ 1907 года, приняла резолюцію о необходимости применить къ „партіи“ и рѣшила посредствомъ голосованія узнать мнѣнія объ этомъ большинства своихъ рядовыхъ членовъ.

Что же такое эта рабочая партія, которая собирается проглотить трэдъ-юніонскую группу? И въ чемъ ея главныя отличія отъ этой группы?

V.

Какъ уже было сказано выше, по принципиальнымъ вопросамъ разницы между „группой“ и „партіей“ нѣтъ. Но партія считаетъ себя организаціей, независимой отъ старыхъ партій, а группа все еще не вышла изъ лона либеральной партіи. Но это не значитъ, что первая—соціалистическая, а вторая—либеральная. Среди первой и второй есть члены соціалисты и не-соціалисты. Стэдманъ и Уордъ, напримѣръ, въ группѣ трэдъ-юніонистовъ,—убѣжденные и давно извѣстные соціалисты; съ другой

стороны, среди рабочей партіи Шеклтонъ и даже самъ Гендерсонъ, председатель партіи, вовсе не признають себя социалистами. Но, несомнѣнно, рабочая партія въ общемъ болѣе радикальна, чѣмъ группа, и во всякомъ случаѣ болѣе стремительна и менѣе терпѣлива. Можно сказать, что вся разница между группой и партіей — дѣло темперамента. Партія состоитъ изъ болѣе молодыхъ и энергичныхъ людей, потерявшихъ терпѣніе съ старыми партіями, и ея единственный партійный девизъ — независимость. Въ то же время она менѣе замкнута, чѣмъ группа. Она состоитъ не изъ однихъ трэдъ-юніонистовъ, или, иначе говоря, она состоитъ не изъ однихъ только рабочихъ вождей, въ томъ смыслѣ, какъ мы здѣсь опредѣлили англійскаго рабочаго вождя, и, напримѣръ, двое очень вліятельныхъ члена партіи, Дж. Рамсей Макдональдъ и Филиппъ Сноудэнъ, рабочими никогда не были и ни въ какомъ трэдъ-юніонѣ не состояли. Первый былъ учителемъ и приказчикомъ, а второй состоялъ раньше на государственной службѣ, которую онъ оставилъ послѣ несчастнаго паденія съ велосипеда и перелома ноги. Въ основѣ рабочей партіи лежитъ соединеніе всѣхъ организацій, принимающихъ участіе въ рабочемъ движеніи. Въ комитетѣ этой партіи внѣ парламента участвуютъ делегаты множества трэдъ-юніоновъ и двухъ социалистическихъ обществъ — фабіанскаго и „Independent Labour Party“, извѣстной больше подъ сокращеннымъ именемъ „I. L. P.“ и основанной Киромъ Гарди въ 1893 году. Задача этого комитета, возникшаго въ 1900 г., — содѣйствовать выборамъ въ парламентъ кандидатовъ, которые назначаются одною изъ организацій, входящихъ въ составъ его, и если эти кандидаты были избраны, то комитетъ обязанъ ихъ содержать. Конечно, трэдъ-юніоны всегда выставляютъ своего брата рабочаго, т.-е. кого-либо изъ своихъ хорошо имъ извѣстныхъ вождей, какъ секретари юніоновъ, президенты и пр. Но другіе участники комитета, какъ разныя отдѣленія „I. L. P.“, обыкновенно стараются выдвинуть кандидатуры своихъ молодыхъ и энергичныхъ пропагандистовъ и организаторовъ, независимо отъ ихъ происхожденія и занятій. И этотъ болѣе пестрый составъ рабочей партіи составляетъ рѣзкое различіе ея отъ группы трэдъ-юніонистовъ. Но зато эта пестрота ея составляетъ и ея слабость, такъ какъ можетъ породить большія разногласія какъ въ политикѣ, такъ и въ нѣдрахъ партіи въ стѣнахъ парламента. И среди нея есть болѣе крайніе и менѣе крайніе реформаторы, есть постепеновцы и поклонники натиска, есть чистые трэдъ-юніонисты и социалисты. Однако, это не мѣшаетъ партіи дѣй-

ствовать сплоченно, когда надо, и значеніе ея въ будущемъ должно, несомнѣнно, чрезвычайно вырости, такъ какъ она вызвана къ жизни не какимъ-либо искусственнымъ высиживаньемъ, не навѣянной извнѣ агитаціей, а серьезнымъ требованіемъ самихъ рабочихъ массъ. Сначала требованія эти высказывались въ видѣ отдѣльныхъ разрозненныхъ попытокъ посылать въ парламентъ „своихъ“ независимыхъ отъ другихъ партій людей. И эти попытки кончались почти ничѣмъ. Или кандидаты, не пользовавшіеся общей поддержкой всѣхъ рабочихъ, не попадали въ парламентъ, или же, попавъ туда, невольно примыкали въ одной изъ старыхъ партій. Основанная въ 1892 году Киромъ Гарди „независимая рабочая партія“, извѣстная нынѣ какъ „I. L. P.“, въ виду ея явнаго социалистическаго направленія, не привлекла на свою сторону тредъ-юніоновъ, этой главной организованной силы лучшей части англійскихъ рабочихъ. А между тѣмъ нужда въ отдѣльной рабочей партіи въ парламентѣ сильно назрѣвала. Всей мыслящей и лучшей части рабочихъ массъ сдѣлалось до очевидности ясно, что необходимо имѣть въ парламентѣ какую-либо независимую организацію, которая служила бы укоромъ и противовѣсомъ двумъ главнымъ партіямъ—торіямъ и либераламъ, настолько стершимся, что стали похожи другъ на друга, какъ два мѣдныхъ пятака. Не удивительно, что, наконецъ, рабочіе классы потеряли терпѣніе—и на конгрессѣ тредъ-юніоновъ въ Плимутѣ, въ 1899 г., была принята резолюція о соглашеніи съ другими организаціями для созданія самостоятельнаго и независимаго рабочаго представительства въ парламентѣ. На основаніи этой-то резолюція и былъ образованъ, въ 1900 г., „Labour Representation Committee“ (комитетъ трудового представительства), который и подготовилъ замѣчательную побѣду на парламентскихъ выборахъ начала 1906 г., когда было избрано тридцать членовъ, выставленныхъ организаціями, соединившимися въ этомъ комитетѣ. Теперь названіе „комитета трудового представительства“ замѣнено просто названіемъ „рабочая партія“. И „парламентская рабочая партія“ является голосомъ именно этой внѣ-парламентской рабочей партіи. Въ парламентѣ партія считаетъ нынѣ тридцать-одного членовъ. Внѣ же парламента въ рядахъ этой партіи считалось въ 1907 году 1.072.413 чел., состоящихъ членами разныхъ тредъ-юніоновъ и другихъ организацій, примкнувшихъ къ партіи.

Конечно, тридцать или тридцать-одинъ членовъ въ палатѣ общинъ, гдѣ число членовъ достигаетъ шестисотъ-семидесяти,—слишкомъ малая величина для того, чтобы оказывать очень боль-

шое вліаніе. Но эти тридцать человекъ являются отборными бойцами, каждый изъ которыхъ прошелъ серьезную школу организаціонной работы и политической стратегіи. Кроме того, каждый изъ нихъ уже раньше принималъ участіе въ выборныхъ учрежденіяхъ—муниципальныхъ и другихъ, и поэтому такая горсточка преданныхъ и умѣлыхъ депутатовъ неминуемо должна играть въ парламентѣ значительную роль, особенно въ Англіи, гдѣ главнымъ господиномъ положенія является всегда общественное мнѣніе. Если поэтому за этими тридцатью или тридцать-однимъ рабочими депутатами стоитъ свыше милліона людей, то этого одного уже достаточно для приданія имъ въ парламентѣ выдающагося значенія. И дѣйствительно, какъ говорить отчетъ парламентской рабочей партіи за 1907-й г., „дѣятельность какой-либо партіи въ палатѣ общинъ измѣряется не только значительными биллями, ею внесенными, исправленными и проведенными. Это, такъ сказать, лишь показная сторона работы. Есть другая сторона, и это — постоянное привлеченіе вниманія парламента къ определенной группѣ интересовъ запросами, работою въ комитетахъ, свиданіями съ министрами и предложеніями резолюцій. Своимъ независимымъ положеніемъ рабочая партія мѣшаетъ другимъ партіямъ пренебрегать интересами, заниматься которыми онѣ считаютъ для себя неудобнымъ“.

Если къ тому еще имѣть въ виду, что трэдъ-юніонская группа фактически идетъ всегда рука объ руку съ рабочей партіей, то ясно, что вліаніе послѣдней въ парламентѣ если и не является рѣшающимъ, то во всякомъ случаѣ огромно и даетъ себѣ чувствовать во всѣхъ вопросахъ внѣшней и внутренней политики Англіи.

VI.

Самой выдающейся личностью среди рабочей партіи въ англійскомъ парламентѣ является Джемсъ Киръ Гарди. Мягкій, чувствительный до слезъ, съ сдержанными движеніями и медленной рѣчью, онъ въ то же время самый рѣшительный, стойкій и смѣлый, когда дѣло касается политики и принциповъ. Для него не существуетъ „непопулярныхъ“ движеній. И въ этомъ отношеніи онъ истинный вождь, такъ какъ идетъ не за толпой, а впереди ея. При этомъ настойчивость его изумительна. Разъ убѣдившись въ истинности своего направленія, онъ уже не отступаетъ и съ поразительнымъ упрямствомъ отдается ему всецѣло, хотя бы всѣ обстоятельства, казалось, были противъ него. Та-

кимъ, напримѣръ, неизмѣннымъ рѣшеніемъ его было еще въ началѣ 90-хъ годовъ создать въ парламентѣ независимую отъ либеральной и консервативной партій партію социалистическую. Онъ началъ свой походъ почти одиночкимъ, въ самое, казалось бы, неблагоприятное время и почти безъ средствъ. Основавъ въ 1893 году „независимую рабочую партію“ („I. L. P.“), онъ, повидимому, обнаружилъ лишь слабость своей затѣи, такъ какъ на слѣдующихъ выборахъ, въ 1895 году, не только никто изъ кандидатовъ этой партіи не былъ избранъ, но и самъ онъ потерялъ мѣсто въ парламентѣ, которое онъ занималъ съ 1892 г., какъ представитель отъ Вестъ-Гема (окраина восточной части Лондона). Пораженіе его въ Вестъ-Гемѣ могло обезкуражить и болѣе глубокаго оптимиста. Населеніе тамъ бѣдное и исключительно рабочее, и если уже тутъ отвергли человѣка, несомнѣнно преданнаго интересамъ народа и происходящаго изъ рабочаго класса, избравъ вмѣсто него капиталиста-консерватора, то чего уже можно было ожидать въ скоромъ будущемъ во всей Англіи? Но, кромѣ оптимизма, Киръ Гарди обладаетъ и очень ленивымъ, дальновиднымъ умомъ, и не такимъ маленькимъ неудачамъ сбить его съ развѣ принятаго рѣшенія. И онъ сталъ продолжать дѣло своей агитаціи какъ ни въ чемъ не бывало. Общія выборы 1900 года, какъ извѣстно, были очень неблагоприятны для прогрессивнаго движенія въ Англіи. Опьяненные шовинизмомъ подъ вліяніемъ бурской войны и считая вопросъ о продолженіи войны единственно-важнымъ вопросомъ момента, избиратели опять дали полномочія кабинету Солисберри, Бальфура и Чемберлена и тѣмъ какъ бы выразили полнѣйшее пренебреженіе ко всякимъ прогрессивнымъ движеніямъ, а тѣмъ болѣе къ затѣѣ Кира Гарди. Но уже на этихъ выборахъ сказалась внутренняя цѣнность работы его, и хотя кандидаты „независимой рабочей партіи“ все еще терпѣли пораженія, но зато вождь ея, т.-е. самъ Гарди, былъ избранъ въ каменноугольномъ участкѣ южнаго Уэльса огромнымъ большинствомъ голосовъ противъ кандидата либеральной партіи. И эта побѣда его явилась предвѣстницей огромнаго успѣха на выборахъ 1906 г., когда „независимая рабочая партія“, — предметъ его многолѣтней агитаціи, — образовалась въ самомъ парламентѣ, а не только внѣ стѣнъ его. Правда, эта парламентская рабочая партія вовсе не есть та социалистическая, которую имѣлъ въ виду Гарди, и какъ мы уже знаемъ, она представляетъ собой и трэдъ-юніонскій элементъ. Но социализмъ партіи въ глазахъ Гарди не столь важенъ, какъ независимость ея „классовой“ организаціи. Социалистическое направленіе, по его убѣжденію,

само приложится къ рабочей партіи. Оно неизменно, разъ эта партія противопоставляется капиталистическимъ. Для него, какъ и для всякаго практическаго англичанина, важнѣе не ярлыкъ, не кличка и не отвлеченный принципъ, а сущность и реальныя реформы. И онъ думаетъ, что для достиженія улучшеній въ духѣ социализма даже лучше, когда рабочая партія такъ и назвѣстна подъ именемъ „рабочей“, а не социалистической, и когда нѣкоторые дѣятели социализма изъ прямолинейно-книжнаго толка требовали переименованія какъ „I. L. P.“, такъ и парламентской рабочей партіи въ „социалистическую“, Киръ Гарди, этотъ убѣжденный и открытый проповѣдникъ социализма, энергично возставалъ противъ такой перемѣны названія.

Уже это одно показываетъ, какъ идеализмъ ничуть не мѣшаетъ уму оставаться вполне на практической почвѣ. Въ парламентѣ рабочая партія, конечно, избрала его своимъ председателемъ, кавовымъ онъ продолжалъ быть до своего отъѣзда въ кругосвѣтное путешествіе.

Вліяніе Гарди, кромѣ характера, объясняется и его выдающимися ораторскими способностями. Правда, назвать его ораторомъ въ смыслѣ краснорѣчія Гладстона или хотя бы нѣшняго министра Ллойда-Джорджа — нельзя. Въ его голосѣ нѣтъ очарованія Гладстоновскаго тѣмбра, плавности и стремительной силы богатыхъ образами длинныхъ періодовъ, которые въ устахъ „великаго старца“ замѣчательно напоминали паденіе сплошной волны по безконечному ряду утесовъ. Нѣтъ у него и огня и выразительности движеній Ллойда-Джорджа. Его локти и ладони не волнуются и не говорятъ какъ бы независимо отъ оратора, какъ у этого уэльса. Но зато у Кира Гарди есть свое собственное краснорѣчіе, напоминающее взмахи топора въ лѣсу. Отчетливо, рѣзко, законченно раздается отдѣльно каждая хорошо отточенная фраза. И каждая изъ нихъ дышитъ какою-то вызывающей смѣлостью и неподдѣльной искренностью. Когда Гарди говоритъ, каждый слушатель скажетъ: „этотъ-то не вретъ“. И дѣйствительно, Гарди, какъ и всякій человѣкъ, можетъ ошибаться, но онъ „не вретъ“, а говоритъ, что думаетъ и чувствуетъ, и говоритъ ясно и вразумительно, и въ этомъ-то и кроется сила его краснорѣчія.

Достойнымъ товарищемъ и помощникомъ Кира Гарди какъ въ парламентѣ, такъ и внѣ его, является Джемсъ Рамсэй Макдональдъ. Макдональдъ (род. въ 1866 г.) ровно на десять лѣтъ моложе Гарди. Но онъ уже успѣлъ занять выдающееся положеніе какъ въ странѣ, такъ и въ парламентѣ; это—своего рода Мольтье

англійской рабочей партіи, искуснѣйшій организаторъ ея боевыхъ силъ и начальникъ ея штаба съ 1900 г., т.-е. со дня возникновенія комитета трудового представительства, когда онъ былъ избранъ въ секретари его. Должность секретаря партіи онъ сохранилъ по настоящее время. Макдональдъ—талантливый журналистъ, и хотя по рожденію принадлежитъ къ рабочему классу, по собственной жизненной карьерѣ это уже — „интеллигентъ“, внесшій и въ рабочую партію элементъ среднего класса. Для него социализмъ—уже не только та или иная реформа для улучшенія экономическаго положенія рабочаго, для удовлетворенія той или другой кричащей нужды и устраненія той или другой несправедливости, дающей себя особенно чувствовать рабочимъ массамъ. Это—социализмъ „рабочихъ вождей“. Нѣтъ, его социализмъ уже другой, это уже стройно выработанная „система“, уже „твердо проведенный принципъ“, одинаково легко примѣняемый какъ къ вопросу о націонализациі железныхъ дорогъ, такъ и къ вопросамъ колониальнымъ, тарифнымъ и другимъ. И въ нѣкоторомъ смыслѣ въ рабочей партіи Макдональдъ составляетъ мозгъ ея, умѣющій установить необходимую для партіи точку зрѣнія.

Однако, хотя онъ уже дѣйствуетъ подъ угломъ зрѣнія извѣстной предвзятости и теоретичности, онъ менѣе всего доктринеръ. Нѣкоторые изъ его враговъ (а у него ихъ много) среди англійскихъ социалистовъ презрительно называютъ его „политикомъ“, т.-е. человѣкомъ, готовымъ идти на разные компромиссы и интриги. Но это далеко не такъ. Какъ социалистъ, онъ несомнѣнно доказалъ свою искренность. Но доктринерство просто чуждо его замѣчательно ясному и здравому уму. Онъ взвѣшиваетъ каждый шагъ, каждое слово, и нѣтъ, кажется, мелочи, которую бы онъ упустилъ изъ виду. Въ парламентѣ его рѣчи замѣчательно содержательны, при всей ихъ сжатости, и къ нимъ внимательно прислушиваются не только его сторонники изъ рабочей партіи, но и вся палата общинъ. Очень красивой наружности, съ ясной дикціей, съ спокойнымъ жестомъ, онъ всегда производитъ впечатлѣніе, какъ англичане выражаются, „of a reasonable man“, т.-е. человѣка здраво-разсуждающаго. Но когда онъ стоитъ передъ толпой на публичномъ митингѣ, въ немъ пробуждается инстинктъ истиннаго борца, и онъ дѣлается неузнаваемымъ. Куда дѣвается спокойный жестъ и медленная рѣчь! Передъ нами горячій, задыхающійся отъ волненія ораторъ, который, однако, и въ пылу трибуннаго краснорѣчія не теряетъ разума и умѣетъ дать содержательную и вполне закругленную по формѣ рѣчь.

Къ тому же классу интеллигенціи принадлежит другой очень выдающійся членъ парламентской рабочей партіи, Филиппъ Сноуденъ, но по характеру это совершенно другой типъ вождя. Это не организаторъ, не политикъ, не книжный догматикъ и даже не агитаторъ, а скорѣе миссіонеръ, проповѣдникъ. Соціализмъ для него дѣло вѣры и энтузіазма, и онъ вступилъ въ ряды „I. L. P.“ не изъ какихъ-либо партійныхъ соображеній, а по внутреннему требованію совѣсти, какъ на подвигъ.

Двумя годами старше Макдональда, съ лицомъ аскета, чисто выбритымъ и сухимъ, онъ издали похожъ на юношу, слабого и худощаваго, прихрамывающаго на поврежденную паденіемъ съ велосипеда ногу. Но когда онъ начинаетъ говорить на публичномъ митингѣ, онъ сразу преобразуется, и изъ худенькаго тѣла раздается громовой голосъ, глаза начинаютъ горѣть, лицо покрывается краской—и охватывающее его воодушевленіе переходитъ и на слушателей. Его прозвали „ораторомъ рабочей партіи“, и дѣйствительно, все, что вѣра и энтузіазмъ могутъ дать, краснорѣчіе Сноудена имѣетъ. Онъ не блещетъ мѣткостью словъ, красотою образовъ и вообще вышними приѣмами краснорѣчія. Но онъ поворачаетъ глубокой искренностью, озаряющей все его существо, и большой ясностью и логичностью разсужденій.

Макдональдъ и Сноуденъ, конечно, не рабочіе вожди—это скорѣе вожди социализма, а перваго можно считать и партійнымъ вождемъ. Всѣ же остальные члены рабочей партіи могутъ съ полнымъ правомъ считаться, по нашей терминологіи, именно „рабочими вождями“. Всѣ они были и сами рабочими, и продолжаютъ еще принадлежать по своимъ тредъ-юніонскимъ связямъ къ этому классу. Однако, говорить подробно о всѣхъ ихъ было бы излишне и наврядъ-ли интересно. Мы уже выше отмѣтили Крукса. Это несомнѣнно выдающійся типъ рабочаго вождя, жизнь котораго, между прочимъ, замѣчательна тѣмъ, что, будучи въ дѣтствѣ одно время самъ жильцомъ рабочаго дома, куда по бѣдности должна была переселиться его мать съ дѣтьми, онъ въ пожилыхъ лѣтахъ былъ избранъ въ предсѣдателя этого учрежденія попечительства о бѣдныхъ, и былъ даже мэромъ своего родного Поцлара, по улицамъ котораго онъ когда-то бѣгалъ голоднымъ мальчишкой. Среди рабочихъ вождей Круксъ занимаетъ особое мѣсто, какъ филантропъ. Обладая очень скуднымъ образованіемъ, онъ владѣетъ драгоцѣннымъ сердцемъ и выдающимся здравымъ умомъ. Онъ мало интересуется большими системами и крупными дальновидными планами, но зато весь отдается „мелкимъ“ дѣламъ помощи отдѣльнымъ лицамъ и семьямъ. Онъ больше,

чѣмъ всякій другой рабочій вождь, остался близокъ къ рабочей жизни, и продолжаетъ жить въ той же скромной квартирѣ, въ томъ же рабочемъ кварталѣ, какъ и жилъ десятки лѣтъ до этого, хотя ему предлагали и богатая должность, и разные капиталы, и даже одинъ изъ его поклонниковъ подарилъ ему большой домъ. Но Круксъ отъ всякихъ этихъ благъ отказался, продолжая удовлетворяться небольшимъ жалованьемъ, которое онъ получаетъ отъ рабочей партіи, какъ членъ парламента.

И краснорѣчіе Крукса—чисто народное. Въ немъ нѣтъ ничего отшлифованнаго, яркаго и искусственнаго. Но рѣчь богата прибаутками, анекдотами, воображаемыми діалогами и подчасъ глубокимъ пафосомъ, особенно когда разсказчикъ касается жизни и страданій дѣтей.

Большой популярностью пользуются и двое нынѣшнихъ вице-предсѣдателей рабочей партіи, механикъ Джорджъ Бернсъ и ткачъ Давидъ Шеклтонъ. Первый состоитъ секретаремъ могущественнаго тредъ-юніона механиковъ (Amalgamated Society of Engineers), а второй—президентъ „Соединеннаго общества ткачей сѣверныхъ графствъ“. По направленію первый социалистъ, а второй—тредъ-юнионистъ. Но оба они наврядъ ли расходятся въ какомъ-либо вопросѣ практическаго законодательства. Это типичные „здорово-мыслящіе“ англійскіе рабочіе, смѣлые, мужественные, солидные тѣломъ и духомъ и независимо-гордые. Ихъ нельзя назвать ораторами въ смыслѣ обладанія красотою слова. Но рѣчь ихъ всегда ясна, округлена и къ дѣлу, и не мудрено, что вліяніе ихъ на комитетскихъ профессиональныхъ совѣщаніяхъ, на конференціяхъ, сѣздахъ и третейскихъ засѣданіяхъ, когда придется рѣшать спорные вопросы, должно быть огромно. И въ парламентѣ въ голосу ихъ прислушиваются съ большимъ вниманіемъ, такъ какъ, въ концѣ концовъ, въ англійскомъ парламентѣ выше всего цѣнится логика и содержательность рѣчи, а не ея цвѣтистость.

С. И. Рапопортъ.

ИЗЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ
СЮЛЛИ-ПРЮДОМА

16.—Потомъ ¹⁾).

Узнавъ, что красота—обманъ иль мраморъ хладный
Изваянныхъ статуй; увидѣвъ, наконецъ,
Что слезъ своихъ потокъ я пролилъ безотрадно
На ледъ безчувственныхъ сердецъ;

Когда ужъ столько разъ я видѣлъ, какъ порокомъ
Пятнается—увъ!—чистѣйшее чело;
Когда я наблюдалъ, что подъ прекраснымъ окомъ
Таится пошлость или зло;—

Теперь, когда порой вновь нѣга поцѣлуя
Мой опытъ усыпить,—необольщенный сномъ
Я вырвусь изъ сѣтей, я говорю, тоскуя:
— О, нѣтъ, не здѣсь! Потомъ, потомъ!

Потомъ, когда для душъ открыеть въ безконечность
Сіяющую дверь нездѣшная страна;
Когда мнуетъ зло; когда въ святую вѣчность
Падутъ земныя времена;

Когда невинны вновь мы будемъ всё, какъ въ дѣтствѣ;
Когда преидеть обманъ, и выплатить всю дань
Душа людская злу; когда причинъ и слѣдствій
Сгнѣтъ страдательная твань;

¹⁾ См. выше: май, стр. 158.

Когда не будемъ ждать поблеклости въ цвѣтущемъ;
 Когда мы счастья ликъ въ всебѣднѣи святомъ
 Не будемъ затемнять ни страхомъ о грядущемъ,
 Ни сожалѣньемъ о быломъ;—

Тогда лишь полюблю тебя, въ краю нетлѣннѣи,
 Избранница моя, знакомая давно;
 И только тамъ скую съ тобой безъ опасенья
 Нерасторжимое звено!

17.—Здѣсь.

Лилея здѣсь такъ скоро отцвѣтаетъ,
 Весны нарядъ непрочень подвѣнечный...
 Найти бы край мнѣ, гдѣ весна блистаетъ,
 Блистаетъ вѣчно.

Здѣсь молодость, какъ роза, увядаетъ;
 Еще скорѣе тухнетъ пылъ сердечный.
 Найти бы уста, которыхъ жаръ пылаетъ,
 Пылаетъ вѣчно.

Здѣсь скоро сердце узы разрываетъ,
 Здѣсь рвутся цѣпи связи скоротечной.
 Найти бы любовь, что душу сочтаетъ
 Съ душой навѣчно.

18.—На набережной.

Большія суда, что на якорѣ въ гавани,
 Нагнутыя бризомъ, стоятъ передъ мѣлами,
 Рисуюсь снастями въ туманѣ, какъ въ саванѣ,
 Не мыслить о связи своей съ колыбелями.

Связь скажется въ часъ отправленья грядущаго.
 Ужъ такъ суждено, чтобъ мужчины пускалися
 Исслѣдовать даль горизонта влекущаго,
 Чтобъ женщины плакали, дома печалися.

Взмахнутъ корабли при отплытіи крыльями...
 Все меньше, блѣднѣй все предметы знакомые.
 Уходятъ гиганты съ такими усильями,
 Малютками люльками тайно влекомые.

19.—Мое небо.

Люблю лазурь небесъ и тучки, ихъ убранство;
 Но долго созерцать мнѣ страшно эту синь, —
 Страшитъ меня порой бездонное пространство,
 Безмолвіе высотъ, безстрастіе пустынь.

Внушаетъ ужасъ мнѣ Паскаль, монахъ-мыслитель,
 Когда онъ родъ людской, и жалкій, и святой,
 То въ бездну погрузить, то въ вышнюю обитель
 Вознесетъ игрой идей, столь властныхъ надъ душой.

Какъ малое дитя, чей взоръ еще блуждаетъ
 Какъ бы въ небытіи, вдругъ въ ужасъ порой,
 Прильнувъ къ родной груди, лицо свое скрываетъ
 Отъ чуждаго лица въ толпѣ ему чужой;

Какъ умирающій—кончины на порогѣ
 Продлить свою юдоль все тѣится, хотъ—старикъ,—
 И передъ вѣчностью цѣпляется въ тревогѣ
 За каждый жизни день, за каждый часъ, за мигъ,—

Такъ я, вперяя взоръ въ лазурь страны небесной,
 Невѣдомой страны,—я чую тайный страхъ,
 И вновь тянусь къ землѣ, столь милой, столь извѣстной,
 И съ нѣжностью слѣпой цѣлую почвы прахъ.

Мила мнѣ тѣснота людского кругозора;
 Привыкъ я дорожить земной своей тюрмой;
 Не въ силахъ вынести я безграннаго простора.
 Небесная лазурь—то Бога взоръ нѣмой.

Не Бога библии, съ его глаголомъ властнымъ;
 Но Бога, въ комъ для насъ ни блага нѣтъ, ни зла,
 И чье величіе въ спокойствіи безстрастномъ
 Ничтожитъ ласково земныя всѣ дѣла.

Цари, цари, Господь! Что жизнь Тебѣ земная?
 Будь скрытъ вверху одинъ въ лазоревой парчѣ.
 Но я, я—человѣкъ, я страдаю, уповаю,
 И плавать я хочу у друга на плетѣ.

Мнѣ—тѣсное гнѣздо семьи голубоовой,
 Съ просвѣтами лучей мнѣ роцъ зеленыхъ тѣнь;
 Тебѣ—величіе державы одинокой,
 Пространство безъ границъ и безъ заката день.

Ты вѣченъ—смертенъ я. И смертью дорожу я;
 Съ надеждой снова жить, окончить дни я радъ:
 Оставилъ гдѣ-то я страну, давно родную,
 И смерть свою привнекъ я мыслить какъ возвратъ.

Но это не къ Тебѣ приводитъ насъ кончина,
 Не въ Твой святой чертогъ мы перейдемъ съ земли.
 Обитель намъ Твоя безмолвна и пустынна,
 И слишкомъ велики объятія намъ Твои.

Рай долженъ походить на родину; скитанья
 Мы кончимъ тамъ свои и снова обрѣтемъ
 Всѣхъ тѣхъ, кто въ смертный часъ сказалъ намъ: до свиданья!
 И обнять буду тамъ я вновь своимъ отцомъ.

Услышимъ тамъ мы звукъ знакомаго напѣва;
 Тамъ будетъ, какъ и здѣсь, подъ нами шаръ земной;
 Быть можетъ, тамъ и ты придешь ко мнѣ, о, дѣва,
 Что, не любя меня, была любима мной.

И я бы не хотѣлъ, чтобъ все тамъ рдѣли розы,
 Чтобъ вѣчная весна цвѣла тамъ средь полей;
 Хочу тамъ испытать вновь лѣта зной и грѣзы,
 И строгость бѣлыхъ зимъ, и скорбность осеней.

Вотъ небо думъ моихъ. Другого не приемлю.
 Свободную отъ золь и мелочныхъ страстей
 Пусть Богъ намъ снова дастъ трудовъ обитель—землю!
 Вотъ рай моихъ надеждъ, эдемъ мечты моей.

Съ франц. С. Пинусъ.

П Р Е Д К И

РОМАНЪ ДЖЕРТРУДЫ АСЕРТОНЪ.

„Ancestors“, by Gertrude Atherton.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Миссъ Сэнгъ, никогда не выдавшая, чтобы у ея пріятельницы дрожала за разливаніемъ чая рука, почувствовала, послѣ двухлѣтняго скучнаго пребыванія за-границею, что у нея разыгрывается аппетитъ любопытства. Она не спѣшила, однако, удовлетворить его, зная, что изъ всѣхъ покровительствующихъ ей пріятельницъ съ лэди Викторіей Гвиннъ надо обращаться съ особенною осторожностью. Флора Сэнгъ научилась быть смѣлой, но не навязчивой, и хотя она льстила себя надеждою, что понимаетъ эту живую загадку, она постоянно чувствовала, что почва ускользаетъ у нея изъ-подъ ногъ. Въ виду возобновленія дружескихъ отношеній, прерванныхъ ея двухлѣтнимъ отсутствіемъ, она особенно желала избѣжать всякихъ нетактичностей. Въ сущности она ни къ кому не была такъ искренно привязана, и ея любопытство умѣрялось сердечною симпатіей.

Именно эта способность дружить съ людьми и безграничное добродушіе—спасали ее, несмотря на ограниченность средствъ, отъ постыдной роли приживалки въ богатыхъ домахъ. Она была дочерью сельскаго викарія въ Йоркшайрѣ, подругою окрестныхъ высокородныхъ дѣвицъ, и рано пришла къ убѣжденію, что, несмотря на ея миловидность и благовоспитанность, ей не сдѣлать

блестящей партіи, а бѣдности она не выносила. Послѣ смерти отца ей пришлось зарабатывать себѣ хлѣбъ, т.-е. поступиться своими удобствами, между тѣмъ какъ вся ея кругленькая лѣтняя особа была несклонна къ какому бы то ни было лишеніямъ. Поэтому она избрала роль домашняго друга богатыхъ свѣтскихъ женщинъ. Ровный характеръ и нѣкоторая дѣвическая восторженность—избавляли ее отъ неудобствъ подобнаго амплуа.

Она не только была достаточно умна для того, чтобы сдѣлаться полезною безъ угодливости, но сумѣла стать настолько необходимою для нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей, что, несмотря на свою молодость—ей было уже за сорокъ,—ей не приходило въ голову измѣнить имъ ради замужества, которое могло оказаться неудачнымъ.

Въ настоящее время она только что похоронила подругу, за которою самоотверженно ухаживала два года, переѣзжая съ нею изъ курорта въ курортъ, отъ специалиста—къ специалисту. Небольшое наслѣдство не внушило ей желанія начать самостоятельную жизнь; она поспѣшила на родину, гдѣ ее ожидала масса приглашеній, такъ какъ за время отсутствія она вела оживленную переписку съ друзьями. Первою въ ея спискѣ стояла лэди Викторія Гвиннъ. Въ теченіе первыхъ трехъ дней ея пребыванія въ Кэфитонѣ имъ какъ-то некогда было поговорить; сегодня хозяйка дома казалась менѣе молчаливою, но, очевидно, нервничала, и миссъ Сэнгъ прихлебывала свой чай съ такимъ видомъ, который говорилъ безъ словъ, что ей пріятно быть въ Англіи, въ Кэфитонѣ. Но хотя она молчала, взоръ ея не разъ урядкою останавливался на пріятельницѣ.

Лэди Викторія Гвиннъ, одна изъ самыхъ высокихъ и до сихъ поръ одна изъ красивѣйшихъ женщинъ въ Англіи, пользовалась репутаціей интересной и эксцентричной особы, но любилъ ее немногіе. Ея стройная фигура, гибкая вслѣдствіе физическихъ упражненій и полного незнакомства съ болѣзью, черные волосы и глаза, матовая кожа, выраженіе лица—дѣлали ее похожею сворѣе на героиню поэмы, чѣмъ на обыкновенную женщину. На картинѣ знаменитаго художника, пытавшагося уловить тайну ея выраженія, она привлекала симпатію нѣжнымъ и мужественнымъ взглядомъ и грустною складкою губъ, оттаивала высокомернымъ поворотомъ головы, вызывающимъ до дерзости, говорившимъ о презрѣніи къ людямъ. О ней ходило много самыхъ неправдоподобныхъ легендъ; покойная королева Викторія терпѣть ее не могла и не скрывала этого, возмущаясь тѣмъ, что онѣ носятъ одно и то же имя.

Впрочемъ, каковы бы ни были ея тайны, она избѣгала отерпятаго скандала; она никогда ни въ чемъ не извинялась и ничего не объясняла. Въ этомъ была ея сила. Ея уважаемый супругъ, теперь уже покойный Артуръ Гвиннъ, второй сынъ маркиза Стрѣслэнда и Зила, всегда считалъ ее образцомъ добродѣтели.

Когда лэди Викторія едва не опрокинула сливочникъ, Флора не вытерпѣла и сказала:

— Я не знала, что вы можете быть такою нервною, Викки!

— Нервы тутъ ни при чемъ, я озабочена какъ мать...

— Вы — въ роли матери?!

— Развѣ я была плохую матерью?

— Нѣтъ, но помимо этого вы — многое другое. Мнѣ легче представить васъ себѣ въ какой угодно другой роли.

— Джэку тридцать лѣтъ, мнѣ — сорокъ-девять.

— Вамъ можно дать тридцать, — сказала Флора искренно, — но въ чемъ дѣло? Джэкъ выступаетъ на выборахъ, — конечно, его выберутъ, онъ всегда сумѣетъ добиться своего. Вы, кажется, получили неприятное письмо изъ вашихъ калифорнійскихъ владѣній? Жаль, что они такъ далеко...

— Въ Санъ-Франциско срокъ аренды истекаетъ. Половина этой земли и южный ранчо — принадлежатъ мнѣ, сѣверный ранчо — собственность Джэка. Это — главный мой доходъ, а ихъ все труднѣе становится сдавать. Я скоро буду нищею. Здѣсь я живу въ качествѣ матери Джэка, иначе лордъ Стрѣслэндъ давно выгналъ бы меня. Онъ уступаетъ намъ Кэфитонъ такъ какъ у него нѣтъ средствъ содержать второе имѣнiе.

Лэди Викторія обвела взглядомъ портреты предковъ, украсившихъ стѣны, и продолжала:

— Конечно, я — англичанка, но все же мнѣ хотѣлось бы уѣхать отсюда на время. Я желала бы пожить у себя въ Калифорнiи. Дальше Нью-Йорка я не бывала. Лондонъ сталъ ненавистенъ мнѣ. Если бы не Джэкъ — я сейчасъ бы уѣхала. Все надоѣло, опротивѣло мнѣ здѣсь.

— Нехорошiй симптомъ! Это значить — молодости конецъ!

— Молодость послѣ пятидесяти лѣтъ зависитъ отъ вашего доктора, отъ вашей массажистки, отъ вашего портного. Но я теперь въ такомъ состоянiи, что никто, вромѣ Джэка, не интересуется меня...

Миссъ Сэнгъ вспомнила дошедшiя до нея въ прошломъ году слухи. Послѣ смерти Артура Гвинна, убившагося при паденiи съ лошади, сэръ Кэджъ Вэннекъ, сходявшiй съ ума по лэди Викторiи, неожиданно уѣхалъ по дѣламъ въ Родэзiю, и до сихъ

поръ не возвращался. Онъ былъ въ однихъ годахъ съ прославленной красавицей, выше ея ростомъ; въ обществѣ имена ихъ всегда соединялись, и всё почему-то думали, что въ случай смерти сэра Артура лэди Викторія выйдетъ за своего поклонника. Хотя никто не жалѣлъ ее, но бѣгство его многихъ разочаровало.

— Джэку трудно обойтись безъ васъ, — сказала Флора наугадъ.

— Надѣюсь! — сверкнула глазами лэди Викторія. — Но я хотѣла бы, чтобы Джулія Кэй пошла за него.

— Она не пойдетъ, и я не понимаю, почему вы этого желаете? Она на два года старше его, происхожденіе ея — ужасное, и вообще... вообще я не люблю ее.

— Она страшно богата, извѣстна какъ одна изъ самыхъ вліятельныхъ политическихъ дамъ въ Лондонѣ, и Джэкъ безумно въ нее влюбленъ.

— Не могу себѣ представить Джэка въ такомъ состояніи, хотя ухаживать онъ не прочь; онъ флиртовалъ даже со мною, когда у него прорывались зубы. И какъ онъ успѣваетъ возиться съ этою женщиною, когда у него такая масса дѣла? Но, кажется, сегодня для него — рѣшительный день? Впрочемъ, я не сомнѣваюсь въ его избраніи. Джэкъ и пораженіе — несомнѣнны...

— Телеграмма уже могла бы получиться! Я тоже надѣюсь на успѣхъ, но у него много враговъ. Я въ свою очередь поработала для него...

— Жаль, что онъ — не тори, — вздохнула Флора: — не люблю я либеральную партію! Это — противъ всѣхъ семейныхъ традицій!

— Пустяки! Джэкъ — прирожденный боецъ! Онъ слишкомъ прогрессивенъ и пылокъ для консерватора...

— И тѣмъ не менѣе лордъ Стрэлэндъ спитъ и видитъ его цѣромъ. Онъ былъ бы счастливъ, если бы его титулъ, помимо лорда Зиль, перешелъ въ Джэку — уже потому только, что Джэку пришлось бы тогда порвать съ либералами.

— Это погубило бы политическую карьеру Джэка. Слава Богу, что лордъ Зиль, наконецъ, помолвленъ и скоро женится.

— А если у нихъ не будетъ дѣтей? Онъ — больной. Кстати, могу вамъ сообщить, что Джулія Кэй не выйдетъ за Джэка: она помолвлена съ лордомъ Брѣслэндомъ.

— Онъ — дуракъ.

— Она этого и не отрицаетъ, но онъ будетъ герцогомъ, она — герцогиней, хотя, несмотря на весь свой умъ, она — вульгарна, какъ настоящая рагвенне...

Вошелъ лакей съ подносомъ, на которомъ лежалъ желтый конвертъ.

Лэди Викторія, не измѣнившись въ лицѣ, неторопливо открыла его.

— Джэкъ вернулся.

— Вотъ и отлично!—отвѣтила Флора такъ же спокойно.

II.

— Вы устали? Я провожу васъ въ вашу комнату. Викки очень занята.

Американка медленно встала; въ глазахъ ея блеснулъ лучъ признательности.

— Я устала, и не знаю здѣсь ни души. Я готова почти пожатьтъ, что лэди Викторія пригласила меня, хотя я всю жизнь мечтала о томъ, чтобы увидѣть настоящее англійское родовое помѣстье.

— Вы еще привыкнете къ намъ,—сказала Флора, улыбаясь.— Мы пройдемъ незамѣтно; всѣ заняты теперь разговорами объ избраніи Джэка.

Онѣ прошли мимо гостиной, гдѣ вновь прибывшіе гости собрались вокругъ чайнаго стола и стали подниматься по широкой темной лѣстницѣ. На первой площадкѣ оказалось свѣтлѣе, тутъ стѣны были увѣшаны старинными портретами и ландшафтами.

— Это произведенія великихъ мастеровъ?—спросила миссъ Изабелла Отисъ.

— Нѣтъ, великіе мастера — наверху. Я покажу ихъ вамъ завтра.

— Сколько здѣсь предковъ!

— Весь домъ полонъ ими. Лордъ Стрэлэндъ унаслѣдовалъ его отъ женской линіи. Это все Эльтоны; кажется, Джэкъ больше похожъ на нихъ, чѣмъ на Гвинновъ. Онъ вышелъ въ своихъ американскихъ предковъ. Вѣдь вы его кузина—въ седьмомъ колѣнѣ, кажется?

— Наше родство нѣсколько ближе. Но почему вы зовете его Джэкомъ? Онъ извѣстенъ подъ именемъ Эльтона Гвинна.

— Его зовутъ Джонъ-Эльтонъ-Сесиль Гвиннъ.

Онѣ шли по корридору. Миссъ Сэнгъ смотрѣла въ лорнетъ на карточки на дверяхъ.

— Вотъ ваша комната. Я сама написала вчера ваше имя.

Она отворила дверь въ просторную комнату съ обоями веселаго рисунка и старинною краснаго дерева мебелью. Зававѣсы были изъ кретона тѣхъ же оттѣнковъ.

— Вотъ звонокъ въ комнату горничной.

— У меня нѣтъ горничной. Я не богата. Удивляюсь, что лэди Викторія удостоила меня приглашеніемъ.

— Какъ странно! Можно мнѣ посидѣть у васъ? Я никогда еще не видѣла бѣдной американки...

— Буду вамъ очень признательна. Не то чтобы я была совсѣмъ бѣдна. У меня есть ранчо близъ Розуотѣра, кое-какая собственность и старый домъ въ Санъ-Франциско. Этого достаточно для того, чтобы жить съ комфортомъ, но вѣдь на свѣтѣ есть такъ много страшно богатыхъ американскихъ дѣвицъ!

— Это правда!—Миссъ Сэнгъ съ любопытствомъ англичанки разглядывала иностранку, но ея вниманіе было добродушнаго характера. Будучи до сихъ поръ въ душѣ молодою дѣвушкой, она входила въ дѣвичьи интересы. Бѣлокурая, моложавая—она казалась тридцатилѣтней, а полноту ея миссъ Отисъ приписала ея пристрастію къ сладостямъ и соусамъ.

— Какъ же это, будучи бѣдной, вы рѣшаетесь путешествовать по Европѣ?—спросила Флора.—Я отваживаюсь на это лишь въ обществѣ болѣе счастливыхъ друзей.

— Развѣ вы бѣдны?—спросила миссъ Отисъ, поглядѣвъ на ея элегантное платье изъ сѣре de шипе и кружева.

— Страшно. Мы всѣ тутъ бѣдны. Если бы не американки и еврейки, которыя платятъ за все argent comptant, портняжки не стали бы шить намъ въ кредитъ.

— Дамы тамъ внизу показались мнѣ очень богатыми.

— Онѣ просто умѣютъ одѣваться. Вы тоже умѣете,—прибавила она, одобрительно поглядѣвъ на ея дорожное платье хорошаго покроя и маленькую шляпу.—Расскажите мнѣ о себѣ. Ничего, если я закурю папироску? Васъ это не будетъ шокировать?

Миссъ Отисъ впервые улыбнулась.

— О, нѣтъ! Можетъ быть, вы дадите и мнѣ папироску? Мои еще уложены. Чтѣ вамъ рассказать о себѣ? Мать моя умерла, когда я была ребенкомъ, отецъ былъ адвокатомъ, я кончила у насъ въ Розуотѣрѣ курсъ высшей школы, знаю языки, много читала. Но это, вѣроятно, мало интересуеетъ васъ? Вы хотите слышать о прежней жизни лэди Викторіи въ Америкѣ?

— Нѣтъ, я болѣе интересуюсь вами. Но какимъ образомъ вы оказываетесь съ нею въ родствѣ?

Миссъ Отисъ объяснила, что родъ ихъ происходитъ отъ знаменитаго донъ-Хозе Аргуэлло, сынъ котораго женился на американкѣ и спасъ такимъ образомъ свои наслѣдственные земли

отъ разграбленія американцевъ. Его внучка вышла замужъ за Джемса Отиса; у нея было двое дѣтей: дочь вышла за англійскаго лорда.

— Значить, вы приходитесь Джэку троюродною сестрой?

— Родство весьма отдаленное, но отецъ взялъ съ меня слово, что когда я буду въ Европѣ, то повидаясь съ лэди Викторіей; поэтому я рѣшилась написать ей. Я всегда о ней думала исключительно какъ о матери Эльтона Гвинна, но теперь я вижу, что у нея есть своя собственная и очень опредѣленная индивидуальность...

— Еще какая! Она тридцать лѣтъ считается одною изъ первыхъ красавицъ Англій. Странно, что слава ея не дошла до васъ. Но, пожалуйста, рассказывайте дальше.

Миссъ Отисъ продолжала. Послѣ смерти отца, приведя въ порядокъ дѣла, она поѣхала въ Европу съ знакомою семьей, но черезъ полгода отдѣлилась отъ нихъ. Она объѣхала Францію, Италію, Германію, изучала языки, литературу, народности, музыку, картины. Въ Римѣ, въ Мюнхенѣ она бывала въ обществѣ; это была свободная, полная впечатлѣній жизнь, но скоро ей конецъ, надо ѣхать домой, чтобы заняться дѣлами. Англію она оставила *roug la bouche bouche*.

— Надѣюсь, что лэди Викторія—я никогда не дерзну назвать ее кузиною Викторіей—будетъ добра ко мнѣ? Я въ сущности никогда не жила—какъ живутъ молодыя дѣвушки. Мнѣ хотѣлось бы повеселиться. Притомъ, у меня куча новыхъ платьевъ.

— Я увѣрена, что Викки будетъ мила съ вами, а если—нѣтъ, то мы найдемъ кое-кого другого. Будь у васъ достаточно денегъ, вы могли бы выйти за Джэка.

Миссъ Отисъ вздернула носикъ. Раньше сорокалѣтняго возраста она не выйдетъ замужъ. Притомъ она видѣла портретъ Джэка въ газетѣ, и онъ разочаровалъ ее: она представляла его себѣ красивымъ, блестящимъ, дерзкимъ аристократомъ, отиѣченнымъ „печатью генія“, а онъ оказывается похожимъ на ея дядю Хирама.

— Его надо видѣть на трибунѣ, онъ совершенно преобразается. Что же касается до дерзости—онъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, и самоувѣренности у него достаточно. Но все же онъ—милый...

— Можетъ быть. Но я болѣе интересуюсь жизнью вообще, чѣмъ какимъ-нибудь человекомъ въ отдѣльности.

Она закурила вторую папироску. Флора Сэнгъ смотрѣла на нее съ возрастающимъ интересомъ. Это былъ совершенно новый

типъ американки. Въ чемъ крылся источникъ этой хладнокровной откровенности? Была ли она просто эгоисткой, или обладала глубокимъ внутреннимъ содержаніемъ? Самый типъ ея красоты былъ не современный: иссиня-черные испанскіе волосы и полумечтательный, полу-проницательный взглядъ синихъ глазъ. Брови были густыя; профиль, лобъ, весь обликъ серьезнаго красиваго лица — говорилъ о характерѣ и твердой волѣ. Не влюбится ли въ нее Джекъ — страстный поклонникъ красоты? Она кажется холодной, какъ лунный свѣтъ, но эта маленькая твердая ручка можетъ схватить человѣка за горло. Въ ней чувствуется „раса“, недаромъ она — потомокъ древняго рода борцовъ.

— Позвоните... Пусть подадутъ свѣчи и распакують ваши вещи. Моя комната — на той сторонѣ корридора; постучите ко-мнѣ въ семь съ четвертью, и мы вмѣстѣ сойдемъ къ обѣду. Настроеніе Вивки зависитъ всецѣло отъ того, въ какомъ состояніи вернулся Джекъ. Надѣньте самое хорошенъкое изъ вашихъ платьевъ. Здѣсь гоститъ Джулія Кэй, препротивная раг-венуе. Джекъ влюбленъ въ нее, а она выбрала другого; вашъ долгъ кузины — утѣшить его...

Послѣднія слова донесли уже изъ глубины корридора. Били часы, и Флора поспѣшила въ свою комнату.

III.

„Джекъ“, которому предстояло прославиться подъ родовымъ именемъ Эльтона Гвинна, только-что пріѣхалъ и, приведя себя въ порядокъ съ дороги, отправился къ матерѣ.

Она была уже причесана и одѣта; поэтому она сейчасъ же отослала горничную, и между тѣмъ какъ глаза ея сдѣлались нѣжны, какъ глаза всѣхъ матерей, она обняла и поцѣловала его съ особою страстностью. Она радовалась возможности отрѣшиться отъ личныхъ чувствъ и заботъ, сбросить ихъ съ себя, какъ сбрасываютъ платье. Онъ и раньше подмѣчалъ въ ней эту черту, но онъ былъ слишкомъ англичаниномъ для того, чтобы предаваться анализу: она была его лучшимъ другомъ, самою очаровательною матерью на свѣтѣ, и онъ не желалъ вторгаться въ ея душу. Онъ восхищался ею не менѣе, чѣмъ собою, и сегодня, нѣжно поцѣловавъ ее, онъ любезно сказалъ ей, что она еще красивѣе, чѣмъ всегда.

— Это оттого что я сняла глубокой трауръ; слава Богу, что-

онъ кончился; я стала настоящимъ пугаломъ, и это отзывалось на моихъ нервахъ.

На ней не было другихъ украшеній, кромѣ коле въ видѣ ошейника изъ брилліантовъ и нѣсколькихъ свержающихъ гребенокъ въ волосахъ, и она казалась великолѣпной со своимъ бюстомъ и плечами матовой бѣлизны, съ блестящими глазами, въ изящномъ туалетѣ изъ чернаго шифон и ирландскаго кружева. Ея руки, уже не такія закругленныя, какими онъ были изображены на портретѣ, полу-прикрывались прозрачными рукавами, а кисти рукъ были такъ же молоды, какъ и ея лицо.

Слегка обмахиваясь вѣеромъ и глядя на профиль сына, она стала спрашивать его. Онъ чѣмъ-то озабоченъ. Не Джулія ли причиною этого? Нѣтъ, онъ ее не видалъ, но онъ встрѣтилъ въ клубѣ лорда Зилъ, который похожъ на ходячую смерть; онъ опять сильно кашляетъ и собирается не то въ Давось, не то въ Алжиръ. Надо бы убѣдить его—поскорѣ жениться. Кэрри навѣрное согласится, но онъ самъ не хочетъ; онъ боится, что дѣти будутъ чахоточныя...

— Я почти согласна съ нимъ,—сказала лэди Викторія;—я могу поговорить съ Кэрри, но скажу прямо: если бы не ты этого желалъ, я не стала бы уговаривать ее взять на себя роль сидѣлки...

Джэкъ прервалъ мать. Чахотка у нихъ—не наследственная. Зилъ, воспитанный слабою, легкомысленною матерью, бурно провелъ раннюю молодость, что и расшатало его некрѣпкое здоровье. Кэрри, наоборотъ, здорова и дѣятельна, изъ нея выйдетъ превосходная мать.

— Встрѣча съ нимъ все мнѣ отравила, а еще вчера я былъ счастливъ моею побѣдою, какъ шевалье! — воскликнулъ онъ мальчишески-нѣтерпѣливо.

— Я напишу Кэрри, но, пожалуйста, не волнуйся. Всѣ говорить о твоёмъ блестящемъ избраніи...

— Большой изъ всего этого толкъ, если мнѣ суждено залесневѣть въ верхней палатѣ!

— Выкинь это покуда изъ головы. Воля—прежде всего, но если ее не упрашивать, она—слабѣть.

— Хорошо, мама. Вы всего оригинальнѣе въ роли проповѣдницы. Итакъ, Джулія Кэй здѣсь? На эти три недѣли я насильственно выбросилъ ее изъ моихъ думъ. Она написала мнѣ три письма—преlestныхъ письма!—онъ вдругъ улыбнулся—улыбкою, мгновенно преобразившей его высокомерное лицо, дѣлавшее его для многихъ несимпатичнымъ.—А какъ вы думаете, можетъ ли сильная воля покорить женщину?

Она раскохоталась.

— Съ одною волею нельзя ни внушить любви, ни вырвать ее,—можно только задать ей встряску. Но я и не особенно вѣрю въ твою любовь къ Джуліи Кэй. Быть можетъ, на нее произведетъ впечатлѣніе твой флѣртъ съ американскою кузиной?

— Съ кѣмъ?..—Онъ широко раскрылъ глаза.

Лэди Викторія успѣшила объяснить ему отношенія миссъ Отисъ къ ихъ семьѣ. Она имѣетъ кое-какія средства, репутація ея безупрочна, она хорошо воспитана и замѣчательно хороша собой. Если она окажется пріятною особой, надо будетъ пригласить ее—остаться подольше.

— Возьмите ее въ пріемныя дочери, я не стану ревновать. Мнѣ жаль, что вы такъ одиноки.

Онъ всталъ и поцѣловалъ ее въ лобъ — очень осторожно — такъ, чтобы не задѣть ни одного волоска артистически устроенной прически.—Теперь пойду, покараулю Джулію гдѣ-нибудь у лѣстницы: она всегда опаздываетъ. Завтра, между одиннадцатью и двѣнадцатью, расскажу вамъ всѣ подробности избирательной кампаніи. Она, дѣйствительно, сошла блистательно. Противникъ мой былъ молодчина, и побороться съ нимъ стоило труда. Когда я выходилъ на трибуну, его партія ревѣла и шипѣла по четверти часа. А когда я кончалъ рѣчь, они снова принимались ревѣть, но уже на другой ладъ...

Его тонкая, худощавая, почти мѣшеватая фигура словно выросла. Скрытый магнетизмъ окружилъ какимъ-то ореоломъ его блѣдное, безцвѣтное лицо, а сѣрые свѣтлые глаза засіяли блескомъ, сдѣлавшимъ ихъ прекрасными.

— Это было настоящее торжество! Я чувствовалъ себя опьяненнымъ, я почти шатался, — хорошо, что этого не замѣтили! Я зналъ, что во мнѣ видятъ „надежду молодой Англіи“, самую крупную политическую силу изъ молодыхъ. Мнѣ не хотѣлось спать, чтобы не забывать объ этомъ и во снѣ. Прочь скромность! Тотъ, кто ее культивируетъ — отказывается отъ величайшаго наслажденія въ жизни... Обладать молодостью, деньгами, талантомъ, увлекать за собою людей, стать во главѣ партіи—это такое, такое счастье...

Онъ вдругъ оборвалъ, вспыхнулъ, засмѣялся и пожалъ плечами.

— Я ни предъ кѣмъ, кромѣ васъ, такъ не распускаюсь... Но пока—довольно. До свиданія!

IV.

— Хотѣла бы я, чтобы въ родовыхъ замкахъ было электрическое освѣщеніе! — со вздохомъ сказала себѣ миссъ Отисъ, когда она, одѣвшись при свѣтѣ четырехъ свѣчей, слабо мерцавшихъ во мракѣ огромной комнаты, спускалась теперь по лѣстницѣ, придерживая рукою свое блѣдно-голубое — первое съ трюномъ платье. Глаза ея машинально скользили по темнымъ портретамъ и картинамъ, но вдругъ они остановились на живомъ лицѣ. Внизу у самыхъ перилъ стоялъ молодой человѣкъ.

— Дядя Хирамъ—Джонъ Эльтонъ Гвинни!—Какое сходство и какая вмѣстѣ съ тѣмъ разница! Эти прямые, нѣсколько длинные, свѣтлые волосы, выжидающее выраженіе холодныхъ глазъ— дѣлали его скорѣе похожимъ на студента, чѣмъ на блестящаго оратора, свѣтскаго человѣка, ловкаго спортсмена и наѣздника. Носъ и подбородокъ были у него рѣзко очерченные, выразительные, но ротъ крупный, жесткій, какъ у прусскаго офицера. Несмотря на изящный вечерній костюмъ, онъ до смѣшного походилъ на дядю Хирама — деревенскаго стряпчаго и фермера, всю жизнь носившаго одно грубое сукно.

Тѣмъ не менѣе, онъ улыбнулся, и она отвѣтила любезною улыбкою. Онъ подошелъ къ ней.

— Надѣюсь, что вамъ сказали, кто я такая? Ваша мать была очень занята... Меня зовутъ Изабелла Отисъ.

— Конечно, мама говорила мнѣ о васъ. Я очень радъ видѣть васъ въ нашемъ домѣ. Провести васъ въ столовую?

Они шли молча; она не могла придумать, о чемъ бы заговорить съ нимъ, да не особенно и старалась, чувствуя, что онъ ею не интересуется. Но вдругъ она вспомнила, что миссъ Сэнгъ обѣщала ждать ее. Онъ расхохотался.

— Вы принимаете насъ слишкомъ въ серьѣзъ. Флора сошла внизъ уже съ четверть часа тому назадъ,—она, очевидно, забыла.

Изабелла вспыхнула, и отвѣтила съ большею холодностью, чѣмъ это требовалось обстоятельствами, что она дѣйствительно привыкла къ точности—даже въ мелочахъ. Притомъ здѣсь легко заблудиться.

— Американцы всегда найдутъ дорогу, — отвѣтилъ онъ со вспышкою юмора въ глазахъ. — Вотъ и гостиная! Вы не обязаны подходить къ моей матери. Мы не такъ строго придерживаемся церемоніала, какъ пишутъ объ этомъ въ романахъ.

Пустивъ на прощанье эту стрѣлу, онъ оставилъ ее и пошелъ къ смуглой маленькой женщинѣ съ плебейскимъ лицомъ и великолѣпными черными глазами.

— Грубый человекъ... Джулія Кэй навѣрное?

Но Изабелла скоро позабыла ихъ обоихъ, заинтересованная новымъ для нея зрѣлищемъ. Квадратная бѣлая зала была освѣщена восковыми свѣчами. Чудные туалеты, блескъ брилліантовъ, оживленный говоръ... Робость не была свойственна ей, и поэтому она спокойно остановилась въ ожиданіи, вполнѣ сознавая, что ей гордая оригинальная красота сразу привлекла къ себѣ вниманіе общества.

Пріѣздъ сына вывелъ лэди Викторію изъ апатіи, и она встрѣтила Изабеллу обворожительной улыбкой.

— Не правда ли, какая прелесть Джэкъ? Я посажу его рядомъ съ вами, чтобы вамъ не было скучно. Боже, что за волосы! Это—ваше испанское наслѣдство. Я унаслѣдовала только глаза. Хорошо ли вы устроились? Надѣюсь, что вы пробудете съ недѣлю? Я такъ рада, что Джэкъ вернулся. Безъ него такъ пусто...

Изабелла восхитилась материнскимъ энтузіазмомъ этой красивой женщины, годъ которой подчеркивалъ возрастъ ея сына. Лэди Викторія любезно упрекнула ее за то, что она до сихъ поръ не давала о себѣ вѣстей, и когда ея интересъ къ бесѣдѣ съ родственницею истощился, она подоввала молодого человека, красиваго, бѣлокураго, чистокровно англійскаго типа, и проговорила:

— Джими, вы поведете миссъ Отисъ къ обѣду.

Изабеллѣ было бы легко завязать разговоръ, но англійскіе обычаи уже не разъ шокировали ее, и она рѣшила быть такою же безучастной, какъ ея хозяйка, и ничѣмъ не утруждать себя. Почему она должна стараться понравиться имъ? Пусть она ухаживаютъ за нею!

Ея кавалеръ не спѣшилъ, однако, выказывать ей вниманіе, и въ началѣ обѣда онъ десять минутъ проговорилъ съ Гвинномъ объ избирательной кампаніи. Очевидно, онъ тоже одержалъ побѣду. Изабелла сидѣла величественная, какъ портретъ Рейнольдса, и любовалась картинами на стѣнѣ.

Визави Изабеллы была высокая, полная дама, веселая и разговорчивая. Она часто смѣялась сдержаннымъ, веселымъ смѣхомъ. Миссъ Отисъ оглядѣла столъ и, замѣтивъ общее оживленіе, внезапно сдѣлала открытіе, что она единственная изъ всѣхъ держитъ себя чопорно и натянута... Это разсмѣшило ее. Она

винула украдкой взглядъ на карточку своего кавалера и, прочтя: „Лордъ Иксэмъ“, спросила невиннымъ тономъ:

— Какимъ образомъ вы сдѣлались членомъ нижней палаты?

Онъ поднялъ глаза отъ тарелки и отвѣтилъ суховаго:

— Посредствомъ избавія.

— Но вѣдь пэръ не можетъ быть членомъ нижней палаты?

— Не можетъ.

— Такъ какъ же вы?..

— Я не пэръ!— Онъ надулся.— Я сынъ пэра, это—не одно и то же.

— Вы сѣрдитесь потому, что я ничего о васъ не знаю,— сказала Изабелла лукаво,—но неужели стоило терять время на изученіе геральдическихъ книгъ?

— Конечно, нѣтъ,— отвѣтилъ онъ ехидно:—здѣсь есть болѣе интересные предметы.

— Или мѣстности; онѣ интереснѣе большинства людей, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться.

Тутъ она внезапно измѣнила тактику и улыбнулась ему, причемъ въ углу ея рта показалась крошечная ямочка. Онъ впервые увидѣлъ ея странные синіе глаза съ широкими зрачками, окаймленные черными длиннѣйшими рѣсницами, и понялъ, что она очень хороша.

— Простите, я боюсь, что былъ невѣжливъ? Но я очень робокъ и боюсь американовъ болѣе всего на свѣтѣ.

— Я не настоящая американка, я уроженка Калифорніи.

Они разговорились. Онъ удивился ея интересу къ политикѣ, чуждому большинству американовъ; онѣ даже считаютъ тауваис герге знать: кто въ настоящее время президентъ. Въ Англии—наоборотъ. Дамы—настоящая сила; ихъ роль въ дѣлѣ предвыборной агитаціи—рѣшающая. Его сестра, напримѣръ (онъ указалъ на веселую даму визави), положительно, провела мужа въ парламентъ; она очень краснорѣчива, чего нельзя сказать о немъ. Вотъ м-съ Сифтонъ—специалистка по вопросамъ колониальной политики, а лэди Сесилія—настоящій лидеръ...

— Ваши дамы не похожи на нашихъ горожановъ изъ крупныхъ центровъ. Зато нѣчто подобное мы имѣемъ, какъ это ни покажется вамъ парадоксально, въ маленькихъ городахъ. Тамъ онѣ много работаютъ надъ улучшеніемъ условій мѣстной жизни. Это—культуртрегеры въ лучшемъ смыслѣ слова. Ихъ дѣятельность очень плодотворна.

— Конечно,—согласился заинтересованный лордъ Иксэмъ.

— Моя прекрасная вузина убѣждаетъ васъ въ чемъ-то?—

вдругъ спросилъ Гвиннъ. Онъ сидѣлъ насупившись и казался не въ духѣ.

— Кузина?—удивился Иксэмъ.

— Да, мы—кузины,—сказала Изабелла тономъ поворности судьбъ.

Иксэмъ разсмѣялся, а Гвиннъ такъ поглядѣлъ на нее, словно ему былъ совершенно чуждъ даръ юмора. Она съ тѣмъ же безстрастно-невиннымъ видомъ подняла свои рѣсницы.

— Я сходила съ ума отъ радости, что увижу моего кузена,—продолжала она тѣмъ же невозмутимымъ тономъ, представлявшимъ забавный контрастъ съ ея словами,—а теперь я вижу, что онъ похожъ, какъ двѣ капли воды, на моего дядю Хирама, который говорилъ со мною только для того, чтобы сказать: „Маленькимъ дѣвочкамъ спать пора“.

Не сгущая тѣмбра голоса, она придала ему покровительственно-мужской оттѣнокъ, который заставилъ разсмѣяться лорда Иксэма и его сестру, всю задрожавшую отъ сдерживаемаго хохота.

„Она догадалась, что это — изъ мести“, — подумала миссъ Отисъ и обратила свой задумчивый взглядъ на кузена. Глаза его блеснули подъ тяжелыми вѣками; онъ отвѣтилъ вкрадчиво:

— Надѣюсь, что вы найдете насъ болѣе любезными, хотя и менѣе оригинальными. Но такое поразительное сходство—не плодъ ли червчуръ пылкаго воображенія, свойственнаго вашей націи?

— Хорошо, я беру мои слова назадъ, но вы могли бы быть его сыномъ, а не племянникомъ,—настолько оно велико.

— Этимъ многое объясняется,—вмѣшалась леди Сесилія.— Знаете, Джэкъ, я всегда говорила, что въ васъ есть что-то чужеземное... Вы слишкомъ энергичны и прогрессивны для старой Англіи. Если бы вы родились въ Америкѣ, вы непременно были бы президентомъ.

Онъ съ секунду поколебался и затѣмъ выпалилъ:

— Я родился въ Америкѣ. Меня увезли оттуда пятидесятилетнимъ, но это даетъ мнѣ права американскаго гражданина.

Изабелла взглянула на своего родственника съ интересомъ. Онъ вдругъ пересталъ быть для нея чужимъ человекомъ.

— Пріѣзжайте туда и попытайте счастья!—воскликнула она порывисто.—Вотъ карьера, ради которой стоить поработать! Молодая страна, полная ошибокъ, конечно, но многообъщщающая интересная... Какая разнообразная дѣятельность! Исторія Англіи закончена, исторія Соединенныхъ Штатовъ—вся впереди. И бу!

у меня брать!.. — тутъ глаза ея свергнули: — Говорить, что вы любите борьбу... Труднѣе сдѣлаться президентомъ у насъ, чѣмъ премьеромъ въ Англіи.

— Боюсь, что у меня не доставеть нужныхъ для этого качествъ. Я буду откровененъ, какъ вы, и скажу, что не мирюсь съ вашей политикой.

— Чѣмъ хуже наша политика, тѣмъ лучше для васъ. Станьте для Америки тѣмъ, чѣмъ вы въ знаменитый предокъ, „великій революціонеръ“, Самъ-Адамъ былъ для Англіи въ 1832 году. Вы можете сдѣлаться крупною исторической фигурой. Здѣсь недовольство народа—частичное, а тамъ—милліоны людей ждутъ реформъ, ждутъ обѣщаннаго имъ идеала республики. Имъ нуженъ вождь.

Гнѣвный блескъ исчезъ изъ глазъ Джэка; онъ заинтересовался ея словами и оцѣнилъ въ ней отсутствіе мелочности.

— Многое мнѣ у васъ не нравится, но тѣмъ не менѣе ваша страна живо интересуется меня. Если, несмотря на всѣ недочеты и промахи, на колоссальное пространство, на пестрое народонаселеніе—республика все-таки выжила, это—бѣрный признакъ того, что страна въ корнѣ здорова. Это—великое дѣло, поразительное дѣло. Желалъ бы я дожить до того, чтобы увидѣть Англію, всю Европу—республикой. Вотъ единственная форма правленія для уважающихъ себя людей, которые сами должны выбирать свое правительство...

— Чтѣ съ вами, Джэкъ? Вы никогда не говорили такимъ образомъ!—воскликнулъ Иксэмъ.

— Можетъ быть, и не заговорю. Я не хочу тратить силъ на недостижимое, и потому никогда не пойду за радикалами и социалистами. Но наследственное мѣсто въ парламентѣ все же представляется мнѣ дикостью. И это—въ самой цивилизованной странѣ! Въ Россіи—и въ той меньше анахронизмовъ. Сколько блестящихъ дѣятелей погибло—заживо замурованныхъ въ верхней палатѣ! Вспомните Барнстэпла...

Мужчины заговорили между собою, а миссъ Отисъ принялась изучать лицо кувена.

Краткая вспышка озарилъ его черты внутреннимъ свѣтомъ и обнаружила душу идеалиста, фанатика своего дѣла.

V.

Было воскресенье. Миссъ Отисъ рано встала и пошла гулять. Пройдя по лугамъ, она вошла въ рощу. Царила необычная тишина, ни одинъ листокъ не шевелился, небо албло, вдали блестяла вода, вѣяло прохладю и покоемъ, какого она не знала ни въ своихъ родныхъ лѣсахъ, ни въ царственныхъ паркахъ Германіи и Австріи съ ихъ вѣковыми дубами и силуэтами козулей на скалѣ...

Дорога вела въ деревню съ постройками изъ камня, сѣрою церковью и кладбищемъ, съ группою старыхъ деревьевъ, колодецъ, длинною зеленою скамьей. Далѣе были разбросаны отдѣльныя фермы и надъ всѣмъ этимъ вѣялъ глубокой миръ заколдованнаго царства. Проснется ли оно когда-нибудь?

— Вы тоже — ранняя птичка?

Миссъ Отисъ очнулась отъ своей мечты. Къ ней шла навстрѣчу въ короткомъ костюмѣ для гулянья лэди Викторія, порозовѣвшая отъ ходьбы.

— Я уже исходила миль пять; если вы не устали, пройдемте со мною до деревни.

— Я тоже могу много ходить, хотя мы, калифорнійцы, — самые лѣнливые люди на свѣтѣ.

— Мнѣ нужно поговорить „по душѣ“ съ одной молодою женщиною, — сказала лэди Викторія; — деревня невелика, всего сотня домовъ, но съ ними все же бываетъ порядочно хлопотъ.

— Никакъ не могу себѣ представить васъ въ роли благодѣтельной *châtelaine*! Вчера я писала моей пріятельницѣ Анабель Кольтонъ и готова была посвятить вамъ цѣлыя страницы описаній, но вотъ достоинство, котораго я не подозрѣвала въ васъ, лэди Викторія!

— Въ самомъ дѣлѣ? Но вѣдь нельзя прожить всю жизнь исключительно свѣтскими интересами. Во всякомъ случаѣ, посѣщенія деревни для меня менѣе неприятны, чѣмъ поѣздки къ моему свекру и придворные приемы. Я слѣжу за воспитаніемъ дѣтей — чтобы ихъ какъ слѣдуетъ мыли и кормили; когда же они кончаютъ школу, стараюсь прискаты имъ мѣсто или занятіе. Сыновъ дарить молодежи полную экипировку, но покупками завѣдую, конечно, я...

— Вы стали бы скучать безъ этого дѣла, если бы сыны вашъ женился?

— Я и тогда не оставила бы моего дѣла. У молодыхъ женъ бываетъ много своихъ заботъ. Съ другой стороны, я была бы, конечно, свободнѣе, но опять-таки я не могла бы надолго разстаться съ Джэкомъ. Большое утѣшеніе — любить кого-нибудь кромѣ себя. Вы слишкомъ молоды, вамъ еще не понять этого чувства.

Изабелла, слушая лэди Викторію, сіявшую материнскою гордостью, спрашивала себя: неужели это — та самая женщина, производившая впечатлѣніе безудержной въ наслажденіи и дерзости натуры, которая еще вчера напомнила ей Мессалину во время своего разговора съ молодымъ французомъ, расточавшимъ ей любовности? Она инстинктивно угадывала, почему, любя сына, она предоставляет ему въ то же время свободу, желаетъ даже, чтобы онъ женился. Онъ для нея — отдохновеніе, отрѣшеніе отъ себя самой въ тѣ минуты, когда она желаетъ забыться. Изабелла лишь смутно подозрѣвала о бурѣ страстей, разочарованій, горечи, волновавшей загадочную душу этой обаятельной и почти страшной женщины.

Лэди Викторія, не подозрѣвая этого анализа, вспоминала тѣмъ временемъ рассказы Флоры Сэнгъ и свои собственные впечатлѣнія. Въ твердой дѣлѣ подбородка, въ строгомъ профилѣ дѣвушки, въ спокойныхъ пронизательныхъ глазахъ, взглядъ которыхъ такъ трудно было выдерживать, выражались ясный умъ и непреклонная воля. Никто лучше лэди Викторіи не зналъ цѣну свободной и смѣлой души, составляющей такую рѣдкость. Она проговорила съ превосходно разыгранной живостью:

— Вы понимаете, что я не ради простой любовности просила васъ погостить у насъ. И не одну недѣлю, а сколько вы захотите, если не соскучитесь. Впрочемъ, теперь, въ охотничій сезонъ, домъ всегда бываетъ полонъ гостей, и у сосѣдей тоже предполагаются разныя увеселенія. Вы, конечно, ѣздите верхомъ?

— О, да! Я чуть не полъ-жизни провела верхомъ на лошади. Мнѣ очень бы хотѣлось подольше побыть у васъ, но мнѣ вскорѣ придется ѣхать домой. Моими дѣлами завѣдуетъ та же старинная контора стряпцаго, которая завѣдуетъ и вашими; затѣмъ, у меня есть на фермѣ человекъ, служащій у насъ въ семьѣ сорокъ лѣтъ, — иначе я не рѣшилась бы оставить на такое продолжительное время моихъ драгоценныхъ цыплятъ.

— Цыплятъ? Вы воспитываете цыплятъ? — воскликнула лэди Викторія.

— Отчасти. И притомъ — не на заднемъ дворѣ. У меня около тысячи бѣлоснѣжныхъ, мохноногихъ, съ кроваво-красными

гребешками питомцевъ. Имѣются инкубаторы, птичники и все такое. Они воспитываются согласно послѣднему слову науки, и имъ я обязана большею частью моего дохода. Вотъ почему я должна вернуться домой. Они нуждаются въ крайне заботливомъ уходѣ, а Маку становится не подъ силу присматривать по ночамъ.

— Извлекать доходъ изъ цыплятъ? Какъ странно! Ничуть не романтично, но интересно. А вашъ ранчо — развѣ онъ не даетъ вамъ дохода?

— У меня триста-тридцать-два акра, изъ которыхъ цѣлыхъ сорокъ-пять — подъ болотомъ. Родители мои продали большую часть земли вашимъ агентамъ. Но почему вы не побываете въ своихъ владѣнiяхъ? Я была бы счастлива принять у себя васъ и мистера... не знаю, какъ мнѣ звать его?..

— Джэкомъ, конечно, — сказала лэди Викторiя, хотя мысленно она сочла бы это „дерзостию“ — со стороны новой родственницы.

— Нѣтъ, я никогда не дерзну такъ называть его. Кузенъ Эльтонъ, можетъ быть?

— Отлично. Возможно, что я приѣду. Мы съ мужемъ провели медовый мѣсяцъ въ Калифорнiи. Онъ сломалъ себѣ ногу наканунѣ возвращенiя въ Англiю, а когда онъ поправился, для меня уже поздно было ѣхать. Такимъ образомъ вышло, что Джэкъ родился на американской территорiи.

Онѣ подошли къ деревнѣ. На прощанье лэди Викторiя милостиво пригласила миссъ Отисъ зайти къ ней въ будуаръ въ пять часовъ. Въ эти часы она всегда бываетъ у себя.

VI.

Рѣшился ли м-ръ Гвиннъ послѣдовать совѣту матери и пустить въ ходъ новое оружіе для завоеванiя м-ссъ Кэй, или онъ просто заинтересовался послѣднею „новинкой“, но только за завтракомъ онъ выказалъ Изабеллѣ особенное вниманiе; онъ даже пытался занимать ее. Миссъ Отисъ рѣшила, что хорошо проведенная ночь благотворно подѣйствовала на его настроенiе, и принимала его любезность, какъ должное, пока не уловила насмѣшливаго взгляда м-ссъ Кэй. Наканунѣ, когда ихъ познакомили, эта дама, удостоивъ ее нѣсколькими небрежно-любезными словами, рѣшила затѣмъ, что стѣсняться съ нею нечего, и почти повернувшись къ ней спиною, обращаясь исключительно къ лэди

Сесилии. Миссъ Отисъ отнеслась къ ея грубости очень спокойно, особенно когда увидѣла лукавый блескъ въ глазахъ лэди Сесилии, которая взглядомъ просила ее не уходить. Припомнивъ теперь эту маленькую сцену, она заговорила съ Гвинномъ объ его книгѣ, мало извѣстной въ широкихъ кругахъ публики, и вызвала его на разговоръ, превратившійся въ монологъ. Онъ подумалъ при этомъ, что никогда еще онъ не видѣлъ такихъ умныхъ и красивыхъ глазъ.

Во время случайной паузы это-то за столомъ спросилъ о томъ, куда дѣвался братъ лорда Брэслэнда, такъ весело проигравшій наканунѣ большую сумму въ бриджъ?

Изабелла съ удивленіемъ замѣтила, что сидѣвшій напротивъ нея капитанъ Ормондъ вдругъ измѣнился въ лицѣ. Онъ обернулся къ Гвинну.

— Простите... Я забылъ вамъ сказать... Онъ просилъ меня извиниться передъ вами... Онъ получилъ телеграмму... Ужасное извѣстіе: Брэслэндъ умеръ.

Миссъ Отисъ, вспомнивъ слова Флоры о помолвкѣ м-ссъ Кэй съ Брэслэндомъ, подняла на нее глаза и на секунду увидѣла обольстительную вдовушку безъ маски. Лицо ея помертвѣло.

— Это невозможно!—рѣзко воскликнула она:— лордъ Брэслэндъ? Я... я видѣла его два дня тому назадъ въ Лондонѣ... Онъ былъ совершенно здоровъ.

Ея словъ почти никто не слышалъ; всѣ принялись осыпать разспросами Ормонда.

— Я почти ничего не знаю,—отпѣкивался онъ,—за исключеніемъ того, что онъ заболѣлъ два дня тому назадъ аппендицитомъ въ острой формѣ, и понадобилась моментальная операція...

— Въ пятницу онъ былъ у меня,—снова вмѣшалась м-ссъ Кэй,—ему предстояло обѣдать съ лордомъ Зилемъ, лордомъ Рэглиномъ и еще нѣсколькими людьми. Они должны были собраться для дѣловаго разговора по поводу копей сэра Кэджа Вэннека въ Родэзии. Но вѣдь и вы, капитанъ Ормондъ, присутствовали на этомъ обѣдѣ? Лордъ Брэслэндъ пріѣхалъ на него здоровымъ?

— Нѣтъ, ему уже было нехорошо, и я совѣтовалъ ему поѣхать домой. Когда онъ вышелъ изъ-за стола, ему сдѣлалось дурно. Мы положили его на диванъ. Онъ не хотѣлъ, чтобы его отвезли домой въ такомъ состояніи, и увѣрялъ, что все пройдетъ. Мы перенесли его въ комнаты Рэглина наверху. Обѣдъ былъ въ клубѣ. Я былъ увѣренъ, что онъ поправится, и потому, по пріѣздѣ сюда, не сказалъ ничего его брату.

— Не понимаю все же, почему не дали знать его семьѣ? — воскликнула лэди Викторія.

— Въ Лондонѣ теперь только старый герцогъ. Днѣкъ еще въ Африкѣ. Притомъ Рэглинъ—его родственникъ. Это страшно неожиданно.

— Какой докторъ лечилъ его?—спросилъ Гвиннъ, не спускавшій глазъ съ Ормонда.

— Беллестъ.

— Чтò это за человекъ? Почему не позвали никого изъ профессоровъ?

— Ихъ нѣтъ въ городѣ. Кажется, Рэглинъ имъ телеграфировалъ.

Начались разговоры, но подъ общій шумъ миссъ Отисъ услышала, какъ Гвиннъ спросилъ у Ормонда:

— Вы чего-то не договариваете?

— Ради Бога, мой другъ, не спрашивайте меня.

VII.

Гвиннъ не представлялъ себѣ, что у него имѣлся серьезный соперникъ въ лицѣ покойнаго лорда Брѣслѣнда, и хотя онъ зналъ объ его ухаживаніи за Джуліей, онъ не вѣрилъ тому, что она предпочтетъ герцогскій титулъ въ будущемъ—возможности раздѣлить его блестящую политическую карьеру. Онъ намѣревался сдѣлаться премьеромъ, прежде чѣмъ ему исполнится сорокъ лѣтъ, и многія умудренныя опытомъ головы вѣрили тому, что это ему удастся. Правда, что м-съ Кэй была очень консервативна, но онъ не придавалъ серьезнаго значенія женскимъ политическимъ убѣжденіямъ, зная, что ими руководитъ главнымъ образомъ честолюбіе, желаніе играть выдающуюся роль. Она привлекала, отталкивала его, поощряла кого-нибудь другого въ его присутствіи и затѣмъ насмѣхалась надъ нимъ; онъ нѣсколько разъ за нее сватался, но—безуспѣшно, и это лишь подстрекало его капризную натуру; онъ не терпѣлъ легкыхъ побѣдъ. Тѣмъ не менѣе, на этотъ разъ онъ рѣшилъ „покончить“.

Послѣ завтрака, не видя нигдѣ дамы своего сердца, онъ отправился на поиски ея и встрѣтилъ Флору Сэнгъ.

— Не пошла ли Джулія къ обѣднѣ?—спросилъ онъ ее безъ всякихъ предисловій.

— Она сейчасъ же послѣ завтрака ушла къ себѣ; кажется, ее очень поразила смерть лорда Брѣслѣнда.

— Разумѣется. Мы всё поражены. Бѣдный Брэтти! Онъ былъ порядочнымъ задиромъ, но о мертвыхъ говорятъ одно хорошее. Флора, не попросите ли вы ее сойти ко мнѣ? Идти къ ней—неудобно, а вызывать ее черезъ прислугу—я не желалъ бы.

Миссъ Сэнгъ задумалась. Можетъ быть, это—самая подходящая минута для разрыва.

— Хорошо, я попробую,—проговорила она.

М-ссъ Кэй приняла ее съ невозмутимымъ видомъ, хотя казалась блѣднѣе обыкновеннаго. Она перенесла ударъ, напомнившій ей, что и баловни судьбы должны остерегаться.

— Джэкъ зоветъ васъ гулять,—заявила миссъ Сэнгъ, не видѣвшая надобности въ дипломатическихъ подходахъ.

— Это значить, что онъ снова желаетъ сдѣлать мнѣ предложеніе?—отозвалась она своимъ искусственно ровнымъ голосомъ.—Я не въ настроеніи, мнѣ нужно писать письма.

— Почему не покончить съ этимъ? Дайте ему понять, что вы за него не выйдете. По крайней мѣрѣ, вы избавите его отъ лишнихъ хлопотъ до открытія парламентской сессіи. Если вы причините серьезное огорченіе Джэку, Вилки никогда не простятъ вамъ, и многіе другіе—тоже.

— Я ни за что на свѣтѣ не желала бы огорчать его,—сказала м-ссъ Кэй, опуская глаза и принимая невинный, очень молодившій ее видъ,—и въ то же время мнѣ жаль его потерять. Онъ—самый интересный изъ моихъ поклонниковъ. Хорошо. Я приду.

Черезъ нѣсколько минутъ она встрѣтилась съ Гвинномъ у лѣстницы—обворожительная въ бѣломъ костюмѣ для гулянья и пунцовомъ токѣ. При упоминаніи о покойномъ глаза ея блеснули.

— Бѣдняжка! Я просто не могу съ этимъ свыкнуться! Мы были такими друзьями. Вы не знаете никакихъ подробностей?

— Ормондъ уѣхалъ въ городъ—очевидно, для избѣжанія разспросовъ. Вчера я видѣлъ моего кузена, лорда Зила, и мнѣ повезло, что, помимо нездоровья, онъ чѣмъ-то разстроенъ. Брэтти любилъ поволочиться, у него былъ романъ съ хористой, которой онъ измѣнялъ ради танцовщицы изъ Адельфи. Она—неаполитанка. Не пырнула ли она его ножомъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, такъ что пришлось скрыть дѣло отъ его семьи?

— Какъ противно! Не хочу думать о такихъ вещахъ въ воскресное утро.

— И не хотите меня выслушать?

— Говорите, милый Джэкъ.

Въ ней было одновременно что-то дѣвическое и пикантное.

Джекъ взялъ ея руку, сердце его громко билось. Еще никогда она не поощрала его такъ открыто.

— Я долженъ получить отъ васъ отвѣтъ сегодня, — сказалъ онъ смѣло, — и я хочу услышать: да! До сихъ поръ я позволялъ вамъ играть со мною, вамъ угодно было покапризничать, а я люблю капризы въ хорошенькой женщинѣ. Но теперь пора уже перестать, я хотѣлъ бы жениться до начала парламентской сессіи.

— Значить, вы никогда не думали серьезно о томъ, что я не пойду за васъ?

— Я никакъ не могу себѣ представить, что моя политическая карьера не удастся, а вы такъ же для меня важны, какъ и она. Я не могу жить безъ того и безъ другого.

— А если я желаю сдѣлать карьеру сама по себѣ? Вы проглотите меня цѣликомъ.

— Вы сдѣлаетесь самою могущественною женщиною въ либеральной партіи; у васъ будетъ салонъ и все такое...

— Я — консервативныхъ убѣждений.

— Что мнѣ за дѣло до вашихъ убѣждений? Я хочу вашей любви. Бросьте политику и будьте настоящей женщиною — чистой, милой, любящей...

Ея полныя пунцовыя губы дрогнули, она казалась именно такою женщиною и позволила побѣдителю обнять себя.

VIII.

Изабелла, пользуясь свободою, предоставляемою гостямъ, проводила много времени въ библіотекѣ, вообще мало посѣщавшейся. Она прочла, между прочимъ, одну изъ книгъ Гвинна, написанную имъ еще въ двадцати-четырёхлѣтнемъ возрастѣ, и подивилась ясности его пониманія, остротѣ анализа (онъ критиковалъ англійскую колониальную политику) и прозрачной твердости его стиля. Она даже пожалѣла его: у этого человѣка не было молодости. Не вздумаетъ ли онъ наверстать утраченное, когда голова его облысѣетъ?

— Честное слово, они похожи на жениха съ невѣстою!

Воскличаніе это вырвалось у лорда Исэма. Изабелла вздрогнула, но встрѣтила Исэма улыбкою. Онъ указывалъ ей въ окно на вышедшихъ изъ рощи Гвинна и м-съ Кэй.

Исэмъ былъ недурнымъ типомъ англичанина, по мѣрѣ миссъ Отисъ: шести футовъ роста, бѣлокурый, красивый, съ военною выправкою, хорошо воспитанный и пріятный.

Онъ сѣлъ рядомъ съ нею и подумалъ, что она еще красивѣе при солнечномъ свѣтѣ, согрѣвавшемъ бѣлизну ея кожи, и что три миниатюрныхъ родимыхъ пятнышка (прежде онъ терпѣть ихъ не могъ у женщины) придають нѣкоторую кокетливость ея строгой красотѣ. Но болѣе всего онъ цѣнилъ красоту волосъ, и, болтая о пустякахъ, онъ не отрывалъ глазъ отъ тяжелой черной массы ея волосъ.

— Простите меня, — проговорилъ онъ, не выдержавъ, — я думалъ всегда, что подобные волосы встрѣчаются лишь въ романахъ и поэмахъ. Это все ваши?

— Если бы вамъ пришлось носить ихъ на головѣ хотя одинъ день, вы не задали бы мнѣ такого вопроса.

— Хотѣлось бы мнѣ видѣть ихъ распущенными.

— Я общалась показывать ихъ нѣкоторымъ дамамъ. Если лэди Викторія найдетъ это приличнымъ, мы допустимъ и васъ.

— Надо будетъ ее попросить сегодня же послѣ чая.

Миссъ Отисъ, нѣсколько смущаясь подъ его настойчивымъ взглядомъ, перевела разговоръ на помолвку Гвинна. Нравится ли ей м-съ Кэй? Нѣтъ. Почему? Она неискренна, груба, она — плебейка до мозга костей. Ея умъ? Ея знаменитыя эпиграммы? „Либеральный перъ такъ же полезенъ, какъ пятое колесо въ телегѣ“. Такія изреченія можно фабриковать сотнями.

— Вы очень критически къ ней относитесь. Она очень популярна среди насъ, хотя я лично не принадлежу къ числу ея поклонниковъ.

— Конечно, она умна, — согласилась Изабелла, и не желая, чтобы онъ считалъ ее за „злюку“, она подняла на него глаза, прозрачно-невинные и синіе, какъ воды озера, — но поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. Вы такъ же честолюбивы, какъ мой кузень?

— Какая въ этомъ польза? Мнѣ уже уготовано мѣсто въ верхней палатѣ. Къ счастью, отецъ мой здоровъ. Я тоже либераль, но покоряюсь неизбежной судьбѣ и постараюсь принести посильную пользу и въ новомъ положеніи. Но для Джэка это было бы гибелью...

Они оживленно проговорили до завтрака, а затѣмъ Флора Сэвгъ повезла Изабеллу кататься, съ цѣлью сообщить ей о помолвкѣ, удручавшей и раздражавшей ее. Джулія Кэй сумѣла обойти и лэди Викторію, которая считаетъ ее интересной, привантной женщиной, способною удержать Джэка отъ гибельныхъ для его карьеры увлеченій, но когда Джэкъ „раскусить“ ее съ ея эгоизмомъ и вульгарностью — ему жизнь будетъ не въ жизнь...

— Не можете ли вы намъ помочь? Такъ ли вы равнодушны, какъ кажется?—внезапно обратилась она къ прїѣзжей, которая все больше и больше привлекала ее къ себѣ.

— Какимъ образомъ? Для этого нужна извѣстная восторженность, а, говоря откровенно, ваше восьмое чудо свѣта не вызываетъ ее у меня. Мнѣ больше нравится лордъ Исэмъ.

— Джими? Онъ—славный, какъ типъ. Вы собираетесь за него замужъ?

— Я даже не знала—холостъ онъ или женатъ.

— Джими—хорошая партія; у него двадцать тысячъ дохода и онъ будетъ графомъ.

— Развѣ такой плодъ можетъ быть сорванъ первою встрѣчною?

— Для Америки нѣтъ ничего невозможнаго,—сказала Флора, глядя на ея профиль, напоминающій древнія римскія медали. Женщина съ такою наружностью и взглядами пропала бы даромъ въ роли простой графини, но въ качествѣ жены государственнаго человѣка—она была бы на своемъ мѣстѣ. Флора пожелала всею душою, чтобы она прїѣхала полугодомъ раньше, или чтобы лордъ Брэслэндъ не умиралъ...

Но она была тактична и хотѣла уже переменить разговоръ, когда Изабелла поглядѣла вдругъ на нее своими синими глазами, казавшимися теперь стальными.

— Въ концѣ концовъ я попытаюсь не допустить этого брака. Какъ?—я еще не знаю. Обстоятельства покажутъ мнѣ, какъ надо дѣйствовать.

Флора порывисто обняла ее, и онѣ весело заговорили о завтрашнемъ балѣ у герцога Аркотъ.

Флора указала своей спутницѣ на старинный сѣрый замокъ съ башнями, мимо котораго онѣ проѣзжали. У его свѣтлости собирается самое избранное общество, и мѣтившая въ герцогини м-ссъ Кэй до сихъ поръ не добилась туда приглашенія.

IX.

Изабелла съ нетерпѣніемъ ожидала свиданія съ лэди Викторіей, пригласившей ее къ пяти часамъ.

Она съ особенною тщательностью занялась своимъ туалетомъ и отправилась на поиски будуара хозяйки. Въ безконечномъ корридорѣ она встрѣтила Гвинна, который, будучи въ мирѣ со всѣмъ міромъ, предложилъ проводить ее. Она спросила, можно

ли его поздравить, ожидая, что онъ отвѣтитъ ей рѣзвостью, но онъ заявилъ:

— Пожалуйста! Самая чудная женщина на свѣтѣ обѣщала быть моею женою.

— Надѣюсь, что вы будете счастливы?— сказала Изабелла сердечно; его молодое увлеченіе подкупило ее.

Онъ взялъ ее руку и пожалъ.

— Благодарю васъ за искренность, съ какою это было сказано... Вотъ комнаты моей матери.

Его пожатіе было крѣпкое и теплое; миссъ Отисъ почему-то думала, что оно должно быть холодно и небрежно.

Будуаръ лэди Викторіи совсѣмъ не походилъ на старомодное убранство Кэпитона. Стѣны были оклеены японскими обоями, задрапированы индійскими тканями и убраны картинами и набросками въ стилѣ модерна. Одинъ эскизъ изображалъ Саламбô со змѣемъ.

Низкіе диванчики, тигровая шкура, смягчавшія яркій свѣтъ золотистыя драпировки придавали комнатѣ характеръ „грота Венеры“, и миссъ Отисъ почувствовала, что она со своимъ платьемъ „organdie“ какъ-то неумѣстна здѣсь. Но отступать было уже поздно: входила лэди Викторія.

На ней былъ черный съ желтымъ туалетъ, кольцо изъ золотыхъ монетъ и золотистая бабочка трепетала на ея волосахъ. Казалось, что, сообразно платью, измѣнилось и ея настроеніе: она походила на тигрицу, ожидающую жертвы. Глаза свѣтились страннымъ огнемъ; въ выраженіи губъ, въ поворотѣ головы чувствовалось затаенное сладострастіе. Она такъ не походила на утреннюю лэди Викторію, что Изабелла просто испугалась.

Чувствуя себя шестнадцатилѣтней дѣвочкой, она робко присѣла на край стула. Хозяйка, полулежа среди подушекъ, не говорила ни слова; она курила папиросу и глядѣла на миссъ Отисъ, очевидно не видя ее.

Молодая дѣвушка, желая провалиться съвозъ землю, что-то пробормотала о „прелестной комнатѣ“ и поблагодарила за приглашеніе.

— Вы не скучаете?— уронила лэди Викторія, очнувшись на мигъ, и тотчасъ же впала въ прежнее забытіе.

Но вотъ послышались шаги: въ комнату входилъ французъ, котораго лэди Викторія дарила такимъ вниманіемъ наканунѣ. Въ глазахъ его свѣтилось восхищеніе; онъ поднесъ къ губамъ кончики протянутыхъ ему пальцевъ и быстро заговорилъ по-французски. Лэди Викторія отвѣчала ему на такомъ же чистѣй-

шемъ парижскомъ языкѣ—низкимъ, мягкимъ голосомъ, въ которомъ не было ни малѣйшаго оттѣнка надменности. Оба они не обращали никакого вниманія на третье лицо, за исключеніемъ короткой церемоніи представленія. Собравшись съ духомъ, Изабелла поднялась. Тогда лэди Викторія, сдѣлавъ надъ собою усиліе, тоже встала, чтобы проводить ее до двери, и, заглаживая свою невѣжливость, ласково проговорила, слегка обвивъ рукою ея талію:

— Не разольете ли вы за меня чай? Я, вѣроятно, не сойду внизъ.

Въ ея искренности заключалась несомнѣнно тайна ея очарованія. Изабелла нравилась ей, но она совсѣмъ не заботилась о томъ, что дѣвушка можетъ о ней подумать.

Очувившись въ прохладномъ корридорѣ, миссъ Отисъ глубоко вздохнула, словно избавившись отъ опасности. Но самолюбіе ея было оскорблено; она была молода и наивна. Что она знала о грѣхѣ и страсти? Вначалѣ ее покировали легкіе нравы художественнаго мірка въ Парижѣ и Мюнхенѣ, но потомъ она примирилась съ ними, какъ съ чѣмъ-то неизбѣжнымъ. Теперь они показались ей „дѣтскою игрою“. Придя къ себѣ въ комнату, она залилась слезами.

Она впервые такъ наглядно почувствовала „зло міра сего“ и его странную связь съ добромъ. Викторія Гвиннъ была, несомнѣнно, выдающейся женщиной, способной, при случаѣ, стать героиней. Она дѣлала добро, была прекрасной матерью, и все же этотъ французъ являлся въ ея жизни лишь однимъ звеномъ длинной цѣпи романовъ, несмотря на существованіе которыхъ самыя добродѣтельныя женщины гордились знакомствомъ съ нею.

И почему сами онѣ оставались добродѣтельными? По причинѣ счастливаго брака, множества дѣтей, работы, отсутствія искушеній? Немного есть такихъ, которыя, обладая пламеннымъ темпераментомъ Викторія Гвиннъ, остаются вѣрны высокому идеалу женщины. Почему она такъ возмутилась? Что она такое—Изабелла Отисъ? Ассортиментъ флюидовъ, могущихъ кристаллизироваться въ нѣчто цѣльное, благородное, а можетъ быть—и въ нѣчто совсѣмъ банальное.

Она встала съ кушетки, на которой лежала,—часъ чаепитія давно уже прошелъ,—умыла заплаканное лицо и стала одѣваться къ обѣду. Не лучше ли ей выйти за лорда Иксэма и имѣть дюжину дѣтей? Только это, да еще бѣдность—страхуютъ женщину отъ искушеній.

X.

— Неужели это, дѣйствительно, вашъ первый балъ?—спрашивалъ Иксэмъ у сіяющей Изабеллы; ея синіе глаза казались почти черными, щеки горѣли нѣжнымъ румянцемъ. Пышное легкое бѣлое платье было убрано темными лиліями; въ волосахъ, причесанныхъ по старинной калифорнійской модѣ, красовался высокій испанскій гребень — черепаховый, съ золотомъ, а на шеѣ—жемчуга, когда-то украшавшіе шею прекрасныхъ мексиканокъ. Они принадлежали Кончѣ Аргуэлло, которая, уйдя въ монастырь, отдала ихъ брату своему Сантьяго, а отъ него они перешли къ Изабеллѣ.

— Мой первый балъ, а мнѣ уже двадцать-пять лѣтъ. Я очень отстала, какъ видите.

Танцовали въ громадной, освѣщенной электрическими лампами, картинной галереѣ съ куполомъ. Лампочки сверкали въ вышинѣ, подобно звѣздамъ. Тутъ собралось самое блестящее общество Англіи. Герцогъ былъ консерваторомъ и членомъ кабинета, его приемы славилась своимъ блескомъ, и онъ любилъ видѣть вокругъ себя цвѣтнیکъ хорошенькихъ женщинъ, а потому сразу замѣтилъ Изабеллу Отисъ. Наканунѣ, когда герцогъ завтракалъ въ Кэпитонѣ, она заявила, что боится „просидѣть“, и герцогъ съ Иксэмомъ поклялись, что у нея не будетъ недостатка въ кавалерахъ. Это пророчество такъ быстро исполнилось, что на долю самого Иксэма, къ тайному его неудовольствію, осталось лишь два вальса и кадрили. Изабелла была несомнѣнно царичею бала и, быть можетъ, предчувствуя, что онъ будетъ единственнымъ въ своемъ родѣ, она наслаждалась имъ безудержно и предавалась удовольствію со всѣмъ пыломъ своей жизнерадостной природы; сознание успѣха окрыляло ее, все ея существо непреодолимо влекло къ себѣ.

Герцогъ оказывалъ ей самое лестное вниманіе; онъ показывалъ ей свою знаменитую библіотеку, свое генеалогическое древо, свой гербъ, и она слушала его съ такимъ вниманіемъ, что онъ заподозрилъ въ ней писательницу. Помимо исторіи и генеалогіи, онъ былъ еще образцовымъ сельскимъ хозяиномъ; въ его владѣніяхъ имѣлись всѣ техническія усовершенствованія, и цыплячій питомникъ миссъ Отисъ чрезвычайно заинтересовалъ его. Она описывала свое хозяйство такъ краснорѣчиво, что онъ далъ слово немедленно выписать эту породу мохноногихъ. Иза-

беллѣ не пришлось больше танцевать: герцогъ совсѣмъ завладѣлъ ею.

Послѣ ужина прошло уже два часа, и миссъ Отисъ подумала не безъ юмора о томъ, какъ быстро разлетаются всѣ иллюзіи, когда Иксэмъ и Флора внезапно явились передъ нею съ извѣстіемъ, что пора ѣхать... Иксэмъ хмурился, Флора улыбалась.

— Для перваго раза...—проговорила она.

Изабелла и герцогъ разсмѣялись и крѣпко пожали другъ другу руки.

— Когда я вернусь домой, мы станемъ переписываться. Я сообщу вамъ о положеніи дѣлъ.

— Герцогъ совсѣмъ помолодѣлъ,—сказалъ Иксэмъ, покуда они шли по корридору.—Нѣтъ ли у васъ въ Калифорніи живеннаго эликсира? Вы обѣщали ему рецептъ?

— Нѣтъ,—отвѣтила она скромно,—я просто посвящала его въ тайну воспитанія цыплятъ.

Иксэмъ вытаращилъ глаза, а Флора расхохоталась.

— Я начинаю думать, Изабелла, что вы—большая плутовка!

И миссъ Отисъ также расхохоталась—задорнымъ смѣхомъ молодости и удовлетвореннаго тщеславія.

Герцогиня, со своею легкою привѣтливою улыбкою, тонкимъ, поблекшимъ лицомъ, въ изысканно-простомъ платьѣ, стояла окруженная гостями въ пріемной залѣ. Среди нихъ была леди Викторія, болѣе спокойная, чѣмъ въ эти дни, съ небрежно-равнодушнымъ видомъ знатной дамы, пресыщенной ухаживаніями. Герцогиня пожала руку молодой американкѣ и любезно пригласила ее къ lunch'у на завтра.

Высаживая ее изъ кареты, Гвиниѣ привѣтливо спросилъ: было ли ей весело?

— Такъ весело, что я совсѣмъ не хочу спать... Я хотѣла бы пойти въ бібліотеку и дочитать вашу книгу, но... но... (у нея вдругъ мелькнула мысль, что бесѣда съ загадочнымъ кузеномъ была бы апогеемъ сегодняшняго торжества, и она подняла на него глаза, полные лестной мольбы).

— Тамъ есть два-три мѣста, несовсѣмъ для меня понятныя...

Ему тоже не хотѣлось спать. Онъ обѣдалъ въ замкѣ въ обществѣ выдающихся дѣятелей консервативной партіи, и отношеніе къ нему его политическихъ противниковъ показало ему, какой большой популярности онъ уже успѣлъ достигнуть и какія надежды возлагаются на него странюю. Онъ тоже испыталъ величайшее торжество, и его возбужденіе еще не успѣло остыть; поэтому онъ сейчасъ же пошелъ на приманку.

— Можеть быть, вы удѣлите мнѣ полчаса бесѣды у остывшаго очага? Хорошо? Я только загляну на минуту въ курилку, мнѣ надо кое-кого повидать.

Изабелла съ торжествомъ переступила порогъ, спрашивая себя: переживала ли нѣчто подобное упоенная успѣхомъ какая-нибудь изъ прославленныхъ мексиканскихъ красавицъ прежнихъ временъ: Конча Аргуэлло, Хонита Итурбе-и-Мочнаде, когда caballero бросали къ ихъ ногамъ, по мексиканской модѣ, золото и цвѣты?

Но вдругъ она остановилась; у нея вырвался крикъ ужаса. Библиотека была озарена лишь луннымъ свѣтомъ, и лучъ его падалъ прямо на фигуру, сидѣвшую въ креслѣ. Голова человѣка была опущена на грудь, руки безпомощно свѣсились вдоль ручекъ кресла, и кисти ихъ казались прозрачно-синими.

При шелестѣ платья онъ медленно поднялъ голову, и она увидѣла мертвенное лицо и призрачные глаза. Такъ какъ онъ молчалъ, то она окончательно убѣдилась, что видитъ призракъ. Къ счастью, это не долго длилось. Послышались быстрые шаги, вошелъ Гвиннъ и тронулъ неподвижную фигуру за плечо.

— Ради Бога, Зиль, что съ тобою? Ты кажешься...

— Тѣмъ, что я на самомъ дѣлѣ!—глухо отвѣталъ гость, поднимаясь съ мѣста и переводя духъ, какъ человѣкъ, приходящій въ себя послѣ мертвого сна.—Я сейчасъ уѣзжаю, и долженъ поговорить съ тобою...

Глаза его холодно остановились на Изабеллѣ. Потрясенная предчувствіемъ бѣды, она повернулась и выбѣжала изъ комнаты.

— Говори скорѣе: что случилось?—воскликнулъ Гвиннъ.— Можешь разсчитывать во всѣхъ случаяхъ на мою поддержку.

Зиль опустился въ кресло у камина; впишисъ пальцами въ его ручки, онъ сидѣлъ совершенно прямо, какъ статуя. Съ губъ его сорвался короткій смѣшокъ.

— Ты больше всѣхъ отъ этого пострадаешь. Съ другими я не считаюсь.

— Что же такое? Дѣдъ окончательно разорился?

Гвиннъ говорилъ быстро; его пугало лицо лорда Зилиа, походившее на каменное лицо Адама, изгнаннаго изъ райа пламеннымъ мечомъ архангела.

— Я уже покончилъ бы съ собою, если бы не считалъ себя обязаннымъ дать тебѣ объясненіе. Ты сообщишь обо всемъ дѣду—въ свое время...

Онъ пріостановился и затѣмъ проговорилъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе:

— Я убилъ Брѣслѣнда!

XI.

Молодой маркизъ Стрелендъ и Зиль сидѣлъ одинъ въ курительной комнатѣ. Гости, за исключеніемъ Флоры Сэнгъ и Изабеллы Отисъ, разѣхались уже недѣлю тому назадъ. Онъ былъ погруженъ въ такую глубокую тоску, что мозгъ его отказывался работать.

Два дня тому назадъ, онъ присутствовалъ въ церкви Стрелендскаго аббатства на торжественныхъ похоронахъ дяди своего—старога маркиза и кузена—лорда Зилиа. Сегодня, послѣ унылаго обѣда, за которымъ онъ сидѣлъ молча, онъ ушелъ къ себѣ, весь еще находясь подъ впечатлѣніемъ пережитой трагедіи.

Гвиннъ не подозрѣвалъ о томъ, что у дѣда его сердце не въ порядкѣ. Онъ выслушалъ исповѣдь Зилиа, рассказавшаго ему о томъ, какъ онъ, выведенный изъ терпѣнія злыми выходками подивившаго лорда Бреленда, схватилъ револьверъ и почти въ упоръ выстрѣлилъ ему въ животъ. Во избѣжаніе огласки, присутствующими было рѣшено скрыть истинную причину смерти. За крупную сумму начинающій врачъ согласился принять участіе въ этой мрачной комедіи,—такимъ образомъ на свѣтъ появилась легенда объ операціи. Опасность скандала временно была устранена, но кто могъ поручиться, что правда не сдѣлается извѣстной рано или поздно, и наследнику громкаго титула не придется сѣсть на скамью подсудимыхъ? Зиль рѣшилъ повончить съ собою, но ранѣе счелъ своимъ долгомъ исповѣдаться передъ Гвинномъ. Гвиннъ тщетно убѣждалъ его по крайней мѣрѣ повременить; онъ не хотѣлъ отпускать его въ такомъ состояніи, но лордъ Зиль уѣхалъ съ первымъ поѣздомъ, судя по его словамъ—въ Лондонъ. Гвиннъ проводилъ его самъ на станцію и нѣсколько успокоился, видя его болѣе нормальнымъ и оживленнымъ; тѣмъ не менѣе, онъ тоже рѣшилъ поѣхать къ дѣду, а оттуда—въ Лондонъ, о чемъ и объявилъ за завтракомъ матери и гостямъ.

Маркизъ принялъ его любезно, но каковы были изумленіе и внутренней ужасъ Гвинна, когда дѣдъ сказалъ во время lunch'a, что Зиль пріѣхалъ часъ тому назадъ и, не удостоивъ ихъ своимъ обществомъ, немедленно прошелъ на свою половину. Гвиннъ похолодѣлъ. Это было въ духѣ Зилиа—повончить съ собою по близости отъ фамильной спальни! Онъ готовъ былъ вскопчить и бѣжать къ нему, но взоръ дѣда остановилъ его. Никогда

ни одна трапеза не тянулась такъ долго; приходилось отвѣчать на разспросы о выборахъ, рассказывать... Наконецъ, онъ поднялся наверхъ, постучалъ—отвѣта не было. Онъ вошелъ въ первую комнату—гостиную, и постучался въ дверь спальни, которая оказалась заперта. Гвиннъ принялся вертѣть ручку и вдругъ почувствовалъ, что кто-то стоитъ позади него. Это былъ лордъ Стрэнлендъ. Внезапный прїѣздъ Зилиа—безъ багажа и слуги, блѣдность Гвинна—все это не ускользнуло отъ взора стараго джентльмена.

— Что это значитъ?—воскликнулъ онъ рѣзко:—почему Зилиа не открываетъ? Я встрѣтилъ его на дняхъ въ Пиевадилли, и онъ показался мнѣ выходцемъ съ того свѣта.

Они вдвоемъ стали ломиться въ дверь. Лордъ Стрэнлендъ нажалъ ее могучимъ плечомъ, и старыя петли подались. Старикъ былъ блѣденъ и задыхался. Они вошли и увидѣли Зилиа лежащимъ на постели; въ комнатѣ стоялъ запахъ пороха... Гвиннъ попытался увести старика, но тотъ уже замѣтилъ адресованное ему письмо, и поспѣшилъ вскрыть его.

„Милордъ,

„Я убилъ Брэнленда—въ пьяномъ видѣ. Жалкіе остатки моего личнаго состоянія ушли на покрытие расходовъ по ватушевыѣ скандала. Но даже и это можетъ не спасти меня отъ палача—мы стали такъ чертовски демократичны! Вѣроятно, и вы найдете, что для меня приличнѣе—своевременно сойти со сцены. Джекъ можетъ сообщить вамъ подробности, если вы интересуетесь ими.

„Зиль“.

На мертвыхъ губахъ застыла насмѣшливая улыбка. Его радовала возможность „сыграть штуку“ съ ненавистнымъ главою семьи.

— Не читайте этого, не читайте!—воскликнулъ Гвиннъ, испуганный переменною въ лицѣ дѣда. Но тотъ уже успѣлъ прочесть и рухнулъ, какъ снопъ, у постели...

Всѣ эти ужасы возставали въ умѣ Гвинна. Прїѣздъ коронера, неизбѣжныя формальности, интервьюеры, влѣзающіе въ ошошко, необходимость взвѣшивать каждое слово, мучительныя церемоніи похоронъ, ненавистное повтореніе словъ: „ваше сіятельство!“...

Письмо Джуліи Кэй явилось для него подобіемъ голубя съ оливковою вѣтвью обѣщаній, но въ немъ его неприятно рѣзнуло ея неумѣніе разбираться въ титулахъ и сложныхъ подробностяхъ геральдическаго ритуала. Глухой къ сплетнямъ, онъ не зналъ, что надъ нею часто потѣшались по этому поводу. Герцогиню

она называла то просто герцогиней, то титуловала ее „ваша свѣтлость“. Станнымъ образомъ, она какъ-то не умѣла усвоить себѣ эти мелочи, играющія такую важную роль въ свѣтскомъ кругу.

Гвиннъ мысленно упрекнулъ себя за придирчивость въ любимой женщинѣ; проклиная свои нервы, онъ вскочилъ на ноги и вдругъ невольно вздрогнулъ при видѣ показавшейся въ глубинѣ корридора высокой фигуры въ бѣломъ, со свѣчою въ рукѣ.

— Я не леди Макбетъ, — сказала, входя, Изабелла съ нервною дрожью въ голосѣ, — но я, подобно ей, боюсь оставаться одна въ своей комнатѣ. Флору ваша мать уложила у себя.

— Что вы за малыя дѣти! — воскликнулъ онъ, довольный возможностью излить презрѣніе къ самому себѣ на кого-нибудь другого и втайнѣ радуясь присутствію красивой женщины послѣ всѣхъ этихъ „рожь въ траурѣ“. Онъ ненавидѣлъ черное. За обѣдомъ Изабелла тоже была въ траурѣ, а теперь на ней былъ капотъ изъ мягкой бѣлой ткани, а ея удивительные волосы были заплетены въ косу, ниспадавшую почти до полу.

Цѣлый день шелъ дождь, нельзя было выйти, и это физическое бездѣйствіе еще болѣе томило его. Онъ позвонилъ и велѣлъ подать чаю.

Они заговорили о покойномъ Зилѣ. Изабелла спросила: очевь ли онъ потрясенъ?

— Тѣмъ, что потерялъ сразу двоихъ близкихъ людей?

— Нѣтъ, тѣмъ, что вы уже — не Эльтонъ Гвиннъ и вамъ придется заново завоевывать себѣ громкую извѣстность.

Ея прямая, рѣзкая слова ударили его по больному мѣсту и сразу разсѣяли окутывавшую его летаргію. Его душа глянула на нее изъ его побѣдѣвшаго лица и измученныхъ глазъ. Но она не перемѣнила темы разговора.

— Вѣроятно, вы не читали газетъ? Я вырѣзала все, что можетъ васъ интересовать. Въ одномъ изъ крупныхъ органовъ говорится, что эта перемѣна въ вашей судьбѣ — такая же политическая трагедія, какъ участь Паррелла или Рандольфа Черчилля...

— Вотъ что они говорятъ! Видитъ Богъ: для меня это — настоящая трагедія...

— Неужели вамъ ни крошечки не льститъ мысль — сдѣлаться перомъ, носить такой красивый титулъ? Въ глазахъ свѣта вы — болѣе крупная особа, чѣмъ были недѣлю тому назадъ.

— Не обладай я темпераментомъ борца и извѣстными способностями, я, несомнѣнно, былъ бы польщенъ въ моемъ тщесла-

ви, особенно — если бы я имѣлъ соотвѣтствующій моему титулу доходъ, а теперь, за выдѣломъ всѣхъ частей, я буду прямо бѣднякомъ. Но я не могу себя передѣлать, — я безвѣчно несчастенъ изъ-за того, что карьера моя разбита.

— Вы можете быть либеральнымъ перомъ.

— Парадоксъ! Не въ натурѣ человѣка — устоять противъ соблазна высокаго положенія и связанныхъ съ нимъ преимуществъ. Они опутываютъ насъ по рукамъ и по ногамъ. Я сознательно, по глубокому убѣжденію, применилъ къ либеральной партіи, и если бы судьбѣ угодно было пощадить меня, всѣ мои силы и способности я употребилъ бы для того, чтобы создать въ Англіи республику... Я никому объ этомъ не говорилъ, вамъ — первой. Вы заворожили меня...

— И вы были бы въ ней президентомъ?

— Рано или поздно; тѣмъ раньше, тѣмъ лучше... Но это все — мечты, моя прекрасная кухня!

— Почему? Здѣсь, конечно, вы уже не осуществите ихъ. Вамъ остается одно: переселиться въ Америку.

— Чтò?.. — Онъ вздрогнулъ, а затѣмъ засмѣялся.

— Тамъ у васъ будетъ широкое поле для борьбы, и работы вамъ предстоитъ вдесятеро болѣе, такъ какъ ваша индивидуальность, вашъ акцентъ, ваши тридцать лѣтъ, прожитыхъ въ Англіи — все будетъ противъ васъ. Вы побѣдите въ концѣ концовъ, такъ какъ вы по природѣ — побѣдитель, но вы узнаете, чтò такое быть одинокимъ въ борьбѣ; даже ваше происхождение послужитъ лишь во вредъ вамъ — и за то вы насладитесь всѣмъ упоеніемъ успѣха. Будь вы просто Джонъ Смитъ, — согласитесь, что газеты не стали бы заниматься вашими семейными дѣлами и высшій свѣтъ не скоро обратилъ бы вниманіе на ваши таланты. Америка приметъ васъ за то, чтò вы есть — ни болѣе, ни менѣе. Вамъ придется „опроститься“, дружить съ простымъ людомъ, не сходить съ лошади по цѣлымъ днямъ, огрубѣть, загорѣть, говорить о политикѣ въ салонахъ, на перекресткахъ, ходить въ жокахъ или въ холщевой курткѣ, „обамериканиться“ или „окалифорниться“ до такой степени, что самое воспоминаніе о засушенномъ Старомъ Свѣтѣ покажется вамъ скучнымъ...

Въ глазахъ Гвинна мелькали искорки смѣха, но они были широко раскрыты и ярво блестяли.

— Вы хотите совратить меня въ вашу вѣру, какъ вижу? Вы начали дѣйствовать съ перваго же дня. Подозрѣваю, что вы предприняли противъ меня крестовый походъ.

— Тогда это была минута вдохновенія, но не стану отрицать, что съ тѣхъ поръ я не разъ объ этомъ думала...

Онъ откинулся на спинку кресла и пристально смотрѣлъ передъ собою.

— Что жъ? Превратиться временно въ пастуха, пасти стада...

— Не обольщайтесь. Вы нисколько не похожи на пастуха, самое бѣльшее—на сѣверно-калифорнійскаго ранчоро. Но *Luchalitas*—небольшое ранчо, и вамъ выгодноѣ сдавать пастбище, а самому заняться молочнымъ хозяйствомъ и разведеніемъ куръ...

Онъ такъ искренно расхохотался, словно ничего ужаснаго не случилось.

— Переходъ отъ парламентскихъ сессій въ Лондонъ и великосвѣтскихъ охотъ—въ цыплятамъ и маслу въ Калифорніи! Изъ Кэфитона—въ Розуотэръ! Но расскажите мнѣ вашимъ неподражаемымъ стилемъ объ этомъ мѣстѣ. Вотъ лучшее средство противъ призраковъ.

XII.

Джулія Кэй, урожденная Тиннетъ, предназначалась природою для роли романической особы à la m-me Бовари, но богатство смягчило ея аппетиты и дало ея страстямъ другое направленіе. Отецъ ея, ставшій всѣми неправдами милліонеромъ, дѣлецъ съ сомнительнымъ и бурнымъ прошлымъ, женился на дочери фабриканта. Послѣ неудачной попытки проникнуть въ закодированный лондонскій кругъ, супруги Тиннетъ основались въ Брайтонѣ, гдѣ мало-по-малу втерлись въ общество. Джулію отдали въ великосвѣтскій парижскій пансіонъ, и она предусмотрительно завязала дружбу съ дѣвицами аристократическихъ фамилій, давъ себѣ слово, что выйдетъ замужъ не иначе какъ за пѣра. Связи мало помогли ей однако—въ виду полной непрезентабельности ея родителей. Тогда она повезла ихъ путешествовать и скоропидла обоихъ въ Индію отъ холеры. Жена вице-короля приняла въ ней живое участіе и пригласила ее къ себѣ. Въ ея домѣ Джулія встрѣтила достопочтеннаго Аугустуса Кэй, капитана и будущаго баронета, рыцарски любезнаго и очень нуждающагося въ деньгахъ. Она безумно влюбилась въ него; онъ походилъ на героя изъ романа Уйда. Когда послѣ свадьбы они поселились въ Парижѣ, у нея оказался княжескій домъ, право пріѣзда во двору и ни одного родственника въ Лондонѣ. Она была безгра-

нично счастлива, и за эти пять лѣтъ брачной жизни изжила весь запасъ страсти, вложенный въ нее природою; но когда капитанъ умеръ, преобладающимъ ея чувствомъ была ярость на то, что онъ такъ несвоевременно покинулъ мiръ. Быть просто богатою женщиною—не могло удовлетворить ея тщеславiе.

Она давно уже усвоила себѣ спокойно-холодную манеру англiйской аристократки, но, подобно всѣмъ подражательницамъ, впадала въ нѣкоторую утрировку. Тѣмъ не менѣе, благодаря своему богатству, вкусу, уму, ловкости, парижскому повару, случайнымъ знакомствамъ съ особами королевской крови и щедрымъ пожертвованiямъ на благотворительныя учрежденiя—она добилась успѣха.

Такова была женщина, бывшая для Гвинна—въ наиболѣе критическую пору его жизни—олицетворенiемъ всѣхъ совершенствъ. Сама она увлеклась одно время блескомъ восходящей звѣзды, хотя и не скрывала отъ себя, что онъ будетъ несноснымъ мужемъ, но затѣмъ перспектива имѣть въ гербѣ герцогскую корону—увлекла ее въ сторону Брэслэнда. Послѣ его смерти колебаться было уже нечего, и она была вознаграждена за свою рѣшимость—извѣстiемъ о полученiи имъ титула маркиза. Голова ея поднялась еще выше и улыбка на широкихъ твердыхъ губахъ стала еще презрительнѣе.

Гвиннъ просилъ ее прiѣхать на конецъ осени въ Кэфитонъ, но она совсѣмъ этого не желала; ей удалось очаровать лэди Викторiю, но она боялась, что ближайшее знакомство и долгое пребыванiе подъ одною кровлею—разрушатъ это очарованiе. Она писала ему прелестныя письма, и когда, наконецъ, не выдержавъ долге, онъ въ концѣ октября прислалъ ей пылкое письмо съ просьбою прiѣхать въ Лондонъ, она не рѣшилась отказать ему.

М-съ Кэй жила, конечно, въ Паркъ-Лэнѣ, въ домѣ, убранномъ съ роскошью, которая лишь благодаря присущему ей чувству мiры не перешла въ стиль cocotte.

Джулиа ожидала новаго пера въ очаровательномъ уголкѣ за ширмочкою изъ матово-золотистой матерiи. На столѣ „политической женщины“ были разбросаны газеты и журналы. Она менѣе волновалась, тѣмъ если бы ожидаемый гость былъ лордомъ Брэслэндомъ, но тѣмъ не менѣе она чувствовала прiятное возбужденiе. Его титулъ окружалъ его ореоломъ; она позволила ему обнять и поцѣловать ее, и когда они сѣли рядомъ на диванчикѣ, она казалась олицетворенiемъ нѣжной влюбленной женщины. Джэвѣ—съ огнемъ страсти въ глазахъ и молодой порывистостью движенiй—показался ей почти красивымъ.

За чаемъ, который имъ подали полчаса спустя, она прелестно хозяйничала, и онъ спросилъ ее: что она думаетъ о томъ, чтобы назначить свадьбу на послѣднее число мѣсяца?

— Я думаю, что поспѣю. Теперь дѣлають приданое только барышнямъ, такъ какъ у нихъ, бѣдняжекъ, нѣтъ платьевъ. Я мечтаю провести медовый мѣсяцъ въ Аббатствѣ, но, пожалуй, это будетъ неудобно. Какъ вы думаете?

У него не было ни капли такта; поэтому онъ сразу ринулся на свою погубель.

— Намъ не придется быть въ Аббатствѣ: я хочу отплыть въ Калифорнію черезъ три недѣли.

— Вотъ какъ!— сказала она сухо.— Вамъ бы слѣдовало посоветоваться со мною. Не то чтобы мнѣ не нравилось поѣхать въ Калифорнію, но вы ужъ слишкомъ повелѣваете мною...

— Дорогая моя, я слишкомъ занятъ. Когда человѣку приходится перекраивать заново свою жизнь, ему надо считаться прежде всего съ собою.

Онъ остановился, и она, скрывая досаду, ласково отвѣтила, что вполне понимаетъ его. Ему еще рано быть перомъ, но съ нимъ верхняя палата помолодѣетъ, заживетъ новою жизнью, къ которой пробудитъ ее онъ, — самый неутомимый и безстрашный изъ рыцарей Круглаго Стола...

Гвиннъ сухо разсмѣялся.

— Эта роль — не по мнѣ. За выѣзшний мѣсяцъ я вынесъ самую тяжелую борьбу съ собою. Все прежнее кажется мнѣ въ сравненіи съ нею — дѣтскою игрою. Я пришелъ къ убѣжденію, что моя карьера въ Англіи кончена, и я рѣшилъ создать себѣ новую — начавъ все сызнова — въ Соединенныхъ Штатахъ.

Она взглянула на него, еще не вѣря, съ неизмѣнчившимся лицомъ.

— Вы намѣрены покиннуть Англію?

— Навсегда. Безвозвратно. Все или ничего! Ранѣе пяти лѣтъ, по мѣстнымъ законамъ, я не могу стать американскимъ гражданиномъ, и я не хочу терять времени. Я откажусь, конечно, отъ титула и начну жизнь подъ именемъ Джона Гвинна. Довольно сожалѣній о неизбежномъ, — меня возбуждаетъ мысль о борьбѣ, и я надѣюсь, что вы съ вашимъ умомъ и энергіей такъ же, какъ я, увлечетесь ею и поможете мнѣ побѣдить. Мы ѣдемъ не въ пустыню, но въ мѣсто, отстоящее всего въ двухъ часахъ пути отъ Санъ-Франциско, который менѣе всѣхъ другихъ похожъ на европейскій городъ. Въ ранчо вы найдете всевозможный ком-

фортъ и роскошь. Я увѣренъ, что Лондонъ наскучилъ вамъ, — здѣсь все уже давно у вашихъ ногъ...

Онъ остановился и, несмотря на свою самоувѣренность, поглядѣлъ на нее съ нѣкоторымъ опасеніемъ. И хотя онъ ожидалъ слезъ и упрековъ, онъ не былъ подготовленъ къ болѣе тонкому оружію насмѣшки, пущенному ею въ ходъ съ полнѣйшимъ спокойствіемъ. Ему вдругъ захотѣлось, чтобы она была моложе; онъ вдругъ вспомнилъ, что она двумя годами старше его, и почувствовалъ себя какимъ-то несовершеннолѣтнимъ юнцомъ.

— Милый мой мальчикъ, — сказала она изумленно, — я не слышала ничего столь романческаго и невозможнаго! Безъ сомнѣнія, это ваша кузина, съ которою вы провели взаперти нѣсколько недѣль, вбила вамъ въ голову такую дивную идею. Я всегда говорила, что природа сдѣлала ошибку, не создавъ изъ васъ поэта. Но если вы желаете быть самимъ собою до конца и достигнуть безсмертія на страницахъ исторіи, вы вспомните, что Англія — единственный край, въ которомъ англо-саксъ можетъ вырасти въ крупную историческую фигуру. Только здѣсь человѣкъ получаетъ при жизни должную оцѣнку; тамъ даже успѣхъ будетъ приписанъ не столько вашимъ талантамъ, сколько счастью, простой удачѣ, способности къ интригѣ.

— Я обдумалъ все это, но препятствія лишь разжигаютъ мое желаніе помѣриться силами съ судьбою. Я жажду дѣятельности, борьбы, покуда я молодъ и пылокъ. Я съ ума сойду отъ бездѣйствія... Если мнѣ суждено пораженіе, я снесу его, какъ мужчина.

— Почему же вы не можете проявить своихъ силъ въ верхней палатѣ?

— Вы знаете, что значить быть пэромъ? Незаслуженная лезть гибельна для человѣка съ моимъ характеромъ; эта среда развращающимъ образомъ подѣйствуетъ на меня. Развѣ вы такъ привязаны къ Лондону?

— Лондонъ — *raison d'être* моей жизни. А вамъ не приходило въ голову, что я могу отказаться поѣхать съ вами въ Америку?

— Я подозрѣвалъ, что въ первую минуту это поразить васъ, но надѣялся, что вы сдадитесь на мои доводы.

— Видите ли, у меня есть моя собственная индивидуальность, а вы распорядились моею участію, словно я — семнадцатилѣтняя дѣвочка, радующаяся возможности выскочить замужъ.

— Вы неправы! — воскликнулъ онъ въ отчаяніи, — но повторяю: я долженъ былъ рѣшить этотъ вопросъ одинъ. Было бы

несправедливо взваливать на васъ часть отвѣтственности. Неужели вы думаете, что я не заботился о вашемъ счастьи? Предоставьте мнѣ думать за насъ обоихъ.

Она готова была бы расколотаться, если бы внутри у нея все не кипѣло отъ ярости. Она нарочно не поднимала глазъ для того, чтобы не выдать сверкавшей въ нихъ злобы. Но вдругъ ее ослѣпило вдохновеніе; она придала нѣжное выраженіе взору и мягко проговорила:

— Я люблю Лондонъ; до нашей встрѣчи — я ничего такъ не любила... Не думаю, чтобы это удивительное ваше рѣшеніе уже успѣло окончательно созрѣть. Дайте мнѣ слово, что, по крайней мѣрѣ въ теченіе года по приѣздѣ, вы не станете добиваться правъ американскаго гражданина.

— Я сдѣлаю это въ первый же день по прибытіи въ Розуотэръ.

Онъ твердо стоялъ на своемъ, вѣря въ свое умѣніе заставить женщину покориться, и продолжалъ:

— Жалѣю лишь объ одномъ — что срокъ искуса такъ дологъ. Мнѣ хотѣлось бы сразу выступить на арену. Покуда я буду изучать законы: это само по себѣ — уже общественная дѣятельность въ Америкѣ.

Онъ смотрѣлъ какъ зачарованный въ ея глаза. Они принимали все болѣе и болѣе жесткое выраженіе и при свѣтѣ солнца стали бронзовыми. Ей некогда было слѣдить за собою, такъ какъ она пристально изучала его лицо, прежде чѣмъ придти къ окончательному рѣшенію, и все еще вѣря, что умѣйшая женщина въ Лондонѣ сумѣетъ побѣдить мужскую волю.

— Вижу, что ваше рѣшеніе непреложно. Будьте самимъ собою. Я не рѣшусь — Боже избави — отговаривать васъ, но я не желаю слѣдовать за вашею колесницею. Мнѣ тридцать-два года, и я тоже хочу быть самостоятельной. Я буду издалика слѣдить съ величайшимъ интересомъ за вашею дѣятельностью, и надѣюсь, что миссъ Отисъ удастся выйти за васъ замужъ. Не могу себѣ представить ничего болѣе подходящаго...

Онъ поблѣднѣлъ; ему показалось, что земля уходитъ у него изъ-подъ ногъ; затѣмъ онъ бурно схватилъ ее въ свои объятія, онъ умолялъ, настаивалъ, убѣждалъ, — но она, полчаса назадъ покорявшаяся его ласкамъ, теперь окаменѣла какъ статуя. Наконецъ, пылкость его моленій убѣдила ее въ томъ, что страсть побѣдила въ немъ разсудокъ, и тогда она, обвивъ руками его шею, предложила ему обвиняться завтра, если только онъ обѣ-

сметъ ей не уѣзжать изъ Англїи. Но онъ остался твердъ, и она выскользнула изъ его объятїи.

— Мы теряемъ понапрасну время. Я всегда катаюсь передъ обѣдомъ, и мнѣ еще нужно переодѣться.

Она мысленно изыскивала слова, которыми могла бы наиболее чувствительно уязвить его. Никогда и никого не ненавидѣла она такъ сильно, даже во времена своей молодости, когда самолюбїе ея получало жестокіе щелчки. Въ третїй разъ корона вискальзывала изъ ея твердыхъ, вдругъ оказавшихся безсильными руки!

Она еще могла простить мужу и Брѣслѣнду ихъ несвоевременную смерть, но при мысли, что этотъ молодой, страстно влюбленный въ нее человѣкъ отталкиваетъ желанный призывъ, какъ Бутафорскую корону, она ощутила такую ярость, что въ первый мигъ у нея мелькнула мысль — дать волю своимъ наслѣдственнымъ инстинктамъ и выпарапать ему глаза. Но она только проговорила своимъ журчащимъ голосомъ:

— Лучше всего положить этому конецъ, сказавъ вамъ, что я была невѣстою Брѣслѣнда и любила его болѣе, чѣмъ я могу полюбить кого-либо другого. Вы застали меня врасплохъ: я сходила съ ума отъ горя и жаждала забвенїя, а вы можете служить развлеченїемъ. Я въ сущности еще не рѣшила: пойду ли я за васъ, такъ какъ, говоря по правдѣ, другъ мой, вы слишкомъ — *enfant gâté* для женщины, которая недостаточно молода и недостаточно стара для того, чтобы искать въ мужѣ одной молодости. Рискую быть обвиненной въ снобизмъ, я даже скажу, что въ качествѣ Джона Гвинна вы очень умалили себя въ моихъ глазахъ... Тѣмъ не менѣе, — тутъ она приняла видъ знатной дамы, отпускающей просителя, — я искренно желаю вамъ успѣха, и надѣюсь, что прочту когда-нибудь въ газетахъ о Джонѣ Гвиннѣ, сенаторѣ, который напомнитъ мнѣ на мигъ о блестящемъ Эльтонѣ Гвиннѣ, давно уже позабытомъ въ нашемъ занятomъ Лондонѣ.

Во время первой половины ея рѣчи Гвиннъ чувствовалъ, что на душу его падаетъ огненный дождь, и ему хотѣлось, чтобы его поглотила бездна, въ которой онъ могъ бы скрыть свое униженїе и раны. Но она „переиграла“ свою роль, и гордость его воскреснула; онъ почувствовалъ, что она приказываетъ ему сохранить уваженїе къ себѣ и уйти съ честью. Давъ ей договорить, онъ выпрямился; лицо его было совершенно безстрастно, даже глаза не сверкали.

— Вы правы, — сказалъ онъ — вы задали мнѣ хорошую трѣпку, и я очень вамъ благодаренъ. Именно этого мнѣ не доставало

для того, чтобы окончательно порвать узъ съ Англіей и закатиться для новой жизни въ Америку. Это дастъ мнѣ смѣлость обратиться къ вамъ съ одной просьбой: сохраните въ тайнѣ нашъ разговоръ. Я не хочу, чтобы въ Америку знали—who я. Здѣсь будутъ думать, что я отправился въ путешествіе. Къ тому времени, какъ я сдѣлаю себѣ имя въ Новомъ Свѣтѣ, мое старое имя будетъ здѣсь забыто. Вы даете мнѣ обѣщаніе?

— Клянусь!—отвѣтила она, овладѣвъ собою и думая только о „позѣ“.

Она позвонила и протянула ему руку.

Гвиннъ вѣжливо пожалъ ее, и, минуто спустя, онъ шагнулъ по Паркъ-Лэну въ томъ возбужденномъ состояніи, которое у бодрыхъ и живучихъ натуръ проявляется вслѣдъ за тяжелыми ударами судьбы, словно всѣ силы духа встаютъ имъ на помощь.

Съ англійск. О. Ч.

СТРАНИЦА

ИЗЪ

ИСТОРИИ НАШЕЙ ПОЛИТИКИ

ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Начало этой исторіи, надолго памятной въ средѣ одного маленькаго народа въ Средней Азійи, относится къ началу девяностыхъ годовъ истекшаго вѣка. Престижъ русской власти въ то время высоко стоялъ въ глазахъ среднеазіатскихъ племенъ, такъ какъ паденіе Геокъ-Тепе въ 1881 году, мирное присоединеніе въ 1884 году обширнаго Мервскаго оазиса и Юль-Отана, потомъ, въ 1885 году, Кушкинскій бой и присоединеніе Пенде, а въ 1886 году и житницы Закаспійской области, Тедженскаго оазиса, — знаменовали собою блестящіе этапы русскаго наступательнаго движенія въ южной части Средней Азійи. Поэтому понятно, что обаяніе имени „Бѣлаго Царя“ и русскихъ вообще сказывалось не только въ закаспійскихъ пустыняхъ и сосѣднемъ Херасанѣ, но и шло въ глубь Афганистана, чувствовалось, наконецъ, и въ богатой Индіи. Это обаяніе неудержимо влекло къ Россіи тѣ различныя мелкія народности и племена Средней Азійи, которыя въ силу своей малочисленности были угнетаемы болѣе сильными и многочисленными независимыми поработителями. Къ числу такихъ племенъ, тяготѣвшихъ къ Россіи съ момента появленія послѣдней на Мургабѣ, принадлежали народности „хезарейцы“ и „джемшиды“, обитавшія въ Афганскомъ Туркестанѣ.

Эти племена населяютъ мѣстность, лежащую на сѣверъ отъ

Парапамиза, т.-е. между Гератомъ и окраинной туркменскихъ кочевьевъ. Хезарейцы принадлежатъ по происхожденію, вѣроятно, къ монголамъ, но забыли свой первоначальный языкъ и нынѣ говорятъ по-персидски. По характеру они пылки, непостоянны и своенравны. Въ прежнее время изъ числа хезарейцевъ былъ сформированъ особый отрядъ (въ 500 человекъ), входившій въ составъ гвардіи афганскихъ эмировъ. Населяемая ими страна гориста; стада барановъ и овецъ, бродящія по горнымъ склонамъ и скатамъ, составляютъ почти единственное богатство хезарейцевъ. Всего племени считается, приблизительно, тысячъ 20—30-вѣбитовъ.

Джемшиды—храбрая и мужественная народность иранскаго происхожденія, кочевники, живущіе въ верховьяхъ Мургаба. Они считаютъ себя выходцами изъ Сеистана и потомками баснословнаго персидскаго царя Джемшида, при которомъ былъ золотой вѣкъ Персіи. Сѣверная часть Афганистана, населенная племенами, различными по языку, происхожденію и отчасти по религіи (одни сунниты, другіе шиты) всегда составляла Ахиллесову пяту Афганской деспотіи. И только численное превосходство поработителей афганцевъ надъ этими племенами удерживаетъ ихъ въ повиновеніи и спокойствіи. Тѣмъ не менѣе, при всякомъ удобномъ случаѣ этотъ конгломератъ національностей не прочь отъ попытки сбросить тяжелое и вѣдѣтъ ненавистное иго афганцевъ. Поэтому легко понять, что при тѣхъ успѣхахъ русскаго оружія, какіе были проявлены въ Закаспійскомъ краѣ въ 1881—1886 годахъ, афганскій Туркестанъ былъ неспокоенъ и его различныя племена волновались и выходили изъ повиновенія афганцамъ, стремясь подъ защиту и покровительство Россіи.

Блестящая поѣздка по Закаспію въ 1886 году тогдашняго главноначальствующаго на Кавказѣ, князя Дондукова-Корсакова, повидимому, пробудила сепаратистическія стремленія населенія афганскаго Туркестана. По крайней мѣрѣ, въ то время, когда князь съ бывшимъ начальникомъ Закаспійской области и командующимъ въ ней войсками, генераломъ Комаровымъ, пріѣхалъ въ Мервъ, то къ нему явились тайкомъ отъ афганцевъ посланцы отъ мейменинскаго Диливеръ-Хана и хезарейцевъ, съ поздравленіемъ по случаю прибытія въ Мервъ и съ выраженіемъ своей преданности и расположенія къ Россіи. И хотя князь, по своему легкомыслию и обошелся съ посланными не особенно деликатно ¹⁾, тѣмъ не менѣе это не охладило хезарейцевъ

¹⁾ Пословъ было, если не ошибаеся, трое; съ опасностью для жизни, чтобы не попасть въ руки афганскихъ приграничныхъ пикетовъ, они пробрались на

и джемшидовъ. Они въ теченіе послѣдующихъ послѣ того лѣтъ все старались перейти въ наше подданство, если не вмѣстѣ съ занимаемой ими территоріей, то, по крайней мѣрѣ, переселиться въ русскіе предѣлы.

Къ началу 90-хъ годовъ относятся наиболѣе активныя въ этомъ смыслѣ выступленія двухъ упомянутыхъ племенъ. Въ то время въ Закаспійской области царилъ генералъ Куропаткинъ, онъ начальникъ и командующій войсками. Дѣятельно насаждалась русская колонизація, проводились дороги, обстраивались города и мѣстечки и всѣми мѣрами поддерживались добрыя отношенія съ иноземными сосѣдями, особенно съ Афганистаномъ, ибо въ то время „афганскій вопросъ“ и „походъ въ Индію“ считались модными проблемами. Къ тому же Абдуррахманъ-Ханъ сравнительно непрочно занималъ афганскій престолъ и его несомнѣнно добрыя отношенія къ англичанамъ были достаточно извѣстны. Поэтому заискивать и всячески обращать свои взоры къ предѣламъ Герата по тогдашнимъ временамъ было необходимо. И когда на Кушкинскій постъ и въ Тахта-Базаръ стали являться угнетаемые афганцами джемшиды и хезарейцы, съ просьбой позволить имъ переходить на нашу территорію и водвориться на окончательное жительство въ нашихъ предѣлахъ, то генералъ Куропаткинъ рѣшительно отказывалъ въ этомъ. „Джемшидамъ разрѣшенія на поселеніе въ нашей территоріи давать нельзя. Запросить главный штабъ“; или: „Всѣмъ джемшидамъ отказывать, иначе всѣ попытки установить добрыя отношенія къ афганскимъ властямъ не удадутся. Отказывать ласково. Своихъ земель у насъ нѣтъ“,—гласили резолюціи бывшаго начальника Закаспійской области ¹⁾.

Наше тогдашнее министерство иностранныхъ дѣлъ и военное, „признавая важность улучшенія нашихъ отношеній къ Афганистану и находя въ виду сего желательнымъ воздержаніе отъ такихъ дѣйствій, какъ приемъ джемшидовъ,—каковыя дѣйствія могутъ послужить препятствіемъ къ означенному улучшенію“ ²⁾,—

нашу территорію и пріѣхали къ князю Дондукову-Корсакову, вручивъ ему письмо Дилверъ-Хана. Но князь не обратилъ никакого вниманія на заявленія послѣдняго, приказалъ пословъ накормить и выдать въ награду и на обратную дорогу по 1 руб. 20 коп. на человѣка. Это въ то время, когда вокругъ такъ щедро сыпалось золото. За кого считалъ князь этихъ пословъ и Дилверъ Хана—неизвѣстно.

¹⁾ Первая резолюція—на рапортѣ мервскаго уѣзднаго начальника, подполковника Арендаренко, вторая—на донесеніи начальника Кушкинскаго поста отъ 25 сентября 1891 года въ дѣлѣ № 25, 1892 года, канцелярія начальника Закаспійской области.

²⁾ Справка чиновника для пограничныхъ сношеній при начальникѣ Закаспійской

одобряло распоряженіи генерала Куропаткина объ отказѣ хезарейцамъ и джемшидамъ въ разрѣшеніи поселиться въ нашихъ предѣлахъ.

Когда, въ началѣ 1891 года, вслѣдствіе распоряженія афганскаго эмира о задержаніи и высылкѣ въ Кабуль хезарейскихъ и джемшидскихъ старшинъ, подозрѣваемыхъ въ приверженности къ Эюбъ-Хану, эти племена, опасаясь за цѣлость своего имущества и личную безопасность, двинулись къ нашимъ предѣламъ искать у насъ убѣжища, — закаспійское областное начальство запросило петербургскіе кабинеты, какъ ему поступить. Министерство иностранныхъ дѣлъ сообщило военному министерству, что джемшидовъ и хезарейцевъ не слѣдуетъ пускать въ наши предѣлы, „какъ племена, стоящія на низкой ступени культуры“, которыя поѣтому „не способны содѣйствовать развитію экономического благосостоянія области“ (sic!) ¹⁾.

И хотя на такой директивѣ нашей тогдашней дипломатіи генералъ Куропаткинъ положилъ резолюцію „къ исполненію“, но это „исполненіе“ пришлось отложить, ибо джемшиды и хезарейцы, пытавшіеся пробраться къ русской границѣ, были перехвачены афганцами и возвращены обратно.

А черезъ годъ послѣ того случилась небезызвѣстная въ закаспійскихъ лѣтописяхъ попытка пендинскаго пристава, поручика Т—го, „ударить челомъ великому государю афганскою землею“, какъ говорили въ старину. Причиною этому послужили тѣ же хезарейцы, жившіе въ окрестностяхъ афганской крѣпости Кал'а-и-Ноу и къ юго-западу отъ укрѣпленія Купка.

Въ половинѣ апрѣля, по порученію правителя Герата, къ хезарейцамъ явился изъ Герата весьма вліятельный между ними ишанъ, Халифъ-Ходжа-Омаръ, съ цѣлю доставить въ Гератъ, хотя бы и обманомъ, 20—30 хезарейскихъ старшинъ, виновниковъ „освободительнаго движенія“ среди своихъ соплеменниковъ; хезарейцы откупились, уплативъ прелату-предателю солидную взятку, но сильно заволновались, опасаясь, что ихъ постигнетъ участь джемшидовъ, переселенныхъ, годъ тому назадъ, за Гератъ.

Пользуясь малочисленностью афганскаго гарнизона Кал'а-и-Ноу, хезарейцы стали угрожать крѣпости, послѣдствіемъ чего было бѣгство начальника гарнизона, Кадыкъ-Хана. Но съ приходомъ изъ Герата подкрѣпленій въ Кал'а-и-Ноу, хезарейцы, полагая, что наступаетъ часъ возмездія со стороны афганцевъ, въ области отъ 24 апрѣля 1892 года, за № 186: „По вопросу о намѣреніи афганскихъ хезарейцевъ и джемшидовъ перейти въ предѣлы Россіи“.

¹⁾ Ibidem.

числѣ 3—4 тысячъ семей, въ концѣ апрѣля 1892 года, направились въ русскую границу, съ цѣлью одновременно перейти послѣднюю въ нѣсколькихъ мѣстахъ и затѣмъ просить Государя о принятіи ихъ въ русское подданство.

Генералъ Куропаткинъ въ это время находился по дѣламъ службы въ Петербургѣ, и его временный замѣститель, генералъ-майоръ Фишеръ, получивъ объ этомъ донесеніе отъ начальника гарнизона Куштинскаго поста, полковника Хомичевскаго, забилъ тревогу. Мервской уѣздной администраціи и полковнику Хомичевскому было послано телеграфное предложеніе „отклонить“ переселеніе кезарейцевъ въ наши предѣлы.

Причиною этого „отклоненія“ переселенія и были послѣдующія кровавыя событія въ жизни многострадальнаго кезарейскаго племени.

Бѣжавшіе на нашу сторону кезарейцы встрѣтили возвращавшагося 6-го мая съ Куштинскаго поста пендинскаго пристава, поручика Т—го, недавно вступившаго въ должность.

„До сихъ поръ заявилъ себя какъ весьма способный, энергичный и образованный офицеръ. Онъ хорошо знакомъ съ нѣсколькими иностранными языками, въ томъ числѣ съ англійскимъ“, — аттестовало г. Т—го закаспійское областное начальство ¹⁾.

Бѣглецы изъ Кал'а-и-Ноу умоляли Т—скаго спасти ихъ отъ афганцевъ. Въ ночь съ 6-го на 7-е мая къ Т—вому продолжали прибывать кезарейцы, но онъ объявилъ имъ, что ихъ не приказано пускать къ намъ, и предложилъ вернуться обратно въ Афганистанъ. Выслушавъ заявленіе пендинскаго пристава, доведенные до отчаянія, скопившіеся на нашей территоріи кезарейцы направились на афганскіе пограничные посты и, застигнувъ врасплохъ постъ въ Торашекѣ, напали на афганцевъ.

Услышавъ выстрѣлы и крики, Т—кій бросился съ бывшей при немъ командой и, остановивъ кезарейцевъ, взялъ подъ свою защиту плѣнныхъ и раненыхъ афганцевъ, которыхъ кезарейцы хотѣли-было прирѣзать. Афганцы были отправлены, въ числѣ 12-ти человекъ, въ Тахта-Базаръ. При стычкѣ со стороны афганцевъ было убито два, ранено четыре солдата; у кезарейцевъ убитъ одинъ.

И на другой день, 9-го мая, уступая усиленнымъ просьбамъ кезарейцевъ, Т—кій занялъ крѣпость Кал'а-и-Ноу ²⁾, имѣя въ

¹⁾ Именно, генералъ Куропаткинъ въ своемъ письменномъ докладѣ военному министру отъ 11-го мая 1892 года, за № 549: „По вопросу о занятіи крѣпости Кал'а-и-Ноу поруч. Т—кимъ“.

²⁾ Крѣпость Кал'а-и-Ноу лежитъ въ сорока съ небольшимъ верстахъ отъ нашей границы, противъ Торашека.

своимъ распоряженіи шесть казаковъ, девять турменъ-милліонеровъ и двадцать-пять сарыковъ при трехъ-стахъ патронахъ.

О своемъ поступкѣ приставъ послалъ телеграммы: на Высочайшее имя ¹⁾, генералу Куропаткину въ Петербургъ и генералу Фишеру въ Асхабадъ. Нечего и говорить, что эффектъ получился поразительный. Боязнь Англіи, охраненіе нашей лояльности по отношенію къ Афганистану и т. п. мигомъ встали грозными призраками предъ пораженными такою „дерзостью“ представителями петербургскихъ кабинетовъ. Срочныя депешы полетѣли во всѣ стороны съ однимъ требованіемъ: вернуть во что бы то ни стало Т—каго изъ Каг'а-и-Ноу, отнюдь не давая ему никакой помощи, „и вообще принять мѣры, дабы частныя начальники войсковыхъ частей на нашей границѣ не послѣдовали примѣру поручика Т—каго, взявъ предлогомъ къ нарушенію границъ—необходимость поддержать Т—каго“ ²⁾. И правительственнымъ сферамъ, повидимому, уже мерещился призракъ самовольнаго похода закаспійскихъ баталіоновъ на Афганистанъ.

А приставъ Т—кій, ожидая съ минуты на минуту столкновенія съ афганцами, настойчиво просилъ дать ему поддержаніе.

Разумѣется, и закаспійское областное начальство, и министры военный и иностранныхъ дѣлъ были поставлены въ затруднительное положеніе: какъ же въ самомъ дѣдѣ быть и что дальше предпринимать? „Испрашиваю указаній,—писалъ генералъ Куропаткинъ военному министру ³⁾,—на случай, если, несмотря на заступничество нашего офицера, афганцы, напавъ на джемшидовъ и хезарейцевъ, прижмутъ ихъ къ нашей границѣ, и населенію въ 20.000 душъ останется или погибнуть, или искать защиты на нашей территоріи, прорываясь, быть можетъ, даже силою черезъ линію нашихъ постовъ.

„Здѣсь представляется необходимымъ выяснить вопросъ, можемъ ли мы дать временное убѣжище вышеназваннымъ гонимымъ племенамъ, дабы, имѣя ихъ на своей землѣ, выговорить болѣе льготныя условія для ихъ возвращенія на афганскую территорію. Добавимъ къ сему, что оставленіе хезарейцевъ и джемшидовъ на нашей территоріи съ принятіемъ ихъ въ наше подданство нежелательно,

¹⁾ По поводу этой телеграммы императоръ Александръ III положилъ на докладъ военнаго министра резолюцію: „за телеграмму, которую Т—кій послалъ прямо мнѣ, сдѣлать ему строгій выговоръ“. (См. приказъ по военно-народному управленію Закаспійской области, № 82, 1892 года).

²⁾ См. упомянутый письменный докладъ генералъ-лейтенанта Куропаткина военному министру.

³⁾ Ibidem.

какъ въ видахъ политическихъ, такъ и потому, что населеніе въ Пендинскомъ или иномъ районѣ области нѣсколькихъ тысячъ жителей можетъ быть произведено только при значительномъ стѣсненіи уже живущаго въ области туземнаго населенія⁴.

Покойный П. С. Ванновскій высказался по этому запросу въ томъ смыслѣ, что надо вслѣдствіи стараться не пропускать на нашу территорію хезарейцевъ и джемшидовъ, но безъ употребленія оружія. „Не подобаетъ намъ стрѣлять въ безоружныхъ, въ ихъ женъ и дѣтей, угнетенныхъ афганцами“¹⁾. Министерство же иностранныхъ дѣлъ оказалось болѣе свирѣпо: оно требовало выдворенія джемшидовъ и хезарейцевъ отъ нашихъ предѣловъ вооруженной силой²⁾.

А пока шла междуведомственная переписка, какъ поступить съ хезарейцами и джемшидами, если бы они перешли на нашу территорію, въ окрестностяхъ Торашева и вдоль афганской границы дѣятельно разставлялись наши охранные посты. Генераль Куропаткинъ депешей изъ Петербурга распорядился командировать изъ Мерва въ Купку командира кавказскаго коннаго казачьяго полка, полковника Ковалева³⁾, съ подчиненіемъ ему всѣхъ войскъ, сосредоточенныхъ на границѣ.

„Добивайтесь... возвращенія Т—каго, быть можетъ, насильно задержаннаго въ Кал'а-и-Ноу. Ответственность за новое нарушеніе нами границы падеть на васъ“,—телеграфировалъ Куропаткинъ Ковалеву 13-го мая. Словомъ, мѣстные приграничныя власти всѣ были поставлены на ноги. Т—кому слали приказъ за приказомъ вернуться, но онъ молчалъ и не давалъ никакихъ объясненій.

14-го мая, временно исполняющій обязанности начальника области, генераль-маіоръ Фишеръ, издалъ слѣдующій „Приказъ по военно-народному управленію Закаспійской области“⁴⁾.

„Пендинскій приставъ, поручикъ Т—кій, не смотря на данныя ему телеграммы не допускать переходъ хазаринцевъ на нашу территорію изъ Авганистана и въ случаѣ перехода выдворять ихъ на свои земли,—допустилъ переходъ хазаринцевъ въ Тахта-Базаръ и затѣмъ, взявъ съ собою имѣвшихся при приставствѣ

¹⁾ Резолюція военнаго министра отъ 13-го мая 1892 года на вышеупомянутомъ докладѣ генерала Куропаткина.

²⁾ См. письмо товарища министра иностранныхъ дѣлъ, т. с. Шишкина, П. С. Ванновскому, отъ 17 мая 1892 года, № 130.

³⁾ Вслѣдствіи, въ чинѣ генераль-маіора, извѣстнаго по громкому дѣлу д-ра Забусова.

⁴⁾ № 65, 1892 года. Приводится съ дословнымъ сохраненіемъ орфографіи.

казаковъ и милиціонеровъ, самъ перешелъ нашу границу, занялъ хазаринскій городъ Кала-и-Нау, принадлежащій Авганцамъ и, несмотря на неодноразныя требованія вернуться изъ-заграницы, не возвратился, оставивъ самовольно ввѣренный ему постъ, и сообщилъ, что онъ не оставитъ Кала-и-Нау, а будетъ защищать его отъ Авганцевъ въ случаѣ, если-бы они рѣшили возвратитъ этотъ городъ для водворенія порядка.

„За изложенныя совершенныя преступленія отрѣшаю поручика Т—ваго отъ должности и предлагаю начальнику мервскаго уѣзда, по возвращеніи поручика Т—ваго изъ Кала-и-Нау, арестовать его въ Мервѣ и составивъ протоколъ о совершенныхъ преступленіяхъ передать Судебному Слѣдователю для производства слѣдствія“.

Между тѣмъ, по границѣ въ приставствѣ все было спокойно. Афганскіе посты удалялись съ границы и афганцы вообще не проявляли никакихъ активныхъ дѣйствій ни противъ русскихъ, ни въ отношеніи хезарейцевъ и джемшидовъ; въ Кал'а-и-Ноу, по слухамъ, также было спокойно.

Молчаніе Т—ваго и полное игнорированіе имъ всѣхъ посланныхъ ему приказаній, начиная отъ генерала Куропаткина и кончая мервскимъ уѣзднымъ начальникомъ, подполковникомъ Арендаренко ¹⁾, заставили закаспійскую администрацію предположить, что поручикъ Т—кій страдаетъ психическимъ расстройствомъ. И полковникъ Ковалевъ надѣялся его заплучить или силою, или хитростью. Когда же генералъ-маіоръ Фишеръ телеграфировалъ объ этомъ Куропаткину, прибавивъ, что онъ послалъ категорическій приказъ вернуться Т—кому, а если онъ не исполнитъ этого приказанія, то отозвать состоящихъ при приставѣ казаковъ и джигитовъ,—Куропаткинъ воспротивился послѣднему и положилъ на депешѣ Фишера резолюцію: „Это плохо. Надо арестовать, а не бросать больного одного“.

Наконецъ, 16 мая, по письму Ковалева, Т—кій добровольно возвратился изъ Кал'а-и-Ноу въ Торашекъ и тотчасъ же былъ арестованъ и отправленъ подъ конвоемъ въ Мервѣ, а оттуда въ Асхабадъ.

Дальнѣйшая его судьба насъ не интересуеть, и потому консиема въ послѣдующемъ концѣ всей этой печальной памяти эпопеи.

Въ день возвращенія Т—ваго въ Торашекъ, 16 мая, туда

¹⁾ Впослѣдствіи въ чинѣ генералъ-маіора занималъ должность ферганскаго военного губернатора; нынѣ генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ.

прибыло пять вождей хезарейцевъ и джемшидовъ, съ казіемъ во главѣ. Къ Торашеку же продолжали двигаться и главныя массы народа, въ паникѣ спасавшагося отъ ожидаемаго возмездія афганцевъ за свои симпатіи къ русскимъ. Таборы мужчинъ, женщинъ и дѣтей подходили къ границѣ и располагались около нея ¹⁾; въ продовольствіи ощущался крайній недостатокъ; поэтому бѣглецы терпѣли во всемъ невѣроятныя лишенія.

Въ это же время, 18 (30) мая, покойнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Гирсомъ, была получена нота великобританскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Петербургѣ, въ которой описываемое событіе на афганской границѣ было раздуто до чрезвычайности.

„Имѣю честь увѣдомить ваше высокопревосходительство, — писалось въ нотѣ, — что правительствомъ ея величества получено по телеграфу извѣстіе о томъ, что въ Кал'а-и-Ноу, въ Афганистанѣ, вспыхнуло возстаніе и что начальники племени хезарейцевъ 6 (18) сего мая скрылись на русской территоріи, а оттуда, съ подкрѣпленіемъ изъ 300 турменъ, возвратились въ Кал'а-и-Ноу, разбили афганскія войска и 9 (21) мая взяли городъ. Гератскій губернаторъ снаряжаетъ нынѣ отрядъ изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи, для посланки его противъ мятежниковъ, и увѣдомилъ уже императорскаго офицера, командующаго въ Тунаидѣ (Tunaid) ²⁾, — о причинѣ движенія означеннаго отряда.

„Главный статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ поручилъ мнѣ сообщить вашему высокопревосходительству о вышеназложенномъ и просить, чтобы императорское правительство въ возможно непродолжительномъ времени послало подлежащимъ властямъ необходимыя инструкціи въ тѣхъ видахъ, чтобы предупредить повтореніе нарушенія турменами афганской границы“ ³⁾.

Между тѣмъ, нужда и безысходное положеніе мятежныхъ племенъ сказывались особенно тяжело. Судя по официальной перепискѣ того времени, среди хезарейцевъ и джемшидовъ появилась холера, и опасность ея заноса на нашу территорію была несомнѣнна.

Приграничныя власти, повидимому, живо сочувствовали бѣглецамъ, и мервскій уѣздный начальникъ, подполковникъ Арендаренко, депешей просилъ генерала Куропаткина оказать, если

¹⁾ Эти свѣдѣнія взяты изъ телеграммы генерала Фишера Куропаткину, отъ 18 мая 1892 года, за № 297, въ дѣлѣ, № 26 дипломатическаго отдѣленія канцеляріи начальника Закаспійской области.

²⁾ Т.-е. Дерунацѣ.

³⁾ См. упомянутое выше дѣло за № 297.

можно, содѣйствіе къ переселенію хезарейцевъ и джемшидовъ въ „безлюдную и многоводную Гисарскую долину“ въ Бухарѣ, если не всѣхъ, то хотя бы вождей племени. Объ этой просьбѣ Куропаткинъ упоминалъ въ своемъ докладѣ военному министру, но тогдашнее министерство иностранныхъ дѣлъ, и безъ того, по-видимому, напуганное начавшимися осложнениями съ Англіей, категорически заявило, „что принятіе нами подъ свою защиту недовольныхъ симъ (т. е. афганскимъ) правительствомъ афганско-подданныхъ и водвореніе ихъ въ нашихъ предѣлахъ могло бы вредно повліять на наши отношенія къ эмиру Абдур-Рахман-Хану и дало бы только поводъ Англіи указывать эмиру на покровительство его врагамъ“ ¹⁾.

Бухарскаго эмира, кажется, даже и не спрашивали, согласенъ онъ или нѣтъ принять въ свои владѣнія хезарейцевъ и джемшидовъ. Управлявшій тогда политическимъ агентствомъ въ Бухарѣ, коллежскій ассессоръ Клеммъ ²⁾, депешей отъ 21 мая сообщилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, что въ Гисарѣ культурныхъ земель нѣтъ, что для приведенія некультурныхъ земель въ состояніе пригодности нужны время и деньги, и что эмиръ, вслѣдствіе неспокойнаго характера населенія Гисара едва-ли согласится на переселеніе туда хезарейцевъ и джемшидовъ.

Кончилось все тѣмъ, что хезарейцы не были допущены на нашу территорію и предоставлены были самимъ себѣ. Тѣмъ не менѣе, незначительная часть хезарейцевъ, 40 мужчинъ, 30 женщинъ и 20 дѣтей, скрытно пробрались въ предѣлы Певдинскаго при-ставства и поселились въ Кульджинскомъ старшинствѣ. Афганскихъ приграничныхъ властей увѣдомили въ лояльности русскаго правительства и неизмѣнномъ рѣшеніи послѣдняго поддерживать добрососѣдскія отношенія „съ дружественной страной“. По этому поводу афганцы не остались въ долгу. Начальникъ кушкинскаго гарнизона получилъ, помѣченное 26 шеввала 1309 года (24 мая 1892 года), письмо отъ самого Са'д-ад-Дина, правителя Герата. Видный сановникъ, типичный представитель стараго, легендарнаго Афганистана ³⁾, писалъ въ теплыхъ выраженіяхъ о дружбѣ между двумя государствами, Афганистаномъ и Россіей, увѣряя, что безкорыстная дружба и близкое сосѣд-

¹⁾ Ibidem. Секретное письмо товарища министра иностранныхъ дѣлъ П. С. Ван-жоскому отъ 17 мая 1892 г., № 180.

²⁾ Нынѣ императорскій російскій генеральный консулъ въ Мешедѣ.

³⁾ Въ 1906 году ослѣпъ и принужденъ былъ покинуть важный постъ гератскаго правителя.

ство обивываютъ каждое изъ нихъ охранять обоюдные интересы. При этомъ пояснилъ возмущеніе хезарейцевъ и джемшидовъ тѣмъ обстоятельствомъ, что старшины Кал'а-и-Ноу безжалостно притѣсняли народъ, массы жаловались афганцамъ, и главаря, опасаясь возмездія со стороны послѣднихъ, перетянули на свою сторону нѣсколько молодыхъ и горячихъ головъ. Съ помощью ихъ тиранія сильныхъ надъ слабыми достигла высшей степени. Поэтому афганцы идутъ походомъ наказать насильниковъ, и если тѣ перейдутъ на русскую территорію, то пусть русскіе на правахъ исконной дружбы и сосѣдства не откажутъ сдѣлать распоряженіе, о выдвореніи бунтовщиковъ опять на афганскую территорію.

И старый баракзей ¹⁾ такъ расчувствовался, что внизу письма *собственноручно* (вмѣсто обычной на востокѣ печати) витиевато подписался: „Пишущій это письмо и уповающій на милость Господа, Создателя двухъ міровъ, — другъ обонхъ правительствъ, Са'д-ад-Динъ, баракзей, правитель Герата и близъ лежащихъ раіоновъ (да хранитъ Господь Всевышній ихъ народы отъ всякихъ бѣдъ!)“.

Впослѣдствіи Са'д-ад-Динъ уже не подписывался подъ письмами, послывавшимися въ Закаспій. Слишкомъ много было бы чести...

Какъ защищали афганцы „угнетенныхъ“ хезарейцевъ—показали слѣдующія событія.

Возстаніе хезарейцевъ въ округѣ Кал'а-и-Ноу нашло откликъ и среди хезарейскихъ племенъ округа Ирзаганъ (Урзаганъ), расположеннаго по рѣчкѣ Тиринъ, одному изъ притоковъ Гильменда.

Раздраженный ихъ бунтомъ, Абдуррахманъ издалъ особую прокламацію, въ которой заявилъ, что на этотъ разъ онъ не дастъ пощады никому изъ возставшихъ. Причиною возстанія, какъ говорятъ, послужили притѣсненія отъ войскъ, расположенныхъ въ Ирзаганѣ и въ другихъ хезарейскихъ округахъ.

Для подавленія возстанія эмиръ отправилъ отрядъ изъ 5.000 человекъ регулярныхъ войскъ и 5.000 милиціонеровъ подъ начальствомъ Абдуль-Куддусъ-Хана, поручивъ ему избить всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, женщинъ раздать солдатамъ, а дѣтей увести въ Кабуль.

Однако дѣйствія афганскихъ войскъ были неудачны: хеза-

¹⁾ Баракзей — одно изъ отдѣленій наиболѣе многочисленнаго изъ афганскихъ родовъ, *дуранійскаго*, изъ котораго происходитъ нынѣ царствующая династія.

рейцы нанесли имъ поражение, въ которомъ войска эмира потеряли до 1.500 человекъ. Вскорѣ присоединилось къ этому новое несчастіе для эмира. Абдуль-Куддусъ-Ханъ перешелъ на сторону повстанцевъ и увлекъ за собою пять полковъ низама и хезарейское племя „сепайе“, остававшееся еще вѣрнымъ Абдурахманъ-Хану. Оставшіяся вѣрными эмиру 3-й гератскій полкъ былъ почти поголовно уничтоженъ хезарейцами. Тронъ эмира заколебался. Войскъ почти не было, и Абдурахманъ принужденъ былъ для подавленія возстанія прибѣгнуть къ сбору народнаго ополченія. На содержаніе ополченцевъ правителю Герата приказано было немедленно собрать мѣсячный налогъ съ владѣльцевъ лавокъ, каравансараевъ и домовъ Герата. Но многіе ополченцы, получивъ оружіе и деньги, убѣжали въ лагерь инсургентовъ. Потерявъ надежду подавить возстаніе, Абдурахманъ-Ханъ пытался достигнуть этого мирнымъ путемъ. Онъ отправилъ въ Абдуль-Куддусъ-Хану и хезарейскимъ старшинамъ одного изъ своихъ приближенныхъ съ письмомъ, въ которомъ приглашалъ хезарейцевъ прекратить борьбу и явиться къ нему на поклонъ въ Кабуль, обѣщая съ своей стороны оставить ихъ въ покоѣ и дать имъ свободу управленія. Но хезарейцы отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ, заявивъ, что они не вѣрятъ болѣе его обѣщаніямъ и будутъ продолжать борьбу до послѣдней возможности. Тогда эмиръ приказалъ духовенству объявить хезарейцевъ невѣрными и сдѣлалъ призывъ къ религіозной борьбѣ съ ними.

Были мобилизованы едва-ли не всѣ военныя силы Афганистана и направлены въ Ирзаганъ. Послѣ долгихъ усилій войскамъ эмира удалось нанести хезарейцамъ, 13 сентября 1892 года, поражение и занять юго-восточную часть ихъ страны. Это была первая и значительная побѣда надъ мятежниками. Обрадованный эмиръ пріѣхалъ по этому случаю въ Чалтанъ и устроилъ большой праздникъ съ иллюминаціей, приказавъ сдѣлать салютъ въ 101 выстрѣлъ въ Кабуль, Желаль-Абадѣ и Асмарѣ, занятомъ афганскимъ отрядомъ.

Двѣ тысячи плѣнныхъ были отправлены въ Кабуль, гдѣ изъ нихъ ежедневно казнили по 100 человекъ; хезарейскихъ женъ и дочерей продавали по 20 — 40 рупій ¹⁾. Въ селеніяхъ мятежниковъ, занятыхъ афганцами, царили непередаваемые ужасы...

¹⁾ Относительно изложеннаго см. „Дѣла канцеляріи туркестанскаго генерал-губернатора“, № 19 (1892 года) и № 11 (1893 г.): „Обзоръ политическихъ событій на границѣ Персіи и Афганистана, доставляемые начальникомъ Закаспійской области“.

Жившіе въ районѣ Кал'а-и-Ноу хезарейцы были разселены кто въ горы, кто въ Гератъ, наиболѣе виновные казнены или заключены въ клоповники. Въ самую крѣпость Кал'а-и-Ноу было переселено до 1.200 афганцевъ изъ другихъ мѣстъ. И хотя возстаніе все еще продолжалось и хезарейцы мужественно отстаивали свою независимость, мы, не описывая здѣсь всѣхъ перипетій этой борьбы, скажемъ, что въ концѣ-концовъ хезарейцы были сломлены и покорились силѣ.

Прошли послѣ того годы. Кровавыя страницы упомянутой исторіи хезарейцевъ и джемшидовъ покрылись въ глазахъ со-сѣдей прахомъ забвенія. Никому не было дѣла до происшедшаго, лишь несчастныя племена до сихъ поръ помнятъ кровавое мнувшее, и все попрежнему, какъ и тогда, въ 1892 году, они рассчитываютъ, что сильный народъ придетъ изъ-за Пендинскаго оазиса и освободитъ ихъ изъ-подъ тяжелаго афганскаго ига.

Въ апрѣлѣ 1904 года, намъ попало въ руки письмо на листѣ обычной восточной бумаги, плотной и лощеной. Повидимому, это была часть переписки, ведшейся на персидскомъ языкѣ между тѣми, кто жилъ на русско-афганской границѣ,— на разныхъ лишь территорияхъ.

„Изъявленіе привѣта и совершенной дружбы да пребудеть во всей полнотѣ ¹⁾).

„Высокостепеннымъ, любезнымъ, отзывчивымъ и дружелюбнымъ сородичамъ-землякамъ нашимъ, мы, убѣленные сѣдинами старшины и главы хезарейскихъ племенъ, достопочтеннымъ: Махмудъ - Беку, Али - Мехди, Ибрамъ - Беку, Арбаби - Хусейну, Арбаби-Махмуду, Мулла-Осману, а также всѣмъ прочимъ людямъ, отъ мала до велика, желаемъ здравствовать и сочувственно отнестись къ положенію пишущихъ это. „Хвала Господу Богу міровъ“, всѣ мы, хезарейцы, съ надеждою взирая на васъ, всецѣло заняты настоящею къ вамъ, дорогимъ друзьямъ, просьбою и, моля Владыку величія о здоровьи и благополучіи вашемъ, взываемъ: „Пощади насъ, Владыка міровъ“.

„Мы, хезарейцы, проживающіе въ Кал'а-и-Ноу, вотъ уже тринадцать лѣтъ какъ разлучены съ вами, покинувшими свою родину, и поэтому что можетъ быть хорошаго изъ такого положенія вещей? Благодаря тяготѣнію къ Бѣлому Царю, афганцы насъ совершенно разорили; и тиранія, и насилія ихъ надъ нами переполнили чашу всякаго терпѣнія и притомъ отняли у насъ возможность бѣжать въ русскіе предѣлы. Слышали мы изъ вѣр-

¹⁾ Приводимъ почти въ дословномъ переводѣ съ персидскаго.

ныхъ источниковъ, будто ради насъ несчастныхъ его величество, Бѣлый Царь, хочетъ идти на Афганистанъ войною. Просимъ поэтому васъ, вліятельныхъ старшинъ Пендже, вручите настоящее письмо правителю Пендже и, получивъ отъ него отвѣтъ по поводу изложеннаго, пришлите его къ намъ въ Кал'а-и-Ноу, дабы этотъ отвѣтъ мы могли узнать. Если правитель не дастъ вамъ опредѣленнаго отвѣта, попросите его, чтобы онъ далъ вамъ опытнаго начальника. Тогда остальные люди нашей страны отовсюду стекутся къ намъ, и мы, хезарейцы, будемъ вполне спокойны за свою участь. Не обманите насъ, какъ тогда, въ первый годъ, и поступите честно и болѣе душою за дѣло общаго блага; выпросите позволеніе и во главѣ съ назначеннымъ вождемъ приходите сюда, тогда и всѣ дѣла наши благополучно устроятся“...

О, sancta simplicitas! Какъ все это наивно, трогательно и... неосуществимо.

А. С—ъ.

БРЕТОНСКІЯ ЛЕГЕНДЫ

III ¹⁾.

Соловей.

(БРЕТАНЬ.)

— Скажите, юная супруга,
Зачѣмъ въ ночи встаете вы?
Ища полночнаго досуга,
Куда въ ночи идете вы?

Вставая тайно, отъ постели
И отъ меня, къ какой вы цѣли
Такъ удаляетесь тайкомъ,
Ступая тихо босикомъ?

— Коль я встаю, супругъ любезный,
И отъ постели ухожу,
Такъ это за морскою бездною,
За кораблями я слѣжу.

— О, вѣрно не за кораблями,
Не за ночными парусами
Слѣдите вы, ндя къ окну,
И не глядите на Луну.

За чѣмъ, вставая отъ постели,
Слѣдите ночью вы, madame?

— Гляжу, какъ въ тихой колыбели,
Ребенокъ мой уснулъ, вонъ тамъ.

¹⁾ См. выше: май, 58 стр.

— Не на ребенка вы глядите,
 Не за ребенкомъ вы слѣдите,
 Не нужно этихъ сказокъ мнѣ:
 Что привлекаетъ васъ въ окнѣ?

— Ахъ, старичокъ мой, не сердайте,
 Ужъ я скажу всю правду вамъ:
 Тамъ соловей есть, примѣчайте,
 Тамъ соловей есть по ночамъ.

Какъ только море затихаетъ,
 Тамъ соловей мнѣ распѣваетъ,
 Не улетитъ отъ розы прочь,
 Во всю-то ночь, во всю-то ночь.—

Когда сеньёръ услышалъ это,
 Въ своемъ онъ сердцѣ такъ сказалъ,
 Когда сеньёръ услышалъ это
 Въ своемъ онъ сердцѣ приказалъ:

— Ужъ это вѣрно, или невѣрно,
 Наказанъ будетъ онъ примѣрно,
 Онъ будетъ пойманъ, соловей.—
 И утромъ въ садъ идетъ скорѣй.

— Садовникъ, вотъ что сдѣлать надо.
 Тутъ соловей одинъ живетъ,
 Онъ тутъ, онъ гдѣ-то, гдѣ ограда,
 Поетъ всѣ ночи напролетъ.

Онъ лишь поетъ, да распѣваетъ,
 Онъ по ночамъ мнѣ спать мѣшаетъ;
 Коль будетъ пойманъ онъ тобой,
 Получишь тотчасъ золотой.—

Садовникъ понялъ повелѣнье,
 Въ саду поставилъ онъ сѣнокъ,
 И соловей, безъ промедленья,
 Невѣрный совершилъ прыжокъ.

Сеньёръ схватилъ его, хохочетъ,
 И умерщвление въ сердцѣ точитъ,
 Пѣвцу онъ петлю затянулъ,
 И на колѣни ей швырнулъ.

— Для васъ его поймалъ, супруга.
Какой прелестный соловей!
Держите ласковаго друга,
Храните на груди своей.—

— Увы!—сказало сердце милой.
— Увы!—сказалъ другой, унылый.
— Ужъ больше, какъ блеснетъ Луна,
Намъ не видаться у окна.

IV.

Владыка Наннъ и Горригана.

(Бретань.)

1.

Рано вѣнчались Наннъ и она,
Рано—разлука была суждена.
Нынче супруга какъ будто больна.

Ночью она родила близнецовъ,
Бѣлые оба, какъ свѣжесть снѣговъ.
Тѣльце для ласки, и сердце для сновъ.

Мальчикъ и дѣвочка. Скрипнула дверь.
— Что ваше сердце желаетъ теперь,
Послѣ подобныхъ здоровья потерь?

Вы подарили мнѣ сына. Сейчасъ
Прихоть скажите, все будетъ для васъ,
Шепчетъ ли сердце и ищетъ ли глазъ?

Мяса ль беваса хотите съ прудовъ,
Мяса ли серны зеленыхъ лѣсовъ?
Только скажите, служить я готовъ.

— Хочется мяса мнѣ серны, но вамъ
Трудно вѣдь будетъ бродить по лѣсамъ.—
Наннъ лишь услышалъ, какъ онъ уже тамъ.

Тотчасъ дубовымъ запасшись копьемъ,
Прыгъ—на коня вороного, на немъ —
Въ лѣсъ, и ужь въ лѣсѣ онъ ѣдетъ глухомъ.

Вотъ на прогалинѣ бѣлая лань,
Быстро—въ погоню, затѣялась брань,
Только безплодно, хотъ прямо отстань.

Скачеть, земля въ этомъ сбѣгѣ дрожить,
Потъ съ него градомъ, измученный видъ.
Конь задыхался. И вечеръ глядитъ.

Свѣтлый ручей. Горригановскій гротъ.
Зелень лужайки, онъ сходитъ и пьетъ.
Тамъ Горригана надъ зеркаломъ водъ.

Возлѣ воды Горригана предъ нимъ,
Волосы свѣтлые гребнемъ златымъ
Чешеть, а волосы длинны какъ дымъ.

— Какъ это вы дерзновенны, что вотъ
Тамъ вы, гдѣ мой зачарованный гротъ?
Воды мутить, тамъ, гдѣ фея живетъ?

Или вы въ жены берете меня,
Иль на семь лѣтъ въ ногу—токъ вамъ огня,
Или вамъ жизни всего лишь три дня.

— Въ жены васъ взять? Я женатъ уже годъ.
Въ ногу мою токъ огня не войдетъ.
Въ краткой трехдневности Наннъ не помретъ.

Я не умру черезъ эти три дня,
Богъ позоветъ и пойду, не стена.
Бракъ съ Горриганой—то смерть для мена!

2.

— Матушка, сдѣлай постель мнѣ мою.
Матушка, матушка, не утаю,
Худо мнѣ, словно отраву я пью.

Не говори лишь супругъ моей, —
 Въ гробъ я войду съ истеченьемъ трехъ дней:
 Сглазъ Горриганы, я встрѣтился съ ней. —

Только три дня миновали, и вотъ —
 — Мать моя, — рѣчь тутъ супруга ведеть, —
 Что это волоколъ намъ такъ поеть?

Что тамъ священники въ бѣломъ поють?
 — Мы пріютили несчастнаго тутъ.
 Ночью отшелъ онъ въ послѣдній пріютъ.

— Мать моя, гдѣ же мой Наннъ господинъ? ¹⁾
 — Въ городъ, родная, уѣхалъ мой сынъ.
 Скоро вернется, скучаетъ одинъ.

— Мать моя, въ церковь съ тобой мы поидемъ,
 Въ платьѣ ли буду я тамъ голубомъ,
 Въ красномъ ли буду сіять, какъ огнемъ?

— Дитятко, мода такая теперь:
 Въ черное нужно одѣться, повѣрь. —
 Вышли. Отырлася въ кладбище дверь.

— Кто это умеръ изъ нашей семьи?
 — Дочь моя, вдови печали твои,
 Умеръ супругъ твой, таи не таи. —

Пала скорбящая. Не поднялась.
 Въ той же могилѣ, въ законченный часъ,
 Къ мертвымъ съ супругомъ она сопричлась.

Встало два дуба, и вѣтви — къ громамъ,
 Бѣлыхъ два голубя вснѣжились тамъ,
 Спѣли зарю — и въ лазурь, къ Небесамъ.

К. Бальмонтъ.

¹⁾ По поводу конца настоящаго стихотворенія (всего 18 послѣднихъ его строкъ) Редакція покорнѣе проситъ сдѣлать въ майской книгѣ журнала (стр. 62 и 63: „Подмѣнши“) слѣдующее необходимое исправленіе. Въслѣдствіе ошибки въ распре-
 дленіи листковъ, на которыхъ были написаны „Бретонскія легенды“, а затѣмъ и
 верстки набора, конецъ настоящаго стихотворенія, въ числѣ 18 строкъ, былъ при-
 соединенъ къ предыдущему стихотворенію „Подмѣнши“, а потому тамъ слѣдуетъ
 этотъ конецъ уничтожить. — *Ред.*

ТАЙНЫЙ АГЕНТЪ

РОМАНЪ.

— *Joseph Conrad. The Secret Agent. 1907.*

Окончаніе.

VII *).

Вице-директоръ прошелъ по узкому грязному переулку и, выйдя оттуда на широкую улицу, вошелъ въ общественное зданіе внушительныхъ размѣровъ. Тамъ онъ обратился къ частному секретарю начальствующаго лица съ просьбой доложить о его приходѣ. Лицо молодого секретаря, розовое и безмятежное, озабоченно нахмурилось, и онъ сталъ что-то говорить о томъ, что его начальникъ утомленъ и озабоченъ.

— Гринвичскимъ дѣломъ?—спросилъ вице-директоръ.

— Да. Онъ очень на васъ сердитъ.

Вице-директоръ все-таки настоялъ на томъ, чтобы о немъ доложили, и чрезъ нѣсколько минутъ очутился въ кабинетѣ начальника. Онъ пробылъ тамъ довольно долго и вышелъ изъ кабинета съ довольнымъ лицомъ. Ему удалось выполнить свой планъ, который заключался въ томъ, чтобы отстранить отъ гринвичскаго дѣла главнаго инспектора Хита, неудобнаго ему своимъ желаніемъ привлечь къ отвѣтственности Михаэлиса. Вице-директоръ сообщилъ своему главному начальнику очень сенсационныя вѣсти, рассказалъ про посольскаго агента Верлока и выяснилъ провокаціонный характеръ гринвичскаго происшествія. Начальникъ былъ крайне пораженъ сообщеніями вице-директора,

*) См. выше: май, стр. 304.

и тотъ умѣло воспользовался произведеннымъ впечатлѣніемъ. Онъ сказалъ, что свѣдѣнія свои имѣеть отъ главнаго инспектора Хита, но что Хитъ выказалъ въ этомъ дѣлѣ нѣкоторое превышеніе власти; онъ пользовался услугами Верлока, зная, каковъ его родъ дѣятельности, и не сообщая объ этомъ по начальству. Говоря, что это, конечно, не мѣшаетъ Хиту быть вполне преданнымъ и заслуживающимъ довѣрія служащимъ, онъ все-таки предложилъ на этотъ разъ отказаться отъ его услугъ. Онъ сказалъ, что самъ займется изслѣдованіемъ сложныхъ обстоятельствъ дѣла и обличить Верлока, что, по его мнѣнію, необходимо сдѣлать для предупрежденія такихъ же происшествій въ будущемъ. Сваливать вину на Михаэлиса, какъ это соби-рался сдѣлать Хитъ, онъ считалъ крайне несправедливымъ и нежелательнымъ. Заручившись согласіемъ начальника на свой образъ дѣйствій, онъ сказалъ, что въ этотъ же вечеръ отправится самъ къ Верлоку, конечно, измѣнивъ свой внѣшній видъ, и поздно вечеромъ придетъ сообщить о результатахъ своему начальнику въ Вестминстеръ, такъ какъ въ этотъ вечеръ предстояло позднее вечернее засѣданіе.

Вице-директоръ медленно вернулся обратно въ свой департаментъ и прошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Сѣвъ у письменнаго стола, онъ позвонилъ.

— Главный инспекторъ Хитъ ушелъ? — спросилъ онъ вошедшаго.

— Да, сэръ. Ушелъ съ полчаса тому назадъ.

Онъ отпустилъ служителя, кивнувъ головой, и продолжалъ сидѣть нѣсколько времени неподвижно, въ досадѣ на Хита, который спокойно унесъ единственное вещественное доказательство. „Но, конечно, — подумалъ онъ, — лоскутокъ сукна съ адресомъ — слишкомъ драгоценная улика, чтобы оставлять ее гдѣ попало, и Хитъ поступилъ какъ преданный, честный слуга“. Успокоившись насчетъ Хита, вице-директоръ написалъ и отправилъ женѣ записку, прося ее передать его извиненіе покровительницѣ Михаэлиса, къ которой они были приглашены къ обѣду.

Отправивъ записку, онъ подошелъ къ задернутому занавѣской алькову, гдѣ стоялъ умывальный столикъ и развѣшано было на крюкахъ разное платье, и переодѣлся тамъ, выбравъ короткую жакетку и низкую круглую шляпу. Въ этомъ видѣ онъ вышелъ на улицу, гдѣ сразу окунулся въ мрачную сырость осенняго вечера. Остановившись на краю панели, онъ сталъ ждать. Привычно зоркимъ глазомъ онъ замѣтилъ среди движущихся огней и тѣней на мостовой медленно приближающийся

вѣбъ. Онъ не подозвалъ его рукой, но когда медленно двигающійся экипажъ поровнялся съ нимъ, онъ быстро отворилъ дверцу и сѣлъ; когда онъ крикнулъ въ окошечко, куда ѣхать, кучеръ былъ почти удивленъ присутствіемъ сѣдока въ экипажѣ.

Ѣхать было недалеко. Сѣдокъ остановилъ знакомъ кучера въ неопредѣленномъ мѣстѣ, между двумя фонарями передъ большимъ магазиномъ мануфактурныхъ товаровъ, протянулъ ему деньги черезъ окошечко и исчезъ какъ призракъ. Но возница былъ удовлетворенъ размѣромъ платы за проѣздъ и уѣхалъ вполне довольный, не задумываясь о странномъ сѣдокѣ, котораго везъ. Вице-директоръ вошелъ въ маленький ресторанъ; это была одна изъ многихъ разсыянныхъ по городу ловушекъ для голодныхъ: маленькое помѣщеніе съ зеркалами и бѣлыми скатертями на столахъ, душное, безъ воздуха, съ особымъ запахомъ плохой пици, которая обманываетъ, но не удовлетворяетъ голодъ. Сѣвъ за столикъ, вице-директоръ сосредоточился на мысляхъ о своемъ предпріятіи, все болѣе теряя сознаніе своей личности. У него было странное ощущеніе одиночества и свободы. Когда, заплативъ за свой болѣе чѣмъ скромный обѣдъ, онъ поднялся и въ ожиданіи сдачи поглядѣлъ на себя въ зеркало, онъ увидѣлъ съ удовольствіемъ, что непривычная одежда измѣнила его видъ до неузнаваемости. Для довершенія перемѣны, онъ еще поднялъ воротникъ, закрутилъ кверху черные усы и въ такомъ видѣ вышелъ изъ ресторана.

Очутившись на улицѣ, онъ подумалъ о томъ, до чего итальянскіе рестораны въ Лондонѣ утратили всякій національный характеръ вслѣдствіе подлаживанія подъ англійскіе вкусы и употребленія плохихъ продуктовъ. Хозяева этихъ ресторановъ—тоже какіе-то оторванные отъ всякой почвы люди; они какъ бы созданы только для своихъ помѣщеній и не имѣютъ другого мѣста на землѣ. И онъ самъ въ эту минуту почувствовалъ себя тоже человѣкомъ безъ опредѣленнаго мѣста и положенія. Никто бы не могъ сказать, глядя на него, чѣмъ онъ занимается. И это сознаніе обрадовало его. Онъ энергично зашагалъ по грязной сырой мостовой, окутанной мглою сырой лондонской ночи.

Братъ-Стритъ находилась неподалеку. Она начиналась по одну сторону открытаго треугольнаго пространства, окруженнаго темными таинственными домами, храмами мелкой торговли, опустѣвшими на ночь. Только навѣсь торговца фруктами на углу сверкалъ яркими огнями. За нимъ все было темно, и люди, направлявшіеся въ ту сторону, исчезали, какъ только проходили на шагъ за сверкающія груды апельсиновъ и лимоновъ. Не

слышно было даже звука шаговъ. Отважный начальникъ департамента по особо важнымъ дѣламъ съ интересомъ слѣдилъ на нѣкоторомъ разстояніи за этими исчезновеніями. У него было легко на сердцѣ, точно онъ бродилъ одинъ въ дѣвственномъ лѣсу, за много тысячъ миль отъ канцелярскихъ столовъ и канцелярскихъ чернилницъ.

На фонѣ сіяющихъ апельсиновъ и лимоновъ показалась фигура полицмена; онъ, не спѣша, повернулъ на Брэтъ-Стритъ. Вице-директоръ отошелъ въ сторону, выжидая его возвращенія.

Но онъ такъ и исчезъ навсегда, — очевидно, выйдя изъ Брэтъ-Стрита съ другого конца.

Переждавъ нѣсколько времени, вице-директоръ свернулъ на Брэтъ-Стритъ. Тамъ онъ увидѣлъ большой возъ ломовика, стоявшій передъ тускло освѣщенными окнами простой кухмистерской. Ломовицъ ужиналъ, а лошади на улицѣ тоже ѣли, опустивъ въ мѣшки съ овсомъ могучія головы. Дальше, по другую сторону улицы, показалась другая полоса блѣднаго свѣта изъ лавки м-ра Верлока. Вице-директоръ остановился и сталъ смотрѣть на освѣщенное окно. Ошибиться нельзя было. Рядомъ съ витриной, гдѣ выставлены были разные подозрительные предметы, полуоткрытая дверь пропускала узкую полосу свѣта изнутри.

За спиной вице-директора возъ и лошади, слившіеся въ одну массу, казались чѣмъ-то живымъ — огромнымъ чернымъ чудовищемъ, загораживающимъ улицу. Яркій свѣтъ изъ большого трактира прямо противъ Брэтъ-Стрита на широкой людной улицѣ какъ бы отталкивалъ мракъ вглубь улицы и усугублялъ мрачный, зловѣщій видъ дома м-ра Верлока.

VIII.

Пользуясь своими связями среди оптовыхъ торговцевъ съѣстными припасами, товарищей ея покойнаго мужа, мать м-ссы Верлокъ добилась, наконецъ, долгими стараніями и приставаніями мѣста въ богадѣльнѣ, основанной богатымъ трактирщикомъ для бѣдныхъ вдовъ торговцевъ съѣстными припасами.

Задавшись этой цѣлью, старуха преслѣдовала ее съ чрезвычайной настойчивостью и скрытностью. Дочь ея, Винни, даже какъ-то замѣтила мужу, что „мама тратитъ по полу-крофтъ и по пяти шиллинговъ въ день на разѣзды“. Она сказала это безъ осужденія, а только удивляясь внезапной страсти матери

къ развѣздамъ. М-ру Верлоку, занятому мыслями о болѣе важныхъ дѣлахъ, было не до лишнихъ пяти шиллинговъ, и онъ не обратилъ вниманія на замѣчаніе жены.

Достигнувъ цѣли, мать м-ссъ Верлокъ рѣшилась, наконецъ, открыться дочери. Она радовалась въ душѣ своей удачѣ, но нѣсколько боялась своей дочери Винни, которая въ случаяхъ неудовольствія терроризировала ее своимъ молчаніемъ. Но все-таки она сообщила ей, наконецъ, сенсаціонную новость, сохраняя при этомъ свой внушительно-спокойный видъ.

Неожиданность извѣстія такъ поразила м-ссъ Верлокъ, что, вопреки обыкновенію, она прервала работу, которую была занята,—она вытирала пыль въ комнатѣ за лавкой—и обернулась къ матери:

— На что вамъ это понадобилось? — съ удивленіемъ спросила она, отрѣшившись отъ своей привычки принимать факты безъ разспросовъ, что было ей силой и оплотомъ въ жизни. — Развѣ вамъ нехорошо жилось у насъ?

Послѣ этихъ вопросовъ, на которые испуганная мать не могла отвѣтить отъ страха, она снова принялась за прерванную работу. Продолжая сметать пыль, сначала со стула, потомъ съ дивана, она позволила себѣ среди работы предложить еще одинъ вопросъ.

— Какъ же вамъ это удалось, мама?

Такъ какъ этотъ вопросъ не касался существа дѣла, а относился къ средствамъ выполненія, то любопытство молодой женщины было извинительно. Мать ее обрадовалась ее вопросу, который давалъ ей возможность рассказать все въ подробностяхъ. Она отвѣтила дочери очень обстоятельно, называя имена богатыхъ торговцевъ, друзей ее покойнаго мужа, распространяясь съ особой признательностью объ одномъ богатомъ пивоварѣ и разныхъ другихъ благодѣтеляхъ, которые отнесли къ ее ходатайству съ чрезвычайной добротой. Винни выслушала рассказъ матери, продолжая свою работу, и затѣмъ спойно вышла изъ комнаты безъ единого замѣчанія.

Проливъ нѣсколько слезъ въ знакъ радости, что дочь ее выказала такую терпимость, мать м-ссъ Верлокъ стала размышлять о томъ, какъ распределить мебель, составляющую ее собственность. Кое-что ей нужно было взять съ собой, такъ какъ благотворительное учрежденіе предоставляло только голыя стѣны въ распоряженіе пансіонеровъ. Она изъ деликатности выбрала наименѣе цѣнные предметы, наиболѣе потертую мебель, но никто не оцѣнилъ ее благородства. Жизненная мудрость Винни заклю-

чалась въ томъ, чтобы не обращать вниманія на суть и смыслъ фактовъ. Она предположила, что мать ея взяла съ собой какъ-разъ то, что ей болѣе всего подходило. А самъ м-ръ Верлокъ былъ настолько погруженъ въ размышленія, что внѣшній міръ казался ему суетнымъ и приврачнымъ.

Отобравъ то, что ей было нужно самой, мать м-ссъ Верлокъ задумалась о распредѣленіи всего остального. Конечно, все свое имущество она рѣшила оставить на Брэтъ-Стритѣ. Правда, у Винни добрый мужъ и жизнь ея обезпечена, а Стэви ничего не имѣетъ и положеніе его—самое незавидное. Но отдать ему мебель она боялась. Это бы могло послужить ему во вредъ. Его спасало именно положеніе полной зависимости отъ мужа сестры. М-ръ Верлокъ былъ бы оскорбленъ сознаніемъ, что сидитъ на стульяхъ, принадлежащихъ брату жены, и это могло возстановить его противъ мальчика. Что, если ему вадумается выгнать его изъ дому со всеми его пожитками? Но если, съ другой стороны, произвести дѣлежъ, то Винни можетъ обидѣться. Нѣтъ, лучше, чтобы Стэви такъ и оставался немущимъ и въ полной зависимости отъ сестры и ея мужа. Поэтому въ моментъ отъѣзда она сказала дочери:

— Нечего ждать моей смерти. Все, что тутъ—твое, дорогая моя.

Винни стояла въ шляпѣ за спиной матери и управляла ей воротникъ пальто. Она, ничего не говоря, взяла мѣшечекъ и зонтикъ. Наступилъ моментъ, когда въ послѣдній разъ предстояло заплатить за мать три съ половиной шиллинга за проѣздъ въ къбъ. Онѣ вышли изъ дверей лавки.

Передъ дверью стоялъ старый, карикатурный съ виду экипажъ, и возница, сидѣвшій на козлахъ, имѣлъ такой жалкій, не внушающій довѣрія видъ, что мать м-ссъ Верлокъ остановилась въ нерѣшительности:

— Довезетъ ли онъ насъ, Винни?—съ нѣкоторымъ ужасомъ спросила она. Возница отвѣтилъ потокомъ брани на выраженное ему недоувѣріе. Въ дѣло вмѣшался стоявшій по близости полицменъ и успокоилъ испуганную старую лэди ласковымъ взглядомъ:

— Онъ уже двадцать лѣтъ какъ возитъ публику и никогда никого не вываливалъ.

— Никогда никого!—крикнулъ возница гнѣвнымъ голосомъ.

Свидѣтельство полицейскаго успокоило умы. Собравшаяся кучка человѣкъ въ семь, большей частью малолѣтнихъ, разсѣялась. Винни сѣла вмѣстѣ съ матерью въ экипажъ, а Стэви по-лѣвъ на козлы. Его раскрытый ротъ и полный отчаянія взглядъ ясно выражали состояніе его духа. По узкимъ улицамъ къбъ

двигался медленно, съ страшнымъ грохотомъ и звономъ стеколъ, и чахлая, хромая лошадь, у которой можно было пересчитать всѣ ребра, подпрыгивала на каждомъ шагу.

Наконецъ, Винни сказала:—Лошадь, кажется, не очень хорошая.

Глаза ея неподвижно глядѣли въ пространство. Сидя на козлахъ, Стэви быстрымъ движеніемъ закрылъ и открылъ ротъ и произнесъ:—Не бейте!

Возница сначала не обратилъ вниманія на его восклицаніе. Быть можетъ, онъ даже не слышалъ его. Только на второй взволнованный окрикъ: „не бейте!“ онъ повернулъ въ мальчику свое вздутое багровое лицо, окаймленное взерошенными сѣдыми волосами. Грязнымъ концомъ хлыста онъ почесалъ щетинистый подбородокъ.

— Не смѣйте бить! — рѣзко вытальвивая слова, крикнулъ Стэви. — Ей больно.

— Вотъ какъ: не бить? — повторилъ вопросительнымъ тономъ возница и сейчасъ же хлестнулъ лошадь. Сдѣлавъ онъ это не изъ жестокости, а потому что долженъ былъ заработать плату съ сѣдочковъ и довести ихъ до мѣста назначенія. Экипажъ прыгалъ на мостовой и повалился быстрѣе. Нѣсколько времени дѣло шло гладко. Но когда они вѣхали на мостъ по пути, то опять произошелъ переполохъ. Стэви вздумалъ слѣзть съ козелъ. Кэбъ остановился, раздался крики съ панели, собрался народъ, кучеръ сталъ браниться. Окошко кэба опустилось, и оттуда высунулось блѣдное лицо Винни. Изъ кэба раздался взволнованный голосъ матери:—Что съ мальчикомъ? разбился?

Оказалось, что Стэви не разбился и даже не упалъ, но отъ волненія утратилъ способность говорить, какъ это съ нимъ всегда бывало въ такихъ случаяхъ. Онъ только пробормоталъ, съ трудомъ выговаривая слова:—Слишкомъ тяжело, слишкомъ тяжело.

Винни положила ему руку на плечо:

— Сейчасъ же садись обратно на козлы, Стэви, и не смѣй сходить.

— Нѣтъ, нѣтъ. Нужно пѣшкомъ. Нужно пѣшкомъ.

Но объяснить, почему нужно, онъ уже не могъ. Онъ не видѣлъ ничего невозможнаго въ своемъ желаніи, такъ какъ, дѣйствительно, отлично сумѣлъ бы бѣжать, не отставая отъ тощей, едва передвигавшей ноги лошади. Но сестра изъ всѣхъ силъ протестовала противъ его выдумки, а мать въ ужасѣ повторяла:

— Не пускай его, Винни. Ни за что не пускай: онъ заблудится.

— Конечно, не пуцу. Это еще что за выдумки! М-ръ Верлокъ былъ бы очень огорченъ твоимъ поведеніемъ.

Напоминаніе о м-рѣ Верлокѣ и боязнь огорчить его подѣйствовали, какъ всегда, успокаивающимъ образомъ на послушнаго и кроткаго мальчика. Онъ тотчасъ же покорно подѣвъ на козлы, и только на лицѣ его отразилось глубокое отчаяніе.

Возница успокоился, крикнулъ Стэви, чтобы онъ не возобновлялъ своихъ глупыхъ штукъ, но какъ-то про себя понялъ, послѣ краткаго размышленія, что мальчишъ затѣялъ возню вовсе не изъ озорства, и что даже, можетъ быть, онъ поступилъ хорошо.

Выходка Стэви положила конецъ тягостному молчанію между матерью и дочерью. Когда кэбъ кидало изъ стороны въ сторону, все равно нельзя было говорить. Теперь Винни заговорила первая.

— Ну, что жъ,—сказала она.—Вы добились, чего хотѣли, мама, и сами на себя пеняйте, если будетъ нехорошо. Не думаю, что вамъ будетъ лучше житься. Развѣ вамъ было худо у насъ? И что о насъ подумаютъ? Что мы за люди, если вамъ пришлось пользоваться чужой благотворительностью?

— Что ты, милая! — воскликнула старуха, стараясь возвысить голосъ надъ окружающимъ шумомъ. — Ты была для меня образцовой дочерью. Ну, а ужъ м-ръ Верлокъ...

У бѣдной женщины не хватало словъ, чтобы выразить все благородство м-ра Верлока. Она подняла полные слезъ глаза вверхъ и потомъ отвернула голову, дѣлая видъ, что хочетъ взглянуть изъ окна и посмотреть, близко ли они уже къ цѣли. Оказалось, что они еще очень немного проѣхали. Ихъ окружала грязная, мрачная ночь. Свѣтъ газовыхъ рожковъ, мерцавшій въ окнахъ лавокъ, освѣщаль лицо старой женщины; ея желтыя, морщинистыя щеки покраснѣли, что придавало имъ оранжевый оттѣнокъ подъ шляпой изъ темныхъ лиловыхъ лентъ. Мать м-ссъ Верлокъ почувствовала угрызенія совѣсти передъ дочерью. Сидя рядомъ съ нею и направляясь въ востѣжъ благотворительнаго общества, она вдругъ поняла, что нанесла обиду своей дочери.

Она знала, что дѣйствительно люди, которыхъ Винни имѣла въ виду, т.-е. друзья ея мужа и другіе, будутъ внутренно осуждать ея дочь и зятя. Когда она обращалась со своимъ ходатайствомъ къ комитету, члены его изъ деликатности не спрашивали ее о причинахъ, побудившихъ ее обратиться къ благотворительности. Она даже внутренно радовалась, что имѣла дѣло съ мужчинами, а не съ женщинами; онѣ бы, навѣрное, стали спрашивать ее, какъ это ея дочь и зять довели ее, очевидно, нехорошимъ обращеніемъ до такой крайности и заставили обра-

титься въ чужимъ людямъ. Но немедленное согласіе комитета удовлетворить ея просьбу именно и доказывало, что всѣ отлично понимаютъ ея положеніе, ея нежеланіе быть обузой и т. д. Членъ комитета, съ которымъ она говорила, былъ очень пораженъ, когда, въ отвѣтъ на выраженное имъ согласіе и выказанное сочувствіе ея тяжелому семейному положенію, она горько заплакала. Плакала она отъ дѣйствительно глубокаго отчаянія и потому, что любила героической любовью и сына, и дочь. Дѣвочекъ часто приносятъ въ жертву, когда дѣло идетъ объ интересахъ мальчиковъ, и въ этомъ случаѣ она тоже жертвовала дочерью. Утаивая правду, она тѣмъ самымъ клеветала на дочь. Винни совершенно самостоятельна—такъ она разсуждала,—и ей дѣла нѣтъ до мнѣнія людей, съ которыми она даже никогда не встрѣтится, а у бѣднаго Стэви нѣтъ другой опоры въ жизни, чѣмъ героическая, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся любовь его матери.

Сознаніе полной обезпеченности, которое было у матери Винни въ первое время послѣ замужества дочери, постепенно ослабѣло, и она съ этимъ мирилась, зная, что все на свѣтѣ мѣняется и исчезаетъ; она понимала также, что нужно облегчать людямъ возможность дѣлать добро, и ужъ во всякомъ случаѣ не затруднять. Для одного только чувства она дѣлала исключеніе; ей казалось, что любовь Винни къ брату не подвержена общему закону тлѣнія, которому подчинено все земное и даже многое божественное. Въ это она твердо вѣрила, и только эта вѣра и поддерживала ее. Но, обдумывая условія замужней жизни дочери, она не предавалась никакимъ иллюзіямъ. Она ясно понимала, что чѣмъ меньше требованій предъявлять къ добротѣ м-ра Верлока, тѣмъ дольше можно разсчитывать на дѣйствіе его доброты. Онъ, конечно, добрый человекъ и любить свою жену, но несомнѣнно предпочитаетъ имѣть въ домѣ какъ можно меньше родственниковъ жены. Лучше поэтому, чтобы всѣ его добрыя чувства сосредоточивались на бѣдномъ Стэви. И старая женщина героически рѣшила уѣхать отъ дѣтей, дѣлая это изъ глубокой преданности и во имя житейской мудрости.

Житейская мудрость внушила ей, что положеніе Стэви улучшится съ ея отсутствіемъ. У него будетъ больше нравственныхъ правъ. Бѣдный мальчикъ—добрый, полезный въ домѣ, при всѣхъ своихъ странностяхъ—не имѣлъ твердаго положенія въ жизни. Его взяли вмѣстѣ съ его матерью, вмѣстѣ съ ея мебелью и всѣмъ ея имуществомъ, какъ ея несомнѣнную собственность.

„Что-то будетъ,—думала мать м-съ Верлокъ—когда я умру?“

Ей было страшно при мысли, что тогда она никакъ не сможетъ узнать, какъ живетъся ея бѣдному мальчику. Но, передавъ его на попеченіе сестры своимъ уходомъ, она ставила его въ наиболѣе для него выгодное положеніе полной зависимости. Ея самоотверженность имѣла цѣлью облегчить судьбу сына. Ничего другого она для него сдѣлать не могла. И способъ ея дѣйствія имѣлъ еще то преимущество, что она могла его провѣрить. Во всякомъ случаѣ она не будетъ испытывать на смертномъ одрѣ страшнаго чувства неопредѣленности. Но дѣйствовать такъ, какъ она рѣшила, было очень-очень тяжело.

Кэбъ продолжалъ громыхать и прыгать, и сила толчковъ была такая, что терялось всякое ощущеніе движенія впередъ. Казалось, что ихъ подвергаютъ какой-то пыткѣ, подбрасывая изъ стороны въ сторону въ укрѣпленномъ на мѣстѣ аппаратѣ, или же испытываютъ какое-то новое изобрѣтеніе для леченія печени. Во всякомъ случаѣ, ощущеніе было крайне мучительное и въ голосѣ старой женщины чувствовалось физическое страданіе.

— Вѣдь ты будешь часто навѣщать меня, Винни? Да, дорогая?—спрашивала она дочь.

— Конечно, — коротко отвѣтила Винни, неподвижно глядя впередъ.

Кэбъ подпрыгнулъ, проѣзжая мимо грязной лавки съѣстныхъ припасовъ, ясно озаренной газовыми рожками. Мать Винни снова испустила стонъ.

— А бѣднаго Стэви присылай ко мнѣ непременно каждое воскресенье. Иначе я не выдержу. Вѣдь онъ согласится ѣздить разъ въ недѣлю къ старой матери?

— Согласится?—вскрикнула Винни. — Да ему бѣдному будетъ страшно тяжело безъ тебя. Ты бы хоть объ этомъ подумала, прежде чѣмъ рѣшиться уѣхать отъ насъ.

„Подумала бы“!.. Бѣдная, старая женщина почувствовала, какъ у нея что-то сжимается въ горлѣ—точно шарикъ, который никакъ не можетъ выскочить. Винни нѣсколько времени сидѣла молча, потомъ, противъ своего обыкновенія, не могла сдержаться, и стала возбужденно говорить:

— Мнѣ съ нимъ будетъ очень трудно справляться въ первое время,—сказала она.—Онъ будетъ очень возбужденъ.

Онъ стали мирно обсуждать создавшееся новое положеніе, а кэбъ продолжалъ громыхать и подпрыгивать по мостовой. Мать м-съ Верловъ выражала разные опасенія. Можно ли будетъ пускать Стэви одного къ ней? Винни утверждала, что онъ теперь гораздо

менѣе разсѣянъ; онѣ обѣ согласились, что это дѣйствительно такъ, и обнимъ стало легче. Но вдругъ мать опять заволновалась. Вѣдь ѣхать къ ней нужно по двумъ omnibusамъ и въ промежуткѣ еще пройти немного пѣшкомъ. Это слишкомъ сложно, и бѣдная женщина пришла опять въ отчаяніе.

Дочь стала ее успокаивать.

— Не волнуйтесь такъ, мама. Нужно вѣдь вамъ видѣться съ нимъ.

— Нѣтъ, милая. Я лучше обойдусь, — сказала она, отирая слезы. — Ты вѣдь не можешь привозить его. У тебя нѣтъ времени. А если онъ побѣдетъ одинъ, онъ можетъ заблудиться, и если кто-нибудь заговоритъ съ нимъ строгимъ голосомъ, онъ забудетъ имя и адресъ, и его уведутъ въ больницу или въ рабочій домъ.

Мысль о томъ, что бѣднаго Стэви заберутъ въ городскую больницу, хотя бы даже на время, для того, чтобы навести справки, приводила ее въ ужась.

Взглядъ Винни сдѣлался напряженнымъ. Она что-то придумала.

— Сама приводить его къ вамъ я не смогу каждую недѣлю, — сказала она. — Но не тревожьтесь, мама, я придумаю что-нибудь для того, чтобы онъ не могъ пропасть надолго.

Онѣ вдругъ почувствовали страшное сотрясеніе. Передъ глазами промелькнули кирпичные столбы, и потомъ вдругъ прекратилась тряска, къ которой онѣ какъ-то ужъ привыкли. Что случилось? Онѣ сидѣли, застывъ отъ испуга, пока не открылась дверца и не раздался рѣзкій голосъ:

— Мы пріѣхали.

Рядъ маленькихъ домиковъ, каждый съ однимъ тусклымъ желтымъ окномъ, окружали темную лужайку, засаженную кустами и отдѣленную заборомъ отъ большой дороги, откуда доносился глухой отголосокъ шума. Кэбъ остановился у одного изъ маленькихъ домиковъ. Первою вышла мать м-ссъ Верловъ, держа ключъ въ рукѣ. Винни стояла еще на панели, чтобы расплатиться съ вучеромъ. Стэви помогъ внести въ домъ множество маленькихъ узловъ и пакетовъ, затѣмъ вышелъ и остановился подъ тусклымъ фонаремъ. Возница медленно посмотрѣлъ на полученныя серебряныя монеты — ему заплатили какъ слѣдуетъ, вручивъ четыре монеты по шиллингу. Онъ медленно сталъ прятать полученное сокровище въ глубины кармана. Стэви глядѣлъ на него, поднимая плечи и засунувъ руки глубоко въ карманы.

Закончивъ, наконецъ, зарываніе клада въ карманъ, кэбменъ взглянулъ на мальчика и вспомнилъ недавнее происшествіе.

— Ну, что, молодой господин? — проговорилъ онъ. — Запомните лошаде́ну?

Стэви глядѣлъ, не отводя глазъ, на лошадь, заднія ноги которой казались подтянутыми кверху отъ худобы. Маленькій хвостъ былъ точно вставленъ нарочно злымъ путникомъ, а тонкая, плоская шея, похожая на доску, обтянутую старой лошадиной кожей, нагибалась къ землѣ подъ тяжестью огромной востливой головы. Уши отвисли, и вся мрачная фигура безмолвнаго изможденнаго животнаго дымилась отъ усталости.

— Ну, что, молодой господин? — сказала возница. — Какъ бы вамъ понравилось сидѣть до двухъ часовъ ночи за спиной такой лошади?

Стэви безмолвно смотрѣлъ въ сердитые маленькіе глаза съ покраснѣвшими вѣками.

— Она не хромая, — продолжалъ онъ энергичнымъ шопотомъ. — Ничего у нея не болитъ. Такъ вотъ скажите — хотѣли бы вы сидѣть на козлахъ до двухъ, а то и до трехъ и четырехъ часовъ утра, холоднымъ и голоднымъ, высматривая сѣдковъ, а то и пьяныхъ?

Его багровыя щеки щетинились отъ коротко сбритыхъ сѣдыхъ волосъ. Какъ виргилиевскій Силень, который, вымазавъ лицо ягоднымъ сокомъ, рассказывалъ про олимпійскихъ боговъ невиннымъ постукамъ въ Сицилію, онъ рассказывалъ Стэви о домашнихъ дѣлахъ и заботахъ людей, страданія которыхъ велики, а безсмертіе души далеко не обезпечено.

— Я ночной, — проговорилъ онъ съ какимъ-то хвастливымъ отчаяніемъ, — и долженъ довольствоваться тѣмъ экипажемъ, какой захотятъ дать на дворѣ. А дома у меня хозяйка и четверо ребятъ. Да, не легко жить на свѣтѣ.

Лицо Стэви уже нѣсколько времени все подергивалось, и наконецъ чувства его выразились по обыкновенію въ сжатой формѣ:

— Плохо, плохо.

Онъ продолжалъ смотрѣть на ребра лошади и не отводилъ упорнаго взгляда, точно боясь оглянуться на то, какъ плохъ вокругъ него міръ. У него было испуганное лицо, и толстый, широкоплечій возница взглянулъ на него острыми маленькими глазами.

— Лошадямъ плохо, — сказалъ онъ. — Но и такому бѣднягѣ, какъ я, тоже нелегко, — едва слышно пробормоталъ онъ.

— Бѣдный, бѣдный, — пробормоталъ Стэви, еще глубже зарывая руки въ карманы. Онъ ничего не могъ сказать. Вся его жалость и нѣжность къ тѣмъ, кому больно, все его страстное

стремленіе утѣшить и лошадь, и кучера, воплотились въ странное желаніе взять ихъ, пригрѣть и уложить съ собой въ постель, какъ это дѣлала съ нимъ въ дѣтствѣ сестра Винни, когда онъ забивался въ уголъ, плача отъ горя и обиды. Онъ помнилъ, что тогда ему становилось хорошо, какъ въ небѣ. Стэви забивалъ часто самыя простыя факты, на примѣръ свои имя и адресъ, но у него была ясная память на чувства. Онъ зналъ, что пожалѣть и укрыть у себя въ постели—самое вѣрное средство утѣшенія, но понималъ, что въ широкихъ размѣрахъ оно непрактично. Кѣмень сталъ медленно готовиться въ обратный путь, точно забывъ о существованіи Стэви. Сначала онъ задумалъ—было влѣзть на козлы,—потомъ, въ силу какаго-то смутнаго побужденія, отказался отъ этого намѣренія, подошелъ къ недвижному товарищу своихъ трудовъ и, нагнувшись, чтобы схватить уздечку, поднялъ большую усталую голову до высоты своего плеча однимъ сильнымъ движеніемъ правой руки.

— Пойдемъ, — прошепталъ онъ и, прихрамывая, увелъ лошадь съ экипажемъ. Такъ они медленно выступили изъ освѣщеннаго пространства передъ домомъ въ темноту. Медленная грустная процессія мелькнула еще на минуту въ свѣтѣ фонарей у воротъ. Потомъ они повернули налѣво и исчезли.

Стэви, оставленный у фонаря передъ благотворительнымъ учрежденіемъ, стоялъ еще нѣкоторое время, мрачно глядя передъ собой. Руки его, засунутыя глубоко въ карманы, сжались въ кулаки. Когда что-нибудь непосредственно или косвенно возбуждало въ немъ болѣзненный страхъ передъ чужимъ страданіемъ, Стэви приходилъ въ бѣшенство. Казалось, что сердце у него разорвется отъ негодованія и глаза его перекашивались. Ясно сознавая свое безсиліе, Стэви однако не былъ достаточно разсудителенъ, чтобы сдерживать свои чувства. Мука безпредѣльной жалости сопровождалась у него всегда состояніемъ невиннаго, но безжалостнаго гнѣва. Оба эти состоянія проявлялись одинаковыми признаками физическаго возбужденія, и Винни старалась въ такихъ случаяхъ утѣшить его, не вникая въ двойственность его настроенія. М-съ Верлокъ не тратила времени на изслѣдованіе сущности вещей. Это очень мудрая эконома времени и силъ, а у м-съ Верлокъ она къ тому же гармонировала съ нѣкоторою пассивностью характера.

Въ тотъ вечеръ, когда мать м-съ Верлокъ разсталась со своими дѣтьми, героиня отказавшись отъ всего дорогаго въ жизни, Винни Верлокъ тоже не стала глубже вникать въ психологию брата. Бѣдный мальчикъ былъ, конечно, очень заволно-

знать, — это она понимала. Увѣривъ еще разъ мать на порогѣ, что она сумѣетъ принять мѣры для того, чтобы Стэви не могъ заблудиться, отправляясь къ матери, она ушла, взявъ брата подъ руку. Онъ даже не бормоталъ ничего про себя, но она поняла особымъ инстинктомъ любви къ брату, что мальчишкѣ дѣйствительно сильно взволнованъ. Взявъ его крѣпко подъ руку, подъ предлогомъ, что она хочетъ на него опереться, она придумывала, что бы сказать ему утѣшительнаго.

— Ужъ ты хорошенько оберегай меня при переходахъ черезъ улицы, Стэви, — сказала она — и первый садись въ омнибусъ. А то я боюсь, попадемъ ли мы, куда слѣдуетъ.

Обращеніе къ нему за защитой произвело на Стэви обычное ободряющее впечатлѣніе. Онъ поднялъ голову и выпрямилъ грудь.

— Не бойся, Винни, попадемъ, — отвѣтилъ онъ, слегка заикаясь, тономъ, въ которомъ была и дѣтская пугливость, и мужественная рѣшительность. Онъ шелъ безбоязненно впередъ, ведя сестру. Передъ дверью питейнаго заведенія на углу они увидѣли четырехколесный кэбъ. Кучеръ, очевидно, зашелъ выпить. Оба они увидали жалкій экипажъ, имѣвшій такой зловѣщій видъ, точно это была карета смерти, и Винни, съ женской готовностью жалѣть лошадь (когда она сама не сидитъ въ экипажѣ), сказала:

— Бѣдное животное!

Откинувъ голову назадъ, Стэви взглянулъ на сестру, видимо взволнованный.

— Бѣдное, бѣдное, — сочувственно проговорилъ онъ. — И кучеръ бѣдный. Самъ мнѣ сказалъ.

Онъ устоялся на брошенную жалкую лошадь и упрямо остановился на мѣстѣ, пытаясь какъ-нибудь выразить свое общее состраданіе и къ лошадиному, и къ человѣческому горю. Но это трудно было сдѣлать. — Бѣдное животное, бѣдные люди! — все повторилъ онъ. Но такъ какъ этого ему показалось мало, то онъ еще гнѣвно прибавилъ: — Стыдно! — Стэви не былъ мастеръ на слова, и, быть можетъ, поэтому мыслямъ его не доставало ясности и точности. Но чувства его были цѣльныя и достаточно глубокія. Маленькое слово виѣщало для него все его возмущеніе и ужасъ отъ сознанія, что одни несчастные обречены на то, чтобы мучить въ силу необходимости другія, еще болѣе жалкія существа. Его ужасала мысль, что бѣдный кучеръ бьетъ несчастную лошадь, какъ бы ради своихъ бѣдныхъ дѣтей. А Стэви зналъ, какъ больно, когда бьютъ. — Плохо на свѣтѣ, плохо!

Сестра его не присутствовала при разговорѣ съ кэбменомъ,

и не поняла значенія слова: „стыдно!“. Не вникая въ глубину отчаянія мальчика, она спокойно сказала:—Идемъ, Стэви, идемъ.

Кроткій Стэви послѣдовалъ за сестрой, но съ смущеннымъ видомъ, бормоча про себя несвязныя слова. Послѣ долгаго старанія выразить, наконецъ, свою мысль, онъ остановился и сказалъ, сильно заикаясь:

— Плохой свѣтъ для бѣдныхъ людей!—и тотчасъ же прибавилъ для большей убѣдительности: — Отвратительный!

М-съ Верлокъ поняла, что онъ очень сильно возбужденъ, и старалась его успокоить.

— Чтò дѣлать,—сказала она, — тутъ никто помочь не можетъ. Пойдемъ. Такъ-то ты оберегаешь меня!

Стэви покорно пошелъ болѣе твердымъ шагомъ, желая исполнить свой долгъ относительно сестры. Но онъ былъ огорченъ ея отвѣтомъ. Развѣ дѣйствительно никто не можетъ измѣнить дѣло къ лучшему? Онъ нахмурился, погруженный въ глубокое раздумье, но потомъ вдругъ просвѣтлѣлъ. Онъ еще вѣрилъ въ общественныя учрежденія.

— А полиція?—спросилъ онъ.

— Полиція не для этого,—отвѣтила м-съ Верлокъ, и лицо Стэви опять вытнулось.

— Не для этого?—повторилъ онъ упавшимъ голосомъ. Онъ считалъ городскую полицію благодѣтельнымъ учрежденіемъ для огражденія отъ зла, и относился къ ней съ довѣріемъ и любовью. Его поэтому сильно огорчило поясненіе сестры. Зачѣмъ же они представлялись, будто желаютъ добра людямъ, если на самомъ дѣлѣ это не такъ?

— Такъ на чтò же полиція?—продолжалъ онъ разспрашивать сестру по своей наивной привычкѣ доискиваться смысла вещей.—На чтò, скажи?!

Винни не любила принципіальныхъ разсужденій; но на этотъ разъ она не уклонилась отъ разговора, такъ какъ желала главнымъ образомъ успокоить мальчика. Она отвѣтила безъ всякой сознательной ироніи какъ-разъ то, чтò въ сущности и должна была отвѣтить жена делегата революціоннаго комитета, личнаго друга многихъ анархистовъ и пророка соціальной революціи.

— Развѣ ты не знаешь, на чтò полиція?—сказала она.— На то, конечно, чтобы неимущіе ничего не отнимали у имущихъ.

Она нарочно не употребила слова „воровать“, потому что слово это раздражало мальчика.

— А если они голодны?—возбужденно спросилъ Стэви.

— Все равно,—отвѣтила м-съ Верлокъ со спокойствіемъ

человѣка, котораго никогда не тревожили экономическіе вопросы. Она занята была высматриваніемъ нужнаго имъ омнибуса.—И голодный—прибавила она—не долженъ ничего отнимать. Что объ этомъ говорить! Ты вѣдь голоднымъ никогда не былъ.

Она быстро взглянула на мальчика и не обратила вниманія на нѣсколько странное выраженіе его, какъ всегда, пріятливо-добраго лица. Она не видѣла его душу, кипящую негодованіемъ, жалостью и жаждой самопожертвованія.

— Скорѣе, Стэви!—крикнула она.—Останови зеленый омнибусъ.

Стэви послушно выполнилъ ея приказаніе; и черезъ минуту они благополучно сидѣли въ омнибусѣ.

Черезъ часъ послѣ этого м-ръ Верлокъ, поднимая глаза съ газеты, которую читалъ, или, во всякомъ случаѣ, держалъ въ рукѣ, услышалъ, какъ хлопнула входная дверь, и увидѣлъ, какъ вошла Винни; пройдя черезъ лавку, она пошла вверхъ по лѣстницѣ вмѣстѣ съ братомъ. Видъ жены былъ пріятенъ м-ру Верлоку, а на мальчика онъ не обращалъ вниманія, слишкомъ погруженный въ послѣднее время въ свои мрачныя мысли. Онъ посмотрѣлъ вслѣдъ женѣ и ничего не сказалъ. Въ послѣднее время онъ сдѣлался очень молчаливъ, и на этотъ разъ тоже не произнесъ ни слова и за столомъ, когда жена позвала его ужинать... Онъ былъ молча, два раза поднимался при звукѣ надтреснутаго колокольчика, выходилъ въ лавку къ покупателю, потомъ также безмолвно возвращался. Во время этихъ отлучекъ м-съ Верлокъ особенно сильно чувствовала, какъ ей недостаетъ матери, и смотрѣла въ пространство окаменѣвшимъ взглядомъ. Стэви отъ нервности двигалъ ногами подъ столомъ, но когда входилъ м-ръ Верлокъ, онъ старался сидѣть тихо и смотрѣлъ на мужа сестры съ почтительнымъ чувствомъ. Винни убѣдила его по дорогѣ, что м-ръ Верлокъ сидитъ дома грустный, и что не слѣдуетъ его огорчать. Стэви свято ей повѣрилъ, и печаль м-ра Верлока была для него уважительной причиной сдерживаться. Мать и сестра убѣдили его, изъ чисто практическихъ, а не отвлеченно-этическихъ цѣлей, въ томъ, что Верлокъ—очень добрый человѣкъ, и для Стэви этого было достаточно, чтобы отдать ему свою душу. М-ръ Верлокъ даже не зналъ, что Стэви считаетъ его добрымъ, и что печаль и заботы добраго человѣка для него священны.

Стэви смотрѣлъ на м-ра Верлока съ мучительнымъ желаніемъ помочь ему въ его горѣ, и, чувствуя свое безсиліе, самъ проникся печалью, что выразилось въ безпокойныхъ движеніяхъ всего тѣла.

— Сиди спокойно!—сказала м-ссъ Верлокъ внушительнымъ и въ то же время нѣжнымъ голосомъ.

Обратившись затѣмъ къ мужу, она равнодушно спросила его:

— Ты уходишь куда-нибудь вечеромъ?

М-ръ Верлокъ угрюмо покачалъ головой въ знакъ отрицательнаго отвѣта и продолжалъ сидѣть, не поднимая глазъ съ кусочка сыра на тарелкѣ. Затѣмъ онъ всталъ и, направившись прямо къ двери, вышелъ на улицу. Сдѣлавъ онъ это вовсе не изъ желанія досадить женѣ, а просто подъ вліяніемъ охватившей его внутренней тревоги. Идти ему было некуда, но онъ все-таки пошелъ безцѣльно бродить по освѣщеннымъ улицамъ, потомъ вернулся домой и сѣлъ въ изнеможеніи за прилавокъ. Мрачныя мысли снова обступили его. Заперевъ дверь на ключъ и затушивъ газъ, онъ поднялся на верхъ въ спальню, сопутствуемый своими тревожными думами. Жена его уже лежала въ постели. У нея былъ спокойный характеръ и она не любила вдумываться въ сущность вещей, но все-таки угрюмое молчаніе мужа за послѣдніе дни тревожило ее.

— Не ходи въ однихъ чулкахъ, — сказала она, — простудишься.

М-ръ Верлокъ оставилъ сапоги внизу и забылъ надѣть туфли; онъ ходилъ по комнатѣ безшумно, какъ медвѣдь въ кѣлтѣхъ. При звукѣ голоса жены, онъ остановился и взглянулъ на нее пустымъ взглядомъ, отъ котораго ей сдѣлалось жутко. Она вспомнила, что комната матери пустая, и почувствовала сильное одиночество. Мать навсегда ушла отъ нея—въ этомъ она не сомнѣвалась и не предавалась иллюзіямъ. Хорошо, что хоть Стэви остался у нея. И она заговорила съ мужемъ о волнующемъ ее вопросѣ.

— Мама дѣйствовала по собственному желанію,—сказала она.—Но я совершенно не понимаю, почему она уѣхала отъ насъ. Не могла вѣдь она думать, что ты тяготишься ею. Какъ это она дурно поступила, что бросила насъ!

У м-ра Верлока на минуту зашевелилось подозрѣніе, что старуха, быть можетъ, почувала что-то недоброе въ воздухѣ, и поэтому поспѣшила во-время уѣхать? Но нелѣпость такого предположенія была слишкомъ очевидна, и м-ръ Верлокъ не высказалъ его вслухъ.

— Можетъ быть лучше, что она уѣхала,—сказалъ онъ.— М-ссъ Верлокъ ничего не отвѣтила, но въ эту ночь она была какъ-то особенно впечатлительна, и слова мужа поразили ее своей странностью. Почему хорошо, что мать уѣхала? Она не

позволяла себѣ, конечно, вдумываться въ возможные причины ея отъѣзда, такъ какъ была убѣждена, что не слѣдуетъ вникать ни во что до конца. По инстинктивной практичности, она выдвинула самый для нея въ эту минуту важный вопросъ о Стэви.

— Не знаю, какъ я утѣшу мальчика въ первые дни. Онъ будетъ съ утра до вечера тосковать и метаться. А онъ такой хорошій мальчикъ. Я бы не могла отпустить его отъ себя.

М-ръ Верлокъ раздѣвался въ полномъ молчаніи, точно очутившись одинъ въ пустынѣ. Когда онъ легъ въ постель и тяжело опустил руки поверхъ одѣяла, онъ вдругъ на минуту почувствовалъ желаніе открыть женѣ все, что его мучило. Но онъ взглянулъ на ея спокойное лицо, на волосы, заплетенные въ косы на ночь, и отказался отъ своего намѣренія. М-ръ Верлокъ любилъ свою жену. Она была для него какъ бы символомъ святости семейнаго очага, и ему было страшно нарушить ея покой. Зачѣмъ ее тревожить до времени? Нѣсколько минутъ онъ молча переживалъ свои страданія среди ночной тиши, и наконецъ сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Я уѣзжаю завтра на континентъ.

Можетъ быть, жена не слышала его, такъ какъ ничего не отвѣтила. Но въ дѣйствительности м-съ Верлокъ слышала. Она лежала съ открытыми глазами, и какъ-то все болѣе внутренно убѣждалась въ томъ, что происходитъ нѣчто недоброе. Правда, и до того часто случалось, что мужъ уѣзжалъ за границу, для обновленія своего запаса товаровъ въ Брюсселѣ и Парижѣ. Онъ часто самъ ѣздилъ дѣлать закупки, чтобы удовлетворить требованія своихъ немногочисленныхъ, но вѣрныхъ заказчиковъ. Онъ переждалъ нѣсколько минутъ, потомъ сказалъ:

— Я, можетъ быть, пробуду въ отсутствіи недѣлю, или даже двѣ недѣли... Позови м-съ Ниль. Пусть она приходитъ тебѣ помогать.

М-съ Ниль приходила помогать иногда по хозяйству. У нея былъ мужъ пьяница и много дѣтей, и ей необходимо было искать какого-нибудь заработка. Съ красными руками, въ передникѣ, она мыла полы и чистила въ домѣ, распространяя вокругъ себя атмосферу нищеты.

М-съ Верлокъ, слѣдуя внушеніямъ практической мудрости, отвѣтила равнодушнымъ тономъ:

— Нѣтъ никакой надобности звать м-съ Ниль, я отлично справлюсь съ работой безъ нея. Мнѣ Стэви поможетъ. Можно потушить свѣчку?—прибавила она послѣ короткаго молчанія.

— Потуши,—мрачно произнесъ мистеръ Верлокъ.

IX.

Вернувшись въ Лондонъ дней черезъ десять, м-ръ Верлокъ вошелъ въ лавку съ такимъ же угрюмымъ лицомъ, съ какимъ ушелъ, видимо не утѣшенный развлечениями путешествія и недостаточно обрадованный возвращеніемъ домой. Онъ вошелъ съ опущенной головой и саквояжемъ въ рукахъ, прошелъ за прилавокъ и въ изнеможеніи опустился на стулъ, съ такимъ видомъ, точно пришелъ пѣшкомъ изъ Дувра. Было раннее утро. Стэви, который сметалъ пыль съ предметовъ, выставленныхъ въ витринѣ, обернулся и посмотрѣлъ на него съ почтеніемъ и тревогой во взорѣ.

— Возьми, — сказалъ м-ръ Верлокъ, слегка толкнувъ ногой саквояжъ. Стэви быстро схватилъ саквояжъ и отнесъ съ радостнымъ видомъ въ кухню, видимо ошачливленный тѣмъ, что могъ оказаться полевымъ. М-ръ Верлокъ даже удивился такому чрезвычайному усердію.

М-съ Ниль, которая чистила въ это время каминъ въ столовой, выглянула при звукѣ дверного колокольчика и пошла доложить хозяйкѣ о прїѣздѣ м-ра Верлока. Винни подошла къ дверямъ и позвала мужа завтракать. Онъ сначала махнулъ рукой въ знакъ отсутствія аппетита, но потомъ все-таки пошелъ и сталъ ѣсть то, что ему подали. Онъ ѣлъ какъ въ ресторани, сдвинувъ шляпу назадъ, и жена, сѣвъ противъ него, стала дѣловито рассказывать ему о всемъ, что произошло за время его отсутствія. Такимъ тономъ, вѣроятно, говорила и Пенелопъ о домашнихъ дѣлахъ вернувшемуся домой Одиссею. М-съ Верлокъ не ткала пряжу во время отсутствія мужа, но она привела въ порядокъ и вычистила всѣ комнаты верхняго этажа, продала кое-какой товаръ и нѣсколько разъ видалась съ м-ромъ Михаэлисомъ. Въ послѣдній разъ онъ ей сказалъ, что ѣдетъ въ деревню. Приходилъ также Карлъ Юнтъ, подъ-руку со своей противной экономкой. „Отвратительный старикъ“, — прибавила она. О товарищѣ Озиповѣ, котораго она приняла очень нелюбезно, не выходя изъ-за прилавка, она ничего не сообщила, но, вспомнивъ о могучемъ, грубоватомъ съ виду анархистѣ, она на минуту остановилась и слегка покраснѣла, прежде чѣмъ стала продолжать свой отчетъ. Ей захотѣлось скорѣе упомянуть о Стэви, и она сказала, что мальчишъ былъ очень разстроены въ послѣднее время.

— И зачѣмъ это мама покинула насъ!—опять сказала она.

М-ръ Верлокъ ничего не сказалъ, и Винни продолжала говорить о братѣ.

— Работать-то онъ хорошо работаетъ,—сказала она.—Ему точно хочется изъ всѣхъ силъ быть намъ полезнымъ. Точно всего еще мало.

М-ръ Верлокъ разсѣянно посмотрѣлъ на Стэви, который сидѣлъ по правую сторону отъ него, блѣдный, худой, съ раскрытыми безкровными губами. М-ръ Верлокъ мелькомъ подумалъ, что братъ его жены удивительно какое бесполезное существо въ жизни. Подумалъ онъ это совершенно вскользь, не дѣлая никакихъ выводовъ. Откинувшись на стулѣ, м-ръ Верлокъ снялъ шляпу, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ положить ее на столъ, Стэви подскочилъ и почтительно понесъ шляпу въ кухню. М-ръ Верлокъ опять удивился.

— Ты могъ бы сдѣлать съ нимъ что угодно,—сказала Винни.—Онъ для тебя готовъ идти въ огонь и въ воду. Онъ...

Она стала внимательно прислушиваться, повернувшись въ сторону кухни. Тамъ м-съ Ниль мыла полъ. При появленіи Стэви она стала громко плакаться на судьбу, чтобы выманить у него для дѣтей денегъ. Винни дарила ему иногда по шиллингу, и эти деньги онъ всегда отдавалъ, когда у него просили.

Ползая на четверенькахъ по полу въ кухнѣ, забрызганная и грязная, она начала свои причитанія съ обычной фразы:— „Хорошо вамъ ничего не дѣлать, какъ барину“,—и продолжала повторять все тѣ же жалобы, наивно путая правду съ ложью и распространяя вокругъ себя запахъ воды и мыла. Она говорила совершенно искренно и заливалась слезами, такъ какъ съ утра не успѣла еще подерѣпить себя водкой.

— Опять она плачется о своихъ малыхъ дѣтяхъ. Навѣрное они ужъ не такіе маленькіе, какъ она говоритъ. Старшія должны были повзрости и помогать ей. Она только злитъ Стэви.

Слова Винни подтвердились. Раздался ударъ кулакомъ по столу. Стэви разозлился, потому что не имѣлъ въ карманѣ шиллинга, не могъ помочь дѣткамъ м-съ Ниль и чувствовалъ потребность какъ-нибудь выразить свой гнѣвъ.

М-съ Верлокъ поднялась и пошла въ кухню „прекратить глупости“. Она внятно, но твердо остановила сѣтованія старой женщины и дала ей денегъ, зная, впрочемъ, что она сейчасъ же пойдетъ выпить на нихъ въ ближайшій кабачокъ. Но Винни на нее за это не могла негодовать.

— Можетъ быть, и я бы на ея мѣстѣ поступала точно такъ же,—говорила она съ мудрой снисходительностью.

Въ тотъ же день, когда м-ръ Верлокъ, дремавшій въ креслѣ передъ каминомъ, поднялся, наконецъ, и объявилъ, что собирается идти гулять, Винни крикнула ему изъ магазина:

— Возьми съ собой мальчика, Адольфъ!

М-ръ Верлокъ въ третій разъ удивился за этотъ день. Онъ посмотрѣлъ нѣсколько растеряннымъ взглядомъ на жену. Она продолжала говорить свое.

— Мальчику скучно дома,—говорила она:—когда нѣтъ работы, онъ раздражается, и это дѣйствуетъ на мои нервы.—Такое признаніе со стороны спокойной Винни казалось чѣмъ-то преувеличеннымъ. Но дѣйствительно Стэви былъ невыносимъ, когда ему становилось тоскливо. Онъ садился на площадкѣ гѣстницы на полъ съ поднятыми когѣнами, опирался головой на руки, и его блѣдное лицо съ пылающими глазами производило жуткое впечатлѣніе.

М-ръ Верлокъ готовъ былъ исполнить желаніе жены, но подумалъ о неожиданномъ препятствіи.

— А вдругъ онъ потеряетъ меня изъ виду и заблудится,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ,—возразила м-съ Верлокъ рѣшительнымъ тономъ.— Ты не знаешь его. Онъ тебя обожаетъ и не отойдетъ отъ тебя. Но если его вдругъ не окажется подлѣ тебя...

М-съ Верлокъ на минуту остановилась.

— Ты продолжай идти. Не безпокойся. Онъ очень скоро вернется домой.

Этотъ оптимизмъ былъ причиной новаго, четвертаго въ тотъ день изумленія м-ра Верлока.

— Вернется, ты думаешь?—проговорилъ онъ съ сомнѣніемъ. Но, можетъ быть, дѣйствительно Стэви не такой глупый, какъ ему кажется. Винни навѣрное лучше знаетъ. Онъ бросилъ разсѣянный взглядъ на мальчика, сказалъ:—Ну, такъ пусть идетъ со мной,—и опять очутился въ когтяхъ мрачной заботы. Говорятъ, что забота любить ѣздить на сѣдлѣ за ѣздомъ, но на самомъ дѣлѣ она иногда ходитъ также пѣшкомъ по пятамъ людей недостаточно богатыхъ, чтобы держать лошадь,—такихъ, какъ, на примѣръ, м-ръ Верлокъ.

Винни, стоя у дверей лавки, не видѣла розовой спутницы м-ра Верлока. Она слѣдила за двумя фигурами, которыя шли по узкой грязной улицѣ,—одной высокой и коренастой, другой маленькой и худенькой, съ тонкой шеей и слегка приподнятыми

узкими плечами подъ большими полупрозрачными ушами. Они были въ одинаковыхъ пальто, у обоихъ были черныя круглыя шляпы.

„Совсѣмъ точно отецъ и сынъ“, — подумала она, и подумала также, что м-ръ Верлокъ по-отечески относится къ Стэви и что это до нѣкоторой степени дѣло ея такта.

Къ большому своему удовольствію она въ теченіе слѣдующихъ дней замѣтила, что м-ръ Верлокъ сталъ охотно брать съ собою Стэви. Каждый разъ, когда онъ собирался выходить изъ дому, онъ громко звалъ мальчика, какъ зовутъ съ собой на прогулку любимую собаку. Сидя дома, онъ также иногда съ любопытствомъ поглядывалъ на Стэви. Онъ нѣсколько измѣнился и хотя по-прежнему былъ молчаливъ, но уже не казался такимъ угрюмымъ; иногда онъ даже очень оживлялся. Стэви пересталъ забиваться въ темные углы, а что-то постоянно бормоталъ про себя съ угрозой въ голосѣ. Когда его спрашивали: „Что ты сказалъ, Стэви?“ — онъ только отрывалъ ротъ и косился на сестру. Иногда онъ сжималъ кулаки безъ всякой видимой причины, или что-то бормоталъ, обращаясь лицомъ къ стѣнѣ, и не касался варадаша, который ему давали для рисованія круговъ. Онъ тоже измѣнился, но, въ противоположность м-ру Верлоку, не къ лучшему. Винни, обобщавшая всѣ его странности подъ общимъ понятіемъ возбужденности, начала опасаться, что Стэви слушаетъ разговоры м-ра Верлока съ его друзьями, и это приноситъ ему вредъ. Навѣрное м-ръ Верлокъ во время прогулокъ встрѣчаетъ разныхъ людей и разговариваетъ съ ними. Винни знала, что это входитъ въ какія-то его дѣла внѣ дома — дѣла, въ которыя она старалась не вдумываться. Она только боялась за Стэви и сказала объ этомъ мужу. Все равно дѣлу не помочь, и Стэви напрасно только волнуется.

Она сказала это мужу въ то время, когда они оба сидѣли въ лавкѣ, и м-ръ Верлокъ ничего не отвѣтилъ, хотя и могъ бы возразить женѣ, что ей, а не ему принадлежала инициатива ихъ совмѣстныхъ прогулокъ. Онъ выказалъ необыкновенное великодушіе и ничего подобнаго не сказалъ. Онъ снялъ съ полки маленькую коробочку, заглянулъ въ нее, какъ бы для того, чтобы провѣрить, что въ ней находится, и осторожно поставилъ ее на прилавокъ. Тогда только онъ нарушилъ молчаніе и сказалъ, что хорошо бы послать Стэви подышать свѣжимъ воздухомъ въ деревню. Это бы принесло ему большую пользу. Но онъ высказалъ тутъ же опасеніе, что жена его не можетъ обойтись безъ мальчика.

— Что ты! — запротестовала м-ссъ Верлокъ. — Когда дѣло идетъ о пользѣ для него, все другое неважно. Я отлично могу обойтись. Но куда его послать?

М-ръ Верлокъ медленно вынулъ листъ оберточной бумаги и глубоко бичевою и, укладывая коробочку для отправки по почтѣ, пробормоталъ, что Михаэлисъ живетъ въ деревнѣ, въ маленькомъ коттеджѣ, и что онъ съ удовольствіемъ пріютить у себя Стэви. Тамъ совершенно тихо. Никто не приходитъ и нѣтъ никакихъ разговоровъ, потому что Михаэлисъ пишетъ теперь книгу.

М-ссъ Верлокъ заявила, что Михаэлисъ ей очень нравится, и тутъ же прибавила, что терпѣть не можетъ „противнаго старика“ Карла Юнта. Объ Озипонѣ она ничего не сказала. Стэви, конечно, будетъ очень радъ, — сказала она, такъ какъ м-ръ Михаэлисъ былъ всегда милъ къ нему и любилъ мальчика. — Стэви вѣдь хорошій мальчикъ, — прибавила она. — Ты тоже, кажется, въ послѣднее время привязался къ нему.

М-ръ Верлокъ продолжалъ свою работу, не произнося ни слова. Затѣмъ, возвысивъ голосъ, онъ заявилъ о своей готовности повести Стэви въ деревню и оставить его у Михаэлиса. Это намѣреніе онъ выполнилъ уже на слѣдующій день. Стэви не протестовалъ, а какъ будто даже обрадовался. Отъ времени до времени онъ удивленно поглядывалъ на сестру, въ особенности когда она не смотрѣла на него, и у него было гордое, сосредоточенное выраженіе лица, какъ у ребенка, которому въ первый разъ даютъ въ руки коробку спичекъ и позволяютъ самому зажечь спичку. М-ссъ Верлокъ дала послѣднія распоряженія, сказала мальчику, чтобы онъ не слишкомъ грязнилъ платье въ деревнѣ, и затѣмъ отправила его.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе героическаго поступка матери и отправки мальчика въ деревню, м-ссъ Верлокъ часто оставалась одна и во всемъ домѣ. М-ру Верлоку приходилось часто уходить по дѣламъ. Она долѣ обыкновеннаго оставалась въ одиночествѣ въ день взрыва въ Гринвичскомъ паркѣ, такъ какъ м-ръ Верлокъ вышелъ въ это утро очень рано, а вернулся уже подъ вечеръ. Она, впрочемъ, не тяготилась одиночествомъ. Выйти изъ дому ей не хотѣлось, погода была отвратительная и въ лавкѣ было уютнѣе, чѣмъ на улицѣ. Сидя за прилавкомъ съ шитьемъ въ рукахъ, она не подняла глазъ съ работы, когда раздался дребезжащій звукъ колокольчика у входной двери и вошелъ м-ръ Верлокъ. Она не взглянула на него, когда онъ молча, надвинувъ шляпу на лобъ, направился въ комнату за лавкой.

— Какая ужасная погода! — спокойно сказала она. — Ты, можетъ быть, ѣдиль навѣстить Стэви?

— Нѣтъ, — мягко отвѣтилъ м-ръ Верлокъ, и съ неожиданной рѣшительностью закрылъ дверь изъ лавки.

М-съ Верлокъ продолжала еще сидѣть нѣсколько времени, опустивъ работу на колѣни, потомъ положила шитье на прилавокъ и поднялась, чтобы зажечь газъ. Послѣ этого она направилась въ кухню приготовить чай для мужа. Она не была удивлена холодностью м-ра Верлока, такъ какъ была разумной женщиной и не ожидала отъ мужа, послѣ столькихъ лѣтъ супружества, чрезмѣрной нѣжности и особой учтивости. Но сама она соблюдала всѣ свои обязанности заботливой жены, и направилась черезъ комнату за лавкой въ кухню съ спокойно дѣловитымъ видомъ. Вдругъ она услышала какой-то странный звукъ. Она остановилась среди комнаты, крайне удивленная, и зажгла газъ надъ столомъ.

М-ръ Верлокъ, противъ обыкновенія, сбросилъ пальто. Оно лежало на диванѣ. Шляпа валялась тутъ же. Онъ же подошнулъ стулъ къ камину и, поставивъ ноги на рѣшетку, сидѣлъ, низко опустивъ голову и поддерживая ее руками. У него стучали зубы и дрожь отдавалась во всемъ тѣлѣ. М-съ Верлокъ сильно встревожилась: — Ты промокъ, простудился? — спросила она, быстро подойдя къ нему.

— Нѣтъ, — проговорилъ м-ръ Верлокъ и огромнымъ усиленіемъ воли остановилъ дрожь. Но жена его, увѣренная все-таки въ томъ, что онъ схватилъ сильную простуду, продолжала разспросы:

— Гдѣ ты былъ сегодня? — спросила она.

— Нигдѣ, — отвѣтилъ м-ръ Верлокъ, тихимъ, сдавленнымъ голосомъ. Во всей его фигурѣ чувствовалась или какая-то сосредоточенная тревога, или просто приступъ сильной головной боли. Чувствуя неудовлетворительность своего отвѣта, онъ прибавилъ:

— Я былъ въ банкѣ.

М-съ Верлокъ изумилась: — Зачѣмъ? — спросила она.

Я взялъ оттуда всѣ деньги, — отвѣтилъ м-ръ Верлокъ, не поднимая глазъ.

— Что это значить? Всѣ деньги?

— Да, всѣ.

М-съ Верлокъ накрыла столъ скатертью, разложила приборы, и вдругъ остановилась среди работы. — Зачѣмъ? — спросила она.

— Можетъ понадобится, — неопредѣленно отвѣтилъ м-ръ Верлокъ, рѣшившій остановить на этомъ свои намѣренныя признанія.

— Не понимаю, что это значить, — сказала его жена совершенно спокойно, и м-ръ Верлокъ, для того, чтобы укрѣпить ее въ ея безмятежности, прибавилъ:

— Ты знаешь вѣдь, что можешь довѣрять мнѣ.

— Конечно, — сказала м-съ Верлокъ и продолжала приготовленія къ ужину.

Рѣшивъ про себя, что мужъ ея утомленъ и нужно его покормить поспѣше, она вынула изъ буфета холодное мясо и пошла разогрѣть его въ кухнѣ. Только уже вернувшись оттуда, она опять заговорила:

— Если бы я тебѣ не довѣряла, я бы за тебя не пошла замужъ.

М-ръ Верлокъ какъ будто заснулъ, и когда чай былъ готовъ, м-съ Верлокъ громко назвала его по имени, чтобы разбудить. Онъ вздрогнулъ при громкомъ звукѣ ея голоса и, слегка шатаясь, подошелъ къ столу. Но къ ѣдѣ онъ не притронулся. У него было сильно возбужденное лицо и красные глаза, и въ общемъ онъ имѣлъ видъ человѣка, проведеннаго разгульную ночь. Но такъ какъ онъ никогда не пилъ и не кутилъ, то видъ его указывалъ скорѣе на начало болѣзни. Такъ подумала и м-съ Верлокъ и стала уговаривать его согрѣть ноги, надѣть туфли и уже больше не выходить. М-ръ Верлокъ отнесся безъ всякаго вниманія къ ея гигиеническимъ совѣтамъ, но просьба не выходить изъ дому неожиданно вызвала изложеніе очень широкихъ плановъ. По туманнымъ и незаконченнымъ фразамъ мужа м-съ Верлокъ могла понять, что онъ собирается эмигрировать — только неизвѣстно, во Францію ли, или въ Калифорнію. М-съ Верлокъ выслушала это съ такимъ ужасомъ, точно онъ объявилъ ей о близости конца міра.

— Что за глупости! — сказала она, и сейчасъ же прибавила, быстро взглянувъ на лицо мужа:

— Ты схватилъ сильную простуду.

Слишкомъ ясно было, что м-ръ Верлокъ былъ не только боленъ, но и сильно разстроенъ. Онъ съ минуту помолчалъ въ нерѣшительности, а потомъ проговорилъ что-то о необходимости уѣхать.

— Какая такая необходимость, — сказала Винни, сѣвъ противъ мужа и спокойно скрестивъ руки на груди. — Что тебя можетъ заставить уѣхать? Ты не невольникъ. Въ наше время не бываетъ невольниковъ. — Она остановилась, потомъ продолжала рѣшительнымъ голосомъ: — Дѣла идутъ хорошо, — сказала она, — живется намъ недурно. Чего же еще?

Она окинула быстрымъ взглядомъ уютную комнату, находившуюся, что она вполне соответствуетъ ея идеалу пріятнаго домашняго очага. Ей не доставало въ эту минуту только Стэви, гостившаго у м-ра Михаэлиса. Она подошла къ мужу и спросила:

— Или, можетъ быть, я тебѣ надоѣла?

М-ръ Верлокъ не отвѣтилъ ни единымъ звукомъ. Винни оперлась на его плечо сзади и коснулась губами его лба. Вокругъ нихъ было тихо, съ улицы не доносилось ни единого звука, и раздавалось только легкое шипѣнье газоваго рожка надъ столомъ.

М-ръ Верлокъ не пошевелился при прикосновеніи губъ жены. Когда она отошла, онъ отодвинулъ стулъ, всталъ и подошелъ къ камину, обернувшись спиной къ огню и слѣдя глазами за движеніями жены. Она спокойно убирала со стола и ровнымъ голосомъ объясняла, что негѣпо покидать ихъ здѣшнюю пріятную и удобную жизнь. Въ душѣ она при этомъ думала только о братѣ, понимая, что при его странностяхъ трудно будетъ увезти его за границу. Рѣшивъ это про себя, она стала говорить еще болѣе рѣшительно, продолжая въ то же время работать и подвязавъ передникъ, чтобы заняться мытьемъ чашекъ. Возбужденная сама усиливавшейся рѣзкостью своего голоса, она наконецъ сказала:

— Если ты уйдешь, то уже безъ меня.

— Ты знаешь, что я этого не сдѣлаю,—послѣдшнею сказалъ м-ръ Верлокъ, слегка дрожащимъ голосомъ, и жена его уже раскаялась въ своихъ словахъ, прозвучавшихъ болѣе сурово, чѣмъ она хотѣла. Она сказала ихъ изъ какаго-то внутренняго упрямства; чтобы загладить ихъ, она взглянула на мужа съ ласковой улыбкой и сказала ему тихимъ голосомъ:

— Ты бы стосковался по мнѣ. Я знаю.

— Конечно,—громко произнесъ м-ръ Верлокъ и подошелъ къ женѣ съ такимъ страннымъ выраженіемъ лица, что нельзя было понять, хотѣлъ ли онъ задушить или поцѣловать ея. Но вниманіе м-ссы Верлокъ было отвлечено отъ него звукомъ дверного колокольчика.

— Пришли въ лавку, Адольфъ,—сказала она.—Иди ты. Я въ передникѣ, и не могу выйти.

М-ръ Верлокъ повиновался и вышелъ съ такимъ точно деревяннымъ видомъ, что казался автоматомъ съ выкрашеннымъ красной краской лицомъ. Онъ закрылъ дверь за собой; м-ссы Верлокъ направилась въ кухню и вымыла чашки, а потомъ только остановилась въ работѣ, чтобы послушать, что происхо-

дить въ лавкѣ. До нея не донеслось ни единого звука. Покупатель, повидимому, все еще не уходилъ. Что это было именно покупатель, она не сомнѣвалась: будь это кто-нибудь изъ знакомыхъ, Верлокъ привелъ бы его къ нимъ въ комнату. Когда она сбросила передникъ и вышла изъ кухни, м-ръ Верлокъ какъ-разъ возвращался изъ лавки. Когда онъ выходилъ изъ комнаты, лицо его было багровое, а теперь онъ вернулся блѣдный какъ бумага, съ какимъ-то одичавшимъ, измученнымъ лицомъ. Онъ снова подошелъ къ дивану и посмотрѣлъ на лежавшее на немъ пальто такъ, точно боялся дотронуться до него.

— Что случилось?—спросила м-съ Верлокъ, понизивъ голосъ. Черезъ открытую дверь она видѣла, что покупатель все еще не ушелъ.

— Оказывается, что все-таки придется еще выйти сегодня,—сказалъ м-ръ Верлокъ.

Не отвѣчая ни слова, Винни направилась въ лавку, захвативъ за собой дверь, и прошла за прилавокъ. Она не посмотрѣла прямо въ лицо покупателю, прежде чѣмъ не усѣлась удобно на стулѣ, но и при первомъ бѣгломъ взглядѣ успѣла замѣтить, что онъ былъ высокаго роста, худощавый и носилъ закрученные сверху усы. Изъ поднятаго воротника видѣлось длинное, худое лицо. Онъ былъ забрызганъ грязью. Винни его не знала, но сразу поняла, что это — не покупатель.

— Вы прѣехали съ континента? — спросила она, спокойнo оглядѣвъ его.

Высокій, худощавый незнакомецъ отвѣтилъ ей молчаливой улыбкой.

— По-англійски понимаете?—спросила м-съ Верлокъ, продолжая глядѣть на него безъ особеннаго любопытства.

— Да, понимаю,—сказалъ онъ, и въ выговорѣ его не было ничего, обличающаго иностранца, кромѣ нѣкоторой медленности рѣчи.

— Вы, можетъ быть, не надолго въ Англiю?—спросила она, и онъ опять отвѣтилъ молчаливой улыбкой, покачавъ головой и съ нѣсколько печальнымъ видомъ, какъ ей казалось.

— Мой мужъ устроить васъ, но первые дни вамъ лучше всего провести у сеньора Джульяни. Тамъ спокойно и безопасно. Мужъ мой сведетъ васъ туда.

— Хорошо,—сказалъ незнакомецъ, и взглядъ его сдѣлался болѣе суровымъ.

— Вы и раньше были знакомы съ м-ромъ Верлокомъ?—продолжала разспрашивать Винни, и незнакомецъ неопредѣленно отвѣ-

тилъ ей, что зналъ его только по наслышѣ. Наступила пауза, которую незнакомецъ прервалъ вопросомъ:

— Можетъ быть, мужъ вашъ уже вышелъ и ждетъ меня на улицѣ?

— Какъ такъ?—съ изумленіемъ спросила м-ссь Верлокъ.— У насъ только одинъ выходъ—вотъ этотъ на улицу,—пояснила она.

Винни подождала еще съ минуту, сидя за прилавкомъ, потомъ поднялась и заглянула въ дверь. Послѣ этого быстро открыла дверь и исчезла за нею. М-ръ Верлокъ былъ уже въ пальто. Но почему онъ наклонился надъ столомъ, опустивъ голову на руки, точно ему было дурно,—этого она никакъ не могла понять.

— Адольфъ! — громко позвала она его, и когда онъ поднялся съ мѣста, торопливо его спросила: — Ты знаешь этого человѣка?

— Слышалъ о немъ,—отвѣтилъ съ какимъ-то безнокойствомъ м-ръ Верлокъ.

Въ спокойныхъ глазахъ его жены мелькнуло злобное чувство.

— Навѣрное, кто-нибудь изъ пріятелей Карла Юнта,—проторовила она.—Противный старикашка!

— Нѣтъ, нѣтъ, — возразилъ м-ръ Верлокъ и сталъ искать шляпу.

— Онъ ждетъ тебя, — сказала м-ссь Верлокъ.—Послушай, Адольфъ,—прибавила она,—онъ, можетъ быть, пришелъ изъ посольства, съ которымъ у тебя были непріятности?

— Непріятности съ посольствомъ?—спросилъ м-ръ Верлокъ съ изумленіемъ и испугомъ.—Кто тебѣ говорилъ о какомъ-нибудь посольствѣ?

— Да ты самъ. Ты часто говоришь со сна въ послѣднее время,—прибавила она въ объясненіе.—Я не могла понять въ точности, въ чемъ собственно дѣло, но только видѣла, что тебя что-то тревожить...

М-ръ Верлокъ надвинулъ шляпу на лобъ и, раскраснѣвшись отъ гнѣва, сталъ ходить по комнатѣ. Когда онъ нѣсколько успокоился, то краска гнѣва сошла съ его лица и оно опять сдѣлалось мертвенно-блѣднымъ. Чтобы не терзаться какими-то необъяснимыми пугающими тайнами, м-ссь Верлокъ рѣшила, что все это у него отъ нездоровья.

— Послушай,—сказала она:—прежде всего отдѣляйся отъ этого человѣка, кто бы онъ ни былъ, и возвращайся домой. Тебѣ нужно поберегъся нѣсколько дней.

М-ръ Верлокъ нѣсколько успокоился и съ выраженіемъ рѣшимости на блѣдномъ лицѣ открылъ уже было дверь, когда жена шопотомъ отоввала его назадъ.

— Скажи пожалуйста, что это ты говорилъ о деньгахъ, которыя взялъ изъ банка? Онѣ у тебя въ карманѣ? Ты бы лучше...

М-ръ Верлокъ поглядѣлъ, ничего не соображая, на протянутую руку жены, потомъ пробормоталъ:

— Ахъ, да, деньги. — Онъ вынулъ изъ жилетнаго кармана маленькій кожаный портфель и передалъ его безъ словъ женѣ.

Миссисъ Верлокъ взяла портфель и стояла неподвижно, пока не захлопнулась входная дверь за ея мужемъ и страннымъ гостемъ. Потомъ только она заглянула въ портфель, пересчитала банковые билеты и стала съ недовѣрчивымъ видомъ оглядываться вокругъ себя въ комнатѣ. Она не находила взглядомъ ни одного подходящаго мѣста, чтобы укрыть деньги. Всѣ шкапы и ящики казались ей спеціально соблазнительными для воровъ. Она быстрымъ, рѣшительнымъ движеніемъ разстегнула лифъ и засунула въ платье отданныя ей на храненіе деньги. Въ эту минуту какъ-разъ раздался звукъ колокольчика у входной двери, и она поспѣшила навстрѣчу входящему покупателю, принявъ обычное застывшее выраженіе лица. Среди лавки стоялъ человѣкъ и оглядывался вокругъ себя быстрымъ, холоднымъ и внимательнымъ взглядомъ. Въ одну секунду онъ осмотрѣлъ стѣны, потолокъ, полъ, и улыбнулся, какъ старый знакомый. М-съ Верлокъ показалось, что она его уже видѣла когда-то. Она поняла, что это не покупатель. Онъ подошелъ къ ней съ нѣсколько таинственнымъ видомъ.

— Мужъ дома, м-съ Верлокъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, вышелъ.

— Жалко. Мнѣ нужно было кое о чемъ его спросить.

Это была правда. Главный инспекторъ Хитъ вернулся домой и собирался уже надѣть мягкія туфли и сѣсть отдохнуть у камина, какъ вдругъ почувствовалъ, что не можетъ успокоиться послѣ разговора съ начальникомъ, и рѣшилъ пойти къ Верлоку и собрать новыя свѣдѣнія, которыя могли бы оказаться ему полезными. Направляясь въ лавку на Брэтъ-Стритъ, онъ старался не попадаться на глаза никому изъ полиціи. Въ карманѣ у него былъ лоскутокъ сукна, найденный имъ на мѣстѣ катастрофы. У него не было, однако, ни малѣйшаго намѣренія показать свою находку м-ру Верлоку. Напротивъ того, важно было вывѣдать у Верлова то, что онъ согласенъ сказать добровольно; Хитъ на-

дѣлся, что добудеть у него обвинительный матеріалъ противъ Михаила. Ему было очень досадно, что онъ не засталъ м-ра Верлока дома.

— Я бы его подождать, если бы онъ скоро вернулся.

М-съ Верлокъ ничего не отвѣтила, и онъ добавилъ:

— Мнѣ нужно отъ него достать нѣкоторыя свѣдѣнія частнаго характера. Вы понимаете, вѣдь, что я хочу сказать? Вы же знаете, куда онъ пошелъ?

— Не знаю,—холодно отвѣтила м-съ Верлокъ и принялась разставлять коробки на полкахъ. Главный инспекторъ Хитъ задумчиво поглядѣлъ на нее.

— Вы вѣдь знаете, кто я,—сказалъ онъ, и, удивленный ея холодностью, прибавилъ:

— Вѣдь вы знаете, что я служу въ полиціи?

— Я въ это не вхожу,—сказала м-съ Верлокъ, и снова занялась прибираниемъ вещей на полкахъ.

— Мое имя—Хитъ. Главный инспекторъ Хитъ, изъ департамента по особо важнымъ дѣламъ... Такъ вашъ мужъ вышелъ четверть часа тому назадъ?—спросилъ онъ, раздраженный непроницаемо-холоднымъ видомъ м-съ Верлокъ.—Онъ не сказалъ вамъ, когда вернется?

— Онъ вышелъ не одинъ,—сказала м-съ Верлокъ.

— Съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ?

М-съ Верлокъ оправила сзади прическу, которая была и безъ того въ порядкѣ.—Нѣтъ, съ какимъ-то чужимъ,—сказала она.

— А, я понимаю. Каковъ онъ былъ съ виду? Опишите его, пожалуйста.

И когда главный инспекторъ Хитъ услышалъ, что незнакомецъ былъ худощавый брюнетъ, съ длиннымъ лицомъ и поднятыми кверху усами, онъ сильно взволновался и воскликнулъ:

— Чортъ возьми, онъ однако не потерялъ времени!

Онъ былъ возмущенъ поведеніемъ начальника, не брезгавшаго ролью простого сыщика. Но у него пропала охота ждать м-ра Верлока. Онъ не зналъ, куда они пошли, но было возможно, что они вернутся вмѣстѣ, а встрѣча съ начальникомъ въ лавкѣ Верлока совершенно не входила въ планы главного инспектора Хита.

— Мнѣ, къ сожалѣнію, некогда дожидаться вашего мужа,—сказалъ онъ, и м-съ Верлокъ выслушала это заявленіе съ полнымъ равнодушіемъ. Главнаго инспектора Хита заинтриговала ея холодность.

— А знаете, — сказалъ онъ, пристально глядя на нее, — вы могли бы, если бы хотѣли, дать мнѣ очень цѣнные свѣдѣнія о томъ, что происходитъ.

— А что же происходитъ? — спросила м-съ Верлокъ.

— Я говорю о дѣлѣ, относительно котораго пришелъ поговорить съ вашимъ мужемъ.

Въ этотъ день м-съ Верлокъ, какъ всегда, прочла газету утромъ. Но потомъ она цѣлый день не выходила изъ дому, а газетчики не заглядываютъ въ Брѣвъ-Стричь, и туда не доносятся даже ихъ оглушающіе крики съ людныхъ улицъ, такъ что вечернихъ газетъ она не видала. Мужъ ея тоже не принесъ газеты. Она ничего не знала и съ удивленіемъ спросила, о чемъ онъ говорить. Хитъ не повѣрилъ ни на минуту, что она не знаетъ, и довольно рѣзкимъ тономъ сообщилъ самый фактъ.

М-съ Верлокъ отвела глаза.

— Вотъ нелѣпость! — сказала она. — Мы здѣсь не рабы, и нѣтъ надобности дѣйствовать такими средствами.

Главный инспекторъ Хитъ сталъ выжидать дальнѣйшихъ сужденій, но она больше ничего не сказала.

— Вашъ мужъ ничего вамъ объ этомъ не сказалъ, когда вернулся? — спросилъ Хитъ.

М-съ Верлокъ покачала головой въ знакъ отрицательнаго отвѣта. Наступило молчаніе. Главный инспекторъ Хитъ былъ странно возбужденъ, точно чувствуя, что попалъ на какой-то слѣдъ.

— Есть тутъ еще одно обстоятельство, о которомъ я хотѣлъ поговорить съ вашимъ мужемъ, — сказалъ онъ намѣренно небрежнымъ тономъ. — У насъ въ рукахъ оказалось, кажется, украденное пальто.

М-съ Верлокъ, занятая въ этотъ день мыслями о ворахъ, инстинктивно нащупала бумажникъ на груди.

— У насъ никакого пальто не украли, — сказала она спокойно.

— Вотъ странно! — продолжалъ Хитъ. — Я вижу, вы держите чернила для мѣтенъ.

Онъ всталъ маленькую бутылочку чернилъ и поднялъ ее къ свѣту газоваго рожка.

— Красныя? — сказалъ онъ, снова поставивъ бутылочку на прилавокъ. — Повторяю, очень странно. На пальто, о которомъ я говорю, есть на подкладкѣ воротника нашивка, помѣченная такими чернилами, какъ эти.

М-съ Верлокъ нагнулась надъ прилавкомъ, слегка вскрикнувъ:

— Такъ, значить, это пальто моего брата!

— А гдѣ вашъ братъ? Могу я его видѣть?—взволнованно спросилъ Хитъ.

— Его нѣтъ дома. Онъ не здѣсь. А надпись я сдѣлала сама.

— Гдѣ же теперь вашъ братъ?

— Въ деревнѣ у одного знакомаго.

— Пальто было на человѣкѣ, прїѣхавшемъ изъ деревни. А какъ имя вашего знакомаго?

— Михаэлисъ,—произнесла м-съ Верлокъ съ ужасомъ, и главный инспекторъ даже свистнулъ отъ изумленія.

— Вотъ какъ!—Чудесно! Скажите: вашъ братъ—коренастый брюнетъ?

— Нѣтъ,—быстро запротестовала м-съ Верлокъ.—Это, вѣроятно, воръ таковъ. А Стэви—блондинъ, очень худенькій.

— Хорошо,—сказалъ главный инспекторъ одобряющимъ тономъ. Въ то время какъ м-съ Верлокъ смотрѣла на него съ удивленіемъ и инстинктивнымъ испугомъ, онъ сталъ вывѣдывать у нея разныя нужныя свѣдѣнія. Онъ узналъ, что растерзанные останки, которые онъ съ такимъ ужасомъ разсматривалъ въ это утро, принадлежали юношѣ, очень нервному, расцѣпанному, странному, и что женщина, которая съ нимъ говорила, опекала этого юношу съ дѣтства.

— Онъ легко терялъ самообладаніе?—спросилъ онъ.

— Да, легко. Но не понимаю, какъ это у него могли украсть пальто.

Инспекторъ Хитъ опустилъ руку въ карманъ. Онъ вынулъ сначала вечернюю спортивную газету, засунутую туда, а затѣмъ уже доскутокъ сукна, доставшійся ему въ подарокъ отъ щедрой судьбы, и передалъ его м-съ Верлокъ.

— Вы узнаете?—спросилъ онъ.

Она машинально взяла доскутокъ въ руки и взглянула на него. Глаза ея все болѣе широко раскрывались.

— Конечно, узнаю,—прошептала она, и затѣмъ, поднявъ голову, отступила назадъ.

— Почему этотъ доскутокъ оборванный?—едва слышно проговорила она.

Главный инспекторъ выхватилъ у нея доскутокъ, а она тяжело опустилась на стулъ. Для него все было ясно. Въ ту же минуту онъ понялъ еще нѣчто другое, болѣе поразительное: второй человѣкъ былъ Верлокъ.

— М-съ Верлокъ,—сказалъ онъ,—вы, кажется, больше знаете объ этомъ дѣлѣ, чѣмъ подозрѣваете сами?

У м-ссы Верлокъ кружилась голова, и она ничего не могла сообразить. Она такъ вся застыла, что была не въ состояніи повернуть голову, когда раздался колокольчикъ у дверей. Главный инспекторъ Хитъ быстро повернулся къ двери какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда вошелъ м-ръ Верлокъ, и они взглянули другъ другу въ лицо. М-ръ Верлокъ, не глядя на жену, подошелъ къ главному инспектору, который обрадовался, видя, что Верлокъ вернулся одинъ.

— Вы здѣсь? — пробормоталъ м-ръ Верлокъ. — Кого вы разыскиваете?

— Никого, — тихимъ голосомъ сказалъ главный инспекторъ Хитъ. — Но мнѣ нужно сказать вамъ пару словъ.

— Пойдемте сюда, — сказалъ м-ръ Верлокъ, который вернулся домой все еще блѣдный, но уже болѣе спокойный. Однако онъ все еще не поднималъ глазъ на жену.

Онъ провелъ Хита въ комнату за лавкой, и какъ только закрылась за ними дверь, м-ссы Верлокъ всочила со стула и подбѣжала къ двери; но она не открыла ее, а опустилась на колѣни и приблизила ухо къ замочной скважинѣ.

Она услышала голосъ главнаго инспектора и только не видѣла, какъ онъ ткнулъ пальцемъ въ грудь ея мужа.

— Это вы—второй человекъ, Верлокъ. Въ паркѣ вошли два человека.

— Такъ возьмите меня!—раздался голосъ м-ра Верлока. — Кто вамъ мѣшаетъ? Вы имѣете право.

— Нѣтъ. Разъ это дѣло взялъ въ свои руки мой начальникъ, такъ пусть самъ и справляется. Но вы-то знайте, что изобличили васъ я, а не онъ.

Послѣ того она услышала нѣсколько времени только неясное бормотаніе. Хитъ, очевидно, показалъ м-ру Верлоку доскутокъ воротника Стэви, потому что сестра мальчика услышала громкій возгласъ мужа:

— Я понятія не имѣлъ, что она придумала такую штуку.

Опять до м-ссы Верлокъ долго доносилось одно только бормотаніе, все-таки менѣе кошмарное для нея, чѣмъ страшное содержаніе громко произнесенныхъ словъ. Затѣмъ, главный инспекторъ Хитъ возвысилъ голосъ:

— Вы обезумѣли, что-ли, рѣшившись на такое дѣло?

Голосъ м-ра Верлока отвѣтилъ съ какимъ-то мрачнымъ бѣшенствомъ:

— Да, около мѣсяца я былъ безумнымъ. Но теперь я не безуменъ. Все кончено. Теперь все выйдетъ наружу.

Онъ заговорилъ упавшимъ голосомъ, потомъ опять возвысилъ его.

— Вы знаете меня нѣсколько лѣтъ, — сказалъ онъ, — и относились ко мнѣ хорошо. Я прежде всего прямой человѣкъ.

Хиту, очевидно, было неприятно воспоминаніе о старомъ знакомствѣ.

— Не очень-то вѣрьте — сказалъ онъ съ угрозой въ голосѣ — обѣщаніямъ, которыя вамъ даютъ. Я бы на вашемъ мѣстѣ бѣжалъ. Ловить васъ мы бы не стали.

— Конечно, — сказалъ м-ръ Верлокъ со смѣхомъ. — Вы надеетесь, что другіе избавятъ васъ отъ меня? Нѣтъ, не бываетъ этому. Я слишкомъ честно относился къ этимъ людямъ, и теперь все должно выйти наружу.

— Такъ пусть выйдетъ, — равнодушно согласился главный инспекторъ Хитъ. — Но скажите мнѣ, какъ вы оттуда выбрались?

— Я былъ близъ Честеръ-Фильдъ-Уола, — услышала м-съ Верлокъ голосъ своего мужа, — какъ вдругъ раздался взрывъ. Тогда я бросился бѣжать. Былъ густой туманъ, и я никого не встрѣтилъ до самаго конца Джорджъ-Стрита.

— Удивительная удача! — проговорилъ съ удивленіемъ инспекторъ Хитъ. — Васъ удивилъ звукъ взрыва?

— Да, онъ раздавался слишкомъ рано, — признался м-ръ Верлокъ мрачнымъ голосомъ.

М-съ Верлокъ прижалась ухомъ къ замочной скважинѣ. У нея посинѣли губы, руки были холодны какъ ледъ, и среди блѣднаго лица глаза казались двумя черными провалами. Голоса за дверью опять понизились, и до нея доносились только отдѣльные слова. Наконецъ, она услышала опять цѣлую фразу, произнесенную главнымъ инспекторомъ:

— Онъ, вѣроятно, спотыкнулся о корень дерева.

Опять голоса понизились до шопота, и затѣмъ Хитъ, отвѣчая на какой-то вопросъ, отчетливо сказалъ:

— Конечно. Разорванъ на клочки: куски тѣла и кости перемѣшались съ пескомъ и камнями. Пришлось подбирать лопатой, говорилъ я вамъ.

М-съ Верлокъ вдругъ вскочила и, затушивъ уши, убѣжала за прилавокъ и стала метаться между прилавоккомъ и полками у стѣны. Увидавъ газету, оставленную на столѣ Хитомъ, она пробовала развернуть ее, потомъ бросила на полъ.

— Такъ, значить, ваша защита будетъ заключаться въ полномъ признаніи? — спрашивалъ за дверью м-ра Верлока главный инспекторъ Хитъ.

— Да, я' расскажу все до конца.

— Вамъ не повѣрять.

Главный инспекторъ погрузился въ раздумье. Раскрытіе этого дѣла вовсе ему не улыбалось. Михаэлисъ остался бы въ сторонѣ, обнаружилась бы только дѣятельность профессора, разбита была бы вся система тайнаго надзора и поднялся бы безсмысленный шумъ въ газетахъ.

— Можетъ быть, и не повѣрять,—сказалъ Верлокъ, — но зато многое будетъ изобличено. Я прямой человѣкъ и буду дѣйствовать прямо.

— Если вамъ не помѣшаютъ, — сказалъ со смѣхомъ главный инспекторъ:— на васъ будутъ оказывать разныя вліянія, а потому вы будете сами поражены приговоромъ. Я бы на вашемъ мѣстѣ не довѣрялъ господину, который съ вами разговаривалъ до меня. Мой совѣтъ—какъ можно скорѣе исчезнуть отсюда. Вѣдь многіе у насъ увѣрены, что васъ нѣтъ на свѣтѣ.

— Неужели?—проговорилъ м-ръ Верлокъ. Вернувшись изъ Гринвича, онъ провелъ весь день въ маленькомъ кабацкѣ и не ожидалъ такого благопріятнаго оборота дѣла.

— Да, таково общее мнѣніе. Удирайте, исчезните...

— Куда?—проговорилъ м-ръ Верлокъ. Онъ подвѣлъ голову и, глядя на запертую дверь, проговорилъ:

— Заберите меня съ собой сейчасъ же. Я не буду сопротивляться.

— Я не сомнѣваюсь,—иронически согласился главный инспекторъ, слѣдя за направленіемъ его взгляда.

У м-ра Верлока выступилъ потъ на лбу. Понизивъ голосъ, онъ заговорилъ конфиденціальнымъ тономъ: — Мальчикъ вѣдь былъ ненормальный, неотвѣтственный за свои поступки. Судъ бы его оправдалъ, понимая, что онъ годится только въ сумасшедшій домъ... Самое худшее, что ему сдѣлали бы...

Главный инспекторъ, уже держась за ручку двери, прошепталъ, глядя прямо въ лицо м-ру Верлоку:

— Мальчикъ-то, можетъ быть, не совсѣмъ нормальный, но вы такъ прямо сумасшедшій. Что васъ такъ сбilo съ толку?

М-ръ Верлокъ, помня о м-рѣ Вальдерѣ, — сказалъ, не стѣнясь: — Все это надѣлалъ одинъ посольскій негодяй. По-вашему, впрочемъ, онъ, можетъ быть, джентльменъ.

Главный инспекторъ кивнулъ головой, въ знакъ пониманія, и открылъ дверь.

М-съ Верлокъ, можетъ быть, и не замѣтила, какъ онъ вошелъ въ лавку. Она сидѣла выпрямившись за прилавкомъ, а у ногъ ея валялся скомканный листъ розовой бумаги. Она судорожно прижала обѣ руки къ лицу, надавливая кончиками пальцевъ на високъ. На лицѣ ея была точно маска, которую она не хотѣла сорвать. Въ ея неподвижности сильнѣе выразилось ея страшное горе, чѣмъ если бы она испускала крики и билась головой объ стѣну. Хитъ только вскользь взглянулъ на нее, проходя мимо, и когда онъ вышелъ при звонѣ надтреснутого колокольчика, вокругъ м-съ Верлокъ воцарилась глубокая тишина. Темныя полки съ товарами поглощали весь свѣтъ, и въ полутьмѣ только сверкала золотой ободокъ обручальнаго кольца на пальцѣ м-съ Верлокъ, какъ неистребимый блескъ остатка сверкающаго сокровища, брошеннаго въ сорную яму.

X.

Вице-директоръ попалъ въ Вестминстеръ вовсе не около полуночи, какъ предполагалъ, а очень рано, въ самомъ началѣ вечерняго засѣданія. Послѣ разговора съ личнымъ секретаремъ, который интересовался исходомъ затѣяннаго предпріятія и повѣлъ по таинственнымъ отвѣтамъ вице-директора, что тому удалось нѣчто весьма важное и отвѣтственное, вице-директора впустили въ кабинетъ начальника, сидѣвшаго за столомъ въ задумчивой позѣ. Начальникъ не выразилъ ни удивленія по поводу преждевременнаго появленія своего подчиненнаго, ни любопытства, ни вообще какихъ-либо чувствъ. Ничто не измѣнилось въ его задумчивомъ взглядѣ. Но голосъ его не былъ при этомъ усталый или сонный.

— Ну, что?—спросилъ онъ:—что вы узнали пока? Напали на что-нибудь неожиданное?

— Несомнѣнно неожиданное, сэръ Этэльредъ,—сказалъ вице-директоръ.—Я попалъ на психологическое состояніе.

— Говорите, пожалуйста, понятнѣе,—попросилъ начальникъ.

— Да это совершенно понятно. Вы знаете вѣдь, что преступники чувствуютъ непреодолимое желаніе раскрыть свою тайну кому бы то ни было—часто даже полиціи. И вотъ, Верлокъ, котораго главный инспекторъ Хитъ считаетъ столь непричастнымъ къ этому дѣлу, оказался именно въ такомъ состояніи. Онъ, говоря образно, бросился ко мнѣ на грудь, и мнѣ стоило только шепнуть ему, кто я, и прибавить: я вѣдь знаю,

что вы тутъ главное дѣйствующее лицо, — чтобы этимъ вызвать его признаніе. Ему казалось чудомъ, что мы уже знаемъ, но онъ все-таки повѣрилъ. Мнѣ оставалось тогда только предложить ему два вопроса: кто васъ толкнулъ на это дѣло, и кто бросилъ бомбу? Онъ далъ точные отвѣты. Прежде всего я узналъ, что бросилъ бомбу братъ его жены, мальчикъ, полу-идіотъ, и узналъ также, что Михаалисъ никакого касательства къ этому дѣлу не имѣетъ, хотя, дѣйствительно, мальчикъ былъ у него въ деревнѣ до восьми часовъ утра сегодня. Возможно, что Михаалисъ еще ничего не знаетъ до сихъ поръ... Верлокъ съ утра отправился туда и взялъ мальчика съ собой какъ бы на прогулку. Такъ какъ это было не въ первый разъ, то Михаалисъ не могъ подозрѣвать ничего дурного. Ну, а затѣмъ оказывается, что Верлокъ совершенно обезумѣлъ отъ удивительно сыгранной съ нимъ комедіи, которую мы съ вами ни на минуту не приняли бы въ серъезъ, но которая оказала сильное воздѣйствіе на Верлока.

Вице-директоръ разсказалъ все, что Верлокъ передавалъ ему о характерѣ и образѣ дѣйствія мистера Вальдера...

— Мнѣ это кажется совершенно фантастичнымъ, — сказалъ начальникъ.

— Не правда ли? Прямо, какая-то жестокая шутка. Но Верлокъ, повидимому, отнесся къ этому совершенно серьезно. Ему казалось, что вся его карьера рухнетъ. Въ прежнее время онъ былъ въ прямыхъ сношеніяхъ съ Стотъ-Вартенгеймомъ, и считалъ свои услуги незамѣнимыми. Отрезвленіе было очень неожиданное, и онъ, видимо, потерялъ голову. Ему, очевидно, представлялось, что посольство можетъ не только отказаться отъ его услугъ, но какимъ-то таинственнымъ образомъ погубить его.

— Сколько времени вы провели теперь съ нимъ? — спросилъ начальникъ, прерывая вице-директора.

— Мы провели минутъ сорокъ въ номерѣ какой-то подозрительной гостиницы. Онъ былъ въ состояніи реакціи послѣ преступленія. Его нельзя назвать закоренѣлымъ преступникомъ. Онъ не хотѣлъ смерти несчастнаго мальчика, брата своей жены, и теперь въ полномъ ужасѣ, — я это ясно видѣлъ. Можетъ быть, онъ даже любилъ мальчика. Во всякомъ случаѣ, онъ надѣялся, что мальчикъ не попадетъ, и что невозможно будетъ узнать, кто собственно совершилъ дѣло. Притомъ для мальчика никакого риска не было: его бы сейчасъ же объявили невмѣняемымъ.

Вице-директоръ остановился на минуту и задумался.

— Какъ онъ, однако, надѣялся въ такомъ случаѣ выгородить

себя—этого я не понимаю,—продолжалъ онъ, не зная, до чего Стэви былъ преданъ „доброму“ м-ру Верлоку, и какъ онъ умѣлъ молчать, когда считалъ это нужнымъ.

— Впрочемъ, онъ, можетъ быть, не думалъ объ этомъ,—прибавилъ вице-директоръ.—Онъ теперь въ глубокомъ отчаяніи, какъ человѣкъ, который совершилъ самоубійство, чтобы покончить со всѣми заботами, и уже потому убѣдился, что ничуть не поможетъ этимъ дѣлу.

— Что же вы теперь съ нимъ сдѣлали?—спросилъ начальникъ, улыбувшись въ отвѣтъ на оригинальное сравненіе вице-директора.

— Такъ какъ онъ очень торопился къ женѣ въ лавку, то я отпустилъ его.

— Какъ? Вѣдь онъ можетъ убѣжать.

— Простите, я этого не думаю. Куда ему бѣжать? Ему грозитъ опасность и со стороны товарищей. Онъ занимаетъ тутъ опредѣленный постъ. Подъ какимъ предлогомъ онъ бы оставилъ его? Но даже если бы ничто не помѣшало его свободѣ дѣйствій, онъ бы все-таки ни на что не могъ рѣшиться въ своемъ теперешнемъ состояніи. А если бы я задержалъ его, мы были бы уже обязаны опредѣленно дѣйствовать. А я хотѣлъ сначала узнать ваше намѣреніе.

— Я повидаю сегодня прокурора и завтра утромъ пошлю за вами. Что вы еще имѣете мнѣ сказать?

— Ничего, сэръ Этэльредъ, если вы не желаете знать подробности...

— Нѣтъ, пожалуйста, безъ подробностей,—сказалъ начальникъ, и протянулъ вице-директору на прощанье руку.—И вы говорите, что этотъ человѣкъ женатъ?—спросилъ онъ еще.

— Да, женатъ законнымъ бракомъ. Онъ говорилъ мнѣ, что послѣ разговора въ посольствѣ хотѣлъ-было все бросить, продать лавку и уѣхать, но онъ зналъ, что жена его и слышать не захочетъ объ отъѣздѣ за-границу. Лучшее доказательство прочнаго супружества,—прибавилъ онъ злобно, вспомнивъ, что и его жена тоже не хотѣла уѣзжать изъ Англии.—Да,—повторилъ онъ,—настоящая жена и настоящій братъ жены. Тутъ—цѣлая семейная драма.

Вице-директоръ засмѣялся, но, видя, что начальникъ уже погруженъ въ другія мысли о важныхъ государственныхъ вопросахъ, незамѣтно вышелъ изъ комнаты.

Онъ медленно направился домой, раздумывая о дѣлѣ, которое живо его интересовало, какъ предлогъ начать полезную

общественную кампанію. Придя домой, и увидѣвъ, что въ гостиной темно, онъ прошелъ наверхъ, чтобы переодѣться и поѣхать за женой, которая была на обѣдѣ у знатной лэди, покровительницы Михаэлиса.

Онъ зналъ, что тамъ будутъ рады его приходу. Войдя въ меньшую изъ двухъ гостиныхъ, онъ увидѣлъ жену среди большой группы у рояля. За ширмой подлѣ хозяйки сидѣли на двухъ креслахъ рядомъ какой-то господинъ и дама. Хозяйка протянула руку вошедшему.

— Я ужъ и не надѣялась видѣть васъ сегодня. Эники мнѣ сказала...

— Я самъ не думалъ, что такъ скоро освобожусь, — отвѣтилъ вице-директоръ и прибавилъ въ полголоса: — Могу сообщить вамъ, къ вашему и моему удовольствію, что Михаэлисъ не причастенъ къ этому дѣлу.

— Еще бы! — съ негодованіемъ воскликнула покровительница Михаэлиса. — Неужели у васъ тамъ были настолько глупы, чтобы заподозрить его?..

— Не настолько глупы, — почтительно возразилъ вице-директоръ, — а настолько умны и ловки.

Наступило молчаніе. Господинъ, сидѣвшій на креслѣ у кушетки, пересталъ разговаривать съ дамой около него, и поглядѣлъ съ легкой улыбкой на вице-директора.

— Я не знаю, знакомы ли вы, — сказала хозяйка.

М-ръ Вальдеръ и вице-директоръ учтиво поклонились другъ другу.

— Онъ все пугаетъ меня, — заявила вдругъ дама, сидѣвшая около м-ра Вальдера, кивая головой на послѣдняго. Вице-директоръ былъ знакомъ съ этой дамой.

— У васъ вовсе не испуганный видъ, — сказалъ онъ, взглянувъ на нее и думая про себя, что рано или поздно въ этомъ домѣ можно встрѣтиться съ кѣмъ угодно.

— Во всякомъ случаѣ, онъ пробовалъ меня пугать, — сказала дама.

— Это ужъ по привычѣ, — сказалъ вице-директоръ.

— Онъ угрожаетъ обществу всякими ужасами, — продолжала лэди: — изъ-за взрыва въ Гринвичѣ, говорить, что мы должны дрожать, пока этихъ людей не истребятъ всѣхъ до конца. А я и не знала, что это такъ серьезно.

Мистеръ Вальдеръ, дѣлалъ видъ, что не слышитъ, и, наклонившись къ кушеткѣ, говорилъ что-то въ полголоса хозяйкѣ. Но онъ ясно слышалъ, какъ вице-директоръ сказалъ:

— Я не сомнѣваюсь, что м-ръ Вальдеръ имѣеть совершенно точное представленіе объ истинной важности этого дѣла.

М-ръ Вальдеръ спрашивалъ себя, какая собственно цѣль у этого назойливаго полицейскаго? Закончивъ фразу, обращенную къ хозяйкѣ, онъ повернулся въ креслѣ и сказалъ:

— Вы хотите сказать, что мы лучше знаемъ этихъ людей, чѣмъ вы? Это вѣрно. У насъ сильно отъ нихъ пострадали, а вы почему-то—онъ улыбнулся съ искусственно-недоумѣвающимъ видомъ—охотно терпите ихъ въ своей средѣ.

Вице-директоръ ничего не отвѣтилъ, и м-ръ Вальдеръ тотчасъ же попрощался. Какъ только онъ повернулся спиной къ кушеткѣ, вице-директоръ тоже поднялся.

— Я думала, что вы еще останетесь и отвезете домой Эни, — сказала хозяйка.

— Оказывается, что у меня сегодня есть кое-какая работа.

— Въ связи...?

— Да, до нѣкоторой степени. Дѣло это можетъ оказаться очень громкимъ, — сказалъ онъ, когда хозяйка спросила его на прощанье, дѣйствительно ли все это такъ ужасно.

Онъ быстро вышелъ изъ гостиной и засталъ м-ра Вальдера еще въ передней. Онъ старательно обматывалъ шею широкимъ шолевымъ шарфомъ. За нимъ стоялъ лакей, подавая ему пальто, а другой въ это время отворялъ дверь. Вице-директоръ быстро надѣлъ пальто и сразу вышелъ. Но, выйдя изъ подъѣзда, онъ остановился, какъ бы раздумывая, въ какую сторону ему направиться. Увидавъ это въ открытую дверь, м-ръ Вальдеръ еще постоялъ въ передней, закурилъ сигару и потомъ только медленно вышелъ. Но все-таки онъ еще засталъ передъ домомъ „проклятаго полицейскаго“ и, въ ужасѣ подумавъ, что тотъ, можетъ быть, поджидаетъ его, сталъ искать глазами свободный кабъ. Но такового не оказалось; у подъѣзда стоялъ рядъ собственныхъ экипажей. М-ру Вальдеру пришлось пройти пѣшкомъ, и „проклятый полицейскій“ шелъ рядомъ съ нимъ. М-ру Вальдеру сдѣлалось не по себѣ. — Чертовская погода! — сказалъ онъ.

— Вовсе ужъ не такая плохая, — спокойно возразилъ вице-директоръ, и, помолчавъ нѣсколько времени, сказалъ:—Мы захватили нѣкоего Верлока.

М-ръ Вальдеръ не отшатнулся и даже не измѣнилъ шага, но не могъ удержаться отъ восклицанія:—Что?—Вице-директоръ не повторилъ своихъ словъ.

— Вы его знаете, — сказалъ онъ.

М-ръ Вальдеръ остановился.—Почему вы думаете?—спросилъ онъ.

— Я не думаю. Это Верлокъ сказалъ.

— Вреть, собака,—сказалъ м-ръ Вальдеръ, но внутренно онъ былъ пораженъ проникательностью англійской полиціи. Ему сдѣлалось не по себѣ; онъ бросилъ сигару и пошелъ дальше.

— Эта исторія мнѣ пріятна тѣмъ,—продолжалъ медленнымъ тономъ вице-директоръ,—что она—удобный предлогъ для очень важнаго дѣла, за которое нужно взяться какъ можно скорѣе. Нужно очистить страну отъ иностранныхъ шпионовъ. Они—гнусный и опасный элементъ въ обществѣ. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности трудно выискивать. Нужно, чтобы самое ихъ занятіе опустыгло ихъ нанимателямъ. Дѣло становится позорнымъ и опаснымъ.

М-ръ Вальдеръ опять остановился.—Что вы хотите сказать?—спросилъ онъ.

— Судь надъ Верлокомъ выяснитъ дубликѣ и опасность, и неприличіе шпионства.

— Кто же повѣритъ такому человѣку?—презрительно сказалъ м-ръ Вальдеръ.

— Обиліе самыхъ точныхъ подробностей въ достаточной степени всѣхъ убѣдитъ,—мягко сказалъ вице-директоръ.

— Такъ вы серьезно намѣреваетесь это сдѣлать? Вѣдь вы этимъ дѣйствуете только на руку негодяямъ революціонерамъ. Зачѣмъ вы хотите поднять скандалъ? Изъ нравственныхъ соображеній—или какихъ-нибудь другихъ?

М-ръ Вальдеръ былъ, очевидно, очень взволнованъ, и это еще болѣе убѣдило вице-директора въ правдѣ сообщеній Верлока. Онъ прибавилъ равнодушнымъ тономъ:

— Есть и практическія соображенія. У насъ достаточно хлопотъ съ дѣйствительными анархистами—вы не можете упрекнуть насъ въ недостаточной зоркости въ этомъ отношеніи. Но мы не допустимъ ни подъ какимъ предлогомъ, чтобы намъ еще навязывали поддѣльныхъ.

— Я не раздѣляю вашихъ взглядовъ,—возразилъ м-ръ Вальдеръ надменнымъ тономъ.—Вы рассуждаете слишкомъ эгоистично, не думая объ интересахъ другихъ европейскихъ странъ.

— Другія страны не могутъ пожаловаться на отсутствіе у насъ бдительности,—сказалъ добродушнымъ тономъ вице-директоръ.—Вы видите, въ теченіе двѣнадцати часовъ мы установили личность человѣка, разорваннаго на куски, отыскали организатора взрыва и даже знаемъ, кто стоитъ за его спиной. Мы

могли бы пойти и дальше, но не хотимъ превысить свои права.

— Вы полагаете, что преступленіе было задумано въ Англіи?—спросилъ м-ръ Вальдеръ.

— Да, въ иносказательномъ смыслѣ слова,—отвѣтилъ вице-директоръ, намекая на то, что посольства считаются территоріей той страны, которую собой представляютъ. — Но это подробности. Я съ вами объ этомъ заговорилъ, потому что ваше правительство болѣе всего недовольно нашей полиціей. Вы видите, мы не такъ ужъ плохи. Мнѣ хотѣлось сообщить именно вамъ о нашей удачѣ.

— Очень вамъ благодаренъ, — пробормоталъ м-ръ Вальдеръ.

— Здѣшнихъ анархистовъ мы всѣхъ по пальцамъ знаемъ, — продолжалъ вице-директоръ, точно цитируя слова Хита. — А теперь нужно только отдѣлаться отъ провокаторовъ, и тогда можно жить спокойно.

М-ръ Вальдеръ поднялъ руку, останавливая проѣзжающій кабъ.

— А вы не зайдете сюда? — сказалъ вице-директоръ, указывая на внушительныхъ размѣровъ зданіе съ ярко освѣщеннымъ подъездомъ, передъ которымъ они стояли. Это былъ фешенебельный клубъ, и м-ръ Вальдеръ состоялъ его почетнымъ членомъ. Но въ эту минуту вице-директоръ подумалъ, что едва-ли м-ру Вальдеру придется часто бывать здѣсь въ будущемъ. Онъ взглянулъ на часы. Было половина одиннадцатаго. Вечеръ проведенъ былъ не безъ пользы.

XI.

Послѣ ухода инспектора Хита, м-ръ Верлокъ сталъ ходить по комнатамъ и отъ времени до времени смотрѣлъ на жену черезъ открытую дверь. „Она знаетъ“, — думалъ онъ, глубоко ее жалѣя, но все же съ нѣкоторымъ чувствомъ облегченія. Самое ужасное было бы именно сообщить ей страшную вѣсть, и отъ этого инспекторъ Хитъ избавилъ ее. М-ръ Верлокъ никакъ не ожидалъ, что придется сообщать ей именно о смерти брата, такъ какъ отнюдь не ждалъ и не желалъ его смерти. Напротивъ того, мертвый Стэви становился источникомъ гораздо большихъ бѣдъ, чѣмъ живой. М-ръ Верлокъ рассчитывалъ на благополучный исходъ, полагаясь не на собственную сообразитель-

ность мальчика, а на его слѣпое послушаніе, такъ какъ зналъ, съ какимъ довѣріемъ и съ какою слѣпой преданностью мальчикъ его во всемъ слушался. Онъ надѣялся, что Стэви уйдетъ изъ стѣнъ обсерваторіи живымъ и невредимымъ и нагонитъ его за паркомъ. Четверть часа—совершенно достаточное время даже для самаго глупаго человѣка, чтобы положить снарядъ и уйти. Стэви, очевидно, наткнулся на что-нибудь, и взрывъ произошелъ черезъ пять минутъ. М-ръ Верлокъ предвидѣлъ все, кромѣ этого. Онъ думалъ, что Стэви могъ заблудиться, не нагнавъ его, и что его гдѣ-нибудь арестуютъ. Этому онъ не боялся, увѣренный, что мальчикъ его не выдастъ. Онъ ему достаточно говорилъ, во время ихъ долгихъ прогулокъ вдвоемъ, о необходимости молчанія. Гуляя со Стэви по улицамъ Лондона, онъ сумѣлъ совершенно измѣнить взглядъ мальчика на полицію, и мальчикъ сдѣлался его покорнымъ, преданнымъ сообщникомъ. М-ръ Верлокъ искренно любилъ его за это. Но что жена его пришлетъ адресъ на подкладкѣ пальто—это ему не приходило въ голову. Такъ вотъ что она имѣла въ виду, когда говорила, что нечего беспокоиться, если Стэви и потеряется на улицѣ. Она увѣрила его, что мальчикъ навѣрное вернется домой. Да, онъ вернулся, — чтобы жестоко отомстить.

М-ръ Верлокъ вошелъ за прилавокъ. Онъ внутренне рѣшилъ, что во всемъ виновата жена, не предупредившая его о принятой ею мѣрѣ предосторожности. Но онъ все-таки не чувствовалъ злобы противъ нея, такъ какъ былъ фаталистомъ, и рѣшилъ, что бываетъ только то, что должно быть. Теперь все равно дѣлу не помочь. Онъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Я не хотѣлъ погубить мальчика.

М-съ Верлокъ вся вздрогнула при звукѣ его голоса, но не отняла рукъ отъ лица и не произнесла ни звука. М-ръ Верлокъ чувствовалъ настоятельную потребность поговорить съ ней.

— Это болванъ Хитъ такъ тебя ошеломилъ. Развѣ можно такъ сразу все сказать женщинѣ! Я цѣлые часы сидѣлъ въ кабачкѣ, все обдумывая, какъ тебѣ сообщить это. Вѣдь ты сама понимаешь, что я не желалъ зла мальчику.

Тайный агентъ Верлокъ говорилъ правду. Онъ дѣйствительно прежде всего ужаснулся за жену, когда раздался взрывъ.

М-съ Верлокъ снова вся вздрогнула, но такъ какъ она продолжала сидѣть, закрывъ лицо руками, то онъ рѣшилъ, что лучше всего оставить ее въ покоѣ, и ушелъ въ комнату за лавкой. Увидѣвъ на столѣ приготовленную для него ѣду, онъ отрѣ-

залъ себѣ кусокъ мяса и сталъ ѣсть. Онъ только теперь вспомнилъ, что за весь день ничего не ѣлъ, и въ эту минуту почувствовалъ острѣе всего остального физическое чувство пустоты въ желудкѣ. Онъ сталъ медленно ѣсть, поглядывая изъ-за двери на жену, потомъ снова вошелъ въ лавку и близко подошелъ къ Винни. Онъ не могъ выносить вида этой скорби съ закрытымъ лицомъ. Онъ ожидалъ, конечно, что жена его будетъ страшно потрясена, но надѣялся все-таки на ея опору въ новыхъ обстоятельствахъ, съ которыми самъ уже почти примирился со своимъ собственнымъ ему фатализмомъ.

— Ничего не подѣлаешь, — мрачно сказалъ онъ. — Нужно подумать о завтрашнемъ днѣ, Винни. Когда меня заберутъ, ты должна будешь дѣйствовать толково.

Опять ни звука, кромѣ судорожнаго вздыманія груди. М-ръ Верлокъ началъ даже слегка возмущаться. — Взгляни хоть на меня, — сказалъ онъ нѣсколько рѣзкимъ тономъ.

— Я никогда больше на тебя не взгляну, — раздался глухой отвѣтъ.

М-ръ Верлокъ отнесся со снисходительностью добраго мужа къ восклицанію, явно вызванному чрезмѣрною скорбью. Тяжело же она приняла свое несчастіе! Всему виной Хитъ, который не сумѣлъ сказать какъ слѣдуетъ. Но, конечно, ради нея же самой, нельзя ей позволить слишкомъ предаваться своимъ чувствамъ.

— Нельзя тебѣ тутъ оставаться въ лавкѣ, — сказалъ онъ съ напускной суровостью, въ которой звучала нота дѣйствительной досады на жену. Нужно было до ночи обсудить много важныхъ вопросовъ, а она все тормозила своимъ упрямствомъ. Но какъ онъ ее ни убѣждалъ разными доводами, она продолжала сидѣть неподвижно.

— Ну, да будь же, наконецъ, благоразумна, Винни, — сказалъ онъ. — Что же было бы съ тобой, если бы погибъ я?

Онъ былъ увѣренъ, что этотъ доводъ заставитъ ее вскрикнуть, но она не двинулась съ мѣста и попрежнему не отнимала рукъ отъ лица. Нельзя говорить съ человѣкомъ, когда не видишь его лица. М-ръ Верлокъ попытался силой отнять у нея руки отъ лица, но тогда она вдругъ вырвалась отъ него, пробѣжала черезъ всю лавку и скрылась въ кухнѣ. Онъ только на минуту увидѣлъ ея лицо, и убѣдился, что она не взглянула на него.

Можно было подумать, что между ними происходила главнымъ образомъ борьба изъ-за стула, такъ какъ въ ту же минуту, какъ вышла м-съ Верлокъ, мѣсто ея занялъ ея мужъ.

Онъ не закрылъ лицо руками, но лицо его омрачилось тяжелыми мыслями.

Онъ зналъ, что ему не избѣжать тюрьмы, но не особенно этого боялся. Тюрьма укроетъ его во всякомъ случаѣ отъ незаконной мести, которой онъ могъ опасаться съ разныхъ сторонъ. Онъ предвидѣлъ сравнительно скорое освобожденіе и затѣмъ жизнь за-границей. Обидно было только то, что неудача его постигла въ тотъ самый моментъ, когда онъ могъ рассчитывать на полное торжество. Ему казалось, что онъ блестяще доказалъ м-ру Вальдеру свою силу и могущество, и его престижъ въ посольствѣ сдѣлался бы огромнымъ—если бы только не несчастная мысль жены, вздумавшей пришить адресъ къ воротнику Стэви. Строго обдуманнѣй, доведенный почти до конца планъ разбился изъ-за ничтожнаго обстоятельства, какъ бываетъ, что ломаешь ногу, поскользнувшись объ апельсинную корку.

М-ръ Верлокъ все-таки не питалъ въ эту минуту злобы противъ жены. Онъ думалъ о томъ, каково ей будетъ, когда его заберутъ, какъ она будетъ первое время тосковать по Стэви, и какъ тяжело ей будетъ оставаться совершенно одной во всемъ домѣ. Если бы хоть мать была съ нею. Онъ чувствовалъ, что нужно обо всемъ серьезно потолковать, но понималъ, что ни о какихъ дѣлахъ разговаривать въ этотъ вечеръ нельзя. Онъ поднялся, спокойно заперъ входную дверь, затушилъ газъ въ лавкѣ и, отдѣливъ себя такимъ образомъ отъ виѣшняго міра, пошелъ къ женѣ. Она сидѣла у стола, у котораго обыкновенно сидѣлъ бѣдный Стэви за рисованіемъ, опустивъ на руки голову. М-ръ Верлокъ не зналъ, съ чего начать съ ней разговоръ. Онъ никогда не говорилъ съ ней о себѣ, такъ какъ она не любила вникать ни во что, что не касалось ея непосредственно, и начать вдругъ теперь, въ трагическихъ обстоятельствахъ, открывать ей душу—было безконечно трудно. Нужно было объяснить страшное гипнотизирующее вліяніе Вальдера, толкнувшаго его на преступленіе.

М-ръ Верлокъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ остановился въ дверяхъ и, глядя въ кухню, сказалъ, сжавъ кулаки:

— Ты не можешь себя представить, съ какимъ негодиемъ я имѣлъ дѣло... Какъ онъ обошелся со мной!..—продолжалъ м-ръ Верлокъ, чувствуя наконецъ силу открыть свою душу.—Вѣдь я рисковалъ головой въ этой игрѣ. Отъ тебя я, конечно, все скрывалъ. Зачѣмъ было доставлять лишнее безпокойство! За семь лѣтъ нашего супружества, я не разъ подвергался опасности

жизни,—а онъ вздумалъ грозить мнѣ... Мнѣ, которому обязаны своимъ спасеніемъ величайшіе люди въ государствѣ!

Онъ замѣтилъ, что жена его подняла голову. Онъ смотрѣлъ на нее сзади, точно могъ судить о дѣйствіи своихъ словъ по движенію ея спины.

— За послѣднія одиннадцать лѣтъ не было ни одного заговора, къ которому я бы не былъ причастенъ. Сколькохъ я посылалъ на то, чтобы ихъ ловили на границѣ. Старый баронъ зналъ, чего я стою. И вдругъ является наглецъ, который осмѣливался вызывать меня къ себѣ въ одиннадцать часовъ утра! Вѣдь если бы кто-нибудь увидѣлъ меня входящимъ въ посольство, мнѣ бы не снести головы. Какое негодяйство — подвергать опасности такого человѣка, какъ я!

М-ръ Верлокъ подошелъ къ крану, поставилъ стаканы и выпилъ одинъ за другимъ три стакана воды, чтобы утолить душнвшее его пламя бѣшенства.

— Если бы не мысль о тебѣ, я бы схватилъ его за горло и сунулъ бы его голову въ каминъ. Мнѣ не трудно было бы справиться съ этимъ розовымъ бритымъ негодяемъ.

М-ръ Верлокъ въ первый разъ въ жизни открывалъ свою душу этой равнодушной женщиѣ. Личное озлобленіе кипѣло въ немъ такъ сильно, что онъ совершенно забылъ о судьбѣ Стэви. И когда онъ поднялъ глаза на жену, онъ былъ пораженъ неожиданностью ея выраженія. Она смотрѣла не обезумѣвшимъ и не разсѣяннымъ взглядомъ, а скорѣе взглядомъ, сосредоточеннымъ на чемъ-то за м-ромъ Верлокомъ. Впечатленіе это было до того сильно, что м-ръ Верлокъ оглянулся; но за нимъ была только бѣлая стѣна и больше ничего.

— Я бы схватилъ его за горло, — продолжалъ онъ, снова повернувшись къ женѣ. — Если бы не ты, я бы не постѣснялся. А вѣдь онъ бы даже не посмѣлъ обратиться къ полиціи. Ты понимаешь, почему не посмѣлъ бы?

Онъ подмигнулъ женѣ съ лукавымъ видомъ.

— Нѣтъ, — глухо отвѣтила м-съ Верлокъ, не поднимая на него глазъ. — О чемъ это ты говоришь?

М-ра Верлока охватило чувство полной безнадежности и усталости послѣ страшнаго напряженія дня, закончившагося неожиданной катастрофой. Его карьера рушилась самымъ неожиданнымъ образомъ, но во всякомъ случаѣ онъ, можетъ быть, наконецъ, будетъ въ состояніи проспать цѣлую ночь. Поглядѣвъ на жену, онъ, однако, въ этомъ усомнился. Она была какая-то непопятная, чужая.

— Приди же, наконецъ, въ себя, — сказалъ онъ. — Пойди, лягь въ постель. Тебѣ нужно выплакаться какъ слѣдуетъ.

Какъ и большинство, м-ръ Верлокъ думалъ, что лучший исходъ для женской печали — слезы. И, можетъ быть, дѣйствительно, если бы Стэви умеръ на ея рукахъ, м-съ Верлокъ нашла бы облегченіе въ обильныхъ слезахъ. Она обрѣла бы въ себѣ достаточно смиренія, чтобы принять съ покорностью все естественное въ человѣческой судьбѣ. Но ужасныя обстоятельства смерти Стэви осушили сразу источникъ слезъ, точно ей провели по глазамъ раскаленнымъ желѣзомъ, а сердце превратилось въ кусокъ льда. Черты ея застыли, а въ неподвижной головѣ носился рой мыслей. Вся жизнь пронеслась въ ея памяти, и она видѣла въ ней только одну центральную заботу — о братѣ. Все обуславливалось только мыслью о немъ. Она вспоминала всѣ мелочи его дѣтскихъ лѣтъ, какъ она его мыла и причесывала, какъ ограждала его отъ ударовъ отца, который ругалъ его идиотомъ, а ее — чертовкой. Она точно слышала теперь звукъ этихъ словъ. А потомъ предъ нею проносились картины жизни въ меблированныхъ комнатахъ матери, безконечное бѣганье по лѣстницамъ съ завтраками жильцамъ, подсчетъ грошей, постоянная работа по дому, въ то время какъ мать, едва ступая распухшими ногами, варила обѣдъ въ темной кухнѣ, а бѣдный Стэви, безсознательный центръ ихъ заботъ, чистилъ сапоги жильцамъ. Среди этихъ воспоминаній промелькнулъ образъ красиваго молодого человѣка, который могъ бы быть ей желаннымъ спутникомъ жизни. Но Винни со слезами на глазахъ отказала ему, отдавъ предпочтеніе м-ру Верлоку, очень милому и привѣтливому жильцу, у котораго всегда звенѣли деньги въ карманѣ. Онъ казался менѣе приятнымъ, но болѣе надежнымъ товарищемъ въ жизни, такъ какъ могъ быть опорой для всей ея семьи.

М-съ Верлокъ вспоминала семь лѣтъ безпечной жизни Стэви въ домѣ мужа. Въ ней самой укрѣпилось мирное чувство преданности домашнему очагу. Чувство ея къ мужу было глубокое, какъ стоячій прудъ, поверхность котораго изрѣдка только шевелилась отъ мимолетнаго появленія товарища Озипона, красиваго, коренастаго анархиста, съ дерзкими глазами.

И еще одно, очень недавнее воспоминаніе пронеслось въ памяти м-съ Верлокъ. Не прошло еще двухъ недѣль, какъ ея мужъ и бѣдный Стэви вышли вмѣстѣ изъ лавки. М-съ Верлокъ такъ отчетливо видѣла ихъ въ эту минуту передъ собой, что,

воссоздавая иллюзію дѣйствительности, пробормотала поблѣвшими губами:

— Точно отецъ и сынъ!

М-ръ Верлокъ остановился и, повернувъ къ ней озабоченное лицо, спросилъ:

— Что ты сказала?

Не получивъ отвѣта, онъ сталъ снова ходить по кухнѣ. Потомъ, угрозивъ кому-то кулакомъ въ воздухъ, онъ снова заговорилъ.

— Я имъ отомщу, этимъ посольскимъ... — кричалъ онъ. — Жизни не рады будутъ. Все расскажу. Все выйдетъ наружу. Ничто не можетъ теперь меня остановить.

Давая волю бѣшенству этими словами, онъ однако остановился среди потока словъ и снова посмотрѣлъ на жену, которая сидѣла неподвижно и глядѣла на стѣну передъ собою. Ея молчаніе смущало его. Онъ зналъ ея несловоохотливость. Ихъ взаимно-довѣрчивыя отношенія и были основаны на томъ, что она не вмѣшивалась въ его дѣла, а онъ ей ничего не рассказывалъ, но всегда былъ увѣренъ въ ней, какъ въ вѣрной, преданной женѣ. На этотъ разъ, однако, молчаніе ея было какое-то странное и злобщее. Ему хотѣлось бы, чтобы она высказала то, что думала въ эту минуту.

М-съ Верлокъ, можетъ быть, и сама была бы рада говорить вслухъ, но она не владѣла голосомъ въ эту минуту. Она могла бы или громко кричать, или молчать, — и инстинктивно предпочла второе. А мысленно она повторяла все только одну фразу: — „Онъ увелъ съ собой мальчика, чтобы его убить! Онъ увелъ съ собой мальчика, чтобы его убить!“ Эта сводившая ее съ ума фраза наполняла все ея существо. Рыданія, которыя не могли вырваться наружу, душили ее. Она вся дрожала и глаза ея горѣли пламеннымъ бѣшенствомъ. По своей натурѣ Винни вовсе не была покорнымъ существомъ. Она любила брата воинствующей любовью, — и мысль, что она сама позволила увести его на закланіе, сводила ее съ ума. А этотъ человекъ поспѣлъ потомъ вернуться домой къ женѣ!..

— Я еще боялась, что онъ дрожить отъ простуды, — пробормотала м-съ Верлокъ, глядя на стѣну.

Услышавъ эти слова, м-ръ Верлокъ понялъ ихъ буквально и поспѣшилъ успокоить жену.

— Пустяки, — сказалъ онъ. — Я былъ только разстроены. — Разстроены изъ-за тебя.

М-съ Верлокъ медленно перевела взглядъ на мужа, который быстро опустилъ глаза.

— Ничего не подѣлаешь, милая, — сказалъ онъ. — Возьми себя въ руки. Вѣдь ты сама навлекла на насъ полицію. Такъ ужъ теперь веди себя какъ слѣдуетъ. Я тебя не обвиняю, — прибавилъ онъ великодушно. — Ты не могла знать.

— Не могла знать, — повторила м-съ Верлокъ, и казалось, что эти слова произнесъ трупъ.

— Я и не обвиняю тебя. Но я имъ отплачу. Когда я буду подъ замкомъ, я смогу говорить съ полной свободой. Считай, что меня не будетъ съ тобой два года. За это время ты должна будешь вести дѣла сама. Ты будешь продолжать держать лавку, пока я не дамъ знать. И вообще нужно будетъ соблюдать большую осторожность. Никто не долженъ знать, что ты собираешься сдѣлать. У меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія, чтобы меня пирнули ножомъ, какъ только я выйду на свободу.

М-ръ Верлокъ былъ всецѣло занятъ будущимъ, и думалъ только о томъ, чтобы оградить себя отъ оживавшихъ его впереди опасностей, — что было, конечно, совершенно понятно въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ. Повторивъ еще разъ, что онъ вовсе не желаетъ смерти отъ рукъ революціонеровъ, онъ прибавилъ съ нѣжностью:

— Я хочу жить для тебя.

Легкій румянецъ набѣжалъ на неподвижное, безкровное лицо м-съ Верлокъ. Покончивъ съ видѣніями прошлаго, она теперь вполне понимала и — слышала слова мужа. Они точно душили ее своимъ несоотвѣтствіемъ ея чувствамъ. Она знала только одно — что этотъ человѣкъ, который былъ ея мужемъ семь лѣтъ, увелъ съ собой мальчика, чтобы убить его. А м-ръ Верлокъ, не подозрѣвая, въ какомъ она состояніи, продолжалъ ходить по комнатамъ и развѣивать свои планы. Ему начинало казаться, что онъ избѣгнетъ мстительной руки революціонеровъ, и онъ сталъ даже успокаивать жену. Тонъ его сдѣлался самоувереннымъ, и это еще болѣе усиливало ужасъ Винни. Она слѣдила мрачнымъ взглядомъ за человѣкомъ, который такъ заботился теперь о безнаказанности — послѣ того какъ увелъ изъ дому Стэви, чтобы убить его. Онъ опять заговорилъ о томъ, что они уйдутъ куда-то далеко-далеко, неизвѣстно, въ Испанію ли, или въ Южную Америку. М-съ Верлокъ хотѣлось машинально спросить: а какъ же съ Стэви? Но потомъ она опять все вспомнила, и сразу сдѣлала выводъ, который очень бы удивилъ м-ра Верлока. Она вдругъ поняла, что ей незачѣмъ оставаться съ этимъ человѣкомъ, если нѣтъ мальчика. Она поднялась съ мѣста, точно ее кто-то тол-

кнулъ. Она почувствовала себя свободной. М-ръ Верлокъ взглянул на нее.

— Ты куда? Наверхъ?—спросилъ онъ.

Въ силу долголѣтней привычки м-съ Верлокъ обернулась на этотъ привычный голосъ и слегка кивнула головой.

— Ну, и отлично,—сказалъ онъ.—Пойди, прилягъ. Я тоже сейчасъ приду.

М-ру Верлоку было неприятно, что жена такъ и ушла, не сказавъ ни слова. Онъ такъ нуждался въ ея нравственной поддержкѣ. Вздохнувъ отъ чувства одиночества и пожалѣвъ о Стэви, м-ръ Верлокъ снова подошелъ къ столу, на которомъ стоялъ еще остатокъ мяса. На него напалъ неутолимый голодь, который часто смѣняетъ слишкомъ сильное напряженіе нервовъ. Его удивило, что въ комнатѣ наверху тихо, и онъ съ ужасомъ подумалъ, что Винни сидитъ на кровати и глядитъ въ темноту. Мысль, что онъ застанетъ ее въ такомъ состояніи, отняла у него аппетитъ. Онъ отложилъ кухонный ножъ, которымъ собирался отрѣзать кусокъ мяса.

Но вскорѣ онъ услышалъ шаги жены и успокоился. Она прошлась по комнатѣ и потомъ съѣла. Но онъ понялъ по доносившимся звукамъ, что она надѣла ботинки и, повидимому, одѣвается, чтобы выйти изъ дому. М-ръ Верлокъ не ошибся. Жена его почувствовала себя свободной женщиной, и еще не знала, что сдѣлаетъ съ своей свободой. Она открыла окно въ спальнѣ, и выглянула на улицу — точно съ желаніемъ позвать кого-нибудь на помощь. Но пустынная улица была союзницей ея мужа, увѣреннаго въ своей безнаказанности. Очевидно, никто не придетъ къ ней на помощь. Тогда она одѣлась какъ на прогулку, не спѣша и аккуратно, не забывъ даже надѣть вуаль, и сошла внизъ.

М-ръ Верлокъ, замѣтивъ, что она держитъ въ рукѣ маленькій саквояжъ, рѣшилъ, что она собирается къ матери, и внутренне оскорбился за такое невниманіе къ себѣ. Но этого личнаго чувства онъ не высказалъ, а постарался воздѣйствовать на жену не сентиментальными, а разумными доводами. Онъ сказалъ, что слишкомъ поздно ѣхать къ матери, такъ какъ уже половина девятаго, и Винни не успѣетъ съѣздить туда и обратно въ тотъ же вечеръ.

М-съ Верлокъ и въ голову не приходило идти къ матери. Ей только хотѣлось уйти изъ дому и хотя бы пробродить всю ночь по улицамъ — лишь бы не быть въ этихъ стѣнахъ. Но, слишкомъ обезсиленная, она остановилась передъ первымъ же

препятствіемъ и поворно опустилась на стулъ, продолжая сидѣть въ шляпѣ и вуали, точно гостя.

— Послушай, Винни,—началъ внушительнымъ голосомъ ея мужъ.—Твое мѣсто сегодня дома. Ты навлекла на насъ полицію. Я не браню тебя. Но все-таки ты во всемъ виновата. Да сними же шляпу. Я не пушу тебя нигуда.

М-ссъ Верлокъ ясно разслышала только эти слова. Конечно, онъ ее не пустить, этотъ человѣкъ, который убилъ Стэви. Мысль ея быстро заработала въ этомъ направленіи, уклоняясь отъ всякой логики. Она могла бы, думалось ей, выскользнуть въ дверь и побѣжать, но онъ ее схватитъ и вернетъ обратно. Она можетъ отбиваться, кусаться, пирнуть его ножомъ, но ножа у нея нѣтъ.

— Да скажи же что-нибудь! — сказалъ м-ръ Верлокъ, раздраженный въ конецъ ея молчаніемъ; онъ не представлялъ себѣ, какой оборотъ приняли ея мысли. — И прежде всего—сними вуаль. Не могу я съ тобой говорить, не видя лица.

Протанувъ руку, онъ самъ снялъ вуаль со шляпы и снова подошелъ къ камину. Ему въ голову не приходило, что жена хочетъ его покинуть. Онъ опять заговорилъ, убѣждая ее.

— Развѣ я въ чемъ-нибудь виновата?—говорилъ онъ, убѣжденный теперь самъ въ своей невинности. — Я искалъ, какъ только могъ, кого-нибудь другого, но не нашелъ достаточно безумнаго или достаточно голоднаго человѣка. По-твоему, я хотѣлъ, что-ли, смерти мальчика? Убийца я, что-ли? Но теперь кончено. Его нѣтъ. Всѣ его печали кончены, а наши только-что начинаются—именно потому, что онъ себя взорвалъ. Я тебя не обвиняю. Но пойми, что это была случайность—чистая случайность—такая, какъ если бы его переѣхалъ омнибусъ.

Онъ остановился и, наконецъ, видя, что его великодушіе не производитъ должнаго впечатлѣнія, не могъ долѣе сдерживаться.

— А вѣдь знаешь,—ты въ этомъ больше виновата, чѣмъ я. Да, да. Мнѣ и въ голову не приходила мысль о мальчикѣ. Это ты, какъ нарочно, все навязывала его мнѣ какъ-разъ, когда я не зналъ, какъ выпутаться изъ бѣды. Ну, такъ теперь и молчи. Я не пушу тебя сегодня къ матери; ты бы стала говорить ей неблуды про меня. Такъ и знай: если, по-твоему, я убилъ мальчика, то ужъ, во всякомъ случаѣ, убійца скорѣе ты, а не я.

Когда м-ръ Верлокъ произнесъ въ припадкѣ глубокаго возмущенія эти ужасныя слова, м-ссъ Верлокъ, ничего не отвѣтивъ, встала со стула въ кофточкѣ и шляпѣ, какъ гостя, которая со-

бралась уходить, и подошла къ мужу съ протянутой рукой, какъ бы желая съ нимъ проститься. Но когда она подошла къ камину, м-ра Верлока уже тамъ не было. Онъ направился къ дивану, страшно измученный, и бросился на диванъ, сбросивъ шляпу, которая полетѣла подъ столъ.

Всѣ его силы истощились, и ему хотѣлось прежде всего отдохнуть.

„Кончила бы она скорѣе свои глупости, — подумалъ онъ. — Это прямо невыносимо“.

Было что-то странное въ чувствѣ вновь приобрѣтенной свободы, которое охватило м-ссъ Верлокъ. Въмѣсто того, чтобы направиться къ двери, она прислонилась спиной къ камину, какъ путникъ прислоняется для отдыха къ забору. На лицѣ ея появилось какое-то новое дикое выраженіе. Она точно чего-то ожидала.

— Хотѣ бы я никогда не видѣлъ Гринвичъ-Парка! — пробормоталъ м-ръ Верлокъ. Когда эта фраза долетѣла до уха м-ссъ Верлокъ, глаза ея страннымъ образомъ расширились. Слова мужа наполнили какое-то пустое мѣсто въ памяти м-ссъ Верлокъ. Гринвичъ-Паркъ! Тамъ былъ убитъ мальчикъ. Она теперь только вспомнила всѣ подробности, рассказанныя Хитомъ, и точно увидѣла передъ собой картину сваленныхъ вѣтвей, осыпавшихся листьевъ и разорваннаго на куски тѣла брата, перемѣшаннаго съ пескомъ и камнями. Останки собирали лопатой — вспомнила она. М-ссъ Верлокъ закрыла глаза, и когда она ихъ снова открыла, то ужъ никакъ нельзя было назвать ея лицо каменнымъ. Въ ней свѣтилась сосредоточенная рѣшимость, и мысли ея были всецѣло подчинены ея волѣ. М-ръ Верлокъ ничего не замѣтилъ. Чрезмѣрная усталость настроила его оптимистически, и ея молчаніе показалось ему благопріятнымъ. Онъ прервалъ его тихимъ голосомъ.

— Винни! — подозвалъ онъ жену.

— Иду, — покорно отвѣтила свободная женщина Винни. Теперь она управляла своимъ голосомъ, владѣла каждымъ своимъ движеніемъ, все ясно видѣла и сдѣлалась хитрой. Она преднамѣренно сейчасъ же отозвалась на зовъ мужа, потому что хотѣла, чтобы онъ не мѣнялъ очень удобнаго для ея цѣли положенія на диванѣ. И она своего достигла. Мужъ ея не сдвинулся съ мѣста. Но она не сразу подошла къ нему, а продолжала стоять, небрежно прислонясь къ камину, какъ отдыхающій на пути странникъ. Лицо ея было ясное. Она не видѣла лица и плечъ м-ра Верлока, скрытыхъ отъ нея спинкой дивана. Она

устремивъ глаза на его ноги и продолжала стоять, пока не раздался снова голосъ м-ра Верлока, подзывавшаго ее подѣсть къ нему на край дивана. Въ голосъ его звучала и власть, и призывная нѣжность.

Она послушно направилась къ нему, точно продолжала быть вѣрной женой. Правая рука ея слегка задѣла столъ, и когда она прошла мимо стола, большой ножъ исчезъ съ него. М-ръ Верлокъ успокоился, услышавъ ея шаги, и поджидалъ ее. Онъ лежалъ на спинѣ, поднимая глаза къ потолку, и вскорѣ увидѣлъ на потолкѣ и отчасти на стѣнѣ движущуюся тѣнь руки съ зажатымъ въ ней ножомъ. Тѣнь и движенія ея были достаточно медленны для того, чтобы м-ръ Верлокъ узналъ и руку, и ножъ. Онъ успѣлъ понять, что жена его обезумѣла, и рѣшилъ, что можетъ одолѣть сумасшедшую, вооруженную ножомъ; но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ дѣйствительно двинуть рукой или ногой, ножъ глубоко сидѣлъ въ его груди. Тайный агентъ Верлокъ, слегка повернувшись на бокъ, умеръ, едва успѣвъ пробормотать въ видѣ протеста: „Оставь!“ Ударъ былъ нанесенъ со всей силой сосредоточившихся въ полубезсознательной рукѣ наслѣдственныхъ инстинктовъ мести.

М-съ Верлокъ выпустила ножъ и облегченно вздохнула — въ первый разъ за все время послѣ того, какъ инспекторъ Хитъ показалъ ей оторванный лоскутокъ отъ пальто Стэви. Она прислонилась къ дивану не для того, чтобы взглянуть на трупъ м-ра Верлока, но потому что комната вѣду вокругъ нея кружилась, точно она очутилась на морѣ въ бурю. Она была при этомъ совершенно спокойна, чувствуя полноту свободы, не оставляющую ничего желать, ничего дѣлать. Она не двигалась, не думала.

И въ комнатѣ долго царилъ тишина, пока она вдругъ не услышала странный звукъ явственнаго тиканья. Звукъ этотъ ее удивилъ. Она ясно помнила, что часы на стѣнѣ шли тихо, безъ тиканья, и вывела заключеніе, что звукъ этотъ исходитъ не изъ часовъ. Она опустила глаза на тѣло мужа; онъ лежалъ спокойно, точно спалъ. Лица его она не видѣла. Но глаза ея, слѣдя за направлениемъ звука, вдругъ увидѣли что-то плоское, слегка приподнимающееся надъ краемъ дивана. Это была ручка кухоннаго ножа... Страннаго въ ней было только то, что она высывалась надъ жилетомъ м-ра Верлока и что съ нея что-то медленно капало на полъ, производя звукъ тиканья часовъ. Наконецъ, она поняла: это была кровь.

При такомъ неожиданномъ открытіи, м-съ Верлокъ вся встре-пенулась и, быстро подобравъ юбки, бросилась къ двери. По пути

ей встрѣтился столбъ; она его толкнула съ такою силою, что онъ опрокинулся, и блюдо съ мясомъ полетѣло на полъ.

Потомъ все стихло. Дойдя до двери, м-съ Верлокъ остановилась.

XII.

Винни Верлокъ, вдова м-ра Верлока, сестра разорваннаго на куски Стэви, отбѣжала только до дверей, испугавшись струйки крови, и тамъ остановилась. Она сразу отрезвилась, но вмѣстѣ съ тѣмъ прошло и чувство облегченія и свободы. На нее напалъ страхъ. Она не боялась взглянуть на трупъ м-ра Верлока, такъ какъ вообще не боялась мертвыхъ. Она не питала къ нему теперь уже никакихъ чувствъ. Онъ уже не былъ для нея убійцей бѣднаго Стэви. Онъ былъ ничѣмъ. Но если придутъ за м-ромъ Верлокомъ, то убійцей окажется только она одна... Вотъ что наводило на нее страхъ. Она нанесла ударъ, ни о чемъ не думая, съ единственнымъ желаніемъ дать исходъ накопившейся въ ней мукъ. А теперь она очутилась въ страшномъ положеніи убійцы. Она, избѣгавшая всю жизнь вглядываться въ сущность вещей, теперь вдругъ должна была это сдѣлать — и увидѣла передъ собой въ умѣ не тѣнь, глядящую на нее съ упрекомъ, а нѣчто реальное — висѣлицу. Это было слишкомъ страшно. Отъ этого нужно было во что бы то ни стало спастись. Все, что угодно, только не это. Она сразу рѣшила броситься въ рѣву съ ближайшаго моста, быстро завязала вуаль и очутилась вся въ черномъ съ головы до ногъ, кромѣ нѣсколькихъ цвѣтовъ на шляпѣ. Она направилась съ величайшимъ усиленіемъ къ двери. Прошло всего нѣсколько минутъ съ той минуты, когда она нанесла роковой ударъ, но у нея было чувство протекшей вѣчности. Она съ усиленіемъ отворила дверь; ей страшно было выйти на улицу, такъ какъ улица вела или на висѣлицу, или въ Темзу. На улицѣ было сыро, и ей казалось, что она уже опускается въ воду. Винни вдругъ почувствовала себя совсѣмъ одинокой. Она не забыла о томъ, что у нея была мать, но смерть Стэви точно порвала связь между ними; да и слишкомъ далеко было къ ней. М-съ Верлокъ постаралась забыть про мать. Медленно подвигаясь, обезумѣвъ отъ страха смерти, она схватилась за фонарный столбъ, не будучи въ состояніи дотащиться до моста. Потомъ опять сдѣлала нѣсколько шаговъ и опять чуть не упала, какъ вдругъ почувствовала, что ее поддерживаютъ. Поднявъ голову, она увидѣла вглядывавшагося въ ея лицо товарища Ози-

пона. Она тихо назвала его по имени, и онъ отъ изумленія чуть не далъ ей снова упасть на землю.

— М-ссъ Верлокъ?—воскликнулъ онъ.

У нея былъ видъ пьяной женщины. Но предположить, что она дѣйствительно выпила лишнее, онъ никакъ не могъ. На всякій случай, вѣрный своей манерѣ обращаться съ женщинами, онъ попытался прижать ее къ себѣ, и былъ пораженъ отсутствіемъ сопротивленія съ ея стороны.

— Вы узнали меня?—проговорила она, когда онъ почти-тельно отступилъ, не довѣряя благосклонности судьбы.

— Конечно,—отвѣтилъ Озипонъ.—Я боялся, что вы упадете, и подбѣжалъ, чтобы поддержать. Я бы васъ узналъ вездѣ: слишкомъ много я о васъ думаю.

— Вы шли въ лавку?—нервно спросила м-ссъ Верлокъ, не слушая его.

— Да,—отвѣтилъ Озипонъ.—Какъ только я прочелъ въ газетахъ, я поспѣшилъ къ вамъ.

На самомъ дѣлѣ, товарищъ Озипонъ уже два часа какъ бродилъ вокругъ Брэтъ-Стрита, не рѣшаясь войти въ лавку. Ему очень хотѣлось навѣдаться къ вдовѣ Верлока, котораго онъ, послѣ разговора съ профессоромъ, считалъ жертвой взрыва, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боялся показаться на глаза полиціи, а былъ увѣренъ, что за лавкой Верлока полиція въ настоящее время слѣдитъ.

— Куда вы идете?—спросилъ онъ тихимъ голосомъ.

— Ахъ, не спрашивайте!—крикнула, вздрогнувъ, м-ссъ Верлокъ. Все ея существо возставало противъ смерти.—Не все ли равно, куда я иду?

Озипонъ понялъ, что она очень возбуждена, но совершенно трезва. Она постояла съ минуту, потомъ, къ удивленію Озипона, взяла его подъ-руку. Не зная, какъ быть въ такомъ деликатномъ дѣлѣ, онъ только слегка прижалъ ея руку къ своей. Въ это время онъ почувствовалъ, что она тянетъ его впередъ, и пошелъ, повинувшись ей. Было совершенно темно.

— Чтѣ бы вы сказали, еслибы я вамъ созналась, что шла къ вамъ?—спросила м-ссъ Верлокъ, крѣпко ухватившись за его руку.

— Я бы сказалъ, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка, болѣе готоваго помочь вамъ въ вашемъ горѣ,—отвѣтилъ Озипонъ, чувствуя, что дѣйствуетъ очертя голову.

— Въ моемъ горѣ?—медленно сказала м-ссъ Верлокъ.—Развѣ вы знаете, въ чемъ мое горе?

— Черезъ десять минутъ послѣ того, какъ я прочелъ вечернюю газету,—сталъ съ жаромъ объяснять Озипонъ,—я встрѣтилъ человѣка, котораго вы, можете быть, видѣли разъ или два въ лавкѣ. Послѣ разговора съ нимъ, у меня не было никакихъ сомнѣній. Я сейчасъ же направился сюда,—вѣдь я васъ полюбилъ съ перваго взгляда,—сказалъ онъ, точно былъ не въ силахъ владѣть своими чувствами.

Товарищу Озипону казалось, что всякая женщина хоть отчасти да повѣритъ такому признанію. Онъ только не зналъ, что м-съ Верлокъ приняла его слова съ жадностью, какъ утопающій хватается за возможность спастись. Онъ былъ для нея вѣстникомъ жизни.

— Я это знала,—тихо проговорила м-съ Верлокъ.

— Конечно,—съ жаромъ подхватилъ Озипонъ:—отъ такой женщины, какъ вы, нельзя скрыть столь горячей любви, какъ моя.—Онъ старался, говоря это, отвлечься отъ прозаическихъ размышленій о цѣнности лавки и о томъ, сколько могъ оставить Верлокъ наличнаго состоянія. Онъ старался думать о романтической сторонѣ дѣла. Его смущалъ слишкомъ быстрый успѣхъ, но онъ продолжалъ все-таки свои признанія.

— Я не могъ скрывать своихъ чувствъ,—сказалъ онъ.—Вы всегда были такъ сдержанны...

— Я была честная женщина, — вырвалось вдругъ у м-съ Верлокъ.—Пока онъ не сдѣлалъ меня тѣмъ, чѣмъ я стала.

— Онъ не былъ достоинъ васъ,—продолжалъ Озипонъ.—Вы заслуживали лучшей участи. Но мнѣ казалось, что вы съ нимъ счастливы, и вотъ почему я всегда робѣлъ и не рѣшался вамъ признаться.

— Вы думали, что я его любила?—съ бѣшенствомъ вскринула м-съ Верлокъ.—Я была ему вѣрной женой, но любить я его никогда не любила. Я вышла за него, чтобы обезпечить судьбу матери и брата, особенно брата. Онъ былъ для меня какъ сынъ... Вамъ этого не понять.

Въ памяти ея промелькнулъ образъ молодого сына мясника, съ болью ожившій въ сердцѣ, трепещущемъ отъ страха смерти.

— Былъ юноша, котораго я любила, — продолжала вдова м-ра Верлока.—Но отецъ его выгналъ бы изъ дому, еслибъ онъ женился на дѣвушкѣ, у которой немощная мать и братъ идиотъ. Я его очень любила, но нашла въ себѣ силу закрыть передъ нимъ дверь—и выйти за мужъ за другого. Онъ казался добрымъ. Мы семь лѣтъ прожили вмѣстѣ. Я ему была доброй женой. Онъ любилъ меня. Семь лѣтъ. А вы знаете, кто онъ былъ?—дьяволъ.

— Нѣтъ, я не зналъ,—сказалъ Озипонъ, стараясь представить себѣ, что Верлокъ могъ сдѣлать такого ужаснаго своей женѣ. Но онъ на всякій случай сталъ выражать ей соболѣзнованіе.—Бѣдная моя!—говорилъ онъ, глядя ея руку.—Но теперь его, слава Богу, нѣтъ въ живыхъ,—прибавилъ онъ въ знакъ высшаго утѣшенія.

М-ссъ Верлокъ крѣпко схватила его за руку.

— Вы догадались, что его уже нѣтъ?—пробормотала она обезумѣвшимъ голосомъ.—Вы поняли, какъ я должна была поступить? Должна была.

Въ голосѣ ея звучало торжество. Не вникая въ смыслъ словъ, онъ только старался понять причину ея страннаго возбужденія. Можетъ быть, гринвичскій взрывъ объясняется обстоятельствами семейной жизни Верлока? Можетъ быть, какъ это ни мало вѣроятно, Верлокъ избралъ этотъ родъ самоубійства, и этимъ объясняется вся бессмысленность его поступка. Верлокъ вѣдь долженъ былъ знать, какъ всякій другой революціонеръ, что теперь было самое неподходящее время для анархической манифестаціи. А что, если онъ просто надсмѣялся надъ всей Европой, надъ революціонерами и надъ полиціей и даже надъ столь увѣреннымъ въ себѣ профессоромъ. Озипонъ теперь былъ даже твердо убѣжденъ, что такъ именно дѣло и обстояло. Бѣдный Верлокъ! Озипонъ подумалъ, что дьяволъ въ этой семьѣ, быть можетъ, не мужъ, а жена.

Озипонъ искоса посмотрѣлъ на м-ссъ Верлокъ. Его въ эту минуту интересовало узнать, откуда она обо всемъ знаетъ? По газетамъ неизвѣстно, кто погибъ въ Гринвичскомъ паркѣ, и трудно было, съ другой стороны, представить себѣ, что Верлокъ предупредилъ жену о своемъ намѣреніи.

Они въ это время, послѣ долгаго обхода, снова подходили къ Брэтъ-Стриту съ другой стороны.

— Какъ вы узнали?—спросилъ онъ, и она вся затряслась съ головы до ногъ, прежде чѣмъ отвѣтить ему.

— Отъ полиціи. Пришелъ главный инспекторъ Хитъ. Онъ показалъ мнѣ... его вѣдь лопатой собирали. Подумайте, Томъ,—жалобно говорила она, называя уже Озипона именемъ, которымъ его звали товарищи.—Онъ показалъ мнѣ доскутокъ пальто... „Вы узнаете?“—спросилъ онъ.

— Хитъ?—воскликнула Озипонъ.—Что же онъ сказалъ?

М-ссъ Верлокъ опустила голову.—Ничего,—отвѣтила она.—Полиція на его сторонѣ. Потомъ еще другой приходилъ. Изъ посольства, кажется. Чужой.

— Какое посольство? О какомъ посольствѣ вы говорите?

— Да тамъ, на Чешэмъ-Скверѣ. То, которое онъ все про-
клиналъ. Да я не знаю, не спрашивайте.

— Хорошо, не буду,—нѣжно сказалъ Озипонъ, не потому,
что былъ тронутъ ея жалобной просьбой, а потому, что совер-
шенно запутался въ этомъ таинственномъ дѣлѣ. Полиція, по-
сольство... Главное, что эта женщина ухватилась теперь за
него и не отпустила. Послѣ всего, что онъ слышалъ, ничто
ужъ его не удивляло. И когда м-съ Верлокъ стала доказывать
ему, что необходимо имъ сейчасъ же бѣжать на континентъ,
онъ даже не протестовалъ... Онъ только сказалъ, что нѣтъ
побѣда до утра и, остановившись у фонаря, посмотрѣлъ ей
внимательно въ лицо. Нужно было рѣшить, что эта женщина
знаетъ, какія у нея связи съ полиціей и съ посольствами? Во
всякомъ случаѣ, если она хочетъ бѣжать, то не ему ее остано-
вливать. Онъ самъ радъ бы уѣхать и жить сповойно гдѣ-нибудь
вдали. Но какъ достать деньги?

— Спрячьте меня гдѣ-нибудь до утра! — сказала она съ
отчаяньемъ въ голосѣ.

И когда онъ сталъ объяснять, что не можетъ взять ее къ
себѣ, потому что живетъ съ пріятелемъ въ одной комнатѣ, она
стала продолжать умолять его спасти ее во имя его любви
къ ней.

— Конечно, можно найти, гдѣ укрыться, — сказалъ, нако-
нецъ, Озипонъ.—Но у меня, въ сожалѣнію, нѣтъ денегъ. Мы,
революціонеры, народъ не богатый. Я не знаю, какъ мнѣ
уѣхать завтра.

Она постояла, не выпуская ни звука и совершенно расте-
рявшись. Но вдругъ она схватилась за грудь, точно почувство-
вала тамъ острую боль.

— Есть деньги,—проговорила она.—Денегъ довольно, Томъ.
Только уѣдемъ.

— А сколько у васъ? — спросилъ онъ, будучи человѣкомъ
осторожнымъ.

— Всѣ деньги у меня, говорю я вамъ. Всѣ.

— Какъ всѣ? Всѣ деньги изъ банка? — спросилъ онъ съ
удивленіемъ, но готовый принять отъ судьбы всѣ подарки, ко-
торые она вздумаетъ послать ему еще.

— Ну, да, всѣ,—нервно сказала она.

— Какъ же вы ихъ уже достали?

— Онъ мнѣ ихъ далъ всѣ,—пробормотала она, вдругъ вся за-
дрожавъ. Товарищъ Озипонъ рѣшилъ ничему не удивляться.

— Въ такомъ случаѣ, — медленно произнесъ онъ, — ѣдемъ.

Она бросилась ему на грудь. — Ты спасешь меня, Томъ? — шептала она, крѣпко ухватившись за него. — Спаси, спрячь меня. Не отдавай, не отдавай имъ. Раньше убей меня. Сама я не могу, не могу.

Онъ никакъ не могъ понять ея состоянія.

— Да чего вы боитесь? — спросилъ онъ нѣсколько разсѣяннo, занятый другими мыслями.

— Неужели ты не догадался, что мнѣ пришлось сдѣлать? — вскрикнула несчастная женщина. Она была увѣрена, что все открыла, и почувствовала даже облегченіе отъ исповѣди, понимая по-своему каждую фразу Озипона, говорившаго о другомъ.

— Скорѣе, скорѣе, догадайся самъ! — продолжала она. — Главное — обѣщай убить.

— Все, кромѣ этого...

Онъ сказалъ ей, что нѣтъ надобности ни въ какихъ обѣщаніяхъ съ его стороны, и старался не противорѣчить ей, понимая, что она говоритъ вздоръ. Онъ былъ занятъ другими мыслями. Ее въ пору запереть въ сумасшедшій домъ, — подумалъ онъ, и занялся припоминаніемъ часовъ, когда отходятъ поѣзда. Вдругъ онъ вспомнилъ, что есть ночной пароходъ въ Суутгамптона въ Санъ-Мало въ полночь, и что они могутъ еще попасть на поѣздъ въ половинѣ одиннадцатаго.

— Идемъ на вокзалъ — на станцію Ватерлоо, — сказалъ онъ.

Но вмѣсто того, чтобы направиться къ вокзалу, м-ссъ Верлокъ потянула его обратно на Брэтъ-Стритъ. — Я забыла закрыть дверь, уходя, — прошептала она въ страшномъ волненіи.

Товарищъ Озипонъ пересталъ интересоваться лавкой, и ему казалось совершенно лишнимъ возвращаться туда. Но онъ не хотѣлъ спорить, думая про себя, что, можетъ быть, деньги не при ней, а дома.

Лавка казалась совершенно темной и дверь была раскрыта настежь. Прислонившись у входа, м-ссъ Верлокъ прошептала:

— Никто не приходилъ. Вотъ... вотъ свѣтъ въ столовой. Поди, потуши — или и съ ума сойду.

Онъ не сталъ протестовать противъ такъ странно мотивированнаго желанія.

— А гдѣ деньги? — спросилъ онъ.

— На мнѣ. Иди скорѣе, затуши... Иди же! — крикнула она, схвативъ его за плечи и сильно толкнувъ впередъ. Ози-

шонъ чуть не свалился отъ неожиданности, но пошелъ, внутренно возмущенный ея капризами. Онъ спокойно пошелъ въ комнату за лавкой, чтобы потушить свѣтъ по желанію м-ссы Верлокъ,—и вдругъ увидѣлъ м-ра Верлока, спокойно лежащаго на диванѣ.

Сотрясеніе отъ этой неожиданности было такъ велико, что онъ какъ бы окаменѣлъ на мѣстѣ и не могъ двинуться. Что это—бредъ, кошмаръ, или же его заманили въ ловушку? Верлокъ и его жена хотять его убить? За что? Или все это устроила полиція? Только спустя нѣсколько времени, взглядъ Озипона упалъ на шляпу „спящаго“ мистера Верлока. Шляпа лежала на полу. Слѣдя взглядомъ за шляпой, Озипонъ увидѣлъ отодвинутый столъ, разбитую тарелку и замѣтилъ, что глаза м-ра Верлока не были вполне закрыты, а голова его свѣсилась. Наконецъ, Озипонъ увидѣлъ ручку ножа, сразу понявъ, что тутъ совершенно убійство, и бросился бѣжать. У дверей на него налетѣла м-ссы Верлокъ и шепнула, обезумѣвши, ему на ухо:

— Полицейскій! Онъ видѣлъ меня...

Онъ понялъ, что не можетъ оттолкнуть ухватившуюся за него женщину, и они вдвоемъ прислушивались къ приближающимся шагамъ. Но тревога была ложная. Полицейскій, дѣлавшій обходъ, не замѣтилъ ничего страннаго въ домѣ м-ра Верлока и прошелъ мимо. Они стояли въ лавкѣ вдвоемъ, не двигаясь съ мѣста. Затѣмъ Озипонъ прислонился къ прилавку. Ему было очень нехорошо. М-ссы Верлокъ снова стала умолять его, чтобы онъ пошелъ загасить свѣтъ, но онъ отказывался войти еще разъ въ комнату, гдѣ лежалъ мертвый.

— Такъ закрой газометръ тамъ въ углу.—На это Озипонъ отважился, и черезъ минуту въ комнатѣ, гдѣ лежалъ м-ръ Верлокъ, сдѣлалось темно.

Озипонъ обратился къ м-ссы Верлокъ, которая стояла посреди лавки и повторяла, дрожа съ головы до ногъ:

— Только чтобъ меня не повѣсили... Я не хочу, не хочу...

— Тише!—остановилъ ее Озипонъ.—Неужели ты это сдѣлала сама?—проговорилъ онъ, придавъ своему голосу твердость, которая успокоительно подѣйствовала на м-ссы Верлокъ.

— Да, —прошептала она, вѣря въ эту минуту, что онъ ее защититъ.—Спаси меня отъ висѣлицы, Томъ, уведи меня отсюда. Я буду твоей рабой. Я буду любить тебя, работать на тебя. У меня нѣтъ никого на свѣтѣ, кромѣ тебя. — Думая только объ

одномъ — о тоненькой струйкѣ крови, стекающей съ рукоятки ножа,—она готова была на все.—Я не буду требовать, чтобы ты вѣнчался со мной!—крикнула она, забывъ свое прошлое честной женщины, воспитанной въ строгихъ правилахъ. Она подо двинулась къ нему на шагъ, и ему сдѣлалось страшно. Онъ бы не удивился, еслибъ у нея въ рукахъ очутился ножъ, предназначенный для него, и навѣрное даже не испугался бы. Онъ не чувствовалъ въ себѣ никакой силы воздѣйствовать на нее, и могъ только спросить глухимъ голосомъ:

— Онъ спалъ, когда...

— Нѣтъ,—крикнула она.—Онъ доказывалъ мнѣ, что все ему сойдетъ съ рукъ. Это онъ доказывалъ мнѣ, послѣ того, какъ увелъ мальчика, чтобы его убить. Моего мальчика! Я хотѣла бѣжать, куда глаза глядятъ, чтобы не видать его. А онъ подозвалъ меня къ себѣ, чтобы приласкать... послѣ того, какъ онъ сказалъ, что я помогала ему убить мальчика. Слышишь, Томъ? Онъ подозвалъ меня, вынулъ изъ меня сердце, чтобы бросить его въ грязь. Кровь и грязь... какъ съ моимъ мальчикомъ...

Озипонъ вдругъ понялъ. Такъ, значитъ, въ паркѣ погибъ не Верлокъ, а полоумный мальчикъ?

— Подозвалъ меня къ себѣ...—опять раздался голосъ м-ссъ Верлокъ.—Подумай, меня! И я подошла—съ ножомъ.

Озипонъ глядѣлъ на нее съ ужасомъ. Эта сестра полоумнаго мальчика сама казалась ему безумной, способной на все.

— Помоги, Томъ, помоги! Спаси отъ висѣлицы!—кричала она. Онъ хотѣлъ оттолкнуть ее, но повалилъ на земь, и она потянула его за собой.—Не оставляй меня, не оставляй!—продолжала она кричать, обвивъ его руками. Онъ чувствовалъ невозможность отдѣлаться отъ нея и убѣжать. Она бы побѣжала за нимъ и своими криками привлекла бы полицію. А потомъ она, быть можетъ, свалила бы всю вину на него. Ему сдѣлалось еще болѣе страшно. Онъ чувствовалъ себя навѣки связаннымъ съ нею. Имъ придется скрываться гдѣ-нибудь въ глухомъ мѣстѣ въ Испаніи или Италіи, и потомъ его найдутъ когда-нибудь зарѣзаннымъ, какъ м-ра Верлока. Вдругъ на него нашло вдохновеніе. Онъ заговорилъ спокойнымъ голосомъ. У него былъ готовъ планъ въ головѣ.

— Скорѣе,—сказалъ онъ,—намъ пора къ поѣзду.

— Куда же мы поѣдемъ, Томъ?—робко спросила она. М-ссъ Верлокъ перестала быть свободной женщиной.

— Дай пока добраться до Парижа, а тамъ увидимъ. Пойди

«сначала, посмотри, свободна ли улица. — Она послушалась, вышла за дверь и, вернувшись, прошептала:

— Можно идти.

Они вышли, и въ послѣдній разъ зазвенѣлъ дребезжащій дверной колокольчикъ, какъ бы тщетно стараясь увѣдомить появшагося м-ра Верлока объ окончательномъ отъѣздѣ жены въ сопровожденіи его друга.

Они скоро достали кэбъ, и по дорогѣ на вокзалъ Овинтонъ, сидѣвшій еще со страшно-блѣднымъ лицомъ, сталъ давать точныя указанія своей спутницѣ. Онъ уже успѣлъ обдумать всѣ подробности своего плана.

— Когда мы приѣдемъ, — сказалъ онъ страннымъ, однообразнымъ голосомъ, — ты выйди первая, не оглядываясь. Мы будемъ какъ чужіе, на случай, если кто-нибудь слѣдитъ. Я суну тебѣ билетъ въ руку. Потомъ пройди въ дамскую комнату и выйди на платформу только за десять минутъ до отхода поѣзда. Я буду на платформѣ. Войди въ вагонъ, не оглядываясь на меня. Тебя одну не замѣтятъ, а меня знаютъ, и, увидавъ тебя со мной, поймутъ, что мы бѣжали. Поняла?

М-съ Верлокъ кивнула головой, думая о чемъ-то другомъ, страшномъ.

— Дай мнѣ деньги, — прибавилъ онъ, помолчавъ.

Она быстрымъ движеніемъ раскрыла кофасъ и передала ему маленькій бумажникъ. Онъ взялъ его и, безъ словъ засунувъ въ карманъ. Только черезъ нѣсколько времени онъ снова заговорилъ и сталъ спрашивать ее.

— Послушай. Ты не знаешь, держалъ ли онъ деньги въ банкѣ на свое или на какое-нибудь другое имя? Это очень важно знать. Въ банкѣ записаны нумера билетовъ. Если деньги были выплачены ему подъ его собственнымъ именемъ, то когда узнаютъ о его смерти, насъ по этимъ деньгамъ прослѣдятъ. Другихъ денегъ у тебя нѣтъ?

— Ничакихъ, — сказала она.

— Значитъ, нужно было бы принять особія мѣры. Намъ пришлось бы потерять почти половину при промѣнѣ на другія деньги. Но если деньги лежали на другое имя, — скажемъ, Смита, — то деньгами можно пользоваться. Понимаешь? Банкъ не можетъ знать, что Смитъ и Верлокъ — одно и то же лицо. Ты понимаешь теперь, какъ это важно? Такъ скажи, знаешь ли ты что-нибудь относительно этого.

— Знаю, — сказала она сосредоточенно и спокойно. — Онъ мнѣ говорилъ, что деньги лежатъ на имя мистера Позера.

— Ты въ этомъ увѣрена?

— Вполнѣ.

— Ну, тогда отлично... Мы пріѣхали. Выходи. Постарайся держаться спокойно.

Она вышла, а онъ медленно расплатился за проѣздъ изъ своего кошелька. Планъ его, повидямому, удавался. Когда м-съ Верлокъ, съ билетомъ перваго класса въ Сентъ-Мало, вошла въ дамскую комнату, товарищъ Озипонъ вошелъ въ буфетъ и въ нѣсколько минутъ выпилъ три стакана коньяку съ кнпяткомъ, „чтобы вылечить простуду“, какъ онъ объяснилъ продавщицѣ, стараясь скорчить улыбку. Онъ поднялъ глаза на часы. Теперь какъ разъ время. Онъ остановился.

М-съ Верлокъ вышла на платформу со спущенной вуалью, вся въ черномъ, и пошла вдоль вагоновъ. Озипонъ сзади коснулся ея плеча.

— Сюда.

Она вошла въ вагонъ, а онъ остано́вился на платформѣ, оглядываясь вокругъ себя. Увидавъ кондуктора, онъ подошелъ къ нему, что-то сказалъ, и тотъ отвѣтилъ: „Хорошо, сэръ“, приложивъ руку къ козырьку. Вернувшись къ м-съ Верлокъ, Озипонъ сказалъ: — Я сказалъ ему, чтобы никого не впускать въ наше купе.

Она сидѣла, слегка наклонившись впередъ. — Ты обо всемъ думаешь, — сказала она. — Ты спасешь меня, Томъ? — спросила она съ безумной тревогой, поднимъ вуаль, чтобы взглянуть на своего спасителя. На прозрачно-бѣломъ лицѣ большіе сухіе, потухшіе глаза казались двумя черными провалами.

— Опасности больше нѣтъ, — сказалъ онъ, пристально глядя на нее, и м-съ Верлокъ, убѣгавшей отъ висѣлицы, казалось, что взглядъ этотъ полонъ нѣжности. Она была такъ тронута, что лицо ея уже не выражало такого ужаса. Но товарищъ Озипонъ глядѣлъ на нее не глазами влюбленнаго, а глазами чело́вѣка, который вѣрилъ въ науку больше, чѣмъ въ правила этики. Онъ вспоминалъ ея брата — полуидіота съ явными признаками вырожденія. Вывая мысленно къ Ломброзо, какъ итальянскій крестьянинъ зываетъ къ своему любимому святому, онъ рассматривалъ теперь щеки, глаза, уши м-съ Верлокъ. Никакого сомнѣнія... Преступный типъ. Среди этихъ научныхъ наблюденій онъ совершенно не думалъ о душѣ и ея правахъ.

— Очень любопытный былъ твой братъ, — сказалъ онъ. — Ясно выраженный типъ.

Онъ говорилъ научно, а она понимала его слова какъ теп-

люю память о братѣ и благодарила его за прежнее доброе отношеніе къ мальчику.

— Какое между вами двумя огромное сходство!—продолжалъ Озипонъ, едва скрывая свой ужасъ, вызванный именно этимъ сходствомъ.

Съ легкимъ крикомъ, м-съ Верлокъ, наконецъ, разрыдалась и долго плакала, чувствуя облегченіе отъ слезъ. Она теперь свободно, съ сознаниемъ минувшей опасности, обвиняла себя въ трусости, въ томъ, что не сумѣла покончить съ собой.

— Я теперь буду жить для тебя, Томъ,—говорила она. Поѣздъ тронулся.

— Пройди на другую сторону купе и не выглядывай на платформу,—сказалъ заботливымъ тономъ Озипонъ. Онъ посадилъ ее, чувствуя, что приближается вторичный приступъ рыданій. Раздался свистокъ. Озипонъ инстинктивнымъ движеніемъ сжалъ губы съ рѣшительнымъ видомъ. Когда поѣздъ медленно тронулся, м-съ Верлокъ ничего не видѣла и не слышала. Спаситель ея Озипонъ постоялъ съ минуту, слушая ея громкія рыданія, потомъ медленно прошелъ въ другой конецъ вагона и, открьвъ дверь, высочилъ изъ поѣзда.

Онъ вышелъ въ самомъ концѣ платформы. Но рѣшимость его выполнить задуманный планъ была такъ велика, что онъ какимъ-то чудомъ успѣлъ даже захлопнуть дверь за собой. Потомъ только онъ скатился вубаремъ. Когда онъ поднялся съ земли, то былъ страшно блѣденъ, разбитъ и едва могъ перевести дыханіе. Но онъ все же оставался спокоенъ и сохранилъ достаточное присутствіе духа, чтобы дать нужныя объясненія собравшимся вокругъ служащимъ.

Онъ сказалъ, что жена его поѣхала въ Бретань къ умирающей матери, въ страшно разстроенномъ состояніи, и что, стараясь утѣшить ее, онъ не замѣтилъ, какъ тронулся поѣздъ. Въ отвѣтъ на общій вопросъ, почему онъ лучше не доѣхалъ до Соутгамптона, чѣмъ рисковать жизнью, онъ отвѣтилъ, что дома осталась съ дѣтми молоденькая невѣстка, которая была бы внѣ себя отъ ужаса; онъ сказалъ также, что высочилъ необдуманно, и, что, конечно, во второй разъ такой глупости не сдѣлалъ бы. Выйдя изъ вокзала, онъ не взялъ, однако, ваба, несмотря на то, что былъ богаче, чѣмъ когда-либо въ жизни.

— Я лучше пройдуся,—сказалъ онъ съ улыбкой предлагавшему свои услуги кэбмену.

Онъ долго, долго шелъ по улицамъ, северамъ, площадямъ и, наконецъ, дошелъ до маленькаго мрачнаго съ виду дома, пе-

редъ которымъ разстился маленькій палисадникъ. Вынувъ изъ кармана ключъ, онъ открылъ дверь и вошелъ.

Онъ бросился, не раздвываясь, на кровать и пролежалъ съ четверть часа. Потомъ онъ вдругъ сѣлъ на кровать и, поднявъ колѣни, обхватилъ ихъ руками. Въ такомъ видѣ онъ сидѣлъ до разсвѣта. Такъ же, какъ онъ умѣлъ блуждать часами, не выказывая усталости, такъ онъ умѣлъ и сидѣть часами, не двигаясь. Когда въ комнатѣ стало совсѣмъ свѣтло, онъ откинулъ голову на подушку. Глаза его обратились къ потолку, потомъ вдругъ закрылись. Товарищъ Озипонъ заснулъ при яркомъ солнечномъ свѣтѣ.

ХІІІ.

Въ большой, чистой, но убогой съ виду комнатѣ, гдѣ единственнымъ предметомъ былъ большой шкафъ, съ огромнымъ замкомъ—шкафъ, купленный профессоромъ по случаю за гроши,—сидѣлъ у деревяннаго стола подлѣ окна товарищъ Озипонъ, обхвативъ голову руками. Профессоръ, въ грязномъ, изношенномъ пиджакѣ и въ потоптанныхъ туфляхъ, шагаль по комнатѣ, засунувъ руки въ карманы, и рассказывалъ о своемъ посѣщеніи Михаэлиса.

— Онъ, конечно, и понятія не имѣлъ о смерти Верлока. Онъ вѣдь никогда не читаетъ газетъ. Я вошелъ къ нему. Въ домѣ ни души. А онъ одинъ сидитъ и пишетъ, окруженный кипой бумагъ. На столѣ стоялъ остатокъ завтрака — нѣсколько сырыхъ морковокъ и немного молока. Онъ только этимъ и питается. И при этомъ—ангельскія чувства. Убогость мысли поразительная. Не умѣетъ логически разсуждать. Біографію свою онъ раздѣлилъ на три части, подъ заголовками: вѣра, надежда, жалость. И теперь онъ разрабатываетъ идею міра, устроеннаго какъ большой красивый госпиталь, съ садами и цвѣтами, въ которомъ здоровые и сильные будутъ ухаживать за слабыми. Подумайте, какое безуміе. Слабые — источникъ зла; ихъ нужно истреблять—вотъ единственный путь прогресса. Прежде всего, нужно уничтожить всю толпу слабыхъ, а потомъ недостаточно сильныхъ. Поняли? Сначала слѣпыхъ, глухихъ и нѣмыхъ, потомъ хромыхъ и такъ дальше. Всѣ слабости, всѣ пороки должны исчезнуть.

— Что же останется?—спросилъ Озипонъ сдавленнымъ голосомъ.

— Я останусь, я достаточно силенъ, — сказалъ маленькій

профессоръ, и его большія торчащія тонкія уши вдругъ побагровѣли.

— Мало ли я страдаю отъ слабыхъ?—проговорилъ онъ.— И все-таки я сила,—продолжалъ онъ.— Дайте мнѣ только время проявить себя.

— Пойдемте выпить пива со мною къ Силенусу,—предложилъ Озипонъ, и профессоръ согласился. Надѣвая сапоги и готовясь къ уходу, профессоръ сталъ спрашивать Озипона, почему онъ сдѣлался такимъ мрачнымъ?

— Чтò съ вами?—спросилъ онъ.— Вы ужь даже приходите развлечься ко мнѣ. Говорятъ, что васъ часто видятъ въ кабакахъ. Чтò же это? Отказались отъ женщинъ? Или, можетъ быть, какая-нибудь изъ вашихъ жертвъ убила себя? Или, быть можетъ, вамъ мало вашихъ успѣховъ? Только кровь прикладываетъ печать къ величію и побѣдѣ. Это показываетъ исторія.

— Оставьте глупости,—сказалъ Озипонъ, не поворачиваясь къ нему.

— Почему? Ну, да васъ-то, Озипонъ, я презираю: вы бы мухи не убили.

Они сѣли на имперіаль омнибуса и поѣхали по длиннымъ улицамъ, глядя на толпы людей у своихъ ногъ.

— Конечно, нелѣпо превращать міръ въ госпиталь,—сказалъ Озипонъ,—какъ мечтаетъ Михаэлисъ. Но въ будущемъ все-таки править міромъ будутъ доктора. Люди хотятъ одного: жить. Вотъ вы все требуете, чтобы вамъ дать время примирить себя. А еще считаете себя сильнымъ, потому что имѣете въ карманѣ средства отправить и себя, и еще двадцать людей въ вѣчность. Но вѣчность—бездна. А вамъ нужно время. А если вы встрѣтите человѣка, который сможетъ дать вамъ навѣрное еще десять лѣтъ жизни, вы охотно признаете его власть.

— Я ничьей власти не признаю,—сказалъ профессоръ въ то время, какъ они спускались съ омнибуса.

— Подождите, пока будете лежать, не будучи въ силахъ двигаться. Посмотрите, чтò тогда заговорите.

Они сѣли за маленькій столикъ у Силенуса и продолжали начатый разговоръ.

— Смѣшное у васъ представленіе о человѣчествѣ,—сказалъ профессоръ.— Точно оно постоянно показываетъ языкъ и глотаетъ пилюли по предписанію нѣсколькихъ путешниковъ съ серьезными лицами. Не стоитъ пророчествовать такой вздоръ.

Онъ отпилъ пива и сталъ думать о томъ, какъ трудно дѣйствительно истребить несчетное количество людей, живущихъ на

свѣтъ. Шумъ разрывающихся бомбъ проходитъ незамѣченнымъ среди идущей своимъ чередомъ жизни.

Озипонъ вынулъ изъ кармана смятую газету. Профессоръ поднялъ голову.

— Что это за газета? Что въ ней есть?

Озипонъ имѣлъ видъ внезапно пробужденнаго лунатика.

— Ничего, совсѣмъ ничего. Газетѣ уже десять дней. Я, вѣрно, забылъ ее въ карманѣ.

Но онъ не бросилъ старую газету. Прежде чѣмъ положить ее обратно въ карманъ, онъ быстро пробѣжалъ послѣднія строчки какого-то сообщенія. Въ нихъ сообщалось именно слѣдующее: „Непроницаемая тайна навсегда, повидимому, окутала этотъ странный актъ безумія или отчаянія“. А заголовокъ сообщенія былъ такой: „Самоубійство путешественницы при переправѣ черезъ каналъ“.

Товарищъ Озипонъ глубоко задумался надъ словами „непроницаемая тайна“. Для человѣчества это останется тайной, но для него тайна эта была совершенно ясной. Онъ отлично зналъ всѣ обстоятельства, зналъ, что пароходный служащій замѣтилъ около полуночи даму всю въ черномъ, стоящую у пристани передъ отплытiемъ; она стояла въ нерѣшительности; онъ спросилъ, ѣдетъ ли она съ этимъ пароходомъ, и провелъ ее на пароходъ, вида, что она совершенно не знаетъ сама, что ей дѣлать. Затѣмъ, служительница при дамской каютѣ, вида, что она безпомощно стоитъ посреди каюты, уговорила ее прилечь. Дама въ черномъ не произносила ни слова. Видно было, что она удручена страшнымъ горемъ. Потомъ ее замѣтили въ креслѣ на палубѣ, сидѣвшую съ широко раскрытыми глазами, и видъ у нея былъ такой, что служащiе на пароходѣ стали за нею наблюдать и рѣшили, по приѣздѣ въ Сень-Мало, обратиться къ консулу и вызвать ее родныхъ изъ Англiи. Затѣмъ пошли отдать приказанiе, чтобы снести ее съ палубы внизъ, потому что лицо у нея было какъ у умирающей. Но товарищъ Озипонъ зналъ, что за этой маской отчаянiя скрывалась отстававшая себя страстная жажда жизни. Это зналъ онъ, но не пароходные служители. Когда они вернулись черезъ пять минутъ за странной дамой, ее уже не было: она исчезла. Черезъ часъ спустя, на мѣстѣ, гдѣ она сидѣла, найдено было обручальное кольцо съ выгравированной датой. „Непроницаемая тайна окутала навсегда“... Товарищъ Озипонъ поднялъ свою красивую голову. Профессоръ поднялся, собираясь уходить, но Озипонъ его остановилъ.

— Подождите, — сказалъ онъ. — Скажите, что вы знаете о безуміи и отчаяніи?

Профессоръ провелъ кончикомъ языка по сухимъ тонкимъ губамъ и сказалъ поучительнымъ тономъ:

— Въ наше время такихъ чувствъ не бываетъ. Безуміе и отчаяніе—сила. А люди стали теперь мелкими, слабыми и неспособны на сильную страсть. Сила—преступленіе въ глазахъ слабыхъ людей, управляющихъ міромъ. Вы всѣ—мелкіе. Вы сами—мелкій человѣкъ. И Верлокъ, дѣломъ котораго полиція не счѣла воспользоваться, тоже мелкій. Безуміе и отчаяніе! Дайте мнѣ эти два рычага, Озипонъ, и я сдвину съ мѣста міръ. Но вы всѣ неспособны на то, что жирный буржуа называетъ преступленіемъ. Силы нѣтъ у васъ.

Онъ остановился и прибавилъ съ иронической улыбкой:

— И я долженъ вамъ сказать, что маленькое наслѣдство, которое вы, говорятъ, получили, не сдѣлало васъ умнѣе. Вотъ вы сидите за пивомъ, какъ автоматъ. Прощайте.

— Хотите, чтобы я отдалъ вамъ все наслѣдство? — спросилъ вдругъ Озипонъ, взглянувъ на своего собесѣдника съ бессмысленной улыбкой.

Неподкупный профессоръ только улыбнулся. На немъ было отрепанное платье, стоптанные сапоги, пропуславшіе воду. Онъ сказалъ:

— Я вамъ пришлю завтра маленькій счетъ за очень нужные мнѣ завтра химическіе составы. Заплатите за нихъ, пожалуйста.

Озипонъ медленно опустилъ голову. Онъ былъ одинъ. Въ умѣ его вертѣлась одна фраза: „безуміе или отчаяніе?“

Механическій рояль проигралъ какой-то задорный вальсъ и потомъ смолкъ.

Товарищъ Озипонъ, по прозвищу „докторъ“, вышелъ изъ пивной. Газета съ извѣстіемъ о самоубійствѣ дамы на пароходѣ лежала у него въ карманѣ.

Онъ шелъ по улицѣ, не глядя, куда, и хотя у него назначено было свиданіе съ какой-то женщиной, но онъ пошелъ какъ-разъ въ противоположномъ направленіи. Ему было противно думать о какой бы то ни было женщинѣ. Все ему опротивѣло,— работа, ѣда, развлечения. Онъ пересталъ спать и могъ только пить. Но пилъ онъ теперь съ какой-то надеждой на близость конца... „безуміе или отчаяніе?“ — неотступно мелькало у него въ мозгу. Онъ шелъ могучій, здоровый, владѣющій состояніемъ, унаслѣдованнымъ отъ тайнаго агента Верлока,—и ничто его не

спасало. Въ умѣ неотступно носилась одна единственная фраза: „отчаяніе или безуміе“...

А неподкупный профессор шелъ своимъ путемъ, не глядя на ненавистную ему толпу людей. У него не было ничего впереди. Онъ все презиралъ. Онъ былъ только силой. Силой разрушенія. Онъ шелъ слабый, невзрачный, въ жалкомъ, потертомъ платьѣ, и страшный по простотѣ своихъ мыслей, призывающихъ отчаяніе и безуміе, какъ силы, которыя должны возродить міръ. Никто на него не смотрѣлъ. Онъ проходилъ, невѣдомый и смертоносный, какъ чума, по улицѣ, заселенной людьми.

Съ англ. З. В.

ПО ПЕЧЕНИЕ

О

НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ

Долгое время наше общество относилось къ такъ называемому „питейному вопросу“ весьма равнодушно. Оно оставалось постороннимъ, за малыми исключениями, зрителемъ смѣны картинъ и настроеній въ этомъ вопросѣ. Предъ его глазами прошли откупщикъ, провинціальныи питейный меценатъ, финансовый другъ отечества, безнаказанный фальсификаторъ народной отравы и легализированныи насильникъ во имя своихъ правъ на это;—прошелъ корректный и безупречный чиновникъ акцизнаго вѣдомства. На его глазахъ—„дешевка“ замѣнила приправленную дурманомъ „сивуху“, а затѣмъ, когда продавцемъ водки сдѣлалась казна, открылись „винныя лавки“ съ ихъ атрибутами—чистотой, порядкомъ и внутреннимъ благочиніемъ.

Пьянствующій русскій человекъ—по большей части кажущійся безобиднымъ—и сознающій, въ трезвомъ состояніи, что „ослабѣвать“ грѣшно и стыдно—долгое время былъ созерцаемъ преимущественно со стороны анекдотической, безъ углубленія въ причины и послѣдствія его печальной привычки.

Но въ послѣдніе годы, когда пробудилось общественное сознание и стало съ чувствомъ тревожной критики относиться ко многимъ условіямъ и явленіямъ вседневной русской жизни,—благодарный взглядъ на *пьянство* смѣнился животрепещущимъ вопросомъ о *пьянствѣ* и о его побѣдномъ, завоевательномъ шествіи среди русской дѣйствительности.

Въ нашихъ представительныхъ учрежденіяхъ и въ печати раздались предостерегающіе голоса и энергической критикѣ подверг-

нуты въ своихъ основахъ и проявленіяхъ—и казенная продажа питей, и связанная съ нею закономъ дѣятельность *попечительствъ о народной трезвости*. При этомъ неотвратимо возникаютъ вопросы о самой возможности борьбы съ пьянствомъ при преобладаніи въ бюджетѣ нашемъ питейнаго дохода, о задачахъ этой борьбы и о томъ, пригодны ли для нихъ осуществленія тѣ организаціи, которыя созданы на ряду съ казенной продажей питей...

Народное пьянство въ Россіи представляетъ истинное общественное бѣдствіе, которое наравнѣ съ широко и глубоко вѣдряющимся сифилисомъ — *rag noble fratrum* — составляетъ все болѣе и болѣе нарастающую опасность вырожденія народа въ духовномъ и физическомъ отношеніи, могущую оказать роковое и гибельное вліяніе на исторію родины и на стойкость русскаго племени въ охранѣ своей самостоятельности при столкновеніи съ болѣе здоровыми и трезвыми племенами. Указаніе на сравнительно малое *душевое потребленіе* спирта въ Россіи не представляетъ ничего успокоительнаго, ибо важно не *количество* выпиваемаго въ годъ спирта, а *способъ* его употребленія, нравственно и физически разрушительный, легко и незамѣтно приводящій къ пагубной привычкѣ, для которой создается благоприятная почва и противъ которой не принимается рѣшительныхъ мѣръ борьбы. Среднее душевое потребленіе водки въ 40° въ Россіи составляетъ 0,61 ведра въ годъ на человѣка, и въ ряду четырнадцати государствъ, гдѣ наиболѣе распространено употребленіе водки, Россія стоитъ на девятомъ мѣстѣ, при чемъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Данія, гдѣ приходится 1,72 ведра на человѣка. Но и Франція тоже стоитъ лишь на шестомъ мѣстѣ (0,82 ведра на человѣка), а между тѣмъ въ ней развитіе спиртнаго пьянства приводитъ къ ужасающимъ выводамъ. Достаточно указать, что въ ней расходовалось въ 1873 году 7.000 гектолитровъ абсенту, а въ 1907 году—уже 340.000 гект., и что въ ея *maisons de santé* въ 1903 г. на 10.000 сумасшедшихъ приходилось болѣе 4.000 алкоголиковъ, при чемъ съ 1897 г. число сумасшедшихъ алкоголиковъ увеличилось на 57%. Эти цифры имѣютъ грозное предостерегающее значеніе и для насъ. Положеніе вещей, при которомъ съ 1896 года по 1906 г. населеніе Русской Имперіи увеличилось на 20%, а питейный доходъ возросъ на 133%, при чемъ въ настоящее время народъ пропиваетъ ежедневно почти 2.000.000 рублей, — не можетъ быть признано нормальнымъ. Необходимо принять во вниманіе, что уже въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Европейской Россіи *ежегодно*—въ среднемъ—сгорало и умирало отъ ожоговъ около 1.000 человѣкъ,

лишало себя жизни и отравлялось по неосторожности свыше 3.200 человекъ, тонуло со смертельнымъ исходомъ около 7.300 и *отравалось смертельно* свыше 5.000 человекъ, при чемъ въ числѣ погибшихъ по первымъ тремъ категориямъ было, безъ сомнѣнія, значительное число лицъ, находившихся въ состояніи опьяненія или доведенныхъ до самоубійства злоупотребленіемъ спиртными напитками. — Въ это же десятилѣтіе среднее число преступленій и проступковъ, совершенныхъ въ нетрезвомъ видѣ, составляло 42⁰/₀ общаго числа, а 93⁰/₀ воинскихъ проступковъ были результатомъ чрезмѣрной „выпивки“, и — наконецъ — вскрытіе мертвыхъ тѣлъ лицъ, скоропостижно умершихъ, давало 57⁰/₀ умершихъ отъ пьянства и его послѣдствій. Въ одномъ апрѣлѣ мѣсяцъ настоящаго года въ Петербургѣ 55 мужчинъ прибѣгло къ самоубійству, и изъ нихъ 18 — подъ вліяніемъ пьянства. Нужно ли поэтому говорить о разрушительномъ вліяніи пьянства на семью, на личную и общественную нравственность? Нужно ли указывать на постоянно растущее число погибающихъ людей и утрачиваемыхъ ими трудовыхъ дней и средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія насущныхъ потребностей *человѣческой* жизни, а не животнаго прозябанія? Ужели съ причиною всего этого не слѣдуетъ бороться и этимъ оправдывать слова митрополита Филарета: „глубоко несчастливо то время, когда о злоупотребленіяхъ *говорятъ* всѣ, а *побѣдить* ихъ никто не хочетъ“?

Поэтому борьба съ пьянствомъ не только необходима, но настоятельно неотложна. Эта борьба можетъ быть понимаема съ двухъ точекъ зрѣнія: въ смыслѣ специальной дѣятельности, направленной на огражденіе народа отъ постигающаго его бытового бѣдствія, и въ смыслѣ побѣды надъ пьянствомъ, т.-е. доведенія потребленія вина до того размѣра, который не является злоупотребленіемъ и съ которымъ не приходится бороться закону, не долженствующему вторгаться въ область домашняго обихода.

Какъ *дѣятельность* въ первомъ смыслѣ, борьба желательна при всякомъ положеніи вещей и совершенно независимо отъ какихъ-либо финансовыхъ соображеній. *Salus populi suprema lex!* Къ ней слѣдуетъ привлечь возможно большее количество силъ, у которыхъ должны быть широко развязаны руки для изысканія средствъ, способовъ и областей для этой борьбы. Для послѣдней должны быть призваны и мобилизованы просвѣтительныя, медицинскія, административныя и въ нѣкоторыхъ случаяхъ судебныя учрежденія, не говоря уже объ общественныхъ управленіяхъ и союзахъ, а также о церкви. Наконецъ, за возможностью такъ

или иначе вызвать въ жизни или создать проявленія этой дѣятельности слѣдуетъ чутко, зорко и творчески слѣдить органамъ законодательства.

Какъ *побѣда* надъ пьянствомъ, хотя бы и отдаленная, — такая борьба мыслима, конечно, лишь тогда, когда государство откажется отъ преобладающаго значенія въ своемъ бюджетѣ питейнаго дохода. Отказъ отъ *преобладанія* не есть еще отказъ отъ дохода вообще. Даже при *ютенборгской системѣ* продажа питей даетъ доходъ, но только назначеніе его иное. Въ виду того, что питейный доходъ занимаетъ въ нашемъ бюджетѣ первенствующее мѣсто, сразу отъ него отказаться нельзя, но все-мѣрное, постепенное его сокращеніе должно составить нравственную обязанность правительства и быть осознательнымъ проявленіемъ его святого долга предъ страной. Если при настоящемъ состояніи нашего финансоваго хозяйства неизбѣжно обращеніе государствомъ питейнаго дохода на *свои* потребности, то пусть во всякомъ случаѣ оно предварительно безповоротно исключить изъ условій мѣста и времени торговли спиртными напитками все то, что придаетъ этой торговлѣ пагубный характеръ. Пусть будутъ сокращены часы и дни продажи, пусть эта продажа бездѣйствуетъ во время народныхъ бѣдствій, волостныхъ сходовъ, общественныхъ публичныхъ собраній, засѣданій мѣстнаго суда и т. п. Съ каждымъ шагомъ въ этомъ направленіи будетъ усиливаться цѣлесообразность и плано-мѣрность борьбы съ пьянствомъ. Тогда мало-по-малу падутъ и избитыя ссылки на то, что „Руси“ нѣтъ другого „веселія“, какъ „питей“, и кощунственныя указанія на Тайную вечерю, гдѣ будто бы самъ Спаситель міра установилъ „приведеніе себя въ счастливое расположеніе духа—виномъ“, — а болѣе чѣмъ спорное заявленіе, авторитетно сдѣланное въ Государственной Думѣ о томъ, что водка составляетъ предметъ *первой необходимости* для народа, получить согласный съ житейской правдой смыслъ, и водка изъ предмета *первой* необходимости обратится не въ предметъ *конечной* гибели народа, а въ предметъ умѣренного потребленія.

Потому надо признать, что борьба съ пьянствомъ у насъ возможна и при томъ цѣлесообразная, но успѣшность ея зависитъ отъ внесенія государствомъ въ осуществленіе питейнаго дохода не однихъ фискальныхъ (дѣлающихъ борьбу совершенно неравной), но и этико-политическихъ соображеній.

Въ цѣляхъ этой борьбы на *попечительствѣ о народной трезвости* въ 1894 г. былъ возложенъ рядъ специальныхъ задачъ. По четвертой статьѣ Устава попечительствъ имъ предоставлено:

I) имѣть, въ интересахъ народнаго здравія и нравственности, надзоръ за тѣмъ, чтобы торговля вѣрными напитками производилась согласно установленнымъ для сего правиламъ;

II) распространять среди населенія здравыя понятія о вредѣ неумѣреннаго употребленія вѣрныхъ напитковъ, а также изыскивать средства для предоставленія ему возможности проводить свободное время въ питейныхъ заведеніяхъ, и съ этою цѣлью устраивать народныя чтенія и собесѣдованія, составлять и распространять изданія, разъясняющія вредъ злоупотребленія вѣрными напитками, открывать чайныя, народныя читальни и т. п.;

III) имѣть попеченіе объ открытіи и содержаніи лечебныхъ пріютовъ для страдающихъ запоемъ, и —

IV) оказывать содѣйствіе учрежденіямъ и частнымъ обществамъ, дѣятельность которыхъ направлена къ достиженію тѣхъ же цѣлей, съ коими учреждаются попечительства.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что полезность осуществленія такихъ задачъ для цѣлесообразной борьбы съ пьянствомъ не можетъ быть оспариваема. Но между теоретическимъ положеніемъ и практическимъ осуществленіемъ — большая разница. Въ самомъ выраженіи закона — „предоставляется“ — содержится уже большая неопредѣленность для пониманія важности этихъ задачъ, а слово „трезвость“, обнимая собою и полное воздержаніе отъ вина, и умѣренное его употребленіе, еще болѣе затемняетъ представленіе о томъ злѣ, на которое направлена борьба. Дѣло должно идти не о водвореніи трезвости въ странѣ, къ чему едва ли призвана государственная власть, а о войнѣ съ пьянствомъ, какъ общественнымъ зломъ. Поэтому, всякая организація, которой будутъ ввѣрены задачи такой борьбы, какъ бы она ни называлась, должна имѣть положительный характеръ, да и самыя организаціи должны быть расширены, составляя въ своей совокупности рядъ учреждений не для неопредѣленнаго *попеченія о трезвости*, а для прямой борьбы съ *привычной нетрезвостью*. На ряду съ этимъ, осуществленіе этихъ задачъ, конечно, должно быть не только *предоставлено*, — что отерываетъ обширное поле для лѣни ума, лѣни воли и для всякаго усмотрѣнія, прикрывающихъ уклоненіе отъ серьезнаго труда, — но и прямо возложено, какъ *обязанность*.

Ознакомленіе съ дѣятельностью попечительствъ показываетъ, что задачи эти при нынѣшней организаціи попечительствъ осуществляются не только недостаточно, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже взаимно парализуются, принимая иногда одна на

счесть другой несоответственные пользы дѣла размыры. Причина этого лежитъ въ бюрократическомъ характерѣ попечительства, недостатки котораго, косвенно признанные самимъ министерствомъ финансовъ, были разработаны въ преніяхъ по этому вопросу въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта. Въ первоначальныхъ руководящихъ указаніяхъ министерства финансовъ (22 декабря 1894 года) имѣлось въ виду путемъ попечительства содѣйствовать отрезвленію народа, урегулировать торговлю виномъ, отсѣчь ея вредныя стороны, способствовать развитію народнаго образованія и придти на помощь несчастнымъ жертвамъ порочной слабости, обратившейся въ болѣзнь. При этомъ доходность предпріятія не ставилась на первый планъ. Но эти благія пожеланія не нашли себѣ выраженія въ жизни. Въ самомъ учрежденіи попечительства оказалось нѣчто неудачное, колебавшее довѣріе къ нимъ, котораго нельзя получить въ кредитъ. Оказалось больное мѣсто, которое постоянно даетъ себя чувствовать и осуществляетъ старое латинское изреченіе: *quod ab initium vitiosum est, tractu temporis convalescere non potest*. И дѣйствительно, приходится признать, что устройство, дѣятельность и нравственное воздѣйствіе попечительства далеки отъ цѣлесообразности.

По устройству своему, согласно руководящимъ наставленіямъ министерства финансовъ отъ 1897 года, попечительства представляютъ *правительственный органъ*, достоинства котораго въ борьбѣ съ болѣзненнымъ проявленіемъ народной жизни сомнительны, а недостатки очевидны, ибо живымъ и многообразнымъ проявленіямъ дѣйствительности въ нихъ противопоставляется зачастую формальная дѣятельность. Попечительства состоятъ изъ двухъ слоевъ дѣятелей. Верхній, въ губерніяхъ, изъ высшихъ представителей отдѣльныхъ вѣдомствъ съ *рѣшающимъ* голосомъ. У нихъ своего собственнаго дѣла по горло, и они могутъ посвятить попеченію о трезвости лишь обрывки своего досуга, хотя на нихъ и лежитъ важная задача руководства мѣстными попечительствами и разсмотрѣніе ихъ ходатайствъ. Этотъ же верхній слой состоитъ въ уѣздахъ изъ главныхъ мѣстныхъ представителей власти, привлеченныхъ по назначенію начальства, а не по влеченію собственнаго, болящаго о народномъ недугѣ сердца. Второй—низшій слой участниковъ—состоитъ изъ *попечителей* и *соревнователей*. Очевидно, что по призыву и по непосредственной дѣятельности послѣдніе суть главные работники въ борьбѣ за трезвость. Но они обладаютъ лишь *совѣщательнымъ* голосомъ, который въ засѣданіяхъ попечительства легко обращается въ холостой вы-

стрѣль. Изъ авторитетнаго источника было заявлено, что главными дѣятелями попечительствъ должны являться не люди двадцатаго числа. Но таковы именно соревнователи. А они-то и не имѣютъ рѣшающаго голоса, но лишь совѣщательный. Рѣшающій голосъ принадлежитъ именно людямъ 20-го числа или немногимъ исключеніямъ между ними, которые, на ряду со своими прямыми обязанностями, отдались душою и этому дѣлу. Какую роль играетъ въ этомъ голосъ, видно изъ нѣкоторыхъ ходатайствъ самихъ попечительствъ, которые просили предоставить право рѣшающаго голоса соревнователямъ и допустить въ ихъ число женщинъ, столько разъ доказавшихъ въ русской общественной жизни свою готовность и способность къ безкорыстной помощи и труду упорному и непоказному. Конечно, такое предоставленіе нельзя не признать гораздо полезнѣе нинѣ отмѣненнаго правила о томъ, что въ уѣздныхъ попечительствахъ при отсутствіи уѣзднаго предводителя или назначеннаго губернаторомъ лица предсѣдательствуетъ старшій въ чинѣ, но не старшій по опыту и любви къ дѣлу. Правда, для соревнователей были установлены награды и на нихъ распространилась эпидемія нагрудныхъ знаменъ, но импульсъ труда, вызываемый наградами суетному тщеславію, нравственно сомнителенъ, а какое малое значеніе придается этому нагрудному знаку — видно уже изъ того, что лицамъ военнаго званія дозволено таковой принимать, но не носить. Если таково значеніе и устройство попечительствъ, то немудрено, что центральное управленіе и въ ихъ ходатайствахъ относилось соответственно. Достаточно отмѣтить, что даже ходатайствъ самихъ попечительствъ объ упраздненіи казенныхъ лавокъ удовлетворено не болѣе 30%. По этому можно судить и объ отношеніи къ просьбамъ сельскихъ обществъ. И вотъ, какъ результатъ такой организаціи, является скудный примыкъ живыхъ дѣятельныхъ силъ и ничтожное денежное сочувствіе общества дѣлу попечительствъ. Такъ, въ 1903 году — нарочно беремъ этотъ годъ, чуждый тревогамъ войны и смутнаго времени и нормальный въ смыслѣ внѣшняго спокойствія — попечительства получили 9 милліоновъ 188 тыс. дохода, считая въ томъ числѣ 4 слишкомъ милліона казенной субсидіи — и въ эту сумму со всей провинціальной Россіи поступило 53 тысячи пожертвованій и членскихъ взносов; причемъ по Москвѣ 18 тысячъ, а по Петербургу ни одного рубля. И такая-то неудачная организація предназначена на борьбу съ пьянствомъ! Какъ бы ни были разнообразны его причины, нельзя упускать изъ виду одного обстоятельства: на 1½% увеличенія народонаселенія пьянство увеличивается на 13%. Это какой-то

своеобразный и роковой законъ Мальтуса, но только въ обратномъ видѣ: тамъ тяжкія послѣдствія грозятъ потому, что средства пропитанія увеличиваются въ арифметической прогрессіи, а народонаселеніе—въ геометрической. Здѣсь же наоборотъ,—не только вода замѣняетъ пропитаніе, причемъ предсказанія кратнаго экономиста могутъ въ этомъ случаѣ оказаться болѣе правдоподобными.

Когда была введена казенная продажа вина, многіе радовались, что кабакъ, какъ средоточіе спиванія, заклада и ростовщичества, отжилъ свое время и, если можно такъ выразиться, расплылся на спокойное домашнее употребленіе вина. Но эта иллюзія продолжалась недолго. Кабакъ не погибъ, а проползъ въ семью и во многихъ случаяхъ, по свидѣтельству массы лицъ, внесъ въ нее развращеніе и приученіе женъ и даже дѣтей пить водку. Кабакъ официально сошелъ съ лица земли, но онъ ушелъ подъ землю, въ подполье, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ядовитый цвѣтокъ, распустился на улицѣ. Съ уличнымъ безобразіемъ началась борьба. Была призвана судебная власть, и въ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, появились новыя кары. Но кары эти оказались тщетными и непримѣнными, такъ какъ сборища для публичнаго распитія—явленіе чрезвычайно рѣдкое въ городахъ и неуловимое въ деревняхъ, а единичное публичное распитіе наказуемо только въ томъ случаѣ, если оно воспрещено обязательными постановленіями городскихъ думъ и земскихъ собраній. Неизвѣстно, много ли издано такихъ обязательныхъ постановленій, но жизнь показываетъ, что вокругъ и невдалекѣ отъ казенныхъ лавокъ происходитъ невозбранное одиночное распитіе прямо изъ горлышка, причемъ посуда немедленно возвращается, а взрослые очень часто служатъ посредниками для малолѣтнихъ, получая за то право глотнуть изъ бутылочки.

На борьбу съ подпольемъ, т.-е. съ тайной продажей водки, призываются попечительства. Въ руководящихъ правилахъ 1897 года прямо сказано, что эта борьба у членовъ попечительства должна стоять на первомъ планѣ и осуществляться путемъ составленія протоколовъ и сообщеній подлежащей власти, и что непосредственно за нею должно слѣдовать наблюденіе за недопущеніемъ продажи питей людьми нравственно опороченными. Но эти права и обязанности попечительствъ въ лицѣ ихъ главнаго контингента—соревнователей—обращаются въ нѣчто безплодное и мертвое. Достаточно припомнить, что протоколъ, составленный по 1129 ст. устава уголовного судопроизводства для своей дѣйствительной силы нуждается въ подписи двухъ понятыхъ. Но

гдѣ возьметъ ихъ *соотвѣтственный соревнователь*? Кто его послушаетъ и придетъ на его призывъ при обычной у насъ боязни суда и когда даже судебная власть часто бываетъ вынуждена штрафовать уклоняющихся понятыхъ? Какую силу могутъ имѣть сообщенія начальству о злоупотребленіяхъ, когда всегда возможно будетъ воспользоваться временемъ для ихъ сокрытія? И что значить сообщенія о нравственной опороченности, когда за это можетъ грозить привлеченіе къ суду за клевету, тѣмъ болѣе, что самое понятіе о нравственной опороченности слишкомъ растяжимо и субъективно. — И вотъ, такимъ образомъ, лежащій на попечительствахъ надзоръ за недопущеніемъ тайной торговли обратился почти въ ничто, а вечеръ, проводимый въ кабацкѣ, смѣнился утреннимъ заходомъ въ казенную лавку для выпивки на тощакъ. Трудно сказать, какое впечатлѣніе тяжельше: отъ стараго кабака, — давно осужденнаго нравственнымъ сознаніемъ народа и черпимаго какъ зло, — изъ раскрытыхъ дверей котораго неслись нестройные голоса, или отъ дверей новѣйшей благообразной и горделивой своею чистотою винной лавки, у которой, *съ началъ рабочаго дня*, нетерпѣливо толпятся изможденные лица поставщиковъ питейнаго дохода. Казенная лавка, съ точки зрѣнія отрезвленія населенія, не исполнила своей главной обязанности: — не упразднила питейнаго дома съ его вредными атрибутами: съ продажей вина въ долгъ и съ допущеніемъ къ распитію малолѣтнихъ и пьяныхъ, повуда послѣдніе еще могутъ держаться на ногахъ. Таковъ питейный домъ изъ явнаго сталъ тайнымъ, т. е. болѣе опаснымъ. Борьба съ нимъ осталась, очевидно, лишь на бумагѣ, благодаря отсутствію практическаго примѣненія 1 п. ст. 4 Устава о попечительствахъ о надзорѣ за правильностью торговли — вслѣдствіе безразличнаго отношенія къ этой борьбѣ чиновъ питейнаго вѣдомства, частой заинтересованности низшихъ органовъ мѣстной полицейской власти и бытовыхъ неудобствъ, связанныхъ съ обличеніемъ злоупотребленій со стороны частныхъ лицъ и, наконецъ, по отсутствію матеріально-потерпѣвшей стороны, такъ какъ казна при существованіи тайной продажи никакого ущерба въ питейномъ доходѣ не испытываетъ.

Разнообразныя свѣдѣнія о дѣятельности попечительствъ о народной трезвости выяснили, что задача распространенія среди населенія здравыхъ понятій о вредѣ пьянства путемъ *народныхъ чтеній и изданія книгъ*, направленныхъ противъ злоупотребленія алкоголемъ, выполняется попечительствами далеко не въ достаточной степени, отличаясь отсутствіемъ системы и случайностью своего характера, причѣмъ въ чтеніяхъ нѣтъ послѣдовательно

проведенной идеи о доставленіи народу путемъ живого слова того, въ чемъ онъ не только нуждается, но чего и жаждетъ: житейскаго наученія и нравственнаго поученія.

Подобный же и еще болѣе отрицательный выводъ получается при оцѣнкѣ результатовъ, достигаемыхъ попечительствами по отвлеченію населенія—путемъ *устройства чайныхъ*—отъ пребыванія въ питейныхъ заведеніяхъ. Устройство чайныхъ, какъ оказывается, полезное само по себѣ,—особливо когда съ нимъ связано и устройство читальнъ,—въ смыслѣ доставленія дешеваго напитка,—дѣлу отрезвленія не приноситъ пользы, ибо движущія побужденія къ чаю и водкѣ вытекаютъ изъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга источниковъ. Поэтому усиленное направление дѣятельности попечительствъ на устройство чайныхъ приводитъ къ умаленію и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже къ полной невозможности выполненія нѣкоторыхъ другихъ полезныхъ задачъ. Такъ, напримѣръ, открытіе тульскимъ городскимъ комитетомъ, по настоятельному требованію губернскаго комитета, *чайныхъ* легло тяжелымъ бременемъ на бюджетъ перваго изъ нихъ и подорвало благосостояніе съ любовью созданныхъ просвѣтительныхъ учреждений, и въ результатѣ чайнымъ пришлось закрыть, а библіотеки и читальни перестали пополняться книгами. Допускаемая въ нѣрѣдкихъ случаяхъ отдача чайныхъ въ арендное содержаніе оставляетъ за попечительствами лишь внѣшній надзоръ, убѣжденіе въ неэффективности котораго невольно поддерживается соображеніемъ о бездѣятельности попечительствъ въ надзорѣ за правильностью торговли водкой по 1 п. 4 ст. Интересное изслѣдованіе В. А. Гагена о попечительствахъ въ „Журналѣ Трудовой Помощи“ указываетъ рядомъ весьма краснорѣчивыхъ фактовъ на то, что иногда комитеты попечительствъ отдаютъ въ аренду чайныя и столовыя, даютъ имъ инвентарь и умываютъ затѣмъ руки, и что нѣрѣдко буфетчицами или заведывающими чайными являются мѣстные домохозяйства, которыми очень выгодно не платить за торговые документы и которые, конечно, болѣе заботятся о продажѣ припасовъ, чѣмъ о содѣйствіи насыщенію своихъ посѣтителей духовною пищею. Даже въ петербургскомъ народномъ домѣ, по удостовѣренію В. А. Гагена, читальня открыта только днемъ, а вечеромъ и въ праздники вовсе закрывается, потому что столы нужны для буфета, да и посѣщается она на 70⁰/о подростками, собирающимися, подл предлогомъ чтенія, послушать и посмотреть репетицію оркестра и представленія клоуновъ. Нельзя отрицать прекрасную организацію специальныхъ столовыхъ, учрежденныхъ по почину главы

петербургскаго попечительства, но здѣсь цѣль борьбы съ пьянствомъ уже не на первомъ мѣстѣ, и та же энергія, направленная, напримѣръ, на помощь обществу охраненія народнаго здравія или земскихъ организацій, столь успѣшно себя заявившихъ въ другой борьбѣ, а именно въ борьбѣ съ послѣдствіями неурожая, привнесла бы тѣ же плоды.

Навонецъ, открытіе *временныхъ чайныхъ*—особенно полезныхъ въ мѣстахъ періодическаго скопленія народа на храмовые праздники, ярмарки, сборные пункты и на работы—не только не введено въ систему, но колеблется въ зависимости отъ усмотрѣнія комитетовъ.

Едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что правильное устройство *театральныхъ представлений* и *разумныхъ развлеченій* составляетъ одно изъ средствъ облагородить вкусъ зрителей и заполнить праздные часы досуга возвышающими душу впечатлѣніями. Но съ другой стороны вполне возможно усомниться въ томъ, чтобы все это могло быть орудіемъ непосредственной борьбы съ соблазномъ, представляемымъ невозбранной продажей водки, въ особенности въ виду того, что почти предъ самыми представленіемъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ народнаго театра или отъ сада народныхъ увеселеній, винная лавка раскрываетъ заманчиво свои двери, а по окончаніи спектакля близлежащіе трактиры заманчиво зовутъ утолить болѣзненную жажду. Если эти развлеченія на нѣкоторое, очень короткое время и служатъ слабымъ отвлеченіемъ отъ трактира, то самостоятельное воздѣйствіе винной лавки нисколько ими не парализуется. Здѣсь приходится сознаться что, при невозможности послѣдовать примѣру Одиссея и привязать его со спутниками къ мачтѣ, единственное средство оградить ихъ отъ самихъ себя—это заставить замолкнуть голосъ сиренъ.

Учрежденіе попечительствъ имѣло въ виду наполнить досугъ народа здоровымъ и трезвымъ содержаніемъ, въ которомъ, конечно, должны были найти себѣ мѣсто и безобидная веселость, и поучительное зрѣлище, и наученіе путемъ бесѣдъ, картинъ, рассказовъ и т. п. Но практика извратила эту цѣль. На мѣсто разумаго времяпрепровожденія—она поставила развлеченія; на мѣсто народа—въ значительной степени, какъ видно изъ цифръ посѣтителей,—сравнительно состоятельные классы общества. Но не слишкомъ ли у насъ много заботы о развлеченіяхъ? Наше общество, повидимому, увлечено стремленіемъ развлекаться до крайней степени. Можно подумать, что въ развлеченіяхъ оно ищетъ отдыха отъ тяжелой творческой работы и хочетъ въ нихъ хоть на мгно-

веніе забыться или освѣжиться. Но, къ удивленію, видны лишь развлеченія и не видно такой работы. Будущій историкъ черезъ много-много лѣтъ, посмотрѣвъ на первую страницу какой-нибудь изъ распространенныхъ современныхъ намъ русскихъ газетъ, увидитъ ее заполненною множествомъ объявленій о всевозможныхъ развлеченіяхъ, очень часто съ заманчивыми обѣщаніями порнографическаго оттѣнка; онъ прочтетъ о балахъ и маскарадахъ съ благотворительною цѣлью и съ развращающими преміями за красоту не только женскую, но и мужскую, за роскошный костюмъ и за право именоваться королевою брилліантовъ. Если онъ при этомъ припомнитъ, что эта бѣшеная погоня за развлеченіемъ совершалась въ то время, когда наше національное достоинство страдало отъ тяжелыхъ ранъ, когда наше вѣгннее влияние было потрясено, когда въ судьбахъ страны игралъ громадную роль внутренній переломъ и вокругъ насъ въ туманѣ безумія носились разрушительные вихри, когда вся Россія страдала острыми муками рожденія обновленнаго строя жизни, — если онъ вспомнитъ все это, — ему подумается, что онъ видитъ передъ собою средневѣковый „пиръ во время чумы“! Не приученію ли дѣтей развлекаться, убивающему здоровую мечту и естественную работу мысли, быть можетъ обязаны мы тѣмъ, что эти дѣти, подрастая, такъ чуждаются самостоятельнаго труда и видятъ въ немъ стѣсненіе для своей личности? Сомнительно, чтобы развлеченіемъ, однимъ пустымъ развлеченіемъ, можно было отучить людей отъ какой-либо слабости, переходящей въ порочныя привычки!

Министерство финансовъ въ руководящихъ наставленіяхъ находило, что театръ долженъ быть народнымъ, а не общедоступнымъ, почему представленія должны даваться преимущественно въ праздничные дни. Не станемъ вдаваться въ опредѣленіе того, что слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ „народъ“. По отношенію къ попечительствамъ о народной трезвости это — понятіе совершенно ясное. Народъ — это тѣ, о трезвости которыхъ надо имѣть попеченіе, борясь съ возможностью злоупотребленія ими спиртными напитками. Это тѣ, кто, по взгляду министерства финансовъ, не хозяинъ своего времени и располагаетъ собою лишь въ праздничные дни, хотя надо замѣтить, что въ отчетѣ по питейной продажѣ еще за 1904 г. уже отмѣчается о введеніи среди рабочихъ девяти-и даже восьмичасоваго рабочаго дня, а лѣтомъ, когда особенно усиленно дѣйствуютъ народные развлеченія, служащіе въ торговыхъ и промышленныхъ заведеніяхъ получаютъ обыкновенно еще одинъ день свободы въ недѣлю, да

и самыя эти заведенія закрываются около семи-восьми часовъ вечера. Поэтому здоровыя театральныя развлечения могли бы предоставляться и быть доступными народу гораздо чаще, чѣмъ только по праздникамъ. Не то мы видимъ въ дѣйствительности, взявъ для примѣра хотя бы народныя дома петербургскаго попечительства въ Александровскомъ паркѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ къ первоначальному устройству развлеченій была приложена рѣдкая и несомнѣнно глубоко-благожелательная энергія высшихъ руководителей попечительства. Тамъ въ будніе дни идутъ спектакли по повышеннымъ почти вчетверо противъ праздниковъ цѣнамъ и съ репертуаромъ, предназначеннымъ для классовъ общества, обладающихъ извѣстнымъ достаткомъ и не нуждающихся въ попеченіи объ ихъ трезвости. Правда, и тамъ существуютъ особыя мѣста, гдѣ можно, не снимая верхняго платья, стоять за гривенникъ, но все остальное для рабочаго человѣка дорого, да и самый репертуаръ далеко не всегда предназначенъ для него. Что общаго, на примѣръ, между народнымъ театромъ и афишей, извѣщающей о выступленіи въ народномъ домѣ прима-балерины и кордебалета въ отдѣльныхъ актахъ излюбленныхъ балетоманами балетовъ и т. п.? Итакъ, эти театральныя представленія и по содержанію, и по цѣнѣ—не для народа. Но для него, говорятъ намъ, есть праздничныя спектакли, дешевыя и принаровленные къ его потребностямъ— для него ставятся обстановочныя пьесы изъ русскаго быта и исторіи, рисующія ему блестящія страницы его прошлаго. Наконецъ, народу предоставляются и въ эти дни, и въ будни другія развлечения—кинематографы, представленія клоуновъ, пѣніе куплетовъ на открытой сценѣ. Но кому же неизвѣстно, что въ этихъ забавахъ очень мало облагораживающаго элемента; что куплеты по большей части пошлы по содержанію; что смѣхъ, вызываемый клоунами, построенъ на унижающихъ человѣческое достоинство плевакахъ, пинкахъ и пощечинахъ, и что почти во всѣхъ кинематографахъ главную роль играетъ изображеніе борьбы съ ловкими преступниками, кончающейся торжествомъ порядка, но попутно наглядно преподающей методологію и систематику грабежей и убійствъ.

Такимъ образомъ оказывается, что театральными представленіями петербургскаго попечительства пользуются въ значительной мѣрѣ не тѣ, кого въ данномъ случаѣ подразумѣваетъ слово „народъ“, а тѣ, кто можетъ найти себѣ развлечение и въ частныхъ театральныхъ представленіяхъ, не задающихся дальновидно никакими возвышенными цѣлями. Не приходится ли тутъ

невольно припомнить возгласъ, раздававшійся въ давно прошедшіе годы при народныхъ сборищахъ и торжествахъ: „публика впередъ! народъ назадъ!“? А между тѣмъ это попечительство получило за шесть лѣтъ — съ 1899 г. — 3.600.000 пособія отъ казны и ему предназначено отпускать первыя затымъ пять лѣтъ по 450.000 руб., а слѣдующія пять лѣтъ по 350.000 рублей ежегоднаго пособія. Немалую часть этихъ суммъ долженъ поглотить петербургскій Народный Домъ, давшій въ одномъ 1903 году 250.000 р. дефицита. Невольно поэтому возникаетъ вопросъ, не являются ли такіа развлеченія дорого стѣнимымъ предпріятіемъ для доставленія сравнительно достаточнымъ людямъ пріятнаго препровожденія времени въ значительной степени на средства, получаемыя изъ пропиваемыхъ народомъ денегъ. Нельзя, наконецъ, не отмѣтить и того, что учебное начальство должно было воспретить воспитанникамъ среднихъ учебныхъ заведеній посѣщеніе петербургскаго Народнаго Дома въ праздничные дни.

Много говорить о выполненіи попечительствами 3-го п. ст. 4 Устава не приходится. Если *алкоголизмъ* массъ есть народное бѣдствіе, то *алкоголизмъ* отдѣльнаго лица есть порочная привычка, затымъ переходящая въ болѣзнь, къ излеченію которой должны быть прилагаемы всѣ врачебныя мѣры, съ прибавленіемъ и такихъ, которыя вызываются упорствомъ болѣзни и ея опасностью для больного, для окружающихъ и для общества. Законъ возлагаетъ на комитеты попеченіе объ открытіи и содержаніи лечебныхъ *пріютовъ* для страдающихъ *запоймъ*. Но уже въ „руководящихъ наставленіяхъ“ министерство финансовъ нашлось вынужденнымъ замѣнить понятіе о *пріютѣ*, т.-е. санаторіи, понятіемъ объ *амбулаторіи*. Такихъ на всю Россію открыто 10, и конечно овѣ съ тѣми 28.000 руб., которые на нихъ были, напри- мѣръ, отпущены въ 1904 г. при 9.500.000 общаго расхода попечительствъ (считая въ томъ числѣ и правительственныя ассигнованія въ 4.500.000 р. въ 1904 г.) не могутъ даже и отдаленно удовлетворять своему назначенію, тѣмъ болѣе, что *запой*, т.-е. душевную болѣзнь, немисливо лечить *амбулаторнымъ* путемъ. Говоря о *запоѣ*, уставъ попечительствъ упускаетъ изъ виду, что существуетъ цѣлая градация въ жертвахъ *алкоголизма*, начиная съ *человѣка*, слабая воля котораго не можетъ безъ посторонней помощи связать себя *умѣренностью* въ употребленіи *спирта*, — переходя къ привычному *пьяницѣ*, неудержимо стремящемуся къ *водкѣ* вплоть до *бѣлой горячки*, — и кончая такъ называемымъ *алкогольнымъ меланхоликомъ*. Первому надо дать средства и указанія,

также поддерживать его нравственно, — второго уединить отъ соблазна въ пріютѣ, — а третьяго лечить, какъ душевно-больного. Это леченіе должно происходить въ специальныхъ лечебницахъ и притомъ впредъ до *дѣйствительнаю*, а не *кажущаюся* выздоровленія, что можетъ быть достигнуто лишь принудительнымъ леченіемъ, принципы котораго разработаны еще въ 1899 году особой комиссіей общества охраненія народнаго здравія. Эта комиссія единогласно признала, что: 1) привычные пьяницы, т.-е. лица, доведшія себя злоупотребленіемъ спиртными напитками или другими опьяняющими веществами до такого болѣзненнаго состоянія, что поступки ихъ оказываются вредными или опасными для нихъ самихъ, для окружающихъ или для общества, могутъ подлежать принудительному помѣщенію на срокъ отъ 6-ти мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ въ назначенныя для сего лечебныя учрежденія и ограниченію правоспособности съ учрежденіемъ надъ ними опеки, и 2) принятіе противъ привычныхъ пьяницъ указанныхъ выше мѣръ въ совокупности или какой-либо изъ нихъ въ отдѣльности можетъ состояться не иначе, какъ на основаніи постановленія судебнаго присутствія, по признаніи послѣднимъ необходимости ихъ, въ порядкѣ, опредѣленномъ статьями 171—197 проекта Опекунскаго Устава. Это гораздо болѣе, чѣмъ существующіе современные законы, оберегало бы личность алкоголика отъ посторонняго вмѣшательства въ его жизнь и въ имущественныя дѣла. Арестовать его и подвергнуть насильственному заключенію, по произволу, нельзя; ни жена, ни родные, ни ближайшее начальство заточить пьяницу *за крѣпкій караулъ* не могутъ при всемъ своемъ желаніи. Для этого необходимо вмѣшательство окружнаго суда и непременная, обязательная экспертиза врачей-спеціалистовъ. Бываютъ въ жизни случаи, когда роднымъ было бы выгодно съ имущественной стороны запретить алкоголика за рѣшетку, но проектируемое постановленіе исключало бы всякое злоупотребленіе, какъ бы оно ни было замаскировано. Насильственному леченію и лишенію свободы подвергались бы только тѣ алкоголики, относительно которыхъ экспертизой психіатровъ въ присутствіи состава окружнаго суда было бы доказано, что дальнѣйшее, до выздоровленія, пребываніе ихъ въ обществѣ невозможно.

Вотъ какою представляется приблизительно картина того, какъ на практикѣ могъ бы осуществиться предполагаемый законъ объ алкоголикахъ. Къ представителю подлежащей власти приходитъ мать семейства (съ отцомъ это, въ счастью, можетъ случиться гораздо рѣже) и жалуется, что мужъ и отецъ ея дѣтей сталъ совершенно невыносимъ въ домашней жизни... „Что же онъ

дѣлаетъ?“ спрашиваютъ у нея. — „Да вѣчно шумить, ругается, сквернословить, заводить ссоры и брань съ домашними, съ по-сѣтителями, безъ всякаго повода придираясь и входя въ азартъ ни съ того, ни съ сего“... — „Да! это—*нарушеніе благочинія*, но что же еще?“ — „Онъ ведетъ себя неприлично, говорить непристойности и грязныя вещи; всѣ разговоры вертятся у него около отношеній, о которыхъ не говорятъ въ обществѣ; онъ позволяетъ себѣ неприличные жесты и ухватки — и все это при дѣтяхъ и даже обращаясь къ нимъ безъ стыда, не заботясь о томъ, что его слова и дѣйствія ихъ развращаютъ; ходитъ дома и выходитъ на улицу полуодѣтый, пристаётъ къ женщинамъ и т. п.“ — „Но вы останавливали его въ этихъ *нарушеніяхъ требованій общественной и личной нравственности*?“ — „Гдѣ ужъ тутъ! Онъ при первомъ словѣ приходитъ въ раздраженіе, бросается драться, грозитъ изувѣчить, убить, становится страшенъ, ломаетъ все, что попадаетъ подъ руку, бьетъ посуду“... — „Однако же, когда онъ на службѣ или за работою — онъ спокоенъ и въ это время ничьей безопасности не угрожаетъ?“ — „Онъ давно уже ничего не работаетъ, все несетъ изъ дому и ничего не приноситъ, утратилъ всякую заботу о семьѣ, — швыряетъ деньги, дѣлаетъ долги, продаетъ за безцѣнобъ свои и чужія вещи... Онъ кончить тѣмъ, что, развративъ и искалѣчивъ дѣтей, пуститъ всю семью по міру!“ — „Отчего же онъ все это дѣлаетъ?“ — „Да онъ сталъ какъ *больной*, — вѣчно ему не по себѣ, опухъ, руки трясутся, дурно спать, мало ѣсть“... — „А отчего это случилось?“ — „Да пьетъ сильно, удержаться не можетъ, и *давно уже пьетъ, постоянно*, — никакъ отъ водки отстать не можетъ, совсѣмъ загубилъ себя, а былъ прежде чело-вѣкъ хорошій, честный и скромный“... — „Хорошо, — отвѣчаютъ жалобщицѣ, — вашъ мужъ, повидимому, *привычный пьяница*. Мы передадимъ дѣло въ судъ, вызовемъ указанныхъ вами свидѣтелей и врачей-спеціалистовъ. Они осматрять и освидѣтельствуютъ въ засѣданіи суда вашего мужа, разспросятъ его и свидѣтелей и выскажутъ свое мнѣніе. Если, на основаніи этого мнѣнія, судъ признаетъ, что онъ дѣйствительно такъ *вредно для окружающихъ и для самого себя* ведетъ себя, вслѣдствіе *болѣзненнаго состоянія*, развившагося отъ *привычки* къ пьянству, его будутъ въ теченіе извѣстнаго времени лечить и ограждать ваше общее имущество отъ расхищенія, а дѣтей — отъ пагубнаго для ихъ нравственности примѣра“.

Борьба съ алкоголизмомъ, какъ болѣзнью, и необходима, и возможна. Она *возможна*, потому что по даннымъ западныхъ

лечебницъ для алкоголиковъ отмѣчается 40% выздоровленій; она необходима хотя бы потому, что,—независимо отъ приведенныхъ выше цифръ о развитіи пьянства,—по отчетамъ московскихъ городскихъ больницъ чрезъ нихъ за одинъ годъ проходитъ стационарныхъ больныхъ алкоголиковъ около тысячи человекъ, изъ которыхъ болѣе 800 человекъ приходится на долю *бѣлой горячки*, и что въ Петербургѣ въ 1907 году отъ одной бѣлой горячки умерло 917 человекъ. Но устройство такихъ специальныхъ заведеній не можетъ входить въ работу попечительства ни по задачамъ ихъ, ни по средствамъ, которыми они располагаютъ, если только не отдать *всѣ* эти средства на устройство такихъ лечебницъ. Это—дѣло государства, которое, извлекая значительный доходъ изъ торговли крепкими напитками, по справедливости должно придти на помощь излеченію тѣхъ, которые не могли удержаться на наклонной плоскости, обусловленной этой торговлей. Двойственный характеръ одновременнаго учрежденія казенной продажи и попечительства и внутренняя противоположность ихъ дѣятельности съ особенной силой связываются именно въ этомъ вопросѣ: при 700 милліонахъ питейнаго дохода на амбулаторіи отдѣляется 28.000 р., т.-е. 1/25%. Не вспоминается ли здѣсь неволью народная поговорка: „подъ рублевый грѣхъ грошевой свѣчей подватываться“. Дозволительно, однако, желать, чтобы тамъ, гдѣ ядовитое вещество отпускается въ размѣрѣ, ограниченномъ—лишь фиктивно—возрастомъ покупателя, противодіе отпускалось болѣе щедрою и нравственно-отвѣтственною рукою.

Развившемуся алкоголизму отдѣльнаго лица предшествуютъ случаи частаго и безпробуднаго опьянѣнія. Мѣры, принимаемыя по поводу этого состоянія, въ интересахъ общественнаго порядка и личной безопасности самихъ пьяницъ должны быть согласованы съ заботой объ удержаніи пьяницы на гибельномъ пути и объ охраненіи въ несчастномъ, склоняющемся къ паденію, чувства человѣческаго достоинства. Кіевское и ярославское попечительства признали эту заботу входящею въ кругъ своей дѣятельности и отырыли у себя убѣжища для вытрезвляемыхъ, но въ остальныхъ мѣстностяхъ Россіи способъ и приемы вытрезвленія стоятъ на самой низкой ступени и не могутъ не вызывать справедливаго негодованія. Они сводятся къ правилу „тащить и не пущать“ и при томъ въ самыхъ грубыхъ и даже безчеловѣчныхъ формахъ. Примѣромъ можетъ служить Петербургъ, описаніе камеръ для вытрезвленія въ полицейскихъ участкахъ котораго, сдѣланное д-ромъ Мендельсономъ въ 1906 году, достойно занять выдающееся мѣсто въ кругахъ Дантова ада. А

между тѣмъ въ Петербургѣ еще въ 1902 году, при населеніи въ 1.200.000, было принято въ полицейскія камеры для вытрезвленія 53.000 человекъ, т.-е. 1 на 23 жителя, тогда какъ въ томъ же году въ Берлинѣ, при населеніи въ 2.000.000, для вытрезвленія поступило 6.000 ч., т.-е. 1 на 320 жителей! Поэтому, если относить къ задачамъ попечительства лечение алкоголиковъ, то къ этой же задачѣ надо причислить и заботу объ убѣжищахъ для вытрезвленія, изъ которыхъ опьянѣвшій человекъ выходилъ бы все-таки человекомъ, а не избитымъ, искалѣченнымъ, загрязненнымъ, — съ душою, опоганенною всѣмъ видѣннымъ и испытаннымъ.

Остальная дѣятельность попечительства имѣетъ лишь паллиативный и притомъ по большей части неудовлетворительный характеръ. Въ каждой отрасли этой дѣятельности — плоды ея спорны, сомнительны и, во всякомъ случаѣ, очень невелики. А нѣмцы правильно говорятъ: „viele Wenig — machen Viel“, придавая этому „много“ отрицательный смыслъ. Да другого нельзя и ожидать при существующей постановкѣ дѣла. Невозможно рассчитывать на одну гигиену въ борьбѣ съ заразною болѣзью, какъ нельзя думать, что угольный угаръ можно обезвредить курительными свѣчками. Въ дѣлѣ народнаго отрезвленія борющіяся стороны далеко не равносильны. Здѣсь съ одной стороны порокъ, слабость воли, большія привычки и почти безграничный соблазнъ, равно доступный для всѣхъ и легко осуществимый, а съ другой — отдаленное нравственное вліяніе, далеко не равное по отношенію къ каждому, никогда не наличное и никогда непосредственное и вмѣстѣ съ тѣмъ обреченное на бессильное столкновение съ людскимъ безразличіемъ, закоренѣлыми общественными привычками и народными обычаями.

Поэтому становится яснымъ, что улучшение дѣла какой-либо частичной реорганизаціей попечительства достигнуто быть не можетъ. Повуда не будетъ разсѣчена пуповина, соединяющая бѣдство казенной продажи питей съ состоящими у него на иждивеніи попечительствами, до тѣхъ поръ всякая реорганизація будетъ бесплодна. Трудно себѣ представить военное министерство, учреждающее и поддерживающее лигу мира или существованіе правительственнаго учрежденія для вербовки рекрутъ, какъ это дѣлалось въ нѣкоторыхъ странахъ, съ одновременнымъ изданіемъ законовъ о борьбѣ противъ такого рода личнаго найма. Казенная продажа вина отобрала у населенія, съ закрытіемъ питейныхъ заведеній, источникъ доходовъ, значительная часть которыхъ шла на образовательныя цѣли, и взаимнѣ этого даетъ п

печительствамъ маленькій процентъ изъ своего 700-милліоннаго дохода, предназначая его на задачи, обозначенныя въ четырехъ пунктахъ 4-ой ст. устава, приче́мъ ни одна изъ этихъ задачъ не осуществляется въ достаточной мѣрѣ, а нѣкоторыя могутъ имѣть при практикуемыхъ нынѣ приемахъ нравственное вліяніе болѣе, чѣмъ сомнительнаго свойства.

Такимъ образомъ естественно возникающій вопросъ—желательно ли допустить передачу дѣлъ попечительствъ вѣдѣнію какихъ-либо другихъ учреждений, напр. органовъ мѣстнаго самоуправления, или церковныхъ приходо́въ, или частныхъ обществъ—разрѣшается утвердительно. Да, конечно, желательно и даже необходимо!—потому, что лишь совершенная перестройка дѣла, съ раздѣленіемъ функций попечительствъ между различными учреждениями, при широкомъ допущеніи общественныхъ элементовъ въ лицѣ людей, преданныхъ своему занятію не только по обязанности, но и по душевному призванію, можетъ оказать дѣйствительную помощь въ борьбѣ съ пьянствомъ. При этомъ, съ одной стороны, нѣтъ никакихъ основаній дѣлать исключенія для какихъ-либо особыхъ попечительствъ, и реформа должна коснуться всѣхъ въ равной мѣрѣ и на равныхъ основаніяхъ, а съ другой стороны, задачи попечительствъ не должны быть приурочены къ учреждениямъ какого-либо одного типа. Право и обязанность борьбы съ пьянствомъ могутъ быть возложены, *во-первыхъ*, на приходскіе совѣты; *во-вторыхъ*, на общества трезвости; *въ-третьихъ*, на общество охраненія народнаго здоровья и его развѣтвленія; *въ-четвертыхъ*, на учрежденія мѣстнаго самоуправления, въ которыхъ должна быть введена особая организація специально для борьбы съ пьянствомъ, въ видѣ совѣтовъ, комитетовъ и т. п.; *въ-пятыхъ*, на различныя частныя общества, посвящающія себя тому или другому изъ видовъ этой борьбы и могущихъ въ кругѣ своей дѣятельности явиться аванъ- или аррьергардомъ тѣхъ общихъ мѣропріятій, которыя будутъ приняты органами самоуправления. Наконецъ, *въ-шестыхъ*, эта борьба могла бы сдѣлаться предметомъ широкой и планомѣрной дѣятельности спеціального, вооруженнаго особыми правами и средствами, общества въ родѣ „Краснаго Креста“, и этотъ *Зеленый крестъ*, конечно оказалъ бы существенныя услуги въ огражденіи народа отъ слабости, доводящей его до *зеленаго змія*. Привлеченіе общественнаго элемента къ дѣятельности попечительствъ *въ разбродѣ* показало свою несостоятельность. Этому элементу необходимо придать характеръ *стойкихъ* и *самостоятельныхъ организацій*, а за правительствомъ долженъ быть оставленъ лишь

контроль надъ правильностью ихъ дѣйствій и надъ расходою суммъ, назначенныхъ въ субсидію. Рядомъ съ этимъ необходимо не сентиментальное *попеченіе* о трезвости, бьющее не по коню, а по оглоблѣ, а открытая и непреклонная борьба противъ пьянства, съ законодательнымъ оружіемъ въ рукахъ, т.-е. прямое преслѣдованіе этого порока и его источниковъ, покуда онъ еще не обратился въ болѣзнь.

Мѣры и приемы для такой борьбы и оцѣнка взаимоотношенія такихъ организацій должны составить предметъ отдѣльнаго и всесторонняго изслѣдованія. Но и здѣсь уже представляется возможнымъ сказать, что видная и завидная роль въ борьбѣ съ пьянствомъ путемъ горячаго и искренняго осужденія „пьянственнаго житія“ и разъясненія вреда нѣзическихъ и чревоугодныхъ обычаевъ, въ родѣ, напримѣръ, „запоя“ и „пропоя“ невѣсты, связывающихъ семейныя торжества и вообще проявленія душевной радости или скорби съ чрезмѣрными возліаніями, должна принадлежать церкви и ея служителямъ. *Quid sunt leges sine moribus, — quid sunt mores sine fide?* т.-е. безъ отрезвляющаго слова, опирающагося на возвышенное начало отвѣтственности передъ Богомъ за себя, за другихъ и въ особенности за „малыхъ сихъ“, соблазняемыхъ и развращаемыхъ примѣромъ взрослыхъ. Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ духовенство дѣятельно поддерживало и устраивало союзы и братства трезвости, но жалобы откупщиковъ и угрозы ихъ объявить себя несостоятельными вызвали настойчивыя требованія министерствъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ объ „обузданіи“ благотворной дѣятельности пастырей церкви — и всѣ добрыя начинанія въ этомъ отношеніи заглохли. Но теперь настала пора церкви снова начать осуществлять свое право на борьбу съ пьянствомъ, право, которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, является и ея обязанностью. Къ борьбѣ съ пьянствомъ, какъ сказано выше, должна получить широкій доступъ и русская женщина, такъ много отъ него страдающая и не только въ одномъ крестьянскомъ быту.

Наконецъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что государство, извлекающее свой главный доходъ изъ такого потребленія, въ которомъ обычай переходитъ въ слабость, слабость въ привычку, привычка въ порокъ, а порокъ въ тѣлесную и душевную болѣзнь, не имѣетъ права отказывать обществу въ средствахъ защиты, т.-е. въ матеріальномъ воспособленіи общественнымъ организаціямъ, направленнымъ противъ пьянства, изъ суммъ государственной казны, въ размѣрѣ никакъ не менѣе 10⁰/о питейнаго дохода. Поэтому не можетъ быть рѣчи ни о прекращеніи дѣятельности по борьбѣ

съ пьянствомъ, ни о томъ, чтобы государство ограничилось въ этомъ вопросѣ одною лишь ролью торговца, преслѣдующаго исключительно свои выгоды. Эта борьба по своимъ *задачамъ* должна остаться неизмѣнной; по своему *объему* значительно расширится; по своей *организации* представитъ многообразіе живыхъ учреждений, имѣющихъ одну общую цѣль; по своему *источнику* имѣть одно ничѣмъ не затемняемое сознание общенародной опасности. На поддержку въ ней должна придти искренно и величественно государственная власть, не уменьшая, но постепенно увеличивая размѣры этой помощи. Покуда въ странѣ пьянство является заразительнымъ и болѣзненнымъ общественнымъ явленіемъ—нельзя удѣлять на борьбу съ нимъ какія-нибудь крохи... Не о ликвидаціи задачъ, нынѣ составляющихъ предметъ дѣятельности попечительства, можетъ идти рѣчь, а объ отдачѣ ихъ осуществленія въ руки и на нравственную и юридическую отвѣтственность другихъ самостоятельныхъ организацій.

Въ тѣсной связи съ устройствомъ и дѣятельностью такихъ организацій должны стоять общія и спеціальныя мѣры, направленныя къ настойчивому искорененію злоупотребленій спиртными напитками и преимущественно водкой. Съ разныхъ сторонъ предлагаются и рекомендуются эти мѣры. Не говоря уже объ общихъ и широкихъ культурныхъ задачахъ, выполненіе которыхъ и даже одно дѣятельное, фактическое стремленіе къ которымъ, несомнѣнно, должно вести къ умаленію пьянства, — не говоря объ улучшеніи экономическихъ, санитарно-гигиеническихъ, правовыхъ и нравственныхъ условий жизни народа, можно указывать на рядъ такихъ мѣръ. Не входя въ разборъ ихъ практической осуществимости и цѣлесообразности, который можетъ составить предметъ особаго очерка, слѣдуетъ отмѣтить, что онѣ распадутся на двѣ категоріи: одна касается самой торговли спиртными напитками и связанныхъ съ нею ограниченій, другая — борьбы съ послѣдствіями этой торговли.

Къ первой относятся: *во-первыхъ*, передача всей раздробительной продажи воды въ запечатанной посудѣ въ частныя руки надежныхъ въ смыслѣ нравственномъ торговцевъ, съ обложеніемъ ихъ особымъ патентнымъ сборомъ, причемъ за казной останется лишь оптовая торговля, вода будетъ попрежнему точной вѣрности и безъ вредныхъ примѣсей, а упраздненіе казенныхъ винныхъ лавокъ дастъ ежегодное сбереженіе почти въ 50 милліоновъ рублей; — *во-вторыхъ* — пониженіе вѣрности продаваемой воды до 30° или даже до 25° съ повышеніемъ стоимости ведра до 20 р. — вза-

мѣтъ нынѣ существующаго вреднаго въ бытовомъ отношеніи повышеннаго вдвое акциза на спички—и воспрещеніе продажи ея въ мелкой посудѣ въ видѣ сороковой, сотой и двухсотой доли ведра;—*въ-третьихъ*—запрещеніе продажи спиртныхъ напитковъ въ воскресные и праздничные дни, съ *ограниченіемъ* торговли ими въ предпраздничные и послѣпраздничные дни, а также закрытіе мѣстъ продажи при наличности стеченія народа во время ярмарокъ, выборовъ, призыва новобранцевъ, а также во время общественныхъ бѣдствій—эпидемій, наводненій, пожаровъ, голодобою и т. п. и, наконецъ, во-время засѣданій мѣстнаго суда и церковныхъ торжествъ, причѣмъ духовенству должно быть вмѣнено въ обязанность нравственно содѣйствовать уменьшенію церковныхъ праздниковъ мѣстнаго характера.

Ко второй категоріи предлагаемыхъ мѣръ относятся: *во-первыхъ*—самое широкое право членовъ сельскихъ обществъ, домо-владѣльцевъ опредѣленныхъ городскихъ участковъ и мѣстныхъ судовъ требовать закрытія существующей на мѣстѣ продажи водки, при чемъ на сельскихъ слодахъ, съ правомъ рѣшительнаго голоса, должны участвовать жены и матери домохозяевъ; *во-вторыхъ*—безусловное воспрещеніе „распитія на улицахъ“;—установленіе строгихъ наказаній за устройство и содержаніе мѣстъ тайной торговли водкой съ допущеніемъ денежнаго вознагражденія тѣмъ, кто обнаружитъ такую торговлю; установленіе уголовной отвѣтственности родителей и опекуновъ за допущеніе къ распитію водки малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, а также привлеченіе къ суду домохозяевъ, которые, предаваясь пьянству, разстраиваютъ свое хозяйство и тащатъ изъ дому, для уплаты за водку, предметы первой необходимости, и—*въ-третьихъ*—предоставленіе комитетамъ трезвости и другимъ учрежденіямъ и союзамъ, долженствующимъ замѣнить попечительства о народной трезвости, права имѣть своихъ уполномоченныхъ, снабженныхъ особымъ знакомъ, для наблюденія за правильностью торговли спиртными напитками, причѣмъ составленные ими акты подлежатъ непосредственной передачѣ въ судъ для привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности.

Нѣтъ сомнѣнія, что переходъ отъ попечительствъ о народной трезвости къ общественнымъ организаціямъ не можетъ быть сдѣланъ сразу, какимъ-либо однимъ актомъ. Онъ долженъ совершиться путемъ изданія, въ законодательномъ порядкѣ, особаго Положенія, въ точности опредѣляющаго постепенность и условія перехода къ другимъ учрежденіямъ правъ и обязанностей попечительствъ и ихъ матеріальной обстановки съ тѣмъ, чтобы

осуществленія этого перехода попечительства продолжали свою нынѣшнюю дѣятельность въ усиленной борьбѣ съ нетрезвостью.

Если попечительства о народной трезвости въ ихъ теперешнемъ видѣ будутъ замѣнены другими самостоятельными учрежденіями — общественной самодѣятельности представится широкое и благотворное поле. Борьба съ пьянствомъ, — съ „водочнымъ потокомъ“, какъ называли аналогичное явленіе въ концѣ XVIII столѣтія въ Швеціи — потребуетъ большого напряженія силъ, стойкости и неустанной настойчивости. Малый успѣхъ вначалѣ не долженъ смущать тѣхъ, кто болѣющимъ за родину сердцемъ отдается этому дѣлу! Оно сложно и трудно, а зло, съ которымъ оно будетъ призвано бороться, пустило глубокіе корни — и побѣду надо будетъ завоевывать, употребляя выраженіе Л. Н. Толстого, „не рывомъ и скокомъ, а тяжемъ“. Но за то и цѣль здѣсь прекрасна. „Я непоколебимо вѣрю, — сказалъ на своемъ юбилей незадолго до смерти Пастёръ, — что будущее принадлежитъ тѣмъ, кто будетъ работать для страждущаго человѣчества и стараться облегчить его вольныя и невольныя бѣдствія“.

А. Ѡ. Конн.

ВЫБОРНЫЙ МИРОВОЙ СУДЬ

И

ЕГО ОРГАНИЗАЦІЯ

Два мѣсяца тому назадъ мы разсмотрѣли основы законопроекта о мѣстномъ судѣ, внесеннаго министромъ юстиціи въ третью Государственную Думу. Комиссія по судебнымъ реформамъ, учрежденная Думой, высказывается за отклоненіе налогового ценза и за удержаніе ценза земельного (подесятиннаго), съ пониженіемъ его вдвое, т.-е. съ приравненіемъ его къ цензу, дающему право непосредственнаго участія въ земскихъ выборахъ. Это пониженіе—несомнѣнно перемѣна къ лучшему, но весьма недостаточная: имущественный цензъ, ничего, въ сущности, не гарантирующій и вмѣстѣ съ тѣмъ до крайности уменьшающій число возможныхъ кандидатовъ въ мировые судьи, подлежалъ бы, какъ мы старались показать въ нашей предъидущей статьѣ, не уменьшенію, а совершенному уничтоженію. Освобожденіе отъ имущественнаго ценза комиссія допускаетъ для лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе, если, притомъ, они *мѣстнаго происхожденія* и не менѣе пяти лѣтъ передъ выборами проживали въ данномъ уѣздѣ. Для насъ несомнѣнно понятно требованіе мѣстнаго происхожденія: вѣдь въ мировые судьи могутъ быть избираемы, по общему правилу, *мѣстные жители*—а къ числу послѣднихъ принадлежать, конечно, не одни только родившіеся въ данной мѣстности или отъ мѣстныхъ уроженцевъ. Слишкомъ продолжителенъ, далѣе, срокъ проживанія въ данномъ уѣздѣ, устанавливаемый комиссіей какъ условіе избранія: двухъ-трехъ лѣтъ совершенно довольно для того, чтобы узнать мѣст-

ность и быть признаннымъ ею. Предположеніямъ комиссіи и здѣсь, однако, слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ министерскимъ проектомъ, допускавшимъ освобожденіе отъ имущественнаго (и образовательнаго!) ценза не иначе какъ подъ условіемъ *единогласнаго* избранія, возможнаго лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Совершенно права, наконецъ, комиссія и тогда, когда въ дисциплинарномъ отношеніи подчиняетъ мировыхъ судей, наравнѣ съ членами общихъ судебныхъ мѣстъ, высшему дисциплинарному присутствію сената, а не судебной палатѣ, какъ предлагаетъ министръ юстиціи. Тѣ шаги назадъ, которые, во время второго междудумья, сдѣлалъ министръ юстиціи, не нашли, такимъ образомъ, одобренія даже со стороны представителей третьей Государственной Думы.

Переходимъ теперь къ тѣмъ вопросамъ организаціи мирового суда, которыхъ мы еще не касались. Апелляціонную инстанцію по дѣламъ, подсуднымъ мировому суду, министръ юстиціи предлагаетъ создать въ видѣ уѣздныхъ и городскихъ отдѣленій окружного суда, состоящихъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго или городского члена суда, изъ мѣстныхъ участковыхъ, добавочныхъ и почетныхъ мировыхъ судей. Комиссія второй Государственной Думы стояла за включеніе въ составъ апелляціонной инстанціи исключительно выборныхъ мировыхъ судей, т.-е. за восстановленіе мирового съѣзда, созданнаго судебными уставами 1864-го года. Комиссія третьей Думы также высказывается за восстановленіе мирового съѣзда, ничѣмъ не связаннаго съ окружнымъ судомъ, но во главѣ съѣзда ставить предсѣдателя, *назначаемаго* Высочайшею властью. „Если для выполненія обязанностей мирового судьи“ — читаемъ мы въ докладѣ комиссіи — „достаточно высшее или даже среднее образованіе, то для того, чтобы дѣло мировой юстиціи въ цѣломъ мировомъ округѣ, при расширенной компетенціи и опасеніяхъ за достаточность достойныхъ кандидатовъ, было поставлено правильно, надо, чтобы въ составѣ мирового съѣзда надзоръ и руководство дѣломъ мировой юстиціи были ввѣрены опытному и свѣдущему юристу. Такихъ лицъ скорѣе всего надо искать въ рядахъ чиновъ общихъ судебныхъ установленій, а они едва-ли согласятся мѣнять свое положеніе на положеніе судьи, подвергающагося баллотировкѣ черезъ каждыя три года, и ихъ можно удовлетворить только постояннымъ назначеніемъ Высочайшею властью. Получая авторитетное положеніе, такой предсѣдатель въ то же время явится не начальникомъ мировыхъ судей, а лишь *primus inter pares*“.

Убѣдительностью эти соображенія комиссіи не отличаются. Ничто не мѣшаетъ, во-первыхъ, требовать отъ всѣхъ кандидатовъ въ мировые судьи высшаго юридическаго или вообще высшаго образованія (какъ и предполагалось сначала въ проектѣ министерства юстиціи) —

и вмѣстѣ съ тѣмъ широко раздвинуть кругъ возможныхъ кандидатовъ, совершенно отмѣнивъ имущественный цензъ. „Опытные и свѣдущіе юристы“ имѣются, далѣе, не только въ средѣ общихъ судебныхъ установлений; многіе изъ нихъ, дорожа пребываніемъ у себя дома, въ родной усадьбѣ, охотнѣе согласятся баллотироваться въ мировые судьи, чѣмъ искать протекціи въ министерствѣ юстиціи и ѣхать туда, куда оно найдетъ нужнымъ ихъ назначить. Бѣльшей прочности положенія мировыхъ судей можно достигнуть удлиненіемъ срока, на который они избираются. Съ другой стороны, *назначеніе* председателя мирового съѣзда легко можетъ стать источникомъ розни, вредной для правильнаго хода дѣла. Чтобы чувствовать себя на председательскомъ мѣстѣ только „первымъ между равными“, нужно попасть на это мѣсто тѣмъ же путемъ, какимъ получаютъ свои полномочія остальные судьи. Занимая его, въ сущности, по волѣ министра или министерской канцеляріи, но формально—въ силу Высочайшей воли, занимая его, притомъ, не на срокъ, а на неопредѣленное время, председатель невольно будетъ расположенъ видѣть въ членахъ съѣзда не равныхъ, а низшихъ, почти подначальныхъ; не даромъ же и комиссія облакаетъ его правомъ „руководительства и надзора“. Различіе между нимъ и его товарищами будетъ обострено и тѣмъ, что послѣдніе, какъ мѣстные жители и избранники мѣстнаго населенія, не будутъ, за рѣдкими исключеніями, мечтать о повышеніи, о переводѣ, а председатель, принадлежа къ специальной категоріи „должностныхъ лицъ“, въ большинствѣ случаевъ весьма серьезно будетъ озабоченъ мыслію и о томъ, и о другомъ. Судья, назначенному со стороны, въ гораздо бѣльшей степени чѣмъ судьямъ избраннымъ изъ среди мѣстныхъ жителей будетъ свойственно строго-формальное отношеніе къ доказательствамъ, къ процессуальнымъ вопросамъ; ему гораздо труднѣе будетъ примѣниться къ особенностямъ мѣстности и ея населенія, гораздо труднѣе будетъ признать значеніе обычаевъ и отвѣстивъ имъ надлежащую роль въ судебныхъ рѣшеніяхъ. Для приплаго человѣка не нужно много времени, чтобы примкнуть къ той или другой группѣ или котеріи, чтобы вовлечься въ борьбу общественныхъ теченій: сохранить нейтралитетъ, приличествующій судья, остаться безпристрастнымъ и спокойнымъ, свободнымъ отъ внушеній симпатіи или антипатіи, онъ можетъ лишь благодаря сознанію судейскаго долга— а это сознаніе доступно избраннымъ судьямъ въ такой же мѣрѣ, какъ и назначеннымъ. Выборный председатель мирового съѣзда былъ бы у насъ, притомъ, не чѣмъ-то новымъ. По выбору судей замѣщалась въ земскихъ губерніяхъ, эта должность, пока оставались въ силѣ судебныя уставы 1864-го года; по выбору судей она замѣщается и теперь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уцѣлѣлъ выборный мировой судья. Мы и

помнимъ, чтобы этотъ порядокъ подавалъ поводъ, когда-либо и гдѣ-либо, къ основательнымъ жалобамъ. Выборное начало оспаривалось вообще въ примѣненіи къ мировому суду, но не въ примѣненіи къ предсѣдательству на мировомъ съѣздѣ. Само собою разумѣется, что выборъ предсѣдателя съѣзда не всегда бывалъ, не всегда могъ быть одинаково удаченъ; но нѣтъ никакого основанія предполагать, что процентъ неудачныхъ выборовъ—выше процента неудачныхъ назначеній на должность предсѣдателя (въ мировыхъ съѣздахъ не-земскихъ губерній). Поправить ошибку, наконецъ, гораздо легче при выборахъ на опредѣленный срокъ, чѣмъ при назначеніи на неопредѣленное время. Въ восстановленіи выборнаго мирового суда не слѣдуетъ останавливаться на полъ-дорогѣ, не слѣдуетъ прибѣгать къ полу-мѣрамъ въ родѣ той, которую рекомендуетъ коммиссія третьей Государственной Думы.

Проектъ министерства юстиціи значительно расширяетъ кругъ дѣйствій мирового суда. Подсудными ему признаются гражданскія дѣла на сумму до 1.000 руб. (а не до 500, какъ по судебнымъ уставамъ), и притомъ не исключая дѣлъ о недвижимости, судебными уставами отнесенныхъ, независимо отъ цѣны иска, къ вѣдомству общихъ судебныхъ установленій. Мировому суду предоставляется, сверхъ того, утвержденіе духовныхъ завѣщаній, если цѣнность завѣщаннаго имущества не превышаетъ 1.000 рублей, и вводъ во владѣніе недвижимымъ имуществомъ, каковы бы ни были его размѣры и стоимость. Противъ всего этого не спорила коммиссія второй, не спорить и коммиссія третьей Государственной Думы. Въ печати предположенія министерства также почти не встрѣтили возраженій; только Н. А. Гредескулъ, въ обширной статьѣ, напечатанной въ „Правѣ“ (1907 г., №№ 30, 31 и 34—37), старался доказать, что пятьсотъ рублей—естественный предѣлъ, за который отнюдь не должна переходить подсудность мирового суда. Подробный разборъ аргументовъ, приводимыхъ уважаемымъ профессоромъ, былъ бы уместенъ только на страницахъ специально-юридическаго журнала; ограничимся, по необходимости, немногими замѣчаніями.

Н. А. Гредескулъ исходитъ изъ мысли, что всякая гражданская сдѣлка „связана съ психологической, обывательской оболочкой, сквозь которую приходится добираться до ея юридическаго содержанія“. Этотъ процессъ тѣмъ легче, чѣмъ лучше обдумана и чѣмъ лучше выражена воля, лежащая въ основаніи сдѣлки. Чтобы достигнуть и того, и другого, нужна затрата времени, вниманія, умственныхъ силъ—а на такую затрату стороны идутъ тѣмъ охотѣе, чѣмъ выше цѣнность сдѣлки. Сдѣлки малоцѣнные обдумываются, болѣею частью, поверхностно и не до конца, формулируются безъ достаточной тщательности.

Сообразно съ этимъ различенъ долженъ быть и способъ обсужденія сдѣлокъ малоцѣнныхъ и многоцѣнныхъ; въ первыхъ примѣнимъ масштабъ бытовой, въ послѣднимъ—масштабъ строго-юридической. Отсюда—необходимость особой подсудности для малоцѣнныхъ дѣлъ. Что касается до границы между дѣлами многоцѣнными и малоцѣнными, то она не можетъ быть вездѣ и всегда одинакова. Въ болѣе культурныхъ странахъ она должна проходить ниже, нежели въ менѣе культурныхъ, и по мѣрѣ роста культуры должна понижаться, а не повышаться: вѣдь чѣмъ выше культура и чѣмъ больше она распространена, тѣмъ больше число сдѣлокъ, удовлетворяющихъ требованіямъ юридической техники и допускающихъ разсмотрѣніе въ общемъ порядкѣ, общимъ судомъ. Россія, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, несомнѣнно сдѣлала большой шагъ впередъ на пути культурнаго развитія: нельзя и не слѣдуетъ, поэтому, увеличивать число гражданскихъ дѣлъ, подсудныхъ мировому суду. Мировой судъ хорошъ именно для бытовыхъ дѣлъ—а источниками такихъ дѣлъ болѣе цѣнные и, слѣдовательно, болѣе обработанныя въ юридическомъ отношеніи сдѣлки не служатъ. Только въ дѣлахъ бытового свойства мировой судья можетъ оправдать свое названіе: онъ долженъ, виѣсть съ сторонами, завершить, довести до конца несовершенную ихъ сдѣлку. Если рядомъ съ малоцѣнными дѣлами въ вѣдомству мѣстнаго суда будутъ отнесены дѣла сравнительно многоцѣнные, мировому судѣ придется безпрестанно „перемѣнять внутри себя точки зрѣнія на дѣло“—а это приведетъ къ полному ихъ смѣшенію; судья „перестанетъ быть устоемъ и жрецомъ какой бы то ни было справедливости, бытовой или строго-юридической“. Подсудность мирового суда, съ упраздненіемъ судовъ волостныхъ, и безъ того будетъ весьма широка: въ искусственномъ расширеніи ея, путемъ перенесенія границы съ 500 на 1.000 рублей, нѣтъ рѣшительно никакой надобности.

Въ аргументаціи Н. А. Гредескула, безспорно интересной и остроумной, упущено, прежде всего, изъ виду, что такъ называемыя малоцѣнные дѣла далеко не всегда возникаютъ изъ малоцѣнныхъ сдѣлокъ. Сплошь и рядомъ иски, не превышающіе 500 рублей, предъявляются на основаніи сдѣлокъ или актовъ, гораздо болѣе крупныхъ по суммѣ: достаточно назвать хотя бы требованіе наемной или арендной платы за извѣстную часть года (напр. 300 руб. за четверть года, по контракту на квартиру, оплачиваемую 1.200 руб. въ годъ), или требованіе небольшого отказа (легата) по духовному завѣщанію, касающемуся, въ своей совокупности, весьма значительнаго имущества. Какъ бы невысока ни была, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, цѣна иска, мировому судѣ придется толковать и примѣнять документъ, отличающійся, по терминологіи Н. А. Гредескула, не „бытовымъ“, а „строго-

юридическимъ" характеромъ. Отъ „постоянной смѣны точекъ зрѣнія“, которой такъ опасается Н. А. Гредескулъ, мирового судью не ограждать, слѣдовательно, никакое пониженіе границы между дѣлами многоцѣнными и малоцѣнными. Мировой судья вовсе не предназначенъ быть „жрецомъ и устоемъ“ *бытовой* справедливости, какъ чего-то отличнаго отъ справедливости *строю-юридической*: онъ долженъ просто быть справедливымъ, т.-е. стремиться къ постановленію рѣшенія, не противорѣчащаго закону и вмѣстѣ съ тѣмъ возможно болѣе соответствующаго требованіямъ жизненной правды. Есть, затѣмъ, обширная категорія малоцѣнныхъ дѣлъ, источникомъ которыхъ служить не сдѣлка, а дѣйствіе (или бездѣйствіе), причинившее вредъ или убытокъ. Ко всѣмъ такимъ дѣламъ разсужденія Н. А. Гредескула вовсе непримѣнимы: задача мирового судьи заключается здѣсь не въ томъ, чтобы *засеритить* выраженіе воли договаривавшихся сторонъ, а въ томъ, чтобы установить—или отвергнуть—*фактъ* причиненія убытковъ, со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями. Способъ осуществленія этой задачи, какъ и степень трудности ея, меньше всего зависитъ отъ цифры взыскиваемыхъ убытковъ. Возьмемъ, на примѣръ, случай подтопа луговъ, вслѣдствіе устроенной сосѣдомъ запруды; не ясно ли, что доказать причинную связь между обими фактами отнюдь не легче при незначительности суммы убытковъ, чѣмъ при весьма высокомъ ихъ размѣрѣ?.. Крайне спорнымъ кажется намъ, далѣе, мнѣніе Н. А. Гредескула о необходимости суживать кругъ малоцѣнныхъ дѣлъ—и, сообразно съ этимъ, сферу дѣйствій мѣстнаго суда,—по мѣрѣ развитія и распространенія культуры. Если въ западно-европейскихъ государствахъ подсудность мѣстнаго суда гораздо болѣе ограничена, чѣмъ у насъ, то это объясняется не столько болѣею культурностью ихъ населенія, сколько несравненно болѣею его густотою и несравненно лучшимъ состояніемъ путей сообщенія. Главная raison d'être мѣстнаго, единоличнаго суда—его доступность, его близость къ населенію, благодаря чему безъ всякаго серьезнаго затрудненія, безъ несоразмѣрно тяжелой потери времени и средствъ можетъ быть начато и проведено даже самое малоцѣнное дѣло. Въ Россіи, при громадныхъ разстояніяхъ и крайне плохихъ дорогахъ, къ вѣдомству мѣстнаго суда по необходимости должны быть отнесены и такія дѣла, которыя у нашихъ болѣе счастливыхъ сосѣдей безъ всякаго неудобства и затрудненія могутъ быть предоставлены въ вѣдѣніе общихъ судовъ. Съ этой точки зрѣнія мы находимся теперь въ томъ же положеніи, какъ и сорокъ-четыре года тому назадъ, въ моментъ изданія судебныхъ уставовъ; если поѣздка въ мѣсто пребыванія окружнаго суда кое-гдѣ нѣсколько легче прежняго, то средствъ для нея у массы населенія не больше, а скорѣе меньше. Несомнѣнно измѣнилось

только одно: упала цѣнность денегъ; тысяча рублей представляетъ собой величину приблизительно равную той, какою была въ шестидесятихъ годахъ сумма въ пятьсотъ рублей. Въ этомъ и заключается достаточное оправданіе перемены, предлагаемой министерствомъ юстиціи и одобряемой думскими комиссіями. Прибавимъ къ этому, что составители судебныхъ уставовъ, предпринимая такой смѣлый опытъ, какими являлось тогда учрежденіе выборнаго мирового суда, могли находить, что пятьсотъ рублей—крайній предѣлъ подсудности мировыхъ судей; но теперь, послѣ того какъ опытъ блестяще удался, ничто не мѣшало бы сдѣлать еще шагъ въ томъ же направленіи, еслибы даже въ цѣнности денегъ и не произошло существенной перемены.

Расширить подсудность мирового суда предполагается не только вверхъ, повышеніемъ цѣны подвѣдомственныхъ ему исковъ до 1.000 рублей, но и внизъ, подчиненіемъ ему всей массы дѣлъ, разбираемыхъ въ настоящее время волостнымъ судомъ. Что сословный крестьянскій судъ, пристрастный, невѣжественный, зависящій съ одной стороны отъ писаря, съ другой — отъ начальства, отжилъ свое время и потерялъ всякое право на существованіе—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; весь вопросъ въ томъ, можетъ ли онъ быть замѣненъ единственно и всецѣло мировымъ судомъ. Кругъ вѣдомства мирового судьи предполагается ограничить тремя волостями, съ тѣмъ, чтобы разбирательство дѣлъ, возникающихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, производилось, *по возможности*, въ волости, гдѣ они возникли; съ этою цѣлью судья обязывается періодически объѣзжать свой участокъ, открывая засѣданія въ каждой волости. Нѣчто подобное требовалось и учрежденіемъ судебныхъ установленій: *съ необходимостью случалась* мировой судья долженъ былъ разбирать дѣла на мѣстахъ, гдѣ они возникли. На практикѣ, однако, такое разбирательство происходило рѣдко; общимъ правиломъ оставался разборъ дѣлъ въ камерѣ мирового судьи. Допустимъ, что вновь проектируемый порядокъ будетъ соблюдаться въ точности, несмотря на оговорку: *по возможности*, оставляющую широкій просторъ усмотрѣнію судьи. Будетъ ли достигнута цѣль, приблизится ли судъ къ населенію на столько, чтобы безъ всякаго затрудненія могло быть начато и безъ обременительной для тяжущихся затраты времени и средствъ приведено къ концу всякое дѣло, даже самое малоцѣнное? Не думаемъ. Выѣзжать изъ мѣста жительства мировой судья едва-ли будетъ чаще, чѣмъ разъ въ мѣсяцъ: между пріѣздами его въ волость будетъ проходить, такимъ образомъ, не менѣе двухъ мѣсяцевъ. Многія дѣла не могутъ быть окончены сразу: въ случаѣ вызова свидѣтелей или назначенія осмотра на мѣстѣ продолженіе разбора придется отложить еще на два мѣсяца. Между тѣмъ, чѣмъ малоцѣннѣе дѣло, тѣмъ больше неудобствъ пред-

ставляет каждая отсрочка въ его рѣшеніи, тѣмъ больше она толкаетъ на путь самосуда и самоуправства. Какъ ни плохъ нынѣшній волостной судъ, онъ имѣетъ достоинство близости, и нежелательно было бы лишать сельскихъ жителей привычнаго для нихъ удобства: это значило бы сразу уменьшить популярность реформы. Съ другой стороны, частые выѣзды мирового судьи изъ мѣста постоянного жительства затруднили бы обращеніе къ нему съ просьбами, иногда не терпящими отлагательства, и замедлили бы общій ходъ дѣлъ, ему подсудныхъ. Трудно ожидать, далѣе, чтобы мировой судья, заваленный дѣлами, обращалъ достаточное вниманіе на самые мелкіе иски, которымъ тяжущіеся, въ силу соображеній не столько экономическихъ, сколько психологическихъ, придаютъ иногда чрезвычайно важное значеніе. На этой почвѣ легко можетъ возникнуть недовѣріе къ судьямъ, а затѣмъ и къ суду, особенно опасное для новаго учрежденія. До апелляціонной инстанціи наиболѣе мелкія по цѣнности дѣла будутъ доходить сравнительно рѣдко, хотя право на апелляцію не ставится проектомъ въ зависимость отъ цѣны иска; но чѣмъ меньше будетъ формальныхъ жалобъ, тѣмъ больше останется мѣста для недовольства судомъ, для ропота на неправосудныя, будто бы, его рѣшенія. Если же, паче чаянія, апелляціи будутъ приносимы въ большомъ числѣ и по искамъ наименьшей цѣнности, то въ апелляціонной инстанціи, перегруженной дѣлами, болѣе важныя изъ нихъ могутъ заслонить собою, въ глазахъ судей, менѣе важныя, т.-е. менѣе цѣнныя—или, по крайней мѣрѣ, можетъ возникнуть предположеніе, что цѣнностью дѣла обусловливается степень вниманія къ нему мирового съѣзда. Наконецъ, чѣмъ шире кругъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію мирового съѣзда, тѣмъ труднѣе становится вопросъ о кассационномъ обжалованіи его рѣшеній. Проектъ министерства юстиціи не столько развязываетъ, сколько разрубаетъ узелъ, совершенно устраняя принесеніе кассационныхъ жалобъ по дѣламъ, въ которыхъ цѣна иска не превышаетъ ста рублей.

Всѣ указанныя нами неудобства могли бы быть устранены учрежденіемъ въ каждой волости—преобразованной изъ крестьянской въ всесловную—волостного судьи, избираемаго волостнымъ собраніемъ изъ числа мѣстныхъ жителей, независимо отъ сословія и состоянія, съ образовательнымъ цензомъ не ниже двухкласснаго сельскаго училища. Такому судьямъ можно было бы поручить разборъ всѣхъ возникающихъ въ волости гражданскихъ дѣлъ на сумму не выше 50 рублей и поставить надъ нимъ апелляціонную инстанцію, въ лицѣ мирового судьи и двухъ другихъ волостныхъ судей. На рѣшенія этой инстанціи можно было бы приносить кассационныя жалобы въ мировой съѣздъ. Такое устройство мѣстнаго суда отвѣчало бы, отчасти, желаніямъ крестьянъ-членовъ третьей Государственной Думы, высказавшихся за коллегіаль-

ный мировой судъ, въ составѣ предсѣдателя (удовлетворяющаго условія, требуемыя отъ мирового судьи) и членовъ (отъ которыхъ требуется только грамотность). Въ основаніи этого проекта лежитъ, очевидно, стремленіе привлечь къ отправленію правосудія людей, хорошо знающихъ мѣстный бытъ, и создать въ ихъ лицѣ противовѣсъ помѣщичьему элементу, преобладающему среди мировыхъ судей. Это стремленіе совершенно понятно и законно, но форма, въ которую оно облечено, очень сложна и тяжеловѣсна. Коллегіальность первой судебной инстанціи потребовала бы слишкомъ много людей и слишкомъ много средствъ, не устраняя неудобствъ, сопряженныхъ съ отдаленностью отъ населенія. Наоборотъ, волостные судьи, образуя вмѣстѣ съ мировымъ судьей апелляціонную инстанцію по дѣламъ наиболѣе малоцѣннымъ, легко могли бы воспринять отъ него простѣйшіе юридическіе навыки и знанія, необходимыя для рѣшенія этихъ дѣлъ—а мировой судья заимствовалъ бы отъ нихъ правильное пониманіе деталей народной жизни. Дѣла, подсудныя волостному судѣ, получали бы быстрое, по возможности немедленное рѣшеніе въ той самой волости, гдѣ они возникли, да и апелляціонное ихъ разбирательство происходило бы въ довольно близкомъ съ нею сосѣдствѣ—а явныя ошибки въ примѣненіи закона, допущенныя апелляціонною инстанціею, могли бы быть исправляемы, въ кассационномъ порядкѣ, мировымъ съѣздомъ. Средствъ для оплаты труда волостного судьи, вполнѣ совмѣстимаго съ другими постоянными занятіями, понадобилось бы немного. Нравственный авторитетъ этой должности, при удачныхъ выборахъ, могъ бы подняться такъ высоко, что отъ занятія ея не стали бы отказываться и широко образованные люди, пользующіеся довѣріемъ мѣстныхъ жителей... Возражая противъ учрежденія коллегіи, состоящей изъ предсѣдателя-юриста и засѣдателей не-юристовъ, комиссія третьей Думы приравниваетъ ее къ существующему въ Германіи суду шеффеновъ, который не далъ „безспорныхъ положительныхъ результатовъ“, хотя и примѣняется только къ дѣламъ уголовнымъ. Въ предлагаемой нами смѣшанной коллегіи волостные судьи обладали бы привычкою къ самостоятельному рѣшенію дѣлъ, приобретенной ими при единоличной дѣятельности въ качествѣ суда первой степени; ихъ не подавляло бы, поэтому, превосходство предсѣдателя, тѣмъ болѣе, что, уступая ему въ юридической подготовкѣ, они часто превосходили бы его въ житейской опытности. Судѣйствіе ихъ было бы особенно полезно именно въ мелкихъ, обыденныхъ гражданскихъ дѣлахъ, для правильнаго рѣшенія которыхъ такъ важно близкое знакомство съ бытомъ народной массы. Въ пользу учрежденія волостного судьи, выбираемаго всѣми сословіями изъ среды всѣхъ сословій, говорить, наконецъ, опытъ гминныхъ судовъ, существующихъ въ царствѣ Польскомъ. Правда, они построены на колле-

гяльномъ началѣ; но едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что удовлетворительности результатовъ, достигаемыхъ гминными судами, способствуютъ главнымъ образомъ гминные судьи (т.-е. председатели гминныхъ судовъ), должность которыхъ стоитъ высоко въ глазахъ населенія.

Пока у насъ нѣтъ новаго гражданскаго уложенія, мѣстный судъ, въ вѣдѣніе котораго переходитъ вся масса крестьянскихъ дѣлъ, не можетъ обойтись безъ примѣненія обычаевъ. Проектъ министерства юстиціи сохраняетъ въ силѣ постановленіе ст. 130-ой уст. гражд. судопр., на основаніи которой судъ можетъ, по ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ, руководствоваться общеизвѣстными мѣстными обычаями, когда примѣненіе ихъ именно дозволяется закономъ или въ случаяхъ, положительно закономъ не разрѣшаемыхъ. Дополнить это постановленіе предполагается слѣдующими правилами: 1) сторона, ссылающаяся на неизвѣстный суду мѣстный обычай, должна доказать его существованіе; 2) въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ предписываетъ руководствоваться мѣстными обычаями, судъ примѣняетъ послѣдніе и безъ ссылки на нихъ сторонъ, при чемъ по собственному почину принимаетъ всѣ необходимыя мѣры къ установленію обычаевъ, ему неизвѣстныхъ. Комиссія третьей Думы, если мы не ошибаемся, еще не высказалась окончательно по вопросу объ области дѣйствія и условія примѣненія обычаевъ. Комиссія второй Думы нашла нужнымъ: 1) установить, что дѣла о наслѣдованіи между крестьянами, а также дѣла, возникающія изъ отношеній семейственныхъ по имуществу, разрѣшаются на основаніи мѣстныхъ обычаевъ; 2) примѣненіе обычаевъ къ вещнымъ спорамъ о внѣнадѣльномъ недвижимомъ имуществѣ совершенно устранить; 3) во всѣхъ остальныхъ случаяхъ допустить, *по ссылкѣ обѣихъ сторонъ*, примѣненіе обычаевъ, по скольку они не противорѣчатъ прямымъ запрещеніямъ общегражданскихъ законовъ. Съ этимъ мнѣніемъ мы несогласны только въ одномъ: мы не видимъ причины обуславливать примѣненіе обычаевъ ссылкой на нихъ *обѣихъ сторонъ*. Слишкомъ трудно ожидать, чтобы на обычай сослалась сторона, интересамъ которой онъ завѣдомо неблагоприятенъ.

Недавно, въ засѣданіи 5-го мая, членъ Думы Кропотовъ произнесъ нѣсколько горькихъ словъ объ институтѣ земскихъ начальниковъ, „приносящемъ государству вредъ, а трудовому народу—слезы и скорбь“. Противъ этихъ словъ протестовалъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, утверждая, что между земскими начальниками очень много самоотверженныхъ и добросовѣстныхъ тружениковъ, несомнѣнно принимающихъ къ сердцу интересы крестьянскаго населенія. „Я думаю“,

воскликнулъ г. Лыкошинъ,— „что подобныя огульныя обвиненія не только несправедливы, но и нежелательны, потому что могутъ подорвать авторитетъ власти“. Земскіе начальники—учрежденіе, обреченное на смерть самимъ правительствомъ и ожидающее ея въ весьма близкомъ будущемъ. Трудно понять, для чего понадобилась попытка поддержать его авторитетъ—тѣмъ болѣе трудно, что уничтожающая критика его дана въ объяснительной запискѣ министра юстиціи къ проекту преобразованія мѣстнаго суда (стр. 29—30). „Земскіе начальники“—читаемъ мы здѣсь—„постоянно стремятся вносить въ судебное дѣло приемы административнаго усмотрѣнія, въ самомъ корнѣ подрывая этимъ довѣріе къ своей дѣятельности въ качествѣ органовъ судебной власти. Многіе земскіе начальники усвоили себѣ такой взглядъ на законъ 12-го іюля 1889 г., что онъ имѣетъ цѣлью *обузданіе* и *дисциплинированіе* крестьянскаго населенія и возстановленіе особаго значенія дворянъ-землевладѣльцевъ... Дѣйствующія судебно-административныя учрежденія представляютъ въ основѣ своихъ возрѣній столкновеніе двухъ началъ: начала утвержденія власти и начала законнаго права и справедливости... Значительное большинство земскихъ начальниковъ не имѣютъ никакой ни практической, ни теоретической подготовки, необходимой для правильнаго отправленія правосудія... Главный ихъ контингентъ состоитъ изъ лицъ, стремящихся къ занятію этихъ мѣстъ или въ видахъ полученія большаго содержанія, или для того, чтобы жить поближе къ своимъ имѣніямъ, управлять которыми они считаютъ гораздо удобнѣе, пользуясь престижемъ предоставленной имъ власти“. Это—настоящая отходная институту земскихъ начальниковъ, заранѣе уничтожившая возможность официальной его защиты. Съ позиціи, которую занялъ министр юстиціи, отступленіе немислимо; законъ 12-го іюля 1889-го года осужденъ безповоротно. Всеобщее одобреніе, съ которымъ встрѣчено возвращеніе къ выборному мировому суду, объясняется, между прочимъ, именно тѣмъ, что онъ долженъ замѣнить собою радикально неудавшееся учрежденіе.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1908.

Союзъ 17-го октября въ третьей Государственной Думѣ. — Лѣвые и правые октябристы. — Железнодорожная анкета. — Предѣлы власти председателя Думы. — Законопроектъ о контингентѣ и евреяхъ. — Пренія по финляндскому вопросу. — Учащающіяся обращенія къ угрозамъ и къ грубой силѣ. — Способы ихъ предупрежденія. — Полемика между „Рѣчью“ и „Русью“. — Объясненіе генерала Думбадзе.

Когда, съ конца 1905-го года, у насъ начался процессъ образованія политическихъ партій, мы постоянно возражали противъ крайностей такъ называемой партійной дисциплины, противъ безусловнаго подчиненія партійной тактикѣ; мы находили, что соединеніе въ одну группу, вызываемое общностью основныхъ взглядовъ, не предполагаетъ и не требуетъ согласія во всѣхъ деталяхъ, не влечетъ за собою обезличенія членовъ партіи и только до известной степени ограничиваетъ ихъ свободу дѣйствій. Никогда, однако, намъ не приходила въ голову мысль, что возможна партія вовсе безъ дисциплины, безъ единодушія по вопросамъ существенно важнымъ, безъ нравственно обязательной программы, безъ всеми принятаго символа вѣры. Такая партія, казалось намъ, была бы *contradictio in adjecto*: незачѣмъ было бы соединяться, чтобы потомъ идти въ разбродъ и преслѣдовать, подъ общимъ знаменемъ, существенно различныя или даже противоположныя цѣли. Невѣроятное, въ наше время, оказывается возможнымъ: партіею по имени, но не на самомъ дѣлѣ, является союзъ 17-го октября. Еще недавно можно было въ этомъ сомнѣваться: можно было думать, что, какъ ни велико разстояніе между правыми и лѣвыми октябристами, все-таки есть связывающій ихъ цементъ, выступающій наружу въ критическіе моменты и не допускающій открытой розни. Теперь иллюзіи на этотъ счетъ невозможны: союзъ 17 октября является партіей только по имени.

Когда министр финансовъ, въ засѣданіи 24-го апрѣля, произнесъ свою знаменитую фразу: „у насъ, слава Богу, нѣтъ парламента“, противъ нея выступилъ, на другой день, октябристъ графъ Уваровъ; вслѣдъ затѣмъ предсѣдатель Думы, беспартийный въ силу своего положенія, но выбранный въ Думу какъ октябристъ, назвалъ выраженіе министра „неудачнымъ“, а депутаты, принадлежащіе къ союзу 17-го октября, вошли въ составъ большинства, которымъ принято, вопреки возраженіямъ В. Н. Коковцева, учрежденіе, въ законодательномъ порядкѣ, анкетной комиссіи по желѣзнодорожному дѣлу. Правда, въ засѣданіи 26-го апрѣля Н. А. Хомяковъ призналъ *формальную* некорректность квалификаціи, данной имъ словамъ министра; но самый фактъ не потерялъ, отъ этого, своего смысла, и *парламентское* значеніе Думы осталось подчеркнутымъ со стороны ея предсѣдателя. 28-го апрѣля началось въ Думѣ обсужденіе смѣтъ, особенно важныхъ въ политическомъ отношеніи: смѣты министерства юстиціи и смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ преніяхъ о первой смѣтѣ октябристы участія не принимали, но, въ противоположность правымъ, подали голосъ за значительное уменьшеніе бюджета главнаго тюремнаго управленія. Въ первый день преній по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ (29-го апрѣля) изъ среды октябристовъ выступили два оратора (бар. Мейендорфъ и князь Голицынъ) съ рѣзкими нападеніями на систему исключительныхъ положеній и на способъ примѣненія ея администраторами, облеченными чрезвычайною властью. Правда, они какъ будто выгораживали центральное правительство, направляя свои удары главнымъ образомъ противъ его мѣстныхъ представителей; но вѣдъ того же приѣма держался еще до нихъ депутатъ Махлаковъ, членъ партіи народной свободы. Баронъ Мейендорфъ началъ свою рѣчь восторженной похвалою „твердой рукѣ, взявшей руль государственнаго корабля“, но вслѣдъ затѣмъ призналъ, что надежды, возбужденныя въ немъ этой твердостью, удовлетворены не вполнѣ, и осудилъ попытки „поддерживать порядокъ старыми средствами“—попытки, возбуждающія „вполнѣ законное недовольство“. Еще рѣшительнѣе выражался кн. Голицынъ. „Мы считаемъ“ — замѣтилъ онъ, говоря, очевидно, отъ имени своей партіи, — „что исключительныя положенія вносятъ атмосферу безправія и произвола, развращаютъ агентовъ власти и населеніе, подрываютъ авторитетъ закона. Мы считаемъ, что, являясь государственною необходимостью въ извѣстные моменты, исключительныя положенія, по минованіи въ нихъ надобности, совершенно недопустимы. *Въ данный моментъ мы наблюдаемъ совершенно обратное явленіе*“. Этими послѣдними словами кн. Голицынъ прямо затронулъ центральное правительство, отъ котораго зависитъ отмѣна или удержаніе, въ той или другой мѣстности, того или другого исключительнаго поло-

женія. Два дня спустя, въ засѣданіи 1-го мая, въ защиту исключительныхъ положеній выступилъ, отъ имени правительства, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Макаровъ — и съ этой минуты картина начинаетъ быстро измѣняться. Рѣчь г. Макарова была произнесена въ то время, когда запись ораторовъ была прекращена, но оставалось еще выслушать нѣсколькихъ депутатовъ (большую частью — изъ среды правыхъ). Между тѣмъ, не могли же и не должны были остаться безъ возраженія факты и доводы, приведенные представителемъ министерства. Внесено было предложеніе возобновить пренія, вполне согласное если не съ буквою, то съ духомъ наказа. Оно было отвергнуто большинствомъ, къ которому применили какъ правые, такъ и октябристы. Лѣвые протестовали противъ этого рѣшенія, удалясь изъ залы засѣданія. На другой день, 2-го мая, гр. Бобринскій 2-ой (умѣренно-правый) предложилъ допустить возобновленіе преній, ограничивъ число ораторовъ тремя съ каждой стороны. Въ томъ же смыслѣ высказался лидеръ октябристовъ, А. И. Гучковъ, но обострилъ, безъ всякой надобности, и такъ уже натянутое положеніе, заговоривъ о людяхъ или даже партіяхъ, „заинтересованныхъ въ затягиваньи думской работы“. Предсѣдатель обратился къ нему съ просьбой не усложнять чисто формальный вопросъ указаніями на намѣренія партій, но яблоко раздора было уже брошено: слова г. Гучкова вызвали рѣзкія возраженія, изъ которыхъ одно, исходившее отъ П. Н. Милюкова, чуть было не повлекло за собою дуэль. Черезъ нѣсколько часовъ, однако, примирительное предложеніе было внесено вновь и принято Думой. Какъ же воспользовались октябристы возможностью отвѣтить товарищу министра? Выступили ли изъ ихъ среды тѣ самыя лица, которымъ возражалъ г. Макаровъ, или другіе, вполне съ ними солидарные? Нѣтъ: союзъ 17-го октября послалъ на кафедру депутата Шубинскаго, вся рѣчь котораго была не опроверженіемъ, а подтвержденіемъ словъ г. Макарова. Уже раньше, также говоря отъ имени союза, гр. Уваровъ сдѣлалъ немало уступокъ правительственной точкѣ зрѣнія. Онъ призналъ, что во многихъ частяхъ Россіи исключительное положеніе можно будетъ снять еще не скоро; онъ высказался противъ такой формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, которая имѣла бы политическій характеръ — но рядомъ съ этимъ онъ все же возставалъ противъ „распыленія“ центральной власти и выражалъ сочувствіе къ „справедливымъ требованіямъ окраинъ“. Ничего подобнаго нѣтъ въ рѣчи г. Шубинскаго: она вся, если отбросить нѣсколько общихъ мѣстъ о „великихъ началахъ манифеста 17-го октября“, могла бы быть сказана любымъ депутатомъ изъ числа правыхъ. Еще опредѣленнѣе склонился направо депутатъ Гололобовъ, также числящійся октябристомъ; онъ воспользовался правомъ послѣдняго слова, принадлежавшимъ ему

какъ очередному докладчику бюджетной комиссiи, чтобы прямо пойти въ разрѣзъ съ бар. Мейендорфомъ и кн. Голицынымъ. „Я не буду“—воскликнулъ онъ—, становиться въ ряды защитниковъ правительства: представитель правительства достаточно оправдалъ его, не смотря на блестящiя рѣчи обвинителей... Ставятъ въ вину правительству дѣйствiя генералъ-губернаторовъ, но никто не указываетъ, что вызвало эти дѣйствiя... Указывали на стѣсненiя военнаго положенiя, но мало указывали на то, чѣмъ оно вызвано... Военное положенiе не одно правительство вводитъ—его вводитъ сама жизнь“. Этой рѣчи вполне соответствовали результаты прений: соединенными силами правой и центра (т.-е. октябристовъ) отвергнута формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенная партией народной свободы¹⁾. Допустимъ, что для октябристскаго слуха она звучала слишкомъ рѣзко: что же мѣшало предложить, въ замѣнъ ея, другую, болѣе мягкую, болѣе сдержанную, но все же ясно осуждающую все то, противъ чего возставали, въ началѣ прений, ораторы-октябристы? Что мѣшало подчеркнуть, напримѣръ, несомнѣнно существующее противорѣчiе между конституционнымъ строемъ и полновлѣстiемъ администрацiи? Что мѣшало указанiю на необходимость отмѣнить если не вездѣ, то почти вездѣ, исключительныя положенiя или хотя бы ограничить кругъ дѣйствiя военныхъ судовъ и сферу примѣненiя обязательныхъ постановленiй? Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ упомянулъ, въ концѣ своей рѣчи, о кровавыхъ событiяхъ въ Екатеринославѣ, Симферополѣ, Воронежѣ; но развѣ возможность такихъ событiй въ мѣстностяхъ, цѣлые года состоящихъ на исключительномъ положенiи, не доказываетъ всю его безцѣльность? Развѣ мало въ рукахъ правитель-

¹⁾ Вотъ текстъ этой формулы, вполне корректной по формѣ и ни въ чемъ не расходящейся съ дѣйствительностью: „признавая, 1) что примѣяемые министерствомъ внутреннихъ дѣлъ приемы управленiя стоятъ въ рѣзкомъ и ничѣмъ не оправдываемомъ противорѣчiи съ формой новаго политическаго строя Россiи; 2) что представители центральной власти въ странѣ не только не стремятся къ осуществленiю началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября, и не руководствуются въ своихъ дѣйствiяхъ строгимъ соблюденiемъ началъ законности, но создаютъ своей административной практикой атмосферу полнаго безправiя и произвола, развращающую населенiе и подрывающую авторитетъ государственной власти и закона; 3) что лишь послѣдовательное проведенiе въ жизнь началъ манифеста 17-го октября центральной властью, строгое подчиненiе ей мѣстныхъ администраторовъ, отвѣтственныхъ въ общемъ порядкѣ передъ судомъ за незаконныя дѣйствiя, и полная отмѣна исключительнаго положенiя, примѣяемаго нынѣ почти повсемѣстно, можетъ уничтожить въ корнѣ указанное основное зло русской жизни; 4) что только указанные способы могутъ устранить то разьединенiе народа и власти, при которомъ неосуществима нормальная общественная самостоятельность, столь необходимая для возстановленiя вѣшняго могущества Россiи, — Госуд. Дума переходить къ рассмотрѣнiю смѣны министерства внутреннихъ дѣлъ по параграфамъ“.

ства легальныхъ средствъ предупрежденія тюремныхъ бунтовъ, возмездія за террористическіе акты?.. Стоило ли начинать походъ, чтобы такъ быстро и такъ безславно сложить оружіе?

Возвращаемся къ нашей исходной точкѣ. Въ правильно организованной и жизнеспособной партіи немислимо такое разногласіе, какое парламентскіе дни 29-го апрѣля, 1-го и 2-го мая обнаружили въ средѣ октябристовъ. Вопросъ о восстановленіи законности, объ устрaненіи аномаліи, заключающейся въ *повсемѣстномъ* распространеніи и *длительномъ* дѣйствіи *исключительныхъ* положеній, не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые партія можетъ оставлять открытыми: онъ слишкомъ важенъ, слишкомъ жгучъ, въ слишкомъ тѣсной зависимости отъ него находится отношеніе партіи къ правительству; къ обществу, къ другимъ политическимъ группамъ. Въ спорѣ, завязавшемся на почвѣ смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ, рѣчь шла, въ сущности, не о чемъ другомъ, какъ о бытіи или небытіи у насъ дѣйствительно-конституціоннаго строя. Пока на мѣстахъ царить произволъ безответственныхъ администраторовъ, не столько сдерживаемыхъ, сколько поддерживаемыхъ центральной властью, до тѣхъ поръ конституція живетъ фиктивной жизнью, едва прикрывая собою все еще крѣпкій старый порядокъ. Мирясь съ отсутствіемъ всего обѣщаннаго манифестомъ 17-го октября, партія, избравшая его своимъ девизомъ, впадаетъ въ противорѣчіе сама съ собою и терлетъ право на самостоятельное существованіе. Въ послѣднее время вошло въ моду называть союзъ 17-го октября *консервативною* партією. Съ точки зрѣнія его программы это названіе къ нему непримѣнимо. Консерваторами являются у насъ въ настоящее время умѣренно-правые, отличающіеся отъ болѣе правыхъ именно желаніемъ сохранить, въ одно и то же время, конституціонный режимъ—и до-конституціонную, анти-конституціонную практику. Октябристы, чтобы быть чѣмъ-нибудь, должны быть либералами, допускающими не только ограниченіе самодержавной власти, но и цѣлый рядъ вытекающихъ отсюда преобразованій, перемѣнливыхъ, отчасти, въ манифестѣ 17-го октября. Это понимаютъ, повидимому, такъ называемые лѣвые октябристы—но этого не хотятъ или не умѣютъ видѣть болѣе правые ихъ товарищи. Единственный логическій выходъ изъ этого положенія—распаденіе союза 17-го октября на его составныя части. Тѣхъ октябристовъ, которыхъ съ полнымъ основаніемъ можно считать консерваторами, и теперь, въ сущности, ничто не отдѣляетъ отъ умѣренно-правыхъ; тѣмъ октябристамъ, которые склоняются къ либерализму, ничто не мѣшаетъ вступить въ ряды мирнообновленцевъ (прогрессистовъ). Сліянiе двухъ послѣднихъ группъ было бы естественнымъ продолженіемъ эволюціи, которую начали еще въ 1906-мъ году гг. П. А. Гейденъ и М. А. Стаховичъ. Отъ партіи

народной свободы октябристовъ, даже свободомыслящихъ, отдаляетъ демократичность соціальной ея программы, и еще больше—воспоминаніе о недавней борьбѣ, принимавшей иногда крайне острый характеръ; но на пути къ сближенію съ мирнообновленцами нѣтъ ни той, ни другой преграды. Лѣвые октябристы и мирнообновленцы, соединясь въ одно цѣлое, могли бы составить сильную либеральную партію, которая, въ свою очередь, по чисто политическимъ вопросамъ могла бы дѣйствовать сообща съ болѣе лѣвыми группами (кадетской, польской, мусульманской). Существенно измѣнилась бы тогда физиономія Государственной Думы: центръ получилъ бы недостающую ему до сихъ поръ устойчивость и твердость, преобразовательная работа пошла бы въ ходъ ускореннымъ темпомъ, за однимъ шагомъ впередъ не слѣдовали бы болѣе два шага въ сторону или назадъ.

Мы не посвящены въ тайны внутренней жизни союза 17-го октября; но изъ того, что доходить до всеобщаго свѣдѣнія, нельзя не заключить, что значительная доля отвѣтственности за колебанія и противорѣчія, подрывающія авторитетъ октябристовъ, упадаетъ на ихъ лидера. Мы видѣли, три мѣсяца тому назадъ, какую роль сыгралъ А. И. Гучковъ во время преній объ осужденіи террористическихъ актовъ. Въмѣсто того, чтобы поддержать барона Мейендорфа, порицавшего не только насилія снизу, но и превышеніе обороны сверху, А. И. Гучковъ высококомѣрно предлагалъ оппозиціи подчиниться господствующему теченію и примкнуть къ односторонней формулѣ умѣренно-правыхъ. Сознавая, что лишь единодушное осужденіе террора могло бы стать „актомъ громаднейшей политической и моральной важности“, онъ больше чѣмъ кто-либо способствовалъ тому, что такого единодушія не состоялось. Аналогичную роль онъ сыгралъ и въ засѣданіи 2-го мая, когда его выходка противъ партій, будто бы стремящихся къ obstructiоn—выходка, неумѣстность которой была признана самимъ председателемъ Думы,—чуть-было не помѣшала возобновленію преній, т. е. исправленію ошибки, допущенной накануне большинствомъ Думы. Не знаемъ, какое участіе принималъ А. И. Гучковъ въ рѣшеніи предоставить послѣднее слово отъ имени партіи такому „правому октябристу“, какъ г. Шубинскій—но позволительно предположить, что и это рѣшеніе, уничтожившее весь эффектъ рѣчей бар. Мейендорфа и князя Голицына, было принято не безъ одобренія лидера партіи. Еслибы союзъ 17-го октября распался на составныя части, теперь такъ плохо склеенныя между собою, А. И. Гучковъ могъ бы стать однимъ изъ руководителей консервативной (умѣренно-правой) партіи—и эта роль была бы ему гораздо болѣе къ лицу, чѣмъ роль главы умѣренныхъ либераловъ.

Новое подтвержденіе разлада, господствующаго среди октябри-

ство, дали пренія по финляндскому вопросу, происходившія въ Душъ 5-го, 12-го и 13-го мая. Читая вступительную рѣчь докладчика, можно думать, что она принадлежит правому ультра-націоналисту— а между тѣмъ г. Гололобовъ числится октябристомъ. Обращенія къ русскому народу, претендующія на высокой патетицизмъ, но въ сущности не идущія дальше избитыхъ общихъ мѣстъ, перемѣшаны у г. Гололобова съ сѣтованіями на то, что русскую націю кто-то притѣсняетъ, русской націи кто-то мѣшаетъ мирно трудиться и работать. „Мы желаемъ“—воскликнулъ ораторъ,—„чтобы нашъ двуглавый орелъ снова гордо поднялъ свою голову, опустившуюся отъ скорби въ лихія годы, чтобы снова на этихъ поднятыхъ головахъ укрѣпилась твердо вѣнчающая ихъ корона и чтобы снова наши орлы широко раскрыли свои всемогущія крылья и одинаково осѣнили ими всѣ народности, населяющія Россію. Мы желаемъ, чтобы эти всѣ народности оставили помыслы объ автономіи, расчлененіи государства, и работая каждая на свою пользу, вмѣстѣ съ тѣмъ работали на укрѣпленіе, на усовершенствованіе, на созданіе могущественнаго, единаго и нераздѣльнаго російскаго государства“. Совершенно инымъ тономъ и инымъ характеромъ отличается рѣчь октябриста Петрово-Соловова. Въ то время, какъ одинъ изъ товарищей его по союзу, гр. Уваровъ, называетъ аргументацію П. Н. Милукова „финляндскимъ способомъ толкованія“, а другой, гр. Венигсенъ, посвящаетъ большую часть своей рѣчи полемикѣ съ этою аргументаціею, г. Петрово-Соловова прямо выражаетъ свое согласіе съ представителемъ партіи народной свободы. За манифестомъ 22-го октября 1905-го года, возстановившимъ законный порядокъ въ Финляндіи, онъ признаетъ такое же „священное значеніе“, какъ и за манифестомъ 17-го октября—и удостоивается за это крикомъ справа: „долой!“ „Русскаго орла“—продолжаетъ г. Петрово-Соловова—„мы, представители центра, чтимъ не менѣе правыхъ; но мы не хотимъ видѣть въ немъ хищника, который рветъ и терзаетъ свою жертву... Кто почитаетъ его такъ свято, какъ мы, тотъ не долженъ оскорблять его попытками вырвать изъ мощныхъ когтей священную эмблему государственной власти и втиснуть въ эти когти недостойное его орудіе насилій и произвола—бараній рогъ и ежовыя рукавицы“. Слова оратора: „монархъ оказалъ намъ высокое довѣріе тѣмъ, что раздѣлилъ свою власть съ нами“, вызываютъ протесты и шумъ справа. Говорившій послѣ г. Петрово-Соловова депутатъ Булатъ (трудовикъ) сомнѣвается въ томъ, чтобы рѣчь предшествовавшаго оратора выражала собою мнѣніе его фракціи—и это сомнѣніе подтверждается криками: „нѣтъ, нѣтъ“, раздающимися изъ рядовъ центра. И дѣйствительно, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ случайнымъ разногласіемъ, встрѣчающимся иногда и въ средѣ крѣпко организованныхъ партій, а съ двумя

существенно различными настроеніями, при которыхъ невозможно, *à la longue*, совмѣстная дѣятельность. Принадлежность къ одной и той же группѣ такихъ людей, какъ бар. Мейендорфъ—и г. Шубинскій, г. Капустинъ—и г. Половцовъ, г. Петрово-Соловово—и г. Голубовъ—явленіе ненормальное, искусственное, которому пора положить конецъ въ интересахъ обѣихъ сторонъ. Стоитъ только прочесть въ стенографическомъ отчетѣ рѣчь депутата Соколова 2-го (въ засѣданіи 28-го апрѣля)—рядомъ съ произнесенною на другой день рѣчью барона Мейендорфа, рѣчь Н. Н. Львова (въ засѣданіи 13-го мая)—рядомъ съ произнесенною тогда же рѣчью г. Петрово-Соловово, чтобы убѣдиться въ томъ, что между мирообновленцами и лѣвыми октябристами точекъ соприкосновенія несравненно больше, чѣмъ между октябристами двухъ противоположныхъ фланговъ. Неужели совещанію 17-го октября до сихъ поръ еще неясно, что, пытаясь соединить несоединимое, оно вредитъ не только собственному своему авторитету, но и значенію Думы, вовлекаемой имъ въ дѣлу съ противорѣчій?

Отъ отношенія партій къ злобѣ дня перейдемъ къ существу вопросовъ, стоявшихъ, въ послѣднее время, на очереди въ Государственной Думѣ. Первый изъ нихъ касался учрежденія комиссіи для всесторонняго изученія желѣзнодорожнаго дѣла. Необходимость такого изслѣдованія не отрицалъ никто; различны были только мнѣнія о томъ, кѣмъ оно должно быть произведено. Бюджетная комиссія предлагала поручить его комиссіи, учрежденной въ законодательномъ порядкѣ; министръ финансовъ обѣщалъ образованіе комиссіи въ порядкѣ управленія, съ приглашеніемъ въ ея составъ и нѣкоторыхъ членовъ Государственной Думы; г. Пуришкевичъ утверждалъ, что согласиться съ предложеніемъ бюджетной комиссіи Дума не имѣетъ ни юридическаго, ни нравственнаго права, такъ какъ это было бы смѣщеніемъ власти законодательной съ властью исполнительной; ему возражалъ, въ этомъ отношеніи, не только представитель умѣренно-правыхъ, г. Сивидино, но и министръ финансовъ; П. Н. Милоковъ стоялъ за парламентскую анкетную комиссію, но не видѣлъ надобности въ учрежденіи ее законодательнымъ порядкомъ. Въ концѣ концовъ, однако, онъ согласился, отъ имени своей партіи, съ предложеніемъ бюджетной комиссіи, которое и было принято большинствомъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что учрежденіе анкетной комиссіи простыми рѣшеніемъ Думы, безъ обращенія къ законодательной процедурѣ, не было бы превышеніемъ правъ законодательнаго собранія; но, при настоящемъ положеніи вещей, дѣятельность такой комиссіи неизбежно встрѣтила бы энергичное противодѣйствіе со стороны прави-

тельства, и въ высокой степени важная цѣль — упорядоченіе громаднаго желѣзнодорожнаго дѣла — осталась бы недостигнутою. Совершенно правильно, поэтому, поступила партія народной свободы, признавъ за Думой, въ принципѣ, анкетное право, но не настаивая на немедленномъ его осуществленіи. Комиссія, учрежденная въ законодательномъ порядкѣ, можетъ проложить путь къ болѣ широкой организаціи парламентскихъ анкетъ.

Во время преній о желѣзнодорожной анкетѣ министромъ финансовъ были произнесены такъ много напумѣвшія слова: „у насъ парламента, слава Богу, еще нѣтъ“. Что именемъ парламента повсемѣстно принято называть законодательныя собранія данной страны, разсматриваемыя какъ одно цѣлое (палата общинъ и палата лордовъ въ Великобританіи, палата депутатовъ и сенатъ во Франціи и въ Италіи, палата депутатовъ и палата господъ въ Пруссіи, и т. д.) — въ этомъ могутъ сомнѣваться только газеты, пишущія *par ordre* и усиливающимся доказывать тождество выраженій *парламентъ* и *кортесы*, *парламентъ* и *скупщина*. Слова В. Н. Кокорцева или лишены всякаго значенія, или равносильны словамъ: „у насъ, слава Богу, еще нѣтъ конституціи“. Въ послѣднемъ случаѣ они привели не къ предполагаемой цѣли, а къ прямо противоположной. Отповѣдь, данная имъ гр. Уваровымъ въ засѣданіи 25-го апрѣля, показала съ полною ясностью, что существованіе у насъ представительныхъ собраній, облеченныхъ долею законодательной власти — и, слѣдовательно, существованіе русскаго парламента — признается даже такою „благонамѣренною“ партією, какъ союзъ 17-го октября. Въ томъ же смыслѣ могутъ быть истолкованы и рѣчи умѣренно-правыхъ (гр. Бобринскаго 2-го и г. Синадино); то же самое, очевидно, имѣлъ въ виду и Н. А. Хомяковъ, когда сказалъ, вслѣдъ за рѣчью гр. Уварова: „я, какъ предсѣдатель, не имѣлъ возможности и не имѣлъ права остановить министра финансовъ, когда онъ сказалъ свое *неудачное выраженіе*“. Вслѣдъ затѣмъ предсѣдатель заявилъ, что имѣеть возможность и обязанность не допускать дальнѣйшаго обсужденія словъ министра. Исходя изъ такого взгляда, онъ останавливалъ ораторовъ, какъ правыхъ (гг. Ткачевъ и Щечковъ), такъ и лѣвыхъ (г. Гегечкори), когда они хотѣли говорить въ защиту или въ осужденіе министра финансовъ. Завершеніемъ этого эпизода послужило слѣдующее заявленіе, сдѣланное предсѣдателемъ Думы въ засѣданіи 26-го апрѣля: „я остановилъ, послѣ рѣчи гр. Уварова, дальнѣйшія пренія по словамъ, которыя были сказаны г. министромъ финансовъ. При этомъ я квалифицировалъ его слова, сдѣлалъ ихъ оцѣнку. Я считаю, что Гос. Дума не имѣеть права обсуждать дѣйствія ея предсѣдателя, но думаю, что предсѣдатель обязанъ, если онъ усматриваетъ въ своихъ дѣйствіяхъ какое-нибудь нарушеніе, тѣмъ

болѣе могущее повлечь за собою что-либо некоршее по отношенію къ Думѣ или къ кому-нибудь изъ ея членовъ, я считаю, что онъ обязанъ объяснить свои дѣйствія передъ избравшей его Думой. Я вполне сознаю, что поступилъ некорректно въ смыслѣ формальномъ по отношенію къ министру, рѣчь котораго я квалифицировалъ, некорректно по отношенію къ членамъ Гос. Думы, не допустивъ обсуждать слова министра, некорректно по отношенію къ членамъ Думы, которые послѣ рѣчи гр. Уварова могли желать высказать свое мнѣніе. Я признаю, что, въ данномъ случаѣ, я поступилъ некорректно, но, гл., я долженъ сказать, что кромѣ наказа, кромѣ письменныхъ регламентовъ, я знаю еще другой регламентъ; этотъ регламентъ — моя совѣсть. Я считаю, что если предо мной въ Гос. Думѣ отъ кого бы то ни было, будь то отъ правительства, или отъ какого-либо члена Гос. Думы, падеть искра, отъ которой можетъ вспыхнуть пожаръ,—я считаю своимъ долгомъ, вопреки регламенту, искру потушить. Если мнѣ удалось это сдѣлать, то я не буду объ этомъ забывать и до послѣднихъ дней моей жизни буду вспоминать объ этомъ съ удовольствіемъ, а не съ раскаяніемъ“.

Заявленіе предсѣдателя Думы касается вопросовъ высокой важности и заслуживаетъ подробнаго разбора. Н. А. Хомяковъ находитъ, что онъ не имѣлъ ни возможности, ни права остановить министра финансовъ. Если бы онъ сказалъ, что онъ не имѣлъ къ тому основанія, съ нимъ нельзя было бы не согласиться: какъ бы ни относиться къ существу фразы, произнесенной В. Н. Коковцевымъ, слѣдуетъ признать, что порядка она не нарушала, ни для кого оскорбительной не была, отношеніе къ обсуждавшемуся вопросу имѣла — словомъ, не подходила ни подъ одинъ изъ случаевъ, когда законно и необходимо примѣненіе предсѣдательской власти. Мысли, однородныя съ выраженной В. Н. Коковцевымъ, нерѣдко высказывались правыми членами Думы въ гораздо болѣе определенной и рѣзкой формѣ—и не встрѣчали отпора со стороны предсѣдателя, сознававшего, что орудіемъ противъ нихъ должно служить возраженіе, а не запрещеніе. „Квалифицировать“ слова, сказанныя съ думской трибуны, предсѣдатель въ правѣ лишь тогда и лишь настолько, когда и насколько онъ считаетъ ихъ нарушающими правила, соблюденіе которыхъ лежитъ на обязанности предсѣдателя; а такъ какъ слова В. Н. Коковцева подъ это условіе не подходили, то „квалификація“, данная имъ Н. А. Хомяковымъ, корректной дѣйствительно признана быть не можетъ. Столь же некорректно было бы, при аналогичныхъ условіяхъ, наименованіе „неудачнымъ“ выраженія, употребленнаго любимымъ членомъ Государственной Думы. Что касается до права предсѣдателя остановить министра, то оно, по нашему мнѣ-

нѣю, совершенно безопасно. Предсѣдатель собранія не можетъ отнестись пассивно къ нарушенію правилъ, ограждающихъ успѣшный и спокойный ходъ его занятій, къ выраженіямъ, обиднымъ для кого-нибудь изъ присутствующихъ. Представимъ себѣ, что министръ станетъ прерывать рѣчь оратора, или возвращаться къ рѣшенному уже вопросу, или вводить, безъ всякаго законнаго основанія, тяжкія обвиненія на членовъ Думы; неужели предсѣдатель не въ правѣ напомнить ему объ обязательныхъ для всѣхъ и каждаго условіяхъ разсмотрѣнія дѣлъ въ публичнои собраніи? Вѣдь если будетъ молчать предсѣдатель, заговорить могутъ члены собранія—и ихъ протестъ будетъ, конечно, менѣе сдержанный, чѣмъ зрѣло обдуманное и тщательно взвѣшенное предсѣдательское слово. Правда, въ ст. 37-ой учрежденія Государственной Думы идетъ рѣчь только о правѣ предсѣдателя останавливать членовъ Думы; но, во-первыхъ, министр—какъ видно изъ ст. 39-ой—можетъ быть членомъ Думы, а во-вторыхъ, пробѣлъ въ текстѣ закона не устраняетъ выводовъ, неизбежно вытекающихъ изъ его смысла. Та же 37-ая статья предоставляетъ предсѣдателю объявить перерывъ засѣданія или вовсе закрыть его: къ одной изъ этихъ мѣръ могъ бы демонстративно прибѣгнуть предсѣдатель, при непризнаніи за нимъ права останавливать министра—и впечатлѣніе отъ нея получилось бы гораздо болѣе рѣзкое, чѣмъ отъ простой остановки. Остановка министра можетъ, наконецъ, явиться средствомъ „потушить искру“, грозящую пожаромъ—ту искру, о которой идетъ рѣчь въ заявленіи Н. А. Хомякова. Если бы это средство и можно было считать незаконнымъ, оправданіемъ для него являлась бы крайняя необходимость... Чрезвычайныя мѣры ужѣстны, однако, только въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Никакихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ не было на лицо въ ту минуту, когда Н. А. Хомяковъ, выслушавъ рѣчь гр. Уварова, наложилъ ничѣмъ не вызванный запретъ на дальнѣйшее обсужденіе словъ министра финансовъ. Отъ предсѣдателя зависѣло удержать пренія въ предѣлахъ сдержанности и приличія—но ничто не уполномочивало его на совершенное ихъ устраненіе, въ особенности послѣ того какъ онъ далъ высказаться одному оратору. Цѣль запрета осталась, притомъ, недостигнутою: депутатъ Щечковъ провозгласилъ слова министра финансовъ „вполнѣ удачными“, депутатъ Гегечкори назвалъ ихъ „грубѣйшимъ посягательствомъ на тѣ права, которыя были вырваны народомъ у правительства“. Въ концѣ концовъ, такимъ образомъ, „отступленіе отъ регламента“, допущенное Н. А. Хомяковымъ, оказалось не только неправильнымъ, но и нецѣлесообразнымъ.

25-го и 26-го апрѣля въ Думѣ обсуждался законопроектъ о контингентѣ. Центральную роль въ этомъ обсужденіи—какъ предвидѣлъ

авторъ майской общественной хроники „Вѣстника Европы“, написанной еще до начала преній, — сыгралъ вопросъ о военной службѣ евреевъ. Произнесено было множество рѣчей, потрачено немало часовъ драгоцѣннаго времени — и не сдѣлано даже серьезной попытки достигнуть какого-нибудь опредѣленнаго результата. Находя, что „еврей-солдаты оказались элементомъ, растлѣвающимъ армію въ мирное время и крайне опаснымъ и ненадежнымъ во время войны“, депутатъ Крупенскій (умѣренно-правый) предлагалъ выразить пожеланіе, чтобы военное министерство внесло въ Думу законопроектъ, ограждающій армію отъ этого зла — но въ концѣ концовъ отказался отъ своего предложенія, предвидя, по всей вѣроятности, что оно будетъ отклонено Думой, какъ было отклонено бюджетной комиссіей. Другое предложеніе того же депутата, косвенно направленное къ той же цѣли (оно касалось введенія военного налога, которому, конечно, подверглись бы евреи, если бы они перестали нести воинскую повинность натурой), было поставлено на баллотировку и отвергнуто большинствомъ. Въ результатѣ остался только угаръ отъ громкихъ фразъ и злобныхъ выходокъ, въ устахъ г. Пуринкевича доходившихъ до нарушенія самыхъ элементарныхъ требованій приличія. Почти безъ обсуждения осталась формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенная трудовиками — формула, во всякомъ случаѣ заслуживавшая серьезнаго вниманія. Недостаточно были оцѣнены простыя, но полныя смысла слова крестьянина Шевцова: „за евреевъ бѣдный народъ долженъ будетъ служить“. А какими историческими познаніями блистали нѣкоторые изъ правыхъ ораторовъ, какіе совѣты они преподносили своимъ противникамъ, какіе разсыпали цвѣты краснорѣчія! Деп. Тимошкинъ рекомендовалъ всѣмъ евреямъ отправиться изъ Россіи въ Швейцарію подъ командой Родичева; деп. Клопотовичъ, предлагая не пускать евреевъ въ армію даже въ качествѣ врачей, отказывался отъ „помощи жидовъ и ихъ наймитовъ въ дѣлѣ укрѣпленія родины“; деп. Образцовъ утверждалъ, что въ 1871 г., во время парижской коммуны, „цѣлая треть Парижа“ была сожжена подъ руководствомъ еврейскихъ агитаторовъ, цѣлью которыхъ было уничтоженіе находившихся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ документовъ, компрометировавшихъ фамилію Ротшильдовъ! Послѣдовавшее затѣмъ разстрѣлянiе 30.000 пролетаріевъ, между которыми „не оказалось ни одного еврея“, тотъ же депутатъ приписалъ генералу Кавеньяку (1), смѣшавъ май 1871-го съ іюнемъ 1848-го года. По характеру и тону немногимъ отличалась отъ сказаннаго правыми рѣчь деп. Половцова, состоящаго въ спискахъ союза 17-го октября. Въ силу обычая, усвоеннаго октябристами, въ ихъ средѣ и на этотъ разъ не было единодушія: деп. фонъ-Анрепъ отнесся къ вопросу совершенно иначе, чѣмъ депутатъ Половцовъ.

Интересную страницу въ исторіи третьей Думы составить засѣданія 5-го, 12-го и 13-го мая, посвященныя преніянь по финляндскому вопросу. Много мѣста было отведено исторической его сторонѣ, освѣщенной, съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, П. А. Столыпинымъ и П. Н. Милжковымъ. Совершенно особыя ноты внесъ въ дебаты деп. Марковъ 2-й, обвинявшій въ измѣнѣ не только недавнихъ, здравствующихъ еще генералъ-губернаторовъ Финляндіи (кн. Оболенскаго и Н. Н. Герарда), но и давно сошедшихъ въ могилу членовъ боргоскаго сейма 1809-го года. „Сборище государственныхъ преступниковъ шведскаго королевства“, которымъ слѣдовало бы „висѣть на висѣлицахъ“, не могло, по словамъ г. Маркова, создать „никакихъ юридическихъ правъ“; актовъ, отъ него исходящихъ, нужно стыдиться, а не основывать на нихъ своихъ домогательствъ. Г. Марковъ упустилъ изъ виду, что рѣчь идетъ о значеніи боргоскаго сейма не для преемниковъ короля Густава IV-го, помимо воли и въ ущербъ правамъ котораго былъ созванъ сеймъ, а для преемниковъ императора Александра I-го, по волѣ котораго сеймъ состоялся. Первоисточникомъ и первоосновой конституціонныхъ правъ Финляндіи служить, впрочемъ, не то или другое постановленіе боргоскаго сейма, а грамота, данная ему императоромъ Александромъ. Что касается до этой грамоты и до другихъ однородныхъ „распоряженій и узаконеній, изданныхъ русскими самодержцами“ и образовавшихъ конституцію великаго княжества, то ихъ, по мнѣнію г. Маркова, нужно „уважать впредь до того времени, пока русскій монархъ данныхъ ими правъ не отберетъ и конституціи не измѣнитъ“. Въ простотѣ и прямолинейности этому мнѣнію отказать нельзя, но другихъ достоинствъ за нимъ не имѣется. Конституція, въ глазахъ г. Маркова, ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго закона, дѣйствующаго въ неограниченной монархіи; претензіи на неприкосновенность финляндскаго государственнаго устройства кажется ему столь же безумной, какъ притязанія того легендарнаго курскаго дворянина, который, послѣ 19-го февраля 1861-го года, пытался доказать судебнымъ порядкомъ свое право на продажу своихъ крѣпостныхъ людей (за это сравненіе „голосъ справа“ почтилъ оратора восклицаніемъ: *молодчина Марковъ!*). По этимъ немногимъ образцамъ можно составить себѣ достаточное понятіе о рѣчи г. Маркова, болѣе откровенной, чѣмъ всѣ остальные, шедшія справа, и именно потому самой типичной. Прибавимъ только, что онъ старался устрашить слушателей декламационнымъ, въ русскомъ переводѣ, финскихъ революціонныхъ пѣсень и картиной побѣдоноснаго нашествія финляндцевъ на столицу имперіи, а неоплатный долгъ Финляндіи передъ Россіей изображалъ въ элегантныхъ словахъ: „Финляндія, за сто лѣтъ, разжирилась и отъѣлась за счетъ русскихъ денегъ, за счетъ русской крови“.

Чуждая, конечно, „упрощенныхъ“ приѣмовъ, излюбленныхъ деп. Марковымъ, рѣчь председателя совѣта министровъ перечисляетъ тѣ „историческіе прецеденты“, которые внушили финляндской интеллигенціи — и не могли не внушить ей — твердую вѣру въ „особую государственность“ Финляндіи. Затѣмъ идетъ перечень актовъ другого рода, удостоверяющихъ, что отношенія Финляндіи къ Россіи всегда опредѣлялись „одностороннимъ державнымъ правомъ“ русскаго государя. Иллюзіи, хотя и естественной, противопоставляется, такимъ образомъ, суровая дѣйствительность; соответствующимъ ей признается, между прочимъ, манифестъ 3-го февраля 1899-го года. О томъ способѣ управленія Финляндіей, которому этотъ манифестъ положилъ начало, не сказано ни слова. Отсюда неопредѣленность, оставшаяся неустраненною до самаго конца преній. Изъ нея старались выйти и правые, утверждая (деп. Ветчининъ), что манифестомъ 3-го февраля нисколько не умалялись права финляндскихъ сейма и сената; и прогрессисты (Н. Н. Львовъ), напоминая о неудачной попыткѣ бюрократизма уничтожить финляндскій правовой строй; и лѣвые октябристы (г. Петрово-Соловово), подчеркивая постепенный ростъ финляндскаго движенія — отъ корректнѣйшей петиціи земскихъ чиновъ до дѣйствій рѣшительно-революціоннаго характера. Особенно энергично стремился къ выясненію положенія П. Н. Милюковъ: онъ напомнилъ, что манифестъ 3-го февраля, явно нарушившій финляндскую конституцію, исходилъ изъ такихъ же успокоительныхъ увѣреній и обѣщаній, какія даетъ теперь П. А. Столыпинъ. Второй рѣчи, которою была бы дополнена и освѣщена первая, председатель совѣта министровъ, однако, не произнесъ, и о содержаніи законопроекта, долженствующаго установить нормальныя отношенія между имперіей и вел. княжествомъ, попрежнему возможны только догадки, равно какъ и относительно пути, по которому онъ будетъ направленъ. Благоприятнымъ признакомъ можетъ показаться, съ перваго взгляда, отклоненіе большинствомъ Думы какъ обихъ запросовъ, внесенныхъ правыми (запросъ октябристовъ былъ взятъ назадъ ими самими), такъ и формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенной націоналистами ¹⁾; но большого значенія оно, въ сущности, не имѣетъ, такъ какъ голосованіемъ большинства руководило, главнымъ образомъ, довѣріе къ министерству — довѣріе, отпущенное ему въ кредитъ еще до обнаруженія его намѣреній.

¹⁾ Эта формула, повидимому очень скромная, въ сущности шла весьма далеко, признавая предметомъ будущаго законопроекта „урегулированіе отношенія державныхъ правъ имперіи къ мѣстному законодательству Финляндіи“, т.-е. къ такой области, гдѣ автономія ея совершенно безспорна.

Болѣе характерны, чѣмъ исходъ преній, нѣкоторыя отдѣльныя ихъ черты, свидѣтельствующія о настроеніи значительныхъ слоевъ Думы. Эти черты мы находимъ въ особенности въ рѣчахъ депутата Петрово-Соловова и гр. Бобринскаго 2-го. „Для конституціонной Россіи“—по словамъ лѣваго октябриста—„финляндская конституція не представляетъ изъ себя чего-либо принципиально ненормальнаго. Я не понимаю горячихъ нападокъ на финляндскую конституцію, которая является реальнымъ, существующимъ фактомъ... Мы должны выработать новыя, болѣе нормальныя отношенія между имперіей и великимъ княжествомъ. Каковы же методы этой выработки? Кто долженъ выработать эти новыя нормы—русскія или финляндскія законодательныя учрежденія? Я отвѣчу прямо, безъ обиняковъ: *и тѣ, и другія совместно и на равныхъ правахъ*. Въ этомъ я не расхожусь съ представителемъ партіи народной свободы и раздѣляю его аргументацію“. Менѣе рѣшителенъ гр. Бобринскій 2-ой—но вѣдь онъ принадлежитъ къ умѣреннымъ правымъ, еще недавно очень плохо примирившимся съ конституціонными идеями. „Я увѣренъ“—воскликнулъ онъ,—„что ничего въ духѣ членовъ Государственной Думы Маркова, или Щечкова, или Пуринкевича въ русской Государственной Думѣ пройти не можетъ“. Онъ прямо призналъ существованіе въ Финляндіи конституціи, основанной на тѣхъ актахъ 1772-го и 1789-го гг., къ которымъ такъ скептически относятся писатели „школы Ордина“. Понятно, что онъ былъ удостоенъ послѣ того „продолжительнаго шиванья справа“... Быть можетъ, все это—явленія случайныя; но о новыхъ теченіяхъ въ думской атмосферѣ они свидѣлствуютъ несомнѣнно. Усилятся ли эти теченія или исчезнутъ—покажетъ близкое будущее.

Насиліе, которымъ нѣсколько лѣтъ сряду насыщенъ русскій воздухъ, оказываетъ самое печальное вліяніе на русскіе нравы. Это вліяніе проникаетъ даже въ тѣ сферы, гдѣ менѣе всего умѣстно обращеніе къ физическому воздействию или къ угрозѣ. Путь общественныхъ дѣятелей безъ того уже усѣянъ, въ наше время, трудностями и препятствіями всякаго рода: совершенно не позволительно усложнять его еще больше проявленіями личной нетерпимости. Сравнительно мягкой формой представляется вызовъ на дуэль; но и ему, за исключеніемъ развѣ самыхъ рѣдкихъ случаевъ, не должно быть мѣста въ сколько-нибудь нормальной публичной жизни. Въ печать проникла недавно вѣсть о вызовѣ на поединокъ, обращенномъ къ присяжному повѣренному, какъ къ бывшему защитнику на судѣ, однимъ изъ свидѣтелей обвиненія. Дѣло, къ счастью, не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій; но совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ поступилъ совершенно

правильно, высказавшись принципиально противъ принятія вызова, мотивированнаго сказаннымъ на судѣ при исполненіи адвокатскихъ обязанностей. Во что, въ самомъ дѣлѣ, обратилась бы столь необходимая для правосудія свобода защиты, если бы адвокату приходилось отстаивать ее съ оружіемъ въ рукахъ?.. За каждый дѣйствительный эксцессъ защиты присяжный повѣренный можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности передъ совѣтомъ, въ обвинительномъ приговорѣ котораго оскорбленная сторона можетъ найти гораздо лучшее удовлетвореніе, чѣмъ въ обмѣнѣ выстрѣловъ, съ его чисто случайнымъ результатомъ. При недовѣрїи къ товарищескому суду—недовѣрїи, для котораго практика нашихъ совѣтовъ не даетъ оснований—ничто не мѣшаетъ перенести дѣло на разсмотрѣніе судебной палаты.

Не меньше, чѣмъ въ судѣ, свобода рѣчи необходима въ законодательномъ собраніи. Гарантїей противъ ея злоупотребленій служить власть предсѣдателя, которому принадлежитъ и право, и обязанность охранять, вмѣстѣ съ достоинствомъ самого оратора, достоинство всѣхъ остальныхъ членовъ собранія. Выраженіе, для кого-либо оскорбительное, можетъ и должно немедленно вести къ вмѣшательству предсѣдателя, принимающему, въ случаяхъ болѣе важныхъ, форму дисциплинарной мѣры. Ни въ чемъ другомъ нѣтъ и надобности, если оскорбленіе не шло дальше рѣзкихъ словъ и не заключало въ себѣ никакого опредѣленнаго обвиненія. Въ послѣднемъ случаѣ примѣненіе предсѣдательской власти можетъ оказаться недостаточнымъ: у оскорбленнаго можетъ явиться совершенно законное желаніе возстановить истину, раскрыть неправоту обвинителя. И тогда, однако, всего менѣе цѣлесообразна дуэль, ровно ничего не доказывающая и не опровергающая, все — кромѣ, быть можетъ, жизни или здоровья дуэлянтовъ,—оставляющая въ томъ же положеніи. Членамъ законодательнаго собранія тѣмъ менѣе подобаетъ прибѣгать къ этому первобытному способу дѣйствій, что разборъ происшедшаго между ними столкновенія или недоразумѣнія всегда можетъ принять на себя либо президіумъ, либо — что еще лучше — такъ называемый совѣтъ старѣйшинъ. Посмотримъ, съ этой точки зрѣнія, на два инцидента, происшедшіе недавно въ Государственной Думѣ. Въ засѣданіи 27-го марта гр. Бобринскій 2-й приписалъ лидеру партіи народной свободы слова: „если будетъ борьба съ правительствомъ, то на такомъ вопросѣ, который могъ бы поднять деревню—на вопросѣ земельномъ“. П. Н. Милюковъ назвалъ это сообщеніе ложью и клеветой. Въ слѣдующемъ засѣданіи какъ гр. Бобринскому, такъ и П. Н. Милюкову предоставлена была возможность дать подробныя объясненія, благодаря которымъ дѣло, одно время грозившее серьезнымъ осложненіемъ, окончилось мирно. Замѣтимъ, что и въ этомъ случаѣ гораздо лучше было

бы выслушать обѣ стороны не въ многолюдномъ собраніи, вовсе не подготовленномъ къ детальному разсмотрѣнію и взвѣшиванью спорныхъ фактовъ, а въ небольшой коллегіи, которая могла бы придти къ опредѣленному, мотивированному заключенію и довести его до свѣдѣнія Думы. — Въ засѣданіи 2-го мая, во время преній по вопросу о возобновленіи записи ораторовъ послѣ рѣчи представителя министерства, П. Н. Милюковъ заявилъ, что членъ Думы Гучковъ, толкуя относящіяся къ этому вопросу прецеденты, *говорилъ неправду*. Предсѣдатель Думы, вспомнивъ, очевидно, о только-что упомянутомъ нами инцидентѣ, обратился къ деп. Милюкову съ слѣдующими словами: „вы позволили себѣ къ одному изъ нашихъ собратьевъ по работѣ употребить однажды недопустимое выраженіе. *Говорить неправду* — значитъ лгать. Я васъ тогда не остановилъ, но вы повторили это вторично, и я прошу васъ воздержаться отъ такихъ выраженій“. Что слова П. Н. Милюкова могли и должны были вызвать замѣчаніе со стороны предсѣдателя — это бесспорно; но едва ли Н. А. Хомяковъ былъ правъ, напоминая о прежнемъ, давно забытомъ случаѣ и отождествляя выраженіе *говорить неправду* съ выраженіемъ *лгать*. Последнее предполагаетъ сознательное и намеренное отступленіе отъ истины; первое можетъ быть примѣнено, хотя и не совсѣмъ корректно, къ невольному ея нарушенію. Именно въ этомъ последнемъ смыслѣ употребилъ его П. Н. Милюковъ, какъ видно изъ словъ, сказанныхъ имъ тотчасъ же по выслушаніи замѣчанія предсѣдателя: „я хотѣлъ сказать, что утвержденіе члена Думы Гучкова не только не согласно съ дѣйствительностью, но прямо ей противорѣчитъ“. А. И. Гучковъ, однако, счелъ себя оскорбленнымъ какъ словами: *говорилъ неправду*, такъ и объясненіемъ, которое имъ далъ П. Н. Милюковъ, и послалъ къ нему секундантовъ. Послѣ совѣщанія ихъ съ уполномоченными П. Н. Милюкова, послѣдній согласился написать А. И. Гучкову письмо, въ которомъ объяснилъ, что слову *неправда* имъ было дано значеніе не *лжи*, а лишь „несоотвѣтствія или противорѣчія фактамъ“, и просилъ у А. И. Гучкова извиненія „за невольно причиненное ему тяжелое чувство“. Неужели этотъ результатъ не могъ быть достигнутъ безъ вызова на дуэль, путемъ простого обращенія къ суду чести, все равно, въ лицѣ ли особо выбранныхъ посредниковъ, или членовъ президіума, или членовъ „совѣта старѣйшинъ“? Къ чему брацаніе оружіемъ, когда дѣло легко уладить мирнымъ путемъ? Для того, кто считаетъ себя оскорбленнымъ, извиненіе — или объясненіе, — которому не предшествуетъ никакой угрозы, должно имѣть особенную цѣнность, устраняя всякую мысль о давленіи на волю извиняющагося. Нельзя не пожелать, поэтому, чтобы обращеніе къ суду чести вошло въ нашъ парламентскій обиходъ и устранило бы изъ него всѣ переживанія дру-

того времени и другихъ нравовъ. Желательно, конечно, еще одно: чтобы въ средѣ Думы не повторялись болѣе тѣ рѣзкія нарушенія элементарныхъ требованій приличія, которыхъ въ послѣднее время было слишкомъ много. Мы имѣемъ въ виду, при этомъ, не обвиненіе въ неправдѣ, сорвавшееся съ языка въ минуту крайняго возбужденія и легко сглаживаемое нѣсколькими объяснительными или извинительными словами: мы имѣемъ въ виду такія восклицанія, какія раздавались въ Думѣ во время преній о контингентѣ („лакей еврейскаго пятака“) или во время столкновенія между П. Н. Милюковымъ и А. И. Гучковымъ („Пошелъ вонъ отсюда“, „Уберите этого негодяя“). Отъ кого они обыкновенно исходятъ—это слишкомъ хорошо извѣстно. Направляемая, болѣею частью, противъ одного и того же лица, они какъ будто имѣютъ цѣлью внушить, что по отношенію къ нему все позволено.

На всѣхъ, кто сроднился съ русскою печатью и считаетъ для себя честью принадлежать къ числу ея работниковъ—да и не на нихъ однихъ, а на все, за немногими исключеніями, русское общество—до крайности тяжелое впечатлѣніе произвела кулачная расправа, которой подвергся 9-го мая П. Н. Милюковъ, какъ одинъ изъ фактическихъ редакторовъ „Рѣчи“. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ служить только послѣдовавшій затѣмъ взрывъ негодования. И въ этомъ инцидентѣ бросается въ глаза, помимо безнравственности обращенія къ грубой силѣ, полнѣйшая его бездѣльность. Чего достигли бывшіе сотрудники „Руси“ своимъ нападеніемъ на П. Н. Милюкова? Развѣ они доказали этигъ неосновательность свѣдѣній, сообщенныхъ „Рѣчью“, или свою непричастность къ тому, чего касались эти свѣдѣнія? Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ цѣлесообразнымъ и достойнымъ представляется только одинъ путь: обращеніе къ суду, который можетъ установить съ точностью фактическую сторону дѣла и опредѣлить нравственную отвѣтственность обвиняемыхъ—или обвинителей. Будетъ ли это судъ коронный или судъ чести—вопросъ второстепенный; важно только, чтобы приемы изслѣдованія носили чисто судебный характеръ, а рѣшеніе отличалось истинно судейскимъ безпристрастіемъ. Коронный судъ имѣетъ то преимущество, что исходящій отъ него вызовъ обязательенъ для свидѣтелей; но наша обычная судебная процедура часто грѣшитъ медленностью, да и постановка въ негъ обвиненія можетъ быть сопряжена съ формальными, нелегко устранимыми трудностями. Судъ чести свободенъ и отъ того, и отъ другого неудобства. Сотрудники „Руси“, какъ видно изъ объясненія, напечатаннаго ими въ № 134 этой газеты, избрали смѣшанный способъ дѣйствій: они рѣшили сдѣлать попытку немедленно привлечь редакцію „Рѣчи“ къ коронному суду за клевету—и вмѣстѣ съ тѣмъ вызвать ее къ третейскому суду для рѣшенія вопроса, кор-

ректно ли она поступила, отказавшись назвать, по требованію „Руси“, имена обвиняемыхъ ею лицъ и установить инкриминируемые факты. Для насъ несомнѣно понятно, почему большинство сотрудниковъ „Руси“ не согласилось съ меньшинствомъ, предлагавшимъ передать дѣло, во всей его дѣлности, на разсмотрѣніе третейскаго суда. „Мы не считали возможнымъ“ — такъ мотивировано рѣшеніе большинства — „затруднять судей чести просьбой судить сотрудниковъ „Руси“ — неизвѣстно, кого, — и за неблаговидныя дѣйствія — неизвѣстно, какія“. Намъ кажется, что именно судей чести такая просьба нисколько бы не затруднила: редакция „Рѣчи“ не отказалась бы, конечно, тотчасъ же назвать суду лицъ, противъ которыхъ были направлены ея сообщенія, и указать факты, которые при этомъ имѣлись въ виду. Гораздо вѣроятнѣе, что затрудненія, предусматриваемыя „Русью“, возникнутъ въ коронномъ судѣ... Не касаясь, пока, другихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ печальнымъ происшествіемъ, замѣтимъ только, что если бы „Русь“ обратилась къ суду чести вслѣдъ за появленіемъ первыхъ обличительныхъ статей „Рѣчи“, то этимъ было бы предупреждено, по всей вѣроятности, нападеніе на П. Н. Милюкова. Никому не пришло бы въ голову прибѣгать къ кулачной расправѣ изъ-за того, что составляло бы въ данную минуту, предметъ судебного разбирательства. Чрезвычайно желательнымъ, поэтому, кажется намъ восстановленіе въ литературномъ мірѣ постоянного суда чести, подобнаго тому, который существовалъ, съ 1897 по 1901 г., при закрытомъ, по распоряженію Д. С. Сипягина, союзѣ писателей. Нисколько не мѣшая учрежденію, въ отдѣльныхъ случаяхъ, особаго третейскаго суда, постоянный судъ чести открывалъ бы возможность немедленнаго приступа къ разбирательству, безъ предварительныхъ соглашеній и переговоровъ.

Фальшивой нотой, посреди всеобщаго возмущенія кулачной расправой, прозвучали статьи „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Россіи“. Первую изъ нихъ можно сравнить съ бочкой меда, въ которую влиты двѣ ложки дегтя. Виновники нападенія на П. Н. Милюкова подвергаются суровому осужденію; но вотъ что мы читаемъ дальше. „Если бы подобнаго рода оскорбленіе было нанесено лѣвымъ сотрудникомъ редактору какой-нибудь правой газеты, то, вѣроятно, оно не вызвало бы особаго протеста въ кадетскихъ и смежныхъ съ ними кругахъ и изданіяхъ; по крайней мѣрѣ того не случилось по случаю еще болѣе возмутительнаго, вооруженнаго нападенія на кишиневскаго редактора Крушевана, совершеннаго на глазахъ публики, на Невскомъ проспектѣ“. На самомъ дѣлѣ сходство между обоими случаями очень невелико. Г. Крушеванъ подвергся нападенію не какъ редакторъ газеты, а какъ общественный дѣятель, на котораго въ широ-

кихъ кругахъ возлагалась значительная доля отвѣтственности за кишиневскій еврейскій погромъ. Самое нападеніе было совершенно лицомъ, вовсе непричастнымъ къ печати, и носило характеръ покушенія на убійство. Совершившему нападеніе грозило тяжкое уголовное наказаніе, въ виду котораго странно было метать въ него громы общественнаго мнѣнія. Самое время было совершенно другое — глухое, не располагавшее къ демонстративности... Въ концѣ статьи „Московскихъ Вѣдомостей“ выражается надежда на новое, „разумное“ законодательство о печати, которымъ былъ бы поднятъ моральный цензъ для редакторовъ и издателей органовъ повременной печати. Это — повтореніе извѣстной мысли кн. Д. Н. Цертелева, полгубинная неосновательность которой не подлежитъ никакому сомнѣнію. Признаки или условія *моральной* ценза не могутъ быть установлены закономъ, а предоставить опредѣленіе ихъ усмотрѣнію администраціи — значило бы подчинить печать ничѣмъ не ограниченному произволу и въ корнѣ подорвать ея свободу... Что касается до „Россіи“, то она пытается связать дикій поступокъ двухъ мало извѣстныхъ газетныхъ сотрудниковъ съ „освободительнымъ движеніемъ“ и стать, затѣмъ, на защиту высокихъ нравственныхъ принциповъ. Эта попытка слишкомъ смѣшна, чтобы требовать серьезнаго опроверженія. Достаточно замѣтить, что полемика между „Рѣчью“ и „Русью“ *позорной* ни въ какомъ случаѣ названа быть не можетъ. *Позорны* дѣйствія, въ которыхъ „Рѣчь“ обвиняетъ нѣкоторыхъ сотрудниковъ „Руси“ — но ничтенно стараніе раскрыть такіа дѣйствія и тѣмъ самымъ сдѣлать невозможнымъ или, по меньшей мѣрѣ, затруднить ихъ продолженіе и повтореніе. Столь же почтенна рѣшимость сотрудниковъ „Руси“, подписавшихъ упомянутое нами заявленіе, поставить свое дальнѣйшее отношеніе къ газетѣ въ зависимость отъ того, подтвердятся ли обвиненія, взведенныя на нее „Рѣчью“. Напрасно усердствуетъ оффиціозная газета: она никого не убѣдитъ въ своемъ правѣ преподавать уроки общественной морали.

Гдѣ слѣдуетъ искать одинъ изъ главныхъ источниковъ ужасающаго огрубѣнія нашихъ общественныхъ нравовъ — это показываетъ, между прочимъ, объясненіе генерала Думбадзе по поводу извѣстнаго думскаго запроса о допускаемыхъ имъ превышеніяхъ власти. Форма этого по истинѣ невѣроятнаго документа соотвѣтствуетъ его содержанию. Авторъ запроса (т.-е. октябристовъ!) генераль Думбадзе называетъ „легкомысленными *мѣраками*“ и обвиняетъ въ „*завѣдомо-ложномъ освѣщеніи фактовъ*“. „Я не стѣсняюсь“ — говоритъ онъ по поводу „будто бы грубаго обращенія“ его съ просителями — „назы-

вать вещи своими именами и *съ мерзавцами никогда не миндальничая, такъ буду поступать и среди*». Когда нѣкоторые изъ присутствовавшихъ на парадахъ во время исполненія народнаго гимна вели себя непочтительно, генералъ приказывалъ „приводить ихъ въ порядокъ, и шапки снимали съ нихъ стрѣлки *какъ слѣдуетъ*». Подтверждая фактъ высылки изъ Ялты семидесятидвухлѣтняго старика, г. Пясецаго, за отказъ выписать въ читальню хотя бы одну „правую“ газету, генералъ называетъ г. Пясецаго „болѣзненнымъ уродомъ нашего времени“ и восклицаетъ: „Какъ могла авторамъ запроса придти въ голову такая дивная мысль, чтобы политически *ничтожною, жалкою человѣкомъ* я убѣждалъ войти въ семью *благороднаго* союза русскаго народа“! Такимъ языкомъ еще недавно не рѣшился бы говорить публично ни одинъ высокопоставленный русскій администраторъ. Слова ген. Думбадзе, какъ и его дѣйствія—одинъ изъ самыхъ характерныхъ „признаковъ времени“.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1908.

I.

— Сочиненія Пушкина. Изданіе Имп. Академіи Наукъ. Переписка. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Сантова. Т. II. С.-Петербургъ. 1908. Стр. 399.

Второй томъ академическаго изданія переписки Пушкина обнимаетъ годы 1827—1832; впереди еще одинъ томъ писемъ и затѣмъ два тома примѣчаній.

Письма Пушкина представляютъ двоякаго рода цѣнность: какъ одно изъ величайшихъ созданій Пушкинскаго гонія, и какъ перво-классный матеріалъ для біографіи Пушкина, для уясненія его жизни и духовнаго развитія. При всей изумительной красотѣ языка *слово* почти не чувствуется въ этихъ письмахъ; изъ тяжелой, грубой ткани, которою мы одѣваемъ нашу мысль и чувство, чтобы передать ихъ другому, оно въ письмахъ Пушкина превратилось въ воздушную, прозрачную оболочку, оно ничего не скрадываетъ и не ослабляетъ, оно лишь молниеносно освѣщаетъ предметы. Въ этихъ письмахъ, такъ сказать, совсѣмъ нѣтъ лигатуры; это животрепещущія переживанія—и какія!—переживанія огненнаго, божественно-свободнаго духа, непосредственныя, какъ у ребенка, и въ то же время сочетающія пламенную страстность съ величайшей ясностью и глубиной сознанія. И при этомъ—какая мѣткость взгляда, какая нѣжность чувства, какой глубокой покой при всей стремительности отдѣльныхъ переживаній! Здѣсь воочию видишь то, что иначе можно понять, только охвативъ мыслью все творчество Пушкина: дивную соразмѣрность его душевныхъ силъ, безотчетно превращавшую всѣ диссонансы міра въ гармонію. Безъ писемъ своихъ Пушкинъ былъ бы для насъ не менѣе великъ, но письма помогаютъ намъ лучше узнать его.

Академическое изданіе впервые даетъ намъ письма Пушкина въ ихъ подлинномъ видѣ. Не говоря уже о поправкахъ въ хронологию, о полнотѣ и пр., самое установленіе точнаго текста имѣетъ здѣсь громадное значеніе, и даже большее, чѣмъ обыкновенно, потому что какъ-разъ молниеносность этихъ писемъ заставляетъ дорожить каждымъ словомъ, каждой запятой. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно цѣнно и то, что академическое изданіе даетъ, рядомъ съ бѣловыми, всѣ сохранившіеся черновые наброски писемъ. Пушкинъ писалъ (все равно, стихи или письмо), какъ пишутъ немногіе: не дожидаясь, пока мысль или фраза оформится въ его умѣ, онъ заносилъ на бумагу ея возникшій зародышъ, и тутъ же, не дописавъ, зачеркивалъ и писалъ рядомъ новую, вмѣсто первой, зарождающуюся фразу, и такъ безъ конца, пока не находилъ нужныхъ словъ. Благодаря этому въ черновикахъ Пушкина мы имѣемъ какъ бы непрерывную моментальную фотографію умственного процесса, который онъ переживалъ съ перомъ въ рукѣ. Кому не случалось видѣть черновыхъ Пушкина, тотъ не пойметъ этого; вотъ первый попавшійся образчикъ (конецъ письма Пушкина къ дѣду его невесты, А. Н. Гончарову): „Щастіе вашей внуки [вашей] [будетъ, есть единственный мой] будетъ [моя] священная, единственная цѣль [жизни]. Стараясь сдѣлаться дост. [заслужить, постараюсь, буду стараться быть достойнымъ] благодѣянія вашего“, и т. д.

Еще больше выиграли письма Пушкина въ академическомъ изданіи, какъ биографическій матеріалъ; они, можно сказать, освѣтились новымъ свѣтомъ, когда рядомъ съ ними появились связанныя съ ними письма къ Пушкину, да и сами по себѣ эти письма къ Пушкину, будучи впервые собраны вмѣстѣ, оказываются такимъ великолѣпнымъ биографическимъ матеріаломъ, съ которымъ не сравнится никакая мемуарная литература. Это—кладъ, о существованіи котораго мы и не догадывались раньше.

Новыхъ, неизвѣстныхъ ранѣе, писемъ Пушкина во II томѣ около десяти, если не считать коротенькихъ записокъ. Всего важнѣе рядъ новыхъ писемъ, относящихся къ женитьбѣ Пушкина: его письмо къ родителямъ, гдѣ онъ, извѣщая ихъ о своей помолвкѣ, проситъ ихъ благословенія—и денежной помощи; письмо къ кн. Вяземской (конецъ августа 1830 г.) съ извѣстіемъ о его ссорѣ съ будущей тещей: она устроила ему сцену, наговоривъ такихъ вещей, которыхъ онъ „по совѣсти не могъ слушать“. „Не знаю еще,—пишетъ онъ,—разстроилась ли моя женитьба, но поводъ къ этому есть, и я оставилъ дверь отпертой настежь... Проклятая штука—счастіе!“ Любопытно впервые напечатанное здѣсь письмо Пушкина къ Алексѣеву, того же времени: „...Вѣроятно, и ты не узналъ бы меня: я обросъ бакенбардами, остригся подъ гребешокъ, остепенился, обрюзгъ, но это еще ничего—я слово-

ренъ, душа моя, сговоренъ и женюсь". На этомъ же письмѣ Пушкина его пріятель С. Д. Киселевъ приписалъ: „Пушкинъ женится на Гончаровой, между нами сказать, на бездушнѣй красавицѣ, и ниѣ сдается, что онъ бы съ удовольствіемъ заключилъ отступной трактатъ". Еще больше писемъ къ *Пушкину* появляется здѣсь впервые (напр., одного кн. Вяземскаго около десяти); и между ними есть чрезвычайно любопытныя, какъ напримѣръ письмо Чаадаева 1829 г., Нащокина 1831 г., достопримѣчательный по напыщенной глупости дипломъ на званіе члена Общества любителей россійской словесности, и пр.

Два тома академическаго изданія „Переписки" вышли сравнительно быстро одинъ за другимъ; можно надѣяться, что и остальные не замедлятъ выходомъ,—а кто знакомъ съ прежними изданіями В. И. Сантова, съ его примѣчаніями къ сочиненіямъ Ватюшкова и „Остафьевскому архиву", тотъ съ нетерпѣніемъ будетъ ждать послѣднихъ двухъ томовъ, гдѣ въ видѣ примѣчаній, вѣроятно, будетъ данъ богатѣйшій матеріалъ для изученія Пушкина и его эпохи.

II.

— Т. Соколовская. Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія. Изданіе Н. Глаголева. С.-Петербургъ. 1908. Стр. 182.

Послѣ извѣстныхъ трудовъ Лонгинова и Пыпина эта книга—едва ли не первая у насъ работа по исторіи масонства, основанная на архивномъ матеріалѣ. Г-жа Соколовская использовала лишь малую долю того, что можно найти въ рукописныхъ изданіяхъ Императорской Публичной бібліотеки и Румянцевскаго музея, но и въ такомъ видѣ ея книга содержитъ много цѣнныхъ, главное—достоверныхъ свѣдѣній.

Къ сожалѣнію, книга составлена по странному плану, который къ тому же сплошь и рядомъ уступаетъ мѣсто полной бессистемности. Начать съ того, что задачей своей авторъ поставилъ—изложить исторію русскаго масонства, „поскольку оно отразилось въ исторіи русскаго общественнаго движенія". При нынѣшнемъ уровнѣ нашихъ знаній объ исторіи русскаго масонства эта тема можетъ быть разработана только вѣнше и очень поверхностно; намъ нужно прежде всего располагать фактами въ достаточномъ количествѣ, нужно уяснить себѣ общую картину вліянія масонства на русское передовое общество,—только тогда можно будетъ опредѣлить, какъ масонство *въ душѣ* питало прогрессивныя движенія въ обществѣ, иначе все дѣло по необходимости сведется къ ряду цитатъ изъ масонскихъ книгъ и рѣчей о равенствѣ и пр., да къ перечню декабристовъ, которые побывали въ масонахъ. Естественно, что и г-жа Соколовская по пред-

мету своей темы даетъ не больше—и въ сущности нисколько не рѣшаетъ поставленнаго ею вопроса. Зато она даетъ очень много другого, что имѣетъ весьма отдаленное отношеніе къ ея темѣ и часто не имѣетъ никакого, такъ что все вмѣстѣ образуетъ какую-то хаотическую мозаику изъ цѣнныхъ архивныхъ свѣдѣній.

Безпорядочность усугубляется еще тѣмъ, что авторъ не позаботился прежде всего опредѣлить сущность русскаго масонства въ его послѣдовательномъ развитіи. По кусочкамъ, тамъ и сямъ, онъ говоритъ о различныхъ сторонахъ масонства—о его мистицизмѣ и символизмѣ, общественныхъ взглядахъ и педагогической дѣятельности,—но что составляло душу масонства, чѣмъ оно брало людей за живое, этого мы не узнаемъ, и оттого всѣ частности не одушевляются, висятъ въ воздухѣ. А съ этого надо было начать, иначе современный человѣкъ не пойметъ масонства и не заинтересуется частностями его исторіи. И потому, что сущность масонства не интересуется г-жу Соколовскую, для нея безразлично—что масонство XVIII вѣка, что масонство Александровскаго времени, и она говоритъ объ этомъ какъ о пустякѣ: „Для сжатости очерка масонство XVIII вѣка рассмотрѣно совмѣстно съ масонствомъ XIX вѣка, хотя между ними и существуетъ значительная разница“. Между ними не разница, а пропасть: только очень внимательное изученіе можетъ проложить мостъ между мистическимъ масонствомъ XIX вѣка и деистически-филантропическимъ масонствомъ XVIII-го, и „для сжатости очерка“ сваливать въ одну кучу такія разнородныя вещи нельзя. Къ чему это должно привести, показываетъ пятая глава книги (о свободѣ совѣсти въ масонствѣ), вообще характерная для манеры автора. Здѣсь мало говорится о свободѣ совѣсти, зато говорится о всевозможныхъ вещахъ, имѣющихъ отношеніе къ религіознымъ представленіямъ масоновъ: о священнослуженіяхъ масоновъ, о тризнахъ, объ ихъ отношеніи къ духовенству и монашеству, объ ихъ занятіяхъ магіей, и пр. Интересныхъ свѣдѣній здѣсь множество—разумѣемъ, для историка, но все это не имѣетъ никакой прямой связи ни съ темой главы (свобода совѣсти), ни съ предметомъ всей книги (роль масонства въ освободительномъ движеніи), и въ довершеніе вся эта глава въ цѣломъ представляетъ чистое недоразумѣніе, потому что какъ-разъ въ сферѣ религіозныхъ вопросовъ меньше всего можно обобщать наше масонство: масоны Александровскаго времени рѣшали эти вопросы совѣмъ съ иныиъ точкою зрѣнія, изъ другой системы переживаній, нежели ихъ предшественники XVIII вѣка. Надо также отмѣтить, что г-жа Соколовская, характеризуя какую-нибудь сторону масонства, безъ разбора пользуется какъ подлинными масонскими матеріалами, такъ и документами частнаго свойства, которыхъ ничто не даетъ намъ права

считать характерными для масонства, какъ такового. Такъ, у нея рядомъ стоятъ выдержки изъ масонскихъ рѣчей, гимновъ и ритуаловъ—и цитаты изъ письма Невзорова къ А. Н. Голицыну, или Бутурзова къ Трубецкому, или слова Федора Бречетова, „причастнаго къ масонству“,—и это сплошь и рядомъ.

Такъ вмѣсто интересной и нужной книги получилось безпорядочное собраніе архивныхъ данныхъ, кое-какъ разложенное по главамъ и въ цѣломъ ничего не уясняющее. Наибольше удовлетворительны тѣ главы, въ которыхъ содержатся чисто внѣшнія фактическія свѣдѣнія; таковы главы—объ отношеніи правительства къ масонству, о масонской символикѣ, о составѣ масонскихъ ложъ. Главы же, касающіяся масонскихъ ученій и психологіи масонства, непоправимо испорчены пренебреженіемъ автора къ существу масонства и смѣшеніемъ двухъ разныхъ эпохъ его.

III.

— М. Колчинъ. Ссылные и заточенные въ острогъ Соловецкаго монастыря въ XVI—XIX вв. Историческій очеркъ. Съ предисловіемъ А. С. Пругавина. Изд. „Посредника“. Москва. 1908 г. Стр. XIII и 174.

Эта книжка носитъ характеръ подлиннаго историческаго документа; она составлена по матеріаламъ секретнаго монастырскаго архива и обязана своимъ происхожденіемъ несчастію, разбившему жизнь ея автора: въ концѣ 70-хъ годовъ Колчинъ, студентъ медико-хирургической академіи, будучи сосланъ въ архангельскую губернію, взялъ мѣсто фельдшера въ Соловкахъ и провелъ тамъ три года. Академію ему такъ уже и не удалось окончить, но зато онъ сохранилъ для русской исторіи любопытную и важную страницу—одну изъ самыхъ скорбныхъ ея страницъ. Его книжка дѣлится на двѣ части: въ первой онъ даетъ историческій очеркъ соловецкой тюрьмы и описываетъ общія условія содержанія въ ней ссылныхъ; во второй онъ поименно перечисляетъ всѣхъ узниковъ, толпившихся здѣсь, сообщая всѣ свѣдѣнія о нихъ, какія ему удалось собрать.

Это были почти все мученики за убѣжденіе; во всемъ этомъ длинномъ спискѣ встрѣчается едва 5—6 человекъ, осужденныхъ за преступныя дѣянія—за убійство и т. п.: огромное большинство искунало вину своей мысли, преимущественно религіозной. Здѣсь были, конечно, и люди незаурядной умственной силы, настоящіе реформаторы по призванію, но такихъ не много; огромное большинство страдало за вѣрованія дикія, изуверскія, за скопчество, двуперстіе и пр. Но что въ томъ! въ самой тѣмѣ своего ума они были велики духомъ: нѣтъ

разницы, за что человекъ отдаетъ свою жизнь, если только онъ вѣрнѣе, что отдаетъ ее за истину. Въ концѣ концовъ нѣтъ болѣе важнаго дѣленія между людьми, какъ дѣленіе на служащихъ Богу или Маммонѣ, и различіе между первыми и вторыми такъ велико, что внутреннія различія между служащими тому или другому Богу теряютъ значеніе; въ этомъ смыслѣ Джордано Бруно—не больше любого раскольника, принявшаго крестную муку за двуперстное сложеніе и не рассказывающагося до конца.

И какія муки! какая изступленная жестокость! Каземать—уѣбченый конусъ изъ кирпича, высотой сажень при входѣ, пол-сажени въ узкомъ концѣ, гдѣ находится и окошко—вершковъ шесть въ квадратѣ, за тремя рамами и двумя рѣшетками; темно, читать невозможно, сырость и удущливо-затхлый воздухъ. Или другое—каменный мѣшокъ въ два аршина длины, полтора ширины и три высоты, съ окошечкомъ такой величины, чтобы можно было просунуть сосудъ съ пищей, съ кирпичной лавочкой въ пол-аршина ширины; здѣсь нельзя было лечь и тьма была полная. Но и это еще не худшее: для важнѣйшихъ колодниковъ существовали подземные казематы—яма въ сажень глубины, обложенная по краямъ кирпичами, устланная соломой,—покрытая насыпью поверхъ досокъ; въ этой крышѣ было отверстіе, запираемое на замокъ, чрезъ которое спускали и поднимали узника и куда подавали пищу. Здѣсь узникъ жилъ въ полной тьмѣ, часто скованный по рукамъ и ногамъ, и крысы, водящіяся здѣсь во множествѣ, нерѣдко объѣдали у несчастныхъ носъ и уши. Давать что-либо для защиты отъ крысъ строго запрещалось; такъ, одинъ караульщикъ, давшій находящемуся въ земляной тюрьмѣ Салтыкову палку для обороны отъ крысъ, былъ за это битъ плетью нещадно. Особенно часто, по свидѣтельству автора, сажалъ въ земляныя тюрьмы Петръ I. Таковы были соловецкіе казематы въ XVII—XVIII вв.; въ девятнадцатомъ здѣсь была выстроена усовершенствованная трехъ-этажная тюрьма.

Рѣдко кто выходилъ изъ Соловокъ живой; многіе сходили съ ума, но и это не давало свободы. Обыкновенно узника присылали „до кончины живота его безысходно“. Официальный списокъ заключенныхъ, составленный въ 1855 году, начинается крестьяниномъ Семеномъ Шубиннымъ, 88 лѣтъ, который содержится съ 1812 года, за старообрядчество; затѣмъ слѣдуютъ два скопца, сидящіе—одинъ 36, другой—33 года, и т. д.

Ихъ мучили не только физически; такъ какъ это были, какъ сказано, въ большинствѣ раскольники, то принимались всяческія мѣры къ ихъ „исправленію“, и эти мѣры были равносильны пыткамъ. Ихъ сажали по-двое въ одинъ казематъ, и именно двухъ сектантовъ такого рода, что они не только не хотѣли сообщаться между собою, но безъ

отвращенія и злобы не могли смотрѣть другъ на друга. Когда, въ концѣ XVIII вѣка, заведена была общая трапеза для менѣе строго содержимыхъ, это сдѣлалось источникомъ новыхъ страданій. По монастырскому обычаю іеромонахъ предварительно окроплялъ всю пищу святой водой: это дѣлало ее оскверненною въ глазахъ сектантовъ, и они принуждены были, унеся свою порцію къ себѣ въ казематъ, прежде вкушенія пищи класть „начало“, т. е. нѣсколько поклоновъ, чтобы Богъ простилъ имъ грѣхъ, вынуждаемый необходимостью. Вслѣдствіи арестантамъ позволялось брать пищу ранѣе окропленія ея святой водой, но дѣло отъ этого не улучшилось. Это все были сектанты разныхъ толковъ; кто первый взялъ изъ ведра пищу, тотъ вкушалъ ее неоскверненную, — но онъ осквернилъ ее для остальныхъ, и эти остальные должны были передъ ѣдою класть поклоны; со временемъ арестанты завели очередь, кому въ какой день брать первымъ пищу въ свою чашку.

Соловецкая тюрьма функционировала больше трехъ вѣковъ; въ 1883 году были выпущены изъ казематовъ послѣдніе ея узники — подозрѣваемый въ распространеніи скончества (и оправданный судомъ) мѣщанинъ Давыдовъ и осужденный за пропаганду хлыстовской ереси крестьянинъ Леонтьевъ. Но и ихъ держали еще въ качествѣ ссыльныхъ до 1904 и 1905 года. Теперь эта тюрьма упразднена. — Какъ на поляхъ битвъ послѣ уборки труповъ вырастаютъ братскія могилы, такъ въ долгой борьбѣ за свободу мысли и совѣсти Россія покрылась братскими могилами духовными — борцовъ и мучениковъ за свое вѣрованіе. Одна изъ самыхъ грандіозныхъ между ними — соловецкая. Надъ этой великой братской могилой Колчинъ своей книжкой поставилъ если не памятникъ, то памятную доску, — и за то ему спасибо.

IV.

— В. Вересаевъ. На войнѣ. Записки. С.-Петербургъ. 1908 г. Стр. 372.

Записки В. Вересаева о войнѣ не удовлетворяютъ ожиданія читателей, особенно тѣхъ, кто когда-то съ волненіемъ читалъ его чудесныя „Записки врача“. Главная цѣнность той книги заключалась не въ ея матеріальномъ содержаніи, — не въ постановкѣ вопросовъ о состояніи врачебной науки, не въ богатствѣ наблюденій или важности высказанныхъ мыслей, а въ отношеніи автора, какъ человѣка и гражданина, къ дѣлу, которому онъ служить. Русское общество, можетъ быть безсознательно, было поражено этой необыкновенной совѣстливостью, этимъ глубокимъ нравственнымъ чувствомъ, которое лежало въ основѣ

всѣхъ разсужденій автора, его тревожныхъ недоумѣній и запросовъ, и которое — опять-таки, можетъ быть, безсознательно для автора — составляло истинный сюжетъ книги. Такой же характеръ носятъ и лучшія изъ старыхъ беллетристическихъ произведеній В. Вересаева. Его художественныя средства незначительны, но иной его разсказъ производилъ сильное впечатлѣніе той болью за неправду и горе, которая чувствовалась въ самомъ авторѣ.

Въ „Запискахъ“ о войнѣ этого моральнаго пагоса нѣтъ. Онѣ написаны вяло, точно по обязанности; и такъ какъ и здѣсь художественности не много, то получилось самое заурядное собраніе бѣглыхъ картинокъ, разсужденій и пр., число которыхъ безъ пользы или ущерба можно было увеличить втрое. Г. Вересаевъ поступилъ совершенно правильно: онъ разсказываетъ почти только то, что видѣлъ вокругъ себя, на своемъ мѣстѣ (какъ младшій врачъ подвижнаго полевого госпиталя); но такъ какъ его разсказъ не художественъ, а фотографиченъ, то получилась не картина, убѣдительная своей глубокой правдой, а рядъ анекдотовъ, рядъ снимковъ, болѣе или менѣе характерныхъ, но случайныхъ. Безъ вдохновенія — художественнаго или, какъ это раньше бывало у г. Вересаева, — моральнаго, хорошей книги не напишешь; нѣтъ вдохновенія — и все выйдетъ некстати. Въ книгѣ г. Вересаева доминируетъ случайность. Изображая какое-нибудь лицо, типичное по мѣсту, занимаемому имъ, и поведенію, онъ такъ подробно останавливается на мелкихъ индивидуальныхъ чертахъ характера, что всякая типичность пропадаетъ. Эти мелкія черты характера, совершенно личныя, могли быть очень неприятны въ личныхъ сношеніяхъ, естественно было досадовать на нихъ или подсмѣиваться въ близкомъ кругу, но зачѣмъ выписывать ихъ въ книгѣ о войнѣ? Это — обывательская, а не художественная манера. Одинъ изъ главныхъ героевъ книги г. Вересаева — нѣкій д-ръ С., завѣдывавшій сосѣднимъ госпиталемъ; ему посвящена добрая четверть книги — по крайней мѣрѣ, таково наше впечатлѣніе; авторъ безчисленное количество разъ возвращается къ нему, слѣдитъ за нимъ по пятамъ, подробно разсказываетъ о каждой мелкой гадости, учиненной имъ и его „племянницей“. Это былъ, повидимому, дѣйствительно отталкивающій господинъ, и мы понимаемъ, что близкое и долгое сосѣдство съ нимъ было для г. Вересаева невыносимо; но фигура этого человѣка настолько случайна и всѣ его проступки такъ микроскопически-ничтожны на фонѣ колоссальной безсовѣстности, обнаруженной войною, что непонятно, зачѣмъ понадобилось г. Вересаеву именно его и его „племянницу“ показывать намъ подъ увеличительнымъ стекломъ? И точно также, зачѣмъ нужно было ему тщательно выписывать фигуру нѣкоего Врука, мелкаго писца въ канцеляріи госпиталя, ничѣмъ не харак-

тернуу для „войны“? Та же печать случайности лежитъ и на многихъ другихъ фигурахъ и сценахъ, зарисованныхъ г. Вересаевымъ. Время отъ времени онъ обобщаетъ свои наблюденія въ формѣ разсужденій, подкрѣпляемыхъ ссылками на официальные документы, на случаи, бывшіе въ другихъ мѣстахъ и пр. Эти обобщенія не блещутъ новизною: гомерическая неурядица, грандіозное казнокрадство, господство „связей“, бюрократизмъ, бездушіе власть имущихъ, и пр. И въ этихъ разсужденіяхъ нѣтъ перспективъ: то выдвигается какое-нибудь дѣйствительно вопіющее неустройство, то авторъ съ равнымъ, кажется, негодованіемъ обстоятельно бичуетъ систему раздачи знаковъ отличія, господствовавшую въ эту войну.

Г. Вересаевъ не изобразилъ войны. При всемъ томъ, въ его книгѣ, разумѣется, не мало цѣнныхъ отдѣльныхъ свѣдѣній и наблюденій. Больше или меньше полное представленіе она даетъ о двухъ сторонахъ войны: о постановкѣ у насъ военно-медицинскаго дѣла и объ отношеніи русскихъ къ китайцамъ въ Манчжуріи. Ослобленіе, которое русскіе сумѣли посвятить въ сердцахъ мирныхъ китайцевъ, онъ справедливо считаетъ однимъ изъ главныхъ факторовъ, обусловившихъ нашу неудачу. „Кругомъ, по всей широкой мукденской равнинѣ, по полямъ и деревнямъ, шель огромный, организованный, равнодушно-бездушный разбой... Вся широкая мукденская равнина на глазахъ обнажалась и превращалась въ голую пустыню“: эта общая характеристика иллюстрируется въ книгѣ множествомъ истинно-потрясающихъ сценъ. Эту сторону войны съ такою подробностью не обрисовалъ, насколько намъ извѣстно, никто изъ писавшихъ о послѣдней войнѣ.

V.

— Г. Василевскій. Интеллигентная земледѣльческая община Криница. Въ исторіи исканій общественныхъ формъ идеальной жизни. Книг.-во „Посѣвъ“. С.-Петербургъ. 1908. Стр. 131.

Свѣдѣнія о Криницѣ неоднократно проникали въ печать, это имя извѣстно очень многимъ, но сколько-нибудь обстоятельныхъ и точныхъ показаній о судьбахъ Криницы у насъ до сихъ поръ не было. Г. Василевскій изложилъ исторію криницкой общины на основаніи матеріаловъ, составляющихъ архивъ Криницы, а также личныхъ, повидимому долговременныхъ наблюденій, и изложилъ съ величайшей объективностью, даже не совсѣмъ понятной въ человѣкѣ, на глазахъ котораго такъ грустно кончилось это свѣтлое начинаніе. Впрочемъ, книга г. Василевскаго далеко не даетъ исчерпывающаго повѣствованія; она слишкомъ суммарна, въ ней идейные споры, волновавшіе

общину, слишкомъ застять самую жизнь общины и личность ея членовъ, а при этомъ условіи и самыя споры утрачиваютъ для читателя свою острую жизненность и получаютъ какой-то праздно-отвлеченный характеръ. Г. Василевскій показалъ только главные этапы криницкой идеологіи, но не показалъ главнаго: какъ жизнь изо дня въ день ломала эту идеологію и съ роковой послѣдовательностью приводила каждый разъ къ новому этапу, изъ которыхъ послѣднимъ явилось печальное упраздненіе общины.

„Интеллигентная земледѣльческая община Криница была основана горстью искреннихъ, убѣжденныхъ людей въ 1886 году на берегу Чернаго моря, между Новороссійскомъ и Сочи. Основатели общины исходили изъ той мысли, что устранить вражду и неравенство между людьми можно только путемъ усовершенствованія отдѣльной личности, такъ какъ корень зла—въ самомъ человѣкѣ, въ хаотичности и алчности его темныхъ страстей. Объектомъ усовершенствованія, думали они, можетъ быть одинъ только интеллектъ, который способенъ прогрессировать безконечно: ростъ сознанія долженъ ослабить чувственные побужденія въ человѣкѣ, являющіяся главнымъ источникомъ дисгармоніи въ обществѣ. Отсюда возникала задача устроить свою жизнь такимъ образомъ, чтобы нравственное сознаніе каждаго отдѣльнаго члена общины могло развиваться совершенно свободно и при наибольшѣ благоприятныхъ условій. Свободно—это значить внѣ гнета какой-либо абсолютной истины: всякій догматизмъ—будь то опредѣленная религія, социальная или философская система,—разсуждали эти люди,—задерживаетъ ростъ личности, затемняетъ сознаніе, которое, какъ все живое, слѣдуетъ исключительно органическимъ законамъ роста. Наибольше же благоприятными условіями для такого внутренняго совершенствованія были признаны—жизнь общиной и занятіе земледѣліемъ.

Таковы были теоретическія основанія криницкаго эксперимента. Есть что-то необыкновенно привлекательное и вмѣстѣ трагичное въ этой попыткѣ перестроить свою жизнь по идеалу правды. Трагизмъ заключался не только въ томъ, что горсть людей задумала создать свѣтлую храмину среди необозримаго моря грѣха: это уже само по себѣ сулило неудачу, потому что волны непрерывно заливали ихъ постройку—всячески, въ видѣ наплыва разношерстаго люда, вносившаго смуту въ общину, въ видѣ всевозможныхъ требованій современнаго хозяйства и рынка, заставлявшихъ идти на компромиссы, работать при помощи капитала, нанимать рабочихъ, и пр. Высшій трагизмъ заключался въ томъ, что всѣ эти люди въ себѣ самихъ принесли тѣ элементы разьединенія, которые дѣйствуютъ въ цивилизованныхъ обществахъ и съ которыми они какъ-разъ думали бороться. Первоначальное ядро общины, повидимому, дѣйствительно состояло

изъ людей, страстно одушевленныхъ одной и той же идеей; но ихъ было только четыре человѣка (В. В. Еропкинь, чета Сычуговыхъ и Н. Н. Коганъ). Какъ только къ нимъ применили другіе—и это произошло въ первый же годъ существованія общины—начались коренныя разногласія, глухая и явная вражда, небрежность въ работѣ и пр. Опытъ не удался, прежде всего экономически; Криница изъ года въ годъ давала дефицитъ—его покрывалъ В. В. Еропкинь, который для этого, вѣроятно съ большой болью въ сердцѣ, пошелъ на службу грѣху, капиталу (онъ взялъ мѣсто директора на писчебумажной фабрицѣ). Еще разительнѣе была нравственная неудача. То любовное единеніе въ общемъ трудѣ, къ которому стремились основатели общины, оказывалось недостижимымъ. Шли безконечныя теоретическія споры о самыхъ основныхъ вопросахъ міровоззрѣнія, вырабатывались все новыя деклараціи; искренніе участники общины, видимо, много страдали отъ этихъ разногласій и съ открытымъ сердцемъ шли навстрѣчу противникамъ,—но ничто не помогало, всё шло врозь. „Старики“ во главу угла ставили нравственную задачу и хотѣли всю жизнь общины построить на началахъ правды, любви и довѣрія, а молодежь выдвигала на первый планъ чисто-практическія задачи, тяготилась нравственной цензурой, требовала установленія юридическихъ правъ каждаго члена общины. Въ поискахъ объединяющаго начала община прошла длинный путь. Она начала съ рѣзкаго протеста противъ догматизма во всѣхъ его видахъ—и дошла до сознанія безусловной необходимости подчиниться абсолютной истинѣ. „Теперь, наученные горькимъ опытомъ, мы увидѣли, что объединительная роль труда, коллективной собственности, искусства и пр. кончилась. Раньше все это было желательно для насъ само по себѣ; мы наивно думали, что это явится достаточной силой, чтобы объединить насъ. Мы поставили эти начала вѣхами по нашему пути и забыли, что это только вѣхи, мы приняли ихъ за содержаніе нашей жизни, и, конечно, онѣ оказались бессильными сдѣлать насъ болѣе совершенными. Очевидно, нужно искать смысла жизни въ чемъ-то другомъ, что дѣйствительно можетъ поднять человѣка, переродить его“. Такова одна религія: „Только религія даетъ намъ силу къ совершенствованію и объединенію тамъ, гдѣ кончаютъ свою роль практическая жизнь, наука, искусство. Только съ помощью ея мы съумѣемъ лучше, чище построить нашу жизнь. Беззавѣтное, единодушное стремленіе проникнуться духомъ религіозности—вотъ что объединитъ насъ, вотъ что спасетъ общину отъ разложенія“. Въ результатъ началось изученіе разныхъ религіозныхъ системъ, теоретическія споры по религіознымъ вопросамъ, и пр. Сознать необходимость религіи и стать религіознымъ—двѣ вещи разныя и даже разныхъ порядковъ. Но эта ошибка была естественна въ криничанахъ; вся ихъ

попытка была основана на такомъ же недоразумѣніи: они думали, что достаточно человѣку ясно сознать правду, чтобы она уже и сдѣлалась регулятивнымъ началомъ его жизни. Оттого, будучи органически людьми стараго міра, только съ новымъ сознаниемъ,—они думали, что могутъ стать людьми новой жизни, и оттого ихъ постигла такая неудача. Они не только въ цѣломъ преувеличивали роль интеллекта, но, какъ и естественно, на каждомъ шагу принципиально анализировали свою жизнь, убивая тѣмъ ея непосредственное дѣйствіе на ихъ психическій складъ, т.-е. въ корни подрывая ея высшую воспитательную цѣнность. Эта гипертрофія интеллекта, это преувеличенное мнѣніе сознания о себѣ самомъ представляетъ, можетъ быть, самую интересную сторону критическаго эксперимента.

VI.

— Шаломъ Ашъ. Разказы. Т. I. Изд. „Шиповникъ“. С.-Петербургъ. 1908. Стр. 241.

Намъ уже приходилось говорить о Ш. Ашѣ—по поводу его поэмы изъ еврейской жизни „Городокъ“. На этомъ замѣчательномъ писателѣ лишній разъ оправдалась старая истина, что поэзія—не въ томъ, что изображено, а въ томъ—какъ. Случайностью рожденія и воспитанія обреченный братъ свои сюжеты изъ быта, казалось бы, лишеннаго всякихъ проблесковъ красоты, онъ и весь этотъ бытъ въ цѣломъ, и каждую его деталь сумѣлъ возвести въ перлъ созданія, и это безъ всякой умышленной красоты, такъ естественно, какъ солнце золотитъ все на землѣ. У него свое, особенное отношеніе къ міру: онъ любитъ этотъ міръ, любитъ простой, не разсуждающей, крѣпкой и нѣжной любовью. Онъ любитъ всѣ вещи, всѣхъ людей, любитъ солнце и непогоду, добрыхъ и злыхъ, и никого не судитъ, но все благословляетъ и надъ всякимъ цвѣткомъ нагибается съ ласкою. Было бы смѣшно говорить здѣсь о равнодушіи; выше нашихъ жалкихъ и жестокихъ оцѣнокъ есть другое отношеніе къ міру—та мудрая благость, которая въ сознаніи повторяетъ самую природу, тоже равнодушную къ „добру“ и „злу“. Таковъ въ минуты творчества въ сущности каждый художникъ.

Въ поэтическомъ отрывкѣ, который, вмѣсто предисловія, предпосланъ этимъ „Разказамъ“, Ш. Ашъ опредѣляетъ характеръ своего творчества лучше, чѣмъ это могъ бы сдѣлать кто-нибудь другой. Муза, явившаяся ему въ дѣтствѣ, призвала его стать пророкомъ „Бога земли“. Она говорила ему: „Къ другимъ богамъ обратились вы, а вашего Бога-Создателя вы не познаете... Развѣ человѣкъ не братъ дереву? И развѣ не равенъ онъ былинѣ въ полѣ, погрузившей свои корни въ землю? А вы обратились къ небу, къ звѣздамъ, вы подняли взоры свои,

къ тому, что выше васъ и чуждо вамъ. Глаза твои илѣняютъ небесный свѣтъ, и сердце твое влекло то, что далеко отъ тебя. Такъ говоритъ Богъ: небо,—небо для Бога, а землю,—землю далъ я людямъ. А вы судили землю чуждымъ ей судомъ, вы устроили миръ мой по чуждой ему правдѣ. Не справедливость небесъ есть земная справедливость и не правда небесъ есть правда дѣтей земли. И обратились вы къ чуждому Богу, къ Богу небесъ, къ Богу, который васъ не знаетъ и вашей молитвы не слышитъ. И было такъ, что когда вамъ нуженъ былъ дождь, онъ посылалъ вамъ бурю. Добрымъ онъ дѣлалъ зло, а злымъ—добро. Ибо не добро небесъ есть добро земли, и не зло небесъ есть зло земли. Вы пророчествовали отъ имени Бога неба, и ваши пророчества не осуществлялись, потому что они чужды были Богу земли и человѣку земли. Они пророчествовали отъ имени небеснаго Бога. Тебя я возвожу въ пророки Бога земли!"

Здѣсь не мѣсто разбирать эту глубокую мысль поэта—о незаконномъ смѣшеніи небеснаго Бога съ земнымъ; но его мысль о себѣ самомъ ясна: онъ призванъ воспѣть Бога, воплощеннаго въ земномъ. Его Муза говоритъ ему: чудо твоего Бога—не въ чудѣ, а въ обыденномъ; „то, что лѣтомъ грѣеть солнце, а осенью льетъ дождь—вотъ знаменіе твоего Бога“.

И такъ какъ этотъ Богъ—во всемъ, что есть на землѣ, такъ же въ простомъ, какъ и въ сложномъ, то не все ли равно, что воспѣвать? Всякая такая пѣснь о земномъ будетъ молитвою и пророчествомъ о Богѣ. И вотъ, поставленный судьбою въ среду бѣднаго еврейства литовскихъ мѣстечекъ, III. Ашъ воспѣваетъ эту жизнь, такую скудную, грубую, темную,—и какой поэзіей дышатъ эти его рассказы! Его повѣствованіе реалистично и просто, лишено всякихъ литературныхъ украшеній, но озарено изнутри какимъ-то чуднымъ свѣтомъ; подъ перомъ этого волшебника жизнь самая грубая и простая выявляетъ свой скрытый лиризмъ, и вспоминается классическое „*vult lacrimae rerum*“, съ той равнищей, что здѣсь освѣщена не темная, а радостная сторона бытія. У Н. Минскаго есть прекрасное стихотвореніе, озаглавленное „Искусство“.

Въ глухой полночной часъ взгляни на лѣсъ цвѣтущій,
Потомъ въ лучахъ утра на тотъ же лѣсъ взгляни.
Не тѣ же ль предъ тобой шумятъ деревья въ кущи,
Не тотъ же ли ручей лепечетъ въ ихъ тѣни?
Иль утро свѣтлое ручей обогатило
Хотя бъ одной струей, одною вѣткой—лѣсъ?
Но ты ихъ не узналъ: иль солнце осветило!
И волны оживи, и каждый листъ воскресъ.
И все, что въ нѣдрахъ тьмы дремало сокровенно,
Ликую, родилось передъ лицомъ вселенной.

Это опредѣленіе узко, оно, конечно, не объемлетъ всего искусства, но къ нему нечего прибавить, если имѣть въ виду только искусство изобразительное, — одинъ изъ важнѣйшихъ родовъ искусства. И въ этомъ именно смыслъ Ш. Ашъ—настоящій и большой художникъ.

Онъ погружаетъ руку въ жизненный потокъ и вынимаетъ первое, что попадется подъ руку. Что за сюжеты! Глухое еврейское мѣстечко, нищета, болѣзни, тьма, дикіе предрасудки, дикій ритуалъ, связывающій человека по рукамъ и ногамъ, кругъ извозчиковъ, базарныхъ торговцевъ, рыбаковъ,—точно подземелье, гдѣ копошатся и задыхаются парии... Но это старый укладъ жизни, и, какъ всякій бытъ, онъ насыщенъ законностью, онъ внутренно цѣлевъ—и въ этомъ его поэзія. Извнѣ здѣсь все грубо и уродливо, но взглядъ извнѣ есть оцѣнка и судъ. Поэтъ не судитъ; онъ сливается съ жизнью, онъ благоговѣнно слушаетъ ея тайный голосъ—„немолчный гимнъ творцу міровъ“—и отзвукъ его передаетъ намъ въ своихъ произведеніяхъ. Люди—вездѣ люди; горе и радость человека полны поэзіи, чѣмъ бы ни были они, вызваны,—нужно только умѣть подслушать глубокой лиризмъ человеческихъ переживаній; и у Ш. Аша все звучитъ, какъ пѣснь: и рассказъ о мальчикѣ-сорванцѣ, который самостоятельно дѣлаетъ карьеру и выбивается въ извозчики; и рассказъ объ извозчикѣ, который женится на дочери богатаго еврея, „аристократѣ“, и благоговѣетъ передъ ея тонкими манерами, и немного груститъ о грубыхъ, но веселыхъ забавахъ покинутого имъ извозничьяго круга; и рассказъ о базарной торговкѣ, у которой сынъ растетъ ученымъ талмудистомъ, и ей сладко въ ея гордости, и втайнѣ больно, что онъ такъ чуждъ ей. Этого впечатлѣнія нельзя выразить словами, и невозможно объяснить, какъ это дѣлается, что совершенно реалистическій рассказъ о простомъ случаѣ изъ жалкой и некрасивой жизни превращается въ лирическую поэму.

VII.

— Иванъ Бунинъ. Томъ четвертый. Изданіе Товар. „Знаніе“. С.-Петербургъ. 1908. Стр. 249.

Новая книга г. Бунина содержитъ въ себѣ, кромѣ нѣсколькихъ переводовъ („Годива“ Теннисона, „Камилъ“ Байрона и отрывки изъ „Золотой легенды“ Лонгфелло), около шестидесяти стихотвореній, написанныхъ въ 1907 году; эти послѣднія—конечно, самая цѣнная часть книги.

Они не вносятъ новой черты въ художественную фізіономію г. Бунина: какимъ мы его знали по его предыдущимъ двумъ томамъ, таковъ онъ и теперь; его дарованіе, повидимому, достигло полного раз-

вѣтѣ и послѣднія пять—шесть лѣтъ стоитъ въ зенитѣ. Тотъ же общій колоритъ, та же гамма настроеній, только развѣ больше отчетливости въ переживаніяхъ и увѣреннѣе чеканка формы. Это дарованіе сравнительно невелико, но оно принадлежитъ къ чистѣйшимъ и совершеннѣйшимъ, какія знаетъ исторія русской поэзіи; это—не-крупный, но удивительно чистой воды алмазь.

Стихотвореніе г. Бунина, хотя бы и не подписанное, узнаешь среди тысячи, и прежде всего—по языку. Его поэтический слогъ безпримѣренъ въ нашей поэзіи; только Огаревъ до извѣстной степени обладалъ этой тайной создавать пѣвучесть изъ обыденныхъ словъ, такъ, чтобы каждый отдѣльный стихъ былъ прозаически простъ и точенъ, а вся пѣса въ цѣломъ дышала поэзіей. Но Огареву мѣшала его небрежная распылчатость: у г. Бунина прозаизмъ, точность, простота языка доведены до предѣла. Едва-ли найдется еще поэтъ, у котораго слогъ былъ бы такъ неукрашенъ, будниченъ, какъ здѣсь; на протяженіи десятковъ страницъ вы не встрѣтите ни одного эпитета (того, что называется поэтическимъ эпитетомъ), ни одного сравненія, ни одной метафоры. Это языкъ совершенно дѣловитый, твердый и сухой. Г. Бунинъ почти не употребляетъ прилагательныхъ; у него есть цѣлыя стихотворенія, — и такихъ немало, — гдѣ нѣтъ ни одного прилагательнаго, а гдѣ оно и встрѣчается, тамъ оно носитъ чисто-дѣловой характеръ: оно воспроизводитъ какую-нибудь конкретную черту явленія, обыкновенно элементарную („алжюшій закатъ“, „яркій, небесно-синій лень“, и т. п.). Всѣ поэтическіе наросты языка удалены—осталось простое, трезвое, реальное слово; подъ перомъ г. Бунина русскій стихъ впервые зазвучалъ той строгостью рѣчи, которая отличаетъ высшіе образцы русской прозы: прозу Пушкина и Лермонтова. Ни одного лишняго слова, ни одной безъ надобности красочной черты, вообще, величайшая сдержанность въ словѣ,—такова „Таманъ“ Лермонтова, и къ этому образцу близко подошелъ г. Бунинъ.

Такое опрощеніе поэтическаго языка безъ ущерба для поэзіи—подъ силу только истинному таланту. Здѣсь двѣ стороны: во-первыхъ, въ простомъ нарядѣ красива только настоящая красота; подъ традиціонной пышностью поэтическаго слога нетрудно скрыть бѣдность вымысла или чувства,—здѣсь ее нечѣмъ прикрыть; во-вторыхъ, эта скудость на слова возможна только при величайшей мѣткости слова. Въ отношеніи живописной точности г. Бунинъ не имѣетъ соперниковъ среди русскихъ поэтовъ. Онъ воспроизводитъ зрительный образъ всегда конкретно и всегда въ его простѣйшемъ видѣ, какимъ онъ представляется первому чувственному воспріятію, и съ минимальной затратой словъ и красокъ достигаетъ точности изумительной. Взгляните внизъ съ кормы корабля, когда онъ неподвижно стоитъ въ гавани въ яркое

дѣтнее утро; можно ли точнѣе изобразить текущій блескъ воды,
тѣмъ это сдѣлано въ двухъ стихахъ г. Бунина.

Вверхъ по корнѣ струится глянecъ змбій
Отъ волнъ, отъ солнца и небесъ...

Вотъ чайки—

Вълоу яичной скорлупой
Скользятъ въ волнѣ зелено-голубой.

Или вотъ зажженное кадило:

Благоухай, *заспящее* кадило,
Дыханіемъ *рубиновыхъ* углей!

**Или вотъ цѣлая картина, неподражаемая въ отношеніи рисунка: поэтъ
стоитъ на пристави и смотритъ, какъ отчаливаетъ пароходъ:**

Забилъ буграми жемчугъ, закружился,
Взрывая малахиты подъ рулемъ.
Земля плыветъ. Отходить, отдѣлился
Высокій бортъ. И ми назадъ плывемъ.

Моль опустилъ. На соръ и зерна жита,
Свиста, слетѣлись голуби. А тамъ
Дрожить корма, и длинный жезлъ бугшприта
Отходить и чертить по небесамъ.

Вотъ онъ закрылся ячтами, трубой,
Вотъ показался слѣва. Вдалекѣ
Онъ ужъ завидѣлъ море. Надъ водою
Уносить якорь въ глинѣ и пескѣ.

Эта мѣткость глаза и пера, въ соединеніи съ глубокимъ поэтиче-
скимъ чувствомъ, сдѣлала г. Бунина неподражаемымъ мастеромъ ли-
рическаго жанра. Его лучшія стихотворенія — тѣ, гдѣ искуснымъ
жодборомъ внѣшнихъ чертъ картины онъ заставляетъ выступить на-
ружу ея скрытый лиризмъ. Ему достаточно 24-хъ коротенькихъ стро-
чекъ, чтобы нарисовать богатую реальную картину, насыщенную
мозаикой („На Плющихѣ“): горячее солнце озаряетъ столовую, паркетъ
блеститъ, котъ мурлычетъ на огнѣ; бабушка сидитъ въ качалкѣ, ку-
ритъ—и думаетъ: „вотъ ужъ и мартъ, скоро праздники, а тамъ лѣто,
осень,— не успѣешь оглянуться, года нѣтъ“; вдругъ что-то широко
блеснуло въ окно: А! Это подростки несутъ зеркало на улицѣ; и си-
дитъ бабушка, смотритъ, какъ дымъ ея папиросы синѣетъ и таетъ
въ свѣтлой солнечной полосѣ—

... какъ за сѣбя
Въ далекой просѣкѣ, весной.

Въ настоящемъ томѣ есть нѣсколько восхитительныхъ образчиковъ этой тонкой поэзіи („Проводы“, „Слѣпой“, „Дія“, „Съ обезьяной“). И свои собственные настроенія г. Бунинъ передаетъ совершенно такимъ же образомъ—въ формѣ конкретной картины, изъ которой, какъ облако изъ моря, рождается лирическое чувство. Цитированное выше стихотвореніе „Проводы“ типично для г. Бунина: ушелъ пароходъ,—онъ стоитъ на пристани, сердце сжато грустью,—всѣ на кормѣ, знакомые и чужіе, и всѣхъ, какъ близкихъ, жаль...

А мнѣ куда?—Мартъ, сумерки... Къ вечеру
Звонять въ порту... Душа весной полна,
Полна тоской... Вотъ огонекъ въ тавернѣ...
Но нѣтъ, домой! Я нѣмъ и безъ вина.

Отдѣльно надо поставить „историческія“ стихотворенія г. Бунина, которыхъ какъ-разъ въ этомъ томѣ довольно много. У него нѣтъ той сосредоточенности историческаго чувства, которою сильнѣ В. Брюсовъ, но онъ и здѣсь своими простыми средствами умѣетъ достигать большой красоты и выразительности. Между этими пьесами въ настоящемъ томѣ есть одна по-истинѣ классическая: это—„Стамбуль“. По улицамъ бродятъ облытые, худые псы съ печальными глазами—

Потомки гѣхъ, что изъ степей пришли
За пыльными скрипучими возами.

Эти первыя четыре строки—удивительный художественный штрихъ: нынѣшній Стамбуль мгновенно слился въ нашемъ воображеніи съ картиною кочевыхъ ордъ въ моментъ его завоеванія мусульманами. И дальше—картина расцвѣта, могущества, и потомъ запустѣніе—„И вой собакъ звучитъ тоской пустынь“ подъ древней византійской базиликой,—и наконецъ опять черта, связывающая въ одно всю исторію турецкаго Стамбула:

Стамбуль, Стамбуль! Послѣдній мертвый станъ
Послѣдняго великаго кочевья!

М. Г.

VIII.

— Эд. Верштейнъ. Исторія рабочаго движенія въ Берлинѣ. Авторизованный переводъ съ нѣмецкаго I. В. Постмана. Сиб. 1908. Ц. 2 р.

Историческая наука, по понятнымъ причинамъ, обратила прежде всего вниманіе на явленія, наблюдающіяся на поверхности общественной жизни, явленія, служащія результатомъ глубокихъ, хотя и

менше видныхъ процессовъ, и лишь постепенно переходить къ изученію мелкихъ фактовъ, молекулярныхъ, такъ сказать, движеній элементовъ общества — отдѣльныхъ лицъ, группъ и простѣйшихъ ихъ организацій, взаимодействіемъ которыхъ создаются крупныя и шумныя факты, прежде всего обратившія на себя вниманіе наблюдателей. Сказанное объ исторической наукѣ вообще приложимо и къ исторіи такъ называемаго рабочаго движенія. Еще недавно исторія движенія, напр., германскихъ рабочихъ чуть не исчерпывалась дѣятельностью Шульце-Делича, М. Гирша, Лассаля и его интеллигентныхъ преемниковъ; а политическое ихъ движеніе и по сіе время представляется какъ исторія социаль-демократической партіи. Между тѣмъ идейное содержаніе этой партіи, извѣстное намъ по ея литературѣ, далеко не совпадаетъ съ идеями и симпатіями рабочихъ массъ, причисляющихъ себя къ социаль-демократіи; но для обнаруженія этого расхожденія нужно съ поверхности политической жизни опуститься въ болѣе глубокія области, отъ наблюденія крупныхъ проявленій партійной жизни перейти къ изученію мелкихъ фактовъ выраженія политическаго сознанія отдѣльныхъ рабочихъ и ихъ простѣйшихъ организацій.

Книга, названная въ заглавіи настоящей замітки, имѣетъ задачей воспроизведеніе исторіи рабочаго движенія въ столицѣ Германской имперіи. По существу этой задачи она имѣетъ дѣло съ болѣе мелкими фактами, чѣмъ это умѣстно въ книгѣ, посвященной болѣе широкой цѣли, и авторъ считаетъ даже своей задачей „пролить свѣтъ на возможно большее количество фактовъ“. Воспроизведеніе исторіи рабочаго движенія въ главнѣйшихъ районахъ Германіи доставило бы солидный матеріалъ для сочиненія по исторіи движенія рабочаго класса этой страны въ цѣломъ. Разсматриваемый трудъ предпринятъ по инициативѣ самихъ рабочихъ, социаль-демократическихъ уполномоченныхъ Берлина, которые доставили автору и часть разработаннаго имъ матеріала, заимствовавъ его изъ своихъ архивовъ и воспоминаній. Вышедшій первый томъ заключаетъ исторію рабочаго движенія отъ 1848 г. до 1878 г., когда былъ изданъ законъ противъ социалистовъ, почти прервавшій видимое проявленіе политической организаціи массъ, но вогнавшій движеніе въ глубину народной жизни. Содержаніе этого тома относится главнымъ образомъ къ исторіи политическаго развитія берлинскихъ рабочихъ, что представляется естественнымъ уже по одному тому, что лишь послѣ завоеванія элементарныхъ гарантій свободы, какъ результата развитія политическаго самосознанія массъ, и открываются благоприятныя условія для профессиональной, кооперативной и политической организаціи рабочихъ.

Берлинскій рабочій людъ встрѣтилъ мартовскую революцію, не имѣя „собственной организаціи, прессы и единого политическаго руководства“ (стр. 21). Рабочіе не выступали самостоятельно и на выборахъ въ парламентъ, и въ политической жизни шли слѣдомъ за буржуазной демократіей, организовавшейся затѣмъ въ прогрессивистскую партію. „Только небольшая кучка духовно-развитыхъ рабочихъ восприняла идею самостоятельной экономической и политической организаціи рабочаго класса“ (стр. 77). Даже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ берлинскіе рабочіе „въ большой массѣ не-прежнему шлелись въ хвостъ прогрессивистской партіи“ (стр. 118), и авторитетъ Шульце-Делича былъ въ ихъ глазахъ гораздо выше авторитета Лас-сала. Что же касается первыхъ дней революціонной эпохи 1848 г., то подчиненіе берлинскихъ рабочихъ идеямъ и руководительству буржуазии было настолько значительно, что редакція газеты „Читальня“ чуть не подверглась разгрому за то, что „предостерегала отъ чрезмѣрнаго увлеченія примиреніемъ и указывала на неизбежную еще предстоящую борьбу между имущими и рабочими“. Кромѣ отсутствія политическаго развитія, несамостоятельность рабочаго класса въ описываемое время находитъ себѣ объясненіе въ преобладающемъ характерѣ этого класса, состоявшаго, главнымъ образомъ, изъ ремесленниковъ, а не фабричныхъ рабочихъ; въ ремеслѣ же того времени дифференціація классовъ далеко не достигла нынѣшнихъ размѣровъ, и трудящаяся масса еще не усмотрѣла всей глубины пропасти, раздѣлявшей интересы капиталистовъ и рабочихъ. Главный смыслъ исторіи описываемаго въ рассматриваемомъ сочиненіи періода заключается именно въ освобожденіи рабочаго класса Берлина отъ подчиненія политическому руководительству радикальной буржуазіи. Кривую роль въ развитіи политическаго самосознанія берлинскихъ рабочихъ сыиграли первыя соціаль-демократическія организаціи, а послѣ франко-прусской войны, на почвѣ всеобщаго избирательнаго права, берлинскіе рабочіе вскорѣ совершенно почти освободились отъ подчиненія буржуазнымъ политикамъ и стали даже проводить въ парламентъ своихъ собственныхъ кандидатовъ. Быстрый ростъ политическаго объединенія рабочихъ напугалъ, однако, буржуазію и правительство, и послѣднее воспользовалось выстрѣломъ Нобилинга, чтобы побудить парламентъ принять репрессивный законъ противъ социалістовъ. Мотивы покушенія Нобилинга не выяснены. Нобилингъ происходилъ изъ монархической семьи, члены которой были помѣщиками, чиновниками и офицерами. Самъ онъ не добился прочнаго мѣста. Врачу, пользовавшему его послѣ попытки самоубійства, онъ заявилъ, что „хотѣлъ убить императора, подчиняющагося влияніямъ вреднаго народу, полагая, что кронпринцъ будетъ править самостоятельно“.

Это заявленіе не было опубликовано, а вмѣсто того въ день покушенія была разослана лживая официальная телеграмма о томъ, что Нобилингъ будто бы сознался въ приверженности къ социалистическимъ идеямъ, между тѣмъ какъ по состоянію своего здоровья (онъ себя ранилъ въ голову) онъ не могъ быть тогда подвергнутъ допросу.

Первыя проявленія революціоннаго движенія 1848 г. въ Германіи сильно напоминаютъ первые шаги нашего освободительнаго движенія. Политическимъ резолюціямъ нашихъ собраній, частныхъ и муниципальных, соотвѣтствуютъ адреса нѣмецкихъ городскихъ гласныхъ и студентовъ: подобно тому, какъ петербургскіе рабочіе выразили свое отношеніе къ злобѣ дня адресомъ къ Государю, адресъ къ королю былъ подписываемъ и берлинскими рабочими; послѣдніе, правда, были настолько предусмотрительны, что не думали подавать его лично, а опубликовали въ газетахъ. Какъ и у насъ, начало освободительнаго движенія въ Германіи ознаменовалось образованіемъ множества союзовъ. „Приказчики, желѣзнодорожные и почтовые чиновники, канцелярскіе служащіе и т. п. всѣ начали пользоваться свободой и организовываться въ цѣляхъ защиты своихъ интересовъ. Не было также недостатка въ попыткахъ сьорганизовать прислугу“ (стр. 50). О новой чертѣ сходства нѣмецкаго и русскаго движенія говорить и самъ авторъ разсматриваемой книги. „Подобно тому, какъ мы наблюдаемъ это въ Россіи, въ большихъ, конечно, размѣрахъ и въ болѣе развитыхъ формахъ, — и въ періодъ мартовской революціи рабочіе очень скоро пытаются превратить добытую свободу въ хлѣбъ. Во всѣхъ профессіяхъ сейчасъ же послѣ мартовскихъ дней рабочіе выставляютъ требованіе уменьшенія рабочаго времени и повышенія заработной платы“ (стр. 22). Наконецъ, какъ и въ Россіи, нѣмецкое революціонное движеніе закончилось реакціей, которая, впрочемъ, лишь на время задержала болѣе полное осуществленіе требованія политической свободы.

IX.

— Финансы Россіи въ связи съ экономическимъ положеніемъ ея населенія. С. С. Х.
Второе дополненное изданіе. 1908 г. Ц. 2 р. 50 к.

Первое изданіе этой книги, годъ тому назадъ, не предназначалось для широкой публики и распространялось на правахъ рукописи; но книга имѣла такой успѣхъ, что авторъ рѣшилъ переиздать ее въ дополненномъ видѣ и пустить въ обращеніе на общемъ основаніи. Выполняя это рѣшеніе, авторъ, однако, „далекъ отъ мысли, что трудъ его имѣетъ научное значеніе. Онъ желалъ только выяснить, дѣйстви-

тельно ли народное богатство и благосостояніе русскаго государства росли такъ сказочно быстро, какъ это старались доказать въ періодической печати извѣстнаго лагеря и, въ особенности, при обсужденіи государственныхъ бюджетовъ... Авторъ также принимаетъ на себя смѣлость указать нѣкоторыя стороны государственнаго и народнаго хозяйства, на которыя, по его мнѣнію, слѣдуетъ обратить особое вниманіе, съ цѣлью наискорѣйшаго поднятія народнаго благосостоянія и приведенія государственныхъ финансовъ въ большее равновѣсіе⁴. Разрѣшеніе этой задачи кажется автору не особенно затруднительнымъ. „Данныя, изложенныя во второй части этого очерка, — говоритъ онъ, — настолько ярки и убѣдительны, что cadaго непредубѣжденнаго человека должны привести къ глубокому убѣжденію, что Россія быстро и самымъ естественнымъ образомъ можетъ развернуть свои экономическія силы, искусственно задержанныя въ своемъ развитіи, до размѣровъ, границы которыхъ въ настоящее время даже не могутъ быть опредѣлены, и достигнуть быстро такого благосостоянія своего населенія, которому могутъ позавидовать и другія государства“. Рѣшительное утвержденіе автора, что во второй части его книги можно найти ключъ отъ затвора, ведущаго на путь російскаго благополучія, естественно возбуждаетъ у читателя желаніе скорѣе ознакомиться именно съ этой частью разсматриваемаго труда. Мы остановимся, поэтому, на второй половинѣ книги, ограничившись по отношенію къ первой части замѣчаніемъ, что въ разсматриваемыхъ въ ней предметахъ—общее положеніе и новѣйшая исторія нашего государственнаго бюджета, равно какъ и состояніе желѣзнодорожнаго хозяйства въ рамкахъ, очерченныхъ авторомъ, — мало дается новаго читателю, постоянно встрѣчающемуся съ этими вопросами въ періодической литературѣ. Гораздо болѣе интереса представляютъ расчеты и разсужденія автора относительно расчетнаго баланса, металлическаго обращенія и накопленія въ Россіи капиталовъ — предметовъ, обращающихъ на себя меньшее вниманіе нашей печати.

Во второй, особенно насъ интересующей части своего труда г. С. С. Х. прежде всего предостерегаетъ русское общество противъ поспѣшности въ удовлетвореніи массоваго требованія рабочихъ о сокращеніи рабочаго дня и возвышеніи заработной платы, которыхъ не можетъ, будто бы, вынести наша ослабѣвшая промышленность. „Во всѣхъ отношеніяхъ практичнѣе и цѣлесообразнѣе заняться прежде всего разрѣшеніемъ задачи поднятія благосостоянія массы населенія и всей страны, а потомъ, когда эта задача будетъ разрѣшена, черезъ нѣсколько лѣтъ, приняться и за осуществленіе тѣхъ или другихъ идеаловъ“, къ каковымъ авторъ относитъ и требованія рабочихъ (стр. 179). Благосостояніе массы населенія—поучаетъ авторъ—„под-

нимается не удовлетвореніемъ частныхъ требованій тѣхъ или другихъ группъ“, а поднятіемъ производительности страны, „что и будетъ содѣйствовать поднятію благосостоянія массы“ (стр. 180). „Изъ этого ясно, что для поднятія благосостоянія массы населенія слѣдуетъ идти по прямому пути воздѣйствія на сельско-хозяйственную и промышленную жизнь въ обширномъ смыслѣ этого понятія“. Второй задачей переживаемаго момента является, по мнѣнію автора, урегулированіе нашего расчетнаго баланса въ такомъ смыслѣ, чтобы намъ не приходилось прибѣгать періодически къ внѣшнимъ займамъ для покрытія пассива баланса и чтобы мы могли перенести внѣшніе наши долги на внутренней рынокъ. „Разумѣется, было бы смѣло питать надежду на то, что нашъ расчетный балансъ можетъ быть прочнымъ образомъ урегулированъ въ ближайшемъ же будущемъ; но съ увѣренностью можно утверждать, что въ *ближайшемъ же будущемъ* можно повліять на результаты нашего расчетнаго баланса, а затѣмъ *въ теченіе пяти лѣтъ* привести его въ желательное состояніе (стр. 184).

Въ чемъ же заключаются тѣ магическія средства, примѣненіе которыхъ способно „въ нѣсколько лѣтъ“, „въ 5—10 лѣтъ“ уврачевать хроническія язвы нашего хозяйственнаго быта и двинуть нашу бѣдную страну на путь такого благосостоянія, которому будутъ завидовать богатыя европейскія государства?.. Средства эти очень просты! Прежде всего надлежитъ воздѣйствовать на нашу главную отрасль труда, на сельское хозяйство. „Земледѣліе—поучаетъ авторъ—старо, какъ мѣръ Божій, а тѣмъ не менѣе не вездѣ оно стоитъ на одинаковой высотѣ. Это зависитъ отъ того, что, кромѣ обыкновеннаго опыта, въ сельскомъ хозяйствѣ необходимо примѣненіе научныхъ данныхъ, дающихъ самый вѣрный и самый простѣйшій способъ утилизировать силы природы. Тамъ, гдѣ земледѣльцы трудолюбивы и пользуются научными указаніями, тамъ земледѣліе процвѣтаетъ; а тамъ, гдѣ земледѣльцы нетрудолюбивы и на науку не обращаютъ вниманія, тамъ земледѣліе стоитъ на уровнѣ древнихъ временъ“ (стр. 194). Эта тирада изъ прописей положена г. С. С. Х. въ основаніе проекта поднятія сельскаго хозяйства Россіи. Русскій земледѣлецъ „не трудолюбивъ“, много празднуетъ и мало работаетъ. „Большинство праздниковъ можетъ быть легко уничтожено простымъ распоряженіемъ Св. Синода“. „Къ сожалѣнію, въ расчеты Синода не входитъ уменьшеніе числа праздниковъ“. А отсюда выводъ, что нужно „энергичное вмѣшательство Святѣйшаго Синода, который, при искреннемъ, а не формальномъ содѣйствіи мѣстнаго духовенства, можетъ оказать дѣйствительное вліаніе на крестьянъ въ смыслѣ сокращенія числа праздниковъ“ (стр. 226). Русскій крестьянинъ „на науку не обращаетъ вниманія“; то же самое относится и вообще къ землевладѣльцамъ, которыхъ также нужно учить,

„какъ слѣдуетъ хозяйничать“ (стр. 211). Но мы имѣемъ передъ собой богатый арсеналъ открытый и сельско-хозяйственного опыта другихъ странъ, и можемъ „научиться немедленно“ тому, „къ чему земледѣльцы пришли въ другихъ странахъ путемъ долгаго опыта и упорныхъ научныхъ изысканій“. „Поэтому, достигнуть упорядоченія нашего хозяйства даже въ средѣ крестьянъ, въ теченіе сравнительно небольшого періода времени, нетрудно и исполнѣ возможно“ (стр. 204). У насъ есть интенсивныя хозяйства, но оказываютъ они самое ничтожное вліяніе, потому что даже у крупныхъ хозяевъ „нѣтъ увѣренности, что опыты сосѣда принесутъ имъ пользу, такъ какъ въ Россіи нѣтъ возможности установить методы хозяйства не только для одной губерніи, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже для одного уѣзда“ (стр. 198). Таковы послыш; а вотъ и мало связанное съ ними заключеніе. Нужно дать крестьянамъ элементарное сельско-хозяйственное образованіе и „наглядные примѣры различныхъ типовъ хозяйствъ и способовъ веденія ихъ примѣнительно къ той или иной мѣстности“ (стр. 206, 217). На вопросъ же, гдѣ взять учителей и руководителей для грандіознаго предпріятія покрытія Россіи никому пока неизвѣстными образцами хозяйствъ, приспособленныхъ ко всѣмъ особенностямъ „громадныхъ пространствъ, занимаемыхъ уѣздами, и разнообразію почвенныхъ и другихъ условій хозяйства“ даже въ одномъ уѣздѣ—авторъ отвѣчаетъ, что ихъ можно найти въ лицѣ тѣхъ самыхъ землевладѣльцевъ и управляющихъ, которые не были въ состояніи показать преимущества интенсивныхъ хозяйствъ даже ближайшимъ своимъ сосѣдямъ, и ихъ попытки рациональнаго хозяйничанья имѣли поэтому „самое ничтожное вліяніе“. Призванные на общественную службу и поддерживаемые инспекторами-агрономами, они вдругъ обнаружатъ спавшіе таланты и „въ самомъ непродолжительномъ времени выработаютъ наиболѣе полезныя приемы хозяйства и практическіе способы его веденія сообразно съ мѣстными условіями“ (стр. 219). Если къ сказанному прибавить заявленіе автора о необходимости вспомогательныхъ учрежденій, преслѣдующихъ сельско-хозяйственныя цѣли, и обращеніе крестьянина въ полнаго собственника земли (по возможности, конечно, отрубного участка), безъ чего „нельзя ожидать и заботливаго съ его стороны отношенія къ землѣ“ (стр. 223), то мы будемъ имѣть, въ общихъ чертахъ, весь рядъ мѣръ, призываемыхъ къ полному преобразованію сельско-хозяйственного быта и благосостоянія нашей страны.

Во всемъ этомъ прожектёрствѣ особенно интереснымъ представляется его революціонный духъ, выражающійся совершеннымъ пренебреженіемъ къ бытовымъ формамъ, тенденціямъ и традиціямъ, ко всему, что можетъ придать жизненность и успѣхъ широкимъ практи-

чекимъ начинаніямъ. Подобно французскимъ политикамъ XVIII вѣка, авторъ разсматриваемаго нами труда—вмѣстѣ со множествомъ другихъ радѣтелей о народномъ благѣ, нынѣ пользующихся особымъ фаворомъ,—въ своихъ практическихъ предположеніяхъ исходитъ изъ немногихъ апріорныхъ положеній и, руководствуясь ими, смѣло кроитъ и перекраиваетъ народную жизнь. „Не можетъ подлежать сомнѣнію, что до тѣхъ поръ, пока крестьянину не будетъ предоставлено полного права собственности на землю; до тѣхъ поръ нельзя ожидать и заботливаго съ его стороны отношенія къ землѣ“,—заявляетъ авторъ (стр. 223)—въ противорѣчіе и примѣру Англіи, высокое состояніе земледѣлія которой обязано не собственникамъ, а арендаторамъ,—и примѣру высокоинтенсивныхъ садовыхъ и огородныхъ культуръ въ общинной Россіи,—и простому соображенію о томъ, что реальный фактъ неудовлетворенныхъ потребностей, а не идеальныя представленія о формахъ и порядкахъ владѣнія служатъ двигателями челоуѣка въ хозяйственной жизни. Для болѣе жизненнаго обоснованія своего требованія, авторъ, правда, увѣряетъ, что „всѣ помыслы крестьянъ направлены къ полученію права собственности на землю, которою они въ настоящее время пользуются. А увѣренія въ противномъ исходятъ отъ лицъ, незнакомыхъ съ дѣйствительными желаніями крестьянъ, или отъ отдѣльныхъ крестьянъ, извлекающихъ выгоду изъ существующаго порядка“ (стр. 233). Но, не говоря о томъ, что такому рѣшительному утвержденію противорѣчитъ фактъ сохраненія общиннаго владѣнія даже тамъ, гдѣ крестьяне не производятъ передѣловъ земли,—авторъ самъ высказываетъ на этотъ счетъ другое мнѣніе, когда думаетъ о защитѣ помѣщичьихъ земель отъ посягательствъ со стороны крестьянъ. Отсутствие „понятія о правѣ собственности и страхъ только передъ силой составляютъ черты, присущія большинству крестьянскаго населенія“,—говоритъ онъ (стр. 244), и ставитъ крестьянскому банку въ вину, что онъ не слѣдовалъ политикѣ, способной воспитать въ крестьянахъ „понятіе о правѣ собственности“ (стр. 128).

Такой же теоретичностью отличаются и предположенія автора относительно улучшенія сельскаго хозяйства. Проповѣдывать агрономію, завести образцовыя хозяйства преимущественно хуторнаго характера—вотъ вѣрныя средства для быстрого подъема хозяйства десятковъ миллионовъ земледѣльцевъ, потому что подъемъ земледѣлія вѣдь и зависитъ отъ того, насколько прилагается къ нему наука. Эволюція сельскаго хозяйства, въ глазахъ автора, это — неорганический, медленный процессъ, обуславливаемый и плотностью населенія, и общимъ культурнымъ состояніемъ народа, и степенью распространенія промышленности, и бытовыми формами, а также психологіей земле-

дѣльца. Для него данный уровень сельскаго хозяйства есть производное трехъ факторовъ: свободы отдѣльнаго хозяйства въ распоряженіи земель, трудолюбія земледѣльца и степени приложенія къ хозяйству науки. И если обратить отдѣльныхъ крестьянъ въ полныхъ собственниковъ надѣла, посоветовать имъ расселиться хуторами, ограничить число праздничныхъ религіозныхъ церемоній и завести образцовыя хозяйства, то въ ближайшемъ же будущемъ водворится такое благополучіе, что Россія станутъ завидовать не только нѣмецъ или французъ, а пожалуй и американецъ.

Такая психологія, повторяемъ, характерна для современныхъ политиковъ, волею реакціи призванныхъ вершить судьбы русскаго народа. И потому-то эти консерваторы и проявляютъ такой революціонный духъ въ реформѣ, напр., нашего аграрнаго законодательства. Въ этомъ смыслѣ представляется любопытной и вторая часть разсматриваемаго нами труда. Первая же его часть интересна и сама по себѣ, и заслуживаетъ вниманія читателя.

Х.

— А. А. Кауфманъ. Аграрный вопросъ въ Россіи. I. Земельныя отношенія и земельная политика. Москва. 1908.

Эта книжка составлена изъ лекцій, читанныхъ въ московскомъ народномъ университетѣ. Начинается она указаніемъ на значеніе аграрнаго вопроса для русскаго государства, состоящаго на $\frac{5}{6}$ изъ земледѣльцевъ. Затѣмъ идетъ рѣчь о причинахъ, вывавшихъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, объ интересахъ различныхъ группъ земельного дворянства, отразившихся такъ или иначе на реформѣ 19 февраля, и о роли правительства въ процессѣ освобожденія, и всѣмъ этимъ изложеніемъ выясняются условія, въ какія были поставлены реформой 20 милліоновъ помѣщичьихъ крестьянъ. Сообщивъ вкратцѣ о преобразованіи быта другихъ крупныхъ разрядовъ крестьянъ, А. А. Кауфманъ производитъ сравненіе бывшихъ помѣщичьихъ, государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ въ отношеніи и размѣра полученныхъ ими надѣловъ, и высоты платежей за землю. Въ противность тому, что, казалось бы, логически вытекаетъ изъ начала, положеннаго въ основаніе поземельнаго устройства помѣщичьихъ крестьянъ,—начала сохраненія за крестьянами надѣловъ, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ, когда обработкѣ въ свою пользу земли они могли посвящать лишь три дня въ недѣлю, остававшіеся отъ барщины—и что было еще усилено сокращеніемъ при освобожденіи крестьянскихъ надѣловъ,—авторъ, на основаніи

весьма сомнительныхъ предположеній г. Ходскаго, высказываетъ заключеніе, что почти $\frac{3}{5}$ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ получили достаточные, т.-е. соответствующіе трудовой нормѣ участки. Последующее размноженіе населенія привело, однако, къ развитію малоземелья и у достаточно обезпеченныхъ когда-то группъ бывшихъ помѣщичьихъ, государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ; и хотя производительность надѣловъ нѣсколько возросла, но этимъ не были парализованы неблагоприятныя послѣдствія сокращенія крестьянскаго землевладѣнія, тѣмъ болѣе, что развитіе этого явленія сопровождалось пониженіемъ, съ половины 80-хъ годовъ, хлѣбныхъ цѣвъ, и распространенія денежнаго хозяйства, требовавшаго отъ крестьянъ большихъ и большихъ денежныхъ расходовъ. Результатомъ растущаго, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, расхожденія земельныхъ доходовъ и суммы расходовъ крестьянина, было пониженіе его благосостоянія, упадокъ хозяйства и широко развившееся стремленіе крестьянъ къ отхожимъ заработкамъ и къ переселенію. Авторъ останавливается затѣмъ на средствахъ, къ которымъ прибѣгали крестьяне для борьбы съ развивающимся малоземельемъ, средствахъ, заключающихся въ арендѣ крестьянами вѣ-надѣльныхъ угодій и покупкѣ ими земли, и выясняетъ тяжелыя для крестьянъ условія того и другого. Указавъ затѣмъ на аграрныя волненія, какъ естественное, хотя и печальное послѣдствіе современнаго экономическаго положенія крестьянъ, авторъ переходитъ къ изложенію правительственныхъ мѣропріятій по аграрному вопросу, не описывая, впрочемъ, новѣйшихъ узаконеній и мѣръ, такъ какъ, ради „спокойно-научнаго характера изложенія“, онъ „всячески избѣгалъ злободневности“.

Разсматриваемый трудъ г. Кауфмана можетъ служить хорошимъ руководствомъ для первоначальнаго ознакомленія съ аграрными отношеніями въ Россіи. Но мы желали бы видѣть въ немъ нѣкоторыя дополненія и исправленія фактическихъ неточностей. Такъ, что касается аграрныхъ результатовъ крестьянской реформы—весьма важно было бы указать, что помѣщичьи крестьяне—въ противность государственнымъ и удѣльнымъ—получили не только обрѣзанные надѣлы, но и лишены хозяйственной цѣльности, потому что у нихъ были обрѣзаны преимущественно кормовыя угодья и они потеряли право пользованія пастбищами и сѣнокосами на территоріи собственно помѣщичьяго хозяйства. Вслѣдствіе этого обстоятельства, аренда помѣщичьихъ угодій съ перваго же дня свободнаго состоянія была для крестьянъ необходимою не только экономической, но и—что важнѣе—хозяйственной. Затѣмъ, коль скоро авторъ въ своемъ изложеніи касался отдѣльныхъ губерній, — ему нужно было указать на особенности поземельнаго устройства крестьянъ западныхъ губерній, гдѣ крестьянскіе надѣлы

были при освобожденіи увеличены на 40⁰%, платежи понижены на половину, и большая часть крестьянъ сохранила, кромѣ того, пастбищныя и лѣсныя сервитуты на земляхъ владѣльцевъ. Указаніе на эти факты имѣетъ тѣмъ болѣе значеніе, что въ западной полосѣ обнаруживается меньше признаковъ разстройства крестьянскаго хозяйства.

Въ отношеніи фактическихъ неточностей мы должны прежде всего указать преувеличенныя заключенія автора относительно благоприятныхъ послѣдствій поземельнаго устройства удѣльныхъ крестьянъ. Землепользованіе этого разряда крестьянъ не только не „увеличилось по всѣмъ губерніямъ, кромѣ симбирской“, какъ это утверждаетъ авторъ, но подверглось въ тринадцати губерніяхъ сокращенію, достигающему въ нѣкоторыхъ губерніяхъ 20 — 22⁰%. Затѣмъ, мы должны возразить противъ приведенныхъ на стр. 72 данныхъ о числѣ забракovanýchъ при приѣмѣ на военную службу, какъ доказательствъ физическаго вырожденія нашего народа. Эти данныя, касающіяся отношенія числа забракovanýchъ къ числу призывавшихся, могли бы служить показателемъ сравнительной крѣпости организма призываемыхъ въ различные моменты времени при условіи, если бы число новобранцевъ оставалось неизмѣннымъ; но такъ какъ наборъ рекрутовъ у насъ постепенно увеличивается, и медицинскому освидѣтельствуванію, вслѣдствіе этого обстоятельства, подвергается болѣе и болѣе число призываемыхъ, то абсолютное число забракovanýchъ будетъ расти и въ томъ случаѣ, когда въ состояніи здоровья населенія не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій. Для сужденія по результатамъ призыва о наличности или отсутствіи физическаго вырожденія, слѣдовало бы число забракovanýchъ сравнивать съ числомъ принятыхъ на военную службу, и данныя для этого можно почерпнуть у г. Ролубева, извлекавшаго ихъ изъ архивовъ военнаго вѣдомства.

XI.

— Профессоръ П. Осадчій. Почтова, телеграфна и телефонна сообщенія, какъ элементъ государственнаго хозяйства въ Европѣ. Опытъ сравнительнаго статистико-экономическаго изслѣдованія. Выпускъ I. Общій очеркъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Эта небольшая, но весьма содержательная книжка — несмотря на ея, по видимости, спеціальнѣйшій характеръ, — представляетъ интересъ для каждаго образованнаго человѣка, какъ потому что „почта, телеграфъ, а въ послѣднюю четверть вѣка и телефонъ, суть непремѣнные факторы прогресса“ и этими орудіями сношеній пользуется всякій

культурный человекъ, такъ и по причинѣ того, что со введеніемъ у насъ представительныхъ учреждений русское общество можетъ оказывать вліяніе на улучшение этого дѣла въ Россіи. Поле же желательныхъ улучшеній необъятно. Не будемъ говорить о неаккуратности доставки писемъ и телеграммъ въ Россіи — предметъ, не входящемъ въ кругъ изслѣдованія проф. Осадчаго. Съ количественной стороны наша сѣть почтово-телеграфныхъ учреждений (по расчету на число жителей) вдвое бѣднѣе сравнительно даже съ самыми отсталыми странами Европы, какъ Италия, Венгрія, Испанія (нужно, однако, замѣтить, что бѣдность Россіи въ этомъ отношеніи авторомъ нѣсколько преувеличена, благодаря тому, что цифры современнаго состоянія почтъ и телеграфовъ онъ относилъ къ населенію по переписи 1897 г.), и въ пять—восемь разъ бѣднѣе сравнительно съ болѣе культурными государствами. Соответственно сказанному и оборотъ почтово-телеграфной корреспонденціи у насъ очень незначителенъ. Объ этомъ можно судить уже по тому, что — несмотря на дороговизну этой корреспонденціи въ Россіи, — почтово-телеграфно-телефонный расходъ одного жителя составляетъ въ нашемъ отечествѣ 1,3 франка въ годъ, тогда какъ въ Японіи онъ опредѣляется въ 1,7 фр., въ самыхъ отсталыхъ государствахъ Западной Европы не опускается ниже 2,5 фр., а въ болѣе культурныхъ государствахъ подымается до 11—16 франковъ въ годъ.

Между тѣмъ русское правительство имѣетъ, казалось бы, наибольшую возможность расширять свою почтово-телеграфно-телефонную сѣть, потому что оно извлекаетъ наиболѣе чистаго дохода изъ регалій, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, и высота этого дохода возрастаетъ. Тогда какъ чистый доходъ даннаго дѣла въ четырехъ государствахъ Западной Европы не достигаетъ 10% его расходовъ, въ четырехъ государствахъ колеблется между 11 и 17%, въ трехъ странахъ составляетъ отъ 23 до 34% и въ одной (Венгріи) достигаетъ 43%, русскому правительству очищается по данному вѣдомству 60—66% отъ суммы расходовъ на это дѣло. За послѣдніа десять лѣтъ чистый почтовый доходъ Австріи по отношенію къ расходамъ сокращался, въ Германіи онъ поднялся съ 9 до 13%, т.-е. увеличился менѣе, чѣмъ въ 1½ раза, — въ Россіи же онъ поднялся съ 29 до 62%, т.-е. болѣе чѣмъ удвоился относительно; въ абсолютной же суммѣ онъ увеличился съ 9 милл. р. до 28 милл. р. Проф. Осадчій не останавливается подробно на составныхъ частяхъ бюджета почтово-телеграфнаго вѣдомства, и потому для читателя остается невыясненнымъ тотъ фактъ, что крупныя суммы чистаго дохода нашей почты обуславливаются, между прочимъ, отсутствіемъ затратъ казны на перевозку почтовой корреспонденціи по желѣзнымъ дорогамъ, каковая совершается без-

платно. Если бы не это обстоятельство, то расходы почтового вѣдомства увеличились бы на 10 милл. р., чистый доход сократился бы на столько же, и составлялъ бы всего 30% отъ суммы расходовъ. Въ виду того, что наше почтово-телеграфное вѣдомство какъ бы субсидируется другими отраслями, составляющими предметъ частью казенной, частью частной эксплуатаціи — можно было бы ожидать, что оно будетъ назначать немалую часть своего дохода на дальнѣйшее распространеніе сѣти почтово-телеграфныхъ учреждений. Въ дѣйствительности же его расходъ по этой части въ нѣсколько разъ меньше расхода, напр., Австріи и Германіи и въ послѣдніе годы даже быстро сокращается. Не удивительно ли въ самомъ дѣлѣ, что въ то время, когда чистый доходъ нашего почтового вѣдомства увеличился съ 9 до 28 милл. р., единовременныя затраты на устройство телеграфныхъ и телефонныхъ линий съ 1,8 милл. р. сократились до 460 тыс. р.! Да и въ этой ничтожной суммѣ „большая часть расходуется на устройство новыхъ проводовъ между существующими уже телеграфными учреждениями... и только ничтожная доля этихъ ассигнованій расходуется на устройство новыхъ учреждений“.

Оставляя въ сторонѣ многія другія интересныя данныя труда г. Осадчаго, остановимся лишь на нѣсколькихъ цифрахъ, касающихся служащихъ въ почтово-телеграфныхъ учрежденияхъ. Среднее содержаніе одного служащаго въ почтово-телеграфныхъ учрежденияхъ Европы колеблется между 1.100 и 1.630 франками, или 414—613 рублями въ годъ. Низшая изъ этихъ цифръ принадлежитъ Россіи, высшая — Франціи. Разница высоты вознагражденія собственно почтово-телеграфныхъ чиновниковъ въ Россіи и другихъ государствахъ еще болѣе того, что рисуется вышеприведенными цифрами, т.-е. русскіе чиновники получаютъ, сравнительно, еще менѣе, потому что приведенныя среднія цифры касаются среднихъ и низшихъ служащихъ безразлично, между тѣмъ какъ въ Западной Европѣ число низшихъ служащихъ составляетъ болѣе половины (въ Великобританіи и Швейцаріи даже $\frac{2}{3}$) общаго числа почтово-телеграфныхъ агентовъ, а въ Россіи наоборотъ: изъ 50 тысячъ служащихъ въ почтово-телеграфномъ агентствѣ чиновниковъ считается 28 $\frac{1}{2}$ тыс., а низшихъ служителей — 21 $\frac{1}{2}$ тысячи. Во Франціи почтово-телеграфный чиновникъ получаетъ, въ среднемъ, около 2.300 фр., или 860 р. въ годъ, а низшій служитель — 1.200 фр., т.-е. 450 р. въ годъ. Жалованье низшаго служащаго во Франціи превышаетъ, слѣдовательно, среднее вознагражденіе почтово-телеграфнаго агента русской службы вообще.

Ранѣе было нами указано, что почтовая и особенно телеграфная такса въ Россіи выше, нежели въ остальной Европѣ; и тогда какъ телеграмма въ 10 словъ въ государствахъ Западной Европы оплачи-

вается 20—24 копѣйками, въ Европейской Россіи за нее нужно уплачивать 65 коп., а для Сибири—даже 1 р. 15 коп. Авторъ разсматриваемаго труда, однако, не думаетъ, что такса русской корреспонденціи должна быть понижена, потому что услугами почтово-телеграфнаго вѣдомства бѣдное деревенское населеніе пользуется очень мало. По его мнѣнію, правильнѣе будетъ, вмѣсто удешевленія корреспонденціи, употреблять возможно большую долю почтово-телеграфнаго дохода на „усиленное расширеніе почтово-телеграфной сѣти въглубь глухихъ уѣздовъ и на окраинахъ имперіи“.—В. В.

Въ теченіе мая мѣсяца, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Балтамовъ, Ф. и В.—Задачи начальной школы. Воспитательное чтеніе, пособие для учителей и учительницъ. М. 908. Ц. 80 к.

Белша, В.—Любовь къ природѣ. Съ нѣм. Э. Б. Пименовой. Ч. I. Спб. 908. Ц. 2 р.

Бергъ, А.—Волшебный фонарь. Практическое руководство, съ 40 рис. Устройство проекціонныхъ аппаратовъ, способы освѣщенія и полученія туманныхъ картинъ. Спб. 908. Ц. 25 к.

Болуславлевъ М. М.—Вой тьмы. Стихотворенія. Спб. 908. Ц. 50 к.

Бончъ-Бруевичъ, Влад.—Избранныя произведенія русской поэзіи. Изд. 4-ое. Спб. 908. Ц. 2 р.

Восейковъ, А.—Орошеніе Закаспійской области, съ точки зрѣнія географіи и климатологіи. Спб. 908.

— *Вл. Ник.*—1904—1907 гг.—Обзоръ дѣятельности Распорядительнаго Комитета особой Комиссіи Главнаго Управленія Россійскаго Общества „Краснаго Креста“. Спб. 907.

Вратель, бар. Ф. Ф.—Въ обновленной Россіи. Впечатлѣнія, встрѣчи и мысли. Спб. 908.

Гиттисъ, З., Мерезковскій, Д., Философовъ, Д.—Маковъ цвѣтъ. Драма въ 4-хъ д. Спб. 908. Ц. 1 р.

Говардъ П. Кимардъ.—Русскій крестьянинъ. Съ англ. Н. И. Суворовъ. Спб. 908. Ц. 1 р.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Е. Горбунова.—Кругомъ Свѣта. Географическая хрестоматія. Ч. II.—По Европѣ. Вып. 1-ый. Швеція, Норвегія, Данія, Великобританія. Съ 246 рис. М. 908. Ц. 1 р. 80 к., въ папкѣ 2 р.

Горяиновъ, С. М.—Уставы о воинской повинности, заполненные всѣми позднѣйшими узаконеніями по 1-ое апрѣля 1908 года и т. д. Изд. 11-ое. Спб. 908. Стр. 1234 + 98. Ц. 6 р.

Градовскій, Г. К.—Итоги. 1862—1907 гг. Кіевъ. 908.

Дюбуа, Поль.—Пропорціональное представительство. Опытъ Бельгіи. Перев. И. Блинова и З. Дзисканецъ. Спб. 908. Ц. 90 к.

Еллинекъ, Г.—Борьба стараго права съ новымъ. Съ нѣм., съ вступит. статьей проф. А. Аваньева. М. 908. Ц. 40 к.

Землиманъ, Эд.—Основы политической экономіи. Перев. В. Твердохлѣбова и М. Буятова. Спб. 908. Ц. 3 р.

Ипатьевъ, М.—Наставленіе для приѣма мяса и для заключенія контрактовъ на поставку такового въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 908.

Измайловъ, А. А.—Кривое зеркало. Пародіи и шаржи. Спб. 908. Ц. 1 р.

Картевъ, Н.—Исторія Западной Европы въ новое время. Т. I. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Спб. 908. Ц. 2 р.

Кауфманъ, А. А.—Аграрный вопросъ въ Россіи и Лекціи, читанныя въ московскомъ народномъ университетѣ въ 1907 г. I: Земельныя отношенія и земельная политика. М. 908. Ц. 40 к.

Клименко, И. А.—Мои воспомнанія о П. И. Чайковскомъ. Ряз. 908. Ц. 35 к.

Козловскій, Л.—Новыя вѣянія въ социализмѣ предъ судомъ русской критики. М. 908. Ц. 50 к.

Кондурушкинъ, С. С.—Сирийскіе рассказы. Спб. 908. Ц. 1 р.

Котъ-Мурлыка.—Рассказы. Т. II. Изд. 4-е. Спб. 908. Ц. 1 р. 75 к.

Критская, Н., и Лебедевъ, Н.—Исторія синдикальнаго движенія во Франціи. 1789—1907. Съ предисловіемъ Эмиля Пуже, редактора „Голоса народа“, органа „Всеобщей Конфедерации труда“. М. 908. Ц. 1 р. 20 к.

Лазаревскій, Н. И. прив.-доц.—Лекціи по русскому государственному праву. Т. I: Конституціонное право. Спб. 908. Ц. 3 р.

Лескоръ, Ж.—Общія и періодическіе промышленныя кризисы. Съ франц. Н. И. Суворовъ. Спб. 908. Ц. 2 р. 50 к.

Лоджъ, Оливеръ.—Сущность вѣры въ связи съ наукой. Руководство для родителей и учителей. Спб. 908. Ц. 1 р. 25 к.

Мережковскій, Д.—Павель I. Спб. 908. Ц. 1 р. 25 к.

Остроумовъ, Н.—Сарты. Этнографическіе матеріалы. Изд. 3-ье. Съ портретовъ. Тапш. 908.

Монтегачца, Паоло.—Современныя женщины. М. 908. Ц. 1 р.

Очу, Андрей.—Выборы 1789 года во Франціи и наказы третьяго сословія, съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія истинному настроенію страны. Ч. I. Спб. 908.

Плехановъ, Г.—Основные вопросы марксизма. Спб. 908.

Порфирогъ, П. Ѳ.—Стихотворенія. Посмертное изданіе съ портретомъ и факсимиле автора и съ біографическимъ очеркомъ А. Боринескаго. 1888—1903. Спб. 908. Ц. 1 р. 50.

Протопоповъ, А.—Очеркъ дѣятельности Спб. Городской группы партіи „народной свободы“. Періодъ съ 17 октября 1906 по 1-ое ноября 1907 г. Спб. 908.

Прыкишичъ.—Мужикъ-простакаъ нашель червонецъ; червонецъ былъ запачканъ. Два года въ школѣ грамотности. Первый и второй годъ. Спб. 908. Ц. 30 и 25 к.

Риккертъ, Генрихъ.—Философія исторіи. Съ нѣм. С. Гессенъ, съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. Спб. 908. Ц. 75 к.

Ройтманъ, Дм.—Курсъ элементарной геометріи, со включеніемъ началъ тригонометріи. М. 907. Ц. 1 р. 25 к.

—Послѣсловіе къ „Курсу элементарной геометріи“. По поводу рецензій г-на Н. С. въ „Ж. Мин. народ. проsv.“, апрѣль. 1908. Спб. 908.

Рудаковъ, В.—Архивъ департамента Герольдіи Правительствующаго Сената. Владим. 908.

С. С. Х.—Финансы Россіи, въ связи съ экономическимъ положеніемъ ея населенія. 2-е изданіе. Спб. 908. Ц. 2 р. 50 к.

Семеновъ-Тянь-Шанскій, Влад. — Къ вопросу о нарастаніи дельты Дуная. Спб. 908.

Сергеевичъ, В. — Древности русскаго права. Т. II. Вѣче и Князь. Совѣтники Князя. Изд. 3-ье. Спб. 908. Ц. 3 р.

Сверцовъ-Поллювъ, Г. Т. — „Въ странѣ труда“. Финляндскіе рассказы. Спб. 908. Ц. 1 р.

Тихомировъ, Д. — Матеріалы для библиографическаго указателя произведеній Н. П. Огарева и литературы о немъ. Спб. 908.

Тимченко, Ф. — Рассказы, т. I. М. 908. Ц. 1 р.

Толстой, графъ А. К. — Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Полное собраніе сочиненій гр. А. К. Толстого. Изд. 42-е. Т. IV. Спб. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Траштенбергъ, В. — Блатная музыка („жаргонъ“ тюрьмы). Перев. съ предислов. проф. И. Бодуэнь-де-Куртена. Спб. 908. Ц. 1 р.

Текеръ, Вениаминъ. — Въмѣсто книги. Перев. п. ред. М. Симановскаго. М. 908. Ц. 3 р. 25 к.

Усовъ, М. Л. — Преданіе и факты. Къ еврейскому вопросу. Объ уклоненіи евреевъ отъ воинской повинности. Спб. 908. Ц. 20 к.

Фальборкъ, Г. А. — Всеобщее образованіе въ Россіи. М. 908. Ц. 1 р.

Хвостовъ, В. М. — Этюды по современной этикѣ. М. 908. Ц. 1 р.

Чарнолуцскій, В. — Сводъ законовъ, циркуляровъ и справочныхъ свѣдѣній по народному образованію въ переходный періодъ. М. 908. Ц. 1 р. 50 к.

Черновъ, В. Теоретики романскаго синдикализма. Поль Луа: Исторія синдикализма во Франціи. М. 908. Ц. 2 р. 20 к.

Шахъ-Нароніатъ, Л. М. — За любовь любовь. Исповѣдь души. Стихотворенія. Спб. 908. Ц. 1 р.

Штепердъ, Е. — Молодымъ людямъ и отцамъ для сыновей. Бесѣды о половой жизни человека, начиная съ отрочества, въ связи съ укрѣпленіемъ и охраненіемъ тѣлесной и душевной силы и чистоты. Съ англ. Е. Дунаева. Изд. 2-е. М. 908. Ц. 55 к.

Шнейдеръ, Н. — Сухіе элементы. Какъ ихъ самому дѣлать и какъ ими пользоваться. Съ англ., п. р. инж.-мех. Л. Ассуръ. Спб. Ц. 25 к.

Шницлеръ, Аргуръ. — Графиня Мицци, или Семейный съѣздъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи, перев. З. А. Венгеровой. Спб. 908. Ц. 40 коп.

Якжуль, Екат. — Американская школа. Очерки методовъ американской педагогіи. Изд. 4-ое. Спб. 908.

— Roman et Vie. Bimensuel. № 13. Par. 908.

Schiemann, Th. — Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I. Band I: Kaiser Alexander I und die Ergebnisse seiner Lebensarbeit. — Band II: Vom Tode Alexander I bis zur Juli-Revolution. Berlin. 908. Ц. 14 и 12 марокъ.

Waldburger, A. — Les Bains de Ragaz-Pfofers. 908.

— Антоніевскій (Сампсоніевскій) народный хоръ. Очеркъ С. Д. Х., п.-р. М. М. Иванова. Спб. 908. Ц. 60 к.

— Библиотека И. Горбунова-Посадова, для дѣтей и для юношества: 1) Летунъ, исторія одного почтоваго голубя, разск. Э. Томпсона, ц. 12 к.—2) Лобо, Карлъ Корромпо, исторія одного волка, его же, ц. 15 к.—3) Красный воротничокъ, разск., его же, ц. 20 к.—4) Хромуша-медвѣженовъ и Путешествіе дикой утки съ уятами по сухому пути, его же. М. 908. Ц. 25 к.

— Библиотека юнаго читателя. — I. Подъ огненнымъ дождемъ, разск. Р. Гемпеля. Съ нѣм. Острогорская, Ад. Ц. 25 к. — Н. Берлинъ, Дѣла и люди средневѣковья. Спб. 908. Ц. 25 к.

— „Борозды“. Сборникъ: фантастическія были и стихотворенія — З. В., Меркуловъ-Хвалынский, Подогинъ, А. В., Бобринцевъ-Пушкинъ.

— „Годишникъ“ на Софійския Университетъ. II. 1905 — 1906. Соф. 906. 5 лева.

— Исторія русской литературы, п. р. Е. Аничкова, А. Бороздина и Д. Овсяннико-Буйковскаго. Т. I, вып. V. М. 908. Всего околѣ 25 вып.: при подл. 2 р.; первые два вып. по 1 р. 50 к., а остальные по 1 р.

— Краткій обзоръ дѣятельности Рижской Городской Управы за 1907 годъ. Р. 908.

— „Бруговоръ“, литературно-научный и художественный, для самообразования (еженедѣльный). Ц. по подпискѣ на годъ, съ доставкою и пересылкой — 6 руб. Спб. 908.

— Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ, за 1907 годъ. М. 908.

— Отчетъ Спб. Ссудной Кассы (Кавенный Ломбардъ) за 1907 годъ. Спб. 908.

— „Путь“. Художественно-литературный журналъ. № 2. Спб. 908.

— Работы учрежденной при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній Коммисіи для пересмотра постановленій и правилъ о пищевомъ довольствіи въ кадетскихъ корпусахъ и военныхъ училищахъ. Спб. 908.

— Сборникъ Товарищества „Знаніе“. Книга XXII: М. Горькій, Послѣдніе. — Кнутъ Гамсунъ, Бепони. Спб. 908. Ц. 1 р.

— Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1905 годъ. Спб. 908.

— С.-Петербургскія столичныя судебныя Мировыя Установленія и Арестный домъ въ 1906 году. Спб. 908.

— Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса. Верховный уголовный судъ по дѣлу о генералахъ Стесселѣ, Фокѣ, Рейсѣ и Смирновѣ, 27 ноября 1907 г. — 7 февраля 1908. Подъ ред. Квида и М. Соколовскаго. Вып. 2. Спб. 908.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1908 г.

Причины политическаго безпокойства въ Европѣ. — Германія и мароккскій вопросъ. — Личныя слабости и увлеченія императора Вильгельма II. — Поѣздка союзныхъ германскихъ государей въ Вѣну. — Австрійскія дѣла. — Президентъ Фальбергъ въ Англіи и англо-французскій союзъ.

Широкія политическія комбинаціи въ духѣ взаимнаго сближенія и солидарности культурныхъ народовъ и государствъ занимають очень много мѣста въ современной западно-европейской политикѣ; онѣ перестали служить предметомъ неопредѣленныхъ мечтаній и перешли уже въ область положительныхъ текущихъ дѣлъ и заботъ дипломатіи. Цѣлый рядъ международныхъ соглашеній связываетъ теперь великія націи, раздѣленныя до недавняго времени противоположными реальными интересами, идеями соперничества и возможной въ будущемъ борьбы, чувствами недовѣрія и національнаго антагонизма. Англія окончательно сблизилась съ Франціею и сошлась съ Россіею, заключивъ съ обѣими державами конвенціи, которыми вполнѣ очищена почва для совмѣстной миролюбивой дѣятельности по общимъ международнымъ вопросамъ; въ то же время общественное мнѣніе Германіи единодушно высказывается за сближеніе съ Англіею и за прочную официальную дружбу съ Франціею.

Казалось бы, что всѣ эти симптомы должны внушать намъ самыя лучшія надежды на будущее; а между тѣмъ общее настроеніе въ Европѣ далеко не оправдываетъ оптимизма отдѣльныхъ лицъ и часто носитъ на себѣ печать глубокой внутренней тревоги. Главнымъ источникомъ безпокойства является своеобразный прусско-германскій режимъ, въ силу котораго все могущество Германской имперіи можетъ въ каждый данный моментъ превратиться въ орудіе неожиданной предприимчивости, направленной противъ другихъ націй. Уже нѣсколько разъ возникала опасность серьезныхъ столкновеній изъ-за таковаго второстепеннаго и въ сущности безразличнаго для нѣмцевъ вопроса, какъ мароккскій, и только потому, что имъ случайно заинтересовался императоръ Вильгельмъ II; поѣздка въ Танжеръ и внезапное провозглашеніе дружественныхъ германскихъ чувствъ къ „само-

стоятельному государю⁴ страны, которую собирались умиротворить французы съ согласіи испанцевъ и англичанъ, сразу создали матеріалъ для конфликта и поставили Францію лицомъ къ лицу съ грознымъ призракомъ войны. Такъ какъ въ Марокко иностранцы и преимущественно французы дѣйствительно подвергались избиеніямъ, то нельзя было обойтись безъ иностраннаго вмѣшательства, и признаніе независимости безсильнаго мароккесскаго султана не помѣшало державамъ установить извѣстныя принудительныя мѣры для охраны европейцевъ, согласно рѣшеніямъ алжесирасской конференціи; однако французское правительство вынуждено было подчиниться требованіямъ и протестамъ Германіи и поневолѣ отказалось отъ нѣкоторой доли своихъ пріобрѣтенныхъ правъ, признанныхъ уже Англією и Испанією. Беспорядки въ Марокко усиливались подъ вліяніемъ могущественной протекціи, которую мѣстные мусульманскіе патріоты нашли или думали найти въ германскихъ друзьяхъ султана; нападенія на иностранцевъ приняла болѣе организованный видъ и заставили французовъ предпринять военныя дѣйствія противъ вооруженныхъ туземныхъ полчищъ, которыя, какъ предполагалось, вовсе не признавали надъ собою законной власти „самостоятельнаго государя“. Движеніе противъ иностранцевъ все болѣе разрасталось, и во главѣ его выступилъ новый претендентъ на званіе султана, Мулей-Хафидъ, привлекшій на свою сторону наиболѣе воинственные элементы населенія. Очевидно, иностранные представители не могли отнестись къ претенденту иначе, какъ отрицательно; они имѣли дѣло только съ законнымъ султаномъ и должны были смотрѣть на возставшаго противъ него брата, какъ на инсургента. Мулей-Хафидъ пробовалъ завязать сношенія съ державами, но безуспѣшно; посланцы его, прибывшіе въ Парижъ, не были приняты въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но делегаты, отправленные съ письмами въ Берлинъ, удостоились оффиціознаго пріема и были выслушаны однимъ изъ дипломатическихъ чиновниковъ „для свѣдѣнія“, подъ предлогомъ справедливаго интереса, возбуждаемаго желаніями значительной части туземныхъ жителей Марокко. Германская дипломатія, впервые провозгласившая султана Абдель-Азиса „самостоятельнымъ“ монархомъ, отнеслась къ его самозванному сопернику болѣе снисходительно, чѣмъ французы, — и, конечно, только потому, что это могло причинить непріятность Франціи. Никакой разумной цѣли не видно въ этихъ систематическихъ, мелочныхъ уколахъ французскому національному самолюбію, и пререканія съ Францією въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе странны, что мароккесское движеніе, съ которымъ она борется, направлено противъ всѣхъ вообще европейцевъ и въ томъ числѣ также противъ нѣмцевъ. Парижскій „Temps“, считающійся оффиціознымъ органомъ правитель-

ства по вопросамъ иностранной политики, отозвался на этотъ разъ настолько рѣзко о некорректномъ поступкѣ германскаго дипломатическаго вѣдомства, что возбудилъ даже неудовольствіе французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ; по этому поводу загорѣлась полемика между нѣмецкими и французскими газетами, причемъ съ обѣихъ сторонъ высказано было много неприятныхъ истинъ по адресу противниковъ. Нѣмецкіе патріоты возмущались притязательностью и неуважительнымъ тономъ французскихъ упрековъ; они находили, что никто не имѣетъ права указывать Германіи, какъ ей поступать въ томъ или другомъ случаѣ. Французскіе публицисты въ свою очередь заявляли, что они ни въ чемъ не обвиняютъ германскую дипломатію, а только констатируютъ ея непослѣдовательность; вмѣстѣ съ тѣмъ они должны были признать, что по существу берлинскій кабинетъ правильно объяснилъ мароккскимъ посланцамъ дѣйствительное положеніе дѣлъ и добросовѣстно сообщилъ содержаніе этой бесѣды французскому посланнику. Такимъ образомъ интересы Франціи формально не были нарушены, и весь этотъ инцидентъ свидѣтельствовалъ лишь о внѣшнемъ невниманіи къ французской точкѣ зрѣнія, совпадающей съ прежнимъ официальнымъ взглядомъ Германіи на роль законнаго мароккскаго султана. Задѣвая чувствительность Франціи по отдѣльнымъ поводамъ, безъ всякой къ тому надобности, Германія фактически постоянно напоминаетъ французамъ объ эфемерности ихъ внѣшняго мира и о полной зависимости ихъ спокойнаго существованія отъ доброй воли могущественныхъ сосѣдей. Къ этому издавна сводится личная политика Вильгельма II, и нельзя отрицать, что она совершенно не соответствуетъ истиннымъ чувствамъ и желаніямъ огромнаго большинства нѣмецкаго народа.

Нѣмецкая прогрессивная печать довольно свободно обсуждаетъ и критикуетъ дѣйствія и рѣчи императора Вильгельма II; въ нѣмецкихъ сатирическихъ журналахъ часто встрѣчаются такіа изображенія и карикатуры, которыя въ другихъ странахъ безусловно вызвали бы преслѣдованіе по одной изъ общеизвѣстныхъ статей уголовного кодекса. Личные вкусы, симпатіи и антипатіи императора имѣютъ въ себѣ отгѣнокъ средневѣкового романтизма; онъ охотно обращаетъ свое воображеніе въ тѣ отдаленныя эпохи, когда его предки и ихъ сподвижники жили въ укрѣпленныхъ замкахъ и господствовали надъ страной по праву военной силы. Недавно онъ присутствовалъ на церемоніи открытія возстановленнаго древняго замка въ Эльзасѣ; изъ развалинъ Гохъ-Кенигсбурга воздвигнуто внушительное сооруженіе по стариннымъ образцамъ и рисункамъ; торжественное шествіе рыцарей въ ихъ старинныхъ доспѣхахъ, съ оруженосцами и слугами, направлялось къ воротамъ замка, гдѣ ихъ ожидалъ императоръ; впереди

находился герольдъ, возвѣщавшій прибытіе высокыхъ гостей; онъ объяснялъ исторію и значеніе этого замка, а строитель, извѣстный архитекторъ Бодо Эбгардтъ, давалъ затѣмъ свѣдѣнія о планѣ и ходѣ постройки. Процессія двинулась внутрь закрытаго двора, а императоръ со свитою подробно осматрѣлъ всѣ помѣщенія замка, стоявшаго казнѣ болѣе двухъ милліоновъ марокъ. Вильгельмъ II могъ по крайней мѣрѣ на короткое время отрѣшиться отъ современности и перенестись мысленно въ мѣръ невозвратнаго прошлаго. Если его не соблазняетъ реальная война въ ея сложной технической обстановкѣ, то нѣкоторое замаскированное подобіе ея приковываетъ его умъ и чувство съ неудержимой силой; онъ любитъ говорить о мечѣ или „бронированномъ кулакѣ“, о славныхъ ударахъ и побѣдахъ, но на дѣлѣ не идетъ далѣе грозныхъ словъ. Онъ часто охотится въ помѣстьяхъ своихъ вассаловъ, князей или графовъ; прежде онъ съ удовольствіемъ проводилъ время въ замкѣ князя Филиппа Эйленбурга, бывшаго долго его любимцемъ и довѣреннымъ лицомъ, а теперь пользуется его расположеніемъ, устраиваетъ для него охоты и ѣздитъ съ нимъ на автомобилѣ князь Фюрстенбургъ. Судьба князя Эйленбурга оттого такъ занимала и волновала нѣмецкую прессу, что дѣло шло объ одномъ изъ закулисныхъ столповъ стараго придворно-династическаго строя, воплощеніемъ котораго служить самъ императоръ. По поводу разоблаченій Максимилиана Гардена князь Эйленбургъ заявилъ на судѣ подъ присягой, что никогда не совершалъ никакихъ противостепенныхъ поступковъ; но въ другомъ процессѣ служившій у него молодой рабочій откровенно разсказалъ о своемъ невольномъ участіи въ постыдныхъ дѣйствіяхъ князя, послѣ чего послѣдній былъ привлеченъ къ отвѣтственности за ложную присягу. Всѣ отреклись отъ могущественнаго нѣкогда сановника-аристократа и предоставили его въ распоряженіе неумолимой судебной власти; больной и старый князь Эйленбургъ, покинутый прежними друзьями, попалъ въ тюремную больницу, откуда его не выпускаютъ на поруки, несмотря на предложеніе залога въ полъ-милліона марокъ. Злорадство, съ какимъ нѣмецкая публика слѣдила за жестокимъ паденіемъ князя Эйленбурга, наглядно показываетъ всю глубину антагонизма между массою нѣмецкаго общества и тѣмъ небольшимъ сословно-аристократическимъ кругомъ, въ которомъ вращается Вильгельмъ II. Народу не можетъ нравиться слабость императора къ наружному блеску и въ средневѣковымъ традиціямъ; въ приобрѣтенномъ отъ австрійскаго двора бывшемъ владѣніи императрицы Елизаветы на островѣ Корфу императоръ прежде всего распорядился снять памятникъ Гейне, чтобы замѣнить его статуею Ахилла, и это распоряженіе вызываетъ безцеремонны насмѣшки въ нѣмецкихъ газетахъ. Памятники и статуи допускаются

только въ честь историческихъ или мифическихъ героевъ, въ честь бранденбургскихъ и иныхъ князей, а никакъ не въ честь знаменитыхъ писателей, особенно такихъ, какъ Гейне. Это направление, выражающееся во множествѣ однообразныхъ, безвкусныхъ и дорого стоящихъ сооружений, имѣеть, конечно, очень мало общаго съ господствующими идеями и понятіями просвѣщенной Германіи.

Отчужденность Вильгельма II отъ взглядовъ и симпатій народныхъ массъ выразилась и въ избранномъ имъ способѣ чествованія шестидесятилѣтняго юбилея царствованія императора Франца-Иосифа. Онъ задумалъ поѣзду въ Вѣну съ императрицею, въ сопровожденіи всѣхъ союзныхъ германскихъ государей или ихъ представителей, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ; съ нимъ отправились лично всѣ нѣмецкіе короли, а великіе герцоги, герцоги и князья—черезъ своихъ делегатовъ; отъ ганзейскихъ городовъ избранъ былъ уполномоченнымъ старшій бургомистръ Гамбурга. Это блестящее собраніе королей, герцоговъ и князей, съ присоединеніемъ одного бургомистра, подъ предводительствомъ Вильгельма II, прибыло въ Вѣну 7-го мая (нов. ст.) и доставило, разумѣется, большое удовольствіе какъ самому австрійскому императору, такъ и его вѣрнымъ подданнымъ. Но что могло означать это коллективное путешествіе въ Вѣну бывшихъ союзниковъ и вассаловъ имперіи Габсбурговъ? Имѣлось ли въ виду напомнить Францу-Иосифу о томъ времени, когда онъ былъ еще главою германскаго союза? Такое напоминаніе было бы неловко и нетактично, ибо оно неразрывно связано съ памятью о тѣхъ пораженіяхъ, которыя лишили Австрію ея первенства въ Германіи и исключили Габсбурговъ изъ состава германскаго союза. Императоръ Францъ-Иосифъ вступилъ на престолъ 2-го декабря 1848 года, и слѣдовательно шестидесятилѣтіе его царствованія исполнится только въ декабрѣ настоящаго года; но если рѣшено было привѣтствовать его раньше, то почему же отъ участія въ этой манифестаціи устранены представители германскаго народа и парламента? Неужели современная Германія олицетворяется тѣмъ собраніемъ монарховъ и правителей, которое въ числѣ двѣнадцати человѣкъ отправилось на поклонъ къ императору Францу-Иосифу? Съ точки зрѣнія Вильгельма II никакого другого представительства и не требуется, и союзные германскіе государи дѣйствительно воплощаютъ собою всю нынѣшнюю Германію. Отъ имени этой династической Германіи императоръ обратился къ маститому союзнику и другу съ напыщенной рѣчью, полною самыхъ лестныхъ и почтительныхъ фразъ. „Особая милость божественнаго Провидѣнія—сказалъ Вильгельмъ II—соединила насъ въ этотъ день около вашего императорскаго и королевскаго апостолическаго величества. Шестьдесятъ лѣтъ, въ теченіе двухъ поколѣній, ваше императорское

и королевское апостолическое величество съ неутомимымъ рвеніемъ и съ благороднѣйшимъ чувствомъ долга посвящали свои силы благу и счастью своихъ народовъ. Справедливою гордостью и высокимъ удовлетвореніемъ должно проникаться сердце вашего величества при видѣ того, какъ подданные со всѣхъ сторонъ стараются отблагодарить благоговѣнно любимаго государя за отеческую вѣрность преданною любовью и признательностью. Но не только миллионы собственныхъ подданныхъ въ радостномъ восторгѣ привѣтствуютъ своего горячо любимаго императора и короля, но и далеко за предѣлами монархій весь свѣтъ съ благоговѣнною почтительностью и удивленіемъ преклоняется передъ особою вашего величества. Вы видите здѣсь три повелѣнія нѣмецкихъ государей, и нѣтъ между ними ни одного, для котораго ваше величество не служило бы образцомъ" и т. д. Въ своемъ отвѣтѣ императоръ Францъ-Иосифъ подчеркнул, что осчастливившій его визитъ германскихъ государей есть „торжественное проявленіе монархическаго принципа, которому Германія обязана своимъ могуществомъ и величіемъ. Сила Австро-Венгрии—продолжалъ австрійскій императоръ—также заключается въ этомъ принципѣ, и въ вѣрной и неизмѣнной любви моихъ народовъ я всегда почерпалъ готовность исполнять лежащія на мнѣ тяжелыя обязанности. То обстоятельство, что сегодня мнѣ суждено видѣть около себя такое большое число германскихъ государей, служить также краснорѣчивѣйшимъ подтвержденіемъ тѣснаго и неварушимаго союза, существующаго между нами уже почти тридцать лѣтъ. Настоящій день поддерживаетъ меня въ радостной надеждѣ, что этотъ преслѣдующій только мирныя цѣли союзъ, съ которымъ дѣйствуютъ заодно одинаковыя стремленія другихъ державъ, будетъ въ точности выполнять свою задачу до отдаленнѣйшаго будущаго“.

Такимъ образомъ маститый обиларь справедливо отмѣтилъ совершенно особый характеръ устроенной въ его честь „монархической демонстраціи“ и выдвинулъ ея международное значеніе, о которомъ забылъ упомянуть Вильгельмъ II. Престарѣлый Францъ-Иосифъ указалъ на монархическій принципъ, объединившій нѣмецкихъ государей, и на вѣрность ихъ союзу, связывающему Германію съ Австро-Венгріею съ октября 1879 года; въ подтвержденіе идеи объ этомъ союзѣ откликнулся привѣтственной телеграммою и третій участникъ его, король Италіи. Коллективное путешествіе въ Вѣну получило нѣкоторый политическій смыслъ—и внутренне-монархическій, и международный,—благодаря освѣщенію, данному ему австрійскимъ императоромъ; но надо сказать, что самъ Вильгельмъ II не думалъ ни о монархической демонстраціи, ни о тридцатилѣтнемъ внѣшнемъ союзѣ, а просто считалъ естественнымъ поздравить Франца-Иосифа отъ имени Германіи

только въ такой, а не въ иной формѣ. За обѣдомъ въ Шенбруннѣ обѣ стороны тоже обмѣнялись тостами, лишенными, впрочемъ, политическаго значенія, и вечеромъ того же дня прибывшіе гости уѣхали изъ Вѣны. Юбилейный праздникъ, состоявшійся 7 мая, не представлялъ никакого интереса для нѣмецкаго общества и народа, и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, замѣчается внутренней глубокой разладъ между Германіею придворно-династическою и Германіею народно-общественною или національною.

Официальная Германія или, вѣрнѣе, Пруссія остается вѣрнѣйшимъ оплотомъ политическаго консерватизма въ Европѣ; весь прусскій государственный строй насковозъ проникнутъ устарѣлымъ духомъ сословныхъ привилегій и неравенства, и численное большинство населенія имѣетъ самую ничтожную долю участія въ общемъ ходѣ государственныхъ дѣлъ. Представители трудового населенія отсутствуютъ въ прусскомъ парламентѣ; средніе торгово-промышленные классы едва имѣютъ въ немъ сорокъ-пять депутатовъ; зато крупные землевладѣльцы и высшіе чиновники располагаютъ 225 голосами, и слѣдовательно образуютъ прочное консервативное большинство, готовое послушно идти за самымъ реакціоннымъ или безцвѣтнымъ правительствомъ и поддерживать самыя отсталыя политическія программы. Этотъ составъ прусскаго парламентскаго представительства есть искусственный плодъ особой избирательной системы, упорно сохраняющей свою силу съ половины прошлаго столѣтія,—системы, которую еще Бисмаркъ признавалъ безобразною и которая только въ послѣдніе годы начинаетъ вызывать движеніе активнаго протеста въ народныхъ массахъ.

Въ Австріи, быть можетъ, либеральные принципы осуществлялись съ большею свободою, и самый парламентаризмъ развивался шире, на основѣ мѣстнаго самоуправленія, несмотря на хроническую острую борьбу національностей; но въ Австріи гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Пруссіи и Германіи, даетъ себя чувствовать главнѣйшая опора всякой вообще реакціи—клерикализмъ, налагающій свою руку на всю умственную и нравственную атмосферу народной жизни. Римско-католическая церковь занимаетъ въ Австро-Венгріи такое исключительное привилегированное положеніе, какое принадлежитъ ей еще только въ Испаніи; представители римскаго папы вмѣшиваются въ дѣла свѣтскаго законодательства и управленія, затрогивающія хотя бы въ отдаленной степени церковные или религиозные интересы, и съ особеннымъ усердіемъ слѣдятъ за ходомъ школьнаго образованія, причемъ берутъ подъ свою опеку не только низшія и среднія, но и высшія учебныя заведенія и университеты. Делегатъ римскаго папы нашель, что профессоръ Вармундъ читаетъ въ иннсбрукскомъ университетѣ лекціи по богословію не въ каноническомъ духѣ, и клерикалы тотчасъ же

потребовали, чтобы чтеніе этихъ лекцій было прекращено; профессоръ Вармундъ пытался доказывать свою правоту, какъ ученый и какъ вѣрный католикъ, но всѣ его старанія и усилія были безплодны. Когда онъ пробовалъ возобновить свои лекціи, явились въ университетъ многочисленныя отряды мѣстныхъ католическихъ организацій и грозили употребить силу. Точно такъ же въ Грацѣ собрались къ университету изъ окрестныхъ селъ толпы возбужденныхъ крестьянъ, готовыхъ расправиться съ „безбожниками“, оскорбляющими будто бы религиозныя чувства католиковъ. Возставшіе противъ научнаго вольнодумства фанатики, конечно, сами по себѣ не имѣли никакого представленія ни о курсѣ богословія, ни о профессорѣ Вармундѣ, но мѣстнымъ патерамъ и клерикаламъ ничего не стоило поднять невѣжественныхъ поселянъ „за вѣру“, и Вармундъ долженъ былъ поневолѣ отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ, для избѣжанія тягостныхъ столкновеній и беспорядковъ. Съ прошлаго года вопросъ о Вармундѣ остается въ томъ же положеніи, возбуждая горячіе споры въ печати и обществѣ; римская церковь не мѣняетъ своихъ рѣшеній, и Вармундъ фактически лишился кафедры и потерялъ принадлежащее ему по закону право преподаванія. Чтеніе курса по богословію приостановлено иннсбрукскимъ университетомъ, въ интересахъ общественнаго спокойствія, а между тѣмъ волненія и беспорядки по этому поводу не прекращаются, охватывая все болѣе широкіе слои либеральной интеллигенціи и особенно студенчества. Вопросъ, предъ которымъ оказались бессильными всѣ прогрессивныя политическія партіи, сдѣлался предметомъ заботъ и протестовъ австрійской учащейся молодежи; студенчество всѣхъ австрійскихъ университетовъ, безъ различія національностей и направленій, взяло въ свои руки защиту свободы университетскаго преподаванія и подготовило почву для всеобщей студенческой забастовки. Правительственныя власти заинтересовались этимъ движеніемъ; консервативныя и либеральныя газеты стали придумывать, какъ удовлетворить и успокоить молодежь безъ обиды для клерикаловъ и епископовъ. Беспомощность господствующихъ классовъ предъ авторитетомъ римской церкви и ея агентовъ отчасти парализуетъ послѣдствія широкихъ либеральныхъ реформъ, совершившихся въ Австро-Венгріи за послѣднее сорокалѣтіе; общественныя и политическія права фактически урѣзываются или нарушаются, и темныя силы, руководимыя фанатиками, получаютъ верхъ надъ требованіями научной правды и здраваго смысла. Въ Германіи такую же реакціонную роль играютъ вліятельныя элементы, принадлежащіе къ партіи центра; но эта роль зависитъ уже не отъ прямыхъ церковныхъ впушеній и воздѣйствій, а отъ внутренняго состава и традицій значительной части нѣмецкаго общества.

Какъ бы то ни было, прусская Германія и Австро-Венгрія имѣютъ несомнѣнно родственныя политическія черты, сближающія ихъ не только на почвѣ стараго сословно-монархическаго строя, но и въ области клерикальных и реакціонныхъ тенденцій высшихъ классовъ. Поэтому императоръ Францъ-Иосифъ и Вильгельмъ II вполне понимаютъ другъ друга, хотя бы они и не договаривали своихъ мыслей; они оба по духу принадлежатъ прошлому и не могутъ свободно смотрѣть въ будущее. Этотъ двойственный союзъ не облегчаетъ, а скорѣе задерживаетъ правильное движеніе впередъ; и потому всякая политическая комбинація, служащая ему противовѣсомъ, возбуждаетъ въ Европѣ преувеличенныя надежды и привѣтствуется всѣми сторонниками мира и свободы, какъ признакъ благопріятнаго поворота въ общемъ ходѣ европейскихъ дѣлъ.

Теперь на очереди опять соглашеніе или союзъ между двумя передовыми западно-европейскими націями—Франціею и Англіею. Въ Лондонѣ устроена блестящая франко-британская выставка, и президентъ французской республики Фалльеръ отправился по этому поводу въ Англію, чтобы сдѣлать визитъ королю Эдуарду. На обѣдѣ въ Букингамскомъ дворцѣ, 26 мая, произнесены политическія тосты, намекающіе прямо на возможность и желательность союза. „Существованіе этой выставки—сказалъ король Эдуардъ—сильнѣе чѣмъ когда-либо подтвердитъ сердечное согласіе, установившееся между обѣими нашими странами. Желаю отъ всего сердца, чтобы это соглашеніе было также постояннымъ соглашеніемъ, потому что оно необходимо для счастья и процвѣтанія обѣихъ нашихъ націй и для поддержанія мира, составляющаго счастье всего мира“. Президентъ Фалльеръ въ своемъ отвѣтномъ тостѣ ограничился пожеланіемъ, чтобы „такъ счастливо установившіяся отношенія сердечнаго согласія между обѣими странами дѣлались все болѣе тѣсными въ будущемъ для общей пользы ихъ самихъ и для блага общаго мира“.

Само собою разумѣется, что союзъ съ Франціею былъ бы чрезвычайно важенъ для Англіи, давая ей надежную точку опоры на континентѣ, и представлялъ бы для англичанъ однѣ только выгоды, не соединенныя ни съ какимъ рискомъ. Въ случаѣ нападенія Германіи на Францію, Англія могла бы немедленно вмѣшаться въ войну и двинуть свой флотъ къ нѣмецкимъ берегамъ, не опасаясь послѣдствій даже при полной неудачѣ французовъ на сушѣ, — ибо Германія на морѣ бессильна противъ англичанъ. Но для Франціи союзъ съ Англіею не имѣлъ бы реального значенія, ибо судьба новой франко-германской кампаніи рѣшилась бы на сушѣ, и исходъ зависѣлъ бы исключительно отъ сухопутныхъ войскъ, которыхъ нѣтъ у англичанъ; сильнѣйшія британскія эскадры не могли бы помѣшать разгрому

французскихъ армій, хотя бы онѣ причиняли вредъ германцамъ на морѣ. Союзъ нисколько не увеличилъ бы шансовъ успѣха Франціи въ борьбѣ съ Германіею, а только подвергалъ бы опасности положеніе Франціи въ случаѣ взаимныхъ пререканій и споровъ между нѣмцами и англичанами. Не будучи въ состояніи непосредственно напасть на Англію, Германія могла бы съ большею легкостью направить свои удары на ея континентальную союзницу, Францію, и въ результатѣ получило бы нѣчто гораздо худшее, чѣмъ прежде.

Этимъ и объясняется сдержанность французскихъ дипломатовъ и французской печати въ вопросѣ о франко-британскомъ союзѣ. По общему убѣжденію, такой союзъ можетъ имѣть смыслъ только при существованіи надежнаго союза съ Россіею, послѣ возстановленія и упроченія ея разстроеной военной организаціи. Преобразованная и обновленная Россія, какъ союзница Франціи и Англіи, могла бы дѣйствительно служить противовѣсомъ Германіи на материкѣ Европы; но наше обновленіе идетъ пока слишкомъ медленно или оно направляется не туда, куда слѣдуетъ, такъ что рассчитывать на будущую рѣшающую роль русской дипломатіи въ охранѣ общаго мира было бы преждевременно. Быть можетъ, ожидаемое прибытіе короля Эдуарда VII въ русскія воды внесетъ большую точность въ наше международное положеніе и укрѣпитъ искусственныя дипломатическія связи, не имѣющія еще прочной почвы въ общихъ культурныхъ и народно-политическихъ понятіяхъ и учрежденіяхъ. Но, прежде всего, надо напомнить нашимъ заграничнымъ друзьямъ и союзникамъ, что обновленная Россія не откажется отъ права голоса въ своихъ собственныхъ дѣлахъ и никогда не согласится идти по пути самоотверженной защиты чужихъ дѣлъ и интересовъ—по тому пагубному пути, котораго такъ долго и упорно придерживалась наша самодержавная бюрократія, превратившая русскій народъ въ дарового жандарма западно-европейскихъ королей и принцевъ. Россія должна имѣть свою собственную національную политику, соответствующую реальнымъ жизненнымъ интересамъ народныхъ массъ, а не политику французскую, британскую или прусскую.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Anatole France. Vie de Jeanne D'Arc. Paris, 1908. (C. Levy). T. I, стр. 552; т. II, стр. 488.

Анатоль Франсъ воскрешаетъ въ своихъ разсказахъ и повѣстяхъ христіанское средневѣковье съ его языческой подпочвой, а въ повѣствованіяхъ изъ тьмы языческихъ временъ освѣщаетъ ихъ предвидѣніемъ христіанства. Въ этомъ двойномъ свѣтѣ исторія минувшихъ вѣковъ приобретаетъ интересъ вѣчно живой дѣйствительности. Такое отношеніе къ исторіи сказывается у Анатоля Франса въ воссозданіи наиболѣе близкой ему исторической эпохи, т.-е. среднихъ вѣковъ. Но когда дѣло идетъ не о художественномъ вымыслѣ, а о пониманіи и воссозданіи историческихъ фактовъ, то духовная близость Анатоля Франса къ любимой имъ эпохѣ дѣлаетъ его выдающимся историкомъ, умѣющимъ приблизить далекій, отжившій міръ къ современному пониманію.

Это сказывается въ недавно вышедшемъ капитальномъ двухтомномъ произведеніи Анатоля Франса: „Жизнь Жанны д'Аркъ“. Эпоха жизни и дѣятельности знаменитой Орлеанской Дѣвы близка Анатолю Франсу болѣе чѣмъ кому-либо изъ современныхъ писателей и историковъ. Большинство дѣйствующихъ лицъ его средневѣковыхъ разсказовъ — современники крестьянки изъ Домреми, взявшей на себя спасеніе Франціи въ тяжелую годину бѣдствій. Жизнь французскихъ городовъ и бытъ всѣхъ классовъ населенія столь же знакомы Франсу во всѣхъ подробностяхъ, какъ современный Парижъ. По духу даже этотъ ушедшій міръ больше радуется своимъ наивнымъ идеализмомъ его скептически изощренный вкусъ. Вполнѣ понятно поэтому, что, населивъ этотъ далекій міръ множествомъ воображаемыхъ образовъ, Анатоль Франсъ вздумалъ воскресить типичный и прекрасный живой образъ той эпохи. Понятно также, что онъ сумѣлъ это сдѣлать и съ чрезвычайной художественностью, и съ глубокимъ пониманіемъ исторической и психологической правды. Литература о Жаннѣ д'Аркѣ очень богата; много историковъ и много поэтовъ изучали и по-своему воссоздавали исторію спасительницы Франціи, — но Анатоль Франсъ, какъ бы специально призванный стать ея біографомъ и толкователемъ, сумѣлъ сказать новое слово о той, которая была предметомъ и безконечныхъ панегириковъ, и безчисленныхъ клеветъ.

Два тома исторіи Жанны д'Аркъ содержатъ въ себѣ подробное описаніе всѣхъ событій ея жизни и толкованіе мотивовъ, опредѣлявшихъ каждый ея поступокъ. Интересъ книги заключается, конечно, въ особенностяхъ пониманія Анатолемъ Франсомъ миссіи Жанны д'Аркъ. Въ обширномъ предисловіи къ своему труду онъ разбирается въ источникахъ и матеріалахъ, по которымъ можно изучить жизнь его героини, и опредѣляетъ свое отношеніе къ ней. Главными первоисточниками являются протоколы двухъ процессовъ Жанны и посмертнаго ея оправданія, а затѣмъ хроники современниковъ и разнаго рода письма и документы. Изъ двухъ процессовъ наиболѣе важнымъ онъ считаетъ первый, такъ какъ судьи, хотя и призваны были рѣшать только вопросъ о преступленіяхъ Жанны противъ церкви, на самомъ дѣлѣ старались заклеить ея нравственность, чтобы тѣмъ самымъ запятнать и честь короля; они поэтому основывались на свидѣніяхъ, собранныхъ въ Домреми и всюду, гдѣ жила Жанна. Большое документальное значеніе имѣютъ отвѣты Жанны, ясные и героически простые, причемъ, однако, Франсъ не считаетъ, что Жанна, презиравшая своихъ судей, всегда говорила правду. Свидѣтельскія показанія, собранныя для второго процесса оправданія Жанны, несмотря на свою многочисленность, — ихъ сто-двадцать-три, — представляютъ меньшій интересъ, потому что въ нихъ все слишкомъ подстроено. Вопросы поставлены съ опредѣленной цѣлью. Церковь хотѣла установить на этотъ разъ, что Жанна по невѣдѣнію отказывала въ повиновеніи воинствующей церкви. Нужно было представить ее юродивой, дѣйствовавшей лишь по наитію свыше. Политическая цѣль второго процесса заключалась въ томъ, чтобы доказать, что сама она была неразумной пастушкой, но что ея устами говорилъ Святой Духъ. Къ этому подстраивались всѣ свидѣтельства, въ которыхъ Жанна изображается то совершенно ничего не понимающей простой пастушкой, то блистательной воительницей подъ наитіемъ небесныхъ силъ. Что касается хроникеровъ, какъ французскихъ, такъ и бургундскихъ, то они были на жалованьи разныхъ вельможъ, и свидѣтельства ихъ часто сомнительной правдивости. Анатолю Франсу очень строго критикуетъ всѣ наиболѣе извѣстныя хроники, какъ-то: „Лѣтопись осады Орлеана“, — „Хронику Дѣвы“ (*Chronique de la Pucelle*), рѣмованную „Мистерію осады Орлеана“ и т. д. Во всѣхъ этихъ хроникахъ сочувствующей Жаннѣ д'Аркъ французской партіи такъ много условно придуманнаго, умышленно и неумышленно искаженнаго, что, по словамъ Франса, если бы о ней было извѣстно только то, что говорятъ французскіе хроникеры, то мы бы знали ее не болѣе, чѣмъ знаемъ Сакью Муни. Нѣсколько большее значеніе Франсъ придаетъ хроникамъ враждебной бургундской партіи, а также

и некоторым иностранным итальянским и немецким летописцам того времени. По их писаниям видно, что имя Жанны было сразу, с первых ее шагов, окружено легендами и что в этом-то и была в значительной степени ее сила. Действительное документальное значение имеет архивный материал, счетные книги, письма и разного рода документы того времени, по которым видно, в какой общности жили обитатели деревни Домреми во времена детства и юности Жанны; затем, по крепостным счетам, которые велись в Орлеане, можно судить о наличии осаждающих и защитников и этим исправить неточности хроникеров. Архивный материал объясняет также другие факты войны и указывает на различные ошибки в руанском процессе. В общем, обзвывая с одной стороны рассказы летописцев, а с другой—архивный материал, Анатоль Франс приходит к убеждению, что почти все, что писалось о жизни Жанны, имеет легендарный характер, и что историческая правда сохранена только отчасти в документах первого процесса, и, главным образом, в архивных актах. По этим документам можно приблизительно составить себе представление о ее жизни и характере.

По всем этим данным Анатоль Франс приходит к выводу, связанному с его глубоким пониманием духа того времени. Для него Жанна— „наивное чудо XV-го века“, причем, конечно, он понимает чудо в психологическом, а никак не в церковном смысле. К Жанне д'Арк относились разное. Историки-позитивисты придавали преувеличенное значение ее техническим знаниям и военным талантам и, по выражению Франса, „замыляли наивное чудо XV-го века феноменом политехнических знаний“. Это делалось во имя протеста против прославления церковью „чудеса“ военной тактики, свершенных простой пастушкой. Для Анатоля Франса история Жанны д'Арк чудесного, в смысле небывалости, не представляет; напротив того, она для него одно из типичных явлений своей эпохи. Средние века нуждались в святых и создавали их в силу своей психологической потребности. Чудом Франс, тонкий знаток средневековья, называет не факты, а определенное отношение к фактам, экстаз, сопровождающий жизненные действия. В этом психологическом свете Жанна д'Арк рисуется ему типичной святой своего времени. Всю историю ее патриотической миссии, даже форму, в которую она облекала свои пророчества, он сопоставляет с тождественными словами и изречениями других святых средневековья, считавших своей миссией, как и она, спасение родины в тяжелые годы. „Жанна д'Арк была святой,—говорит Анатоль Франс,— со всеми атрибутами святости XV-го века; у нея были видения—абсолютно не

притверныя. Она явственно слышала голоса, исходившіе не изъ человеческихъ устъ, и слышала ихъ яснѣе всего въ лѣсу или при звонѣ колоколовъ, видѣла „своихъ“ святыхъ, архангела Михаила и святыхъ Беатерину и Маргариту“. Всѣ эти видѣнія наука называетъ галлюцинаціями, но этимъ обозначеніемъ не исчерпывается весь смыслъ видѣній Жанны. Она принадлежитъ къ духовидцамъ особаго рода — къ тѣмъ, которые считаютъ себя призванными для выполнения божественной миссіи. Всѣ они имѣютъ много общаго между собой. Если сопоставить между собой множество чудесъ такого рода, то можно установить между ними сходство вплоть до мельчайшихъ подробностей. Они точно повторяютъ другъ друга въ словахъ и нѣкоторыхъ поступкахъ. Изучая узкій детерминизмъ, которому подчинены дѣяствія подобнаго рода галлюцинатовъ, нельзя не изумиться тому, съ какой роковой тождественностью дѣйствуетъ человеческая машина подъ влияніемъ одной и той же мистической силы. Анатолий Франсъ сравниваетъ Жанну д'Аркъ съ Катариной Сиенской и разными святыми отдѣльныхъ мѣстъ Франціи, находитъ между всѣми ними черты семейнаго сходства. Въ особенности близокъ къ Жаннѣ д'Аркъ одинъ крестьянинъ изъ Шампани, который во времена Великой чумы и Чернаго принца тоже предупреждалъ своего короля не идти въ битву, чтобы не погибнуть, и тоже ссылаясь почти въ тѣхъ же выраженіяхъ на голоса, которые слышалъ свыше. Франсъ называетъ еще нѣсколько другихъ примѣровъ изъ болѣе позднихъ эпохъ, изъ времени Людовика XIV-го и потомъ Людовика XVIII-го, къ которымъ являлись такого рода пророки — тоже крестьяне, какъ и Жанна — и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ говорили о своей миссіи. Они прошли безслѣдно, въ то время какъ судьба Жанны разыгралась въ мировое событіе, навсегда сохранившееся въ памяти народовъ, — но историческая судьба не мѣняетъ психологической сущности, равной во всѣхъ духовидцахъ этого типа.

Вотъ въ чемъ первая существенная особенность историческаго труда Анатоля Франса. Онъ не выдѣляетъ Жанну д'Аркъ въ исключительное явленіе, не видитъ въ ней героиню, гениальную воительницу, исключительно сильную личность, какъ всѣ историки, восхвалявшіе ее или взводившіе на нее разныя клеветы, и какъ всѣ поэты, воспѣвавшіе мощный духъ скромной пастушки. Менѣе всего липшая ея образъ его обаянія, чистоты и пламенной восторженности, Франсъ, однако, подводитъ Жанну подъ обычное явленіе ея времени и видитъ въ ней скорѣе прекрасное воплощеніе народной души, психологическую массу, чѣмъ отдѣленную отъ покорствующей ей толпы сильную индивидуальность.

Въ объясненіе Жанны д'Аркъ Анатолий Франсъ вноситъ еще одну

спеобразную мотивировку. Онъ говорить о несомнѣнномъ и явномъ вѣдѣннѣнствѣ на Жанну со стороны церкви, заинтересованной въ судьбѣ короля. Безусловно вѣря въ искренность Жанны, онъ не подозреваетъ ее ни въ малѣйшей лживости. Она была твердо убѣждена въ томъ, что миссію ея открыли ей голоса святыхъ. Но болѣе чѣмъ вѣроятно, что на нее вліяли, негѣдомо для нея самой. Когда, направляясь къ дофину, она говорила по пути, что дофинъ только намѣстникъ Небеснаго Короля, то юридическій терминъ „comandite“, которымъ она опредѣляла характеръ власти дофина, порученной ему Богомъ, не былъ взятъ ею изъ деревенскаго языка. Она повторяла пророчество, которое очевидно не сама придумала; оно было сочинено для нея. Она была въ сношеніяхъ со священниками, вѣрными дофину Карлу и желавшими конца войны. Жанна тѣмъ и привлекала сердца, что предсказывала конецъ войны, въ то время какъ ни одна изъ воинствующихъ сторонъ еще и не думала объ окончаніи военныхъ дѣйствій. Миротлюбивая миссія простой пастушки среди охваченной войной страны была, конечно, почти неслыханно-смѣлой, но не выходила за предѣлы подвиговъ, приписываемыхъ святымъ въ распѣвъ католицизма. Церкви была удобна миссія восторженной Жанны. И на всемъ пути, совершенномъ ею, чувствуется опредѣленное, хотя и не созданное ею самою вліяніе церкви. Въ тѣ времена наивной вѣры душевная помощь святой, убѣжденно говорившей о своихъ видѣніяхъ, была мощнымъ орудіемъ, которымъ и пользовалась партія короля. Когда Жанна прибыла въ осажденный Орлеанъ, то пользовавшіеся ея услугами предводители защиты города не столько вѣрили въ ея дѣйствительную чудесную силу, какъ пользовались довѣріемъ, которое она внушала толпѣ. Пользуясь ея простодушіемъ и невѣжествомъ, они старались сдѣлать ее безсовѣстнымъ и послушнымъ орудіемъ своихъ цѣлей, и потому поддерживали ее въ намѣреніи привести дофина въ Реймсъ для коронаціи, такъ какъ имъ нужно было показать городамъ святого и мирнаго короля. Очень разнорѣчивы мнѣнія о томъ, дѣйствительно ли Жанна была искусна въ военномъ дѣлѣ. Всѣ похвалы ей въ этомъ смыслѣ подозрительны въ виду того, что многіе хотѣли во что бы ни стало вѣрить въ ея гоній, какъ въ чудо, посланное Господомъ. Вѣрнѣе, что вліяніе ея на войска было скорѣе нравственное, что она поддерживала въ войскахъ духъ благочестія и чистоты нравовъ, увѣренная сама, что бой—въ рукахъ Бога, что грѣхъ ведетъ къ пораженію, а благочестіе и чистота—къ побѣдѣ. Въ этомъ и заключалось все ея военное знаніе, соединенное еще съ однимъ достоинствомъ—съ тѣмъ, что она не знала страха. А въ остальномъ, вести войну значило въ то время умѣть быть на конѣ. Ничего большаго не знали многіе предводители и принцы королевской крови,—и

Жанна не была болѣе невѣжественной въ военномъ дѣлѣ, чѣмъ другіе... Анатоль Франсъ не считаетъ, что Жанна прогнала англичанъ изъ Франціи, такъ какъ положеніе англичанъ при ея появленіи было почти безнадежное; но все же она сыграла большую роль въ дѣлѣ освобожденія своимъ нравственнымъ воздѣйствіемъ на войска, увѣровавшія въ нее, а также тѣмъ, что сумѣла внушить ужасъ англичанамъ, которые считали ее воплощеніемъ дьявола... Великій подвигъ ея—подвигъ самопожертвованія, то, что она выказала полное безстрашіе и глубокую вѣру въ свое дѣло.

Анатоль Франсъ вноситъ въ пониманіе Жанны д'Аркъ тотъ же скептицизмъ и ту же умиленность, съ какой изображаетъ всѣ наивныя эпохи историческаго прошлаго. Онъ понимаетъ Жанну, входитъ въ ея психологію, и для того, чтобы это сдѣлать, уничтожаетъ попутно и легенды объ ея гениальности, и ореолъ чудесъ, приписываемыхъ ей наивной вѣрой. Самое любопытное, что Анатоль Франсъ разрушаетъ легенды о Жаннѣ, созданныя и церковью, и рационалистами, восхваляющими ея умъ и таланты,—тѣмъ, что объявляетъ ее святой и тѣмъ самымъ измѣняетъ самый критерій сужденій о ней. Называя ее святой, Франсъ становится прежде всего на историческую точку зрѣнія, т.-е. судить о ней не съ высоты современнаго пониманія и современныхъ знаній, а сообразно съ понятіями ея времени. Такъ Анатоль Франсъ понимаетъ задачу историка и говоритъ объ этомъ въ концѣ своего вступленія: „Чтобы понять духъ минувшей эпохи,—говоритъ онъ,—чтобы стать современникомъ людей далекаго прошлаго, нужна большая и медленная подготовка. Трудность этого заключается, однако, не въ приобрѣтеніи знаній, а въ отрѣшеніи отъ многихъ знаній. Если мы хотимъ перенестись въ XV-й вѣкъ, то намъ нужно забыть очень многое: науки, методы, всѣ приобрѣтенія, которыя дѣлаютъ насъ людьми современной культуры. Мы должны забыть, что земля кругла и что звѣзды—свѣтила, а не лампы, привѣшанныя къ хрустальному своду; должны забыть Лапласовскую систему и помнить только міропониманіе святого Фомы, Данта и средневѣковыхъ космографовъ, учившихъ о созданіи міра въ семь дней и объ основаніи государствъ сыновьями Пріама послѣ разрушенія великой Трои. Многие историки и палеографы не въ состояніи понять современниковъ Орлеанской Дѣвы. Дѣло не въ недостаткѣ знанія, а въ недостаточности незнанія. Они слишкомъ знаютъ современное военное искусство, современную политику, современную церковь“.

Изъ этого объясненія Франса, въ связи съ его характеристикой Жанны д'Аркъ какъ святой, выясняется его историческій методъ. Онъ всецѣло проникся духомъ эпохи—какъ историкъ и какъ художникъ, и изъ глубины этого психологическаго проникновенія, отрѣ-

жившись отъ всякаго историческаго суда, отъ современныхъ критеріевъ, воссоздастъ образъ наивной воительницы. Въ разсказъ о ней Анатолю Франсъ включаетъ много бытовыхъ картинъ, а также первобытныхъ легендъ того времени, потому что, какъ онъ говоритъ, исторія Жанны относится къ религіозной области. Это для него исторія святой, которую онъ разсказываетъ въ тонѣ средневѣковаго „ширакла“, но, конечно, со свойственной ему болѣе чѣмъ кому-либо легкой снисходительнаго скептицизма.

Анатолю Франсъ говорить о томъ, какъ различно писатели, начиная съ XVI-го вѣка, относились къ Жаннѣ д'Аркъ: для XVI-го вѣка она представлялась слишкомъ готической фигурой, въ XVIII-мъ вѣкѣ въ ней цѣнили только ея приверженность къ королю и относились очень скептически къ ея видѣніямъ и ко всѣмъ легендамъ о ея чудесахъ. Знаменитый поэтъ XVII-го вѣка, Шаплэнъ, воспѣвалъ въ поэмѣ, посвященной Орлеанской Дѣвѣ, только графа Дюнуа, потомки котораго были покровителями поэта. Очень сдержанно относился къ ней и Боссюэтъ, прославлявшій все, что составляло минувшую славу Франціи. Только въ XVIII-мъ вѣкѣ возродился интересъ къ Жаннѣ д'Аркъ, и на ряду съ знаменитыми циничными насмѣшками Вольтера Анатолю Франсъ указываетъ на статью „Философскаго Словара“, въ которой высказывается серьезное отношеніе и пониманіе Жанны д'Аркъ. Для современнаго пониманія Жанна д'Аркъ представляетъ уже иное, конечно, чѣмъ для историковъ и поэтовъ другихъ временъ. Анатолю Франсъ говорить именно о томъ, какъ необходимо должны мѣняться историческіе и поэтическіе образы. Человѣчество лишь постольку можетъ интересоваться жившими въ минувшіе вѣка, поскольку въ нихъ отражаются чувства каждой новой эпохи. И вотъ по отношенію къ Жаннѣ д'Аркъ перемѣстился центръ ея миссіи. Въ качествѣ воительницы, которая шла вѣнчать на царство своего короля, она уже кажется теперь не столько поборницей монархизма, какъ символомъ патріотической идеи, единства родины. Въ этомъ смыслѣ ее понимали такіе историки, какъ Мишлэ, и въ особенности такое отношеніе къ ней укрѣпилось и оживилось послѣ 1871 года, когда оскорбленное національное чувство искало себѣ поддержки въ историческомъ прошломъ.

На этой точкѣ зрѣнія, однако, не стоитъ Анатолю Франсъ. Онъ слишкомъ извѣстенъ какъ проповѣдникъ словомъ и дѣломъ единенія народовъ для того, чтобы возводить въ идеалъ національное чувство. Онъ слишкомъ знаетъ, до какихъ нежелательныхъ крайностей оно можетъ довести. Жанна д'Аркъ поэтому дорога ему не какъ носительница патріотической идеи. Его привлекаетъ въ ней яркое воплощеніе всего, что онъ любитъ и воссоздастъ въ своихъ повѣствованіяхъ.

ннѣхъ изъ среднихъ вѣковъ: наивность вѣры и чувства, связанная съ жизненной мудростью и простотой суждений и дѣйствій.

Исторію Жанны д'Аркъ Анатолю Франсу рассказываетъ изъ темъ миракла, и съ особой поэтичностью повѣствуетъ о дѣтствѣ будущей избавительницы Франціи, о времени, проведенномъ ею въ маленькой лотарингской деревушкѣ Домреми, гдѣ она родилась въ 1412 году семьѣ бѣднаго фермера. Онъ передаетъ всѣ легенды, связанныя съ маленькой, прославившейся во всемъ христіанскомъ мірѣ деревушкой, о старомъ лѣсѣ, къ которому потомъ отсылались легендарныя пророчества, о старомъ вѣзѣ, подъ которымъ, по мѣстному повѣрью, являлись видѣнія святыхъ, и о томъ, какъ Жанна до тринадцати лѣтъ жила въ атмосферѣ этихъ народныхъ повѣрій и еще болѣе въ тревожащей атмосферѣ войны, которая велась съ тѣхъ поръ, какъ ей было семилѣтъ, и выражалась главнымъ образомъ въ грабительскихъ наѣздахъ на крестьянъ.

Тринадцати лѣтъ Жанна стала слышать голоса, призывавшіе ее сначала къ добродѣлю, а затѣмъ уже опредѣленно звавшіе ее на подвигъ, говоря ей: „Дочь Господня, покинь свою деревню и отправься во Францію“. Она часто слышала эти голоса, совершенно освоилась съ ними, и знала, что съ нею говорятъ святой Михаилъ, а также святая Екатерина и святая Маргарита, исторію подвиговъ и мученичества которыхъ она знала по распространеннымъ въ народѣ легендамъ. Это начало подвига Жанны Анатолю Франсу считаетъ стихійнымъ. Этого никто не внушалъ Жаннѣ. Но все же есть указаніе на то, откуда у нея явилась самая мысль о ея миссіи. Она узнала въ Домреми о какомъ-то древнемъ пророчествѣ, гласившемъ, что Франція погубитъ женщину, и затѣмъ спасетъ дѣва. Все дальнейшее указываетъ на то, что она не только повѣрила этому пророчеству, но и считала себя дѣвой, о приходѣ которой было возвѣщено. А затѣмъ уже начинается воздѣйствіе на нее мѣстныхъ священниковъ, такъ какъ все духовенство жаждало окончанія войны. Подъ ихъ вліяніемъ видѣнія ея разрастались и она слышала прямое велѣніе пойти королю въ королю. Какъ бы особымъ указаніемъ на то, что она призвана это совершить, было то, что деревушка Домреми была названа именемъ блаженнаго Ремигія, великаго апостола гальскаго, крестившаго перваго французскаго короля Хлодвига. Съ легендъ, опутавшая воображеніе Жанны, пытала ее воодушевленіе, и, давъ обѣтъ послушанія своимъ голосамъ, Жанна ушла изъ деревни, сначала подъ предлогомъ посѣщенія родственниковъ въ Вокулерѣ, а потомъ дальше къ приближеннымъ короля и, наконецъ, къ самому королю въ Шинонѣ. Рассказывая всю исторію твердаго шествія Жанны д'Аркъ къ своей цѣли, передавая ея односложныя заявленія о своей миссіи, Анатолю Франсу

изображаетъ ее именно болѣе какъ святую, нежели какъ вонтельницу. Она какъ будто ничего не понимаетъ, но вѣрить въ исполненіе пророчества. И слова ея переходятъ въ дѣйствіе, потому что она находитъ опору въ сторонникахъ короля, пользующихся ею какъ орудіемъ. Въ битвахъ она въ сущности на второмъ планѣ; ее берегутъ, потому что она нужна. Осада Орлеана дѣйствительно была снята благодаря ей, но Анатолю Франсу яено показывается, что въ сущности положеніе англичанъ было безвыходное при ея появленіи, такъ что ея воедѣйствіе было уже чисто нравственное. Торжествомъ Жанны, апогеомъ ея славы, была коронація дофина Карла въ Реймсѣ и шествіе по городамъ послѣ коронованія. Въ военномъ отношеніи, этотъ торжественный маршъ во славу церкви былъ ошибкой, которая и привела къ дальнѣйшему пораженію и была причиной захвата самой Жанны. Но важно было выполнить до конца пророчество и создать королю положеніе, возвышавшее его въ глазахъ всѣхъ его подданныхъ. Погубила она при этомъ именно себя, а не короля, для котораго сдѣлала все, что хотѣла. Психологически, образъ Жанны проявляется наиболѣе ярко не во время самыхъ битвъ, когда она часто только помогала раненымъ и лишь иногда сама шла на приступъ. Она была здоровая деревенская дѣвушка, и трудности похода ее не смущали. Она умѣла быть на конѣ, какъ другіе воины, и, нося платье воина, просто дѣлала несложное воинское дѣло того времени. Она умѣла даже порой быть не по-женски грубой, когда что-нибудь возбуждало ее гнѣвъ, когда она, напримѣръ, видѣла женщинъ дурной жизни въ лагерѣ и гнала ихъ, считая чистоту нравовъ главнымъ условіемъ побѣды. Она употребляла сильныя выраженія и говорила: „не пить мнѣ вина до пасхи!“—когда клялась въ чемъ-нибудь. Но это было только виѣшней манерой выражаться, такъ какъ на самомъ дѣлѣ она была воздержна и строга въ жизни. Есть въ ней черты вонтельницы, которыя объясняются главнымъ образомъ ея деревенскимъ происхожденіемъ, тѣмъ, что въ деревнѣ крестьянка не уступаетъ крестьянину по силѣ, и что въ тѣ времена военное дѣло не требовало никакой специальной подготовки. Но все же Жанна была болѣе святой, чѣмъ вонтельницей, и образъ ея яснѣе всего отразился въ трехъ моментахъ ея жизни: въ дѣтствѣ, преисполненномъ видѣніями святыхъ; въ короткое время послѣ коронаціи въ Реймсѣ, когда она мнила сама себя на высотѣ выполненной миссіи и когда въ ея письмахъ въ различные города и по различнымъ поводамъ сказывалась огромная увѣренность. Она повелѣвала, требовала снятія осады и т. д.; а третій трагическій моментъ жизни святой—это процессъ и смерть на кострѣ. Отвѣты Жанны непризнаннымъ ею судьямъ хорошо извѣстны по сохранившимся протоколамъ. Жанна отвѣчала просто,

ясно, но въ то же время далеко не наивно, отлично понимая своихъ судей и не поддаваясь на ихъ уловки запутать ее. Она прошла и черезъ моментъ слабости, отреклась по требованію церкви отъ ереси, согласилась снять мужское платье, бывшее для нея знакомъ возложенной на нее мисси. Но тотчасъ же, опомнившись, она отреклась отъ отреченія и пошла на смерть, не скрывая своего ужаса. Смерть мученицы завершила исторію той, которую принято считать героиней, въ то время, какъ она, въ простотѣ душевной, послушная влияніямъ, претворявшимся для нея въ голоса святыхъ, была только благочестивой дочерью народа. Для нея всё дѣла сводились къ вѣрѣ. Ея вѣра послужила для дѣлъ тѣхъ, которые пользовались ею какъ нужнымъ орудіемъ и сдѣлали изъ святой героиню.—З. В.

ЗАМѢТКА.

ИСТОРИЯ ИСПАНИИ ВЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОМАНАХЪ
ПЕРЕСА ГАЛЬДОСА.

Въ 1907 году известный испанскій романистъ Гальдосъ издалъ послѣдній томъ своей серіи историческихъ романовъ (Episodios Nacionales) и такимъ образомъ закончилъ ихъ циклъ. Появленіе перваго историческаго романа Гальдоса относится къ 1873 г. Волѣе тридцати лѣтъ художественной дѣятельности, тѣсно связанной съ изученіемъ историческихъ памятниковъ—явленіе очень рѣдкое въ исторіи литературы. Теперь, когда Гальдосъ закончилъ свою дѣятельность, какъ историческій романистъ, уместно подвести итоги, какъ этой дѣятельности, такъ и того вліянія, которое онъ оказалъ.

Отмѣчая заслуги Переса Гальдоса, лучшій испанскій критикъ и историкъ литературы Менендесъ-и-Пелайо подчеркиваетъ, какъ особенно важную заслугу романиста, то, что благодаря его книгамъ многіе обучались исторіи. Какъ мы увидимъ ниже, это замѣчаніе основывается на признаніи за Гальдосомъ таланта воспроизводить людей и событія недавняго прошлаго согласно съ историческимъ матеріаломъ и притомъ весьма художественно.

„Национальные эпизоды“ составляютъ сорокъ томовъ. Первые двадцать томовъ двухъ серій издавались съ необыкновенной быстротой: по четыре въ годъ. Въ 1879 г. изданіе приостановилось. Новая серія (изъ двадцати томовъ) стала печататься съ 1898 г. и окончилась въ 1907 г. Такимъ образомъ, значительная часть жизни Переса Гальдоса посвящена историческому роману. Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ „Национальныхъ Эпизодовъ“, отмѣтимъ основныя черты творчества Гальдоса въ сферѣ романа.

Романы Гальдоса—если исключить изъ нихъ историческіе—могутъ быть подраздѣлены на три группы, соотвѣтственно тѣмъ внутреннимъ психологическимъ процессамъ, которые переживалъ авторъ. Первый періодъ опредѣляется преобладаніемъ *идеализма* въ направленіи романовъ. Романистъ часто стремится къ проведенію извѣстнаго тезиса, имѣющаго первостепенное религіозное или соціальное значеніе. Во

второмъ фазисѣ (восьмидесятые годы) французскій натурализмъ нашель у Гальдоса талантливаго приверженца. Большинство романовъ этой группы посвящено явлениямъ мадридской жизни, которую Гальдосъ знаетъ превосходно. Эти романы заключаютъ весьма цѣнный матеріалъ, собранный очень добросовѣстно и сгруппированный умѣлой рукой художника.

Въ послѣдній періодъ своей дѣятельности (девяностые годы до нашего времени) Гальдосъ значительно углубилъ и расширилъ сферу своихъ наблюдений. Онъ считается съ элементами міросозерцанія старой Испаніи, живучими и въ настоящее время въ душѣ испанца; онъ постигаетъ своеобразныя красоты лучшихъ памятниковъ творчества Испаніи въ средніе вѣка и эпоху Возрожденія; онъ чувствуетъ красоту настоящаго и прошлаго и идетъ навстрѣчу высокимъ идеаламъ нашего времени, подчиняясь, незамѣтно для себя, влиянію Толстого и Ибсена. И безъ „Національныхъ эпизодовъ“ Гальдосъ былъ бы однимъ изъ первыхъ испанскихъ романистовъ. Но историческіе романы являются главнѣйшимъ его вкладомъ въ сокровищницу отечественной литературы. Постараемся представить краткую ихъ характеристику.

Историческіе романы Гальдоса имѣютъ многочисленныхъ предшественниковъ во всѣхъ странахъ, но прямой зависимости этого автора отъ того или другого писателя нельзя указать. Нѣкоторую аналогию романамъ Гальдоса представляютъ повѣсти Эркмана-Шатриана. По широтѣ плана и сюжета этотъ романистъ стоитъ выше Гальдоса, но зато онъ ему уступаетъ въ живости изображенія, образности и индивидуализаціи отдѣльныхъ персонажей.

Три первыхъ серіи „Эпизодовъ“ начинаются съ „Трафалгар“ и кончаются смертью Фердинанда VII и первыми проблесками гражданской войны. Первая серія, состоящая изъ десяти томовъ, по преимуществу эпическая. Первые два „эпизода“ являются подготовительными къ пониманію борьбы съ Цезаремъ Корсо. Послѣдующіе томы изображаютъ перипетіи борьбы, героическіе подвиги, народное движеніе, операціи регулярныхъ войскъ и начало политическаго возрожденія, положенное Кадиксомъ. Вторая серія (4 тома) — менѣе эпическая, а скорѣе драматическая. Триумфъ и побѣда революціи, возстановленіе реакціи, конституція и абсолютизмъ, пылъ фанатиковъ, ярость преслѣдователей — все это — съ 1814 по 1834 г. — отразилось въ похожденияхъ заговорщика Садыдора Монсалюдь.

Въ двухъ послѣднихъ томахъ есть и драматическіе элементы, и эпические, но они лишены прежняго величія. Война ведется не за освобожденіе, а изъ-за династическихъ, политическихъ и религіозныхъ вопросовъ. Борьба приняла сравнительно небольшіе размѣры.

Изъ новыхъ серій первая обнимаетъ періодъ гражданскихъ войнъ до свадьбы Изабеллы, вторая кончается революціей 1868 г.

Главной заслугой „Национальныхъ эпиводовъ“ является ихъ общедоступность всѣмъ слоямъ общества и распространение правдивыхъ и художественныхъ представлений объ испанской исторіи новѣйшаго періода. Это — родъ повѣстной исторіи современной Испаніи, рядъ художественныхъ изображеній нѣсколькихъ поколѣній, отошедшихъ въ вѣчность. Благодаря необыкновенному драматизму, романы Гальдоса дѣйствуютъ на воображеніе и очень легко усваиваются. Конечно, въ исторической точности романъ не можетъ конкурировать съ научной монографіей, но главный ходъ событій вполне вѣрно передается, а историческіе дѣятели представлены очень живо и наглядно по слѣдамъ ихъ кипучей дѣятельности. Къ особеннымъ достоинствамъ изложенія Гальдоса слѣдуетъ отнести, въ виду распространенія романовъ, умѣніе пользоваться весьма осторожно анекдотической и скабрѣзной хроникой придворныхъ и аристократическихъ сферъ.

Что касается до способа изложенія, до *стиля* Переса Гальдоса, то въ этомъ отношеніи его романы могутъ быть подраздѣлены на двѣ группы. Въ первой авторъ пишетъ чрезвычайно живымъ, образнымъ, иногда полународнымъ языкомъ, не заботясь объ академической правильности. Во второй группѣ онъ обращаетъ большое вниманіе на изложеніе и пишетъ изящно, нерѣдко классически. Въ „эпизодахъ“ второй серіи есть образцы, могущіе удовлетворить самаго требовательнаго пуриста языка. Въ первой серіи существуетъ довольно тѣсная связь между ея составными частями — отдѣльными томами, во второй серіи эта связь ослабѣваетъ и повѣсти становятся менѣе зависимыми другъ отъ друга, хотя и связаны общими планами. Въ двухъ послѣднихъ серіяхъ — еще больше самостоятельности имѣютъ составныя части, нерѣдко поражая читателя блескомъ изложенія и живостью фабулы.

Историческіе романы Переса Гальдоса выводятъ на сцену массу персонажей, которыхъ авторъ изображаетъ чертами художественнаго индивидуализма. Фабула часто очень сложна и запутанна; преобладаютъ героическіе эпизоды. Но художественный тактъ Гальдоса спасаетъ его отъ крайностей, въ которыя впалъ бы менѣе даровитый писатель: нигдѣ вы не найдете элемента шаржа.

Что касается до отношенія Гальдоса къ историческимъ персонажамъ, то и здѣсь онъ чуждъ какой-либо ходульной торжественности. Онъ обращается со всѣми, и съ вѣнценосцами, и съ нищими, какъ съ равными. За вѣнченностью онъ видитъ настоящее содержаніе человѣка. Иногда Гальдосъ переходитъ въ область сатиры, но и здѣсь сохраняетъ художественное равновѣсіе.

Въ первой серіи преобладаютъ вдохновеніе и изобрѣтательность фабулы молодого поэта. Во второй—изящество и внѣшняя отдѣлка опытнаго стилиста. Но всѣ романы Гальдоса проникнуты любовью къ истинѣ и свободѣ. Прогрессивный и либеральный писатель, Пересь Гальдосъ и въ своихъ историческихъ романахъ является поборникомъ праваго дѣла, отстаиваетъ демократическіе интересы. Такъ какъ при этомъ онъ все же не становится публицистомъ, а остается художникомъ, то его романы имѣютъ для испанскаго общества большое воспитательное и образовательное значеніе.

Л. ШЕНЕЛИВНЪ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюня 1908.

Эпизодъ выборгскаго процесса.—Независимость судебной власти и депутатская неприкосновенность.—Дѣйствія генерала Думбадзе въ его собственномъ изложеніи.—Своеобразное пониманіе законности вверху и его отраженіе внизу.—А. А. Бакунинъ и П. А. Корсаковъ †.

Какого мнѣнія ни держаться о выборгскомъ воззваніи, нельзя не признавать, что оно было рельефнымъ отраженіемъ настроенія, господствовавшего въ первой Думѣ. Съ этой точки зрѣнія, выборгскій процессъ, завершившійся состоявшимся на-дняхъ приведеніемъ въ исполненіе приговора, есть фактъ, гораздо болѣе значительный, нежели его внѣшнее выраженіе. Въ будущей нашей исторіи этотъ фактъ займетъ навѣрное выдающееся мѣсто.

„Воля народа есть высшее его право“—говорилъ въ первой Думѣ И. В. Жилкинъ.—„Власть исполнительная да покорится власти законодательной“—говорилъ В. Д. Набоковъ. Обѣ фразы, сказанныя въ разное время и по разнымъ поводамъ, вызвали въ Думѣ бурный взрывъ одобренія. В. Д. Набоковъ исключительно удачно опредѣлилъ своей фразой то, съ чѣмъ и для чего пришли въ Думу люди того теченія политической мысли, которое тогда было объединено подъ флагомъ партіи народной свободы. Это не былъ для нихъ программный тезисъ. Для нихъ это была непререкаемая истина—въ ней заключался весь смыслъ новаго строя и бытія Думы и единственно на ней покоились всѣ ихъ надежды влить новое содержаніе въ государственно-правовую и экономическую жизнь.

Не менѣе удачно формулировалъ И. В. Жилкинъ тѣ ощущенія, которыми были охвачены тогда члены Думы, занимавшіе въ ней мѣсто „лѣвѣе“ кадетскаго большинства. Правовѣрные социалисты бойкотировали первые выборы именно потому, что избирательный законъ 6-го августа и 11-го декабря не гарантировалъ полного и безраздѣльнаго торжества въ Думѣ воли народа надъ прошлымъ, въ частности—надъ исторически сложившимися правовыми построеніями. Бойкотъ, какъ извѣстно, успѣха не имѣлъ. Но тенденціи социаль-демократической программы, два года назадъ, у насъ были разлиты въ сознаніи отнюдь не однихъ партійныхъ социалистовъ. Даже среди ка-

детовъ мысль объ учредительномъ собраніи не только не отвергалась, но, напротивъ, пользовалась полнымъ сочувствіемъ. Кадеты не скрывали, что, войдя въ Думу законодательную, они будутъ стремиться къ расширенію ея задачъ учредительными функциями. На первыхъ предвыборныхъ собраніяхъ никому и въ голову не приходило, что выборы производятся на долгій законный срокъ въ пять лѣтъ. И избиратели и избираемые считали, что Дума должна создать формы гражданской свободы, удовлетворить земельную нужду и уравнивать гражданъ въ правахъ, словомъ—сдѣлать то, что тогда признавалось неотложнымъ, а затѣмъ немедленно выработать избирательный законъ на основахъ всеобщаго и т. д. голосованія—и разойтись, дабы уступить мѣсто не-цензовымъ представителямъ народа.

Эта сложная схема была компромиссомъ отвлеченно-правовой доктрины съ революціоннымъ настроеніемъ. И крестьянамъ, образовавшимся въ Думѣ трудовую группу, она, конечно, была не по плечу. Трудовики не различали законодательныхъ функций отъ учредительныхъ. Они считали себя—и въ этомъ не ошибались—вѣрными представителями воли народа. Воля же народа была въ тотъ моментъ революціонна не только по отношенію къ органамъ исполнительской власти, но въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Воля народа въ тотъ моментъ отвергала всякія для себя ограниченія. Народъ, въ лицѣ крестьянства и крайнихъ лѣвыхъ группъ изъ другихъ слоевъ народныхъ массъ, почиталъ себя призваннымъ творить право, пересоздавать юридическія отношенія, не считаясь ни съ какими доктринами. Смыслъ формулы И. В. Жилкина заключался въ томъ, что она вытекала изъ глубинъ народнаго правопониманія того момента и лишь случайно совпадала съ программнымъ положеніемъ нѣмецкой социаль-демократіи.

Кадеты и трудовики первой Думы порою шли дружно, порою—рѣзко сталкивались. Они шли дружно въ критику и разрушеніи. Они сталкивались всякій разъ, какъ только работа переходила на почву созиданія. Не сталкиваться они не могли, ибо допустимый для партіи народной свободы компромиссъ правовой доктрины съ революціоннымъ настроеніемъ имѣлъ границу гораздо ближе, чѣмъ формула: „воля народа есть высшее его право“. Люди съ богатымъ багажомъ знаній и опытности, какихъ среди кадетовъ въ первой Думѣ было очень много, органически не могли признавать, что воля народа должна быть свободна отъ всякихъ границъ—разума, науки и тысячелѣтняго прошлаго, своего и чужого. Запретъ устраивать митинги на полотнѣ желѣзной дороги или на проѣзжихъ улицахъ въ городахъ имъ не могъ не представляться необходимымъ и неизбѣжнымъ. А трудовики страстно оспаривали этотъ запретъ и были искренно увѣрены, что достаточно волѣ народа опредѣлить: „всѣ вольны собираться“ и поставить точку,—

чтобы такая правовая норма вошла въ жизнь и стала регуляторомъ свободы собраний.

За два дня до роспуска Думы, правовоззрѣніе кадетовъ столкнулось съ правовоззрѣніемъ трудовиковъ въ вопросѣ о способахъ и формахъ реагирования на правительственное сообщеніе отъ 20-го іюня. Тутъ побѣда осталась за кадетами. Въ Выборгѣ опять произошло столкновение—и побѣдили трудовики. Если вчитаться въ выборгское воззваніе, то станетъ совершенно ясно, что оно состоитъ изъ двухъ частей, и что насколько первая часть выросла изъ лозунга: „власть исполнительная да покорится власти законодательной“,—настолько вторая, признанная судомъ преступною, чужда этому лозунгу и родственна формулѣ: „воля народа есть высшее его право“. Теорія пассивнаго сопротивления была приложена къ воззванію много позже его составленія. Со стороны членовъ Думы, принадлежавшихъ къ партіи народной свободы, текстъ воззванія былъ уступкой, психологически тѣмъ легче объяснимой, что они были оквачены сознаниемъ принятой на себя отвѣтственности и стояли передъ неизвѣстностью, которая могущественно подсказывала единеніе оппозиціонныхъ силъ. Фактъ роспуска Думы заставилъ кадетовъ перейти грань, за которую они переходить, всего три дня назадъ, не предполагали.

Теперь оба представителя двухъ главныхъ теченій въ первой Думѣ—и В. Д. Набоковъ, и И. В. Жилкинъ—сидятъ въ петербургской тюрьмѣ, въ „Крестахъ“. Оба не только лишены свободы, но въ цѣляхъ исправленія подвергнуты пенитенціарному режиму. Дабы искоренить въ нихъ дурную привычку ненормально распределять свое время, они обязаны ложиться спать въ 10 часовъ вечера и вставать въ 6 часовъ утра. Дабы устроить отъ нихъ вредныя внѣтюремныя вліянія, имъ воспрещено читать газеты и видѣть людей кромѣ тѣхъ, кому вѣрено ихъ исправленіе. Только съ самыми близкими родственниками они могутъ имѣть свиданія: въ первый мѣсяць, пока исправительныя воздѣйствія тюремной администраціи еще не могли ихъ перевоспитать, одинъ разъ, во второй—два раза и въ третій, когда они настолько исправятся, что будутъ въ силахъ противостоять вредному вліянію женъ, сыновей и дочерей,—каждую недѣлю... Полтора года первыхъ избранниковъ народа, „лучшихъ людей“, подвергнуты „исправленію“ въ тюрьмахъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Они принудительно обязаны ѣсть изъ тюремнаго котла и не имѣютъ права тратить на продовольствіе изъ собственныхъ средствъ болѣе 35 коп. въ день. Присылать имъ можно только чай и сахаръ. Ихъ койки на день привинчиваются къ стѣнѣ. Люди, убѣжденные сѣдинами, не могутъ въ теченіе дня прилечь и протянуть уставшія ноги. За всякое нарушеніе тюремныхъ правилъ полтора года „лучшихъ людей“ могутъ

каждую минуту оказаться въ карцерѣ, могутъ быть лишены прогулокъ, могутъ быть посажены на хлѣбъ и воду...

Суровая дѣйствительность сказала трудовикамъ первой Думы, какъ ничтожна воля народа передъ оперирующимъ на силу писаннымъ правомъ, даже когда оно пережило свое время. Менѣе рѣзкій, но не менѣе опредѣленный отвѣтъ дала дѣйствительность на слова В. Д. Набокова. Какъ разъ наканунѣ приведенія въ исполненіе приговора надъ выборгцами исполнительная власть отгѣнила разрѣшеніе передавать заключеннымъ съѣстные припасы. Исполнительная власть ясно показала, какъ она сильна и въ предѣлахъ подчиненія власти законодательной — закону. Не подававшему кассационной жалобы, осужденному члену первой Думы Езерскому срокъ одиночнаго заключенія въ „Крестахъ“ былъ рассчитанъ по три дня за четыре общаго заключенія. вмѣсто трехъ мѣсяцевъ онъ просидѣлъ два мѣсяца и десять дней. По отношенію ко всѣмъ, нынѣ начавшимъ отбывать наказаніе, законъ разъясненъ въ томъ смыслѣ, что они должны отсидѣть полностью три мѣсяца. Въ газетахъ сообщалось, что и Езерскому предстоитъ досиживать двадцать дней. Но этого мало. Исполнительная власть, въ лицѣ административнаго перваго департамента сената, разъяснила, что съ окончаніемъ срока заключенія вина осужденныхъ не будетъ погашена: они пожизненно лишены права быть членами Думы, земскими и городскими гласными...

Когда разсматривался выборгскій процессъ, былъ пущенъ слухъ, проникшій и въ печать, что гдѣ-то кѣмъ-то обѣщаны милліоны для помощи самимъ осужденнымъ и, главное, для содержанія, во время заключенія, ихъ семействъ. Называли имена и приводили подробности, дѣлавшія слухъ правдоподобнымъ. Были ли дѣйствительно даны обѣщанія — не знаемъ. Но что никакихъ ни милліоновъ, ни тысячъ не поступило—это намъ хорошо извѣстно. А нужда громадна. Есть семьи, съ заключеніемъ единственныхъ работниковъ оставшіяся буквально на улицѣ. И до тюрьмы тяжело жилось многимъ членамъ первой Думы. Каково теперь душевное состояніе тѣхъ изъ нихъ, которые каждую минуту чувствуютъ, что тамъ, „на волгѣ“, ихъ жены не знаютъ, чѣмъ накормить голодныхъ дѣтей?.. Въ Петербургѣ есть кружокъ лицъ, поставившій себѣ задачей заботу о нуждающихся членахъ Думы. Въ первыхъ числахъ мая кружокъ опубликовалъ—далеко не всѣ газеты могли и рискнули напечатать! — нѣкоторыя цифры изъ своего отчета и объявилъ, что наканунѣ заключенія выборгцевъ имѣть въ кассѣ всего 114 рублей. Узнавшіе объ этомъ бѣдняки понесли свои гроши. Но узнали очень немногіе. Набралось, впрочемъ, столько, что на первый мѣсяць, конечно въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, помощь

наиболѣе нуждающимся обезпечена. А предстоятъ еще два мѣсяца и затѣмъ трудное дѣло прискаванія потеряннаго заработка..

Еще два слова по поводу выборскаго воззванія и процесса. Составители уложенія о наказаніяхъ 1845 года считали главной своей заслугой то, что они точно обозначили и включили въ самыя тѣсныя рамки предѣлы судейскаго усмотрѣнія при опредѣленіи наказаній. Такая система современной теоріей уголовного права отвергается. И, слѣдуя теоріи, составители уголовного уложенія 1903 г. приняли систему прямо противоположную. Но въ какую они при этомъ внали крайность видно изъ слѣдующаго примѣра. Изобличеннымъ не только въ составленіи, но также и въ фактическомъ распространеніи выборскаго воззванія, петербургская судебная палата назначила три мѣсяца заключенія въ тюрьмѣ. А кievская палата приговорила члена первой Думы Мокрунова, который въ Выборгѣ не былъ, за одинъ случай распространенія воззванія къ исправительному дому на два года съ лишеніемъ правъ состоянія. При такомъ различіи въ карѣ за одно и то же преступное дѣяніе, никакими силами не удержать въ общественномъ сознаніи представленія о равномъ для всѣхъ и единомъ уголовномъ законѣ.

Примѣненный къ дѣянію выборгцевъ, третій пунктъ 129 статьи уголовного уложенія „есть тотъ каналъ, по которому временные виды правительства проникаютъ въ правосудіе“. Это образное опредѣленіе принадлежитъ В. А. Махлакову. Сказано оно въ засѣданіи Думы 19-го мая при обсужденіи вопроса о временномъ устранинн депутата Косоротова. Другой каналъ — увольненія и повышенія судей; увольненія — съ полнымъ соблюденіемъ правилъ закона, т.-е. или по опредѣленію дисциплинарнаго присутствія, или, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, вслѣдствіе „добровольно“ поданнаго прошенія — послѣ предваренія судьи, что если онъ подастъ прошеніе, то можетъ рассчитывать на пенсію, а если нѣтъ, то уволенъ все-таки будетъ, но уже безъ всякихъ льготъ. Увольненія и повышенія судей еще ниго съ думской каѳедры „каналомъ, по которому временные виды правительства проникаютъ въ правосудіе“, не называлъ. Но весьма недалеко былъ отъ того министръ юстиціи, И. Г. Щегловитовъ, когда говорилъ 28 апрѣля, что „приложилъ всѣ усилія“, чтобы очистить суды отъ людей слабой воли, „равнодушныхъ къ огражденію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“.

Послѣднимъ словамъ нельзя, по крайней мѣрѣ, отказать въ открытости и искренности. Но зачѣмъ было имъ предпосылать горделивое утвержденіе, что судами должны руководить „единственно великія безстрастнаго и нелицепріятнаго закона“? Одно изъ двухъ: или

судъ безстрастный, какъ безстрастенъ законъ, и, слѣдовательно, политически равнодушный, или судъ, руководящійся параллельно съ закономъ политическими „видами правительства“, и тогда, конечно, въ немъ не мѣсто политически равнодушнымъ людямъ. Зачѣмъ было въ той же рѣчи подчеркивать независимость судебной власти, подниматься въ заоблачную теоретическую высь и вмѣсто простого слова „судъ“ говорить „храмина правосудія“, да еще „святая“? Какая ужъ тутъ „храмина правосудія“, когда всѣ наиболѣе важныя по тяжести правонарушенія изъяты изъ ея вѣдѣнія и переданы въ военные суды!

Приподнятый тонъ — наиболѣе характерная черта рѣчей И. Г. Щегловитова въ Государственной Думѣ. И такъ какъ этотъ тонъ величаво-спокойной удовлетворенности не можетъ не рѣзать уха людей повседневнаго житейскаго опыта, то въ немъ и нежить главная причина того, что рѣчи министра юстиціи, даже въ третьей Думѣ, поднимаютъ настроеніе чуть не до точки кипѣнія. Въ томъ же тонѣ и съ тѣми же малоубѣдительными доводами изъ области громкихъ фразъ предъявлялъ И. Г. Щегловитовъ требованіе объ устраненіи г. Косоротова. Оспаривая воззрѣніе, по которому Дума должна основывать свое рѣшеніе объ устраненіи депутатовъ на оцѣнкѣ доказательствъ возбужденнаго обвиненія по существу, онъ говорилъ: „Для учрежденія, которое будетъ дѣлать такую оцѣнку, останется, все-таки, совершенно неизвѣстнымъ, гдѣ же правда въ дѣлѣ? Она, конечно, можетъ быть обнаружена только судомъ, съ примѣненіемъ всѣхъ тѣхъ способовъ, которые обезпечиваютъ обнаруженіе и установленіе истины. Проникнуть въ существо дѣла окажется для несудебнаго учрежденія совершенно невозможнымъ. Попытка же проникнуть въ это существо грозитъ чрезвычайной опасностью. Опасность будетъ заключаться въ томъ, что въ извѣстной степени такую попыткою авторитету судебной власти можетъ быть нанесенъ ударъ. Раздѣленіе властей, которое считается краеугольнымъ камнемъ правильнаго отправленія всѣхъ жизненныхъ государственныхъ задачъ, правильнаго ихъ осуществленія, — раздѣленіе властей, какъ правильно утверждаютъ всѣ современные знатоки представительнаго строя, лучше всего достигается въ странахъ, которыя этимъ строемъ обладаютъ. Поэтому, въ тѣхъ странахъ, гдѣ представительный строй существуетъ, законодательнымъ его учрежденіямъ надлежитъ особенно бережно относиться ко всему тому, что можетъ грозить опасностью авторитету судебной власти“.

Прочтя эту рѣчь, нельзя не подивиться, сколько въ ней соединено безспорныхъ теоретическихъ истинъ. Конечно, судебная правда не можетъ быть обнаружена безъ гарантій гласнаго и состязательнаго процесса. Конечно, все, что колеблетъ авторитетъ судебной

власти, нежелательно и опасно. Конечно, раздѣленіе властей—краеугольный камень конституціоннаго строя и для подтвержденія этого нѣтъ ни малѣйшей надобности тревожить „современныхъ знатоковъ“. Но, во-первыхъ, какое все это имѣетъ отношеніе къ дѣлу Косоротова, поскольку оно касается Думы? А во-вторыхъ, могъ ли все это говорить министръ, входящій въ составъ правительства страны, гдѣ повсемѣстно примѣняется административная расправа, гдѣ трехтысячные штрафы и трехмѣсячныя заключенія назначаются даже безъ выслушанія объясненій караемаго, гдѣ авторитету судебной власти ежедневно наносятся удары — изъятіемъ изъ вѣдѣнія этой власти важнѣйшихъ дѣлъ или помилованіями осужденныхъ за еврейскіе погромы,—и гдѣ настолько судебная власть не отграничена отъ исполнительной, что послѣдняя ставитъ себѣ въ заслугу очистку судовъ отъ людей слабой воли, „равнодушныхъ къ огражденію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“? Опять одно изъ двухъ: или судъ самостоятельный и независимый, или несамостоятельный и зависимый. И если судъ зависимый, если исполнительная власть безъ бережливости относится къ „тому, что можетъ грозить опасностью авторитету судебной власти“, то почему органы власти законодательной обязаны относиться къ этому авторитету „особенно бережно“? Односторонняя независимость суда такъ же далека отъ краеугольнаго камня „правильнаго отправленія всѣхъ жизненныхъ государственныхъ задачъ“, какъ и полное ея отсутствіе.

„Могу васъ увѣрить, — продолжалъ И. Г. Щегловитовъ,—что о томъ, что имѣется членъ Государственной Думы Косоротовъ, министръ юстиціи узналъ только тогда, когда онъ прочиталъ поступившее къ нему отъ прокурора судебной палаты постановленіе судебного слѣдователя о привлеченіи Косоротова къ отвѣтственности“. Охотно вѣримъ, что министръ юстиціи лично г. Косоротова не зналъ, что съ нимъ онъ никогда не встрѣчался и что лично противъ г. Косоротова онъ ничего не имѣетъ. Но что настойчивое требованіе объ устраненіи г. Косоротова есть одинъ изъ эпизодовъ борьбы съ тѣмъ политическимъ направленіемъ, къ которому принадлежитъ г. Косоротовъ, отъ этой мысли рѣчь И. Г. Щегловитова не только не освобождаетъ, но, напротивъ, его доводы укрѣпляютъ въ ней.

Что общаго между интересами правосудія и временнымъ, до судебного приговора, устраненіемъ Косоротова? Если бы судебная власть требовала заключенія его подъ стражу, то тогда—и то весьма условно—еще можно было бы утверждать, что отказъ Думы раскрываетъ ему возможность уклониться отъ суда или скрыть слѣды преступленія, и тѣмъ нарушаетъ интересы правосудія. Но такого требованія не предъявлено. Слѣдовательно, судебная власть полагаетъ, что

отъ оставленія Косоротова на свободѣ интересы правосудія не страдаютъ. Почему же они страдаютъ, если онъ будетъ жить въ Петербургѣ и будетъ участвовать въ собраніяхъ Думы, и не страдаютъ, — если онъ будетъ жить на родинѣ или хотя бы въ томъ же Петербургѣ, но безъ права исполнять обязанности члена Думы? Наиболѣе широко понимаемые интересы правосудія заключаются только въ томъ, что каждый, совершившій правонарушеніе, по установленіи его виновности судебнымъ приговоромъ, долженъ быть наказанъ. Когда Косоротова привлекли къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго и когда его предали суду, — разрѣшенія Думы не спрашивали. Не требуетъ законъ разрѣшенія Думы и на вызовъ преданнаго суду депутата къ судебному разбирательству. Вотъ если бы онъ отказался явиться къ судебному разбирательству и если бы судъ, прежде приведенія въ исполненіе принудительнаго привода, обратился къ Думѣ за разрѣшеніемъ о лишеніи его свободы, то тогда могъ бы возникнуть вопросъ, въ случаѣ отказа Думы, о конфликтѣ между рѣшеніемъ Думы и интересами правосудія. Но это былъ бы вопросъ самостоятельный — о примѣненіи ст. 16, а не ст. 20 учрежденія Государственной Думы.

Временное устраненіе депутатовъ, само по себѣ, есть внутреннее дѣло Думы, цѣликомъ отданное закономъ ея усмотрѣнію, съ ограниченіемъ лишь въ сторону недопустимости примѣненія этой мѣры безъ наличности указанныхъ въ законѣ оснований. „Нужно дать себѣ отчетъ — правильно возражалъ И. Г. Щегловитову В. А. Маклаковъ, — зачѣмъ существуетъ этотъ институтъ, и тогда все станетъ понятно. Намъ говорить, что онъ существуетъ для того, чтобы помогать правосудію. Это невѣрно: правосудію онъ не нуженъ. Правосудіе вооружено другими силами“. Онъ нуженъ — прибавимъ отъ себя — самой Думѣ для огражденія ея достоинства, — для того, чтобы лицо, замаравшее себя постыднымъ посягательствомъ, не могло оставаться полноправнымъ членомъ Думы въ теченіе долгаго срока отъ возникновенія дѣла до завершения его судебнымъ приговоромъ. И. Г. Щегловитовъ обращалъ вниманіе на то, что Государственный Совѣтъ новаго состава сталъ на точку зрѣнія формальнаго отношенія къ вопросу о временномъ устраненіи. Дѣйствительно, Совѣтъ, какъ только получилъ извѣщеніе о привлеченіи къ отвѣтственности г. Кудряваго, немедленно его устранилъ, вслѣдствіе чего уже второй годъ вологодское земство не имѣетъ въ Совѣтѣ своего представителя. Такъ же теперь поступила Дума по дѣлу Косоротова. Но доводы въ пользу обязательности для законодательныхъ учреждений устранять своихъ членовъ, разъ есть формальное основаніе, отъ этихъ прецедентовъ не стали убѣдительными. Депутатской неприкосновенности ими нанесенъ трудно-поправимый ударъ.

Интересно бы знать, что станет говорить И. Г. Щегловитовъ о раздѣленіи властей, о независимости и самостоятельности „святой храминны правосудія“ и объ интересахъ правосудія, когда настанетъ очередь обсужденія запроса о незаконномѣрныхъ дѣйствіяхъ генерала Думбадзе. Вѣроятно, впрочемъ, онъ не будетъ говорить ничего. Вѣроятно, выступитъ П. А. Столыпинъ. Но и положеніе премьеръ-министра будетъ нелегкимъ послѣ заявленія г. Макарова, что полнота силы и власти министра внутреннихъ дѣлъ распространяется и въ отношеніи генераль-губернаторовъ. Официозной „Россіей“ объявлена „басней“ теорія, которую въ первой Думѣ проводилъ тотъ же г. Макаровъ о неподвѣдомственности временныхъ генераль-губернаторовъ министру внутреннихъ дѣлъ и въ силу которой всѣ попытки первой Думы запросить правительство о незаконности дѣйствій генераль-губернаторовъ оставались безъ отвѣта. Теперь, въ виду заявленія г. Макарова, забронироваться этимъ щитомъ нельзя, и П. А. Столыпину, волей-неволей, придется принять на свою отвѣтственность своеобразное отношеніе къ закону генерала Думбадзе.

Въ какой мѣрѣ оно своеобразно, чтобы не сказать болѣе, и въ какой мѣрѣ дѣятельность ялтинскаго генераль-губернатора надзаконна, — вполне достаточный матеріалъ для сужденія даетъ то, что написано самимъ генер. Думбадзе въ его объясненіяхъ. Выше, во „Внутреннемъ Обзорѣніи“, приведены характерныя черты изъ этихъ объясненій. Здѣсь мы коснемся только ихъ содержанія. Ген. Думбадзе отнюдь не отвергаетъ, что присвоилъ себѣ никакими охранами ему не предоставленное право вмѣшательства въ гражданскія дѣла и имущественныя тяжбы. По дѣлу директора азовско-донскаго банка Бухштаба съ татаринѣмъ Асанъ Кукумовымъ онъ пишетъ: „Пригласивъ въ полицейское управленіе истца и отвѣтчика, изъ разговора съ ними, между прочимъ, выяснилось (оригинальный грамматическій оборотъ принадлежитъ автору объясненій), что Бухштабъ не возвратилъ еще татарину двухъ векселей, каждый по 500 руб. Бухштабъ заявилъ, что векселя эти, дѣйствительно, у него имѣются, но, какъ давно просроченные, никакой цѣнности не представляютъ, почему онъ съ удовольствіемъ возвратитъ ихъ жалобщику, что и сдѣлалъ безъ всякаго съ моей стороны принужденія“. Далѣе, по дѣлу г. Барилью съ хозяиномъ дома генер. Думбадзе объясняетъ: „Французско-поданный Барилью, всѣмъ ялтинцамъ извѣстный, какъ человекъ безупречной честности и труженіемъ, но разорившійся неудачной эксплуатацией по арендѣ Петербургской гостиницы, — обратился ко мнѣ съ просьбой уговорить хозяина гостиницы, очень богатаго армянина Шахъ-Назарова, не разорять его окончательно, что со стороны чисто формально-юридической могъ сдѣлать послѣдній. Считался съ прав-

своими качествами Барильо и входя въ его тяжелое матеріальное положеніе, я принялъ его хедатайство во вниманіе и распорядился по полиціи собрать справки по содержанію означеннаго прошенія; но Барильо и Шахъ-Назаровъ вскорѣ пришли оба къ общему соглашенію, какъ это видно изъ заявленія Барильо на томъ же прошеніи“. Однородны объясненія по дѣлу о взысканіи г-жею NN съ г. Г. трехсотъ рублей на содержаніе ребенка, о водвореніи въ родительскій домъ юности, окончившаго затѣмъ жизнь самоубійствомъ и т. д.

Ген. Думбадзе никого ни къ чему не принуждалъ, никому ничѣмъ не угрожалъ, онъ только уговаривалъ, входя въ опѣнку „нравственныхъ“ качествъ просителей и имѣя цѣлью устранить несправедливости, которыя безнравственные люди могутъ причинять высоконравственнымъ на формально-юридической почвѣ. Такова сущность его оправданій. Къ сожалѣнію, онъ не поясняетъ, что значитъ на его языкѣ „принужденіе“ или „угроза“—на языкѣ чловѣка, вооруженнаго правомъ сажать въ тюрьму и высылать, который заявляетъ, что не стѣсняется „называть вещи своими именами“ и „съ мерзавцами никогда не миндальничаетъ“. Допустимъ, что ни г. Бухштабу, ни г. Шахъ-Назарову, ген. Думбадзе не грозилъ ни высылкой, ни тюрьмой. Допустимъ даже, что въ отношеніи ихъ онъ не называлъ „вещи своими именами“. И, все-таки, вѣтъ сомнѣнія въ томъ, что первый—отдавая векселя, а второй—приходя къ соглашенію съ г. Барильо, находились въ состояніи, если не физическаго, то психическаго принужденія. Допустимъ, что г. Барильо—чловѣкъ безупречной честности. Но кто далъ право ген. Думбадзе перелагать его неудачи по эксплуатаціи гостинницы на г. Шахъ-Назарова, хотя бы и армянина, и „очень богатаго“? Всего лучше въ объясненіяхъ отвѣтъ г. Бухштаба, что онъ съ удовольствіемъ отдастъ векселя. Не сомнѣваемся, что ген. Думбадзе воспроизвелъ этотъ отвѣтъ съ фотографической точностью. Но неужели ему самому не пришло на мысль во время его разговора съ г. Бухштабомъ, что если бы тотъ дѣйствительно испытывалъ удовольствіе, общая отдать векселя, и если бы эти векселя дѣйствительно не имѣли никакой цѣнности, то татаринъ Кукумовъ не подавалъ бы никакой жалобы?

Мы съ полной готовностью дѣлали допуски и оговорки, дабы отбросить то, что относится къ квалифицирующимъ обстоятельствамъ. Эти обстоятельства важны для опредѣленія размѣра отвѣтственности. Намъ же интересуется самый фактъ незаконности дѣйствій генерала Думбадзе, съ безспорностью устанавливаемый его собственными объясненіями. Намъ важно, что онъ самъ въ цитированныхъ выдержкахъ не дѣлаетъ ни одного намека на политическій мотивъ своихъ дѣйствій. Онъ просто упразднилъ въ Ялтѣ судъ и самолично вершилъ

гражданскія дѣла. И въ этой простотѣ, какъ въ фокусѣ, отразились всѣ разсужденія о законѣ и законности, которыя уже два года не перестаютъ исходить отъ правящей исполнительной власти всякій разъ, когда она обращается къ власти законодательной или просто къ обывателямъ.

Въ старомъ учебникѣ тактики покойнаго М. И. Драгомирова есть слѣдующія строки: „Начальникъ, ясно сознающій свое положеніе, заинтересованъ исполнять законъ во всякомъ случаѣ, ибо неисполненіемъ его подрываетъ одно изъ основаній своей власти. Это подтверждаетъ и практика: гдѣ законъ не былъ поставленъ въ сказанное положеніе, начиналось тѣмъ, что начальникъ переставалъ его исполнять въ случаяхъ, его стѣсняющихъ, а кончалось тѣмъ, что и подчиненный дѣлалъ то же“. М. И. Драгомировъ имѣлъ въ виду практику войсковую. Но его слова вполнѣ приложимы и къ практикѣ обще-государственнаго управленія. Провозглашенная неуклонная законность не мѣшаетъ правительству въ случаяхъ, его стѣсняющихъ, прибѣгать, если не къ прямому нарушенію закона, то къ обходу путемъ циркулярныхъ и другихъ „разъясненій“ и „толкованій“. Права безапелляціонно разъяснять законъ высшіе представители мѣстной власти лишены, и потому они безъ всякихъ сложныхъ юридическихъ разсужденій просто примѣняютъ его такъ, какъ понимаютъ, а понимаютъ такъ, какъ понимать имъ желательно и удобно. Низшіе же агенты власти поступаютъ еще проще: подъ прикрытіемъ борьбы съ революціей, безудержно отдаются своимъ инстинктамъ—кто корыстнымъ, кто честолюбивымъ, кто инстинктамъ животной злобы и мстительности. А гдѣ нѣтъ агентовъ власти—въ деревняхъ—тамъ все больше и больше развивается дикій самосудъ толпы. Такова эволюція насажденія законности сверхзаконными способами.

Дѣйствія генерала Думбадзе, ввозъ изъ-за границы нелегальной литературы жандармскимъ офицеромъ, провокаціонное инсценированіе экспроприацій и сожженіе людей, заподовѣнныхъ въ „политикѣ“ и въ поджогахъ, о чемъ мы писали въ прошломъ мѣсяцѣ, — все это явленія одного порядка. Явленіе того же порядка—дѣятельность начальника кievской сыскной полиціи Асланова. Онъ тоже „съ мерзавцами не миנדальничалъ“ и не стѣснялся „называть вещи, своими именами“. Въ приказахъ по сыскной полиціи онъ обращался къ подчиненнымъ на такомъ, наиримѣръ, языкѣ: „Подлые мерзавцы! Сколько разъ я говорилъ, чтобы каждая с—чь не перла съ нахрапу по гостиницамъ!“ „Помните, вору, что я буду безпощаденъ! Я требую отъ васъ, мошенниковъ, безусловной честности, а вы, с. с...“, и т. д. Онъ тоже не считался съ формализмомъ юриспруденціи... и создалъ, по выра-

женію корреспондента „Биржевыхъ Вѣдомостей“ (№ 10506) трѣсть преступниковъ, „высшей инстанціей котораго являлось сыскное отдѣленіе“. „Карманный ворюшка и блестящій клубный шуллеръ, фальшивомонетчикъ и содержатель игорнаго притона, грязный „домушникъ“, ворующій мокрое бѣлье съ чердаковъ, и кафешантанная „патапа“, завѣдующая притономъ разврата,—всѣ они являлись членами одной великой преступной семьи, цѣпкимъ спрутомъ охватившей весь городъ“.

Но какъ могъ до такой степени развить свою дѣятельность г. Аслановъ? На это корреспондентъ отвѣчаетъ: „Усиленная охрана была слишкомъ надежнымъ козыремъ въ рукахъ „преступнаго міра“, чтобы кто-нибудь осмѣлился поднять голосъ противъ трѣста преступниковъ. Изъ опасенія быть немедленно зарегистрированнымъ въ охранномъ отдѣленіи, какъ „политическій“, изъ опасенія внезапно увидѣть себя оплеченнымъ искусѣйшей сѣтью свидѣтельскихъ показаній, непровержимо доказывающихъ его связь съ какими-нибудь фантастическими боевыми организаціями,—киевлянинъ не смѣлъ пикнуть, когда его безстыдно обворовывали на улицѣ, когда воры врываются въ его квартиру, подъ предлогомъ обыска или судебного слѣдствія“.

Другой примѣръ. Въ Астрахани судили смотрителя тюрьмы, его племянника, нѣсколько надзирателей и „тюремнаго фотографа“. Съ яснымъ о томъ сознаніемъ или нѣтъ, но они, повидимому, не могли примириться съ ограниченностью установленныхъ закономъ средствъ раскрытія судебной правды, и, какъ только въ ихъ власть попалъ пересыльный арестантъ Ивановъ, они стали по-своему восполнять „недостатки“ устава уголовного судопроизводства. Они потребовали у него сознанія въ убійствѣ Титовыхъ, а затѣмъ стали сознаніе вымогать. Его били въ теченіе часа. Послѣ передышки, снова принялись бить. Били долго и систематично, съ перерывами, во время которыхъ выливали на голову ведро холодной воды. Били руками, ногами, револьверомъ и „болгарской кишкой“ — длиннымъ мѣшкомъ съ пескомъ. Били—пока передъ ними не оказался бездыханный трупъ.

Третій примѣръ заимствуемъ изъ корреспонденціи, напечатанной въ № 110 „Рѣчи“. 23 апрѣля, рано утромъ, крестьянинъ села Неплюевки, рыльского уѣзда, куреской губ., по фамиліи Чалыхъ, уѣхалъ на армярку въ село Ольховку, а его жена отправилась куда-то въ гости, такъ что дома у него никого не было. Какъ разъ въ это время у крестьянина Шенелева была обнаружена пропажа трехъ мѣшковъ ржи изъ пуня, и, по принятому деревенскому обычаю, „понятые“ начали обыскивать крестьянскіе дворы. Пропавшій мѣшокъ съ рожью найденъ былъ во дворѣ отсутствующаго Чалыхъ, и подозрѣніе въ кражѣ этого мѣшка пало на него. За Чалыхъ немедленно поѣхали.

Когда его привезли, началось истязаніе. Староста, десятскіе и потерпѣвшій „били Чалыхъ палками по головѣ, по лицу, клали его спиной вверхъ и буквально ходили по немъ, а когда онъ кричалъ,—затыкали ему ротъ грязью и били поочередно шеворнемъ по пяткамъ“.

Чалыхъ не выдержалъ страданій и сказалъ, что укралъ онъ. Тогда истязанія удвоились: отъ него требовали, чтобы онъ назвалъ сообщниковъ. Ему забивали гвозди въ пятки. Уже съ слабыми признаками жизни, Чалыхъ указалъ, какъ на своего сообщника, на крестьянина Алексѣя Босыхъ. Принялись мучить Босыхъ. Несчастный скоро почувствовалъ приближеніе смерти и попросилъ привести къ нему священника, чтобы приобщиться святыхъ таинъ...

— „А вотъ я тебя самъ приобщу!..—дивично отвѣтилъ староста и, обмакнувъ помазокъ въ деготь, всунулъ его въ ротъ Босыхъ.

— „Приобщается рабъ божій!..—приговаривалъ при этомъ староста.

„Въ послѣдній разъ онъ началъ бить Босыхъ и билъ его такъ, что тотъ испустилъ духъ подъ ударами старосты. Умершаго Босыхъ истязатели обмыли и, честь честью, положили его на лавку, въ полной увѣренности, что имъ ничего не будетъ за убійство, а напротивъ, похвалятъ за „смѣтку“ и выдадутъ награду.

— „Собаки собачья и смерть!—замѣчали представители власти— не воровалъ бы, да не грубилъ бы начальству!.. Намъ начальство сказывало, что коли убьешь крамольника, али вора — награда будетъ“...

Конечно, начальство имъ этого не говорило. Но въ деревнѣ тоже вѣдь живутъ люди, которые видятъ, слышатъ и наблюдаютъ. И у нихъ не могло не создаться представленія, что такова воля „начальства“...

10 мая скончался на 87-мъ году жизни, въ своемъ родовомъ имѣніи, въ сельцѣ Прямухинѣ, новоторжскаго уѣзда, тверской губерніи, Александръ Александровичъ Бакунинъ. Всей образованной Россіи и далеко за ея предѣлами хорошо извѣстно имя брата покойнаго, Михаила Александровича Бакунина. Среди изучавшихъ прошлое нашего земства также болѣе знаютъ имя его другого, давно умершаго, брата, Павла Александровича — энергичнаго и стойкаго земца первыхъ лѣтъ жизни земскихъ учрежденій. Александръ Александровичъ не былъ и тѣмъ Бакунинымъ, который принадлежалъ къ мировымъ посредникамъ перваго призыва тверской губерніи. Это былъ его третій братъ—Николай Александровичъ. Александра Александровича, по условіямъ его жизни и дѣятельности, близко и хорошо

знали лишь непосредственно сталкивавшіеся и встрѣчавшіеся съ нимъ. Тѣмъ не менѣе, онъ сыгралъ выдающуюся роль въ созиданіи на развалинахъ крѣпостного быта русской общественности — его любимое слово, — той общественности, которая, несмотря ни на что, если еще не привела, то уже скоро приведетъ насъ къ торжеству гражданской свободы и къ правовому укладу.

Авторъ настоящихъ строкъ хорошо помнитъ, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ и услышалъ покойнаго. Это было въ Твери, въ 1895 г., во время бурнаго дворянскаго собранія. Обсуждалось предложеніе одновременно скончавшагося съ Бакунинымъ П. А. Корсакова — довести до свѣдѣнія верховной власти о „невозможныхъ“ отношеніяхъ, установившихся въ губерніи между дворянствомъ и администраціей. Послѣ С. В. и Е. В. де-Роберти и И. И. Петруневича поднялась сторбленная фигура высокаго старца, съ бѣлой большой головой, въ выпѣвшемъ отъ времени дворянскомъ мундирѣ, украшенномъ солдатскимъ георгіемъ... Онъ началъ говорить тихо, глухимъ, надтреснутымъ голосомъ. Но по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, и голосъ становился тверже, и, главное, приковывала вниманіе кристальная ясность мысли много думавшаго человѣка. Онъ звалъ слушающихъ не скользить по поверхности проходящихъ передъ глазами явленій и не отдаваться фактамъ въ ихъ внѣшнемъ, мимолетномъ значеніи. Онъ призывалъ къ вдумчивости, къ обобщеніямъ. Онъ негодовалъ не за сегодняшний день, а за день грядущій. И онъ передавалъ свою непоколебимую вѣру въ этотъ грядущій день, который можно отдалить, но который не можетъ не наступить... Потомъ намъ доводилось десятки разъ слышать вдохновенное, всегда прочувствованное и продуманное слово Бакунина. И въ самые тяжелые моменты земской жизни, когда казалось, что вести дальше борьбу невозможно, оно вливалось въ душу неизмѣнное успокоеніе, — то высшее бодрящее успокоеніе, которое даетъ вѣра въ идейную и реальную правоту дѣла.

Въ русскомъ земствѣ сложились два типа земцевъ, одинаково глубоко проникнутыхъ преданностью земскому дѣлу. Мы говоримъ, конечно, только о земцахъ въ истинномъ смыслѣ понятія и исключаемъ то еще недавнее земское меньшинство, нынѣ обратившееся въ подавляющее большинство, для котораго не было и нѣтъ земскаго дѣла, а были и есть сословно-классовые интересы крупнаго землевладѣнія и всепоглощающая измѣнчивая воля „начальства“. Одинъ типъ — земскіе работники, знатоки закона, смѣтъ и техники устройства и веденія школъ, больницъ, статистическихъ изслѣдованій, агрономической помощи. Другой — люди земской идеи. А. А. Бакунинъ принадлежалъ во второму типу. Каждый практическій вопросъ онъ оцѣни-

валъ съ идейной точки зрѣнія. Прежде чѣмъ подать свой голосъ въ пользу того или иного рѣшенія о любомъ ассигнованіи и о любомъ предложеніи, онъ пытался установить для себя съ полной ясностью и опредѣленностью внутренній смыслъ рѣшенія. Но этого мало. Онъ пытался и никогда не уставалъ настаивать, чтобы и другіе также ни на минуту не забывали идейныхъ цѣли и задачъ земскаго самоуправленія. Эта его настойчивость въ обобщеніяхъ порою тяготѣла. Порою онъ казался доктринеромъ, отнимающимъ время. Но онъ доктринеромъ не былъ и служилъ живою совѣстью для тверскихъ земцевъ. Стыдно было не прѣхать на земское собраніе изъ Петербурга или изъ Москвы въ вагонѣ желѣзной дороги, когда всѣ знали, что восьмидесятилѣтній Бакунинъ будетъ ѣхать сорокъ верстъ въ морозъ и вьюгу на лошадяхъ. Только болѣзнь, лишавшая возможности двигаться, могла заставить его не быть къ открытію земскаго собранія. Въ уздахъ, далекихъ отъ Торжка, если проходило рискованное рѣшеніе, спрашивали: „а что скажетъ Бакунинъ?“ Бакунинъ былъ живою совѣстью для друзей. Онъ былъ живымъ узоромъ совѣсти для земской реакціи. Онъ не уважалъ тѣхъ, кто шлі въ земскія собранія для противодѣйствія созиданію общественности. И онъ не скрывалъ своихъ чувствъ. Онъ не подчеркивалъ ихъ, но тѣ, кого Бакунинъ не уважалъ, это знали. Они были полны злобы противъ него. Только ихъ злоба была бессильна. Можно ли мстить неуязвимо чистому человѣку?.. Реакція въ 1906 г. закрыла передъ А. А. Бакунинимъ двери земской дѣятельности: новоторжскіе дворяне-помѣщики забаллотировали его, и онъ пересталъ быть земскимъ гласнымъ. Этимъ реакція, очевидно, хотѣла ему отомстить, но больно на всю Россію ударила не его, а себя...

Профессоръ въ ранней молодости, потомъ инженеръ въ Севастополѣ, потомъ гарибальдеецъ, А. А. Бакунинъ до конца дней сохранилъ, мало сказать, интересъ къ общественнымъ вопросамъ: общественными вопросами онъ жилъ. На его долю выпало исключительно много личнаго горя. Но не утѣшенія искалъ онъ въ общественномъ служеніи: оно стояло для него надъ личной жизнью и независимо отъ нея...

Павель Асипкритовичъ Корсаковъ скончался двумя днями раньше, въ Петербургѣ. Онъ не былъ деревенскимъ отшельникомъ, какъ Бакунинъ, не отдавалъ своего общественнаго служенія исключительно земству и умеръ полный энергіи и силъ, когда общество еще могло отъ него ждать очень и очень многого. Его общественная дѣятельность была разностороння. Послѣ окончанія университетскаго курса, П. А. Корсаковъ служилъ недолго въ судебномъ вѣдомствѣ, затѣмъ былъ чле-

номъ тверской губернской земской управы, затѣмъ—управляющимъ петербургской казенной палатой, а послѣднія двѣнадцать лѣтъ стоялъ во главѣ одного изъ крупныхъ промышленныхъ банковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если не ошибаемся, съ самаго возникновенія петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, П. А. былъ безсмѣннымъ товарищемъ предсѣдателя комитета общества доставленія средствъ курсамъ—того комитета, которому курсы обязаны и открытіемъ, и существованіемъ. Но, несмотря на всю разносторонность его дѣятельности, если попытаться охарактеризовать Корсакова однимъ словомъ, то невольно вырвется: землецъ!

Его основныя симпатіи, какъ сложились въ ранней молодости, такъ и остались до конца дней тамъ, гдѣ велось великое дѣло культурно-общественнаго воспитанія гражданъ изъ вчерашнихъ рабовъ. Въ противоположность Бакунину, Корсаковъ былъ землецъ дѣлового типа. Онъ изучилъ и зналъ хозяйственную сторону земскаго дѣла во всѣхъ деталяхъ. Онъ зналъ цѣну собираемой съ крестьянъ земской копѣйки. Но въ то же время онъ всегда умѣлъ различать, гдѣ копѣйку надо беречь и гдѣ грѣшно останавливаться передъ расходами. Въ нужныя минуты въ Корсаковѣ, въ земцѣ-практикѣ, выросталъ убѣжденный и стойкій представитель земской идеи. Такъ, въ 1895 г. онъ былъ инициаторомъ отмѣченнаго выше „бунта“ тверскихъ дворянъ. Въ 1906 г. онъ оказался однимъ изъ немногихъ старыхъ тверскихъ земскихъ работниковъ, прошедшихъ въ уѣздные и въ губернскіе гласные, и онъ взялъ на свои плечи трудную задачу спасенія дорогой ему идеи отъ стараній реакціи вырвать ее съ корнемъ.

И въ частной жизни, и въ общественной дѣятельности, характерной чертой покойнаго была скромность. Корсаковъ охотно ступивалъ себя, если считалъ, что другіе не хуже его исполнять дѣло. Не обладая ораторскимъ талантомъ, онъ, будучи выборщикомъ въ первую Думу и во вторую, кандидатуры своей не выставлялъ. Вообще, по отношенію къ политическому движенію послѣднихъ лѣтъ, покойный былъ скептикомъ, подвергавшимъ въ средѣ близкихъ людей суровой критикѣ ихъ горячность, ихъ пламенныя надежды и ихъ неустойчивость. И теперь, когда схлынула волна общественнаго подъема, часто приходилось вспоминать его слова...

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Высочайше утвержденного Комитета по устройству въ Москвѣ Музея 1812 года.

По мысли Императора Александра I-го воздвигнуть въ Москвѣ храмъ Христа Спасителя въ память двѣнадцатаго года, но до сего времени не осуществлена мысль и пожеланіе того же Императора воздвигнуть другой памятникъ, имѣющій вещественную связь съ событиями Отечественной войны.

Нынѣ съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія въ Москвѣ учрежденъ Комитетъ по устройству Музея 1812 года. Музейъ этотъ будетъ посвященъ памяти Отечественной войны. Все относящееся до участниковъ и свидѣтелей этой войны, все относящееся до пребыванія французской арміи и все связанное съ могучимъ подъемомъ народныхъ силъ въ эту знаменательную въ жизни Россіи годину, все это должно найти себѣ мѣсто въ Москвѣ, въ стѣнахъ новаго хранилища народной славы. Предки наши принесли въ 1812 году безпримѣрныя жертвы для блага и спасенія Родины. Наши жертвы должны явиться данью уваженія памяти ихъ великихъ лѣтній для увѣковѣченія славнѣйшихъ событій Русской Исторіи. Къ близящемуся столѣтію двѣнадцатаго года желательно видѣть Музейъ оконченнымъ, заполненнымъ и открытымъ.

Помощь нужна всяческая. Нужны и деньги прежде всего, дорога всякая копѣйка добротная, но и нужна помощь въ собираніи всякихъ вещей, книгъ, записокъ участниковъ войны, картинъ во всѣхъ ихъ видахъ и всего имѣвшаго касательство до Отечественной войны. Если у кого лично ничего не найдется, то онъ, можетъ быть, укажетъ Комитету, гдѣ у кого что сохранилось.

Комитетъ покорнѣе проситъ всѣ послышки и сообщенія направлять непосредственно по указанному ниже адресу; туда же проситъ онъ направлять и денежныя пожертвованія. Для удобства жертвователей деньги могутъ вноситься и во всѣ мѣстныя казначейства, отдѣленія Государственнаго банка и Государственныя сберегательныя кассы, на имя Комитета.

Свѣдѣнія о пожертвованіяхъ будутъ публиковаться Комитетомъ ежемѣсячно.

Комитетъ помѣщается: Москва, Чернышевскій переулокъ, домъ Московскаго Генераль-Губернатора.

Предсѣдатель Комитета: генераль-отъ-инфантеріи Владиміръ Гавриловичъ Глазовъ.

Перечень предметовъ, особо желательныхъ для Музея 1812 года въ Москвѣ.

- 1) Портреты героевъ, военачальниковъ и дѣятелей 1812 года русскихъ и иностранныхъ.
 - 2) Бюсты, статуи отдѣльныхъ лицъ, боевыя группы и другія скульптурныя произведенія.
 - 3) Военныя карты и планы полей сраженія и похода.
 - 4) Картины: масляныя, акварели, рисунки, эстампы, гравюры, литографіи сраженій и отдѣльныхъ эпизодовъ, а также виды мѣстности.
 - 5) Манекены воиновъ двѣнадцатаго года русскихъ и иностранныхъ.
 - 6) Боевое оружіе и снаряды.
 - 7) Трофеи разнаго рода и модели памятниковъ.
 - 8) Вещественныя памятники: ордена, медали, мундиры, предметы снаряженія, деньги и другіе предметы.
 - 9) Различныя воззванія, афиши и объявленія. Ассигнаціи Наполеона.
 - 10) Рукописи, мемуары, письма, документы и записки, принадлежащія участникамъ эпохи.
 - 11) Книги, брошюры, газеты русскія и иностранныя, атласы и вообще печатныя изданія эпохи.
 - 12) Каррикатуры, лубочныя изданія, игральныя карты, посуда, стекло, фарфоръ съ изображеніями лицъ 1812 года и прочіе предметы, не вошедшіе въ предшествующіе пункты, но имѣющіе отношеніе къ эпохѣ приснопамятнаго года.
- Въ Музей также принимаются предметы, относящіеся къ годамъ 1811, 1813 и 1814 и имѣющіе непосредственную связь съ Отечественной войной 1812 года.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

Май — Іюнь, 1908.

Книга пятая. — Май.

	стр.
Отрывки изъ воспоминаній.—І-У.—А. Θ. КОНИ.	5
БРЕТОНСКІЯ ЛЕГЕНДЫ.—І. СОКОЛЬ.—ІІ. ПОДМЪННЪ.—К. БАЛЬМОНТА	58
ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬВИЧЪ СТАСОВЪ.—Очеркъ жизни его и дѣятельности.— XIX-XXII.—Окончаніе.—ГРИГОРІЯ ТИМОФЕЕВА	64
Изъ жизни МАКАРЕИ.—Повѣсть.—СЕРГЪЯ СЕМЕНОВА	101
Изъ стихотвореній СЮЛКИ-ПРЕДОМА.—10. И теперь.—11. Идеаль.—12. Колы- бели.—13. Когда бъ я Богомъ былъ.—14. Былое.—15. Встрѣча.— Съ франц. С. ПИНУСЪ	153
ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬВИЧЪ ВЕРЕЩАГИНЪ.—По личнымъ воспоминаніямъ.—ІІ.— Окончаніе.—А. В. ЖИРКЕВИЧА	157
„ОНА ЛЮБИЛА“.—Эскизъ по польскому роману Стеф. Жеромскаго: „Dzieje gtzeschu“.—Л. А.—ВЪ	191
Изъ современныхъ нѣмецкихъ поэтовъ.—І. Г. Вольке: Молитва.—ІІ. В. Блют- генъ: 1. Колыбельная. 2. Смерть дѣвочки.— Съ нѣм. О. ЧЮМИНА	241
ПОЛИТИКА РАЗРУШЕНІЯ ВЪ АГРАРНОМЪ ВОПРОСѢ.—Законъ 9 ноября 1906 г.—А. С. ПОСНИКОВА	243
МИНИ.—Повѣсть Андрѣ Лихтенберге.—„Minnie“, par André Lichtenberger. —IV-VI.—Окончаніе.— Съ франц. О. Ч.	268
СТИХОТВОРЕНІЯ.—І. Юношамъ.—ІІ. Въ альбомъ.—В. ЛИХАЧОВА	302
ТАЙНЫЙ АГЕНТЪ.—Романъ.—Joseph Conrad, The Secret Agent.—IV-VI.—Съ англ. Э. В.	304
АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.—Поэзія „цвѣтущей старости“.— К. К. АРСЕНЬЕВА	353
ПАМЯТИ А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА.—Стих. П. А. ТУЛУБА	369
ХРОНИКА.—Роспись государственныхъ доходовъ на 1908 г.—В. В. ВНУТРЕННЕ ОВОЗРѢНІЕ.—Характерный эпизодъ бюджетныхъ преній.—Истори- ческая справка.—Внѣ-думскія вліянія.—Конституціонныя формы и анти-конституціонное содержаніе.—Степень внутренней силы, обнару- живаемой Государственной Думою.—Союзъ 17-го октября, „свобода“ и избирательное право.—„Признаки времени“ въ центрѣ и на окраинахъ	390
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОВОЗРѢНІЕ.—І. Выборгскій процессъ. Иллюстрированное изда- ніе.—Л. С.—ІІ. Промышленный капитализмъ въ Россіи, С. С. Зака.— ІІІ. Иванъ Янжулъ, Какъ англичане критикуютъ свои государственные расходы.—IV. В. В. Громанъ, Организациіи работодателей въ Германіи. —У. К. А. Пажитновъ, Положеніе рабочаго класса въ Россіи.—В. В. —Новыя книги и брошюры	409
ЗАМѢТКА.—Новыя странички изъ воспоминаній А. Θ. Кони.— НЕСТОРА КОТЛЯРЕВСКАГО	431
ИНОСТРАННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.—Политическія перемены въ Англіи.—Новый премьеръ Аскитъ и его министерство.—Жизнь и дѣятельность Кембелла-Баннер- мана.—Герцогъ Девонширскій.—Иностранная политика въ Государ- ственной Думѣ.—Новыя международныя соглашенія	437
НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—Emile Zola, Correspondance (Les lettres et les arts).—Э. В.	449
Изъ Овщественной Хроники.—Свѣтлый праздникъ.—Психически больное село. —Два примѣра изъ административной практики.—Д. И. Суботичъ о доходахъ въ пользу постройки амурской дороги.—Законопроектъ о контингентѣ новобранцевъ.—Недоборы.—Воинская повинность и ино- родцы; освобожденіе отъ нея евреевъ и привлеченіе финляндцевъ.— Н. П. Дневничъ ꙑ	458
Библиографическій Листокъ.	

Книга шестая. — Июнь.

	стр.
Портсмутъ. — Очеркъ. — I-V. — М. М. КОВАЛЕВСКАГО	478
Итоги. — Посмертное стихотвореніе. — А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА	513
ПАМЯТИ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА ЖЕМЧУЖНИКОВА. — I-VII. — Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО	514
ПЕЧАЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ. — Изъ Ф. Коппе. — Съ франц. В. Н.	539
ВЪ СТЕПЯХЪ СЪВЕРНАГО КАВКАЗА. — Очерки. — I-III. — С. И. ВАСЮКОВА	547
НА МЕРТВОМЪ ЯКОРѢ. — Повѣсть. — I-XIV. — В. УМАНОВА-КАШУНОВСКАГО	571
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ ВЪ АНГЛІИ И ЕЯ РУКОВОДИТЕЛИ. — I-VI. — С. И. РАПОПОРТА	619
Изъ стихотвореній Свѣтлѣ-Продома: — 16. Потомъ. — 17. Здѣсь. — 18. На Набережной. — 19. — Мое небо. — Съ франц. С. ПИНУСЬ	641
ПРИДКИ. — Романъ Джертруди Асертоузъ. — „Ancestors“, by G. Atherton. — Часть первая. — I-XII. — Съ англ. О. Ч.	645
СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРИИ НАШЕЙ ПОЛИТИКИ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ. — А. С.—Ъ	685
БРЕТОНСКІЯ ЛЕГИОНА. — III. Соловей. — IV. Владыка Навъ и Горригана. — К. ВАЛЬМОНТА	699
ТАЙННЫЙ АГЕНТЪ. — Романъ. — Joseph Conrad, The Secret Agent. — VII-XIII. — Окончаніе. — Съ англ. З. В.	704
ПОУЧЕНІЯ О НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ. — А. Θ. КОНИ	778
ХРОНИКА. — ВЪВОРНИЙ МИРОВОЙ СУДЪ И ЕГО ОРГАНИЗАЦІЯ. — Б. К. АРСЕНЬЕВА	796
Внутреннее Овозраженіе. — Союзъ 17-го октября въ третьей Государственной Думѣ. — Лѣвне и правые октябристы. — Железнодорожная „анкета“. — Предѣлы власти председателя Думы. — Законопроектъ о контингентѣ и еврей. — Пренія по финляндскому вопросу. — Учащавшіяся обращенія къ угрозамъ и къ грубой силѣ. — Способн ихъ предупрежденія. — Полемика между „Рѣчью“ и „Русью“. — Объясненіе генерала Думбадзе	807
Литературное Овозраженіе. — Сочиненія Пушкина, т. II. — П. Т. Соколовская, Русское масонство. — III. Ссылкныя и заточенныя въ острогъ Соловецкаго монастыря, въ XVI—XIX в.в. М. Колчина. — IV. В. Вересаевъ, На войнѣ. — V. Г. Василевскій, Интеллигентная земледѣльская община Криница. — VI. Шаломъ Анъ, Разсказы. — VII. Ив. Бунинъ, т. IV. — М. Г. — VIII. Эд. Вершттейнъ, Исторія рабочаго движенія въ Берлинѣ. — IX. Финансы Россіи въ связи съ экономическимъ положеніемъ ея населенія, С. С. Х. — X. А. Кауфманъ, Аграрный вопросъ въ Россіи, вып. I. — XI. П. Осадчій, Почтовня, телеграфня и телефоння сообщенія въ Европѣ. — В. В. — Новыя книги и брошюры	828
Иностранное Овозраженіе. — Причины политическаго безпокойства въ Европѣ. — Германія и мароккскій вопросъ. — Личныя слабости и увлеченія императора Вильгельма II. — Поездка союзныхъ германскихъ государей въ Вѣну. — Австрійскія дѣла. Президентъ Фальеръ въ Англіи и англо-французскій союзъ	861
Новости Иностранной Литературы. — Anatole France, Vie de Jeanne d'Arc. — З. В.	871
Замѣтка. — Исторія Испаніи въ историческихъ романахъ Пьерса Гальдоса. — Л. ШЕПЕЛЕВИЧА	881
Изъ Общественной Хроникки. — Эпизодъ виборгскаго процесса. — Независимость судебной власти и депутатская неприкосновенность. — Дѣяствія генерала Думбадзе въ его собственномъ изложеніи. — Свообразное пониманіе законности вверху и его отраженіе внизу. — А. А. Балунинъ и П. А. Корсаковъ †	885
Извѣщенія. — Отъ Высочайше утвержденаго Комитета по устройству въ Москвѣ Музея 1812 года	901
Библиографическій Листокъ. — Авт. Онксъ, проф., Исторія политической экономіи до Адама Смита. — Шарль Диль, Юстиніанъ и Византійская цивилизація въ VI-мъ вѣкѣ. — Н. В. Гоголь, Н. Котляревскаго. — „Кругъ Свѣта“, состав И. Горбуновъ-Посадовъ, ч. 2-я: По Европѣ. — В. Селвичъ, Древности Русскаго Права	

Проф. Авг. Овсяннъ. Исторія политическоя экономіи до Адама Смита. Перев. съ нѣм. студентами Сиб. Политехническаго института, и, р. доп. М. В. Перицаго, съ предисловіемъ проф. А. С. Посинкова. Сиб., 908. Стр. 494. Ц. 2 р. 50 к.

Книга проф. бернскаго университета Августа Ойкена существенно отличается отъ обычныхъ трактатовъ по исторіи политическоя экономіи: авторъ не довольствуется простымъ изложеніемъ фактовъ, догматъ и характеристикой взглядовъ тѣхъ или другихъ писателей-экономистовъ, а добываетъ до источниковъ ихъ основныя идеи, ставитъ послѣднія въ связь съ историческими условіями и для объясненія этой связи уделяетъ много мѣста такимъ подробностямъ литературы и быта, которыя обыкновенно ускользаютъ отъ вниманія теоретиковъ. Эти интересныя подробности дѣлаютъ чтеніе книги не только поучительнымъ, но и въ высшей степени занимательнымъ, и мы не сомнѣваемся, что трудъ проф. Овсянна встрѣтитъ сочувственную оцѣнку среди нашей образованной читающей публики, ищущей новыхъ знаній. Книга представляетъ дѣльное пособие для всѣхъ интересующихся исторіей эконолическихъ ученій, и въ этой отношеніи выбора, сдѣланный А. С. Посинковымъ, долженъ быть признанъ безусловно удачнымъ. Между прочимъ, въ книгѣ приложены художественно исполненные снимки съ двухъ старинныхъ таблицъ, наглядно изображающихъ эконолическое ученіе Коза.

В. Окуневскій. Древности Русскаго Права. Т. II: Вѣче и Бѣль, Свѣдѣнія Книжа. Изд. 3-е, съ поправками и дополненіями. Сиб., 908. Ц. 3 р.

Мы имѣли уже случай упомянуть о настоящемъ трудѣ, по поводу предшествовавшихъ его изданій, а потому ограничимся указаніемъ на то, что отличаетъ данное третье изданіе отъ предшествовавшихъ: въ немъ «во дворянѣ» признаны предварительными и составили особый отдѣлъ въ этой главѣ; присоединена особая глава, съ описаніемъ вѣчевыхъ собораній у германцевъ и тевтоновъ; и, наконецъ, въпрестъ о стариннѣшнихъ пискахъ вслѣдъ переработанъ.

Шарль Диль.—Юстиніанъ и Византійская цивилизація въ VI-мъ вѣкѣ. Перев. съ франц. Сиб., 908. Стр. 687. Ц. 5 руб.

Имя Юстиніана называетъ собой болѣе половины VI-го вѣка нашей эры, и, вѣдѣтъ съ тѣмъ, его время является эпохою воднаго расцвѣта византійской образованности. Авторъ внимательно вникъ въ труды изслѣдателя и сопоставилъ важныя пробѣлы въ историческоя литература, а именно отсутствіе такого изслѣдованія, которое «оскресило бы въ одной картинѣ, интересной даже для тѣхъ, кто не обладаетъ достаточной эрудиціей, живописный образъ восточнаго византійскаго общества». Дѣйствительно, въ этой обширной монографіи читатель увидѣтъ, прежде всего, всю обстановку константинопольскаго двора той эпохи, съ изображеніемъ характерныхъ личностей, вступавшихъ Юстиніана и сущности его жизни, влѣтѣвшаго вѣдѣ имъ самимъ, знаменитую въ

дѣтствѣхъ того времени Теодору. Для иллюстраціи общественной жизни того времени, авторъ ввелъ въ свое изслѣдованіе картины и сцены городской жизни, и при этомъ помѣстилъ свыше 200 рисунковъ, дающихъ наглядное понятіе о предметахъ, составлявшихъ обстановку повседневной тогдашней жизни, вѣдѣтъ съ различныя миниатюрами изъ свѣдѣній Визбитъ. Въ своемъ заключеніи авторъ приводитъ слѣдующія разнообразныя отзывы о Юстиніанѣ и его времени — иногда прямо протавомыслимы.

Николай Васильевичъ Гоголь. 1820 — 1842 г.г. Открытїе изъ исторіи русской науки и драмы. Пѣстора Котляревскаго. 2-е изд. Сиб., 908. Стр. 680. Ц. 2 р. 50 к.

Авторъ, съ началъ своего довольно обширнаго труда, справедливо замѣчаетъ, что далѣе бы ни было уже много написано о такихъ выдающихся личностяхъ, какою былъ писатель Гоголь, — все еще немало всегда остается сказать о нихъ. Такъ, по мнѣнію автора, въ Биографіи Гоголя, изученной весьма подробно, все-таки необходимо пересмотрѣть особенно двухъ вопросовъ: необходимо, прежде всего, «установити съ возможною полнотой исторію вслѣдствія движеній этой загадочной души художника», а затѣмъ, «болѣе подробно изслѣдовать ту важную связь, которая объединяетъ творчество Гоголя съ творчествомъ предшествовавшихъ и современнѣшихъ ему писателей». Первую задачу авторъ считаетъ неразрѣшимой: такъ сложно и трудно объяснить были движенія души Гоголя; въ этой области кончили свои догадки. Но рѣшеніе второй задачи авторъ считаетъ не только возможнымъ, но и необходимымъ для правдыной оцѣнки литератураю и общественно-ю роли Гоголя.

— «Кривошъ Слетъ». Географическая эрестоматія. Состав. И. Горбуновъ-Посадковъ и Е. Горбуновъ. Ч. II: По Европѣ. Изд. 1-ий. М., 908. Ц. въ двухъ 2 р.

Первая часть этого изданія, являющаяся въ себѣ писаніемъ дѣтъ тому изданію, содержала въ себѣ общій обзоръ Зеленаго Шара и жизни на немъ; настоящій выпускъ второй части, посвященный европейскому матеріку, ограничивается Славянскими и Великобританіей. Во второй выпускъ составлены области Германіи, Франціи, Бельгіи и Голландіи, и, наконецъ, въ третью— Австро-Венгрію, Балканскій полуостровъ, Грецію, Италию, Испанію и Португалію. Первый выпускъ дѣтъ второе понятіе о системѣ писанія, которое, впрочемъ, хорошо выражено и въ самомъ его названіи: «Географическая эрестоматія». И дѣйствительно, это— богатый сборникъ отдѣльныхъ описаній каждой страны и извлеченій изъ различныхъ путешествій; все это дополняется многочисленными иллюстраціями (около 250) съ изображеніемъ описываемыхъ предметовъ или сценъ изъ жизни описываемаго края. Нѣтъ лучшего средства— заинтересовать учащихся географіей, которая болѣе того является обыкновенно собраниемъ массы именъ, названій, абстрактныхъ статистическими цифрами даваемыхъ, какъ имѣнно дѣтъ въ рублѣ упомянаго подобнаго географическаго «эрестоматія».

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1908 г.

(Сорокъ-третій годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемесячный журналъ исторіи, политики, литературы

выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ,
отъ 27 до 28 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Августъ	Январь	Апрѣль	Июль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	4 р. 90 к.	4 р. 90 к.	4 р. 90 к.	4 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкой	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ пересылкой, въ гост. вѣдомств. совѣтѣ	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За гравировку, въ гост. вѣдомств. совѣтѣ	10 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкой и пересылкой — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вместо разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по году годками: въ январѣ и въ июль, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, июль и октябрѣ, принимается — безъ повышенія годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

- въ Конторѣ журнала, В.-О., 5 л., 28;
- въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжн. маг. К. Ридлера, Невскій, 14; А. Ф. Цинцера, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфа, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ СІБІРЬ:

- въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатики, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

- въ книжномъ магазинѣ Н. П. Барбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печволовой, въ Петрипскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

- въ книжн. магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

- въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбышевскаго.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ означать съ себя: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ назначеніемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (НД) *допускается* названіе журнала, если быть членомъ учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Первоначальный адресъ* долженъ быть сообщенъ Конторѣ журнала одновременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики переходятъ въ иностранство, уплачивая 1 руб. — 3) *Изъясненіе* на несправность доставки представляется исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была слѣлана съ назначеніемъ новаго мѣстожительства, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не влечетъ за собою изданія слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на получение журнала высылаются Конторѣ только тѣмъ въ иностранствѣ или иностранныхъ подписчикамъ, которые прилагаютъ къ отпискѣ суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Получатель и главный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Сиб., Галерная, 30.

Вас.-Остр., 5 л., 25.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Петербургская-Сторона, Брновская ул., 31.

